

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. Slav 652.10 (73)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

57

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ.

ТОМЪ LXXIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1859

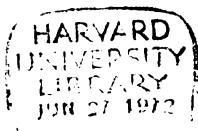
PSlav^Δ 652.10 (73)

✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Января 1 дня 1859 года.

Ценсоръ *Д. Мацневичъ.*

Kellin Tg

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

«На что душа рождена, того Богъ и далъ».

Кирша Даниловъ. Пѣсня о Князѣ Репнинѣ.

ГЛАВА I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру; небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ красиваго дома въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О.... (дѣло происходило въ 1842 году) сидѣли двѣ женщины, одна — лѣтъ пятидесяти, другая — уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ, — человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый, — умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетѣ, но, рожденный въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньги. Марья Дмитріевна вышла за него по любви; онъ былъ недуренъ собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезенъ. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Мос-

квѣ, въ институтѣ, и вернувшись оттуда, жила въ пятидесяти верстахъ отъ О...., въ родовомъ своемъ селѣ Покровскомъ, съ теткой да съ старшимъ братомъ. Братъ этотъ скоро переселился въ Петербургъ на службу и держалъ и сестру и тетку въ черномъ тѣлѣ, пока внезапная смерть не положила предѣла его поприщу. Марья Дмитриевна наслѣдовала Покровское, но не долго жила въ немъ; на второй же годъ послѣ ея свадьбы съ Калитинымъ, который въ нѣсколько дней успѣлъ покорить ея сердце, Покровское было промѣнено на другое имѣніе, гораздо болѣе доходное, но некрасивое и безъ усадьбы, — и въ тоже время Калитинъ приобрѣлъ домъ въ городѣ О..., гдѣ и поселился съ женою на постоянное жительство. При домѣ находился большой садъ; одной стороною онъ выходилъ прямо въ поле, за городъ. Стало быть, — рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины, — въ деревню таскаться не за чѣмъ. Марья Дмитриевна не разъ въ душѣ пожалѣла о своемъ хорошенькомъ Покровскомъ съ веселой рѣчкой, широкими лугами и зелеными рошицами; но она ни въ чемъ не прекословила мужу и благоговѣла передъ его умомъ и знаніемъ свѣта. Когда же, послѣ пятнадцатилѣтняго брака, онъ умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, Марья Дмитриевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ О....

Марья Дмитриевна въ молодости пользовалась репутаціей мнеленькой блондинки; и въ пятьдесятъ лѣтъ черты ея не были лишены пріятности, хотя немного распухли и сплылись. Она была болѣе чувствительна, нежели добра, и до зрѣлыхъ лѣтъ сохранила институтскія замашки; она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ея привычки; за то она была очень ласкова и любезна, когда всѣ ея желанія исполнялись и никто ей не прекословилъ. Домъ ея принадлежалъ къ числу пріятнѣйшихъ въ городѣ. Состояніе у ней было весьма хорошее, не столько наслѣдственное, сколько благопріобрѣтенное мужемъ. Обѣ дочери жили съ нею; сынъ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Старушка, сидѣвшая съ Марьей Дмитриевной подъ окошкомъ, была та самая тетка, сестра ея отца, съ которой она провела нѣкогда нѣсколько уединенныхъ лѣтъ въ Покровскомъ. Звали ее Марьей Тимофеевной Пестовой. Она слыла чудачкой, нравъ имѣла независимый, говорила всѣмъ правду въ глаза и

при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. Она терпѣть не могла покойнаго Калитина, и какъ только ея племянница вышла за него за-мужъ, удалилась въ свою деревушку, гдѣ прожила цѣлыхъ десять лѣтъ у мужика въ курной избѣ. Марья Дмитріевна ея побандалась. Черноволосая и быстроглазая даже въ старости, маленькая, остроносая, Марѳа Тимофеевна ходила живо, держалась прямо и говорила скоро и внятно, тонкимъ и звучнымъ голосомъ. Она постоянно носила бѣлый чепецъ и бѣлую кофту.

— О чемъ ты это? спросила она вдругъ Марью Дмитріевну. О чемъ вздыхаешь, мать моя?

— Такъ! промолвила та. — Какія чудесныя облака!

— Такъ тебѣ ихъ жалко, что ли?

Марья Дмитріевна ничего не отвѣчала.

— Что это Гедеоновскій нейдетъ? проговорила Марѳа Тимофеевна, проворно шевеля спицами. (Она вязала большой шерстяной шарфъ). Онъ бы повздыхалъ вмѣстѣ съ тобою, — не то, совралъ бы что нибудь.

— Какъ вы всегда строго о немъ отзываетесь! Сергій Петровичъ — почтенный человѣкъ.

— Почтенный! повторила съ укоризной старушка.

— И какъ онъ покойному мужу былъ преданъ! проговорила Марья Дмитріевна: — до сихъ поръ вспомнить о немъ равнодушно не можетъ.

— Еще бы! тотъ его за уши изъ грязи вытащилъ, проворчала Марѳа Тимофеевна, и спицы еще быстрее заходили въ ея рукахъ.

— Глядитъ такимъ смиренникомъ, начала она снова, — голова вся сѣдая, а что ротъ раскроетъ, то солжетъ или насмѣется. А еще статскій совѣтникъ! Ну, и то сказать: поновичъ!

— Кто же безъ грѣха, тетушка? Эта слабость въ немъ есть, конечно. Сергій Петровичъ воспитанія, конечно, не получилъ, по-французски не говоритъ; но онъ, воля ваша, пріятный человѣкъ.

— Да, онъ ручки у тебя все лижетъ. По-французски не говорить, — ака бѣда! Я сама не сильна во французскомъ «діалектѣ». Лучше бы онъ ни покаковски не говорилъ: не лгалъ бы. Да вотъ онъ, кстати, легокъ на поминъ, прибавила Марѳа Тимофеевна, глянувъ на улицу. — Вотъ онъ шагаетъ, твой пріятный человѣкъ. Экой длинный, словно аистъ!

Марья Дмитріевна поправила свои локоны. Марѳа Тимофеевна съ усмѣшкой посмотрѣла на нее.

— Что это у тебя, никакъ съдой волосъ, мать моя? Ты поборни свою Палашку. Чего она смотритъ?

— Ужъ вы, тетушка, всегда.... пробормотала съ досадой Марья Дмитріевна и застучала пальцами по ручкѣ креселъ.

— Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій! пропищалъ краснощекій козачекъ, выскочивъ изъ-за двери.

ГЛАВА II.

Вошелъ человекъ высокаго роста, въ опрятномъ сюртукѣ, коротенькихъ панталонахъ, сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ и двухъ галстукахъ — одномъ черномъ сверху, другомъ бѣломъ снизу. Все въ немъ дышало приличіемъ и пристойностью, начиная съ благообразнаго лица и гладко причесанныхъ висковъ до сапоговъ безъ каблучковъ и безъ скрипу. Онъ поклонился сперва хозяйкѣ дома, потомъ Марѣ Тимофеевнѣ и, медленно ставивъ перчатки, подошелъ къ ручкѣ Марьи Дмитріевны. Поцаловавъ ее почтительно и два раза сряду, онъ сѣлъ не торопясь на кресла и съ улыбкой, потирая самые кончики пальцевъ, проговорилъ:

— А Елизавета Михайловна здоровы?

— Да, отвѣчала Марья Дмитріевна, — она въ саду.

— И Елена Михайловна?

— Леночка въ саду тоже. — Нѣтъ ли чего новенькаго?

— Какъ не быть-съ, какъ не быть-съ, возразилъ гость, медленно моргая и вытягивая губы. Гмъ!... да вотъ, пожалуйте, есть новость, и преудивительная: Лаврецкій Федоръ Ивановичъ пріѣхалъ.

— Одея! воскликнула Марѳа Тимофеевна. — Да ты, полно, не сочинишь ли, отецъ мой?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ самолично видѣлъ.

— Ну, это еще не доказательство.

— Очень поздоровѣли, продолжалъ Гедеоновскій, показывая видъ, будто не слышалъ замѣчанія Марѣ Тимофеевны. — Въ плечахъ еще шире стали, и румянецъ во всю щеку.

— Поздоровѣлъ, произнесла съ разстановкой Марья Дмитріевна; кажется, съ чего бы ему здоровѣть?

— Да-съ; возразилъ Гедеоновскій, — другой, на его мѣстѣ и въ свѣтъ-то показаться посовѣстился бы.

— Это отчего? перебила Марѳа Тимофеевна; это что за вздоръ? человѣкъ возвратился на родину — куда жъ ему дѣться прикажете? И благо онъ въ чемъ виноватъ былъ!

— Мужъ всегда виноватъ, сударыня, осмѣлюсь вамъ доложить, когда жена нехорошо ведетъ себя.

— Это ты, батюшка, оттого говоришь, что самъ женатъ не былъ. — Гедеоновскій принужденно улыбнулся.

— Позвольте полюбопытствовать, спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія, кому назначается этотъ миленькій шарфъ?

Марѳа Тимофеевна быстро взглянула на него. — А тому онъ назначается, возразила она, — кто никогда не сплетничаетъ, не хитритъ и не сочиняетъ, если только есть на свѣтѣ такой человѣкъ. Оею я знаю хорошо; онъ только тѣмъ и виноватъ, что баловалъ жену. Ну да и женился онъ по любви, а изъ этихъ изъ любовныхъ свадебъ ничего путнаго никогда не выходитъ, прибавила старушка, косвенно взглянувъ на Марью Дмитріевну и вставая. — А ты теперь, мой батюшка, на комъ угодно зубки точи, — хоть на мнѣ; я уйду, мѣшать не буду. — И Марѳа Тимофеевна удалилась.

— Вотъ она всегда такъ, проговорила Марья Дмитріевна, проводивъ свою тѣтку глазами, — всегда!

— Лѣта ихнія! Чтò дѣлать-съ! замѣтилъ Гедеоновскій. — Вотъ онѣ изволятъ говорить: кто не хитритъ. Да кто нонеча не хитритъ? — вѣкъ ужъ такой. — Одинъ мой пріятель, препотенный, и, доложу вамъ, не малаго чина человѣкъ, говаривалъ: что нонеча, молъ, курица — и та съ хитростью къ зерну приближается—всѣ норовить, какъ бы съ боку подойти.—А какъ погляжу я на васъ, моя барыня: нравъ то у васъ истинно ангельскій; пожалуйте-ка мнѣ вашу бѣлоснѣжную ручку.

Марья Дмитріевна слабо улыбнулась и протянула Гедеоновскому свою пухлую руку съ отдѣленнымъ пятымъ пальчикомъ. Онъ приложился къ ней губами, а она пододвинула къ нему свое кресло и, слегка нагнувшись, спросила въ полголоса: Такъ видѣли вы его? Въ самомъ дѣлѣ онъ — ничего, здоровъ, веселъ?

— Веселъ-съ, ничего-съ, возразилъ Гедеоновскій шопотомъ.

— А не слышали вы, гдѣ его жена теперь?

— Въ послѣднее время въ Парижѣ была-съ; теперь, слышно, въ итальянское государство переселилась.

— Это ужасно, право,—Одино положеніе; я не знаю, какъ онъ переносить. Случаются, точно, несчастья со всякимъ; но вѣдь его, можно сказать, на всю Европу распубликовали.

Гедеоновскій вздохнулъ.

— Да-съ, да-съ. — Вѣдь она, говорятъ, и съ артистами, и съ пѣнистами, и, какъ тамъ по ихнему, со львами да со звѣрями знакомство вела. Стыдъ потеряла совершенно.

— Очень, очень жалко, проговорила Марья Дмитріевна, по родственному. Вѣдь онъ мнѣ, Сергѣй Петровичъ, вы знаете, внучатный племянникъ.

— Какъ же-съ, какъ же-съ. Какъ мнѣ не знать-съ всего, что до вашего семейства относится? — Помилуйте-съ.

— Придетъ онъ къ намъ, — какъ вы думаете?

— Должно полагать-съ; а впрочемъ они, слышно, къ себѣ въ деревню собираются.

Марья Дмитріевна подняла глаза къ небу.

— Ахъ Сергѣй Петровичъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я подумаю — какъ намъ женщинамъ нужно осторожно вести себя!

— Женщина женщинъ розь, Марья Дмитріевна. Есть, къ несчастью, такія,—права непостояннаго... ну и лѣта; опять правила не внушены сызмала. — Сергѣй Петровичъ досталъ изъ кармана клѣтчатый синій платокъ и началъ его развертывать. — Такія женщины, конечно, бываютъ. — Сергѣй Петровичъ поднесъ уголъ платка поочередно къ своимъ глазамъ. — Но вообще говоря, если разсудить, то-есть.... Пыль въ городѣ необыкновенная, заключилъ онъ.

— *Матап, матап*, вскричала, вбѣгая въ комнату, смазливая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, — къ намъ Владиміръ Николаичъ верхомъ ѣдетъ!

Марья Дмитріевна встала; Сергѣй Петровичъ тоже всталъ и поклонился;—Еленѣ Михайловнѣ наше нижайшее, проговорилъ онъ и, отойдя въ уголокъ для приличія, принялся сморкать свой длинный и правильный носъ.

— Какая у него чудесная лошадь! продолжала дѣвочка.—Онъ сейчасъ былъ у калитки и сказалъ намъ съ Лизой, что къ крыльцу подъѣдетъ.

Послышался топотъ копытъ, и стройный всадникъ на красивомъ гнѣдомъ конѣ показался на улицѣ и остановился передъ раскрытымъ окномъ.

ГЛАВА III.

— Здравствуйте, Марья Дмитріевна! воскликнулъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ всадникъ. — Какъ вамъ нравится моя новая покупка?

Марья Дмитріевна подошла къ окну.

— Здравствуйте, *Woldemar*! Ахъ, какая славная лошадь! У кого вы ее купили?

— У ремонтера.... Дорого взялъ разбойникъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Орландомъ.... Да это имя глупо; я хочу переименовать....
Eh bien, eh bien, mon garçon.... Какой неугомонный!

Конь фыркалъ, переступалъ ногами и махалъ опѣенной мордой.

— Леночка, погладьте ее, не бойтесь....

Дѣвочка протянула изъ окна руку, но Орландъ вдругъ взвился на дыбы и бросился въ сторону. Всадникъ не потерялся, взялъ коня въ шенкеля, вытянулъ его хлыстомъ по шеѣ и, несмотря на его сопротивленіе, поставилъ его опять передъ окномъ.

— *Prenez garde, prenez garde*, твердила Марья Дмитріевна.

— Леночка, поласкайте его, возразилъ всадникъ; я не позволю ему вольничать.

Дѣвочка опять протянула руку и робко коснулась трепетавшихъ поздрей Орланда, который безпрестанно вздрагивалъ и грызъ удила.

— Bravo! воскликнула Марья Дмитріевна; а теперь слѣзьте и придите къ намъ.

Всадникъ лихо повернулъ коня, далъ ему шпоры и, проскакавъ короткимъ галопомъ по улицѣ, въѣхалъ на дворъ. Минуту спустя, онъ въѣжалъ, помахивая хлыстомъ, изъ двери передней въ гостиную; въ то же время на порогъ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая дѣвушка лѣтъ девятнадцати — старшая дочь Марьи Дмитріевны, Лиза.

ГЛАВА IV.

Молодой человекъ, съ которымъ мы только-что познакомили читателей, прозывался Владиміромъ Николаичемъ Паншинымъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ городъ О... онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабсъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человекъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и нервической дерготней въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и задушевнаго малаго. Несмотря на всю свою ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищеты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстроенное. Зато онъ, по-своему, позаботился объ его воспитаніи. Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо по-нѣмецки; но пускать въ ходъ германское слово въ нѣкоторыхъ, болѣе частью забавныхъ, случаяхъ — можно; *c'est même très chic*, какъ выражаются петербургскіе парижане. Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ не смущаясь войти въ любую гостиную, пріятно повертѣться въ пей и кстати удалиться. Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между двумя робберами или послѣ удачнаго «большаго шлема», онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ «Володькѣ» какому нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ. Съ своей стороны Владиміръ Николаичъ во время пребыванія въ университетѣ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента, познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали; онъ былъ очень недуренъ собою, развязенъ, забавенъ, всегда здоровъ и на все готовъ; гдѣ нужно — почтителенъ, гдѣ можно — дерзокъ, отличный товарищъ, *un charmant garçon*: завѣтная область раскрылась передъ нимъ. Паншинъ скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проныкнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ, умѣлъ

съ полунасмѣшливой важностью заниматься вздоромъ и показывать видъ, что почитаетъ все важное за вздоръ, — танцевалъ отлично, одѣвался по-англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и ловкихъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ, — не хуже отца; но онъ былъ также очень даровитъ. Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ. Ему всего пошелъ двадцать-восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою проницательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело, полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и воображалъ, что знаетъ людей, особенно женщинъ: онъ хорошо зналъ ихъ обыкновенныя слабости. Какъ человѣкъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ и жаръ, и нѣкоторое увлеченіе, и восторженность, и вслѣдствіе этого позволялъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, непринадлежавшими къ свѣту, и вообще держался вольно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитръ, и во время самага буйнаго кутежа, его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ: этотъ смѣлый, этотъ свободный юноша никогда не могъ забыть-ся и увлечься вполнѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ никогда не хвастался своими побѣдами. Въ домъ Марьи Дмитріевны онъ попалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ О.... и скоро освоился въ немъ совершенно. Марья Дмитріевна въ немъ души не чаяла.

Паншинъ любезно раскланялся со всѣми находившимися въ комнатѣ, пожалъ руку у Марьи Дмитріевны и у Лизаветы Михайловны, слегка потрепалъ Гедеоновскаго по плечу и, повернувшись на каблучкахъ, поймалъ Леночку за голову и поцаловалъ ее въ лобъ.

— И вы не боитесь ѣздить на такой злой лошади? спросила его Марья Дмитріевна.

— Помилуйте, она пресмирная; а вотъ, я доложу вамъ, чего я боюсь: я боюсь играть въ преферансъ съ Сергѣемъ Петровичемъ; вчера у Бѣленицыныхъ онъ обыгралъ меня въ пухъ.

Гедеоновскій засмѣялся тоненькимъ и подобострастнымъ смѣхомъ: онъ занскивалъ въ молодомъ блестящемъ чиновникѣ изъ Петербурга, губернаторскомъ любимцѣ. Въ разговорахъ своихъ съ Марьей Дмитріевной онъ часто упоминалъ о замѣчательныхъ

способностяхъ Паншина. Въдѣ вотъ, разсуждалъ, онъ — какъ не похвалить? И въ высшей сферѣ жизни успѣваетъ молодой человѣкъ, и служить примѣрно, и гордости ни малѣйшей. — Впрочемъ Паншина и въ Петербургѣ считали дѣльнымъ чиновникомъ: работа кипѣла у него въ рукахъ; онъ говорилъ о ней шутя, какъ оно и слѣдуетъ свѣтскому человѣку, не придающему особеннаго значенія своимъ трудамъ, но былъ «исполнитель.» Начальники любятъ такихъ подчиненныхъ; самъ онъ не сомнѣвался въ томъ, что, если захочетъ, будетъ со временемъ министромъ.

— Вы изволите говорить, что я обыгралъ васъ, промолвилъ Геденовскій:—а на прошлой недѣлѣ кто у меня выигралъ двѣнадцать рублей? да еще....

— Злодѣй, злодѣй, перебилъ его Паншинъ съ ласковой, но чуть-чуть презрительной небрежностью и, не обращая болѣе на него вниманія, подошелъ къ Лизѣ.

— Я не могъ найти здѣсь увертюру Оберона, началъ онъ. — Бѣленицына только хвасталась, что у ней вся классическая музыка, — на дѣлѣ у ней кромѣ полекъ и вальсовъ ничего нѣтъ; но я уже написалъ въ Москву и черезъ недѣлю вы будете имѣть эту увертюру. Кстати, продолжалъ онъ, я написалъ вчера новый романсъ; слова тоже мои. Хотите, я вамъ спою? Незнаю, что изъ этого вышло; Бѣленицына нашла его премиленькимъ, но ея слова ничего не значатъ, — я желаю знать ваше мнѣнiе. Впрочемъ, я думаю, лучше послѣ.

— Зачѣмъ же послѣ? вмѣшалась Марья Дмитріевна, — отчего же не теперь?

— Слушаю-съ, промолвилъ Паншинъ съ какой-то свѣтлой и сладкой улыбкой, которая у него и появлялась и пропадала вдругъ, — пододвинулъ колѣнкомъ стулъ, сѣлъ за фортепьяно и, взявши нѣсколько аккордовъ, запѣлъ, четко отдѣляя слова, слѣдующій романсъ:

Луна плыветъ высоко надъ землею
Межъ блѣдныхъ тучъ;
Но движетъ съ вышины волной морскою
Волшебный лучъ.

Моей души тебя признало море
Своей луной.
И движется, — и въ радости, и въ горѣ, —
Тобой одной.

Тоской любви, тоской нѣмыхъ стремлений
 Душа полна:
 Мнѣ тяжело.... но ты чужда смятеній,
 Какъ та луна,

Второй куплетъ былъ спѣтъ Паншинымъ съ особеннымъ выраженьемъ и силой; въ бурномъ аккомпаниментѣ слышались переливы воли. Послѣ словъ: мнѣ тяжело.... онъ вздохнулъ слегка, опустилъ глаза и понизилъ голосъ—*morendo*. Когда онъ кончилъ, Лиза похвалила мотивъ, Марья Дмитріевна сказала: прелестно,—а Гедеоновскій даже крикнулъ: восхитительно! и поэзія, и гармонія одинаково восхитительны!... Леночка съ дѣтскимъ благоговѣніемъ посмотрѣла на пѣвца. Словомъ, всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодаго диллетанта; но за дверью гостиной въ передней стоялъ только-что пришедшій, уже старый человѣкъ, которому, судя по выраженію его потупленнаго лица и движеніямъ плечей, романсъ Паншина, хотя и премиленькій, не доставилъ удовольствія. Подождавъ немного и смахнувъ пылъ съ сапоговъ толстымъ носовымъ платкомъ, человѣкъ этотъ внезапно съѣжилъ глаза, угрюмо сжалъ губы, согнулъ свою, и безъ того сутулую, спину и медленно вошелъ въ гостиную.

— А! Христофоръ Ѳеодорычъ, здравствуйте! воскликнулъ прежде всѣхъ Паншинъ и быстро вскочилъ со стула. — Я и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь,—я бы при васъ ни за что не рѣшился спѣть свой романсъ. Я знаю, вы не охотникъ до легкой музыки.

— Я не слушалъ, произнесъ дурнымъ русскимъ языкомъ вошедшій человѣкъ и, раскланявшись со всѣми, неловко остановился посреди комнаты.

— Вы, мосѣ Леммъ, сказала Марья Дмитріевна, пришли дать урокъ музыки Лизѣ?

— Нѣтъ, не Лисафетъ Михайловнѣ, а Еленѣ Михайловнѣ.

— А! Ну чтожь — прекрасно. Леночка, ступай наверхъ съ г-мъ Леммомъ.

Старикъ пошелъ было вслѣдъ за дѣвочкой; но Паншинъ остановилъ его.

— Не уходите послѣ урока, Христофоръ Ѳеодорычъ, сказалъ онъ,—мы съ Лизаветой Михайловной сыграемъ беттѳовенскую сонату въ четыре руки.

Старикъ проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, а Паншинъ продолжалъ по-нѣмецки, плохо выговаривая слова:

— Мнѣ Лизавета Михайловна показала духовную кантату, которую вы ей поднесли, — прекрасная вещь! Вы пожалуйста не думайте, что я не умѣю цѣнить серьёзную музыку, — напротивъ: она иногда скучна, но за то очень полезительна.

Старикъ покраснѣлъ до ушей, бросилъ косвенный взглядъ на Лизу и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна попросила Паншина повторить романсъ; но онъ объявилъ, что не желаетъ оскорблять ушей ученаго нѣмца, и предложилъ Лизѣ заняться бетговенской сонатой. — Тогда Марья Дмитріевна вздохнула и съ своей стороны предложила Гедеоповскому пройтись съ ней по саду. — Мнѣ хочется, сказала она, — еще поговорить и посоветоваться съ вами о бѣдномъ нашемъ Оедѣ. — Гедеоновскій осклабился, поклонился, взявъ двумя пальцами свою шляпу съ аккуратно положенными на одномъ изъ ея полей перчатками и удалился вмѣстѣ съ Марьей Дмитріевной. Въ комнатѣ остались Паншинъ и Лиза; она достала и раскрыла сонату; оба молча сѣли за фортепьяно. — Съ верха доносились слабые звуки гаммъ, разыгрываемыхъ невѣрными пальчиками Леночки.

ГЛАВА V.

Христофоръ Теодоръ Готлибъ Леммъ родился въ 1786 году, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ городѣ Хемницѣ отъ бѣдныхъ музыкантовъ. Отецъ его игралъ на волторнѣ, мать на арфѣ; самъ онъ уже по пятому году упражнялся на трехъ различныхъ инструментахъ. — Восьми лѣтъ онъ осиротѣлъ, а съ десяти началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба своимъ искусствомъ. Онъ долго велъ бродячую жизнь, игралъ вездѣ—и въ трактирахъ, и на ярмаркахъ, и на крестьянскихъ свадьбахъ, и на балахъ; наконецъ попалъ въ оркестръ и, подвигаясь всё выше и выше, достигъ дирижёрскаго мѣста. Исполнитель онъ былъ довольно плохой; но музыку зналъ основательно. На двадцать-восьмомъ году переселился онъ въ Россію. Его выписалъ большой баринъ, который самъ терпѣть не могъ музыки, но держалъ оркестръ изъ чванства. Леммъ прожилъ у него лѣтъ семь въ качествѣ капельмейстера и отошелъ отъ него съ пустыми руками: баринъ

разорился, хотѣлъ дать ему на себя вексель, но въ послѣдствіи отказалъ ему и въ этомъ, — словомъ, не заплатилъ ему ни копѣйки. — Ему совѣтовали уѣхать; но онъ не хотѣлъ вернуться домой нищимъ изъ Россіи, изъ великой Россіи, этого золотого дна артистовъ; онъ рѣшился остаться и испытать свое счастье. Въ теченіе двадцати лѣтъ бѣдный нѣмецъ пыталъ свое счастье: побывалъ у различныхъ господъ, жилъ и въ Москвѣ, и въ губернскихъ городахъ, терпѣлъ и сносилъ многое, узналъ нищету, бился какъ рыба объ лѣдъ; но мысль о возвращеніи на родину не покидала его среди всѣхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался; она только одна его и поддерживала. Судьбѣ однако не было угодно порадовать его этимъ послѣднимъ и первымъ счастьемъ: 50-ти лѣтъ, больной, до времени одряхлѣвшій, застрѣлъ онъ въ городѣ О. и остался въ немъ навсегда, уже окончательно потерявъ всякую надежду покинуть ненавистную ему Россію и кое-какъ поддерживая уроками свое скудное существованіе. Наружность Лемма не располагала въ его пользу. Онъ былъ небольшого роста, сутуловатъ, съ криво-выдавшимися лопатками и втянутымъ животомъ, съ большими плоскими ступнями, съ блѣдно-синими ногтями на твердыхъ, неразгибавшихся пальцахъ жилистыхъ красныхъ рукъ; лицо имѣлъ морщинистое, впалыя щѣки и сжатые губы, которыми онъ безпрестанно двигалъ и жевалъ, чтó при его обычной молчаливости производило впечатлѣніе почти зловѣщее; сѣдые его волосы висѣли ключьями надъ невысокимъ лбомъ; какъ только-что залитые угольки глухо тлѣли его крошечные, неподвижные глазки; ступалъ онъ тяжело, на каждомъ шагу перекидывая все свое неповоротливое тѣло. Иныя его движенія напоминали неуклюжее охорашиваніе совы въ клѣткѣ, когда она чувствуетъ, что на нее глядятъ, а сама едва видитъ своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами. — Застарѣлое, неумолимое горе положило на бѣднаго музыкуса свою неизгладимую печать, искривило и обезобразило его, и безъ того невзрачную, фигуру; но для того, кто умѣлъ не останавливаться на первыхъ впечатлѣніяхъ, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное видѣлось въ этомъ полу-разрушенномъ существѣ. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Леммъ со временемъ — кто знаетъ? — сталъ бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, ест.

любъ жизнь иначе его повела;—но не подъ счастливой звѣздой онъ родился! Онъ много написалъ на своемъ вѣку — и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ: не умѣлъ онъ приняться за дѣло, какъ слѣдовало, поклониться кстати, похлопотать во время. Какъ-то, давнымъ-давно тому назадъ, одинъ его поклонникъ и другъ, тоже нѣмецъ и тоже бѣдный, издалъ на свой счетъ двѣ его сонаты, — да и тѣ остались цѣликомъ въ подвалахъ музыкальных магазиновъ; глухо и безслѣдно провалились онѣ, словно ихъ ночью кто въ рѣку бросилъ. — Леммъ наконецъ махнулъ рукой на всё; притомъ и годы брали свое; онъ зачерствѣлъ, одеревенѣлъ, какъ пальцы его одеревенѣли. Одинъ съ старой кухаркой, взятой имъ изъ богадѣльни, (онъ никогда женатъ не былъ) проживалъ онъ въ О. въ небольшомъ домишкѣ, недалеко отъ Калитинскаго дома; много гулялъ, читалъ библію, да собраніе протестантскихъ псалмовъ, да Шекспира въ шлегелевскомъ переводѣ. Онъ давно ничего не сочинялъ; но видно Лиза, лучшая его ученица, умѣла его расшевелить; онъ написалъ для нея кантату, о которой упомянулъ Паншинъ. Слова этой кантаты были имъ заимствованы изъ собранія псалмовъ; нѣкоторые стихи онъ самъ присочинилъ. Ее пѣли два хора, — хоръ счастливыхъ и хоръ несчастливцевъ; оба они къ концу примирялись и пѣли вмѣстѣ: «Боже милостивый, «помилуй насъ грѣшныхъ и отжени отъ насъ всякія лукавыя «мысли и земныя надежды». — На заглавномъ листѣ, весьма тщательно написанномъ и даже разрисованномъ, стояло: «Только праведные правы. — Духовная кантата. Сочинена и посвящена дѣвицѣ Елизаветѣ Калитиной, моей любезной ученицѣ, ея учителемъ, Х. Т. Г. Леммомъ». Слова: «только праведные правы» и «Елизаветѣ Калитиной» были окружены лучами. Внизу было приписано: «Для васъ однихъ *Für Sie allein*». — Оттого-то Леммъ и покраснѣлъ и взглянулъ искоса на Лизу; ему стало очень больно, когда Паншинъ заговорилъ при немъ объ его кантатѣ.

ГЛАВА VI.

Паншинъ громко и рѣшительно взялъ первые аккорды сонаты (онъ игралъ вторую руку), — но Лиза не начинала своей партіи. Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее. — Глаза Лизы,

прямо на него устремленные, выражали неудовольствіе; губы ея не улыбались, все лицо было строго, почти печально.

— Что съ вами? — спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы не сдержали своего слова? сказала она. — Я вамъ показала кантату Христофора Оедорыча подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы не говорили ему о ней.

— Виновать, Лизавета Михайловна, — къ слову пришлось.

— Вы его огорчили — и меня тоже. Теперь онъ и мнѣ доверять не будетъ.

— Что прикажете дѣлать, Лизавета Михайловна! Отъ молодыхъ ногтей не могу видѣть равнодушно нѣмца; такъ и подмываетъ меня его подразнить.

— Что вы это говорите, Владиміръ Николаичъ! Этотъ нѣмецъ, бѣдный, одинокій, убитый человекъ — и вамъ его не жаль? Вамъ хочется дразнить его?

Паншинъ смутился.

— Вы правы, Лизавета Михайловна, промолвилъ онъ. — Всему виною — моя вѣчная необдуманность. Нѣтъ, не возражайте мнѣ; я себя хорошо знаю. Много зла мнѣ надѣлала моя необдуманность. По ея милости я прослылъ за эгоиста.

Паншинъ помолчалъ. Съ чего бы ни начиналъ онъ разговоръ, — онъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что говорилъ о самомъ себѣ, и это выходило у него какъ-то тихо и мягко, задушевно, словно невольно.

— Вотъ и въ вашѣмъ домѣ, продолжалъ онъ, матушка ваша, конечно, ко мнѣ благоволитъ — она такая добрая; вы.... Впрочемъ я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; за то ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. Я ее тоже, должно быть, обидѣлъ какимъ нибудь необдуманнымъ, глупымъ словомъ. Вѣдь она меня не любитъ, не правда-ли?

— Да, произнесла Лиза съ небольшою запинкой: — вы ей не нравитесь.

Паншинъ быстро провелъ пальцами по клавишамъ; едва замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Ну, а вы? промолвилъ онъ: — я вамъ тоже кажусь эгоистомъ?

— Я васъ еще мало знаю, возразила Лиза, — но я васъ не считаю за эгоиста; я, напротивъ, должна быть благодарна вамъ....

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать, перебилъ ее Паншинъ, и снова пробѣжалъ пальцами по клавишамъ: — за ноты, за книги, которыя я вамъ приношу, за плохіе рисунки, которыми я украшаю вашъ альбомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я могу все это дѣлать — и все-таки быть эгоистомъ. Смѣю думать, что вы не скучаете со мною и что вы не считаете меня за дурнаго человѣка; но все же вы полагаете, что я, какъ бышь это сказано, для краснаго словца не пожалѣю ни отца, ни пріятеля.

— Вы разсѣянны и забывчивы, какъ всѣ свѣтскіе люди, промолвила Лиза: — вотъ и все.

Паншинъ немного нахмурился.

— Послушайте, сказалъ онъ: — не будемте больше говорить обо мнѣ; станемте разыгрывать нашу сонату. Объ одномъ только прошу я васъ, прибавилъ онъ, разглаживая рукою листы лежавшей на юпитрѣ тетради: — думайте обо мнѣ, что хотите, называйте меня даже эгоистомъ — такъ и быть! но не называйте меня свѣтскимъ человѣкомъ; эта кличка мнѣ нестерпима.... *Anch'io sono pittore*. Я тоже артистъ, хотя плохой, — и это, а именно то, что я плохой артистъ, — я вамъ докажу сейчасъ же на дѣлѣ. Начнемъ же.

— Начнемъ, пожалуй, сказала Лиза.

Первое *adagio* прошло довольно благополучно, хотя Паншинъ неоднократно ошибался. Свое и заученое онъ игралъ очень мило, но разбиралъ плохо. Зато вторая часть сонаты, довольно быстрое *allegro* — совсѣмъ не пошла; на двадцатомъ тактѣ, Паншинъ, отставшій такта на два, не выдержалъ и со смѣхомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ: — я не могу сегодня играть; хорошо, что Леммъ насъ не слышалъ: онъ бы въ обморокъ упалъ.

Лиза встала, закрыла фортепьяно и обернулась къ Паншину.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросила она.

— Узнаю васъ въ этомъ вопросѣ! Вы никакъ не можете сидѣть сложа руки. Чтожь, если хотите, давайте рисовать, пока еще не совсѣмъ стемнѣло. Авось другая муза — муза рисованія — какъ бышь ее звали? позабылъ.... будетъ ко мнѣ благосклоннѣе. Гдѣ вашъ альбомъ? Помнится, тамъ мой пейзажъ не конченъ.

Лиза пошла въ другую комнату за альбомомъ, а Паншинъ, оставшись одинъ, досталъ изъ кармана батистовый платокъ, потеръ себѣ ногти и посмотрѣлъ на свои руки. Онѣ у него были очень красивы и бѣлы; на большомъ пальцѣ лѣвой руки носилъ онъ винтообразное золотое кольцо. Лиза вернулась; Паншинъ усялся къ окну, развернулъ альбомъ.

— Ага! воскликнулъ онъ: — я вижу, вы начали срисовывать мой пейзажъ — и прекрасно. Очень хорошо! Вотъ тутъ только — дайте-ка карандашъ — не довольно сильно положены тѣни. Смотрите.

И Паншинъ размашисто проложилъ нѣсколько длинныхъ штриховъ. Онъ постоянно рисовалъ одинъ и тотъ же пейзажъ: на первомъ планѣ большія растрепанные деревья, въ отдаленіи поляну и зубчатая горы на небосклонѣ. Лиза глядѣла черезъ его плечо на его работу.

— Въ рисунокѣ, да и вообще въ жизни, говорилъ Паншинъ, сгибая голову то на право, то на лѣво, — легкость и смѣлость — первое дѣло.

Въ это мгновеніе вошелъ въ комнату Леммъ и, сухо поклонившись, хотѣлъ удалиться; но Паншинъ бросилъ альбомъ и карандашъ въ сторону и преградилъ ему дорогу.

— Куда же вы, любезный Христофоръ Ѳеодорычъ? развѣ вы не остаетесь чай пить?

— Миѣ домой, проговорилъ Леммъ угрюмымъ голосомъ: — голова болитъ.

— Ну, что за пустяки, — останьтесь. Мы съ вами поспоримъ о Шекспирѣ.

— Голова болитъ, повторилъ старикъ.

— А мы безъ васъ принялись—было за бетговенскую сонату, продолжалъ Паншинъ, любезно взявъ его за талию и свѣтло улыбаясь: — но дѣло совсѣмъ на ладъ не пошло. Вообразите, я не могъ двѣ ноты сряду взять вѣрно.

— Вы бы опять спѣлъ сфой романце лутчи, возразилъ Леммъ, отводя руки Паншина, — и вышелъ вонъ.

Лиза побѣжала вслѣдъ за нимъ. Она догнала его на крыльцѣ.

— Христофоръ Ѳеодорычъ, послушайте, сказала она ему по-нѣмецки, провожая его до воротъ по зеленой короткой травкѣ двора: — я виновата передъ вами — простите меня.

Леммъ ничего не отвѣчалъ.

— Я показала Владимиру Николаичу вашу кантату; я была уверена, что онъ ее оценитъ, — и она, точно, очень ему понравилась.

Леммъ остановился.

— Это ничего, сказалъ онъ по-русски и потомъ прибавилъ на родномъ своемъ языкѣ: — но онъ не можетъ ничего понимать; какъ вы этого не видите? Онъ диллетантъ — и все тутъ!

— Вы къ нему несправедливы, возразила Лиза: — онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать.

— Да, все второй нумеръ, легкій товаръ, спѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ — ну и bravo. А я не сержусь; эта кантата и я — мы оба старые дураки; мнѣ немножко стыдно, но это ничего.

— Простите меня, Христофоръ Федорычъ, проговорила снова Лиза.

— Ничего, ничего, повторилъ онъ опять по-русски: — вы добрая дѣвушка.... а вотъ кто-то къ вамъ идетъ. Прощайте. Вы очень добрая дѣвушка.

И Леммъ уторопленнымъ шагомъ направился къ воротамъ, въ которыя входилъ какой-то незнакомый ему господинъ, въ сѣромъ пальто и широкой соломенной шляпѣ. Вѣжливо поклонившись ему (онъ кланялся всѣмъ новымъ лицамъ въ городѣ О.; отъ знакомыхъ онъ отворачивался на улицѣ — такое ужъ онъ положилъ себѣ правило), Леммъ прошелъ мимо и исчезъ за заборомъ. Незнакомецъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, взглянувшись въ Лизу, подошелъ прямо къ ней.

ГЛАВА VII.

— Вы меня не узнаете, промолвилъ онъ, снимая шляпу, — а я васъ узналъ, даромъ что уже восемь лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Вы были тогда ребенкомъ. Я Лаврецкій. Матушка ваша дома? Можно ее видѣть?

— Мамаша будетъ очень рада, возразила Лиза: — она слышала о вашемъ пріѣздѣ.

— Вѣдь васъ, кажется, зовутъ Елизаветой? промолвилъ Лаврецкій, взбираясь по ступенямъ крыльца.

— Да.

— Я помню васъ хорошо; у васъ уже тогда было такое лицо, котораго не забываешь; я вамъ тогда возилъ конфеты.

Лиза покраснѣла и подумала: какой онъ странный. Лаврецкій остановился на минуту въ передней. Лиза вошла въ гостиную, гдѣ раздавался голосъ и хохотъ Паншина; онъ сообщалъ какую-то городскую сплетню Марьѣ Дмитріевнѣ и Гедеоновскому, уже успѣвшимъ вернуться изъ сада, и самъ громко смѣялся тому, что рассказывалъ. При имени Лаврецкаго, Марья Дмитріевна вся всполошилась, поблѣднѣла и пошла къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой милый *cousin*! воскликнула она растянутымъ и почти слезливымъ голосомъ: — какъ я рада васъ видѣть!

— Здравствуйте, моя добрая кузина, возразилъ Лаврецкій, и дружелюбно пожалъ ея протянутую руку: — какъ васъ Господь милуетъ?

— Садитесь, садитесь, мой дорогой Федоръ Ивановичъ. Ахъ, какъ я рада! Позвольте во-первыхъ представить вамъ мою дочь, Лизу....

— Я уже самъ отрекомендовался Лизаветѣ Михайловнѣ, перебилъ ее Лаврецкій.

— Мсьё Паншинъ.... Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій... Да садитесь же! Гляжу на васъ и, право, даже глазамъ не вѣрю. Какъ здоровье ваше?

— Какъ изволите видѣть, процвѣтаю. Да и вы, кузина — какъ бы васъ не сглазить — не похудѣли въ эти восемь лѣтъ.

— Какъ подумаешь, сколько времени не видались, — мечтательно промолвила Марья Дмитріевна. — Вы откуда теперь? Гдѣ вы оставили.... то есть, я хотѣла сказать, торопливо подхватила она, — я хотѣла сказать, надолго ли вы къ намъ?

— Я пріѣхалъ теперь изъ Берлина, возразилъ Лаврецкій, и завтра же отправляюсь въ деревню — вѣроятно, надолго.

— Вы, конечно, въ Лаврикахъ жить будете?

— Нѣтъ, не въ Лаврикахъ; а есть у меня, верстахъ въ двадцати пяти отсюда, деревушка; такъ я туда ѣду.

— Это деревушка, что вамъ отъ Глафиры Петровны досталась?

— Та самая.

— Помилуйте, Федоръ Ивановичъ! У васъ въ Лаврикахъ такой чудесный домъ!

Лаврецкій чуть-чуть нахмурилъ брови.

— Да.... но и въ той деревушкѣ есть флигелекъ; а мнѣ пока больше ничего не нужно. Это мѣсто — для меня теперь самое удобное.

Марья Дмитріевна опять до того смѣшалась, что даже выпрямилась и руки развела. Паншинъ пришелъ ей на помощь и вступилъ въ разговоръ съ Лаврецкимъ. Марья Дмитріевна успокоилась, опустила на спинку кресель и лишь нрѣдка вставляла свое словечко; но при этомъ такъ жалостливо глядѣла на своего гостя, такъ значительно вздыхала и такъ уныло покачивала головой, что тотъ наконецъ не вытерпѣлъ и довольно рѣзко спросилъ ее: здорова ли она?

— Слава Богу, возразила Марья Дмитріевна, — а что?

— Такъ, мнѣ показалось, что вамъ не по себѣ.

Марья Дмитріевна приняла видъ достойный и нѣсколько обиженный. — А коли такъ, подумала она — мнѣ совершенно все равно; видно тебѣ, мой батюшка, все, какъ съ гуся вода; иной бы съ горя исчахъ, а тебя еще разнесло. — Марья Дмитріевна сама съ собой не церемонилась; вслухъ она говорила изыщнѣе.

Лаврецкій, дѣйствительно, не походилъ на жертву рока. Отъ его краснощекаго, чисто-русскаго лица, съ большимъ бѣлымъ лбомъ, немного толстымъ носомъ и широкими правильными губами такъ и вѣяло степнымъ здоровьемъ, крѣпкой, долговѣчной силой. Сложенъ онъ былъ на славу, — и бѣлокурые волосы вились на его головѣ какъ у юноши. Въ однихъ только его глазахъ, голубыхъ, на выкатѣ и нѣсколько неподвижныхъ, замѣчалась не то задумчивость, не то усталость, и голосъ его звучалъ какъ-то слишкомъ ровно.

Паншинъ между тѣмъ продолжалъ поддерживать разговоръ. Онъ навелъ рѣчь на выгоды сахароварства, о которомъ недавно прочелъ двѣ французскія брошюрки, и съ спокойной скромностью принялся излагать ихъ содержаніе, не упоминая впрочемъ о нихъ ни единымъ словомъ.

— А вѣдь это Оеда! — раздался вдругъ въ сосѣдней комнатѣ за полу-раскрытой дверью голосъ Мары Тимофеевны, — Оеда, точно! — И старушка проворно вошла въ гостиную. Лаврецкій не успѣлъ еще подняться со стула, какъ ужъ она обняла его. — Покажи-ка себя, покажи-ка, промолвила она, отодвигаясь отъ его лица. Э! да какой же ты славный. Постарѣлъ, а не подурилъ нисколько, право. Да что ты руки у меня цалуешь —

ты меня самое цалуй, коли тебѣ мои сморщенные щеки не противны. Небось, не спросилъ обо мнѣ; что, дескать, жива ли тетка? А вѣдь ты у меня на рукахъ родился, пострѣлъ эдакой. Ну, да это все равно; гдѣ тебѣ было обо мнѣ вспомнить? Только ты умница, что пріѣхалъ. А что, мать моя, прибавила она, обращаясь къ Марѣѣ Дмитріевнѣ, — угостила ты его чѣмънибудь?

— Мнѣ ничего не нужно, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.

— Ну, хоть чаю напейся, мой батюшка. Господи Боже мой! Пріѣхалъ нивѣсть откуда, и чашки чаю ему не дадутъ. Лиза, пойди похлопочи, да поскорѣй. Я помню, маленький онъ былъ обжора страшный, — да и теперь, должно быть, покушать любить.

— Мое почтеніе, Марѣа Тимофеевна, промолвилъ Паншинъ, приближаясь сбоку къ расходившейся старушкѣ и низко кланяясь.

— Извините меня, государь мой, возразила Марѣа Тимофеевна, не замѣтила васъ на радости. — На мать ты свою похожъ сталъ, на голубушку, продолжала она, снова обратившись къ Лаврецкому; — только носъ у тебя отцовскій былъ, отцовскимъ и остался. Ну — и на долго ты къ намъ?

— Я завтра ѣду, тетушка.

— Куда?

— Къ себѣ, въ Васильевское. .

— Завтра?

— Завтра.

— Ну, коли завтра, такъ завтра. Съ Богомъ, — тебѣ лучше знать. Только ты, смотри, зайди проститься. — Старушка потрепала его по щекѣ. — Не думала я дожидаться тебя; и не то, чтобъ я умирать собиралась; нѣтъ — меня еще годовъ на десять, пожалуй, хватить; всѣ мы, Пестовы, живучи; дѣдъ твой покойный, бывало, двухильными насъ прозывалъ; да вѣдь Господь тебя зналъ, сколько бъ ты еще за границей проболтался. Ну, а молодецъ ты, молодецъ; чай по прежнему десять пудовъ одной рукой поднимаешь? Твой батюшка покойный, извини, ужъ на что былъ вздорный, а хорошо сдѣлалъ, что швейцарца тебѣ нанялъ; помнишь, вы съ нимъ на кулачки бились; гимнастикой, что ли, это проывается? — Но однако, что это я такъ раскудахталась; только г. Паншину (она никогда не называла его, какъ слѣдовало, Паншинымъ) разсуждать помѣшала. А впрочемъ станемте-ка

лучше чай пить; да на террасу пойдите его, батюшку, пить; у насъ сливки славныя — не то что въ вашихъ Лондонахъ да Парижахъ. Пойдемте-пойдемте, а ты, Оедюша, дай мнѣ руку. О! да какая же она у тебя толстая! Небось, съ тобой не упадешь.

Всѣ встали и отправились на террасу, за исключеніемъ Гедеоновскаго, который въ тихомолку удалился. Во все продолженіе разговора Лаврецкаго съ хозяйкой дома, Паншинымъ и Марей Тимофеевной — онъ сидѣлъ въ уголку, внимательно моргая и съ дѣтскимъ любопытствомъ вытянувъ губы; онъ спѣшилъ теперь разнести вѣсть о новомъ гостѣ по городу.

Въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, вотъ что происходило въ домѣ г-жи Калитиной: внизу, на порогѣ гостиной, улучивъ удобное мгновеніе, Владиміръ Николаичъ прощался съ Лизой и говорилъ ей, держа ее за руку: вы знаете, кто меня привлекаетъ сюда; вы знаете, зачѣмъ я безпрестанно ѣзжу въ вашъ домъ; къ чему тутъ слова, когда и такъ все ясно? Лиза ничего не отвѣчала ему и не улыбаясь, слегка приподнявъ брови и краснѣя, глядѣла на полъ, но не отнимала своей руки; — а наверху, въ комнатѣ Мары Тимофеевны, при свѣтѣ лампадки, встѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на креслахъ, облокотившись на колѣна и положивъ лицо на руки; старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ. Болѣе часу провелъ онъ у ней, простившись съ хозяйкой дома; онъ почти ничего не сказалъ своей старинной доброй пріятельницѣ, и она его не спрашивала.... Да и къ чему было говорить, о чемъ спрашивать? Она и такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чѣмъ переполнялось его сердце.

ГЛАВА VIII.

Оедоръ Ивановичъ Лаврецкій — (мы должны попросить у читателя позволенія перервать на время нить нашего разсказа) — происходилъ отъ стариннаго дворянскаго племени. Родоначальникъ Лаврецкихъ выѣхалъ въ княженіе Василя Темнаго изъ

Пруссіи и былъ пожалованъ двумя стами четвертями земли въ Бѣжецкомъ верху. Многіе изъ его потомковъ числились въ разныхъ службахъ, сидѣли подлѣ князьями и людьми именитыми на отдаленныхъ воеводствахъ; но ни одинъ изъ нихъ не поднялся выше стольника и не приобрѣлъ значительнаго достоянія. Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Ѳедора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смугль и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подлѣ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ея и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосоль и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворянъ избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это набѣдалось, чѣмъ попало, но досыта, напивалось до пьяна и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей—дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не виѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертію. Поставятъ тебѣ, рассказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ, — не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя, обидятся, — мука! — Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копѣечный выигрышъ,

когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Федорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, Француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего *Mr. Courkin de Vaucelles*, ловкаго и тонкаго проныру, — самую, какъ она выражалась, *fine fleur* эмиграціи, и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла за мужъ за этого Финъ-Флёра; перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, раздурманенная, раздурманенная амброй *à la Richelieu*, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петитъ въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткинѣмъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика, — въ Петербургѣ, гдѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра); — пришлось ему, по неволѣ вернуться въ деревню, къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родимое гнѣздо; глушь и копотъ степнаго житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичные привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — Все здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ, — за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людскаго запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстроиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ, слабъ, вишь, зловремъ; фу ты, нѣженка эдакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще «изувѣра» Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. — Петръ Андре-

ичъ не ошибался; точно — и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни — и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій и много другихъ подобныхъ имъ сочинителей сидѣли въ его головѣ, — но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость 18-го вѣка, — и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденіемъ.... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодого маляго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, — а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко-раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, углаватыми, быстрыми движеніями, напоминала свою бабу, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить по крайней мѣрѣ половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости выпшла въ бабу. Сверхъ того Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: бонжуръ, да команъ ву порте ву? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. — Иванъ Петровичъ не зналъ куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ. Случилось такъ, что въ числѣ горничныхъ Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая дѣвушка съ ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу; онъ полюбилъ ее; онъ полюбилъ ея робкую походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку; съ каждымъ днемъ она ему казалась милѣй. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою ду-

ши, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязываться — и отдалась ему. Въ помѣщичьемъ деревенскомъ домѣ никакая тайна долго держаться не можетъ; скоро всѣ узнали о связи молодого барина съ Маланьей; вѣсть объ этой связи дошла наконецъ до самого Петра Андреича. Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ; Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожїи, въ притворствѣ; кстати выместилъ на немъ всю накопившуюся досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. «Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ, — подумалъ онъ, — такъ пушу же я его въ дѣло, постоитъ; я васъ всѣхъ удивлю». И тутъ-же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хоть съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укоряетъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ, а пмению — готовъ жениться на Маланьѣ. Произнесъ эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли; онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и опѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупникѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который какъ нарочно въ тотъ день причесался *à la Titus* и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосиные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ, побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики. Стой мошенникъ! вопилъ онъ, — стой! прокляну! — Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца,

а Петръ Андренчъ вернулся домой весь изнеможенный и въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія и наслѣдства, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню. Нашлись добрые люди, отыскали Ивана Петровича, извѣстили его обо всемъ. Пристыженный, взбѣшенный, онъ поклялся отомстить отцу, и въ ту же ночь, подкарауливъ крестьянскую телегу, на которой везли Маланью, отбилъ ее силой, поскакалъ съ нею въ ближайшій городъ и обвѣнчался съ ней. Деньгами его снабдилъ сосѣдъ, вѣчно-пьяный и добрейшій отставной морякъ, страшный охотникъ до всякой, какъ онъ выражался, благородной исторіи. На другой день Иванъ Петровичъ написалъ язвительно-холодное и учтивое письмо Петру Андренчу, а самъ отправился въ деревню, гдѣ жилъ его троюродный братъ Дмитрій Пестовъ съ своей сестрой, уже знакомой читателямъ, Марсеей Тимофеевной. Онъ разсказалъ имъ все, объявилъ, что намѣренъ ѣхать въ Петербургъ искать мѣста, и упросилъ ихъ хотя на время пріютить его жену. При словѣ: жена — онъ всплакнулъ горько, и несмотря на свое столичное образованіе и философію, униженно, бѣднячкомъ-русачкомъ поклонился своимъ родственникамъ въ ноги и даже стукнулъ объ полъ лбомъ. Пестовы, люди жалостливые и добрые, охотно согласились на его просьбу; онъ прожилъ у нихъ недѣли три, втайнѣ ожидая отвѣта отъ отца; но отвѣта не пришло, — и притти не могло. Петръ Андренчъ, узнавъ о свадьбѣ сына, слегъ въ постель и запретилъ упоминать при себѣ имя Ивана Петровича; только мать тихонько отъ мужа заняла у благочиннаго и прислала 500 рублей ассигнаціями да образокъ его женѣ; написать она побоялась, но велѣла сказать Ивану Петровичу черезъ посланнаго сухопараго мужичка, умѣннаго уходить въ сутки по шестидесяти верстъ, чтобъ онъ не очень огорчался, что, Богъ дастъ, все устроится и отецъ предложитъ гнѣвъ на милость; что и ей другая невѣстка была бы желательнѣе, но что видно Богу такъ было угодно, и что она посылаетъ Маланьѣ Сергѣевнѣ свое родительское благословеніе. Сухопарый мужичекъ получилъ рубль, попросилъ позволенія повидаться съ новой барыней, которой онъ доводился кумомъ, поцѣловалъ у ней ручку и побѣжалъ во-свояси.

А Иванъ Петровичъ отправился въ Петербургъ съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность,

быть может, грозила ему, но онъ разстался съ ненавистной деревенской жизнью, а главное—не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно «пустилъ въ ходъ» и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота и *La Déclaration des droits de l'homme*. Чувство совершеннаго долга, торжества, чувство гордости наполняло его душу; да и разлука съ женой не очень пугала его; его бы скорѣе смутила необходимость постоянно жить съ женою. То дѣло было сдѣлано; надобно было приняться за другія дѣла. Въ Петербургѣ, вопреки его собственнымъ ожиданіямъ, ему повезло; княжна Кубенская, которую мусье Куртенъ успѣлъ уже бросить, но которая не успѣла еще умереть,—чтобы чѣмънибудь загладить свою вину передъ племянникомъ, отрекомендовала его всѣмъ своимъ друзьямъ и подарила ему 5,000 рублей, едва ли не послѣднія свои денежки, да Лепиковскіе часы съ его вензелемъ въ гирляндѣ амуровъ. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ ужъ онъ получилъ мѣсто при русской миссіи въ Лондонѣ и съ первымъ отходившимъ англійскимъ кораблемъ (пароходовъ тогда еще въ поминѣ не было) уплылъ за море. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ онъ письмо отъ Пестова. Добрый помѣщикъ поздравлялъ Ивана Петровича съ рожденіемъ сына, явившагося на свѣтъ въ селѣ Покровскомъ 20 августа 1807 года и нареченнаго Феодоромъ въ честь святаго мученика Феодора Стратилата; по причинѣ большой слабости Маланья Сергѣевна приписывала только нѣсколько строкъ; но и эти немногія строки удивили Ивана Петровича,—онъ не зналъ, что Марѳа Тимофеевна выучила его жену грамотѣ. Впрочемъ Иванъ Петровичъ не долго предавался сладостному волненію родительскихъ чувствъ; онъ ухаживалъ за одной изъ знаменитыхъ тогдашнихъ Фринъ или Лансъ (классическія названія еще процвѣтали въ то время). Тильзитскій миръ былъ только-что заключенъ, и все спѣшило наслаждаться, все крутилось въ какомъ-то бѣшенномъ вихрѣ; черные глаза бойкой красавицы вскружили и его голову. Денегъ у него было очень мало; но онъ счастливо игралъ въ карты, заводилъ знакомства, участвовалъ во всѣхъ возможныхъ увеселеніяхъ, словомъ — плылъ на всѣхъ парусахъ.

ГЛАВА IX.

Старикъ Лаврецкій долго не могъ простить сыну его свадьбу. еслибъ пропустия полгода Иванъ Петровичъ явился къ нему съ повинной головою и бросился ему въ ноги, онъ бы, пожалуй, помиловалъ его, выбравъ его сперва хорошенько и постучавъ по немъ для страху клюкою; но Иванъ Петровичъ жилъ за границей и повидному въ усь себя не дулъ. — Молчи! не смѣй! твердилъ Петръ Андренчъ всякій разъ женѣ, какъ только та пыталась склонить его на мнлость; — ему щенку должно вѣчно за меня Бога молить, что я клятвы на него не положилъ; покойный батюшка изъ собственныхъ рукъ убилъ бы его негодного, и хорошо бы сдѣлалъ. — Анна Павловна при такихъ страшныхъ рѣчахъ только крестилась украдкой. Что же касается до жены Ивана Петровича, то Петръ Андренчъ сначала и слышать о ней не хотѣлъ и даже въ отвѣтъ на письмо Пестова, въ которомъ тотъ упоминалъ о его невѣсткѣ, велѣлъ ему сказать, что онъ никакой яко бы своей невѣстки не вѣдаетъ, а что законами воспрещается держать бѣглыхъ дѣвокъ, о чемъ онъ считаетъ долгомъ его предупредить; но потомъ, узнавъ о рожденіи внука, смягчился, приказалъ подъ рукой освѣдомиться о здоровьи родильницы и послалъ ей, тоже будто не отъ себя, немного денегъ. Оедѣ еще году не минуло, какъ Анна Павловна занемогла смертельной болѣзнью. За нѣсколько дней до кончины, уже не вставая съ постели, съ робкими слезинками на погасающихъ глазахъ, объявила она мужу при духовникѣ, что желаетъ повидацца и проститься съ невѣсткой, благословить внука. Огорченный старикъ успокоилъ ее и тотчасъ же послалъ собственный свой экипажъ за невѣсткой, въ первый разъ называя ее Маланьей Сергѣевной. Она пріѣхала съ сыномъ и съ Мареой Тимофеевной, которая ни за что не хотѣла отпустить ее одну и не дала бы ее въ обиду. Полуживая отъ страха, вошла Маланья Сергѣевна въ кабинетъ Петра Андренча. Нянька несла за ней Оедю. Петръ Андренчъ молча поглядѣлъ на нее; она подошла къ его рукъ; ея трепетныя губы едва сложились въ беззвучный поцалуй.

— Ну, сыромолотная дворянка, проговорилъ онъ наконецъ: — здравствуй; пойдемъ къ барынѣ.

Онъ всталъ и нагнулся къ Федѣ; ребенокъ улыбнулся и протянулъ къ нему свои блѣдныя ручонки. Старика перевернуло.

— Охъ, промолвилъ онъ, сиротливый! Умолилъ ты меня за отца; не оставлю я тебя, птенчикъ.

Маланья Сергѣевна, какъ вошла въ спальню Анны Павловны, такъ и стала на колѣни возлѣ двери. Анна Павловна подманила ее къ постели, обняла ее, благословила ея сына; потомъ, обративъ обглоданное жестокой болѣзью лицо къ своему мужу, хотѣла было заговорить....

— Знаю, знаю, о чемъ ты просить хочешь, промолвилъ Петръ Андреечъ:—не печалься, она останется у насъ, и Ваньку для нея помилую....

Анна Павловна съ усиленіемъ поймала руку мужа и прижалась къ ней губами. Въ тотъ же вечеръ ея не стало.

Петръ Андреечъ сдержалъ свое слово. Онъ извѣстилъ сына, что для смертнаго часу его матери, для младенца Федора, онъ возвращаетъ ему свое благословіе, и Маланью Сергѣевну оставляетъ у себя въ домѣ. Ей отвели двѣ комнаты въ антресоляхъ; онъ представилъ ее своимъ почетнѣйшимъ гостямъ, кривому бригадиру Скурехину и женѣ его; подарилъ ей двухъ дѣвокъ и казачка для посылки. Марѳа Тимофеевна съ ней простилась; она возненавидѣла Глафиру и въ теченіе одного дня раза три поссорилась съ нею.

Тяжело и пеловко было сперва бѣдной женщинѣ; но потомъ она обтерпѣлась и привыкла къ своему тестю; онъ тоже привыкъ къ ней, даже полюбилъ ее, хотя почти никогда не говорилъ съ ней, хотя въ самыхъ его ласкахъ къ ней замѣчалось какое-то невольное пренебреженіе. — Больше всего терпѣла Маланья Сергѣевна отъ своей золовки. Глафира еще при жизни матери успѣла понемногу забрать весь домъ въ руки; всѣ, начиная съ отца, ей покорялись; безъ ея разрѣшенія куска сахару не выдавалось; она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ подѣлиться властью съ другой хозяйкой, — и какой еще хозяйкой! Свадьба брата раздражила ее еще больше, чѣмъ Петра Андрееча; она взялась проучить выскочку, — и Маланья Сергѣевна съ перваго же часа стала ея рабой. Да и гдѣжь ей было бороться съ самовольной, надменной Глафирой, — ей безотвѣтной, постоянно смущенной и запуганной, слабой здоровьемъ? Дня не проходило, чтобъ Глафира не напомнила ей прежняго ея положенія, не похвалила бы ее за то, что она не забывается. Маланья

Сергѣевна охотно помирилась бы на этихъ напоминаніяхъ и похвалахъ, какъ горьки онѣ ни были.... по Ѳеди у нея отняли, — вотъ что ее сокрушало. — Подъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ, ее почти не допускали до него; Глафира взялась за это дѣло; ребенокъ послушалъ въ ея полное распоряженіе. — Маланья Сергѣевна съ горя начала въ своихъ письмахъ умолять Ивана Петровича, чтобы онъ вернулся поскорѣй; самъ Петръ Андреичъ желалъ увидѣть своего сына; но онъ все только отписывался, благодарилъ отца за жену, за присылаемыя деньги, обѣщалъ пріѣхать вскорѣ, — и не ѣхалъ. Двѣнадцатый годъ вызвалъ его наконецъ изъ-за границы. Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись и даже словомъ не помянули о прежнихъ раздорахъ; не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага, и оба они почувствовали, что Русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Петръ Андреичъ на свой счетъ одѣлъ цѣлый полкъ ратниковъ. Но война кончилась, опасность миновалась; Иванъ Петровичъ опять заскучалъ, опять потянуло его въ даль, въ тотъ міръ, съ которымъ онъ сросся и гдѣ чувствовалъ себя дома. — Маланья Сергѣевна не могла удержать его; она слишкомъ мало для него значила. Даже надежды ея не сбылись: мужъ ея также нашелъ, что гораздо приличнѣе поручить Глафирѣ воспитаніе Ѳеди. Бѣдная жена Ивана Петровича не перенесла этого удара, не перенесла вторичной разлуки; безропотно, въ нѣсколько дней угасла она; въ теченіе всей своей жизни не умѣла она ничему сопротивляться, — и съ недугомъ она не боролась. Она уже не могла говорить, уже могильныя тѣни ложились на ея лицо, но черты ея по прежнему выражали терпѣливое недоумѣніе и постоянную кротость смиренія; съ той же нѣмой покорностью глядѣла она на Глафиру и какъ Анна Павловна на смертномъ одрѣ поцаловала руку Петра Андреича, такъ и она приложилась къ Глафириной рукѣ, поручая ей, Глафирѣ! — своего единственнаго сына. Такъ кончилось свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное дерево, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, — и никто не горевалъ о немъ. — Пожалѣли о Маланьѣ Сергѣевнѣ ея горничныя, да еще Петръ Андреичъ. Старику недоставало ея добраго лица, ея молчаливаго присутствія. — Прости—прощай, моя безотвѣтная, прошепталъ онъ, кланяясь

ей въ послѣдній разъ. Онъ плакалъ, бросая горсть земли въ ея могилу.

Онъ самъ не долго пережилъ ее,—не болѣе пяти лѣтъ. Зимой 1819 года, онъ тихо скончался въ Москвѣ, куда переѣхалъ съ Глафирой и внукомъ, и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Анной Павловной да съ «Малашей». Иванъ Петровичъ находился тогда въ Парижѣ, для своего удовольствія; онъ вышелъ въ отставку скоро послѣ 1815 года. Узнавъ о смерти отца, онъ рѣшился возвратиться въ Россію. Надобно было подумать объ устройствѣ имѣнья, да и Оедѣ, по писъму Глафиры, минуло двѣнадцать лѣтъ и наступило время серьезно заняться его воспитаніемъ.

ГЛАВА X.

Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ со множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, пронзновеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну—все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей,—весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но—чудное дѣло! превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ въ то же время патріотомъ,—по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ,—у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: «оказать новые опыты самоусердія»; «сіе не согласуется съ самою натуροю обстоятельства» и т. д. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его жолчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира

Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: «Куда же я-то дѣнусь?»—Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. — Въ домѣ точно произошли нѣкоторые перемѣны: приживальщики и туземцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна — слѣпая, другая — разбитая параличемъ, да еще дряхлый маіоръ очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей. Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глухой человѣкъ. Появились новыя мѣбели изъ Москвы; завелся плевальница, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливрен; къ фамильному гербу прибавилась подпись: «*in recto virtus*»... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась; всѣ выдачи, покупки по прежнему отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался-было съ нею потягаться, — и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же касается до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла) то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по старому, — только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣй, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Оедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось «коренному преобразованію», — отецъ исключительно занялся имъ.

ГЛАВА XI.

До возвращенія Ивана Петровича изъ-за границы Оедя находился, какъ уже сказано, на рукахъ Глафиры Петровны. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день, — и полюбилъ ее страстно; память о ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и роб-

нихъ ласкахъ — навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между имъ и ею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его; дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ его букой и считалъ дурачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Одея боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только что зашевелится на своемъ стулѣ, — ужъ она и шипитъ: — куда? Сиди смирно. — По воскресеньямъ послѣ обѣдни позволяли ему играть, то есть, давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: «Символы и Эмблемы». Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи — частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ подъ названіемъ: «Шафранъ и Радуга» относилось толкованіе: «дѣйствіе сего есть большее»; противъ другаго, изображавшаго «Цаплю летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту» стояла надпись: «Тебѣ всѣ они суть извѣстны.» — «Купидонъ и медвѣдь, лижущій своего медвѣженка» означали: «Мало по малу.» Одея разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей: нѣкоторые, всегда одни и тѣже, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; — другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, шведку съ заячьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепьяно, да сверхъ того отлично солила огурцы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Одея цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими «Эмблемами» — сидитъ, спитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скушаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями, — а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ

рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожать въ полутьмѣ, — и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не называлъ Оедю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ, — настоящий мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; за то по временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Оедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его.... Горе сердцу не любившему съ молодю!

Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. — Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, *un homme*, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ, — не только человѣка, но спартанца. — Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жапъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій «человѣкъ»; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ оканивали холодной водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ съ своей стороны писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его *mon fils* и говорилъ ему *vous*. По-русски Оедя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. «Система» сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его голову, притиснула ее; но за то на его здоровье новый образъ жизни благотворно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ справился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ парѣчьи: сынъ натуры, произведеніе мое. Когда Оедъ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за должъ

заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу, — и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Иванъ Петровичъ большую часть года проводилъ въ Лаврикахъ (такъ называлось главное его родовое имѣніе), а по зпмамъ прїѣзжалъ въ Москву одинъ, останавливался въ трактирѣ, прилежно посѣщалъ клубъ, ораторствовалъ и развивалъ свои планы въ гостиницахъ и болѣе чѣмъ когда либо держался англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. Но настала 1825 годъ и много принесть съ собою горя. Иванъ Петровичъ успѣшилъ удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опустился: здоровье ему измѣнилось. Вольнодумецъ началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленной волей хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супа. Глафира Петровна опять завладѣла всѣмъ въ домѣ; опять начали ходить съ задняго крыльца прикащики, бурмистры, простые мужики къ «старой колотовкѣ», — такъ прозывали ее дворовые люди. Перемѣна въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына; ему уже пошелъ девятнадцатый годъ и онъ начиналъ размышлять и высвобождать изъ-подъ гнета давившей его руки; онъ и прежде замѣчалъ разладъ между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и чорствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутого перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ оказался весь. Молодой Лаврецкій собирался ѣхать въ Москву, подготовиться въ университетъ, — неожиданное, новое бѣдствіе обрушилось на голову Ивана Петровича: онъ ослѣпъ, и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день.

Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, при-

слугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣньемъ. Совершенною тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денѣчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себя, ни кому не давалъ покоя. Онъ молился, ропталъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣрить,—и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенья одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобъ они постоянно, днемъ и ночью сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: вы все врете,—экая чепуха!

Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея; и она до конца исполняла всѣ прихоти больного, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ, въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. «Глаша, Глашка! бульонцу, бульонцу, старая дур....» пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ навѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку бульону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовопный и зеленый, весь блестящій въ лучахъ золотого весенняго солнца. Ему было двадцать-три года; какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронесли эти дватцать-три года!... Жизнь открывалась передъ нимъ.

ГЛАВА XII.

Схоронивъ отца и поручивъ той же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за прикащиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и вознамѣрился по возможности воротить упущенное. Въ

послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ поза-видовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ тоже время онъ не зналъ многого, что каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чужакомъ. Недобрую шутку сыгралъ англо-манъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились; онъ не умѣлъ сходитья съ людьми; двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщиной не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здоровомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи.... И вотъ заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ; но онъ не боялся насмѣшекъ, его спартанское воспитаніе хотъ на то пригодилося, что развило въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ,—и онъ надѣлъ, не смущаясь, студентскій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе; здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они и не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ, они въ немъ не пуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки въ латинскомъ языкѣ. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемѣны въ его судьбѣ.

Однажды, въ театрѣ (Мочаловъ находился тогда на высотѣ своей славы, и Лаврецкій не пропускалъ ни одного представленія) увидѣлъ онъ въ ложѣ бель-этажа дѣвушку,—и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце, никогда еще оно такъ сильно не билось. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая,

молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, милостиваго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно. Рядомъ съ ней сидѣла сморщенная и желтая женщина лѣтъ 45, декольте, въ черномъ токтѣ, съ беззубой улыбкой на напряженно-озабоченномъ и пустомъ лицѣ, а въ углубленіи ложи вадилась пожилой мужчина, въ широкомъ сюртукѣ и высокомъ галстукѣ, съ выраженіемъ тупой величавости и какой-то заискивающей подозрительности въ маленькихъ глазкахъ, съ крашеными усами и бакенбадами, незначительнымъ огромнымъ лбомъ и измятыми щеками, — по всѣмъ признакамъ отставной генералъ. Лаврецкій не отводилъ взора отъ поразившей его дѣвушки, — вдругъ дверь ложи отворилась и вошелъ Михалевичъ. Появленіе этого чело-вѣка, почти единственнаго его знакомаго во всей Москвѣ, появленіе его въ обществѣ единственной дѣвушки, поглотившей все его вниманіе, показалось Лаврецкому знаменательно и странно. Продолжая поглядывать на ложу, онъ замѣтилъ, что всѣ находившіяся въ ней лица обращались съ Михалевичемъ, какъ съ стариннымъ пріелемъ. Представленіе на сценѣ перестало занимать Лаврецкаго; самъ Мочаловъ, хотя и былъ въ тотъ вечеръ «въ ударѣ», не производилъ на него обычнаго впечатлѣнія. Въ одномъ очень патетическомъ мѣстѣ Лаврецкій невольно взглянулъ на свою красавицу; она вся наклонилась впередъ; щеки ея пылали; подъ вліяніемъ его упорнаго взора, глаза ея, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на немъ.... Всю ночь мерещились ему эти глаза. Прорвалась наконецъ искусственно возведенная плотина; онъ и дрожалъ, и горѣлъ, и на другой же день отправился къ Михалевичу. Онъ узналъ отъ него, что красавицу звали Варварой Павловной Коробьной, что старикъ и старуха, сидѣвшіе съ ней въ ложѣ, были отецъ ея и мать, и что самъ онъ, Михалевичъ, познакомился съ ними годъ тому назадъ, во время своего пребыванія въ подмосковной на «ксидпціи» у графа Н. Съ величайшей похвалой отозвался энтузіастъ о Варварѣ Павловнѣ. — Это, братъ ты мой, воскликнулъ онъ со свойственной ему порывистой пѣвучестью въ голосъ, — эта дѣвушка — изумительное, гениальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая. — Замѣтивъ изъ разспросовъ Лаврецкаго, какое впечатлѣніе произвела на него Варвара Павловна, онъ самъ

предложилъ ему познакомить его съ нею, прибавляя, что онъ у нихъ, какъ свой, что генераль челоѣкъ совсѣмъ чуждый, а мать такъ глупа, что только тряпки не сосетъ; въ пять дней боролся онъ съ своей робостью; на место молодой спартанецъ надѣлъ новенькій мундиръ и отдалъ въ распоряженіе Михалевичу, который, будучи своимъ челоѣкомъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ себѣ волосы, — и оба отправились къ Коробьинымъ.

ГЛАВА XIII.

Отецъ Варвары Павловны, Павелъ Петровичъ Коробьинъ, генераль-майоръ въ отставкѣ, весь свой вѣкъ провелъ въ Петербургѣ на службѣ, слымъ въ молодости ловкимъ танцоромъ и фрунтовиномъ, находился, по бѣдности, адъютантомъ при двухъ-трехъ невзрачныхъ генералахъ, женился на дочери одного изъ нихъ, взявъ тысячъ двадцать пять приданого, до тонкости постигъ всю премудрость ученій и смотровъ; тянулъ, тянулъ лямку и наконецъ, годиковъ черезъ двадцать, добился генеральскаго чина, получилъ полкъ. Тутъ бы ему отдохнуть и упрочить, не сибша, свое благосостояніе; онъ на это и рассчитывалъ, да немножко неосторожно повелъ дѣло; онъ придумалъ—было новое средство пустить въ оборотъ казенныя деньги, — средство оказалось отличное, но онъ не въ время поспешилъ: на него донесли; вышла болѣе чѣмъ непріятность—вышла скверная исторія. Кое-какъ отвертѣлся генераль отъ исторіи, но карьера его лопнула; ему посовѣтовали выйти въ отставку. Года два потолкался онъ еще въ Петербургѣ, въ надеждѣ, не наскочить ли на него тепленькое статское мѣсто; но мѣсто на него не наскочивало; дочь вышла изъ института, расходы увеличивались съ каждымъ днемъ.... Скрѣпя сердце, рѣшился онъ переѣхать въ Москву на дешевые хлѣбъ, нанялъ въ Старой Конюшенной крошечный низенькій домъ съ саженымъ гербомъ на крышѣ, и занялъ московскимъ отставнымъ генераломъ, тратя 2750 руб. сер. въ годъ. Москва — городъ хлѣбосольный, рада принимать встрѣчныхъ и поперечныхъ, а генераловъ и подавно; грузная, но не безъ военной выправки, фигура Павла Петровича скоро стала появляться въ лучшихъ московскихъ гостиныхъ. Его голый

затылокъ, съ косицами крашенныхъ волосъ и засаленной анненской лентой на галстукъ цвѣта воронова крыла, сталъ хорошо извѣстенъ всѣмъ скучливымъ и блѣднымъ юношамъ, угрюмо скитающимся во время танцевъ вокругъ игорныхъ столовъ. Павелъ Петровичъ счумѣлъ поставить себя въ обществѣ; говорилъ мало, но, по старой привычкѣ, въ носъ,—конечно, не съ лицами чиновъ высшихъ; осторожно игралъ въ карты, дома ѣлъ умѣренно, а въ гостяхъ за шестерыхъ. О жепѣ ег^о почти сказать нечего; звали ее Калліопой Карловной; изъ лѣваго ея глаза сочилась слезинка, въ силу чего Калліона Карловна (имѣя о томъ же она была нѣмецкаго происхожденія) сама считала себя за чувствительную женщину; она постоянно чего-то все боялась, словно не доѣла, и носила узкія бархатныя платья, токъ и тусклые дутые браслеты. Единственной дочери Павла Петровича и Калліопы Карловны, Варварѣ Павловнѣ только-что минулъ семнадцатый годъ, когда она вышла изъ .....скаго института, гдѣ считалась, если не первой красавицей, то ужъ навѣрное первой умницей и лучшей музыкантшей, и гдѣ получила шифръ; ей еще девятнадцати лѣтъ не было, когда Лаврецкій увидѣлъ ее въ первый разъ.

ГЛАВА XIV.

Ноги подкашивались у спартанца, когда Михалевичъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостиную Коробьинныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замарапнымъ людямъ; генеральша какъ-то скоро стушеввалась;—что же касается до Варвары Павловны, то она была такъ спокойна и самоуверенно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ тоже время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленного, сладкаго, — вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ — вкрадчивой, прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что словами передать трудно, но что трогало и возбуждало,—и уже, ко-

печно, возбуждало не робость. Лаврецкій навелъ рѣчь на театр, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній на счетъ его игры. Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо сыграла нѣсколько шопеновскихъ мазурокъ, тогда только что входившихъ въ моду. Насталъ часъ обѣда; Лаврецкій хотѣлъ удалиться, но его удержали; за столомъ генералъ потчивалъ его хорошимъ лафитомъ, за которымъ генеральскій лакей на извожикѣ скакалъ къ Деппе. Поздно вечеромъ вернулся Лаврецкій домой и долго сидѣлъ, не раздвываясь и закрывъ глаза рукою, въ оцѣпенѣннѣйшій очарованіи. Ему казалось, что онъ теперь только понималъ, для чего стоитъ жить; всѣ его предположенія, намѣренія, весь этотъ вздоръ и прахъ, исчезли разомъ; вся душа его слилась въ одно чувство, въ одно желаніе, въ желаніе счастья, обладанія, любви, сладкой женской любви. Съ того дня онъ часто сталъ ходить къ Коробьиннымъ. Полгода спустя, онъ объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей свою руку. Предложеніе его было принято; генералъ давнымъ-давно, чуть ли не наканунѣ перваго посѣщенія Лаврецкаго, спросилъ у Михалевича, сколько у него, Лаврецкаго, дупетъ, да и Варварѣ Павловнѣ, которая во все время ухаживанія молодого человѣка и даже въ самое мнovenіе признанія, сохранила обычную безмятежность и ясность души, — и Варварѣ Павловнѣ хорошо было извѣстно, что женихъ ея богатъ, а Каміліона Карловна подумала: *Meine Tochter macht eine schöne Partie* — и купила себѣ новый токъ.

ГЛАВА XV.

Итакъ, предложеніе его было принято, но съ нѣкоторыми условіями. Во-первыхъ, Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ; ктожь выходитъ за студента, да и что за странная мысль — помѣщику, богатому, въ 26 лѣтъ, брать уроки, какъ школьнику? Во-вторыхъ, Варвара Павловна взяла на себя трудъ заказать и закупить приданое, выбрать даже жениховы подарки. У ней было много практическаго смысла, много вкуса, и очень много любви къ комфорту, много умѣнья до-

ставлять себѣ этотъ комфортъ. Это умѣнье особенно поразило Лаврецкаго, когда, тотчасъ послѣ свадьбы, онъ вдвоемъ съ женою отправился въ удобной, ею купленной кареткѣ, въ Лаврики. Какъ все, что окружало его, было обдуманно, предугадано, предусмотрено Варварой Павловной! Какіе появились въ разныхъ уютныхъ уголкахъ прелестные дорожные несессеры; какіе восхитительные туалетные ящики и кофейники, и какъ мило Варвара Павловна сама варила кофе по утрамъ! Впрочемъ Лаврецькому было тогда не до наблюдений: онъ блаженствовалъ, упоевался счастьемъ; онъ предавался ему какъ дитя.... Онъ и былъ невиненъ, какъ дитя — этотъ юный Алкидъ. Недаромъ вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены; недаромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслаждений: она сдержала больше, чѣмъ сулила. Приѣхавши въ Лаврики въ самый разгаръ лѣта, она нашла домъ грязнымъ и темнымъ, прислугу смѣшной и устарѣлой, но не почла за нужное даже намекнуть о томъ мужу. Если бы она располагала основаться въ Лаврикахъ, она бы все въ нихъ передѣлала, начиная, разумѣется, съ дома; но мысль остаться въ этомъ степномъ захолустьи ни на мигъ не приходила ей въ голову; она жила въ немъ, какъ въ палаткѣ, крѣпко перенося всѣ неудобства и забавно подтрунивая надъ ними. Марѳа Тимофеевна приѣхала повидаться съ своимъ воспитанникомъ; она очень поправилась Варварѣ Павловнѣ, но ей Варвара Павловна не понравилась. Съ Глафирой Петровной новая хозяйка тоже не поладила; она бы ее оставила въ покоѣ, но старикъ Коробынну захотѣлось запустить руки въ дѣла зятя.—Управлять имѣніемъ такого близкаго родственника—говорилъ онъ — не стыдно даже генералу.—Полагать должно, что Павелъ Петровичъ не погнушался бы заняться имѣніемъ и вовсе чуждаго ему человѣка. Варвара Павловна повела свою атаку весьма искусно; не выдаваясь впередъ, повидимому вся погруженная въ блаженство медовыхъ мѣсяцевъ, въ деревенскую тихую жизнь, въ музыку и чтеніе, она понемногу довела Глафиру до того, что та въ одно утро вбѣжала, какъ бѣшеная, въ кабинетъ Лаврецкаго и, швырнувъ связку ключей на столъ, объявила, что не въ силахъ больше заниматься хозяйствомъ и не хочетъ оставаться въ деревнѣ. Надлежащимъ образомъ подготовленный Лаврецькій тотчасъ согласился на ея отъѣздъ. Этого Глафира Петровна не ожидала. «Хорошо — сказала она, и глаза ее потемнѣли, — я вижу, что я здѣсь лишняя; знаю, кто

меня отсюда гонить, съ родоваго моего гнѣзда. Только ты помни мое слово, племянникъ: не свить же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ вѣкъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ.» Въ тотъ же день она удалилась въ свою деревеньку, а черезъ недѣлю прибылъ генералъ Коробьинъ и съ пріятной меланхоліей во взглядахъ и движеніяхъ принялъ управленіе всѣмъ имѣніемъ на свои руки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Варвара Павловна увезла своего мужа въ Петербургъ. Двѣ зимы провела она въ Петербургѣ (на лѣто они переселялись въ Царское Село) въ прекрасной, свѣтлой, изящно мебелированной квартирѣ; много завели они знакомствъ въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества, много выѣзжали и принимали, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцевальныя вечеринки. Варвара Павловна привлекала гостей, какъ огонь бабочекъ. Ѳедору Ивановичу не совсѣмъ-то нравилась такая разсѣянная жизнь. Жена совѣтовала ему вступить на службу; онъ, по старой отцовской памяти да и по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ служить, но въ угоду Варварѣ Павловнѣ оставался въ Петербургѣ. Впрочемъ онъ скоро догадался, что никто не мѣшалъ ему уединиться, что педаромъ у него самый покойный и уютный кабинетъ во всемъ Петербургѣ, что заботливая жена даже готова помочь ему уединиться,—и съ тѣхъ поръ все пошло прекрасно. Онъ пришлся опять за собственное, по его мнѣнію недоконченное, воспитаніе, опять сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка. Странно было видѣть его могучую, широкоплечую фигуру, вѣчно согнутую надъ письменнымъ столомъ, его полное, волосатое, румяное лицо до половины закрытое листами словаря или тетради. Каждое утро онъ проводилъ за работой, обѣдалъ отлично, (Варвара Павловна была хозяйка хоть куда) а по вечерамъ вступалъ въ очарованный, пахучій, свѣтлый міръ, весь населенный молодыми веселыми лицами—и средоточіемъ этого міра была та же рачительная хозяйка, его жена. Она порадовала его рожденіемъ сына, но бѣдный мальчикъ жилъ недолго; онъ умеръ весной, а лѣтомъ, по совѣту врачей, Лаврецкій повезъ жену за границу, на воды. Разсѣяніе было ей необходимо послѣ такого несчастья, да и здоровье ея требовало теплаго климата. Лѣто и осень они провели въ Германіи и Швейцаріи, а на зиму, какъ оно и слѣдовало ожидать, поѣхали въ Парижъ. Въ Парижѣ Варвара Павловна разцвѣла, какъ роза, и такъ же скоро и ловко, какъ въ Петербургѣ, сумѣла свить себѣ гнѣздышко. Квартиру она нашла пріемленькую, въ одной изъ тихихъ,

но модныхъ улицъ Париза; мужу сшила такой плафонъ, на-кого онъ еще и не нашивалъ; наняла щегольскую служанку, отличную повариху, расторопнаго лакея; приобрѣла восхитительную каретку, прелестный віантино. Не прошло недѣли, какъ уже она перебиралась черезъ улицу, носила шаль, раскрывала зонтикъ и надѣвала перчатки не хуже самой чистокровной парижанки. И знакомыми она скоро обзавелась. Сперва къ ней ѣздили одни русскіе, потомъ стали появляться французы, весьма любезные, учтивые, холостые, съ прекрасными манерами, съ благозвучными фамиліями; всѣ они говорили скоро и много, развязно кланялись, пріятно шуршали глаза; бѣлые зубы сверкали у всѣхъ подъ розовыми губами, — и какъ они умѣли улыбаться! Каждый изъ нихъ приводилъ своихъ друзей и *la belle madame de Lavretzki* скоро стала извѣстна отъ *Chaussee d'Antin* до *Rue de Lille*. Въ тѣ времена (дѣло происходило въ 1836 году) еще не успѣло развестись племя фельетонистовъ и хроникѣровъ, которое теперь кипитъ повсюду, какъ муравьи въ разрытой кочкѣ: но уже тогда появлялся въ салонѣ Варвары Павловны нѣкто *M-r Jules*, неблаговидной наружности господинъ съ скаandalѣзной репутаціей, наглый и низкій, какъ всѣ дуэлисты и битые люди. Этотъ *M-r Jules* былъ очень противенъ Варварѣ Павловнѣ, но она его принимала, потому что онъ пописывалъ въ разныхъ газетахъ и безпрестанно упоминалъ о ней, называя ее то *M-me de L...tzki* то *M-me de ...*, *cette grande dame russe si distinguée, qui demeure rue de P....*; рассказывалъ всему свѣту, т. е. нѣсколькимъ сотнямъ подписчиковъ, которымъ не было никакого дѣла до *M-me de L...tzki*, какъ эта дама — настоящая по уму французка (*une vraie française par l'esprit*) — выше этого у французовъ похвалъ нѣтъ) мила и любезна, кака я она необыкновенная музыкантша и какъ она удивительно вальсируетъ; (Варвара Павловна, дѣйствительно, такъ вальсировала, что увлекала всѣ сердца за краями своей легкой, улетающей одежды).... словомъ, пускалъ о ней молву по міру, — а вѣдь это, что ни говорите — пріятно. Дѣвпца Марсъ уже сошла тогда со сцены, а дѣвпца Рашель еще не появлялась; тѣмъ не менѣе Варвара Павловна прилежно посѣщала театры. Она приходила въ восторгъ отъ итальянской музыки и смѣялась надъ развалинами Одри, прилично зѣвала во французской комедіи и плакала отъ игры г-жи Дорваль въ какой-нибудь ультра-романтической мелодрамѣ; а главное — Листъ у ней игралъ два раза и такъ былъ милъ, такъ простъ — прелесть! Въ такихъ пріятныхъ ощущеніяхъ

прошла зима, къ концу которой Варвара Павловна была даже представлена ко двору. Федоръ Ивановичъ съ своей стороны не скучалъ, хотя жизнь подъ часъ тяжела становилась у него на плечахъ, — тяжела, потому что пуста. Онъ читалъ газеты, слушалъ лекціи въ *Sorbonne* и *Collège de France*, слѣдилъ за преніями палаты, принялся за переводъ извѣстнаго ученаго сочиненія объ ирригаціяхъ. «Я не теряю времени, думалъ онъ, — все это полезно; но къ будущей зимѣ надобно непременно вернуться въ Россію «и приняться за дѣло». Трудно сказать, ложи ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло, и — Богъ знаетъ, удалось ли бы ему вернуться въ Россію къ зимѣ; пока, онъ ждалъ съ женою въ Баденъ-Баденъ.... Неожиданный случай разрушилъ всѣ его планы.

ГЛАВА XVI.

Войдя однажды въ отсутствіи Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

«Милый ангелъ Бетти! (я никакъ не рѣшаюсь назвать тебя *Ванке* или Варвара (*Varvara*). Я напрасно прождалъ тебя на углу бульвара; приходи завтра въ половинѣ втораго на паніу «ивартирку. Твой добрый толстякъ (*ton gros bonhomme de mari*) «объ эту пору обыкновенно зарывается въ свои книги; мы опять «споемъ ту пѣсенку вашего поэта *Пушкина* (*de votre poëte Poush-* «*chine*), которой ты меня научила: Старый мужъ, грозный мужъ! — «Тысячу поцалуетъ твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я жду тебя».

«Эрнестъ».

Лаврецкій не сразу понялъ, что такое онъ прочелъ; прочелъ во второй разъ — и голова у него закружилась, полъ захохоталъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновеніе. Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны никогда не представлялась его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣлокурый смазливый мальчикъ лѣтъ 23-хъ, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усами,

едва ли не самый ничтожный изъ всѣхъ ея знакомыхъ. Прошло нѣсколько минутъ, прошло полъ-часа; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ рукѣ и бессмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдныя лица; мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ падалъ, падалъ, падалъ.... и конца не было. Знакомый, легкій шумъ шелкового платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнья; Варвара Павловна въ шляпѣ и шали торопливо возвращалась съ прогулки. Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ; онъ почувствовалъ, что въ это мгновенье онъ былъ въ состояніи истерзать ее, избить ее до полу-смерти, по-мужицки, задушить ее своими руками. Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ только могъ прошептать: Бетти, — и выбѣжалъ изъ дому.

Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за-городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ будто смѣшно, даже какъ будто весело. Утромъ онъ прозябъ и зашелъ въ дрянной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. Судорожная зѣвота напала на него. Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогало — а онъ и не чувствовалъ усталости, — за то усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не понималъ; не понималъ, что съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревенѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что заставило ее, Варю, отдаться этому французу, и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть по прежнему спокойной, по прежнему ласковой и добѣрчивой съ нимъ! — Ничего не понимаю! шептали его засохшія губы. — Кто мнѣ поручится теперь, что и въ Петербургѣ.... И онъ не доканчивалъ вопроса и зѣвалъ опять, дрожа и пожимаясь всѣмъ тѣломъ. — Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что на дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепьяно и спѣла: «Старый мужъ, грозный мужъ!» Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ, — и онъ поднялся со стула, онъ хотѣлъ пойти сказать имъ: «вы со мною напрасно пошутили; прадедъ мой круто расправлялся съ мужиками, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ» — да убить ихъ обоихъ. — То вдругъ ему казалось, что все, что съ нимъ дѣлается — сонъ, и даже не сонъ — а такъ, вздоръ какой-то; что стоитъ

только встряхнуться, оглянуться.... Онъ оглядывался, и какъ ястребъ когтитъ пойманную птицу, глубже и глубже врѣзывалась тоска въ его сердце. — Къ довершенію всего, Лаврецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ падѣлся быть отцомъ... Прошедшее, будущее — вся жизнь была отравлена. — Онъ вернулся наконецъ въ Парижъ, остановился въ гостинницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г-на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:

«Прилагаемая бумажка вамъ объяснить всё. — Кстати скажу «вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда аккуратная, ро-«няете такія важныя бумаги». (Эту фразу бѣдный Лаврецкій готовилъ и лелѣялъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ)». Я не могу «больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны желать сви-«данія со мною. Назначаю вамъ 15,000 франковъ въ годъ; боль-«ше дать не могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую кон-«тору. Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ «счастья. Отвѣта не нужно».

Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ.... по онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла. — Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія исчезли, — и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидеть его, умоляла не осуждать ея безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кое-гдѣ виднѣлись пятна слезъ. — Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя, его уже не было въ Парижѣ; но онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію. — Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію; ему въ сущности было все равно, куда ни ѣхать, — лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру на счетъ женщиной пепси, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ, и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгнѣяемаго генерала и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность; но Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама припечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что было со-

вершено излишне. Скрываясь въ небольшомъ итальянскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Бадень — Бадень; имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мусье Жюлемъ. Въ этой статейкѣ сквозь обычную игривость проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Федора Ивановича при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ онъ отъ бурмистра извѣщеніе о томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья. — Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ трагико-комическая исторія, въ которой жена его играла незавидную роль.... Все было кончено: Варвара Павловна стала «извѣстностью».

Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. Иногда такая брала его тоска по женѣ, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже пожалуй.... простилъ бы ее, лишь бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку въ своей рукѣ. Однако время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ: его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; онъ понималъ свою жену, — близкаго человѣка только тогда и поймешь вполнѣ, когда съ нимъ разстанешься. Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, полготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться съ своими. Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, прибылъ онъ въ городъ О., гдѣ мы разстались съ нимъ и куда мы просимъ теперь благосклоннаго читателя вернуться вмѣстѣ съ нами.

ГЛАВА XVII.

На другое утро послѣ описаннаго нами дня, часу въ десятомъ, Лаврецкій всходилъ на крыльцо Калитинскаго дома. — Ему навстрѣчу вышла Лиза въ шляпкѣ и въ перчаткахъ.

— Куда вы? спросилъ онъ ее.

— Къ обѣднѣ. Сегодня воскресенье.

— А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?

Лиза молча, съ изумленіемъ, посмотрѣла на него.

— Извините пожалуйста, проговорилъ Лаврецкій, я.... я не то хотѣлъ сказать, я пришелъ проститься съ вами, я черезъ часъ ѣду въ деревню.

— Вѣдь это отсюда недалеко? спросила Лиза.

— Верстъ двадцать пять.

На порогѣ двери появилась Леночка въ сопровожденіи горничной.

— Смотрите, не забывайте насъ, промолвила Лиза и спустилась съ крыльца.

— И вы не забывайте меня. Да послушайте, прибавилъ онъ, вы идете въ церковь; помолитесь, кстати, и за меня.

Лиза остановилась и обернулась къ нему.

— Извольте, сказала она, прямо глядя ему въ лицо, — я помолюсь и за васъ. Пойдемъ, Леночка.

Въ гостиной Лаврецкій засталъ Марію Дмитриевну одну. Отъ нея пахло одеколономъ и мятой. У ней, по ея словамъ, болѣла голова, и ночь она провела безпокойно. Она приняла его съ обычной своей томной любезностью и понемногу разговори-лась.

— Не правда ли, спросила она его, — какой Владиміръ Николаичъ пріятный молодой человѣкъ?

— Какой это Владиміръ Николаичъ?

— Да Паншинъ, вотъ, что вчера здѣсь былъ. Вы ему ужасно понравились; я вамъ скажу по секрету, *mon cher cousin*, онъ просто безъ ума отъ моей Лизы. Чтѣжь? Онъ хорошей фамиліи, служить прекрасно, уменъ, ну — камеръ-юнкеръ, и если на то будетъ воля Божія, я съ своей стороны, какъ мать, очень буду рада. — Отвѣтственность, конечно, большая; конечно отъ родителей зависитъ счастье дѣтей, да вѣдь и то сказать: до сихъ поръ, худо ли, хорошо ли, а вѣдь все я, вездѣ я одна, какъ есть; и воспитала-то дѣтей, и учила ихъ, все я.... я вотъ и теперь мамзель отъ г-жи Бюлюсъ выписала....

Марья Дмитриевна пустилась въ описаніе своихъ заботъ, стараній, своихъ материнскихъ чувствъ. Лаврецкій слушалъ ее молча и вертѣлъ въ рукахъ шляпу. Его холодный, тяжелый взглядъ смутилъ разболтавшуюся барыню,

— А Лиза какъ вамъ нравится? спросила она.

— Лизавета Михайловна прекраснѣйшая дѣвица, возразилъ Лавренкій, всталъ, откланился и зашелъ къ Марѣ Тимофеевнѣ. Марья Дмитриевна съ неудовольствіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: экой тюлень, мужикъ! Ну, теперь я понимаю, почему его жена не могла остаться ему вѣрной.

Марѣа Тимофеевна сидѣла у себя въ комнатѣ, окруженная своимъ штатомъ. Онъ состоялъ изъ пяти существъ, почти одинаково близкихъ ей сердцу: изъ толстозобого ученаго снѣгиря, котораго она полюбила за то, что онъ пересталъ свистать и таскать воду, — маленькой, очень пугливой и смирной собаченки Роски, сердитаго кота Матроса, черномазой вертлявой дѣвочки лѣтъ девяти, съ огромными глазами и вострымъ носикомъ, которую звали Шурочкой, — и пожилой женщины лѣтъ пятидесяти пяти, въ бѣломъ чепцѣ и коричневой кургузой кацавейкѣ на темномъ платьѣ, по имени Настасья Карповна Огарковой. — Шурочка была мѣщаночка, круглая сирота. Марѣа Тимофеевна взяла ее къ себѣ изъ жалости, какъ и Роску; и собаченку, и дѣвочку она нашла на улицѣ; обѣ были худы и голодны, обѣихъ мочилъ осенній дождь; за Роской никто не погнался, а Шурочку даже охотно уступилъ Марѣ Тимофеевнѣ ея дядя, пьяный башмачникъ, который самъ не добѣдалъ и племянницу не кормилъ, а колотилъ по головѣ колодкой. Съ Настасьей Карповной Марѣа Тимофеевна свела знакомство на богомольи, въ монастырѣ; сама подошла къ ней въ церкви, (она понравилась Марѣ Тимофеевнѣ за то, что, по ея словамъ, очень вкусно молилась), сама съ ней заговорила и пригласила ее къ себѣ на чашку чаю. Съ того дня она уже не разставалась съ ней. Настасья Карповна была женщина самаго веселаго и кроткаго нрава, вдова бездѣтная, изъ бѣдныхъ дворянокъ; голову имѣла круглую, сѣдую, мягкія бѣлыя руки, мягкое лицо съ крупными, добрыми чертами и нѣсколько смѣшнымъ, вздернутымъ носомъ; она благоговѣла передъ Марѣой Тимофеевной и та ее очень любила, хотя подтрунивала надъ ея нѣжнымъ сердцемъ: она чувствовала слабость не всѣмъ молодымъ людямъ и неволью краснѣла, какъ дѣвочка, отъ самой певинной шутки. Весь ея капиталъ состоялъ изъ 1200 рублей ассигнаціями; она жила на счетъ Марѣы Тимофеевны, но на равной съ ней ногѣ. Марѣа Тимофеевна не вынесла бы подобострастья.

— А! Одея! начала она, какъ только увидала его, — вчера вечеромъ ты не видѣлъ моей семьи: полкубуйся. Мы все къ чаю собрались; это у насъ второй, праздничный чай. Всѣхъ поласкать можешь: только Шурочка не дастся, а кѣтъ оцарапаетъ. Ты сегодня ѣдешь?

— Сегодня. — Лаврецкій присѣлъ на низкое стульце. — Я уже съ Марьей Дмитріевной простился. Я и Лизавету Михайловну видѣлъ.

— Зови ее Лизой, отецъ мой; что за Михайловна она для тебя? Да сиди смирно, а то ты Шурочкинъ стулъ сломаешь.

— Она къ обѣднѣ шла, продолжалъ Лаврецкій. Развѣ она богомольна?

— Да, Одея, очень. Больше насъ съ тобою, Одея.

— А вы развѣ не богомольны? замѣтила, пришепetyвая, Настасья Карповна. И сегодня къ ранней обѣднѣ не пошли, а къ поздней пойдете.

— Анъ нѣтъ; ты одна пойдешь; обѣднилась я, мать моя, возразила Марфа Тимофеевна, — чаемъ ужъ очень себя балую. — Она говорила Настасьѣ Карповнѣ: ты, хотя и жила съ ней на ровной ногѣ, — недаромъ же она была Пестова. Трое Пестовыхъ значатся на синодникѣ Ивана Васильевича Грознаго. Марфа Тимофеевна это знала.

— Скажите пожалуйста, началъ опять Лаврецкій: — мнѣ Марья Дмитріевна сейчасъ говорила объ этомъ... какъ бишь его? Паншинъ. Что это за господинъ?

— Экая она болтушка, прости Господи! проворчала Марфа Тимофеевна; — чай, подъ секретомъ тебѣ сообщила, что вотъ, молъ, какой наворачтывается женихъ. Шушукала бы съ своимъ поповичемъ; нѣтъ — видно ей мало. И вѣдь нѣтъ еще ничего, — да слава Богу! а она уже болтаетъ.

— Почему же слава Богу? спросилъ Лаврецкій.

— А потому, что молодецъ мнѣ не правится; да и чему тутъ радоваться?

— Не правится онъ вамъ?

— Да, не всѣхъ же ему нравитъ. Будетъ съ него и того, что готъ Настасья Карповна въ него влюблена.

Бѣдная вдова вся всподошилась.

— Что вы это, Марфа Тимофеевна, Бога вы не боитесь! воскликнула она, и румянецъ мгновенно разлился у ней по лицу и по шеѣ.

— И вѣдь знаетъ, плутъ — перебила ее Марѳа Тимофеевна, знаетъ, чѣмъ ее прельстить: табатерку ей подарилъ. Одея, попроси у ней табачку понюхать; ты увидишь, табатерка какая славная: на крышкѣ гусаръ на конѣ представленъ. Ужь ты лучше, мать моя, не оправдывайся.

Настасья Карповна только руками отмахивалась.

— Ну, а Лиза, спросилъ Лаврецкій, къ нему равнодушна?

— Кажется, онъ ей нравится, — а впрочемъ Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подала. Вотъ и Шурочкину душу, — поди, разбери! Зачѣмъ она прячется, а не уходитъ, съ тѣхъ поръ какъ ты пришелъ?

Шурочка фыркнула подавленнымъ смѣхомъ и выскочила вонъ, а Лаврецкій поднялся съ своего мѣста.

— Да, вромолвилъ онъ съ разстановкой, — дѣвичью душу не разгадаешь.

Онъ сталъ прощаться.

— Чтожь? скоро мы тебя увидимъ? спросила Марѳа Тимофеевна.

— Какъ придется, тетушка; тутъ вѣдь недалеко.

— Да, вѣдь ты въ Васильевское ѣдешь. Ты не хочешь жить въ Лавринахъ: — ну, это твое дѣло; только съѣзди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати. Ты тамъ за границей всякаго ума набрался, а кто знаетъ, можетъ быть, онѣ и почувствуютъ въ своихъ могилахъ, что ты къ нимъ пришелъ. Да не забудь, Одея, по Глафирѣ Петровнѣ тоже панафиду отслужить; вотъ тебѣ и цѣлковый. Возьми, возьми, это я по ней хочу отслужить панафиду. Я ее при жизни не любила, а нечего сказать, съ характеромъ была дѣвка. Умница была; ну, и тебя не обидѣла. А теперь ступай съ Богомъ, а то я тебѣ надоѣмъ.

И Марѳа Тимофеевна обняла своего племянника.

— А Лизѣ за Пантпинымъ не быть, не беспокойся; не такого мужа она стоитъ.

— Да я нисколько и не беспокоюсь, отвѣчалъ Лаврецкій и удалился.

ГЛАВА XVIII.

Часа четыре спустя, онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ какъ сто-

яла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухъ и застилалъ отдаленные лѣса; отъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно-обрисованными краями расплазались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій вѣтеръ мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣромъ загонны полей, на медленно мелькавшія ракиты, на глухихъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностью взиравшихъ бокомъ на проезжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія черныбыльникомъ, полыню и полевой рябинкой; онъ глядѣлъ.... и эта свѣжая, стѣнная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинныя холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревешки, жидкія березы — вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ тоже время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили; очертанія ихъ были также неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто бы бродившихъ, тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умерла, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начала-было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну—и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодрого, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ,—потомъ слѣпаго, плаксиваго, съ неопрятной сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себя салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мига ничего не видѣвшими глазами и краснѣя, рассказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павловну—и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ.

— Вотъ, подумалъ онъ, — новое существо только что вступаетъ въ жизнь. Славная дѣвушка, что-то изъ нея выйдетъ? Она и собой хороша. Блѣдное, свѣжее лицо, глаза и губы такія серьезныя и взглядъ честный и невинный. Жаль, она, кажется, восторженна немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходитъ, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманіемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинеть назадъ свои волосы. Точно, имъ самому сдается, Панинъ ее не стоитъ. Однако, чѣмъ же онъ дурень? А впрочемъ,

чего я размечтался? Побѣжить и она по той же дорожкѣ, по какой всѣ бѣгаютъ. Лучше я сосну. — И Лаврецкій закрылъ глаза.

Заснуть онъ не могъ, погрузился въ дремотное дорожное онѣмѣніе. Образы прошедшаго, по прежнему, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ.... о французской исторіи.... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики.... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза.... Тѣже поля, тѣже степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ попеременно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра.... «Хорошъ возвращаюсь я на родину» — промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: «пошелъ!» запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо видѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій анбарчикъ. Это было Васильевское.

Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сильный, глухой лай; но даже собаки не показались; лакей снова приготовился соскочить и закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и спустя мгновеніе на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человѣкъ въ панковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ на дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ. Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ къ верху кожу, и помогая барину спуститься на землю, поцаловалъ у него руку.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, проговорилъ Лаврецкій: — тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ бѣгалъ, ящикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ прыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безо всякой нужды изгибаясь какъ змѣя и высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

— Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, подумалъ Лаврецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.

ГЛАВА XIX.

Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтїи, изъ прочнаго соснового лѣсу; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлой пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ притолками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не отпиралъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатерининскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась. На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Федорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, жолтое лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покоробленнаго фона; небольшіе злые глаза угрюмо глядѣли изъ подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щоткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей: «Сами Глафира Петровна изволили плести», доложилъ Антопъ. Въ спальнѣ возвышалась узкая кровать подъ пологомъ изъ стародавней, весьма добротной полосатой матерїи; горка полинялыхъ подушекъ и стеганое жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ са-

мый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всеѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальней находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углѣ; на полу лежалъ истертый и закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна клала на немъ земные поклоны. Антонъ отправился съ лакеемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ тоже время—какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ ручкѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданія приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда нибудь; оказалось, что ее звали Апраксѣей; лѣтъ сорокъ тому назадъ, таже Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ она говорила мало,—словно изъ ума выжила,—а глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ да трехъ пузатыхъ ребятешекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужичонка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; не многимъ полезнѣе его была дряхлая собака, привѣтствовавшая лаемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны, и едва-едва была въ состояніи двигаться и влечить свою ношу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много тѣни, много старыхъ лѣтъ, которыя поражали своею громадною и страшнымъ расположеніемъ сучьевъ: онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то — лѣтъ сто тому назадъ — стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймой изъ высокаго красноватаго тростника. Слѣды человѣческой жизни гложутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрему, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Федоръ Ивановичъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порогу своихъ избъ,

подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись, дѣти бѣжали прочь, собаки равнодушно лаяли. Ему наконецъ захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лавриковъ еще не прибываетъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймать, зарѣзать и ощипать старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, стирала ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положила ее въ кастрюлю; когда она наконецъ сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аплике о трехъ ножкахъ и граеный графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово,—и самъ сталъ за его стуломъ, обернувъ правый кулакъ салфеткой и распространя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ суну и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырышками; толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отзывалось древесиной и щолокомъ. Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что онъ выпилъ бы чаю, если ... «Сею минутою-съ подамъ-съ», перебилъ его старикъ, — и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки; сыскался небольшой, но прерывистый и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости,—и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга;—Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кровати; онъ велѣлъ постлатъ себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ невеселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому человѣку, которому приходится въ первый разъ почевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома педоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ много шептался съ Апраксѣей, охалъ въ полъ-голоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подѣ-бокомъ было такое славное имѣнье съ отлично-устроенной усадьбой; они и не подозревали, что самая эта усадь-

ба-была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашптавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у анбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова, — и сладко спалось старику.

ГЛАВА XX.

На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣнь съ дворной собаки, которая только полаяла немного, не даже не отошла отъ своей кануры, — и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣненіе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. «Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки», сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченью тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивою кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжаніе мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, который то и дѣло стучится головою о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту, простучала телега, на деревнѣ скрыпѣли ворота. «Чего?» задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. «Охъ ты мой сударникъ», говоритъ Антонъ двухъ-лѣтней дѣвочки, которую нянчить на рукахъ. «Квасъ неси», повторяетъ тотъ же бабій голосъ, — и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласочки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, — и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго палета. «Вотъ когда я на днѣ рѣки», думаетъ опять Лаврецкій. «И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь», думаетъ онъ; «кто входитъ въ ея кругъ — покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель;

богородицѣны слѣзки еще выше выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. На женскую любовь ушли мои лучшіе годы», продолжаетъ думать Лаврецкій; «пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть усно-контъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло.» И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, — и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ; солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ: кажется, онѣ знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ кипѣла, торонила, грохотала жизнь; здѣсь также жизнь текла веслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній смѣгъ, — и страшное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.

ГЛАВА XXI.

Въ теченіи двухъ недѣль Федоръ Ивановичъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ, разчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Федоръ Ивановичъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить — не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ ирилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать рассказы старика Антопа. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки, — и начиналъ свои неторопливые рассказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копѣйки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны, даже подъ городомъ тянулись непроходимыя лѣса, нетронутыя степи. «А теперь», жаловался

старикъ, которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесятъ, — «такъ все вырубил да распахал, что проѣхать негдѣ.» Также рассказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петровнѣ: какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддабывался—было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать, — и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами цвѣту массака и желтое платье изъ трю—трю—левантина; но какъ потомъ, разгнѣвавшись на господина сосѣда за неприличный вопросъ: «что, молъ, долженъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?» приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины, даже до самомалѣйшей тряпички, было представлено Ѳеодору Ивановичу. И точно: Лаврецкій нашелъ весь теткинъ скарбъ въ цѣлости, не выключая праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массака и желтаго платья изъ трю—трю—левантина. Старинныхъ бумагъ и любопытныхъ документовъ, на которые разсчитывалъ Лаврецкій, не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его, Петръ Андреичъ, вписывалъ — то: «Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александръ Александровичемъ Прозоровскимъ»; то рецептъ груднаго *декокта* съ примѣчаніемъ: «Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой отъ прото—пресвитера церкви Живоначальныя Троицы Ѳеодора Авксентьевича»; то политическую новость слѣдующаго рода: «О тиграхъ французахъ что—то замолкло»; — и тутъ же рядомъ: «Въ Московскихъ вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ премьеръ—маіоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?» Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика; много воспоминаній возбудили въ немъ давно—забытыя, но знакомыя «Символы и Эмблемы.» Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями, разсыпанными по лбу, съ длинными темными глазами и полу—раскрытымъ ртомъ, — и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ, — его матери. Съ самой себя Глафира Петровна

никогда не позволила спать потрета. «Я, батюшка, Федоръ Ивановичъ», говаривалъ Лаврецкому Антонъ, — «хоча и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Аѳанасьяча помню, — какъ же: имѣ, когда они скончались, восемнадцатый годочекъ пошелъ. Разъ я имѣ въ саду встрѣлся, — такъ даже поджилки затряслись; однако они ничего, только спросили, какъ зовутъ, — и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. Баринъ былъ, что и говорить, — и старшого надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, увашего прадѣдушки чудная така ладонка; съ Аѳонской горы имѣ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, бояринъ, радушіе сіе тебѣ дарю; посп—и суда не бойся. Ну, да вѣдь тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена: что баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имѣ перечить, такъ они только посмотрятъ на него да скажутъ: мелко плаваешь; — самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженный памяти прадѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что добра послѣ себя оставилъ, серебра что, всякихъ запасовъ, — всѣ подвалы биткомъ набиты были. Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили, — ихъ былъ: изъ него водку кушали. А вотъ дѣдушка вашъ Петръ Андреечъ и палаты себѣ поставилъ каменные, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло *хинею*; и жили они хуже папенькинаго, и удовольствій никакихъ себѣ не производили, — а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ; ложки серебряной отъ нихъ не осталось, — и то еще спасибо, Глафира Петровна порадовала.»

— А правда ли, перебивалъ его Лаврецкій: — ее старой колотовкой звали?

— Да вѣдь кто звалъ! возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ....

— А что, батюшка, — рѣшился спросить однажды старикъ, — что наша барынька, гдѣ изволить свое пребываніе имѣть?

— Я развелся съ женою, проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій: — пожалуйста, не спрашивай о ней.

— Слушаю-съ, печально возразилъ старикъ.

По прошествіи трехъ недѣль, Лаврецкій поѣхалъ верхомъ въ О.... къ Калитинымъ и провелъ у нихъ вечеръ. Леммъ былъ у нихъ; онъ очень понравился Лаврецкому. Хотя, по милости отца, онъ ни на какомъ инструментѣ не игралъ, однако страстно

любилъ музыку, музыку дѣльную, классическую. Паншина въ тотъ вечеръ у Калитиныхъ не было. Губернаторъ услалъ его куда-то за городъ. Лиза играла одна, и очень отчетливо; Леммъ оживился, расходился, свернулъ бумажку трубочкой и дирижировалъ. Марья Дмитриевна сперва смѣялась, глядя на него, потомъ ушла спать; по ея словамъ, Бетговенъ слишкомъ волновалъ ея нервы. Въ полночь Лаврецкій проводилъ Лемма на квартиру и просидѣлъ у него до трехъ часовъ утра. Леммъ много говорилъ; сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблестали, самые волосы приподнялись надо лбомъ. Уже такъ давно никто не принималъ въ немъ участія, а Лаврецкій видимо интересовался имъ, заботливо и внимательно разспрашивалъ его. Старика это тронуло; онъ кончилъ тѣмъ, что показавъ гостю свою музыку, сыгралъ и даже спѣлъ мертвеннымъ голосомъ нѣкоторые отрывки изъ своихъ сочиненій, между прочимъ цѣлую положенную имъ на музыку балладу Шиллера: Фридолинъ. Лаврецкій похвалилъ его, заставилъ кое-что повторить и, уѣзжая, пригласилъ его къ себѣ погостить на нѣсколько дней. Леммъ, проводившій его до улицы, тотчасъ согласился и крѣпко пожалъ его руку; но оставшись одинъ на свѣжемъ и сыромъ воздухѣ, при только что занимавшейся зарѣ, оглянувшись, прищурился, съежился и, какъ виноватый, побрелъ въ свою комнатку. «*Ich bin wohl nicht klug*» (я не въ своемъ умѣ) пробормоталъ онъ, ложась въ свою жесткую и короткую постель. Онъ попытался сказатьсь больнымъ, когда нѣсколько дней спустя Лаврецкій заѣхалъ за нимъ въ коляскѣ; но Федоръ Ивановичъ вошелъ къ нему въ комнату и уговорилъ его. Сильнѣе всего подѣйствовало на Лемма то обстоятельство, что Лаврецкій собственно для него велѣлъ привести къ себѣ въ деревню фортепьяно изъ города. Они вдвоемъ отправились къ Калитинымъ и провели у нихъ вечеръ, но уже не такъ пріятно, какъ въ послѣдній разъ. Паншинъ былъ тамъ, много рассказывалъ о своей поѣздкѣ, очень забавно передразнивалъ и представлялъ видѣнныхъ имъ помѣщиковъ; Лаврецкій смѣялся, но Леммъ не выходилъ изъ своего угла, молчалъ, тихо, шевелился весь, какъ паукъ, глядѣлъ угрюмо и тупо, и оживился только тогда, когда Лаврецкій сталъ прощаться. Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дичиться и ёжиться; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, березовыхъ почекъ, мирное сіянье безлуннаго звѣзднаго неба, дружный топотъ и фыркание лошадей, всѣ обаянія дороги, весны,

ночи — спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ.

ГЛАВА XXII.

Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ. Онъ какъ будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ. Лаврецкій навелъ рѣчь на его сочиненія и полупутя предложилъ ему написать для него либретто.

— Гмъ, либретто! возразилъ Леммъ: — нѣтъ, это не по мнѣ; у меня уже нѣтъ той живости, той игры воображенія, которая необходима для оперы; я уже теперь лишился силъ моихъ; но еслибъ я могъ еще что нибудь сдѣлать, я бы удовольствовался романсомъ; конечно, я желалъ бы хорошихъ словъ.

Онъ умолкъ и долго сидѣлъ неподвижно и поднимая глаза на небо.

— Напримѣръ, проговорилъ онъ наконецъ, — что нибудь въ такомъ родѣ: — вы, звѣзды, о вы, чистыя звѣзды!...

Лаврецкій слегка обернулся къ нему лицомъ и сталъ глядѣть на него.

— Вы, звѣзды, чистыя звѣзды, повторилъ Леммъ... Вы взираете одинаково на правыхъ и на виновныхъ.... но одни невинные сердцемъ, или что нибудь въ этомъ родѣ... васъ понимаютъ, то есть, нѣтъ, — васъ любятъ. Впрочемъ, я не поэтъ, — куда мнѣ? Но что нибудь въ этомъ родѣ, что нибудь высокое.

Леммъ отодвинулъ шляпу на затылокъ; въ тонкомъ сумракѣ свѣтлой ночи лицо его казалось блѣднѣе и моложе.

— И вы тоже, продолжалъ онъ постепенно утихавшимъ голосомъ, — вы знаете, кто любить, кто умѣетъ любить, потому что вы, чистыя, вы однѣ можете утѣшить.... нѣтъ, это все не то; я не поэтъ, промолвилъ онъ: — но что нибудь въ этомъ родѣ.

— Мнѣ жаль, что и я не поэтъ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Пустыя мечтанья, возразилъ Леммъ и углубился въ уголь коляски. Онъ закрылъ глаза, какъ бы собираясь заснуть.

Прошло нѣсколько мгновений... Лаврецкій прислушался.... Звѣзды, чистыя звѣзды, любовь, — шепталъ старикъ.

— Любовь, повторилъ про себя Лаврецкій, задумался и тяжело стало у него на душѣ.

— Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофоръ Федорычъ, промолвилъ онъ громко:—а какъ вы полагаете, зтотъ Фридолинъ, послѣ того, какъ графъ привелъ его къ женѣ, вѣдь онъ тутъ-то и сдѣлался ея любовникомъ, — а?

— Это вы такъ думаете, возразилъ Леммъ: — потому что, вѣроятно, опытъ... Онъ вдругъ умолкъ и въ смущеніи отвернулся. Лаврецкій принужденно засмѣялся, тоже отвернулся и сталъ глядѣть на дорогу.

Звѣзды уже начинали блѣднѣть и небо сѣрѣло, когда коляска подѣхала къ крыльцу домика въ Васильевскомъ. Лаврецкій проводилъ своего гостя въ назначенную ему комнату, вернувшись въ кабинетъ и сѣлъ передъ окномъ. Въ саду пѣлъ соловей свою послѣднюю, передразвѣтную пѣсню. Лаврецкій вспомнилъ, что и у Калитиныхъ въ саду пѣлъ соловей; онъ вспомнилъ также тихое движеніе Лизиныхъ глазъ, когда при первыхъ его звукахъ они обратились къ темному окну. Онъ сталъ думать о ней и сердце въ немъ утихло. Чистая дѣвушка, проговорилъ онъ въ полголоса: — чистыя звѣзды, прибавилъ онъ съ улыбкой и спокойно легъ спать.

А Леммъ долго сидѣлъ на своей кровати съ нотной тетрадкой на колѣняхъ. Казалось, небывалая, сладкая мелодія собиралась посѣтить его; онъ уже горѣлъ и волновался, онъ чувствовалъ уже истому и сладость ея приближенія.... но онъ не дождался ея.

— Не поэтъ и не музыкантъ, прошепталъ онъ наконецъ....

И усталая голова его тяжело опустилась на подушку.

ГЛАВА XXIII.

На другое утро хозяинъ и гость пили чай въ саду подъ старой липой.

— Маэстро! сказалъ между прочимъ Лаврецкій:—вамъ придется скоро сочинять торжественную кантату.

— По какому случаю?

— А по случаю бракосочетанія г. Цаншина съ Лизой. Замѣтили ли вы, какъ онъ вчера за ней ухаживалъ? Кажется, у нихъ уже все идетъ на ладъ.

— Этого не будетъ! воскликнулъ Леммъ.

— Почему?

— Потому что это невозможно. Впрочем, прибавилъ онъ погода немного, — на свѣтѣ все возможно. Особенно здѣсь у васъ, въ Россіи.

— Россію мы оставимъ пока въ сторонѣ; но что же дурнаго находите вы въ этомъ бракѣ?

— Все дурно, все. Лизавета Михайловна дѣвица справедливая, серьезная, съ возвышенными чувствами, — а онъ.... онъ дил-лет-тантъ, однимъ словомъ.

— Да вѣдь она его любитъ?

Леммъ всталъ со скамейки.

— Нѣтъ, она его не любитъ, то-есть, она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что это значитъ: любить. Мадамъ фонъ-Калитинъ ей говоритъ, что онъ хорошій молодой человекъ, а она слушается мадамъ фонъ-Калитинъ, потому что она еще совсѣмъ дитя, хоть ей и девятнадцать лѣтъ: молится утромъ, молится вечеромъ, — и это очень похвально; но она его не любитъ. Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, то-есть, душа его не прекрасна.

Леммъ произнесъ всю эту рѣчь связно и съ жаромъ, расхаживая маленькими шагами взадъ и впередъ передъ чайнымъ столикомъ и бѣгая глазами по землѣ.

— Дражайшій маэстро! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій: — мнѣ сдается, что вы сами влюблены въ мою кузину.

Леммъ вдругъ остановился.

— Пожалуйста, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ: — не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ; я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность.

Лаврецкому стало жаль старика; онъ попросилъ у него прошенія. Леммъ послѣ чая сыгралъ ему свою кантату, а за обѣдомъ, вызванный самимъ Лаврецкимъ, опять разговаривалъ о Лизѣ. Лаврецкій слушалъ его со вниманіемъ и любопытствомъ.

— Какъ вы думаете, Христофоръ Федорычъ? сказалъ онъ наконецъ: — вѣдь у насъ теперь, кажется, все въ порядкѣ; садъ въ полномъ цвѣтѣ. Не пригласить ли ее сюда на день вмѣстѣ съ ея матерью и моей старушкой теткой, — а? Вамъ это будетъ пріятно?

Леммъ наклонилъ голову надъ тарелкой.

— Пригласите, проговорилъ онъ.

— А Паншина не надобно?

— Не надобно, возразилъ старикъ съ почти-дѣтской улыбкой.

Дня два спустя, Ѳеодоръ Ивановичъ отправился въ городъ къ Калятиннымъ.

ГЛАВА XXIV.

Онъ засталъ всѣхъ дома; но онъ не тотчасъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи; онъ хотѣлъ сперва переговорить наединѣ съ Лизой. Случай помогъ ему; ихъ оставили вдвоемъ въ гостиной. Они разговорились; она успѣла уже привыкнуть къ нему, — да она и вообще никого не дичилась. Онъ слушалъ ее, глядѣлъ ей въ лицо и мысленно твердилъ слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человека внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, — и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ; — именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. «Вотъ онъ какой», подумала она, ласково глядя на него; «вотъ ты какая», подумалъ и онъ. А потому онъ не очень удивился, когда она, не безъ маленькой однако запинки, объявила ему, что давно имѣетъ на сердцѣ сказать ему что-то, но боится его рассердить.

— Не бойтесь, говорите, — промолвилъ онъ и остановился передъ ней.

Лиза подняла на него свои ясные глаза.

— Вы такіе добрые, начала она и въ тоже время подумала: «Да, онъ точно добрый....» — Вы извините меня, я бы не должна смѣть говорить объ этомъ съ вами.... но какъ могли вы.... отчего вы разстались съ вашей женой?

Лаврецкій дрогнулъ, поглядѣлъ на Лизу и подскѣлъ къ ней.

— Дитя мое, заговорилъ онъ: — не прикасайтесь пожалуйста къ этой рапѣ; руки у васъ нѣжныя, а все таки мнѣ будетъ больно.

— Я знаю, продолжала Лиза, какъ будто неразслушавъ его, — она передъ вами виновата, я не хочу ея оправдывать; но какъ же можно разлучать то, что Богъ соединилъ?

— Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лизавета Михайловна, произнесъ Лаврецкій довольно рѣзко; мы не поймемъ другъ друга.

Лиза поблѣднѣла; все тѣло ея слегка затрепетало, но она не замолчала.

— Вы должны простить, промолвила она тихо,—если хотите, чтобы и васъ простили.

— Простить! подхватилъ Лаврецкій.—Вы бы сперва должны были узнать, за кого вы просите? Простить эту женщину, принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное существо! И кто вамъ сказать, что она хочетъ возвратиться ко мнѣ? Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положеніемъ. Да что тутъ толковать? Имя ея не должно быть произносимо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять такое существо.

— Зачѣмъ оскорблять?.. съ усиліемъ проговорила Лиза; дрожь рукъ становилась видимой. — Вы сами ее оставили, Федоръ Ивановичъ.

— Но я же вамъ говорю, возразилъ съ невольнымъ взрывомъ нетерпѣнья Лаврецкій: — вы не знаете, какое это созданіе!

— Такъ зачѣмъ же вы женились на ней? прошептала Лиза и потупила глаза.

Лаврецкій быстро поднялся со стула.

— Зачѣмъ я женился? Я былъ тогда молодъ и неопытенъ; я обманулся, я увлекся красивой внѣшностью. Я не зналъ женщинъ, я ничего не зналъ. Дай вамъ Богъ заключить болѣе счастливый бракъ! но повѣрьте, напередъ ни за что нельзя ручаться.

— И я могу также быть несчастной,—промолвила Лиза; голосъ ея начиналъ прерываться:—но тогда падо будетъ покоряться; я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться....

Лаврецкій стиснулъ руки и тошнулъ ногой.

— Не сердитесь, простите меня, торопливо произнесла Лиза.

Въ это игновенье вошла Марья Дмитріевна. Лиза встала и хотѣла удалиться.

— Пойдите, неожиданно крикнулъ ей вслѣдъ Лаврецкій. У меня есть до вашей матушки и до васъ великая просьба: поспѣйте меня на моемъ новоселѣи. Вы знаете, я завелъ фортепьяно; Леммъ гостить у меня, сиречь теперь пѣтьте; вы подымете деревенскимъ воздухомъ и можете вернуться въ тотъ же день,—согласны вы?

Лиза взглянула на мать, а Марья Дмитріевна приняла болязненный видъ; но Лаврецкій не далъ ей разинуть рта и тутъ же поцаловалъ у ней обѣ руки. Марья Дмитріевна, всегда чувствитель-

ная на ласку и уже вовсе не ожидавшая такой любезности отъ «тюленя», умилилась душою и согласилась. Пока она соображала, какой бы назначить день, Лаврецкій подошелъ къ Лизѣ и, все еще взволнованный, украдкой шепнулъ ей: «спасибо, вы добрая дѣвушка; я виноватъ....» и ея блѣдное лицо заалѣлось веселой и стыдливой улыбкой; глаза ея тоже улыгнулись, — она до того мгновенно боялась, не оскорбила ли она его?

— Владиміръ Николаичъ съ нами можетъ ѣхать? спросила Марья Дмитриевна.

— Конечно, возразилъ Лаврецкій; — но не лучше ли намъ быть въ своемъ семейномъ кружкѣ?

— Да вѣдь, кажется.... начала было Марья Дмитриевна....— Впрочемъ, какъ хотите, прибавила она.

Рѣшено было взять Леночку и Шуручку. Марѳа Тимофеевна отказалась отъ поѣздки.

— Тяжело мнѣ, свѣтъ, сказала она, — кости старыя ломать; и ночевать у тебя, чай, негдѣ; да мнѣ и не спится въ чужой постели. Пусть эта молодежь скачетъ.

Лаврецкому уже не удалось болѣе побывать наединѣ съ Лизой; но онъ такъ глядѣлъ на нее, что ей и хорошо становилось, и стыдно немножко, и жалко его. Прощаясь съ ней, онъ крѣпко пожалъ ей руку; она задумалась, оставшись одна.

ГЛАВА XXV.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостинной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. — Они не видѣлись съ Москвы. — Посыпались воспоминанія, распросы; выступили на свѣтъ Божій давно—заглохшія воспоминанія. — Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похождения; въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ, — а онъ безпрестанно смѣялся силымъ, нерви-

ческимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ такъ же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ по прежнему. Лаврецкій упомянулъ-было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: «Слышалъ, братъ, слышалъ, — кто этого могъ ожидать?» — и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ, промолвилъ онъ, — завтра долженъ ѣхать; сегодня мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. Миѣ хочется непременно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденія, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? — (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ; волны жизни упали на мою грудь, — кто бишь это сказалъ? — хотя въ важномъ, въ существенномъ я не измѣнился; я по прежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю, — я вѣрую теперь, да — я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піесу; въ ней я выразилъ самыя задушевные мои убѣжденія. Слушай. — Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣдніе два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги — признакъ сильнаго чувства — пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло. Лаврецкій слушалъ его, слушалъ.... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ; его раздражала всегда готовая, постоянно кипучая восторженность московскаго студента. — Четверти-часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлечен-

ныхъ — и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ; голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдныѣ Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалеви́ча заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недомѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалеви́чъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возражалъ Лаврецкій; тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные, — а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

— Ну, если не *разочарованій*, то *скѣптыкъ*, это еще хуже (выговоръ Михалеви́ча отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было; ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей, — а тебя насильственно отводили отъ женщинъ; первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы, — впрочемъ, что это я вру — судьбы нѣту; старая привычка не точно выражаться. — Но чтожь это доказываетъ?

— Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнулъ.

— А ты себя вправь! — на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергій тебѣ не занимать-стать! — Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно — частный, такъ сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій; я не признаю...

— Нѣтъ, это твое правило, правило, — перебивалъ его въ свою очередь Михалеви́чъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что! грѣшилъ онъ часъ спустя: — ты желалъ самонаслажденія, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя....

— Что такое самонаслажденіе?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

— Что такое самонаслажденіе, спрашиваю я тебя?

— И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя; ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ...

— Говори яснѣй, безъ сравненій, ибо я тебя не понимаю.

— Ибо, — пожалуй, смѣйся, — ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копѣчный умъ.... ты, просто, жалкій, отсталой вольтеріанецъ — вотъ ты кто.

— Кто, — я вольтеріанецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, — и самъ того не подозреваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій, я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеніемъ Михалевичъ, — я, къ несчастію, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія....

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ же Михалевичъ въ 3-мъ часу ночи. — Ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріанецъ, ты — байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаніемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего; — а ты мыслящій человекъ — и лежишь; ты могъ бы что нибудь дѣлать — и ничего не дѣлаешь: лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ, лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, — все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій; почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія, — продолжалъ неутомимый Михалевичъ, — начитанные байбаки. Вы знаете, на какую пожку нѣмецъ хромаетъ; знаете, что плохо у англичанъ и у французовъ, — и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я-могъ вотъ умища — лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ. Да! — А то есть у насъ такіе господа — впрочемъ я это говорю не на твой счетъ — которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней — какъ.... какъ грибокъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію. — О, это млѣніе скуки — гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать противный байбакъ....

— Да чтожь ты бранишься? вопилъ въ свою очередь Лаврецкій. Работать.... дѣлать.... Скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосѣенъ полтавскій!

— Вишь чего захотѣлъ! — Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ пропіей Демосѣенъ. Помѣщикъ! — дворянинъ! — не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ; вѣры нѣтъ — и нѣтъ откровенія.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды! возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды! — Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько оснившимъ голосомъ, — у насъ! теперь! въ Россіи! Когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ....

— Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, промолвилъ Лаврецкій: — что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. «До завтра» проговорилъ онъ съ улыбкой — и всунулъ трубку въ кисеть. «До завтра», повторилъ Лаврецкій; но друзья еще болѣе часу бесѣдовали.... Впрочемъ голоса ихъ не возвышались болѣе — и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душою не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади на куртку недоставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы пмѣть у себя въ конторѣ «образованнаго человѣка.» Со всѣмъ тѣмъ Михалевичъ не унывалъ и жилъ-себѣ — циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радъ и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о соб-

ственнымъ призваніи, — и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ; но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ онъ одну таинственную, чернокудрую «панну».... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо извѣстная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ.... Но какъ подумаешь — развѣ и это не все равно?

Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся; нѣмца, съ непривычки, запугали его многошумныя рѣчи, его рѣзкія манеры.... Горемыка издали и тотчасъ чувствуетъ другаго горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ, — и это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться, — даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилахъ бѣдъ, — и тутъ же нѣсколько разъ называлъ себя счастливымъ человекомъ, сравнивалъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины....

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ! не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичъ; а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи....

— Спасибо, братъ, промолвилъ Лаврецкій; съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *цыныкъ!* воскликнулъ Михалевичъ.

— «Циникъ», поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цыныкъ, — повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ. Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣвая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ.... «Помни мои послѣднія три слова» закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ: «религія, прогрессъ, человѣчность! — Прощай!» Голова его съ нахлобученной на глаза фуражкой исчезла. Лаврецкій

остался одинъ на крыльцѣ—и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ», думалъ онъ возвращаясь въ домъ, «пожалуй, что я байбакъ.» Многія изъ словъ Михалевиича неотразимо вошли ему въ душу, хотъ онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ.

ГЛАВА XXVI.

Дня два спустя, Марья Дмитріевна, по обѣщанію, прибыла со всей своей молодежью въ Васильевское. Дѣвочки побѣжали тотчасъ въ садъ, а Марья Дмитріевна томно прошла по комнатамъ и томно все похвалила. Визитъ свой Лаврецкому она считала знакомъ великаго снисхожденія, чуть не добрымъ поступкомъ. Она привѣтливо улыбнулась, когда Антонъ и Апраксѣя, по старинной дворовой привычкѣ, подошли къ ней къ ручкѣ,—и разслабленнымъ голосомъ въ носъ попросила напиться чаю. Къ великой досадѣ Антона, надѣвшаго вязаные бѣлые перчатки, чай подаль пріѣзжей барыни не онъ, а наемный камердинеръ Лаврецкаго, не понимавшій, по словамъ старика, никакихъ порядковъ. За то Антонъ за обѣдомъ взялъ свое: твердой стопою сталъ онъ за кресло Марьи Дмитріевны—и уже никому не уступилъ своего мѣста. Давно-небывалое появленіе гостей въ Васильевскомъ—и встревожило, и обрадовало старика: ему было пріятно видѣть, что съ его бариномъ хорошіе господа знаютъ. Впрочемъ не онъ одинъ волновался въ тотъ день: Леммъ волновался тоже. Онъ надѣлъ коротенькій табачнаго цвѣту фракъ съ острымъ хвостикомъ, туго затянулъ свой шейный платокъ—и безпрестанно откашливался и сторонился, съ пріятнымъ и привѣтливымъ видомъ. Лаврецкій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что сближеніе между нимъ и Лизой продолжалось; она, какъ только вошла, дружески протянула ему руку. Послѣ обѣда Леммъ досталъ изъ задняго кармана фрака, куда онъ то и дѣло запускать руку,—небольшой свертокъ потной бумаги и сжавъ губы, молча, положилъ его на фортепьяно. Это былъ романсъ, сочиненный имъ наканунѣ на старомодныя нѣмецкія слова, въ которыхъ упоминалось о звѣздахъ. Лиза тотчасъ сѣла за фортепьяно и разобрала романсъ.... Увы! музыка оказалась запутанной и непріятно-напряженной; видно было, что композиторъ

сился выразить что-то страстное, глубокое, но ничего не вышло: усилие такъ и осталось однимъ усилиемъ. Лаврецкій и Лиза оба это почувствовали — и Леммъ это понялъ; ни слова не сказавъ, положилъ онъ свой романъ обратно въ карманъ и — въ отвѣтъ на предложеніе Лизы сыграть его еще разъ — покачалъ только головой, значительно сказалъ: «теперь—баста» — сгорбился, съежился — и отошелъ.

Къ вечеру пошли всѣмъ обществомъ ловить рыбу. Въ прудѣ за садомъ водилось много карасей и гольцовъ. Марья Дмитриевну посадили на кресло возлѣ берега, въ тѣни, постлали ей коверъ подъ ноги, дали лучшую удочку; Антонъ, какъ старый опытный рыболовъ, предложилъ ей свои услуги. Онъ усердно насаживалъ червяковъ, шлепалъ по нимъ рукою, плевалъ на нихъ и даже самъ закидывалъ удочку, граціозно наклоняясь впередъ всѣмъ корпусомъ. Марья Дмитриевна въ тотъ же день отозвалась о немъ Ѳедору Ивановичу слѣдующей фразой на институтско-французскомъ языкѣ: «*Il n'y a plus maintenant de ces gens comme ça comme autrefois.*» Леммъ съ двумя дѣвочками отправился подальше, къ самой плотинѣ; Лаврецкій помѣстился возлѣ Лизы. Рыба клевала безпрестанно; выхваченные караси то и дѣло сверкали въ воздухѣ своими то золотыми, то серебряными боками; радостныя восклицанія дѣвочекъ не умолкали; сама Марья Дмитриевна изнѣженно взвизгнула раза два. Рѣже всѣхъ бралось у Лаврецкаго и у Лизы; вѣроятно, это происходило отъ того, что они меньше другихъ обращали вниманія на ловлю и дали поплавкамъ своимъ подплыть къ самому берегу. Красноватый высокій камышъ тихо шелестилъ вокругъ нихъ, впереди тихо сіяла неподвижная вода, и разговоръ у нихъ шелъ тихій. Лиза стояла на маленькомъ плоту; Лаврецкій сидѣлъ на наклоненномъ стволѣ ракиты; на Лизѣ было бѣлое платье, перехваченное вокругъ пояса широкой, тоже бѣлой, лентой; соломенная шляпа висѣла у ней на одной рукѣ, — другою она съ нѣкоторымъ усилиемъ поддерживала гнупкое удилище. Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько строгій профиль, на закинутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка, — и думалъ: «О, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!» Лиза не оборачивалась къ нему, а смотрѣла на воду — и не-то шурилась, не-то улыбалась. Тѣнь отъ близкой липы падала на обонхъ.

— А знаете ли, началъ Лаврецкій:—я много размышлялъ о нашемъ последнемъ разговорѣ съ вами и пришелъ къ тому заключенію, что вы чрезвычайно добры.

— Я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, возразила было Лиза, — и застыдилась.

— Вы добры, повторилъ Лаврецкій.—Я топорный человекъ, а чувствую, что всѣ должны васъ любить. Вотъ хоть бы Леммъ. Онъ просто влюбленъ въ васъ.

Брови у Лизы—не то, чтобы нахмурились, а дрогнули; это съ ней всегда случалось, когда она слышала что нибудь непріятное.

— Очень онъ мнѣ былъ жалокъ сегодня, подхватилъ Лаврецкій,—съ своимъ неудавшимся романсомъ. Быть молодымъ и не умѣть — это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ — это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходить силы. Старикъ трудно переноситъ такіе удары!... Берегитесь, у васъ клюетъ.... — Говорять, прибавилъ Лаврецкій, помолчавъ немного, — Владиміръ Николаичъ написалъ очень милый романсъ.

— Да, отвѣчала Лиза:—это бездѣлка, но недурная.

— А какъ по вашему, спросилъ Лаврецкій:—хорошій онъ музыкантъ?

— Мнѣ кажется, у него большія способности къ музыкѣ; но онъ до сихъ поръ не занимался ею, какъ слѣдуетъ.

— Такъ. А человекъ онъ хорошій?

Лиза засмѣялась и быстро взглянула на Федора Ивановича.

— Какой странный вопросъ! воскликнула она, вытащила удочку и далеко закинула ее спова.

— Отчего же странный? Я спрашиваю о немъ у васъ, какъ человекъ недавно сюда пріѣхавшій, какъ родственникъ.

— Какъ родственникъ?

— Да. Вѣдь я вамъ, кажется, довожусь дядей.

— У Владиміра Николаича доброе сердце, заговорила Лиза; онъ умеетъ; *татап* его очень любить.

— А вы его любите?

— Онъ хорошій человекъ; отчего же мнѣ его не любить?

— А! промолвилъ Лаврецкій и умолкъ; полу-печальное, полунасмѣшливое выраженіе промелькнуло у него на лицѣ. Упорный взглядъ его смущалъ Лизу, но она продолжала улыбаться.—Ну и дай Богъ имъ счастья,—пробормоталъ онъ наконецъ, какъ будто про себя, и отворотилъ голову.

Лиза покраснѣла.

— Вы ошибаетесь, Федоръ Ивановичъ, сказала она: — вы напрасно думаете.... А развѣ вамъ Владиміръ Николаичъ не нравится? спросила она вдругъ.

— Не нравится.

— Отчего же?

— Миѣ кажется, сердца-то у него и нѣту.

Улыбка сошла съ лица Лизы.

— Вы привыкли строго судить людей,—промолвила она послѣ долгаго молчанья.

— Я не думаю. Какое право имѣю я строго судить другихъ, помилюте, — когда я самъ нуждаюсь въ снисхожденіи? Или вы забыли, что надо мной одинъ лѣнивый не смѣется?—А что, прибавалъ онъ, сдержали вы свое обѣщаніе?

— Какое?

— Помолились вы за меня?

— Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы пожалуйста не говорите легко объ этомъ.

Лаврецкій началъ увѣрять Лизу, что ему это и въ голову не приходило, что онъ глубоко уважаетъ всякія убѣжденія; потомъ онъ пустился толковать о религіи, о ея значеніи въ исторіи человечества, о значеніи христіанства....

— Христіаниномъ нужно быть, заговорила не безъ нѣкотораго успія Лиза,—не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть.

Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Какое это вы промолвили слово! сказалъ онъ.

— Это слово не мое, отвѣчала она.

— Не ваше... Но почему вы заговорили о смерти?

— Не знаю. Я часто о ней думаю.

— Часто?

— Да.

— Этого не скажешь, глядя на васъ теперь; у васъ такое веселое, свѣтлое лицо, вы улыбаетесь...

— Да, миѣ очень весело теперь, наивно возразила Лиза.

Лаврецкому захотѣлось взять ея обѣ руки и крѣпко стиснуть ихъ....

— Лиза, Лиза, закричала Марья Дмитріевна, поди сюда, посмотри, какого караса я поймала.

— Сейчасъ, *татап*, отвѣчала Лиза и пошла къ ней, а Лаврецкій остался на своей ракиѣ. «Я говорю съ ней, словно я не отжившій человѣкъ», думалъ онъ. Уходя, Лиза повѣсила свою шляпу на вѣтку: съ страннымъ, почти нѣжнымъ чувствомъ посмотрѣлъ Лаврецкій на эту шляпу, на ея длинныя, немного помятые ленты. Лиза скоро къ нему вернулась и опять стала на плотъ.

— Почему же вамъ кажется, что у Владиміра Николаича сердца нѣтъ? спросила она нѣсколько мгновений спустя.

— Я вамъ уже сказалъ, что я могъ ошибитъ ся; а впрочемъ время все покажетъ.

Лиза задумалась. Лаврецкій заговорилъ о своемъ житіѣ-бытіѣ въ Васильевскомъ, о Михалевичѣ, объ Антонѣ; онъ чувствовалъ потребность говорить съ Лизой, сообщить ей все, что приходило ему въ душу; она такъ мило, такъ внимательно его слушала; ея рѣдкія замѣчанія и возраженія казались ему такъ просты и умны. Онъ даже сказалъ ей это.

Лиза удивилась.

— Право? промолвила она: — А я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, *своихъ* словъ нѣтъ; она однажды сказала своему жениху: тебѣ должно быть скучно со мной; ты мнѣ говоришь все такое хорошее; а у меня своихъ словъ нѣту.

И слава Богу, подумалъ Лаврецкій.

ГЛАВА XXVII.

Между тѣмъ вечеръ наступалъ и Марья Дмитріевна изъявила желаніе возвратиться домой. Дѣвочекъ съ трудомъ оторвали отъ пруда, снарядили; Лаврецкій объявилъ, что проведетъ гостей до полъ-дороги и велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь. Усаживая Марью Дмитріевну въ карету, онъ хватился Лемма; но старика нигдѣ не могли найти. Онъ тотчасъ исчезъ, какъ только кончилось уженье. Антонъ съ замѣчательной для его лѣтъ силой захлопнулъ дверцы и сурово закричалъ: пошелъ, кучеръ! Карета тронулась. На заднихъ мѣстахъ помѣщались Марья Дмитріевна и Лиза; на переднихъ дѣвочки и горничная. Вечеръ стоялъ теплый и тихій, и окна съ обѣихъ сторонъ были опущены. Лаврецкій ѣхалъ рысью возлѣ кареты со стороны Лизы, положивъ руку на дверцы. Онъ бросилъ поводья на шею плавно бѣжавшей ло-

шли, изрѣдка мѣняясь двумя—тремя словами съ молодой дѣвушкой. Заря исчезла; наступила ночь, а воздухъ даже потеплѣлъ. Марья Дмитриевна скоро задремала; дѣвочки и горничная заснули тоже. Быстро и ровно катилась карета; Лиза наклонилась впередъ; только—что поднявшійся мѣсяцъ свѣтилъ ей въ лицо, ночной пахучій вѣтерокъ дышалъ ей въ глаза и щеки. Ей было хорошо. Рука ея опиралась на дверцы кареты рядомъ съ рукою Лаврецкаго. И ему было хорошо: онъ несся по спокойной ночной теплотѣ, не спуская глазъ съ добраго молодого лица, слушающая молодой, и въ шопотъ звенѣвшій голосъ, говорившій простыя, добрыя вещи; онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ полъ-дороги. Онъ не захотѣлъ будить Марью Дмитриевну, пожалъ слегка руку Лизы, сказалъ: «вѣдь мы друзья теперь, не правда ли»? Она кивнула головой, онъ остановилъ лошадь. Карета покати-лась дальше, тихонько колыхалась и пыряя; Лаврецкій отправился шагомъ домой. Обаянье лѣтней ночи охватило его: все вокругъ казалось такъ неожиданно—странно, и въ тоже время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали—а далеко было видно, хотя глазъ многого не понималъ изъ того что видѣлъ,—все покоилось; молодая, разцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецкаго бодро шла, мѣрно раскачиваясь направо и налево; большая, черная тѣнь ея шла съ ней рядомъ; было что-то таинственно-пріятное въ топотъ ея копытъ, что-то веселое и чудное въ гремящемъ крикѣ перепеловъ. Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяцъ блестѣлъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струей въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію. Ну! мы еще поживемъ, думалъ онъ;—не совсѣмъ еще насъ заѣла.... онъ не договорилъ, кто или что.... Потомъ онъ сталъ думать о Лизѣ, о томъ, что врядъ ли она любить Павшина; что встрѣтись онъ съ ней при другихъ обстоятельствахъ,—Богъ знаетъ, что могло бы изъ этого выйти; что онъ понимаетъ Лиза, хотя у ней «своихъ» словъ нѣтъ. Да и это неправда; у ней есть свои слова.... «Не говорите объ этомъ легкомысленно» вспомнилось Лаврецкому. Онъ долго ѣхалъ, понутивъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся;
Поклонился всему, что сжигалъ....

но тотчасъ же ударилъ лошадь хлыстомъ и скакалъ вплоть до дому.

Слѣзая съ коня, онъ въ послѣдній разъ оглянулся, съ невольной благодарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь лежала на холмахъ и на долинахъ; издали, изъ ея благовонной глубины, Богъ знаетъ откуда — съ неба ли, съ земли — тянуло тихимъ и мягкимъ тепломъ. Лаврецкій послалъ послѣдній поклонъ Лизѣ—и взбѣжалъ на крыльцо.

Слѣдующій день прошелъ довольно вяло. Съ утра падалъ дождь; Леммъ глядѣлъ исподлобья и все крѣпче и крѣпче стискивалъ губы, точно онъ давалъ себѣ зарокъ никогда не открывать ихъ. Ложась спать, Лаврецкій взялъ съ собою на постель цѣлую груду французскихъ журналовъ, которые уже болѣе двухъ недѣль лежали у него на столѣ нераспечатанные. Онъ принялся равнодушно рвать куверты и пробѣгать столбцы газетъ, въ которыхъ впрочемъ не было ничего новаго. Онъ уже хотѣлъ бросить ихъ—и вдругъ вскочилъ съ постели, какъ ужаленный. Въ фельетонѣ одной изъ газетъ извѣстный уже намъ мусь Жюль сообщалъ своимъ читателямъ «горестную новость»: прелестная, очаровательная москвитянка, писалъ онъ,—одна изъ царицъ моды, украшеніе парижскихъ салоновъ, *madame de Lameretzki* скончалась почти внезапно, — и вѣсть эта, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрная, только—что дошла до него, г-на Жюля. Онъ былъ, такъ продолжалъ онъ, — можно сказать, другомъ покойницы....

Лаврецкій одѣлся, вышелъ въ садъ и до самаго утра ходилъ взадъ и впередъ все по одной аллеѣ.

ГЛАВА XXVIII.

На слѣдующее утро за чаемъ Леммъ попросилъ Лаврецкаго дать ему лошадей для того, чтобы возвратиться въ городъ. «Миѣ пора приняться за дѣло, то-есть за уроки», замѣтилъ старикъ, «а то я здѣсь только даромъ время теряю». Лаврецкій не сразу отвѣчалъ ему: онъ казался разсѣяннымъ. «Хорошо, сказалъ онъ наконецъ, я съ вами самъ поѣду».—Безъ помощи слуги, крехтя и сердясь, уложилъ Леммъ свой небольшой чемоданъ, изорвалъ и сжегъ нѣсколько листовъ нотной бумаги. Подали

лошадей. Выходя из кабинета, Лаврецкій положилъ въ карманъ вчерашній номеръ газеты. Во все время дороги, и Леммъ и Лаврецкій мало говорили другъ съ другомъ; каждого изъ нихъ занимали собственные мысли, и каждый былъ радъ, что другой его не беспокоитъ. И разстались они довольно сухо, что впрочемъ часто случается между пріятелями на Руси. Лаврецкій подвезъ старика къ его домику: тотъ вылезъ, досталъ свой чемоданъ и не протягивая своему пріятелю руки (онъ держалъ чемоданъ обѣими руками передъ грудью), не глядя даже на него, сказалъ ему по-русски: прощайте-сь. — Прощайте, повторилъ Лаврецкій и велѣлъ кучеру ѣхать къ себѣ на квартиру. Онъ нанималъ на всякій случай квартиру въ городѣ О. Написавши нѣсколько писемъ и наскоро пообѣдавъ, Лаврецкій отправился къ Калитнымъ. Онъ засталъ у нихъ въ гостиной одного Паншина, который объявилъ ему, что Марья Дмитриевна сейчасъ выйдетъ, и тотчасъ съ самой радушной любезностью вступилъ съ нимъ въ разговоръ. До того дня Паншинъ обращался съ Лаврецкимъ — не то, чтобы свысока, а снисходительно; но Лиза, рассказывая Паншину свою вчерашнюю пѣздку, отзывалась о Лаврецкомъ, какъ о прекрасномъ и умномъ человѣкѣ; этого было довольно: слѣдовало завоевать «прекраснаго» человѣка. Паншинъ началъ съ комплиментовъ Лаврецкому, съ описанія восторга, съ которымъ, по его словамъ, все семейство Марьи Дмитриевны отзывалось о Васильевскомъ, и потомъ, по обыкновенію своему, ловко перейдя къ самому себѣ, началъ говорить о своихъ занятіяхъ, о вѣрнѣйшихъ своихъ на жизнь, на свѣтъ и на службу; сказалъ слова два о будущности Россіи, о томъ, какъ слѣдуетъ губернаторовъ въ рукахъ держать; тутъ же весело подтрунилъ надъ самимъ собою и прибавилъ, что между прочимъ ему въ Петербургѣ поручили — «*de populariser l'idée du cadastre*». Онъ говорилъ довольно долго, съ небрежной самоуверенностью разрѣшая всѣ затрудненія и, какъ фокусникъ шарами, играя самыми важными административными и политическими вопросами. Выраженія: «вотъ что бы я сдѣлалъ, еслибъ я былъ правительствомъ»; «вы, какъ умный человѣкъ, тотчасъ со мной согласитесь», не сходили у него съ языка. Лаврецкій холодно слушалъ разглагольствованія Паншина; не правился ему этотъ красивый, умный и непринужденно-изящный молодой человѣкъ, съ своей свѣтлой улыбкой, вѣжливымъ голосомъ и пытливыми глазами. Паншинъ скоро догадался, съ свойствен-

нымъ ему быстрымъ пониманіемъ ощущеній другаго, что не доставляетъ особеннаго удовольствія своему собесѣднику, и подъ благовиднымъ предлогомъ скрылся, рѣшивъ про себя, что Лаврецкій, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, но не симпатичный, «*aigri*», и «*en somme*» нѣсколько смѣшной. — Марья Дмитріевна появилась въ сопровожденіи Гедеоновскаго; потомъ пришла Марѳа Тимофеевна съ Лизой, за ними пришли остальные домочадцы; потомъ пріѣхала и любительница музыки, Бѣленицына, маленькая, худенькая дама, съ почти-ребяческимъ, усталымъ и красивымъ личикомъ, въ шумящемъ черномъ платьѣ, съ пестрымъ вѣеромъ и толстыми золотыми браслетами; пріѣхалъ и мужъ ея, краснощекій, пухлый человѣкъ, съ большими ногами и руками, съ бѣлыми рѣсницами и неподвижной улыбкой на толстыхъ губахъ; въ гостяхъ жена никогда съ нимъ не говорила, а дома въ минуты нѣжности называла его своимъ поросеночкомъ; Паншинъ вернулся: очень стало людно и шумно въ комнатахъ. Лаврецкому такое множество народа было не понутру; особенно сердила его Бѣленицына, которая то и дѣло глядѣла на него въ лорнетъ. Онъ бы тотчасъ ушелъ, еслибъ не Лиза; ему хотѣлось сказать ей два слова наединѣ, но онъ долго не могъ уловить удобное мгновенье и довольствовался тѣмъ, что съ тайной радостью слѣдилъ за нею взоромъ; никогда ея лицо не казалось ему благороднѣй и милѣй. Она много выигрывала отъ близости Бѣленицыной. Та безпрестанно двигалась на стулѣ, поводила своими узкими плечиками, смѣялась изнѣженнымъ смѣхомъ и то шурилась, то вдругъ широко раскрывала глаза. Лиза сидѣла смирно, глядѣла прямо и вовсе не смѣялась. Хозяйка сѣла играть въ карты съ Марѳой Тимофеевной, Бѣленицынымъ и Гедеоновскимъ, который игралъ очень медленно, безпрестанно ошибался, моргалъ глазами и утиралъ лицо платкомъ. Паншинъ принялъ меланхолическій видъ, выражался кратко, многозначительно и печально, — ни дать ни взять невысказавшійся художникъ, — но, не смотря на просьбы Бѣленицыной, которая очень съ нимъ кокетничала, не соглашался спѣть свой романсъ: Лаврецкій его стѣснялъ. Федоръ Ивановичъ тоже говорилъ мало; особенное выраженіе его лица поразило Лизу, какъ только онъ вошелъ въ комнату; она тотчасъ почувствовала, что онъ имѣетъ сообщить ей что-то, но, сама не зная почему, боялась спросить его. Наконецъ, переходя въ залу наливать чай, она невольно поворотила голову въ его сторону. Онъ тотчасъ пошелъ вслѣдъ за ней.

— Что съ вами? промолвила она, ставя чайникъ на самоваръ.

— А развѣ вы что замѣтили? проговорилъ онъ.

— Вы сегодня не такой, какимъ я васъ видѣла до сихъ поръ. Лаврецкій наклонился надъ столомъ.

— Я хотѣлъ, началъ онъ, — передать вамъ одно извѣстiе, но теперь невозможно. — Впрочемъ прочтите вотъ, что отмѣчено карандашомъ въ этомъ фельетонѣ, прибавилъ онъ, подавая ей номеръ взятаго съ собою журнала. — Прошу хранить это въ тайнѣ, я зайду завтра утромъ.

Лиза изумилась... Паншинъ показался на порогѣ двери; она положила журналъ къ себѣ въ карманъ.

— Читали вы Обермана, Лизавета Михайловна? задумчиво спросилъ ее Паншинъ.

Лиза отвѣчала ему вскользь и пошла изъ залы наверхъ. Лаврецкій вернулся въ гостиную и приблизился къ игорному столу. Марѳа Тимофеевна, распустивъ ленты чепца и покраснѣвъ, начала ему жаловаться на своего партнѣра, Гедсоновскаго, который, по ея словамъ, ступить не умѣлъ.

— Видно, въ карты играть, говорила она, — не то, что выдумки сочинять.

Тотъ продолжалъ моргать глазами и утираться. Лиза пришла въ гостиную и сѣла въ уголъ; Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла, — и обомъ стало почти жутко. Онъ прочелъ недоумѣнiе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ. Поговорить съ нею, какъ бы ему хотѣлось, онъ не могъ; оставаться въ одной комнатѣ съ нею, гостемъ въ числѣ другихъ гостей — было тяжело; онъ рѣшился уйти. Прощаясь съ нею, онъ успѣлъ повторить, что придетъ завтра, и прибавилъ, что надеется на ея дружбу.

— Приходите, отвѣчала она еѣ тѣмъ же недоумѣшемъ на лицѣ.

Паншинъ ожилъ по уходѣ Лаврецкаго; онъ началъ давать совѣты Гедсоновскому, насмѣшливо любезничать съ Бѣденицыной и наконецъ спѣлъ свой романсъ. Но съ Лизой онъ говорилъ и глядѣлъ на нее по прежнему: значительно и немного печально.

А Лаврецкій опять не спалъ всю ночь. Ему не было грустно, онъ не волновался, онъ затихъ весь; но онъ не могъ спать. Онъ даже не вспоминалъ прошедшаго времени; онъ просто глядѣлъ

въ свою жизнь, сердце его билось тяжело и ровно, часы летѣли, онъ и не думалъ о снѣ. По временамъ только всплывала у него въ головѣ мысль: да вѣдь это неправда, это все вздоръ, — и онъ останавливался, прижималъ головою и снова принимался глядѣть въ свою жизнь.

ГЛАВА XXIX.

Марья Дмитріевна не слишкомъ ласково приняла Лаврецкаго, когда онъ явился къ ней на слѣдующій день. «Вишь, повадился», подумала она. Онъ ей самъ по себѣ не очень нравился, да и Паншинъ, подъ вліяніемъ котораго она находилась, весьма коварно и небрежно похвалилъ его наканунѣ. Такъ какъ она не считала его гостемъ и не полагала нужнымъ занимать родственника, почти домашняго человѣка, то и получаса не прошло, какъ онъ уже шелъ съ Лизой въ садъ по аллеѣ. Леночка и Шурочка бѣгали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ по цвѣтнику.

Лиза была спокойна по обыкновенію, но болѣе обыкновеннаго блѣдна. Она достала изъ кармана и протянула Лаврецкому мелко сложенный листъ журнала.

— Это ужасно, промолвила она.

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ.

— Да можетъ быть это еще и неправда, прибавила Лиза.

— Оттого-то я и просилъ васъ не говорить объ этомъ никому.

Лиза прошла съ немного.

— Скажите, начала она:—вы не огорчены? нисколько?

— Я самъ не знаю, что я чувствую, отвѣчалъ Лаврецкій.

— Но вѣдь вы ее любили прежде?

— Любилъ.

— Очень?

— Очень.

— И не огорчены ея смертью?

— Она не теперь для меня умерла.

— Это грѣшно, что вы говорите. — Не сердитесь на меня. Вы меня называли своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно. — Вчера у васъ такое нехорошее было лицо. — Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее?—а

ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтъ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано.

Лаврецкій горько усмѣхнулся.

— Вы думаете? По крайней мѣрѣ я теперь свободенъ.

Лиза слегка вздрогнула.

— Полноте, не говорите такъ.—На что вамъ ваша свобода? Вамъ не объ этомъ теперь надо думать, а о прощеніи....

— Я давно ее простилъ, перебилъ Лаврецкій и махнулъ рукой.

— Нѣтъ—не то, возразила Лиза и покраснѣла.—Вы не такъ меня поняли. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы васъ простили....

— Кому меня прощать?

— Кому? — Богу. Кто же можетъ насъ простить, кромѣ Бога?

Лаврецкій схватилъ ее за руку.

— Ахъ, Лизавета Михайловна, повѣрьте, воскликнулъ онъ:— я и такъ довольно былъ наказанъ. Я уже все искупилъ, повѣрьте.

— Это вы не можете знать, проговорила Лиза въ полголоса.—Вы забыли, — еще недавно, вотъ когда вы со мной говорили, вы не хотѣли ее прощать.

Оба молча прошли по аллеѣ.

— А что же ваша дочь? спросила вдругъ Лиза и остановилась.

Лаврецкій восторженно вскрикнулъ.

— О, не беспокойтесь! — Я уже послалъ письма во всѣ мѣста. Будущность моей дочери, какъ вы ее... какъ вы говорите—обезпечена. Не беспокойтесь.

Лиза печально улыбнулась.

— Но вы правы, продолжалъ Лаврецкій. — Что мнѣ дѣлать съ моей свободой? На что мнѣ она?

— Когда вы получили этотъ журналъ? промолвила Лиза, не отвѣчая на его вопросъ.

— На другой день послѣ вашего посѣщенія.

— И неужели.... неужели вы даже не заплакали?

— Нѣтъ. Я былъ пораженъ; но откуда было взяться слезамъ? Плакать о прошедшемъ,—да вѣдь оно у меня все выжжено. — Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастье, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда и не бывало. О чемъ же

тутъ было плакать? — Впрочемъ кто знаетъ? — я, можетъ быть, былъ бы болѣе огорченъ, еслибъ я получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше....

— Двумя недѣлями? возразила Лиза. — Да чтожь такое случилось въ эти двѣ недѣли?

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.

— Да, да, вы угадали, подхватилъ внезапно Лаврецкій. — Въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что значитъ чистая женская душа, и мое прошедшее еще больше отъ меня отодвинулось....

Лиза-смутилась и тихонько пошла въ цвѣтникъ къ Леночкѣ и Шурочкѣ.

— А я доволенъ тѣмъ, что показалъ вамъ этотъ журналъ, говорилъ Лаврецкій, идя за нею слѣдомъ. — Я уже привыкъ ничего не скрывать отъ васъ, и надѣюсь, что и вы оплатите мнѣ такимъ же довѣріемъ.

— Вы думаете? промолвила Лиза и остановилась. — Въ такомъ случаѣ я бы должна была.... да нѣтъ! Это невозможно.

— Что такое? Говорите, говорите.

— Право, мнѣ кажется, я не должна.... А впрочемъ, прибавила Лиза и съ улыбкой оборотилась къ Лаврецкому, — что за откровенность въ-половину? — Знаете ли? я получила сегодня письмо.

— Отъ Паншина?

— Да, отъ него.... Почему вы знаете?..

— Онъ проситъ вашей руки?

— Да, произнесла Лиза и прямо и серьезно посмотрѣла Лаврецкому въ глаза.

Лаврецкій въ свою очередь серьезно посмотрѣлъ на Лизу.

— Ну, и что же вы ему отвѣчали? проговорилъ онъ наконецъ.

— Я не знаю, что отвѣчать, возразила Лиза и опустила сложенные руки.

— Какъ? Вѣдь вы его любите?

— Да, онъ мнѣ нравится; онъ, кажется, хорошій человекъ.

— Вы тоже самое пѣтъ же самыхъ выраженіяхъ сказали мнѣ четвертаго дня. — Я желаю знать, любите ли вы его тѣмъ сильнымъ, страстнымъ чувствомъ, которое мы привыкли называть любовью?

— Какъ *вы* понимаете, — нѣтъ.

— Вы въ него не влюблены?

— Нѣтъ. Да развѣ это нужно?

— Какъ?

— Маменькѣ онъ правится, продолжала Лиза. — Онъ добрый. — Я ничего противъ него не имѣю.

— Однако вы колеблетесь?

— Да.... и, можетъ быть, — вы, ваши слова тому причиной. Помните, что вы третьяго дня говорили? Но это слабость....

— О, дитя мое! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій — и голосъ его задрожалъ: — не мудрствуйте лукаво, не называйте слабостью крикъ вашего сердца, которое не хочетъ отдаться безъ любви. Не берите на себя такой страшной отвѣтственности передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы не любите и которому хотите принадлежать....

— Я слушаюсь, я ничего не беру на себя, произнесла было Лиза....

— Слушайтесь вашего сердца; оно одно вамъ скажетъ правду, перебилъ ее Лаврецкій. — Опытъ, разсудокъ, все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственнаго счастья на землѣ....

— Вы ли это говорите, Федоръ Ивановичъ? Вы сами женились по любви — и были ли вы счастливы?

Лаврецкій всплеснулъ руками.

— Ахъ, не говорите обо мнѣ! Вы и понять не можете всего того, что молодой, неискушенный, безобразно воспитанный мальчикъ можетъ принять за любовь! — Да и наконецъ, къ чему клеветать на себя? — Я сейчасъ вамъ говорилъ, что я не зналъ счастья.... нѣтъ! я былъ счастливъ!

— Мнѣ кажется, Федоръ Ивановичъ, произнесла, понизивъ голосъ, Лиза — (когда она не соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, она всегда понижала голосъ, притомъ она чувствовала большое волненіе) — счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ....

— Отъ насъ, отъ насъ, повѣрьте мнѣ.... (Онъ схватилъ ее за обѣ руки. Лиза поблѣднѣла и почти съ испугомъ, но внимательно глядѣла на него) — лишь бы мы не портили сами своей жизни. Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ нравомъ, съ вашей ясной душой! Умоляю васъ, не выходите замужъ безъ любви, по чувству долга, отреченья, что ли.... Это тоже безвѣ-

ріе, тотъ же расчетъ — и еще худшій. Повѣрьте мнѣ, — я имѣю право это говорить, я дорого заплатилъ за это право. И если вашъ Богъ...

Въ это мгновеніе Лаврецкій замѣтилъ, что Леночка и Шурочка стояли подлѣ Лизы и съ нѣмымъ изумленьемъ уставились на него. — Онъ выпустилъ Лизины руки, торопливо проговорилъ: извините меня пожалуйста, — и направился къ дому.

— Объ одномъ только прошу я васъ, промолвилъ онъ, возвращаясь къ Лизѣ: — не рѣшайтесь тотчасъ, подождите, подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ. Еслибъ даже вы не повѣрили мнѣ, еслибъ вы рѣшились на бракъ поразсудку, — и въ такомъ случаѣ не за г-на Паншина вамъ выходить. Онъ не можетъ быть вашимъ мужемъ... Не правда ли, вы общаетесь мнѣ не спѣшить?

Лиза хотѣла отвѣтить Лаврецкому — и ни слова не вымолвила, — не оттого, что она рѣшилась «спѣшить»; но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе.

ГЛАВА XXX.

Уходя отъ Калитиныхъ, Лаврецкій встрѣтился съ Паншинымъ: они холодно поклонились другъ другу. Лаврецкій пришелъ къ себѣ на квартиру и заперся. Онъ испытывалъ ощущенія, едва ли когда нибудь имъ испытанныя. Давно ли находился онъ въ состояніи «мирнаго оцѣпенѣнія»? давно ли чувствовалъ себя, какъ онъ выражался, на самомъ днѣ рѣки? Что же изменило его положеніе? что вынесло его наружу, на поверхность? Самая обыкновенная, неизбежная, хотя всегда неожиданная, случайность: смерть? — Да; но онъ не столько думалъ о смерти жены, о своей свободѣ, сколько о томъ, — какой отвѣтъ дать Паншину Лиза? Онъ чувствовалъ, что въ теченіе трехъ послѣднихъ дней онъ сталъ глядѣть на нее другими глазами; онъ вспоминалъ, какъ, возвращаясь домой и думая о ней въ тишинѣ ночи, онъ говорилъ самому себѣ: «если бы!...» Это «если бы», отнесенное имъ къ прошедшему, къ невозможному, сбылось, хоть и не такъ, какъ онъ полагалъ, — но одной его свободы было мало. «Она «послушается матери, думалъ онъ — она выйдетъ за Паншина; «но если даже она ему откажетъ, — не все ли равно для меня?» —

Проходя передъ зеркаломъ, онъ мелькомъ взглянулъ на свое лицо и пожалъ плечами.

День пронесся быстро въ этихъ размышленіяхъ; настала вечеръ. Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ шелъ поспѣшно, но къ дому ихъ приблизился замедленными шагами. Передъ крыльцомъ стояли дрожки Паншина. «Ну, подумалъ Лаврецкій, не буду эгоистомъ»—и вошелъ въ домъ. Въ домѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ гостиной было тихо; онъ отворилъ дверь и увидѣлъ Марью Дмитриевну, игравшую въ пикетъ съ Паншинымъ. Паншинъ молча ему поклонился, а хозяйка дома воскликнула: вотъ неожиданно! — и слегка нахмурила брови. Лаврецкій подсѣлъ къ ней и сталъ глядѣть ей въ карты.

— Вы развѣ умѣете въ пикетъ? спросила она его съ какою-то скрытной досадою и тутъ же объявила, что разнеслась.

Паншинъ счелъ девяносто и началъ учтиво и спокойно брать взятки, съ строгимъ и достойнымъ выраженіемъ на лицѣ. Такъ должны играть дипломаты; вѣроятно, такъ и онъ игралъ въ Петербургѣ съ какимъ нибудь сильнымъ сановникомъ, которому желалъ внушить выгодное мнѣніе о своей солидности и зрѣлости. «Сто-одинъ, сто-два, черви, сто-три», мѣрно раздавался его голосъ, и Лаврецкій не могъ понять, чѣмъ онъ звучалъ: укоризной или самодовольствіемъ.

— Можно видѣть Марю Тимофеевну? спросилъ онъ, замѣчая, что Паншинъ еще съ большимъ достоинствомъ принимался тасовать карты. Художника въ немъ уже не замѣчалось и тѣни.

— Я думаю, — можно; она у себя, на верху, отвѣчала Марья Дмитриевна:—освѣдомьтесь.

Лаврецкій отправился на верхъ. И Марю Тимофеевну онъ засталъ за картами: она играла въ дурачки съ Настасьей Карповной. Роска задала на него; но обѣ старушки приветливо его приняли; особенно Марья Тимофеевна казалась въ духѣ.

— А! Одея! Милости просимъ, промолвила она;—садись, мой батюшка. А мы сейчасъ доиграемъ. Хочешь варенья? Шурочка, достань ему банку съ клубникой. Не хочешь? Ну, такъ сиди такъ; а курить — не кури; не могу я табачища вашего терпѣть, да и Матросъ отъ него чихаетъ.

Лаврецкій поспѣшилъ объявить, что вовсе не желаетъ курить.

— Былъ ты внизу? продолжала старушка; — кого тамъ видѣлъ? Паншинъ все тамъ торчитъ? А Лизу видѣлъ? Нѣтъ. Она сюда хотѣла придти. Да вотъ и она; легка на поминѣ.

Лиза вошла въ комнату и, увидѣвъ Лаврецкаго, покраснѣла.

— Я къ вамъ на минутку, Марѳа Тимофеевна, начала было она....

— Зачѣмъ на минутку, возразила старушка; что это вы всѣ, молодыя дѣвки, за непосѣды за такія? Ты видишь, у меня гость; покалякай съ нимъ, займи его.

Лиза пристѣла на край стула, подняла глаза на Лаврецкаго — и почувствовала, что ей нельзя было не дать ему знать, чѣмъ кончилось ея свиданіе съ Паншинымъ. Но какъ это сдѣлать? Ей и стыдно было, и неловко. Давно ли она познакомилась съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который и въ церковь рѣдко ходитъ, и такъ равнодушно переноситъ кончину жены, — и вотъ уже она сообщаетъ ему свои тайны.... Правда, онъ принимаетъ въ ней участіе; она сама вѣритъ ему и чувствуетъ къ нему влеченіе; но все-таки ей стыдно стало, точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнатку.

Марѳа Тимофеевна пришла ей на помощь.

— Вѣдь если ты его занимать не будешь, заговорила она, ктожь его бѣдняка займетъ? Я для него слишкомъ стара, онъ для меня слишкомъ уменъ, а для Настасьи Карповны онъ слишкомъ старъ; ей все молоденькихъ подавай.

— Чѣмъ же я могу занять Федора Ивановича? промолвила Лиза. Если онъ хочетъ, я лучше ему что нибудь на фортепьяно сыгрую, прибавила она перѣшительно.

— И прекрасно; ты у меня умница, возразила Марѳа Тимофеевна. — Ступайте, мои милые, внизъ; когда кончите, приходите; а я вотъ въ дурахъ осталась, мнѣ обидно, я отыгаться хочу.

Лиза встала. Лаврецкій пошелъ за ней. Спускаясь съ лѣстницы, Лиза остановилась.

— Правду говорятъ, начала она; — что женщины исполнены противорѣчій. Вашъ примѣръ долженъ былъ испугать меня, сдѣлать меня недоувѣрчивой къ бракамъ по любви, а я...

— Вы отказали ему? перебилъ Лаврецкій.

— Нѣтъ; но и не согласилась. Я ему все сказала, все, что я чувствовала, и попросила его подождать. Довольны вы? прибавила она съ быстрой улыбкой и, слегка трогая перила рукою, сбѣжала съ лѣстницы.

— Что мнѣ сыграть вамъ, спросила она, поднимая крышку фортепьяно.

— Что хотите, отвѣчалъ Лаврецкій и сѣлъ такъ, что могъ смотрѣть на нее.

Лиза начала играть и долго не отводила глазъ отъ своихъ пальцевъ. Она взглянула наконецъ на Лаврецкаго и остановилась: такъ чудно и странно показалось ей его лицо.

— Что съ вами? спросила она.

— Ничего, возразилъ онъ:—мнѣ очень хорошо; я радъ за васъ, я радъ васъ видѣть, — продолжайте.

— Мнѣ кажется, говорила Лиза нѣсколько мгновений спустя:—если бы онъ точно меня любилъ, онъ бы не написалъ этого письма; онъ долженъ былъ бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь.

— Это не важно, промолвилъ Лаврецкій; важно то, что вы его не любите.

— Перестаньте, что это за разговоръ? Мнѣ все мерещется ваша покойная жена, и вы мнѣ страшны.

— Не правда ли, Вольдемаръ, какъ мило играетъ моя Лизетъ? говорила въ тоже время Марья Дмитриевна Паншиню.

— Да, отвѣчалъ Паншинъ: — очень мило.

Марья Дмитриевна съ нѣжностью посмотрѣла на молодого своего партнѣра; но тотъ принялъ еще болѣе важный и озабоченный видъ и объявилъ четырнадцать королей.

ГЛАВА XXXI.

Лаврецкій не былъ молодымъ человѣкомъ; онъ не могъ долго обманываться на счетъ чувства, внушеннаго ему Лизой; онъ окончательно въ тотъ же день убѣдился въ томъ, что полюбилъ ее. Не много радости принесло ему это убѣжденіе. «Неужели, подумалъ онъ, мнѣ въ тридцать-пять лѣтъ нечего другаго дѣлать, какъ опять отдать свою душу въ руки женщины? Но Лиза не чета *той*; она бы не потребовала отъ меня постыдныхъ жертвъ; она не отвлекла бы меня отъ моихъ занятій; она бы сама воодушевила меня на честный, строгій трудъ, и мы пошли бы оба впередъ, къ прекрасной цѣли. Да,—кончилъ онъ свои размышленія,—все это хорошо, но худо то, что она вовсе не захочетъ пойти

со мной. Не даромъ она сказала мнѣ, что я ей страшенъ. За то и Папшина она не любитъ.... слабое утѣшеніе!

Лаврецкій поѣхалъ въ Васильевское; но и четырехъ дней тамъ не выжилъ,—такъ ему показалось скучно. Его томило также ожиданіе: извѣстіе, сообщенное г-мъ Жюлемъ, требовало подтвержденія, а онъ не получалъ никакихъ писемъ. Онъ вернулся въ городъ и просидѣлъ вечеръ у Калитиныхъ. Ему легко было замѣтить, что Марья Дмитриевна была противъ него возмущена; но ему удалось нѣсколько умиловить ее, проигравъ ей рублей пятнадцать въ пикетъ,—и онъ провелъ около получаса почти наединѣ съ Лизой, несмотря на то, что мать ей еще наканунѣ совѣтовала не быть слишкомъ фамиліарной съ чело-вѣкомъ, «*qui a un si grand ridicule*». Онъ нашелъ въ ней перемѣну: она стала какъ будто задумчивѣе, поняла ему за его отсутствіе и спросила его—не пойдетъ ли онъ на другой день къ обѣднѣ? (на другой день было воскресенье).

— Ступайте, сказала она прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣ-тить:—мы вмѣстѣ помолимся за упокой ея души.—Потомъ она прибавила, что не знаетъ, какъ ей быть,—не знаетъ, имѣетъ ли она право заставлять Паншина долѣе ждать ея рѣшенія.

— Почему же? спросилъ Лаврецкій.

— Потому, сказала она,—что я уже теперь начинаю подозрѣ-вать, какое будетъ это рѣшеніе.

Она объявила, что голова у ней болитъ, и ушла къ себѣ наверхъ, нерѣшительно протянувъ Лаврецкому кончики паль-цевъ.

На другой день Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась: тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почув-ствовалъ, что она молилась и за него, и чудное умиленіе на-полнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладану, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ—все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ ника-кихъ молитвенныхъ словъ,—онъ безъ словъ даже не молился,—по хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ сво-имъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. — Вспомни-

лось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего-то свѣжаго прикосновенія: это, думалъ онъ тогда, ангелъ-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. — Онъ взглянулъ на Лизу... «Ты меня сюда привела, подумалъ онъ:—коснись же меня, коснись моей души.»—Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ—покоя, своей—прощенья...

Они встрѣтились на паперти; она привѣтствовала его съ веселой и ласковой важностью. Солнце ярко освѣщало молодую траву на церковномъ дворѣ, пестрыя платья и платки женщинъ; колокола сосѣднихъ церквей гудѣли въ вышинѣ; воробьи чирикали по заборамъ. Лаврецкій стоялъ съ непокрытой головой и улыбался; легкій вѣтерокъ вздымалъ его волосы и концы лентъ Лизиной шляпы. Онъ посадилъ Лизу и бывшую съ ней Леночку въ карету, раздалъ всѣ свои деньги нищимъ и тихонько побрелъ домой.

ГЛАВА XXXII.

Настали трудные дни для Федора Ивановича. Онъ находился въ постоянной лихорадкѣ. Каждое утро отправлялся онъ на почту, съ волненьемъ распечатывалъ письма, журналы, — и нигдѣ не находилъ ничего, что бы могло подтвердить или опровергнуть роковой слухъ. Иногда онъ самъ себѣ ставилъ гадокъ; «что это я, думалъ онъ,—жду, какъ воронъ крови, вѣрной вѣсти о смерти жены». Къ Калитинымъ онъ ходилъ каждый день: но и тамъ ему не становилось легче. Хозяйка явно дулась на него, принимала его изъ снисхожденія; Паншинъ обращался съ нимъ преувеличенно-вѣжливо; Леммъ напустилъ на себя мизантропію и едва кланялся ему, — а главное: Лиза какъ будто его избѣгала. — Когда же ей случалось остаться съ нимъ наединѣ, въ ней, вмѣсто прежней довѣрчивости, проявлялось замѣшательство; она не знала, что сказать ему, и онъ самъ чувствовалъ смущеніе. Лиза въ нѣсколько дней стала не та, какою онъ ее зналъ; въ ея движеніяхъ, голосѣ, въ самомъ смѣхѣ замѣчалась тайная тревога, небывалая прежде неровность. Марья Дмитриевна, какъ истая эгоистка, ничего не подозрѣ-

вала; но Марѳа Тимофеевна начинала присматривать за своей любимцей. Лаврецкій не разъ упрекнулъ себя въ томъ, что показалъ Лизѣ полученный имъ номеръ журнала; онъ не могъ не сознаться, что въ его душевномъ состояніи было что-то возмутительное для чистаго чувства. Онъ полагалъ также, что перемѣна въ Лизѣ происходила отъ ея борьбы съ самой собою, отъ ея сомнѣній: какой отвѣтъ дать Паншину? — Однажды она принесла ему книгу, романъ Вальтеръ-Скотта, который она сама у него спросила.

— Вы прочли эту книгу? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ теперь недо книгъ, отвѣчала она и хотѣла уйти.

— Пойдите на минуту; я съ вами такъ давно не былъ наединѣ. — Вы словно меня боитесь.

— Да.

— Отчего же, помилуйте?

— Не знаю.

Лаврецкій помолчалъ.

— Скажите, началъ онъ, — вы еще не рѣшились?

— Чтò вы хотите сказать? промолвила она, не поднимая глазъ.

— Вы понимаете меня....

Лиза вдругъ вспыхнула.

— Не спрашивайте меня ни о чемъ, произнесла она съ живостью, — я ничего не знаю; я сама себя не знаю.... И она тотчасъ же удалилась.

На слѣдующій день Лаврецкій пріѣхалъ къ Калитинымъ послѣ обѣда и засталъ у нихъ всѣ приготовленія ко всенощной. — Въ углу столовой на четырехугольномъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, уже находились прислоненные къ стѣнѣ небольшіе образа въ золотыхъ окладахъ, съ маленькими тусклыми алмазами на вѣнчикахъ. Старый слуга, въ сѣромъ фракѣ и башмакахъ, прошелъ, не сѣша и не стуча каблуками, черезъ всю комнату, поставилъ двѣ восковыя свѣчи въ тонкихъ подсвѣчникахъ передъ образами, перекрестился, поклонился и тихо вышелъ. Неосвѣщенная гостиная была пуста. Лаврецкій походилъ по столовой, спросилъ — не именинница ли кто? Ему отвѣчали шопотомъ, что нѣтъ, а что всенощную заказали по желанію Лизаветы Михайловны да Марѳы Тимофеевны; что хотѣли было чудотворную икону поднять, но что она уѣхала за тридцать верстъ къ боль-

ному. Скоро прибылъ вмѣстѣ съ дьячками и священникъ, чловѣкъ уже не молодой, съ большой лысиной, и громко кашлянулъ въ передней; дамы тотчасъ вереницей потянулись изъ кабинета и подошли къ нему подъ благословеніе; Лаврецкій молча имъ поклонился, и онѣ ему поклонились молча. Священникъ постоялъ немного, еще разъ откашлянулся и спросилъ въ полголоса басомъ:

— Приступить прикажете?

— Приступите, батюшка, возразила Марья Дмитріевна.

Онъ началъ облачаться; дьячокъ въ стихарѣ подобострастно попросилъ уголька; запахло ладаномъ. Изъ передней вышли горничные и лакеи и остановились сплошной кучкой передъ дверями. Роска, никогда не сходявшая съ верху, вдругъ появилась въ столовой: ее стали выгонять—она испугалась, завертѣлась и сѣла; лакей подхватилъ ее и унесъ. Всенощная началась. Лаврецкій прижался въ уголокъ; ощущенія его были страшны, почти грустны: онъ самъ не могъ хорошенько разобрать, что онъ чувствовалъ. Марья Дмитріевна стояла впереди всѣхъ, передъ креслами; она крестилась изпѣженно-небрежно, по-барски—то оглядывалась, то вдругъ поднимала взоры кверху: она скупчалась. Марѳа Тимофеевна казалась озабоченной; Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала съ какимъ-то скромнымъ и мягкимъ шумомъ; Лиза, какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не шевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась. Прикладываясь ко кресту по окончаніи всенощной, она также поцѣловала большую красную руку священника. Марья Дмитріевна пригласила его откушать чаю; онъ снялъ эпитрахиль, принялъ нѣсколько свѣтскій видъ и вмѣстѣ съ дамами перешелъ въ гостиную. Начался разговоръ, неслишкомъ оживленный. Священникъ выпилъ четыре чашки, безпрестанно отирая платкомъ свою лысину; рассказалъ между прочимъ, что купецъ Авошниковъ пожертвовалъ семь сотъ рублей на позолоту церковнаго «кумполо», и сообщилъ вѣрное средство противъ веснушекъ. Лаврецкій подсѣлъ—было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово и ни разу не взглянула на него. Она какъ будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее. Лаврецкому почему-то все хотѣлось улыбнуться и сказать что нибудь забавное; но на серд-

цѣ у него было смущеніе, и онъ ушелъ наконецъ, тайно недоумѣвая.... Онъ чувствовалъ, — что-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ.

Въ другой разъ Лаврецкій, сидя въ гостиной и слушая вкрадчивыя, но тяжелыя разглагольствованія Гедеоновскаго, внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокій, внимательный, вопросительный взглядъ въ глазахъ Лизы... Онъ былъ устремленъ на него, этотъ загадочный взглядъ. Лаврецкій цѣлую ночь потомъ онемѣ думалъ. Онъ любилъ не какъ мальчикъ, не къ лицу ему было вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувства возбуждала; но любовь на всякій возрастъ имѣетъ свои страданья, — и онъ испыталъ ихъ вполне.

ГЛАВА XXXIII.

Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, спалъ у Калитивыхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой прекрасный вечеръ, что Марья Дмитриевна, несмотря на свое отвращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери въ садъ и объявила, что въ карты играть не станетъ, что въ такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. — Настроенный вечеромъ и не желая пѣть передъ Лаврецикомъ, но чувствуя приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію: прочелъ хорошо, но слишкомъ сознательно и съ непужными тонкостями, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ не успѣлъ еще опять войти въ моду) — и вдругъ, какъ бы устыдясь своихъ изліяній, началъ по поводу извѣстной «Думы» укорять и упрекать новѣйшія поколѣнія, при чемъ не упустилъ случая изложить, какъ бы онъ все повернулъ по своему, еслибъ власть у него была въ рукахъ. — «Россія, говорилъ онъ, — отстала отъ Европы; нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы молодцы — это вздоръ; да и притомъ у насъ изобрѣтательности нѣтъ; самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки не выдумали. Слѣдовательно, мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ. Мы больны, говоритъ Лермонтовъ, — я согласенъ съ нимъ; но мы больны оттого, что только на-половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ мы и лечимъ»

ся должны («*le cadastre*» подумалъ Лаврецкій). — У насъ, продолжалъ онъ, — лучшія головы — *les meilleures têtes*, — давно въ этомъ убѣдились; всѣ народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія учрежденія — и дѣло съ концомъ. Пожалуй, можно приравниваться къ существующему народному быту; это наше дѣло, дѣло людей (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ) — служащихъ; но въ случаѣ нужды, не безпокойтесь, учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ.» — Марья Дмитриевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину; «вотъ какой, думала она, — умный человекъ у меня бесѣдуетъ.» Лиза молчала, прислонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже; Марѳа Тимофеевна, игравшая въ уголку въ карты съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. — Паншинъ расхаживалъ по комнатамъ и говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленіемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣніе, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей. — Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ надъ неподвижными верхушками липъ. Лаврецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя, свое поколѣніе на жертву, — но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденія и желанія; Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявилъ, что умные люди должны все передѣлать, и занесся наконецъ до того, что забывъ свое камеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, называлъ Лаврецкаго отсталымъ консерваторомъ, даже намекнулъ — правда, весьма отдаленно — на его ложное положеніе въ обществѣ. — Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса (онъ вспомнилъ, что Михалевичъ тоже называлъ его отсталымъ — только вольтеріянцемъ) — и спокойно разбилъ Паншина на всѣхъ пунктахъ. Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ съ высоты чиновничьяго самосознанія — передѣлокъ, не оправданныхъ низнаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею — того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна; не

отклонился наконецъ отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

— Все это прекрасно! воскликнулъ наконецъ раздосадованный Паншинъ: — вотъ вы вернулись въ Россію, — что же вы намѣрены дѣлать?

— Пахать землю, отвѣчалъ Лаврецкій, — и стараться какъ можно лучше ее пахать.

— Это очень похвально, бесспорно, возразилъ Паншинъ, — и мнѣ сказывали, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части; но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія....

— *Une nature poétique*, заговорила Марья Дмитріевна, — конечно не можетъ пахать.... *et puis*, вы призваны, Владиміръ Николаичъ, дѣлать все *en grand*.

Этого было слишкомъ даже для Паншина; онъ замаялся — и замаялъ разговоръ. Онъ попытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на музыку Шуберта — все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ. — «Какъ! въ такой вечеръ?» слабо возразила она; однако велѣла принести карты. Паншинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Марѣы Тимофеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже боялись остаться вдвоемъ, — и въ то же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе. Старушка потрепала украдкой Лаврецкаго по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая шопотомъ: «отдѣлалъ умника, спасибо.» — Все затихло въ комнатѣ; слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей, да иногда стукъ руки по столу, да восклицаніе или счетъ очковъ, — да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая пѣснь соловья.

ГЛАВА XXXIV.

Лиза не вымолвила ни одного слова въ теченіе спора между Лаврецкимъ и Паншинымъ, но внимательно слѣдила за нимъ и

вся была на сторонѣ Лаврецкаго. Политика ее занимала очень мало; но самопадѣнный тонъ свѣтскаго чиновника (онъ никогда еще такъ не высказывался) ее отталкивалъ; его презрѣніе къ Россіи ее оскорбило. Лизѣ и въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ какъ съ равней, безъ всякаго барскаго снисхожденія. Лаврецкій все это чувствовалъ; онъ бы не сталъ возражать одному Паншину; онъ говорилъ только для Лизы. Другъ другу они ничего не сказали, даже глаза ихъ рѣдко встрѣчались; но оба они поняли, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что и любятъ и не любятъ одно и тоже. Въ одномъ только они расходились; но Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу. Они сидѣли возлѣ Марьи Тимофеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой; да они и дѣйствительно за ней слѣдили,—а между тѣмъ у каждого изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропадало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканные и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ.—Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ—п радовался; но слово не выразить того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же останется оно и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и разцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли.

Пробило десять часовъ. Марья Тимофеевна отправилась къ себѣ на верхъ съ Настасьей Карповной; Лаврецкій и Лиза прошли по комнатѣ, остановились передъ раскрытой дверью сада, взглянули въ темную даль, потомъ другъ на друга—и улыбнулись: такъ, кажется, взяли бы они за руки, наговорились бы досыта. — Они вернулись къ Марѣ Дмитріевнѣ и къ Паншину, у которыхъ пикетъ затянулся. Послѣдній «король» кончился наконецъ, и хозяйка встала, крехтя и охая, съ обложеннаго подушками кресла; Паншинъ взялъ шляпу, поцаловалъ у Марьи Дмитріевны руку, замѣтилъ, что инымъ счастливымъ теперь ничто не мѣшаетъ спать или наслаждаться ночью, а ему придется до утра просидѣть надъ глупыми бумагами, холодно раскланялся съ Лизой (онъ не ожидалъ, что въ отвѣтъ на его пред-

ложеііе она попросить его подождать,—и потому дулся на нее) —и удалілся. Лаврецкій отправілся вслѣдъ за нимъ. У воротъ они разстались: Паншинъ разбудилъ своего кучера, толкнувъ его концомъ палки въ шею, сѣлъ на дрожки и покатылъ.—Лаврецкому не хотѣлось идти домой: онъ вышелъ изъ города въ поле. Ночь была тиха и свѣтла, хотя луны не было; Лаврецкій долго бродилъ по росистой травѣ: узкая тропинка попалась ему; онъ пошелъ по ней. — Она привела его къ длинному забору, къ алиткѣ; онъ попытался, самъ не зная зачѣмъ, толкнуть ее: она слабо скрипнула и отворилась, словно ждала прикосновенія его руки.—Лаврецкій очутился въ саду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по липовой аллеѣ и вдругъ остановился въ изумленіи: онъ узналъ садъ Калитиныхъ.

Онъ тотчасъ же вошелъ въ черное пятно тѣни, падавшей отъ густаго орѣховаго куста и долго стоялъ неподвижно, дышая и пожимая плечами.

«Это не даромъ», подумалъ онъ.

Все было тихо кругомъ: со стороны дома не приносилось никакого звука. Онъ осторожно пошелъ впередъ. Вотъ на поворотѣ аллеи весь домъ вдругъ глянулъ на него своимъ темнымъ фасомъ; въ двухъ только окнахъ наверху мерцалъ свѣтъ: у Лизы горѣла свѣча за бѣлымъ запавѣсомъ, да у Марѣы Тимофеевны въ спальнѣ передъ образомъ теплилась краснымъ огонькомъ лампадка, отражаясь ровнымъ сіяніемъ на золотѣ оклада; внизу дверь на балконъ широко зѣвала, раскрытая настежь. Лаврецкій сѣлъ на деревянную скамейку, подперся рукою и сталъ глядѣть на эту дверь да на окно Лизы. Въ городѣ пробило полночь; въ домѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать; сторожъ дробно поколотилъ по доскѣ. Лаврецкій ничего не думалъ, ничего не ждалъ; ему пріятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидѣть въ ея саду на скамейкѣ, гдѣ и она сидѣла не однажды.... Свѣтъ исчезъ въ Лизинной комнатѣ.

«Спокойной ночи, моя милая дѣвушка», прошептала Лаврецкій, продолжая сидѣть неподвижно и не сводя взора съ потемнѣвшаго окна.

Вдругъ свѣтъ появился въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, перешелъ въ другое, въ третье.... Кто-то шелъ со свѣчкой по комнатамъ. — Неужели Лиза? Не можетъ быть.... Лаврецкій приподнялся.... Мелькнулъ знакомый обликъ, и въ гостиной

появилась Лиза. Въ бѣломъ платьѣ, съ нерасплетенными косами по плечамъ, она тихонько подошла къ столу, пагнулась надъ нимъ, поставила свѣчку и чего-то искала; потомъ, обернувшись лицомъ къ саду, она приблизилась къ раскрытой двери и вся бѣлая, легкая, стройная, остановилась на порогѣ. — Трепетъ пробѣжалъ по членамъ Лаврецкаго.

— Лиза! сорвалось едва внятно съ его губъ.

Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— Лиза! повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи.

Лиза съ испугомъ вытянула голову и пошатнулась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отдѣлилась отъ двери и вступила въ садъ.

— Вы? проговорила она. — Вы здѣсь?

— Я.... я.... выслушайте меня, прошепталъ Лаврецкій и, схвативъ ее руку, повелъ ее къ скамейкѣ.

Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— Я не думалъ прійти сюда, началъ онъ: — меня привело.... я.... я.... я люблю васъ, произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновеніе поняла, гдѣ она и что съ нею. Она хотѣла подняться, не могла, и закрыла лицо руками.

— Лиза, произнесъ Лаврецкій; — Лиза, повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ....

Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдныхъ рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— Что съ вами? промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло.... Онъ понялъ, что значили эти слезы. — Неужели вы меня любите? прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте, — слышался ея голосъ; — встаньте, Федоръ Ивановичъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— Миѣ страшно; что это мы дѣлаемъ? повторила она.

— Я васъ люблю, проговорилъ онъ снова:—я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, какъ будто ее что-то ужалило, и подняла взоры къ небу.

— Это все въ Божьей власти, промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? Мы будемъ счастливы?

Она опустила глаза; онъ тихо привлекъ ее къ себѣ, и голова ея упала къ нему на плечо.... Онъ отклонилъ немного свою голову и отыскалъ ея губы....

Полчаса спустя Лаврецкій уже стоялъ передъ калиткой сада. Онъ нашелъ ее запертою и принужденъ былъ перепрыгнуть черезъ заборъ. Онъ вернулся въ городъ и пошелъ по заснувшимъ улицамъ. Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; всѣ сомнѣнія въ немъ замерли. «Исчезни прошедшее, темный призракъ,—думалъ онъ;—она меня любитъ, она моя». Вдругъ ему почудилось, что въ воздухѣ надъ его головою разлились какіе-то дивные, торжествующіе звуки; онъ остановился: звуки загремѣли еще великолѣпнѣй; пѣвучимъ, сильнымъ потокомъ струились они — и въ нихъ, казалось, говорило и пѣло все его счастье. Онъ оглянулся: звуки неслись изъ двухъ верхнихъ оконъ небольшого дома.

— Леммъ! вскрикнулъ Лаврецкій и подбѣжалъ къ дому. — Леммъ! Леммъ! повторилъ онъ громко.

Звуки замерли, и фигура старика въ шлафрокъ, съ раскрытой грудью и растрепанными волосами, показалась въ окнѣ.

— Ага! проговорилъ онъ съ достоинствомъ: это вы?

— Христофоръ Федорычъ, что это за чудная музыка! ради Бога, впустите меня.

Старикъ, ни слова не говоря, величественнымъ движеніемъ руки кинулъ изъ окна ключъ отъ двери на улицу. Лаврецкій проворно вбѣжалъ наверхъ, вошелъ въ комнату и хотѣлъ было броситься къ Лемму; но тотъ повелительно указалъ ему на стулъ, отрывисто сказалъ по-русски: «Садитесь и слушать»; самъ сѣлъ за фортепьяно, гордо и строго взглянулъ кругомъ, и заигралъ. Дав-

но Лаврецкій не слышалъ ничего подобнаго: сладкая, страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что есть на землѣ дорогаго, тайнаго, святаго; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса. Лаврецкій выпрямился и стоялъ, похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и вливались въ его душу, только что потрясенную счастьемъ любви; они сами пылали любовью. «Повторите», прошепталъ онъ, какъ только раздался послѣдній аккордъ. Старикъ бросилъ на него орлиный взоръ, постучалъ рукой по груди и, проговоривъ не спѣша на родномъ своемъ языкѣ: «это я сдѣлалъ, ибо я великій музыкантъ», снова сыгралъ свою чудную композицію. Въ комнатѣ не было свѣчей; свѣтъ поднявшейся луны косо падалъ въ окна; звонко трепеталъ чуткій воздухъ; маленькая, блѣдная комнатка казалась святилищемъ, и высоко и вдохновенно поднималась въ серебристой полутьмѣ голова старика. Лаврецкій подошелъ къ нему и обнялъ его. Сперва Леммъ не отвѣчалъ на его объятіе, даже отклонилъ его локтемъ; долго, не шевелясь ни однимъ членомъ, глядѣлъ онъ все такъ же строго, почти грубо, и только раза два промычалъ: ага! Наконецъ его преобразившееся лицо успокоилось, опустилось, и онъ въ отвѣтъ на горячія поздравленія Лаврецкаго сперва улыбнулся немного, потомъ заплакалъ, слабо всхлипывая какъ дитя.

— Это удивительно, сказалъ онъ, что вы именно теперь пришли; но я знаю, все знаю.

— Вы все знаете? произнесъ съ смущеніемъ Лаврецкій.

— Вы меня слышали, возразилъ Леммъ:—развѣ вы не поняли, что я все знаю?

Лаврецкій до утра не могъ заснуть: онъ всю ночь просидѣлъ на постели. И Лиза не спала: она молилась.

ГЛАВА XXXV.

Читатель знаетъ, какъ выросъ и развивался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минуло 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ: но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоя-

ніа, жолчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернёровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, няньчиться съ писклятами, — да и нѣкогда ему было няньчиться съ ними. Онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадыю, запряженной въ молотильную машину. «Скоренько жизнь моя проскочила», промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности немного больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитала дѣтей своихъ; она одѣвала ее какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой — и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Морё изъ Парижа; а послѣ его смерти поступила въ вѣдѣніе Марѳы Тимофеевны. Марѳа Тимофеевну читатель знаетъ; а дѣвица Морё была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умникомъ. Въ молодости она вела жизнь очень разсѣянную, а подъ старость у ней остались только двѣ страсти — къ лакомству да къ картамъ. Когда она была сыта, не играла въ карты и не болтала, — лицо у ней тотчасъ принимало выраженіе почти мертвенное: сидитъ, бывало, смотритъ, дышетъ — и такъ и видно, что никакой мысли не пробѣгаетъ въ головѣ. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бываютъ же добры птицы. Вслѣдствіе ли легкомысленно проведенной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надышалась съ дѣтства, — въ ней гнѣздилося что-то въ родѣ всеобщаго дешевенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно словами: *«tout ça c'est des bêtises»*. Она говорила неправильнымъ, но чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала; чего же больше можно желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Судьба этой женщины была замѣчательна. Она происходила изъ крестьянскаго семейства; 16-ти лѣтъ ее выдали за мужика; но отъ своихъ сестеръ крестьянокъ она отличалась рѣзко. Отецъ ея лѣтъ двадцать былъ старостой, нажилъ денегъ много и баловалъ ее. Красавица она была необыкновенная, первая щеголяха по всему околотку, умница, рѣчистая, смѣлая; ея баринъ,

Дмитрій Пестовъ, отецъ Марьи Дмитриевны, человѣкъ скромный и тихій, увидалъ ее однажды на молотбѣ, поговорилъ съ ней и страстно въ нее влюбился. Она скоро овдовѣла; Пестовъ, хотя и женатый былъ человѣкъ, взялъ ее къ себѣ въ домъ, одѣлъ ее по дворовому. Агафья тотчасъ освоилась съ новымъ своимъ положеніемъ, точно она вѣкъ свой иначе не жила. Она побѣлѣла, пополнѣла; руки у ней подъ кисейными рукавами стали «крупчатая», какъ у купчихи; самоваръ не сходилъ со стола; кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла, спала на пуховыхъ перинахъ. Лѣтъ пять продолжалась эта блаженная жизнь; — но Дмитрій Пестовъ умеръ; вдова его, барыня добрая, жалѣя память покойника, не хотѣла поступить съ своей соперницей нечестно, тѣмъ болѣе, что Агафья никогда передъ ней не забывалась; однако выдала ее за скотника и сослала съ глазъ долой. Прошло года три. Разъ какъ-то въ жаркій лѣтній день барыня заѣхала къ себѣ на скотный дворъ. Агафья попотчивала ее такими славными холодными сливками, такъ скромно себя держала и сама была такая опрятная, веселая, всѣмъ довольная, что барыня объявила ей прощеніе и позволила ходить въ домъ; а мѣсяцевъ черезъ шесть такъ къ ней привязалась, что произвела ее въ экономки и поручила ей все хозяйство. Агафья опять вошла въ силу, опять раздобѣла и побѣлѣла; барыня совсѣмъ ей вѣрилась. Такъ прошло еще лѣтъ пять. Несчастье вторично обрушилось на Агафью. Мужъ ея, котораго она вывела въ лакеи, запилъ, сталъ пропадать изъ дому и кончилъ тѣмъ, что укралъ шесть господскихъ серебряныхъ ложекъ и запряталъ ихъ—до случая—въ женнинъ сундукъ. Это открылось. Его опять повернули въ скотники, а на Агафью наложили опалу; изъ дома ея не выгнали, но разжаловали изъ экономокъ въ швеи и велѣли ей вмѣсто чепца носить на головѣ платокъ. Къ удивленію всѣхъ, Агафья съ покорнымъ смиреніемъ приняла поразившій ее ударъ. Ей уже было тогда за тридцать лѣтъ, дѣти у ней всѣ померли, и мужъ жилъ недолго. Пришла ей пора опомниться: она опомнилась. Она стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздавала всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смиренно, степенно, ни съ кѣмъ не ссорясь, всѣмъ уступая. Нагрубить ли ей кто—она только поклонится и поблагодаритъ за ученіе. Барыня давно ей простила, и опалу сложила съ нея, и

съ своей головы чепецъ ей подарила; но она сама не захотѣла снять свой платокъ и все ходила въ темномъ платьѣ; а послѣ смерти барыни она стала еще тише и ниже. Русскій человѣкъ бонится и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому; Агафью всѣ въ домѣ очень уважали; никто и не вспоминалъ о прежнихъ грѣхахъ, словно ихъ вмѣстѣ съ старымъ бариномъ въ землю похоронили.

Сдѣлавшись мужемъ Марьи Дмитріевны, Калитинъ хотѣлъ было поручить Агафѣ домашнее хозяйство; но она отказалась «ради соблазна»; онъ прикрикнувъ на нее: она низко поклонилась и вышла вонъ. Умный Калитинъ понималъ людей: онъ и Агафью понималъ и не забылъ ея. Переселившись въ городъ, онъ съ ея согласія приставилъ ее въ качествѣ няни къ Лизѣ, которой только-что пошелъ пятый годъ.

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко ее полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ; черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтихъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда недаромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась; чувство ея къ матери было неопредѣленно, она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ она и къ Агафѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафя съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафя вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея на маленькомъ креслѣ сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что рассказываетъ ей Агафя; а Агафя рассказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ рассказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ,

какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ нитъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали. — «Желтофіоліи»? спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты.... Агафья говорила съ Лизой важно и смѣренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала — и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполняя ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агафья и молиться ее учила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала, и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими — Марьей ли Дмитріевной, самимъ ли Калитинымъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвца Морѣ ее смѣшила; но легкомысленная французенка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: *tout ça c'est des bêtises*—не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянные сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. При томъ Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто видалась съ своей воспитанницей, которая ей вѣрила по прежнему.

Агафья однако не ужилась съ Марьей Тимофеевной, когда та переѣхала въ Калитинскій домъ. Строгая важность бывшей «панѣвницы» не правилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темныя слухи, будто она удалилась въ расколыничій скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она по прежнему шла къ обѣднѣ какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да

и сама Марѳа Тимофеевна — хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: — не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно, но одинъ Леммъ зналъ, чего ей это стоило. Читала она не много; у ней не было «своихъ словъ», но были свои мысли — и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что ему дѣлать. Такъ росла она — покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцати-лѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога, восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь....

Такова была Лиза.

ГЛАВА XXXVI.

На слѣдующій день, часу въ двѣнадцатомъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Паншина, который проскакалъ мимо его верхомъ, нахлобучивъ шляпу на самыя брови. У Калитиныхъ Лаврецкаго не приняли — въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ними познакомился. Марья Дмитриевна «почивали», — такъ доложилъ лакей; у «нихъ» голова болѣла. Марѳы Тимофеевны и Лизаветы Михайловны не было дома. Лаврецкій походилъ около сада въ смутной надеждѣ встрѣтиться съ Лизой, но не увидалъ никого. Онъ вернулся черезъ два часа и получилъ тотъ же отвѣтъ, при чемъ лакей какъ-то косо посмотрѣлъ на него. Лаврецкому показалось неприличнымъ навѣдываться въ тотъ же день въ третій разъ — и онъ рѣшился съѣздить въ Васильевское, гдѣ у него безъ того были дѣла. На до-

рогъ онъ строилъ различные планы, одинъ прекраснѣе другаго: но въ селѣцѣ его тетки на него напала грусть; онъ вступилъ въ разговоръ съ Антономъ; у старика, какъ нарочно, все невеселыя мысли на умѣ были. Онъ разсказалъ Лаврецкому, какъ Глафира Петровна передъ смертью сама себя за руку укусила, — и помолчавъ, сказалъ со вздохомъ: «всякъ человѣкъ, баринъ-батюшка, самъ себя на сѣденіе предапъ.» Было уже поздно, когда Лаврецкій пустился въ обратный путь. Вчерашніе звуки охватили его; образъ Лизы возсталъ въ его душѣ во всей своей кроткой ясности; онъ умиллся при мысли, что она его любитъ, — и подѣхалъ къ своему городскому домику, успокоенный и счастливый.

Первое, что поразило его при входѣ въ переднюю, былъ запахъ пачули, весьма ему противный; тутъ же стояли какіе-то высокіе сундуки и баулы. Лицо выскочившаго къ нему навстрѣчу камердинера показалось ему страннымъ. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, переступилъ онъ порогъ гостиной.... Ему навстрѣчу съ дивана поднялась дама въ черномъ шелковомъ платьѣ съ воланами и, поднеся батистовый платокъ къ блѣдному лицу, переступила нѣсколько шаговъ, склонила тщательно-расчесанную, душистую голову — и упала къ его ногамъ.... Тутъ только онъ узналъ ее: эта дама была его жена.

Дыханіе у него захватило.... Онъ прислонился къ стѣнѣ.

— Теодоръ, не прогоняйте меня! сказала она по-французски, и голосъ ея какъ ножомъ рѣзанулъ его по сердцу.

Онъ глядѣлъ на нее безмысленно, и однако тотчасъ же невольно замѣтилъ, что она и побѣлѣла и отекала.

— Теодоръ! продолжала она, изрѣдка вскидывая глазами и осторожно ломая свои удивительно-красивые пальцы съ розовыми лащипными ногтями, — Теодоръ, я передъ вами виновата, глубоко виновата, — скажу болѣе: я преступница; но вы выслушайте меня; раскаяніе меня мучитъ; я стала самой себѣ въ тягость, я не могла болѣе переносить мое положеніе: сколько разъ я думала обратиться къ вамъ, но я боялась вашего гнѣва; я рѣшилась разорвать всякую связь съ прошедшимъ.... *puis, j'ai été si malade*, — я была такъ больна, прибавила она и провела рукой по лбу и по щекѣ — я воспользовалась распространившимся слухомъ о моей смерти, я покинула все;

не останавливаясь, день и ночь спѣшила я сюда; я долго колебалась предстать предъ васъ, моего судью—*paraitre devant vous, mon juge*; но я рѣшилась наконецъ, вспомнивъ вашу всегдашнюю доброту, ѣхать къ вамъ; я узнала вашу адресъ въ Москвѣ. Повѣрьте, продолжала она, тихонько поднимаясь съ полу и садясь на самый край кресла: — я часто думала о смерти и я бы нашла въ себѣ довольно мужества, чтобы лишиться себя жизни — ахъ, жизнь теперь для меня несносное бремя! — Но мысль о моей дочери, о моей Адоchkѣ—меня останавливала; она здѣсь, она спитъ въ сосѣдней комнатѣ, бѣдный ребенокъ! Она устала — вы ее увидите: она, по крайней мѣрѣ, передъ вами невиновата.... А я такъ несчастна, такъ несчастна! воскликнула госпожа Лаврецкая и залилась слезами.

Лаврецкій пришелъ наконецъ въ себя; онъ отдѣлился отъ стѣны и повернулся къ двери.

— Вы уходите? съ отчаяньемъ проговорила его жена:—о, это жестоко! Не сказавши мнѣ ни одного слова, ни одного даже упрека.... Это презрѣніе меня убиваетъ, это ужасно!

Лаврецкій остановился.

— Что вы хотите слышать отъ меня? произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, съ живостью подхватила она:—я знаю, я не въ правѣ ничего требовать; я не безумная, повѣрьте; я не надѣюсь, я не смѣю надѣяться на ваше прощенье; я только осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы приказали мнѣ, что мнѣ дѣлать, гдѣ мнѣ жить? Я—какъ рабыня исполню ваше приказаніе, какое бы оно ни было.

— Мнѣ нечего вамъ приказывать, возразилъ тѣмъ же голосомъ Лаврецкій: — вы знаете, между нами все кончено.... и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь. Вы можете жить, гдѣ вамъ угодно; и если вамъ мало вашей пенсін....

— Ахъ, не говорите такихъ ужасныхъ словъ, перебила его Варвара Павловна: — пощадите меня, хотя.... хотя ради этого ангела... И, сказавши эти слова, Варвара Павловна стремительно выбѣжала въ другую комнату и тотчасъ же вернулась съ маленькой, очень изящно одѣтой дѣвочкой на рукахъ. Крупныя русыя кудри падали ей на хорошенькое румяное личико, на большіе черные заспанные глаза; она и улыбалась, и щурилась отъ огня, и упиралась пухлой ручонкой въ шею матери.

— *Ada, vois, c'est ton père*, проговорила Варвара Павловна, отводя отъ ея глазъ кудри и крѣпко цалуя ее:—*prie le avec moi...*

— *C'est ça papa*, зашептала дѣвочка, картавя.

— *Oui, mon enfant, n'est ce pas que, tu l'aimes?*

Но тутъ стало не въ мочь Лаврецкому.

— Въ какой это мелодрамѣ есть совершенно такая сцена? пробормоталъ онъ — и вышелъ вонъ.

Варвара Павловна постояла нѣкоторое время на мѣстѣ, слегка повела плечами, отнесла дѣвочку въ другую комнату, раздѣла и уложила ее. Потомъ она достала книжку, сѣла у лампы, подождала около часу и наконецъ сама легла въ постель.

— *Eh bien, madame?* спросила ее ея служанка, французенка, вывезенная ею изъ Парижа, снимая съ нея корсетъ.

— *Eh bien, Justine*, возразила она:—онъ очень постарѣлъ, но, мнѣ кажется, онъ все такой же добрый. Подайте мнѣ перчатки на ночь, приготовьте къ завтрашнему дню сѣрое платье доверху, да не забудьте бараньихъ котлетъ для Ады.... Правда, ихъ здѣсь трудно найти; но надо постараться.

— *Ala guerre — comme à la guerre*, возразила Жюстина и загасила свѣчу.

ГЛАВА XXXVII.

Болѣе двухъ часовъ скитался Лаврецкій по улицамъ города. Пришла ему на память ночь, проведенная въ окрестностяхъ Парижа. Сердце у него надрывалось и въ головѣ, пустой и словно оглушенной, кружились все однѣ и тѣ же мысли, темныя, вздорныя, злыя. «Она жива, она здѣсь», шепталъ онъ съ постоянно возраждавшимся изумленіемъ. Онъ чувствовалъ, что потерялъ Лизу. Жолчь его душила; слишкомъ внезапно поразилъ его этотъ ударъ. Какъ могъ онъ такъ легко повѣрить вздорной болтовнѣ фельетона, лоскуту бумаги? «Ну, я бы не повѣрилъ, подумалъ онъ:—какая была бы разница? Я бы не зналъ, что Лиза меня любитъ; она сама бы этого не знала». Онъ не могъ отогнать отъ себя образа, голоса, взоровъ своей жены.... и онъ проклиналъ себя, проклиналъ все на свѣтѣ.

Измученный, пришелъ онъ передъ утромъ къ Лемму. Долго онъ не могъ достучаться; наконецъ въ окнѣ показалась голова

старика въ колпакѣ, кислая, сморщенная, уже нисколько не пожежая на ту вдохновенно-суровую голову, которая, двадцать четыре часа тому назадъ, со всей высоты своего художническаго величія, царски глянула на Лаврецкаго.

— Что вамъ надо? спросилъ Леммъ:—я не могу каждую ночь играть, я декоктъ принялъ.—Но видно лицо у Лаврецкаго было очень странно: старикъ сдѣлалъ себѣ изъ руки надъ глазами козырекъ, взглянулъ въ своего ночнаго посѣтителя и выпустилъ его.

Лаврецкій вошелъ въ комнату и опустился на стулъ; старикъ остановился передъ нимъ, запахнувъ полы своего дряхлаго пестраго халата, ёжась и жуя губами.

— Моя жена пріѣхала, проговорилъ Лаврецкій, поднялъ голову и вдругъ самъ невольно разсмѣялся.

Лицо Лемма выразило изумленіе, но онъ даже не улыбнулся, только крѣпче завернулся въ халатъ.

— Вѣдь вы не знаете, продолжалъ Лаврецкій:—я воображалъ... я прочелъ въ газетѣ, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

— О-о, это вы недавно прочли? спросилъ Леммъ.

— Недавно.

— О-о, повторилъ старикъ и высоко поднялъ брови. — И она пріѣхала?

— Пріѣхала. Она теперь у меня, а я.... я несчастный человекъ.

И онъ опять усмѣхнулся.

— Вы несчастный человекъ, медленно повторилъ Леммъ.

— Христіанъ Осдорычъ, началъ Лаврецкій:—возьметесь вы доставить записку?

— Гмъ. Можно узнать, кому?

— Лизав....

— А, — да, да, понимаю. Хорошо. А когда нужно будетъ доставить записку?

— Завтра, какъ можно раньше.

— Гмъ. Можно послать Катринъ, мою кухарку. Нѣтъ, я самъ пойду.

— И принесете мнѣ отвѣтъ?

— И принесу отвѣтъ.

Леммъ вздохнулъ.

— Да, мой бѣдный молодой другъ; вы, точно, — несчастный молодой человекъ.

Лаврецкій написалъ два слова Лизѣ: онъ извѣстилъ ее о приѣздѣ жены, просилъ ее назначить ему свиданіе, — и бросился на узенькій диванъ лицомъ къ стѣнѣ; а старикъ легъ на постель и долго ворочался, кашляя и отпывая глотками свой декоктъ.

Настало утро; оба они поднялись. Странными глазами поглядѣли они другъ на друга. Лаврецкому хотѣлось въ этотъ мигъ убить себя. Кухарка Катринъ принесла имъ сквернаго кофе. Пробыло восемь часовъ. Леммъ надѣлъ шляпу и, сказавши, что урокъ онъ даетъ у Калитиныхъ въ десять часовъ, но что онъ найдетъ приличный предлогъ, отправился. Лаврецкій опять бросился на диванчикъ и опять со дна его души зашевелился горестный смѣхъ. Онъ думалъ о томъ, какъ жена выгнала его изъ дому; онъ представлялъ себѣ положеніе Лизы, закрывалъ глаза и закидывалъ руки за голову. Наконецъ Леммъ вернулся и принесъ ему клочокъ бумаги, на которомъ Лиза начертила карандашомъ слѣдующія слова: «Мы сегодня не можемъ видѣться; можетъ быть — завтра вечеромъ. Прощайте». Лаврецкій сухо и разсѣянно поблагодарилъ Лемма и пошелъ къ себѣ домой.

Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ, въ бѣленькомъ платицѣ съ голубыми ленточками, кушала баранью котлетку. Варвара Павловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, и съ покорностью на лицѣ подошла къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; она сѣла, скромно положила одну руку на другую и принялась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.

Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовалъ, что не владѣлъ собою; онъ видѣлъ ясно, что Варвара Павловна несколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ.

— Послушайте, сударыня, началъ онъ наконецъ, тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы: — намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю; да если бы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами — мнѣ невозможно.

Варвара Павловна сжала губы и прищурилась. — Это отвращеніе, подумала она; — конечно: я для него даже не женщина.

— Невозможно, повторилъ Лаврецкій и застегнулся до вер-
ху.—Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣ-
роятно; у васъ денегъ больше не стало.

— Увы! вы оскорбляете меня, прошептала Варвара Павловна.

— Какъ бы то ни было — вы все таки, къ сожалѣнію, моя
жена. — Не могу же я васъ прогнать...и вотъ что я вамъ пред-
лагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться въ Ла-
врики; живите тамъ; тамъ, вы знаете, хорошій домъ; вы будете
получать все нужное, сверхъ пенсіи.... Согласны вы?

— Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

Я вамъ уже сказала, промолвила она, нервически подергивая
губами: — что я на все буду согласна, что бы вамъ ни угодно
было сдѣлать со мной; на этотъ разъ остается мнѣ спросить у
васъ: позволите ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ поблагодарить васъ
за ваше великодушіе?

— Безъ благодарности, прошу васъ— эдакъ лучше, поспѣш-
но проговорилъ Лаврецкій.—Стало быть, продолжалъ онъ, при-
ближаясь къ двери:—я могу разсчитывать....

— Завтра же я буду въ Лаврикахъ, промолвила Варвара
Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста. — Но Федоръ
Иванычъ.... (Теодоромъ она его больше не называла).

— Что вамъ угодно?

— Я знаю, я еще ничемъ не заслужила своего прощенія; мо-
гу ли я надѣяться покрайней мѣрѣ, что со временемъ....

— Эхъ, Варвара Павловна, перебилъ ее Лаврецкій:—вы ум-
ная женщина, да вѣдь и я не дуракъ; я знаю, что этого вамъ со-
всѣмъ не нужно. — А я давно васъ простилъ, по между нами
всегда была бездна.

— Я съумѣю покориться, возразила Варвара Павловна и
склонила голову. — Я не забыла своей вины; я бы не удиви-
лась, если бы узнала, что вы даже обрадовались извѣстію о моей
смерти,—кратко прибавила она, слегка указывая рукой на лежав-
шій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, номеръ журнала.

Федоръ Иванычъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ каранда-
шемъ. Варвара Павловна еще съ большимъ уничиженіемъ посмот-
рѣла на него.—Она была очень хороша въ это мгновенье. Сѣрое
парижское платье стройно охватывало ее гибкій, почти семнад-
цати-лѣтній станъ: ея тонкая, пѣжная шея, окруженная бѣлымъ
воротничкомъ, ровно лышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и

колець, — вся ея фигура отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки была такъ изящна....

Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть не воскликнулъ: *brava!* чуть не ударилъ ее кулакомъ по темени — и удалился. — Часъ спустя онъ уже ѣхалъ въ Васильевское, а два часа спустя Варвара Павловна велѣла нанять себѣ лучшую карету въ городѣ, надѣла простую соломенную шляпу съ чернымъ вуалемъ и скромную мантилью, поручила Аду Жюсти-иѣ и отправилась къ Калитинымъ: изъ разспросовъ, сдѣланныхъ ею прислугѣ, она узнала, что мужъ ея ѣздилъ къ нимъ каждый день.

ГЛАВА XXXVIII.

День пріѣзда жены Лаврецкаго въ городъ О., невеселый для него день, былъ также тягостнымъ днемъ для Лизы. Не успѣла она сойти внизъ и поздороваться съ матерью, какъ уже подъ окномъ раздался конскій топотъ, и она съ тайнымъ страхомъ увидѣла Паншина, вѣзжавшаго на дворъ. «Онъ явился такъ рано для окончательнаго объясненія», — подумала она и не обманулась; повертѣвшись въ гостиной, онъ предложилъ ей пойти съ нимъ въ садъ и потребовалъ рѣшенія своей участи. Лиза собралась съ духомъ и объявила ему, что не можетъ быть его женой. Онъ выслушалъ ее до конца, стоя къ ней бокомъ и надвинувъ на лобъ шляпу; вѣжливо, но измѣненнымъ голосомъ спросилъ ее: послѣднее ли это ея слово, и не подалъ ли онъ чѣмъ нибудь повода къ подобной перемѣнѣ въ ея мысляхъ? — потомъ прижалъ руку къ глазамъ, коротко и отрывисто вздохнулъ и отдернулъ руку отъ лица.

— Я не хотѣлъ пойти по избитой дорогѣ, проговорилъ онъ глухо: — я хотѣлъ найти себѣ подругу по влеченію сердца; — но видно этому не должно быть. Прощай, мечта! — Онъ глубоко поклонился Лизѣ и вернулся въ домъ.

Она надѣялась, что онъ тотчасъ же уѣдетъ; но онъ пошелъ въ кабинетъ къ Марѣ Дмитріевнѣ и около часа пресидѣлъ у ней. — Уходя, онъ сказалъ Лизѣ: — *Votre mère vous appelle — adieu à jamais...* сѣлъ на лошадь и отъ самаго крыльца поспракалъ во всю

прыть. Лиза вошла къ Марѣ Дмитріевнѣ и застала ее въ слезахъ: Паншинъ сообщилъ ей свое несчастіе.

— За что ты меня убила? За что ты меня убила? — такъ начала свои жалобы огорченная вдова. — Кого тебѣ еще нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ? Каммеръ-юнкеръ! не интересанъ! — Опъ въ Петербургѣ на любой фрейлинѣ могъ бы жениться. — А я-то, я-то надѣялась! — И давно ли ты къ нему измѣнилась? Откуда нибудь эта туча надута, не сама собой пришла. Ужъ не тотъ ли феофанъ? Вотъ нашла совѣтника!

— А онъ-то, мой голубчикъ, продолжала Марья Дмитріевна, — какъ онъ почтителенъ, въ самой печали какъ внимателенъ! — Обѣщался не оставлять меня. — Ахъ, я этого не перенесу! Ахъ, у меня голова смертельно разболѣлась! — Пошли ко мнѣ Палашку. — Ты убьешь меня, если не одумаешься, — слышишь? — И назвавъ ее раза два неблагодарною, Марья Дмитріевна уснула Лизу.

Она отправилась въ свою комнату. Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Паншинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала. Марѣ Тимофеевна вошла къ ней въ комнату и тотчасъ захлопнула за собою дверь. Лицо старушки было блѣдно, чепецъ сидѣлъ на боку, глаза ея блестѣли, руки, губы дрожали. Лиза изумилась: она никогда еще не видала своей умной и разсудительной тетки въ такомъ состояніи.

— Прекрасно, сударыня, начала Марѣ Тимофеевна трепетнымъ и прерывистымъ шопотомъ: — прекрасно! У жого ты это только выучилась, мать моя.... Дай мнѣ воды; я говорить не могу.

— Успокойтесь, тетушка; что съ вами? говорила Лиза подавая ей стаканъ воды. — Вѣдь вы сами, кажется, не жаловали г-на Паншина.

Марѣ Тимофеевна отставила стаканъ.

— Пить не могу: зубы себѣ послѣдніе выбью. — Какой тутъ Паншинъ? Къ чему тутъ Паншинъ? — А ты лучше мнѣ скажи, кто тебя научилъ свиданія по ночамъ назначать — а? мать моя?

Лиза поблѣднѣла.

— Ты пожалуйста не вздумай отговариваться, — продолжала Марѣ Тимофеевна. — Шурочка сама все видѣла и мнѣ сказала. Я ей запретила болтать, а она не солжетъ.

— Я и не отговариваюсь, тетушка, чуть слышно промолвила Лиза.

— А, а! Такъ вотъ какъ, мать моя; ты свиданіе ему назначила, этому старому грѣховоднику, смиреннику этому?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Я ссѣла внизъ въ гостиную за книжкой: онъ былъ въ саду — и позвалъ меня.

— И ты пошла? Прекрасно. — Да ты любишь его, что ли?

— Люблю, отвѣчала тихимъ голосомъ Лиза.

— Матушки мои! Она его любитъ! — Марѳа Тимофеевна сдернула съ себя чепецъ. — Женатаго человѣка! Любить? а? любить!

— Онъ мнѣ сказывалъ, начала Лиза....

— Что онъ тебѣ сказывалъ, соколикъ эдакой, что-о?

— Онъ мнѣ сказывалъ, что жена его скончалась.

Марѳа Тимофеевна перекрестилась. — Царство ей небесное, прошептала она: — пустая была бабенка — не тѣмъ будь помнута. — Вотъ какъ; вдовый онъ, стало быть. — Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ тихоня? — Только вотъ что скажу тебѣ, племянница: въ наши времена, какъ я молода была, дѣвкамъ за такія продѣлки больно доставалось. Ты не сердись на меня, мать моя; за правду одни дураки сердятся. Я и отказать ему велѣла сегодня. Я его люблю, но этого я ему никогда не прощу. Вишь, вдовый! Дай-ка мнѣ воды. А что ты Паншина съ носомъ отослала, за это ты у меня молодецъ; только не сиди ты по ночамъ съ этой козьей породой, съ мужчинами; не сокрушай ты меня старуху! А то вѣдь я не все ласкаться — я и кусаться умѣю. Вдовый!

Марѳа Тимофеевна ушла, а Лиза сѣла въ уголокъ и заплакала. Горько ей стало на душѣ; не заслуживала она такого униженія. — Не веселостью сказывалась ей любовь: во второй разъ плакала она со вчерашняго вечера. Въ ея сердцѣ едва только родилось то новое, неожиданное чувство, и уже какъ тяжело поплатилась она за него, какъ грубо коснулись чужія руки ея заветной тайны! Стыдно, и горько, и больно было ей: но ни сомнѣнья, ни страха въ ней не было, — и Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того свиданія, послѣ того подалуя — она уже колебаться не могла;

она знала, что любить, — и полюбила честно, не шути, привязалась крѣпко, на всю жизнь — и не боялась угрозъ: она чувствовала, что насилію не расторгнуть этой связи.

ГЛАВА XXXIX.

Марья Дмитріевна очень встревожилась, когда ей доложили о пріѣздѣ Варвары Павловны Лаврепкой; она даже не знала — принять ли ее: она боялась оскорбить Ѳедора Ивановича. — Наконецъ любопытство превозмогло. Чтожъ, подумала она, вѣдь она тожеродная, — и усѣвшись въ креслахъ, сказала лакею: проси! — Прошло нѣсколько мгновений; дверь отворилась; Варвара Павловна быстро, чуть слышными шагами приблизилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ и, не давая ей встать съ креселъ, почти склонилась передъ ней колѣни.

— Благодарствуйте, тетушка, начала она тронутымъ и тихимъ голосомъ по-русски: — благодарствуйте; я не надѣялась на такое снисхождение съ вашей стороны; вы добры, какъ ангелъ.

Сказавши эти слова, Варвара Павловна неожиданно овладѣла одной рукой Марьи Дмитріевны и, слегка стиснувъ ее въ своихъ блѣдно-лиловыхъ жувеневскихъ перчаткахъ, подобострастно поднесла ее къ розовымъ и полнымъ губамъ. Марья Дмитріевна совсѣмъ потерялась, увидѣвъ такую красивую, прелестно-одѣтую женщину почти у ногъ своихъ; она не знала, какъ ей быть; и руку-то свою она у ней отнять хотѣла, и усадить-то ее она желала, и сказать ей что нибудь ласковое; она кончила тѣмъ, что приподнялась и поцаловала Варвару Павловну въ гладкій и пахучій лобъ: Варвара Павловна вся сомлѣла подъ этимъ поцалуемъ.

— Здравствуйте, *bonjour*, сказала Марья Дмитріевна; — конечно, я не воображала.... впрочемъ я, конечно, рада васъ видѣть. Вы понимаете, милая моя, — не мнѣ быть судьбою между женой и мужемъ....

— Мой мужъ во всемъ правъ, перебила ее Варвара Павловна: я одна виновата.

— Это очень похвальныя чувства, возразила Марья Дмитріевна: — очень. Давно вы пріѣхали? Видѣли вы его? Да сядьте же пожалуйста.

— Я вчера пріѣхала, отвѣчала Варвара Павловна, смиренно садясь на стулъ; я видѣла Ѳедора Ивановича, — я говорила съ нимъ.

— А! Ну, и что же онъ?

— Я боялась, что мой внезапный пріѣздъ возбудитъ его гнѣвъ, продолжала Варвара Павловна. — Но онъ не лишилъ меня своего присутствія.

— То есть, онъ не.... Да, да, понимаю, промолвила Марья Дмитріевна. — Онъ только съ виду немного грубъ, а сердце у него мягкое.

— Ѳедоръ Ивановичъ не простилъ меня; онъ не хотѣлъ меня выслушать.... Но онъ былъ такъ добръ, что назначилъ мнѣ Лаврики мѣстомъ жительства.

— А! прекрасное имѣнье!

— Я завтра же отправляюсь туда, въ исполненіе его воли; но я почла долгомъ побывать прежде у васъ.

— Очень, очень вамъ благодарна, моя милая. — Родныхъ никогда забывать не слѣдуетъ. А знаете ли, я удивляюсь, какъ вы хорошо говорите по-русски. *C'est étonnant.*

Варвара Павловна вздохнула.

— Я слишкомъ долго пробыла за границей, Марья Дмитріевна, я это знаю: но сердце у меня всегда было русское, и я не была своего отечества.

— Такъ, такъ; это лучше всего. Ѳедоръ Ивановичъ васъ однако вовсе не ожидалъ. — Да; повѣрьте моей опытности; *la patrie avant tout.* Ахъ, покажите пожалуйста, что это у васъ за прелестная мантилья?

— Вамъ она нравится? — Варвара Павловна проворно спустила ее съ плечъ. — Она очень простенькая, отъ *madame Baudran.*

— Это сейчасъ видно. Отъ *madame Baudran.*.... Какъ мило и съ какимъ вкусомъ! Я увѣрена, вы привезли съ собой множество восхитительныхъ вещей. Я бы хотъ посмотрѣла.

— Весь мой туалетъ къ вашимъ услугамъ, любезнѣйшая тетушка. — Если позволите, я могу кое-что показать вашей камеристкѣ. Со мной служанка изъ Парижа, — удивительная швея.

— Вы очень добры, моя милая. Но, право, мнѣ совѣстно....

— Совѣстно.... повторила съ упрекомъ Варвара Павловна: — хотите вы меня осчастливить? Распоряжайтесь мною, какъ вашей собственностью.

Марья Дмитриевна растаяла.

— *Vous êtes charmante*, проговорила она.— Да что же вы не снимаете вашу шляпу, перчатки?

— Какъ? вы позволяете? спросила Варвара Павловна — и слегка, какъ бы съ умилениемъ, сложила руки.

— Разумѣется; вѣдь вы обѣдаете съ нами, я надѣюсь. Я.... я васъ познакомлю съ моей дочерью.— Марья Дмитриевна немного смутилась. «Ну! куда не шло!» подумала она.— Она сегодня что-то нездорова у меня.

— *O, ma tante!* Какъ вы добры! воскликнула Варвара Павловна — и поднесла платокъ къ глазамъ.

Казачокъ доложилъ о приходѣ Гедеоновскаго. Старый болтунъ вошелъ, отвѣщая поклоны и ухмыляясь. Марья Дмитриевна представила его своей гостьѣ. Онъ сперва было сконфузился; но Варвара Павловна такъ кокетливо-почтительно обошлась съ нимъ, что у него ушки разгорѣлись, и выдумки, сплетни, любезности медомъ потекли съ его устъ. — Варвара Павловна слушала его, сдержанно улыбалась и сама понемногу разговаривалась. Она скромно рассказывала о Парижѣ, о своихъ путешествіяхъ, о Баденѣ; раза два разсмѣшила Марью Дмитриевну и всякій разъ потомъ слегка вздыхала и какъ будто мысленно упрекала себя въ неумѣстной веселости; выпросила позволеніе привести Аду; снявши перчатки, показывала своими гладкими, вымытыми мыломъ *à la guimauve* руками, — какъ и гдѣ носятъ воланы, рюши, кружева, шу; обѣщалась принести стклянку съ новыми англійскими духами *Victoria's Essence* и обрадовалась какъ дитя, когда Марья Дмитриевна согласилась принять ее въ подарокъ; всплакнула при воспоминаніи о томъ, какое чувство она испытала, когда въ первый разъ услышала русскіе колокола; «такъ глубоко поразили они меня въ самое сердце» — промолвила она.

Въ это мгновеніе вошла Лиза.

Съ утра, съ самой той минуты, когда она, вся похолодѣвъ отъ ужаса, прочла записку Лаврецкаго, Лиза готовилась къ встрѣчѣ съ его женою; она предчувствовала, что увидитъ ее. — Она рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе своимъ, какъ она назвала ихъ, преступнымъ надеждамъ. Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. «По дѣломъ!»

говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самой пугавшіе порывы. — «Ну, надо идти!» подумала она, какъ только узнала о пріѣздѣ Лаврецкой, и она пошла.... Долго стояла она передъ дверью гостиной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: «я передъ нею виновата» — переступила она порогъ и заставила себя посмотрѣть на нее, заставила себя улыбнуться. Варвара Павловна пошла ей навстрѣчу, какъ только увидала ее, и склонилась передъ ней слегка, но все-таки почтительно. — Позвольте мнѣ рекомендовать себя, заговорила она вкрадчивымъ голосомъ; — ваша *tata* такъ снисходительна ко мнѣ, что я надѣюсь, что и вы будете... добры. — Выраженіе лица Варвары Павловны, когда она сказала это послѣднее слово, ея хитрая улыбка, холодный и въ тоже время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо — возбудило такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить, и черезъ силу протянула ей руку. «Эта барышня брезгаетъ мною» — подумала Варвара Павловна, крѣпко стискивая холодные пальцы Лизы и обернувшись къ Марьѣ Дмитріевнѣ, промолвила въ полголоса: *Mais elle est délicieuse!* — Лиза слабо вспыхнула; насмѣшка, обида, послышались ей въ этомъ восклицаніи; но она рѣшилась не вѣрить своимъ впечатлѣніямъ и сѣла къ окну за пальцы. Варвара Павловна и тутъ не оставила ее въ покоѣ: подошла къ ней, начала хвалить ея вкусъ, ея искусство.... Сильно и болѣзненно забилося сердце у Лизы: она едва переломила себя, едва усидѣла на мѣстѣ. Ей казалось, что Варвара Павловна все знаетъ и, тайно торжествуя, подтруниваетъ надъ ней. Къ счастью ея, Гедеоновскій заговорилъ съ Варварой Павловной и отвлекъ ея вниманіе. Лиза склонилась надъ пальцами и украдкой наблюдала за нею. «Эту женщину, думала она, — любилъ онъ.» Но она тотчасъ же изгнала изъ головы самую мысль о Лаврецкомъ: она боялась потерять власть надъ собою; она чувствовала, что голова у ней тихо кружилась. Марья Дмитріевна заговорила о музыкѣ.

— Я слышала, моя милая, начала она: — вы удивительная виртуозка.

— Я давно не играла, возразила Варвара Павловна, немедленно сядя за фортепьяно, и бойко пробѣжала пальцами по клавишамъ. — Прикажете?

— Сдѣлайте одолженіе.

Барвара Павловна мастерски сыграла блестящій и трудный этюдъ Герца. У ней было очень много силы и проворства.

— Сильфида! воскликнулъ Гедеоновскій.

— Необыкновенно! подтвердила Марья Дмитріевна. — Ну, Барвара Павловна, признаюсь,—проговорила она, въ первый разъ называя ее по имени:—удивили вы меня; вамъ хоть бы концерты давать. Здѣсь у насъ есть музыкантъ, старикъ, изъ нѣмцевъ, чужакъ, очень ученый; онъ Лизѣ уроки даетъ; тотъ просто отъ васъ съ ума сойdetъ.

— Лизвета Михайловна тоже музыкантша? спросила Барвара Павловна, слегка обернуvъ къ ней голову.

— Да, она играетъ недурно и любитъ музыку; но что это значить передъ вами? Но здѣсь есть еще одинъ молодой человекъ: вотъ съ кѣмъ вы должны познакомиться. Это артистъ въ душѣ и сочиняетъ премно. Онъ одинъ можетъ васъ вполне опѣнить.

— Молодой человекъ? проговорила Барвара Павловна.—Кто онъ такой? Бѣдный какой нибудь?

— Помилуйте, первый кавалеръ у насъ, да не только у насъ—*et à Pétersbourg*. Камеръ—юнкеръ, въ лучшемъ обществѣ принимать. Вы навѣрное слыхали о немъ: Паншинъ, Владиміръ Николаичъ. Онъ здѣсь по казенному порученію.... будущій мпистръ, помилуйте!

— И артистъ?

— Артистъ въ душѣ и такой любезный. Вы его увидите. Онъ все это время очень часто у меня бывалъ; я пригласила его на сегодняшній вечеръ; *надѣюсь*, что онъ прійдетъ, прибавила Марья Дмитріевна съ короткимъ вздохомъ и косвенной горькой улыбкой.

Лиза поняла значеніе этой улыбки; но ей было не до того.

— И молодой? повторила Барвара Павловна, слегка модулируя изъ тона въ тонъ.

— Двадцати восьми лѣтъ—и самой счастливой наружности. *Un jeune homme accompli*, помилуйте.

— Образцовый, можно сказать, юноша, замѣтилъ Гедеоновскій.

Барвара Павловна внезапно заиграла шумный Штрауссовскій вальсъ, начинавшійся такой сильной и быстрой трелью, что Гедеоновскій даже вздрогнулъ; въ самой серединѣ вальса она

вдругъ перешла въ грустный мотивъ и кончила арією изъ «Лучин»: *Fra poco*: — она сообразила, что веселая музыка нейдетъ къ ея положенію. Арія изъ «Лучин», съ удареніями на чувствительныхъ ноткахъ очень растрогала Марью Дмитріевну.

— Какая душа, проговорила она въ полголоса Геденовскому.

— Сильфида! повторилъ Геденовскій и поднялъ глаза къ небу.

Насталъ часъ обѣда. Марѳа Тимофеевна сошла съ верху, когда уже супъ стоялъ на столѣ. Она очень сухо обошлась съ Варварой Павловной, отвѣчала полу-словами на ея любезности, не глядя на нее. Варвара Павловна сама скоро поняла, что отъ этой старухи толку не добьешься и перестала заговаривать съ нею; за то Марья Дмитріевна стала еще ласковѣе съ своей гостьей: невѣжливость тетки ее разсердила. Впрочемъ Марѳа Тимофеевна не на одну Варвару Павловну не глядя; она и на Лизу не глядя, хотя глаза такъ и блестя у ней. Она сидѣла какъ каменная, вся желтая, блѣдная, съ сжатыми губами—и не ѣла ничего. Лиза казалась спокойной; и точно: у ней на душѣ тише стало; странная безчувственность, безчувственность осужденнаго нашла на нее. За обѣдомъ Варвара Павловна говорила мало: она словно опять обрѣла и распространила по лицу своему выраженіе скромной меланхоліи. Одинъ Геденовскій оживлялъ бесѣду своими разсказами, хотя то и дѣло трусливо поглядывалъ на Марѳу Тимофеевну и перхалъ; перхота нападала на него всякій разъ, когда онъ въ ея присутствіи собирался ѣсть; но она ему не мѣшала, не перебивала его. Послѣ обѣда оказалось, что Варвара Павловна большая любительница преферанса; Марья Дмитріевна это до того понравилось, что она даже умилилась и подумала про себя: «какой же однако дуракъ долженъ быть Федоръ Ивановичъ! — Не умѣлъ такую женщину понять!»

Она сѣла играть въ карты съ нею и Геденовскимъ, а Марѳа Тимофеевна увела Лизу къ себѣ на верхъ, сказавъ, что на ней лица нѣту, что у ней, должно быть, болитъ голова.

— Да, у ней ужасно голова болитъ, промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Варварѣ Павловнѣ и закатывая глаза. — У меня самой такія бываютъ мигрени....

— Скажите, возразила Варвара Павловна.

Лиза вошла въ теткинѣ комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Марѣя Тимофеевна долго, молча, посмотрѣла на нее, тихонько стала передъ нею на колѣни — и начала, все такъ же молча, цаловать попеременно ея руки. Лиза подавалась впередъ, покраснѣла — и заплакала, но не подняла Марѣю Тимофеевну, не отняла своихъ рукъ; она чувствовала, что не имѣла права отнять ихъ, не имѣла права помѣшать старушкѣ выразить свое раскаяніе, участіе, поспросить у ней прощенія за вчерашнее; и Марѣя Тимофеевна не могла нацаловаться этихъ бѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ — и безмолвныя слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконою, — и въ сосѣдней комнаткѣ за дверью стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ клетчатымъ носовымъ платкомъ.

ГЛАВА XL.

А между тѣмъ внизу, въ гостиной шелъ преферансъ. Марья Дмитріевна выигрывала и была въ духѣ. Человѣкъ вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Паншина.

Марья Дмитріевна уронила карты и завопилась на креслѣ; Варвара Павловна посмотрѣла на нее съ полу-усмѣшкой, потомъ обратила взоры на дверь. Появился Паншинъ, въ черномъ фракѣ, въ высокихъ англійскихъ воротничкахъ, застегнутый до верху. «Мнѣ было тяжело повиноваться; но вы видите, я пріѣхалъ»: — вотъ что выражало его не улыбавшееся, только-что выбритое лицо.

— Помилуйте, Вольдемаръ, воскликнула Марья Дмитріевна: — прежде вы безъ доклада входили!

Паншинъ отвѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ однимъ только взглядомъ, вѣжливо поклонился ей, но къ ручкѣ не подошелъ. Она представила его Варварѣ Павловнѣ; онъ отступилъ на шагъ, поклонился ей также вѣжливо, но съ оттѣнкомъ изыщества и уваженія, и подскѣлъ къ карточному столу. Преферансъ скоро кончился. Паншинъ освѣдомился о Лизаветѣ Михайловнѣ, узналъ, что она не совсѣмъ здорова, изъявилъ сожалѣнье; по-

томъ онъ заговорилъ съ Варварой Павловной, дипломатически взвѣшивая и отчеканивая каждое слово, почтительно выслушивая ея отвѣты до конца. Но важность его дипломатическаго тона не дѣйствовала на Варвару Павловну, не сообщалась ей. Напротивъ: она съ веселымъ вниманіемъ глядѣла ему въ лицо, говорила развязно, и тонкія ея поздри слегка трепетали какъ бы отъ сдержаннаго смѣха. Марья Дмитриевна начала превозносить ея талантъ; Паншинъ учтиво, на сколько позволяли ему воротнички, наклонилъ голову, объявилъ, что «онъ былъ въ этомъ заранѣ увѣренъ» — и завелъ рѣчь чуть ли не о самомъ Меттернихѣ. Варвара Павловна прищурила свои бархатные глаза и, сказавши въ-полголоса: «Да вѣдь вы тоже артистъ, *un confrère*», — прибавила еще тише: *Venez!* — и качнула головой въ сторону ортепьяно. Это одно брошенное слово: *Venez!* — мгновенно, какъ бы по волшебству, измѣнило всю наружность Паншина. Озабоченная осанка его исчезла; онъ улыбнулся, оживился, разстегнулъ фракъ и, повторяя: «какой я артистъ, увы! вотъ вы, я слышалъ, артистка истинная» — направился вслѣдъ за Варварой Павловной къ фортепьяно.

— Заставьте его спѣть романсъ — какъ луна плыветъ, воскликнула Марья Дмитриевна.

— Вы поете? промолвила Варвара Павловна, озаривъ его свѣтлымъ и быстрымъ взоромъ. — Садитесь.

Паншинъ сталъ отговариваться.

— Садитесь, повторила она, настойчиво постучавъ по спинкѣ стула.

Онъ сѣлъ, кашлянулъ, оттянулъ воротнички и спѣлъ свой романсъ.

— *Charmant*, проговорила Варвара Павловна: — вы прекрасно поете, *vous avez du style*, — повторите.

Она обошла вокругъ фортепьяно и стала прямо напротивъ Паншина. Онъ повторилъ романсъ, придавая мелодраматическое дрожаніе своему голосу. Варвара Павловна пристально глядѣла на него, облокотясь на фортепьяно и держа свои бѣлыя руки въ уровень своихъ губъ. Паншинъ кончилъ.

— *Charmant, charmante idée* — сказала она съ спокойной увѣренностью знатока. — Скажите, вы написали что нибудь для женскаго голоса, для *mezzo-soprano*?

— Я почти ничего не пишу, возразилъ Паншинъ: — я вѣдь это только такъ, между дѣломъ.... а разиѣ вы поете?

— Пою.

— О! споите намъ что нибудь, проговорила Марья Дмитріевна.

Варвара Павловна отвела рукою волосы отъ заалѣвшихся щекъ и встряхнула головой.

— Наши голоса должны идти другъ къ другу, промолвила она, обращаясь къ Паншину. — Споемте дуэтъ. Знаете ли вы *Son geloso*, или *La ci darem*, или *Mira la bianca luna*?

— Я пѣвалъ когда-то *Mira la bianca luna*, отвѣчалъ Паншинъ: — да давно, забылъ.

— Ничего, мы прорепетируемъ въ-полголоса. Пустите меня, Варвара Павловна сѣла за фортепьяно. Паншинъ сталъ возлѣ нея. Они спѣли въ полголоса дуэтъ, при чемъ Варвара Павловна нѣсколько разъ его поправляла, потомъ спѣли громко, потомъ два раза повторили: *Mira la bianca lu...и...luna*. Голосъ у Варвары Павловны утратилъ свѣжесть, но она владѣла имъ очень ловко. Паншинъ сперва робѣлъ и слегка фальшивилъ, потомъ вошелъ въ азартъ, и если пѣлъ не безукоризненно, то шевелилъ плечами, покачивалъ всѣмъ туловищемъ и поднималъ по временамъ руку, какъ настоящій пѣвецъ. Варвара Павловна сыграла двѣ-три Тальберговскія вещицы и кокетливо «сказала» французскую ариетку. Марья Дмитріевна уже не знала, какъ выразить свое удовольствіе; она хотѣла нѣсколько разъ послать за Лизой; Гедеоновскій также не находилъ словъ и только головой качалъ, — но вдругъ неожиданно зѣвнулъ и едва успѣлъ прикрыть ротъ рукою. Зѣвокъ этотъ не ускользнулъ отъ Варвары Павловны; она вдругъ повернулась спиной къ фортепьяно, промолвила: «*assez de musique comme ça*; будемъ болтать», — и скрестила руки. «*Oui, assez de musique*», весело повторилъ Паншинъ и завязалъ съ ней разговоръ — бойкій, легкій, на французскомъ языкѣ. «Совершенно какъ въ лучшемъ парижскомъ салонѣ», думала Марья Дмитріевна, слушая ихъ уклончивыя и вертлявыя рѣчи. Паншинъ чувствовалъ полное удовольствіе; глаза его сіяли, онъ улыбался; сначала онъ проводилъ рукою по лицу, хмурилъ брови и отрывисто вздыхалъ, когда ему случалось встрѣтиться взглядомъ съ Марьей Дмитріевной; но потомъ онъ совсѣмъ забылъ о ней и отдался весь наслажденью полу-свѣтской, полу-художественной бол-

товни. Варвара Павловна показала себя большой философкой: на все у нея являлся готовый отвѣтъ; она ни падъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парржа. Паншинъ навелъ разговоръ на литературу: оказалось, что она, такъ же какъ и онъ, читала одѣ французскія книжки: Жоржъ Сандъ приводилъ ее въ негодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ее утомлялъ, въ Сю и Скрибъ видѣла великихъ сердецвѣдцевъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она пмъ всѣмъ предпочитала Поль-де-Кока, но, разумѣется, даже имени его не упомянула. Собственно говоря, литература ее не слишкомъ занимала. Варвара Павловна очень искусно избѣгала всего, что могло хотя отдаленно напомнить ея положеніе; о любви въ ея рѣчахъ и помину не было; напротивъ, онѣ скорѣе отзывались строгостью къ увлеченіямъ страстей, разочарованьемъ, смиреніемъ. Паншинъ возражалъ ей; она съ нимъ не соглашалась.... Но, странное дѣло!—въ то самое время, какъ пзъ устъ ея исходили слова осужденія, часто суроваго, звукъ этихъ словъ ласкалъ и нѣжилъ, и глаза ея говорили.... что именно говорили эти прелестные глаза,—трудно было сказать; но то были нестрогія, неясныя и сладкія рѣчи. Паншинъ старался понять ихъ тайный смыслъ, старался самъ говорить глазами, но онъ чувствовалъ, что у него ничего не выходило; онъ сознавалъ, что Варвара Павловна, въ качествѣ настоящей, заграничной львицы, стояла выше его, а потому онъ и не вполне владѣлъ собою. У Варвары Павловны была привычка во время разговора чуть-чуть касаться рукава своего собесѣдника; эти мгновенныя прикосновенія очень волновали Владиміра Николанча. Варвара Павловна обладала умѣньемъ легко сходиться со всякимъ; двухъ часовъ не прошло, какъ уже Паншину казалось, что онъ знаетъ ее вѣкъ, а Лиза, та самая Лиза, которую онъ все таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку, — исчезла какъ бы въ туманѣ. Подали чай; разговоръ сталъ еще непринужденнѣе. Марья Дмитриевна позвонила казачка и велѣла сказать Лизѣ, чтобы она сошла внизъ, если ея головѣ стало легче. Паншинъ, услышавъ имя Лизы, пустился толковать о самопожертвованіи, о томъ, кто болѣе способенъ на жертвы—мужчина или женщина. Марья Дмитриевна тотчасъ пришла въ волненіе, начала утверждать, что

женщина болѣе способна, объявила, что она это въ двухъ словахъ докажетъ, запуталась и кончила какимъ-то довольно неудачнымъ сравненіемъ. Варвара Павловна взяла тетрадь нотъ, до половины закрылась ею и, нагнувшись въ сторону Паншина, покусывая бисквитъ, съ спокойной улыбочкой на губахъ и во взорѣ, въ-полголоса промолвила: «*Elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame*». Паншинъ немножко испугался и удивился смѣлости Варвары Павловны; но онъ не понялъ, сколько презрѣнія къ нему самому таилось въ этомъ неожиданномъ изліяніи и, позабывъ ласки и преданность Марьи Дмитріевны, позабывъ объѣды, которыми она его кормила, деньги, которыя она ему давала взаймы, — онъ съ той же улыбочкой и тѣмъ же голосомъ возразилъ (несчастный!): «*je crois bien*» — и даже не: «*je crois bien*», а — «*j'crois ben*»!

Варвара Павловна бросила на него дружелюбный взглядъ и встала. Лиза вошла; Марѳа Тимофеевна напрасно ее удерживала: она рѣшилась выдержать испытаніе до конца. Варвара Павловна пошла ей навстрѣчу вмѣстѣ съ Паншинымъ, на лицѣ котораго появилось прежнее дипломатическое выраженіе.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ Лизу.

— Миѣ лучше теперь, благодарствуйте, отвѣчала она.

— А мы здѣсь немного занялись музыкой; жаль, что вы не слышали Варвары Павловны. Она поетъ превосходно, *en artiste consommée*.

— Пойдите-ка сюда, раздался голосъ Марьи Дмитріевны.

Варвара Павловна тотчасъ съ покорностью ребенка подовгла къ ней и присѣла на небольшой табуретъ у ея ногъ. Марья Дмитріевна позвала ее для того, чтобы оставить, хотя на мгновенье, свою дочь наединѣ съ Паншинымъ: она все еще втайнѣ надѣялась, что она опомнится. Кромѣ того, ей въ голову пришла мысль, которую ей непременно захотѣлось тотчасъ высказать.

— Знаете ли, шепнула она Варварѣ Павловнѣ: — я хочу попытаться помирить васъ съ вашимъ мужемъ; не отвѣчаю за успѣхъ, но попытаюсь. Онъ меня, вы знаете, очень уважаетъ.

Варвара Павловна медленно подняла глаза на Марью Дмитріевну и красиво сложила руки.

— Вы были бы моей спасительницей, *ma tante*, проговорила она печальнымъ голосомъ: — я не знаю, какъ благодарить васъ за

всѣ ваши ласки; но я слишкомъ виновата передъ Федоромъ Ивановичемъ: онъ простить меня не можетъ.

— Да развѣ вы... въ самомъ дѣлѣ...—начала было съ любопытствомъ Марья Дмитриевна....

— Не спрашивайте меня, перебила ее Варвара Павловна и потупилась. — Я была молода, легкомысленна.... Впрочемъ, я не хочу оправдываться.

— Ну, все таки, отчего же не попробовать? Не отчаивайтесь, возразила Марья Дмитриевна и хотѣла потрепать ее по щекѣ: — но взглянула ей въ лицо и оробѣла. «Скромна, скромна, подумала она, — а ужъ точно львица.»

— Вы больны? говорилъ между тѣмъ Паншинъ Лизѣ.

— Да, я нездорова.

— Я понимаю васъ, промолвилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанья. — Да, я понимаю васъ.

— Какъ?

— Я понимаю васъ, повторилъ значительно Паншинъ, который просто не зналъ, что сказать.

Лиза смутилась, а потомъ подумала: «Пусть!» Паншинъ принялъ таинственный видъ и умолкъ, съ строгостью поглядывая въ сторону.

— Однако уже, кажется, одиннадцать часовъ пробило, замѣтила Марья Дмитриевна.

Гости поняли намекъ и начали прощаться. Варвара Павловна должна была обѣщать, что приѣдетъ обѣдать на слѣдующій день и привезетъ Аду; Гедеоновскій, который чуть было не заснулъ, сѣдя въ углу, вызвался ее проводить до дому. Паншинъ торжественно раскланялся со всѣми, а на крыльцѣ, подсаживая Варвару Павловну въ карету, пожалъ ей руку и закричалъ въ слѣдъ: *adieu*! — Гедеоновскій сѣлъ съ ней рядомъ; она всю дорогу выбавлялась тѣмъ, что ставила будто ненарочно кончикъ своей ножки на его ногу; онъ конфузился, говорилъ ей комплименты: она хихикала и дѣлала ему глазки, когда свѣтъ отъ уличнаго фонаря западалъ въ карету. Сыгранный ею самою вальсъ звенѣлъ у ней въ головѣ, волновалъ ее; гдѣ бы она ни находилась, стоило ей только представить себѣ огни, балъную залу, быстрое круженье подъ звуки музыки — и душа въ ней такъ и загоралась, глаза странно меркли, улыбка блуждала по губамъ, что-то граціозно-важническое разливало по всему тѣлу. Приѣхавши до-

мой, Варвара Павловна легко выскочила изъ кареты — только лѣвницы умѣютъ такъ выскакивать — обернулась къ Гедеевскому и вдругъ расхохоталась звонкимъ хохотомъ прямо ему въ носъ.

«Любезная особа, — думалъ статскій совѣтникъ, пробираясь къ себѣ на квартиру, гдѣ ожидалъ его слуга со стклянкой оподель-дока; — хорошо, что я степенный человѣкъ.... только чему же она смѣялась?»

Марѳа Тимофеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы.

ГЛАВА ХLI.

Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ и почти все время пробродилъ по окрестностямъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанія непрестанныхъ, стремительныхъ — и безсильныхъ — порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ приѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія и сильно негодовалъ на себя. Что могло оторвать его отъ того, что онъ призналъ своимъ долгомъ, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья — опять-таки жажда счастья! — «Вѣрно Михалевичъ правъ» думалъ онъ. — «Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни, говорилъ онъ самъ себѣ, — ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть онъ доволенъ своей судьбою.... Чтожъ? захотѣлъ ли бы ты помѣняться съ нимъ? Вспомни мать свою: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова ей выпала доля? Ты видно только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что приѣхалъ въ Россію за тѣмъ, чтобы пахать землю; ты приѣхалъ волокаться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣждалъ, какъ мальчикъ за бабочкой»... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему посреди его размышленій; онъ съ усиленіемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невоз-

мутимо-лукавые, красивые и ненавидимые черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогѣ, онъ рѣшился подойти къ нему, посовѣтовалъ ему напиться чего нибудь тепленькаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лаврецкій не могъ сидѣть въ гостиной; ему такъ и чудилось, что прадедъ Андрей презрительно глядитъ съ полотно на хилаго своего потомка.—«Эхъ ты! мелко плаваешь!», казалось говорили его, на бокъ скрученные, губы. «Неужели же, думалъ онъ,—я не слажу съ собою,—поддамся этому... вздору?» (Тяжело раненные на войнѣ всегда называютъ «вздоромъ» свои раны. Не обманывать себя человѣку—не жить ему на землѣ). «Мальчишка я, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастья на всю жизнь — оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лоттерей — повернись колесо еще немного, и бѣднякъ пожалуй сталъ бы богачемъ. Не бывать, такъ не бывать — и кончено. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо, мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я бѣжалъ, зачѣмъ снужу здѣсь, забывши, какъ страусъ, голову въ кустъ? Страшно бѣдѣ въ глаза взглянуть — вздоръ! «— Антонъ! закричалъ онъ громко, — прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ». — Да, подумалъ онъ опять, — надо велѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя рукавицы»....

Такими-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изъ всякаго чувства, Апраксѣя покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали: онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ на дорогу.

ГЛАВА XLII.

Лиза наканунѣ написала Лаврецкому, чтобы онъ явился къ нимъ вечеромъ; но онъ сперва отправился къ себѣ на квартиру. Онъ не засталъ дома ни жены, ни дочери; отъ людей онъ узналъ, что она отправилась съ ней къ Калитинымъ. Это извѣстіе

и поразило его, и взбѣсило. — «Видно, Варвара Павловна рѣшилась не давать мнѣ жить», подумалъ онъ, съ волненіемъ злобы на сердцѣ. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ, безпрестанно отталкивая ногами и руками попадавшіеся ему дѣтскія игрушки, книжки, разные женскія принадлежности; онъ позвалъ Жюстину и велѣлъ ей убрать весь этотъ «хламъ». — *Oui, monsieur*, сказала она съ ужимкой и начала прибирать комнату, граціозно наклоняясь и каждымъ своимъ движеніемъ давая Лаврецкому чувствовать, что она считаетъ его за необтесаннаго медвѣдя. Съ непавистью смотрѣлъ онъ на ея истасканное, но все еще «пикантное», насмѣшливое парижское лицо, на ея бѣлые нарукавнички, шелковый фартукъ и легкій чепчикъ. Онъ услалъ ее наконецъ и, послѣ долгихъ колебаній, (Варвара Павловна все не возвращалась) рѣшился отправиться къ Калитнымъ, — не къ Марѣ Дмитріевнѣ (онъ бы ни за что не вошелъ въ ея гостиную, въ ту гостиную, гдѣ находилась его жена), но къ Марѣ Тимофеевнѣ; онъ вспомнилъ, что задняя лѣстница съ дѣвичьего крыльца вела прямо къ ней. Лаврецкій такъ и сдѣлалъ. Случай помогъ ему: онъ на дворѣ встрѣтилъ Шурочку; она провела его къ Марѣ Тимофеевнѣ. Онъ засталъ ее, противъ ея обыкновенія, одну; она сидѣла въ уголку, простоволосая, сгорбленная, съ скрещенными на груди руками. Увидѣвъ Лавреца, старушка очень всполошилась, проворно встала и начала ходить туда и сюда по комнатѣ, какъ будто отыскавая свой чепецъ.

— А, вотъ ты, вотъ, заговорила она, избѣгая его взора и суетясь: — ну, здравствуй. — Ну, чтожь? Что же дѣлать? — Гдѣ ты былъ вчера? — Ну, она пріѣхала; ну, да. — Ну, надо ужъ такъ.... какъ нибудь.

Лаврецкій опустился на стулъ.

— Ну, садись, садись, продолжала старушка. Ты прямо на верхъ прошелъ? — Ну, да, разумѣется. — Чтожь? ты на меня пришелъ посмотреть? — Спасибо.

Старушка помолчала; Лаврецкій не зналъ, что сказать ей; но она его понимала.

— Лиза.... да, Лиза сейчасъ здѣсь была, — продолжала Марѣ Тимофеева, завязывая и развязывая шнурки своего ридикюля. — Она не совсѣмъ здорова. Шурочка, гдѣ ты? Поди сюда, мать

моя, — что это ты посадишь не можешь? — И у меня голова болит. Должно быть отъ *эфтаго* отъ пѣнья, да отъ музыки.

— Отъ какого пѣнья, тетушка?

— Да какъ же; тутъ ужъ эти они, какъ бишь они по вапему, дуэты пошли. И все по-итальянски: *чи-чи* да *ча-ча*, настоящія сороки. Начнутъ ноты выводить, просто такъ за душу и тянутъ. Паншинъ этотъ, да вотъ твои. И какъ это все скоро уладилось: ужъ точно по родственному, безъ церемоній. А впрочемъ, и то сказать: собака — и та пристанища ищетъ; не пропадать же, благо люди не гонять.

— Все-таки, признаюсь, я этого не ожидалъ, возразилъ Лаврецкій: — тутъ смѣлость нужна была большая.

— Нѣтъ, душа моя, это не смѣлость, это расчетъ. Да Господь съ ней! — Ты ее, говорятъ, въ Лаврики посылаешь, правда?

— Да, я предоставляю это имѣнье Варварѣ Павловнѣ.

— Денегъ спрашивала?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, это не затянется. — А я тебя только теперь разглядѣла. Здоровъ ты?

— Здоровъ.

— Шурочка, воскликнула вдругъ Марѳа Тимофеевна: — поди-ка скажи Лизаветѣ Михайловнѣ — то есть, нѣтъ, спроси у ней... вѣдь она внизу?

— Внизу-съ.

— Ну, да; такъ спроси у ней: куда, молъ, она мою книжку дѣла? — она ужъ знаетъ.

— Слушаю-съ.

Старушка опять засуетилась, начала раскрывать ящики въ комодѣ. — Лаврецкій сидѣлъ неподвижно на своемъ стулѣ.

Вдругъ послышались легкіе шаги по лѣстницѣ — и вошла Лиза.

Лаврецкій всталъ и поклонился; Лиза остановилась у двери.

— Лиза, Лизочка, хлопотливо заговорила Марѳа Тимофеевна: — куда ты мою книжку, книжку куда положила?

— Какую книжку, тетенька?

— Да книжку. Боже мой! Я тебя впрочемъ не звала... Ну, все равно. — Что вы тамъ внизу дѣлаете? — Вотъ и Федоръ Ивановичъ пріѣхалъ. — Что твоя голова?

— Ничего.

— Ты все говоришь: ничего. — Что у васъ тамъ внизу, — опять музыка?

— Пѣтъ — въ карты играютъ.

— Да, вѣдь она на всѣ руки. Шурочка, я вижу, тебѣ по саду бѣгать хочется. Ступай.

— Да пѣтъ, Марѳа Тимофеевна....

— Не разсуждай пожалуйста, ступай. Настасья Карповна въ садъ пошла одна: ты съ ней побудь. Уважь старуху. — Шурочка вышла. — Да гдѣжь это мой чепецъ? Куда это онъ дѣлся, право?

— Позвольте, я поищу, промолвила Лиза.

— Сиди, сиди; у меня самой ноги еще не отвалились. Должно быть, онъ у ней тамъ въ спальнѣ.

И, бросивъ исподлобья взоръ на Лаврецкаго, Марѳа Тимофеевна удалилась. — Она оставила было дверь отворенной; но вдругъ вернулась къ ней и заперла ее.

Лиза прислонилась къ спинкѣ кресла и тихо занесла себѣ руки на лицо; Лаврецкій остался, гдѣ былъ.

— Вотъ какъ мы должны были увидѣться, проговорилъ онъ наконецъ.

Лиза приняла руки отъ лица.

— Да, сказала она глухо: — мы скоро были наказаны.

— Наказаны, повторилъ Лаврецкій.... За что же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклѣй. Лицо ея было блѣдно; слегка раскрытыя губы тоже поблѣднѣли.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— Вы мнѣ написали: все кончено, — прошепталъ онъ: — да, все кончено — прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть — проговорила Лиза: — я рада, что вы пришли; я хотѣла вамъ написать, но такъ лучше. Только надо скорѣе пользоваться этими минутами. — Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. — Вы, Федоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить.... все, что было. — Вы подумайте — и не откажете мнѣ.

— Лиза, ради Бога — вы требуете невозможного. Я готовъ сдѣлать все, что вы прикажете; но *теперь* примириться съ нею!... Я согласенъ на все, я все забывъ; но не могу же я заставить свое сердце.... Помилуйте, это жестоко.

— Я и не требую отъ васъ.... того, что вы говорите; не живите съ ней, если вы не можете; но примиритесь; возразила Лиза и снова занесла руку на глаза. — Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для нея.

— Хорошо, проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій: — это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. — Ну, а вы — въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

— Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужь не собираетесь ли вы выйти за Паншина? спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ! промолвила она.

— Ахъ Лиза, Лиза! воскликнулъ Лаврецкій: — какъ бы мы могли быть счастливы!

Лиза опять взглянула на него.

— Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Ивановичъ, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

— Да, потому что вы....

Дверь изъ сосѣдней комнаты быстро растворилась и Марѳа Тимофеевна вошла съ чепцомъ въ рукѣ.

— Насилу нашла, сказала она, становясь между Лаврецкимъ и Лизой. — Сама его заложила. — Вотъ что значитъ старость — то, бѣда! — А впрочемъ и молодость не лучше. — Что, ты самъ съ женой въ Лаврики поѣдешь? прибавила она, оборотясь къ Ѳедору Ивановичу.

— Съ нею въ Лаврики? я? — Не знаю, прибавилъ онъ, погодя немного.

— Ты внизъ не сойдешь?

— Сегодня — нѣтъ.

— Ну, хорошо, какъ знаешь; а тебѣ, Лиза, я думаю, надо бы внизъ пойти. Ахъ, батюшки-свѣты, я и забыла сибгирю корму насыпать. — Да вотъ постойте, я сейчасъ....

И Марѳа Тимофеевна выбѣжала, не надѣвъ чепца.

Лаврецкій быстро подошелъ къ Лизѣ.

— Лиза, началъ онъ умоляющимъ голосомъ: — мы расстаемся навсегда, сердце мое разрывается, — дайте мнѣ вашу руку на прощаніе.

Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ....

— Нѣтъ, промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку: — нѣтъ, Лаврецкій, (она въ первый разъ такъ его называла) — не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ. — Вы знаете, я васъ люблю... да, я люблю васъ, прибавила она съ усиленіемъ; — но нѣтъ.... нѣтъ....

И она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ этотъ платокъ....

Дверь скрипнула.

— Возьмите, поспѣшно проговорила Лиза.

Платокъ скользнулъ по ея колѣнямъ. — Лаврецкій подхватилъ его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ упасть на полъ, быстро сунулъ его въ боковой карманъ и, обернувшись, встрѣтился глазами съ Марей Тимофеевной.

— Лизочка, мнѣ кажется, тебя мать зоветъ, прѣмолвила старушка.

Лиза тотчасъ встала и ушла.

Марья Тимофеевна опять сѣла въ свой уголокъ. Лаврецкій началъ вращаться съ нею.

— Одея, сказала она вдругъ.

— Что, тетушка?

— Ты честный человѣкъ?

— Какъ?

— Я спрашиваю тебя: честный ли ты человѣкъ?

— Надѣюсь, да.

— Гм. А дай мнѣ честное слово, что ты честный человѣкъ.

— Извольте.—Но къ чему это?

— Ужъ я знаю, къ чему. Да и ты, мой кормилецъ, коли по-думаешь хорошенько, вѣдь ты не глупъ, самъ поймешь, къ чему я это у тебя спрашиваю. А теперь прощай, батюшка.—Спасибо, что навѣстилъ; а слово сказанное помни, Одея, — да поцалуй меня.—Охъ, душа моя, тяжело тебѣ, знаю; да вѣдь и всѣмъ не легко. Ужъ на что я, бывало, завидовала мухамъ: вотъ, думала я, кому хорошо на свѣтѣ пожить; да услышала разъ ночью, какъ муха у паука въ лапкахъ поетъ,—нѣтъ, думаю, и на нихъ есть

гроза. Что дѣлать, Федя; а слово свое все таки помни. — Ступай, ступай.

Лаврецкій вышелъ съ задняго крыльца и уже приближался къ воротамъ.... его нагналъ лакей.

— Марья Дмитріевна приказали просить васъ къ ней пожаловать, доложилъ онъ Лаврецкому.

— Скажи, братецъ, что я не могу теперь.... началъ было Федоръ Ивановичъ.

— Приказали очинно просить, продолжалъ лакей: — приказали сказать, что онъ одиъ.

— А развѣ гости уѣхали? спросилъ Лаврецкій.

— Точно такъ-съ, возразилъ лакей и осклабился.

Лаврецкій пожалъ плечами и отправился вслѣдъ за нимъ.

ГЛАВА XLIII.

Марья Дмитріевна сидѣла одна у себя въ кабинетѣ на вольтеровскомъ креслѣ и цюхала одеколонъ; стаканъ воды съ эльбродоранжемъ стоялъ возлѣ нея на столикѣ. — Она волновалась и какъ будто трусла.

Лаврецкій вошелъ.

— Вы желали меня видѣть, сказалъ онъ, холодно кланяясь.

— Да, возразила Марья Дмитріевна и отпила мѣшного воды. — Я узнала, что вы прошли прямо къ тетускѣ; я приказала васъ просить къ себѣ: мнѣ пужно переговорить съ вами. Садитесь, пожалуйста. — Марья Дмитріевна перевела дыханіе. — Вы знаете, продолжала она: — ваша жена пріѣхала.

— Это мнѣ извѣстно, промолвилъ Лаврецкій.

— Ну, да, то-есть, я хотѣла сказать: она ко мнѣ пріѣхала, и я врипязла ее; вотъ о чемъ я хочу теперь объясниться съ вами, Федоръ Ивановичъ. — Я, слава Богу, заслужила, могу оказать, всеобщее уваженіе, и ничего неприличнаго ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю. Хотя я и предвидѣла, что это будетъ вамъ непріятно, однако я не рѣшилась отказать ей, Федоръ Ивановичъ; она мнѣ родственница — по васъ; войдите въ мое положеніе, какое же я имѣла право отказать ей отъ дома, — согласитесь?

— Вы напрасно волнуетесь, Марья Дмитріевна, возразилъ Лаврецкій: вы очень хорошо сдѣлали; — я нисколько не сержусь. —

Я вовсе не намѣренъ лишать Варвару Павловну возможности видѣть своихъ знакомыхъ; сегодня я не вошелъ къ вамъ только потому, что не хотѣлъ встрѣтиться съ нею—вотъ и все.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, воскликнула Марья Дмитріевна: — впрочемъ я всегда этого ожидала отъ вашихъ благородныхъ чувствъ. — А что я волнуюсь — это не удивительно: я женщина и мать. — А ваша супруга.... конечно, я не могу судить васъ съ нею—это я ей самой сказала; но она такая любезная дама, что кромѣ удовольствія ничего доставить не можетъ.

Лаврецкій усмѣхнулся и поигралъ шляпой.

— И вотъ что я хотѣла вамъ еще сказать, Ѳеодоръ Ивановичъ, продолжала Марья Дмитріевна, слегка подвигаясь къ нему: — еслибъ вы видѣли, какъ она скромно себя держитъ, какъ почтительна! — Право, это даже трогательно. А еслибъ вы слышали, какъ она объ васъ отзывается! Я, говорить, передъ нимъ кругомъ виновата; я, говорить, не умѣла цѣнить его, говорить; это, говорить, ангелъ, а не человѣкъ. — Право, такъ и говорить: ангелъ. Раскаяніе у ней такое.... Я, ей Богу, и не видывала такого раскаянія!

— А что, Марья Дмитріевна, промолвилъ Лаврецкій: — позвольте полюбопытствовать: говорятъ, Варвара Павловна у васъ пѣла; во время своего раскаянія она пѣла, — или какъ?...

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Она пѣла и играла для того только, чтобы сдѣлать мнѣ угодное, потому что я настоятельно ее просила объ этомъ, почти приказывала ей. — Я вижу, что ей тяжело, такъ тяжело; думаю, чѣмъ бы ее развлечь, — да и слышала-то я, что талантъ у ней такой прекрасный! — Помилуйте, Ѳеодоръ Ивановичъ, она совсѣмъ уничтожена, спросите хоть Сергѣя Петровича; убитая женщина, *tout-à-fait*, что вы это?

Лаврецкій только плечами пожалъ.

— А потомъ, что это у васъ за ангелочикъ эта Адочка, что за прелесть! — Какъ она мила, какая умненькая; по-французски какъ говорить; и по-русски понимаетъ — меня тетенькой назвала. — И знаете ли, эдакъ, чтобы дичиться, какъ всѣ почти дѣти въ ея годы дичатся, — совсѣмъ этого нѣтъ. — На васъ такъ похожа, Ѳеодоръ Ивановичъ, что ужасъ. — Глаза, брови... ну, — вы,

какъ есть — вы. Я маленькихъ такихъ дѣтей не очень люблю, признаться; но въ вашу дочку просто влюбилась.

— Марья Дмитріевна, произнесъ вдругъ Лаврецкій. — Позвольте васъ спросить, для чего вы это все мнѣ говорить изволите?

— Для чего?—Марья Дмитріевна опять понюхала одеколону и отпила воды. — А для того, Ѳеодоръ Ивановичъ, я это говорю, что.... Бѣда я вамъ родственница, я принимаю въ васъ самое близкое участіе.... я знаю, сердце у васъ добрейшее. — Послушайте, *mon cousin*, — я все таки женщина опытная и не буду говорить на вѣтеръ: простите, простите вашу жену. — Глаза Марьи Дмитріевны вдругъ наполнились слезами. — Подумайте, молодость, неопытность... ну, можетъ быть, дурной примѣръ; не было такой матери, которая наставила бы ее на путь. Простите ее, Ѳеодоръ Ивановичъ; она довольно была наказана.

Слезы закапали по щекамъ Марьи Дмитріевны; она не утирала ихъ: она любила плакать. Лаврецкій сидѣлъ какъ на угольяхъ. — Боже мой, думалъ онъ, — что же это за пытка, что за день мнѣ выдался сегодня!

— Вы не отвѣчаете, заговорила снова Марья Дмитріевна: — какъ я должна васъ понять? — Неужели вы можете быть такъ жестоки? Нѣтъ, я этому вѣрить не хочу. Я чувствую, что мои слова васъ убѣдили. Ѳеодоръ Ивановичъ, Богъ васъ наградитъ за вашу доброту, а вы примите теперь изъ рукъ моихъ вашу жену....

Лаврецкій невольно поднялся со стула; Марья Дмитріевна тоже встала и проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну. — Блѣдная, полуживая, съ опущенными глазами, она, какъ алось, отреклась отъ всякой собственной мысли, отъ всякой воли — отдалась вся въ руки Марьи Дмитріевны.

Лаврецкій отступилъ шагъ назадъ.

— Вы были здѣсь! — воскликнулъ онъ.

— Невините ея, поспѣшно проговорила Марья Дмитріевна: — она ни за что не хотѣла оставаться, но я приказала ей остаться, я посадила ее за ширмы. Она увѣряла меня, что это еще больше васъ разсердитъ; я и слушать ее не стала; я лучше ея васъ знаю. — Примите же изъ рукъ моихъ вашу жену; идите,

Варя, не бойтесь, принадлейте къ вашему мужу — (она дернула ее за руку) — и мое благословеніе....

— Пойдите, Марья Дмитріевна, перебилъ ее Лаврецкій глухимъ, но потрясающимъ голосомъ. — Вы, вѣроятно, любите чувствительныя сцены (Лаврецкій не ошибался: Тарья Дмитріевна еще съ института сохранила страсть къ нѣкоторой театральности); онѣ васъ забавляютъ; но другимъ отъ нихъ плохо приходится. — Впрочемъ, я съ вами говорить не буду: въ этой сценѣ не вы главное дѣйствующее лицо. — Что вы хотите отъ меня, сударыня, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ. — Не сдѣлалъ ли я для васъ, что могъ? — Не возражайте мнѣ, что не вы затѣяли это свиданіе; я вамъ не повѣрю, — и вы знаете, что я вамъ вѣрить не могу. — Что же вы хотите? Вы умны, — вы ничего не дѣлаете безъ цѣли. Вы должны понять, что жить съ вами, какъ я жилъ прежде, — я не въ состояніи, не оттого, что я на васъ сержусь, а оттого, что я сталъ другимъ человекомъ. — Я сказалъ вамъ это на второй же день вашего возвращенія, и вы сами, въ это мгновеніе, въ душѣ со мной согласны. — Но вы желаете возстановить себя въ общемъ мнѣніи; вамъ мало жить у меня въ домѣ, вы желаете жить со мной подъ одной кровлей — не правда ли?

— Я желаю, чтобы вы меня простили, проговорила Варвара Павловна, не поднимая глазъ.

— Она желаетъ, чтобы вы ее простили, повторила Марья Дмитріевна.

— И не для себя, для Ады, шепнула Варвара Павловна.

— Не для нея, для вашей Ады, повторила Марья Дмитріевна.

— Прекрасно. — Вы этого хотите? произнесъ съ усиленіемъ Лаврецкій. — Извольте, я и на это согласенъ.

Варвара Павловна бросила на него быстрый взоръ, а Марья Дмитріевна воскликнула: — Ну, слава Богу! — и опять потянула Варвару Павловну за руку. — Примите же теперь отъ меня....

— Пойдите, говорю вамъ, перебилъ ее Лаврецкій. — Я соглашаюсь жить съ вами, Варвара Павловна, — продолжалъ онъ, — то есть я васъ привезу въ Лаврики и проживу съ вами, сколько силъ хватитъ, — а потомъ уѣду — и буду наѣзжать. Вы видите, я васъ обманывать не хочу; но не требуйте больше ни-

чего. — Вы бы сами разсмѣлились, если бы я исполнилъ желаніе почтенной нашей родственницы и прижалъ бы васъ къ своему сердцу, сталъ бы увѣрять васъ, что.... что прошедшаго не было, что срубленное дерево опять зацвѣтетъ. — Но я вижу: надо покориться. Вы это слово не такъ поймете.... это все равно. — Повторяю, я буду жить съ вами.... или, нѣтъ, я этого общать не могу... Я сойду съ вами, буду васъ снова считать моей женой....

— Дайте же ей по крайней мѣрѣ на томъ руку, промолвила Марья Дмитріевна, у которой давно высохли слезы.

— Я до сихъ поръ не обманывалъ Варвару Павловну, возразилъ Лаврецкій:—она мнѣ повѣритъ и такъ. Я ее отвезу въ Лаврики, — и помните, Варвара Павловна: уговоръ нашъ будетъ считаться нарушеннымъ, какъ только вы выйдете оттуда.— А теперь позвольте мнѣ удалиться.

Онъ поклонился обѣмъ дамамъ и торопливо вышелъ вонъ.

— Вы не берете ея съ собою, крикнула ему вслѣдъ Марья Дмитріевна.... — Оставьте его, шепнула ей Варвара Павловна и тотчасъ же обняла ее, начала ее благодарить, цаловать у ней руки, называть ее своей спасительницей.

Марья Дмитріевна снисходительно принимала ея ласки; но въ душѣ она не была довольна ни Лаврецкимъ, ни Варварой Павловной, ни всей подготовленной ею сценой. — Чувствительности вышло мало; Варвара Павловна, по ея мнѣнію, должна была броситься къ ногамъ мужа.

— Какъ это вы меня не поняли? толковала она: — вѣдь я вамъ сказала: припадите.

— Эдакъ лучше, милая тетушка; не беспокойтесь — все прекрасно, твердила Варвара Павловна.

— Ну, да вѣдь и онъ—холодный, какъ ледъ, замѣтила Марья Дмитріевна.—Положимъ, вы не плакали; да вѣдь я передъ нимъ разливалась.—Въ Лаврикахъ запереть васъ хочеть. Чтожь,— и ко мнѣ вамъ нельзя будетъ ѣздить?—Всѣ мужчины безчувственны, сказала она въ заключеніе и значительно покачала головой.

— За то женщины умѣютъ цѣнить доброту и великодушіе, промолвила Варвара Павловна и, тихонько опустившись на колѣни передъ Марьей Дмитріевной, обняла ее полный стамъ руками и прижалась къ ней лицомъ. — Лицо это втихомолку улыбалось, а у Марьи Дмитріевны опять закапали слезы.

А Лаврецкій отправился къ себѣ, заперся въ комнаткѣ своего камердинера, бросился на диванъ и пролежалъ такъ до утра.

ГЛАВА XLIII.

На слѣдующій день было воскресенье. Колокольный звонъ къ ранней обѣднѣ не разбудилъ Лаврецкаго — онъ не смыкалъ глазъ всю ночь — но напомнилъ ему другое воскресенье, когда онъ, по желанію Лизы, ходилъ въ церковь. Онъ поспѣшно всталъ; какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что онъ и сегодня увидитъ ее тамъ-же. — Онъ безъ шума вышелъ изъ дома, велѣлъ сказать Варварѣ Павловнѣ, которая еще спала, что онъ вернется къ обѣду, и большими шагами направился туда, куда звалъ его однообразно-печальный звонъ. — Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дычокъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно гудѣлъ, то упадая, то вздуваясь. — Лаврецкій помѣстился недалеко отъ входа. — Богомольцы приходили поодиночкѣ, останавливались, крестились, кланялись на всѣ стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. — Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капишникомъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась; ея беззубое, желтое, сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красные глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образа иконостаса; костлявая рука безпрестанно выходила изъ капота и медленно и крѣпко клала большой, широкій крестъ. — Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ каждого поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что съ нимъ. — Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него.... «Сынъ померъ», произнесъ онъ скороговоркой, — и снова принялся класть поклоны. — Что для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви, — подумалъ Лаврецкій — и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко. — Онъ все

ждалъ Лизы, — но Лиза не приходила. — Церковь стала наполняться народомъ; ея все не было. Обѣдня началась, дякомъ уже прочиталъ евангеліе, зазвонили къ Достойной; Лаврецкій по двинулся немного впередъ — и вдругъ увидѣлъ Лизу. Она пришла раньше его, но онъ ея не замѣтилъ; прижавшись въ промежуточекъ между стѣной и илросомъ, она не оглядывалась, не шевелилась. — Лаврецкій не свелъ съ нея глазъ до самаго конца обѣдни: онъ прощался съ нею. Народъ сталъ разходиться, а она все стояла; казалось, она ожидала ухода Лаврецкаго. — Наконецъ она перекрестилась въ послѣдній разъ и пошла, не оборачиваясь; съ ней была одна горничная. — Лаврецкій вышелъ вслѣдъ за ней изъ церкви и догналъ ее на улицѣ; она шла очень скоро, наклонивъ голову и спустивъ вуаль на лицо.

— Здравствуйте, Лизавета Михайловна, сказалъ онъ громко съ насильственной развязностью:—можно васъ проводить?

Она ничего не сказала; онъ отправился съ ней рядомъ.

— Довольны вы мной? спросилъ онъ ее, понизивъ голосъ.
— Вы слышали, что вчера произошло?

— Да, да, проговорила она шепотомъ:—это хорошо.

И она пошла еще быстрее.

— Вы довольны?

Лиза только головой кивнула.

— Ѳедоръ Ивановичъ, начала она спокойнымъ, но слабымъ голосомъ:—я хотѣла васъ просить: не приходите больше къ намъ, увѣжайте поскорѣй; мы можемъ послѣ увидѣться,—когда нибудь, черезъ годъ. А теперь, сдѣлайте это для меня; исполните мою просьбу, ради Бога.

— Я вамъ во всемъ готовъ повиноваться, Лизавета Михайловна; но неужели мы такъ должны разстаться; неужели вы мнѣ не скажете ни одного слова?...

— Ѳедоръ Ивановичъ, вотъ вы теперь идете возлѣ меня.... А ужъ вы такъ далеко, далеко отъ меня. И не вы одни, а...

— Договаривайте, прошу васъ! воскликнулъ Лаврецкій:—что вы хотите сказать?

— Вы услышите, можетъ быть... но что бы ни было, забудьте.... нѣтъ, не забывайте меня, помните обо мнѣ.

— Мнѣ васъ забыть....

— Довольно, прощайте. Найдите больше за мной.

— Лиза, началъ—было Лаврецкій....

— Прощайте; прощайте! повторила она, еще ниже спустила вуаль и почти бѣгомъ пустилась впередъ.

Лаврецкій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, понутивъ голову, отправился назадъ по улицѣ. Онъ наткнулся на Лемма, который тоже шелъ, надвинувъ шляпу на носъ и глядя себѣ подъ ноги.

Они молча посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, что скажете? проговорилъ наконецъ Лаврецкій.

— Что я скажу? угрюмо возразилъ Лемма: — ничего я не скажу. Все умерло, и мы умерли. (*Alles ist todt und wir sind todt*). — Вѣдь вамъ направо идти?

— Направо.

— А мнѣ направо. Прощайте.

На слѣдующее утро Федоръ Ивановичъ съ женою отправился въ Лаврики. Она ѣхала впередъ въ каретѣ, съ Адой и съ Жюстиной; онъ сзади — въ тарантасѣ. Хорошенькая дѣвочка все время дороги не отходила отъ окна кареты; она удивлялась всему: мужикамъ, бабамъ, избамъ, колодцамъ, дугамъ, колокольчикамъ и множеству грачей; Жюстина раздѣляла ее удивленіе; Варвара Павловна смѣялась ихъ замѣчаніямъ и восклицаніямъ. Она была въ духѣ; передъ отъѣздомъ изъ города О. она имѣла объясненіе съ своимъ мужемъ.

— Я понимаю ваше положеніе, сказала она ему, — и онъ, по выраженію ее умныхъ глазъ, могъ заключить, что она понимала его положеніе вполне; — но вы отдадите мнѣ хоть ту справедливость, что со мной легко живется; я не стану вамъ навязываться, стѣснять васъ; я хотѣла обезпечить будущность Ады; больше мнѣ ничего не нужно.

— Да, вы достигли всѣхъ вашихъ цѣлей, промолвилъ Федоръ Ивановичъ.

— Я объ одномъ только мечтаю теперь: зарыться навсегда въ глуши; я буду вѣчно помнить ваши благодѣянія...

— Фи! полноте, — перебилъ онъ ее.

— И съумѣю уважать вашу независимость и вашъ покой, — докончила она свою приготовленную фразу.

Лаврецкій ей низко поклонился. Варвара Павловна поняла, что мужъ въ душѣ благодарилъ ее.

На второй день къ вечеру прибыли они въ Лаврики; недѣлю спустя Лаврецкій отправился въ Москву, оставивъ женѣ тысячъ пять на прожитокъ; а на другой день послѣ отъѣзда Лаврецкаго явился Паншинъ, котораго Варвара Павловна просила забывать ее въ уединеніи. Она его приняла какъ пельзя лучше, и до поздней ночи высокія комнаты дома и самый садъ оглашались звуками музыки, пѣньи и веселыхъ французскихъ рѣчей. Три дня прогостилъ Паншинъ у Варвары Павловны; прощаясь съ нею и крѣпко пожимая ея прекрасныя руки, онъ обѣщался очень скоро вернуться—и сдержалъ свое обѣщаніе.

ГЛАВА XLV.

и послѣдняя.

У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и предъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательно обывновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умпленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась наконецъ посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Марѳа Тимофѣевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, промолви-

ла Марѳа Тимофѣевна, низко наклоняясь къ горшку съ молодымъ розаномъ. — Какъ славно пахнетъ!

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово, прошептала она.

— Какое слово, какое, съ живостью подхватила старушка. — Что ты хочешь сказать?—Это ужасно, заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиную кроваткѣ:—это сверхъ силъ моихъ; четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю,— не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь, — не могу, не могу.

— Да что съ вами, тетушка? промолвила Лиза:—я ничего...

— Ничего! воскликнула Марѳа Тимофѣевна:—этоты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя, что ты сдѣлала съ своимъ лицомъ, куда глаза свои дѣвала? — Ничего! развѣ я не все знаю?

— Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Божемой Владыко! неужели ты такъ его полюбила? да вѣдь онъ старикъ, Лизочка. Ну, я не спорю, онъ хорошій человекъ, не кусается; да вѣдь чтожь такое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, этого добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.

— Слушай, Лизочка, что я тебѣ скажу, промолвила вдругъ Марѳа Тимофѣевна, усаживая Лизу подлѣ себя на кровати и поправляя то ея волосы, то косышку.—Это тебѣ только такъ сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа моя, на одну смерть лекарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: «не поддамся—молъ я, — ну его!» и сама потомъ, какъ диву дашься,—какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка, возразила Лиза: — оно уже прошло; все прошло!

— Прошло! какое прошло! Вотъ у тебя носикъ даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!

— Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь, произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Марѳы Тимофѣевны. — Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ, не сердитесь, поймите меня....

— Да что такое, что такое, мать моя? Не пугай меня пожалуйста; я сейчас закричу, не гляди такъ на меня; говори скорѣе, что такое?

— Я.... я хочу... — Лиза спрятала свое лицо на груди Марѣы Тимофеевны... — Я хочу идти въ монастырь, проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка; опомнись, что ты это, Богъ съ тобою, пролепетала она наконецъ: — лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ бессонницы, душа моя.

Лиза подпала голову; щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка, промолвила она: — не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмольть, отмольть надо. Васъ мнѣ жалъ, жалъ мамаша, Леночки; по дѣлать печего; чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простылась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то, тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду....

Марѣа Тимофеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу.

«Она больна, бредитъ, думала она: — надо послать за докторомъ, да за какимъ? Гелеоновскій намедни хвалилъ какого-то; онъ все вретъ—а, можетъ быть, на этотъ разъ и правду сказалъ». Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ, когда на всѣ ея возраженія Лиза постоянно отвѣчала однимъ и тѣмъ же, Марѣа Тимофеевна испугалась и опечалилась не на шутку. — Да вѣдь ты не знаешь, голубушка ты моя, начала она ее уговаривать, какова жизнь-то въ монастырѣхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслицемъ коноплянымъ зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ толстое-претолстое; по холоду ходить заставятъ; вѣдь ты всего этого не перенесешь, Лизочка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила, и въ свое удовольствіе пожила; поживи и ты. Дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть спокойно, а тамъ дѣлай, что хочешь. И ктожь это впдывалъ, чтобъ изъ-за эда-

кой изъ-за козѣй бороды, прости Господи, изъ-за мужнины въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ такъ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебень отслужи, да не падѣвай ты черпаго шлыка на свою голозу, батюшка ты мой, матушка ты моя...

И Марѳа Тимофеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала — по осталась непреклонной. Съ отчаянья Марѳа Тимофеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матерн... по и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; за то Марѳа Тимофеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны, если черезъ шесть мѣсяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенія.

Съ наступившими первыми холодами Варвара Павловна, не смотря на свое обѣщаніе зарыться въ глуши, запасшись деньгами, переселилась въ Петербургъ, гдѣ наняла скромную, но миленькую квартиру, отысканную для нея Паншинымъ, который еще раньше ее покинулъ О...скую губернію. Въ послѣднее время своего пребыванія въ О. онъ совершенно лишился расположенія Марьи Дмитріевны; онъ вдругъ пересталъ ее посѣщать и почти не выѣзжалъ изъ Лавриковъ. Варвара Павловна его поработила; именно поработила: другимъ словомъ нельзя выразить ея неограниченную, безвозвратную, безотвѣтную власть надъ нимъ.

Лаврецкій прожилъ зиму въ Москвѣ, а весною слѣдующаго года дошла до него вѣсть, что Лиза постриглась въ Б...мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло восемь лѣтъ. Опять настала весна... Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о судьбѣ Михалевича, Паншина, г-жи Лаврецкой, — и разстанемся съ ними. Михалевичь, послѣ долгихъ

странствований, попалъ наконецъ на настоящее свое дѣло: онъ получилъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Онъ очень доволенъ своей судьбой, и воспитанники его «обожаютъ», хотя и передразниваютъ его. Папшинъ сильно подвинулся въ чинахъ и мѣтитъ уже въ директоры; ходитъ пѣсколько согнувшись; должно быть, Владимірскій крестъ, пожалованный ему на шею, оттягиваетъ его впередъ. Чиновникъ въ немъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ художникомъ; его все еще молоджавое лицо пожелтѣло, волосы порѣдѣли и онъ уже не поетъ, не рисуетъ, но тайнѣ занимается литературой: написалъ комедію, въ родѣ «пословицъ», — и такъ какъ теперь всѣ пишущіе непремѣнно «выводятъ» когонибудь или чтонибудь, то и онъ вывелъ въ ней кокетку и читаетъ ее исподтишка двумъ-тремъ благоволящимъ къ нему дамамъ. Въ бракъ онъ однако не вступилъ, хотя много представлялось къ тому прекрасныхъ случаевъ: въ этомъ виновата Варвара Павловна. Что касается до нея, то она по прежнему постоянно живетъ въ Парижѣ; Ѳедоръ Ивановичъ далъ ей на себя вексель и откупился отъ нея, отъ возможности вторичнаго неожиданнаго наѣзда. Она постарѣла и потолстѣла, но все еще мила и изящна. У каждого человѣка есть свой идеалъ; Варвара Павловна нашла свой — въ драматическихъ произведеніяхъ г-на Дюма-сына. Она прилежно посѣщаетъ театръ, гдѣ выводятся на сцену чахоточныя и чувствительныя камелии; быть г-жею Дошъ, кажется ей верховъ человѣческаго благополучія: она однажды объявила, что не желаетъ для своей дочери лучшей участи. Должно надѣяться, что судьба избавитъ *Mademoiselle Ada* отъ подобнаго благополучія: изъ румянаго, пухлаго ребенка она превратилась въ слабогрудую, блѣдненькую дѣвочку; нервы ея уже разстроены. Число поклонниковъ Варвары Павловны уменьшилось, но они не переменились; нѣкоторыхъ она, вѣроятно, сохранитъ до конца своей жизни. Самымъ рынымъ изъ нихъ въ послѣднее время былъ нѣкто Закурдало-Скубыринковъ, изъ отставныхъ гвардейскихъ усоносовъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-восьми, необыкновенной крѣпости сложенія. Французскіе посѣтители салона г-жи Лаврецкой называютъ его «*le gros taureau de l'Ukraine*»; Варвара Павловна никогда не приглашаетъ его на свои модные вечера, но онъ пользуется ея благорасположеніемъ вполне.

Итакъ... прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяю-

щимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и заплѣло. Городъ О. мало измѣнился въ теченіе этихъ восьми лѣтъ; но домъ Марьи Дмитріевны какъ будто помолодѣлъ: его недавно-выкрашенные стѣны бѣлѣли привѣтно, и стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блестяли на заходившемъ солнцѣ: изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Марѳа Тимофеевна не долго пережила свою племянницу; рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы.... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ. Но домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную, красивую дѣвушку, и ея женихъ — бѣлокурый гусарскій офицеръ; сынъ Марьи Дмитріевны, только-что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну въ О..., сестра его жены, шестнадцати-лѣтняя институтша съ алыми щеками и ясными глазками, Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая — вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подъ-ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ гдѣ-то важно расхаживала за жирѣвшаю Роска, двѣ лягавыхъ собаки бѣшено возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженью сосѣдей, «порядки небывалые».

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху Леночки, было всего двадцать четыре года) занимались не многосложной, но, судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки

тоже бѣгали и даяли — и вистѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами кнзрейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подъѣхалъ загрязненный тарантасъ, и человекъ лѣтъ сорока—пяти, въ дорожномъ платьѣ, вылѣзъ изъ него и остановился въ изумленія. Онъ постоялъ нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взобрался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ; но дверь залы быстро распахнулась; — изъ нея, вся раскрасившаяся, выскочила Шурочка — и мгновенно, вслѣдъ за ней, съ звонкимъ крикомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла, при видѣ незнакомаго; но свѣтлые глаза, устремленные на него, глядѣли также ласково, свѣжія лица не перестали смѣяться. — Сынъ Марьи Дмитріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно?

— Я Лаврецкій, промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ — и не потому, чтобы вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника, а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили; Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко — и она непременно его бы узнала, и представила ему все остальное общество, называя каждого, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостиную. Обои въ обѣихъ комнатахъ были другія, но мебель уцѣлѣла; Лаврецкій узналъ фортепьяно; даже пальцы у окна стояли тѣже, въ томъ же положеніи — и чуть ли не съ тѣмъ же неконченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, рассказы посыпались наперерывъ.

— А давно мы васъ не видали, явно замѣтила Леночка: — и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! поспѣшно подхватилъ ея братъ. — Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Федоръ Ивановичъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Марья Тимофеевна, промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна, возразила Леночка: — и москѣ Леммъ.

— Какъ? и Лемия умеръ? спросилъ Лаврецкій.

— Да, отвѣчалъ молодой Калитинъ; — онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу; говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете, — музыки послѣ него не осталъ ли?

— Не знаю; едва ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодыя лица.

— А Матроска живъ, — заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ, — прибавилъ ее братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и жметъ по прежнему, продолжаетъ сынъ Марии Дмитриевны; — и воображите, вотъ эта егза (онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табатерку насыпала.

— Какъ онъ чихалъ! воскликнула Леночка — и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы объ Лизѣ недавно имѣли вѣсти, промолвилъ молодой Калитинъ — и опять кругомъ все притихло: — ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той же обители? спросилъ не безъ успѣха Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ придетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ черезъ людей вѣсти доходить. Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; «вотъ, тихій ангелъ пролетѣлъ» подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ? обратился Калитинъ къ Лаврецкому: — онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что бросилось ему въ глаза — была та самая сямейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновений; она почернѣла, искривилась; но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ радости, и въ горести, — чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастья, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодостью прошелся онъ по аллеямъ; лины немного постарѣли и выросли

въ послѣднія восемь лѣтъ, тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ загложъ и отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ, травою, спренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла—вскрикнула вдругъ Леночка, войдя на небольшую зеленую поляну, окруженную липами: — насъ, кстати, пятеро.

— А Федора Иванаыча ты забыла? замѣтилъ ее братъ.... Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Даравѣ Федоръ Иванычъ, въ его лѣта, можетъ.... начала опа.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій:— не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего; у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго ниникакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, точно имъ учитель урокъ прочелъ, и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочъ, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ по серединѣ—и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ; раздался слабый, но чистый звукъ и тайн задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія; но грусть о ней была томительна и нелегка; въ ней не было тишины, на ѣвасмой смерти. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладана. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на

себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьи, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и—къ чему таить правду?—постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ — и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденія,—онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодого поколѣнія,—оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего. «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы», думалъ онъ, и не было горечи въ его думкахъ: — «жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить, вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословенія нашего брата старика будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился; его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики слышѣе прежняго раздавались въ саду за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

«И конецъ?» спросить, можетъ быть, неудовлетворенный читатель. «А что же случилось потомъ съ Лаврецкимъ? Съ Лизой?» Но что сказать о людяхъ еще живыхъ, но уже сошедшихъ съ земнаго поприща, затѣмъ возвращаться къ нимъ? Говорятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза — и увидалъ ее. Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него; прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини — и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лице — и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые чотками, еще крѣпче прижались другъ къ другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнаетъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенья въ жизни, такія чувства... На нихъ можно только указать — и пройти мимо.

И. ТУРГЕНЕВЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы....

Карамзинъ.

Наконецъ и для насъ настала эпоха юридическаго возрожденія: общество начало приглядываться къ порядку существующаго у насъ суда и расправы; его занимаетъ вопросъ, въ какой степени имущество и достоянне нашихъ семействъ не обезпечены гражданскимъ закономъ и его исполнителями! И кто ближе можетъ рѣшить эти важные вопросы, какъ не само общество? Кто ближе знаетъ наши интересы, какъ не мы сами? Кто ближе насъ можетъ чувствовать, какъ взяточничество попираетъ законъ и общественную нравственность? Кто болѣе чувствуетъ страданіе отъ раны, какъ не тотъ, кому она нанесена? Общество ближе всѣхъ укажетъ свои нужды, недостаточность закона и безнравственность его исполнителей: общественное мнѣніе установится посредствомъ журналовъ, которые всегда были отголоскомъ общества, и нужно надѣяться, что общественное мнѣніе осуществится законодательствомъ и излечатся наши старыя и настоящія раны.... Въ такую эпоху каждый благомыслящій человѣкъ и истинный патріотъ долженъ отдать посильную дань своему отечеству, долженъ подѣлиться съ нимъ своимъ опытомъ, наблюденіемъ и выводами. Какъ адвокатъ, имѣвшій дѣла во всѣхъ

инстанціяхъ судебныхъ и административныхъ, я считаю долгомъ подѣлиться съ читателями моимъ взглядомъ на тѣ недостатки, которые проистекаютъ отъ неправильнаго пользованія и пониманія законовъ. Недостаточно имѣть право; должно уметь понимать его: каждому праву соотвѣтствуютъ извѣстныя обязанности и съ непониманіемъ его тѣсно связано и неправильное исполненіе самыхъ обязанностей. Кромѣ этого, неопредѣленность нѣкоторыхъ судебныхъ узаконеній, негласность судопроизводства, разнообразіе *исковъ*, излишество инстанцій, неопредѣленность полицейскихъ постановленій — влекутъ за собою запутанность въ дѣлахъ и произвольное толкованіе законовъ.

Вотъ почему, при анализѣ нашихъ судебныхъ мѣстъ, я разберу: 1) *права наши по избранію судей*; 2) *производство дѣлъ безспорныхъ въ полиціяхъ*; 3) *судоустройство*; 4) *ходъ судопроизводства во всѣхъ инстанціяхъ*.

ГЛАВА I.

ПРАВА НАШИ ПО ИЗБРАНІЮ СУДЕЙ.

Благодѣтельное правительство наше, зная, что одно изъ первыхъ благъ государства — правосудіе, ограждающее личную безопасность и имущество гражданъ, предоставило каждому сословию, — дворянству, купечеству, мѣщанству и сельскимъ обывателямъ, — имѣть свой собственный судъ; на этомъ основаніи дворянство и сельскіе обыватели составляютъ изъ своихъ выборовъ *Уездный Судъ*, а купечество и мѣщанство — *Магистратъ* или *Ратушу*. Такимъ образомъ правительство устраняетъ изъ подъ своего вліянія судебную часть, передаетъ ее въ руки гражданамъ, и довѣріе его достигаетъ до того, что рѣшенію дворянства оно предоставляетъ не только всѣ иски и тяжбы казны и дѣла, защищаемыя на правѣ казенномъ, но даже всѣ тяжбы и иски Августѣйшей Императорской Фамиліи. Такое неограниченное довѣріе правительства заслуживаетъ, чтобы и мы съ своей стороны оправдали его и въ точности исполнили тѣ священныя обязанности, которыя связаны съ предоставленнымъ намъ правомъ суда и расправы; но къ прискорбію характеръ нашихъ выборовъ не всегда достигаетъ той высокой цѣли и надеждъ, которыя возлагаются на насъ правительствомъ. Въ тѣхъ обществахъ, которыя стоятъ на низшей степени гражданственности, выборъ судьи требуетъ одного только условія: добросовѣстности и честности; законъ состоитъ въ

этихъ обществахъ изъ общеизвѣстныхъ обычаевъ и судья есть только добросовѣстный исполнитель обычая; но въ обществѣ образованномъ, гдѣ законодательство стоитъ на извѣстной степени развитія, гдѣ частные случаи многочисленны, гдѣ обычай теряетъ силу закона и гдѣ каждое наше распоряженіе и дѣйствіе должны быть запечатлѣны закономъ, тамъ добросовѣстность и честность дѣлаются недостаточными: отъ судьи требуется еще образованность, запасъ теоретическихъ и практическихъ юридическихъ свѣдѣній. Каждое рѣшеніе судебное есть ученая диссертация, основанная на фактахъ и законахъ. На дѣло же суда и расправы у насъ при выборахъ совершенно другой взглядъ, который имѣетъ слѣдующія видоизмѣненія: 1) нѣкоторые дворянскія общества стараются избирать въ судьи помѣщиковъ умныхъ и богатыхъ на томъ основаніи, что, какъ умный человѣкъ, помѣщикъ въ состояніи будетъ судить и рядить, а какъ богатый — онъ будетъ непристрастенъ и безкорыстенъ. Первое мнѣніе ошибочно, какъ я выше сказалъ, — такъ какъ для рѣшенія дѣла, кромѣ природнаго ума, требуются юридическія познанія; богатство же нисколько не дѣлаетъ судью лучшимъ; онъ не броситъ своего имѣнія, онъ не разорится ради должности: вотъ богатый судья и живетъ въ своемъ имѣніи, и въ судъ пріѣзжаетъ только два раза, а иногда и одинъ только разъ въ недѣлю. Чтò же можно сдѣлать въ такое короткое время? Само собою разумѣется, что онъ только подписываетъ журналы и отпуска. Изъ этого вытекаетъ то зло, что въ уѣздѣ нѣтъ судьи, а есть *секретарь*, который и судитъ и рядитъ дворянъ цѣлаго уѣзда. При этомъ многіе возражаютъ, что секретарь можетъ быть честенъ и добросовѣстенъ, что судья можетъ себя выбрать дѣловаго человѣка; но на это можно замѣтить, что въ секретари берутъ не юношей и людей неопытныхъ, а такъ называемыхъ *дѣльцовъ*; принадлежность же дѣльца — зрѣлость лѣтъ, а съ этимъ сопряжена по большей части семейная жизнь, жена и дѣти, которыя требуютъ содержанія и воспитанія; чтобы секретарь былъ добросовѣстенъ, нужно обезпечить его приличнымъ жалованьемъ, а его содержаніе такъ незначительно, что онъ не въ состояніи имѣть даже олътъ свою семью. Такимъ образомъ мѣсто его становится для него предметомъ, а дѣла — источникомъ дохода и онъ жмется тяжущихся: тотъ у него правъ, кто больше дастъ. Впрочемъ, положимъ даже, что судья досталъ бы безкорыстнаго секретаря; но въ этомъ случаѣ ненуженъ судья, когда все дѣлаетъ секретарь... 2) Иногда же при выборахъ дворянство руководствуется *человѣколюбивыми* началами: та-кой-то былъ нѣкогда богатъ и лишился состоянія; дворянство должно его поддержать, и поэтому его выбираютъ въ судьи для *поддержки*. Позвольте васъ, многоуважаемые мною дворяне, спросить,

какою *поддержкою* можетъ быть для разореннаго помѣщика мѣсто судьи, дающее ему содержанія столько, что оно ему достаточно развѣ только на наемъ квартиры? Не дасте ли вы ему сами поводъ быть взяточникомъ? Вѣдь вы сами его избрали единственно для его поддержки, а не ради того, чтобы въ вашемъ уѣздѣ осуществялись правда и правосудіе.... Что же касается до мѣстъ *засѣдатель* уѣзднаго суда, то изъ дворянъ богатый считаетъ себя обиженнымъ, когда его выбираютъ на это мѣсто; а бѣднякъ идетъ на эту должность также единственно для поддержки своей. Такимъ образомъ благая цѣль правительства не достигается: дѣло суда становится у насъ арендою или судьей или секретарей.

Выборы купеческіе еще неудачнѣе дворянскихъ: въ послѣднихъ судьи и засѣдатели по крайней мѣрѣ люди грамотные, а купеческіе бургомистры и ратманы, засѣдающіе въ магистратахъ, люди по большей части безграмотные. Въ одномъ изъ магистратовъ со мною случились два *казуса*, которые стоятъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе: бургомистръ, т. е. председатель сего великаго судилища, былъ *трактирщикъ*, который, по неумѣнію грамоты, бывало прикладываетъ къ журналамъ именную печать свою (*); однажды, какъ адвокатъ, я обратился къ нему съ процессомъ, который я защищалъ въ магистратѣ, и объяснилъ ему сущность дѣла; онъ нашелъ, что дѣло моего кліента совершенно справедливо, и поѣхалъ со мною въ судъ, чтобы объясниться по этому дѣлу съ секретаремъ; но представьте себѣ мое удивленіе, когда секретарь объявилъ господину бургомистру, что онъ утромъ того же дня подписалъ уже *рѣшительное* опредѣленіе противъ моего кліента и что это опредѣленіе, какъ вступившее въ законную силу, нельзя уже измѣнить. — «Ну, батюшка, сказалъ мнѣ сконфуженный бургомистръ, — извини. Подай ужъ на насъ *апелляцію* (**)...

Это дѣло по крайней мѣрѣ показываетъ *нелѣдность*, самое наивное, невинное; но другое мое дѣло въ этомъ же магистратѣ, съ тѣмъ же бургомистромъ было еще *казуснѣе*: въ этомъ судѣ хлопоталъ я о ввѣдѣ во владѣніе одного моего кліента; не знаю по какой причинѣ, а вѣроятно оттого, что магистратъ не имѣлъ указа на *красенькой бумажкѣ*, но для ввода во владѣніе моего кліента встрѣтились тысячи препятствій, такъ что буквально круглый годъ я имѣлъ *хожденіе* по этому дѣлу; наконецъ я вышелъ изъ терпѣнія, страшно раз-

---

(*) Это случилось въ одномъ изъ многочислѣннѣйшихъ и лучшихъ портовыхъ городовъ Россіи, гдѣ купечество составляетъ главное населеніе города и производитъ торговлю на *миліонъ десятки миліоновъ*.

(**) Т. е. апелляцію.

сердился на это присутственное мѣсто и.... и чтожь вы думаете я сдѣлалъ?.. Вѣрно, скажете вы, послалъ куда слѣдуетъ грозный протестъ на медленность суда. Ничуть не бывало. Я слишкомъ благо-разуменъ и опытенъ, чтобы дѣйствовать такъ спростметчиво.... Другой, неопытный дѣлецъ, послалъ бы частную жалобу на медленность суда въ губернское правленіе; а на неправильное дѣлопроизводство жаловался бы въ гражданскую палату; чтожь бы вышло? Вѣроятно, не раньше какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, эти два присутственных мѣста потребовали бы объясненія отъ магистрата, который, по множеству дѣлъ, сочинялъ бы свои объяснительныя рапорты нѣсколько мѣсяцевъ. — Какъ? возразите вы: — быть не можетъ, — вы говорите явную ложь; вѣдь, по закону, объяснительные рапорты должны быть отправлены въ теченіе двухъ недѣль со дня требованія....

— Совершенная правда; но на все есть лазейки: присутствие раздѣляется у насъ на обыкновенное и чрезвычайное; для того и другого существуютъ особые журналы, такъ называемыя особыя статьи. Чрезвычайные журналы и существуютъ для экстренныхъ случаевъ, какъ напр. если мы хотимъ рѣшить не въ очередь дѣло, или когда, по экстренности его, мы сочиняемъ объяснительный рапортъ не двѣ недѣли, а полгода, чтобы потомъ пустить его заднимъ числомъ; а недогадливая высшая инстанція, по простотѣ своего сердца, имѣя такія же особыя статьи, удивляется только: какимъ это образомъ запаздываетъ почта такъ долго; сто верстъ дѣлалъ объяснительный рапортъ въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ.... Ужь эти мнѣ почты!.. Да, замѣчаетъ многозначительно вице-губернаторъ, распечатывая объяснительный рапортъ: — на этихъ станціяхъ колеса вѣчно немазаны; а у насъ, знаете, коли не подмажешь, далеко не уѣдешь....

— Хе, хе, хе! восклицаетъ хромоногій совѣтникъ: — сущую правду изволили сказать, ваше превосходительство (*).

Сказалъ же онъ: «сущая правда», потому что онъ придерживается самъ этого правила.

Такимъ образомъ вступила бы частная жалоба дѣльца неопытнаго въ губернское правленіе, которое по множеству нерѣшенныхъ дѣлъ (**) продержало бы по крайней мѣрѣ полгода дѣло нерѣшен-

(*) Вице-губернаторъ былъ, положимъ, только статскій совѣтникъ; но любилъ слово превосходительство.

(**) Доказательствомъ великаго количества нерѣшенныхъ дѣлъ служить то, что при ревизіи правленія десятка три повозокъ нездорѣлыхъ дѣлъ, каждое въ двѣ или три тысячи листовъ, отправляются куда нибудь за городъ прохлаждаться въ подвалѣ.

нымъ и потомъ дало бы грозный указъ магистрату: «съ *возможной* скоростью рѣшить дѣло такого-то, съ котораго между тѣмъ за употребленную въ семъ правленіи, вмѣсто гербовой бумаги, простую, взыскать столько-то». Получивши подобный указъ, мой дѣлецъ опустилъ бы носъ, явился бы въ магистратъ и началъ бы съ помощью всѣхъ возможныхъ частей рѣчи, но въ особенностяхъ *прилагательныхъ*, упрасивать рѣшить его дѣло; нѣтъ, сказалъ бы ему тогда секретарь: теперь мы затрудняемся рѣшить ваше дѣло; вы жаловались въ палату, а Богъ ее знаетъ — какой у нея взглядъ на ваше дѣло; ужъ лучше подождемъ, что она скажетъ: Проходить мѣсяцъ, другой, а иногда и годъ; вдругъ получается указъ палаты, въ которомъ жалоба просителя признается неправильною и снова взыскивается съ него за негербовую бумагу....

Я не такъ поступилъ съ магистратомъ, когда я имѣлъ съ нимъ знаменитое дѣло о введѣ въ владѣніе моего злополучнаго кліента; когда я разсердился на него, я цѣлые полгода не показывалъ туда глазъ; а однажды, зашедши туда по другому дѣлу, я выразился презрительно о дѣлѣ моего злополучнаго кліента и сказалъ, что я въ немъ не принимаю ужъ никакого участія.... Это подѣйствовало сильнѣе всѣхъ жалобъ; зная, что я не прочь отъ прилагательныхъ, меня начали упрасивать, чтобы я не оставлялъ этого дѣла; но я рѣшительно объявилъ, что не хочу больше и знать его. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого, имѣя въ виду уплату небольшого долга въ чайномъ трактирѣ своего начальника, прибѣжалъ ко мнѣ въ попыхахъ чиновникъ магистрата и объявилъ мнѣ, что дѣло моего кліента рѣшено, что всѣ члены суда подписали журналъ, за исключеніемъ бургомистра, которому отправлено опредѣленіе для его подписи.

Это извѣстіе меня очень порадовало; но чтобы выдержать характеръ и не дать даромъ добродѣтельного приношенія, я только спустя мѣсяцъ послѣ полученнаго извѣщенія явился въ магистратъ. Войдя въ присутствіе, я обратился къ секретарю и спросилъ его: правда ли, что дѣло моего кліента рѣшено?... Секретарь замаялся и на мой вопросъ нерѣшительнымъ голосомъ объявилъ мнѣ, что дѣйствительно у нихъ состоялось опредѣленіе, что всѣ члены суда подписали журналъ; но дѣло въ томъ, что это опредѣленіе было отправлено къ бургомистру для подписи, и онъ гдѣ-то затерялъ его....

— Что же вы намѣрены сдѣлать, сказалъ я, сконфуженный.

— Право, незнаю, отвѣчалъ секретарь. Я было предложилъ общему присутствію написать новое опредѣленіе, да члены несогласны; мы, говорятъ они, разъ подписали....

Другой неопытный адвокатъ страшно разсердился бы и, въро-

ятно, подавъ бы высшему начальству жалобу, что вотъ, дескать, бургомистры теряютъ опредѣленія; тутъ высшее начальство нарядило бы формальное слѣдствіе; а магистратъ, чтобы спасти своего предсѣдателя, составилъ бы новое опредѣленіе и сдѣлалъ бы адвоката только ябедникомъ. Я же иначе поступилъ: попросилъ секретаря, чтобы онъ при мнѣ произвелъ маленькое домашнее разслѣдованье: въ какомъ мѣстѣ было вручено г. бургомистру опредѣленіе. Призвали разсылнаго солдата и онъ объявилъ, что г. бургомистръ извоилъ, при врученіи ему журнала, сидѣть въ своемъ трактирѣ и распивалъ съ какими-то бородачами чай, при чемъ судья былъ очень красенъ. Выслушавъ эти данныя, я объявилъ секретарю, что надѣюсь отыскать пропавшій документъ, и отправился въ трактиръ; здѣсь я обратился къ жирному буфетчику, стоявшему за стойкой и объяснилъ ему вкратцѣ дѣло. Буфетчикъ долго отпирался и говорилъ, что хозяинъ его никакой бумаги при себѣ не имѣлъ, когда онъ съ гостями пилъ чай; но когда я ему предложилъ синенькую съ тѣмъ, чтобы онъ хорошенько осмотрѣлъ, во что завернуты его съѣстные припасы, — онъ расторопно досталъ изъ-за пояса ключи и повелъ меня въ чуланъ. Тутъ предположеніе мое осуществилось: въ опредѣленіе моего несчастнаго кліента былъ завернутъ лимбургскій сыръ.... Съ триумфомъ извлекъ я этотъ судебный приговоръ изъ мрака кладовой и черезъ недѣлю онъ возвѣстилъ свѣту, что права моего кліента на доставшееся ему родовое имущество утверждены...

При такомъ порядкѣ вещей невольно сердце каждаго патриота должно сильно забиться: пора порѣшить съ этимъ безпорядкомъ, пора ограничить безусловное право — быть выбраннымъ! Неужели при настоящемъ образованіи, при теперешнемъ положеніи нашего общества, можетъ быть достаточно одной принадлежности извѣстнаго лица къ данному сословію?... Скажите, почему требуете вы отъ мастераго непременно, чтобы онъ былъ нѣсколько лѣтъ подмастерьемъ и потомъ ужъ, по выдержаніи имъ испытанія, даете ему право на практику? Почему же вы этого не дѣлаете съ вашими судьями? Неужели труднѣе сапоги шить или стричь волосы, нежели быть судьей? Неужели для васъ утѣшительнѣе имѣть хорошіе сапоги или остриженные à la polka волосы, нежели видѣть осуществленіе правды въ вашемъ отечествѣ? Я убѣжденъ, что всѣ сословія понимаютъ всю неосновательность своихъ выборовъ; но тѣмъ не менѣе они продолжаютъ дѣйствовать попрежнему.... Что же, спрашивается, тому причиной?

Въ извѣстной губерніи, положимъ Херсонской, могутъ по выборамъ служить лишь дворяне этой губерніи; а въ городахъ — купечество этихъ городовъ. Это постановленіе, хотя оно льститъ самолю-

бію сословій, —ограничиваетъ кругъ выбора, потому что въ извѣстной какой нибудь губерніи или въ какомъ нибудь данномъ городѣ можетъ не найтись, сколько требуется, лицъ способныхъ и подготовленныхъ къ занятію общественныхъ должностей. Вотъ почему слѣдовало бы постановить, что для того, чтобы имѣть право быть выбраннымъ, нѣтъ необходимости принадлежать именно къ сословію того города или губерніи, которые выбираютъ, а нужно только принадлежать къ тому состоянію дворянства или купечества, которое хочетъ почтить тебя своимъ довѣріемъ. Но и здѣсь право выбора еще слишкомъ ограничено: при занятіи общественныхъ должностей, гдѣ главную роль разыгрываютъ познаніе, талантъ и честность, нечего считаться ни предками, ни богатствомъ; здѣсь рѣчь идетъ не о тщеславіи, а о благополучіи цѣлаго государства, которое имѣетъ полное право требовать отъ каждаго лица, не обращая вниманія на его состояніе, чтобы онъ занялъ, согласно съ своими познаніями и талантами, то мѣсто, которое должно ему принадлежать въ обществѣ. Эту великую истину понялъ еще царь Θεодоръ Алексѣевичъ, когда онъ уничтожилъ мѣстничество; но еще полнѣе она выразилась дѣйствіями Петра Великаго, Екатерины II и послѣдующими царствованіями.

ГЛАВА II.

ПРОИЗВОДСТВО ДѢЛЪ БЕЗСПОРНЫХЪ.

Въ нашемъ законодательствѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей, относящихся къ производству дѣлъ *безспорныхъ*. Судя по этому названію, многіе полагаютъ, что у насъ дѣйствительно существуютъ дѣла безспорныя, т. е. такія, гдѣ права извѣстнаго лица, при ихъ нарушеніи, немедленно возстановляются дѣйствіями и мѣрами полицейскими; но это мнѣніе совершенно ошибочно. Къ дѣламъ безспорнымъ относятся: А. взысканія по заемнымъ письмамъ и договорамъ; Б. взысканія по обидамъ, самовольному завладѣнію, ущербамъ и убыткамъ.

А. Взысканія по заемнымъ письмамъ и договорамъ.

Каждого изъ насъ занимаетъ важный современный вопросъ: почему дворянство и разночинцы не пользуются въ нашемъ отечествѣ кредитомъ? Неужели у насъ въ Россіи эти два класса стоятъ ниже купечества, которое имѣетъ не только у себя дома, но и за границею постоянный кредитъ? Дворянство по своимъ правамъ во всѣ вре-

мена стояло у насъ въ главѣ общества; слѣдовательно только случайныя причины уничтожили у насъ кредитъ. Этотъ предметъ такъ важенъ, что онъ стоить нашего анализа.

Жители одной губерніи, когда ихъ отвѣтчикъ живетъ въ другой, должны представлять ко взыскалію свои заемныя письма и договоры въ губернскія правленія тѣхъ губерній, гдѣ имѣетъ мѣстопробываніе отвѣтчикъ; служащіе же обязаны свои договоры и обязательства представлять въ губернскія правленія тѣхъ губерній, въ которыхъ они служатъ; а ужъ эти послѣднія сносятся съ правленіями тѣхъ губерній, гдѣ мѣстопробываніе имѣетъ отвѣтчикъ. Здѣсь, по множеству дѣлъ и другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ причинъ, лежитъ заемное письмо не одинъ мѣсяць; потомъ дается указъ земскому суду, который обыкновенно имѣетъ слѣдующую форму: «*опредѣлено: взыскать съ такого-то столько-то, буде такой-то не предъявитъ спора, основаннаго на законныхъ доказательствахъ*». Такъ поступаетъ въ земскій судъ заемное письмо; здѣсь, проходя чрезъ всѣ возможныя регистратуры, общія и частныя, оно попадаетъ въ столъ, гдѣ за множествомъ дѣлъ покоится нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и годъ; потомъ, когда ужъ его извлекли изъ-подъ спуда и дали ему законный ходъ, т. е. составили журналъ (*), который обнюхавъ исправникомъ, засѣдателями, стряпчимъ и секретаремъ (послѣдній обыкновенно знаменуетъ свой просмотръ обозначеніемъ въ журналѣ не-впопадъ нѣсколькихъ запятыхъ, точекъ, а иногда и восклицательныхъ знаковъ), — тогда посылается судомъ къ становому приставу указъ такого же содержанія, какъ былъ указъ губернскаго правленія. Само собою разумѣется, что становой дѣйствуетъ, смотря по тому, кто отвѣтчикъ и въ какихъ онъ съ нимъ отношеніяхъ; а иногда—по силѣ всемогущихъ юридическихъ аргументовъ, имѣющихъ зеленый, синий, красный, кирпичный или сѣрый цвѣтъ, смотря по мѣрѣ взысканія; вотъ почему, продержавши нѣсколько мѣсяцевъ заемное письмо, онъ даетъ очень незамысловатые отвѣты, которые впрочемъ имѣютъ общую форму: «изъ стана моего выбылъ»; «по разысканію не оказался»; «куда выѣхалъ—неизвѣстно». Или же, такъ какъ становому предоставлено взыскать съ отвѣтчика въ томъ лишь случаѣ, когда тотъ не предъявитъ спора, то онъ принимаетъ отъ должника отзывъ, который иногда едва черезъ годъ доходитъ до истца. Рано или поздно истецъ достигаетъ же наконецъ утвержденія своего иска. Вотъ и конецъ дѣлу, думаетъ онъ. Нѣтъ, голубчикъ, стой, говорятъ ему:—тебѣ хотя и слѣдуетъ отъ такого-то, но онъ *служи-*

(*) Нѣкоторые земскіе суды даютъ ходъ этимъ дѣламъ по докладнымъ регистрамъ.

щій, его арестовать нельзя, а слѣдуетъ вычитать $\frac{1}{3}$ часть его жалованья. Этотъ же служащій долженъ сотни тысячъ, а получаетъ 200 руб. сер. жалованья въ годъ. Или истцу говорятъ: отвѣтчикъ обезпечиваетъ твой искъ недвижимымъ имуществомъ, состоящимъ въ такой-то губерніи, въ такомъ-то уѣздѣ; а это имѣніе заложено и въ опекуновомъ совѣтѣ, и въ частныхъ рукахъ. Ошеломленный истецъ проситъ осеквестровать хотя доходы съ имѣнія; ему отвѣчаютъ, что имѣніе давно взято въ опеку за казенныя недоимки. Что же прикажете дѣлать истцу? Онъ видитъ, что онъ ограбленъ отвѣтчикомъ, и требуетъ его ареста; но ни губернское правленіе, ни полиція не имѣютъ на то права: это дѣло суда. Истецъ, какъ утопленникъ, хватающійся за соломенку, проситъ судъ — подвергнуть отвѣтника аресту, и получаетъ рѣшеніе слѣдующаго содержанія: «что впредь до публичной продажи имѣнія отвѣтника, его нельзя арестовать: такъ какъ онъ обезпечиваетъ искъ недвижимымъ имуществомъ». Но при этомъ судъ присовокупляетъ: «что имущество отвѣтника по распоряженію суда подлежитъ публичной продажѣ». Ну, слава Богу, думаетъ кредиторъ:—продадутъ имѣніе, авось и я что нибудь получу.... Но процессъ публичной продажи—своего рода гордіевъ узелъ: какъ начнутъ описывать да оцѣнивать, да съ умысломъ дѣлать упущенія относительно формальности, да переписываться съ казенными палатами, опекуновскими совѣтами, опеками,—такъ развѣ только внуки истца получатъ удовлетвореніе. Извѣстно ли вамъ, читатели, что законнымъ образомъ можно затянуть продажу имѣнія на два года? сколько же лѣтъ можно затянуть дѣло беззаконнымъ образомъ?... Но подобныя продѣлки дѣлаются не только съ заемными обязательствами, представленными ко взысканію въ губернскія правленія, а также и со всякаго рода договорами и актами, въ какое бы присутственное мѣсто ни поступили они ко взысканію. Гдѣ же можетъ быть при такомъ порядкѣ кредитъ? Со стороны исполнителей закона—злоупотребленія; со стороны закона—поводъ къ этому злу: вотъ двѣ точки, съ которыхъ должно смотрѣть на это дѣло. Тутъ ни благородные наши дворяне, ни служащіе, ни разночинцы, нисколько не виновны: мы всѣ подвержены общимъ человѣческимъ слабостямъ и страстямъ, и неумолимый, правдивый законъ, какъ Дамокловъ мечъ, долженъ висѣть надъ нашими головами и напоминать намъ правило: не желай другому того, чего себѣ не желаешь. Человѣкъ нашего вѣка, завися отъ обстоятельствъ, отъ случайностей, отъ требованій времени, иногда невольно увлекается своими страстями, и ему болѣе, нежели въ прежнія времена, необходимъ Дамокловъ мечъ — въ видѣ квартальнаго надзирателя или становаго, съ грознымъ девизомъ: «если не

заплатишь долга, не выйдешь изъ тюрьмы». И этотъ законъ вовсе не будетъ такъ страшенъ въ дѣйствительности; мы съ вами даже много выиграемъ: во-первыхъ — къ намъ не будутъ обращаться доброжелательные наши друзья съ благимъ намѣреніемъ обобрать насъ; во-вторыхъ — мы съ вами воздержимся отъ излишнихъ тратъ не по нашему состоянію и осуществимъ мудрую нашу пословицу: по одежкѣ протягивай ножки. Конечно, по христіанскому братолюбію мы должны скорбѣть и о страждущихъ въ долговыхъ отдѣленіяхъ тюремъ; но что справедливѣе: чтобы страдалъ негодный повѣса, мотъ, фатъ, тунеядецъ, человекъ безъ совѣсти и чести, или разоренное имъ, невинное, честное семейство?... По нашему древнему праву, кредиторъ могъ брать должника въ холопы за неоплаченный долгъ... Тѣ вѣка имѣли свой обычай, мы же должны идти путемъ христіанства: законъ долженъ быть запечатлѣнъ любовью и милосердіемъ. Но тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть строгъ къ тѣмъ, которые нарушаютъ право собственности своихъ ближнихъ. Въ этомъ случаѣ удовлетворительно осуществляютъ правду наши законы — о несостоятельности: *злостнаго банкрота* законъ подвергаетъ лишенію всѣхъ правъ состоянія — *неосторожнаго* подвергаетъ отвѣтственности гражданской: заключенію въ тюрьмѣ на 5 лѣтъ; *несчастнаго* освобождаетъ совершенно отъ отвѣтственности. Кажется, чего бы лучше ожидать и требовать? Но дѣло въ томъ, что эти постановленія не достигаютъ цѣли въ примѣненіи ихъ къ лицамъ неторговымъ. На первый взглядъ кажется страннымъ, почему одни и тѣ же законы не достигаютъ одинаковыхъ результатовъ въ примѣненіи ихъ къ различнымъ сословіямъ? Но мы это находимъ въ дѣйствительности; находимъ, что вслѣдствіе узаконеній о торговой несостоятельности — купечество приобрѣло почетный кредитъ, а дворянство и разночинцы потеряли его: это фактъ, который стоитъ того, чтобы взяться за розысканіе его причинъ. Вникая въ сущность этого вопроса, я пришелъ къ слѣдующему заключенію: законы о несостоятельности неторговыхъ лицъ не достигаютъ своей цѣли: 1) вслѣдствіе несовершенства постановленій о заемныхъ письмахъ; 2) отъ неопредѣленія состава конкурса; 3) вслѣдствіе несовершенства неторговыхъ судебныхъ мѣстъ.

Соотвѣтствіе же торговаго закона съ нравственными потребностями общества, облегчительные способы взысканія по векселямъ, правильная организація конкурсовъ, — вотъ главные причины, почему наше торговое сословіе упрочило кредитъ. Дѣла вексельныя и вообще всѣ дѣла торговли — довольно скоро рѣшаются полицейскими и судебными присутственными мѣстами; но еще болѣе

важно къ этомъ дѣлѣ устройство въ нѣкоторыхъ городахъ коммерческихъ судовъ: ихъ словесная расправа, быстрота рѣшеній и скорость окончаній дѣлъ обратили на нихъ вниманіе всей Россіи, и люди неторговые скорбятъ, зачѣмъ они не могутъ съ противниками своими вѣдаться въ коммерческихъ судахъ. Даже люди торговые, но иногородные, и тѣ часто обозначаютъ въ своихъ контрактахъ какой нибудь коммерческій судъ для своего разбирательства, хотя въ ихъ городахъ и существуютъ свои магистраты. Не ясно ли это доказываетъ, что потребность быстрого отправленія правосудія необходима каждому и что это составляетъ первое благо нашего гражданскаго быта.

Но не можетъ быть быстро удовлетвореніе кредиторовъ должниками—дворянами и разночинцами, когда мы находимъ въ законодательствѣ слѣдующія постановленія:

1) Заемныя обязательства дѣлятся у насъ: на *заемныя письма, крѣпостныя и домовыя*, и на *секселя*. Крѣпостныя заемныя письма употребляются весьма рѣдко: они подлежатъ крѣпостному порядку очень сложному, что весьма обременительно. Да и дѣленіе этихъ договоровъ на крѣпостные и явочные не имѣетъ существеннаго различія: оба они могутъ совершаться въ судебныхъ мѣстахъ и вся разница между ними заключается въ томъ, что на первыхъ должны быть подписаны два свидѣтеля, вторые же не требуютъ этой формальности. Подпись двухъ свидѣтелей на крѣпостномъ заемномъ письмѣ придаетъ ему ту силу, что должникъ не можетъ отвергать ни подписи на этомъ обязательствѣ, ни денежности его, т. е.,—что оно дано по дѣйствительному займу денегъ. Эти права крѣпостныхъ заемныхъ писемъ противорѣчатъ понятію и правамъ не только судебныхъ мѣстъ, но и нотаріусовъ и маклеровъ, которымъ принадлежитъ право свидѣтельствовать явочныя заемныя письма. Судебное мѣсто есть коллегіальная власть, которой вручается государствомъ возстановленіе нарушеннаго права, наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ существующихъ въ государствѣ законовъ и постановленій; поэтому судебная власть имѣетъ во всѣхъ государствахъ одинъ только авторитетъ — законъ. Но значеніе этой власти низводится очень низко, когда сила свидѣтельствуемыхъ ею заемныхъ обязательствъ зависитъ вовсе не отъ ея авторитета, а отъ утвержденія акта подписью двухъ свидѣтелей. Мнѣ кажется, скорѣе можно вѣрить судебному мѣсту, нежели свидѣтелямъ: развѣ мы на практикѣ не видимъ, что за деньги можно найти тысячи свидѣтелей, въ особенности безприсяжныхъ?... А маклера и нотаріуса—развѣ съ понятіемъ о нихъ совпадаетъ авторитетъ двухъ свидѣтелей? Да и само законодательство при судебныхъ доказательствахъ къ показанію свидѣтельскому прибѣгаетъ, какъ къ до-

казательству только въ случаѣ отсутствія крѣпостей, т. е. письменныхъ обязательствъ, засвидѣтельствованныхъ присутственными мѣстами или маклерами и нотаріусами; слѣдовательно и ихъ авторитетъ важнѣе, нежели свидѣтель. Но такъ какъ судебныя мѣста, маклера и нотаріусы, при составленіи актовъ, крѣпостей и обязательствъ, могутъ впасть въ ошибки или сдѣлать подлогъ, то законодательство должно давать каждому лицу право доказывать это судебнымъ порядкомъ, свидѣтельскій же авторитетъ на крѣпостныхъ заемныхъ письмахъ совершенно уничтожить, потому что свидѣтели могутъ быть съ составителемъ крѣпостнаго заемнаго письма въ соучастіи. Такимъ образомъ, по ничтожности свидѣтельскаго авторитета на крѣпостныхъ заемныхъ письмахъ, эта форма должна быть уничтожена (*); въ настоящее же время, какъ обременительная, она мало встрѣчается, и на практикѣ мы находимъ въ обращеніи побольшей части заемныя письма домовыя безъ засвидѣльствованія и засвидѣльствованныя. Первые неудобны, потому что при нихъ заимодавецъ не получаетъ неустоечныхъ и процентовъ за все время отъ написанія обязательства до начатія иска; кромѣ того—при несостоятельности должника они поступаютъ въ послѣдній разрядъ поудовлетворенію. Вторыя же хотя совершеннѣе первыхъ, но нѣтъ достаточныхъ причинъ къ отдѣленію ихъ отъ векселей. Заемныя письма суть договоры займа, заключаемые между собою дворянами, чиновниками и разночинцами, также этими лицами—съ купцами, мѣщанами и другими сословіями; векселя же суть заемныя обязательства, заключаемые между собою купцами и мѣщанами и другими сословіями, если они записаны въ гильдію. Къ чему такое различіе? Развѣ закону не все равно, кто занимаетъ деньги—генералъ, купецъ или мѣщанинъ? Развѣ кредиторъ или должникъ мѣщанинъ—лучше или хуже кредитора или должника дворянина? Тутъ разграниченія никогда быть не можетъ: мнѣ все равно—кто у меня взялъ денегъ, и если я не получилъ удовлетворенія и безсовѣстно ограбленъ, то мнѣ нисколько не легче, когда такъ со мною поступилъ генералъ, князь, графъ, а не мѣщанинъ....

Постановленія относительно взысканій по заемнымъ письмамъ раздѣляются: а) на *правила общія*; б) *особенныя правила для производства взысканій въ Петербургѣ*; в) *правила для дѣйствій земской полиціи при производствѣ взысканій*.

Если бы всѣ эти законы имѣли между собою тѣсную связь, рѣзко не отличались бы другъ отъ друга; если бы законъ выговорилъ,

---

(*) Законодательство не выговорило: могутъ ли лица торговыя обязываться крѣпостными заемными письмами; слѣдовало бы это пояснить.

что полиція должны руководствоваться такими-то постановленіями, а Санктпетербургская управа благочинія другими, то, хотя такіа частности не имѣютъ юридическаго основанія, но все-таки было бы меньше зла, нежели теперь. При настоящемъ порядкѣ дѣлъ полиція дѣйствуютъ совершенно произвольно: то они принимаютъ въ руководство общія правила, то частныя; если вы имъ указываете общія правила, они говорятъ: законы объ управахъ разъясняютъ эти правила; если вы ссылаетесь на законы объ управахъ, вамъ отвѣчаютъ: это частный законъ, который къ намъ не относится....

Но рассмотримъ тѣ и другія.

а) *Правила общія* (*).

«Когда представлены ко взысканію просроченныя обязательства безъ залога, то полиція немедленно справляется о имуществѣ должника, какое взыскатели покажутъ и какое сверхъ того свободнымъ окажется. Въ то же время налагается запрещеніе въ письмѣ всякихъ крѣпостей на часть недвижимаго имущества должника, достаточную по цѣнѣ своей на удовлетвореніе иска. Запрещеніе на недвижимое имущество налагается и въ томъ случаѣ, когда еще неизвѣстно: есть ли такое имущество у лица, подвергающагося взысканію, и гдѣ сіе имущество находится. Если нѣтъ въ виду недвижимаго имущества, достаточнаго для пополненія иска: то налагается арестъ на со-размѣрную часть движимаго имущества должника. Между тѣмъ призывается самъ должникъ къ отвѣту и платежу. Если бы оказалось, что онъ находится въ неизвѣстной отлучкѣ, то, по наложеніи запрещенія на недвижимое и ареста на движимое имущество, *судебное мѣсто* обязано въ то же время объявлять чрезъ земскіе суды въ имѣніяхъ должника управляющимъ, старостамъ или прикащикамъ съ подписками, дабы извѣстили самого владѣльца, или, въ случаѣ его смерти, наслѣдниковъ его въ *узаконенный срокъ*.

«Независимо отъ сего, публикуется тоекратно въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и мѣстныхъ губернскихъ, чтобы должникъ или наслѣдники его явились въ то судебное мѣсто, гдѣ происходитъ взысканіе: находящіеся внутри Россіи, въ теченіе 9 мѣсяцевъ, а пребывающіе за границею—въ теченіе 1½ года, считая всѣ сіи сроки съ перваго припечатанья позднѣйшихъ столичныхъ вѣдомостей».

Эти предварительныя распоряженія несовершенны по своей неполнотѣ, неопредѣленности и несистематичности.

1) Законъ, опредѣливъ, что по заемному обязательству приступаетъ ко взысканію полиція, не опредѣляетъ: какимъ образомъ, при

(*) Ст. 2079 — 2095, т. X. изд. 1842 г.

безвѣстномъ отсутствіи отвѣтчика, дѣло переходитъ въ судебное мѣсто. И странно переводить дѣло въ судъ, т. е. изъ безспорнаго порядка переходитъ въ судебный, единственно оттого, что отвѣтчикъ скрылся. Если даже допустить правильность подобнаго перехода, то слѣдовало бы это выразить прямо, а не косвенно: законъ долженъ быть чистъ и ясенъ; иначе онъ влечетъ за собою произвольное толкованіе.

2) Полиція по смыслу закона должна *немедленно* по вступленіи къ ней заемнаго письма приступить къ розысканію имущества отвѣтчика, а въ какой срокъ должна его вызвать къ себѣ — не выгодно; да и слово *немедленно* слишкомъ неопредѣленно: многія полиціи придаютъ этому слову такой обширный смыслъ, что предъявляютъ отвѣтчику искъ спустя годъ, а иногда и болѣе.

3) Отчего дается безвѣстно-отсутствующимъ, пребывающимъ въ Россіи, срокъ 9-мѣсячный, а находящимся за границею — 1½ года? Не оттого ли, что они — неисправные плательщики, помнящіе брать деньги и забывающіе платить ихъ? Итакъ, читатели, если вы имѣете намѣреніе не платить къ сроку денегъ по вашимъ заемнымъ письмамъ, постарайтесь, чтобы полиція показала васъ безвѣстно-отсутствующими или находящимися за границею; вѣдь это вамъ припишется въ заслугу, и вы получите за это льготу отъ 9 мѣсяцевъ до 1½ года; а не хотите такъ поступить, — уѣзжайте въ другой городъ безъ вѣдома полиціи: лучшая мѣра затянуть дѣло.

4) Если нѣтъ въ виду недвижимаго имущества, то въ этомъ лишь случаѣ полиція приступаетъ ко взысканію займа съ движимости. Но вѣдь опись, оцѣнка и продажа движимости имѣетъ свои порядки, формальности, и раньше двухъ лѣтъ вы никакъ не продадите движимости. Да и какое обезпеченіе для меня въ движимости, когда въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, пока она продается, мой должникъ надѣлаетъ еще новыхъ долговъ, такъ что я получу копѣекъ 10 за рубль, а иногда и того меньше?... Притомъ недвижимое имущество мое можетъ быть въ процессѣ или заложено въ кредитныхъ установленіяхъ, и если я вамъ долженъ денегъ, то вы обязаны ждать, пока продается это имущество. Но бываютъ еще и такіе случаи: пока продается мое имѣніе на удовлетвореніе моихъ кредиторовъ, судебныя мѣста отсуждаютъ это имѣніе въ пользу моихъ сонаслѣдниковъ; какая же тутъ справедливость? У меня была движимость на десятки тысячъ, и недвижимость, еще не вполне утвержденная за мною, — и законъ далъ возможность промотать первое и оставить моихъ кредиторовъ безъ всякаго удовлетворенія. Мнѣ кажется, что охранительный законъ не долженъ хлопотать о томъ, чтобы давать лицамъ

какъ можно больше средствъ къ нарушенію законовъ: предостави́ ми́ неограниченное право взыскать съ моего отвѣтчика деньги тѣмъ способомъ, какой я найду для себя лучшимъ, и смотря по обстоятельствамъ, я произведу взысканіе или съ движимости, или съ недвижимости. Я имѣлъ примѣръ: одинъ господинъ задолжалъ въ Одессѣ десятки тысячъ. Кредиторы приступили ко взысканію, надѣясь у него описать экипажи, лошадей, картины, мебель, серебро и брильянты на всю должную имъ сумму; глаза у нихъ разбѣжались, когда они вошли съ полицейскимъ чиновникомъ въ великолѣпную его квартиру. Но представьте себѣ ихъ ужасъ, когда должникъ представилъ полицейскому чиновнику купчую крѣпость и вводный вотчинный листъ о томъ, что онъ владѣтель 300 душъ въ Вятской губерніи, и далъ отзывъ, что иски своихъ кредиторовъ онъ обезпечиваетъ этимъ недвижимымъ имуществомъ. Бѣдные кредиторы должны были выбрать одно изъ двухъ: или ѣхать въ Вятскую губернію за 4 тысячи верстъ, чтобы хлопотать объ ускореніи ихъ дѣла, или, махнувъ рукою, предоставить все времени и случаю....

5) Законъ повелѣваетъ: въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія должника вызвать его чрезъ вѣдомости; а въ случаѣ его смерти — наслѣдниковъ, которые въ узаконенный срокъ обязаны явиться въ судъ. Но вопросъ: какой благоразумный наслѣдникъ согласится и можетъ уплатить въ этотъ срокъ наслѣдственные долги, когда наши законы о наслѣдованіи такъ несовершенны? Наслѣдникъ по самымъ несомнѣннымъ правамъ, если даже никакого спора о наслѣдствѣ его не воспослѣдовало, не можетъ считаться хозяиномъ доставшагося ему имущества раньше трехъ лѣтъ: по крайней мѣрѣ годъ нужно на утвержденіе его правъ; потомъ, по вводѣ его во владѣніе, 2 года на такъ называемый *отказъ*. Даже по духовнымъ завѣщаніямъ существуетъ этотъ 2-лѣтній срокъ.

Послѣдствія неявки отсутствующаго должника или его наслѣдника въ установленный срокъ хорошо опредѣлены въ нашемъ законодательствѣ: имущество его берется въ опеку, описывается и продается съ публичнаго торга. Но вотъ бѣда: когда отсутствующій должникъ или его наслѣдникъ вздумаетъ явиться незадолго предъ этимъ срокомъ. Предоставимъ закону объяснить, что должно тогда воспослѣдовать.

«Когда же должникъ явится, то требуется отъ него отзывъ: за его ли рукою (*то есть подписью*) обязательство, поступившее къ нему ко взысканію, и имѣетъ ли наличныя деньги на платежъ онаго. Если должникъ, *признавъ свою подпись*, заплатитъ сполна долгъ, то наложенное на его имущество запрещеніе и арестъ снимаются. Должнику предоставляется, въ случаѣ неимѣнія къ пла-

тежу наличныхъ денегъ, предоставить на заплату долга *другое*, достаточное для сего, по оцѣнкѣ, имущество, въ какомъ случаѣ оно берется подъ запрещеніе и арестъ, съ освобожденіемъ отъ нихъ прежняго его имущества. Если должникъ, признавъ подпись, платежемъ или сдѣлкою просителя не удовольствуется, то сему послѣднему доставляется удовлетвореніе изъ движимаго и недвижимаго имущества должника (*), изъ суммъ, которыя выручены будутъ продажею съ публичныхъ торговъ его заложенного имущества и останутся за полнымъ удовлетвореніемъ требованій по залoгу или залладу такового имущества, изъ получаемого должникомъ отъ казны денежнаго жалованья, пенсіона, аренднаго дохода и изъ законныхъ требованій должника на казнѣ и частныхъ лицахъ. Если должникъ не можетъ обезпечить сполна предъявленнаго на него ко взысканію долга имуществомъ или *благонадежнымъ поручительствомъ*, по закону приемлемымъ, то подвергается личному задержанію.

Изъ всего сказаннаго закономъ открывается, что онъ имѣлъ цѣлью — предоставить лицамъ всѣми возможными способами достигать удовлетворенія; но эта мысль выражена тѣмъ, что полиція произвольно толкуетъ этотъ законъ.

1) Законъ выговорилъ, что если отвѣтчикъ признаетъ свою подпись на заемномъ письмѣ, то въ этомъ лишь случаѣ приступить ко взысканію. Что же должно послѣдовать при отреченіи его отъ своей подписи? Хотя это не выговорено, но на практикѣ мы видимъ, что въ подобномъ случаѣ, на общемъ основаніи, какъ о подлогахъ, начинается формальное слѣдствіе, по окончаніи котораго дѣло поступаетъ въ судъ и идетъ ревизіоннымъ порядкомъ, до окончательнаго его рѣшенія въ правительствующемъ сенатѣ, безъ всякихъ препятствій для отвѣтчика. Такъ какъ эти рѣшенія не приводятся въ исполненіе ни полиціею, ни первыми степенями суда до окончанія дѣла (**) въ сенатѣ, — много зла отъ этого происходитъ: сколько дѣлъ мнѣ извѣстно, гдѣ кредиторы остались нищими на основаніи этого закона. Приведу примѣръ: одинъ маменькинъ сыночекъ Я., родители котораго принадлежали къ числу богатѣйшихъ фамилій Россіи, надѣлалъ долговъ на 900,000 руб. сер. Когда просроченныя заемныя письма начали поступать въ С.-Петербургскую управу благочинія ко взысканію, онъ объявилъ, что всѣ они фальшивыя; двоюродный братъ его У., бывшій на этихъ заемныхъ письмахъ или

(*) Выше было пояснено, что прежде взыскивается изъ недвижимости, послѣ изъ движимости.

(**) Это косвенно выговорено въ пунктѣ 4, ст. 2739.

поручителемъ или векселедателемъ, признать свою подпись и утверждать, что заемныя письма вовсе не фальшивыя. Дѣло пошло формальнымъ уголовнымъ порядкомъ. У. былъ арестованъ, содержался въ тюрьмѣ и до окончанія слѣдствія умеръ. Спустя годъ, Я., вслѣдствіе ли болѣзни или другихъ причинъ, умеръ, не оставивъ никакого собственного имущества, такъ какъ онъ не былъ отдѣленъ отцомъ. Послѣ его смерти, процессъ, пройдя всѣ степени суда, былъ рѣшенъ въ общемъ собраніи сената: всѣ заемныя письма признаны дѣйствительными, и У. былъ оправданъ. Но дѣло въ томъ, что кредиторы остались безъ удовлетворенія: отецъ Я. объявилъ, что за смертію сына онъ не обязанъ платить его долги. Если бы законъ выговорилъ, что, при предъявленіи какого либо спора о фальшивости заемнаго письма, онъ обязанъ обезпечить этотъ искъ на общемъ основаніи объ обезпеченіяхъ, то этого не было бы: отецъ Я. не допустилъ бы арестовать сына, а обезпечилъ бы его кредиторовъ. Мы возражать, что обезпеченіе иска не должно быть умѣстно при спорѣ о фальшивости заемнаго письма, потому что при его фальшивости законы объ обезпеченіи иска станутъ страшнымъ зломъ для виновнаго отвѣтчика. На это отвѣчу: каждый охранительный законъ долженъ обезпечивать права обѣихъ тяжущихся сторонъ и изъ двухъ золъ выбирать меньшее. Дѣйствительно, обезпеченіе иска есть зло само по себѣ; но законъ допускаетъ это зло на томъ основаніи, что, въ замѣнъ обезпеченія иска, истецъ штрафуется за неправильное начатіе тяжбы; впрочемъ, — соответствуетъ ли одно другому—это другой вопросъ, который я разсмотрю въ другомъ мѣстѣ. Итакъ обезпеченіе иска, какъ зло необходимое, допускается на томъ основаніи, что въ началѣ дѣла неизвѣстно, кто правъ, кто виноватъ: со стороны истца полиція и судъ видятъ формальный документъ; со стороны отвѣтчика не доказанный еще отзывъ о фальшивости его; поэтому истцу сдѣлана была бы величайшая несправедливость, если бы его искъ не былъ обезпеченъ. Я полагаю, что дѣла о фальшивости заемныхъ писемъ, такъ какъ они суть спорныя, имѣющія общій характеръ всѣхъ тяжбъ по дѣламъ вексельнымъ, должны подлежать общимъ узаконеніямъ о нихъ, т. е. по признаніи иска правильнымъ, полиція и судебныя мѣста должны, несмотря на апелляцію, приводить въ исполненіе свое рѣшеніе, потребовавъ отъ истца обезпеченія въ той суммѣ, какая надлежитъ ему къ выдачѣ. До рѣшенія же дѣла нужно требовать обезпеченія отъ отвѣтчика въ суммѣ иска, равно какъ и отъ истца—обезпеченія на такую же сумму, такъ какъ по признаніи его виновнымъ въ подлогѣ слѣдуетъ его штрафовать не обыкновеннымъ образомъ, а въ той суммѣ, на какую объявилъ онъ свой искъ. Здѣсь, мы кажется, изъ

двухъ золъ будетъ выбрано меньшее: чтобы невинный истецъ получилъ должное удовлетвореніе, отвѣтчика должно подвергнуть неудобствамъ законовъ объ обезпеченіи; и обратно: чтобы невинный отвѣтчикъ былъ вознагражденъ съ своей стороны, слѣдуетъ обложить истца штрафомъ, равняющимся его фальшивому иску, и при самомъ началѣ дѣла требовать отъ него обезпеченія этого штрафа.

2) Полиція понимаетъ законы о порядкѣ взысканій по частнымъ письмамъ слѣдующимъ образомъ: когда у должника нѣтъ для удовлетворенія кредиторовъ недвижимости, они обращаются къ движимости; если и этого нѣтъ, они приписываютъ въ удовлетвореніе кредиторовъ—или третью часть жалованья и пенсіона, или же законныя требованія, какія должники имѣютъ на казнѣ и частныхъ лицахъ. Все это дѣлается безъ личнаго задержанія отвѣтчика, хотя бы всѣ эти мѣры были недостаточны для пополненія взысканія. Но почему это такъ дѣлается? Законъ повелѣваетъ подвергать личному задержанію тѣхъ лицъ, которыя не обезпечиваютъ долга имуществомъ; поэтому, когда приступаютъ ко мнѣ со взысканіемъ, наприимѣръ въ 100,000 руб. сер., я показываю слѣдующія наличности:

а) Недвижимое имущество, которое, хотя заложено въ приказѣ или частныхъ рукахъ за 10,000, но стоитъ 50,000; при этомъ я стараюсь, чтобы при описи оцѣнили его именно въ такую сумму; будетъ ли оно продано за эти деньги при публичной продажѣ или нѣтъ, — до этого мнѣ нѣтъ дѣла.

б) Предъявляю свои искъ и тяжбы къ казнѣ и частнымъ лицамъ въ остальной за тѣмъ суммѣ; правильны ли мои претензіи или нѣтъ — объ этомъ не хлопочу я, лишь бы итогъ моего имущества совпадалъ съ моими долгами.

По торговому уставу, конкурсовыя управленія, находя подобное обезпеченіе недостаточнымъ, имѣютъ право—несостоятельнаго должника подвергать личному задержанію. Но дѣло другое для дворянъ, разночинцевъ и чиновниковъ; дворянинъ не можетъ быть арестованъ безъ приговора суда, которому нѣтъ дѣла,—достаточное ли обезпеченіе для кредиторовъ представляетъ мнимое имущество отвѣтчика, или нѣтъ. Когда же должникъ служащій и ничего не имѣетъ, то вычитается $\frac{1}{3}$ часть его жалованья, хотя бы онъ получалъ 100 р. сер. жалованья въ годъ, а долженъ былъ сто тысячъ; тоже самое дѣлается съ тѣми, которые получаютъ пенсію. Ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ законъ не выговорилъ: что должно восполнѣвать, когда $\frac{1}{3}$ часть пенсіона и жалованья не обезпечиваютъ кредиторовъ? Въ настоящее время несостоятельныхъ дворянъ, чиновниковъ и разночинцевъ велѣно подвергать уставу о торговой несостоятельности; но при этомъ выговорено: что особыя права, предоставленныя этимъ

сословіямъ, должны остаться въ своей силѣ. Отсюда выйдетъ множество разныхъ толкованій, и это постановленіе поведетъ только къ большей запутанности дѣлъ. Но объ этомъ я поговорю въ другомъ мѣстѣ.

3) Къ чему законъ оговорилъ, что если кто представитъ благонадежное поручительство при взысканіяхъ по заемнымъ письмамъ, то не подвергать его аресту? Въдѣ въ предшествовавшихъ статьяхъ законъ самъ хлопочетъ о возможно-скоромъ удовлетвореніи кредиторовъ, да и они при представленіи ко взысканію заемныхъ писемъ хлопочутъ о томъ же; какое же мѣсто послѣ этого можетъ имѣть поручительство? Да и въ чемъ оно можетъ заключаться? Не въ томъ ли, что должникъ уплатитъ *когда нибудь* свои долги? Но кредиторы этого не хотятъ: они ходатайствуютъ о немедленномъ ихъ удовлетвореніи и прибѣгаютъ къ личному задержанію, какъ къ мѣрѣ не только обезпечивающей ихъ искъ, но и понудительной для должника.

4) 4-й пунктъ ст. 2739, Т. X., говоритъ: «если пѣтъ отрицанія отъ подписи (*на заемномъ письмѣ*) и не представлено доказательствъ, то рѣшеніе приводится (*полицією или судомъ*) въ исполненіе, несмотря на подписаніе неудовольствія и апелліаціи».

Одни присутственные мѣста понимаютъ этотъ законъ такъ: всѣ рѣшенія по заемнымъ обязательствамъ, когда споръ — гражданскій, приводятся въ исполненіе, несмотря на апелліацію. Другія же толкуютъ его иначе: всякій споръ, говорятъ они, основанъ на доказательствахъ, болѣе или менѣе основательныхъ, болѣе или менѣе ложныхъ; предметъ рѣшенія есть разсмотрѣніе этихъ доказательствъ: полиція и суды принимаютъ или отвергаютъ ихъ, слѣдовательно, при такомъ свойствѣ споровъ и характерѣ рѣшеній, — какъ примѣните вы къ дѣлу законъ объ исполненіи рѣшеній? Въдѣ отвѣтчикъ предъявилъ вамъ доказательства, хотя неосновательныя, но все же доказательства; а въ законѣ сказано: «тѣ только рѣшенія приводятъ въ исполненіе, гдѣ отвѣтчикъ *не представилъ доказательствъ*». Мнѣ кажется, чтобы избѣгнуть этихъ произвольныхъ толкованій, слѣдовало бы сказать просто, что по обязательствамъ должно приводить въ исполненіе состоявшееся рѣшеніе, несмотря на апелліацію.

б) *Особенныя правила для производства взысканій въ С. Петербургъ (*)*.

Разсматривая эти частныя постановленія, относящіяся собственно до С. Петербурга, мы находимъ, что они совершенно въ обихѣ правилъ, по слѣдующимъ причинамъ:

(*) Ст. 2096 — 2110, Т. X. изд. 1842 г.

1) Въ нихъ обозначено, что отвѣтчикъ вызывается въ управу въ тотъ же день, или по крайней мѣрѣ на другой день, по предъявленіи на него иска.

2) Съ безвѣстно-отсутствующимъ должникомъ управа поступать, какъ съ несостоятельнымъ должникомъ постановлено, — т. е. отыскиваетъ въ городѣ отвѣтника имущества, секвеструетъ наличное движимое на сумму иска, и если движимаго будетъ недостаточно для удовлетворенія взысканія, по первому обозрѣнію, то обращаетъ взысканіе и на недвижимое въ соразмѣрность иску. Эти частныя правила представляютъ прямое противорѣчіе общимъ: по послѣднимъ къ движимости тогда лишь можно приступить, когда у отвѣтника нѣтъ недвижимости. Отсюда гг. толкователи полицейскихъ законовъ могутъ видѣть, что эти особенныя правила не суть разъясненіе общихъ: разъясненіе не можетъ быть въ прямомъ противорѣчій съ предметомъ разъясняемымъ. Но оставимъ дальнѣйшія доказательства; каждый понимаетъ, что общія и частныя правила, по самому названію своему, опредѣляютъ предметъ, ими охватываемый. Здѣсь же дѣло идетъ о томъ, что при всемъ своемъ совершенствѣ частныя правила, относящіяся до С. Петербурга, имѣютъ и свои недостатки.

Управа благочинія останавливаетъ взысканія:

а) «Когда отвѣтчикъ объявитъ, что подпись на договорѣ или обязательствѣ не его или не повѣреннаго его, но есть подложная. Въ этомъ случаѣ взысканіе останавливается, дѣло отсылается въ уголовный судъ, по принадлежности; а истецъ и отвѣтчикъ обязуются подпискою туда явиться, и за ними учреждается надлежащій надзоръ». Здѣсь по крайней мѣрѣ оба — и истецъ и отвѣтчикъ — берутся подъ надзоръ полиціи (*); по общимъ же правиламъ и этого нѣтъ.... Но надзоръ нисколько не обезпечиваетъ ни истца, ни отвѣтника.

б) «Когда отвѣтчикъ по акту объявитъ, что актъ данъ — либо по запрещенной иррѣ, либо отъ такого лица, которое обязываться симъ актомъ не имѣло права, или по законамъ о несовершеннолѣтнихъ, или о дѣтяхъ неотдѣленныхъ, или по законамъ о лицахъ, признанныхъ правительствомъ безумными и сумасшедшими, расточителями и мотами, или по законамъ о лицахъ торговаго званія, или по законамъ о нижнихъ воинскихъ чинахъ или по законамъ о сельскихъ обывателяхъ несвободнаго состоянія, — въ каждомъ изъ этихъ случаевъ взысканіе приостанавливается и дѣла о лицахъ торговаго званія отсылаются въ коммерческій судъ, а о прочихъ лицахъ

(*) Хотя не объяснено, въ чемъ долженъ заключаться этотъ надзоръ.

управа собираетъ справки и потомъ отсылаетъ дѣло въ надлежащій судъ».

Изъ всѣхъ этихъ постановленій я нахожу правильнымъ одинъ законъ — о безумныхъ и сумасшедшихъ и о несовершеннолѣтнихъ.

Безумными признаются тѣ, которые рождены безъ умственныхъ способностей; сумасшедшими тѣ, которые, родясь съ здоровымъ умомъ, лишились его вслѣдствіе физическихъ или моральныхъ недуговъ. По признаніи ихъ правительствомъ въ такомъ ненормальномъ состояніи, имѣніе ихъ берется въ опеку и управляется опекунами, назначаемыми правительствомъ. Естественно, что законъ совершенно справедливо постановилъ: что обязательства и договоры, заключаемые такими лицами, — недействительны. Но при этомъ онъ упустилъ изъ виду, что сумасшедшіе иногда приходятъ въ нормальное состояніе и легко могутъ ввести въ заблужденіе незнающихъ о недугѣ. Я зналъ такихъ двухъ субъектовъ: оба они обо всемъ судили довольно здраво и все помѣшательство ихъ заключалось въ томъ, что одинъ занималъ у всѣхъ денегъ, съ цѣлью — употребить ихъ на *истребленіе рода человѣческаго и возсозданіе новаго чело­вѣка въ видѣ розоваго архангела*; другой занималъ деньги на *устройство самохода, который бы приводился въ движеніе самъ собою—безъ машинъ, паровъ, веселъ и парусовъ*. Такіе больные на свою тему нападаютъ, когда ихъ начинаютъ объ этихъ предметахъ спрашивать; поэтому, мнѣ кажется, было бы совершенно справедливо, чтобы въ огражденіе лицъ отъ заблужденія и ошибокъ, правительство, по признаніи кого либо сумасшедшимъ, доводило объ этомъ до свѣдѣнія публики чрезъ публичныя вѣдомости: въ подобномъ случаѣ никто не могъ бы отговариваться тѣмъ, что ему неизвѣстно было состояніе разсудка должника. — Что же касается до несовершеннолѣтнихъ, то законъ безусловно справедливъ: юноши и въ особенности женщины, не достигшія совершеннолѣтія, легко склоняются къ совершенію разорительныхъ для нихъ актовъ, отчасти по неопытности, отчасти по склонности въ молодыхъ лѣтахъ къ мотовству, роскоши, прихотямъ и разнымъ порокамъ. Только негодяи, ростовщикъ, низкая душа, можетъ воспользоваться такимъ положеніемъ молодыхъ людей и, давая десятки рублей, брать заемныя письма или акты на тысячи; не справедливъ ли послѣ этого законъ, когда онъ лишаетъ подобныхъ людей удовольствованія?

Другія же причины къ пріостановленію взысканій управы благочинія не имѣютъ достаточныхъ основаній:

1) Отзывъ лица о томъ, что оно дало заемное письмо или вексель по запрещенной игрѣ, — не должно останавливать взысканія. Законъ и общественное мнѣніе преслѣдуютъ совершенно справедливо

азартныя игры: поэтому, если по суду доказано, что заемное обязательство дано по запрещенной игрѣ, оно должно быть признано недействительнымъ; но до рѣшенія дѣла искъ долженъ быть обезпеченъ на общемъ основаніи и рѣшенія должны приводиться въ исполненіе, несмотря на апелляцію.

2) Если правительство признаетъ кого либо расточителемъ и мотомъ, имѣніе его берется въ опеку, и лицо опекаемое не имѣетъ права дѣлать долговъ: на этомъ основаніи всѣ его заемныя обязательства признаются недействительными. Справедливо ли вмѣшательство опеки въ распоряженія частнаго лица его собственностью, или нѣтъ, — этотъ вопросъ не подлежитъ нашему разбирательству; но если необходимость этого постановленія признается нашимъ законодательствомъ, то слѣдовало бы, въ огражденіе общества отъ потерь, опубликовать взятіе даннаго лица въ опекунское вѣдѣніе.

3) Взысканіе пріостанавливается, когда нарушенъ законъ о дѣтяхъ неотдѣльныхъ; при этомъ находится въ законѣ ссылка на ст. 178, т. X, изд. 1842 г.; обращаясь къ этой послѣдней, мы находимъ слѣдующее постановленіе: «по заемнымъ письмамъ и вообще по всякимъ домовымъ актамъ неотдѣленныхъ дѣтей, родители не отвѣтствуютъ, если сіи письма и акты даны безъ ихъ согласія и уполномочія». Затѣмъ ст. 182, того же тома, говоритъ это же самое относительно всякихъ актовъ и крѣпостей; но при этомъ присовокупляетъ: «что дѣти, давшія такія обязательства, если они были уже тогда въ совершенномъ возрастѣ, отвѣчаютъ по онымъ всѣмъ впослѣдствіи пріобрѣтеннымъ или дошедшимъ къ нимъ по наслѣдству имуществомъ».

Изъ этого открывается, что законъ повелѣваетъ останавливать взысканія въ томъ случаѣ, когда нарушены законы о неотдѣленныхъ дѣтяхъ; но кто можетъ подать объ этомъ протестъ, — родитель или неотдѣленное его дитя? Относительно кого должно быть пріостановлено взысканіе: относительно перваго или втораго? Долженъ ли подобный должникъ отвѣчать личною своею за надѣянные имъ долги или его кредиторы должны ожидать удовлетворенія, впредь до полученія имъ наслѣдства отъ родителей? Невольно рождаются эти вопросы, такъ какъ законодательство ихъ не разъясняетъ; слѣдовало бы выговорить: хотя родители не отвѣчаютъ за своихъ неотдѣленныхъ дѣтей; но эти послѣднія, по долгамъ, подлежатъ общимъ законамъ о несостоятельныхъ должникахъ.

4) Векселя могутъ быть даваемы только лицами, записанными въ гильдію, и мѣщанами. Но спрашивается: какими актами должны обязываться купеческіе братья, дѣти и жены? Относительно первыхъ въ законодательствѣ нѣтъ никакого постановленія; относительно же по-

слѣднихъ выговорено, что они не имѣютъ права ни принимать, ни давать векселей, если они самостоятельно не записаны въ гильдіи. Но могутъ ли они давать заемныя письма и заключать другіе договоры? По этому предмету нѣтъ никакого постановленія. Выше я объяснилъ, что не должно быть разницы между векселемъ и заемнымъ письмомъ и что послѣднія должны подлежать тому же порядку взысканія и отвѣтственности, какъ по векселямъ; при такомъ же безразличіи закону слѣдуетъ разрѣшить неотдѣленнымъ женамъ, дѣтямъ и братьямъ купеческимъ вступать свободно во всѣ заемные договоры и обязательства. Кромѣ постановленія, что въ случаѣ нарушенія торговыхъ законовъ дѣло переходитъ въ судъ, мы въ самомъ торговомъ уставѣ находимъ, что не протестованный въ свое время вексель теряетъ силу векселя и не подлежитъ уже взысканію порядкомъ полицейскимъ, а судебному. Несводно мысль останавливается на этомъ законѣ. Каждое постановленіе должно имѣть свою юридическую основу — или правду, или практическую пользу; въ приведенномъ же мною законѣ нѣтъ ни того, ни другаго: понятно и ясно для каждаго, что протестъ имѣетъ ту цѣль, чтобы при несостоятельности лица не вступили фальшивые и безденежные векселя въ общую массу, къ ущербу конкурса; если бы протестовъ не существовало, злостные банкроты могли бы раздать заднимъ числами своимъ клеветамъ пропасть векселей предъ самымъ банкротствомъ своимъ. Разсматривая съ практической точки зрѣнія этотъ законъ, мы находимъ, что онъ не всегда достигаетъ своей цѣли: злостные банкроты, затѣвая объявить себя несостоятельными, могутъ заблаговременно раздать клеветамъ своимъ векселя, которые могутъ быть своевременно опротестованы. Слѣдовательно это основаніе протеста—самое шаткое; но при всемъ этомъ относительно несостоятельности онъ имѣетъ нѣкоторое юридическое оправданіе; когда же должникъ состоятеленъ и нѣтъ банкротства, въ этомъ случаѣ протестъ не имѣетъ за себя никакихъ юридическихъ данныхъ: по неопротестованному векселю ко взысканію иначе нельзя приступить, какъ порядкомъ судебнымъ. Для сохраненія городского интереса (*) можно побудить векселедержателя къ протесту лишеніемъ его неустойчивыхъ денегъ; но переходить изъ безспорнаго порядка въ судебный совершенно несправедливо, и это противорѣчитъ понятію о судахъ: гражданскій судъ есть присутственное мѣсто, разбирающее споры; какъ же можетъ оно выѣзжать послѣ этого въ дѣло, гдѣ все заключается въ томъ, что вексель не опротестованъ? Здѣсь вѣдь нѣтъ спора объ уплатѣ по немъ денегъ, или о фальшивости его, или тому подобное; фактъ, что день-

(*) При протестѣ взыскивается $\frac{1}{4}$ процента съ суммы векселя въ пользу города.

ги взяты, признается закономъ и никѣмъ не оспаривается; а между тѣмъ, — потому только, что формальность протеста не соблюдена, — истецъ лишается своевременнаго удовлетворенія! Это—несоотвѣтствіе закона съ приносимо имъ пользою требуетъ, чтобы онъ сохранился въ настоящемъ его видѣ только при несостоятельности должника; въ другихъ же случаяхъ непротестъ долженъ имѣть послѣдствіемъ своимъ только лишеніе векселедержателя однихъ неустоечныхъ процентовъ, какъ мѣра понудительная.

5) Колонисты, государственные крестьяне и крѣпостные не могутъ заключать никакихъ денежныхъ обязательствъ и договоровъ съ посторонними лицами, первые — безъ разрѣшенія ихъ начальства, крѣпостные—безъ разрѣшенія ихъ помѣщиковъ. Относительно колонистовъ этотъ законъ не имѣетъ никакихъ юридическихъ основаній: колонисты суть свободные сельскіе обыватели, водворенные на казенныхъ земляхъ; вся недвижимость, находящаяся на нихъ, не состоитъ въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ хозяевъ, а составляетъ общинное владѣніе.

На этомъ основаніи колонистамъ запрещено безъ разрѣшенія начальства вступать въ договоры и обязательства. Но такое ограниченіе, не принося никакой существенной пользы общинному владѣнію, стѣсняетъ только сельскую промышленность и торговлю колоній: колонисты, кромѣ участковъ въ общинномъ владѣніи, имѣютъ еще большіе капиталы и недвижимость самостоятельную; кромѣ того у нихъ можетъ быть кредиту на столько, на сколько есть у нихъ имущества; ограниченіе этой—частной собственности, матеріальной и нравственной, не должно существовать, такъ какъ она не имѣетъ ничего общаго съ общиннымъ владѣніемъ. Дѣлательный и усердный колонистъ можетъ отбить всѣ общественныя повинности, и избытки трудовъ и капиталовъ своихъ употребляетъ на частныя свои нужды; какое же право имѣетъ общество вмѣшиваться въ эти частности? Община имѣетъ право требовать исполненія отъ колонистовъ общественныхъ повинностей; но изъ одного только опасенія имѣть ущербъ въ своихъ выгодахъ, она не можетъ ограничивать частной собственности. Развѣ въ дворянскомъ, купеческомъ и мѣщанскомъ обществахъ не существуютъ разныя повинности еще болѣе серьезныя, нежели у колонистовъ? А между тѣмъ—ни эти общества, ни законодательство не находятъ, чтобы гражданская свобода ихъ членовъ противорѣчила правамъ общества; напротивъ того, — чѣмъ больше гражданскихъ правъ имѣютъ члены даннаго общества, тѣмъ выше оно стоитъ. Одна только гражданская свобода можетъ дѣйствовать успешно на цивилизацію; съ нею приходятъ и развитіе, и образованность, и матеріальныя блага: наше

правительство поняло эту великую истину, стремясь къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія и образуя изъ нихъ свободное сословіе хлѣбопашцевъ. Община можетъ требовать, чтобы участокъ, принадлежащій колонисту, не выходилъ изъ ея владѣнія; можетъ желать и требовать, чтобы чужеродецъ не вторгся въ ея общество безъ ея согласія; поэтому она можетъ требовать, чтобы имущество, входящее въ ея кругъ, не подлежало отвѣтственности за частныя долги колониста; но ограничивать свободу е о воли, выражающейся въ свободномъ пользованіи имъ имуществомъ своимъ, оно не можетъ. Это же самое можно сказать о крестьянхъ государственныхъ и крѣпостныхъ: образуя изъ нихъ свободныя земледѣльческія общества на казенныхъ и частныхъ земляхъ, законъ долженъ будетъ имъ дать полную гражданскую свободу, выражающуюся въ свободномъ пользованіи своимъ имуществомъ. Въ настоящее время въ Бессарабіи, гдѣ сельскія общества свободны, мы находимъ, что они не достигаютъ предполагаемой цѣли: царяне (*) не имѣютъ права безъ разрѣшенія помѣщиковъ вступить въ какіе бы то ни было договоры и обязательства. Эта мѣра принимается на томъ основаніи, чтобы сельскіе обыватели не нарушали своихъ обязанностей къ обществу и помѣщику. Въ чемъ же заключается послѣ этого ихъ свобода? Ихъ переходъ въ другое состояніе зависитъ отъ разрѣшенія ихъ общества; свободное пользованіе имуществомъ ограппчено у нихъ властью и волею помѣщиковъ: что же имъ остается, — одно голое названіе царянь?.... Такъ будетъ и съ нашими крестьянами: общества, къ которымъ они будутъ принадлежать, при изъявленіи ими желанія перейти въ другое сословіе найдутъ причины къ ихъ задержанію: то они будутъ ссылаться на недоимки, то на рекрутскую повинность. Въ первомъ случаѣ, положимъ, община будетъ права, — потому что она не обязана отвѣчать за своего неисправнаго члена; но во второмъ случаѣ она не права: имѣя въ виду рекрутскій наборъ, она, не препятствуя переходу своего члена въ другое общество, обязана увѣдомить только это общество и казенную палату — о томъ, что вновь принятый ею членъ долженъ отбыть рекрутскую повинность. Въ настоящее же время, такъ какъ раскладка рекрутской повинности возложена на общество, то его приговоръ относительно освобожденія или неосвобожденія даннаго лица отъ обязанности члена этого общества зависитъ совершенно отъ его произвола. Слѣдствія отъ этого бываютъ самыя губительныя; приведу примѣръ: въ одну гимназію поступилъ молодой человѣкъ изъ мѣщанъ; при поступленіи его въ учебное заведеніе не

(*) Такъ называются тамъ сельскіе обыватели.

существовало еще правила, что всѣ подобныя лица должны имѣть увольнительныя отъ своихъ обществъ свидѣтельства для поступленія въ гимназію; отъ этого произошло слѣдующее: когда этотъ юноша достигъ 6 класса гимназіи, подоспѣлъ рекрутскій наборъ; общество его арестовало и хотѣло слать въ рекруты. Я зналъ эту милую личность, его таланты и умъ, и принялъ участіе въ его судьбѣ; съ помощью челоуѣколюбиваго прокурора я спасъ его. Въ послѣдствіи времени онъ былъ въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ слушалъ медицину; отъ трудовъ и стараній онъ умеръ въ послѣднемъ курсѣ.

При предлагаемой же мною системѣ, произволу общества не будетъ ужъ принадлежать переходъ ихъ членовъ изъ одного общества въ другое. Учредивши такія опредѣленныя отношенія сельскихъ обывателей къ ихъ обществамъ, законъ долженъ будетъ опредѣлить отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ слѣдующемъ видѣ: каждый помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ крестьянина исполненія всѣхъ его повинностей общественныхъ и частныхъ, на основаніи общихъ постановленій по сему предмету; въ распоряженіи же крестьянъ своею собственностью и трудомъ, вмѣшательство и контроль помѣщика устраниются. Какое дѣло помѣщику, что крестьянинъ его хочетъ продать свою собственность или приобрести новую; что онъ даетъ кому нибудь денегъ въ займы или занимаетъ что нибудь у другаго; что онъ въ свободное отъ барщины время нанимается въ чужую работу; или когда онъ наемными людьми хочетъ отбить барщину, а самъ занимается промысломъ или торговлею? Лишь бы крестьянинъ добросовѣстно исполнилъ свои обязанности; а тамъ — какъ онъ распоряжается своимъ временемъ, трудомъ, и на что онъ хочетъ обратить свою дѣятельность, — до этого ни обществу, ни помѣщику нѣтъ дѣла.

6) Взысканіе приостанавливается, когда истецъ представитъ ко взысканію акты и документы надранные, разрѣзанные или разорванные и съ тѣмъ вмѣстѣ не предъявитъ свидѣтельства или рѣшенія надлежащаго мѣста или власти (*какихъ?*), что сіе произошло случайно и безъ намѣренія или послѣдовало при карантинномъ очищеніи, или по умыслу противной стороны.

Это постановленіе имѣетъ минимую практическую пользу. Доказательствомъ платежа служатъ: 1) отиѣтка должника на заемномъ письмѣ, что по немъ произведена уплата; 2) ясная платежная расписка; 3) свидѣтельство изъ присутственнаго мѣста, что деньги по обязательству туда внесены для уплаты кредитору; 4) показаніе (*)

(*) Этотъ аргументъ отнесенъ у насъ въ законѣ собственно къ договорамъ, и къ векселямъ и заемнымъ письмамъ не относится; эта привилегія договоровъ

двухъ или болѣе свидѣтелей, что уплата произведена. Эти данныя совершенно достаточны и удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ общества и отношеній должника къ кредитору: если должникъ грамотенъ, ему не составитъ большого труда сдѣлать отмітку на обязательствѣ, что онъ столько-то уплатилъ по немъ; если обязательства нѣтъ подъ рукою, онъ можетъ взять отъ инспектора росписку, въ случаѣ же безграмотности этого послѣдняго, другой можетъ за него, по нашимъ законамъ, подписаться; когда же должникъ боится этого способа, онъ можетъ представить деньги въ мѣстную полицію или судъ для выдачи кредитору; наконецъ, если по обстоятельствамъ онъ находитъ для себя и это затруднительнымъ, онъ можетъ сдѣлать уплату при двухъ или болѣе свидѣтеляхъ. Въ этихъ юридическихъ данныхъ можетъ и безграмотный должникъ найти обезпечительныя и не стѣснительныя доказательства уплаты имъ по денежному обязательству. Къ чему же, при такихъ сильныхъ и простыхъ способахъ обезпеченія лицъ отъ неправильныхъ притязаній векселедержателей, существуетъ еще, какъ доказательство уплаты, раздраніе или разрѣзаніе документа? Конечно, этотъ послѣдній способъ, по простотѣ своей, превосходитъ всѣ приведенные мною способы; но онъ удовлетворяетъ только должника и становится часто зломъ для векселедержателя; каждый же охранительный законъ долженъ удовлетворять равно и обѣимъ сторонамъ... такой характеръ носятъ на себѣ приведенные мною способы: они равно обезпечиваютъ и должника и кредитора; разорваніе же и разрѣзаніе документа удовлетворяетъ только перваго. Векселя и заемныя письма переходятъ очень часто множество рукъ; отъ этого они протираются и часто распадаются, подобно ассигнаціямъ, на нѣсколько частей; иногда же это бываетъ и отъ постоянного ношенія векселедержателемъ обязательства у себя въ карманѣ; у простаго человека кассою служить его саногъ, гдѣ даже пергаментный, не только бумажный документъ, въ одинъ мѣсяцъ придетъ въ ветхость. Наконецъ могутъ быть случаи, что или дитя, или человекъ, не знающій значенія заемнаго обязательства, или кто нибудь съ злымъ умысломъ, найдя мой вексель или заемное письмо, разорветъ или разрѣжетъ его. Неужели во всѣхъ этихъ случаяхъ я долженъ лишиться моей собственности? У меня было заемное письмо, доставившее съ процентами большой суммы и которое отъ времени, такъ какъ взысканіе производилось слишкомъ 20 лѣтъ, распалось на четыре части; хорошо, что мой отвѣтчикъ ни разу не полюбопыт-

не имѣетъ никакихъ юридическихъ основаній; поэтому я отношу его къ тѣмъ и другимъ: такъ дѣлаютъ судебныя мѣста на общемъ основаніи о тяжёлыхъ доказательствахъ.

ствовавъ посмотрѣть на подлинное обязательство и кончилъ со мною дѣло миромъ; а то, согласно вышеприведенному закону, я бы потерялъ деньги. Какъ бы это было справедливо: за то, что мой отвѣтчикъ 20 лѣтъ не уплачивалъ денегъ и отъ времени мое обязательство распалось на части,—за это я не долженъ былъ получать удовлетворенія! На это возразятъ мнѣ, что законъ предоставляетъ мнѣ право доказать въ надлежащемъ мѣстѣ или у надлежащей власти причину надранія или разрѣзанія векселя; но во-первыхъ, доказать эту причину по большей части невозможно; во-вторыхъ, о какомъ же это мѣстѣ или власти въ законѣ говорится? Если подъ этимъ должно подразумѣвать судебныя мѣста, то значитъ, я долженъ прежде доказать по суду дѣйствительность событія, а потомъ получить изъ суда свидѣтельство; но вѣдь это дѣло апелляціонное, оканчивающееся обыкновенно по прошествіи многихъ лѣтъ; а между тѣмъ, въ продолженіе этого времени мой должникъ можетъ бѣжать, разориться или, что всего хуже — умереть.

в) *Правила для дѣйствій земской полиціи при производствѣ взысканій (*)*.

Эти правила имѣютъ недостатки общихъ и свои частные:

1) По заемнымъ письмамъ и договорамъ, если отвѣтчикъ не оспоритъ документа и отзовется несостоятельностью, земская полиція не вправе приступить къ описи его имущества безъ разрѣшенія губернскаго правленія (ст. 2113, т. X, изд. 1842 г.).

2) 2114 ст. т. X., изд. 1842 г., ссылкою своею на статьи 2081 и 2082 противорѣчитъ первому постановленію: по смыслу этихъ законовъ, земская полиція, по поступленіи къ ней заемнаго письма, должна наложить запрещеніе на имѣніе должника и взять самое имѣніе въ секвестръ; если у него нѣтъ недвижимости, то онъ секвеструетъ движимость. Какъ же можетъ это сдѣлать земскій судъ, когда ему воспрещено описывать имѣнія должника безъ разрѣшенія губернскаго правленія?

О не состоятельности неторговыхъ лицъ (**).

1) *Свойства несостоятельности* неторговыхъ лицъ опредѣляются въ нашемъ законодательствѣ очень удовлетворительно: каждый несостоятельный должникъ долженъ явиться *въ судъ* и объявить ему количество долговъ своихъ и имущества, долженъ показать

(*) Ст. 2111 — 2113, т. X, изд. 1842 г.

(**) Ст. 3034 — 3083, т. X, изд. 1842 г.

причину своего упадка и несостоятельности своей. Затѣмъ судъ опредѣляетъ свойство его несостоятельности: *несчастнаго* освобождаетъ отъ отвѣтственности; *неосторожнаго* подвергаетъ, по требованію кредиторовъ, заключенію въ тюрьмѣ, до 5 лѣтъ; *злостнаго* банкрота наказываетъ, какъ за фальшивые поступки.

2) *Дѣлопроизводство* же по несостоятельности въ высшей степени запутано и неясно: законы о несостоятельности неторговыхъ лицъ существовали только въ Сводѣ Законовъ, безъ всякаго примѣненія къ практикѣ; въ настоящее же время вѣдно къ несостоятельности лицъ неторговаго званія примѣнить законы о торговой несостоятельности, но только въ тѣхъ статьяхъ, которыя не противорѣчатъ особеннымъ правамъ лицъ неторговыхъ. И это новое положеніе имѣетъ свои неудобства; рассмотримъ поэтому прежнія постановленія и настоящія.

А. Въ ст. 3054 и 3059, Т. X. сказано: «когда должникъ неторговаго званія покажетъ (*кому?*) или же и безъ того извѣстны сдѣлаются (*кому?*) многія на немъ незаплатенныя обязательства и взысканія, равняющіяся всему извѣстному его имѣнію или превосходящія оное, и когда для разбора сихъ долговъ въ первомъ случаѣ не учреждено посреднической комиссіи, тогда губернское правленіе той же губерніи, гдѣ онъ жительствоуетъ, освѣдомляется о всѣхъ его имѣніяхъ и о всѣхъ его долгахъ и обязательствахъ, чрезъ сношеніе съ тѣми губерніями, гдѣ имѣніе его, по показанію заимодавцевъ или по обстоятельствамъ дѣла, извѣстно и куда обязательства на него по состоянію имѣнія вступить первоначально могутъ. По собраніи свѣдѣній, губернское правленіе дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ имѣнія и объ удовлетвореніи представленныхъ и правильно, гдѣ слѣдовало, явленныхъ обязательствъ съ залогами; остающееся за симъ имущество должника принимаетъ въ свое вѣдомство и составляетъ у себя конкурсъ, для уплаты всѣхъ прочихъ должныхъ обязательствъ и взысканій».

Казалось бы, что послѣ этихъ словъ закона вся обязанность коммерческихъ судовъ и магистратовъ, относительно несостоятельныхъ неторговаго званія переходить къ губернскимъ правленіямъ; но послушайте, какъ говорятъ объ этомъ два примѣчанія къ ст. 3059, Т. X. изд. 1842 г.:

1) «О составѣ сего конкурса и о порядкѣ производства въ немъ дѣлъ — никакихъ правилъ въ узаконеніяхъ не находится».

Странное дѣло: законъ самъ сознаетъ недостаточность свою, но не исправляетъ своей прорѣхи и даетъ существовать безурядицѣ: въ статьяхъ о свойствахъ несостоятельности вездѣ повторяется о правахъ заимодавцевъ на опредѣленіе этого свойства; но какъ должны

составляться эти конкурсные управленія и общее собраніе заимодавцевъ, — этого нѣтъ въ законахъ. Такая неопредѣленность, сознаваемая самимъ законодательствомъ, была главнѣйшею причиною, почему законы о неторговой несостоятельности оставались безъ всякаго практическаго примѣненія.

2) Второе примѣчаніе на столько же странно, какъ и первое; въ немъ сказано: «хотя дѣла по несостоятельности возложены, по банкротскому уставу, на губернское правленіе, однакоже правительствующій сенатъ, въ указѣ 1824 года, іюля 30, опубликовалъ членовъ Псковскаго губернскаго правленія, между прочимъ, за то, что оное правленіе по одному дѣлу приняло на себя вовсе несоотвѣтственную ему конкурсную обязанность».

И къ чему это примѣчаніе вошло въ Сводъ Законовъ? И что хотѣлъ этимъ выразить законъ? По банкротскому уставу, законъ признаетъ, что обязанности конкурса лежатъ на губернскомъ правленіи; къ чему же послѣ этого служить указаніе на выговоръ сената Псковскому губернскому правленію? Если законъ согласенъ съ мнѣніемъ сената, то слѣдовало отмѣнить вышеприведенныя мною статьи: 3054 и 3059. Т. X.; если же несогласенъ, то указаніе примѣчанія оказывается излишнимъ: законъ, сказавши многое, ничего не сказалъ и запуталъ только дѣло; каждый, прочитавши оба примѣчанія къ ст. 3059-й, не пойметъ въ чемъ дѣло: должны ли существовать конкурсы или нѣтъ, должно ли ихъ принять въ свое вѣдѣніе губернское правленіе или нѣтъ (*)?... Къ этимъ неопредѣленностямъ присовокупляется еще то обстоятельство, что въ статьѣ 3067-ой сказано: «несостоятельный должникъ обязанъ явиться въ судъ и показывать ему свойство своей несостоятельности»; это же самое повторяется въ ст. 2114 ой, гдѣ выговорено, что при несостоятельности лица земскій судъ отбираетъ отъ него подписку въ томъ, что онъ явился въ судъ, по слѣдъ вышеприведенной мною статьи.

При такой путаницѣ, при такихъ противорѣчіяхъ, гдѣ одинъ законъ посылаетъ васъ въ губернское правленіе, другой—въ судъ, гдѣ самъ законъ признаетъ свою недостаточность, гдѣ, опубликовавъ въ Сводѣ Законовъ распоряженія сената относительно Псков-

---

(*) Указанныя авторомъ два примѣчанія уничтожены Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, 1837 г. іюня 10-го, и не вошли въ изданіе Свода Законовъ 1838 г. (ст. 1010, т. X, ч. 2.).

При этомъ вообще должно замѣтить, что правительство наше постоянно обращало вниманіе на усовершенствованіе законодательства, ибо положительно извѣстно, что начертаны уже проекты: о несостоятельности лицъ неторговаго вѣданія, о несостоятельности торговой, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, объ устройствѣ полиціи, и пр.

скаго губернскаго правленія, законъ сбиваетъ васъ съ толку, — можно ли было ожидать осуществленія законовъ о несостоятельности? До настоящаго времени они были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ какъ практическаго примѣненія они не могли имѣть.

Б. Въ новомъ законѣ о несостоятельности положительно выговорено:

1) Губернскія правленія относительно петровыхъ лицъ въ дѣлахъ о несостоятельности занимаютъ тоже самое мѣсто, что коммерческій судъ въ отношеніи торговыхъ лицъ.

2) Торговый уставъ о несостоятельности долженъ быть примѣненъ къ лицамъ петровымъ въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ онъ не противорѣчитъ особымъ правамъ этихъ лицъ.

Но губернскія правленія никогда не могутъ соответствовать коммерческимъ судамъ:

а) Дѣла о торговой несостоятельности составляютъ и въ коммерческихъ судахъ одни изъ самыхъ сложныхъ и многочисленныхъ, такъ что для этихъ дѣлъ есть особый помощникъ секретаря съ опредѣленнымъ числомъ канцелярскихъ служителей; притомъ въ коммерческихъ судахъ разбираются дѣла преимущественно купцовъ, и можно утвердительно сказать, что дѣла мѣщанъ почти не входятъ въ ихъ сферу: несостоятельными признаются лишь лица, имѣющія неоплатныя долги свыше 1500 р. сер., что рѣдко случается съ мѣщанами, по необширности ихъ кредита. Сверхъ этого, коммерческіе суды, за нѣкоторымъ исключеніемъ (*), простираютъ свое вѣдомство и подсудность на однихъ лишь лицъ, живущихъ въ городахъ, гдѣ они учреждены. Эти предѣлы власти коммерческихъ судовъ не могутъ сравняться съ тѣми предѣлами, которые даются губернскомъ правленію: во-первыхъ, дворянъ, сельскихъ обывателей, чиновниковъ и разночинцевъ болѣе въ губерніи, нежели лицъ торговыхъ; во-вторыхъ, — простирая подсудность на всю губернію, губернскія правленія, которыя и безъ дѣлъ о петровой несостоятельности не могутъ управиться съ своими остальными дѣлами, будутъ поставлены, въ особенности въ многолюдныхъ губерніяхъ, въ самое затруднительное положеніе: сотни новыхъ дѣлъ, тысячи разныхъ новыхъ просьбъ и жалобъ начнутъ къ нимъ поступать и не будутъ ими разрѣшаться, по одной физической невозможности; отъ этого произойдетъ общій застой дѣлъ въ губернскихъ правленіяхъ, дѣла же о несостоятельности будутъ имѣть безконечное продолженіе. Самое учрежденіе конкурсовъ встрѣтитъ множество мѣстныхъ препятствій: кре-

(*) Коммерческіе суды — Измайловскій подчиняетъ себѣ лишь торговыхъ, живущихъ въ Бессарабіи; Керченскій — живущихъ на Крымскомъ полуостровѣ; Земли войска Донскаго — живущихъ на этой землѣ.

адиторы должны будутъ сѣзжаться въ губернской городъ, и для того, чтобы сѣздъ ихъ имѣлъ успѣхъ, они должны будутъ при-
быть туда въ одно опредѣленное время, что сопряжено съ большими
неудобствами: дѣла, домашнія обстоятельства, отсутствіе, болѣзнь,
служба и многія другія причины могутъ быть имъ помѣхою. Удобиѣ
всего было бы предоставить дѣла о неторговой несостоятельности
общимъ судебнымъ мѣстамъ, по слѣдующимъ причинамъ: а) рѣдко
сфера неторговаго лица выходитъ изъ мѣста его постоянного жи-
тельства и его имѣнія, и если бы даже эта сфера расширилась, то
приличіе всего опредѣлять его подсудность—или по мѣсту нахож-
денія его имущества, или по мѣсту его жительства; б) кромѣ этого,
дѣла о несостоятельности лицъ данной губерніи сосредоточатся во
многихъ уѣздныхъ судахъ, а не стекутся въ одно губернское прав-
леніе.

б) Передача дѣлъ о несостоятельности губернскому правленію, а не
судебному мѣсту, имѣетъ еще и то неудобство, что конкурсныя дѣла
сопряжены съ исками и тѣнками несостоятельнаго должника съ кре-
диторами; эти дѣла разсматриваются конкурсами, какъ первое ин-
станціею, и апеллируются въ судебныя мѣста, которымъ они подвѣ-
домственны. Куда же будутъ апеллироваться эти дѣла, когда конкур-
сы будутъ подчинены губернскимъ правленіямъ? Они не вправѣ бу-
дутъ войти въ разбирательство этихъ дѣлъ; а между тѣмъ, имѣя
прямое вліяніе на конкурсы, губерніскія правленія будутъ въ посто-
янномъ столкновеніи и разнорѣчіи съ судебными мѣстами. Въ ма-
ломъ видѣ можно это же самое видѣть въ дѣлахъ по взысканіямъ:
я представляю ко взысканію заемное письмо въ земскій судъ, кото-
рый принимаетъ отъ моего отвѣтчика неправильный споръ и пере-
даетъ дѣло уѣздиному суду. Я жалуюсь на это распоряженіе полиціи—
правленію, которое, разсмотрѣвъ дѣло, рѣшаетъ, что дѣло мое без-
спорно, и полиція должна взыскать съ моего должника безотлага-
тельно всѣ деньги; а между тѣмъ судъ, разсмотрѣвъ въ свою оче-
редь дѣло, оправдываетъ моего отвѣтчика и отказываетъ мнѣ совер-
шенно въ искѣ. Такимъ образомъ земскій судъ въ одно и тоже вре-
мя получаетъ два указа: отъ правленія—взыскать деньги; отъ уѣзд-
наго суда—не взыскивать. Тоже самое будетъ и въ томъ случаѣ, ког-
да дѣла о неторговой несостоятельности будутъ подлежать вѣдомству
губернскихъ правленій.

в) Недостаточно подчинять лица неторговаго званія только тор-
говому уставу о несостоятельности: для того, чтобы этотъ уставъ
могъ имѣть надлежащую практическую примѣнимость и дости-
гнуть высокой своей цѣли, необходимо: 1) уничтожить различіе заем-
ныхъ писемъ отъ векселей; 2) учредить публичный судъ; 3) уничто-

жить или сократить обряды, формы и сроки исковъ и тяжбъ; 4) установить только двѣ степени суда. Если же это не будетъ сдѣлано, уставъ о несостоятельности будетъ походить на ружье безъ заряда: конкурсныя правленія при теперешнемъ порядкѣ суда встрѣтятъ тысячи препятствій своимъ дѣйствіямъ и будутъ тянуться безконечно; это самое мы встрѣчаемъ и въ нынѣшнихъ торговыхъ конкурсахъ, гдѣ только они начинаютъ дѣйствовать на основаніи общихъ постановленій о тяжбномъ судопроизводствѣ, при ихъ искахъ на прикосновенныхъ къ конкурсу лицъ.

г) Какимъ образомъ примѣните вы законъ о томъ, что дѣла о несостоятельности неторговыхъ лицъ подвѣдомственны губернскому правленію, и какъ могутъ дѣйствовать конкурсы, когда: 1) дворяне не могутъ быть подвергнуты личному задержанію безъ судебного постановленія; 2) служащіе въ коронной гражданской и военной службѣ не подлежатъ — не только аресту, но даже требованію изъ мѣста ихъ служенія въ другое мѣсто?

д) Подсудность лицъ неторговаго званія по дѣламъ о несостоятельности должна быть подробно обозначена и опредѣлена. Мнѣ кажется, что удобнѣе всего было бы опредѣлить ее въ слѣдующемъ видѣ: лицо неторговое должно по дѣламъ о несостоятельности подлежать вѣдомству того суда, гдѣ оно имѣетъ постоянное мѣстожительство. Если его кредиторы, не стѣсняясь, могутъ при этомъ судѣ составить конкурсное правленіе и съѣзжаться въ общее собраніе, то предоставить имъ это право. Для составленія общаго собранія достаточно $\frac{2}{3}$ кредиторовъ; если же этотъ комплектъ не можетъ собраться, то при учрежденіи общества присяжныхъ стряпчихъ (*) совѣту этого общества предоставить права и власть конкурсовъ, а общему присутствію — права и власть общаго присутствія заимодавцевъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ совѣтъ и общее присутствіе присяжныхъ стряпчихъ будутъ находиться въ губернскомъ городѣ, то слѣдовало бы такого рода дѣла передать уѣзднымъ судамъ губернскихъ городовъ.

Б. Взысканія по договорамъ.

Договоры подвергаются еще худшей участи, нежели заемныя письма; порядокъ приведенія ихъ въ исполненіе — самый оригинальный. Законъ, установивъ для подобныхъ дѣлъ особое производствъ, имѣлъ цѣлью ускорить исполненіе ихъ; но выходитъ наоборотъ:

(*) Объ обществѣ присяжныхъ стряпчихъ будетъ особая статья.

1 р. л. автора.

дѣла по договорамъ тянутся еще дольше, нежели дѣла вотчинныя и искковыя.

Причины тому слѣдующія: каждый договоръ представляется, будто бы ко взысканію или исполненію, — въ полицію; но тутъ дѣло принимаетъ чисто процессный характеръ: отвѣтчикъ пишетъ *объясненіе* противъ иска; затѣмъ истецъ представляетъ въ подтвержденіе иска *доказательства*; противъ этой бумаги отвѣтчикъ представляетъ *опроверженіе*. Такимъ образомъ по прошествіи довольно долгаго времени вырастаетъ цѣлое дѣло, по которому составляется, по общей формѣ, докладная записка, заслушавшая общимъ присутствіемъ полиціи, и дѣло рѣшается по общей формѣ рѣшеній, съ просмотромъ журнала стряпчимъ и объявленіемъ опредѣленія тяжущимся для подписанія ими удовольствія или неудовольствія.

Если бы законъ предоставлялъ полиціи по крайней мѣрѣ привести свое опредѣленіе въ исполненіе, то процессный характеръ дѣла въ этомъ присутственномъ мѣстѣ искупился бы скорымъ его окончаніемъ; а то—при подписаніи тяжущимся неудовольствія, въ семидневный срокъ, и при подачѣ, въ четырехъ-недѣльный срокъ, исковаго прошенія въ судъ, опредѣленіе полиціи остается недействительнымъ и безъ всякихъ послѣдствій. Значитъ—полиція прибавила *безспорному дѣлу* только лишнюю инстанцію и иногда тяжущіеся чрезъ это теряютъ по нѣскольку лѣтъ: отвѣтчикъ медлитъ всегда отзывами, часто отлучается, въ дѣйствительности или мнимо, изъ города; словомъ—лаврируетъ такъ, чтобы затянуть дѣло, по выраженію чиновниковъ, *въ долій ящикъ*.

В. Дѣла объ обидахъ, ущербахъ, убыткахъ и самовольномъ завладѣніи.

Почти такой же оборотъ, какъ дѣла объ обязательствахъ и договорахъ, принимаютъ и всѣ дѣла объ обидахъ, самовольномъ завладѣніи, ущербахъ и убыткахъ; вмѣсто того, чтобы имѣть ускоренный ходъ чрезъ посредничество полиціи, эта послѣдняя служитъ имъ лишнею инстанціею. Причиною такому злу — неопредѣленность и неясность законовъ по всѣмъ этимъ предметамъ.

Ст. 2044, Т. X, изд. 1842 г., говоритъ: «Полиція, по принятіи прошенія, отбираетъ, нисколько не медля, показанія истца и отвѣтчика, и безъ пространнаго письменнаго производства изслѣдуетъ на мѣстѣ, чрезъ вѣрныхъ и свѣдущихъ людей или другими возможными способами, событіе, подавшее поводъ къ жалобѣ, приводя, по дѣламъ о насильномъ и самоуправномъ завладѣніи, въ ясность: въ чемъ владѣніи было имѣніе тогда, когда на ономъ учинено насиліе,—

не требуя и не входя впрочемъ въ разсмотрѣніе представляемыхъ письменныхъ доказательствъ, принадлежащихъ единственно разбирательству судебныхъ мѣстъ, не опредѣляя ни въ какомъ случаѣ присяги, опредѣленіе коей предоставляется равномѣрно исключительно судебнымъ мѣстамъ, и наблюдая притомъ, что дѣло о самовольномъ или насильномъ завладѣніи чужимъ имуществомъ въ такомъ лишь случаѣ подлежитъ ся разсмотрѣнію, когда жалоба не принесена поздне, какъ въ теченіе 10 недѣль послѣ завладѣнія; въ противномъ случаѣ полиція должна представить все дѣло на разсмотрѣніе надлежащаго судебного мѣста.»

Мысль этого закона—прекрасная: удовлетворить обиженнаго съ возможной скоростью: но эта мысль выражена такъ неопредѣленно, такъ туманно, что самая добросовѣстная полиція становится въ тупикъ. Въ этомъ законѣ мы видимъ, что дѣлопроизводство полиціи опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) Ни мало не медля, отъ истца и отвѣтника должны быть отобраны показанія.

2) Не должно быть пространнаго письменнаго производства.

3) Доказательства должны заключаться въ показаніяхъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей.

4) Письменные документы не должны приниматься въ разсмотрѣніе.

5) Присяга не можетъ быть допущена полиціею.

6) Если прошеніе подано въ полицію спустя десять недѣль послѣ событія, то полиція обязана передать дѣло въ судъ.

Эти постановленія разсмотримъ въ отношеніи самовольнаго завладѣнія имуществомъ—недвижимымъ и движимымъ.

1) Законъ предоставляетъ полиціи употреблять только показанія свидѣтелей, какъ доказательство; но при этомъ упущено изъ виду, что законъ по вотчиннымъ дѣламъ, т. е., по дѣламъ о недвижимости, наслѣдствѣ и крѣпостныхъ людяхъ, безусловно запрещаетъ принимать показанія свидѣтелей, какъ доказательство. Что же можетъ въ подобныхъ дѣлахъ дѣлать полиція? Въ разбирательство письменныхъ доказательствъ запрещено ей входить; присяги она не можетъ дать.... Слѣдовательно полиція по этимъ дѣламъ равно ничего не значить.

2) Относительно движимости, хотя свидѣтельскія показанія бываютъ умѣстны; но, отнявши отъ полиціи право разбора письменныхъ доказательствъ и дачи присяги, законъ отнялъ отъ нея возможность по этимъ дѣламъ принести существенную пользу. По законамъ, словесные договоры допускаются только при наймѣ въ городахъ квартиръ и продажѣ мелочей; каждое же приобрѣтеніе скота,

покупка или продажа цѣнныхъ предметовъ, какъ то: товаровъ, сельскихъ произведеній, орудій, машинъ, — хотя и могутъ совершаться по словеснымъ договорамъ, но они законодательствомъ не признаются, такъ какъ счета признаются только на 150 руб. сер., — и то, по истеченіи 2 мѣсяцевъ отъ ихъ написанія, они должны быть представлены ко взысканію, въ противномъ случаѣ они признаются не дѣйствительными. Поэтому каждая серьезная покупка или продажа совершается у насъ на письмѣ; при этомъ, отвергнувъ такой аргументъ, какъ письменное доказательство, можно ли ожидать успѣха отъ дѣлопроизводства полиціи?... Я покупаю лошадь и беру отъ продавца документъ; затѣмъ продавецъ подаетъ въ полицію прошеніе, что я завладѣлъ самовольно его вещью и представляетъ свидѣтелей о дѣйствительной принадлежности ему лошади. Полиція, не входя въ разсмотрѣніе моего документа, отбираетъ показанія свидѣтелей и, находя, что лошадь дѣйствительно принадлежитъ истцу, отбираетъ у меня купленную мною вещь. Можетъ ли быть что несправедливѣе и неслѣбѣе?... Это же самое происходитъ по ущербамъ, убыткамъ и обидамъ. Развѣ обида и оскорбленіе должно и можетъ быть только словами и побоями? Развѣ публичный пасквиль или письменное оскорбленіе не равносильны первому? А вѣдь полиціи не предоставлено входить въ разбирательство письменныхъ доказательствъ....

3) Самый переходъ дѣла изъ полиціи въ судъ не опредѣленъ. Ст. 2033, Т. X., изд. 1842 г., говоритъ: «срокъ на подачу въ полицію прошенія о насильномъ и самовольномъ завладѣніи, съ просьбою о возвращеніи имущества въ прежнее владѣніе, назначается 10-недѣльный, считая отъ времени происшествія; *пропустившій сей срокъ долженъ начинать искъ о томъ въ судебномъ мѣстѣ*». Въ статьѣ же 2044, того же тома, сказано, что если жалоба о самовольномъ завладѣніи принесена въ полицію позднѣе 10 недѣль, то она — «*полиція должна представить все дѣло на разсмотрѣніе надлежащаго судебного мѣста*». Какъ угодно теперь — понимайте: должна ли полиція давать ходъ прошеніямъ послѣ 10-недѣльнаго срока, или нѣтъ? Къ этой запутанности присоединяется еще то обстоятельство, что, по ст. 2031, Т. X, дѣла объ обидахъ, ущербахъ, убыткахъ и самовольномъ завладѣніи — по произволу истцовъ могутъ начинаться или въ полиціяхъ, или въ судѣ; въ послѣднемъ случаѣ судъ никогда не производитъ непосредственно формальнаго слѣдствія, а всегда черезъ полицію. Къ чему же послѣ этого служить 10-недѣльный срокъ и всѣ запутанныя по этому предмету постановленія? На это, быть можетъ, мнѣ возразятъ: полиція играетъ важную роль въ подобныхъ дѣлахъ, потому что ей, по ст. 2045, Т. X, предоставлено, «по

окончаниі изслѣдованія и приведеніи въ ясность дѣла, буде у кого что отнято, тотчасъ возвращать оное прежнему владѣльцу, предоставляя другой сторонѣ отыскивать свои права на завладѣнное имущество, буде имѣетъ ихъ, судебнымъ порядкомъ....»

На эти слова закона замѣчу: постановленіе это было бы прекрасно, если бы окончаніе этой статьи закона не выговорило, что при спорѣ дѣла передаются въ судъ, и если бы не существовала ст. 2047, Т. X, которая въ противорѣчіе первой говоритъ слѣдующее:

«Въ дѣлахъ, начавшихся въ самой полиціи и не предоставленныхъ окончательно ея удовлетворенію, недовольному рѣшеніемъ предоставляется, по объявленіи своего неудовольствія, подавать прошеніе въ судъ 1-й степени, по принадлежности. Прошеніе сіе не есть апелляція или переносъ, но подачею онаго просителю дается токмо право, предъявить споръ, начать дѣло судомъ. Срокъ для подачи такого прошенія полагается не далѣе 4-хъ недѣль, считая окончаніе срока сего въ 1-й день послѣ того дня, въ который исполняется полныя 4 недѣли отъ объявленія частному лицу опредѣленія или приведенія его въ дѣйствіе. *Съ поступленіемъ прошенія въ судъ, возникшее изъ сего дѣло въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ слѣдуетъ по рѣдку судебному.*»

Значить по смыслу этого закона—при подачѣ въ судъ прошенія стороной недовольной дѣло не зависить болѣе отъ полиціи и исполненіе его рѣшенія приостанавливается? Кромѣ этого, для меня непонятны слѣдующія слова закона: «подача прошенія въ судъ не есть апелляція или переносъ; но подачею онаго просителю дается токмо право, предъявить споръ, начать дѣло судомъ.» Подписаніе неудовольствія есть протестъ, а апелляція — самая жалоба на неправильность рѣшенія. Въ чемъ же заключается прошеніе, поданное недовольной стороною въ судъ, по подписаніи неудовольствія на рѣшеніе полиціи? Не есть ли оно жалоба на рѣшеніе послѣдней? Если бы судъ непосредственно затѣмъ велъ дѣло такъ, какъ будто оно нигдѣ еще въ производствѣ не было и не обсуживалъ факты, принятые въ руководство при рѣшеніи полиціею, то можно было бы сказать, что это дѣлопроизводство не есть ревизія дѣла; а то—судъ, при подачѣ недовольной стороною прошенія, требуетъ къ себѣ дѣло изъ полиціи, разсматриваетъ и рѣшаетъ его. Отчего же послѣ этого подача недовольной стороною прошенія въ судъ не есть ни апелляція, ни переносъ?—Но еще болѣе неясны слѣдующія слова закона: «*но подачею онаго (прошенія) просителю дается токмо право, предъявить споръ, начать дѣло судомъ.*» Заявленіе права на искъ заключается въ подписаніи неудовольствія, а подача прошенія есть уже формаль-

ное осуществленіе этого права; слѣдовательно, въ юридическомъ смыслѣ законъ этотъ совершенно ошибоченъ.

4) Ст. 2045, Т. X, явно противорѣчитъ ст. 2047, того же тома: въ первой говорится о томъ, что въ случаѣ спора тяжущихся дѣло пересылается полицією на законное постановленіе суда; вторая же предоставляетъ полиціямъ рѣшать дѣло, и недовольнымъ ея рѣшеніемъ даетъ право начать дѣло судомъ.

5) Въ дѣлахъ объ убыткахъ, ущербахъ и обидахъ, полиціямъ предоставляется право (') опредѣлять мѣру взысканія не свыше 15 руб. сер., вознагражденіе же, превышающее эту сумму, опредѣляется судомъ (**). Изъ этого слѣдуетъ, что роль полиціи относительно этихъ дѣлъ—самая неопредѣленная, запутанная, незначительная и пассивная; послѣ этого какъ могутъ осуществиться слѣдующія слова закона (***): «дѣла сіи (****) начинаются въ полиціи или по прошенію обиженнаго, или же по непосредственному ея дѣйствію, когда, усмотрѣвъ самоуправство и насилие, она по обязанности своей приметъ законныя мѣры къ пресѣченію оного.»

Какія же законныя мѣры она можетъ принять? Въ случаѣ спора тяжущихся, она обязана передать дѣло въ судъ; при подписаніи неудовольствія на ея рѣшеніе, она должна сдѣлать тоже самое; распоряженія свои она должна облекать въ форму опредѣленія и не имѣетъ права привести его въ исполненіе, если подписано какой нибудь стороною неудовольствіе и въ 4-хъ недѣльный срокъ подано прошеніе въ судъ; наконецъ самый переходъ дѣла изъ полиціи въ судъ такъ неопредѣленъ и запутанъ, что самая благонамѣренная полиція не знаетъ, что и какъ она должна дѣлать и какую роль она играть въ дѣлахъ *безспорныхъ*...

Г. Предметы вѣдомства полиціи.

Въ нашемъ обществѣ слышимъ мы постоянные толки, клонящіеся къ осужденію полиціи; кромѣ того, что она обвиняется въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, въ ложномъ толкованіи законотъ,—ее обвиняютъ еще въ совершенномъ бездѣйствіи. Такія обвиненія, хотя болѣе или менѣе справедливы; но, какъ я выше показалъ, они настолько же падаютъ на полицейскіе законы, насколько на полицейскихъ чиновниковъ: самый добросовѣстный изъ этихъ послѣд-

(') Ст. 2046, Т. X, 1842 г.

(**) Ст. 2028, Т. X, 1842 г.

(***) Ст. 2032, Т. X, 1842 г.

(****) Объ обидахъ, ущербахъ, убыткахъ и омоволазномъ завладѣніи.

нихъ, при несоразмѣрной съ средствами полиціи перепискѣ, при неопредѣленности полицейскихъ законовъ, при формальностяхъ, въ какія облечены ея дѣйствія, по неволѣ становится или несправедливымъ, или недобросовѣстнымъ. Съ этой точки зрѣнія должно разсматривать полицію; но для того, чтобы убѣдиться еще болѣе въ справедливости моихъ словъ, рассмотримъ предметы ея вѣдомства, изъ которыхъ откроется, что труды, возложенные на нее, не соотвѣтствуютъ ея средствамъ.

Наше законодательство подъ словомъ полиціа подразумѣваетъ—исполнительную, распорядительную, слѣдственную и въ вѣкоторой степени судебную власть во всякомъ городѣ и уѣздѣ.

1) Какъ власть *исполнительная*, она приводитъ въ исполненіе всѣ распоряженія правительства и судовъ.

2) Какъ *распорядительная*, она наблюдаетъ за благоустройствомъ и благочиніемъ.

3) Какъ *слѣдственная*, она производитъ формальныя слѣдствія по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ.

4) Какъ *судебная*, она рѣшаетъ маловажные дѣла объ обидахъ и маловажные уголовныя проступки.

Изъ этого открывается, что права, власть и предметы вѣдомства полиціи чрезвычайна обширны и многосложны: это-то и составляетъ главное зло, которое, обременяя полицію безчисленнымъ множествомъ дѣлъ, препятствуетъ ей достигать исправности и полнаго значенія въ государствѣ.

1. ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ДѢЛА ПОЛИЦІИ.

Правительство, въ лицѣ всѣхъ министерствъ и подчиненныхъ имъ присутственныхъ мѣстъ, приводитъ въ исполненіе всѣ свои распоряженія относительно частныхъ лицъ посредствомъ полиціи: всѣ взысканія, требованія и объявленія къ частнымъ лицамъ—все это идетъ чрезъ полицейскія мѣста. Подобный порядокъ вещей, по моему мнѣнію, есть безпорядокъ: какое нибудь лицо подаетъ безтолковое, неосновательное прошеніе, или проситъ должности, или вспомошествованія,—присутственное мѣсто, отказывая или разрѣшая его ходатайство, посылаетъ свое рѣшеніе для объявленія просителю чрезъ полицію. Проситъ кто нибудь высылки ему документа и денегъ,—присутственное мѣсто посылаетъ то и другое въ полицію для выдачи просителю. Чтожь изъ этого выходитъ? Полиція становится корреспондентомъ всѣхъ частныхъ лицъ, проживающихъ въ ея вѣдомствѣ, со всѣми присутственными мѣстами Россіи. Въ малень-

кихъ городахъ подобныя дѣла — лишнее бремя полиціи, а въ большихъ они составляютъ одинъ изъ главныхъ ея предметовъ; такъ напримѣръ: въ Одесской полиціи исполнительное отдѣленіе, которое завѣдываетъ этими дѣлами, имѣетъ ежегодно отъ 50,000 до 90,000 нумеровъ, т. е., въ такой же мѣрѣ, сколько нумеровъ поступаетъ въ три другихъ отдѣленія. Эти цифры ясно доказываютъ, въ какой степени обременительны подобныя дѣла для полиціи; а это зло очень удобно и легко искоренить: мы видимъ, что всѣ наши коммерческіе банки и вообще всѣ кредитныя установленія, всю свою корреспонденцію и отсылку денегъ ведутъ чрезъ почтовые конторы, адресуя деньги и объявленія прямо по адресу даннаго лица. Отчего же не могутъ точно такъ же поступать всѣ присутственныя мѣста? Мѣстожителство свое каждый проситель обозначаетъ въ своемъ прошеніи; да и по закону — ни одна просьба не должна быть принята къ разсмотрѣнію, если въ ней не обозначено мѣстожителство лица. Если же проситель не обозначитъ, въ чьемъ домѣ онъ живетъ, то въ небольшихъ городахъ всѣ жители болѣе или менѣе другъ друга знаютъ, и почтовой конторѣ нетрудно его отыскать; притомъ, если просители будутъ ждать отвѣта на свои прошенія чрезъ почтовые конторы, то собственный интересъ заставитъ ихъ справляться: нѣтъ ли на ихъ имя пакета. Формальности же, сопряженныя съ выдачею почтовыми конторамъ пакетовъ и посылокъ, служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ для каждаго. Слѣдовательно присутственныя мѣста со всѣми своими требованіями, объявленіями, отзывами, — должны бы были адресоваться непосредственно къ частнымъ лицамъ чрезъ почтовые конторы, а чрезъ полицію дѣйствовать лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ взыскиваются съ лица какія либо деньги, и вообще по тѣмъ дѣламъ, гдѣ требуется поужденіе частныхъ лицъ къ исполненію закона или договора. Присутственныя же мѣста думаютъ своимъ настоящимъ порядкомъ дѣлать добро частнымъ лицамъ; но они ошибаются: исполнительныя полицейскіе столы, частныя пристава и квартальные надзиратели, не имѣя, за множествомъ дѣлъ, времени заниматься чтеніемъ и разсмотрѣніемъ ихъ корреспонденцій, обыкновенно ограничиваются дѣланіемъ на нихъ надписей, которыя имѣютъ общую форму: «изъ части или квартала моего выбылъ»; «по разысканію не оказался». И вслѣдствіе этого — каждое объявленіе или требованіе присутственнаго мѣста прежде прогулится по разнымъ уѣздамъ, городамъ, частямъ и кварталамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и годъ, пока *случайно* не отыщется того, кому оно адресовано. По этому поводу мнѣ случилось слышать два факта.

а) Въ одномъ городѣ полиція искала и не находила два года, по частному дѣлу, жандармскаго штабъ-офицера, который каждый день

посѣщалъ по дѣламъ службы полицію.... Когда они поступили такъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, какъ же они поступаютъ съ частными лицами?

б) Полиція въ городѣ О.... получила къ исполненію Высочайшую конфирмацію по одному уголовному дѣлу; въ этомъ дѣлѣ былъ прикосновенъ коллежскій регистраторъ, — положимъ, Ивановъ, — который за разныя преступленія по рѣшенію лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и долженъ былъ быть отправленъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній на жительство. Полиція, получивъ указъ о его разысканіи и о приведеніи въ исполненіе конфирмаціи, донесла палатѣ, что Ивановъ, какъ по *справкѣ* оказалось, умеръ. Впослѣдствіи же времени начальство нашло, что этотъ Ивановъ здоровъ и невредимъ и служить въ одной изъ частей той же полиціи квартальнымъ надзирателемъ. Но какъ же полиція сдѣлала такой промахъ? Дѣло въ томъ, что, по множеству дѣлъ, полиція, не прочитавъ Высочайшей конфирмаціи, послала ее по надписи на исполненіе по частямъ, и когда она прибыла въ ту часть, гдѣ служить Ивановъ, — пристава, по множеству дѣлъ также не прочитавъ рѣшенія, велѣлъ письмоводителю передать ее по надписи квартальному надзирателю Иванову. Этотъ исполнитель закона, какъ и всѣ на свѣтѣ квартальные, видѣлъ въ каждой полученной бумагѣ, какого бы содержанія она ни была, источникъ дохода; поэтому онъ очень обрадовался, когда прочелъ въ заглавіи указа: «такая-то уголовная палата слушала Высочайшую конфирмацію по дѣлу».... Но тутъ въ горѣ Иванова какъ будто застѣло все громадное рѣшеніе уголовной палаты: онъ прочелъ свою фамилію, чинъ и имя.... О! какъ трогательно и наивно отправленіе полиціею на исполненіе рѣшенія къ преступнику, который въ одно и тоже время нарушитель и возстановитель закона!... Умилился отъ такой наивности Ивановъ и понялъ, что если къ нему изъ сената пришло рѣшеніе никѣмъ не читанное, то оно пойдетъ и обратно тѣмъ же порядкомъ. Вотъ, недолго размышляя, онъ написалъ на рѣшеніи:

«Во исполненіе предписанія полиціи о разысканіи коллежскаго регистратора Иванова во вѣренномъ мнѣ кварталѣ, я прибылъ въ прежнее его мѣстожительство, въ домъ мѣщанина Калустина, который показалъ, что означенный, Высочайше конфирмованный Ивановъ умеръ во время холеры 1848 года, мѣсяца іюня, въ 5 часовъ и 2½ минуты по полудни; наслѣдниковъ, ниже родственниковъ и имуществъ не оказалось, кромѣ стараго сюртука, похороненнаго вмѣстѣ съ умершимъ».

Получено донесеніе, и дѣлу конецъ: вѣдь мы хлопочемъ только объ отпискѣ; донесъ *выщеряченный* Ивановъ, что онъ во время хо-

лери 1848 года умеръ; а собственное признаніе, видите, есть совершенное доказательство: вотъ полиція, не разобравши дѣла, и препроводила рапортъ квартальнаго въ палату, а та представила его въ сенатъ. Но здѣсь служилъ завзятый оберъ-секретарь, изъ правовѣдовъ; а это прескверный народъ, да и манеры у нихъ какія: всѣ палатскія донесенія разсматриваютъ и читаютъ съ большимъ вниманіемъ, будто бы они другимъ, болѣе порядочнымъ дѣломъ и заняться не могутъ.... этотъ-то неблагонамѣренный человѣкъ и дочитался въ дѣлѣ, что означенный Ивановъ не могъ умереть въ 1848 году, потому что онъ писалъ объясненіе палатѣ очень красивымъ почеркомъ еще въ 1850 году. Изъ другого же уголовного дѣла этотъ злой человѣкъ вывелъ справку, что онъ, Ивановъ, процвѣтаетъ въ должности квартальнаго надзирателя въ такой-то полиціи и производилъ по такому-то дѣлу въ 1852 году формальное слѣдствіе, за противозаконное производство котораго получилъ тогда же отъ сената строжайшій выговоръ. Вслѣдствіе такихъ аргументовъ Ивановъ ожилъ и пѣшкомъ слѣлалъ маленькую прогулку въ Сибирь.

Изъ этого примѣра открывается, что полиціи нерадиво исполняютъ не только распоряженія административныхъ присутственныхъ мѣстъ, но и судебныя рѣшенія; относительно же этихъ послѣднихъ—полиціи столь же виновны, какъ относительно первыхъ: судебныя мѣста обременяютъ полиціи тысячами дѣлъ, и та по своимъ средствамъ рѣшительно не можетъ исполнять ихъ требованій. Но чтобы это было нагляднѣе, разсмотримъ ихъ взаимныя отношенія по гражданскимъ дѣламъ: положимъ, какойнибудь уѣздный судъ имѣетъ 500 исковъ и тяжбъ въ производствѣ; по этимъ дѣламъ судъ посылаетъ повѣстки отвѣтчику для явки его къ суду; но какъ по большей части отвѣтчики имѣютъ привычку являться только за третьей повѣсткой, то судъ посылаетъ чрезъ полицію болѣе тысячи повѣстокъ. По явкѣ отвѣтчика въ судъ ему предъявляется *исковое прошеніе*, и онъ въ семидневный срокъ представляетъ суду свое *объясненіе* (*); эта бумага посылается судомъ въ полицію для объявленія истцу; истецъ представляетъ суду отзывъ подъ названіемъ *доказательства*, который идетъ тѣмъ же порядкомъ къ отвѣтчику; этотъ послѣдній подаетъ суду свой ультиматумъ подъ названіемъ: *опроверженіе*. Затѣмъ судъ приступаетъ къ составленію записки и тяжущіеся вызываются къ рукоприкладству; потомъ по окончаніи дѣла судъ вызываетъ тяжущихся къ выслушанію рѣшенія.

Такимъ образомъ судъ посылаетъ чрезъ полицію болѣе тысячи

(*) Судомъ по формѣ у насъ рѣшается самое меньшее число дѣлъ.

повѣстокъ на вызовъ къ суду, 500 объясненій, 500 опроверженій, 1,000 повѣстокъ на вызовъ къ рукоприкладству и 1,000 повѣстокъ на выслушаніе рѣшеній, всего слишкомъ 4,000 бумагъ; при нихъ слѣдуетъ столько же отношеній суда, которыя записываются полиціею во входящій журналъ. Эти отношенія отсылаются полиціями при подписяхъ къ квартальнымъ надзирателямъ на исполненіе, при чемъ они отмѣчаются въ исходящемъ журналѣ; потомъ, по представленіи квартальными росписокъ тяжущихся, его рапорты снова вносятся полиціею во входящій журналъ; затѣмъ полиція отправляетъ при отзывѣ своемъ дѣло въ судъ и оно записывается снова въ исходящій журналъ. Итакъ полиція записываетъ эти бумаги почти 9,000 разъ во входящій и столько же разъ въ исходящій журналъ; дѣлаетъ на нихъ около 9.000 подписей кромѣ 4,500 рапортовъ квартальныхъ и записыванія бумагъ въ настольные реестры исполнительнаго стола. Для сокращенія этой громадной, затруднительной и бесполезной переписки и для облегченія полиціи остается:

1) Или постановить, что суды должны посылать свои повѣстки на вызовъ отвѣтчиковъ къ суду чрезъ своихъ служителей; тяжущихся же обязать въ установленные сроки являться въ судъ для принятія *объясненій* и *доказательствъ*, въ противномъ случаѣ обвинить ихъ *безъ суда*.

2) Или же установить словесное, гласное судопроизводство.

3) Приведеніе же въ исполненіе рѣшенія возложить на прямую обязанность суда, какъ это дѣлается во многихъ европейскихъ государствахъ, — для чего учредить при немъ комиссара или пристава.

II. ПОЛИЦІЯ ЕСТЬ ВЛАСТЬ РАСПОРЯДИТЕЛЬНАЯ.

Полиціи и земскіе суды наблюдаютъ въ городахъ и уѣздахъ за благоустройствомъ и благочиніемъ: это есть прямая обязанность всѣхъ полицій во всѣхъ европейскихъ государствахъ; полиціи обязаны наблюдать за всѣмъ, что относится до внѣшняго порядка, за всѣмъ, что касается духовныхъ и матеріальныхъ благъ общества; поэтому внутреннее общественное спокойствіе и народное здравіе — вотъ предметы, которые собственно должны относиться до полиціи.

III. ПОЛИЦІЯ ЕСТЬ ВЛАСТЬ СЛѢДСТВЕННАЯ.

Какъ власть слѣдственная, полиція производитъ большую часть слѣдствій по дѣламъ и искамъ уголовнымъ и гражданскимъ.

Законодательство, предоставляя полиціямъ и земскимъ судамъ власть наблюдать за внутреннимъ общественнымъ спокойствіемъ и имѣя въ виду, что охраненіе личности и правъ собственности есть главное условіе, предоставило полиціямъ право и власть производить формальныя слѣдствія по всѣмъ дѣламъ, относящимся до нарушенія внутренняго общественнаго спокойствія. По этой причинѣ полиціи обременены въ настоящее время безчисленнымъ множествомъ уголовныхъ и гражданскихъ слѣдствій; число ихъ доходить до громадныхъ размѣровъ, и полиціи, имѣя множество другихъ дѣлъ и обязанностей, при всей ихъ добросовѣстности не въ состояніи управиться съ ними съ должной отчетливостью и расторопностью. Отсюда происходитъ двойное зло:

1) Слѣдственныя дѣла тянутся безконечно.

2) Хотя они имѣютъ формальности для обезпеченія ихъ правильности; но слѣдовательно, для ускоренія дѣлопроизводства, поступаютъ слѣдующимъ образомъ:

а) По большей части у частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей находятся подписанные священниками присяжные листы, которые, безъ дѣйствительной присяги, подписываются свидетелями и обыскными людьми.

б) Если требуется допросить большее число свидетелей или обыскныхъ людей, съ нихъ снимаются показанія нерадиво, и часто вы найдете въ дѣлѣ, что показаніе одного свидетеля подписываютъ множество другихъ.

Такимъ образомъ всякое слѣдственное дѣло становится у насъ одною формальностью; каждая полиція хлопочетъ только о томъ, чтобы *смахнуть*, по ихъ выраженію, дѣло—или въ другую полицію, или въ судъ, чтобы потомъ показать по отчетамъ или ревизорамъ, что всѣ эти дѣла окончены. Интересно посмотрѣть, что дѣлается въ полиціяхъ, когда ожидается ревизоръ: производство новыхъ дѣлъ останавливается, и ея канцелярія день и ночь занимается дѣланіемъ на залежалыхъ дѣлахъ надписей, для ихъ препровожденія во всѣ четыре стороны, или куда глаза глядятъ. По отчетамъ одной полиціи я прочелъ, что въ теченіе 1852 года было рѣшено по слѣдственному отдѣленію около 2,000 дѣлъ. Зная, что это отдѣленіе имѣетъ только одного начальника отдѣленія, одного столоначальника и нѣсколько канцелярскихъ служителей, я удивился такой необыкновенной дѣятельности; но секретарь полиціи, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, сказалъ мнѣ съ улыбкою: «эти 2,000 дѣлъ—хроническіе больные; съ такими недугами выписываются изъ больницы для того, чтобы имѣть удовольствіе поступить туда вновь чрезъ нѣсколько дней. Видите ли, —по случаю пріѣзда ревизора, всѣ эти дѣла отпра-

лены по надписямъ куда нибудь; уѣдетъ ревизоръ, и они вновь поступятъ къ намъ, такъ какъ до полноты и окончанія имъ еще далеко. Между тѣмъ полиція достигла цѣли: по отчетамъ показывается, что столько-то дѣлъ рѣшено; ревизоръ и высшее начальство остаются довольны; полиція получить или благодарность, или награды. Такъ точно поступаютъ части полицій и судебныхъ мѣстъ.» Сколько драгоценнаго времени, трудовъ, здоровья, бумаги и чернилъ потрачивается на это переливаніе изъ пустаго въ порожнее: и это у насъ называется дѣлопроизводствомъ и службой! Но кто тутъ виноватъ? Янисколько не виню полицейскихъ чиновниковъ. Тутъ одна причина: обремененіе ихъ такимъ количествомъ дѣлъ, которыхъ имъ физически невозможно обработать, какъ слѣдуетъ. По моему мнѣнію должно бы было отъ полицій отнять производство формальныхъ слѣдствій уголовныхъ и тѣмъ болѣе гражданскихъ. Это же будетъ возможно только при гласномъ, словесномъ судопроизводствѣ; порядокъ словесной расправы такъ упрощенъ, что настоящее дѣлопроизводство формальнаго слѣдствія сократится само собою. Что же касается до полицій, то, чтобы не отнимать отъ нихъ власти наблюдать за внутреннимъ общественнымъ спокойствіемъ, можно предоставить имъ власть производства предварительныхъ уголовныхъ слѣдствій, съ тѣмъ, чтобы преступленіе и преступникъ были ими преслѣдуемы по горячимъ слѣдамъ. По собраніи, безъ особенныхъ формальностей, свѣдѣній о преступленіи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, полиціи обязаны будутъ передать суду дѣло и лицо, для производства этимъ послѣднимъ формальнаго слѣдствія.

При такомъ порядкѣ—съ одной стороны полиція освободится отъ формальныхъ слѣдствій, то есть, труднѣйшихъ и многосложнѣйшихъ своихъ дѣлъ, что дастъ имъ возможность своевременно дѣйствовать относительно разысканія преступниковъ и преслѣдованія нарушителей законовъ; съ другой стороны—слѣдственныя дѣла ускорятся въ своемъ теченіи.

Кромѣ этихъ двухъ важныхъ послѣдствій, я нахожу еще слѣдующій поводъ къ предоставленію судебнымъ мѣстамъ производства формальныхъ слѣдствій: при настоящемъ порядкѣ уголовные суды видятъ въ дѣлахъ одну мертвую букву; дѣло и, какъ я ниже объясню, нравственная сторона каждаго дѣла исчезаетъ; когда же судъ будетъ лично производить формальное слѣдствіе,—предъ лицомъ его будетъ преступникъ, преступленіе и вся ихъ дѣйствительная обстановка. Но многіе имѣютъ то убѣжденіе, что слѣдствіе не должно производиться судомъ, а особымъ, для того установленными лицами; причина къ тому, по ихъ мнѣнію, слѣдующая: судьи, когда лично производятъ слѣдствія, увлекаются своимъ взглядомъ на дѣла, и этотъ

взглядъ становится основаніемъ ихъ рѣшенія; между тѣмъ какъ судья долженъ быть безпристрастнымъ обсуждителемъ дѣла, что одно только и можетъ обезпечивать правильность его рѣшенія. Этотъ доводъ совершенно справедливъ, только онъ относится настолько же къ слѣдователю, насколько къ судѣ; если слѣдователь пристрастенъ въ дѣлѣ, судья долженъ рѣшить дѣло согласно съ этимъ направлениемъ; слѣдовательно, вся разница между теперешнимъ порядкомъ и гласнымъ словеснымъ судопроизводствомъ—та, что въ настоящее время рѣшеніе дѣла въ зависимости отъ взглядовъ слѣдователя; тогда же оно будетъ зависеть отъ личнаго убѣжденія суда. Впрочемъ, и въ настоящее время законъ предоставляетъ суду право переислѣдовать дѣло, что весьма часто и случается. Поэтому вышеприведенный доводъ рѣшительно не имѣетъ здѣсь мѣста, и законъ изъ двухъ золъ долженъ выбирать меньшее: обезпеченіемъ безпристрастія суда во время производства слѣдствія служить гласность судопроизводства; предъ лицомъ общества судъ не будетъ ни истязать подсудимыхъ, ни предлагать имъ пристрастныхъ вопросовъ. При настоящемъ же порядкѣ, хотя законъ, въ огражденіе подсудимыхъ отъ пристрастія слѣдователей и повелѣлъ не производить слѣдствій безъ депутатовъ, со стороны тѣхъ вѣдомствъ, къ которымъ принадлежатъ подсудимые, — но это нисколько ихъ не обезпечиваетъ: военное и гражданское вѣдомство назначаютъ въ депутаты по большей части малосвѣдущихъ по судной части людей; иногда же гг. депутаты вовсе не присутствуютъ при слѣдствіяхъ, а по ихъ окончаніи только подписываютъ дѣла. Но если и допустимъ, что депутаты могутъ быть и дѣльные люди, то очень часто случается, что пока слѣдователь вызоветъ депутата, и преступникъ и преступленіе исчезаютъ.

IV. ПОЛИЦІЯ ЕСТЬ ВЛАСТЬ СУДИБНАЯ.

Полиція есть въ нѣкоторой степени трибуналъ уголовный и гражданскій (*).

а) По дѣламъ уголовнымъ она рѣшаетъ окончательно: о кражѣ-воровствѣ, о кражѣ-мошенничествѣ, о приѣмѣ украденной вещи, о запрещенномъ и безпошлинномъ привозѣ товаровъ, объ обманѣ въ торговлѣ, если цѣнность украденной вещи, запрещеннаго и обманомъ проданнаго товара не превышаетъ 15 р. сер. и если такого рода противозаконныя дѣйствія учинены не болѣе какъ въ третій разъ, и притомъ людьми неиззятыми отъ тѣлеснаго наказанія, исключая купцовъ третьей гильдіи и мѣщанъ.

(*) Ст. 3,966—3,969. т. II, учр. губер. полиц. управл. и ст. 2,046, т. X.

б) По обидамъ, ущербамъ и убыткамъ — полиціямъ предоставлено окончательно рѣшать дѣла на 15 р. сер.

Вникнувъ въ эти постановленія, мы не можемъ не признать ихъ практической пользы. По теоріи, предъ лицомъ закона должно быть все равно, — нарушено ли право на маловажную или большую сумму; на практикѣ же мы находимъ, что въ нѣкоторой степени это общее правило можетъ быть ограничено. Но это ограниченіе должно дѣлаться съ чрезвычайною осторожностью, и нужно придерживаться при этомъ того общаго начала, чтобы это исключеніе не перешло въ совершенное нарушеніе правды. По нашимъ законамъ, всѣ лица имѣютъ одинаковое право на судъ и равны предъ нимъ: никто не вправе нарушить чужаго права; поэтому каждое лицо, какого бы незначительнаго званія оно ни было, вправе требовать къ суду, занимаящее самое высокое общественное положеніе, — это общее правило. Власти же судебныя и полицейскія, возстановляющія нарушенное право, имѣютъ различныя степени; эти степени имѣютъ видъ привилегій судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ на окончательное рѣшеніе ими извѣстнаго рода дѣлъ, и на такія рѣшенія не принимаются въ высшихъ инстанціяхъ никакія жалобы.

Хотя такія привилегіи теоретически и не могутъ быть оправданы, потому что всѣ имѣютъ одинаковое право на судъ; но практически, если обществу отъ этихъ привилегій приносится польза, то онѣ могутъ быть допускаемы законодательствомъ. Въ такомъ смыслѣ можно допустить и окончательное рѣшеніе незначительныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ полиціями. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ о томъ, должно ли за воровство — мошенничество соразмѣрять наказаніе съ цѣною уворованной вещи, но какъ скоро эта соразмѣрность допускается законодательствомъ и воровство на 15 р. сер. считается маловажнымъ преступленіемъ, за которое полагается только исправительная мѣра, то полезно такія дѣла скоро и окончательно производить въ полиціяхъ. Наказанія, возлагаемыя на преступниковъ за подобныя дѣла, не могутъ никого — ни сдѣлать несчастнымъ, ни разорить; между тѣмъ польза та, что дѣлопроизводство полиціи, даже тамъ, гдѣ существуетъ публичный судъ, имѣетъ меньше формальностей, нежели въ судилищахъ, а потому участь преступниковъ скорѣе рѣшается, и лица, право которыхъ нарушено, получаютъ своевременно возмездіе. Это же самое можно сказать и на счетъ дѣлъ объ ущербахъ, убыткахъ и безплатной продажѣ запрещенныхъ товаровъ; рѣшеніе этихъ дѣлъ, суммою въ 15 р. сер., не можетъ никого разорить, скорымъ же рѣшеніемъ дѣла пресѣкается зло. По этимъ причинамъ дѣла подобнаго рода и степень власти по нимъ полицій должны сохраниться, принося на прак-

тивъ существенную пользу, въ то время какъ степень власти палатъ и коммерческихъ судовъ, (*) перейдя предѣлы возможнаго ограниченія общаго правила, что всѣ лица равны предъ закономъ и судомъ, — нарушаютъ правду.

ГЛАВА III.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Судоустройство наше нужно разсматривать съ двухъ сторонъ: *внѣшней* и *внутренней*; къ первому относятся матеріальныя средства судей и канцеляріи суда, ко второму порядокъ его дѣлопроизводства, извѣстный подъ названіемъ *судопроизводства*.

а) *Матеріальныя средства суда*—самыя ограниченныя: жалованье судей и канцелярскихъ чиновниковъ достаточно имъ едва на наемъ квартиры, а въ большихъ городахъ ихъ жалованье не можетъ удовлетворить и этой потребности. Поэтому неудивительно, что поступающій въ канцелярію суда или въ судьи разсчитываетъ или на *добродотныя приношенія* или прямо на явное взяточничество и вымогательства. Тутъ сколько ни проповѣйдуте ему про чистоту нравовъ, добросовѣстность, долгъ, онъ вамъ въ отвѣтъ скажетъ: у меня большая семья, а ее нужно прокормить; дайте мнѣ приличное жалованье, и тогда требуйте отъ меня безкорыстія». Какъ ни гнусно въ моихъ глазахъ взяточничество, но я съ удовольствіемъ даю бѣдному чиновнику цѣлковый или даже болѣе за ускоренное исполненіе имъ моего ходатайства сдѣлать своевременно справку или составить свое-временно докладъ по моему дѣлу; если въ этомъ случаѣ, при трудѣ и усердіи чиновника, судъ не вознаграждаетъ бѣдняка, то совѣсть мнѣ велитъ вознаградить его, хотя съ моей стороны.

Системы содержанія судебныхъ мѣстъ различны; всѣ онѣ разобраны въ статьѣ I. К. «О правильности дѣйствій чиновниковъ» (въ «Современникѣ», № 3, за 1858 годъ). Соглашась во многомъ съ авторомъ этой статьи, въ которой высказано, если можно такъ выразиться, много прочувствованныхъ авторомъ общественныхъ мыслей, при всемъ этомъ я не могу раздѣлить его мнѣнія относительно содержанія судовъ на счетъ государства.

Приведши нѣкоторые данныя изъ Бентама, г. I. К. приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Изъ этого ясно видно, что налогъ на всѣхъ членовъ государства гораздо справедливѣе налога на однихъ тяжущихся лицъ. Во

(*) Этотъ вопросъ будетъ предметомъ особенной статьи. *Прим. авт.*
Т. LXXIII .Отд. I.

всякомъ случаѣ, какъ бы велики ни были налоги, назначенные правительствомъ для обезпеченія участи чиновниковъ, они гораздо будутъ меньше тѣхъ, которые будутъ взыскиваемы тайно самими чиновниками, не могущими жить однимъ жалованьемъ».

Для того, чтобы судить о выводѣ г. І. К., нужно вникнуть въ сущность основаній Бентама:

А) Бентамъ опровергаетъ мнѣніе Смита, что сторона оправданная судомъ должна уплачивать суду издержки на его содержаніе, подобно страждущему больному, обращающемуся къ врачу; нельзя не согласиться съ Бентамомъ, что подобное постановленіе было бы несправедливо; только его доводы, или лучше, его точка зрѣнія неосновательны: основаніемъ своего вывода онъ принимаетъ: а) что истецъ оправданный имѣетъ мало выгодъ отъ выигрыша тяжбы, б) что каждый истецъ есть воинъ, сражающийся противъ беззаконія. Первое данное неосновательно: выигравшій тяжбу не всегда лишентъ выгодъ; выигрываетъ тяжбу или истецъ или отвѣтчикъ; первый изъ нихъ отыскиваетъ отъ втораго свое имущество и, выигравши процессъ, пріобрѣтаетъ это имущество. Если же у него есть расходы, то ему предоставляется искать убытки съ отвѣтника.

Б) По мнѣнію Бентама, каждая тяжба, каждый процессъ уничтожаетъ по крайней мѣрѣ тысячу преступленій; поэтому каждый истецъ является у него въ видѣ воина, преслѣдующаго беззаконіе.

Мнѣ кажется, что каждая философско-юридическая мысль должна вытекать изъ сущности предмета, ею обнимаемаго. По этой прищипѣ невольно рождается вопросъ: откуда должна возникнуть идея Бентама? Естественно, чтобы прійти къ его заключенію, нужно принять, что судъ есть орудіе устрашающее и потому только въ обществѣ не совершаются преступленія и противузаконія, что въ государствѣ существуютъ суды. Что дѣйствительно въ этомъ заключается мысль Бентама приведемъ его собственныя слова: «Положимъ напр., что на миллионъ жителей будетъ тысяча дѣлъ въ годъ. Безъ этихъ дѣлъ, безъ приговоровъ по нимъ беззаконіе подняло бы голову; на него бы не было другой узды, кромѣ личной силы человѣка. Поэтому въ равное продолженіе времени могъ бы произойти миллионъ беззаконій; то изъ этого слѣдуетъ, что всякій, заводящій жалобу, предупреждаетъ тысячу преступленій.» Эгогъ софизмъ совершенно парадоксаленъ; онъ отвергаетъ общественную нравственность, представляетъ общество въ видѣ сборища преступниковъ, злодѣевъ, безсовѣстныхъ людей, которые не нарушаютъ законовъ единственно изъ страха наказанія. При этомъ Бентамъ совершенно упустилъ изъ виду, что не законы предшествуютъ обществу, а общество законамъ; что изъ нуждъ и потребностей общества возникаютъ

первоначально обычаи, изъ которыхъ образуется законодательство; общественная нравственность заступаетъ его мѣсто и караетъ преступленіе; самое учрежденіе судилищъ есть проявленіе общественной нравственности. Общество не есть явленіе случайное, его основа — природа человѣка и ея свойства; на этихъ двухъ данныхъ зиждутся всѣ его учрежденія. Поэтому мысль, что будто общественная нравственность есть слѣдствіе существованія судилищъ совершенно ложна; первая есть основаніе, второе же — послѣдствіе, а не наоборотъ. Вглядитесь въ общество, рассмотрите дѣла судебныхъ мѣстъ, и вы убѣдитесь на практикѣ въ ложности основанія Бентама. Къ какому нибудь заключенію о предметѣ приходятъ обыкновенно въ томъ случаѣ, если въ пользу его больше данныхъ, нежели противъ него. Кто является карателемъ беззаконія, воиномъ правды въ обществѣ? По словамъ Бентама, эту роль играютъ истцы. Да, это было бы дѣйствительно такъ, еслибы истцы большею частью были совершенствомъ совѣстливости; на практикѣ же мы видимъ, что значительная часть тяжбъ начинаются истцами неправильно; истцы часто бываютъ люди неблагонамѣренные, ябедники, ведущіе процессы съ своекорыстными цѣлями, а иногда даже отъ праздности или желанія вредить ближнему. Какъ же послѣ этого придавать тяжбѣ и процессамъ такой высокій характеръ, какъ Бентамъ? У него истецъ — какой-то герой, который мечемъ правосудія караетъ преступленіе, между тѣмъ какъ на практикѣ выходитъ вовсе иное: правда бываетъ у отвѣтчика или наравнѣ, или больше, нежели у истцовъ. Но въ опроверженіе всего сказаннаго мною, многіе, можетъ быть, возразятъ: ваши показанія, что истцы по большей части неправы, — голословны. На это я отвѣчу: къ заключенію своему я пришелъ посредствомъ опыта и наблюденія на практикѣ; но если для васъ этого недостаточно, мы можемъ прійти къ такому заключенію путемъ философскимъ, выкинувъ въ сущность значенія истца. Что такое истецъ? Лицо, требующее отъ судилища возстановленія его права, нарушеннаго другимъ лицомъ. Но чтобы нарушить чье нибудь право, нужно имѣть на то средства, возможность и время; а это въ дѣлахъ гражданскихъ по большей части возможно только между людьми, находящимися въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ: людямъ незнакомымъ никто не дастъ денегъ, никто не вступаетъ съ ними въ договоры и обязательства, никто имъ не поручитъ дѣлъ своихъ. Съ кѣмъ ведутся процессы за имущество? По большей части съ родственниками, близкими или дальними, или съ людьми, которые пользовались нашимъ довѣріемъ. Поэтому по большей части истцы доначатія тяжбы состоятъ въ дружбѣ съ отвѣтчиками. Случайныя столкновенія, наговоръ лю-

дей, подстреканіе адвокатовъ, гнѣвъ и другія дурныя страсти, вооружаютъ другъ противъ друга обѣ стороны; по большей части обѣ онѣ и виноваты. Въ подобномъ случаѣ каждый добросовѣстный чело-вѣкъ прежде, нежели опъ прибѣгаетъ къ защитѣ суда, обязанъ употреблять третейскій судъ: добросовѣстные люди, выбранные въ медиаторы спорящими, лучше всего могутъ разобрать дѣло, опре-дѣлить ихъ относительную виновность и согласовать ихъ интересы; но этого по большей части не бываетъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи. Раздраженный истецъ въ порывѣ подаетъ въ судъ про-шеніе въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ, въ которомъ вы-ставляетъ отвѣтчика отъявленнымъ негодяемъ и объявляетъ на него искъ въ самыхъ неумѣренныхъ и безсовѣстныхъ размѣ-рахъ. Отвѣтчикъ, раздраженный такою безсовѣстностью, сознавая даже свою виновность, считаетъ себя по совѣсти правымъ, если онъ не удовлетворяетъ истца. Послѣ этого, весьма позволительно усом-ниться, чтобы истецъ по крайней мѣрѣ у насъ могъ имѣть такое высокое значеніе, какое ему придаетъ Бентамъ.

В) Съ мнѣніемъ Бентама, что издержки на содержаніе суда не должны падать на невиннаго отвѣтчика, нельзя не согласиться; это такая истина, которую нечего доказывать. Основанія же Бентама относительно того, что издержки на содержаніе суда не должны падать на сторону обвиненную, неосновательны. Бентамъ говоритъ: «еслибъ хотѣли скинуть всѣ эти издержки на сторону, признанную несправедливою (хотя очень часто, по неясности факта или закона, нельзя открыть несправедливости ни съ одной стороны), то взыска-ніе могло бы имѣть мѣсто лишь по совершенномъ окончаніи ихъ дѣла. Въ такомъ случаѣ подобный приговоръ будетъ наказаніемъ, которое рождаетъ вопросы: заслуженное ли это наказаніе, въ со-стояніи ли подсудимый его перенести, и не слишкомъ ли оно велико или мало?...»

1) Издержки по суду должны быть взысканы по окончаніи дѣла; судъ, составляя приговоръ, опредѣляетъ и мѣру взысканія со стороны обвиненной; иначе это и быть не можетъ: виновность лица открывает-ся только по окончаніи процесса. Что же касается до заключенія Бентама, что очень часто, по неясности факта или закона, нельзя от-крыть несправедливости ни съ одной стороны, то на это возразить можно слѣдующее: а) законы должны быть ясны, въ противномъ случаѣ судъ долженъ испрашивать отъ законодательной власти раз-рѣшенія вопроса; такъ это дѣлается у насъ въ Россіи, по указу Петра Великаго, изображенному на зеркалѣ cadaго присутственнаго мѣс-та. Слѣдовательно судъ не можетъ никого ни обвинить, ни оправдать, не имѣя на то яснаго закона. б) Неясности факта дѣйствительно

часто случаются: предъ лицомъ суда—и преступленіе, и преступникъ; но доказательства того и другаго, хотя и ясны морально, но не юридически. Вообще нужно отличать доказательства юридическія отъ нравственныхъ: первыя облечены въ формальность и извѣстныя условія; вторыя заключаются въ совѣсти человѣка. Такъ напримѣръ, присяжныя показанія лишь двухъ свидѣтелей составляютъ совершенно юридическое доказательство; но бываютъ событія, гдѣ имѣется только одинъ свидѣтель, и это лицо, хотя бы оно было Сократомъ по добродѣтели, не имѣетъ юридическаго авторитета; законъ и судъ не приняли бы его показаній; а между тѣмъ по совѣсти, т. е. въ нравственномъ отношеніи, показанія и одного достовѣрнаго свидѣтеля составляютъ достаточное доказательство виновности даннаго лица. Но здѣсь рождается вопросъ: на кого въ подобномъ случаѣ должны падать расходы на содержаніе суда? Миѣніе Бентама такое, что расходы эти не должны падать ни на того, ни на другаго; миѣ же кажется, что въ этомъ случаѣ расходы должны падать на обѣ стороны. Истецъ, если даже и не достигаетъ юридическаго оправданія и вещественнаго удовлетворенія, то получаетъ удовлетвореніе моральное, за которое и обязанъ нести расходы по суду; судъ виноватъ въ томъ, что истецъ не облекъ своего праваго дѣла въ законныя формальности или что обстановка событія не имѣетъ въ себѣ этого характера; не имѣя юридическихъ данныхъ къ обвиненію отвѣтника, судъ по крайней мѣрѣ своею публичностью и формальнымъ слѣдствіемъ возбудилъ общественное миѣніе за истца; слѣдовательно, если непринесена истцу вещественная польза, то по крайней мѣрѣ — моральная. Отвѣтникъ же, ускользнувшій вслѣдствіе слабости уликъ, отъ наказанія, по всей справедливости долженъ нести расходы по суду, такъ какъ онъ нравственно все таки виновенъ.

II) Справедливо ли то, чтобы юридически обвиненная сторона несла на себѣ всѣ издержки по суду? Безъ сомнѣнія: — общество не нуждалось бы въ судилищахъ, если бы не было нарушителей закона и общественного порядка; поэтому всѣ издержки на содержаніе судилищъ должны падать на обвиненныхъ въ нарушенія общественного порядка. Но при этомъ Бентамъ, считая подобный приговоръ наказаніемъ, предлагаетъ вопросъ: «заслуженное ли это наказаніе, въ состояніи ли будутъ подсудимые его нести, и не слишкомъ ли оно велико или мало?» Что это наказаніе справедливо, это я выше сказалъ; относительно же того, въ состояніи ли его перенести подсудимый или нѣтъ, — до этого ни суду, ни обществу нѣтъ дѣла; если кому назначается наказаніе, его не спрашиваютъ, пріятно ли оно ему или непріятно? Каждое наказаніе, какъ бы оно незначительно

ни было, имѣть жестокий характеръ; полной же соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ человѣческой умъ никогда не достигаетъ. Поэтому, если, по ограниченности человѣческаго ума, всѣ наказанія несоизмѣрны преступленіямъ, то почему въ настоящемъ случаѣ дѣлать ограниченія? Мнѣ кажется, по дѣламъ гражданскимъ, можно бы ввести соразмѣрность штрафа съ виною; истецъ и отвѣтчикъ должны уплатить суду извѣстный процентъ съ суммы иска, смотря потому, кто обвиненъ — первый или второй; первый долженъ въ этомъ случаѣ уплатить извѣстный процентъ съ суммы, имъ искомой; а второй — съ той суммы, къ уплатѣ которой онъ обвиняется. Въ уголовныхъ же дѣлахъ должно быть принято такое начало: чѣмъ выше преступленіе, тѣмъ больше и штрафъ денежный въ пользу судей. Относительно же мѣры штрафа, по гражданскимъ дѣламъ, онъ не долженъ быть ниже 5 процентовъ и не выше 10 процентовъ съ рубля. Опредѣленіе же штрафовъ по дѣламъ уголовнымъ есть дѣло положительнаго законодательства и не входитъ въ сферу настоящей статьи.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что по даннымъ Бентама никакъ нельзя вывести, что повинность содержанія судилищъ должна лежать на обязанности цѣлаго государства. Но почему же эта система существуетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ и осуществляется ли она въ нашемъ отечествѣ? Сомнительнымъ кажется, чтобы общество руководствовалось началами, изложенными Бентамомъ, при введеніи этой системы; ближе всего, они принимаютъ для нея слѣдующія основанія: 1) Судилище есть потребность цѣлаго государства и каждый гражданинъ можетъ имъ пользоваться; это начало, хотя съ перваго взгляда и кажется основательнымъ, но, какъ я выше показалъ, мирные граждане невиновны въ томъ, что существуютъ нарушители порядка. 2) Нѣкоторые законодательства имѣютъ въ виду, что содержаніе судей можетъ быть обезпечено въ томъ лишь случаѣ, когда оно *опредѣленное*; когда же оно будетъ зависѣть отъ количества и качества тяжбъ, то эта неопредѣленность можетъ имѣть послѣдствіемъ своимъ то, что судьи останутся безъ куска хлѣба, если въ судъ поступитъ въ теченіе года всего нѣсколько дѣлъ, и то не состоятельныхъ лицъ. Согласенъ съ этимъ; но въ подобномъ случаѣ каждый судья долженъ имѣть свои штаты. Городъ городу рознь: въ одномъ жизнь дешевле, въ другомъ дороже; въ одномъ болѣе удобствъ къ жизни, въ другомъ менѣе; въ одномъ больше жителей, въ другомъ меньше. Но подобное опредѣленіе содержанія будетъ чрезвычайно стѣснительно для правительства; наконецъ, какими данными оно можетъ руководствоваться при опредѣленіи величины этого содержанія? Мнѣ кажется, что нѣтъ суда во

всей русской имперіи, гдѣ было бы въ теченіе года меньше 100 дѣлъ; положительно же мнѣ извѣстно, что есть суды, въ которыхъ бываетъ въ годъ и нѣсколько тысячъ. Само собою разумѣется, что если бы существовали суды, которые, по малочисленности дѣлъ, не могли содержать себя, то въ этомъ случаѣ могутъ при министерствѣ юстиціи существовать особенныя суммы на приличную поддержку ихъ; большая же часть судовъ въ Россіи могла бы содержать себя изъ дѣлъ ими производимыхъ. У насъ въ Россіи уѣздные суды, палаты и сенатъ получаютъ содержаніе отъ правительства изъ суммъ государственнаго казначейства, — изъ этого слѣдовало бы заключить, что эта повинность падаетъ на цѣлое государство? Этотъ вопросъ разрѣшается косвенно: а) истцы и отвѣтчики производятъ въ судахъ дѣла свои на гербовой бумагѣ, и сборъ съ нея довольно значителенъ; б) при подачѣ иска вносятся исковыя пошлины; в) штрафы, падающіе на сторону обвиняемую, идутъ — одна половина въ пользу казны, другая въ пользу судей. По неизмѣннѣю официальныхъ данныхъ, мнѣ неизвѣстенъ бюджетъ прихода по этимъ статьямъ и расхода на содержаніе судовъ; а потому я не могу заключить о томъ: соразмѣрно ли одно другому; но если предположить, что эти статьи прихода соотвѣтствуютъ издержкамъ казны на суды, значитъ — у насъ расходы на содержаніе судовъ лежатъ на обязанности стороны обвиненной, потому, что расходы на гербовыя и исковыя пошлины должна уплатить эта сторона; если же не истецъ, ни отвѣтникъ не оправдывается, то эти расходы несутъ оба.

При предположеніи же, что доходы государства въ судахъ меньше несомнаго казною расхода, заключить должно, что у насъ система смѣшанная, т. е. и все государство, и тяжущіеся въ частности несутъ эти расходы. Но во всякомъ случаѣ, справедливо ли первое или второе мое заключеніе, а мнѣ кажется, что суды получили бы достаточное содержаніе, если бы гербовымъ, исковымъ и апелляціоннымъ пошлинамъ и штрафамъ дали слѣдующее направленіе: всѣ они должны быть взыскиваемы въ пользу тѣхъ судовъ, которые ихъ взыскиваютъ. Теперь апелляціонныя пошлины поступаютъ въ приказъ общественнаго призрѣнія (*); но эти благотворительныя учрежденія, по большей части, въ настоящее время вовсе не нуждаются въ этихъ суммахъ.

Слѣдственно я ничего новаго не предлагаю, а направляю только суммы изъ одного мѣста въ другое. Всякій, знающій нынѣшній порядокъ сбора казною денегъ за употребленную въ судахъ, вмѣсто гербовой, простую бумагу, согласится со мною, что при всеобщемъ

(*) Ст. 3711 т. X.

нерадѣннѣи по этому предмету, выказываемому всѣми присутственными мѣстами, сборъ этотъ далеко не достигаетъ той цифры, какой бы могъ достигнуть: большая часть суммъ по этому предмету считается въ казенныхъ палатахъ недоимочными и ждетъ всегда какого нибудь Всемпложивѣйшаго манифеста, который ихъ погашаетъ. Когда же государство обратитъ эти суммы въ пользу судовъ, взысканіе будетъ успѣшнѣе, какъ вообще это дѣлается по каждому частному дѣлу. При всякой другой системѣ содержанія судовъ, чрезвычайно трудно будетъ опредѣлить соразмѣрность жалованья съ трудами судей; при предлагаемой же мною системѣ это неудобство само собою устраняется: чѣмъ больше въ судѣ будетъ дѣлъ, тѣмъ больше трудовъ будутъ носить члены его и канцелярія, но за то тѣмъ значительнѣе будетъ для нихъ вознагражденіе.

Но чтобы еще болѣе увеличить средства судовъ, слѣдуетъ соединить уѣздные суды съ магистратами; въ настоящее время сдѣлавъ уже шагъ къ этому соединенію: всѣ дѣла, въ которыхъ прикосновенны купеческое и мѣщанское сословія съ дворянскими или съ разночинцами и иностранцами, разсматриваются общимъ присутствіемъ уѣзднаго суда и магистрата, подѣ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи; порядокъ этихъ дѣлопроизводствъ слѣдующій: если истецъ—купецъ или мѣщанинъ, а отвѣтчикъ—дворянинъ или разночинецъ, тогда дѣло производится въ уѣздномъ судѣ, а члены магистрата приглашаются въ его присутствіе для совѣстнаго рѣшенія дѣла; въ противномъ же случаѣ бываетъ наоборотъ: магистратъ приглашаетъ къ себѣ членовъ уѣзднаго суда. Но подобный порядокъ въ высшей степени неудобенъ: канцелярія обоихъ судовъ стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ по такимъ дѣлопроизводствамъ; члены же судебныхъ мѣстъ, обремененные дѣлами своихъ собственныхъ присутствій, нерадивы къ дѣламъ смѣшаннымъ: повтому благая цѣль закона, сопряженная съ устройствомъ этихъ общихъ присутствій, рушится. Мнѣ кажется, что лучше всего было бы для обоихъ этихъ судовъ, если бы они оба были соединены въ одинъ судебный трибуналъ, подѣ общимъ названіемъ *Императорскаго уѣзднаго суда*. Предсѣдатель этого суда долженъ выбираться совѣстно дворянствомъ и купечествомъ всѣхъ трехъ гильдій; затѣмъ непосредственно дворянство выбирать отъ себя двухъ членовъ, купечество и мѣщанство — двухъ, и сельскіе обыватели — двухъ. Канцелярія суда раздѣляется на три отдѣленія: уголовное, гражданское и крѣпостное, имѣющія каждое своего самостоятельнаго секретаря. Канцелярія суда должна находиться подѣ непосредственнымъ начальствомъ и вѣдѣніемъ уѣзднаго стряпчачаго, наблюдающаго за правильнымъ ея дѣлопроизводствомъ, и вся отвѣтственность по этому предмету ле-

жить на всемъ: вслѣдствіе этого, назначеніе секретарей и канцелярскихъ чиновниковъ суда зависить отъ его усмотрѣнія и представленія г. министру юстиціи. Необходимость подчиненія канцелярій суда непосредственному вѣдѣнію уѣзднаго стряпчаго я основываю на томъ же началѣ, какое принято въ правительствующемъ сенатѣ, гдѣ начальники канцелярій по департаментамъ суть оберъ-прокуроры; это начало заключается въ томъ, что уѣздный стряпчий есть блюститель законнаго дѣлопроизводства суда; вслѣдствіе этого всѣ журналы суда имъ просматриваются, и безъ его отиѣтки: «читать» ни одно опредѣленіе суда не можетъ быть приведено въ исполненіе. Но при настоящемъ порядкѣ, когда канцелярія суда состоитъ въ вѣдѣніи судей, роль стряпчаго въ судахъ не имѣетъ положительнаго, а сохраняетъ только отрицательный характеръ; вслѣдствіе этого, по большей части просмотръ стряпчимъ журналовъ становится одною формальностью и благая мысль закона, учредившаго эти должности, не достигается цѣли: стряпчий, когда добросовѣстенъ и безкорыстенъ, можетъ подавать протесты на противозаконное дѣлопроизводство канцеляріи суда; но въ рѣдкихъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ этимъ протестамъ, имѣя въ виду, что онъ за безпорядки суда не отвѣчаетъ. Когда же законъ вѣдѣнію и начальству стряпчаго подчинитъ все дѣлопроизводство судовъ, тогда, какъ начальникъ ихъ канцелярій, на которомъ будетъ лежать отвѣтственность за безпорядки, стряпчий будетъ имѣть положительное вліяніе на дѣлопроизводство. Отдѣленіе дѣлопроизводителей отъ судей будетъ также обезпеченіемъ безпристрастія и правильности дѣлопроизводства: дѣлопроизводители обязаны только изложить письменно все дѣло и рѣшеніе суда; они безпристрастно передаютъ бумагъ слова истцовъ и отвѣтчиковъ, показанія свидѣтелей, защиту адвокатовъ, содержаніе документовъ, мнѣніе судей и самое рѣшеніе. Имѣя такое значеніе, дѣлопроизводители суть только живыя машины, излагающія, что утверждаютъ лица прикосновенныя къ дѣлу и суду; въ такомъ смыслѣ, для избѣжанія пристрастія со стороны суда, дѣлопроизводители должны ему не подчиняться: въ этомъ случаѣ они будутъ излагать дѣло, какъ оно есть; въ настоящее же время, будучи въ зависимости отъ судей, они обязаны излагать дѣло согласно частнымъ цѣлямъ послѣднихъ. Обязанность судей заключается въ собираніи матеріаловъ, необходимыхъ для рѣшенія дѣла, и самое рѣшеніе дѣла; всѣ ихъ дѣйствія контролю канцелярій не подлежатъ; но эта послѣдняя обязана ихъ передать на бумагу во всей подробности и послѣдовательности, ничего не скрывая. Такимъ образомъ, хотя подчиненности не будетъ съ обѣихъ сторонъ, но судъ будетъ имѣть право требовать отъ канцелярій, чтобы все дѣлопроизводство было

ясно, полно, правильно; канцелярія же своимъ изложеніемъ всего дѣлопроизводства заставитъ судъ дѣйствовать правильно, такъ какъ его противозаконныя дѣйствія будутъ внесены въ записку канцеляріи. Таково мое мнѣніе относительно организаціи суда. Что же касается до мысли нѣкоторыхъ, что уѣздные суды не могутъ быть соединены съ магистратами, потому что съ совокупленіемъ дѣлъ двухъ судовъ во-едино, судьи будутъ обременены непомернымъ количествомъ дѣлъ, то въ опроверженіе этого можно сказать:

1) Со введеніемъ гласнаго, словеснаго судопроизводства сократится на половину, и даже болѣе, уголовное и гражданское дѣлопроизводство.

2) Въ большихъ городахъ, гдѣ купечество обширно, существуютъ коммерческіе суды, которые разбираютъ дѣла торговыя.

3) Уѣздные стряпчіе въ настоящее время успѣваютъ просматривать журналы уѣздныхъ судовъ и магистратовъ (*): почему же этого не могутъ сдѣлать и члены этихъ двухъ судилищъ?

Б. Внутреннее устройство судовъ.

I.

Письменное и словесное судопроизводство.

Внутреннее устройство нашихъ судовъ, по которому весь порядокъ дѣлопроизводства идетъ письменно, негласно и непублично, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ отсутствія правосудія въ нашемъ отечествѣ. Рутинеры, поборники этой системы, въ ея защиту приводятъ слѣдующія основанія:

1) Письменное дѣлопроизводство тѣмъ совершеннѣе изустнаго, что судьи могутъ обсудить, не торопясь, дѣло и примѣнить къ нему приличныя законы.

2) При публичномъ судѣ въ уголовныхъ дѣлахъ сообщники преступленія могутъ скрыть слѣды его, такъ какъ изъ процесса они увидятъ ходъ дѣла.

3) Состояніе подъ уголовнымъ судомъ есть безчестіе, и при гласномъ судопроизводствѣ честь тѣхъ, которые невинно будутъ вовлечены въ процессъ, помрачится.

(*) Исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ существуютъ городовые стряпчіе, которымъ подчинены магистраты.

4) Правосудіе становится игрушкою краснорѣчія и рѣшенія судебныхъ мѣстъ становятся отголоскомъ адвокатовъ.

Но всѣ эти начала неосновательны.

1) Письменное дѣлопроизводство во всѣхъ отношеніяхъ несовершенно изустнаго:

а) При настоящемъ порядкѣ судопроизводства, подачи исковыхъ прошеній, объясненій, доказательствъ и опроверженій — дѣла возрастаютъ въ неимоверныхъ объемахъ; есть дѣла въ тысячу и болѣе листовъ, и если адвокаты тяжущихся — такъ называемые *крючки*, которые поставляютъ юридическое краснорѣчіе въ многоглагольствованіи и темнотѣ, то въ такихъ дѣлопроизводствахъ не только судъ, но и самъ чортъ ногу сломитъ.

б) При письменномъ дѣлопроизводствѣ процессы тянутся безконечно, по несовершенству средствъ у судебныхъ мѣстъ къ передачѣ истцамъ и отвѣтчикамъ взаимныхъ ихъ объясненій и оправданій. Самые сроки, существующіе на подачу объясненій, значительно затягиваютъ дѣло.

в) Судьи при письменномъ дѣлопроизводствѣ видятъ одни письма, мертвыя буквы, и въ каждомъ дѣлѣ при такомъ порядкѣ исчезаетъ нравственная его сторона; изъ опыта мы знаемъ, что легче человѣкъ говорить неправду за-глаза и на письмѣ, нежели въ глаза и словесно; даже наше законодательство это предвидѣло, когда повелѣло для разысканія истины давать разнорѣчащимъ свидѣтелямъ *очныя ставки*. И дѣйствительно, кто былъ слѣдователемъ, тотъ знаетъ все могущество *очной ставки*: только закоренѣлые злодѣи, люди безъ всякой совѣсти и чести, могутъ нахально глядѣть противнику своему въ глаза и говорить ложь; по большей же части, когда тяжущіеся встрѣчаются лицомъ къ лицу предъ трибуналомъ, тотчасъ опытный судья можетъ узнать, какая изъ обѣихъ сторонъ правая.

Мы видимъ также, что при *судѣ по формѣ*, когда тяжущіеся призываются къ судоговоренію, очень часто враждебныя стороны выходятъ изъ суда друзьями; конечно, случается, что при упорствѣ и безсовѣстности какой нибудь стороны, вражда тяжущихся послѣ судоговоренія еще болѣе усиливается; но первое встрѣчается чаще. Эта-то моральная сторона независимо отъ другихъ началъ, есть одна изъ важнѣйшихъ основъ, недостающихъ въ письменномъ дѣлопроизводствѣ, при существованіи котораго процессы становятся дѣломъ праздности, (въ особенности у помѣщиковъ — охотниковъ до тяжбы), неблагонамѣренности и безпокойности характера!... Любопытно прослѣдить исковыя дѣла: въ нихъ тысячи хитросплетенныхъ фразъ, посторонностей и ложъ

ныхъ ссылокъ на законы—составляютъ главную основу; все это изложено безъ логической послѣдовательности и безъ всякихъ грамматическихъ правилъ, такъ что въ каждомъ дѣлѣ вы видите одно: желаніе повредить ближнему. При словесномъ судопроизводствѣ этого не будетъ: когда тяжущійся уклоняется въ дачѣ пріамаго отвѣта и когда онъ начнетъ говорить посторонности, судья направитъ его на сущность дѣла; при этомъ судья будетъ имѣть право предложить тяжущимся вопросы, клонящіеся къ разъясненію дѣла, чего нѣтъ при настоящемъ порядкѣ суда. Цѣль суда есть дознаніе истины и возстановленіе нарушеннаго права; поэтому онъ долженъ дать обѣимъ сторонамъ всѣ возможныя средства къ оправданію; а это возможно только при словесной расправѣ: тутъ судья можетъ дѣйствовать и нравственно и юридически на тяжущихся, можетъ войти во всѣ тонкости ихъ дѣла, можетъ ябедника уличить во лжи и правду вывести наружу. Эту истину болѣе всего знаютъ слѣдователи; разспросами, убѣжденіями, дѣйствуя всѣми силами ума на нравственность человѣка, они вынуждаютъ даже закоренѣлыхъ злодѣевъ сознаться въ истинѣ; само собою разумѣется, что здѣсь не говорится о тѣхъ слѣдователяхъ, которые допросъ не иначе начинаютъ, какъ прежде кулакомъ испытать крѣпость зубовъ подсудимыхъ.

Письменное дѣлопроизводство не есть облегченіе судьямъ, а есть бремя тяжелое: пока судья прочтетъ безграмотную докладную записку, писанную дурнымъ почеркомъ, глаза у него выйдутъ на лобъ и если въ головѣ его была капля здраваго смысла,—и та испарится. На это возразятъ мнѣ, что докладную записку обязанъ прочитывать присутствію секретаря.... Такъ написано въ законахъ; но дѣло въ томъ, что это не исполняется, а судьи читаютъ сами докладную записку—или въ присутствіи, или же у себя дома, на сонъ грядущій. Конечно, не безъ того, чтобы судьи не читали иногда со вниманіемъ докладныхъ записокъ; но правильно ли изложено въ нихъ дѣло?... На это мнѣ отвѣтятъ, что тяжущіеся имѣютъ право провѣрять эти записки и для этого учреждено такъ называемое рукоприкладство, что тяжущимся разрѣшено даже присутствовать при докладахъ. Но на это возражу: такъ какъ самая записка часто не читается судьями, такъ же точно не читается и сдѣланное на немъ рукоприкладство; притомъ не всегда тяжущіеся и пользуются этимъ правомъ; иногда имъ не позволяетъ время или отсутствіе, а часто они пропускаютъ установленные для того сроки; судья же, самый добросовѣстный, по множеству дѣлъ не можетъ войти въ разбирательство того хаоса, который извѣстенъ у насъ подъ названіемъ — *дѣла*; что же касается до присутствованія тяжущихся во время доклада, то этимъ правомъ никто не пользуется, такъ какъ

имъ по большей части неизвѣстно, когда суду благоугодно будетъ приступитъ къ рѣшенію ихъ дѣла.

г) При секретномъ судопроизводствѣ лица легко нарушаютъ чужое право и уклоняются отъ исполненія обязанностей своихъ къ другимъ, такъ какъ эта недобросовѣстность остается безгласною, а ихъ мало интересуется, какъ будутъ о нихъ думать судьи, лишь бы въ обществѣ имѣли о нихъ хорошее мнѣніе. Люди узнаются по ихъ дѣламъ; но какъ вы узнаете въ нашемъ обществѣ челоуѣка, когда всѣ его предосудительныя дѣла разсматриваются секретно въ полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ? Въ настоящее время нарушитель какого нибудь даннаго права является съ спокойнымъ лицомъ въ общество: ему извѣстно, что если изъ присутствующихъ мѣстъ въ общество пройдутъ какіе нибудь слухи о его продѣлкахъ, то одни примутъ эти толки за клевету, другіе за сплетни его враговъ. Публичный же судъ сорветъ съ каждаго негодяя личину добросовѣстности и покажетъ обществу всю наготу преступленія и проступка. Мнѣ случалось встрѣчать очень любезныхъ людей съ бородками и эспаньолками, которые производили фуроръ въ гостиныхъ, которые граціозно полькировали и говорили громко о чести и личныхъ достоинствахъ; но если бы существовалъ публичный судъ, милыя дамы, восхищающіяся этими львами, горько бы разочаровались: онѣ нашли бы въ нихъ развратниковъ, лишившихъ доброго имени цѣлыя семейства, безсовѣстныхъ обиралъ честныхъ и довѣрчивыхъ людей, которые считаютъ прекраснымъ дѣломъ имѣть долги, превышающіе ихъ состояніе.... Публичный судъ есть бичъ негодяевъ, бичъ немилосердый, который напоминаетъ каждому изъ нихъ, что онъ разоблачитъ рано или поздно всю гнусность ихъ поступковъ, всю грязь ихъ души и совѣсти.

д) При пастоящемъ, секретномъ дѣлопроизводствѣ судьи безнаказанно не исполняютъ возложенныхъ на нихъ обязанностей. Во всѣхъ законодательствахъ и въ нашемъ постановлено, что судьи не отвѣчаютъ за свои мнѣнія; это постановленіе совершенно справедливо: законъ не можетъ ограничить мысли и убѣжденія; если бы это было въ дѣйствительности, если бы за неправильныя рѣшенія положено было наказаніе, никто не пошелъ бы въ судьи; каждый имѣлъ свою точку зрѣнія, и высшія инстанціи могутъ въ сужденіи дѣла имѣть другой взглядъ на предметъ, нежели нижнія, и чрезъ это разногласіе судьи нижней инстанціи должны бы были подвергнуться отвѣственности. Вотъ почему совершенно справедливо во всѣхъ законодательствахъ постановлено, что судьи не отвѣчаютъ за мнѣнія. Но тамъ, гдѣ существуетъ публичный судъ, обезпеченіемъ правильности дѣйствій судей служитъ общественное мнѣніе. Общество само из-

бираетъ себѣ судей, и публичный судъ подвергаетъ его контролю ихъ дѣйствія; если судъ безсовѣстно рѣшаетъ дѣло, общество закидываетъ его грязью; сочувствіемъ своимъ къ правому дѣлу оно побуждаетъ судъ рѣшить тяжбу справедливо. Публичный судъ разоблачаетъ предъ обществомъ способности судей, ихъ умъ и совѣсть и даетъ намъ возможность судить о томъ, можемъ ли мы ихъ оставить на дальнѣйшее время или избрать новыхъ, болѣе достойныхъ. При настоящемъ же, секретномъ судѣ и существованіи постановленія, что судьи не отвѣчаютъ за свои мнѣнія, съ одной стороны общество остается въ совершенной неизвѣстности на счетъ того, что дѣлается въ судѣ, съ другой стороны—судьи, зная, что они отвѣчаютъ лишь за форму, наблюдаютъ только, чтобы въ дѣлѣ исполнены были всѣ обряды судопроизводства; а тамъ опредѣли они, что на вербѣ растутъ груши,—никому до этого нѣтъ дѣла и объ этомъ вѣдаютъ только тяжущіеся и высшая инстанція.

е) Что же касается до мнѣнія, будто при публичномъ и словесномъ судопроизводствѣ судьи не могутъ съ должной полнотою рассмотреть дѣло и примѣнить къ нему приличныя законы, то это совершенно ложно; выше я показатъ, что только при публичномъ словесномъ судѣ судьи могутъ разобрать дѣло со всѣхъ сторонъ и получить ясное понятіе о томъ, кто изъ тяжущихся правъ. Законы же должны быть всѣ въ памяти судей: выше было сказано, что въ судьи слѣдуетъ избирать юристовъ, испытанныхъ въ познаніи законовъ. Плохъ тотъ судья, который при рѣшеніи дѣла долженъ рыться въ законодательствѣ, чтобы отыскивать подходящія къ дѣлу статьи.

2) Второе опроверженіе противъ публичнаго суда,—что будто при его существованіи сообщники преступленія могутъ скрыть его слѣды,—совершенно неосновательно. Въ настоящее время слѣдственные дѣла производятся полиціями и весь ихъ успѣхъ зависитъ отъ быстроты дѣйствій слѣдователей; секретности въ этомъ случаѣ такъ же мало, какъ и въ публичномъ судѣ. Въ городахъ полиція дѣлаетъ формальныя розысканія, арестуетъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ и производитъ слѣдствіе гласно; для розысканія истины она должна допрашивать всѣхъ и каждого, кто, по ея мнѣнію, можетъ сказать что нибудь для открытія преступника или преступленія. Въ уѣздѣ точно такъ поступаютъ чиновники земскаго суда и временныя его отдѣленія. Секретность можетъ существовать только тамъ, гдѣ нѣтъ формальностей; предварительное же слѣдствіе, лишенное формальностей, есть только поводъ къ началу формальнаго слѣдствія, съ которымъ сопряжено столько обрядовъ, что дѣло становится гласнымъ; вызовъ депутатовъ, приводъ свидѣтелей къ присягѣ, осмотръ мѣста преступленія и самаго преступленія, равно орудій, кото-

рыми оно совершенно, въ присутствіи понятыхъ,—все это неминуемо ведетъ за собою гласность дѣла.... На это возражать мнѣ, что сообщники преступленія, хотя и извѣщаются о томъ, что производится дѣло; но имъ неизвѣстно, что преступникъ ихъ оговорилъ; поэтому они не скрываются и даютъ возможность полиціи себя арестовать. Но на это надо замѣтить, что *оговоры* при настоящемъ порядкѣ судопроизводства — страшное зло: загляните въ какое угодно уголовное дѣло,—и вы найдете, что преступникъ для избѣжанія скораго наказанія и для того, чтобы затянуть дѣло, оговариваетъ множество невинныхъ лицъ, такъ что есть слѣдственные дѣла, производящіяся по 10 и болѣе лѣтъ; иногда даже преступникъ взводитъ на себя множество разнородныхъ преступленій, совершенныхъ имъ будто бы во многихъ мѣстахъ, единственно съ намѣреніемъ протянуть дѣло и чтобы прискакать случай къ бѣгству во время пересылки его изъ одного мѣста въ другое. Изъ этого слѣдуетъ, что вообще должно съ большою осторожностью принимать оговоры и приступать къ производству слѣдствія по минимымъ преступленіямъ. Но вопросъ: какъ вы это сдѣлаете? Преступникъ объявляетъ вамъ, что онъ на дорогѣ или въ лѣсу въ такомъ-то мѣстѣ убилъ человѣка и сообщниками его были такой-то и такой-то. При настоящемъ порядкѣ разслѣдованія дѣла, полиція и земскіе суды отправляютъ дѣла на мѣсто совершенія преступленія для его дослѣдованія; слѣдователи арестуютъ оговоренныхъ лицъ и начинаютъ формальное слѣдствіе. По моему мнѣнію это верхъ несправедливости и нечестности; слѣдователь долженъ прежде потребовать отъ преступника самыхъ ясныхъ доказательствъ справедливости его показанія, и когда, по его мнѣнію, есть столько юридическихъ данныхъ, что оговоръ можетъ оправдаться, то въ этомъ лишь случаѣ онъ долженъ или самъ начать производство формальнаго слѣдствія или же передать это, кому слѣдуетъ. На оговоръ должно смотрѣть тѣми же глазами, какъ и на доносъ: какъ отъ этого послѣдняго требуются ясныя улики и доказательства, неоспоримыя, такъ точно должно требовать того же и отъ оговора. Когда же это возможно? Само собою разумѣется,—не при началѣ, а по окончаніи слѣдствія; поэтому арестовать лицъ оговоренныхъ должно только по окончаніи слѣдствія, когда виновность и участіе ихъ въ преступленіи совершенно доказана. Мнѣ возражать, что если оговоренныхъ лицъ арестовать лишь по окончаніи слѣдствія, то этихъ лицъ получаютъ возможность — или скрыть свое преступленіе, или бѣжать; на это отвѣчу: арестъ есть самъ по себѣ наказаніе, которому нельзя подвергать лица по недоказанному обвиненію; поэтому скажу словами Екатерины Великой: «лучше 10 виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго нака-

затѣ». Такимъ образомъ изъ сказаннаго открывается, что если по оговорамъ по окончаніи лишь слѣдствія подвергать оговоренныхъ лицъ аресту и суду, то предполагаемая секретность настоящаго дѣлопроизводства сама собою уничтожается, и гласность дѣла, сопряженная съ формальнымъ слѣдствіемъ, будетъ такимъ же отличительнымъ его свойствомъ, какъ и при публичномъ судѣ. Невольно вспоминаю здѣсь мысль, высказанную относительно оговоровъ Гоголемъ во второй части его «Мертвыхъ душъ»; ссылаюсь на его авторитетъ.

Разсмотрите любое уголовное дѣло, и вы не добьетесь въ немъ толку, о чемъ тамъ рѣчь идетъ: о томъ ли, что виновенъ преступникъ, или слѣдователи?... У насъ черезъ письменное дѣлопроизводство и неправильное принятіе оговоровъ изъ уголовнаго дѣла выходитъ совершенный вишегретъ всякой всячины.

3) Обвиненіе публичнаго суда въ томъ, что черезъ гласность онъ кладетъ клеймо безчестія на невиннаго, подвергшагося уголовному суду, — совершенно ложно; если кто нибудь преданъ уголовному суду и его невинность публично доказана, то этимъ онъ не только не подвергается безчестію, а напротивъ того, выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи. При секретномъ же дѣлопроизводствѣ состояніе подѣ уголовнымъ судомъ дѣйствительно есть безчестіе; публика въ этомъ фактѣ видитъ только виновность лица; оправданіе его отъ нея скрыто, поэтому она вправѣ подозрѣвать, что какія нибудь случайности, а не невинность вынудили его изъ дѣла. Часто слышимъ мы въ обществѣ слѣдующіе отзывы о подобныхъ лицахъ: «да, вѣдь онъ былъ подѣ судомъ!»! Но вѣдь онъ оправданъ, — отвѣчаете вы. «Богъ его вѣдаетъ, какъ онъ тамъ оправданъ» возразятъ вамъ, — и совершенно справедливо.

4) Въ заключеніе, въ публичномъ судѣ нападаютъ на краснорѣчіе, утверждаютъ, будто адвокаты изъ бѣлаго дѣлаютъ черное и обратно.... Но позвольте васъ спросить: развѣ адвокаты въ настоящее время не защищаютъ дѣла? Развѣ не отъ ихъ способностей и краснорѣчія зависитъ въ настоящее время успѣхъ дѣла? Только разница въ томъ, что при публичномъ судѣ адвокаты защищаютъ дѣло словесно, а у насъ письменно. Второе — требуетъ, чтобы юридическій слогъ достигъ возможной ясности, полноты и легкости; у насъ же судебный слогъ въ колыбели; безъ *сихъ, оныхъ, поелику, сказанный, вышеръченный, означенный*, не обходится ни одно прошеніе, ни одно рѣшеніе.... Нужно имѣть особенный навыкъ къ чтенію дѣловыхъ документовъ, чтобы съ разу понять о чемъ идетъ тамъ рѣчь. Словесная же защита дѣла гораздо яснѣе: въ ней употребляется обыкновенный разговорный слогъ, и если въ немъ и встрѣчаются юри-

дическіе термины, то они нисколько не затемяютъ рѣш. Юридическій, судебный слогъ нашъ до тѣхъ поръ не усовершенствуется, пока не будетъ словеснаго суда: тогда и адвокаты и судьи приучатся передавать свои мысли разговорнымъ языкомъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что при публичномъ судѣ можно выиграть тяжбу, вводя въ свою защиту разныя сторонности, выраженные напыщеннымъ слогомъ и наполненные риторическими возгласами; истинное адвокатское краснорѣчіе при словесной защитѣ состоитъ въ томъ, чтобы со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть предметъ, выражаясь яснымъ и легкимъ разговорнымъ языкомъ. Умный и дѣльный судья не увлекается софизмами и опозгизированіемъ преступленія; пороки и злодѣяніе не могутъ быть оправданы никакими риторическими выходками; пустословіе, пышныя фразы, — и на письмѣ, и на бумагѣ, — мншура и больше ничего. Если же адвокатъ, рассматривая предметъ, указываетъ на жизнь, образованіе, воспитаніе преступника, на отношенія его къ лицу, надъ которымъ онъ совершилъ преступленіе; указываетъ на нравственныя побужденія и на обстоятельства, сопровождавшія его злодѣяніе, и если подобной защитой адвокатъ раскрываетъ всю душу преступника предъ судомъ и тѣмъ побуждаетъ судъ, если не къ оправданію преступника, то по крайней мѣрѣ къ смягченію наказанія, — въ подобныхъ отношеніяхъ адвоката къ суду нельзя видѣть ничего предосудительнаго; напротивъ того, адвокатъ въ этомъ случаѣ есть такой же органъ правосудія, какъ и судъ. Такъ понимаютъ адвокатство во всѣхъ европейскихъ государствахъ, такъ бы слѣдовало понимать высокія обязанности адвокатовъ и въ нашемъ отечествѣ; но къ прискорбію адвокатство у насъ еще въ колыбели; самое законодательство наше дѣлаетъ только намеки на его существованіе въ законахъ о повѣренныхъ и присяжныхъ стряпчихъ.

II.

Производство дѣлъ безспорныхъ казны.

Казна во всѣхъ дѣлахъ о недвижимости и вообще по всѣмъ дѣламъ вотчиннымъ и о несостоятельности ея должниковъ подлежитъ вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ; только порядокъ дѣлопроизводства по этимъ ея дѣламъ не есть апелляціонный, а ревизіонный, т. е., дѣла подобнаго рода должны восходить въ правительствующій сенатъ на окончательное его заключеніе, хотя бы отъ казны низшими судами ничего не отсуждалось.

Подобный порядок совершенно справедливъ: общая судебная власть имперіи должна заботиться о возстановленіи нарушеннаго права, относится ли это къ цѣлому государству или къ какимъ нибудь его учрежденіямъ, т. е., обществамъ, городамъ, монастырямъ, церквамъ, архіерейскимъ домамъ, компаніямъ, кредитнымъ установленіямъ, попечительствамъ, учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ, или же къ частнымъ лицамъ.

Казна же съ своей стороны, такъ какъ ея интересы сопряжены съ счастьемъ, благоденствіемъ и могуществомъ цѣлой націи, удовлетворяетъ нуждамъ и потребностямъ которой она имѣетъ существенную обязанность, имѣетъ полное право требовать и желать, чтобы ея дѣла подверглись окончательному сужденію и рѣшенію всѣхъ судебныхъ инстанцій.

Вѣдомство же дѣлъ безспорныхъ казны, т. е., исковъ казны на частныхъ лицъ и обратно, по договорамъ и обязательствамъ, не выполнѣ удовлетворительно опредѣлено въ законодательствѣ: дѣла подобнаго рода разсматриваются и рѣшаются административными присутственными мѣстами, министерствами и главными управленіями, и на нихъ жалобы восходятъ въ 1-й департаментъ правительствующаго сената.

Почему казна довѣряетъ общимъ судебнымъ мѣстамъ разсмотрѣніе всѣхъ своихъ исковъ и тяжбъ о недвижимости, а взаимныя претензіи по договорамъ казны на частныхъ лицъ и обратно — не ввѣряются имъ? Многіе отвѣтятъ мнѣ на это: казна не довѣряетъ этимъ дѣламъ общимъ судебнымъ мѣстамъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) съ исполненіемъ договоровъ, заключенныхъ частными лицами съ казною сопряжено благополучіе цѣлаго государства, и если бы допустить разсмотрѣніе споровъ казны съ частными лицами общими судебными мѣстами, то въ экстренныхъ случаяхъ администраторы, стѣсненные въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлали бы капитальныя упущенія; 2) частныя лица при исполненіи заключенныхъ ими обязательствъ съ казною заводили бы неосновательные споры, единственно съ цѣлью уклониться отъ своевременнаго исполненія своихъ договоровъ по частнымъ своимъ видамъ и интересамъ, въ ущербъ государству.

Эти данныя, съ перваго раза кажущіяся основательными, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказываются не выполнѣ удовлетворительными:

1) Контрактъ, заключенный частнымъ лицомъ съ казною, по какому бы то ни было дѣлу, долженъ свято и ненарушимо сохраняться обѣими сторонами, какъ бы онъ былъ подписанъ собственноручно Государемъ Императоромъ; поэтому буквальное его исполненіе —

священная обязанность обѣихъ сторонъ, и никакое лицо не можетъ и не должно уклоняться отъ принятыхъ на себя добровольно по договору обязанностей, подъ страхомъ отвѣтственности предъ закономъ. Но это относится настолько же къ контрагентамъ, подрядчикамъ, поставщикамъ, откупщикамъ и оброкосодержателямъ, насколько къ административнымъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Могутъ быть случаи, когда административное мѣсто или лицо, превысивъ свою власть, нарушитъ отъ имени казны заключенный ею договоръ съ частнымъ лицомъ; такимъ образомъ нарушителемъ правъ частныхъ лицъ является не казна, а довѣренное ея лицо, администраторъ; это—то лицо должно подлежать отвѣтственности предъ судомъ за нарушение договора, который долженствовалъ быть свято и ненарушимо имъ соблюдаемъ; законъ не уполномочивалъ его нарушать то обязательство, которое должно имѣть такую юридическую силу, какъ бы оно было подписано рукою Государя.

Въ этомъ смыслѣ разбирательству судебныхъ мѣстъ будетъ подлежать вопросъ о дѣйствительности или недѣйствительности этого нарушения. Здѣсь вовсе не говорится о пріостановленіи исполненія договора: предъ закономъ казна права и чиста, и ея договоръ долженъ до конца сохранять свою обязательную силу; но при этомъ развѣ судъ не можетъ разобрать частное лицо съ администраторомъ? Вѣдь правительство за противозаконные поступки не само наказываетъ чиновниковъ, а передаетъ ихъ суду; отчего же этого не дѣлать и при неисполненіи договоровъ казны съ частными лицами?... Администрація во всѣхъ государствахъ такъ устроена, что чиновники данного министерства всѣ тѣсно связаны между собою и другъ друга защищаютъ; тутъ трудно избѣгнуть пристрастія: никто не можетъ быть судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Въ настоящее время, если администраторъ чувствуетъ свою виновность, онъ тысячу изворотами можетъ затянуть на безконечныя времена дѣло: справки и слѣдствія заволакиваютъ дѣла на многіе годы.

Даже казна нисколько не обезпечена при рѣшеніи администраторами ея споровъ съ частными лицами и претензій этихъ послѣднихъ на казну: тѣ же страсти и частные виды чиновниковъ руководствуютъ ими при удовлетвореніи претензій. Что же касается послѣдствій нарушения чиновниками правъ частныхъ лицъ, то само собою разумѣется, что если судебныя мѣста признаютъ претензіи частныхъ лицъ на казну справедливыми, то она должна немедленно удовлетворять своихъ контрагентовъ, сама же должна вѣдаться съ администраторами, введшими частное лицо въ убытокъ; контрагентъ вѣритъ казнѣ, а не чиновнику, который дѣйствуетъ только по ея уполномочию.

2) Когда у насъ будетъ установленъ публичный судъ и дѣла казны съ частными лицами будутъ разбираться въ этихъ судахъ, тогда высшее правительство будетъ имѣть средства и возможность слѣдить за дѣйствіями своихъ чиновниковъ. Въ этомъ смыслѣ я предполагаю, что полезно бы было установить слѣдующій порядокъ ответственности чиновниковъ за преступленія противъ должностей: когда чиновникъ предоставитъ себѣ власть нарушать какія нибудь права частныхъ лицъ, то эти послѣднія должны имѣть право требовать такого чиновника къ суду, какую бы должность онъ ни занималъ; но само собою разумѣется, что подсудность лицъ должностныхъ, смотря по степени ихъ власти, должна подлежать или общимъ судебнымъ мѣстамъ, или правительствующему сенату.

Въ настоящее время недовольный дѣйствіями чиновника жалуется его начальнику; этотъ послѣдній по произведеніи формальнаго слѣдствія, а иногда истребовавъ одно лишь объясненіе подчиненнаго, — если по личному его убѣжденію найдетъ чиновника виновнымъ, передаетъ дѣло губернскому правленію, и часто правленіе оправдываетъ чиновника; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда правленіе разнорѣчитъ съ мнѣніемъ губернатора, тогда дѣло идетъ въ сенатъ на его окончательное заключеніе; когда же правленіе не сходится мнѣніемъ съ палатою государственныхъ имуществъ и казенною, или съ другими учрежденіями, то завязывается между разными министерствами безконечная переписка: — вотъ почему въ министерствахъ по одному и тому же дѣлу пзъ оберъ-прокурорскихъ дѣлъ сената вы найдете по 20 повтореній.

При такомъ порядкѣ или лучше безпорядкѣ, нечего удивляться, что чиновники-администраторы позволяютъ себѣ нарушать во всѣхъ возможныхъ видахъ — не только права частныхъ лицъ, но и казны. Наша бюрократія, считая себя по такимъ даннымъ неприступною и по беззаконіямъ безнаказанною, горько ошибается въ своемъ расчетѣ; точно такъ, какъ частное лицо или казна съ большими успѣхами и пожертвованіями достигаютъ едва-ли возможнаго удовлетворенія при нарушеніи ихъ правъ администраторами, — такъ же точно администраторъ не достигаетъ удовлетворенія, когда сильный бюрократъ, его начальникъ, захочетъ его утопить и за бездѣлицу предать его суду. Мнѣ извѣстенъ такой господинъ, который болѣе 10 лѣтъ былъ подсудимъ за сущій пустякъ. Правосудіе никогда никому вредить не можетъ; неправосудіе, самовластіе и безнаказанность губительны какъ для тѣхъ, чье право нарушено, такъ и для нарушителей этого права; если мы безнаказанно нарушаемъ чужое право, другіе нарушатъ безнаказанно наше право. Общества и государства не могутъ быть организованы на неправосудіи и самоуправствѣ;

тѣмъ совершенноѣ они, чѣмъ строже отвѣтственность правительственныхъ лицъ и чѣмъ легче достигать удовлетворенія при превышеніи ими власти. До тѣхъ поръ не искоренятся у насъ злоупотребленія, пока частныя лица не будутъ имѣть права непосредственно требовать чиновниковъ прямо къ суду за противозаконныя ихъ дѣйствія. Гласность и публичность здѣсь такъ же необходимы, какъ въ общихъ судебныхъ дѣлахъ (*).

М. ФИЛИПОВЪ.

Сентября 29, 1858 г.
С. Окинно, Кіевской губерніи,
Звенигородскаго уѣзда.

(*) Ходъ судопроизводства отъ подачи прошенія до объявленія рѣшенія составляетъ предметъ особой статьи, по своей обширности; авторъ надѣется въ непродолжительномъ времени познакомить съ нимъ читающую публику.

РОБЕРТЬ ОВЭНЪ

И ЕГО ПОПЫТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

Вступленіе. — Первоначальная дѣятельность Овэна и приніе имъ въ управленіе Нью-Лэнерской хлопчатобумажной фабрики. — Состояніе фабрики до него: эксплуатація работниковъ капиталистами, какъ причина дурнаго хода дѣлъ на фабрикахъ. — Иден Овэна и мѣры, принятые имъ для улучшенія Нью-Лэнэра. — Возстановленіе довѣрія между хозяиномъ и работниками на фабрикахъ; училище въ Нью-Лэнэркѣ, по методу Овэна. — Общее вниманіе обращено на Нью-Лэнэркъ. — Временный успѣхъ Овэна, объясняемый состояніемъ англійскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія и ошибочнымъ пониманіемъ стремленій Овэна во всей Европѣ. — Адресъ Овэна Ахенскому конгрессу. — Дѣйствія Овэна въ парламентѣ, его пропаганда, борьба съ клерикальной партіей. — Путешествіе въ Америку и основаніе колоніи Нью-Гармони. — Возвращеніе въ Европу и основаніе Орбитонской колоніи, подъ управленіемъ Абрама Комба. — Новое путешествіе въ Америку и переговоры съ мексиканскимъ правительствомъ о Техасѣ. — Дѣятельность Овэна по возвращеніи въ Англію: пропаганда, участіе въ возстаніяхъ и предпріятіяхъ работниковъ; «община народнаго труда»; «дружеское общество рабочихъ» въ Манчестерѣ. — Поѣздка Овэна во Францію. — Основаніе колоніи Гармони-Голль. — Представленіе королю Викторіи. — Манифестъ Роберта Овэна по этому случаю. — Послѣдніе годы жизни Овэна. — Заключеніе.

Овэнъ представляетъ собою безспорно одно изъ самыхъ благородныхъ и симпатичныхъ явленій нашего столѣтія. Недавно (17 ноября 1858 г.) угасла его жизнь, полная смѣлыхъ предпріятій и великодушныхъ пожертвованій на пользу человѣчества, и никто даже изъ враговъ его идей не отказался помянуть его добрымъ словомъ. Личность Овэна до того привлекательна своимъ умнымъ добродушіемъ,

емъ и какимъ-то благодатнымъ, свѣтлымъ спокойствіемъ, его дѣятельность до того поражаетъ своимъ полнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальныя реформы, не могли однакоже относиться къ его личности безъ особеннаго уваженія и даже нѣкотораго сочувствія. Его обвиняли, какъ утописта, мечтающаго передѣлать все человѣчество, ему доказывали необходимость безуспѣшности его стремленій; но въ тоже время большая часть противниковъ не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположенія Овена были осуществимы. Лучшіе умы нашего столѣтія выражали свое сочувствіе Овену; даже государственные люди, князья и правители были одно время благосклонно заинтересованы его начинаніями. Къ сожалѣнію, у насъ — не только подробности теоретическихкихъ соображеній Овена, не только практическія его попытки, но даже самое имя его до сихъ поръ почти неизвѣстно большинству даже образованной публики. Вотъ почему мы считаемъ не безполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ жизнью и мнѣніями этого замѣчательнаго челоѣка, почти три четверти столѣтія въ старомъ и новомъ свѣтѣ безукоризненно служавшаго челоѣчеству.

Робертъ Овенъ родился въ 1771 г., въ Ньютонѣ, небольшомъ городкѣ графства Монгомери. Родители его были бѣдные люди и потому не могли дать ему хорошаго теоретическаго образованія. Заботясь только о томъ, чтобы сынъ ихъ имѣлъ возможность впослѣдствіи добывать себѣ хлѣбъ, они предназначили Роберта съ самаго ранняго возраста къ чисто-практической дѣятельности. Девяти лѣтъ онъ былъ уже сидѣльцемъ въ лавкѣ одного кунца и очень рано выказалъ необыкновенную практическую смѣтливость. Въ качествѣ купеческаго прикащика и повѣреннаго, онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Англіи и въ этихъ поѣздкахъ и торговыхъ сдѣлкахъ приобрѣлъ множество практическихъ свѣдѣній и даже успѣлъ составить себѣ нѣкоторый достатокъ. Восемнадцати лѣтъ Овенъ былъ уже въ долѣ у основателя обширной хлопчато-бумажной фабрики, Дэля, на дочери котораго потомъ онъ женился. Черезъ нѣсколько времени Дэль и совсѣмъ сдалъ на руки Овена свою фабрику, съ которой никакъ не могъ справиться. Это было въ 1789 г., и отсюда начинается блестящій періодъ практической дѣятельности Овена.

Чтобы оценить значеніе того, что здѣсь имъ сдѣлано, нужно предварительно познакомиться съ положеніемъ фабрики въ то время, когда она попала въ руки Оуэна.

Фабрика Дэля находилась въ Шотландіи, на берегахъ Клейда. Дэль основалъ здѣсь колонію Нью-Лэнэркъ и выбралъ для фабрики мѣсто, въ которомъ паденіе водъ Клейда представляло особенныя удобства для гидравлическихъ сооружений. Это обстоятельство было чрезвычайно важно въ то время, когда приложеніе пара къ фабричнымъ производствамъ было еще неизвѣстно. Но кромѣ этого удобства, Нью-Лэнэркъ не имѣлъ никакихъ залоговъ успѣха и скоро пришелъ, подъ управленіемъ Дэля, въ крайнее разстройство. Фабрика была основана въ обширныхъ размѣрахъ, и работниковъ на нее требовалось много; при этомъ, конечно, нельзя было дѣлать слишкомъ строгаго выбора. А между тѣмъ фабричная работа по самому существу своему не была въ то время особенно привлекательна. Индустріализмъ только-что началъ тогда въ Англіи приходить въ силу, и первый принципъ, приложенный имъ къ дѣлу, былъ—эксплуатація рабочихъ силъ посредствомъ капитала. Разумѣется, работникамъ не было сладко отъ этого, и на фабрики шли люди только оттого, что имъ было некуда дѣваться. Понятно, что такіе люди, принимаясь за фабричную работу при такихъ обстоятельствахъ, не обнаруживали слишкомъ большаго усердія къ своему дѣлу.

Они знали, что какъ ни работай, а все-таки много не получишь съ хозяина, который только и норовилъ, чтобы выжать изъ работника сколько можно большаго выгоды для себя. Вслѣдствіе такихъ понятій и такого порядка вещей, установившихся почти повсюду враждебныя отношенія рабочаго класса къ подрядчикамъ и заводчикамъ, — и обратно. Хозяинъ смотрѣлъ на своихъ работниковъ, какъ на вьючныхъ скотовъ, которые обязаны за кусокъ насущнаго хлѣба работать на него до истощенія силъ; работники въ свою очередь видѣли въ хозяинѣ своего злѣдѣя, который истощаетъ и мучитъ ихъ, пользуясь ихъ трудомъ и не давая имъ ни малѣйшаго участія въ выгодахъ, ими же ему доставляемыхъ. Само собою разумѣется, что не вездѣ въ одинаковой степени проявлялось эта несправедливость, потому что не во всѣхъ хозяйствахъ съ одинаковымъ безостыдствомъ эксплуатировали работниковъ; но основныя отношенія между тѣмъ и другими вездѣ были одинаковы. Основатель колоніи Нью-Лэнэрка, Дэль, былъ несколько не хуже, — и даже, можетъ быть, лучше, — многихъ другихъ фабрикантовъ; но слѣдующимъ образомъ обращеніемъ хозяевъ съ работниками, онъ ничемъ не хотѣлъ сдѣлать съ ними. Невыгоды его положенія увеличивались еще тѣмъ, что народъ, собравшійся къ нему на фабрику, дѣйствительно былъ избалованъ и развращенъ. Это

былъ всякій сбродъ изъ разныхъ странъ, повѣжественный, лѣни-
 вый и безнравственный. Такимъ образомъ скоро Нью-Лэнэръкъ даже
 превзошелъ въ нравственномъ безобразіи другія мануфактурныя
 колоніи, вообще неотличавшіяся нравственностью. Въѣсть съ равно-
 душіемъ къ работѣ явилась наклонность къ лѣни и праздности; ни-
 чтожность заработной платы, сравнительно съ выгодами всего пред-
 пріятія, и невозможность безъ чрезвычайныхъ приключеній выбрать-
 ся изъ печальной колѣи наемнаго работника—производили недоволь-
 ство, которое мало по малу переходило въ безпечность о будущемъ,
 равнодушіе къ своей участи и наконецъ въ тупую апатію ко всему
 хорошему. Когда же такимъ образомъ внутренняя опора честности
 и порядочности, внутренній возбудитель къ дѣятельности—исчезали,
 тогда уже не было возможности удержать эту массу людей, бросившую-
 ся во всевозможныя пороки и гадости. Въ Нью-Лэнэръкъ было 2000
 человекъ, и между ними едва можно было найти какой нибудь де-
 сятковъ людей, хоть нѣсколько порядочныхъ. Пьянство господство-
 вало между всѣми работниками въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ.
 Ни одинъ работникъ не могъ сберечь никакой бездѣлицы изъ своего
 жалованья: все пропивалось.... Если не доставало своихъ денегъ, то
 ни ко чему было — украсть что нибудь у товарища. Все надо было
 прятать подъ замками; чуть что плохо лежало, — ничему спуску не
 было въ Нью-Лэнэръкъ. Такое милое поведеніе обезпечивало, разу-
 мѣется, вѣчныя ссоры, безпокойства, жалобы и беспорядки въ ко-
 лоніи. Всѣ были на ножахъ другъ противъ друга, никто не могъ ни
 на кого положиться, никто не считалъ безопаснымъ себя и свое иму-
 щество.... Ко всему этому присоединялись путаница семейныхъ от-
 ношеній, безобразно стоявшихъ на полѣ-дорогѣ отъ формалистики
 пуританства къ практикѣ мормонизма или хлыстовщины. При всеоб-
 щей бѣдности и пьянствѣ работниковъ, это имѣло видъ грязный и
 гадкій болѣе, нежели гдѣ нибудь. Семейство не существовало; дѣти
 оставались не только безъ образованія, но даже безъ всякаго при-
 зора; и какъ только они немножко подрастали, ихъ брали въ работу
 на фабрику. Чему они тутъ могли научиться, объ этомъ ужъ и
 упоминать нечего; но кромѣ нравственнаго вреда, — и для самаго ихъ
 здоровья преждевременныя, однообразныя работы на фабрикѣ бы-
 ли чрезвычайно губительны. Большая часть тѣхъ, которые не умерли
 во младенчествѣ изъ-за небреженія старшихъ, погибала въ раннемъ
 возрастѣ, среди изнурительныхъ работъ и безпорядочной жизни на
 фабрикѣ. Такимъ образомъ вся колонія, испорченная и развращен-
 ная въ настоящемъ, не имѣла никакихъ шансовъ и въ будущемъ:
 нельзя было надѣяться даже на то, что вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ
 подрастетъ новое поколѣніе, которое будетъ лучше предъидущаго.

Дэль долго бился съ своими работниками, употребляя для ихъ исправленія обычныя средства хозяевъ: брань, строгія приказанія, уменьшеніе жалованья, вычеты, лишеніе мѣста, судебное преслѣдованіе. Ничто не помогало. На мѣсто прогнанныхъ поступали новые работники, и какъ бы они ни были хороши сначала, общій потокъ увлекалъ и ихъ спустя нѣсколько дней по ихъ вступленіи на фабрику. Работники, у которыхъ убавляли жалованье, старались за то болѣе лѣниться и не чувствовали особенной разницы въ своемъ положеніи, потому что вѣдь и прежде они пропивали все, что получали: конецъ концовъ выходилъ все тотъ же. А ужъ если недоставало и на выпивку, то всегда было подъ рукою легкое средство — украсть.... Лишенія мѣста рѣшительно никто не боялся, потому что никто не дорожилъ мѣстомъ; а брань хозяина даже намѣренно вызывалась, потому что многіе не безъ пріятности видѣли раздраженіе и безпокойство своего врага. Словомъ — не было, повидимому, никакихъ средствъ улучшить положеніе фабрики и самой колоніи, когда Дэль передалъ управленіе Нью-Лэнэркомъ Роберту Овэну.

Взявши на свои руки хлопчато-бумажную фабрику Дэля, Овэнъ нашелъ, что доходы съ нея были чрезвычайно ничтожны. Онъ немедленно принялся отыскивать причины дурного хода всей операціи. Первое, что ему бросилось въ глаза, было дурное качество товаровъ, приготовляемыхъ на фабрикѣ, и дурной ходъ всѣхъ фабричныхъ работъ. Зло, слѣдовательно, заключалось не въ постороннихъ помѣхахъ и затрудненіяхъ, а внутри, въ собственныхъ недостаткахъ фабричнаго производства. Разъ убѣдившись въ этомъ, Овэнъ рѣшился для успѣха предпріятія передѣлать организацію фабрики и всей колоніи. Онъ не хотѣлъ долго ждать, пока переимѣнятся сами собою обстоятельства, пока наберутся новые люди, народаются новыя поколѣнія. Двадцатилѣтній юноша, полный энергіи и увѣренности въ себѣ, онъ полагалъ, что самъ можетъ создать обстоятельства, какія ему нужны, и съ помощію новой обстановки преобразуетъ тѣхъ же самыхъ людей, которые теперь казались ни къ чему не годными. Несмотря на молодость свою, Овэнъ въ это время обладалъ уже большою опытностію и отлично зналъ людей. Развѣзая по разнымъ частямъ королевства, имѣя дѣло со множествомъ разнообразныхъ лицъ, онъ особенно поражался всегда громадностію того вліянія, какое имѣютъ на человѣка окружающія его обстоятельства. Постоянныя наблюденія и размышленія привели его къ мысли, которая съ теченіемъ времени все крѣпла въ немъ и наконецъ сдѣлалась девизомъ всей его дѣятельности. Мысль эта заключалась въ томъ, что человѣкъ по натурѣ своей ни золъ, ни добръ, а дѣлается тѣмъ или другимъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Въ

этомъ заключеніи Овэнъ представляетъ средину между мрачными теоріями средневѣковыхъ фанатиковъ и розовымъ воззрѣніемъ Руссо. По средневѣковымъ теоріямъ, память о которыхъ не исчезла и понынѣ въ католической Европѣ, человѣкъ отъ природы — *зло*, и только путемъ постояннаго самоотреченія и плотоумерщвленія можетъ выйти изъ своей природной гадости.... Руссо напротивъ провозгласилъ, что человѣкъ добръ и совершенъ, выходя изъ рукъ природы, а только съ теченіемъ времени, отъ привычки къ жизни и отъ общенія съ людьми, дѣлается злымъ и порочнымъ. Овэнъ говоритъ: ни то, ни другое. Въ человѣкѣ, при рожденіи его на свѣтъ, нѣтъ ни *положительнаго* зла, ни *положительнаго* добра, а есть только *возможность*, способность къ тому и другому. Способность эта заключается въ воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и такимъ образомъ нравственное развитіе человѣка совершенно зависитъ отъ того, какъ устроятся отношенія между его внутренней воспріимчивостью и впечатлѣніями внѣшняго міра. По мѣрѣ того, какъ эти впечатлѣнія осаживаются внутри человѣка, образуется въ немъ и *внутренній* характеръ, который, пріобрѣтая нѣкоторую силу, можетъ потомъ и противодействовать внѣшнимъ вліяніямъ, вновь приводящимъ. Но и тутъ человѣкъ не освобождается вполнѣ изъ своей зависимости отъ обстоятельствъ, и Овэнъ утверждалъ даже, что ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни крѣпко сложился его характеръ, не можетъ долго выдержать себя совершенно неизмѣннымъ при измѣненіи всей окружающей обстановки. Руководимый такимъ убѣжденіемъ, Овэнъ отважно приступилъ къ реформамъ въ Нью-Ленаркѣ, въ твердой увѣренности, что стоитъ измѣнить обстановку быта фабричныхъ, и вся колонія приметъ другой видъ.

Какъ человѣкъ умный и практическій, Овэнъ скоро понялъ, что главной причиной дурнаго хода дѣлъ на фабрикѣ была взаимная недовѣрчивость и даже непріязнь, существовавшая между хозяевами и работниками. Онъ рѣшился уничтожить эту непріязнь. Самъ онъ не былъ жаденъ къ барышамъ и охотно придалъ бы всему предпріятію нѣкоторый видъ ремесленной ассоціаціи. Но онъ не одинъ владелъ фабрикой и потому долженъ былъ дѣйствовать въ пользу рабочихъ, не нарушая интересовъ антрепренѣрскихъ. Доходы съ фабрики были впрочемъ, какъ уже сказано, — невелики, и потому Овэну небольшого труда стоило уговорить компаньоновъ предоставить ему полную свободу дѣйствій, при чемъ онъ обѣщалъ вѣрныя выгоды, а не убытокъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись распорядителемъ всей операціи, Овэнъ немедленно приступилъ къ мѣрамъ, ко-

торый долженствовал возстановить потерянное довѣріе работников къ хозяевамъ фабрики.

Онъ былъ увѣренъ, что какъ скоро рабочіе получатъ убѣжденіе въ томъ, что хозяинъ къ нимъ расположенъ и заботится объ ихъ выгодахъ, то они и сами станутъ заботиться объ интересахъ хозяина. Теорія взаимныхъ услугъ, развитая Овеномъ въ послѣдствіи, уже и въ это время лежала въ основѣ его дѣятельности. Сообразно съ этой теоріей онъ считалъ необходимымъ, прежде всякихъ другихъ перемѣнъ, позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго быта работниковъ; затѣмъ онъ имѣлъ въ виду улучшеніе ихъ нравственности, любовь къ своему дѣлу, живое участіе въ интересахъ всего предприятия и въ слѣдствіе того — возвышеніе достоинства работы и самыхъ выгодъ отъ фабрики. Четыре года продолжалась борьба Овена съ беспорядками и развратомъ всей колоніи, и по прошествіи этихъ четырехъ лѣтъ Нью-Ланаркъ принялъ такой видъ, что его узнать нельзя было: Овенъ устроилъ образцовое поселеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно выгодную фабрику.

Чтобы видѣть, какъ онъ успѣлъ достигнуть такихъ результатовъ, представимъ нѣкоторыя подробности его дѣйствій.

Зная, что въ Нью-Ланаркѣ на хозяина смотрятъ плохо, Овенъ прежде всего постарался о томъ, чтобы какъ можно меньше напоминать рабочимъ свои хозяйскія права. Онъ выбралъ изъ среды работниковъ нѣсколько честныхъ и смѣшленныхъ помощниковъ себѣ, которымъ и передалъ свои идеи и намѣренія. Идеи эти состояли въ томъ, что польза самого дѣла требуетъ отъ хозяина заботливости о работникахъ и что успѣхъ предприятия можетъ быть обезпеченъ только полною добросовѣстностью и довѣріемъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ намѣренія Овена были: по возможности удалить отъ работниковъ все, что до сихъ поръ неблагопріятно дѣйствовало на ихъ матеріальный бытъ, и потомъ облагородить ихъ нравственную сторону. Содѣйствіе этимъ намѣреніямъ — вотъ все, чего желалъ Овенъ отъ своихъ помощниковъ; очевидно, что и имъ самимъ не было неспріятно ему содѣйствовать. Такимъ образомъ съ самаго начала своего вступленія въ управленіе фабрикой, Овенъ рѣшительно уничтожилъ всѣ крутыя, насильственные мѣры, всѣ принудительныя средства, употреблявшіяся до того времени съ работниками. Онъ предпочелъ дѣйствовать лучше положительными средствами, нежели отрицательными, и принялся за употребленіе ихъ въ очень обширныхъ размѣрахъ, прилагая свои идеи не къ частнымъ случаямъ и отдѣльнымъ лицамъ, а ко всей фабрикѣ. Онъ устроилъ и отдѣлялъ обширное зданіе со всеми удобствами для помѣщенія работниковъ и сталъ отдавать имъ квартиры въ наемъ, всего болѣе

заботясь о томъ, чтобы не получить съ нихъ никакого барыша за это. «Барышъ будетъ уже оттого, что они тутъ жить будутъ,—разсчитывалъ Овэнъ:—какъ бы ни была ничтожна наемная плата, для фабрики въ концѣ счетовъ все-таки будетъ выгода». Дѣйствительно, мало по малу многіе работники перешли на житье въ новое помѣщеніе, которое было несравненно дешевле ихъ прежнихъ квартиръ и представляло болѣе удобствъ. Общее ожесточеніе противъ антрепренёра нѣсколько утихло и стало смягчаться тотчасъ, какъ только увидѣли, что онъ дѣлаетъ дѣло по совѣсти. Овэнъ пошелъ дальше. Онъ устроилъ въ Нью-Лэнэркѣ родъ рынка, закупалъ всевозможные товары, необходимые для рабочихъ, и продавалъ ихъ, опять наблюдая тоже условіе: не брать себѣ ни копѣйки барыша съ продаваемыхъ вещей. Убытка ему не было, а между тѣмъ рабочіе увидѣли вдругъ огромную разницу въ своихъ расходахъ. Прежде въ Нью-Лэнэркѣ торговали барышники, вытягивавшіе послѣдній сокъ изъ беспорядочнаго и пьянаго населенія: что было нужно, за то просили вицетеро; у кого не было денегъ, тому отпускали въ долгъ съ ужасными процентами, обманывали и обсчитывали на каждомъ шагу. Все, что не пропивалось рабочимъ, шло въ руки этихъ торговцевъ. Овэнъ рѣшился избавить отъ нихъ Нью-Лэнэркъ и чтобы вѣрнѣе достичь своей цѣли, не только сталъ продавать товары лучше и дешевле, но также открылъ и кредитъ рабочимъ. Каждому работнику дана была книжка для записи получасмаго имъ жалованья. Въ счетъ заработанной платы, а въ случаѣ надобности — и впередъ, онъ могъ брать на рынокъ Овена все, что ему нужно. Количество и цѣна отпущенныхъ вещей отмѣчались въ книжкѣ, а по истеченіи недѣли сводились всѣ счета при выдачѣ заработной платы. Разумѣется, и тутъ предпріятіе Овена не вдругъ приобрѣло довѣріе. Однакоже вскорѣ всѣ увидѣли, что выгоднѣе покупать дешево хорошія вещи, нежели дорого дурныя. Еще немного — и всѣ убѣдились, что лучше при концѣ недѣльнаго счета получить десять копѣекъ вмѣсто рубля, заключеніемъ всѣхъ расходовъ, нежели получить полный рубль и тотчасъ же издержать его весь на тѣже расходы, да еще остаться въ долгу. Мало по малу всѣ убѣдились, что Овэнъ не надуваетъ ихъ, всѣ обратились къ его лавочкамъ и вслѣдъ за тѣмъ (что было всего важнѣе для Овена) увидѣли, что имъ можно жить не хуже прежняго и между тѣмъ все-таки дѣлать сбереженіе изъ заработной платы. Довести работниковъ до этого убѣжденія было необходимо Овену особенно потому, что этимъ только путемъ надѣялся онъ подѣйствовать на искорененіе пьянства въ Нью-Лэнэркѣ. Воровство и важные беспорядки уменьшились довольно скоро; удобныя и дешевыя квартиры, честная продажа това-

ровъ, всегда аккуратный и справедливый расчетъ съ работниками— были достаточны для того, чтобы значительно ослабить и почти уничтожить въ нихъ наклонность къ воровству, грабежу и грубому, наглому мошенничеству. Но пьянство долго не поддавалось усилиямъ Овэна, потому особенно, что продавцы вина сильно ему противодействовали, всячески соблазняя рабочихъ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ образумить работниковъ, Овэнъ рѣшился и здѣсь попробовать ту же мѣру, которою удалось ему избавить Нью-Лэнэркъ отъ барышниковъ. Онъ самъ принялся за продажу вина и устроилъ питейные дома и лавочки, гдѣ виски лучшаго качества продавалась на тридцать и на сорокъ процентовъ дешевле, чѣмъ у другихъ винныхъ продавцовъ. Разумѣется, посторонняя виноторговля была этимъ сильно подорвана и черезъ нѣсколько времени исчезла изъ Нью-Лэнэрка. Въ питейныхъ же домахъ, заведенныхъ Овэномъ, пьянство не могло встрѣтить благоприятныхъ условій для своего развитія. Сначала и тутъ, правда, многіе напивались, и никто не мѣшалъ имъ въ этомъ. Но во многихъ наклонность къ пьянству ослабла уже отъ одного того, что не была возбуждаема и поддерживаема непрерывными искушеніями и зазываньями, какія употреблялись прежними виноторговцами. Въ другихъ проявилась бережливость и, имѣя возможность повеселить себя чаркою виски за дешевую цѣну, они уже не считали особенно-восхитительнымъ истратить весь остатокъ заработной платы для того, чтобы напиться до безчувствія. Мало по малу Овэну удалось довести массу работниковъ до того, что пьянство стало считаться между ними предосудительнымъ. А разъ утвердившись на этой почвѣ, онъ уже безъ особенныхъ усилій могъ искоренить остатки пьянства. Между прочимъ сильно помогло ему въ этомъ одно устроенное имъ учрежденіе для холостыхъ работниковъ, которые, разумѣется, и были самыми опасными кутилами. Онъ учредилъ для нихъ общій столъ, по самой ничтожной цѣнѣ. Пища была очень обильна, разнообразна и питательна, плату за обѣдъ можно было просто записывать въ книжку жалованья: такіа благоприятныя условія привлекли многихъ, а когда они стали имѣть порядочный столъ, то у большей части самъ собою пропалъ позывъ на безпутное пьянство. Спустя нѣкоторое время Нью-Лэнэркъ сталъ на такую ногу, что пьяница поражался въ немъ общимъ порицаніемъ и презрѣніемъ, почти наравнѣ съ воромъ и мошенникомъ. Нравственные чувства пробудились въ людяхъ, прежде столь грубыхъ и испорченныхъ, и въ Нью-Лэнэркѣ началась совершенно новая жизнь.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ быта рабочихъ измѣнялось и самое управленіе фабрикой. Врагъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, Овэнъ уничтожилъ все наказанія и взысканія, до того времени употребляв-

шіяся на фабрикѣ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать только на убѣжденіе и на добрую волю работниковъ. Своими распоряженіями въ ихъ пользу онъ добился ихъ довѣрія, что было для него вдвойнѣ трудно, какъ для хозяина и какъ для англичанина, — потому что большинство работниковъ состояло изъ шотландцевъ, плохо расположенныхъ къ англичанамъ. Получивши же довѣріе рабочихъ и постоянно его оправдывая своими поступками, Овэнъ уже весьма легко убѣдилъ ихъ, что ихъ собственные интересы должны заставить ихъ работать усерднѣе и лучше. Онъ объяснилъ имъ кругооборотъ всей операціи такимъ образомъ. «Отъ вашего усердія и качества вашей работы зависитъ количество и качество фабричныхъ продуктовъ, которые мы можемъ изготовлять на продажу. Чѣмъ больше будетъ продуктовъ и чѣмъ выше будетъ ихъ достоинство, тѣмъ болѣе доходовъ получится съ фабрики. Увеличеніе же доходовъ дастъ мнѣ возможность болѣе сдѣлать въ вашу пользу, — возвысить задѣльную плату, сократить число рабочихъ часовъ, увеличить удобство вашего помѣщенія, и. т. п. Вы видите, слѣдовательно, что, работая хорошо, вы не длямоихъ однихъ барышей жертвуете своимъ трудомъ, а имѣете въ виду вашу собственную, прямую выгоду.» Разсужденія эти были очень просты и здравы, и такъ какъ всѣ вѣрили, что Овэнъ не надуетъ, а дѣйствительно сдѣлаетъ, что говоритъ, то представленія его имѣли сильное дѣйствіе на работниковъ. Чтобы довершить вліяніе своихъ убѣжденій, Овэнъ отказался отъ всякаго формальнаго проявленія начальнической власти въ своихъ отношеніяхъ съ рабочими и предоставилъ ихъ собственному суду опредѣленіе степени искусства въ работѣ и личныхъ достоинствъ каждаго. Не только въ частной жизни работниковъ, но даже въ самой работѣ ихъ Овэнъ умѣлъ избѣгнуть всякихъ понужденій и взысканій; онъ никогда не поднималъ шума изъ-за того, зачѣмъ человекъ наработалъ мало или плохо, никогда не заставлялъ работать противъ воли. Онъ сказалъ, что хорошая работа нужна для общей пользы работниковъ еще болѣе, нежели для его частной выгоды, и, помня это, онъ хотѣлъ, чтобы работники сами заботились объ исправномъ ходѣ работъ. И дѣйствительно, — они заботились: лѣнтяй и плохой работникъ подвергались порицанію и презрѣнію всего общества, неумѣющихъ учили болѣе искусные, лучшие мастера пользовались общимъ почетомъ, во всей массѣ работниковъ явилось чувство живаго соревнованія, добросовѣстность въ работѣ водворилась все болѣе и болѣе, выстѣ съ упроченіемъ нравственныхъ началъ въ Нью-Лэнэркѣ. Всякій чувствовалъ себя отвѣтственнымъ уже не передъ эксплуататоромъ хозяиномъ, котораго и обмануть не грѣхъ, не передъ начальственной властью, на которую всегда смотреть съ нѣкоторой

недовѣрчивостью и даже враждебностью, а предъ цѣлымъ обществомъ своихъ товарищей, во всемъ между собою равныхъ и имѣющихъ одни и тѣже интересы. Такого рода отвѣтственность, соединенная съ чувствомъ правильно-настроеннаго, здороваго самолюбія, была самымъ лучшимъ двигателемъ всего хода дѣлъ на фабрикѣ. Всѣ старались быть и все дѣлать какъ можно лучше, не ожидая за это ни хозяйской похвалы, ни прибавки на водку, такъ какъ Овэнъ, уничтоживши взысканія, уничтожилъ и награды въ Нью-Лэнэркѣ. Единственную дань вѣншимъ отличіямъ принесть онъ, допустивши дощечки разнаго цвѣта, которыя давались каждому работнику и означали достоинство работы каждаго. Дощечки были четырехъ цвѣтовъ: *бѣлая*, означавшій, что работа хороша, *желтая* — довольно хороша, *синія* — посредственна, *черныя* — дурна. Замѣчательно, что, по отзывамъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Нью-Лэнэркъ, весьма у немногихъ работниковъ находились синія дощечки, а черныя — ни у кого.

Всѣ своихъ мастерскихъ, работники также не могли укрыться отъ общественнаго контроля, который былъ гораздо дѣйствительнѣе надзора хозяина. И здѣсь Овэнъ умѣлъ достигнуть того, чего ему хотѣлось, всего болѣе тѣмъ, что оставилъ всякое прямое вмѣшательство въ частныя дѣла фабричныхъ. До вступленія его въ управленіе, работники Нью-Лэнэрка безпрестанно враждовали между собою птѣ за національностей и изъ-за различныхъ отгѣнковъ вѣроисповѣданій. Хозяева и надсмотрщики считали своимъ долгомъ разрѣшать ихъ ссоры по своему крайнему разумѣнію; само собою разумѣется, что сторона, обвиненная рѣшеіемъ, воспламенялась еще больше прежняго и раздоръ усиливался. Овэнъ объявилъ, что онъ ни къ кому особеннаго расположенія не питаетъ и никому не намѣренъ — ни мѣшать, ни помогать въ дѣлахъ вѣры и личныхъ убѣжденій. Для чего было рѣшительно все равно, шотландецъ, англичанинъ или ирландецъ былъ работникъ, и держался ли онъ чистаго католическаго вѣроисповѣданія, принадлежалъ ли къ епископальной или пресвитеріанской церкви, былъ ли методистъ или анабаптистъ. Равнодушіе и полнѣйшая, безграничная терпимость Овэна подѣйствовали и на работниковъ: раздоры землячества и сектаторства затихли и мало по малу совсѣмъ прекратились, такъ что когда Овэнъ устроилъ училище для дѣтей фабричныхъ, то приверженцы самыхъ враждебныхъ между собою сектъ не усомнились отдать туда дѣтей своихъ.

Училище, устроенное Овэномъ въ Нью-Лэнэркѣ, было торжествомъ его системы. Обыкновенно дѣти фабричныхъ не получали въ это время никакого воспитанія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ они начинали ходить на фабрику и тамъ — по мѣрѣ силъ помогали взрослымъ

и по мѣрѣ возраста приучались къ ихъ грубости и разврату. Получить возможность взять дѣтей для ученія отъ фабричной работы, — и это уже было шагомъ впередъ. Овэнъ добился этой возможности, убѣдивши работниковъ, что ранѣ десяти лѣтъ не слѣдуетъ посылать дѣтей на фабрику, и ограничивши срокъ дѣтской работы десятью часами въ день — максимумъ. Въ училищѣ же своемъ Овэнъ вздумалъ приложить тѣже начала, посредствомъ которыхъ онъ такъ удачно преобразовалъ Нью-Лэнэркъ, и совершенный успѣхъ оправдалъ его систему. Отправляясь отъ той мысли, что человѣкъ весь есть созданіе обстоятельствъ и что слѣдовательно на него не можетъ падать отвѣтственность за то, умёнъ онъ или глупъ, скромёнъ или дерзокъ и т. п., Овэнъ считалъ рѣшительной несправедливостью всякія условныя награды и наказанія не только для взрослыхъ, но даже и для дѣтей. Поэтому въ училищѣ его никакихъ наградъ и никакихъ наказаній не было положено. Къ ученію дѣти возбуждались интересомъ самаго знанія, которое имъ никогда не старались навязывать противъ ихъ воли. Что касается до вѣшняго порядка и такъ называемаго *поведенья* учениковъ, то Овэнъ никогда не считалъ нарушеніемъ порядка и дурнымъ поведеніемъ — маленькія дѣтскія шалости, неистребимыя притомъ никакими строгостями. Большихъ же преступленій не могло быть въ училищѣ Овэна уже и потому, что тутъ почти исключительно находились дѣти моложе десятилѣтняго возраста. Да ежели и встрѣчались проступки дѣйствительно нехорошіе, то они находили свое осужденіе и наказаніе въ самихъ же дѣтяхъ. Посѣщавшіе Нью-Лэнэркъ съ удивленіемъ рассказываютъ о томъ порядкѣ, благородствѣ и единодушій, какія господствовали между дѣтьми, находившимися въ училищѣ Овэна. Ежели сильный хотѣлъ обидѣть слабого, остальные дѣти вступались за обижаемаго; если кто замѣченъ былъ въ плутовствѣ, съ нимъ не хотѣли имѣть дѣла; кто солгалъ, тому переставали вѣрить... Въ играхъ, въ занятіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ дѣтей между собою господствовала совершенная открытость, справедливость и взаимное уваженіе и расположеніе. При этомъ вовсе не исключалось соревнованіе учениковъ между собою; но такъ какъ наградъ и наказаній не было, то оно возбуждалось не завистью и корыстью, а искреннимъ желаніемъ дѣйствительнаго совершенствованія. Пронистекая изъ такихъ началъ, соревнованіе учениковъ Овэна было тихо и добродушно; оно никогда не могло дойти до такого неистовства, до какого доходило напр. въ нѣкоторыхъ ланкастерскихъ школахъ, искусственно возбуждавшихъ его до такой степени, что соревнующіе ученики стали наконецъ пырять ножами другъ друга. У Овэна дѣти и не ссорились за ученіе, и учились хорошо. Замѣтимъ здѣсь, что училище его по своимъ размѣрамъ не

уступало многимъ изъ ланкастерскихъ школъ и что способъ обученія Ланкастера и Бедля былъ отчасти усвоенъ Овэнъ. Залы училища его могли вмѣщать до 400 воспитанниковъ. Всѣ дѣти распределены были по различнымъ классамъ; самыя маленькіе учились читать и писать; въ старшихъ классахъ преподавались высшія правила счисленія, механики и физики. Старшіе обыкновенно не только сами учились, но и руководили младшихъ. На десятилѣтнемъ возрастѣ ученье обыкновенно оканчивалось, потому что съ десяти лѣтъ дѣти начинали уже ходить въ мастерскія на работу. Но и до этого времени они успѣвали приобретать довольно много свѣдѣній, благодаря тому, что все ученье было совершенно наглядно и чуждо всякихъ схоластическихъ замашекъ и ненужныхъ формальностей. Принято было за правило — непременно *показывать* ученикамъ самый предметъ, о которомъ говорилось, или по крайней мѣрѣ рисунокъ его. Такимъ образомъ естественная исторія изучалась обыкновенно во время прогулокъ въ полѣ; изученіе географіи начиналось съ разсматриванія карты и продолжалось въ видѣ путешествія по ней отъ даннаго пункта и т. д. Избѣгать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать въ дѣтяхъ живой интересъ ко всему, что имъ преподавалось, — было главною заботою Овэна. Благодаря такой системѣ, мальчики въ короткое время своего пребыванія въ школѣ приобретали у него довольно основательныя познанія въ геометріи, механикѣ и естественной исторіи. Дѣвочекъ учили меньше, и вмѣсто спеціальныхъ знаній, предлагаемыхъ въ фабричномъ мастерствѣ, ихъ обучали разнымъ рукодѣльямъ, преимущественно шитью.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить одно замѣчательное обстоятельство, которое показываетъ, съ какимъ тактомъ умѣлъ Овэнъ вести дѣло и пользоваться своимъ положеніемъ. Мы упоминали выше о множествѣ различныхъ сектантовъ, бывшихъ въ Нью-Ланеркѣ. Принимаясь учить дѣтей, Овэнъ долженъ былъ въ религіозномъ обученіи — или выбрать какую нибудь одну изъ сектъ, или примиряться къ каждой изъ нихъ. И то и другое было нехорошо: первое могло возстановить противъ Овэна приверженцевъ другияхъ сектъ, второе значило играть комедію, проповѣдуя то, чего вовсе не одобряешь. Овэнъ блестящимъ образомъ вышутался изъ этого затрудненія, сохранивши доброе согласіе въ колоніи и не пожертвовавъ ни йотой изъ своихъ личныя убѣжденій. Онъ совершенно отказался отъ религіознаго обученія, сказавши, что не хочетъ стѣснять никого и предоставлять родителямъ полную свободу наставлять своихъ дѣтей, какъ имъ внушаютъ ихъ благочестивыя вѣрованія. «Въ семейной жизни и воспитаніи, прибавлялъ Овэнъ, — правила вѣры гораздо лучше усваиваются, нежели въ школѣ, и потому дѣтямъ не будетъ никакого

ущерба оттого, что религіозное обученіе не войдетъ въ число учебныхъ предметовъ школы».

Въ 1797 г., уже сдѣлавши нѣсколько преобразованій въ Нью-Ленаркѣ, Овенъ женился на дочери своего главнаго компаньона, Дѣла, и съ этихъ поръ получилъ еще болѣе вліянія на всѣ дѣла фабрики. Доходы ея быстро увеличивались, итоги доходили до милліоновъ, и всѣ компаньоны убѣдились въ справедливости и благоразуміи распоряженій Овена. Необыкновенная честность его и рыцарская правдивость во всѣхъ торговыхъ слѣжахъ еще болѣе увеличили всеобщее довѣріе къ Овену и подняли значеніе Нью-Ленарской фабрики. Овенъ доводилъ до того свою честность, что если получалъ заказъ въ то время, когда товары были въ очень высокой цѣнѣ, то писалъ заказчику, не хочетъ ли онъ подождать нешного, такъ какъ черезъ нѣсколько времени цѣна товара должна понизиться. Сначала всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на такой образъ дѣйствій и со дня на день ждали, что Нью-Ленаркъ розорится и обанкрутится. Но прошло 20 лѣтъ, фабрика приходила все въ болѣе цвѣтущее положеніе, владельцы ея получали отличные доходы, и вся колонія Нью-Ленарка пользовалась полнымъ благосостояніемъ.

Слухъ о чудесахъ, произведенныхъ Овеномъ, распространился въ Англіи и вскорѣ потомъ во всей Европѣ. Всеобщее вниманіе было обращено на Овена и его удивительную реформу въ жизни фабричныхъ; тысячи любопытныхъ посѣтителей ежегодно бывали въ Нью-Ленаркѣ и съ восторженнымъ удивленіемъ рассказывали объ адемской идилліи, осуществленной на берегахъ Клейда стараниями Овена. Только нѣкоторые скептики рѣшались увѣрять, что тутъ что нибудь да не такъ, и что во всякомъ случаѣ изъ успѣха частнаго опыта ничего нельзя заключать о достоинствѣ всей системы, приложенной Овеномъ къ Нью-Ленаркинмъ фабричнымъ. Тогда Овенъ рѣшился изложить нѣкоторые изъ общихъ основаній своихъ дѣйствій, придать нѣсколько систематическій видъ своимъ общимъ воззрѣніямъ и объяснить практическіе результаты, достигнутые имъ, посредствомъ соображеній теоретическихъ. Съ этой цѣлью подаль онъ въ 1812 г. свое первое сочиненіе — «Объ образованіи человѣческаго характера» (*New views of society, or essays upon the formation of human character*). Въ этомъ сочиненіи уже очень ясно высказывается взглядъ Овена на природу человѣка и на условія ея развитія въ ту или другую сторону. «Человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ зависитъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ. Полной, абсолютной свободы не существуетъ и никогда не существовало. Поэтому человѣкъ не можетъ нести ответственности за то, что у него дурной характеръ или ложныя убѣжденія. Равнымъ образомъ и всѣ практи-

ческія послѣдствія дурнаго развитія ума или воли не должны быть относимы прямо къ винѣ отдѣльной личности, а должны быть приписаны дѣйствию тѣхъ же обстоятельствъ. Измѣненіе человѣческаго характера возможно, слѣдовательно, только при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно-новыхъ началахъ». Таковы общія положенія, провозглашенныя Овеномъ, въ первомъ своемъ опытѣ. Въ нихъ ясно уже его безкорыстное стремленіе къ улучшенію положенія массъ народныхъ, ясно сочувствіе къ этой, въ то время униженной, забытой части общества. Несмотря на то, многіе не умѣли понять истинныхъ намѣреній Овена, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что значительной долей временнаго успѣха своихъ идей въ первое время онъ былъ обязанъ именно тому, что его плохо поняли. Какъ скоро онъ высказался съ большей опредѣлительностью, его немедленно всѣ оставили, и идеи его не только не возбуждали уже прежняго восторга, но даже поступили въ разрядъ вредныхъ и опасныхъ мечтаній. Для объясненія этого любопытнаго факта, надо припомнить положеніе англійскаго общества и общее движеніе идей въ первую четверть нынѣшняго столѣтія.

Въ концѣ XVIII вѣка въ промышленности Англіи произведенъ былъ переворотъ изобрѣтеніями Уатта и Экрайта. Пока не было машинъ и все производилось руками, возможно было существованіе множества частныхъ ремесленниковъ, зарабатывавшихъ себѣ хлѣбъ своими трудами поодиначкѣ. Ихъ произведенія были тогда въ хорошей цѣнѣ, потому что при ручной работѣ производство никогда не могло достигать такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ при существованіи машинъ. Усовершенствованный Экрайтомъ механическій ткацкій станокъ и примѣненіе къ машинамъ пароваго двигателя, сдѣланное Уаттомъ, дали совершенно новый видъ промышленности Англіи и всей Европы. Съ одной стороны,—производительность фабричная страшно увеличилась; хлопчато-бумажное производство сдѣлалось одною изъ главныхъ отраслей промышленности Англіи (*). Среднее сословіе возвышалось въ своемъ значеніи и было уже въ состояніи тягаться съ землевладѣтельской аристократіей. Но съ другой стороны—это же самое распространеніе машинъ опредѣленно совершен-

---

* До изобрѣтенія машинъ, во всей Великобританіи считалось только 80 000 ремесленниковъ и мастерницъ занятыхъ хлопчато-бумажнымъ производствомъ; нынѣ это дѣло занимаетъ въ Англіи до милліона народа. Цѣнность бумажныхъ тканей, уже по исчисленію 1836 г., просигралась въ Англіи слишкомъ до 200 милліоновъ рублей; въ настоящее время цифра эта болѣе чѣмъ удвоилась.

но иначе прежнія отношенія средняго сословія къ работникамъ. При существованіи машинъ одиночная ручная работа перестала быть выгодною; мало по малу она совершенно была подорвана машиннымъ производствомъ, которое при своей простотѣ и дешевизнѣ давало производителямъ средства значительно понижать цѣну на товары. Большая часть ремесленниковъ не имѣла средствъ на то, чтобы завести у себя машины; для этого нужны были капиталы, которыхъ у нихъ не было. Духъ ассоціаціи не проникъ еще тогда въ промышленность, и оттого вскорѣ ремесленники очутились въ необходимости сдѣлаться наемниками у людей, имѣвшихъ средства приобретать машины и заводить обширныя фабрики. Сначала, пока машинъ было немного и совокупность ремесленниковъ могла выдерживать съ ними соперничество, положеніе работниковъ на фабрикахъ было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться; скоро работники въ избыткѣ стали являться на фабрики, не имѣя возможности кормиться произведеніями одиночной своей работы, сильно упавшими въ цѣнѣ. Тогда, разумѣется, заработная плата понижилась, и вскорѣ работники увидѣли себя въ совершенной зависимости отъ капиталистовъ, безъ всякихъ средствъ для противодѣйствія съ своей стороны. Положеніе ихъ было до того безпомощно и безвыходно, что возникшая вскорѣ конкуренція между капиталистами-промышленниками не только не послужила къ улучшенію положенія рабочаго класса, но даже сдѣлала его еще хуже. Конкуренція выражалась тѣмъ, что производство старались улучшить и удешевить. Такимъ образомъ товары все унадали въ цѣнѣ, а сообразно съ тѣмъ понижалась и заработная плата. О томъ же, чтобы привлечь къ себѣ работниковъ предоставленіемъ имъ какихъ-нибудь преимуществъ, никто и не думалъ: объ этой дряннѣ не стоило заботиться; капиталисты знали, что нужда заставитъ притти къ нимъ какихъ-нибудь работниковъ даже за самую ничтожную плату.

Кромѣ небрежности и лѣни, между всѣми работниками господствовало чувство неприязни и скрытнаго озлобленія противъ капиталистовъ-хозяевъ. Такое расположеніе рабочаго класса много вредило успѣшному ходу дѣлъ на фабрикахъ и еще болѣе внушало хозяевамъ какой-то неопредѣленный страхъ предъ недовольными массами. Они чувствовали, что безпощадная эксплуатація рабочихъ силъ можетъ имѣть конецъ не совсѣмъ пріятный для самихъ капиталистовъ; но несмотря на это сознаніе, имъ никакъ не хотѣлось поступиться, даже временно, какою-нибудь частью своихъ барышей для увеличенія матеріальныхъ средствъ рабочаго класса. Имъ бы хотѣлось какъ-нибудь пріискать средство эксплуатировать работни-

ка такъ, чтобы имъ было отъ этого очень хорошо, а ему не было дурно. Надобно было изобрѣсти игру, въ которой бы всѣ играющіе оставались въ выигрышѣ. Такую именно игру увидѣли эти люди въ прозктахъ Овена, и въ этомъ заключается тайна его первыхъ успѣховъ въ среднемъ классѣ общества.

Но еще болѣе сочувствія встрѣтилъ Овенъ въ государственныхъ людяхъ, въ аристократическихъ кругахъ Англіи и всей Европы. И тутъ было тоже недоразумѣніе. Англійская аристократія вступила въ антагонизмъ съ буржуазіей съ самаго начала сильнаго развитія промышленности Англіи. Съ одной стороны была поземельная собственность и родовыя привилегіи, съ другой—капиталъ и индустріальныя стремленія. Но аристократія была ужасно встревожена демократическими тенденціями французской революціи и даже опасалась, чтобы что нибудь подобное не повторилось и въ Англіи. Въ своей боязливой предусмотрительности она не замѣтила, что опасность угрожаетъ ей совсѣмъ съ другой стороны, и заботилась всего болѣе о томъ, чтобы не допустить въ народъ якобинскихъ идей, за которыя считалось тогда всякое предъявленіе своихъ правъ лицами низшаго сословія. Принимая такой принципъ въ отношеніи къ народу, аристократія поземельныхъ владѣльцевъ незамѣтно для себя самой помогала непоправимому усиленію значенія промышленниковъ—капиталистовъ. Скоро сдѣлалось замѣтнымъ преобладаніе индустріальныхъ интересовъ предъ земледѣльческими, сельское населеніе переходило въ города, огромныя массы бѣднаго народа группировались въ промышленныхъ центрахъ значеніе поземельной аристократіи падало, и коттонъ—лорды, владѣльцы большихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, сдѣлались наконецъ опасными соперниками лэндъ—лордовъ, поземельныхъ владѣльцевъ. Не вдругъ поняли лэндъ—лорды весь смыслъ и послѣдствія для нихъ индустріальнаго развитія страны въ ущербъ благосостоянію низшихъ классовъ. Ихъ все ослѣплялъ и страдалъ кровавый призракъ французской революціи. Наконецъ реставрація ихъ успокоила; они увидѣли, что народа бояться нечего, и вздумали дѣйствовать противъ буржуазіи. Торійское министерство до 1822 представляетъ рядъ стѣснительныхъ и обременительныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью ограничить развитіе гражданской свободы преимущественно въ среднихъ классахъ. Ограниченія эти все-таки, разумѣется, не имѣли въ виду пользы народа; но аристократы и государственные люди сильно уже задумывались о томъ, какъ бы дисциплинировать массы и, давши имъ право на кусокъ хлѣба, сдѣлать за то послушными орудіями въ своихъ рукахъ. Не зная, какъ бы это сдѣлать безъ всякихъ жертвоугодій и существенныхъ уступокъ съ своей стороны, государственные люди были пріятно

поражены опытами и планами Овэна. Онъ не требовалъ никакихъ правительственныхъ реформъ, у него не находили крайнихъ демократическихъ принциповъ, которыхъ такъ страшились. Напротивъ, въ его общинѣ видѣли патріархальное устройство: онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ добродѣтельнаго праотца, въ своей особѣ соединявшаго всѣ гражданскія власти, а работники являлись его покорными дѣтьми, готовыми всѣмъ жертвовать для его пользы и спокойствія. Растолковавши себѣ такимъ образомъ положеніе Овэна, аристократы и государственные люди никакъ не хотѣли допустить мысли о томъ, что стремленія Овэна могутъ быть совершенно безкорыстны. На его планы они тоже смотрѣли—какъ на игру, въ которой никто, можетъ быть, не останется въ большомъ проигрышѣ, а самый большой выигрышъ долженъ выпасть на ихъ долю.

Въ такомъ положеніи засталъ Овэнъ англійское общество, и немудрено, что его идеи были приняты съ восторгомъ даже такими людьми, отъ которыхъ всего менѣе можно было ожидать какихъ-нибудь доброжелательныхъ расположеній къ народу. Преимущественно были въ ходу идеи Овэна отъ 1815 до 1830 г., когда во всей Европѣ проводились предначертанія священнаго союза, а въ Англіи была во всей силѣ борьба буржуазіи съ аристократіей. Изъ всѣхъ партій, выказывавшихъ тогда наклонность къ непонятымъ теоріямъ Овэна, едва ли еще не искреннѣе всѣхъ были капиталисты-фабриканты, видѣвшіе въ этихъ теоріяхъ легкое средство получать съ фабрикъ болѣе барышей, безъ отягощенія и даже съ облегченіемъ участи рабочихъ. Они тѣмъ искреннѣе принимали мысли Овэна, что дѣйствительно въ это время чувствовали нужду въ поддержкѣ массъ для успѣха въ борьбѣ своей съ аристократіей. Такое колебаніе продолжалось у нихъ до самого бѣснаго о реформѣ 1832 г., придавшаго имъ довольно прочное значеніе въ парламентѣ и тѣмъ обезпечившаго ихъ и со стороны аристократіи, и со стороны массъ рабочихъ, о которыхъ впрочемъ на словахъ они и послѣ того не переставали заботиться. Что же касается до аристократической партіи—не только въ Англіи, но и въ цѣлой Европѣ, то она, въ отношеніи къ пониманію Овэна, была гораздо менѣе близка къ истинѣ, нежели партія промышленная. Овэнъ все представлялся имъ въ родѣ какого-то укротителя звѣрей, смирителя анархическихъ порывовъ, мудраго старца, на половину бургомистра и на половину школьнаго учителя, — и только. Они видѣли, что онъ желаетъ, чтобъ многочислѣннѣйшій производительный классъ народа могъ жить мирно и спокойно, и за это они хвалили его: имъ тоже хотѣлось, чтобъ народъ жилъ мирно и спокойно. Но чего хочетъ Овэнъ отъ нихъ самихъ,—они этого и знать не хотѣли. Имъ вовсе не казалось нужнымъ выкинуть въ то,

что для достиженія возможнаго благосостоянія массъ имъ нужно самимъ немножко побезпокоить себя и рѣшиться на нѣкоторые пожертвованія. Это непріятное обстоятельство они отстраняли отъ своего разсудка и, видя въ Овэнѣ только отличнаго укротителя и ловкаго организатора работниковъ, очень желали научиться его мудрости. Въ этихъ видахъ очень интересовался Овэномъ герцогъ Кентскій, братъ короля, нѣсколько разъ присутствовавшій на митингахъ Овэновой партіи и рекомендовавшій его идеи всей англійской аристократіи. Въ этихъ же видахъ покровительствовали теоріи Овна и другіе прославленные люди того времени, столь же мало понимавшіе всю чистоту его намѣреній. Въ 1818 г. онъ высказалъ нѣсколько опредѣленныхъ своихъ предположеній на счетъ рабочаго класса, въ двухъ «адресахъ», представленныхъ имъ, одинъ — монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, другой — всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Онъ положительными фактами и цифрами доказывалъ здѣсь, что изобрѣтеніе механическихъ ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ, въ 12 разъ увеличивши промышленную производительность Великобританіи, имѣю однако же для рабочаго класса одно послѣдствіе — страшное увеличеніе бѣдности. Затѣмъ онъ представлялъ очень ясные выводы, что если все пойдетъ и впередъ такъ же, какъ шло доселѣ, то пролетаріатъ долженъ быстро усиливаться и ему не помогутъ никакія частныя мѣры. Анализируя значеніе *таксы для бѣдныхъ*, Овэнъ утверждалъ, что она съ каждымъ годомъ должна увеличиваться и что наконецъ общество должно будетъ насильственно отнять у бѣдныхъ большую часть прежняго вспоможенія (что и случилось). Для того, чтобы выйти изъ такого горестнаго положенія, возможно было, по мнѣнію Овна, одно средство: отказаться отъ огромныхъ, исключительно-мануфактурныхъ центровъ, служащихъ мѣстомъ игры громадныхъ капиталовъ и имѣющихъ развращающее, унижающее и разоряющее вліяніе на массу рабочаго населенія. Вмѣсто ихъ Овэнъ предлагалъ завести небольшія общины, устроивши ихъ на основаніи выработанныхъ имъ началъ, въ видѣ промышленно-всѣлѣдѣйческихъ ассоціацій. Этой радикальной мѣрой Овэнъ думалъ отвратить бѣдствіе пролетаріата, избавивши массу населенія отъ необходимости отдавать свой трудъ въ распоряженіе богатыхъ спекуляторовъ. Въ подтвержденіе возможности успѣшнаго существованія такихъ общинъ, Овэнъ указывалъ на Нью-Лэвэркъ. Ахенскій конгрессъ слишкомъ былъ занятъ высшими государственными соображеніями, чтобы имѣть досугъ для разсмотрѣнія такого незначительнаго дѣла, какъ улучшение быта ремесленныхъ классовъ, и потому проекты Овна остались безъ послѣдствій на конгрессѣ. Тѣмъ не менѣе общее вниманіе выо-

шихъ государственныхъ сановниковъ было благопріятно обращено на англійскаго филантропа. Самъ Меттернихъ не безъ похвалы отозвался о немъ; а король прусскій прислалъ ему золотую медаль. Въ Англіи тотъ же успѣхъ встрѣтилъ Овэна: его первое сочиненіе «Объ образованіи человѣческаго характера» — было теперь разослано къ разнымъ лордамъ, прелатамъ, членамъ палаты депутатовъ, во всѣ возможные университеты. Лордъ Сидмутъ официально объявилъ Овэну, что правительство одобряетъ его идеи и постарается примѣнить ихъ, какъ только общество будетъ къ тому приготовлено. Все это совершилось въ пятилѣтіе 1812 — 1817 г., и сами враги Овэна сознаются, что еслибъ онъ хотѣлъ въ это время воспользоваться общимъ энтузіазмомъ для своихъ личныхъ цѣлей, то могъ бы сдѣлать славную афферу. Спекуляціи на филантропію рѣдко бываютъ неудачны, а филантропическіе планы Овэна были такъ обширны и такъ успѣли зарекомендовать себя предъ цѣлою Европой, что даже при самомъ добросовѣстномъ и человѣколюбивомъ мошенничествѣ могли доставить много милліоновъ смѣтливому афферисту. Многіе ожидали, что Овэнъ воспользуется своимъ положеніемъ для собственныхъ выгодъ, — и всѣ ошиблись.

Съ 1818 г. начинается для Овэна жестокая борьба, вмѣсто того блестящаго триумфа, какимъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Борьба эта ведена была съ безукоризненной честностью и благородствомъ со стороны Овэна; но при всемъ томъ нужно согласиться съ его противниками, что борьбу свою предпринялъ онъ совершенно безразсудно и въ продолженіе ея выказалъ много разъ свое наивное добродушіе. Этотъ чудакъ вздумалъ преобразовать Англію, Европу, цѣлый міръ, — и въ чемъ же? въ дѣлѣ самомъ священномъ, самомъ миломъ для человѣческихъ сердецъ, въ дѣлѣ личнаго интереса! Онъ хотѣлъ бездѣлщины: чтобъ лентяи и лгуны не имѣли возможности обогащаться на счетъ чужаго труда и чтобъ дураки не могли записывать въ преступники людей, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями! И наивный упрямецъ никакъ не хотѣлъ убѣдиться, что подобное предпріятіе безумно, что тутъ никакого успѣха нельзя ожидать и что вообще противъ интересовъ сильныхъ міра сего идти никогда не слѣдуетъ, «потому—сила».... Онъ не только ничего этого не хотѣлъ понять, но даже не хотѣлъ пользоваться и тѣми недоразумѣніями, которыя остались въ большей части его покровителей послѣ первыхъ его опытовъ. Увѣренный въ справедливости своихъ началъ, радуясь на свою Нью-лэнэрскую фабрику и колонію, онъ сочинилъ между прочимъ слѣдующій, можетъ быть и справедливый, но нѣсколько странный силлогизмъ: «Что могло однажды образоваться и осуществиться въ логическихъ построеніяхъ мысли че-

ловѣка, то не можетъ уже быть признано невозможнымъ въ мірѣ и должно, рано или поздно, непремѣнно найти свое осуществленіе и въ фактахъ дѣйствительной жизни». Подкрѣпляемый такой мыслью, Оуэнъ сѣло и открыто вступалъ въ борьбу за свои идеи, все болѣе и болѣе раскрывая ихъ предъ глазами противниковъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ опредѣненнѣе и строже высказывалъ свои виды, исчезала его популярность. Въ продолженіе семи лѣтъ, 1817—1824, онъ не только не успѣлъ сдѣлать ничего существеннаго, но даже возстановилъ противъ себя всѣ партіи и почти напропалую истратилъ значительную часть своего состоянія, которое нажилъ до того хлопотомъ-бумажной фабриккой.

Въ 1817 г. онъ оставилъ Нью-Ленаркъ для того, чтобы искать себѣ болѣе обширный кругъ дѣятельности. Тамъ какъ имя его пользовалось значеніемъ между членами парламента, то ему удалось прѣвести вопросъ объ общемъ ограниченіи работы дѣтей на фабрикахъ. Согласно его убѣжденіямъ рѣшено было, чтобы дѣтямъ не работать болѣе десяти часовъ въ день и чтобы не поступать на фабричную работу ранѣе 10 лѣтъ. Добившись этого, Оуэнъ поднялъ вопросъ о воспитаніи и обученіи дѣтей рабочихъ классовъ. Тутъ постигло его первое пораженіе. Еще ранѣе этого сдѣлались извѣстны мысли Оуэна о началахъ воспитанія и возбудили негодованіе преимущественно въ высшемъ духовенствѣ Англіи. Выступивши на общественную дѣятельность, Оуэнъ не думалъ прикрывать своихъ тенденцій, а напротивъ старался вольно или невольно распространять ихъ и растолковать какъ можно яснѣе всѣмъ и каждому. Для этого онъ писалъ множество журнальныхъ статей, сочинялъ воззванія и манифесты, обращенные ко всѣмъ классамъ общества, печаталъ безчисленное множество маленюхъ статей (tracts), которыя раздавались всѣмъ даромъ на улицахъ.... Издержки его на пропаганду этого рода высчитываются до милліона франковъ. При такой громадной *заслуженности*, о которой такъ хлопоталъ самъ Оуэнъ, трудно было кому нибудь оставаться въ ослѣпленіи на счетъ его плановъ. И вотъ — клерикальная партія поднялась первая. Полная терпимость и невмѣшательство школы въ дѣло религіознаго обученія, провозглашенныя Оуэномъ, подали поводъ къ нападенію. Затѣмъ объявлены еретическими и безнравственными многія мнѣнія Оуэна объ образованіи человѣческаго характера, приведенныя нами выше. Утверждали, что своимъ ученіемъ объ обстоятельствахъ Оуэнъ подрываетъ всѣ начала нравственности и снимаетъ съ человѣка всю отвѣтственность за его поступки. Нѣкоторыя доходили до того, что видѣли въ Оуэнѣ послѣдователя пелагіанской ереси... Оуэну собственно не было никакого дѣла до теоретическихъ началъ, принимаемыхъ разными сектами: онъ ко всѣмъ

имъ былъ одинаково равнодушенъ. Но ему очень важно было вліяніе обученія, предположеннаго имъ, на перевоспитаніе будущаго человѣчества, и потому онъ никакъ не хотѣлъ допустить—ни того, чтобы разногласія сектъ вторглись въ мирное святилище его школы, ни того, чтобы одна изъ сектъ исключительно завладѣла религіознымъ обученіемъ, насильно связавши такимъ образомъ совѣсть дѣтей нравственными путями. Высказываясь все съ болѣею рѣшительностью, Овэнъ наконецъ прямо обвинилъ все клерикальное направленіе въ безспіиіи и пустотѣ за то, что оно, толкуя о нравственности и о добрѣ, на дѣлѣ оказывалось слугою сильныхъ міра и не заботилось о томъ, чтобы извлечь изъ бездны нищеты и разврата миллионы людей, погибавшихъ подъ гнетомъ своихъ притѣснителей. Это обвиненіе вызвало громы противъ Овэна. Онъ принужденъ былъ отступить отъ своихъ требованій по вопросу объ обученіи.

Въ это самое время умеръ герцогъ Кентскій, бывшій искреннѣе другихъ аристократовъ расположеннымъ къ Овэну. Послѣ смерти его и послѣ достаточнаго раскрытія теорій Овэна, аристократія значительно охладѣла къ нему. Такимъ образомъ въ двухъ, самыхъ сильныхъ въ Англіи, классахъ общества Овэнъ не могъ надѣяться ни на какую поддержку.

Оставалось ему примкнуть къ одной изъ политическихъ партій, и всѣхъ ближе къ его стремленіямъ были радикалы. Но и тутъ Овэнъ не умѣлъ заставить себя польстить имъ. Въ это время шли сильныя толки о реформѣ *иммунитъ мистечекъ*, отъ которой радикалы ждали совершеннаго обновленія общества. Овэнъ въ простотѣ души имѣлъ смѣлость объяснить имъ, что замышляемые ими мѣры вовсе не такъ важны, что онѣ даже недостаточны и что отъ нихъ весьма мало будетъ толку для благосостоянія народныхъ массъ. Радикалы вознегодовали и лишили Овэна своего довѣрія. Прямодушіе и рѣшительность и тутъ повредили наивному чудаку!

Видя, что теорія принимается плохо, Овэнъ рѣшился опять дѣлать пропаганду фактами. Съ этой цѣлью онъ между прочимъ открылъ подписку на учрежденіе новой колоніи и первый самъ подписалъ 500 фунтовъ стерл. Черезъ нѣсколько времени составила довольно значительная сумма, на которую было куплено въ Шотландіи, въ Мотервилѣ, 500 акровъ земли и сдѣланы были первыя приготовленія для заведенія колоніи... Не довольствуясь Шотландіей и Англіей, Овэнъ отправился въ Ирландію, чтобы и тамъ возбудить общее участіе къ жалкой участи несчастныхъ простолюдиновъ. Въ Дублинѣ три раза составлялъ онъ собранія, подъ предѣлательствомъ лорда-мэра,—въ которыхъ положено было основаніе филантропическому обществу, окончательно организовавшемуся нѣсколь-

ко позже. Въ это же время удалось ему учредить въ Лондонѣ *кооперативное общество* (Cooperative society), которое черезъ нѣсколько лѣтъ чрезвычайно разширилось, но сначала все-таки не удовлетворило Оуэна. Ему тяжело было встрѣчать непрерывныя ограниченія и стѣсненія своихъ стремленій; онъ хотѣлъ болѣе простора для своей дѣятельности и, недовольный Европою, сталъ помышлять о поѣздкѣ въ Америку. Въ 1824 г. онъ дѣйствительно отправился туда, съ намѣреніемъ основать тамъ колонію на подобіе Нью-Лэнрка.

Прибывши въ Сѣверную Америку, Оуэнъ вскорѣ нашелъ очень удобное мѣсто для своихъ опытовъ. Въ Индіанскомъ округѣ Соединенныхъ-Штатовъ, на берегахъ рѣки Вэбаша, существовала уже съ 1803 года колонія такъ называемыхъ *гармонистовъ*, представлявшая собою родъ религіозной секты, съ суровыми, почти аскетическими правилами, подъ управленіемъ нѣмца Раппа. Колонія эта, равно какъ и самая мѣстность, называлась Гармонія. Тутъ же по близости нашелъ удобное мѣсто для своего предполагаемаго поселенія и Оуэнъ. Онъ приобрѣлъ здѣсь деревеньку, въ которой могло поселиться до 2,000 душъ, и при ней—30,000 акровъ земли. Сдѣлавши покупку земли, Оуэнъ отправился въ Вашингтонъ, имѣлъ свиданіе съ президентомъ и получилъ дозволеніе изложить свои мнѣнія и предположенія предъ конгрессомъ. Съ обычною простотою и свободою представилъ онъ конгрессу свои намѣренія и былъ выслушанъ съ чрезвычайною внимательностію и уваженіемъ. Предоставляя полный просторъ для всякой пропаганды, Соединенные-Штаты не воздвигали противъ Оуэна такихъ официальныхъ препятствій, какія встрѣтилъ онъ въ Англіи. Поэтому, заявивши всеародно и открыто свои убѣжденія, онъ свободно могъ предаться своимъ идеямъ и стремиться къ осуществленію своихъ замысловъ. Въ скоромъ времени около него сгруппировалась масса людей, изъяснившихъ полное сочувствіе къ его принципамъ. Новая колонія, названная Оуэномъ Нью-Гармони, —наполнилась поселенцами. Поселенцы эти представляли замѣчательное разнообразіе въ своихъ идеяхъ, побужденіяхъ, степени развитія, въ характерѣ, званіи, даже въ вѣрѣ и національности. Одно только было обще всѣмъ или почти всѣмъ: *бѣдность*. Богачи и люди достаточные не откликнулись на призывы Оуэна, и это было уже не совсѣмъ хорошимъ признакомъ для реформатора. Это уже давало поводъ подозрѣвать, что къ нему присоединяются болѣе изъ корыстныхъ видовъ, нежели по чистому убѣжденію. И подозрѣніе оказалось въ самомъ дѣлѣ справедливымъ. Изъ толпы, собравшейся къ Оуэну, очень немного было людей истинно порядочныхъ. Большая часть шла съ тѣмъ, чтобы пожить безъ нужды и безъ заботъ, на счетъ благотворителя, наивно мечтающаго о всеоб-

щемъ благоденствіи. Такимъ образомъ уже съ самаго начала Нью-Гармони находилась въ положеніи гораздо болѣе затруднительномъ и неблагопріятномъ для плановъ Овэна, чѣмъ каково было положеніе Нью-Лэнарка. Тамъ реформы Овэна произошли совершенно естественно изъ предшествующаго порядка дѣлъ на фабрикѣ; тамъ не люди пришли къ нимъ, а онѣ были приложены къ людямъ; тамъ сами люди эти понимали, что ихъ трудомъ и ихъ честностью должна обезпечиваться для хозяина возможность продолжать для нихъ свои благодѣтельные мѣры. Здѣсь ничего подобнаго не было: здѣсь люди шли на кличъ къ Овэну, приступали къ нему съ надеждами и требованіями, а онъ давалъ имъ обѣщаніе и какъ бы обязательство въ томъ, что они будутъ благополучны подъ его руководствомъ. Очевидна вся невыгода положенія, въ какое поставилъ себя Овэнъ въ виду этой толпы грубыхъ, невѣжественныхъ и развращенныхъ нищихъ, изъ какихъ состояло большинство людей, собравшихся въ Нью-Гармони. Если бы Овэнъ имѣлъ менѣе энтузіазма къ своимъ идеямъ и болѣе осторожности, то онъ самъ, конечно, при самомъ началѣ своей новой колоніи понялъ бы, что тутъ нельзя ожидать полной удачи. Но онъ такъ вѣрилъ въ могущество своихъ принциповъ, что даже при самыхъ дурныхъ шансахъ не могъ отказаться отъ попытки. Онъ принялся за дѣло организаціи новой общины, и нужно еще удивляться, какъ много успѣлъ онъ сдѣлать при обстоятельствахъ столь неблагопріятныхъ. Вотъ нѣсколько строкъ о Нью-Гармони изъ Луи-Рейбо, который очень недолгоблываетъ идеи Овэна и старается изобразить ихъ не только химерическими, но даже отчасти и вредными. Несмотря на свое глубокое убѣжденіе, что попытка Нью-Гармони была совершеннѣйшая чепуха и ни при какихъ условіяхъ не могла удался, онъ не можетъ однако же не сознаться въ слѣдующемъ. «Нельзя впрочемъ не отдать Овэну справедливости въ томъ, что онъ и здѣсь по возможности умѣлъ возобновить и продолжать благодѣтельные учрежденія Нью-Лэнарка. Дѣти, составлявшія главную надежду Овэна, обращали на себя особенное его вниманіе. У него были усовершенствованы всѣ методы воспитанія, и онъ умѣлъ отъ юношей добиться того, къ чему напрасно старался приучить людей зрѣлыхъ лѣтъ, — дружной и старательной земледѣльческой работы. Въ главномъ центрѣ колоніи учреждены были общества земледѣльи и механическихъ искусствъ, и горсть порядочныхъ людей, послѣдовавшихъ Овэну, принялась по его внушеніямъ образовывать и смягчать грубость этого, почти дикаго, населенія. Здѣсь давали балы, концерты, вечера; самыя низкія работы перемѣшивали съ занятіями самыми деликатными. Такъ напримѣръ, убравши короній хлѣбъ, молодыя женщины сажались у себя за фортепьяно, что нема-

до забавляло герцога Саксен-Веймарскаго, когда онъ постигъ Нью-Гармони. Придуманъ былъ особенный костюмъ для всѣхъ одинаковъ: для женщинъ — платья нѣсколько античнаго покрою, для мужчинъ — греческія тунники и широкія шаровары. Сколько было возможно, Овэнъ старался отучить своихъ колонистовъ отъ тысячи условныхъ тонкостей, которыя наше тщесловіе внесло въ нашу общественную жизнь и которыхъ корень кроется — отчасти въ привычкахъ всѣхъ вообще, отчасти же и въ претензіяхъ немногихъ. Помѣщеніе было одинаково у всѣхъ расположено и меблировано; одежда была однообразна, пища — общая всѣмъ. Сдѣлавши это описаніе, Рейбо заключаетъ, что община Овэна, можетъ быть, и могла бы существовать съ успѣхомъ, если бы въ ней не было «роковаго принципа общинности», т. е. если бы она была устроена не на тѣхъ началахъ, на которыхъ дѣйствительно устроена. — «Но Овэнъ, желая составить *человѣческую* общину, требовалъ для нея *ангельскаго* населенія», остроумно замѣчаетъ Рейбо, забывая, что Овэнъ именно отличался отсутствіемъ всякой требовательности въ отношеніи къ людямъ, вступавшимъ въ его общину. Людей, сдѣлавшихся полу-скотами, онъ хотѣлъ сдѣлать полными людьми, и не разъ это удавалось ему. Онъ полагалъ, что можетъ всѣхъ людей возвратитъ къ жизни истинно-человѣческой, не ангельской и не скотской, — и въ этомъ самонадѣянномъ мнѣніи была огромная ошибка. Онъ вѣрнулъ наприимѣръ въ то, что человѣкъ здоровый и обезпеченный въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, не станетъ лежать на боку, брезговать работою и поѣдать плоды чужихъ трудовъ; ему казалось, что всѣмъ людямъ очень легко внушить понятіе о полной солидарности ихъ правъ и обязанностей, и что легко провести эту солидарность во всей практической дѣятельности общины. Судя по себѣ и по нѣкоторымъ избраннымъ натурамъ, Овэнъ думалъ, что трудъ самъ въ себѣ заключаетъ много пріятельности и что жизнь на чужой счетъ тяжела и отвратительна для *всякаго* человѣка. Это уже было, разумѣется, дѣтски-ошибочно. Правда, въ членахъ своей общины Овэнъ успѣвалъ обыкновенно пробудить сознаніе въ справедливости его началъ; но отъ сознанія еще слишкомъ далеко до практической дѣятельности. Не клочокъ земли, не мѣсяцы и не годы нужны были для того, чтобы нерассоздать общественныя привычки. Все производа изъ обстоятельствъ, Овэнъ надѣялся, что привычки эти легко будутъ забыты при новой общественной обстановкѣ, созданной имъ. Но и тутъ онъ былъ слишкомъ легковѣренъ и самонадѣянъ: онъ выступалъ на борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ, противопоставляя свои, вновь изобрѣтенныя условія жизни — тѣмъ всемірнымъ условіямъ, которыми до того опредѣлялась жизнь человѣческая. Онъ считалъ не-

лѣнныя всѣ эти условія; но онъ самъ былъ нелѣпъ, воображая, что эти освященные вѣдами нелѣпости можно разрушить экспромтомъ. Еще можно бы имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ, предлагая замѣнить эти нелѣпости другими, равномерно бессмысленными; но чего же могъ надѣяться общественный реформаторъ, вопиавшій противъ нелѣпостей—даже не во имя высшихъ туманныхъ абстракцій, а просто во имя здраваго смысла, во имя первыхъ, насущныхъ потребностей здоровой человѣческой природы?...

Овэнъ самъ замѣтилъ свою опрометчивость, когда увидѣлъ, что въ Нью-Гармони образовалась ватага лѣнтяевъ, старавшихся только воспользоваться преимуществами общинной жизни и отклонить отъ себя всѣ труды и обязанности. Работы въ Нью-Гармони вообще пошли очень дурно; оказался большой дефицитъ въ приходахъ противъ расходовъ, и Овэнъ, признавшись, что «характеры еще мало приготовлены для его системы», счелъ за лучшее опять обратиться къ теоріи и пропагандѣ. Въ Сѣверной Америкѣ ученіе его распространялось очень быстро, и въ 1827 г. считалось уже до 30 общинъ, основанныхъ по началамъ его системы. Многое изъ нея было принято и въ маленькихъ религіозныхъ общинахъ, подобныхъ «Гармоніи» Ранпа. Но въ то же время воздвиглась противъ него и вражда партій. На первомъ планѣ явилась, разумеется, и здѣсь — партія клерикальная. Овэну пришлось выдержать ожесточенную борьбу съ однимъ фанатикомъ—методистомъ, Кэмпбелемъ, который путешествовалъ по Соединеннымъ Штатамъ, проповѣдуя крестовый походъ противъ Овэна и его послѣдователей. Проповѣди этой Овэнъ не боялся: но ему непріятно было встрѣтить и здѣсь тоже ожесточеніе противъ себя, какое видѣлъ онъ въ Европѣ. Всего же болѣе огорчило его то, что въ Нью-Гармони чрезвычайно слабо принимались его идеи. Онъ нетерпѣливо желалъ произвести въ своей общинѣ братство и трудолюбіе, и принужденъ былъ видѣть дѣнь, эгоизмъ и раздѣленіе, постоянно противопоставляясь всѣмъ его успѣхамъ. Надѣясь, что время поможетъ упроченію его системы, Овэнъ рѣшился между тѣмъ употребить свое время и труды на поприщѣ болѣе обширномъ. Оставивши управленіе Нью-Гармонійской колоніей и отказавшись отъ всякаго права на вознагражденіе за свои капиталы, затраченные на эту общину, Овэнъ отправился въ Европу, чтобы тамъ распространять свое ученіе.

Въ Европу призывало Овэна и единаго сочувствіе, выраженное многими образованными людьми къ его идеямъ. Возвратившись въ Англію, Овэнъ нашелъ, что основанное имъ кооперативное общество чрезвычайно дѣятельно и энергично стремилось къ распространенію и осуществленію его теорій. Въ Дублинѣ, Брайтонѣ, Ливерпулѣ, Гла-

сговѣ, Эдинбургѣ, Бирмингемѣ, Манчестерѣ и другихъ городахъ учреждены были секціи этого общества. Повсюду готовились публичные собранія его послѣдователей, повсюду въ комитетахъ изыскивали средства пропаганды. Въ Лондонѣ Оуэнъ нашелъ митингъ изъ 2,000 человекъ, сочувствовавшихъ начинаніямъ общества. Основанъ былъ журналъ «Cooperative Magazine», посвященный исключительно распространенію, разъясненію и защитѣ доктринъ, принятыхъ обществомъ. Наконецъ въ большей части членовъ общества замѣчалось горячее желаніе осуществить въ новой реальной попыткѣ теоріи, проповѣданныя Оуэномъ. Почти въ каждомъ изъ частныхъ собраній общества предлагалась подписка на основаніе новой колоніи на началахъ, выработанныхъ въ теоріи Оуэна. Одна такая колонія дѣйствительно и была основана въ Орбистонѣ, селеніи близъ Эдинбурга, на земляхъ господина Гамильтона, бывшаго однимъ изъ главныхъ подписчиковъ на учрежденіе колоніи въ Мотервиллѣ. Управленіе этой общиной ввѣрено было Абраму Комбу, одному изъ замѣчательныхъ послѣдователей ученія Оуэна. Комбъ сдѣлалъ въ Орбистонѣ нѣкоторые отступленія отъ чисто-общиннаго начала, принятаго Оуэномъ. Въ Орбистонѣ, кромѣ арендаторовъ пользовавшихся общинными владѣніями, допущены были и собственники, и даже дозволено одному и тому же лицу быть и арендаторомъ общины и въ тоже время имѣть свою собственность. Этой уступкою Комбъ думалъ примирить капиталистовъ съ возможностью принять общинное начало. Но само собою разумѣется, что подобная уступка была слишкомъ жалка и ничтожна для капиталистовъ и вообще для людей зажиточныхъ. Въ Орбистонскую общину, такъ точно какъ и въ Нью-Гармони, столпились бѣдняки, желавшіе только пользоваться удобствами ея. Здѣсь нашли они готовое помѣщеніе, — опрятные домики, фермы, огороды, сады, по которымъ не безъ пріятности можно было прогуливаться, и они были очень довольны, и дѣйствительно прогуливались, не отказывая между прочимъ и въ своей благодарности тому, кто все это устроилъ. Но работали они лѣнливо, говоря, что ежели убивать себя надъ работой, такъ и вездѣ можно жить довольно сносно, а что Оуэновскія общины тѣмъ-то и должны отличаться, чтобы въ нихъ безъ всякаго труда можно было жить въ свое удовольствіе. Попробовали этимъ людямъ говорить о нравственномъ совершенствованіи: они пришли въ недоумѣніе. Имъ казалось, что они и такъ достаточно хороши и нравственны, и они объявили, что нравственнѣе быть не желаютъ. Съ такимъ народомъ сладить было довольно трудно; но Комбъ смѣло пошелъ на встрѣчу всѣмъ затрудненіямъ. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и изумительнымъ тактомъ принялся онъ за исправленіе нравственнаго характера Орби-

стонскихъ поселенцевъ, и труды его увѣнчались подъ конецъ его жизни значительнымъ успѣхомъ. Въ колоніи водворилась тишина и взаимная услужливость, мужчины сдѣлались трезвыми и дѣтельными, женщины стали стыдиться сплетенъ и также принялись за дѣло; во всемъ населеніи проявилась любовь къ труду и доброму порядку въ жизни. Производительность мастерскихъ Орбистонской колоніи значительно усилилась, и Комбъ уже не сомнѣвался, что въ Орбистонѣ скоро повторится тоже, что представлялъ собою Нью-Лэнаркъ при Овэнѣ. Но въ 1827 г. Комбъ умеръ, и съ его смертію разстроилось все дѣло, которое онъ умѣлъ вести съ такимъ успѣхомъ.

Посѣтивши многія мѣстности Англіи, въ которыхъ были собранія его послѣдователей, произнесши нѣсколько публичныхъ рѣчей, напечатавши нѣсколько статей, Овэнъ во второй разъ отправился въ Америку, чтобы и тамъ продолжать свое дѣло. Здѣсь посѣтилъ онъ Нью-Гармони и нашелъ здѣсь, вмѣсто общиннаго поселенія, обыкновенное учрежденіе, въ которомъ работники забраны были въ руки людьми, имѣвшими въ своихъ рукахъ капиталы, и гдѣ господствовали—обычное недовольство рабочихъ и обычное угнетеніе со стороны капиталистовъ. Видя, что тутъ уже дѣла нельзя поправить, Овэнъ обратился въ другое мѣсто. Мексиканское правительство предложило ему для его поселеній Техасъ. Начались переговоры; но когда Овэнъ объявилъ непремѣннымъ условіемъ совершенную свободу совѣсти и религіознаго обученія, духовенство и тутъ возстало на него и еще разъ помѣшало его намѣреніямъ. Въ 1829 г. Овэнъ опять возвратился въ Англію.

На этотъ разъ онъ явился вовсе не во-время. Борьба средняго сословія съ аристократіей явно склонялась уже въ пользу перваго. Парламентская реформа была уже рѣшена въ общественномъ мнѣніи; коттонъ-лорды принимали на себя представительство рабочихъ массъ, и всякая попытка эманципации работниковъ казалась имъ враждебною и опасною для ихъ политическаго значенія. Поэтому общество очень холодно встрѣтило теперь пропаганду Овэна, и въ 1830 г. онъ является уже почти исключительно въ союзѣ съ рабочими; его имя стоитъ во главѣ нѣкоторыхъ предпріятій, въ которыхъ рабочее сословіе вступало въ борьбу съ своими хозяевами. Самъ онъ не могъ теперь начинать большихъ предпріятій, потому что огромное состояніе его было большею частію растрчено въ прежнихъ попыткахъ разнаго рода, частію же передано дѣтямъ. Теперь Овэну оставалась только пропаганда и личное участіе въ судьбѣ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи онъ былъ неутомимъ. Онъ путешествовалъ изъ города въ городъ съ своей пропагандой, остано-

вливаясь преимущественно въ мѣстахъ, служившихъ центрами промышленнаго движенія, — въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингемѣ, Гласговѣ и пр. Въ 1834 г. ему пришлось между прочимъ играть важную, но весьма неблагоприятную роль въ дѣлѣ возстанія работниковъ въ Лондонѣ. Возстаніе это было продолженіемъ и отчасти слѣдствіемъ волненія, происшедшаго передъ тѣмъ въ Манчестерѣ, и строгаго суда надъ тамошними работниками. Сто тысячъ человѣкъ поднялись и пошли къ сентъ-джемскому дворцу, со значками каждаго ремесленнаго цеха. Оуэнъ въ этомъ случаѣ принялъ на себя переговоры съ правительствомъ. Уговоривши работниковъ быть спокойнѣе и выражать только разумныя требованія, съ соблюденіемъ полнаго уваженія къ порядку и законности, онъ явился въ Сентъ-Джемъ, чтобы изложить передъ правительствомъ справедливыя желанія и жалобы рабочаго класса. Но министры не умѣли оцѣнить умѣренность и благородство его представленій. Оуэнъ являлся передъ ними въ качествѣ ходатая за народъ, и этого въ ихъ глазахъ было достаточно, чтобы принять его свысока и непріязненно и не уважить его представленій. Ничего не добившись, воротился Оуэнъ къ толпѣ, ожидавшей результата его переговоровъ, и былъ ею принятъ тоже неласково, какъ человѣкъ, на котораго пало подозрѣніе въ добродѣтель правительству.... Такимъ образомъ его добродушіе и любовь къ справедливости послужили только поводомъ къ обвиненію его чуть не въ измѣнѣ съ той и другой стороны....

Общественное мнѣніе высшихъ классовъ все болѣе и болѣе вооружалось противъ Оуэна, по мѣрѣ того, какъ предъ всѣми проявлялась и доказывалась его приверженность къ дѣлу рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ монополіями капитала. Между прочимъ много нареканій навлекло на него одно предпріятіе, въ которомъ онъ не игралъ почти никакой роли, но гдѣ его имя было пущено въ ходъ, даже почти безъ всякаго права. Это былъ заговоръ работниковъ противъ хозяевъ, съ цѣлью заставить ихъ возвысить заработную плату. Рѣшено было, что если хозяева не сдѣлаютъ прибавки, то работники должны отказаться отъ работы на неопредѣленное время. Составлена была пѣдписка, и для поддержки ремесленниковъ, отошедшихъ отъ хозяевъ, собрано было до 40,000 фунтовъ стерл. (около 250,000 р. с.). Въ общемъ собраніи бросили жребій, кому начинать борьбу; жребій палъ на портныхъ, особенно многочисленныхъ въ Лондонѣ. Портные потребовали отъ хозяевъ возвышенія задѣльной платы и, получивъ отказъ, бросили работу. Въ теченіе мѣсяца они получали хорошее содержаніе изъ общей кассы, но на другой мѣсяцъ она истощилась, — а хозяева и не думали смиряться предъ работниками.

Сдѣланъ былъ заемъ для рабочихъ, въ надеждѣ, что — вотъ скоро хозяева попросятъ мира. Но прошелъ и еще мѣсяцъ, а хозяева не сдавались. Послѣднія средства общества истощились, и работникамъ самимъ пришлось идти на поклонъ. Всей этой исторіей воспользовались недоброжелатели Овэна для того, чтобы осмѣять и очернить его, хотя онъ даже съ самаго начала предпріятія не совѣтъ одобрялъ его.

Болѣе серьезное и дѣйствительное участіе принималъ Овэнъ въ предпріятіи, которое образовалось подъ именемъ «правильнаго обмена народнаго труда» (National labour equitable exchange). Начала этого предпріятія были очень просты: работники должны были получать за свой трудъ квитанціи, съ означеніемъ въ нихъ количества рабочихъ часовъ, въ которые они занимались у хозяина. Эти квитанціи могли потомъ служить вмѣсто монеты при покупкѣ работниками разныхъ продуктовъ. Напр. портной, покупая сапоги, давалъ сапожнику известное количество *рабочихъ часовъ* своихъ; сапожникъ, покупая хлѣбъ, могъ дать булочнику квитанцію своихъ рабочихъ часовъ или передать квитанцію, полученную отъ портнаго, и т. д. Осуществленіе этой мысли сильно занимало Овэна, и онъ придумалъ даже родъ кредитныхъ билетовъ, въ которыхъ счетъ составляется не рублями, а часами работы. Нѣсколько позднѣе тоже самое предлагалось во Франціи, въ «Banque d'échange», придуманномъ Прудомъ. Въ послѣднее время сами экономисты склоняются нѣсколько къ этой мысли. Но при началѣ предпріятія Овэна на него накинута всѣ, какъ на сумасброда, называли его безпокойнымъ мечтателемъ, смѣялись надъ ребяческой неосновательностью его затѣй и т. п. Въ Лондонѣ ему рѣшительно житья не было. Онъ удалился въ Манчестеръ.

Въ Манчестерѣ нѣсколько лѣтъ уже предъ тѣмъ существовало между работниками дружеское общество, имѣвшее цѣлью—взаимное вспомошествованіе и круговую поддержку другъ друга. Довольно долгое время составлялся въ кругу рабочихъ общинный капиталъ, отлагавшійся изъ ихъ же доходовъ. Овэнъ, явившись въ Манчестеръ, сдѣлался руководителемъ и главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій общества. Подъ его вліяніемъ кругъ общества значительно разширился, капиталъ увеличился, много замѣчательныхъ людей принялъ участіе въ дѣлахъ манчестерскихъ работниковъ, наконецъ дружеское общество работниковъ превратилось въ «союзъ людей всѣхъ классовъ и націй» (Association of all classes, of all nations), связанный единствомъ идей и стремленій. Въ скоромъ времени Манчестеръ сдѣлался главнымъ мѣстомъ соединенія и дѣятельности послѣдователей Овэна. Здѣсь постоянно составлялись собранія и митин-

ги овэнистовъ, здѣсь издавалось нѣсколько журналовъ, старавшихся проводить его идеи. Даже главный журналъ Овэна «New moral World», начатый въ Лондонѣ, продолжался потомъ въ Манчестерѣ. Овэнъ очень дѣятельно участвовалъ въ этомъ журналѣ, такъ что почти не появлялось ни одного нумера, въ которомъ бы не было его статьи или хотя коротенькой замѣтки. Кромѣ того, онъ писалъ въ это время и сочиненія болѣе обширныя, которыя, равно какъ и прежнія свои статьи, раздавалъ даромъ. Изъ нихъ замѣчательнѣе другихъ были: «Чтенія о новомъ общественномъ устройствѣ»; «Опытъ объ образованіи человѣческаго характера»; «Шесть чтеній въ Манчестерѣ»; «Планъ разумной системы»; «Книга новаго нравственнаго міра». Въ «Манчестерскихъ чтеніяхъ» представляется теологическій споръ Овэна съ Робаккомъ, очень сильно и бойко нападавшимъ на его принципы въ отношеніи къ религіи. Кромѣ самого Овэна, въ его духъ писали въ это время — Абрамъ Комбъ, А. Ленъ, Томпсонъ, Джемсъ Брэби и др. Отъ многихъ изъ своихъ *будто-бы послѣдователей* Овэнъ впрочемъ самъ отрекался.

Въ 1838 г. Овэнъ совершилъ поѣздку во Францію. Здѣсь встрѣтилъ онъ особенное участіе со стороны гг. Жюля Ге, доктора Эвра и г. Радигеля. При посредствѣ ихъ онъ добился дозволенія два раза говорить въ Атенѣ, изложилъ свои общіе принципы, свои планы и надежды, и успѣлъ возбудить нѣкоторое еочувствіе. По крайней мѣрѣ съ этихъ поръ французское образованное общество обратилось къ чтенію и изученію его произведеній, которыя до того времени знало только по слухамъ.

Возвратившись въ Англію, Овэнъ въ 1839 г., съ горстью приверженцевъ, оставшихся вѣрными его идеямъ, предпринялъ было еще попытку основать колонію въ духѣ тѣхъ же началъ, какъ были основаны Нью-Ленаркъ, Нью-Гармони и Орбистонъ. Собрана была довольно значительная сумма, и въ Соутэмптонѣ положено начало колоніи, названной Гармони—Голль. Но всѣ условія были слишкомъ неблагоприятны на этотъ разъ, и въ 1845 г. все предпріятіе рушилось.

Въ послѣдніе годы своей жизни Овэнъ ограничился почти исключительно теоретической пропагандой своихъ идей. Въ 1840 г. произошло одно обстоятельство, по поводу котораго опять шумно заговорили и долго шумѣли объ Овэнѣ. Королева Викторія пожелала говорить съ Овэномъ и узнать его систему; черезъ посредство лорда Мельбурна онъ былъ ей представленъ. По этому случаю поднялись страшные крики со стороны оппозиціи въ парламентѣ и со стороны высшаго духовенства Англіи, котораго представителемъ явился

теперь епископъ Экзетерскій Фильпотъ. Нападали и на Овэна, и на министра, объявляя фактъ представленія Овэна королевѣ, какъ что-то безсмысленное и чудовищное. Нападенія ихъ вызвали со стороны Овэна протестацію, которая явилась подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Манифестъ Роберта Овэна, изобрѣтателя и основателя системы разумнаго общества и религіи». Высказывая свои общія воззрѣнія, Овэнъ сообщаетъ здѣсь и нѣкоторые факты своей дѣятельности. Нензлѣспимо — милое добродушіе и спокойствіе господствуетъ въ этомъ «Манифестѣ», и тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ смѣлость и широта воззрѣній, высказываемыхъ въ немъ съ такой простотою. «Манифестъ» этотъ не длппень, и мы рѣшаемся представить его читателямъ, чтобы дать понятіе о характерѣ воззрѣній и о самомъ способѣ выраженій Овэна. Не забудемъ, что это произведеніе полемиическое; и вотъ какъ Овэнъ ведетъ свою полемику.

«Манифестъ Роберта Овэна, основателя системы разумнаго общества и религіи».

I. Система общественнаго устройства, господствовавшая до нашего времени, имѣетъ своимъ источникомъ призрачныя понятія, которые произошли отъ первобытнаго, грубаго состоянія человѣческаго ума, лишеннаго основательныхъ знаній.

II. Всѣ виѣшнія обстоятельства, управляющія міромъ, суть произведеніе челоѣка и носятъ на себѣ отпечатокъ этихъ первобытныхъ, несовершенныхъ понятій.

III. Опытъ съ очевидностью доказываетъ всякому тщательному и мыслящему наблюдателю плачевную ложность этихъ первоначальныхъ, грубыхъ понятій. Въ предшествующіе вѣка, которые справедливо можно назвать *неразумнымъ періодомъ челоѣчества*, челоѣкъ былъ ими обманутъ на счетъ своей собственной натуры и доведенъ до того, что сталъ самымъ непослѣдовательнымъ и несовершеннымъ изъ всѣхъ существъ.

IV. Исторія челоѣчества неотразимо доказываетъ неразвитость до селѣ челоѣческаго ума, и каждая изъ ея страницъ подтверждаетъ въ подробностяхъ, какъ безумны и безтолковы были его стремленія.

V. Исторія доселѣ была только рядомъ войнъ, убійствъ, грабежей, безконечныхъ раздѣленій, взаимныхъ противодѣйствій разныхъ сторонъ другъ другу въ достиженіи состоянія мирнаго и счастливаго; въ исторіи былъ доселѣ тотъ періодъ, когда *все были во враждѣ съ каждымъ, и каждый—во враждѣ со всеми*,—принципъ удивительно приспособленный къ тому, чтобы произвести какъ можно больше зла и какъ можно меньше счастья.

VI. Всѣ учрежденія, господствовавшія въ мірѣ, прямо вытекаютъ изъ этихъ первоначальныхъ, грубыхъ и ужасныхъ заблужденій нашихъ предковъ.

VII. Въмѣсто этой системы глубокаго невѣжества, принуждающей человѣка дѣлаться съ дѣтства, по уму и по образу дѣйствій, существомъ неразумнымъ, неослѣдовательнымъ и неспособнымъ понимать самыя нелѣпыя свои ошибки, я предлагаю нынѣ всѣмъ народамъ міра другую систему общественнаго устройства. Это система совершенно новая, основанная на началахъ, выведенныхъ изъ неизмѣнныхъ фактовъ, находящаяся въ полной гармоніи съ законами природы. Это система, въ которой каждому обеспечивается общее содѣйствіе всѣхъ, и *всѣмъ содѣйствіе каждое*, — принципъ удивительно удобный для того, чтобы произвести какъ можно больше добра и какъ можно меньше несчастій.

VIII. Я предлагаю систему человѣческой жизни, во всѣхъ отношеніяхъ противоположную системѣ прошедшей и настоящей, — систему, которая произведетъ *новый умъ и новую волю* во всемъ человечествѣ и каждой, съ неотразимою необходимостью, приведетъ къ послѣдовательности, разумности, здравому мышленію и здоровымъ поступкамъ.

IX. Эта новая система откроетъ людямъ глаза на прошедшее и настоящее развращеніе человѣческаго рода, на безуміе и ложность нашихъ учреждений, на настоятельную потребность измѣнить всѣ эти вышнія обстоятельства и принять другія учрежденія, *основанныя на дознанныхъ фактахъ и сообразныя съ нашей натурой*. По этимъ послѣднимъ признакамъ всякій человѣкъ можетъ отличить истину отъ лжи.

X. Въ этой системѣ столько силы, что она, и только она одна, можетъ скоро положить конецъ человѣческому невѣжеству; остановить возрастаніе пауперизма и отвратить возможность его возобновленія; уничтожить всѣ суевѣрія, господствующія надъ міромъ, и удалить всѣ причины разединенія людей, какъ на дѣлѣ, такъ и во взаимныхъ расположеніяхъ; произвести неисчерпаемое обиліе во всемъ, что необходимо для жизни и для удовольствій человѣка, и сдѣлать для него производительный трудъ болѣе легкимъ и пріятнымъ.

XI. Система эта не признана, но она столь могущественна, что въ самый тотъ годъ, когда ее примутъ, она произведетъ на землѣ болѣе благосостоянія, наслажденій и нравственности, нежели сколько старая система могла произвести въ теченіе вѣковъ и сколько она еще произведетъ въ будущемъ, какъ бы долго она ни существовала.

XII. Эта система такъ различна отъ нынѣшней, и въ теоріи, и въ практикѣ, и во всемъ своемъ характерѣ, что она произведетъ свои реформы спокойно, тихо, послѣдовательно и въ такомъ порядкѣ, что никто не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба въ своихъ интересахъ нравственныхъ и вещественныхъ, а напротивъ, всякій найдетъ въ ней удовлетвореніе и благо для себя, во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ народѣ.

XIII. Мало того, щадя ошибки прежняго общественнаго быта и не желая ни въ чемъ оскорблять совѣсти, новая система устроить дѣло такъ, что старыя суевѣрія всякаго народа умрутъ своею естественною смертію, съ возможно-меньшимъ неудобствомъ для личностей, которыхъ существованіе съ ними связано, и съ возможно-большей пощадой человѣческихъ слабостей.

XIV. Такъ какъ эти двѣ системы совершенно противоположны, то ясно, что сліяніе между ними невозможно ни въ какомъ случаѣ, даже тогда, когда одна изъ нихъ исчезнетъ въ другой. Старая система основана на заблужденіи и не можетъ защищать себя иначе, какъ съ помощью увертокъ и лжи. Новая система основана на истинѣ и не допустить никакого обмана—ни въ общественной, ни въ частной жизни, ни между отдѣльными личностями, ни между народами.

XV. Основатель новой системы былъ въ первый періодъ своей жизни промышленникомъ, самъ велъ дѣла, распоряжался, приобрѣлъ опытность, и онъ изъ своихъ знаній и опыта извлекъ положенія, основанныя на естественныхъ свойствахъ нашей природы и вполне имъ соответственныя.

XVI. Эти новыя положенія такъ необыкновенны, что въ ихъ сочетаніи для *всего* человѣчества заключается, при той же суммѣ труда, во сто разъ болѣе выгоды, нежели сколько старая система давала кому *нибудь* изъ людей. И эти неслыханные доселѣ планы, эти соображенія, долженствующія произвести новый нравственный міръ и дать человѣку разумный характеръ, готовы подвергнуться критическому разсмотрѣнію самыхъ ученыхъ, самыхъ практическихъ, самыхъ опытныхъ людей, въ четырехъ существеннѣйшихъ отрасляхъ человѣческой жизни, т. е. 1) въ производствѣ; 2) въ распредѣленіи богатствъ; 3) въ образованіи человѣческаго характера съ дѣтства; 4) въ установленіи мѣстнаго и общаго управленія.

XVII. Новая нравственная система не можетъ имѣть дѣла съ старою безнравственною системою иначе, какъ только для того, чтобы привести ее къ полнѣйшему, мирному уничтоженію. И паденіе людей, которые считали для себя выгоднымъ поддерживать старый порядокъ вещей, доказываетъ, что часъ совершеннаго преобразованія уже пробѣлъ.

XVIII. Вниманіе народовъ, въ видахъ ихъ собственнаго благоденствія, обращено уже на этотъ важный предметъ, интересны для нынѣ живущихъ и для тѣхъ, которые еще будутъ жить.

XIX. Основатель этой системы, уже около полулѣта работающій надъ ея усовершенствованіемъ, проситъ себя позволенія говорить въ обѣихъ палатахъ не только для того, чтобы вступить въ борьбу съ противниками, которые его не понимаютъ, но и затѣмъ, чтобы вернуть предъ глазами всего міра безмѣрные выгоды его ученія.

XX. *Центральный совѣтъ*, составляющій исполнительную власть всеобщаго и общиннаго товарищества разумной системы, также проситъ

себѣ слова въ обѣихъ палатахъ, чтобы опровергнуть чудовищныя клеветы, разсыяныя по странѣ и письменно и словесно разными противниками нашими, которые считали выгоднымъ для себя нападать на нашу реформу».

«Основатель разумной системы осуществилъ уже впрочемъ нѣкоторую долю своихъ намѣреній и далъ міру маленькое понятіе о томъ, что можетъ онъ совершить на пользу человѣческихъ обществъ.

1) «Своимъ примѣромъ, своими сочиненіями, рѣчами, ходатайствомъ предъ различными законодателями,—онъ добился *улучшенія участи дѣтей*, работающихъ на англійскихъ фабрикахъ по требованіямъ несправедливой системы производства, истощающей цѣлыя поколѣнія и представляющей самое варварское явленіе въ этомъ мірѣ, имѣющемъ претензію считать себя цивилизованнымъ (см. парламентскія засѣданія 1816—1818 г.).

2) «Онъ придумалъ и учредилъ, сообразно съ началами разумной системы общества, *дѣтскія школы*, въ которыхъ новая, высшая система внѣшней обстановки, дѣйствуя на образованіе юныхъ характеровъ, производила въ нихъ привычки и наклонности мирно-благжелательныя и одушевляла ихъ любовью ко всѣмъ. Въ этихъ школахъ сообщались дѣтямъ только положительныя и вѣрныя знанія, въ дружескихъ разговорахъ учениковъ съ наставниками, посвященными въ тайну познанія человѣческой природы. (См. сочиненіе «Объ образованіи человѣческаго характера» и адресъ 1816 г., относительно образованія новыхъ учрежденій для воспитанія человѣческаго характера).

3) «Въ 1816 г. онъ далъ г. Фальку, голландскому посланнику, проэктъ уничтоженія нищенства посредствомъ заведенія пріютовъ для бѣдныхъ и предоставленія имъ общественныхъ работъ. Г. Фалькъ одобрилъ этотъ проэктъ и представилъ его своему правительству, которое въ слѣдующемъ году дѣйствительно и учредило «Колонію бѣдныхъ голландскихъ» и «Благотворительное общество». Въ этомъ почтенномъ обществѣ Фрэнсисъ, герцогъ Бедфордъ, и основатель разумной системы — единственные, кажется, почетные члены изъ англичанъ. Авторъ предварительно представлялъ свой проэктъ кабинету лорда Ливерпуля, и безъ сомнѣнія онъ бы согласился на опытъ, если бы въ совѣтахъ правительства, при всемъ ихъ чисто-мірскомъ характерѣ, не преобладало вліяніе клерикальное. А если бы планъ этотъ принятъ былъ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ авторъ представлялъ правительству, то бѣдные и рабочіе классы съ тѣхъ поръ уже значительно поднялись бы и были бы употреблены съ пользою. Болѣе мильона фунтовъ стерлинговъ напрасныхъ издержекъ было бы сбережено, въ замѣнъ того получилъ бы

бы болѣе ста милліоновъ дохода, произведеннаго новою, правильно-организованною промышленностью. Не нужно было бы требовать билля объ измѣненіи закона относительно таксы для бѣдныхъ; не было бы въ Англіи и Ирландіи народонаселенія умирающаго съ голоду; не слышно было бы жалобъ столькихъ несчастныхъ, и чартизмъ не существовалъ бы. (Въ подтвержденіе этого см. рапортъ Овэна о законѣ на счетъ бѣдныхъ, представленный комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ г. Стерд-жеса Берна).

4) «Въ томъ же 1816 г. основатель *разумной системы общества* представилъ прусскому посланнику, барону Якоби, планъ новой системы народнаго воспитанія и подробное изложеніе здравыхъ началъ общаго управленія. Въ возмездіе за это открытіе, основатель системы получилъ черезъ того же посланника собственноручное письмо короля Прусскаго, въ которомъ онъ благодарилъ автора и выказывалъ такое сочувствіе къ его системѣ, что изъявилъ намѣреніе поручить своему министру внутреннихъ дѣлъ — примѣнить ее во всѣхъ прусскихъ областяхъ, гдѣ только будетъ возможно. И въ самомъ дѣлѣ, — въ слѣдующемъ году новая система народнаго воспитанія была уже въ силѣ въ Пруссіи. (См. соч. «Объ образованіи человѣческаго характера» изданіе первое и послѣдующія).

5) «Основатель *разумной системы* дѣятельно помогалъ Беллю и Ланкастеру въ утвержденіи ихъ плановъ воспитанія. Онъ далъ первому, въ нѣсколько разъ, болѣе тысячи фунтовъ стерл. «Національному комитету» доктора Белля онъ далъ 500 фунтовъ и предлагалъ подписать 1000, если эти народныя школы будутъ открыты для *всѣхъ* дѣтей, безъ различія сословій и религій. О предложеніи этомъ спорили въ комитетѣ два дня, и оно было отвергнуто весьма ничтожнымъ большинствомъ голосовъ. (См. протоколы комитета).

6) «Въ 1816 и 1817 г. Овэнъ посѣтилъ замѣчательнѣйшихъ передовыхъ людей Франціи, Швейцаріи и части Германіи. Товарищами его въ дорогѣ были между прочимъ Кювье и Пиктетъ. Въ это время онъ былъ представленъ герцогомъ Кентскимъ герцогу Орлеанскому, нынѣшнему (1840 г.) французскому королю. Онъ посѣтилъ также замѣчательнѣйшія воспитательныя заведенія материка, особенно Фалленберга и Песталоцци, получая изъ устъ государственныхъ людей, законодателей, наставниковъ—такія свѣдѣнія, какія только могли быть сообщены лучшими умами того времени.

7) «Въ 1822 и 1823 г. Овэнъ поднялъ въ Ирландіи вопросъ о народномъ воспитаніи и объ употребленіи нищихъ на фабричныя работы. Здѣсь онъ былъ принятъ католическими и протестантскими епископами, главами аристократіи и самыми образованными людьми этой страны. Онъ собиралъ нѣсколько многочисленныхъ и оживленныхъ митинговъ въ Дублинѣ, и взялся представить обѣимъ палатамъ прошенія, говорившія въ пользу *разумной системы*. Значительныя, хотя впрочемъ все-таки недостаточныя, суммы были также подписаны здѣсь, въ ви-

дахъ осуществленія предложенныхъ плановъ. (См. отчетъ объ этихъ митингахъ, напечатанный немного спустя послѣ отъѣзда Оуэна изъ Дублина).

8) «Въ 1824 г. Оуэнъ отправился въ Соединенные Штаты, посѣтилъ тамъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ живыхъ, президентовъ, собралъ о многихъ политическихъ, административныхъ и социальныхъ вопросахъ мнѣнія столь отличныхъ и опытныхъ людей, какъ Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Монро, Джонъ — Квинси — Адамсъ. Онъ толковалъ съ членами высшаго судилища; два раза былъ выслушанъ въ конгрессѣ и получилъ со всѣхъ сторонъ благодаренія за свои указанія, заслужившія общее одобреніе! Потомъ онъ развивалъ свои идеи въ главнѣйшихъ городахъ Союза и въ двухъ своихъ путешествіяхъ входилъ въ сношенія со всѣми замѣчательнѣйшими людьми Штатовъ.

9) «Въ 1828 г. Оуэнъ явился въ Мексикѣ съ намѣреніемъ официально принять на себя управленіе Техасомъ, чтобы предотвратить бѣдствія, которыхъ театромъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ эта провинція. Онъ представилъ на этотъ счетъ мексиканскому правительству записку, составленную имъ въ Европѣ и предварительно сообщенную посланникамъ значительнѣйшихъ державъ американскихъ. Поддерживаемый ими и опираясь на рекомендацію Веллингтона предъ англійскимъ посланникомъ въ Мексикѣ, лордомъ Пакенгамомъ, Оуэнъ вошелъ въ переговоры. Самъ лордъ Пакенгамъ взялся изложить его планы въ официальной конференціи; онъ представилъ въ высшей степени похвальный отзывъ—и о методѣ Оуэна, и о его личности, и о качествахъ, дѣлавшихъ его вполне способнымъ къ выполнению предложеннаго дѣла. Президентъ отвѣчалъ, что мексиканское правительство серьезно разсмотритъ это дѣло, и что жаль только того, что управленіе Техасомъ не прямо зависитъ отъ Мексики. Потомъ онъ присовокупилъ: «если г. Оуэнъ желаетъ взять на себя управленіе территоріей гораздо болѣе обширной, мы можемъ ему предложить область, лежащую между Тихимъ океаномъ и Мексиканскимъ заливомъ и образующую, въ большей своей части, границу между Мексиканскимъ союзомъ и Соединенными Штатами». При этомъ великодушномъ предложеніи гг. Пакенгамъ и Оуэнъ не могли удержаться своего изумленія. Впрочемъ, когда начались объясненія, Оуэнъ предварительно потребовалъ, чтобы его провинція предоставлена была полная религіозная свобода. Президентъ отвѣчалъ, что это условіе можетъ служить помѣхою, такъ какъ въ Мексикѣ господствуетъ католическое исповѣданіе,—но что онъ представитъ конгрессу предложеніе о введеніи въ Мексикѣ вѣротерпимости, подобно Соединеннымъ Штатамъ. «На этихъ основаніяхъ, сказалъ тогда Оуэнъ,—я соглашаюсь; какъ скоро законъ будетъ принятъ, я прижусь за мои правительственные распоряженія». Въ остальное время своего пребыванія въ Мексикѣ Оуэнъ былъ представленъ высшимъ правительственнымъ лицамъ страны, и въ Вера-Крусѣ имѣлъ нѣсколько свиданій съ генераломъ Санта-Анною, выказавшимъ живѣйшее сочувствіе къ его проектамъ общественныхъ

улучшеній. Овэнъ отправился изъ Вера-Круса на военномъ десяти-пущечномъ бригѣ, присланномъ изъ Ямайки, чтобы отвезти его въ Новый-Орлеанъ.

10) «Въ своихъ путешествіяхъ Овэнъ могъ убѣдиться, сколько несогласій и гибельныхъ антипатій существовало между Соединенными Штатами и Англіей. Онъ понялъ, что дѣло можетъ дойти до того, что Штаты заключать союзъ съ сѣверными державами, враждебными Англіи. Овэнъ хотѣлъ попытаться — сдѣлать эти отношенія болѣе доброжелательными и искренними. Онъ отправился въ Вашингтонъ, представилъ г. Ванъ-Бюрену, тогдашнему министру, какъ противны были здравой политикѣ отношенія двухъ державъ, и въ конференціяхъ, продолжавшихся десять дней, вопросъ былъ совершенно разъясненъ между двумя посредниками. Представили дѣло тогдашнему президенту Джексону, который одобрилъ содержаніе и исходъ переговоровъ и изъяснилъ свое согласіе на открытіе дружественныхъ сношеній между двумя державами. Онъ пожелалъ видѣть Овэна, пригласилъ его на обѣдъ, и тутъ согласились, что Американскій Союзъ приметъ съ этихъ поръ новую политику, доброжелательную Великобританіи, если только эта послѣдняя приметъ тоже направленіе и проникнется тѣмъ же примирительнымъ духомъ. Съ этой увѣренностью Овэнъ отправился въ Европу. Едва прибывши въ Лондонъ, онъ представился лорду Абердину, далъ ему отчетъ во всемъ, что произошло, и получилъ отъ него увѣреніе, что отнынѣ установятся наилучшія отношенія между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами. Конфиденціальныя письма и депеши указали англійскимъ посланникамъ въ Америкѣ — сообразоваться во всемъ по этому дѣлу съ совѣтами Овэна. Дѣло пошло хорошо и было окончено къ обоюдному удовольствію. Овэнъ формально настаивалъ на необходимости порѣшить со всѣми маленькими разногласіями въ частностяхъ, — и очень жаль, что тогда не воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы положительно опредѣлить границы со стороны Канады. По поводу этихъ переговоровъ одинъ изъ принцевъ Мюратовъ сказалъ, въ одной книгѣ, изданной въ Соединенныхъ Штатахъ, что Овэнъ обманулъ американское правительство. Овэнъ, конечно, давно бы отвѣтилъ на это обвиненіе, если бы его зналъ. Молодой Мюратъ былъ вовлеченъ въ ошибку. Овэнъ никого не обманывалъ. Ему пріятно объявить теперь, что ни одно правительство въ мірѣ не могло бы вести себя съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, чѣмъ Соединенные Штаты въ этомъ случаѣ, и что съ другой стороны — онъ долженъ воздать величайшую похвалу и дѣйствіямъ англійскаго министерства, преимущественно же лордовъ Ливерпуля и Веллингтона. Онъ считаетъ однако нужнымъ замѣтить здѣсь, что недавно этотъ достоуважаемый генералъ отказался представить одну его просьбу палатѣ лордовъ, и даже не хотѣлъ выслушать его объясненій, — что впрочемъ нужно приписать только влиянію нѣкоторыхъ лицъ, *не хотѣвшихъ понять и оцѣнить планы разумнаго общества.* (Достоверность изложенныхъ здѣсь фактовъ могутъ

асвидѣтельствовать генераль Джэксонъ, президентъ Ванъ-Бюрень, графъ Абердинъ, генераль Санта-Анна и мн. др.)

11) «Видя, что мексиканское правительство не можетъ хорошенько уладить религіозный вопросъ, въ границахъ предположенныхъ Овэномъ, и понимая, что положеніе Мексики не представляло достаточныхъ гарантій для спокойнаго и послѣдовательнаго осуществленія его идей, Овэнъ отказался отъ общинныхъ опытовъ въ чужихъ странахъ и обратился къ своей родинѣ, которая нуждалась въ его преобразованіяхъ не менѣе или еще больше, чѣмъ всякая другая страна. Поэтому онъ употребилъ послѣднія десять лѣтъ на распространеніе въ англійскомъ народонаселеніи здравыхъ понятій и на приготовленіе его къ той мирной реформѣ, которую теперь онъ въ состояніи возвѣстить міру. Такимъ образомъ значительная часть рабочаго класса въ Англіи имѣетъ гораздо болѣе, нежели въ другихъ странахъ, здравыя понятія о всѣхъ вопросахъ, касающихся ихъ обезпеченія и благосостоянія. Черезъ нѣсколько лѣтъ результаты эти будутъ еще очевиднѣе, потому что тогда еще лучше узнаютъ на самомъ дѣлѣ истину, чистоту и всю важность новаго ученія. Робертъ Овэнъ посѣтилъ также въ недавнее время нѣкоторыя изъ старыхъ государствъ Европы, чтобы приготовить ихъ къ измѣненіямъ, которыя становятся неизбежными при развитіи истинныхъ понятій въ рабочихъ классахъ. Уже 22 года тому назадъ, Овэнъ предвидѣлъ этотъ результатъ; теперь онъ приблизился,—и никто уже не можетъ сомнѣваться въ его значеніи.

«Въ тотъ самый періодъ времени Робертъ Овэнъ написалъ и издалъ первую изъ семи частей «Книги новаго нравственнаго міра», долженствующей заключать въ себѣ изложеніе науки о природѣ человѣка. Такой книги доселѣ недоставало человѣчеству, и авторъ будетъ ее защищать противъ всѣхъ, которые сочтутъ своимъ долгомъ или найдутъ выгоднымъ нападать на нее.

«Изданіе этой книги сопровождалось появленіемъ множества другихъ произведеній Овэна, разсуждавшихъ о различныхъ предметахъ,—о религіи, о бракѣ, о личной собственности, о народномъ воспитаніи, о занятіяхъ работниковъ; за этими произведеніями, если ихъ хорошо поймутъ, признано будетъ великое значеніе, не только для Англіи, но и для всего остальнаго міра.

«Но сверхъ всего этого Робертъ Овэнъ оказалъ неоцѣненную услугу открытіемъ и обнародованіемъ новой, разумной системы общества и религіи,—дѣло, котораго развитіе теперь уже невозможно остановить. Это—система болѣе благотѣльная, чѣмъ всѣ ложныя и отвлеченныя системы, бывшія до сихъ поръ,—система истинная, доброжелательная для всѣхъ, выгодная всѣмъ и каждому, долженствующая обезпечить благоденствіе и миръ вселенной. Міръ былъ еще въ невѣдѣніи на счетъ этой системы, но достоуважаемый епископъ Экзетерскій позаботился

дать ей самую громкую гласность, изложивши ее въ палатѣ лордовъ (*).

«Вотъ вкратцѣ изложеніе части того, что сдѣлано Овэнѣмъ для состарѣвшагося, одряхлѣвшаго, безразвѣннаго міра. Но это ничего не значить въ сравненіи съ тѣмъ, что замышлено имъ для того, чтобы исторгнуть человѣка изъ нищеты, раздоровъ, униженія, пороковъ и бѣдствій.

«Теперь одно слово на счетъ моего представленія ея величеству королевѣ. Я спрашиваю, кому изъ насъ троихъ всего болѣе чести принесло это свиданіе? Тому ли старику семидесяти лѣтъ, который болѣе полувѣка искалъ приобрѣтенія рѣдкой между людьми мудрости, съ одной цѣлью приложить ее къ облегченію бѣдствій несчастныхъ, и который, въ видахъ осуществленія своихъ плановъ, позволилъ даже нарядить себя какъ обезьяну и склонить колѣно предъ молодой дѣвицей,—прекрасной, конечно, но вовсе неопытной? Или министру, который заставилъ этого старика подвергнуться этимъ формамъ этикета, и потомъ въ рѣчи, полной нелѣпостей, почти отрекся отъ всего этого дѣла, котораго былъ двигателемъ и которое нѣкогда будетъ, можетъ быть, считаться лучшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ его управленія? Или наконецъ — этой молодой дѣвушкѣ, предъ которой преклонялъ колѣни семидесятилѣтній старецъ?.. Что касается до меня, то я не считаю за честь быть представленнымъ никакому человѣческому существу, каково бы оно ни было.

«Двадцать-два года тому, въ адресѣ моемъ, представленномъ черезъ лорда Кастельрѣ европейскимъ монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, я объявилъ, что въ моихъ проѣктахъ и дѣйствіяхъ я совершенно чуждъ всякаго желанія какихъ нибудь почестей и привилегій, на которыя всегда смотрѣлъ, какъ на дѣтскія побрякушки или мелочи достойныя людей суетныхъ и малодушныхъ.

«Однако же глава нынѣшней оппозиціи въ палатѣ депутатовъ счелъ важнымъ преступленіемъ мое представленіе ея величеству и воспользовался имъ, какъ оружіемъ противъ министра, который это дѣло устроилъ.

«Неужели нынѣшній сэръ Робертъ Пиль могъ поднять это волненіе серьезно и не краснѣя?

«Развѣ позабылъ онъ, что старый Робертъ Пиль, отецъ его, въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ со мною и считалъ полезнымъ добиваться предъ палатою депутатовъ осуществленія моихъ идей и принятія, — хотя со множествомъ искаженій, — моего билля о работѣ дѣтей на фабрикахъ?

«Старый Робертъ Пиль былъ человѣкъ практическій, старавшійся найти себѣ опору не въ пустыхъ словахъ, а въ предметахъ существенно — полезныхъ и плодотворныхъ. Онъ былъ опытный человѣкъ, серье-

---

(*) Это намекъ на тѣ нападенія, какія дѣлалъ на систему Овена въ палатѣ лордовъ епископъ Экзетерскій.

вно и добросовѣстно взвѣшивавшій и обсуждавшій мысли, которыя представлялись его разсмотрѣнію. Я спрашиваю теперь у почтеннаго предводителя отчаянной оппозиціи, возставшей теперь въ палатѣ депутатовъ, — помнить ли онъ мой визитъ достоуважаемому отцу его, сдѣланный передъ однимъ изъ моихъ путешествій въ Соединенные Штаты, въ то время, когда онъ, нынѣшній сэръ Робертъ Пиль, членъ кабинета лорда Ливерпуля, — находился въ фамилномъ своемъ мѣстопребываніи, въ Драйтонъ-Голлѣ? Если онъ не забылъ этого, то долженъ вспомнить и то, что я тогда привозилъ съ собою около двухъ сотъ плановъ и рисунковъ, относящихся къ новой системѣ организаціи общества. Я ихъ назначалъ для президента Соединенныхъ Штатовъ, въ комнатахъ котораго они и были потомъ выставлены, и можетъ быть и теперь еще тамъ находятся. Сэръ Робертъ Пиль-отецъ посвятилъ много часовъ на разсмотрѣніе этой единственной въ мірѣ коллекціи, въ которой я раскрывалъ средства совершенно передѣлать внѣшнія обстоятельства, опредѣляющія характеръ человѣка, и доставить будущимъ поколѣніямъ гораздо болѣе благородное употребленіе ихъ силъ и гораздо обильнѣйшій источникъ наслажденій. Долго разбиралъ и изучалъ онъ предметъ въ самой его сущности, средства осуществленія, научныя данныя, которыми опредѣлялась общая гармонія и великое значеніе всей совокупности моей системы, и послѣ этого строгаго разсмотрѣнія онъ нѣсколько минутъ оставался въ безмолвномъ изумленіи, а затѣмъ сказалъ вотъ какія слова, замѣчательныя по ихъ глубинѣ и справедливости. «Г. Оуэнъ, — говорилъ онъ мнѣ, — во всемъ королевствѣ не найдется четырехъ человѣкъ, чьихъ образованіе было бы достаточно обширно и разнообразно, чтобы оцѣнить значеніе столь великихъ соображеній; но если бы много было людей, которые могли бы понять васъ такъ, какъ я, — то они тотчасъ признали бы, что измѣненіе, предположенное вами, можетъ произвести гораздо болѣе, нежели сколько вы сами можете обѣщать». Затѣмъ онъ прибавилъ: «мой сынъ Робертъ теперь здѣсь. По всей вѣроятности, онъ не пойметъ вашихъ соображеній, потому что не имѣлъ еще случая заниматься изученіемъ подобныхъ предметовъ. Но останьтесь у насъ до завтра. Вы увидите его за обѣдомъ и мы попробуемъ нѣсколько затронуть его умъ, раскрывши передъ нимъ ваши проекты». Я остался, исполняя просьбу достойнаго баронета; но мнѣ и тогда нетрудно было замѣтить, что сэръ Робертъ Пиль нынѣшній вовсе не имѣлъ ни нужныхъ свѣдѣній, ни опытности для того, чтобы обнять предметъ, бывший не по силамъ его разумѣнія. Я свидѣтельствую мое глубокое уваженіе ко всей этой фамиліи; но мнѣ грустно видѣть, до какой степени политическія предубѣжденія искажаютъ самыя блестящія достоинства.

«Что касается достопочтеннаго прелата Экзетерскаго и его рѣчи, произнесенной на прошлой недѣлѣ въ палатѣ лордовъ, то я считаю себя вправе заключить, что ему еще нужно выразумѣть хорошенько тѣ заблужденія, безнравственности и жулы, противъ которыхъ онъ гре-

мѣлъ такъ продолжительно. Я убѣжденъ, что самый послѣдній изъ многихъ тысячъ мальчиковъ, учащихъ въ моихъ школахъ, объяснить все это гораздо удовлетворительнѣе и разумнѣе, нежели этотъ благородный лордъ въ полномъ собраніи парламента.

«Но серьезно размысливши обо всемъ этомъ, я пришелъ къ тому, что сказалъ себѣ: почтенный виконтъ, государственный министръ, почтенный предводитель оппозиціи въ нижней палатѣ и достопочтенный прелатъ Экзетерскій—имѣютъ каждый свой характеръ, сложившійся особеннымъ образомъ и насильственно увлекающій ихъ, отчего ихъ заблужденія становятся невольными, неизбежными и слѣдовательно достойными состраданія, а не брани. Разумная любовь и религія, которыя нѣкоторымъ образомъ дремали во мнѣ при чтеніи рѣчей этихъ благородныхъ господъ, теперь вновь заговорили во мнѣ со всей своей силой и чистотой. Поэтому я забываю и прощаю все, что они могли сказать. Мнѣ кажется, что ихъ старая общественная система не должна имъ внушить столь же прямодушной и искренней любви въ отношеніи ко мнѣ, и это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ мое состраданіе къ нимъ».

«Облегчивши мое сердце отъ этихъ мелочей, я перехожу къ размышленіямъ болѣе серьезнымъ и важнымъ.

Нѣкоторые лица въ англійскомъ парламентѣ предлагали — преслѣдовать и наказывать нѣсколькихъ послѣдователей *разумной системы* общества. Правду сказать,—въ этомъ было бы очень мало разумнаго.

«Я—изобрѣтатель, основатель и открытый проповѣдникъ этой системы и всѣхъ заблужденій, безнравственностей и хуленій, которыя она содержитъ (если только можно найти въ ней хоть тѣнь чего нибудь подобнаго). Я одинъ ея виновникъ, и слѣдовательно меня одного нужно (если ужъ нужно) преслѣдовать и казнить за всѣ гадости, какія въ ней могутъ скрываться. Я готовъ доказать первому министру королевы, что разумная система и разумная религія въ томъ видѣ, какъ я ихъ преподавалъ, вовсе не суть нечѣстности; главѣ оппозиціи я готовъ доказать, что система эта возвѣщаетъ истины чрезвычайно важныя и полезныя; наконецъ достопочтенному епископу Экзетерскому я докажу, что разумная система, возвѣщенная мною міру, содержитъ несравненно менѣе безнравственности и безразсудства, чѣмъ сколько было ихъ во всѣхъ безчисленныхъ ученіяхъ, столь долго связывавшихъ и унижавшихъ человечество.

«Если бы тѣ, которые стоятъ во главѣ управленія нашей страной, имѣли нѣсколько мудрости, то, видя, что умы заняты этимъ предметомъ во всѣхъ странахъ міра, они выбрали бы людей образованныхъ, опытныхъ и практическихъ, умѣющихъ понимать самое дѣло, а не одни слова,—и поручили бы имъ тщательно и всесторонне разсмотрѣть

всю мою систему для того, чтобы сначала они, а потом и весь мир—могли получить точное и вѣрное понятіе объ этомъ открытіи, которое должно произвести счастье на землѣ не только для настоящихъ, но и для будущихъ поколѣній».

«При такомъ разумномъ образѣ дѣйствія, открыто и всенародно будетъ повѣдано миру все, что есть ложнаго въ моей системѣ, — если найдется въ ней что нибудь ложное,—равно какъ указано будетъ для пользы общества и на то, что въ ней есть истиннаго и добраго,—если въ ней окажется что нибудь истинное и доброе.

«Требуя этой мѣры, я имѣю въ виду не личную свою выгоду. Съ самого начала моего поприща, когда я не имѣлъ никакой опоры, — я не боялся, единственно въ интересахъ самой истины, входить въ противорѣчіе съ самыми закоренѣлыми предразсудками предшествующихъ вѣковъ. Уже съ тѣхъ поръ я приготовился и къ денежнымъ штрафамъ, и къ тюремнымъ заключеніямъ, и къ самой смерти—даже на эшафотѣ. И что могутъ значить всѣ подобныя непріятности для человѣка, который весь проникнутъ однимъ желаніемъ — быть полезнымъ человечеству? Но вмѣсто штрафовъ, заточеній и безславнаго конца, я, напротивъ, встрѣтилъ сочувствіе и любовь человечества; я прожилъ жизнь свою мирно и безъ шума, счастливый самимъ собою и своимъ семействомъ. Фамилія Оуэна какъ въ Нью-Йоркѣ, въ Шотландіи, такъ и въ Нью-Гармони, въ Америкѣ, была одною изъ самыхъ счастливыхъ по сю и по ту сторону Атлантическаго океана. Правда, что я весь излипекъ моего состоянія, до послѣдняго шиллинга, посвящая на пропаганду моего великаго и прекраснаго дѣла, такъ какъ деньги не безполезны были въ содѣйствіи его уопѣхамъ; но достопочтенный прелатъ совершенно ошибается, когда утверждаетъ, что я потерялъ мое состояніе въ роскоши и мотовствѣ. Ни одного фунта стерлинговъ не употребилъ я на какое нибудь пустое дѣло; я въ состояніи доказать это благородному прелату и вызываю его представить хотя малѣйшее доказательство противнаго.

«Послѣ этого торжественнаго объясненія, мнѣ нечего болѣе беспокоиться о томъ, что могутъ теперь сказать обо мнѣ въ парламентѣ или внѣ парламента. Моя жизнь служить настоящимъ отвѣтомъ на всѣ клеветы, какія еще могутъ на меня придумать. Минутная популярность мало имѣетъ для меня значенія; забота же о своей репутациіи послѣ смерти кажется мнѣ нелѣпностью, развѣ только имѣть въ виду то удовольствіе, которое могутъ отъ этого получить потомки знаменитаго человѣка. Я счастливъ въ моей жизни; я буду счастливъ, и въ смерти и еще болѣе — независимъ отъ этого міра, дряхлаго, безнравственнаго и неразумнаго».

Робертъ Оуэнъ.

Лондонъ.

2 февраля 1840 г.

Еще восемнадцать лѣтъ прожилъ Овэнъ послѣ этого откровеннаго объясненія съ противниками идей своихъ. Ни разу во все это время не измѣнилъ онъ себѣ, несмотря на старость, несмотря на громадность встрѣчавшихся ему затрудненій. Въ 1845 г. онъ еще разъ совершилъ путешествіе въ Америку, чтобы содѣйствовать лично распространенію тамъ своего ученія. Съ 1846 г. онъ постоянно продолжалъ свою пропаганду въ Англіи. До конца жизни сохранилъ онъ полное употребленіе всѣхъ умственныхъ способностей и пользовался рѣдкимъ здоровьемъ. Незадолго до своей смерти онъ еще являлся на одномъ конгрессѣ въ Ливерпулѣ, въ сообществѣ лорда Брума и лорда Джона Росселя. Впрочемъ говорить предъ собраніемъ ему было уже трудно. Послѣ этого онъ слегъ-было въ постель, но скорѣй оправился и рѣшился ѣхать въ Ньютонъ, мѣсто своего рожденія, чтобы тамъ кончить свой вѣкъ. Тамъ онъ и умеръ на рукахъ старшаго своего сына, — посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Неаполѣ. Смерть Овэна оправдала его торжественную увѣренность, высказанную за восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ: онъ умеръ спокойно, безъ агоніи, почти безъ всякой боли. За полчаса до смерти онъ говорилъ, что чувствуетъ себя чрезвычайно хорошо и пріятно. Последнія слова его были: «relief is come», — «пришла развязка».

Изъ представленнаго нами очерка читатели, незнакомые съ произведеніями Овэна, могутъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ общихъ положеніяхъ, на которыхъ опиралась изобрѣтенная имъ разумная система общественнаго устройства. Мы не нашли удобнымъ слѣзая здѣсь полное и подробное обзорѣніе его системы: это необходимо отвлекло бы насъ отъ изложенія личной дѣятельности Овэна и заставило бы пуститься въ общія теоретическія соображенія. Соображенія же эти потребовали бы слишкомъ долгихъ и подробныхъ распространеній, а отчасти и умолчаній, такъ какъ принципы Овэна стоятъ дѣйствительно въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что обыкновенно принимается за истину въ нашемъ обществѣ. Поэтому, оставляя до болѣе удобнаго времени подробное изложеніе и разборъ теорій Овэна, мы на этотъ разъ ограничиваемся очеркомъ его личной дѣятельности и указаніемъ на главнѣйшія идеи, служащія основаніемъ всей его системы. Какое значеніе, какіе обширные результаты имѣетъ эта система, на какихъ смѣлыхъ и совершенно самостоятельныхъ началахъ она основана, это довольно ясно видно изъ «Манифеста», переведеннаго нами въ этой статьѣ. Для желающихъ же изучить подробности системы Овэна нужно обратиться къ его сочиненіямъ, и преимущественно двумъ, названнымъ выше:

«Объ образованіи человѣческаго характера» и «Книга новаго нравственнаго міра» (Book of the new moral world).

Писатели, разбравшіе идеи и дѣятельность Оуэна, обыкновенно называютъ его утопистомъ, мечтателемъ, романтикомъ, непрактичнымъ и даже прямо безразсуднымъ человѣкомъ. Мы не знаемъ, какое мнѣніе читатели составили объ Оуэнѣ по нашей статьѣ; но намъ кажется, что съ писателями, тракующими Оуэна такимъ образомъ, нельзя не согласиться во многомъ. Мы видѣли, что Оуэнъ могъ обогатиться филантропіей — и растратилъ свое состояніе на бѣдныхъ; могъ сдѣлаться другомъ и любимцемъ всѣхъ партій — и ожесточилъ ихъ всѣ противъ себя; могъ дойти до степеней извѣстныхъ — и вмѣсто того потерялъ всякое уваженіе къ себѣ въ высшемъ обществѣ; могъ получить въ свою власть цѣлый край, отказавшись отъ одной изъ основныхъ идей своихъ, — и не получилъ ничего, потому что прежде всего требовалъ отъ мексиканскаго правительства гарантій для свободы этой самой идеи. Поразмысливъ аккуратно, невольно приходишь къ вопросу: кто же могъ поступать такимъ образомъ, кромѣ человѣка самаго непрактичнаго, преданнаго самымъ утопическимъ мечтаніямъ? Однихъ этихъ фактовъ уже вполне достаточно, чтобы дать право противникамъ Оуэна называть его близорукимъ мечтателемъ. А къ этому прибавьте еще его претензіи — преобразовать цѣлый міръ по своимъ идеямъ, доказать, что всѣ ошибались, а онъ одинъ нашелъ правду! Это ужъ такая дерзкая химера, которой благоразумные противники Оуэна даже въ толкъ взять никакъ не могутъ. И благо имъ, что не могутъ!

Н. Т.—НОВЪ.

ВОЕЙКОВЪ,

СЪ ЕГО САТИРОЮ

«ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ».

Странное, удивительное смѣшеніе, какъ въ общественной, такъ и въ литературной своей жизни, представляетъ Воейковъ.

Много душевнаго огня и жару, много дарованій было въ немъ, но еще болѣе — неумѣнья распорядиться ими. Это былъ характеръ одной минуты, одного часа. На характерѣ этомъ прошло и отразилось нѣсколько эпохъ, нѣсколько періодовъ историческаго и литературнаго движенія. И, странное дѣло! ни къ одному изъ нихъ нельзя отнести его....

Отъ XVIII вѣка, отразившагося у насъ, на Руси, особеннымъ образомъ, — онъ наслѣдовалъ легкую либеральную бойкость, раздражительную предприимчивость и какую-то самодовольную недоконченность въ характерѣ. Отъ XIX столѣтія, которое застало насъ врасплохъ, безъ подготовки, Воейковъ, уже 25-лѣтній юноша, усвоилъ новыя крайности: разгулъ и неразборчивую насмѣшку, безпечность и мотовство, кабинетное отвращеніе къ злу и въ тоже время равнодушное умѣнье примириться съ тѣмъ, что въ частной бесѣдѣ повидимому волновало всю его душу. Пылая въ счастливую пору общихъ надеждъ высокими стремленіями, онъ не былъ въ сущности страстно и глубоко привязанъ ни къ одному изъ нихъ.

*

Результатъ былъ тотъ, какого и слѣдовало ожидать въ подобномъ положеніи: неудовлетворенная болѣзненная дѣятельность и отсутствіе опредѣленнаго образа воззрѣній. Они и остались при немъ, какъ свидѣтели, что человѣку страстному, какимъ былъ Воейковъ по своей природѣ, трудно жить съ пользою для себя и для общества, не имѣя твердой нравственной основы. Это и составило его несчастье.

Въ позднѣйшую пору (Воейковъ пережилъ Пушкина и дожилъ до времени Бѣлинскаго) мы видимъ его печальнаго, озлобленнаго, съ редакціею «Русскаго Инвалида» въ рукахъ, горько сѣтующаго на плохія свои обстоятельства, жалующагося на клеветы недоброжелателей и враговъ, — словомъ, во всемъ эгоистически-безотрадномъ положеніи старчества. Не преслѣдуемый рѣшительно никѣмъ, лично извѣстный Великому Князю Михаилу Павловичу, съ обширными связями въ высшемъ обществѣ, онъ не имѣетъ никакой самостоятельности, онъ видитъ вездѣ враговъ. *Массонство, иллюминатство, карбонарство* — вотъ слова, теперь ничего незначащія, но отъ которыхъ сатирикъ «Дома Сумасшедшихъ» приходитъ въ ужасъ. Винить его за это строго не станемъ. Онъ дѣлалъ больше этого: безъ всякой надобности слезно жаловался, что имѣлъ несчастье воспитываться на Дидро и Вольтеръ, и письменно и на словахъ наивно разувѣрялъ своихъ спящихъ друзей и покровителей, что онъ вовсе не въ родѣ Сен-Мартена и Бѣма. Тутъ слишкомъ очевидны — и положеніе сатирика, и состояніе умовъ тогдашняго общества. Общество не требовало правды, не хотѣло знать ее, а Воейковъ, не вынесшій изъ своей долгой жизни никакаго заветнаго идеала въ душѣ, ни одного твердаго принципа, — неизбежно долженъ былъ метаться во всѣ стороны и пойти по шаткой дорогѣ.

Не станемъ излагать его родословной. Это и скучно и бесполезно. Ограничимся только тѣмъ, что Воейковъ былъ въ родствѣ и въ связяхъ съ весьма сильными людьми міра сего. Въ характеристикѣ его опустить обстоятельства этого нельзя потому, что самъ Воейковъ придавалъ чрезчуръ большое значеніе ему: цѣлые листы бумаги онъ исписывалъ громкими именами своихъ друзей и знакомыхъ (*).

(*) Мы могли бы перечислить ихъ всѣхъ, — да кому же это любопытно? На поляхъ одной книжки, испещренной рукою Воейкова, мы нашли безчисленное множество замѣтокъ въ такомъ родѣ:

Страсть къ литературѣ охватила сердце Воейкова еще съ молодости. Въ первые годы воспитанія своего онъ любилъ уже поэзію, онъ часто брался за перо. Страсть эта рано дала почувствовать ему присутствіе нравственнаго интереса въ жизни; она болѣе всего вызывала его на собственное размышленіе, на мысль, смутно предсказывая будущее призваніе его. Муза, хотя и слабая, уже осѣнила его своимъ волшебнымъ крыломъ, дарила его своими восторгамъ. Она стучалась уже въ сердце будущаго литератора.

Дѣло это происходило въ Москвѣ, въ стѣнахъ университетскаго благороднаго пансіона. Тамъ Воейковъ написалъ неловкія и, быть можетъ, первыя свои рифмованныя строчки:

«Ахъ, Державинъ, ахъ, Княжнинъ,
Сколько правды гражданъ
Зритъ и слышитъ въ васъ!
О, какой чарующій Парнасъ....»

Любовь къ родной словесности, къ стиху, стояли въ тогдашнемъ воспитаніи на первомъ планѣ. Тогда каждый образованный юноша зналъ наизусть отечественныхъ поэтовъ, и въ веселый кругъ товарищей входилъ не иначе, какъ декламируя стихи. Московскій университетскій пансіонъ, быть можетъ, и мало давалъ научныхъ свѣдѣній, отчасти довольно небрежно обращался вообще съ наукою, зато онъ давалъ бодрость и крылья тогдашнему юношеству; въ немъ совершенно не было тѣхъ скверныхъ учебниковъ, которые впослѣдствіи притупили и самыхъ учителей и ихъ учениковъ. Тогда все завистло отъ чисто личнаго таланта и воли преподавателя. Между преподавателями встрѣчались люди съ обширнымъ европейскимъ образованіемъ. Скучныя программы не дѣлали имъ на каждомъ шагу преградъ; начальство не хотѣло, чтобъ дѣти выносили изъ заведенія безжизненныя, округленно-казенныя воззрѣнія. Ни одинъ изъ тог-

---

«Въ великій вторникъ (1838) крѣпко занемогъ мой другъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ.

«Умеръ въ мирѣ патриархъ своего семейства, тайный совѣтникъ и кавалеръ разныхъ орденовъ Федоръ Петровичъ Львовъ.

«Былъ на именинахъ у генералъ-лейтенанта Влад. Богд. Б***, и т. д. И тутъ же легкія, презрительныя замѣтки о людяхъ, стоявшихъ на низшей ступени въ обществѣ: «такого-то года (1836) умре Герасимъ Ивановичъ Казаковъ, смотритель Военной Типографіи, обезьяна и кавалеръ».

Эти мелкіе, уцѣлѣвшіе факты, должны быть занесены въ характеристику Воейкова.

дашнихъ профессоровъ ни за что не рѣшился бы голословно сказать, не подкрѣпивши хоть какими нибудь историческими фактами, что Дантонъ, положимъ, былъ чудовище, а Максимилианъ Робеспьеръ — какой-то извергъ рода человѣческаго.

Этотъ такъ приличіи общественной совѣсти лежалъ и на другихъ сферахъ, между прочимъ и на литературномъ кружкѣ. Тогда еще не издавали ни «*Поучительныхъ разговоровъ въ предосторожность отъ ложнаго упованія*» (*), ни «*Супружеской грамматики, коею мужъ долженъ довести жену свою, чтобъ она съ дѣтками своими была тише воды, ниже травы*» (**); тогда не знали ли «*Графа Гаккельберга, или рыцаря съ серпомъ*», — тогда еще самъ Державинъ изрѣдка писалъ шутивно-эротическіе стихи. Время литературной раздирательности, сентиментальности и грубой плоскости настало гораздо позже. Во времена екатерининскія и въ началѣ александровской эпохи ихъ не знали. Люди болѣе солидные и серьезные читали «*Публия Овидія Насонуса превращенія*», въ переводѣ знаменитаго Козницкаго, «*Персидскія письма Моптескѣ*», въ переводѣ Рознатовскаго и «*Созерцаніе писателей латинскаго языка, въ златомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣки процвѣтавшихъ*», въ переводѣ нынѣ забытаго труженика Данкова.

Подражая двору, русское общество нарочно устраивало въ своихъ пышныхъ салонахъ литературныя чтенія, принимало съ удовольствіемъ писателей, оказывало почетъ профессорамъ. Многие изъ профессоровъ и писателей достигали высшихъ государственныхъ мѣстъ, входили не только въ дружество съ такъ называемымъ высшимъ свѣтомъ, но нерѣдко и роднились съ нимъ посредствомъ свадебъ, воспріемничества, общихъ филантропическихъ дѣлъ и т. п. Тогда еще и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ на публичныхъ экзаменахъ, часто въ присутствіи Державина, Княжнина, Капниста и Хераскова, учитель русской словесности разбираетъ ихъ сочиненія, и лучшій изъ воспитанниковъ залпомъ произноситъ длиннѣйшій монологъ изъ драмы автора, тутъ же сидѣвшаго, и публика съ умиленіемъ посматривала на улыбающееся лицо сочинителя. У юношей, а нынѣ стариковъ, прежняго времени, еще хранятся книги съ собственноручными надписями знаменитыхъ тогдашнихъ писателей. Мы видѣли одну изъ нихъ

(*) Изд. въ Спб.

(**) Изд. въ Москвѣ, 1830.

и можемъ сообщить ея содержаніе: «сему, Степану Варышову отъ Владислава Озерова, за отлично продекламированныя стихи онымъ малолѣткомъ изъ моего «Эдипа въ Аѳинахъ». И тутъ же сдѣлана другая приписка дрожащимъ дѣтскимъ почеркомъ, молодая и пылкая, какъ сама юность:

«Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудеть!
Въ могилѣ буду я, но буду говорить...»

Нельзя не сознаться, что нынѣшніе писатели лишены этой живой, простой связи съ русскимъ обществомъ, съ отечественнымъ театромъ и наконецъ съ воспитывающимся юношествомъ, какую имѣли наши предшественники. Общество ли въ томъ виновато, сами ли литераторы, или же были другія причины подобнаго разъединенія—это вопросъ другой. Мы сдѣлаемъ одно только замѣчаніе: напрасно мы клеймимъ это время названіемъ педантическаго и тяжелаго времени. Оно не было такимъ. При всѣхъ недостаткахъ прежней литературы представители ея своимъ авторитетомъ и вліяніемъ воспитывали, быть можетъ, гораздо болѣе людей въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ нынѣшніе университеты и различныя заведенія. Нѣкто Быковъ, содержавшій частный пансіонъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (въ Рязанской губерніи), каждый годъ пріѣзжалъ въ Москву и въ Петербургъ.... за чѣмъ бы вы думали? на поклонъ къ Мерзлякову, Капнисту и Державину; онъ показывалъ имъ лекціи, которыя прочитывались въ его заведеніи въ теченіе цѣлаго года. И это дѣлалось не въ видѣ отчета, исполненнаго лжи и громкихъ фразъ, а просто потому, что г. Быковъ интересовался мнѣніемъ этихъ извѣстныхъ людей и по ихъ рекомендаціи дѣлалъ выборъ учителямъ. Намъ сказывали, что Капнистъ сдѣлалъ одинъ разъ такое замѣчаніе г-цу Быкову: «давайте юношеству *млеко*, хотя бы жиденькое и подмѣшанное, но, избави Господи! останавливать порывъ его гнилой моралью и скучнымъ преподаваніемъ наукъ» (*).

(*) При этомъ не можемъ утерпѣть, чтобъ не разсказать слѣдующаго довольно-характернаго обстоятельства. Этотъ же самый г. Быковъ съ комическимъ отчаяніемъ объявилъ Капнисту, что жена его, Быкова, нюхаетъ табакъ и что она предается этой страсти гласно, при ученикахъ. Капнистъ всплилъ и, какъ другъ г. Быкова, съ жаромъ совѣтовалъ—запретить жентъ нюханіе табаку на томъ основаніи, что это можетъ преждевременно опомнить значеніе женщины въ глазахъ юношей.

Воейковъ былъ *первымъ ученикомъ* Московскаго университетскаго пансіона: имя его было записано на золотой доскѣ пансіона. Кромѣ выше приведеннаго четверостишія, ничего болѣе неизвѣстно объ этой эпохѣ его жизни. Конечно, потеря въ томъ небольшая, и мы жальемъ потому только, что, быть можетъ, утрачиваемъ нѣсколько чертъ изъ нравовъ тогдашняго воспитанія и общества.

Рѣдко кто изъ прежнихъ писателей былъ поставленъ въ такое счастливое положеніе, какъ Воейковъ. Жуковскій, человекъ чрезвычайно образованный, всегда завидовалъ его обширнымъ свѣдѣніямъ и въ этомъ отношеніи, быть можетъ, только одинъ Карамзинъ, работавшій надъ собою постоянно, былъ выше Воейкова. Пансіону ли онъ тѣмъ былъ обязанъ, или же, — хотя это вѣроятно, — самому себѣ, рѣшить довольно трудно. Отъ XVIII вѣка, когда доступъ къ образованію былъ въ Россіи легче и свободнѣе, Воейковъ захватилъ болѣе двадцать-пяти лѣтъ (*). Такимъ образомъ онъ встрѣтилъ александровское время уже не мальчикомъ. Когда будущіе литературные друзья его, Жуковскій, Крыловъ и поэтъ Козловъ, были не болѣе, какъ молодыми людьми въ своемъ обществѣ, — Воейковъ уже мечталъ тогда о кафедрѣ. вмѣстѣ съ тремя Тургеневыми, — Воейковъ въ своихъ запискахъ громко величаетъ ихъ названіемъ трехъ братьевъ Гракховъ, — вмѣстѣ съ ними онъ читалъ тогда Фукидиду, Геродота, Тита-Ливія, Дидро, Вольтера, Гельвеція. Маленькій ростомъ, живой и остроумный, съ отличнымъ образованіемъ и хорошимъ состояніемъ, Воейковъ еще до литературной своей извѣстности былъ замѣтенъ въ числѣ лучшаго, отборнѣйшаго московскаго общества. Впослѣдствіи, опираясь съ одной стороны на короткое знакомство съ Нарышкиными, Волконскими, Муравьевыми и Сперанскимъ, и находясь съ другой стороны въ родствѣ съ Карамзиннымъ и Жуковскимъ, пріятель Мордвинова, Дашкова, Перовскаго и другихъ, — онъ этимъ самымъ приобреталъ большую независимость и въ обществѣ, и въ литературѣ. Даже неумолимый и деспотическій графъ Аракчеевъ, никого не любившій искренно, кромѣ Александра I-го и своей службы, — былъ довольно любезенъ къ Воейкову.

Не будучи честолюбцемъ и любителемъ чина, страстно преданный всему изящному и благородному въ наукѣ и поэзіи,

---

(*) Онъ родился 1779 г., 13 января, а по другимъ, кажется, менѣе достовернымъ указаніямъ, въ 1773 г., 15 ноября.

Воейковъ, по сужденію стороннихъ людей, общалъ самую благотворную дѣятельность. Казалось, человѣкъ этотъ состоялъ весь изъ талантовъ и въ началѣ ужъ нынѣшняго столѣтія пользовался довольно громкимъ авторитетомъ, не сдѣлавши пока ровно ничего. Онъ написалъ тогда только одну плохую сатиру къ Сперанскому «Объ истинномъ благородствѣ», да работалъ надъ переводомъ вольтеровской «Исторіи царствованія Людовика XIV». Но, несмотря на это, Воейковъ уже считался литераторомъ. Довольствуясь такою легкою побѣдою, пылкій молодой человѣкъ, способный на многое, но слабый и безхарактерный по натурѣ, не спѣшилъ сосредоточиться ни надъ чѣмъ серьезно. А ему-то слѣдовало дѣлать это скорѣе, чѣмъ кому либо: при безконечной любви къ литературѣ, которая не оставляла его до послѣдняго дня жизни, въ душѣ у него запаса было мало.... Любя горячо славу, онъ не умѣлъ работать для нея. Фантазіи, этого великаго достоинства для всякаго автора, у него было много; но въ немъ высказалось рѣшительное отсутствіе подчинить эту фантазію своему перу, своему рабочему столу. Ловкое, острое словечко, какая нибудь сатира, произнесенная въ обществѣ, совершенно успокоивали его и отводили глаза въ сторону. Врядъ ли даже онъ сознавалъ въ ту пору свое непрочное, драматическое положеніе въ литературѣ, которое, впрочемъ, слишкомъ было очевидно: сатира къ Сперанскому, кромѣ реторики, не имѣла никакихъ достоинствъ. Но авторъ, довольный своимъ авторитетомъ, весело блисталъ въ гостиныхъ, былъ первымъ ораторомъ въ литературныхъ салонахъ, а вко разбиралъ всякую литературную новость, называлъ князя И. А.—Сократомъ, другаго знакомаго—Платономъ, третьяго — Ксенофонтомъ и т. д. Все это конечно было мило, весело, часто ядовито и умно; но въ сущности онъ растрачивалъ свои умственные богатства, не приобрѣтая ровно ничего. Свобода мнѣній, неподдѣльное увлеченіе всѣмъ хорошимъ, открытое восхищеніе честнымъ поступкомъ оставались еще при немъ. При умѣ и живости они давали хорошую физиономію нашему литератору—безъ сочиненій, поэту — безъ стиховъ, профессору—безъ кафедры. Странное, забавное явленіе, доказывающее, что въ прежнее время возможно было быть полезнымъ обществу, не дѣлая ничего.... Теоретическія воззрѣнія человѣка, нравственная чистота принимались уже за дѣло.

Время между тѣмъ пзмѣнялось, дѣлаясь переходнымъ. Спо-

койная, торжественная лира Державина уже во многомъ не гармонировала тогдашнему порядку, въ литературномъ отношеніи замѣтно стало мельчать,—словомъ это ужь было обратное шествіе съ Парнаса. Пришло безцвѣтное затишье для поэзіи, время ожиданія Жуковского и Пушкина. Общество какъ будто зрѣло, но еще жило старыми преданіями и прежними переводами. «*Нѣмецкій Жильблазъ, или приключенія Петра Клаудія*», въ переводѣ Ильина (1795 г.), «*Политическія басни*» Волкова (1762), «*Переписка Екатерины Великой съ господиномъ Вольтеромъ*», въ переводѣ Подлисецкаго и Антоновскаго, «*Человѣкъ въ 40 талеровъ*» Вольтера, въ передѣлкѣ Галченкова, — читались и перечитывались съ радостью. — Вас. Пет. Петровъ, несмотря на то, что тогда еще жили первостатейные литераторы прежней эпохи, считался прекраснымъ поэтомъ: онъ ѣздилъ по домамъ, читалъ свои вирши, но, поддаваясь духу времени, уже принимался въ часы досуга за свой переводъ «*Потеряннаго Рая*» Мильтона. Знаменитая комедія Капниста «*Ябеда*», изданная въ первый разъ въ 1798 г., бесспорно была самымъ капитальнымъ сочиненіемъ изъ тогдашнихъ оригинальныхъ произведеній. Она уже затрогивала, хотя и на старый ладъ, живыя струны новаго общества. Ею восхищался императоръ Павелъ I-й, имѣвшій во все короткое свое царствованіе одного только литератора — задумчиваго, честнаго Капниста.

Чтожь было болѣе въ переходной литературѣ? Кажется, что ничего: были только люди, порицавшіе все старое, но ничего не дѣлавшіе новаго. И оно понятно: въ обществѣ совершалось болѣе интереснаго, чѣмъ въ литературѣ: тамъ кипѣла драма, силы просились наружу, но не было еще актеровъ. Это былъ моментъ какого-то недоумѣнья. Борьба изъ-за мѣстъ отставленныхъ екатерининскихъ орловъ, новые любимцы, прошеніе Новикова, пышныя обѣды, разговоры шопотомъ, неизвѣстность и тревога, — все это смѣшавшись придавало лихорадочный характеръ движенія русскому обществу. Но оно шло впередъ. Это было несомнѣнно.

Восшествіе на престолъ Александра I-го развязало наконецъ прежній узелъ. Потомъ, внутреннія перемѣны, да 12-й годъ толкнули русское общество и двинули литературу. Жуковский, Батюшковъ и Глинка, стоя въ рядахъ русской арміи, начинали получать извѣстность, какъ литераторы. Карамзинъ уже составилъ себѣ имя, какъ стихотворецъ, бѣллетристъ и политикъ.

Одинъ Воейковъ былъ въ томъ же положеніи, въ какомъ захватило его начало нынѣшняго столѣтія (*). Ничего не сдѣлавши, онъ начиналъ уже отставать; между тѣмъ ему было 37 лѣтъ.... Первое чувство жолчи, зависти и немошняго безсилія, заговорило въ немъ. Это не совсѣмъ хорошее въ основѣ чувство спасло однако его и сдѣлало литераторомъ....

Имѣя 39 лѣтъ на своихъ плечахъ и никакой славы позади, опечаленный Воейковъ, въ 1814 году, 17 марта, написалъ первые знаменитые свои стихи:

«Други миѣе, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ.
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мнѣню предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ».

Стихи эти вытекли прямо изъ душевнаго настроенія поэта. Они-то и послужили первымъ основаніемъ къ его извѣстной сатирѣ: «Домъ Сумасшедшихъ». Въ этомъ же, 1814 году, Воейковъ окончательно отдѣлалъ первоначальную редакцію своей сатиры и пустилъ ее въ свѣтъ. Какъ умный человекъ и тонкій критикъ, онъ чувствовалъ, что сатира эта пріобрѣтетъ только тогда свое значеніе, если онъ постарается придать ей широкіе размѣры,—размѣры общественнаго порицанія. Онъ такъ и сдѣлалъ. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Мерзляковъ, Жуковский, Карамзинъ, Батюшковъ — всѣ должны были попасть въ списокъ жертвъ этой блестящей каррикатуры. Въ обществѣ раздался страшный шумъ, крикъ и негодованіе,—но имя Воейкова уже было сдѣлано.

Такимъ образомъ сатира эта, вытекли изъ чисто-личнаго настроенія автора, должна была по смѣлой и открытой своей ироніи пріобрѣсти общественное значеніе, котораго, говоря правду, она вовсе не имѣетъ.

На Воейкова посыпались сплетни и доносы. На него взглянули, какъ на бунтовщика общественнаго спокойствія. Изъ всѣхъ лицъ, выведенныхъ въ сатирѣ, болѣе всѣхъ разобидился П. И.

(*) «Сатира къ Сперанскому» была написана въ 1803 г.; переводъ «Исторіи царствованія Людовика XIV» изданъ въ Москвѣ въ 1808 г.

Соколовъ, непремѣнный секретарь бывшей Россійско- Академіи и, въ особенности, нѣкто Кавелинъ, бывшій директоръ благороднаго пансіона при педагогическомъ институтѣ. Кавелинъ этотъ принесъ много вреда русскому просвѣщенію: онъ преслѣдовалъ профессоровъ и торжественно жегъ вольнодумныя по его убѣжденію сочиненія и печатныя книги (*). Поповъ, бывшій директоръ департамента народнаго просвѣщенія, еще болѣе подбрасывалъ жару подъ это вспыхнувшее дѣло. Оно начинало принимать невѣроятный характеръ. Къ числу гонителей Воейкова присоединился еще и покойный А. И. Красовскій.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ было простить этимъ людямъ, скрывавшимъ свои продѣлки и теперь публично выведеннымъ на осмѣяніе? О Кавелинѣ было сказано:

«Какъ?! меня лишать свободы
И сажать въ безумный домъ?
Я подлець ужъ отъ природы
Сорокъ лѣтъ хожу глупцомъ».

О Соколовѣ еще рѣзче и ближе къ дѣлу:

«Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Ивановичъ Осударъ (**),
Академіи Россійской
Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издастъ;
Три оклада получаетъ
И столовые беретъ».

№ 2.

На дворѣ академіи
Грядъ капусты накопалъ;
Не пріюгъ пѣвцамъ Россіи,
А лабазъ — для дегтя складъ!»

Исключая этихъ лицъ да еще бывшаго ректора Петербургскаго университета, Рунича, человѣка необыкновенно образованнаго, но трусливаго и боявшагося Кавелина, какъ огня, вслѣдствіе чего вся нравственная система его управленія состояла почти въ томъ, что:

(*) Мы даже знаемъ людей, которые были очевидцами этихъ публичныхъ безобразныхъ Кавелинскихъ ауто-да-фе! —

(**) «Осударь мой», была любимая поговорка Соколова.

Локъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
Галлеръ сердце обольстилъ,
Кантомъ бредятъ даже дѣти,
Деннеръ нравы развратилъ. —

Кромѣ этихъ лицъ, говоримъ, остальная часть сатиры представляетъ болѣе или менѣе одну ловкую каррикатуру.

Но не такъ взглянуло на это общество. Авторъ «Дома Сумасшедшихъ» чуть было не погибъ за честно-сказанную правду о нѣкоторыхъ вредныхъ лицахъ. Не привыкши ни къ какой печатной и писанной правдѣ, общество не умѣло извлечь пользы изъ существенной и, по нашему мнѣнію, лучшей части сатиры: главная, общественная заслуга ея только и состояла въ томъ, что авторъ открыто напагъ на странное направленіе просвѣщенія. Воейковъ здѣсь указалъ на существенное зло, которое подтачивало умственные силы Россіи. Но молодость нашего общества погубила все дѣло. Враги должны были восторжествовать; автору оставалось обезсилить свой протестъ, а равнодушному обществу остаться отъ этого безъ всякаго выигрыша.

Такъ и случилось, хотя дѣло это могло получить болѣе счастливый и полезный оборотъ. Вотъ тому доказательство. Доносы на автора не смолкали, его хотѣли даже сослать, но это не состоялось,—и авторъ оставленъ совершенно въ покоѣ. Карамзинъ, котораго Государь и тогда ужъ умѣлъ цѣнить, вмѣшался въ это дѣло и въ официальной докладной запискѣ къ Сперанскому оправдывалъ сочинителя сатиры, называя его человѣкомъ «отмѣнныхъ дарованій».

Это тѣмъ болѣе поразительно, что Воейковъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ очернилъ въ своей сатирѣ этого, быть можетъ, единственнаго по своей чистотѣ русскаго писателя. Карамзинъ зналъ очень хорошо, какъ жестко и несправедливо выразился о немъ Воейковъ:

Вотъ въ передней рабъ писатель,
Карамзинъ — хамелеонъ,
Земледѣль, законодатель....
Взглянемъ, что мораетъ онъ?
Пѣсьнъ свободѣ, деспотизму,
Брань и лести властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И акаѳистъ всѣмъ святымъ!

Сколько извѣстно, Карамзинъ, несмотря на свое положеніе придворнаго человѣка, никому не пѣлъ никакихъ акаеистовъ. Онъ также просто и безъ задней мысли спасъ Воейкова, какъ и Пушкина, которому, какъ извѣстно, за одно изъ молодыхъ его произведеній, также грозила ссылка (въ Соловецкій монастырь). Впослѣдствіи Карамзинъ даже породнился съ Воейковымъ и, какъ мы увидимъ, въ его только домѣ находилъ отраду больной, всѣми оставленный Воейковъ (*).

Итакъ, воейковская сатира, болтливая и лично-задирательная въ цѣломъ, но дѣльная по отношенію къ народному просвѣщенію прошла, къ сожалѣнію, безъ благихъ послѣдствій. Въ дѣлѣ этомъ, по нашему мнѣнію, болѣе всѣхъ виновато само общество: оно не умѣло и не хотѣло воспользоваться литературнымъ протестомъ.

За перчатку, ловко брошенную авторомъ, автора даже хвалить не стоитъ: мы видѣли, подъ вліяніемъ какихъ побужденій онъ принялся за свою сатиру. Въ непріятномъ и печальномъ своемъ положеніи, онъ хлопоталъ только о томъ, чтобъ составить въ литературѣ себѣ имя и,—это уже слишкомъ очевидно,—даже не сознавалъ важности тѣхъ вопросовъ, которые подымутъ его горячія, даровитыя строчки. До этого момента онъ ни на волосъ не былъ лучше своего общества, которое также легко либеральничало и также легко смотрѣло на всякое общее дѣло.

Но рѣчь теперь не объ томъ. Посмотримъ, что было дальше.

Сатира Воейкова быстро разнеслась по всей грамотной Россіи. Отъ Зимняго дворца до темной квартиры бѣднаго чиновника она ходила въ рукописныхъ, по большей части, искаженныхъ спискахъ. Не появляясь ни гдѣ въ печати, она тѣмъ болѣе выигрывала въ глазахъ публики. Успѣхъ ея можно сравнить развѣ только съ успѣхомъ гоголевскаго «Ревизора» въ первое время. Молодежь и литераторы превозносили Воейкова до невѣроятности; старцы и закостенѣвшіе педанты бранили ее съ пѣной у рта. Успѣхъ слѣдовательно былъ полный. Выигрышъ, конечно, клонился на сторону автора. Его, хотя и наивно, но чистосердечно сравнивали съ Ювеналомъ, объ частной его жизни рассказывали анекдоты, ему отъ души кланялись въ поясъ, онъ сразу овладѣлъ общимъ вниманіемъ. Врядъ ли самъ Пушкинъ

(*) Карамзинъ породнился съ нимъ слѣдующимъ образомъ: онъ былъ родной дядя жены Воейкова и очень много способствовалъ его браку.

при жизни испытывалъ такое бурное, восторженное поклоненіе, какое выпало на долю Воейкова послѣ распространенія его сатиры. Даже Аракчеевъ пожелалъ видѣть въ лицо Воейкова, котораго и представилъ ему Мордвиновъ. Любопытно было бы знать, какого рода литературное замѣчаніе сдѣлалъ автору этотъ замѣчательный самородокъ-вельможа? Намъ извѣстно только то, что представленіе это сохранилось въ памяти Аракчеева: впоследствии, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить, Аракчеевъ принялъ участіе въ одномъ тяжёбно-литературномъ процессѣ Воейкова....

Но увлеченіе неапечатанною сатирою Воейкова было до такой степени грубо и несознательно въ его поклонникахъ, что они напримѣръ хвалили сатирика и за то, что онъ въ «Домѣ Сумасшедшихъ» вывелъ Темиру Вейдемейеръ, женщину глубоко и сознательно любившую литературу, — довольны были тѣмъ, что онъ отхлесталъ Карамзина, хвалили и то, что онъ представилъ на посмѣяніе несчастную жену Хвостова, ни къ чему рѣшительно непричастную. Измайлова, журналиста съ талантомъ, принесшаго несравненно болѣе пользы, чѣмъ Воейковъ, и притомъ человѣка отличнѣйшей души, но оригинала и чудака, — аристократическіе поклонники Воейкова нагло преслѣдовали (на Петербургской сторонѣ, гдѣ жилъ Измайловъ) этими пошлыми стихами:

Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ;
Мой предметъ — носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдами;
Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!

Но Измайловъ однако не оставался въ долгу и умѣлъ отстрѣливаться... Другія же жертвы, выведенныя Воейковымъ, не имѣли и этого оружія. Это и составляло ту задирательную, мало обдуманную сторону сатиры, которая отнимала ея значеніе и силу въ глазахъ лучшихъ современниковъ и, вслѣдствіе чего, позднѣйшее поколѣніе такъ долго и несправедливо принимало всю сатиру не болѣе, какъ за праздную шутку, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она имѣла свое историческое и серьёзное значеніе въ главнѣйшихъ пунктахъ.

Мы можемъ подтвердить сказанное весьма замѣчательнымъ фактомъ.

Получивши громкую известность, счастливо отбывшись от главных враговъ, вездѣ принятый и обласканный Воейковъ самыми обстоятельствами былъ приведенъ наконецъ къ уразумѣнію значенія своей сатиры.... Понявъ всю важность насмѣшки для русскаго общества, онъ задумалъ другое дѣло.... На этотъ разъ онъ хотѣлъ дѣйствовать уже сознательно. Скорбя, подобно другимъ образованнымъ людямъ, о жалкомъ и ничтожномъ положеніи бывшей Россійской Академіи, составленной изъ людей заслуженныхъ, но ничего не дѣлавшихъ и бездарныхъ, — онъ смѣло задумалъ поколебать авторитетъ бывшей Академіи. Онъ долго думалъ объ этомъ. Совѣтовался съ братьями Тургеневыми и съ пріятелемъ своимъ Дашковымъ. Наконецъ порѣшилъ избрать прежній, т. е. сатирическій путь, какъ болѣе всего достигающій своей цѣли, чему онъ видѣлъ примѣръ на первой своей сатирѣ. Но какъ приступить къ дѣлу? на кого по преимуществу слѣдуетъ напасть? подъ какимъ именемъ и предлогомъ распространить задуманное сочиненіе въ публикѣ? Эта маленькая, крошечная операція, къ которой пристало еще нѣсколько молодыхъ людей, ничего пока не сдѣлавши, — шумѣла, кричала, грозилась. Воейковъ болѣе всѣхъ ораторствовалъ, болѣе всѣхъ грозился на Академію.... Его видѣли тогда какимъ-то героемъ, одушевляющимъ весь маленькій свой кружокъ. Кажалось, всѣ доблести писателя-гражданина соединились въ немъ, но дѣло отъ этого нисколько не двигалось впередъ. Мало этого: пока они шумѣли, въ обществѣ уже пронесся слухъ, что Воейковъ написалъ новую, еще болѣе возмутительную сатиру. А сатиры-то пока еще ни строчки не было написано: отъ домашней болтовни разнеслись только по городу дурные слухи.

Въ такомъ положеніи Воейковъ, истощившись весь въ разговорахъ и словахъ, принялся за дѣло. Но оно шло вяло и лѣнливо; авторъ чувствовалъ, что онъ повторяется, что въ головѣ его даже не созрѣлъ хорошенько планъ новой сатиры! Онъ озаглавилъ ее чѣмъ-то въ родѣ «Продолженіе дома сумашедшихъ», (*) держался прежняго размѣра и духа, бился нѣсколько дней и все по напрасну. Положеніе было комическое и очень оскорбительное для чувствительнаго, но раздражительнаго и крайне самолюбиваго Воейкова. Друзья насмѣшливо покачивали головой, укоряя

(*) Навѣрное не знаемъ.

своего предводителя. И въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ одного лишь задорливаго и мелочнаго чувства автора, лишеннаго прямой творческой способности, ни одно изъ произведеній его не могло оставить по себѣ серьезныхъ слѣдовъ.

Чувствовалъ ли это нашъ авторъ или нѣтъ — не знаемъ; но онъ скоро женился, потомъ сдѣлался профессоромъ, потомъ переводчикомъ «Садовъ» Делиля, потомъ членомъ той-же самой Академіи, которую онъ самъ же прежде бранилъ. Последнее обстоятельство вовсе не было переворотомъ, какъ полагають, въ жизни сатирика, а прямое послѣдствіе отсутствія убѣжденій и взглядовъ въ прежней его жизни. И вотъ онъ на академическихъ торжествахъ; къ нему ежегодно по тогдашнимъ обычаямъ обращаются съ такимъ воззваніемъ: «мы видимъ въ числѣ нашихъ высокихъ, просвѣщенныхъ членовъ знаменитаго и славнаго переводчика «Садовъ» Делиля. И Воейковъ спокойно выслушиваетъ это, онъ весьма доволенъ, онъ счастливъ, — и съ своей стороны отвѣчаетъ въ такомъ же родѣ. Молодое поколѣніе съ голоса старѣйшихъ подхватываетъ и съ жаромъ восклицаетъ: «знаменитый переводчикъ Делиля», «славный нашъ Воейковъ»; но что-же сдѣлалъ этотъ славный Воейковъ? чѣмъ онъ заслужилъ право на извѣстность и любовь? Неужели тѣмъ, что попалъ въ бывшую Россійскую Академію, имъ же обруганную?

До этихъ вопросовъ не добирались тогда, — и Воейковъ сталъ пользоваться авторитетомъ академика и переводчика Делиля. Сатиру свою на Академію онъ давно припряталъ: Онъ теперь былъ редакторомъ «Русскаго Инвалида» и, какъ настоящий академикъ, началъ писать извѣстную поэму: «*Науки и искусства*». Около этого же времени въ частномъ письмѣ къ княгинѣ Е. А. В.—ой онъ писалъ изъ Петербурга слѣдующее: (*)

«Мы поживаемъ здѣсь тихохонько и скромнехонько: жена часто видается съ Карамзиными, съ К. Θ. Муравьевой, съ Н. Θ. Плещеевой, а я съ Жуковскимъ, который и живетъ съ нами, съ тремя братьями Гракхами—Тургеневыми, съ достойнымъ генераломъ Засядкою, съ Перовскимъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Булгариннымъ, (издателемъ *Сѣвернаго Архива*) и съ Гречемъ.

«Не знаю, какъ благодарить Господа Бога за то, что, проживъ $\frac{3}{4}$ жизни, я не попалъ ни въ одно тайное политическое или мистическое общество. Это видимый Промыслъ Божій. Ибо,

(*) «Библиографическія Записки», 1838. № 9.
Т. LXXIII. Отд. I.

судя по моему воспитанію, которое началось Вольтеромъ и Дидеротомъ, я бы долженъ пройти сквозь всѣ степени массонства, иллюминаства, прикладываться къ Татаринновой (ереси), проповѣдывать, какъ Г..., свободу и равенство и, какъ Н...—одной рукой креститься, а другой обкрадывать царя и казну. Ничего со мной этого не случилось».

Дѣйствительно, съ нимъ ничего не случилось, кромѣ слишкомъ обыкновенной исторіи обыкновеннаго русскаго человѣка. Самый умъ и дарованія его съ каждымъ днемъ становились уже и уже. Издавая «Русскій Инвалидъ», онъ мгновенно усвоилъ обычныя приемы: прятать подалѣе истину и всякую мелочь считать величайшимъ оскорбленіемъ для чести русскаго имени. Дѣйствительно, онъ во всемъ видѣлъ теперь посягательство на оскорбленіе народнои нашей гордости, даже тамъ, гдѣ она вовсе не страдала: такъ напримѣръ, на одной изъ петербургскихъ скачекъ онъ нашелъ величайшее униженіе для Россіи.... въ чемъ бы вы думали? въ томъ, что англійскій скакунъ опередилъ донскаго. Опъ объ этомъ жаловался *почтеннѣйшей публикѣ* «Инвалида», и между прочимъ написалъ слѣдующее письмо къ княгинѣ В-ой:

«Знаю, что огорчу патріотическое сердце ваше непріятною для народнои нашей гордости новостью. Заранѣе прошу у васъ прощенія; не могу не написать къ вамъ, не облегчить души своей отъ горести и досады.

«Вчера, то есть 4 августа, была та славная скачка между донскими и англійскими лошадьми, о которой газеты пышно возвѣстили уже Европѣ».

Затѣмъ, послѣ самаго подробнаго и утомительнаго описанія всей этой церемоніи, рассказывая, что призъ по справедливости достался англійскому всаднику, Воейковъ приходитъ въ негодованіе и съ риторическимъ краснорѣчіемъ восклицаетъ:

«Если позволено сравнивать великія процѣспествія съ мало-важными, то я сравниваю торжество иноземцевъ со взятіемъ Москвы; но за нимъ не въ продолжительномъ времени послѣдуетъ взятіе Парижа! Англичане, и безъ того весьма надутые, слишкомъ возгоржены своею побѣдою, слишкомъ увѣрены въ искусствѣ наѣзжать скакуновъ, въ превосходнѣйшей, въ единственной въ мірѣ породѣ англійскихъ лошадей. Донцы унижены въ самомъ драгоцѣнномъ для такихъ лихихъ наѣздниковъ чувствѣ, поражены въ самое чувствительное мѣсто ихъ самолюбія.

Итакъ это не конецъ! это миръ — на манеръ Тильзитскаго, за которымъ послѣдуетъ война еще кровопролитивѣйшая, и я увѣренъ, что донцы восторжествуютъ блистательно!»

При подобныхъ узкихъ, чисто фельетонныхъ взглядахъ, могъ ли Воейковъ, какъ журналистъ, дать серьезное направленіе своей политической газетѣ «Сыну Отечества» (*), и потомъ другой газетѣ «Русскому Инвалиду», редакція котораго была въ полномъ его распоряженіи? Кромѣ громкихъ фразъ, безъ огня и жизни, да жиденькихъ описаній отечественныхъ происшествій, да выписокъ, сдѣланныхъ безъ всякой системы изъ иностранныхъ газетъ, — ничего болѣе не представляетъ воейковский «Инвалидъ». А между тѣмъ, сколько жертвъ было принесено для этого дѣла: онъ бросилъ свою дерптскую профессуру собственно за тѣмъ, чтобъ быть издателемъ политическо-литературнаго журнала въ Россіи; онъ собственно для этого расширилъ свои аристократическія знакомства, и сколько хлопоталъ, сколько заискивалъ у генерала Засядки!....

Если взглянуть на журнально-политическое поприще Воейкова съ другой стороны, то оно еще менѣе оправдываетъ его. Воейковъ слишкомъ хорошо былъ подготовленъ для этого дѣла: не говоря уже объ огромномъ, энциклопедическомъ образованіи его, драгоценномъ для всякаго издателя, — онъ объѣздилъ чуть-ли не всю Россію вдоль и поперекъ, и въ какое еще время! тотчасъ послѣ отступленія Французовъ изъ Россіи; слѣдовательно, могъ присмотрѣться и къ нуждамъ, и къ радостямъ русскаго народа, совершивъ, и выполнивъ безкорыстно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ путешествій, когда-либо сдѣланныхъ русскимъ литераторомъ по своему отечеству. Онъ тогда говорилъ, и писалъ «О пользѣ путешествія по отечеству». Но отчего же все это осталось втунѣ, не сказалося ни въ одной изъ его статей? Но пойдемъ далѣе: Воейковъ наконецъ имѣлъ живой примѣръ на своихъ глазахъ — бывший «Вѣстникъ Европы», который, какъ журналъ политическій, давалъ въ свое время, памятное Воейкову, нѣкогда сотруднику этого журнала, добросовѣстныхъ и прекрасныхъ статьи. Ихъ можно читать съ наслажденіемъ и пользою даже въ настоящее время, тогда какъ «Инвалидъ» Воейкова былъ настоящій инвалидъ: бойкій на заученныя фразы, выученныя изъ арти-

---

(*) Онъ издавалъ его вмѣстѣ съ г. Грецемъ.

кула, щедрый на восклицанія и крики, но отсталый и неспособный на другое дѣло.

Если читатель намъ не вѣрить, то пусть потрудится прочесть «Русскій Инвалидъ» Воейкова хоть за нѣсколько мѣсяцовъ. Мы увѣрены, что онъ вполне согласится съ нашимъ мнѣніемъ.

Но Воейковъ, избалованный похвалами своего кружка, этого не замѣчалъ. Какъ редакторъ «Русскаго Инвалида», онъ не могъ жаловаться вначалѣ на равнодушіе русской публики: по собственноручнымъ счетамъ его, мы видимъ, что газета эта приносила (въ 1824 г.) чистаго дохода 73 тысячи ассигнаціями; но съ каждымъ годомъ цифра эта начинаетъ уменьшаться и уменьшаться. Подписчики, поддавшіеся вначалѣ авторитету автора: «Дома Сумасшедшихъ», стали отпадать, что конечно приноситъ не малую честь вкусу тогдашнихъ подписчиковъ. Воейковъ между тѣмъ все еще гремѣлъ въ своемъ аристократическомъ и литературномъ кружкѣ: ему писали посланія, Жуковский расхваливалъ его въ своихъ стихахъ, Пушкинъ называлъ его своимъ «высокимъ покровителемъ и знаменитымъ другомъ», (*) но публика смотрѣла на это иначе.

Находясь въ такомъ странномъ и замѣчательно-фальшивомъ положеніи, Воейковъ рѣшительно не зналъ, какъ расположить къ себѣ вниманіе публики. Пушкинъ могъ быть равнодушенъ къ ней, но Воейкову, какъ журналисту, было совсѣмъ другое дѣло.

Смѣло можно сказать, что ни одинъ изъ писателей не былъ въ такомъ двусмысленномъ положеніи, какъ Воейковъ. Жуковский и Пушкинъ упрашивали его, Воейкова, взять подъ свое покровительство вышедшіе «Вечера» Гоголя, а между тѣмъ самъ Воейковъ болѣе всѣхъ нуждался въ покровительствѣ. Пользуясь давнишней репутаціей когда-то злаго сатирика и знаменитаго критика, онъ дальше порога своего кружка не имѣлъ теперь никакого значенія. Гоголь съ своею всегдашнею проницательностью скорѣе всѣхъ понялъ это, — потому-то, можетъ быть, и отправился, какъ новичекъ, къ г. Булгарину.... И Гоголь, если только смотрѣть на это со стороны одной, практической, — былъ совершенно правъ: г. Булгаринъ, не имѣвшій въ лучшемъ кружкѣ литераторовъ ровно никакого вѣсу, былъ очень силенъ

(*) См. Библиографическія замѣтки: «Письма А. С. Пушкина».

въ публикѣ: его слушали, его читали, восхищались его романами, а про Воейкова, исключая своего кружка, давно перестали говорить въ остальной Россіи. Въ то время, когда еще не умѣли строго различать направлений и идей авторовъ, г. Булгаринъ, жестоко бранимый литераторами, пользовался большимъ кредитомъ почти во всей Россіи. И оно понятно: г. Булгаринъ, хоть вкривъ и вкось, давалъ умственную пищу своимъ многочисленнымъ читателямъ, а Воейковъ ровно ничего не давалъ. Ему было слишкомъ далеко до авторскихъ и журнальных дарованій Булгарина, которыми тотъ владѣлъ, въ свое время, мастерски и съ несомнѣннымъ талантомъ.

Между тѣмъ литературное положеніе Воейкова съ каждымъ днемъ начинало запутываться. Для него наступаетъ борьба. Борьба эта грозитъ поглотить все шаткое его прошлое. Поссорившись, по одному семейному обстоятельству, съ Алек. Ив. Тургеневымъ и Жуковскимъ, онъ еще болѣе находится въ безпадежномъ положеніи. Съ однимъ пустымъ авторитетомъ, безъ всякаго значенія въ глазахъ читающей публики, онъ какъ будто начинаетъ догадываться, что онъ ни болѣе ни менѣ, какъ человекъ своего кружка, что для него нѣтъ твердой почвы въ литературномъ мірѣ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе: затѣваетъ два чисто-литературныхъ предприятия, въ видѣ прибавленій къ своему «Инвалиду». Такимъ образомъ произошли на свѣтъ два отдѣльных періодическихъ изданія: «*Новости Литературы*» и «*Славянинъ*». Но, увы!—и они не помогли Воейкову.

Это горестное событіе записано въ рукописномъ дневникѣ Воейкова, который, въ числѣ прочихъ матеріаловъ, находится теперь у насъ подъ рукою (*). Вотъ что въ немъ сказано:

«А. А. (то есть, Александра Андреевна, жена Воейкова, урож-

(*) Кстати, мы еще не сказали читателю, откуда мы все это почерпаемъ. Совершенно случайно намъ повалились весьма богатые матеріалы объ Александрѣ Федоровичѣ Воейковѣ. Кромѣ огромнаго его дневника, подъ заглавіемъ: «*Мои поденныя Записки*», мы пользуемся еще двумя, также собственноручными «*Памятниками книжками*» его и «*Книгой хвалений, или Псалтирю на русскіи языкѣ*», которая, замѣтно, была неразлучна съ Воейковымъ въ послѣднее время, ибо она вся исписана его дорожными, домашними и литературными записками послѣдняго періода. Другими же свѣдѣніями мы обязаны людямъ, знавшимъ коротко покойнаго Воейкова. Одинъ изъ родственниковъ его, г. Павловъ, сообщилъ намъ также много интереснаго, за что мы и приносимъ ему свою искреннюю благодарность.

денная Протасова, племянница Жуковского, воспитанная имъ подъ именемъ «Свѣтланы») — Александра Андреевна рѣшила выдавать прибавленія къ «Инвалиду» книжками. Что-то будетъ? Горе, горе, горе живущимъ на землѣ!»

Потомъ, перевернувши нѣсколько страницъ, читаемъ: «Мирная. У Воейкова литературный завтракъ, на коемъ присутствовали: Жуковский, Крыловъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, Гнѣдичъ, Козловъ, баронъ Дельвигъ и Баратынский.... Воскресни Господи, помози намъ и избави насъ имене ради твоего.»

Но видно трудно было воскреснуть дряхлому «Инвалиду» и, несмотря на покровительство первостатейныхъ литераторовъ-пріятелей, несмотря на то, что Баратынский, прѣхавшій изъ Финляндіи вмѣстѣ съ Дельвигомъ, далъ своихъ стиховъ для «Новостей Литературы» и «Славянина», что Козловъ обѣщалъ дать балладу «Вечеръ послѣ грозы», — дѣла по «Инвалиду» съ каждымъ днемъ запутывались.

«Новая бѣда!» говоритъ Воейковъ. «Ничего не помогаетъ! газетная экспедиція сердится за жалобы на неисправное доставленіе «Инвалида» подписчикамъ. Надобно отписываться, оправдываться тогда, когда я хотѣлъ бы плакать и грустить. Я боленъ душою и тѣломъ.... О, долги, долги! доведете вы меня до бѣды! К-ва подала ко взысканію два заемныя письма на меня въ 1,500 р. Управа благочинія предписала частному приставу описать мое недвижимое имѣніе, а въ случаѣ, если онаго нѣтъ, то движимое. О не выѣздѣ же изъ города и не передачѣ вещей въ другія руки — имѣть надзоръ. Какой срамъ! Я жаловался, въ свою очередь, Ш* на экспедицію: она совсѣмъ не занимается своею должностію и о безпорядочной пересылкѣ «Инвалида» безпрестанныя пропсходятъ жалобы.»

Но одинъ частный случай выручаетъ на время Воейкова, и онъ съ добродушной, веселой безпечностію заноситъ въ свой дневникъ: «...Итакъ, безпокойства о долгахъ кончились. Во вторникъ взношу деньги. Однакожь, сдѣлай милость, Воейковъ! берегись долговъ, безпорядочности, а то, рано или поздно, доживешь до бѣды.»

И бѣда, въ самомъ дѣлѣ, явилась и стала передъ нашимъ безпечнымъ редакторомъ въ самомъ гадкомъ и безобразномъ видѣ. Знакомый его, нѣкто г. Пезаровіусъ, узнавъ объ разстроенныхъ дѣлахъ по редакціи «Инвалида», объ отсутствіи статей,

вздумалъ отнять у Воейкова послѣднее его спокойствіе и достояніе.

«Печальное, убійственное извѣстіе,—пишетъ Воейковъ,—извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи Пезаровіуса. Онъ подставилъ израненнаго и крестами обвѣшаннаго полковника, который будетъ просить лично Императора и графа Аракчеева о томъ, чтобы ему отдали «Инвалидъ.» Господи, постави на каменн ноуѣ мой и исправи стопы мои. Вскую оставилъ мя еси?»

И вотъ начинается цѣлое огромное дѣло. Редакторъ нашъ въ ужасномъ положеніи. Онъ также легко поддавался горю, какъ и радости, но этому можно судить, что испытывалъ онъ въ это время! Намъ даже грустно выписывать его безсильныя, горькія строки.

А дѣло между тѣмъ росло. Къ числу враговъ присоединяются еще новые, именно—два вѣчно-неразлучныхъ писателя.... Именъ ихъ называть печего, а пусть одинъ будетъ, положимъ, г. —ъ, а другой г. —ъ.

«Могъ ли я ожидать,—разсказываетъ Воейковъ:—что на порогъ ждетъ меня вѣсть убійственнал, громовая? Безчестный извергъ —ъ подалъ на меня въ комитетъ доносъ, съ желаніемъ отнять у меня «Инвалидъ.» Къ счастью, Жуковский, какъ ангелъ-утѣшитель, прискакалъ изъ Павловскаго, успокоиваетъ и утѣшаетъ меня. Но какой тутъ покой!»

«Хлопоталъ, и бѣгалъ, и скакалъ, какъ бѣшеный. Подлый корыстолюбецъ —ъ. —ъ, проповѣдующій добродѣтель, и вольность, и равенство, не устыдился изъ денегъ, изъ зависти сочинить на меня доносъ, поданный —ъ, и самъ своею рукою переписалъ его! За то какое презрѣніе оказываютъ имъ обоимъ всѣ честные люди; что выслушали они отъ Жуковскаго, Р* и Василья Николаевича Берха.... Между тѣмъ, мое положеніе жестоко.... Что будетъ съ дѣтьми и женою моею, если бездѣльникамъ посчастливится отнять у меня «Инвалидъ»? Я буду нищій: ибо потерялъ 6,000 рублей отъ —а, какъ сотрудникъ его газеты; 2,000 рублей доходу, какъ профессоръ русской словесности въ Артиллерійскомъ училищѣ. Азъ же на тя, Господи, уповахъ. Въ руку твою жребіи мои: избави меня изъ рукъ врагъ моихъ и отъ гонящихъ мя.»

Когда это дѣло кипѣло и двигалось впередъ, когда на одной сторонѣ стоялъ Пезаровіусъ съ своимъ израненнымъ полковникомъ, а на другой —ъ и —ъ, у Воейкова въ довершеніе

всего возникъ прежній процессъ съ книгопродавцемъ Глазуновымъ.

Процессъ этотъ, нисколько нелюбопытный для читателя, важенъ однако для нашей, еще никѣмъ нетронутой исторіи литературныхъ разбирательствъ въ Россіи, тѣмъ, что въ немъ принялъ участіе Аракчеевъ, потомъ Милорадовичъ. Участіе послѣдняго понятно: какъ губернаторъ столицы, онъ конечно долженъ былъ войти въ это дѣло, но вмѣшательство Аракчеева было необыкновенно. Неизвѣстно, какія только побудительныя причины были къ тому: минутное ли прежнее знакомство съ авторомъ «Дома Сумасшедшихъ», или же просто капризъ; но какъ бы то ни было, Аракчеевъ сѣмъ пересмотрѣлъ все дѣло, принялъ сторону, совершенно правую, сатирика, и вообще онъ велъ себя въ дѣлѣ этомъ съ мягкой деликатностью.

«Не знаю, какъ графъ обращается съ другими,—пишетъ Воейковъ, — и строгъ ли онъ съ подчиненными; я же не могу нахвалиться его вѣжливостью, ласковымъ обращеніемъ и разсудительностью. Я говорилъ съ нимъ очень твердо и смѣло и видѣлъ, что сіе не досаждало ему и было пріятно.»

Первое и вѣроятно послѣднее вмѣшательство Аракчеева въ процессъ чисто-литературный не осталось безъ послѣдствій. Воейковъ былъ оправданъ. Но спокойствіе его было непродолжительно: кромѣ прежняго, неконченнаго дѣла съ Пезаровіусомъ, полковникомъ и компаніей, присоединились еще новыя мелкія непріятности.

«Сердце мое предчувствовало,—говоритъ Воейковъ:—и я, въ шесть часовъ вечера, въ понедѣльникъ, воротился изъ Царскаго Села, гдѣ противъ обыкновенія было очень мнѣ грустно и я даже по очаровательнымъ садамъ его не прогуливался. Сидѣлъ дома и читалъ «Задига.» Что ни говори, а Вольтеръ философъ глубокомысленный и тонко зналъ свѣтъ и сердце человѣческое!

«Возвратясь, я нашелъ письмо отъ директора военной типографіи. Онъ пишетъ: «Для донесенія Исправляющему должность начальника главнаго штаба Его Величества нужно имѣть свѣдѣніе: кто сочинитель статьи *О помтонахъ*, и по какому случаю она къ вамъ доставлена, и собственное ли желаніе его было напечатать ту статью въ военныхъ вѣдомостяхъ?» Я тотчасъ отвѣчалъ, что сочинитель оной генералъ-майоръ Фитцтумъ лично далъ мнѣ сію статью для помѣщенія въ «Иванка», и даже позволялъ исправить въ сѣгб.»

«Удивительное сщѣленіе нанастей: бѣда за бѣдою. Ну, Воейковъ, держись! За простой анекдотъ о томъ, что одна женщина родила звѣря, начальникъ и другъ мой генералъ Засядко разсердился на меня, какъ будто за умышленное злодѣйство. Ему представилось, что жена его, нынѣ беременная, отъ воображенія родить медвѣдя. Теперь это не мудрено будетъ: ибо она видѣла предъ собою звѣря разъяреннаго. Прощайте, ваше превосходительство! прощайте, Александръ Дмитріевичъ. А! вижу, что съ вами надо быть осторожну въ словахъ, а я привыкъ давно растегивать свою душу въ дружескомъ обращеніи.»

Тутъ несчастный Воейковъ рѣшительно теряется и, по бессилію своего характера, то впадаетъ въ какое-то странное суетвѣріе, то ожесточается противъ всего, то хватается за новые планы.

«Горе, горе, горе живущимъ на землѣ! — пишетъ онъ: — со вторника на среду Елисавета Максимовна З... видѣла сонъ, и сонъ чудный: — знакомая женщина, въ черномъ платьѣ, которую она, однакожь, въ лицо не узнала, подошла къ ней и сказала: «я умру, и ты умрешь». Она со слезами рассказала объ этомъ мужу. Черезъ четверть часа послѣ того, мужъ получилъ мою записку о кончинѣ сестры Марьи Андреевны и, несмотря на мужество своего характера, испугался. Жена его также беременна.... Господи! неужели сонъ сей пророческій?»

«Сей день достопамятенъ тѣмъ, что пьяня Авдотья отъ срама и отъ мерзавца Якова скрылась въ Рязань, въ объятія Т-ва. Она жила 19 лѣтъ въ нашемъ домѣ, очень умна и все дѣлать мастерица; но зла, воруетъ отъ покупокъ и развратна. Ничего нѣтъ святаго!»

«Былъ въ маленькомъ театрѣ. Возвратясь домой, разгорячился до подлости и прибилъ дурака Алексашку за то, что онъ забылъ истопить печь.»

«Привелъ въ порядокъ бумаги свои по «Инвалиду» и разложилъ ихъ для скорѣйшаго прінсканія по годамъ. Послалъ отвѣтъ въ комитетъ.»

«Дѣлай людямъ добро! Пьянешка Юсифъ лежитъ боленъ съ перепоя, программа не сдѣлана, сплужу самъ и едва успѣваю. — Жуковскій пріѣхалъ изъ Павловска. Онъ не совѣтуетъ мнѣ идти въ царскосельскіе директоры лицей. Да будетъ воля Божія, а доказательства Жуковского негѣпы и смѣшны.»

«Получилъ жестокій и несправедливый приказъ отъ гене-

рала Засяди за употребленіе слишкомъ многихъ эпитетовъ для показанія степеней прилежанія, дарованія и успѣховъ въ наукахъ Артиллерійскаго училища офицеровъ и юнкеровъ. Впередъ для меня наука!»

«Былъ у Кутузова и у Куницына за извѣстнымъ дѣломъ.... Куницынъ обнадеживаетъ, а у Кутузова былъ кто-то посторонній и помѣшалъ мнѣ объясниться. Вечеръ провелъ у графа Ком. и М...».

«Всѣ бѣгутъ, всѣ оставляютъ меня! Только и нахожу отраду и поддержку въ домѣ Карамзина. Опъ одинъ, одинъ не отталкиваетъ отъ себя несчастнаго и убитаго Воейкова».

«Бѣдный, добродѣтельный старецъ Сергій Михайловичъ потерялъ единственную дочь свою Варвару Сергѣевну, скончавшуюся 7-го апрѣля горячкою, которая есть слѣдствіе огорченій, сдѣланныхъ отцу сѣ корыстолюбивымъ властолюбцемъ».

«Нѣмцы злодѣйски оклеветали меня передъ генераломъ. Они хотятъ отнять у меня мѣсто инспектора Артиллерійскаго училища. Директорство по лицу не удастся. Берегись, Воейковъ, будь остороженъ; ведн себя благоразумно».

«Отъ Алек. Ив. Тургенева письмо оскорбительное и огорчительное: можно много терпѣть, по всякому терпѣнію человѣческому есть границы: кто не объявляетъ своего права на опекуство надо мною? кто не вмѣшивается въ дѣла мои? Боже, подкрѣпи и даруй мнѣ смиреніе и терпѣніе».

«Жестокое письмо отъ А. А. и убійственное отъ Жуковского. Ек. Аф. совершенно овладѣла имъ».

«Жду съ надеждою, а больше со страхомъ Жуковского. Что могу я ожидать отъ глупца, который живетъ въ зѣбрѣ, который погубилъ собственное счастье, исполняя волю Ек. Афан., сошедшій съ ума на слезахъ, ложной чувствительности и пожертвованіяхъ?»

«А. А. отказалась дать совѣтъ о лицейскомъ директорствѣ. Жалкій Воейковъ! тебѣ велятъ жить своимъ умомъ, а ты его давно прожилъ. И въ этомъ случаѣ можешь сказать: *мнѣ жить нечѣмъ!*»

Находясь въ такомъ дѣйствительно жалкомъ и горькомъ положеніи, Воейковъ въ довершеніе всего получилъ отъ одного писателя, бывшаго своего пріятели, вызовъ на дуэль.

«Неистовый и гнусный Б', — рассказываетъ Воейковъ въ своемъ дневникѣ, — написалъ ко мнѣ вызовъ на дуэль. Я отвѣ-

чалъ, что готовъ и что онъ можетъ явиться къ Вас: Алек. Пер., которому скажу условія дуэли. Вотъ они: изъ двухъ пистолетовъ одинъ долженъ быть заряженъ пулею, другой не заряженъ. По жребію выбирать и, приставивъ къ груди, стрѣлять. Я не люблю шутокъ, съ котораго времени не дорожу жизнью. А въ этомъ дѣлѣ говорить чувство оскорбленной чести, правда и народная гордость».

«На другой день. Цѣлое утро прождалъ, что Б* въ непостояствѣ и разъяренный явится къ моему секунданту Пер. вызывать рѣшительно и назначить день — стрѣляться; но, увы! онъ не приходилъ».

«Черезъ день. Б*, выведенный изъ терпѣнія и посрамленный насмѣшками Дельвига, рѣшился въ самомъ дѣлѣ стрѣляться, если я не дамъ ему писменнаго свидѣтельства, что не называлъ его *трусомъ*. Съ симъ предложеніемъ пріѣзжалъ ко мнѣ поэтъ Р*. Сначала, я рѣшительно отказалъ ему; потомъ поѣхалъ съ нимъ къ Вас. Алек. Пер — му, котораго можно дѣлать судьей въ дѣлѣ чести. Онъ рѣшилъ, что мнѣ *неупизительно* *узприть* Б* *письмомъ*, что я не называлъ его *трусомъ*. Письмо написано и окончено тѣмъ, что я прошу Б* оставить меня въ покоѣ и забыть, что я существую на свѣтѣ».

Процессъ по «Инвалиду» между тѣмъ тянулся, терзалъ несчастнаго Воейкова, отнималъ послѣднія душевныя его силы. Прежній авторитетъ его окончательно начиналъ падать и въ литературномъ кружкѣ. Его ужъ не любили, его уже не слушали. Одинъ только несчастный стихотворецъ, графъ Хвостовъ, еще боялся критическихъ замѣчаній угасающаго сатирика. Желая разбить его, Хвостовъ, бывъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ, призывалъ воейковского старосту, увѣщевалъ его повиноваться властямъ, собрать часть оброка и отправить къ сатирику, сильно пуждавшемуся въ деньгахъ. Воейковъ дѣйствительно получилъ эти деньги; но, разузнавъ всю исторію эту отъ самаго же Хвостова, съ горечью пронзесъ: «все погибло для Воейкова, его страшится — одинъ только графъ Хвостовъ!» Кажется, что въ это же время, подъ вліяніемъ душевной горечи, онъ и написалъ на него свою ѣдкую сатиру:

Хвосты есть у синицъ,
Хвосты есть у лисицъ,
Хвосты есть и у кнутовъ, —
Такъ бойся же Хвостовъ!

Еще разъ, на короткій разъ, удалось Воейкову укрась у судьбы нѣсколько радостныхъ дней. Счастье какъ будто къ нему вернулось, но для того, чтобъ уйдти отъ него навсегда... Вотъ что онъ рассказываетъ:

«Испуганный своимъ злодѣйствомъ —ъ, обруганный, какъ подлецъ, моимъ добрымъ Жуковскимъ, пылкимъ Р... и Гибди-чемъ, прибѣжалъ ко мнѣ и увѣрилъ, что онъ уговорить своего разбойника и друга —а— взять назадъ бумагу свою. По совету Жуковского, я пошелъ къ —у— въ 7 часовъ вечера и съ нимъ къ —у—. Щадя его, сколько возможно, я прочиталъ ему исторію хорошихъ дѣлъ, за коими послѣдовала цѣпь дѣяній одного другаго подлѣе, одно другаго безсовѣстѣе. Онъ далъ мнѣ слово ѣхать къ управляющему дѣлъ по комитету раненыхъ и взять назадъ свою безчестную бумагу. И Александръ Ивановичъ Тургеневъ, забывъ вражду ко мнѣ, сильно и съ благородствомъ вступился за меня».

«На другой день. Встрѣтился на Невскомъ проспектѣ съ —ъ, у котораго на лицѣ написанъ срамъ и угрызеніе совѣсти. Онъ искренно готовъ поправить испорченное, онъ забылъ и про нашу дуэль, и счазалъ мнѣ, что сдѣлалъ доносъ изъ отчаянія. Непонимаю этой эдиповой загадки, а желалъ бы разгадать и, если возможно, помочь ему. Онъ очень жалокъ и совѣсть потерялся».

«Черезъ день. Все еще дѣло не кончено съ —ъ— и можетъ быть непріятныя послѣдствія. Жду недождусь, чтобы пристыдиться за работу литературную. Жуковскій на балѣ у графа Кочубея говорилъ о замыслахъ Цезарюуса, —а—и—а— противъ моего «Инвалида», и о томъ, какъ Цезарюусъ старается, чтобъ «Инвалидъ» сдѣлалъ казенною газетою, а его издателемъ, разумеется, съ большимъ жалованьемъ.»

«На слѣдующій день. Наконецъ, Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, помуча порядочно —а—, возвратилъ ему бумагу его объ «Инвалидѣ» (писанную и переписанную рукою его друга—а—). И я вздохнулъ свободно! Вечеромъ получилъ отъ —а— дружескую записку, заплакалъ, побѣждалъ обнять его, нашелъ тамъ благороднаго Р... и просидѣлъ очень пріятно до десяти часовъ.»

«Черезъ нѣсколько дней. Начинаю опять знакомиться съ счастьемъ, съ поэзіею и съ природою. Перевелъ нѣсколько стиховъ! Куражь Mr. Woeykoff! вперед!»

«Бѣдилъ въ Павловскъ къ Жуковскому; засталъ его на по-

рогѣ. Онъ обрадовалъ меня вѣсточкою, что вдовствующая Императрица, безъ вѣдома его, назначила его учителемъ будущей Великой Княгини супруги Миканла Павловича. Для меня это пріятіе и выгоды, чѣмъ самому быть Ея учителемъ. Куражъ, мосе Воейковъ!»

Новотреніяго, душевнаго куража, самаго драгоценнаго для каждаго писателя, уже не могло быть въ душѣ мосе Воейкова. Онъ выдохся окончательно, все рассчитывалъ на Жуковского, да на другихъ сильныхъ друзей своихъ, усленно пересматривалъ, провѣтривалъ и перечислялъ свои старые стихи, — и все напрасно: новаго онъ ничего уже не могъ сдѣлать. Онъ въ это время работалъ болѣе, чѣмъ когда либо въ своей жизни, и писалъ, и передѣлывалъ, и выправлялъ всѣ свои сочиненія. Онъ готовилъ ихъ тогда для новаго изданія. *Первая часть* состояла изъ посланій, сатиръ, лирическихъ и мелкихъ стихотвореній; *вторая* — «Сады» Делиля; *третья* — Виргиліевы эклоги и георгики; въ *четвертую часть* должна была войти поэма «Искусства и науки». Кромѣ того, онъ переводилъ тогда цѣлыя огромныя отрывки: «*Ошибки Камбизовой арміи въ пескахъ Ливійскихъ*», «*О дамской химіи*», и неуспынно работалъ по редакціи своихъ журналовъ. Сатиру свою «Домъ Сумасшедшихъ», подвергнувъ третьей редакціи, вписывалъ туда цѣлыя огромныя новыя строфы, но сатира отъ этого ничего не выигрывала, а теряла много....

Результатъ былъ одинъ: старое оставалось по старому, то есть попрежнему не имѣло особенныхъ достоинствъ, за исключеніемъ развѣ «Дома Сумасшедшихъ», — а новое ему не удавалось. Съ редакціей «Инвалида» онъ промаялся еще два, три года; но, несмотря на всѣ усилія и рвеніе, въ декабрѣ, 1826 года, у Воейкова былъ отнятъ «Инвалидъ» и сдѣланъ казеннымъ. Хотя онъ попрежнему оставался близокъ съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Дмитріевымъ и Крыловымъ, но литературное одиночество его обнажилось вполне. Объ немъ стали говорить болѣе, какъ о несчастномъ человѣкѣ, чѣмъ о литераторѣ. Порою, какъ бы напоминая прошедшее, ему удавалась новая эпиграмма, которыми онъ славился когда-то, — но и новая эпиграмма выходила теперь повтореніемъ прежняго:

Ага, попалась мышь, — умри; спасенья никакого!
Ты грызть пришла здѣсь Дмитріева томъ,
Межъ тѣмъ, какъ у меня валялся подъ столомъ
Творенія Хвостова.

Иль же:

Для храма нового явилось ново чудо:

Хвостовъ скорчалъ стихи и, говорить, не худо.

Но стихамъ подобнымъ было невозможно теперь обратить на себя вниманіе. На глазахъ самого Воейкова, наступило другое время: новое поколѣніе занимало мѣсто прежняго. Привычки стараго литературнаго міра пачинали уже забываться, сглаживаться, приобрѣтеніе писани въ литературѣ дѣлалось труднѣе. На сценѣ уже были Гоголь, Пушкинъ, Языковъ и Крыловъ. Время шло, явились новые интересы, по рукамъ ходила рукописная комедія Грибоѣдова, — слѣдовательно, теперь было не до «Дома Сумасшедшихъ». Эпоха была другая, только не для Воейкова. Онъ попрежнему суетился, хлопоталъ, не оставлялъ своей литературы и службы, ходилъ въ Академію, подбиралъ и сочинялъ остроты на сотоварищей — академиковъ, Пипшкова и Хвостова, почти постоянно бывалъ веселъ, и только порою такая горечь давила его сердце.

Въ одинъ дождливый октябрьскій вечеръ, въ домѣ его играли въ фанты — *вопросы и отвѣты*. Поэтъ Языковъ, бывшій на этомъ вечерѣ, отвѣчалъ непрерывно стихами остро и пріятно; наконецъ, спросили у задумавшагося Воейкова: въ какое животное онъ хотѣлъ бы быть обращеннымъ? Онъ печально отвѣтилъ:

Признаться, я не хлопоту
Быть превращенъ въ орла или галку;
Какъ русскій, шпорамъ и бичу
Предпочтая палку,
Ослонъ я быть хочу.

Но всякое серьезное раздумье, даже тоска, были непродолжительны и не въ духѣ характера Воейкова, горячо, но минутно все чувствовавшаго. Вся жизнь его была отрывочнымъ сцѣпленіемъ вспышекъ, гнѣва, лихорадочной работы и порывистыхъ свѣтскихъ развлеченій. Очень добрый и чувствительный по душѣ, онъ и подъ конецъ жизни, какъ и въ началѣ, жилъ спустя рукава, и съ вѣчнымъ своимъ самодовольствіемъ и мелкимъ самолюбивымъ ропотомъ списывалъ свой дневникъ замѣтками такого рода:

«1833 г. Хромоногіи редакторъ *Русскаго Инвалида* (*) сдѣ-

(*) Это не острота: Воейковъ дѣйствительно былъ хромым. Возвращаясь съ одного объѣда, въ 1824 г., онъ былъ опрокинутъ кучеромъ въ Садовой улицѣ,

дать пріятную прогулку изъ села Рыбачнаго на Невскіе пороги; Воейкову исполнилось 54 года. Погода стояла ясная и теплая».

«1834. Беззаконіе и гадость... Старичекъ Воейковъ пошаливалъ. *Искренніе мои и друзья мои, видя язу мою, отступили, отдали стадо мое ближнимъ моимъ. Я силенъ и полонъ чреватно, всеодинъ хожу мраченъ.* (Псаломъ Давидовъ, XXXVII).

«1835 г. Въ Троицынъ день и въ Духовъ, Воейковъ сдѣлалъ отиѣнно-пріятную прогулку по Невѣ, на кладбище Пороховаго завода, къ могилкамъ дяди Олега.»

«Воейковъ обѣдалъ у Жуковскаго; завтракалъ у Козлова, посѣтилъ Крылова.»

«1835. Воейкову исполнилось 56 лѣтъ отъ рожденія, въ селѣ Рыбачкомъ, на Бугоркахъ.»

«1836. Въ субботу, старый переводчикъ *Садовъ*, Александръ Федоровичъ Воейковъ сидѣлъ дома. Онъ много сочинялъ.»

«1836. Воейковъ боленъ, Воейковъ одинъ, все други его теперь при дворѣ—на балѣ.»

«1836 г., августа 30, исполнилось беззубому Александрѣ Федоровичу Воейкову 57 лѣтъ, а онъ все рабъ грѣха и въ грязи пачкается. Горе, горе, горе!»

«1837 года, въ Петербургѣ, Воейковъ былъ на вершокъ отъ смерти. Шляпки спасли!»

«Старый редакторъ *Русскаго Инвалида*, при жаркой погодѣ, сдѣлалъ пріятнѣйшую поѣздку. Воейковъ — критикъ опять расцвѣлъ душою! Онъ дѣлалъ благоразумные планы на будущее время.»

«1838. Старому хрычу Воейкову будетъ ударъ, если онъ не станетъ воздерживаться.»

«Воейковъ заболѣлъ. Онъ сидитъ дома, мучимый флюсомъ, зудомъ въ ногахъ и бессонницею.»

«Горе, горе, горе! *Враги мои живы, сильны и многочисленны, ненавидящіе мя безвинно. Да будутъ постыжены и поражены ужасомъ все враги мои, да возвратятся, и будутъ постыжены и мучены.* (Изъ псалма Давидова.)

«1839 г. Журналистъ Александръ Воейковъ сдѣлалъ пріятную прогулку въ Островки, деревню генералъ-лейтенанта Павла

совершенно расшибъ себѣ жилы у лѣвой ноги и большую бедренную кость. Печальное происшествіе это имѣло для него свои хорошія послѣдствія: оно соединило Воейкова съ его семействомъ, съ которымъ онъ, по нѣкоторымъ осмелѣлымъ неспростамъ, былъ въ продолжительной разлукѣ.

Васильевича Чоглокова. Время провелъ чудесно—по свѣтски. Была пріятельница моя, графиня Полина Т'. Я читалъ и импровизировалъ стихи по-французски.»

Дальнѣйшихъ выписокъ не дѣлаемъ. Они и безъ того, кажется, характеристически представляютъ подвижность и смѣшеніе душевныхъ интересовъ нашего автора.... Это было основаніемъ его характера, и потому-то при всѣхъ усиліяхъ онъ ничего не могъ сдѣлать серьезнаго ни въ жизни, ни въ литературѣ. При самолюбіи и избалованности, онъ до того вѣрилъ въ самаго себя, что даже не замѣчалъ, что съ каждымъ новымъ днемъ онъ дѣлается какимъ-то литературнымъ анахронизмомъ.

Лучшее для него время давно уже прошло, время появленія сатиры «Дома Сумасшедшихъ.» Потомъ онъ жилъ насчетъ ея въ литературѣ саншкомъ долго, и даже въ послѣднее время, т. е. въ 1838 году, передѣлывалъ эту же самую сатиру, внося туда людей другой эпохи и интересовъ, какъ напримѣръ Бѣлинскаго, Сенковского и другихъ. Считаая себя великимъ критикомъ, онъ видѣлъ въ Бѣлинскомъ одно нахальство. Это впрочемъ понятно, при его самолюбіи и литературномъ сиротствѣ. Но спрашивается: кто воспитывался на критикахъ его, Воейкова, и кому они принесли пользу? Какъ критикъ, Полевой былъ несравненно выше Воейкова; какъ журналистъ, г. Булгаринъ сдѣлалъ конечно полезнаго мало, но зато по крайней мѣрѣ десять тысячъ человѣкъ пріохотилъ къ русскому чтенію. Воейковъ и того не сдѣлалъ. Чѣмъ же объяснить ту любовь, которою онъ такъ долго пользовался отъ первоклассныхъ нашихъ поэтовъ? Рѣшить, право, довольно трудно. Мы думаемъ такъ: Воейковъ обладалъ очень хорошимъ вкусомъ въ поэзіи, былъ чистосердеченъ въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ, связанъ родствомъ и дружбою съ первыми нашими литераторами; кромѣ того былъ веселъ, остеръ, находчивъ, обладалъ обширнымъ образованіемъ,—и это едва ли не было главною причиною его продолжительной, но не прочной славы. Публика, хотя инстинктивно, но поняла это раньше, а потому-то Воейковъ и не пользовался у ней, какъ критикъ и журналистъ, никакимъ значеніемъ. Да и что въ самомъ дѣлѣ она могла извлечь изъ его стиховъ безъ поэзіи, изъ его «*Новостей Литературы*», изъ «*Славянина*», изъ отдѣла, считавшагося остроумнымъ, «*Хамелеонистики*», которымъ восхищались только его друзья, да завидовалъ Хвостовъ и подобные ему литературные несчастливцы? Публика на этотъ разъ не

ошиблась: въ глазахъ ея, Воейковъ написалъ одну вещь: сатиру «Домъ Сумасшедшихъ», которая развлекла ея вниманіе — да сдѣлалъ потомъ нѣсколько удачныхъ переводовъ изъ древнихъ классиковъ. О «Садахъ» — же и говорить нечего, потому что сама поэма Делиля не заслуживаетъ никакого серьезнаго вниманія, — тѣмъ болѣе не стоило ея переводить на русскій языкъ и еще болѣе гордиться славою переводчика Делиля.

Но Воейковъ очень много трудился по части открытія спондеевъ въ русскомъ стихосложеніи, — скажутъ намъ. Довольно слѣдующихъ стиховъ, чтобъ показать успѣшность его въ этомъ предпріятіи:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисля дѣянія Россовъ:
Галлъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ, Турокъ, Сармать и
Саконецъ, —
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли, и всѣхъ охраняемъ!

Въ заключеніе скажемъ: четыре политическія и литературныя эпохи пронеслись надъ головою Воейкова: время Державина, Княжнина и Хераскова, потомъ время Капниста, Мерзлякова и Озерова, далѣе — Жуковского, Гнѣдича, Батюшкова, Крылова и наконецъ Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова и Бѣлинскаго. Отъ Державина до поэта Туманскаго включительно онъ зналъ всѣхъ лично, но, сочувствуя каждой эпохѣ, онъ не могъ быть настоящимъ дѣятелемъ ни одной изъ нихъ. Въ сатирическомъ талантѣ его не было ни малѣйшей капли творчества, — это была одна раздраженная горечь, безъ серьезнаго огня. Онъ правду только чувствовалъ по отношенію къ себѣ, только собственная боль заставляла его вспоминать, что на свѣтѣ болѣютъ и другіе. Безпрерывно воюя съ своими, часто мнимыми врагами, онъ въ сущности не воевалъ ни съ кѣмъ, хотя имѣлъ всегдашнее притязаніе на злаго сатирика. Продолжительная слава его при жизни и по смерти есть лучшее доказательство, какъ мало у насъ взвѣшиваютъ дѣятельность людей.... Хорошій другъ своего кружка, Воейковъ былъ плохой другъ русскаго общества, — и вотъ почему, при недостаткѣ творческихъ способностей, онъ ничего не могъ внести благотворнаго въ свою дѣятельность. Она прошла шумно, но безъ всякихъ послѣдствій....

Писатель этотъ также кончилъ, какъ и началъ свое литературное поприще: не за долго до своей смерти, задѣтый за животъ. LXXIII. Отд. I.

вое дружескою насмѣшкою нашего гениальнаго лиричнаго, Ив. Ан. Крылова, Воейковъ по обыкновенію встрѣченуся всѣмъ своимъ самолюбіемъ, взглянулъ на Крылова, какъ на врага, и написалъ стихи, чрезвычайно жѣтко выразивши состояніе нашей литературы въ послѣдніе дни жизни Воейкова:

Державинъ спитъ въ сырой могилѣ;
Жуковскій пишетъ чепуху;
И ужъ Крыловъ теперь не въ силѣ
Сварить «Демьянову Уху».

Этимъ мы заключимъ нашу характеристику о Воейковѣ.

Е. КОЛВАСИНЪ.

О ПОГОДѢ.

(Вступление къ сатирамъ).

1. УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА.

(П. А-ву).

Слава Богу, стрѣлять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто въ городѣ спалъ:
Ночью пушечный громъ грохоталъ,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтобъ Нева въ берега воротилась
И минула большая бѣда —
Но немногу сбывается въ а.
Начинается день безобразный —
Мутный, вѣтренный, темный и грязный.

Ахъ, еще бы на міръ намъ съ улыбкой смотреть!
Мы глядимъ на него черезъ тусклую сѣть,
Что какъ слезы струится по окнамъ домовъ
Отъ тумановъ сырыхъ, отъ дождей и снѣговъ!

Злость беретъ, сокрушаетъ хандра;
Такъ и просятся слезы изъ глазъ,
Пѣть! я лучше уйду со двора....
Я ушелъ — и наткнулся какъ разъ
На тяжелую сцену. Везли на погостъ
Чей-то бѣлый, некрашенный гробъ
Черезъ длинный Псакіевъ мостъ,

Передъ гробомъ не шли ни родные, ни попъ;
 Не лежала на немъ золотая парча,
 Только въ крышу досчатого гроба стуча,
 Прывгалъ градъ; да извошникъ-палачъ
 Билъ кургузымъ кнутомъ спотыкавшихся клать,
 И вдоль спинъ побѣлѣвшихъ удары кнута
 Полосами ложились. Съѣзжая съ моста,
 Зацѣпила за дроги коляска, стремглавъ
 Съ офицеромъ, кричавшимъ: пошелъ! проскакавъ.
 Гробъ упалъ и раскрылся.

«Сердечный ты мой!

Натерпѣлся ты горя живой,
 Да пришлось терпѣть и по смерти.
 То случился проклятый пожаръ,
 То теперь насакаали вдругъ — черти.
 Вотъ ужъ подлинно бѣдный Макаръ!
 Домъ-то, гдѣ его тѣло стояло,
 Загорѣлся, — забыли о немъ, —
 Я схватилась: побились не мало
 Да спасли таки гробъ цѣликомъ,
 Такъ опять неудача сегодня!
 Видно участь его такова....
 Прогнѣвилась рука-то Господня,
 Не удержишь?...»

Такія слова

Говорила бездушно и звонко,
 Подбѣжавъ къ мертвецу въ попыхахъ,
 Провожавшая гробъ старушонка,
 Въ кацавейкѣ, въ мужскихъ сапогахъ.
 — Вишь проклятые! ѣхать имъ тѣсно!
 «Кто онъ былъ»? я старуху спросилъ.
 — Кто онъ былъ? да чиновникъ, извѣстно;
 Въ департаментахъ разныхъ служилъ.
 Петербургъ ему солонъ достался:
 Въ наводненіе жену потерялъ,
 Цѣлый вѣкъ по квартирамъ таскался
 И четырнадцать разъ погоралъ.
 А ужъ службой себя какъ неволилъ!

Въ будни сиднемъ сидѣлъ да писалъ,
А по праздникамъ ноги мозолилъ —
Все начальство свое поздравлялъ.
Вотъ и кончилось тѣмъ — простудился!
Звалъ изъ Шуи родную сестру
Да деньжонокъ послать поскупился.
«Такъ одинъ, говорить, и умру,
«Не дождусь.... кто меня похоронить?
«Хоть ужъ ты не оставь, помоги»!
Страхъ бывало возьметъ, какъ застонеть.
Подари — говорю — сапоги,
А то вишь разошелся дождище!
Неравно въ самомъ дѣлѣ умрешь,
Въ чемъ пойду проводить на кладбище?
Закивалъ головой.... «Ну, и чтожь»?
— Ну и умеръ — и больше ни слова;
Надо мѣста искать у другаго!
«И тебѣ его будто не жаль»?
— Что жалѣть? намъ жалѣть не досужно.
Что жалѣть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времячко!... Господи Боже!
Какъ ни дорого бѣдному жить,
Умреть ему вдвое дороже.
На кладбищѣ-то мѣсто купить,
Да на гробъ, да на саванъ, на свѣчи.... —

Говоря эти грустныя рѣчи,
До кладбища мы скоро дошли —
И покойника въ церковь внесли.
Много ихъ тамъ гуртомъ отпѣвалось,
Было тѣсно — и трудно дышалось.
Я ушелъ по кладбищу гулять;
Тамъ одной незамѣтной могилы,
Гдѣ уснули великія силы,
Мнѣ хотѣлось давно поискать.

Сдѣлавъ даромъ три добрые круга,
Я у сторожа вздумалъ спросить.
Имя, званье, всѣ признаки друга

Онъ заставилъ пять разъ повторить
 И сказалъ: «сѣтъ, такого не знаю;
 А пожалуй, примѣту скажу,
 Какъ искать: ты ищи его съ краю,
 Перешедши вошь эту межу,
 И гляди: гдѣ кресты, тамъ мѣщане,
 Офицеры, простые дворяне;
 Надъ чиновникомъ больше плита,
 Подъ плитой же бываетъ учитель,
 А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
 Тамъ должно быть и есть сочинитель.»

За совѣтъ я спасибо сказалъ,
 Но могилы въ тотъ день не искалъ.
 Я старуху знакомую встрѣтилъ
 И покойника съ ней хоронилъ.
 День, по прежнему гнилъ и не свѣтелъ,
 Въмѣсто града дождемъ насъ мочилъ.
 Средь могилъ, по мосткамъ деревяннымъ
 Довелось намъ долгопьюшко шагать.
 Впереди, подъ навѣсомъ туманнымъ,
 Открывалась болотная гладь:
 Ни жплья, ни травы, ни кусточка,
 Все мертво — только вѣтеръ свистить.
 Вошь виднѣется черная точка:
 Это сторожъ. «Скорѣе!» кричить.
 По танцующимъ жордочкамъ прямо
 Мы направились молча туда.
 Наконецъ вотъ и свѣжая яма
 И ужъ въ ней — по колено вода!
 Въ эту воду мы гробъ опустили,
 Жидкой грязью его завалили
 И — конецъ! Старушонка опять
 Не могла пересилить досады:
 «Ну, дождался сердечный отрады!
 Что ужъ, кажется, съ мертваго взять?
 Да судьба какъ захочетъ обидѣть,
 Такъ обидитъ: вчера погоралъ,
 А сегодня, изводите видѣть,
 Изъ огня прямо въ воду попалъ!»

Я взглянулъ на нее — и замѣтилъ,
Что старухѣ-то жаль бѣдняка:
Бровь одну поводило слегка....
Я пѣвымъ ей поклономъ отвѣтилъ
И ушелъ.... Я доволенъ собой,
Я не даромъ на улицу вышелъ:
Я хандру разогналъ — и смѣшной
Каламбуръ на кладбищѣ услышалъ,
Подготовленный жизнью самой....

Н. НЕКРАСОВЪ.

27 Дек.

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИРЬ.

(Группа Ставассера).

Постой хотя на мигъ! О скрытый сукъ иль пенъ
Ты можешь уязвить разутую ступень.
Еще невинная, спѣша отъ вакханалій,
Готова уронить одну ты изъ сандалій.
Но вотъ, — косматая колѣна преклоня,
Онъ у ноги твоей поймалъ конецъ ремня.
Затянется теперь не скоро узелъ прочный:
Сатиръ и молодой — не агнецъ непорочный!
Смотри какъ голову закинувши назадъ,
Глядитъ онъ на тебя и пьетъ твой ароматъ!
Какъ дышать нѣгою уста его и взоры!
Быть можетъ, нѣхотя ты ищешь въ немъ опоры,
А стройное твое бедро такъ горячо
Теперь легло къ нему на крѣпкое плечо.
Нѣтъ! мысль твоя чиста и воля неизмѣнна;
Улыбка у тебя насмѣшливо надменна.
Но отчего, скажи, въ сознаньи ль красоты
Иль въ утомленіи такъ неподвижна ты?
Еще открытое смѣжиться хочетъ око,
И молодая грудь волнуется высоко....
Иль страсть, горящая въ сатирѣ молодомъ,
Пахнула и въ тебя томительнымъ огнемъ?

А. ФЕТЬ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ.

БЛАГОПРІЯТНА ЛИ ДЛЯ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ТЕОРІЯ *laissez faire, laissez passer*? — МОЖЕТЪ ЛИ ГОСУДАРСТВО, ЕСЛИ БЫ И ЗАХОТѢЛО, НЕ ИМѢТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНО СИЛЬНОГО ВЛІЯНІЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНАГО ЛИЦА? — ПРИ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ ПРЯМОЕ ВМѢШАТЕЛЬСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТВА ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ БЫВАЕТЪ ПОЛЕЗНО ДЛЯ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ?

Мы бесѣдовали съ экономистами отсталой школы о ихъ философскихъ предубѣжденіяхъ противъ общиннаго владѣнія; теперь побесѣдуемъ съ ними о тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя проистекаютъ изъ основнаго принципа ихъ собственно экономической теоріи. Принципомъ этимъ служитъ, какъ извѣстно, знаменитый девизъ: «невмѣшательство государства, полнѣйшая свобода частной дѣятельности.» Они утверждаютъ, что кто желаетъ прямого участія законодательства въ опредѣленіи экономическихъ отношеній, тотъ отдаетъ личность въ жертву деспотизму общества. Мы постараемся показать, что ихъ собственная теорія именно и ведетъ къ этому, а потомъ изложимъ тѣ понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности, которыя кажутся намъ болѣе благопріятными для личной свободы индивидуума и болѣе справедливыми.

Эта статья раздѣляется на двѣ половины. Въ первой мы бесѣдуемъ съ экономистами отсталой школы, пробуемъ принять ихъ теорію и смотримъ, къ чему она ведетъ. Убѣдившись въ томъ, что эта теорія повертывается рѣшительно въ невыгоду для личности, ищемъ для личности гарантій, болѣе практичныхъ и вѣрныхъ.

Счастливы люди, у которыхъ есть «абсолютный принципъ». Имъ не нужно ни наблюдать фактовъ, ни думать: у нихъ заранѣе готово лекарство для всякой болѣзни, и для всякой болѣзни одно и тоже лекарство, какъ у знаменитаго доктора, каждому паціенту говорившаго: «принять слабительнаго и поставить клистиръ», *purgare et clystirizare*. Иванъ сломилъ ногу, — дать ему слабительнаго, поставить клистиръ, онъ будетъ здоровъ, — другихъ средствъ не нужно. У Петра обнаружилась золотуха, — все таки другихъ средствъ не нужно, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ, тоже выздоровѣетъ. Наконецъ у Павла нѣтъ никакой болѣзни, — нужды нѣтъ, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ: *purgare et clystirizare* — будетъ еще здоровѣе. *Purgare et clystirizare*, — какъ упрощается теорія медицины, какъ облегчается медицинская практика этимъ талисманомъ!

Подобными талисманами владѣютъ многіе. Для «значительнаго лица», къ которому Акакій Акакіевичъ обратился по поводу пропажи своей шинели, талисманомъ было «распечь». Для экономистовъ отсталой школы такимъ же талисманомъ служить прелестный девизъ, «невмѣшательство государства». Девизы противоположны, но съ равнымъ удобствомъ примѣняются ко всему. Три четверти англійской націи состоятъ изъ бездомныхъ бѣдняковъ, — какъ помочь ихъ бѣдственному положенію? Экономисты отсталой школы говорятъ: «пусть государство перестанетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, пусть уничтожить сборъ въ пользу бѣдныхъ»; значительное лицо гоголевской повѣсти говоритъ: «распечь ихъ»! Французы увлеклись биржевыми спекуляціями до разорительной и безнравственной крайности, — какъ отвратить это зло? «Пусть государство не вмѣшивается въ экономическія отношенія», говорятъ отсталые экономисты; «распечь ихъ»! говоритъ значительное лицо.

Purgare et clystirizare, — какъ спокойна совѣсть при такомъ девизѣ! Золотуха у Петра мало по малу проходитъ, — это отъ того, что онъ ставилъ клистиръ и принималъ слабительное. Нога Павла, оставленная безъ леченія, подверглась гангренѣ, и бѣдняга умираетъ, — это отъ того, что онъ мало принималъ слабительнаго и недостаточно часто ставилъ клистиръ. Совѣсть доктора чиста, тишина его души невозмутима.

Мы не имѣемъ счастья обладать такимъ всецѣляющимъ средствомъ. Правда, есть у насъ общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности, «благо человѣка», — но эта формула указываетъ только цѣль, а не даетъ готовыхъ средствъ къ ея достиженію; такъ для разсудительнаго медика есть

одна общая норма дѣйствій,—«здоровье организма», но она также указываетъ только цѣль, а еще не опредѣляетъ средствъ.

Какъ всѣ односторонніе люди, остальные экономисты школы невмѣстательства государства очень полезны въ случаяхъ столкновѣнія съ какою нибудь другою односторонностью. Докторъ Санградо, имѣвшій универсальнымъ средствомъ кровопусканіе, могъ бы съ пользою для паціента найти сильное противорѣчіе своей нецѣльной исключительности въ другой столь же нецѣльной исключительности—*purgare et clystirizare*. Школа невмѣстательства государства оказывается очень благодѣтельною для общества въ спорахъ со школою, для которой универсальнымъ лекарствомъ служить гоголевское правило «распечь ихъ».

Мы не отвергаемъ того, что въ старину принципъ *laissez faire, laissez passer* былъ чрезвычайно полезенъ, что и теперь во многихъ странахъ и во многихъ случаяхъ онъ является благотворнымъ, какъ ни одинъ разсудительный докторъ не отвергаетъ чрезвычайной пользы *purgandi et clystirizandi* въ очень многихъ случаяхъ. Мы только думаемъ, что не во всѣхъ болѣзняхъ пригодны и достаточны англійская соль и промывательное, что медицина не должна ограничивать своихъ средствъ ложкой касторового масла и бутылкою молока съ чеснокомъ; мы только думаемъ и стараемся доказать, что принципъ *laissez faire, laissez passer* не заключаетъ въ себѣ одинъ полный и готовый отвѣтъ на всевозможные экономическіе вопросы, не можетъ считаться исключительнымъ рѣшеніемъ всѣхъ общественныхъ задачъ.

Не легко удерживать другихъ и самому удерживаться отъ односторонности въ практикѣ, гдѣ часто одинъ какой нибудь фактъ, рѣжущій глаза своею нецѣпностью, заставляетъ человѣка забывать обо всемъ остальномъ, кромѣ средства, служащаго противодіемъ именно противъ этого факта. Когда у васъ передъ глазами откупъ и пьянство, трудно вамъ удержаться отъ проклятія вину; и напримѣръ французу или пруссаку, каждый шагъ котораго стѣсненъ путами мелочной бюрократіи, трудно помнить въ столкновѣніяхъ практической жизни, что только дурная и утрированная форма государственнаго вмѣстательства въ частныя дѣла должна быть отвергаема, а не самый принципъ, и что противная односторонность была бы не менѣе вредна и даже не менѣе стѣснительна. На практикѣ трудно бываетъ иногда щадить принципъ въ спорѣ противъ формы. Но теперь мы только пишемъ статью, вы, читатель, будете нерелистывать ее; мы оба въ своей комнатѣ, наединѣ, незанятые никакимъ практическимъ дѣломъ, никто намъ не мѣшаетъ, нѣтъ подлѣ насъ никакого ландрата или префекта, мы ушли на нѣсколько часовъ въ теоре-

тическую жизнь, забыли о всѣхъ дрязгахъ, которые жмутъ насъ за порогомъ нашей комнаты, или даже ворвутся въ нее черезъ часть, черезъ два; мы заняты теперь только отвлеченною теорією, а въ теоріи критика односторонностей чрезвычайно легка.

Въ теоріи критика односторонностей такъ легка, что не бываетъ даже надобности спорить съ противникомъ объ основаніяхъ его системы. Можно сказать ему для скорѣйшаго окончанія дѣла: я впередъ принимаю за истину всѣ ваши принципы, каковы бы они ни были; потрудитесь высказать ихъ, и тогда я попрошу васъ только не отказываться отъ того, что вы разъ сказали. Мы спорить не будемъ; я буду развивать только собственныя ваши мысли и вы увидите, что эти принципы ведутъ къ тому самому, противъ чего вы возстаете. Помните только одно условіе: мы предположимъ, что ваши слова совершенно справедливы и что принципы, вами высказанные, выше всякаго сомнѣнія. Я предоставляю вамъ право имѣть какой угодно образъ мыслей и требую только одного: считайте вашъ образъ мыслей справедливымъ и не отказывайтесь отъ него. Мы скоро увидимъ, захотите ли вы сами хвалить его.

Мы на время вполне принимаемъ за совершенную истину всю теорію *laissez faire, laissez passer* въ самомъ точномъ и безусловномъ ея выраженіи. Вотъ она:

«Экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода. Общество не имѣетъ права налагать на нее никакихъ стѣсненій. Государство не имѣетъ права занимать-ся ни однимъ изъ тѣхъ предметовъ дѣятельности, которые осуществляютъ или могутъ быть осуществлены силами отдѣльнаго лица. Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности. Иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ; иначе сказать, государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ; безусловная свобода для дѣятельности частнаго лица есть верховный принципъ общества, и государство должно имѣть существованіе и дѣятельность только въ той мѣрѣ, какая нужна для осуществленія этого верховнаго принципа. Иначе сказать, идеалъ государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе можетъ оно подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества».

Мы выразили теорію *laissez faire, laissez passer* съ такою полнотою и точностью, что всѣ остальные экономисты отъ Бастиа до г. Воловскаго (мы надѣемся скоро сообщить читателю о томъ, до какой безумной крайности дошелъ г. Воловскій въ крестьянскомъ во-

просѣ по ослѣпленію принципомъ *laissez faire, laissez passer*) обѣими руками готовы были бы подписать изложенную нами теорію и провозгласили бы ее чистѣйшей эссенціей своего собственнаго ученія.

Итакъ мы становимся послѣдователями системы *laissez faire, laissez passer*; постараемся же проникнуть въ мысль, нами безусловно принятую и поставленную выше всякаго спора.

«Экономической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должна быть предоставлена совершенная свобода». Напримѣръ, если бы я хотѣлъ открыть лавку, положимъ, для торговли стеклянною посудой, общество не должно мѣшать мнѣ открыть ее; и если кто нибудь захочетъ помѣшать мнѣ въ этомъ, государство обязано устранить полагаемое моею свободою стѣсненіе. Быть можетъ, существуетъ корпорація, присвоившая себѣ монополію торговли стеклянною посудой. Государство обязано отмѣнить монополію и уничтожить привилегированную корпорацію. Но быть можетъ, корпорація придумала поддерживать монополію не привилегією, этимъ грубымъ средствомъ простяковъ, а другими болѣе хитрыми и удачными способами. Напримѣръ, располагая огромными денежными средствами, она могла бы закупить на стеклянномъ заводѣ всю посуду, или, что еще вѣрнѣе, обязать хозяина завода контрактомъ, чтобы онъ не смѣлъ продавать посуду съ завода никому, кромѣ этой самой корпораціи, — тогда я также былъ бы лишенъ возможности открыть лавку стеклянною посудой; для моей экономической свободы было бы тоже стѣсненіе какъ и прежде, и государство также было бы обязано позаботиться о средствахъ возвратити мнѣ свободу, уничтоженную коварнымъ дѣйствіемъ корпораціи. Быть можетъ, средства достаточныя и пригодныя для прекращенія монополіи, основанной на привилегіи, были бы непригодны и недостаточны противъ этого болѣе тонкаго образа дѣйствій; но мы здѣсь говоримъ не о томъ, каковы должны быть средства, употребляемые государствомъ для исполненія своей обязанности, а только о томъ, какова обязанность государства: она остается одна и таже, — устранить стѣсненіе, мѣшающее мнѣ заняться извѣстнымъ родомъ торговли. Вы скажете, можетъ быть, что вовсе нѣтъ средствъ отвратити монополію во второмъ случаѣ, — я этого пока не знаю; но если это такъ, я говорю, что бываютъ случаи, въ которыхъ государство не имѣетъ возможности исполнить свою обязанность; а неисполненіе обязанности есть ея нарушеніе, — и я говорю, слѣдовательно, что бываютъ случаи, когда государство вынуждается необходимостью нарушать приписанную нами ему обязанность. Итакъ одно изъ двухъ: или нельзя приписывать государству исключительной обязанности — охранять свободу экономической дѣятельности, или всегда могутъ быть найдены госу-

дарствомъ средства для ея охраненія. Мы уже согласились признать государству эту обязанность, потому должны предположить, что всегда могутъ быть найдены средства для ея исполненія.

Согласны ли вы сомнѣю? Если не согласны, то откажитесь, какъ отъ нелѣпой невозможности, отъ вашей первой мысли: «экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода». Но мы уже поставили условіемъ, что ваши мысли безусловно справедливы и что вы не имѣете права отъ нихъ отказываться. Если вы не хотите соблюдать этого условія, — опять-таки полная вамъ воля; но въ такомъ случаѣ я объявляю, что вы сами не знаете, что говорите, что у васъ нѣтъ прочнаго образа мыслей, что я не только не обращаю, но и не имѣю права обращать ровно никакого вниманія на ваши мнѣнія.

Разумѣется, вы этого не захотите. Вы думаете, что у васъ есть образъ мыслей, что онъ заслуживаетъ вниманія, что вы остаетесь ему вѣрны, и вы не откажетесь отъ вашихъ словъ. Помните же; въ чемъ мы теперь съ вами согласились: на государствѣ лежитъ обязанность охранять совершенную свободу экономической дѣятельности отдѣльнаго лица. Помните же, что какой ни представился бы намъ случай, мы должны будемъ отыскивать средства къ охраненію такой свободы, и если кто нибудь станетъ жаловаться на стѣсненія, мы не можемъ отказать ему въ нашемъ содѣйствіи подъ предлогомъ, что нѣтъ способовъ устранить это стѣсненіе. Согласны ли? Я предчувствую, что васъ начинаетъ коробить; но что дѣлать? Вѣдь вы сами объявили вашъ образъ мыслей справедливымъ; вы убѣждали меня принять его; вы не имѣете права жаловаться на непрактичность моихъ словъ: они только повтореніе вашихъ собственныхъ словъ, которыя мы съ вами уже признали совершенно истинными. Исслѣдуемъ же далѣе вашу истину.

«Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій». Вы не думайте, что я поступаю съ вами коварно, что я стану придавать вашей теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ вашемъ умѣ, напримѣръ выводить изъ нея, будто общество не имѣетъ права налагать податей и повинностей, или дѣлать полицейскихъ распоряженій для охраненія порядка. Я знаю, что вы хотѣли понимать вещи разсудительно и что вы друзья порядка, что, говоря «никакихъ стѣсненій», вы подразумевали: «кромѣ стѣсненій, дѣйствительно нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій». Правда ли, я угадалъ вашу мысль? Но въ такомъ случаѣ къ чему мы пришли? Мы ужъ не можемъ отвергать какую нибудь мѣру однимъ восклицаніемъ: «она стѣснительна!» Нѣтъ, мы ужъ обязаны всма-

триваться, не полагаетъ ли общество, что этимъ стѣсненіемъ оно предотвращаетъ какое нибудь другое стѣсненіе, болѣе тяжелое, или охраняетъ порядокъ. И если общество скажетъ, что оно такъ думаетъ, мы остаемся безгласны. Въ какое мы положеніе стали? Если бы, напримѣръ, обществу вздумалось постановить правиломъ, чтобы люди по улицамъ не могли ходить иначе, какъ заложивъ руки за спину, что могли бы мы возразить противъ этого? Общество сказало бы, что полагаетъ стѣснительнымъ для людей ходить не заложивъ руки за спину: во-первыхъ, когда руки болтаются или локти выставлены, прохожіе безпрестанно задѣваютъ другъ друга, — это стѣснительно, и лучше заложить руки за спину, чтобы меньшимъ стѣсненіемъ избѣжать большаго; во-вторыхъ, когда руки заложены за спину, грудь выставляется впередъ, дыханіе становится легче и шире, легкія развиваются и укрѣпляются, и черезъ нѣсколько времени человѣкъ освобождается отъ стѣсненія въ груди, которымъ всѣ городскіе жители болѣе или менѣе страдаютъ: стало быть опять таки меньшимъ стѣсненіемъ отвращается большее. Мы съ вами могли бы находить, что все это глупо, но не могли бы сказать, что общество превысило тѣ границы власти, которыя мы съ вами сами предписали ему. Да то ли еще? Общество тогда могло бы принуждать насъ съ вами рѣшительно ко всему, что ему вздумается, напримѣръ, хотя бы ходить вверхъ ногами во время грязи. Оно сказало бы, что ноги можно промочить, а руки не боятся сырости, да и кромѣ того таскать калоши на ногахъ очень стѣснительно, а во время грязи, если ходить на ногахъ, то необходимо таскать калоши, если же ходить вверхъ ногами — на рукахъ, вмѣсто ногъ, то отъ стѣсненія калошами человѣкъ избавляется. «Но послушайте, это однакожъ явная бессмыслица. Нужно же имѣть хоть каплю здраваго смысла». Вотъ оно куда пошло! Такъ ужь понадобился здравый смыслъ? Я всегда предполагалъ надобность въ немъ; но теперь, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права ссылаться на него: вѣдь мы уже поставили принципомъ нашихъ разсужденій извѣстную теорію, сказали, что признаемъ ее безусловно справедливою, — чтожъ намъ теперь дѣлать съ здравымъ смысломъ, если онъ возстаетъ противъ того или другаго applicaціи нашей теоріи? Онъ мѣшается не въ свое дѣло, мы обязаны прогнать его. Вѣдь мы уже сказали, что общество можетъ налагать на дѣятельность частнаго лица меньшее стѣсненіе, чтобы избѣжать большаго. Кто налагаетъ? общество. Слѣдовательно въ чьихъ понятіяхъ опредѣляется, что больше и что меньше?—въ понятіяхъ общества. Стало быть, кто судья о томъ, какимъ стѣсненіямъ должна подвергнуться наша съ вами жизнь? опять таки общество. Стало быть общество имѣетъ право сдѣлать съ нами совершенно все, что ему угодно, —

вотъ къ чему привела насъ наша теорія. Если напрімѣръ общество вздумало бы, что указательный палецъ стѣсняетъ мою дѣятельность и велѣло бы отрѣзать его, или вздумало бы, что смотрѣть двумя глазами для меня не такъ удобно, какъ смотрѣть однимъ правымъ, и велѣло бы выколоть мнѣ одинъ глазъ, — я не могъ бы сказать, что оно превышаетъ свои права надо мной. «Но это возмутительно, это безчеловѣчно!» — Почему же? — «Да это гнусно!» — Почему же гнусно? — «Да это возмутительно и безчеловѣчно!» — Ну вотъ опять за старое. Я спрашиваю, почему же возмутительно? — «Потому что это противно чувству справедливости!» — Вотъ какъ... Ну, а почему же безчеловѣчно? — «Да какъ же не безчеловѣчно рѣзать палецъ и выкалывать глазъ невинному человѣку? Вѣдь этимъ нарушаются священные права человѣческой личности!» — Вотъ оно куда пришло! Справедливость, священные права человѣческой личности... Я всегда предполагалъ, что эти вещи не мѣшаетъ принимать въ соображеніе; но къ сожалѣнію, теперь мы не можемъ этого сдѣлать: мы уже взяли извѣстную теорію за безусловную истину, и если справедливость будетъ ею нарушаться, если священные права человѣческой личности будутъ ею разрушаться, мы можемъ только пожимать плечами и говорить: жаль, а нечего дѣлать; теорія справедлива, слѣдовательно все противное ей ложь. А другіе утѣшаютъ насъ, объяснивъ, что это только такъ кажется, будто справедливость и человѣческія права нарушаются нашей теоріей; а въ самомъ дѣлѣ нарушенія тутъ никакого нѣтъ.

Вы догадываетесь, что прибавкою къ словамъ «общество не имѣетъ права налагать на отдѣльнаго человѣка никакихъ стѣсненій» вашей милой оговорки: «кромѣ стѣсненій, нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій», вы обратили вашу теорію свободы въ теорію безграничнаго произвола общественной власти надъ отдѣльною личностью, предали личность связанною по рукамъ и по ногамъ въ жертву необузданнѣйшаго деспотизма. Вы раскаиваетесь въ этой прибавкѣ, вы хотѣли бы взять ее назадъ, — это вы можете, вѣдь она была только моею догадкою о смыслѣ вашей теоріи. Вы сначала одобрили догадку, потомъ мы съ вами увидѣли, что она нелѣпа, такъ бросимъ ее. Возвратимся къ вашей теоріи безъ всякихъ догадокъ о ея смыслѣ. Въ теоріи говорилось: «общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій». Только этихъ словъ вы не можете брать назадъ по нашему уговору, отъ всякихъ дополненій вы можете отказываться. Итакъ — «никакихъ стѣсненій». Ну, и прекрасно. Пусть такъ и будетъ, безъ всякихъ ограниченій и исключеній. Я чувствую склонность къ огородничеству. Прохожу по Обводному Каналу, вижу огородъ, вижу заступъ у

одной гряды, начинаю копать, душа моя въ восторгѣ, моя дѣятельность полезна обществу, намѣренія мои чисты. Но приходитъ сторожъ, видитъ незнакомаго человѣка, подозрѣваетъ во мнѣ намѣреніе воспользоваться его огурцами, призываетъ будочника и будочникъ соглашается съ нимъ, что я не смѣю заниматься работою на его огородѣ безъ его согласія. Что же мнѣ дѣлать? (Если меня не посадили подъ арестъ за подозрѣніе въ намѣреніи похитить чужую собственность). Общество говоритъ: «ты наймись въ работники у огородника». Но если огородникъ предлагаетъ мнѣ условія стѣснительныя для моей свободы? Напримѣръ, если онъ требуетъ, чтобы я каждый день приходилъ работать къ нему? Я этого не могу. И такъ моя дѣятельность стѣснена. Я не встаю противъ огородника, онъ можетъ быть и правъ; но по нашей съ вами теоріи общество должно найти средство для меня заниматься огородничествомъ безъ стѣсненія моей свободы. Я предполагаю, что единственное средство къ тому: устроить общественный огородъ, въ которомъ работалъ бы каждый, когда хочетъ и сколько хочетъ. Можетъ быть это неудобноисполнимо; по нашей теоріи я не хочу и не долженъ знать этого. Вѣдь мы уже видѣли: теорія ставитъ насъ въ необходимость предполагать, что способы къ доставленію полной свободы экономической дѣятельности отдѣльнаго лица всегда могутъ быть найдены. Мы съ вами вовсе не встаемъ противъ собственности, — сохрани насъ Богъ! — но примѣръ огородника показываетъ намъ, что принадлежность извѣстной собственности извѣстному одному лицу можетъ налагать стѣснительныя условія на экономическую дѣятельность другихъ лицъ, и наша теорія показываетъ, что на обществѣ лежитъ обязанность пріискать средства для отстраненія этихъ стѣсненій. Я предложилъ одно средство: завести общественный огородъ. Если оно вамъ не нравится, пріищите другія средства, но пожалуйста пріищите, потому что иначе вся наша теорія *laissez faire, laissez passer* разлетѣлась бы въ пыль, — а вѣдь мы уже согласились съ вами, что она безусловно справедлива. Продолжаемъ же вникать въ ея истины.

«Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности». Только для этого, больше ни для чего. Но и тутъ хлопотъ ему будетъ довольно. «Огражденіе безопасности», — въ старину, когда люди были глупы, они думали, что безопасность можетъ быть достаточно ограждена карательными средствами. (Это я говорю какъ отсталый экономистъ, а еслибъ я не былъ связанъ уговоромъ держаться отсталыхъ мнѣній, я полагалъ бы, что въ старину люди не были слишкомъ глупы, и никогда этого не думали); но теперь каждый знаетъ, что этого мало. Напримѣръ,

экономическая дѣятельность чрезвычайно страдаетъ отъ поддѣлки бумажныхъ денегъ. Во всѣхъ государствахъ есть очень строгіе законы противъ этого преступленія. Но въ старину, когда наши ассигнаціи имѣли очень грубую гравировку, все-таки чуть ли не въ каждой губерніи находилось по нѣскольку артистовъ, успѣшно производившихъ поддѣлку при помощи деревянной доски, гвоздя и шила: болѣе замысловатыхъ орудій не было нужно, и рука набивалась къ этому дѣлу очень легко. Чтожь вы думаете? Нашли противъ доморощенныхъ артистовъ средство болѣе дѣйствительное, нежели строгость наказаній: нынѣшніе кредитные билеты имѣютъ такую тяжелую гравировку, что гвоздемъ и шиломъ нельзя ихъ поддѣлать, и развѣ самый искусный граверъ можетъ вырѣзать порядочную форму для нихъ; при томъ и бумага для кредитныхъ билетовъ употребляется совершенно особенная, такъ что мало быть отличнымъ граверомъ, нужно имѣть еще отличную бумажную фабрику, чтобы поддѣлывать бумажные деньги сноснымъ образомъ. Кому изъ отличныхъ граверовъ, получающихъ большія деньги за честную работу, придетъ охота рисковать собою, и какой хозяинъ отличной бумажной фабрики захочетъ помогать ему? Ремесло поддѣлки, сильно упавшее, исчезло бы совершенно, еслибы не одно обстоятельство: есть много безграмотныхъ людей, которые не могутъ прочесть на оборотѣ кредитной бумажки бисернаго шрифта и не догадываются смотрѣть кредитный билетъ на свѣтъ, чтобы видѣть—имѣетъ ли бумага надлежащіе знаки. Ясно, что распространеніе грамотности убьетъ и послѣдніе слабые остатки ремесла, прежде процвѣтавшаго, несмотря ни на какія наказанія. Изъ этого мы видимъ, что для огражденія безопасности мало однихъ карательныхъ законовъ; нужно также, чтобы нарушеніе безопасности перестало быть выгоднымъ и нужнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Для доморощенныхъ артистовъ, работающихъ гвоздемъ и шиломъ, поддѣлка бумажныхъ денегъ перестала быть выгодною, потому что прекратился сбытъ ихъ грубымъ пздѣлкамъ; для отличныхъ граверовъ и хозяевъ бумажныхъ фабрикъ поддѣлка не нужна, потому что у нихъ и безъ того довольно денегъ. Приложимъ эти правила къ обыкновеннѣйшимъ случаямъ нарушенія безопасности: къ убійству, грабежу и воровству. Воровствомъ обыкновенно занимаются люди, дошедшіе до нищеты. Стало быть, если государство обязано ограждать безопасность, оно обязано заботиться, чтобы никто не доходилъ до нищеты. Какъ это сдѣлать? Я полагаю бы, что слѣдовало бы принимать мѣры къ устройству такого общественнаго порядка, при которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы нѣкоторую собственность и находилъ бы всегда удобства зарабатывать безбѣдными средствами для жизни честнымъ трудомъ. Я полагаю бы также,

что нужно заботиться объ отнятіи привлекательности у пороковъ, доводящихъ до нищеты. Наконецъ я полагалъ бы, что можно было бы позаботиться о смягченіи нравовъ. Согласны ли вы на это? Если такъ, государству будетъ очень много дѣла. Напримѣръ, возьмемъ изъ трехъ задачъ хоть только одну вторую: отнятіе привлекательности у пороковъ, и возьмемъ хотя только одинъ порокъ, напримѣръ расточительность. Каждый знаетъ, что она бываетъ причиною множества бѣдствій, а экономисты, всматривавшіеся въ жизнь поглубже остальныхъ людей, мнѣнія которыхъ мы приняли на время, находятъ, что эта слабость производитъ гораздо болѣе бѣдствій, нежели самые ужасные пороки. Какъ же ослабить ее? Вы помните исторію Маши и ея мужа:

Бѣлый день занялся надъ столицей....

Конечно, грѣхъ и говорить о расточительности бѣдной молодой женщины, которая, какъ видно, не имѣетъ ни кареты, ни даже ложи въ Итальянской Оперѣ, хотя бы въ четвертомъ ярусѣ; но все-таки къ чему приходитъ дѣло? Чтобы не огорчать жену отказами, мужъ трудится выше силъ и скоро долженъ умереть отъ чахотки. Вотъ вамъ и великая бѣда. Что станетъ дѣлать несчастная вдова? Ее ожидаетъ нищета, быть можетъ, развратъ. Притомъ какъ хотите, а все-таки она—убійца мужа. Впрочемъ, такая развязка рѣдкій случай. Мужъ Маши — человѣкъ слишкомъ твердаго характера, слишкомъ высокаго нравственнаго развитія, какихъ немного:

Человѣкъ онъ былъ странной породы,
Исключительно честь понималъ.

Изъ цѣлой сотни людей развѣ двое имѣютъ такую твердость характера и мыслей; остальные, извѣстно, какъ поступаютъ для пріобрѣтенія нужныхъ денегъ: они не отвергаютъ «прекраснаго средства», представляемаго находящимся «подъ рукою казеннымъ сундукомъ» и тому подобными источниками. Тутъ ужъ погибаетъ не одно семейство, а страдаетъ цѣлая нація. Какъ же ослабить расточительность? Что надобно сдѣлать, чтобы Маша не убивала мужа и не заставляла его подумывать о казенномъ сундукѣ? Надобно посмотреть, отчего происходитъ, чѣмъ поддерживается ея слабость къ нарядамъ.

Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ.—
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянетъ.... убійственный взглядъ!

Значитъ, покуда не переведутся подруги, у которыхъ много лишнихъ денегъ на пустые наряды, нельзя вылъчить и Машу. Да эта ли одна бѣда? Мужъ думаетъ иногда поговорить съ Машей, что надобно жить скромнѣе, —

Да обидится гордая теща.

Нельзя жить скромно, иначе перессоришься съ родными. Значитъ, плохо будетъ дѣло, пока извѣстный размѣръ расходовъ считается обязанностью, налагаемою на человѣка его именемъ. Да и это еще не все. Въ самой Машѣ третья бѣда, съ которой всего труднѣе справиться —

Все бы вздоръ.... только съ Машей не сладить;
Не втолкуешь....

Маша дурно воспитана. Пока не измѣнится характеръ воспитанія, ничего порядочнаго нельзя ожидать.

Посмотрите же теперь: изъ одного случая, касающагося только одного изъ многихъ вопросовъ, представляемыхъ только одною изъ трехъ задачъ, какія уже обширныя обязанности найдены нами для государства. Оно должно позаботиться объ уменьшеніи числа людей, имѣющихъ возможность сорить деньги, которымъ счета не знаютъ; оно должно позаботиться о прекращеніи чванства именами; оно должно позаботиться объ улучшеніи воспитанія. Какія мѣры оно приметъ къ тому, мы не знаемъ; теперь мы не даемъ совѣтовъ объ употребленіи власти, а рассматриваемъ только предѣлы власти, опредѣляемые обязанностію правительства заботиться о безопасности. Что бы ни предприняло государство для достиженія найденныхъ нами цѣлей, оно останется въ предѣлахъ своей власти, если мы будемъ принимать теорію, поставляющую исключительнымъ долгомъ правительства заботу объ одной безопасности. Можно было бы разсуждать о томъ, приведутъ ли къ желаемому результату, т. е. къ искорененію расточительности предпринятія государствомъ мѣры, но нельзя было бы сказать, что оно превысило мѣру власти, предоставляемой ему теоріею отсталыхъ экономистовъ, предписывающихъ ему ограничиваться однимъ наблюденіемъ за общественной безопасностью. Нарушается ли безопасность преступленіями? Нарушается. Служить ли расточительность одною изъ причинъ преступленій? Служить. Въ правѣ ли государство принимать мѣры для отстраненія фактовъ вредныхъ для безопасности? Не только вправѣ, но и обязано по принятой на время нами теоріи. Послѣ этого не остается никакихъ разсужденій. Мы говоримъ не о томъ, какія мѣры благоразумны,

какія нѣтъ, какія человѣчны, какія безчеловѣчны, — мы говоримъ только о томъ, какія будутъ законны по нашей теоріи. Быть можетъ, вы теперь думаете, что напрасно мы допускали ее безусловно, что напрасно не сдѣлали мы оговорки о правахъ здраваго смысла и человѣческой личности. Быть можетъ, — но ужъ выдержимъ на минуту характеръ, соблюдемъ свое обѣщаніе твердо держаться теоріи и просмотримъ всю ее до конца. А потомъ, когда пресытимся этою прелестью, посмотримъ, — много ли останется изъ нашей теоріи, если мы подчинимъ ее требованіямъ здраваго смысла и правамъ человѣческой личности. Быть можетъ, вы пресытились ею даже и теперь; но мы наслышались о ней столько хорошаго, что непремѣнно хотимъ разсмотрѣть всѣ ея красоты. Почему знать? можетъ быть въ концѣ найдется что нибудь новенькое.

Мы уже знаемъ, что государство существуетъ только для огражденія безопасности. Этотъ основной принципъ теоріи развивается и поясняется нѣсколькими перифразами, имѣющими, повидимому, тотъ же самый смыслъ. Первый перифразъ таковъ: «иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ». Прекрасно; по этому правилу на обязанности государства лежитъ содержать армію и флотъ, безъ которыхъ нѣтъ безопасности и которые не могутъ быть содержимы частными лицами. Но что, если я скажу, что напримѣръ доставленіе каждому члену общества возможности жить честнымъ трудомъ (условіе также необходимое для общественной безопасности, потому что кто не можетъ жить честнымъ трудомъ, по необходимости берется за дурныя средства) также достигается только общественною волею (закономъ) и общественною дѣятельностью, а не дѣятельностью частныхъ лицъ? Вы предчувствуете, куда ведутъ такіе слова. Впрочемъ не бойтесь. Я имѣю въ виду пока не простолюдиновъ, не черныя работы, — нѣтъ, мы приняли теорію людей богатыхъ, и будемъ говорить прежде всего о такъ называемыхъ высокихъ потребностяхъ и занятіяхъ. Напримѣръ, при нынѣшнемъ состояніи мореходства нужна астрономія. Для астрономіи нужны между прочимъ каталоги звѣздъ. Можетъ ли составленіе каталога звѣздъ окупиться распродажею этой книги, какъ окупаются вздорныя повѣстухи и пустыя статейки? Составленіе звѣзднаго каталога требуетъ многихъ годовъ, — чѣмъ будетъ жить составитель до окончанія своей работы? По ея окончаніи книга разойдется въ 50 экземплярахъ и вмѣсто выгоды, ея напечатаніе даетъ страшный недочетъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Полезный трудъ долженъ обеспечивать жизнь трудящагося. Каталогъ звѣздъ полезенъ. Но частные люди, въ отдѣльности каждый, не обеспечиваютъ должнаго вознагражденія за

него. Ясно, что государство обязано дать средства для этого труда. Беремъ другой примѣръ. Предположимъ, что маленькому мальчику или человѣку страдающему помѣшательствомъ ума достался домъ; предположимъ, что у бѣдняжки нѣтъ близкихъ родственниковъ, или что они люди недобросовѣстные. Вы перерываете меня и говорите, къ чему тянуть дѣло? ясно, что домъ надобно взять въ опеку. Ясно ли? Предупреждаемъ, что выводы изъ этого довольно важны. Но ни одинъ изъ отсталыхъ экономистовъ не думалъ еще отвергать необходимость опеки въ подобномъ случаѣ. Стало быть дѣло можно считать безспорнымъ. Теперь спрашивается, на чемъ основана необходимость опеки? На неспособности взятаго въ примѣръ человѣка управлять своими дѣлами. На чемъ же основана его неспособность? На недостаточномъ или болѣзненномъ развитіи его ума. Отчего же у маленькаго ребенка слабъ умъ? отчего помѣшанный лишился разсудка? «Какое мнѣ дѣло, отвѣчаете вы. Мы говоримъ не о физиологій и занимаемся не сплетнями, мы рѣшаемъ практическій вопросъ, для рѣшенія котораго все равно, каковы бы ни были причины слабоумія. Общество знаетъ только, что извѣстное лицо не имѣетъ способности управлять своимъ домомъ и больше ничего знать не обязано, а обязано учредить опеку». Помните же, до чего мы дошли: кто не способенъ оберегать свои выгоды, выгоды того должны оберегаться обществомъ. Такъ ли? Если не такъ, то общество не имѣетъ права учреждать опеки надъ дѣтьми и лишенными разсудка.

Подведемъ же итогъ къ результатамъ полученнымъ нами: общество должно доставить приличное вознагражденіе за трудъ человѣку желающему и умѣющему заниматься честнымъ и полезнымъ трудомъ, если безъ вмѣшательства общества онъ не находитъ для себя вознагражденія. Общество обязано принимать на себя заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые не могутъ сами охранять своихъ интересовъ.

Принимаете ли вы эти выводы? Если не принимаете, вы отказываетесь отъ собственной вашей теоріи, а мы уже согласились не отказываться отъ нея. Кромѣ того, вы не признаете за обществомъ такихъ правъ, или, лучше сказать, обязанностей, какъ на примѣръ учрежденію опеки надъ дѣтьми-сиротами.

Если же вы принимаете эти выводы, ими разрушается вся первая половина вашей теоріи: на общество налагаются обязанности гораздо болѣе обширныя, нежели простая забота о безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нарушится безопасность, если жильцы дома, принадлежащаго ребенку, не станутъ ничего платить ему за квартиру, а просто возьмутъ его на прокормленіе себѣ, хотя бы съ цѣлью сдѣ-

дать его своимъ слугою, когда онъ выростетъ? Безопасность лица тутъ неприкосновенна. — «Но страдаютъ его экономическіе интересы». Вотъ именно о томъ мы и говоримъ: стало быть общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы безъ вмѣшательства общества. Вѣдь это уже принципъ гораздо болѣе обширный, нежели охраненіе безопасности. Послѣ этого значитъ, если я заключилъ невыгодный для меня контрактъ, то общество можетъ объявить этотъ контрактъ недействительнымъ? Вѣдь мои интересы пострадали бы безъ этого?

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какимъ образомъ одни и тѣ же люди, т. е. отсталые экономисты, за одинъ пріемъ высказываютъ два правила, будто бы совершенно согласныя: «государство должно заботиться только объ огражденіи безопасности» и «государство обязано дѣлать то, что не достигается дѣятельностью частныхъ лицъ». Какъ не замѣчали они, что вторая обязанность несравненно обширнѣе первой? Вѣдь потребности общества и частныхъ лицъ не ограничиваются одной безопасностью; есть также потребности матеріальнаго благосостоянія, нравственнаго и умственнаго развитія, потребности сердца, — и мало ли какихъ другихъ законныхъ потребностей? Ясно, что, кто говоритъ вторую фразу, тотъ въ первой фразѣ слово «только» долженъ замѣнить словомъ «между прочимъ».

Послѣ этого не нужно намъ и говорить о слѣдующемъ объясненіи «государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ»; его смыслъ зависитъ отъ слова «только», а мы сейчасъ видѣли, что оно должно замѣниться словомъ «между прочимъ». Но любопытно послѣднее объясненіе. «Идеаль государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе можетъ она подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества». Опять какъ не видѣть, что это объясненіе совершенно разрушаетъ всю прежнюю теорію, по которой забота государства ограничивалась одною безопасностью. Вмѣшательство государства требуется тѣмъ чаще, чѣмъ больше совершается преступленій, чѣмъ чаще нарушается порядокъ. Каждому извѣстно, что бѣдность, невѣжество, грубость нравовъ и развратъ — главные источники преступленій и нарушеній порядка; слѣдовательно, чѣмъ больше заботъ будетъ употреблять государство на искорененіе бѣдности, невѣщества, грубости нравовъ и разврата, тѣмъ менѣе будетъ ему хлопотъ, тѣмъ менѣе будетъ сумма его вмѣшательствъ.

Мы уже говорили объ этомъ, приводя въ примѣръ Машу и ея мужа. Если самостоятельность общества дѣйствительно должна быть цѣлью общественной теоріи, то очевидно, что этой цѣли можно достигнуть только покровительствомъ всему, что содѣйствуетъ развитію самостоятельности, — именно, заботою объ истребленіи бѣдно-

сти, распространении просвещения, о смягчении нравовъ и объ истреблении тѣхъ причинъ, отъ которыхъ портится характеръ и получаютъ фальшивое направленіе человѣческія наклонности.

Въ странномъ видѣ излагается теорія невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Къ ней прилагаются объясненія, прямо ей противорѣчащія. Мы не можемъ осуждать ученыхъ, бывшихъ первыми ея основателями: они жили въ другія времена, они не видѣли многихъ фактовъ, которые теперь передъ глазами у каждаго. Притомъ же Адамъ Смитъ и ближайшіе его послѣдователи вовсе не доходили до той односторонности, противъ которой возражаемъ мы. Но непростительно нашимъ современникамъ не хотѣть замѣчать того, что каждому бросается въ глаза; непростительно искажать для поддержки ветхаго тѣ мысли, которыя въ свое время были двигателями прогресса.

Теорія, провозглашавшая невмѣшательство правительства въ экономическія отношенія, возникла въ тѣ времена, когда самая Англія, не говоря уже о континентальныхъ государствахъ, страдала больше всего отъ обветшалыхъ средневѣковыхъ регламентацій. Эти регламентаціи поддерживались общественною властью. Какъ же было не говорить тогда умнымъ и честнымъ людямъ, что вмѣшательство общественной власти въ экономическія отношенія вредитъ развитію промышленныхъ силъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ большей части случаевъ оно было вредно; въ самомъ дѣлѣ, первой потребностью общества было—избавиться отъ мелочной и неразумительной опеки. Съ той поры обстоятельства во многомъ перемѣнились. Какъ и въ чемъ именно, объ этомъ мы говорили уже много разъ, да и каждому это больше или меньше извѣстно. Замѣтимъ только одинъ общій результатъ перемѣны. Читатель знаетъ, что мы имѣемъ виду исключительно исторію Западной Европы. На чемъ основываются теперь почти всѣ стѣснительныя мѣры, принимаемыя западными правительствами? Для всѣхъ ихъ представляется исключительнымъ оправданіемъ общественная безопасность. Зачѣмъ напримѣръ нужны паспорта при вѣздѣ въ Папскую Область, въ Ломбардію, въ Богемію, въ Галицію? «Для общественной безопасности». Зачѣмъ нуженъ стѣснительный надзоръ за жизнью частнаго лица въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Миланѣ? «Для общественной безопасности». Зачѣмъ содержится страшная армія въ Австріи, которая едва ли имѣетъ пять гульденовъ звонкой монеты? «Для общественной безопасности.» Словомъ сказать, какаѣ бы прищѣпка ни задѣла васъ на континентѣ Западной Европы, нечего и спрашивать: откуда она и зачѣмъ она?—Знайτε напередъ, что отвѣтъ на все одинъ: «это нужно для поддержания порядка и общественной безопасности».

Поэтому намъ кажется, что теорія, поставлющая исключительною заботою правительства охраненіе общественной безопасности, не сообразна съ обстоятельствами настоящаго времени для Западной Европы. Фактическая сила правительства надъ обществомъ не зависитъ отъ теорій, она опредѣляется нравами общества и его потребностями. Теорія можетъ только опредѣлять предметы, на которые слѣдуетъ обращаться этой силой. Каждому извѣстно, какое дѣйствіе производится сосредоточеніемъ силы въ извѣстномъ направленіи, обращеніемъ ея дѣятельности на меньшее число предметовъ: чѣмъ меньше будетъ ихъ, тѣмъ съ болыною энергіею станеть охватывать ихъ данная сила. Отсталые экономисты совершенно ошибаются, воображая, что измѣняютъ пропорцію вообще между количествомъ правительственнаго вмѣшательства и количествомъ самодѣятельности общества, когда настаиваютъ на томъ, чтобы правительство занималось исключительно однимъ предметомъ, не касаясь другихъ: сумма административнаго вмѣшательства остается все таже самая, только прилагается къ одному предмету. Изъ пяти единицъ составляется одна цифра пять, только въ томъ и разнища. Но итъ, мы ошиблись, чрезмѣрнымъ и одностороннимъ сосредоточеніемъ силъ на одномъ предметѣ нарушается прежній общественный балансъ. На что бы ни была обращена дѣятельность правительства, все таки она постепенно измѣняетъ своимъ вліяніемъ нравы и потребности общества. Теперь спрашивается, одинаковы ли бывають результаты этого вліянія, на какой бы предметъ ни была обращена главная масса дѣятельности? Само собою разумѣется, не все равно—гнуть ли на ту сторону, на которую и безъ того искривленъ предметъ, или на ту, отъ которой онъ уклонился.

Недостатокъ инициативы со стороны частной дѣятельности, — вотъ, по словамъ всѣхъ экономистовъ, даже и отсталыхъ, главный порокъ всѣхъ обществъ. Въ какихъ же сферахъ этотъ порокъ наиболѣе силенъ и въ какихъ частная инициатива наиболѣе сильна? Всѣ мы жалуемся на недостатокъ самостоятельности, предприимчивости, неослабнаго контроля со стороны частныхъ лицъ въ экономической дѣятельности. Жалоба справедлива, но все-таки изъ десяти человѣкъ девятѣро своею головою думаютъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ, о своихъ экономическихъ расчетахъ. То ли въ административныхъ, судебныхъ, вообще политическихъ дѣлахъ? Какое вліяніе и какую заботу имѣетъ частный человѣкъ на континентѣ Западной Европы относительно полицейскихъ распоряженій, административныхъ мѣръ, судебныхъ рѣшеній? Все это дѣлается безъ его воли, безъ его участія, да и вниманіе его пробуждается тутъ развѣ къ тѣмъ случаямъ, отъ которыхъ терпятъ его экономическіе интересы, да и то на мину-

ту, безъ постоянства, безъ энергіи. Потому надобно думать, что важнѣйшій недостатокъ общественныхъ нравовъ на континентѣ Западной Европы состоитъ именно въ отсутствіи самостоятельности по дѣлу общественной безопасности. Не будь полиціи, ни одинъ кварталъ не справился бы съ ворами; не будь своей арміи, вторженіе небольшого чужестраннаго войска было бы достаточно для покоренія огромной области. Говорятъ, будто когда-то, въ IV или V вѣкѣ, толпа изъ 300 германскихъ дикарей прошла всю нынѣшнюю Францію и чуть ли не всю Испанію, и всѣ города на дорогѣ платили ей дань; да кромѣ того перерѣзала она нѣсколько десятковъ тысячъ поселянъ. Теперь конечно не то; но однакоже послѣ Ватерлооской битвы цѣлая Франція покорила нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ изнуренныхъ солдатъ Веллингтона и Блюхера. Величайшій негодай, вредящій десяткамъ людей, подсмѣивается надъ ихъ негодованіемъ, пока не попадется въ руки полиціи какимъ нибудь неловкимъ поступкомъ.

Не знаемъ, удалось ли намъ передать читателю нашу мысль. Но мы хотѣли сказать, что какова бы ни была степень инициативы частной дѣятельности въ экономической сферѣ, все же она безмѣрно больше, нежели та степень самостоятельности, какую внушаютъ нравы Западной Европы частнымъ людямъ относительно огражденія безопасности.

Поэтому надобно думать, что теорія, сосредоточивающая на одномъ огражденіи безопасности всю дѣятельность государства, ослабляя инициативу частной дѣятельности въ этомъ отношеніи, стремится отнять у частнаго человѣка возможность и надобность въ развитіи его силъ именно по тому направленію, въ которомъ онѣ наипенѣе развиты. Говоря сравненіемъ, эта теорія связываетъ именно тѣ органы индивидуальной дѣятельности, которые и безъ того уже слишкомъ хилы отъ бездѣйствія.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать индивидуальную инициативу въ экономическихъ дѣлахъ, при современномъ положеніи нравовъ, гораздо полезнѣе было бы говорить о необходимости ея по исполненію задачъ общественной безопасности. Усиливая опеку по этимъ задачамъ черезъ ограниченіе правительственной дѣятельности исключительно ими, теорія невмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность отвлекаетъ отъ нихъ индивидуальную инициативу и безъ того слишкомъ слабую для нихъ.

Правда, самоуправленіе составляетъ предметъ желанія даже и отсталыхъ экономистовъ. Но они, обращая всѣ свои мысли на его успленіе въ экономической дѣятельности, гдѣ оно и безъ того сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ, поддерживаютъ апатію общества въ томъ направленіи, гдѣ она всего замѣтнѣе и вреднѣе.

Изъ этого читатель видитъ, что мы недовольны теоріею невмѣшательства власти въ экономическія отношенія вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротивъ, именно потому и не нравится намъ эта теорія что приводитъ къ результатамъ совершенно противнымъ своему ожиданію. Желая ограничить дѣятельность государства одною заботою о безопасности, она между тѣмъ предастъ на полный произволъ его всю частную жизнь, дастъ ему полное право совершенно подавлять личность. Въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя оправдать подъ предлогомъ охраненія порядка, и какія мѣры изъ всѣхъ, кажущихся стѣснительными въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка, не представляются нужными для охраненія общественной безопасности людямъ менѣе просвѣщеннымъ? Реакція всегда являлась для поддержанія общественной безопасности. Деспотизмъ, открытый нами въ теоріи, видѣнъ на практикѣ въ обществахъ Западной Европы: повсюду были найдены необходимыми террористическія мѣры для возстановленія порядка. Надобно только вспомнить о послѣдней половинѣ 1848 и о слѣдующихъ годахъ во Франціи, Германіи, Италіи. Народныя массы были взволнованы, и оказалось, что ничѣмъ укротить ихъ, кромѣ физической силы. Почему же оказалось это? Потому что для удовлетворенія ихъ требованій нужно было энергическое вмѣшательство западныхъ правительствъ въ экономическія отношенія, а теорія отсталой экономической школы, господствовавшая въ образованныхъ классахъ, не допускала такого вмѣшательства.

При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Западной Европѣ, эта теорія вслѣдъ къ подавленію личности, къ замѣненію законнаго порядка произвольными мѣрами, къ превращенію всей законодательной и административной силы въ полицейскій и военный надзоръ для усмиренія и наказыванія. Кромѣ Англіи, ни одно изъ государствъ Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящаго устройства, если бы не опиралось на вооруженную силу. «Но по крайней мѣрѣ въ Англіи общественное устройство поддерживается не вооруженною силою?» Такъ, но за то англійскія понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности частныхъ лицъ не похожи на теорію, которая господствуетъ на континентѣ. Обыкновенно говорятъ, что въ Англіи правительство оставляетъ частному лицу гораздо болѣе самостоятельности, нежели на континентѣ. Это правда, но говоря о размѣрѣ власти, забываютъ о распределеніи ея дѣятельности между разными отраслями общественной жизни. Полиція, администрація, судъ, — во всемъ этомъ государство на Великобританскихъ островахъ имѣетъ гораздо менѣе власти, нежели на континентѣ. Но въ экономическихъ отношеніяхъ оно оставило за собою гораздо больше власти, нежели сколько оставляется ему теоріею *laissez faire*,

laissez passer на континентѣ. Укажемъ одинъ фактъ, безусловно осуждаемый всѣми отсталыми экономистами, — налогъ для пособія бѣднымъ. Мы согласны, что форма употребленія этой подати нелѣпа; что же дѣлать? она сохранилась отъ среднихъ вѣковъ, а въ среднихъ вѣкахъ не было ничего соответствующаго нынѣшнимъ потребностямъ. Но мы говоримъ о принципѣ этой подати: «государство обязано давать средства для жизни каждому изъ своихъ членовъ». Тамъ, гдѣ могъ сохраниться этотъ принципъ, несмотря даже на нелѣпость формы, въ которую облеченъ, тамъ конечно понятія объ отношеніи государства къ экономической дѣятельности должны быть совершенно не таковы, какъ теорія безусловнаго невмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе экономисты не совсѣмъ похожи на тѣхъ отсталыхъ французовъ, изъ которыхъ обыкновенно почерпаются наши понятія о политической экономіи. Эти англичане, въ своемъ государствѣ считающіеся людьми совершенно мирными, могутъ удивить челоука, начитавшагося однихъ только книжекъ школы Сэ. Въ примѣръ мы укажемъ на Милля, который теперь считается первымъ экономистомъ въ Англіи. Мы слышали, что сочиненіе Милля переводится на русскій языкъ и отъ души желаемъ скораго исполненія этой полезной мысли. Тогда русская публика увидитъ, что одностороннія доктрины, противъ которыхъ мы вооружаемся, но составляютъ сущности строгой экономической науки и должны считаться принадлежностью, не всѣхъ вообще экономистовъ, а только отсталыхъ французскихъ писателей. Милль челоукомъ совершенно спокойный, врагъ всякихъ фантазій и утопій, и никто въ Англіи не считаетъ его ни врагомъ порядка, ни врагомъ науки, напротивъ каждый находитъ, что онъ оказалъ ей больше услугъ, нежели какой бы то ни было другой экономистъ настоящаго времени. Каковы же понятія этого спокойнаго и серьезнаго ученаго? Онъ говоритъ о рентѣ, о наслѣдствѣ такіа вещи, которыя совершенно противорѣчатъ послѣдователямъ системы *laissez faire, laissez passer*. Онъ говоритъ, на примѣръ, что наслѣдство, даже по прямой линіи, можетъ быть ограничено закономъ безъ нарушенія собственности; онъ говоритъ, что рента составляетъ собственность государства, а не частныхъ лицъ, и если частныя лица пользуются ею, то это монополія, уступленная имъ государствомъ. Наконецъ, угодно ли знать, что говоритъ онъ вообще о нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ? Вотъ что. Мы переведемъ нѣсколько страницъ изъ 1-й главы 2-й книги его сочиненія.

«Противники принципа индивидуальной собственности могутъ быть раздѣлены на два класса: теорія однихъ предлагаетъ безусловное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ къ жизненнымъ наслажденіямъ; другіе допускаютъ неравенство, но только та-

кое, которое было бы основано на принципѣ справедливости или общей пользы, а не зависѣло бы только отъ случая, какъ многія изъ нынѣшнихъ общественныхъ неравенствъ.

«Каковы бы ни были достоинства или недостатки этихъ различныхъ теорій, по справедливости нельзя назвать ихъ непрактичными. Обыкновенно представляютъ противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія произведеній то возраженіе, что при ней каждый постоянно старался бы отвиливать отъ своей доли работы. Но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ, въ какомъ громадномъ размѣрѣ существуетъ тоже самое неудобство при системѣ, по которой производится нынѣ девять десятыхъ частей труда. Возраженіе предполагаетъ, что честнаго и плодотворнаго труда должно ожидать только отъ людей, которые лично сами пользуются результатомъ своихъ усилій. Но какая ничтожная часть всего труда, производимаго въ Англіи, производится людьми трудящимися въ собственную свою пользу? Отъ человѣка, получающаго самое низкое, до человѣка получающаго самое высокое жалованье, отъ ирландскаго жнеца или носильщика до верховнаго судьи, или государственнаго министра, почти всѣ люди, трудящіеся въ обществѣ, вознаграждаются за работу поденной платой или опредѣленнымъ содержаніемъ. Фабричный рабочій имѣетъ въ своей работѣ менѣе личнаго интереса, нежели членъ ассоціаціи, потому что не трудится подобно ему для товарищества, въ которомъ самъ участвуетъ. Скажутъ, что хотя большая часть работниковъ и не имѣютъ личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними надзираютъ, управляютъ ихъ трудомъ и исполняютъ умственную часть труда люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это можно сказать далеко не обо всѣхъ дѣлахъ. Во всѣхъ общественныхъ и во многихъ, самыхъ большихъ и самыхъ успѣшныхъ, частныхъ предпріятіяхъ, не только черная работа, но также контроль и управленіе ввѣрены наемнымъ людямъ. Я высоко цѣню одушевленіе, придаваемое труду тою перспективою, когда вся выгода или значительная часть выгоды отъ усердія въ работѣ достается работнику. Но при настоящей системѣ производства это побужденіе не существуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если бы общинный трудъ и былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ поселанина-собственника или ремесленника, трудящагося въ свою собственную выгоду, то вѣроятно онъ былъ бы болѣе энергиченъ, нежели трудъ наемнаго работника, вовсе не имѣющаго личной выгоды въ дѣлѣ. Небрежность работниковъ составляетъ самую рѣзкую черту въ нынѣшнемъ устройствѣ общества.

«Но недостовѣрно еще и то, чтобы трудъ общиннаго работника былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ человѣка, рабо-

тающего въ собственную выгоду, какъ полагають люди, непривыкшіе простирать мысль за границы того порядка вещей, который у нихъ подъ глазами. Люди способны проникаться усердіемъ къ общему дѣлу въ гораздо большей степени, нежели какъ представляется возможнымъ въ настоящее время. Исторія свидѣтельствуєтъ объ успѣхѣ, съ которыми огромныя массы людей могутъ быть направляемы къ тому, чтобы каждый изъ нихъ считалъ общественный интересъ своимъ собственнымъ. Самою удобною почвою для развитія такого чувства была бы ассоціація: все честолюбіе, вся физическая дѣятельность, обращенныя теперь на эгоистическія цѣли, должны были бы тогда искать себѣ занятія въ другой сферѣ, и натурально нашли бы его въ заботѣ объ общественной пользѣ. И независимо отъ этого общественнаго побужденія, каждый членъ ассоціаціи возбуждался бы вліяніемъ самаго всеобщаго и самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій, — вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Никто не отрицаетъ силу этого побужденія въ отвращеніи людей отъ поступковъ, положительно осуждаемыхъ обществомъ, и отъ пренебреженія правилами, соблюденія которыхъ оно требуетъ. Сила соревнованія, возбуждающая къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ, также очень велика, — это свидѣтельствуется опытомъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, при которыхъ бываетъ публичное соревнованіе между людьми, даже и въ дѣлахъ пустыхъ, или неприносящихъ пользы обществу.

«Болѣе серьезнымъ затрудненіемъ представляется хорошее распредѣленіе труда между членами ассоціаціи. По какой нормѣ будутъ соразмѣряться различные роды труда? Кто будетъ судить, напримѣръ, какое количество ткацкой работы будетъ равномѣрно извѣстному количеству пахотной работы? Да и въ одномъ родѣ трудно ввести равномѣрность. Номинальное равенство было бы въ сущности неравенствомъ, возмутительнымъ для справедливости. Не каждый одинаково способенъ ко всякому труду и одинаковое количество труда ложится неровнымъ бременемъ на слабого и сильнаго, бойкаго и медленнаго. Эти затрудненія дѣйствительно существовали бы, но можно побѣдить ихъ. Распредѣленіе труда соразмѣрно силѣ и способности каждаго отдѣльнаго лица, смягченіе общаго правила для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ оно было бы тяжело, — это не такія задачи, съ которыми не могъ бы справиться человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. Притомъ самое неудачное и самое несправедливое разрѣшеніе этихъ задачъ при системѣ, стремящейся къ равномѣрности, было бы такъ далеко отъ того неравенства или несправедливости, съ которою нынѣ распредѣляется даже самый трудъ (не говоря уже о распредѣленіи вознагражденія), что сравни-

тельно съ неудобствами нынѣшней системы объ этихъ несовершенствахъ не стоило бы и говорить.

Онъ заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами:

«Даже изъ нашего краткаго очерка должно быть очевидно, что эта система не нарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, которыми подчиняется человѣческая дѣятельность, даже при настоящемъ несовершенствѣ нравственного и умственнаго развитія; и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать, будто она не можетъ имѣть успѣха, или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ на ней ея послѣдователями. (*)».

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ только для того, чтобы показать, какъ далеко истинно современные экономисты расходятся въ своихъ понятіяхъ съ узколобою школою разныхъ отсталыхъ французиковъ, изъ книжонокъ которыхъ обыкновенно почерпаются пышныя рѣчи нашими доморощенными противниками общиннаго владѣнія. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы отвергаемъ «научныя истины»: помилосердитесь надъ этимъ серьезнымъ терминомъ, милостивые государи, скажемъ мы въ отвѣтъ; не профанируйте его приложеніемъ его ко всякой ветхой дряни, которую провозглашаетъ какой нибудь поверхностный или недоучившійся французскій пустословъ. Какой науки хотите вы искать у Коклена и Гильйомена? Какая наука согласится имѣть своими представителями Бодрильяра или Гарнье? Успокойтесь, милостивые государи! вовсе не надъ наукою мы смѣемся, а только надъ ветхою дребеденью, которая вовсе не пользуется одобреніемъ истинно ученыхъ экономистовъ, думающихъ своею головою, а не головою стародавнихъ учителей, которые жили въ другія времена, были представителями другихъ обстоятельствъ и другихъ потребностей.

Если мы споримъ противъ теоріи *laissez faire laissez passer*, то споримъ противъ нея главнымъ образомъ, какъ противъ утопіи, недостижимой при нынѣшнемъ положеніи общественныхъ нравовъ, при которомъ государство по необходимости имѣетъ очень значительную силу надъ частною жизнью. Главнымъ источникомъ такой силы мы считаемъ непривычку частныхъ людей къ инициативѣ. Печальнѣе всего этотъ недостатокъ частной инициативы проявляется именно въ той отрасли жизни, которая отдается подъ безусловную опеку государства теоріей его невмѣша-

---

(*) *Principles of Political Economy by John Stuart Mill. London. 1857. Часть первая. Страницы 246 — 254 и 263.*

тельства въ экономическія отношенія: частная инициатива слабѣе всего въ дѣлѣ охраненія безопасности. Мы думаемъ, что если государственная забота будетъ раздѣляться на всѣ отрасли жизни, а не сосредоточиваться на одной этой, частная инициатива будетъ имѣть болѣе побужденій къ развитію той своей функціи, которая до сихъ поръ оставалась особенно слаба. Мы думаемъ, что дѣятельность государства въ экономической сферѣ вовсе не такъ опасна для личной самостоятельности, какъ въ дѣлѣ охраненія безопасности, потому что въ экономической сферѣ частная инициатива чрезвычайно сильна и не можетъ быть подавлена никакимъ вмѣшательствомъ. Словомъ сказать, мы также сильно хлопочемъ о развитіи личной самостоятельности, какъ самые рьяные приверженцы отсталой школы; мы думаемъ только, что нашъ принципъ для развитія личной самостоятельности благопріятнѣе, нежели система *laissez faire, laissez passer*. Мы уже показали, что въ теоріи она ведетъ къ поглощенію личности государствомъ, а на практикѣ служить оправданіемъ для реакціоннаго терроризма. Именно поэтому мы отвергли ее, и теперь пора намъ заняться изложеніемъ тѣхъ понятій, которыя кажутся намъ менѣе опасными для личной самостоятельности и болѣе разсудительными.

Первое правило разсудительности — принимать въ соображеніе факты. Итакъ, мы выходимъ отъ того факта, что государство существуетъ и пользуется огромной силой. Каковы наши идеалы, теперь не объ этомъ рѣчь. Мы только разсматриваемъ, какое распредѣленіе государственной власти по разнымъ отраслямъ жизни неизбежно при данномъ состояніи общественныхъ нравовъ; мы принимаемъ государство и его огромную силу, какъ фактъ; и должны только объяснить себѣ происхожденіе и смыслъ этого факта.

Для чего возникаетъ государство и правительство, служащее органомъ его? Нѣкоторые предполагаютъ для государства цѣль болѣе высокую, нежели потребности отдѣльныхъ лицъ, — именно осуществленіе отвлеченныхъ идей справедливости, правды и т. п. Нѣтъ сомнѣній, что изъ такого принципа очень легко выводятся для государства права болѣе обширныя, нежели изъ другой теоріи, которая говоритъ только о пользѣ частныхъ лицъ; но вообще мы держимся послѣдней, и выше человѣческой личности не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего. Будемъ же говорить объ обязанностяхъ государства съ этой точки зрѣнія, которую принимаютъ почти всѣ экономисты, и въ томъ числѣ всѣ экономисты отсталой школы. Государство, по нашему мнѣнію, существуетъ только для блага частныхъ

лицъ; въ этомъ не станутъ спорить съ нами люди, осуждающіе насъ за привязанность къ общинному владѣнію. Теперь предложимъ нѣсколько вопросовъ. Въ чемъ поставили мы источникъ и цѣль правительства? Въ пользахъ индивидуальнаго лица. Какихъ же именно мѣръ могутъ требовать эти пользы и къ какимъ отраслямъ жизни могутъ относиться обязанности содѣйствовать этимъ пользамъ? Само собою разумѣется, тутъ аргіогі ничего нельзя опредѣлить, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Мало ли какъ измѣняются надобности и желанія человѣка? Тутъ границъ разнообразію не можетъ быть опредѣлено никакихъ, кромѣ самого слова «польза». Какъ же теперь и опредѣлить обязанности государства какимъ нибудь другимъ терминомъ? Всякое другое опредѣленіе не будетъ соотвѣтствовать самому понятію о сущности государства: зачѣмъ оно существуетъ, если не для пользы людей? А если существуетъ оно для этой цѣли, то конечно должно удовлетворять всему, что требуется понятіемъ пользы.

Есть разныя теоріи о томъ, что полезно для людей. Смотря потому, какую теорію вы примете, будутъ измѣняться ваши понятія объ обязанностяхъ государства. Но разница между заслуживающими вниманія теоріями человѣческихъ потребностей состоитъ не въ томъ, чтобы одна исключала какія либо честныя средства или дѣятельности изъ сферы жизни, а другая принимала ихъ; нѣтъ, разница только въ томъ, что, перечисляя разныя потребности человѣка, одна теорія выше ставитъ однѣ, другая другія; напримѣръ по одной теоріи на первомъ мѣстѣ стоитъ матеріальное благосостояніе, по другой нравственное развитіе, и такъ далѣе.

Намъ кажется, что теоретическіе споры объ этомъ не совсѣмъ разсудительны: есть довольно много потребностей одинаково важныхъ съ общей точки зрѣнія, и та или другая беретъ перевѣсъ надъ остальными только на время, по стеченію обстоятельствъ, а съ измѣненіемъ ихъ уступаетъ первенство какой нибудь другой; слѣдовательно рѣшеніе принадлежитъ уже только практикѣ, зависящей отъ обстоятельствъ, а вовсе не теоріи.

«Но по крайней мѣрѣ въ практикѣ для настоящаго времени какую потребность считаете вы самой настоятельной?» Едва ли разсудительно было бы сказать, что слѣдуетъ считать только одну; скорѣе можно думать, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ равно настоятельны три потребности: улучшеніе матеріальнаго быта массы, расширеніе просвѣщенія и увеличеніе индивидуальной самостоятельности. Однако же, чтобы приблизиться къ желаніямъ экономической школы, отсталыя мнѣнія которой мы опровергаемъ, и чтобы пока-

зять необходимость нашего вывода даже при отправленіи съ точки зрѣнія повидимому самой невыгодной для него, мы согласимся, что потребность индивидуальной самостоятельности составляетъ главную черту нынѣшняго положенія дѣла.

Будемъ же разсуждать, основываясь на принципѣ развитія индивидуальной самостоятельности. Пусть кругъ дѣйствій государства будетъ опредѣляться преимущественно этою потребностью. Каково будетъ въ такомъ случаѣ отношеніе государства къ экономической дѣятельности? Будетъ ли отвергнута инициатива со стороны государства въ экономической сферѣ?

Нынѣ каждый говоритъ, что всѣ отрасли жизни тѣсно связаны. Открытіе сдѣланное ученымъ производитъ переворотъ въ матеріальномъ бытѣ; увеличеніе благосостоянія поднимаетъ науку; постройка желѣзныхъ дорогъ измѣняетъ общественные нравы. Толковать объ этомъ даже скучно, потому что эту мудрость найдете вы въ каждомъ пустѣйшемъ фельетонѣ. Но изъ этого ясно, что какая бы сфера жизни ни должна была служить кореннымъ поприщемъ какой нибудь инициативы, все-таки не останется ни одной сферы жизни, которая могла бы укрыться отъ дѣйствія этой инициативы. Возьмемъ напримѣръ случай, относящійся прямо къ вопросу о личной юридической самостоятельности. Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія дѣло идетъ кореннымъ образомъ о возвращеніи гражданскихъ правъ людямъ, которые до сихъ поръ не признавались самостоятельными членами общества. Сомнѣніе тутъ невозможно: сущность дѣла состоитъ въ приобрѣтеніи гражданскихъ правъ, въ приобрѣтеніи самостоятельности бывшими крѣпостными крестьянами; основаніе вопроса чисто юридическое. Но что же мы видимъ? Съ перемѣною юридическихъ отношеній неразрывно соединена экономическая перемѣна; въ юридическомъ вопросѣ является экономическая сторона и оказывается столь важною, что совершенно заслоняетъ собою юридическую сторону отъ вниманія общества. И не думайте, чтобы одно это дѣло было таково; нынѣ во всѣхъ дѣлахъ экономическая сторона очень важна. Напримѣръ, хотя бы дипломатическія отношенія. Никто не станетъ отнимать у правительства власти давать аудіенціи иностраннымъ посланникамъ и говорить съ ними; но десять словъ, сказанныхъ Наполеономъ III Губнеру на новый годъ, отняли европейскихъ капиталистовъ въ одну недѣлю четыреста милліоновъ руб. Не двинулся еще ни одинъ французскій солдатъ къ австрійскимъ границамъ, произнесена была только одна фраза, — и курсы фондовъ понизились настолько, что тысячи людей сдѣлались богачами, десятки тысячъ разорились, сотни тысячъ потеряли пятидесятую, двадцатую или даже пятую часть своего состоянія. Не употребляйте тутъ,

если не хотите, слово конфискація, но результатъ фразы, въ которой не было ни малѣйшаго намека о промышленности или торговлѣ, или о какомъ-нибудь имуществѣ, равнялся результату, какой могла бы имѣть только самая колоссальная конфискація.—«Но это случай чрезвычайный».—Обратимся къ обыденнымъ административнымъ и законодательнымъ мѣрамъ, которыя возникаютъ каждый день,—мы также увидимъ, что каждая изъ нихъ производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ. Положимъ, напримѣръ, что въ Петербургѣ рѣшено ввести газовое освѣщеніе на всѣхъ улицахъ. Навѣрное ни одинъ экономистъ не скажетъ, что городское начальство или центральное правительство выйдетъ изъ круга прямыхъ своихъ обязанностей, заботясь объ освѣщеніи города. Но если освѣтятся газомъ Коломна и Выборгская сторона, безъ всякаго сомнѣнія цѣна квартиръ тамъ нѣсколько поднимется: полицейское распоряженіе подарило домохозяевамъ этихъ частей выигрышъ на доходѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ, а на капиталѣ въ нѣсколько милліоновъ. Кончилось ли тѣмъ дѣло? Нѣтъ. Число квартиръ осталось прежнее, число жителей Петербурга также, слѣдовательно, пропорція между запросомъ и предложеніемъ квартиръ, по цѣлому городу, осталась одна и таже; но въ нѣкоторыхъ частяхъ запросъ усилился; очевидно, что онъ долженъ въ соотвѣтственной степени ослабѣть въ другихъ частяхъ. И дѣйствительно, каждый, вновь желающій поселиться въ Коломнѣ или на Выборгской сторонѣ, выбываетъ изъ числа желающихъ оставаться въ первой Адмиралтейской или въ Литейной части. Уменьшеніе запроса производитъ пониженіе цѣнности. Сумма уплатъ за квартиру осталась въ цѣломъ Петербургѣ прежняя. Ясно, что она уменьшилась въ нѣкоторыхъ частяхъ, если увеличилась въ другихъ. Освѣщеніе газомъ Коломны и Выборгской стороны имѣетъ тотъ же экономическій результатъ, какой имѣла бы передача домохозяевамъ этихъ частей нѣсколькихъ милліоновъ, взятыхъ у домохозяевъ тѣхъ частей, которыя уже и прежде имѣли хорошее освѣщеніе. Другой примѣръ. Предположимъ, что правительство упрощаетъ формы дѣлопроизводства. Мы не говоримъ уже о томъ, что черезъ это уменьшается масса чиновниковъ: положимъ, что люди служащіе, по необходимости находясь въ прямой экономической зависимости отъ каждой административной мѣры, не должны приниматься въ расчетъ; но каково вліяніе упрощенія переписки на экономическій бытъ частныхъ людей, не находящихся въ службѣ? Вести дѣла стало легче, рѣшаются они скорѣе, ходъ ихъ понятнѣе, стало быть меньше расходовъ и меньше хлопотъ каждому, имѣющему какое-нибудь дѣло съ полиціею, администраціею или судилищемъ. А изъ десяти человекъ девятые имѣютъ въ годъ хотя одно какое

нибудь дѣло до власти. Слѣдовательно всѣ они что нибудь выиграиваютъ въ денежномъ отношеніи. Кончилась ли этимъ экономическая перемѣна? Опять таки нѣтъ. Если дѣла ведутся яснѣе, проще и короче, уменьшается надобность въ ходатаяхъ, слѣдовательно теряютъ всѣ тѣ, которые прежде жили запутанностью и медленностью дѣлопроизводства. Вы скажете: «это и прекрасно; пусть уменьшаются выгоды людей, живущихъ на счетъ другихъ». Я согласенъ, но замѣчаю во-первыхъ, что именно таковъ смыслъ всѣхъ доктринъ, желающихъ разумнаго участія государства въ экономическихъ дѣлахъ и отвергающихъ формулу *laissez faire, laissez passer*. Во-вторыхъ, какъ бы то ни было, а все-таки упрощеніемъ дѣлопроизводства передавалась бы одному разряду людей очень значительная масса доходовъ, теряемыхъ другимъ разрядомъ людей.

Но едва ли не напрасно мы говорили о томъ, что каждое дѣйствіе государственной власти, къ какой бы сферѣ ни относилось оно прямымъ образомъ, къ военной или дипломатической, къ полицейской или судебной, непременно производитъ соответствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ, непременно сопровождается передачею извѣстной массы дохода и слѣдовательно капитала изъ рукъ однихъ частныхъ людей въ руки другихъ частныхъ людей,—напрасно выставляли мы эту сторону всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ дѣйствій въ доказательство того, что экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства. Есть другой фактъ, прямымъ образомъ устанавливающий эту зависимость. Никто еще никогда не сомнѣвался въ неизбѣжной связи идеи государства съ идеею налоговъ и податей. Формы государственной власти могутъ быть чрезвычайно различны, составъ бюджета также, но всегда и вездѣ государственная власть имѣла съ своимъ распоряженіемъ бюджетъ, вездѣ она опредѣляла налоги и подати, вездѣ опредѣляла предметы ихъ расходованія. Въ этомъ отношеніи все равно, — неограниченный ли монархъ, или конституціонный парламентъ, или собраніе всего народа называется государственной властью: во всякомъ случаѣ, каждый частный человѣкъ долженъ платить налоги и подвергаться пошлинамъ, какія установитъ государственная власть. Надобно ли говорить, въ какую великую зависимость отъ государства ставится черезъ это имущество каждаго частнаго человѣка и вся его экономическая дѣятельность? Конфискація слово ненавистное; но что въ ней ненавистнаго и несправедливаго? То, что извѣстное лицо подвергается исключительной мѣрѣ, не касающейся другихъ; ненавистно и несправедливо то, что съ однимъ поступаютъ не такъ, какъ со всѣми другими. Конфискація — обратная сторона привилегіи. Но если го-

сударство поступить несправедливо, предоставивъ мнѣ одному право пользоваться выгодами, на примѣръ, торговли съ Англіею или съ Франціею, то поступаетъ ли оно дурно, предоставляя каждому своему подданному право вести заграничную торговлю и пользоваться ея выгодами? Ненавистны и несправедливы всякія исключительныя мѣры, обращенныя на одно лицо въ его выгоду, или невыгоду, все равно. Но когда налогъ одинаково ложится на всѣхъ, до кого можетъ касаться, въ немъ нѣтъ несправедливости, это всѣми признано. А между тѣмъ, что такое дѣлаетъ налогъ? Онъ беретъ у частнаго лица въ пользу государства извѣстную долю доходовъ, т. е. извѣстную долю капитала. Если у меня триста десятинъ земли, дающихъ каждая по четыре рубля дохода, то для меня все равно, будетъ ли учрежденъ налогъ въ одинъ рубль на десятину или прямо была бы взята у меня четвертая часть моей земли: за уплатою налога изъ 1,200 руб. у меня останется дохода девятьсотъ руб.; если бы у меня прямо было взято 75 десятинъ, результатъ былъ бы тотъ же: 225 десятинъ, оставшіяся у меня и избавленныя отъ налога, давали бы также 900 рублей. Доходъ былъ бы одинаковъ, слѣдовательно и капиталъ былъ бы одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, давая мнѣ такую цѣну, чтобы получать съ купленнаго имущества 5 процентовъ, покупатель далъ бы мнѣ за каждую десятину только по 60 руб., когда остается дохода по 3 руб. съ десятины, т. е. за триста десятинъ далъ бы мнѣ только 18,000 руб.; а если съ десятины остаются всѣ 4 рубля дохода, онъ далъ бы за десятину по 80 руб., т. е. мои 225 десятинъ имѣли бы ту же самую цѣнность, 18,000 руб. Въ экономическомъ отношеніи налогъ совершенно равняется тому, какъ если бы соответственная доля имущества была обращена изъ частной собственности въ государственную.

Если государство безпрекословно пользуется правомъ присвоивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почесть удобнымъ, то возможно ли разсудительному человѣку, понимающему экономическую сущность налога, сомнѣваться въ правѣ государства обращать на экономическія отношенія дѣйствіе своей власти гораздо болѣе медленное, и далеко не столь рѣзкое, именно принимать законодательныя мѣры, какія требуются улучшеніемъ быта массы?

Мы говорили о бюджетѣ доходовъ. Еще поразительнѣе экономическое дѣйствіе бюджета расходовъ. Многія лица, неимѣющія никакого состоянія, получаютъ изъ государственнаго бюджета богатые средства для жизни. Мало того, что бюджетъ даетъ содержаніе по нѣскольку тысячъ, или по нѣ-

скольку десятковъ тысячъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ достойными такого содержанія, — бюджетъ во всѣхъ государствахъ служить однимъ изъ главныхъ источниковъ возникновенія наслѣдственныхъ колоссальныхъ богатствъ. Подрядчики, поставщики, — все это созданія бюджета. Въ Западной Европѣ, почти всѣ громадныя богатства приобрѣтены частными людьми или прямо отъ бюджета, или по крайней мѣрѣ благодаря покровительству государства. Почти вся безъ исключенія поземельная собственность въ Западной Европѣ произошла изъ пожалованій правительства. Но что говорить о недвижимой собственности, когда въ прямой зависимости отъ бюджета находится даже промышленная дѣятельность множества лицъ? Возьмемъ въ примѣръ хотя суконныя фабрики. Что, если бы государству вздумалось одѣвать солдатъ вмѣсто суконнаго платья въ бумажное? Кажется, тутъ не можетъ быть спора о границахъ его власти: форма мундира конечно зависитъ отъ правительства. Но отъ замѣны суконной шинели плисовою шинелью на ватѣ прямо погибли бы многіе суконные фабриканты. Возьмите какую угодно другую статью государственнаго расхода, и вы увидите, что на ней держится экономическая дѣятельность множества людей, и что перемѣна въ ней будетъ прямымъ уничтоженіемъ многочисленныхъ состояній, прямымъ прекращеніемъ цѣлыхъ отраслей прежней экономической дѣятельности.

Если бы государство совершенно не хотѣло вмѣшиваться въ экономическія отношенія, оно никакъ не могло бы избѣжать чрезвычайно сильнаго вліянія на нихъ: бюджетъ расходовъ развиваетъ экономическую дѣятельность въ извѣстныхъ направленіяхъ, бюджетъ доходовъ ставитъ въ прямую зависимость отъ государства всѣ безъ исключенія частныя имущества и доходы, и наконецъ всякое законодательное постановленіе, всякое измѣненіе судоустройства, всякая административная или судебная мѣра имѣетъ своимъ послѣдствіемъ перенесеніе извѣстной суммы имущества изъ однихъ рукъ въ другія. Это фактъ неизбѣжный, неотвратимый никакою теоріею науки, никакими желаніями самаго правительства. Послѣ того люди, толкующіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія, не похожи ли на того господина, который толковалъ о букашкахъ, не замѣчая слова? Если государство имѣетъ право вести войну, выбирать источники для составленія бюджета своихъ доходовъ, употреблять, какъ ему покажется нужнымъ, собираемыя имъ суммы, — если оно такимъ образомъ имѣетъ власть надъ сотнями и тысячами милліоновъ, то какая тутъ можетъ быть рѣчь о независимости частной экономической дѣятельности отъ государства? Бу-

демъ говорить откровенно: значительнѣйшая часть всей экономической дѣятельности общества находится въ прямой зависимости отъ правительства. Будутъ ли понимать экономисты, будутъ ли думать само государство, что оно должно имѣть сильное вліяніе на частную экономическую дѣятельность, это все равно: во всякомъ случаѣ всѣ имущественныя отношенія частныхъ лицъ будутъ зависѣть, какъ всегда зависѣли, отъ государственной власти.

Но есть большая разница въ томъ, сознано ли значеніе факта, или онъ происходитъ безсознательно. Если бы браминъ сознавалъ, что онъ въ каждомъ глоткѣ воды поглощаетъ миллионы живыхъ существъ, онъ вѣроятно не остановился бы опасеніемъ наступить на какую нибудь букашку своею ногою, когда нужно спѣшить, чтобы вытащить утопающаго изъ воды. Если бы экономисты отсталой школы понимали неизбѣжность вліянія государства на экономическія отношенія, они вѣроятно, вмѣсто пустыхъ толковъ объ утопической системѣ невмѣшательства, занялись бы опредѣленіемъ истинно полезныхъ предметовъ и дѣйствительно разумныхъ границъ для неизбѣжнаго вмѣшательства. Мы попробуемъ сдѣлать это, принимая за основу тотъ фактъ, что государство существуетъ для блага индивидуальной личности. Прежде всего мы рассмотримъ, въ какомъ направленіи должно производиться вліяніе государства на распредѣленіе имущества въ обществѣ для принесенія людямъ наибольшей выгоды.

Предположимъ, что у Ивана есть доходъ въ 50 рублей; предположимъ, что у Петра есть доходъ въ 500 рублей; предположимъ, что кто нибудь долженъ поручить другому лицу дѣло, дающее 100 руб. дохода: кому изъ двухъ—Ивану или Петру, будетъ выгодиѣ такая прибыль? Черезъ прибавку 100 рублей доходъ Петра увеличится всего только на пятую долю, а доходъ Ивана увеличится въ три раза. Ясно, что поручить это дѣло Ивану—значить принести чело-вѣку гораздо болѣе пользы, нежели поручить его Петру. Беремъ другой случай. Предполагаемъ, что существуетъ десять чело-вѣкъ, имѣющихъ каждый по 50 рублей дохода; предположимъ, что есть дѣло, дающее 500 рублей дохода; спрашивается, лучше ли будетъ сдѣлать участниками въ этомъ дѣлѣ всѣхъ десятихъ, или поручить его одному? Если поручить одному, онъ выиграетъ чрезвычайно много, но выиграетъ онъ одинъ; если сдѣлать участниками всѣхъ десятихъ, состояніе каждаго улучшится вдвое. Положимъ, что мы еще не можемъ изъ этого рѣшить, который способъ лучше, и поручили все дѣло одному. Но вотъ встрѣчается опять подобное дѣло: если мы поручимъ его одному тому, кому поручали прежнее дѣло, его положеніе улучшится менѣе, нежели вдвое (онъ имѣлъ уже 550

рублей, теперь будетъ имѣть 1050); если же поручить дѣло остальнымъ девяти, состояніе каждаго изъ нихъ улучшится болѣе, чѣмъ вдвое (каждый имѣлъ по 50, теперь будетъ имѣть по 105½ рублей). Ясно, что лучше дать девятирѣзъ слишкомъ вдвое, нежели дать одному менѣе, нежели чѣмъ вдвое; ясно, значить, что и въ первый разъ полезнѣе было бы призвать къ участию всѣхъ десятирѣзъ, а не сосредоточивать выгоду на одномъ. Мы говорили о выгодахъ, теперь подумаемъ объ убыткахъ. Предположимъ опять Ивана съ 50 рублями дохода и Петра съ 450 рублей; предположимъ, что намъ нужно получить 100 рублей и что мы имѣемъ право взять ихъ съ того и съ другаго въ какой намъ угодно пропорціи. Если мы раздѣлимъ требованіе на обоихъ поровну, то оказалось бы, что, взявъ съ Ивана 50 рублей, мы оставили его рѣшительно безъ копѣйки, а между тѣмъ у Петра взяли только одну десятую часть его доходовъ. Тутъ явная неравномѣрность въ обремененіи. Справедливѣе будетъ взять съ обоихъ въ равной пропорціи, т. е. съ Ивана только 10, а съ Петра 90 рублей. Быть можетъ, если бы мы ближе всмотрѣлись въ необходимыя надобности того и другаго, мы увидѣли бы, что можно найти пропорцію еще болѣе справедливую; но пока довольно для насъ и того: мы уже видимъ, каково должно быть вообще вліяніе государственнаго участія на экономическія отношенія. Оно должно стремиться къ тому, чтобы выгоды общественной жизни распределялись между членами общества какъ можно равномѣрнѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче можетъ ихъ вынести. Только въ этомъ направленіи можно доставлять людямъ, при данномъ размѣрѣ національнаго богатства, наибольшую сумму благосостоянія.

Въ этомъ согласны съ нами даже экономисты отсталой школы; но теперь мы должны перейти къ предмету, въ которомъ расходимся съ ихъ теоріей. Опредѣливъ направленіе непосредственнаго участія государства въ частныхъ дѣлахъ, надобно рѣшить вопросъ: нуждается ли экономическая дѣятельность частныхъ людей въ прямомъ содѣйствіи государственной власти?

«Какъ это можно? кричать экономисты отсталой школы:—такое вмешательство нарушило бы естественный ходъ вещей. Пусть вещи идутъ естественнымъ порядкомъ. Насиловать природу нельзя. Всякая искусственность вредна. Искусственными средствами вы ничего не достигнете. Оставьте дѣйствовать природу вещей; она лучше васъ знаетъ, какъ и что дѣлать. Неужели вы хотите свой ограниченный умъ поставить судьей природы и передѣлывать ее по вашимъ теоріямъ?»

Слова эти очень громки и мизы, а главное—очень успокоительны. Смыслъ ихъ таковъ: будьте людьми, которые по выраженію Гоголя,

смотреть на міръ, каковыя налицемъ въ нѣсу. Но дѣло въ томъ, что они основаны на гипотезѣ, которую мы не обязаны принимать безъ пренія. «Невозможно и вредно передѣлывать природу, вещей.» Почему же такъ? «Потому, что въ природѣ всеустроено наилучшимъ образомъ, такъ что потребности человѣческой природы находятъ себѣ наилучшее возможное удовлетвореніе въ случайномъ сдѣленіи обстоятельствъ, такъ что разсудку не остается надобности и хлопотать объ измѣненіи этихъ обстоятельствъ для приведенія ихъ въ лучшее соотвѣтствіе съ потребностями человека.» Мы посмотримъ, вѣрна ли эта гипотеза.

Все въ природѣ устроено наилучшимъ образомъ, — не знаю, съ какой точки зрѣнія это справедливо; а съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей и удобствъ оказывается вовсе не то. Напримѣръ, теперь хлопчатъ о проорытіи Суэскаго и Панамскаго перешейковъ, — ясно, что эти перешейки чему-то мѣшаютъ. Французы сверлятъ въ южной половинѣ Америкѣ артезианскіе колодези, — надобно полагать, что воды въ тѣхъ мѣстахъ меньше, нежели нужно человеку. Да что говорить о такихъ мелочахъ! Риттеръ и Гумбольдтъ давно доказали, что расположеніе Алтайскихъ горъ на югѣ Сибири вовсе неудобно для Сибиряковъ, которымъ было бы лучше защищаться горами отъ полюса; они же говорятъ, что если бы море раздробляло Азію на такіе же мелкіе куски, какъ раздроблена Европа, то для Азіатцевъ было бы гораздо лучше. Африкою они рѣшительно не довольны; и еслибъ только дать имъ волю, они всю бы ее изполосовали длиннѣйшими и широчайшими заливами, устроили бы въ ней по крайней мѣрѣ два или три Средиземныхъ и Балтійскихъ моря. Нельзя сказать, чтобы они во всемъ были довольны и Европой: по ихъ мнѣнію, жаль, что горы у ней на югѣ, а не на сѣверѣ. Если бъ ихъ воля, они перенесли бы Балканы въ Олонекскую губернію. Это конечно не скоро удастся сдѣлать; но что могутъ, то дѣлаютъ люди, чтобы переработать природу по своему. Гдѣ могутъ, они стараются осушать болота, поправлять теченіе рѣкъ, очищать ихъ устья, строить плотины, проводить каналы, — и мало ли чего они не дѣлаютъ. Имъ, видите ли, безъ этихъ передѣлокъ неудобно жить. Да и что такое вся экономическая дѣятельность, какъ не переработка природы для удовлетворенія человѣческими потребностями? Надобно человеку ѣсть, — ему приходится пахать землю; да еще мало того что пахать, надобно удобрять ее, надобно передѣлывать почву. Хочется человеку укрыться отъ непогоды, опять оказывается, что природа не приготовила для него ничего, кромѣ пещеръ, и приходится опять таки передѣлывать природу, строить себѣ жилище. И до чего доходитъ человекъ! — обратителю и подумать: даже тѣ вещи, которыя въ

природномъ видѣ могли бы быть для него полезны, онъ находитъ все еще неудовлетворительными и старается улучшить ихъ по своимъ узкимъ соображеніямъ. Напримѣръ, есть на овцѣ натуральное руно, онъ этою шерстью не доволенъ: говоритъ, будто она груба; начинаетъ перевоспитывать овецъ, разводитъ искусственную породу мериносовъ. Можно питаться говядиной, — онъ опять такъ находитъ, что надобно передѣлать коровью породу, чтобы мяса было больше и чтобы оно было вкуснѣе. Словомъ сказать, до чего ни дотронется человѣкъ, все не по немъ, все не такъ, все надобно передѣлывать. Одно изъ двухъ: или весь родъ человѣческій, съ той поры, какъ началъ пахать землю, сумасбродствуетъ и куралеситъ, или въ самомъ дѣлѣ внѣшняя природа неудобна для его потребностей, и надобно ему сильно ее передѣлывать. Вотъ вамъ уже и создается «искусственный порядокъ вещей», котораго не хотятъ допускать отсталые экономисты. По нашему, если вооружаться противъ искусственности, пусть бы воевали не противъ системы Овэна или Лун-Блана, а противъ утопистовъ, удобряющихъ свои поля, или хотя бы и безъ удобренія пахущихъ землю, — вѣдь это тоже «насилованіе натурального порядка».

Человѣческое общество развилось подъ вліяніемъ внѣшней природы. Мы уже видѣли, что устройство внѣшней природы не совсѣмъ удовлетворительно для человѣческихъ потребностей; изъ этого прямо слѣдуетъ, что развитіе, происшедшее подъ вліяніемъ невыгодной обстановки, не можетъ вполне удовлетворять потребностямъ человѣка и нуждается въ исправленіяхъ, предписываемыхъ разсудкомъ. Самымъ общимъ слѣдствіемъ неполной сообразности устройства природы съ потребностями человѣка является недостаточность средствъ, предлагаемыхъ природою для удовлетворенія его потребностей. По натурѣ своей человѣкъ склоненъ къ доброжелательству относительно другихъ людей; но себя каждый любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Каждый хочетъ удовлетворить своимъ потребностямъ; а средства, предлагаемыя природою, для удовлетворенія всѣхъ людей не окажутся достаточными; изъ этого возникаетъ вражда между людьми, разстройство лежащаго въ человѣческой природѣ взаимнаго доброжелательства. Столкновеніе интересовъ приводитъ къ необходимости установить, съ общаго согласія, правила, опредѣляющія отношенія между людьми въ разныхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Въ каждомъ обществѣ необходимы правила для государственнаго устройства, для отношеній между частными людьми, для огражденія тѣхъ и другихъ правилъ. Такимъ образомъ возникаютъ законы политическіе, гражданскіе и уголовные. Духъ и размѣръ этихъ законовъ могутъ быть, при различныхъ состояніяхъ общества, чрезвычайно различны; но

безъ законовъ, въ томъ или другомъ духѣ, въ томъ или другомъ размѣрѣ устанавливаемыхъ разсудкомъ и измѣняющихся сообразно съ обстоятельствами, не можетъ обойтись общество, пока существуетъ несоразмѣрность между средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей и самыми потребностями.

Для каждой сферы общественной жизни существуютъ свои особенные законы: есть правила, опредѣляющія семейную жизнь (законы о бракѣ, объ отношеніяхъ мужа и жены, родителей и дѣтей); есть правила для развитія умственной жизни (законы о воспитаніи и преподаваніи); есть правила для отношеній между независимыми людьми въ государственной ихъ дѣятельности (законы о правахъ личности и о степени ея участія въ государственной жизни); есть законы для политической дѣятельности (законы о государственныхъ учрежденіяхъ, о формахъ законодательства и администраціи). Каждая изъ этихъ сферъ жизни имѣетъ свои особенные законы, устанавливаемые разсудкомъ, зависящіе отъ воли общества, измѣняющіеся сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ: какъ же не имѣть такихъ законовъ самой важной изъ всѣхъ дѣятельностей, какъ не имѣть ихъ экономическому производству? Еслибъ она не имѣла ихъ, этимъ нарушилась бы аналогія ея съ другими дѣятельностями, нарушался бы основной принципъ существованія общества, который одно и тоже съ существованіемъ законовъ. Мы видѣли, что для каждой дѣятельности не только должны существовать законы, но именно должны существовать спеціальные законы, относящіеся только къ ней и не касающіеся другихъ дѣятельностей. Для семейнаго быта неудовлетворительны законы, опредѣляющіе вообще отношенія между частными людьми по ихъ политическимъ правамъ; и наоборотъ, для политическихъ отношеній между независимыми людьми неудовлетворительны семейные законы. Опять было бы страннымъ нарушеніемъ и аналогіи съ другими дѣятельностями, и основного общественнаго принципа, еслибы экономическая дѣятельность не нуждалась въ своихъ спеціальныхъ законахъ, могла бы удовлетворяться тѣми правилами, какія существуютъ для другихъ дѣятельностей.

Мы видѣли первую причину для необходимости экономическихъ законовъ — несоразмѣрность средствъ, предлагаемыхъ внѣшней природою, съ потребностями человѣка. Дисгармонія между условіями общей плацетной жизни и частными нуждами человѣческой жизни представляется первымъ обстоятельствомъ, требующимъ внимательнаго разсудка для облегченія этой дисгармоніи, для смягченія этихъ столкновеній. Вторымъ источникомъ является дисгармонія въ самой человѣческой природѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по сущности своей природы человекъ есть существо стройное и согласное въ своихъ частяхъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и аналогія съ другими животными организмами, которые не носятъ въ себѣ противорѣчій, и самый принципъ единства органической жизни въ каждомъ организмѣ. Но подъ вліяніемъ противныхъ потребностей человека условій вѣшной природы самая жизнь человека подвергается изклоненіямъ и развиваются въ ней самой противорѣчія. Различныя потребности, разжигаемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для самаго человека. Всѣ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются вліяніемъ тщеславія, составляющаго искаженіе основнаго чувства человеческой природы, чувства собственного достоинства. Такимъ образомъ человекъ подвергается внутреннему разстройству отъ пороковъ и экзальтированныхъ страстей. Условія, въ которыхъ мы живемъ, такъ неблагоприятны для коренныхъ потребностей человеческой природы, что самый лучший изъ насъ страдаетъ этими недостатками. Не забудемъ, что коренной источникъ ихъ—несоразмѣрность средствъ къ удовлетворенію съ потребностями, имѣетъ чисто экономическій характеръ; изъ этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированныя страсти должны самымъ прямымъ образомъ отражаться въ экономической дѣятельности, да и самыя дѣйствительныя средства противъ нихъ должны заключаться въ экономической области: вѣдь надобно обращаться противъ зла въ самомъ его корнѣ, иначе не истребишь зла. Теперь, если эти противныя человеческой природѣ элементы усиливаютъ необходимость законовъ для каждой сферы общественныхъ отношеній, то какимъ же образомъ могли бы оставаться чужды подобной необходимости экономическія отношенія?

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на вопросъ съ общей теоретической точки зрѣнія, то мнѣніе, будто бы экономическая дѣятельность не нуждается ни въ какихъ положительныхъ законахъ, когда остальные дѣятельности нуждаются въ нихъ, представится намъ чистою нелѣпостью, нарушеніемъ всякой аналогіи между проявленіями человеческой дѣятельности въ разныхъ сферахъ и противорѣчіемъ основному принципу общества.

Если бы мы хотѣли придавать какую нибудь важность разнорѣчію или согласію истинныхъ понятій съ мнѣніями отсталыхъ экономистовъ, мы остановились бы на этомъ фазисѣ человеческого существованія, на фазисѣ, обнаруживающемъ нелѣпость отсталой школы экономистовъ для нашего времени. Если бы мы обращали сколько нибудь вниманія на ихъ сужденія о нашемъ образѣ мыслей, мы также остерегались бы высказать наши понятія о томъ, какъ

долженъ быть окончательный результатъ настоящаго экономическаго движенія. Но для насъ все равно, будутъ ли называть насъ остальные люди обскурантами, реакціонерами или утопистами; и мы такъ убѣждены въ нецѣлости ихъ принципа для нынѣшней цивилизаціи, что охотно покажемъ, когда этотъ принципъ приобрететъ возможность разумнаго приложенія къ жизни; соглашаясь на его возможность въ чрезвычайно отдаленномъ будущемъ, чрезъ то самое заслужимъ имя мечтателей у людей, держащихся его въ настоящемъ.

Мы видѣли, что необходимость законовъ возникаетъ изъ несообразности человѣческихъ потребностей съ средствами удовлетворенія. Одинъ изъ самыхъ избитыхъ трюизмовъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ все больше и больше подчиняетъ себѣ природу. Когда одно изъ данныхъ количествъ останется неизмѣннымъ (силы природы), а другое (силы человѣка) постоянно возрастаетъ и притомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрее, то простое арифметическое соображеніе показываетъ намъ, что второе количество съ теченіемъ времени необходимо сравняется съ первымъ и даже превзойдетъ его. Такимъ образомъ мы принимаемъ за арифметическую истину, что со временемъ человѣкъ вполне подчинитъ себѣ внѣшнюю природу, на сколько будетъ ему нужно, передѣляетъ все на землѣ сообразно съ своими потребностями, отвратитъ или обуздаетъ всѣ невыгодныя для себя проявленія силъ внѣшней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всѣми тѣми силами ея, которыя могутъ служить ему въ пользу. Этотъ одинъ путь уже могъ бы привести со временемъ къ уничтоженію несораимѣрности между человѣческими потребностями и средствами ихъ удовлетворенія. Но достиженіе такой цѣли значительно сократится измѣненіемъ въ размѣрѣ и важности разныхъ человѣческихъ потребностей. Съ развитіемъ просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь будутъ постепенно ослабѣвать до нуля разныя слабости и пороки, рожденные искаженіемъ нашей натуры и страшно убыточныя для общества; будетъ ослабѣвать и общій корень большинства этихъ слабостей и пороковъ — тщеславіе. Итакъ съ одной стороны трудъ будетъ становиться все производительнѣе и производительнѣе, съ другой стороны все меньшая и меньшая доля его будетъ тратиться на производство предметовъ бесполезныхъ. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія обоихъ этихъ измѣненій, люди придутъ когда нибудь къ уравновѣженію средствъ удовлетворенія съ своими потребностями. Тогда, конечно, возникнуть для общественной жизни совершенно новыя условія и между прочимъ прекратится нужда въ существованіи законовъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости обратится въ легкое и пріятное удовольствованіе —

біологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа въ людяхъ просвѣщенныхъ: какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно и что было бы для васъ скучно не посвящать чтенію каждый день известное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣзда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта и все-таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія; тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства и распределеніе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ особенныхъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви, кто хочетъ, — мѣста всѣмъ достанетъ.

Надежда на такое время—простой арифметическій расчетъ. Время это настанетъ: тутъ расчетъ также вѣренъ, какъ то, что въ прогрессіи

1. 2. 4. 8. 16....

явятся наконецъ члены, которые будутъ болѣе миллионѣвъ, или какого вамъ угодно даннаго числа. Но близко ли или далеко до этихъ членѣвъ, близко ли или далеко это время,—вопросъ другой; мы думаемъ, что оно еще очень далеко, хотя, быть можетъ, и не на тысячу лѣтъ отъ насъ, но вѣроятно больше, нежели на сто или на полтора.

Тогда... о! тогда будетъ вполне разумная система, провозглашающая безграничную независимость производства и распределенія богатствъ отъ вмѣшательства общественной власти; тогда будутъ современны мнѣнія нынѣшнихъ послѣдователей Жанъ Батиста Сэ. Но теперь наши потребности, къ сожалѣнію, еще не таковы, чтобы экономическая сфера могла обойтись безъ своихъ специальныхъ законовъ.

Припомнимъ норму поочереднаго владычества трехъ формъ въ каждомъ явленіи. Въ концѣ развитія экономическія понятія будутъ сходны по формѣ съ тѣми, отъ которыхъ началось развитіе этой науки. Въ концѣ она будетъ провозглашать, какъ провозглашала въ началѣ, безграничную независимость индивидуума отъ всякихъ стѣсненій. Мы, къ сожалѣнію, живемъ въ періодѣ переходной формы, отрицающей такую независимость и выставляющей необходимость подчиненія экономической дѣятельности специальнымъ законамъ. Характеръ фактовъ въ концѣ развитія также будетъ имѣть сходство

съ тѣмъ, что было при началѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка, когда явилась политическая экономія, почти не было конкуренціи. Со временемъ конкуренція также не будетъ; но теперь она существуетъ и ея существованіемъ обуславливается необходимость понятій несходныхъ съ тѣми, какія были порождены ея отсутствіемъ.

«Итакъ мы не ошибались, чувствуя къ вамъ антипатію, предполагая обскурантизмъ въ вашемъ утопизмѣ,—скажутъ приверженцы отсталыхъ экономическихъ понятій.—Вотъ вы сами признаетесь, что хотите регламентаціи въ экономическихъ отношеніяхъ».

Что сказать на это? Развѣ прибѣгнуть опять къ новому триумзу, въ придачу къ тѣмъ, которыми наполнены наши статьи? Вражда отсталыхъ людей противъ новизны основана бываетъ чаще всего на неспособности различать новое отъ давнишней старины. Былъ вѣкъ регламентаціи; онъ проходитъ; возвратъ къ нему невозможенъ, и конечно всѣхъ менѣе могли бы желать возвращенія къ отжившему порядку вещей тѣ люди, которые и настоящимъ порядкомъ недовольны только потому, что находятъ въ немъ слишкомъ много стараго, отжившаго свой вѣкъ и слѣдовательно вреднаго. Регламентація! вотъ въ самомъ дѣлѣ, какая прелесть для насъ! Да вѣдь мы именно потому и раскодились съ отсталою школою, что она, гоня и поражая регламентацію одной рукой, удерживаетъ и приглубляетъ ее другой рукой. По секрету отъ отсталыхъ экономистовъ мы сообщимъ читателю, что они величайшіе регламентаторы, какихъ только видѣлъ свѣтъ со времени китайскихъ мудрецовъ, составившихъ знаменитую книгу «Десяти Тысячъ Церемоній». — «Полноте, какъ это можно? Какимъ же образомъ стали бы поддержкою регламентаціи тѣ люди, которые такъ пылко кричатъ противъ нее?» спроситъ читатель. Какимъ образомъ они стали поддержкою регламентаціи, это мы увидимъ послѣ; а теперь скажемъ, отчего они стали поддержкою ея. Причина очень проста: дѣло извѣстное, что излишекъ усердія ослѣпляетъ людей до того, что они ничего хорошенъко не могутъ разобрать. Такъ и экономисты отсталою школы въ своей ревности противъ регламентаціи не умѣли хорошенъко разобрать, въ чемъ сущность вещи, на которую они нападаютъ, и не замѣтили разницы между регламентаціею, т. е. нецѣпностью, и между закономъ достойнымъ своего имени, т. е. ограждающимъ и развивающимъ свободу, которую давитъ регламентація. Мы попробуемъ объяснить эту разницу нѣсколькими примѣрами, особенно извѣстными въ исторіи регламентаціи.

Начнемъ съ протекціонизма. Онъ имѣетъ цѣлью покровительствовать развитію домашней промышленности, или увеличить государственные доходы. Можетъ ли быть достигнута имъ та или дру-

гла цель? Ослабленіе торговыхъ сношеній съ другими народами невыгодно дѣйствуетъ и на внутреннюю торговлю, находящую мало возбужденія въ заграничномъ сбытѣ; мало того что она ослабѣваетъ въ дѣломъ своемъ объемѣ,—она обращается къ отраслямъ производства, наименѣе производительнымъ, пренебрегая выгоднѣйшими. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы поднимать родную промышленность, протекціонизмъ ослабляетъ и портитъ ее. Таможенные доходы при протекціонномъ тарифѣ также уменьшаются, потому что оборотъ вывѣшной торговли бываетъ малъ. Протекціонизмъ относительно обихъ своихъ цѣлей производитъ дѣйствіе, противное тому, какого желалъ. Мало того, что доходъ государства уменьшается: расходы, по содержанію таможни, страшно увеличиваются на усиленіе пограничной стражи, но контрабанда представляетъ столько выгедъ, что при всѣхъ преслѣдованіяхъ чрезвычайно развивается. Въ народѣ является наклонность обманывать правительство, потому что обманъ легокъ. Контрабандисты и ихъ патроны учуютъ избѣгать наказаній; между тѣмъ честные люди вслѣдствіе таможеннаго надзора подвергаются стѣснительнымъ обихамъ. Такимъ образомъ коренными чертами протекціонизма являются слѣдующіе факты: 1) цѣль имъ предположенная не достигается на практикѣ; 2) мелочной надзоръ вводитъ государство въ лишніе расходы; 3) жизнь отдѣльныхъ людей подвергается мелочнымъ стѣсненіямъ; 4) легкость обмана развиваетъ въ націи наклонность къ нему.

Возьмемъ другой примѣръ—законъ, опредѣляющій норму процентовъ по займамъ между частными лицами: въ его дѣйствіи мы увидимъ тѣ же черты. 1) Вмѣсто того, чтобы удерживать проценты на низкой нормѣ, онъ поднимаетъ ее, затрудняя сдѣлки между людьми ищущими денегъ и дающими; 2) вводитъ хлопотливый надзоръ, обременяетъ полицію и судебныя мѣста дѣлами, расходы казны возрастаютъ; 3) частные люди подвергаются стѣсненію; 4) обманъ легокъ: нужно только приписывать проценты къ капиталу; въ народѣ развивается наклонность обходить законъ и обманывать правительство.

Слѣдуетъ ли изъ неудачи, какую терпитъ регламентація въ своемъ стремленіи увеличить государственные доходы, поднять національную промышленность и понизить кредитный процентъ, что сами по себѣ эти стремленія дурны или цѣль ихъ недостижима? Напротивъ, цѣли хороши и достижимы, только нужны другія средства для ихъ достиженія. Пусть правительство улучшаетъ пути сообщенія, охраняетъ безопасность лицъ и собственности, — тогда промышленность будетъ развиваться; пусть оно облегчитъ и обезпечитъ взысканія по кредитнымъ обязательствамъ и тогда процентъ займовъ понизится.

Изъ того, что регламентація вредна, не слѣдуетъ, чтобы правительство не могло найти другихъ законодательныхъ мѣръ, ведущихъ къ тому же, что безуспѣшно хотѣла и не умѣла дѣлать регламентація. Теперь посмотримъ, каковы послѣдствія дѣльнаго закона. Положимъ, что издано правило, по которому запрещено въ питейныхъ заведеніяхъ принимать въ залогъ вещи. Каковы будутъ послѣдствія этого правила при сколько нибудь порядочной администраціи? 1) За питейными заведеніями уже и безъ того должна бы была наблюдать полиція; слѣдовательно хлопоты ея не увеличатся отъ новаго положенія; напротивъ соблазнъ предаваться пьянству и соединенному съ нимъ буйству сократится, слѣдовательно и хлопоты полиціи при новомъ правилѣ будутъ меньше, нежели до него, — иначе сказать, государственные расходы сократятся; 2) каждый благоразумный человѣкъ будетъ находить выгоды въ поддержаніи новаго правила; стало быть въ народѣ явится вовсе не желаніе обходить законъ и обманывать власть, а напротивъ стремленіе помогать власти въ исполненіи закона. Общій голосъ будетъ немедленно указывать полиціи тѣ изъ питейныхъ заведеній, которыя захотѣли бы нарушить законъ. 3) Жизнь частныхъ людей нѣтъ нужды подвергать мелочному розыску; полиція не имѣетъ надобности останавливать человѣка на улицѣ и спрашивать: куда ты идешь; не въ питейное ли заведеніе? и зачѣмъ ты несешь съ собою эту вещь, не за тѣмъ ли, чтобы промѣнять ее на вино? Преступленіе въ нарушеніи закона ловится только при самомъ фактѣ нарушенія, и стѣсненію потерпаются исключительно только нарушители закона и только въ самую минуту нарушенія. 4) При уменьшеніи развратнаго пьянства уменьшается число поводовъ къ убійству, воровству, безпорядкамъ, уменьшается число поводовъ къ семейнымъ непріятностямъ и возникающимъ изъ нихъ дѣламъ; потому каждое дѣло, возникающее изъ обвинки виновнаго въ промѣнѣ вещей на вино, предотвращаетъ сотни уголовныхъ, полицейскихъ и тяжбныхъ дѣлъ.

Можно набрать множество примѣровъ подобныхъ законовъ, которые заслуживаютъ въ настоящее время имени дѣльныхъ. При нихъ для администраціи меньше хлопотъ, а для казны меньше расхода, нежели было бы безъ нихъ; они прямо достигаютъ той цѣли, къ которой стремятся; надзоръ за ихъ исполненіемъ легокъ; такъ какъ при нихъ для администраціи меньше дѣла, нежели безъ нихъ, слѣдовательно они уменьшаютъ зависимость частнаго лица и содѣйствуютъ развитію въ немъ самостоятельности. Регламентація, какъ мы видѣли, имѣетъ признаки противныя: она не достигаетъ своей цѣли, опутываетъ жизнь мелочнымъ надзоромъ и развиваетъ качества, дѣлающія нужнымъ усиленіе администраціи.

наго контроля; наконецъ она обременяетъ администрацію и убыточна для казны.

Экономисты отсталой школы не умѣли замѣтить этой разницы, и вмѣсто того, чтобы хлопотать о замѣненіи экономической регламентаціи разумнымъ законодательствомъ, стали просто толковать о совершенномъ невмѣстительствѣ государства въ экономическія отношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрицаніе регламентаціи дѣйствительно не оставляло пробѣла въ общественномъ устройствѣ; напримеръ заграничная торговля по своему существенному характеру ничѣмъ не разнится отъ внутренней оптовой торговли и съ отрицаніемъ протекціоннаго тарифа не появляется нужды ни въ какихъ новыхъ законахъ, если законы относительно внутренней торговли удовлетворительны. Но одинъ случай не можетъ быть правиломъ для всѣхъ остальныхъ, притомъ и въ немъ ненужность особенныхъ законовъ условливается существованіемъ удовлетворительныхъ законовъ для того дѣла, къ которому относится заграничная торговля, какъ часть къ цѣлому. А что, если какой нибудь важный фактъ общественной жизни не имѣетъ для себя законовъ? Тутъ конечно открывается просторъ произволу и безпорядкамъ. Такъ и случилось относительно конкуренціи, развившейся почти на нашихъ глазахъ, уже послѣ Адама Смита. Еще хуже бываетъ, когда средневѣковыя учрежденія, возникшія волею общества сообразно извѣстнымъ обстоятельствамъ, принимаются за натуральный, не подлежащій никакому измѣненію порядокъ вещей. Таково положеніе поземельной собственности на Западѣ: она возникла изъ феодализма и въ главной массѣ своей представляется остаткомъ его. Теперь составъ и потребности общества вовсе не тѣ, какъ во времена феодализма; но давность времени заставила забыть объ искусственномъ происхожденіи западной поземельной собственности, и отсталые экономисты всякое желаніе новаго законодательства по этому важному прежнему провозглашаютъ нарушеніемъ естественнаго порядка. Чго же хорошаго можетъ быть, когда подъ ложной маской натуральности остается среди новаго общества средневѣковое учрежденіе? Будучи рѣшительно противно потребностямъ новаго времени, оно будетъ служить источникомъ еще гораздо большаго числа бѣдъ и худшей путаницы, нежели служило бы совершенное отсутствіе всякаго порядка. Подобныхъ учреждений въ нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ Западной Европы еще больше, нежели такихъ случаевъ, для которыхъ недостаетъ прочихъ учреждений.

Поддерживая средневѣковыя учрежденія, находящіеся въ перломъ разладѣ съ нынѣшними потребностями, мы оставляя важныя отрасли общественной жизни безъ всякихъ учреждений, теорія laissez

faire, laissez passer мѣшаетъ возникновенію разумнаго законодательства. Къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ отсутствіе или негѣность законовъ, вещь извѣстная; возникаетъ неурядица, на каждомъ шагу грозитъ опасность имуществамъ, лицамъ и всему общественному устройству; общество принуждено прибѣгать къ стѣснительному полицейскому надзору и непрерывнымъ насильственнымъ мѣрамъ для своего охраненія. Возникаетъ множество стѣсненій изъ негѣнаго положенія дѣлъ; каждымъ новымъ стѣсненіемъ негѣность увеличивается; изъ каждаго насилія или придирки возникаетъ необходимость новыхъ стѣсненій и придирокъ, словомъ сказать, отсутствіе законовъ пераждаетъ регламентацію. Вотъ какинъ образомъ теорія невмѣшательства государственной власти въ экономическія отношенія одною рукою поражая регламентацію, другою рукою поддерживаеъ ее. Жизнь частнаго человѣка въ Западной Европѣ чрезвычайно стѣснена. Англія въ этомъ отношеніи завидуетъ континенту; но сами англичане не находятъ себя достойными зависти: чтобы убѣдиться въ томъ, надобно только не почерпнуть своего знакомства съ Англіей изъ дрянныхъ книжонекъ, сочиняемыхъ на континентѣ какими нибудь Монталамберами, а читать то, что пишутъ о своей жизни дѣльные англичане. Вѣроятно много накипаетъ у нихъ желчи, если такіе люди, какъ Карлейль, съ восторгомъ говорятъ о системѣ правленія, бывшей въ Пруссіи при Фридрихѣ II. Да что Карлейль! — посмотрите англійскія газеты: и въ нихъ желчь и юморъ на каждомъ шагу. Но и газеты доступны не каждому; такъ вспомните покрайней мѣрѣ романы Диккенса: восхищается ли онъ знаменитою англійскою свободою? О континентѣ Западной Европы нечего и говорить: мы уже сказали, что онъ завидуетъ Англіи.

Да и чего много хотите вы? Гдѣ нѣтъ закона, тамъ произволъ; произволъ самъ по себѣ есть стѣсненіе; кромѣ того отъ него возникаетъ множество злоупотребленій и опасностей; гдѣ множество злоупотребленій и опасностей, тамъ неизбежны стѣснительныя мѣры т. е. регламентація.

Но что же мы считаемъ дѣльнымъ и разумнымъ законодательствомъ для экономической сферы? Какъ бы это объяснить примѣромъ, противъ котораго не могли бы спорить даже экономисты отсталой школы? Возьмемъ въ примѣръ хотя акціонерныя общества: вѣдь для нихъ были же нужны новые законы, которыхъ не существовало въ среднихъ вѣкахъ. Изъ этихъ законовъ одинъ основной: участники общества отвѣчаютъ только тѣмъ деньгами, которыя заплатили за акціи; если бы общество обанкротилось, никто изъ акціонеровъ не отвѣчалъ бы за него остальнымъ своимъ имуществомъ.

Люди, знакомые съ нѣгнѣшнимъ положеніемъ промышленности и торговли, знаютъ, какъ полезно это правило, какъ сильно оно способствовало къ развитію промышленности, сколько тѣмбъ и непріятностей оно предупреждаетъ, какъ развиваетъ оно предусмотрительность и разсудительность во всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ акціонерными компаніями. Другое основное правило: акціонеры имѣютъ контроль надъ своимъ обществомъ; польза этого правила для всѣхъ частныхъ людей не нужно и объяснять; а отъ сколькихъ лишнихъ хлопотъ освобождаетъ оно административную власть! Мы выбрали примѣръ можно сказать ничтожный, но и онъ достаточно показываетъ, что у новаго общества есть по экономической дѣятельности потребность въ такомъ законодательствѣ, котораго не знала прежняя исторія.

Другихъ случаевъ мы приводить не станемъ, чтобы не называть насъ утопистами, какъ назвалъ бы Адамъ Смитъ утопистами тѣхъ людей, которые стали бы ожидать чего нибудь хорошаго для торговли и промышленности отъ акціонерныхъ обществъ. Можно только сказать, что если этотъ гениальный человекъ не отпадалъ, какой способъ дѣйствія будетъ самымъ сильнымъ двигателемъ экономической дѣятельности черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ него, то какого же вниманія заслуживаютъ полубездарные ученики одного изъ его учениковъ, ограничивающіе всю будущность человѣчества рамками своей узенькой теоріи, составляющей только искаженіе словъ великаго шотландскаго мыслителя?

Каковы экономическія потребности при настоящемъ порядкѣ дѣлъ вообще, было бы неумѣстно излагать въ этихъ статьяхъ, писанныхъ по поводу одного спеціального вопроса о сохраненіи у насъ общиннаго владѣнія землею въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно до сихъ поръ уцѣлѣло. Довольно будетъ рассмотреть, каковы признаки этого учрежденія: тѣ ли, которыми отличается регламентація, или тѣ, которые принадлежатъ разумному экономическому закону.

1) Ведетъ ли общинное владѣніе къ той цѣли, которой предполагаетъ достигъ, или производитъ слѣдствія противныя своему назначенію? Оно претендуетъ на достиженіе двухъ результатовъ: а) сохранить участіе огромному большинству націй во владѣніи недвижимой собственностью; б) поддержать по возможности равномерное распредѣленіе подлежащей ему части недвижимой собственности между лицами участвующими въ ней. Хороши ли эти цѣли, пока не о томъ вопросъ; вопросъ только о томъ, достигаются ли онѣ. Противъ этого никогда не спорилъ никто: для всѣхъ, и для приверженцевъ, и для противниковъ общиннаго владѣнія очевидно, что при

немъ дѣйствительно: огромнѣйшее большинство націй сохраняетъ равномѣрное участіе въ недвижимой собственности, и нѣтъ ни у кого ни малѣйшаго сомнѣнія, что общинное владѣніе въ чрезвычай-но высокой степени достигаетъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится.

2) Уменьшаются или увеличиваются хлопоты и расходы общественной власти существованіемъ общиннаго владѣнія? Увеличивается ли при немъ количество случаевъ для вышательства центральной или хотя бы провинціальной власти въ дѣла частныхъ людей? Нуженъ ли мелочной и придирчивый прсмотръ въ частную жизнь для охраненія закона объ общинномъ владѣніи? Каждый знаетъ по опыту, что этого нѣтъ. Но общинному владѣнію возникаетъ въ миллионъ разъ меньше юридическихъ споровъ нежели по частной собственности: не бывало еще примѣра, чтобы судебная власть должна была хлопотать о рѣшеніи дѣлъ по общинному поземельному владѣнію. Если и бываютъ споры (зпрочемъ чрезвычайно рѣдкіе) они рѣшаются въ ту же минуту, когда возникаютъ; рѣшаются тѣми же людьми, между товарищами которыхъ возникли; рѣшаются съ такою простотою, съ такою ясностью для всѣхъ вѣрностью, что оба спорившіе признаютъ совершенную основательность рѣшенія. По общинному владѣнію; для центральной или провинціальной администраціи еще меньше хлопотъ, нежели для судебной власти: жизнь этого факта совершенно выѣ сферы дѣйствій центральной или провинціальной администраціи. Это единственный родъ собственности, охраненіе котораго не доставляетъ правительству ровно никакихъ хлопотъ и не требуетъ отъ него ровно никакихъ расходовъ. И по своему принципу и по всѣмъ подробностямъ и результатамъ своего существованія, общинное владѣніе совершенно чуждо и противно бюрократическому устройству.

3) Теперь не нужно и спрашивать, увеличивается ли или уменьшается отъ общиннаго владѣнія сумма мелочныхъ стѣсненій для частной жизни. Со стороны правительства не нужно никакого контроля за охраненіемъ его: оно охраняетъ само себя. Слѣдовательно изъ всѣхъ родовъ собственности, общинное владѣніе есть тотъ родъ, который наиболѣе предохраняетъ частную жизнь отъ административнаго вышательства и полицейскаго надзора. Точно тоже надобно сказать и о судебныхъ вышательствахъ. Общинное владѣніе такой фактъ, до котораго вообще есть дѣло только тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ прямо касается, и только въ тѣ немногія минуты, когда пересматривается устройство этого факта для опредѣленія его на періодъ времени, во всякомъ случаѣ довольно продолжительный. Затѣмъ во все продолженіе этого періода каждый частный человекъ

остается уже совершенно огражденъ отъ всякой возможности какихъ бы то ни было хлопотъ и споровъ по охраненію своего недвижимаго имущества: никто не можетъ даже и подумать вмѣшаться въ его права, или оспаривать ихъ, — опасность, которая ежеминутно виситъ надъ частной собственностью и безпрестанно хватается того или другаго частнаго собственника, призывая его къ тяжбамъ или административнымъ разбирательствамъ. Существенное отличіе общиннаго владѣнія отъ всякаго другаго рода собственности со стороны юридической безопасности состоитъ въ томъ, что оно основано исключительно на одномъ свѣжестъ матеріальномъ фактѣ, который держится въ памяти всѣхъ окружающихъ людей (членовъ общины) и не можетъ подвергаться никакому оспариванью, между тѣмъ какъ собственность всякаго другаго рода зависитъ отъ безчисленнаго множества фактовъ, обстоятельствъ и документовъ, чуждыхъ публичной извѣстности и часто неизвѣстныхъ даже тому лицу, къ которому онъ относится. Положимъ напримѣръ, что извѣстное лицо получило владѣніе частной собственностью по наслѣдству, и возьмемъ самый краткій и безопасный путь перехода: наслѣдство отъ отца сыну. Сколько и тутъ можетъ возникнуть непредвидѣнныхъ опасностей, сколько можетъ обнаружиться безвѣстныхъ документовъ, противящихся праву наслѣдника! Во-первыхъ, законенъ ли былъ бракъ, отъ котораго произошелъ наслѣдникъ? Законность брака зависитъ отъ тысячи отношеній и никогда нельзя поручиться, что всѣ они уже разъяснены и рѣшены въ пользу наслѣдника. Во-вторыхъ, дѣйствительно ли произошелъ онъ отъ этого брака, а не отъ его нарушенія? Тутъ опять все зависитъ отъ безчисленнаго множества доказательствъ, изъ которыхъ довольно одного, хотя бы самаго пустаго, чтобы надолго подорвать безопасность наслѣдника. Въ третьихъ, если извѣстное лицо дѣйствительно произошло отъ законнаго брака, то личность владѣльца дѣйствительно ли есть та личность, которая признана законнымъ сыномъ извѣстнаго лица? Въ четвертыхъ, не было ли другихъ законныхъ дѣтей, имѣющихъ такіе же права? Всѣхъ заштучностей и затрудненій, которымъ можетъ подвергнуться самый фактъ перехода наслѣдства отъ извѣстнаго лица къ другому лицу, какъ его законному сыну, невозможно и перечислить. Но одинъ ли фактъ перехода подлежитъ юридическимъ опасеніямъ? Нѣтъ, вѣдь это только одинъ изъ безчисленныхъ фактовъ, отъ которыхъ зависитъ пользованіе наслѣдствомъ. Положимъ, что наслѣдство перешло отъ отца къ сыну законно; но должно ли было оно принадлежать отцу? Тутъ опять возобновляется вся перспектива прежнихъ затрудненій и споровъ. Это ли одно? Таже самая истерія и относительно дѣда и множества другихъ родствен-

никовъ, съ тѣмъ улучшеніемъ, что при каждомъ шагѣ назадъ страшно увеличивается трудность безспорно опровергнуть сомнѣніе. Ограничивается ли однимъ этимъ источникомъ возникновеніе опасности? Положимъ, что принадлежность извѣстнаго имущества извѣстному лицу безспорна по его происхожденію; но не было ли сдѣлано волею предшествовавшихъ ему владѣльцевъ какихъ нибудь юридическихъ распоряженій, противныхъ переходу? Можетъ быть существуютъ завѣщанія, можетъ быть существуютъ акты продажи или залога, и мало ли какихъ другихъ актовъ противоположныхъ праву наслѣдства. Мы вовсе не хотимъ сказать, что частная собственность не достаточно ограждена закономъ; мы хотимъ только показать, что находясь въ зависимости отъ безчисленнаго множества фактовъ, изъ которыхъ каждый можетъ служить для нея источникомъ юридическихъ споровъ, она представляетъ для огражденія законнымъ путемъ безчисленное множество сторонъ, изъ которыхъ каждая можетъ нуждаться въ защитѣ дѣйственнымъ спорнымъ путемъ, исполненнымъ безпокойствъ и доставляющимъ безчисленное множество хлопотъ для судебной и административной власти. Мы хотимъ только сказать, что всего этого безчисленнаго множества хлопотливыхъ шансовъ, требующихъ правительственнаго вмѣшательства, не существуетъ для права общиннаго владѣнія, которому нуженъ исключительно одинъ фактъ, никогда не подвергающійся никакимъ спорамъ. Принадлежитъ ли извѣстный участокъ общинной земли извѣстному лицу? Всѣ члены общины были на сходкѣ, присвоившей ему этотъ участокъ; сомнѣнія и споры тутъ невозможны, какъ невозможно спорить о томъ, въ какой губерніи лежитъ какой уѣздъ: это извѣстно всѣмъ, кого ни спроси кругомъ, и охота спорить послужила бы только къ общему смѣху. Тутъ нѣтъ вопроса о томъ, дѣйствительно ли Иванъ Захаровъ есть Иванъ Захаровъ, а не какой нибудь подкидышъ или самозванецъ; дѣйствительно ли Иванъ Захаровъ законный сынъ Захара Петрова; законенъ ли былъ бракъ Захара Петрова; не было ли другихъ дѣтей у Захара Петрова; не было ли завѣщанія у Захара Петрова; не было ли долговъ у Захара Петрова, и такъ далѣе, и такъ далѣе. До всего этого никому дѣла нѣтъ. Принадлежность участка Ивану Захарову также ясна для всѣхъ и также безспорна, какъ принадлежность ему тѣхъ мозолистыхъ рукъ, которыми онъ кормитъ свою семью.

Неужели надобно говорить, каковы необходимыя послѣдствія для самостоятельности частной жизни отъ совершенной безспорности имущества? Неужели надобно говорить, что въ этой безспорности лежитъ первое и полнѣйшее условіе независимости частнаго лица? Неужели надобно доказывать, что безспорность правъ частнаго ли-

да служить первѣйшею преградою постороннему вѣдѣтельству въ его жизни? Или надобно говорить, что чѣмъ прощѣ, очевиднѣе и безспорнѣе факты гражданскихъ отношеній частнаго лица, тѣмъ менѣе предлоговъ для мелочнаго контроля и стѣсненія его жизни?

4) Надобно ли говорить послѣ этого и о томъ, обманъ или прамодушіе, гражданскіе пороки или хорошія качества гражданина развиваются общиннымъ владѣніемъ? Оно основано на матеріальныхъ фактахъ, всѣмъ извѣстныхъ, не подлежащихъ ни спору, ни утайкѣ. Мысль объ обманѣ въ этихъ фактахъ такая же невозможность, какъ мысль утаить Волгу или Петербургъ. Сутяжничество невозможно; права не могутъ быть потеряны: благопріятствуетъ ли это независимости характера, развитію увѣренности въ томъ, что можно обходиться безъ чужой помощи и протекціи, развитію привычки къ энергической инициативѣ?

Еще одинъ вопросъ. При общинномъ владѣніи, устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества; рѣшенія общества зависятъ отъ его участія; онъ можетъ имѣть все то вліяніе на нихъ, которое доступно его способностямъ и силѣ характера; не участвовать въ общественныхъ дѣлахъ со всею возможностью для его личности энергіею нельзя ему, потому что съ ними связанъ очень важный личный интересъ.

По всѣмъ этимъ признакамъ намъ не трудно рѣшить, къ какому порядку вещей принадлежитъ общинное повсемельное владѣніе, къ регламентаціи или къ разумному законодательству. Оно достигаетъ своей цѣли. Оно не увеличиваетъ, а уменьшаетъ хлопоты и расходы правительства. Оно такъ просто, что устраняетъ нужду во вѣдѣтельствахъ всякой центральной и посторонней администраціи. Оно даетъ безспорность и независимость правамъ частнаго лица. Оно благопріятствуетъ развитію въ немъ доброты характера и качествъ нужныхъ для гражданина. Оно поддерживается и охраняется силами самаго общества, возникающими изъ инициативы частныхъ людей.

Мы упоминали о томъ источникѣ, изъ котораго происходитъ вражда добросовѣстной части между отсталыми людьми противъ новыхъ понятій. Эти бѣднѣжки не могутъ понять разницы между старымъ, противъ чего вѣкъ-одинъ они боролись честно и полезно, и новымъ, вступающимъ въ такое же отношеніе къ ихъ обветшалой повизнѣ, обратившейся въ руину. Когда явился Пушкинъ, всѣ свѣжіе и умные люди стали за него, всѣ обскуранты вооружились противъ Пушкина. Прошло двадцать или больше лѣтъ; обстоятельства во многомъ измѣнились, сообразно съ ними явились новыя требованія въ поэзіи. И вотъ появились люди, которые стали говорить, что Пуш-

кинъ уже недостаточенъ для нашего времени, что нужна теперь и уже возникаетъ новая литература съ новыми дѣятелями, у которыхъ и содержаніе и форма не похожи на прежнее, на то, что было при Пушкинѣ—«Какъ? Вы противъ Пушкина? возопіали добросовѣстные отсталые люди. Значитъ вы говорите тоже самое, что во времена нашей молодости говорили обскуранты; — вѣдь они также возставали противъ Пушкина; значитъ, вы хотите, чтобы общество восхищалось Сумароковымъ и Херасковымъ?» Ну да, друзья мои, вы совершенно отгадали: Гоголь какъ двѣ капли воды похожъ на Державина, Щедринъ на Хераскова, Кольцовъ на Нелединскаго-Мелецкаго. Вы совершенно отгадали въ чемъ дѣло.

Какъ бы растолковать добросовѣстнымъ отсталымъ людямъ, что порядочные люди новаго времени проникнуты тѣми же честными стремленіями, какими были проникнуты порядочные люди прежнихъ поколѣній, что только обстоятельства перемѣнились во многое, и потому для осуществленія тѣхъ же стремленій приходится дѣлать не то, что дѣлалось прежде? Какъ бы растолковать имъ, что мужикъ, боронущій землю, продолжаетъ то же самое дѣло, которое дѣлалъ, когда пахалъ ее? Но нѣтъ, толковать объ этомъ напрасно. У кого изъ прежнихъ людей есть способность понимать факты и думать о нихъ своею, а не чужою головою, тотъ самъ давно это знаетъ и новое время чтить его, какъ полезнаго дѣятеля современности, наравнѣ съ новыми людьми; чтить его выше ихъ, потому что онъ показалъ не совѣтъ обыкновенную силу ума и честной твердости, понимая и принявъ къ сердцу заботы общества; не совѣтъ похожаго на то, въ которомъ воспиталась его молодость. Честъ ему; онъ совершаетъ уже второй переходъ по тяжелому историческому пути и идетъ наравнѣ съ нами, или даже впереди насъ; дѣлающихъ нашъ первый переходъ. А что до остальныхъ его сверстниковъ, — Богъ съ ними. Исторія обойдется и безъ нихъ. Пусть себѣ твердятъ зады.

Стремленія новой школы въ экономической наукѣ тѣже самыя, какія были и у старой, когда старая была молода. Только обстоятельства перемѣнились; съ ними измѣнились требованія общества, съ требованіями общества измѣнились и понятія о томъ, что нужно дѣлать нынѣ для достиженія тѣхъ цѣлей, съ которыми стремились и основатели старой школы. Перемѣна не въ предметъ желаній: онъ одинъ и тотъ же—доставленіе большаго благосостоянія человѣку и, какъ необходимѣйшая гарантія, какъ важнѣйшій источникъ всякаго благосостоянія, развитіе самостоятельности отдѣльнаго лица. Перемѣна и не въ томъ, чтобы отвергалось хотя одно научное понятіе, выработанное преждею школою. Не безпокойтесь: никто не отвергаетъ той истины, что цѣнность вещи зависитъ отъ отношенія меж-

ду предложеніемъ и запросомъ, что личный интересъ служитъ сильнѣйшимъ или, пожалуй, единственнымъ двигателемъ всякой дѣятельности; не безпокойтесь, никто не отвергаетъ этихъ и другихъ, подобныхъ имъ, экономическихъ истинъ.

Напретивъ того, на нихъ-то именно и основана новая теорія. Ихъ открытіе составляетъ по мнѣнію новыхъ людей славу прежней школы. Разница только въ томъ, что къ старымъ открытіямъ прибавились новыя; что прежними теоремами не исчерпывалась вся истина, что въ прежней теоріи открылись пробѣлы, которые теперь дополнены новою теоріею, какъ и въ ней со временемъ найдутся пробѣлы, которые будутъ пополнены трудами слѣдующихъ поколѣній.

Теперь мы говоримъ о томъ отдѣлѣ экономической теоріи, который относится къ вопросу объ участіи общественной силы въ экономической дѣятельности. Старая школа открыла, что одинъ способъ этого внимательства, самый утомительный въ тѣ времена, регламентація, вещь очень вредная. Честь и слава старой школы за это благодѣтельное открытіе. Не что же открылось потомъ? Открылось, что тѣ области жизни, которыя не ограждены отъ произвола и слѣднаго случая разумнымъ законодательствомъ и разсудительною предусмотрительностью, подвергаются деспотизму произвола. Теорія, составленная тогда, когда этотъ фактъ еще не былъ замѣченъ наукою, оказалась недостаточна. Мы разбирали эту знаменитую теорію и видѣли, что она ведетъ къ пожертвованію правами отдѣльнаго человѣка и его самостоятельностью всѣмъ прихотямъ государства. Кто же вѣренъ духу экономической науки и благородныхъ ея основателей, борющихся противъ рутинны и произвола: тѣ ли, которые держатся рутинной теоріи, или тѣ, которые отвергаютъ ее за то, что она ведетъ къ произволу?

Мы видѣли другой фактъ. Старая школа требовала натуральности въ экономическихъ отношеніяхъ и возставала противъ искусственности; она замѣтила, что природа противна регламентаціи. Прекрасно, но что же открылось потомъ? Было замѣчено, что вся человѣческая дѣятельность состоитъ въ передѣлкѣ природы; что каждое дѣйствіе и каждое желаніе человѣка состоитъ въ замѣненіи фактовъ и отношеній, даваемыхъ природою, другими фактами и отношеніями, болѣе сообразными съ потребностями человѣка. Какъ согласить это разнорѣчіе? Искусственного ничего не должно быть, все должно стремиться къ натуральности; и съ тѣмъ вмѣстѣ вся человѣческая дѣятельность состоитъ въ измѣненіи порядка, возникающаго независимо отъ человѣческой воли, т. е. порядка, даваемаго природою, — какъ соединить эти различныя факты? Оughtъ быть. Надобно раз-

личать человѣка отъ вѣшной природы, слѣное дѣйствіе силъ вѣшной природы отъ человѣческихъ желаній, результаты дѣйствія силъ вѣшной природы отъ человѣческихъ потребностей. Мы люди, мы смотримъ на все съ человѣческой точки зрѣнія и не можемъ смотрѣть иначе. Изъ этого ясно, въ какомъ объемѣ надобно понимать ту натуру, съ которой должна сообразоваться экономическая дѣятельность. Эта натура—человѣкъ, его силы и потребности. Мы можемъ браться только за то, что въ нашихъ силахъ. Мы должны дѣлать такъ, какъ велятъ наши потребности. Часть природы, человѣкъ, старается передѣлать сообразно себѣ остальные части. Если вы хотите придать философское выраженіе этому закону, вы увидите въ немъ тотъ же самый законъ, по которому теплое тѣло стремится разлить свою теплоту на все окружающее, лишенное теплоты; тотъ же самый законъ, по которому проникается электричествомъ все соприкасающееся съ тѣломъ, въ которомъ развивается электричество. Каждый процессъ природы стремится охватить всю природу. Человѣкъ есть вмѣстилище извѣстнаго процесса, и выходитъ изъ него этотъ процессъ, процессъ разумнаго устройства и жизни болѣе энергической, стремится внести болѣе энергическую жизнь и болѣе разумное устройство въ остальную природу.

Не безпокойтесь же: тутъ дѣйствуетъ природа; искусственности тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ искусственности во всемъ планетарномъ процессѣ, вѣнцомъ котораго является дѣятельность силъ, находящихъ себѣ органъ въ человѣкѣ. И особеннаго тутъ нѣтъ ничего, если одна часть природы, одна ея сила борется противъ другихъ: всѣ силы природы такъ дѣйствуютъ, всѣ онѣ въ борьбѣ между собою. Можно прибавить, что нечего сомнѣваться и въ будущей судьбѣ тѣхъ силъ, которыя представляются нашему сознанию какъ потребности человѣка: когда извѣстный процессъ является крайнимъ развитіемъ другихъ низшихъ процессовъ, предшествующихъ ему, нечего спрашивать о томъ, удержится ли онъ и будетъ ли онъ усиливаться съ каждымъ часомъ: пока существуютъ другіе процессы, будетъ существовать и онъ; и пока ихъ непрерывное дѣйствіе будетъ продолжаться, въ каждую данную минуту будутъ примыкать къ нему изъ нихъ новыя силы. Пока остается на землѣ растительная и животная жизнь, историческій прогрессъ будетъ неуклонно идти своимъ чередомъ.

Мы заговорили философскимъ языкомъ объ общихъ принципахъ пятидесятиго вѣззрѣнія на человѣческую жизнь. Что же дѣлать? Каждая частная теорія относительно извѣстной сферы жизни сознательно или безсознательно выводится изъ общаго міросозерцанія данной эпохи. Намъ кажется, что сознательный образъ мыслей лучше без-

сознательного, и показавъ коренное основаніе нынѣшней теоріи, мы можемъ спуститься въ область частной экономической науки и изложить ея прозаическимъ языкомъ нынѣшнія понятія объ одномъ изъ ея вопросовъ. Мы писали эту статью съ тѣмъ, чтобы разъяснить понятія новой экономической школы объ отношеніяхъ государства къ частной инициативѣ въ экономической дѣятельности. Мы старались показать неудовлетворительность отсталой теоріи, желающей освободить частную экономическую дѣятельность отъ всякаго административнаго и законодательнаго вліянія, но вмѣсто того приходящую къ подавленію личности, къ отдачѣ ея на полный произволъ государства даже и въ экономическомъ отношеніи, черезъ сосредоточеніе всей громадной силы, которою располагаетъ государство, въ одномъ направленіи, самомъ неблагопріятномъ для самостоятельности индивидуума. Мы старались потомъ показать, что каковы бы ни были экономическія теоріи общества и государства, все таки государство имѣетъ громадное вліяніе на экономическую дѣятельность и не можетъ не имѣть его. Прямымъ образомъ экономическая дѣятельность частныхъ лицъ подчинена государству посредствомъ бюджета; косвеннымъ образомъ она подчиняется вліянію каждой законодательной и административной мѣры, каковы бы ни были прямой предметъ государственнаго дѣйствія; слѣдовательно, заключаемъ мы, вопросъ не въ томъ, частная экономическая дѣятельность будетъ ли подвергаться сильному и прямому вмѣшательству государства: иначе быть не можетъ, пока существуетъ государство; вопросъ только въ томъ, сознательно или безсознательно будетъ производиться это вмѣшательство. Намъ кажется, прибавляли мы, что сознательность и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, лучше безсознательности, потому что сознательное дѣйствіе можетъ быть управляемо и удерживаемо въ извѣстныхъ границахъ разсудкомъ, а безсознательная сила дѣйствуетъ слѣпо и безоглядно. О направленіи, въ какомъ должно производиться вліяніе государства на экономическій бытъ, мы также говорили; остается сказать о томъ, въ какихъ границахъ оно должно удерживаться.

Одну изъ нормъ, определяющихъ границы государственнаго вліянія, мы уже упоминали. Эта норма — здравый разсудокъ, главное правило котораго: берись только за то, что возможно. Регламентация тѣмъ и нелѣпа, что хочетъ сдѣлать невозможное. Мы замѣчали также, что невозможность часто лежала не въ самомъ предметѣ, къ которому стремились, а въ средствахъ дѣйствія, которыя были избираемы.

Если бы эта статья не была уже такъ длинна, мы подробно разсмотрѣли бы понятія возможности и невозможности съ ихъ призна-

ками, — этотъ предметъ очень важенъ, потому что въ немъ господствуютъ чрезвычайно странныя предразсудки. Быть можетъ намъ случится заняться имъ когда нибудь, въ другой разъ. Теперь замѣтимъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, часто называютъ невозможнымъ то, что неспроста. Напримѣръ, можетъ ли Франція, при нынѣшнемъ разстроенномъ положеніи своего бюджета, употребить полмилліарда франковъ на заимообразное пособіе промышленнымъ товариществамъ людей, занимающихся черною работою? Единодушный отвѣтъ всѣхъ обскурантовъ, реакціонеровъ и отстающихъ экономистовъ: «не можетъ». — Почему же? «Ей негдѣ взять такую страшную сумму, въ бюджетѣ и безъ того дефицитъ, нація и безъ того обременена налогами, государственный долгъ и безъ того громаденъ». Ну, а Крымскую войну могла ли она вести? могла истратить на нее болѣе милліарда? И теперь можетъ начать новую войну, которая будетъ стоить еще гораздо дороже? Это она не только «можетъ сдѣлать», это она сдѣлала и сдѣлаетъ. А, понимаемъ.

Другое обстоятельство состоитъ въ томъ, что неумѣнье или нежеланіе принять нужныя средства смѣшиваютъ съ невозможностью предмета; между тѣмъ, какъ неудача при неудачномъ выборѣ средствъ доказываетъ только, что нужно поискать другихъ средствъ (въ большей части случаевъ нечего и искать: вѣрные средства къ достиженію цѣли уже указаны бывають умными людьми, только слушать ихъ не хотятъ). Напримѣръ, въ Англіи государство не успѣваетъ улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ посредствомъ подати въ пользу бѣдныхъ; изъ этого заключаютъ, что государство и не можетъ помочь имъ прямымъ образомъ. Но какъ употребляются деньги, доставляемыя этой податью? Обращаются ли они на отстраненіе причинъ, производящихъ бѣдность? Нѣтъ, напротивъ, употребляются такъ безразсудно, что содѣйствуютъ усиленію этихъ причинъ. Въ кораблѣ оказалась течь; вмѣсто того, чтобы задрѣзать ее, вы только стараетесь вычерпать воду, да еще придѣлалим помпу такъ неловко, что отъ каждаго удара рукоятки слабѣють тѣ пазы, въ которыхъ находится щель: удивительно ли, что течь съ каждымъ часомъ увеличивается и въ трюмѣ вода прибываетъ? А слѣдуетъ ли изъ того, что нельзя избавить корабль отъ этой бѣды?

Если есть охота, если есть умѣнье, — область возможнаго очень велика; если нѣтъ ни охоты, ни умѣнья, — ничего нельзя сдѣлать путнымъ образомъ. Изъ этого мы видимъ, что если рѣчь идетъ о какомъ нибудь отдѣльномъ случаѣ, вопросъ о возможности чрезвычайно много зависитъ отъ качествъ государственной власти; изъ нихъ главное — охота; умѣнье всегда приходитъ вслѣдъ за нею.

того, что каждый разсудительный человек скажет: не смешно ли писать длинные статьи въ доказательство того, что безъ всякихъ доказательствъ ясно каждому, думающему своею, а не чужою головою, и извѣстно, по выраженію Гоголя, каждому, даже не обучавшемуся въ семинаріи. Вотъ этого одного приговора мы и боимся.

А все таки слѣдующая наша статья, также, очень длинная, будетъ посвящена доказательству той великой истины, что ложка меду, влитая въ бочку дегтя, не виновата въ томъ, когда вы, отвѣдывая эту смѣсь, ощущаете мало сладости.

Проницательный читатель видитъ, что предметомъ слѣдующей статьи будутъ также возраженія противъ общиннаго позсмельнаго владѣнія: «почему же, дескать, оно не оказывать тѣхъ удивительныхъ дѣйствій, которыя, какъ вы объясняете, должны происходить изъ его природы?»

Въ связи съ этимъ затруднительнымъ вопросомъ мы будемъ разсматривать другой, столь же затруднительный вопросъ: почему лещъ, вытасенный на берегъ рыболовною сѣтью, не плаваетъ?

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА.

VI (*).

НОЧЬ ПОДЪ СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ.

По заведенному изстари обычаю, во всѣхъ селахъ ночь подъ свѣтлый день проходитъ безъ сна, въ сборахъ къ празднику. Съ вечера въ каждомъ домѣ затапливаются печи и вплоть до заутрени идетъ стряпня. Такъ какъ заутрени начинается очень рано, то съ вечера же народъ одѣвается въ праздничное платье. Всякій мужикъ долгомъ считаетъ обуть, хотя старые, но во всякомъ случаѣ вымазанные дегтемъ сапоги; бабы надѣваютъ расписныя понявы; парни красныя рубахи. Старушки принаряжаются для Свѣтлаго Христова Воскресенья въ темныя растегаи, купленные на ярморкѣ, въ новыя лапотки и снѣжной бѣлизны платочки, драгоценныя для нихъ тѣмъ, что они же самими старушками предназначены препроводить ихъ на тотъ свѣтъ.

Съ закатомъ солнца окрестныя деревни и слободы пустѣютъ. Народъ съ куличами, пасхами отправляется на ночь въ приходское село. Въ церкви до благовѣста колокола обыкновенно читаютъ житія святыхъ и чудеса разныя; туда стекаются богомольные и желающіе провести время въ благочестивыхъ раз-

---

(*) Предъидущіе очерки были помѣщены въ «Современникѣ» за 1858 годъ.

мышленіяхъ. Большая часть людей идетъ въ дома своихъ знакомыхъ.

Часовъ въ восемь вечера сельская улица наполнена народомъ. Во всѣхъ окнахъ свѣтятся огни. Около слободъ поповской и дворовой толпятся мужики, дворники, прикащики, лакеи. Гдѣ просятся ночевать, поздравляютъ съ праздникомъ; гдѣ предлагаютъ услуги, спрашиваютъ о здоровьи и проч.

— Наше почтеніе Савелію Игнатьичу. Съ наступающимъ праздникомъ имѣю честь поздравить.

— Многолѣтняго здравія, Петръ Акимычъ, Лукерья Филиповна!... Авдотья Герасимовна!... Что? и вы къ заутрени жалуете?

— Да-съ; и мы....

— Дѣло.... Вотъ и я съ супругой тоже. Нельзя. Вся причина праздникъ обширный.... смѣшно будетъ не идти.

— Не знаете ли, Савелій Игнатьичъ, гдѣ бы мнѣ переночевать съ семействомъ?

— Право слово, не знаю. Мы съ супругой у отца дьякона. Да вы попробуйте, спросите вонъ въ кабаѣ: теперь тамъ просторно....

Какъ можно....

— Ей Богу! Да чтожь вы думаете? Да мы съ супругой, я вамъ скажу, разъ въ конюшни ночевали....

Кто-то ведетъ въ темнотѣ даму.

— Ко мнѣ, ко мнѣ, Марья Павловна, пожалуйста. Сюда. Лужицу-то пересигните...

— Куда это?

— Прямо! Валяйте!..

— Сигать?

— Сигайте...

— Темъ какая, Господи... У-у-ухъ! Ну! .

— Что, втесались?

— Втесалась...

— Да, гдѣ ты, Настя? кричитъ какая-то женщина.

— Я? вотъ....

— Иди скорѣй. Пойдемъ. Или ты не видишь, повсюду лакеи шляютъ. Какъ же можно одной?

— Онъ, маменька, ничего...

— Кто?

— Давней... барскій. Онъ только говоритъ: Христось воскресе!

— А ты?

— А я говорю: воистину...

— Ну и дура за это... вотъ тебѣ скажи!

— Здравствуйте, Наумъ Федотычъ. Куда это вы такъ торопитесь?

— Здравствуйте, сударыня.

— Какъ поживаете?

— Да что, матушка, забылъ дома яйца.

— А-а-а-а!...

— Сейчасъ помереть...

Въ дьячковскомъ домѣ при свѣтѣ ночниковъ хозяйка съ засученными рукавами переваливается съ боку на бокъ на столѣ тѣсто. Ея крошечный сынишко, весь въ мукѣ, стоитъ на полу и смотритъ на нее, чего-то ожидая.

— Рано, голубчикъ, говоритъ дьячиха. Ни свѣтъ, ни заря... Богъ ушко отрѣжетъ...

Мальчикъ кладетъ въ ротъ палецъ.

Дьячку, сидящему за церковной книгой и тихою напѣваюшему: «тебе на водахъ», дочь заплетаетъ косу.

Въ куклѣ священника напротивъ пылающей печи молодой работникъ съ молодой работницей изъ россійской мочи шиплютъ куръ и поросятъ, такъ что животныя даже по смерти своей издають дыскъ.

— Пойдешь къ заутрени? спрашиваетъ работникъ, обдирая ухо на поросенкѣ.

— Неколи... Я бы пошла.

— Такъ къ обѣднѣ приходи... Яицѣ тебѣ дамъ...

— Приду къ обѣднѣ.

Земскій примѣриваетъ только что принесенный сертукъ. Портной осаживаетъ полы, самодовольно встряхиваетъ головой и говоритъ:

— Графу не стыдно надѣть... Какова работа!

Земскій ухмыляется. Онъ хочетъ показаться женѣ.

Земчиха въ другой комнатѣ снаряжаетъ бабу въ анбаръ. Она говоритъ ей, доставая изъ подъ платья ключъ:

— Сходи ты, любезная...

— Варя, перебиваетъ земскій: — погляди-ко: хорошо?

— Пошелъ ты отсюда! затѣйщикъ....

Земскій идетъ назадъ обезкураженный. Но портной опять такъ и хочетъ сказать: «какова работа...!»

Въ конторѣ идетъ спѣвка. Лакей съ тростью въ рукѣ стоитъ передъ толпою крестьянскихъ ребятишекъ и задаетъ имъ тонъ, дѣлая своимъ голосомъ раскаты:

— Го-го-го-тр-р-р-тон-тон-тон.. Начинай! ну?

Ребятишки разѣваютъ рты. Лакей взмахиваетъ тростью; пѣвчіе отъ страха жмурятъ глаза.

— Трогай! Яко-о-о-да царя-я всѣхъ поды-ы-ы-ы.... ну, что-же вы? Начинай!

Мальчишки пыхтятъ.

— Качай! Я-ко-о-о-да царя-я-я.... Ну, я опять дамъ тонъ: го-го-го-го тр-р.... нѣтъ, погоди! лучше пойти хворостину принести....

Въ небольшой чистой горенкѣ, устланной свѣжей соломой, стоитъ передъ образами хорошенькая вдова. Передъ образами висятъ голубки, разноцвѣтныя лампы. Вдова вздыхаетъ. Уней слезы на глазахъ.

— Можно ночевать? раздается подъ окномъ голосъ.

— Кто это?

— Я, я, Танюша!...

Входитъ краснощекій парень; сапоги новые, шляпа новая съ пряжками и зелеными перьями...

Въ хатѣ птичницы съ чашкой воды стоитъ баба передъ закутаной печью, въ которой шуршитъ и треплется вѣникъ.

Вѣникъ замолкъ. «Откутай!....» кричитъ кто-то умирающимъ голосомъ....

Горница прикащика блистаетъ огнями. Красный отъ бани прикащикъ пьетъ чай. Въ передней чистятъ сапоги. Хозяйка передъ зеркаломъ убираетъ голову.

— Филимошка! возглашаетъ прикащикъ.

— Чего?

— Къ заутрени не ходи.

Чистка сапоговъ прекращается.

Входящая работница доносить:

— Кучеръ Феногенъ приказалъ спросить, можно ли ему идти?

— А лошади съ кѣмъ останутся?

— Мужикъ Лаврентій васъ спрашиваетъ.

Входитъ мужикъ.

— Что?

— Заступитесь.

— Вѣдь я тебѣ сказалъ.... Дурачье вы!

— Петръ Прохорычъ, ради Свѣтлаго Христова воскресенія....

— Пошелъ вонъ!... Чтобъ я видѣлъ....

— Петръ Прохорычъ, помилосердствуйте! у меня дѣти....

Батюшка!...

— Эй, гоните его!... живо! эй!

Мужика выгоняють.

— Ишь, каналья!... Ему въ солдаты не хочется....

— Онъ васъ обругалъ!... доносъ раздается.

Прикащикъ стоитъ, какъ врытый. Онъ вдругъ накидываетъ на себя шинель, захватываетъ что-то въ углу и бѣжитъ изъ дому. Ему вслѣдъ мигнулъ Филимошка, державшій сапогъ въ рукѣ.

— Не слыхала, Прасковья Федоровна новость? говорятъ на улицѣ старухи.

— Какую?

— Будто нонѣ послѣ заутрени начнется свѣто-представленіе....

— Неужели?

— Да, матушка.

— Это вѣрно-сь, — подхватываетъ мѣщанинъ, взявшійся откуда-то. — Потому опослѣ заутрени подымется самая трагедь....

— Да вѣдь что родная? рассказываютъ, сейчасъ бѣсы пробѣжали у скотнаго двора.... какое стадо!

— А что, курочки-то у тебя хорошо несутся?

— Плохо....

Скоро десять часовъ; говоръ на улицѣ утихаетъ.

Домъ священника биткомъ набитъ народомъ. Столы и лавки завалены узлами, пасхами, писаными ящиками. По стѣнамъ сидятъ дворовыя дѣвки, прикащики, лакеи и пр. Въ кухнѣ, смежной съ горницею, въ разныхъ положеніяхъ на полу, на печи, на кончикахъ лежатъ и сидятъ мужики; въ сарафанахъ и душегрѣйкахъ — однодворческія дѣвки; бабы — въ кичкахъ. Многіе раздѣты, — въ однихъ праздничныхъ рубахахъ; въ нѣсѣ душно.

Крѣпкій дегтярный запахъ наполняетъ и кухню и горницу. Въ горницѣхъ подъ лавками посажены на яща гусыни, которыя, говоря, не любятъ дегтярнаго запаха. Впрочемъ онѣ сидятъ спокойно и только тогда вскрикиваютъ, когда ихъ лучиной дразнить лакей, который хочетъ добиться того, чтобы гусыни пощипали за икры дворовыхъ дѣвокъ. Въ горницѣхъ пахнетъ еще пирогами; потому что цѣлое рѣшето пироговъ проносить по падею. Она на дорогѣ останавливается передъ сонной купчихой и спрашиваетъ:

— Вы не хотите ли вздремнуть, Аграфена Карповна?

— Нѣтъ-съ.... я ужь дождусь заутрени. Кунчиха почесываетъ подъ мышками у себя и закрываетъ глаза.

— А то возьмите подушечку?

Купчиха не отвѣчаетъ болѣе.

Одинъ изъ лакеевъ тоже вздремнуть предлагаетъ дѣвкамъ. Дѣвки поднимаютъ его на смѣхъ. Онъ упирается затылкомъ въ стѣну. Другой рядомъ сидящій, вытянувъ ноги, поетъ про себя: «о, любезнаго, о, сладчайшаго твоего гласа». Третій лакей шевелитъ лучиной подъ лавкой: начинается такой шумъ, хототь, крикъ гусынь, что изъ спальни выходитъ священникъ и проситъ кричать полегче. Ему говорятъ, что это гусыни взахались передъ заутреней.

Напротивъ дворни, въ углу, мѣщанинъ разсуждаетъ съ другимъ мѣщаниномъ о томъ, что надобно умѣть пить; а то опиться не долго,—и приводитъ много несчастныхъ примѣровъ. Его собесѣдникъ не безъ хвастовства говоритъ:

— Мнѣ, Иванъ Тихонычъ, Господь Богъ далъ такой умъ, что я теперь съ ведра не захмѣляю.

— А у насъ, господа, прошу прислушать, началъ худоша-вый башмачникъ:—одинъ лакей у своего барина (лакеи на-вострили уши) выпилъ бутылъ и проглотилъ рюмку....

Лакеи вступаютъ съ башмачникомъ въ споръ. Священникъ снова выходитъ изъ спальни, чтобы прекратить шумъ. Его про-сятъ быть посредникомъ и разобратить дѣло.

Въ кухнѣ разговоры не менѣе оживлены. На печи одинъ на-рень разсказываетъ сказку про Ивана Царевича. Его слушаетъ много народу, обитавшии вѣчь кругомъ.

— Меньшого, говорить парецъ, звали Иванъ Царевичъ. Повадилась въ ихъ садъ летать жаръ-птица и клевать золотобрѣзъ-яблокъ....

На конникѣ, окруженная толпою бабъ, сидитъ въ бѣломъ платкѣ разутая дѣвушка Мариша, какъ сказываютъ, помѣшанная на любви къ барскому сыну. Ее спрашиваютъ, чѣмъ она кормится? Мариша, утираясь концами черной шали, отвѣчаетъ:

— Гдѣ поиграю, попляшу.... Пить-то ничего: за мѣсто стиховъ.... Купцы въ Ахромовѣ недѣсь три копѣйки мнѣ дали.

— Ну, а родные-то твои? постой.... что ты толкаешь....

— Ты спроси ее про любовь....

— О, выдумала!... А родные-то твои желанны до тебя?

— Своихъ нароютъ картофелю и отъ меня прячутся.... Я сплю въ клѣтцѣ.... (Молчаніе). Мнѣ помѣщица вуаль подарила; всѣ дѣвки на него смѣются.

— погоди, ты не умѣешь!... Дай-ко я спрошу.... Вишь она вовсе глупа.... А въ селѣ-то, Мариша, любятъ тебя?

— Да старостины ребята все колотятъ. Какъ праздникъ, такъ бѣги вонъ изъ деревни.... пьяные бьютъ. Наши мужики шутки-то не примаютъ. Нѣшто гдѣ они что видѣли? Все какъ бы подраться. Я въ монашки пойду. Говорятъ на мнѣ младенческая.

— Посторонитесь, говорить поповская работница, держа плиту съ жареными поросятами.

Народъ разступается.

— Важно запахло!... замѣчаетъ съ печи мужикъ.

— Да-а.... присовокупляетъ другой. Вѣдь подумаетъ, братецъ мой, праздникъ-то; оттого-то онъ дорогъ, что ѣда прекрасная.... А ужъ какъ у этихъ поповъ жрутъ сладко!... Э-э-э!...

— Ну, у прикащиковъ лучше. У тѣхъ ѣда царская.... въ десять разъ лучше поповской.... Одно слово, трескотня адоровая!

— Чего жъ нѣтъ? народъ пивотный.

— Жалочники! гнѣвно восклицаетъ третій мужикъ съ плиты.

Подъ иконами старуха говоритъ про смерть своего сына ратника.

— И тамъ народъ, и по ту сторону народъ, вездѣ народъ, видимо-невидимо. Я кричу ему: и гдѣ жъ нашъ-то соколикъ бѣ-

душемъ. Кредитъ щедро расточаетъ золото счастливымъ настоящаго и улыбается таинственною далью любителямъ будущаго. Слѣшимъ замѣтить, что наука о кредитѣ далеко не удовлетворила и не можетъ удовлетворить всѣмъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ; но она вполне осуществила нѣкоторыя изъ нихъ, дала категорическіе отвѣты на многія недоумѣнія и отозвалась на всѣ вопросы, созданные движеніями времени. Это много, необычайно много для науки, привыкшей вообще къ болѣ скромному поведенію.

Мы избрали отрасль кредита, можетъ быть, наименѣе соответствующую сангвиническимъ требованіямъ промышленнаго духа времени. Но за то она относится къ той почетной общественной группѣ — *землевладельцевъ и земледѣльцевъ*, — которая, обуславливая своею дѣятельностью развитіе всѣхъ отраслей народнаго хозяйства, сама не успѣла еще воспользоваться всѣми могущественными двигателями современнаго промышленнаго духа, давшего такой необычайный полетъ фабричной и городской промышленности. Во всякомъ случаѣ *поземельный кредитъ* уже сдѣлалъ значительные успѣхи въ Европѣ, и если онъ отсталъ отъ промышленнаго и коммерческаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ каждый его шагъ сопровождается не однимъ только временнымъ усидѣніемъ производства, безъ всякаго положительнаго преуспѣванія въ народномъ благосостояніи (какъ нерѣдко бываетъ въ блестящихъ изобрѣтеніяхъ движимаго кредита), но сопровождается глубокими благотворными слѣдами въ самыхъ способахъ жизни народа и системахъ его хозяйства. Огромное общественное значеніе поземельнаго кредита уже заключается въ томъ, что онъ можетъ имѣть дѣло только съ *землевладельцами и земледѣльцами*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. только съ *владельцами* земли, а не людей, только съ *работниками* земли, а не съ *рабами* земли; чтобы сдѣлаться матеріею кредита, земля должна быть очищена отъ всякихъ превѣлъ принужденнаго чужденскаго труда, чтобы войти въ кредитныя сдѣлки люди должны быть свободны. Потому водвореніе поземельнаго кредита есть актъ освобожденія земледѣльческаго труда. Какъ поземельный кредитъ всегда являлся сильнымъ пособникомъ къ упраздненію крѣпостнаго состоянія, такъ точно, чтобы воспользоваться этою помощью, необходимо твердо и неуклонно рѣшиться разстаться навсегда со всякими печальными привилегіями и со всякими принадлежностями крѣпостнаго права,

...Позволимъ себѣ привести нѣсколько словъ, сказанныхъ нами еще въ 1856 году, по поводу поземельнаго кредита (*).

«Учрежденіе поземельнаго кредита на прочныя экономическія основанія, согласныя и съ мѣстными условіями народнаго хозяйства и съ непреложными законами производства и обращенія цѣнностей, дѣлается всякій день болѣе и болѣе настоятельнымъ, особенно въ государствахъ вовсе не затронутыхъ даже и частными попытками этого рода. Возрастаніе народонаселенія, развитіе мануфактурной промышленности и торговли (усиливающихся запросъ на продукты земледѣлія), и съ другой стороны, несомнѣнные успѣхи науки сельскаго хозяйства, — требуютъ капиталовъ, которые посредствомъ усовершенствованныхъ способовъ обработки земли увеличили бы ея производительность и выстѣ съ тѣмъ запасы народнаго продовольствія; но даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ потребность продовольствія для массы народонаселенія далеко не превосходитъ мѣстное производство, и тамъ правильную систему поземельнаго кредита можно признавать однимъ изъ лучшихъ благодѣяній для народнаго хозяйства, ибо и тамъ земледѣліе не можетъ и не должно оставаться неподвижнымъ, какъ и всякій элементъ народнаго богатства, и въ подобныхъ странахъ капиталы могутъ оказать могущественное вліяніе на благосостояніе народнаго хозяйства содѣйствуя развитію вспомогательныхъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ, устройству путей сообщенія, сбереженіемъ вообще труда человѣка, который конечно всегда, если только не стѣсненъ для него выборъ занятій, не затруднится найти себѣ полезное употребленіе. Наконецъ, и это также предметъ, заслуживающій вниманія: земледѣльческій кредитъ можетъ открыть мелкимъ землевладѣльцамъ и крестьянамъ пути для облегченія лежащихъ на нихъ разнаго рода повинностей и для выкупа изъ разнаго рода стѣснительныхъ для народнаго хозяйства отношеній, въ которыя поставили ихъ историческія и мѣстные условія развитія государственной жизни.»

Эта послѣдняя, скромно нами выставленная, точка въ выгодахъ поземельнаго кредита разрослась съ того времени въ великое событіе, обнявшее всѣ думы нашего отечества. Теперь необходимость освобожденія земледѣльческаго труда и необходи-

(*) См. «Журналъ Мин. Еказ. Имущ.» 1856 г. (статья О поземельномъ кредитѣ, перепечатанная въ журналѣ «Семское Благоустройство» 1856 г. № 1).

мость кредита для упрочения благосостояния нашего крестьянина, т. е. постепенного перерождения его из служителя земли в хозяина земли, — очевидны для каждого мыслящего человека. Организация поземельного кредита, в той или другой форме, сделалась одною из настоятельнѣйшихъ государственныхъ потребностей. Безъ всякаго сомнѣнія эта организация должна обусловиться мѣстными потребностями и характеромъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній; но въ основаніе ея должны лечь тѣ же всемірные условія кредита, которые обнаружались въ подобныхъ же учрежденіяхъ другихъ государствъ. Потому намъ кажется полезнымъ ознакомиться съ этими учрежденіями и въ замѣчаемыхъ въ нихъ достоинствахъ и недостаткахъ почерпнуть указанія для нашихъ начинаній.

Мы намѣреваемся сдѣлать очеркъ главнѣйшихъ системъ и учрежденій поземельного кредита въ Европѣ, преимущественно обращая вниманіе на изложеніе фактовъ, а не теорій. Исходъ такого очерка будутъ нами сдѣланы нѣкоторые общіе выводы объ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ разныхъ системъ поземельного кредита; въ заключеніе мы представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о существующихъ въ Европѣ способахъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ и разныхъ системахъ ипотеки или закладнаго права, (какъ о двухъ важнѣйшихъ элементахъ поземельного кредита), и наконецъ сдѣлаемъ указанія на бывшее въ Германіи примѣненіе поземельного кредита къ выкупу крестьянскихъ земель отъ крѣпостныхъ повинностей.

I.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПОЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА.

Естественныя земледѣльческія условія поземельнаго кредита: долгосрочность, постепенное погашеніе, необходимость посредника, раздробленіе капитала, закладное право, оцѣнка. Разные роды учрежденій поземельнаго кредита.

Всякаго рода кредитъ есть *мына* (*), въ которой, съ одной стороны (завимодавцемъ, кредиторомъ) выдается какая нибудь

(*) Опредѣленіе кредита мыною, такъ упрощающее теоретическое и практическое пониманіе всѣхъ его функцій, въ первый разъ высказано нашихъ почтеннымъ экономистомъ Н. Х. Бунге, оказавшимъ столько услугъ отечественной экономической литературѣ (См. *Теорія кредита* Н. Бунге, Кіевъ, 1882 г.)

личная цѣнность — денежный, вещественный или умственный капиталъ, а съ другой стороны — таже цѣнность возвращается по истеченіи нѣкотораго времени съ вознагражденіемъ (ростомъ, процентомъ) за употребленіе цѣнности въ теченіе этого времени, или съ другой стороны (засмщикомъ, должникомъ, дебиторомъ) дается обладателю возратить эту цѣнность, съ уплатою условленнаго вознагражденія. Лишеніе капитала, съ одной стороны, и пользованіе имъ, съ другой — есть экономическое основаніе роста или процента; онъ есть необходимое послѣдствіе права собственности.

Это пользованіе или употребленіе капитала для усиленія промышленной, производящей дѣятельности должника, рассматриваемое съ строго экономической точки зрѣнія, какъ единственная цѣль займа, есть также и единственное экономическое средство въ рукахъ должника къ возвращенію капитала и уплатѣ процента. Потому промышленная дѣятельность засмщиковъ и связанныя съ нею имущества служатъ гарантією займовъ и характеръ и роды ихъ опредѣляютъ характеръ и роды кредита. Такимъ образомъ кредитъ вообще раздѣляется на личный и общественный (*crédit réel et personnel*), смотря потому, преобладаетъ ли въ хозяйственномъ предпріятіи, которому онъ призванъ служить, сила имущества и вещественнаго капитала, или сила труда и умственнаго капитала. Затѣмъ изъ разныхъ родовъ промышленной дѣятельности людей возникаютъ разные роды кредита, которые имѣютъ свои особенности и требуютъ различныхъ условій въ кредитныхъ сдѣлкахъ, законахъ и учрежденіяхъ.

Поземельный кредитъ или заемъ капиталовъ для усиленія вообще разныхъ производствъ, непосредственно связанныхъ съ землею и земледѣіемъ, имѣетъ нѣкоторыя черты, особенно отличающія его отъ всѣхъ другихъ родовъ кредита; онъ очевидно возникаютъ изъ особенностей земельного капитала и земледѣлія. Въ нихъ необходимо выкинуть хотя самымъ бѣглымъ образомъ, чтобы уразумѣть услуги, оказываемыя различными учрежденіями и системами поземельнаго кредита (*).

(*) См. *Die ländliche Urproduction und der ländliche Real-Credit*, von H. Rau. Wien 1857. *Die Landwirtschaft vom Standpunkte des Volkswirthes*, von C. Freth. v. Podstatsky. Tenzern. Wien 1857. *Die Banken*, von Otto Thieckier, Lpz. 1854, (*Das Hypotheken Geschäft*). *Des institutions de credit foncier en Allemagne et en Belgique*, par Royer, Paris 1845. (*Aperçu général*). *Belauchung der Haupt-*

Мы сказали, что та или другая промышленная дѣятельность есть *цѣль* кредита, его *гарантія* и *средство* исправнаго выполненія кредитнаго обязательства. Изъ этого уже очевидно, что только то хозяйство можетъ удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ кредита, которое, съ помощью занятыхъ капиталовъ, дастъ своему хозяину болѣе дохода, чѣмъ давало бы безъ заимчиваго, на которую увеличился доходъ, должна служить на уплату процента. Только такой кредитъ представляетъ выгоды для заемщика и обезпеченіе для кредитора.

Доходы отъ земледѣлія хотя положительно возрастаютъ при обращеніи на него капиталовъ, но весьма медленно, сравнительно со всѣми прочими родами промышленности. Потому проценты, которые могутъ съ выгодой для себя платить фабрика, торговый домъ, недоступны для сельскаго хозяина. Итакъ заемъ капиталовъ для земледѣлія былъ бы невозможенъ, если бы земля не представляла болѣе прочной гарантіи, чѣмъ всякое другое имущество; цѣнность поземельной собственности, хотя медленно, но постоянно возрастаетъ отъ общихъ успѣховъ благосостоянія и увеличенія народонаселенія (каковы бы ни были неблагоприятныя свойства каждаго отдѣльнаго хозяйства), въ то время, какъ цѣнность всѣхъ прочихъ имуществъ, съ коими сопряжена промышленная дѣятельность людей, постепенно упадаетъ. Такова особенность поземельной собственности, главнаго элемента сельскаго хозяйства, позволяющая сельскому хозяину заимать капиталы за сравнительно низкіе проценты. Но это значеніе поземельная собственность приобретаетъ только въ весьма продолжительные періоды времени, т. е. въ такіе, въ которые сколько нибудь обнаруживаются положительные успѣхи въ народномъ благосостояніи и въ движеніи народонаселенія; въ одни лишь періоды человѣческой жизни, т. е. эпохи промышленной дѣятельности одного лица, поземельная собственность

---

grundsätze hypothecarischer Kreditinstitute, von W. Liebreich. Wien 1856. Credito fondiario (Dizionario della economia politica e del commercio così teorico come pratico. Opera originale italiana del professore Gerolamo Boccardo. Torino 1837.) Dictionnaire de l'économie politique publié par Guillaumin et Coquelin. (Crédit foncier). По мѣрѣ развитія той или другой части нашего предмета, мы будемъ указывать на сочиненія, преимущественно бывшія у насъ въ виду и спеціально относящіяся къ тому или другому вопросу. Не помалу литературу поземельнаго кредита, чрезвычайно обширную, мы представимъ въ особомъ приложеніи; этихъ мы надѣемся оказать пособіе для изслѣдованій, подобныхъ нашему и безъ сомнѣнія болѣе совершенныхъ, чѣмъ наша попытка.

можетъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ упасть въ цѣнности. Та или другая система земледѣлія можетъ улучшать или истощать почву, уменьшать или увеличивать ея цѣнность. Чтобы для каждаго отдѣльнаго заемщика кредитъ былъ выгоденъ, необходимо, чтобы съ помощью его доходы отъ имѣнія возрастали и дали ему средство уплачивать проценты. Доходы отъ земледѣлія возрастаютъ весьма медленно. И такъ разсматриваемъ ли мы земледѣліе, какъ *цѣль и гарантію* кредитной сдѣлки; или какъ *средство* исправной уплаты процентовъ, мы останавливаемся на первомъ существенномъ условіи поземельнаго кредита—его *долгосрочности*.

На эту существенную особенность земледѣльческаго промышленнаго предпріятія и поземельнаго кредита нужно сосредоточить особенное вниманіе; она обусловливаетъ собою все развитіе поземельнаго кредита. Чтобы поземельный кредитъ имѣлъ производительное вліяніе на земледѣліе, нужно, чтобы поземельный доходъ, за исключеніемъ даже изъ него процентовъ на уплату долга, былъ выше того, который получался до займа; чтобы онъ не былъ совершенно разорителенъ, необходимо, чтобы излишекъ дохода совершенно покрывалъ проценты. Поземельный доходъ возрастаетъ или *положительно*, т. е., чрезъ улучшенія почвы, чрезъ болѣе интенсивное почво-воздѣлываніе (*amélioration du sol, Bodenverbesserungen*), такъ напр. въ Англіи дренажъ увеличилъ поземельные доходы на 15 процентовъ,—и *отрицательно*, чрезъ сбереженіе расходовъ производства или уменьшеніе стоимости произведеній, напр. чрезъ замѣну человѣческихъ рукъ машинами. Въ сельскомъ хозяйствѣ выгода приобщенія къ нему большаго капитала заключается не въ удачѣ какаго либо отдѣльнаго плана; успѣхъ промышленной дѣятельности не измѣряется здѣсь въ теченіе какого либо одного срока, но продолжается во все время, пока не останавливается обработка земли. Заемъ основанъ здѣсь не на расчетѣ какой либо промышленной операціи, но на постоянномъ возрастаніи поземельнаго дохода.

Такимъ образомъ для правильнаго развитія въ какой либо странѣ поземельнаго кредита необходимо, съ одной стороны, чтобы сельское хозяйство сдѣлало нѣкоторые успѣхи; чтобы сельскіе хозяева распорядились силами природы и человѣческаго труда сознательно, въ видахъ постоянного улучшенія производительности, а не временныхъ и случайныхъ выгодъ; чтобы при-

обрѣтенные съ помощью кредита капиталы дѣйствительно послужили въ ихъ рукахъ къ усовершенствованіямъ хозяйства, и наконецъ, чтобы общій уровень народнаго благосостоянія и народной дѣятельности позволялъ дѣлать затраты капиталовъ въ земледѣліи, ибо каковы бы ни были усилія отдѣльныхъ хозяевъ, ихъ добрыя намѣренія, при всеобщемъ промышленномъ застоѣ, могутъ обратиться въ конечное для нихъ разореніе (*). Съ другой стороны нужно, чтобы въ странѣ было уже достаточно накоплено капиталовъ, которые бы могли быть затрачиваемы на продолжительное время, съ полученіемъ умѣренныхъ процентовъ, въ видѣ постоянной ренты. Поземельный кредитъ удовлетворяетъ лишь тѣхъ капиталистовъ, которые по своему положенію могутъ довольствоваться умѣренными доходами и предпочитаютъ вѣрныя помѣщенія съ меньшими процентами значительнымъ промышленнымъ барышамъ, сопряженнымъ съ большими рисками и съ участіемъ личной дѣятельности и распорядительности. Новѣйшія учрежденія поземельнаго кредита, вынося гипотекарныя кредитныя бумаги на биржу, позволяютъ безпрестанный переходъ ихъ отъ однихъ капиталистовъ къ другимъ, смотря по обстоятельствамъ каждаго; это значительно облегчаетъ приливъ капиталовъ къ гипотечнымъ помѣщеніямъ, продолжительность которыхъ дѣлается не обязательною для каждаго отдѣльнаго капиталиста. Но во всякомъ случаѣ въ народѣ должна су-

---

(*) Изложенное нами основное положеніе поземельнаго кредита — о необходимости развитія рядомъ съ нимъ улучшеній въ земледѣліи, — не препятствуетъ однако примѣненію поземельнаго кредита къ упраздненію крѣпостнаго состоянія, хотя оно никакъ не можетъ сопровождаться немедленными агрономическими усовершенствованіями, особенно въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Освобожденіе труда земледѣльца должно непремѣнно сдѣлать землю болѣе производительною и замѣнить обязательнаго труда свободнымъ есть уже самъ по себѣ величайшее усовершенствованіе въ сельскомъ хозяйствѣ, сбереженіе экономическихъ силъ, далеко оставляющее за собою всякія иныя сбереженія силъ, какъ напр. примѣненіе къ земледѣлію машинъ и проч. Такимъ образомъ приливъ капиталовъ къ сельскому хозяйству, съ реформою въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и съ устройствомъ той или другой системы выкупа крестьянскихъ участковъ, — можетъ быть производителенъ и выгоденъ для заемщиковъ; земля можетъ вынести новыя гипотечныя повинности, упавшія на нее вслѣдствіе выдачи помѣщикамъ вознагражденія путемъ кредита и можетъ служить прочнымъ обезпеченіемъ для капиталистовъ; затѣмъ новыя капиталы въ рукахъ помѣщиковъ могутъ также съ выгодною быть затрачены въ хозяйство, которое сдѣлается болѣе производительнымъ. Думать иначе значило бы не признавать производительной силы свободнаго труда сравнительно съ принудительнымъ, что было бы противно самымъ основнымъ началамъ общественной экономіи.

ществовать извѣстная масса свободныхъ капиталовъ, не увлекаемыхъ быстрыми оборотами коммерческихъ и спекулятивныхъ предприятий, и нѣкоторое расположеніе и привычка къ сбереженію. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что ипотекарныя кредитныя бумаги не совсѣмъ поддаются биржевому обращенію, по крайней мѣрѣ не въ той мѣрѣ, какъ всякія другія кредитныя цѣнности. Конкуренція капиталовъ въ странѣ должна быть уже довольно сильна, чтобы обратить капиталы къ земледѣлію, противоудѣйствуя соблазнамъ городской промышленности и торговли, обѣщающимъ вообще болѣе высокіе проценты и въ болѣе краткіе сроки.

Безъ всякаго сомнѣнія, напоръ капиталовъ къ гипотечнымъ помѣщеніямъ можетъ иногда быть признакомъ совершенно противныхъ экономическихъ обстоятельствъ, промышленнаго застоя и отсутствія кредита въ коммерческихъ сдѣлкахъ (какъ мы и видѣли въ Россіи, когда капиталы преимущественно отдавались подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ). Но такое направленіе дѣлъ не нормально и никакъ не прочно; здѣсь собственно капиталы обращаются не къ земледѣлію, а въ тѣ помѣщенія, которыя единственно представляютъ нѣкоторое обезпеченіе, хотя это обезпеченіе въ такихъ случаяхъ чисто воображаемое, ибо земледѣліе можетъ съ пользою затрачивать капиталы лишь при общихъ успѣхахъ народнаго хозяйства и возрастаніи всѣхъ прочихъ отраслей народнаго благосостоянія. Дѣйствительно, мы хорошо знаемъ, что едва какой нибудь самый ничтожный процентъ изъ всей массы капиталовъ, переходившей въ руки нашихъ земледѣльцевъ, подъ залогъ ихъ имѣній, былъ обращаемъ ими на хозяйственныя улучшенія. Такое положеніе вещей не даетъ никакой прочности поземельному кредиту, здоровое развитіе котораго идетъ параллельно съ возрастаніемъ поземельнаго дохода. Периодическій приливъ капиталовъ къ земледѣлію подъ влияніемъ болѣе или менѣе благоприятныхъ обстоятельствъ народнаго хозяйства можно прослѣдить исторически. Такъ напр. въ Пруссіи послѣ 7-лѣтней войны, Фридрихъ II открылъ поземельной собственности значительный кредитъ изъ государственныхъ источниковъ; за этимъ послѣдовала эпоха мира, въ теченіи которой не слышно было никакихъ жалобъ на недостатокъ кредита для земледѣлія. Послѣ тревожной эпохи Наполеоновскихъ войнъ, въ 1815 г., поземельный кредитъ совершенно ослабъ; самымъ настоятельнымъ

нуждамъ оказаны были пособія со стороны правительства ссудами и основаніемъ кредитныхъ учреждений. Въ 1835 — 1845, въ періодъ мира Европы, капиталы со всѣхъ сторонъ приливали въ Пруссію къ земледѣлію; съ послѣдующими революціонными годами поземельный кредитъ опять упалъ (*).

Послѣ долгосрочности поземельнаго кредита, въ немъ есть еще одна особенность, не менѣе существенная и также истекающая изъ самаго характера земледѣльческой промышленности. Мы говоримъ о необходимости возвращать занятыя капиталы не разомъ, а *постепенными, ежегодными погашеніями*.

Всякаго рода серьезныя усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ и сопряженные съ ними затраты капиталовъ таковы, что затраченные капиталы, такъ сказать, сростаются съ землею или по крайней мѣрѣ съ хозяйствомъ, составляютъ одну съ нею единицу и не только долго, но *никогда* не могутъ быть отдѣлены отъ нихъ или реализованы безъ совершеннаго, кореннаго разстройства хозяйства и разрушенія цѣнности всѣхъ составныхъ его частей. Таковы очевидно всѣ улучшенія почвы, но таковы также и всѣ затраты въ *пущество, собственно оборотное, сельскаго хозяйства*.

Произведенія, изготовленные для продажи, цѣнности быстро реализуемы, однимъ словомъ *товары* составляютъ весьма ничтожную долю въ правильномъ сельскомъ хозяйствѣ; они являются только какъ весьма позднее послѣдствіе огромныхъ затратъ капиталовъ и выражаютъ собою только проценты или дивиденды на нихъ. Дѣйствительное улучшеніе въ земледѣліи представляется обыкновенно только въ видѣ увеличенія количества продуктовъ, расходы на производство которыхъ сдѣланы по крайней мѣрѣ за годъ впередъ; и непрерывность сельскохозяйственныхъ операций требуетъ, чтобы капиталъ, затраченный въ одномъ году, былъ также затраченъ и въ слѣдующемъ, такъ чтобы въ землѣ всегда готовилась жатва, равная жатвѣ уже убранный. Такимъ образомъ здѣсь обращаются уже два капитала. Правда, что и для мануфактурной промышленности нужно два капитала: одинъ въ магазинахъ, другой въ дѣйствиіи. Но всѣ продукты мануфактуры могутъ быть тотчасъ проданы, и въ теченіе одного года возобновляютъ оборотный капиталъ для будущаго года, кромѣ случаевъ коммерческихъ кризисовъ.

(*) H. Rau. Die ländliche Urproduction, etc. p. 85.

Не таково положеніе правильнаго сельскаго хозяйства. Всякаго рода продукты земледѣлія не только не могутъ быть свезены на рынокъ въ нынѣшнемъ году, чтобы возвратитъ оборотный капиталъ для будущаго года, но они должны быть потреблены на мѣстѣ, въ кормъ скоту, который можетъ быть проданъ только черезъ три, четыре, а иногда семь и восемь лѣтъ; въ теченіе всего этого времени скотъ не только не дастъ денегъ для оборотовъ, но значительно увеличитъ размѣръ обыкновенныхъ или текущихъ расходовъ, и именно: суммою на покупку скота, возведеніемъ новыхъ для него строеній, увеличеніемъ прислуги для присмотра за скотомъ и проч. Какъ собственно всякое новое улучшеніе въ земледѣліи обнаруживается возрастаніемъ массы кормовыхъ продуктовъ, то просвѣщенный хозяинъ, вмѣсто вывѣсобожденія или реализаціи капитала, затраченнаго имъ на улучшенія, долженъ постоянно поддерживать и питать его новыми затратами.

Для объясненія этихъ разсужденій представимъ примѣръ, заимствованный нами у Ройе (*).

Предположимъ, что 1,000 фр. употреблены на обработку земли подъ кормовыя растенія, одинъ изъ самыхъ простыхъ способовъ хозяйственныхъ улучшеній: эта затрата можетъ дать 1,100 фр., которые выручатся продажею скота, потребившаго кормъ, не считая цѣнности полученнаго сверхъ того удобренія. Такая операція безъ сомнѣнія выгодна. Но въ то время, какъ убираются и потребляются эти 1,100 фр. кормовыхъ запасовъ, хозяинъ долженъ сдѣлать точно такіе же расходы на землю для будущаго года, и хотя будущій урожай принесетъ вѣроятно тѣ же 1,100 фр. (кромя удобренія) у него въ магазинъ капитала только на 1,100 фр., а затрачено 2,000. По приблизительному расчету онъ долженъ будетъ по количеству заготовленнаго корма (на 1,100 фр.) закупить скота на 1,500 фр. Если этотъ скотъ будетъ откармливаться на убой, то всего потребуется затраты на хозяйство 3,600 фр. (2,000 фр. на обработку земли на два года, 1,500 на покупку скота и 100 на присмотръ за скотомъ). Предполагается, что строенія необходимыя для скота уже были. Но если скотъ разводится для продажи на племя, что обыкновенно бываетъ, то расходы значительно возрастутъ, — и именно до 6,300 фр. (возведеніе особыхъ строеній 1,500, кормъ в те-

(*) Royer. *Des institutions de crédit foncier*. p. 24.

чение 4 лѣтъ 4,400 и на присмотръ 400). Къ этому (до окончательнаго срока выручки денегъ чрезъ продажу скота) нужно прибавить 1,000 фр. кормовъ въ землѣ и 1,000 въ магазинѣ. Итакъ всего потребуется 8,300 фр., въ $8\frac{1}{3}$ разъ болѣе, чѣмъ бы могло казаться съ перваго взгляда.

Если бы вмѣсто 8,306 фр. сельскій хозяинъ имѣлъ только 6 или 7,000, то ему пришлось бы продавать не во-время и тѣмъ рисковать потерять всю свою прибыль и можетъ быть даже часть капитала, что весьма часто случается.

Но и въ теченіи четырехъ лѣтъ, необходимыхъ для изложенной нами операціи, хозяинъ не можетъ выручить всего затраченнаго имъ капитала и сполна его возвратить. И послѣ этихъ четырехъ лѣтъ онъ везетъ на рынокъ только продукты одного года, а не четырехъ, ибо его хозяйство требуетъ количества скота, постоянно соответствующаго размѣрамъ задуманной имъ обработки земли. Потому онъ можетъ продать только четверть приплода купленнаго имъ скота, и если онъ получитъ за нее 1,500 фр., то можетъ быть очень доволенъ. Изъ 1,500 фр. вычтемъ 1,000 фр. на уплату затратъ на земледѣліе и 100 фр. на присмотръ за скотомъ, останется свободныхъ 400 фр. на проценты и погашеніе по первоначальному капиталу на постройку и покупку скота. — 400 фр. составляютъ цифру недостаточную для покрытія процента и погашенія капитала, разсроченнаго на долгій срокъ; — очевидно, что безъ какого либо посредника, который бы взялъ на себя обезпеченіе долга, заключеннаго сельскимъ хозяиномъ, и получая отъ него ежегодно небольшія доли капитала (*annuités*) накапливалъ ихъ съ помощью *сложныхъ процентовъ*, сельскій хозяинъ не могъ бы возвратить занятый капиталъ изъ однихъ ежегодныхъ обыкновенныхъ доходовъ своего хозяйства. (*)

Мы упомянули о сложныхъ процентахъ. — Значеніе этой самой обыкновенной банковской операціи болѣе или менѣе знакомо всѣмъ и выяснится во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, при описаніи дѣятельности различныхъ учреждений поземельнаго кредита.

Но чтобы устранить съ самаго начала всякое недоумѣніе по вопросамъ столь существенно важнымъ для нашего предмета, какъ *сложные проценты*, мы теперь же скажемъ, въ чемъ заключается операція сложныхъ процентовъ для поземельнаго кре-

(*) *Royer. Des institutions de crédit foncier. p. 24—27.*

дита. Земледѣлецъ, занявъ извѣстную сумму, наприм. 10,000 р. по 5 пр. уплачиваетъ ежегодно 500 р. процентовъ и ежегодно погашаетъ самый капиталъ, положимъ, вносимъ въ счетъ погашенія еще 2^о%, 200 р. Онъ обязанъ платить ежегодно всю сумму процентовъ, 500 р., т. е. проценты со всего занятого капитала 10,000, и въ этомъ вся сущность дѣла. Но уже со второго года уплачено 200 р. с. его капитальнаго долга, значить на немъ остается въ долгу капитала не 10,000 р., а 9,800 р. Между тѣмъ онъ заплатилъ и во второмъ году 500 р. процентовъ, потому изъ этихъ 500 р. 10 р. могутъ идти на погашеніе, и такъ далѣе; съ каждымъ годомъ цифра капитальнаго долга будетъ уменьшаться, такъ что вмѣсто 50 лѣтъ, въ которые онъ былъ бы выплаченъ 2^о% ежегоднаго погашенія, безъ зачета въ уплату капитала излишка въ ежегодныхъ пятипроцентныхъ взносахъ, онъ выплачивается, съ этимъ зачетомъ, въ 28 лѣтъ. Можно также устроить или выразить и иначе эту операцію: доли погашенія, ежегодновзносымыя, въ свою очередь поступаютъ въ обращеніе и приносятъ проценты, капитализируемые или накапливаемые банкомъ или заимодавцемъ. Такъ за первый годъ заемщикъ внесъ 200 р. 2-хъ процентнаго погашенія, въ слѣдующемъ году эти 200 р. приносятъ въ рукахъ заимодавца или лица, котораго онъ снова ссудитъ этими 200 р., 5% или 10 р. Потому послѣдніе 10 р. должны быть также зачтены первому заемщику въ уплату его долга 10,000 р., ибо, сохранивъ ихъ у себя (т. е. предоставивъ себѣ уплату всей капитальной суммы разомъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ) онъ могъ бы или самъ употребить ихъ производительнымъ образомъ, или отдать въ ссуду по 5%. Такъ ежегодно возрастаетъ цифра уплачиваемаго имъ погашенія, или, что тоже, прогрессивно уменьшается его долгъ; въ третій годъ внесенные имъ за первый годъ 200 р. и 10 р., накопившихся на нихъ во второмъ году процентовъ, составляютъ уже съ накопившимися на 210 р. 5 процентами всего 220 р. 50 к. и т. д. Послѣднее наше объясненіе ближе подходитъ подъ названіе *сложныхъ процентовъ*, присвоенное этой операціи.

И такъ кромѣ *долгосрочности* поземельнаго кредита, съ нимъ должно быть ещесоединено *постепенное погашеніе* капитала, чрезвычайно облегчаемое операціею *сложныхъ процентовъ*, вмѣсто уплаты всего долга разомъ, какъ бываетъ въ другихъ кредитныхъ сдѣлкахъ. Это условіе одинаково необходимо для всякаго рода

сельскаго хозяйства, хотя бы оно находилось и въ иныхъ обсто-
 ятельствахъ, нежели тѣ, которыя сопровождаютъ ваятый нами
 примѣръ земледѣльческихъ улучшеній, связанныхъ съ болѣе
 усиленною обработкою почвы подъ кормовыя растенія и со око-
 товодствомъ. Всякій капиталъ, приложенный къ земледѣлю для
 усиленія его производства, обращается въ цѣнности или недви-
 жимыя въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. заключающіяся въ улуч-
 шеніи самой почвы земли, и въ хозяйственныхъ строеніяхъ и тех-
 ническихъ сооруженіяхъ, или въ цѣнности хотя и движимыя,
 какъ напр. скотъ, но непосредственно, органически. (въ экономи-
 ческомъ смыслѣ) связанныя съ недвижимымъ имуществомъ. Такія
 движимыя цѣнности въ сельскомъ хозяйствѣ не могутъ быть по
 произволу разлучаемы съ землею и тою хозяйственною едини-
 цей (имѣніемъ), для которой разъ приобретены или произведе-
 ны, т. е., не могутъ быть съ строго экономической точки зрѣ-
 нія, а если и разлучаются (что физически всегда возможно), то
 теряютъ свою цѣну или совершенно измѣняютъ цѣну земли и
 всего имѣнія. На фабрикѣ огромные капиталы затрачиваются въ
 цѣнности (сырые матеріалы, товары въ магазинахъ, разнаго ро-
 да предметы, служашіе для выдѣлки фабрикантовъ), быстро реал-
 изуемыя или обращаемыя въ деньги. Въ торговлѣ обороты ка-
 питаловъ идутъ еще быстрѣе. Въ сельскомъ хозяйствѣ все иму-
 щество недвижимое и движимое составляетъ одно *недвижимое*
цѣлое, которое можетъ постоянно возрастать въ цѣнности и въ
 доходѣ, но котораго ни одна существенная часть не можетъ быть
 отдѣлена, безъ существеннаго измѣненія характера цѣлаго; всѣ
 хозяйственныя операціи составляютъ здѣсь одну непрерывную
 нить, которой одно звено органически связано съ другимъ. —
 Живыя рабочія силы, или человекъ, — самый подвижный эле-
 ментъ всякаго промышленнаго предпріятія, и между тѣмъ онъ
 самъ сростается съ землею и только въ видѣ исключенія (наши
 косцы въ южныхъ губерніяхъ) переносится съ одного хозяйства
 къ другому; число работниковъ въ сельскомъ хозяйствѣ не за-
 виситъ отъ воли хозяина, какъ въ фабричномъ дѣлѣ: оно медлен-
 но творится временемъ, воспитывается столѣтіями и самыми
 упорными и продолжительными усиліями землевладельца прив-
 лекается къ его имѣнію и отвлекается отъ него. Продажа всего
 имѣнія или нѣкоторыхъ болѣе независимыхъ его частей, для удо-
 влетворенія кредиторовъ, есть одно изъ самыхъ печальныхъ по-
 слѣдствій займовъ подъ залогъ земли. Если вообще продолжи-

тельность и даже наследственность владѣнія признаются весьма благопріятными для всякаго промышленнаго имущества, то въ поземельномъ они составляютъ не только экономическое, но нравственное благо для всей страны. Частые переходы поземельныхъ владѣній изъ рукъ въ руки сокрушительны для сельскаго хозяйства и сельскаго населенія. Безъ сомнѣнія и въ сельскомъ быту являются быстрыя торговыя и спекулятивныя операціи (напр. торговля хлѣбомъ), но онѣ или составляютъ весьма ничтожную часть дѣятельности хозяина, или уже выходятъ изъ области собственно землѣдельческой, и соединены съ нею только въ лицѣ хозяина.

Изъ двухъ главныхъ условій поземельнаго кредита—*долгосрочности и постепеннаго погашенія* капитальной суммы, истекаютъ и другія условія прочнаго его развитія и практическаго вспоминія. Продолжительность займовъ—30, 40, 50 лѣтъ и болѣе—превосходитъ вѣроятные размѣры рабочей поры человѣческой жизни; это пространство времени во всякомъ случаѣ далеко выходитъ за предѣлы экономическихъ соображеній и исчисленій одного человѣка, потому и заемщика и капиталиста. Для такихъ продолжительныхъ сроковъ кредита нуженъ посредникъ—какоенибудь юридическое лицо, товарищество, банкъ, правительство, —которое бы могло задумать дѣло не на одну человѣческую жизнь, а вести его и гораздо долѣе потомъ завершить. Только такой посредникъ, существованіе котораго далеко превосходитъ продолжительность дѣятельности одного человѣка, можетъ представлять двоявое гарантію для частнаго лица, какъ заемщика, такъ и капиталиста, первому обезпечивая продолжительность пользованія кредитомъ, не только для него самого, но и для его наследниковъ или вообще преемниковъ владѣнія, а второму обезпечивая исправность уплаты процентовъ и капитала. Въ этомъ заключается особенность посредника въ поземельномъ кредитѣ, кромѣ всѣхъ другихъ свойствъ общихъ ему, столько же какъ и всякимъ другимъ банкамъ, коммерческимъ и промышленнымъ; сосредоточеніе къ одному центру нуждающихся въ кредитѣ и предлагающихъ капиталы, застрахованіе однихъ займовъ другими, уменьшеніе чрезъ это процента или страховой преміи, постепенное собираніе мелкихъ капиталовъ и сбереженій, разсѣянныхъ въ народонаселеніи и странѣ, и образованіе изъ нихъ болѣе крупныхъ, постоянное предложеніе съ одной стороны займовъ, и съ другой стороны служить въ этихъ размѣрахъ, какие требуются каждымъ отдѣль-

нымъ лицомъ, а не по случайнымъ обстоятельствамъ капиталиста или заемщика, наконецъ безпрестанный замѣнъ однихъ кредиторовъ другими, чрезъ публичное обращеніе долговыхъ бумагъ посредника или банка и продажу ихъ на биржѣ.

Послѣднее обстоятельство пріобрѣтаетъ особенную важность для поземельнаго кредита. Постепенное погашеніе капитала ежегодными взносами не можетъ удовлетворить никакого частнаго капиталиста; операція сложныхъ процентовъ, совершенно простая въ теоріи, совершенно немыслима въ практикѣ для каждаго отдѣльнаго лица, которое не можетъ постоянно и правильно пускать въ оборотъ изъ процентовъ каждую долю ежегодно выплачиваемаго ему капитала. Операція сложныхъ процентовъ, исчисленная съ математическою точностью и предполагающая вступленіе каждой копѣйки капитала, возвратившейся въ карманъ заимодавца, въ новый оборотъ съ самой минуты возврата, — совершенно не доступна для каждаго отдѣльнаго капиталиста, была бы совершенною для него химерою. При томъ же 10,000 руб. въ одной суммѣ и 28 разъ 200 руб. или 200 руб., уплачиваемые каждый годъ въ теченіе 28 лѣтъ, не одно и тоже: съ 200 руб. нельзя предпринять никакого серьезнаго оборота, потому и повѣстно, что каждый капиталистъ отдаетъ деньги въ ссуду съ разсрочкою капитала всегда за высшіе проценты, чѣмъ безъ разсрочки. Кредитное учрежденіе постоянно собираетъ эти долги въ одну массу и изъ нея постоянно выдаетъ новыя ссуды всякихъ величинъ и во всякое время. Въ его кассѣ исчезаетъ всякое различіе малыхъ и большихъ суммъ; капиталы непрерывно раздробляются въ мелкія единицы и соединяются въ крупныя. Затѣмъ каждый отдѣльный капиталистъ или кредиторъ, доверившій свои деньги кредитному учрежденію или при посредствѣ его отдавшій ихъ въ ссуду, можетъ во всякое время получить обратно весь свой капиталъ продажою выданнаго ему долговаго обязательства не отъ имени какого нибудь частнаго лица, извѣстнаго только въ одномъ кругу людей, а съ поруचितельствомъ учрежденія, извѣстнаго публикѣ, всей странѣ. Также кредитное обязательство уже не частная долговая бумага или вексель, а публичный кредитный знакъ, имѣющій публичную цѣнность и публичное обращеніе. Такимъ образомъ отдача капиталовъ подъ залогъ недвижимой собственности, хотя бы съ разсрочкою долга на 100 лѣтъ, дѣлается доступною для средствъ и обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго лица; вступаютъ въ кре-

личный договоръ не тѣ или другіе люди, по индивидуальности своихъ житейскихъ обстоятельствъ никогда не могущіе (имѣть бы ни были жолтезальны ихъ богатства) связать себя и свои матеріальныя средства на многія десятки лѣтъ, а тѣ или другіе капиталы, всегда находящіеся въ обращеніи; затрачиваются въ недвижимую собственность не имущества отдельныхъ людей, а такіе частіями народнаго капитала, которые накаплиются постепенными сбереженіями народа; безпрестанно, смотря по надобности, являются тамъ имущества то одного лица, то другого и не увлечаются въ болѣе прибыльныя и болѣе рискованныя операціи движимаго кредита; это условіе закона единки кредиторамъ другими необходимо для поземельнаго кредита.

Такіе капиталы, готовые въ довременному или даже вѣчному затратамъ на улучшеніе земледѣльческаго фонда страны и народа, служащаго однимъ изъ самыхъ основныхъ источниковъ всѣхъ отраслей производительности и обогащающаго не одну поколѣніе людей, а цѣлый рядъ поколѣній; всегда существуютъ въ каждой странѣ, но въ весьма различномъ количествѣ. Это количество находится въ прямой зависимости отъ степени развитія благосостоянія нравственнаго и матеріальнаго, отъ довѣрія народа въ свое будущее и отъ обезпеченій государственныхъ и гражданскихъ, отражающихъ неприкосновенность частной и общественной собственности. Но во всякомъ случаѣ подобныя капиталы разбѣяны и заключаются болѣею частію въ весьма мелкихъ суммахъ, принадлежащихъ разнымъ лицамъ. Каждый владеющій капиталомъ и не пользующійся имъ для собственнаго промышленнаго предпріятія предпочитаетъ раздѣлѣть его на нѣсколько частей, которыя бы обращались въ нѣсколькихъ родахъ предпріятій, съ различными и даже иногда противоположными планами успѣха и съ различными условіями кредита; такимъ образомъ одна часть капитала и одинъ источникъ дохода востраивается другою. Одна часть капитала можетъ быть обращена въ цѣлостіи съ большимъ рискомъ, но и съ большими прибылями, другая—съ малымъ рискомъ, но и съ малыми прибылями; одна можетъ быть затрачена на краткіе сроки, другая на долгіе. Отсюда значительное облегченіе для поземельнаго кредита, когда его долгица обязательства раздроблены на малыя суммы, которыя легко распределяются между капиталистами и находять для себя быстрое обращеніе въ публичнѣ.

Но каково бы ни было обилие капиталовъ, каковъ бы ни былъ посредникъ поземельнаго кредита, какъ бы ни было искусно придумана организація кредитнаго учрежденія и облегчено обращеніе поземельныхъ долговыхъ обязательствъ, основное, первоначальное обезпеченіе поземельнаго кредита зиждется на землѣ, на цѣнности земельного участка и всего принадлежащаго ему хозяйственнаго обзаведенія, владѣлецъ конхъ воспользовался кредитомъ. *Послѣдствіе этого обезпеченія*, безъ котораго поземельный кредитъ не мыслимъ, есть *запрещеніе*, — закладное право, ипотека, лежащее на имѣніи и равняющееся цѣрѣ заключеннаго закладомъ должникомъ долга или непогашенной его части. Это запрещеніе представляетъ собою ту часть цѣнности имѣнія, которая до полнаго погашенія долга не есть собственность его владѣльца, а собственность кредитора или посредника кредита, такъ сказать отданная владѣльцу имѣнія въ пользованіе за условленные проценты, до срока очищенія его долга, послѣ котораго она снова поступаетъ въ полную его собственность. Въ этомъ заключается сущность закладнаго или гипотечнаго права. Какъ необходимое его послѣдствіе есть *преимуществонное* право кредитора или его посредника на ту часть цѣнности имѣнія, которая выражаетъ сумму сдѣланной имъ и не возвращенной ему ссуды, съ исключеніемъ изъ этого права всякихъ другихъ кредиторовъ владѣльца имѣнія, имѣющихъ на него какія либо нныя претензіи. Имѣніе стоитъ 10,000 р. оно заложено въ 7,000 руб. изъ которыхъ 1,000 р. уже очищены; 6,000 р. въ 10,000 р. составляютъ неотъемлемую собственность кредитора и никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ миновать его рукъ.

Законы, опредѣляющіе и ограждающіе права кредиторовъ на недвижимыя имущества, обезпечивающіе ихъ суды, и государственныя учрежденія и судебныя формы, содѣйствующія къ удовлетворенію этимъ правамъ и ко взысканію долга съ имѣнія, въ случаѣ неисправности должника, однимъ словомъ — *правильная ипотечная система* или кругъ постановленій по закладному праву, составляютъ необходимую принадлежность поземельнаго кредита. Здѣсь сталкиваются гражданскіе законы и учрежденія государства съ обстоятельствами его народнаго хозяйства, юридическая наука съ экономическою; въ этомъ столкновеніи было всегда одно изъ важныхъ затрудненій для развитія поземельнаго кредита. Въ той многочисленной группѣ людей, съ которыми экономическая наука жила до сихъ поръ не въ ладахъ, нахо-

дятся и юристы; мы вообще слишкомъ далеки отъ мысли складывать всю вину распрей на недоброжелателей политической экономіи, безъ сомнѣнія и наша наука не свободна отъ упрека. Но дѣло въ томъ, что въ гипотечномъ правѣ, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ, законодательство едва ли не всѣхъ государствъ далеко отстало отъ современныхъ требованій дѣйствительной жизни, со всѣхъ сторонъ проникнутой промышленными стремленіями. Закладное право и вся связанная съ нимъ полицейская, административная и судебная процедура долго оставались подъ вліяніемъ предрасудковъ, преданій и формъ стараго времени, отживающихъ свой вѣкъ и оцупавшихъ поземельную собственность. Колоссальные капиталы въ движимыхъ цѣнностяхъ обращаются посредствомъ продажи, покупки и залога, совершающихся въ самыхъ простыхъ формахъ и требующихъ нѣсколько минутъ времени; переходъ отъ одного владѣльца къ другому самыхъ ничтожныхъ капиталовъ въ недвижимыхъ имуществѣхъ сопровождается чрезвычайными проволочками и нескончаемыми формальностями закона и суда. Въ послѣднее время юристы серьезно принялись за изученіе политической экономіи, неожиданно выросшей за нихъ плечами, и можно назвать нѣсколько сочиній, недавно появившихся и предвѣщающихъ болѣе дружную дѣятельность двухъ важнѣйшихъ отраслей общественныхъ наукъ (*). Мы никогда не помышляли считать непогрѣшимыми результаты экономической науки, и настоящее положеніе многихъ ея вопросовъ далеко не соответствуетъ самымъ законнымъ и естественнымъ нашимъ ожиданіямъ; отъ соприкосновенія экономистовъ со всѣми прочими отправлениями общественнаго организма, нравственными и историческими, несомнѣнно обуславливающими собою развитіе экономическаго самосознанія, экономисты много выиграютъ. Какъ бы то ни было, громадное развитіе кредита въ Европѣ вызвало ко многимъ преобразованіямъ и гипотечную систему, преимущественно въ видахъ ускоренія производства взысканій по закладнымъ. На этомъ пути предстоитъ много улучшеній и для нашего отечества, если только недвижимая собственность не номинально, а дѣйствительно должна служить обезпеченіемъ лежащихъ на ней долговъ.

Необходимымъ основаніемъ ипотеки служить правильная оцѣнка недвижимаго имущества. Чтобы въ цѣнности имущества

(*) Мы можемъ между прочимъ указать на неоконченный еще трудъ: *Nationaleconomie und Jurisprudenz von Dankwardt. Rostock. 1838 г.*

дѣйствительно заключалась цѣнность лежащаго на немъ долга, необходимо, чтобы сумма его никакъ не превышала той цѣнности, которую имущество можетъ сохранить независимо отъ какихъ вѣроятныхъ случайностей возвышенія и паденія рыночныхъ цѣнъ на разные предметы. Затѣмъ не только внутренняя или настоящая цѣнность самого имѣнія подлежитъ оцѣнкѣ, но и самая система хозяйства, которая въ немъ дѣйствуетъ и которая можетъ значительно измѣнить къ лучшему и къ худшему цѣнность имѣнія. Наконецъ должны быть опредѣлены размѣры излишка въ цѣнѣ имѣнія, который оставляется на всѣ непредвидѣнные для долгихъ сроковъ случайности пониженія цѣны и который долженъ всегда быть сверхъ суммы кредита, получаемого вкладчикомъ имѣнія. Могутъ быть различныя болѣе или менѣе точныя и удобопримѣнимыя въ практикѣ системы оцѣнки недвижимыхъ имуществъ; повсемѣстная кадастрація недвижимыхъ имуществъ, постоянно исправляемая, есть безъ сомнѣнія идеаль оцѣнка. Но полный кадастръ, по чрезвычайнымъ своимъ трудностямъ и расходамъ, недоступенъ для всякой мѣстности, и потому при различныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ на землю могутъ быть принимаемы различныя, болѣе или менѣе приблизительно вѣрныя способы оцѣнки. Во всякомъ случаѣ та или другая система оцѣнокъ должна служить основаніемъ операцій для всякаго учрежденія поземельнаго кредита.

Мы исчерпали главные основанія поземельнаго кредита. Подробности ихъ практическаго примѣненія сами собою объясняются въ описаніи отдѣльныхъ кредитныхъ учреждений. Повторимъ здѣсь эти основанія, которые должны быть постоянно въ виду при сужденіи о всякой системѣ и о всякомъ предначертаніи поземельнаго кредита:

- 1) Долгосрочность займовъ.
- 2) Постепенное погашеніе капитала.
- 3) Организація кредитнаго учрежденія, служащаго посредникомъ займовъ и ссудъ.
- 4) Публичное обращеніе кредитныхъ обязательствъ или заковъ.
- 5) Система закладнаго или гипотечнаго права и связанная съ нимъ процедура взысканія долговъ.
- 6) Оцѣнка имѣній.

Развитіе этихъ основаній поземельнаго кредита обусловлено безконечно разнообразными и многочисленными обстоятельства-

ны политической и общественной жизни, историческими эпохами и событіями и всѣмъ характеромъ страны и народа. Входить въ разсмотрѣніе этихъ условій было бы здѣсь не мѣсто; достаточно сказать, — и это очевидно для всякаго, что нѣкоторая зрѣлость страны и народа необходима для прочнаго развитія благоприятныхъ условій поземельнаго кредита. Поземельная собственность была издавна, даже у древнихъ народовъ, отягощена долгами; но правильная организація поземельнаго кредита возникла весьма поздно, и была всюду опережена коммерческимъ и промышленнымъ кредитомъ, который не захватываетъ собою всѣхъ слоевъ народонаселенія и вращается въ болѣе образованныхъ (въ промышленномъ отношеніи) сферахъ. Впрочемъ отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы страны вообще менѣе затронутыя движеніемъ образованнаго міра не могли воспользоваться опытомъ болѣе зрѣлыхъ народностей; мы не обязаны ожидать введенія у насъ желѣзныхъ дорогъ столько же времени, сколько протекло въ Западной Европѣ между ними и устройствомъ шоссе. Точно также мы можемъ приравнять къ нашимъ обстоятельствамъ и усовершенствованіямъ въ области кредита и народнаго хозяйства. Великія открытія и изобрѣтенія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности возникаютъ на почвѣ подготовленной, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но разъ возникшія, онѣ не чужды и всякой другой почвѣ. Умъ человѣческій, точно также какъ и цѣлое общество, пробѣгаетъ скорѣе пространства мысли и дѣла, пройденныя уже другими умами и обществами; иначе успѣхи образованности были бы непомерно трудны для народовъ. Они и не легки; и внезапное приобщеніе вновь пришедшаго къ печали, радости и труду, давно зачавшіяся прежде его прихода, невозможно; удобство приобщенія и заимствованія имѣетъ свои границы, которыя не преступить — сверхъ силъ человѣческихъ.

Задача всякой системы и всякаго учрежденія поземельнаго кредита возможно болѣе удовлетворить всѣмъ изложеннымъ общимъ основаніямъ и согласовать ихъ въ своей организаціи и своихъ операціяхъ съ данными условіями страны и времени. Мы увидимъ ниже, въ какой степени разрѣшаютъ эту задачу различныя кредитныя учрежденія, существующія въ Европѣ. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ ихъ описанію, мы должны различить въ нихъ нѣсколько категорій.

Всѣ учрежденія поземельнаго кредита могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи: *первая*, въ которой преобладаетъ *вещь*—

ственный кредит (*Realcredit, crédit réel*), и вторая — въ которой преобладает личный кредит. Перваго рода учрежденія составляютъ въ собственномъ смыслѣ слова *поземельный* кредитъ, или *ипотечный*, основанный на обезпеченіи поземельною или недвижимою собственностью, на *закладъ* или *ипотеку* земли, и имѣющій въ виду облегченіе существенныхъ улучшеній земли и земледѣлія. Втораго рода учрежденія содѣйствуютъ нѣкоторымъ текущимъ оборотамъ земледѣльческой дѣятельности и связанныхъ съ нею промысловъ и основаны на личномъ довѣріи къ земледѣльцамъ и сельскимъ хозяевамъ; какъ истинные успѣхи земледѣлія заключаются въ постепенныхъ и весьма продолжительныхъ улучшеніяхъ самой почвы, то кредитъ послѣдняго рода относится собственно къ мелкимъ хозяйствамъ и преимущественно къ земледѣльцамъ, а не землевладѣльцамъ, облегчая ихъ временныя нужды. Къ такимъ кредитнымъ учрежденіямъ можно отнести наши *вспомогательныя кассы* и *мірскіе капиталы* у государственныхъ крестьянъ (*).

Такія кредитныя учрежденія скорѣе промышленныя, нежели поземельныя, ибо онѣ имѣютъ дѣло съ промышленною дѣятельностью земледѣльцевъ, а не съ землею ихъ. Французы различаютъ эти двѣ категоріи кредита названіями: *crédit foncier ou hypothécaire*, кредитъ поземельный или ипотечный и *crédit agricole*, кредитъ земледѣльческій.

Настѣ занимаютъ кредитныя учрежденія первой категоріи, которой мы и будемъ исключительно присвоивать названіе *поземельнаго кредита*.

Эта категорія, смотря потому, берутъ ли на себя посредничество въ кредитѣ сами землевладѣльцы (заемщики) или капиталисты (кредиторы) и потому преобладаетъ ли въ дѣлахъ учрежденія интересъ первыхъ или вторыхъ, можетъ быть раздѣлена на двѣ главные группы (**).

I. Кредитныя учрежденія, состоящія изъ товарищества землевладѣльцевъ извѣстной мѣстности, которые соединились между собою, чтобы взаимнымъ круговымъ ручательствомъ представить болѣе обезпеченія для капиталистовъ и облегчить займы

(*) См. «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1858 г. статьи г. Раева: Сельскіе банки (кн. II) и Мірскіе капиталы (кн. VI).

(**) *Royer. Des institutions etc. p. 4. Jousseau, des institutions du crédit foncier et agricole dans les divers états de l'Europe. Paris. 1851 p. IX и X H. Rau Die ländliche Urproduktion etc., p. 56.*

для своихъ членовъ. Это скорѣе агентства для займовъ и ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности, нежели банки въ собственномъ смыслѣ слова, ибо подобныя учрежденія не выпускаютъ циркуляціонныхъ билетовъ какъ банки, а только векселя, или закладныя обязательства или листы (*Pfandbriefe*) на заложенные имъ имѣнія; эти закладные листы только тѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ закладныхъ частныхъ документовъ, что въ исправности платежа по первымъ отвѣтствуетъ не одинъ землевладѣлецъ—заемщикъ (какъ по вторымъ), а цѣлая ассоціація землевладѣльцевъ, которая уже сама рассчитывается съ каждымъ отдѣльнымъ заемщикомъ. Эти закладные листы приносятъ ихъ владѣльцамъ проценты (3, 3½, до 4), поступаютъ въ публичное обращеніе, обмѣниваются (покупаются и продаются) на ходячую монету и по мѣрѣ поступления въ кассу товарищества погасительныхъ процентовъ отъ заемщиковъ, постепенно выкупаются имъ и извлекаются изъ обращенія. Этого рода кредитныя учрежденія имѣютъ въ виду только обезпечить капиталистамъ исправный платежъ слѣдующихъ имъ процентовъ и періодическое погашеніе самага капитала.

Этого рода поземельныя кредитныя учрежденія возникли прежде второй группы, и потому имъ присвоивается названіе кредитныхъ учреждений *старой системы* или системы закладныхъ листовъ (*System der Pfandbriefe*) также *Landwirthschaftliche Creditvereine*, земледѣльческія кредитныя товарищества. Ихъ отечество Германія, гдѣ они весьма многочисленны и гдѣ ихъ собственно слѣдуетъ изучать. Къ этой группѣ относятся съ большими или меньшими видоизмѣненіями учрежденія поземельнаго кредита въ разныхъ провинціяхъ Пруссіи (самыя старѣйшія), въ Виртембергѣ, въ Саксоніи, въ Ганноверѣ, Гольштейнѣ и Шлезвигѣ, Мекленбургѣ, Австріи, Царствѣ Польскомъ.

Въ этой группѣ можно еще различить два рода учреждений: 1) одни выдаютъ своимъ членамъ или заемщикамъ только закладные листы, которые послѣдними пускаются въ обращеніе и обмѣниваются на чистыя деньги, т. е. служатъ только посредниками займовъ и ссудъ,—такъ дѣйствуютъ кредитныя учрежденія въ Пруссіи, Польшѣ, Галиціи. 2) Другія сами обращаются къ капиталистамъ, продаютъ имъ свои закладные листы, а заемщикамъ выдаютъ чистыя деньги, т. е. сами непосредственно производятъ займы и ссуды,—таковы учрежденія въ Виртембергѣ и Ганноверѣ.

II. Другую группу составляют кредитныя учрежденія, заключающія въ себѣ товарищество капиталистовъ, которые съ помощью складочнаго капитала или фонда, сами производятъ ссуды землевладѣльцамъ, нуждающимся въ кредитъ и представляющимъ достаточныя обезпеченія своими имѣніями, и выпускаютъ для того въ обращеніе циркуляціонные билеты. Такія кредитныя учрежденія носятъ названіе поземельныхъ банковъ, ибо ихъ операціи сходны съ операціями всѣхъ другихъ банковъ. Землевладѣльцы или заемщики не находятся здѣсь ни въ какой связи и дѣйствуютъ каждый отдѣльно. Сюда относятся банки поземельнаго кредита во Франціи, Бельгіи и Баваріи.

Каждый родъ поземельныхъ кредитныхъ учрежденій имѣетъ свои достоинства и недостатки и во всякомъ случаѣ особенности, соответствующія тѣмъ или другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Чтобы ознакомить читателей съ каждымъ родомъ учрежденій, мы подробно опишемъ устройство нѣкоторыхъ изъ нихъ, могущихъ служить образцомъ остальныхъ, въ которыхъ мы укажемъ лишь на особенности, заслуживающія особеннаго вниманія (*).

II.

КРЕДИТНЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ. (**)

Характеръ и общія черты этого рода учрежденій поземельнаго кредита. — Прусскіе земледѣльческіе кредитные институты. — Ихъ происхожденіе. — Ихъ общій характеръ и обстоятельства ихъ развитія: въ Силезіи, въ Бранденбургѣ, Познани, Помераніи. — Содержаніе новѣйшаго устава поземельнаго кредита въ Пруссіи (устава померанскаго общества, 1846 г.) — Статистическія свѣдѣнія объ операціяхъ всѣхъ прусскихъ кредитныхъ институтовъ. — Курсъ закладныхъ листовъ.

Мы уже сказали, что отечество этой группы учрежденій поземельнаго кредита есть Германія, и здѣсь, какъ по старшинству

(*) Въ продолженіяхъ къ нашимъ статьямъ будетъ помѣщенъ краткій перечень всѣхъ существующихъ въ Европѣ учрежденій поземельнаго кредита.

(**) Въ изложеніи устройства этой группы кредитныхъ учрежденій мы будемъ преимущественно руководствоваться классическими изслѣдованіями Роуе и Жоссо. (См. уже названныя нами сочиненія: *Royer. Des institutions de crédit foncier en Allemagne et en Belgique. Paris, 1843. Jousseau, Chonsky et Delaroy. Des institutions de crédit foncier et agricole dans les divers états de l'Europe. Paris, 1851*). Изъ нихъ первый былъ отправленъ французскимъ правитель-

происхожденія, такъ и по важности финансовыхъ обществъ, первое мѣсто занимаетъ Пруссія. Потому и займемся преимущественно прусскими товариществами для поземельнаго кредита (обыкновенно называемыхъ «*Земледѣльческими кредитными институтами*» *landwirthschaftliche Kredit Institute*).

Прежде нежели мы приступимъ къ подробному описанію устройства прусскихъ кредитныхъ институтовъ, которые будутъ служить для читателей образцемъ всѣхъ прочихъ учреждений поземельнаго кредита этой группы, мы считаемъ полезнымъ указать на ихъ главные и общія основанія въ Германіи.

Всѣ эти учрежденія суть, какъ сказано, *товарищества* землевладѣльцевъ или заемщиковъ. Заемъ чрезъ посредство товарищества есть тѣмъ самымъ актъ вступленія въ него. Въ Восточной Пруссіи принадлежность къ товариществу обязательна для всѣхъ мѣстныхъ владѣльцевъ дворянскихъ имѣній, которые такимъ образомъ всѣ члены товарищества и имѣютъ право на кредитъ въ размѣръ цѣны ихъ имѣній. Но кромѣ Восточной Пруссіи, вообще кредитныя товарищества совершенно свободныя, что признано болѣе справедливымъ и удобнымъ.

Всякій, желающій сдѣлать заемъ, долженъ представить директору товарищества выписку изъ гипотечныхъ книгъ о своемъ имѣніи, т. е. свѣдѣніе о количествѣ состоящихъ на немъ долговъ. Затѣмъ производится оцѣнка имѣнія.

Въ основаніяхъ оцѣнки существуетъ большое разнообразіе; чтобы она была возможно ближе къ дѣйствительности, для каждаго отдѣльнаго круга приняты особыя основанія, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами. Вообще устраняются отъ оцѣнки всѣ быстро измѣняющіеся элементы стоимости имѣнія: орудія, скотъ и проч. Земельныя угодья оцѣниваются выше, чѣмъ строенія.

Когда опредѣлена средняя цѣна имѣнія, землевладѣльцу открывается кредитъ, обыкновенно на половину цѣны имѣнія. Нѣкоторые товарищества стали выдавать ссуды до $\frac{3}{4}$ цѣны имѣнія.

Вообще ссуды производятся лишь по *первой ипотеке*, т. е. подъ имѣнія свободныя отъ всякихъ другихъ закладныхъ запрещеній. Если имѣніе уже было заложено, то оно не иначе прини-

---

ствомъ для наученія организаціи поземельнаго кредита въ Германіи и Бельгіи, въ 1844 г., второй — въ 1849 г. Ихъ авторитетъ въ этомъ дѣлѣ преобладающій. Когда мы будемъ дополнять ихъ свѣдѣнія другими источниками, болѣе современными, то мы будемъ дѣлать особыя указанія на эти источники.

мается въ залогъ товариществомъ, какъ по освобожденіи отъ долга, или же, по согласію кредитора, долгъ переводится на товарищество.

Заемщику выдается гипотечная облигація (*Pfandbrief*) или закладное письмо (*закладной листъ*), подписанное дирекціею, отъ имени товарищества.

Въ нѣкоторыхъ странахъ эти закладные листы могутъ быть по произволу владѣльцевъ обращаемы въ не отчуждаемыя цѣнности (посредствомъ надписи: *изъятъ изъ обращенія*). Черезъ это листы дѣлаются неприкосновенными для всякой кражи или мошенничества.

Закладные листы большею частію безыменные. Ихъ цѣна различна, отъ 20,000 до 2,000 талеровъ. Они вообще мало измѣняются въ курсѣ отъ вліянія политическихъ обстоятельствъ, и потому, при полной свободѣ биржеваго обращенія, нелегко поддаются ажіотажу.

Образъ выпуска кредитными учрежденіями закладныхъ листовъ различенъ въ разныхъ государствахъ Германіи. Какъ уже сказано нами выше, нѣкоторые товарищества сами выдаютъ свои облигаціи въ руки капиталистовъ, ввѣряющихъ имъ свои капиталы; другія ограничиваются передачею ихъ заемщиковъ, которые пускаютъ ихъ въ обращеніе и приобрѣтаютъ этимъ путемъ нужныя имъ деньги.

Въ способѣ возврата ссудъ или улаты закладныхъ долговъ принята нынѣ повсемѣстно система *постепеннаго* погашенія капитала, вмѣсто одновременнаго возврата. Заемщикъ ежегодно вноситъ извѣстные платежи, въ которыхъ заключаются проценты, опредѣленное вознагражденіе за расходы управленія и соотвѣтствующія доли капитала (отъ $\frac{1}{2}$ до 2%). Каждый можетъ также вносить какія ему угодно суммы (чистыми деньгами или облигаціями товарищества) въ счетъ будущихъ платежей. Когда четверть всего долга погашена, заемщикъ можетъ просить о снятіи запрещенія съ его иждивія на соотвѣтствующую сумму, т. е. на четверть всего долга.

Возвратъ ссудъ по закладнымъ листамъ не можетъ быть требуемъ кредиторами или владѣльцами листовъ. Опасность уплаты ссудъ по *востребованію* заставила всюду ввести это важное правило. Вообще ссуды возвращаются товариществами, или что тоже, имъ погашаются ихъ закладные листы постепеннымъ выкупомъ листовъ изъ обращенія по тиражу или по жребію ну-

меровъ, по мѣрѣ накопленія въ кассѣ погасительнаго фонда (изъ погасительныхъ процентовъ, уплачиваемыхъ заемщиками).

Обезпеченіемъ для состоятельности товарищества служатъ не только имѣнія имъ заложенные и все прочее имущество заемщиковъ, но и круговая (порука) отвѣтственность всѣхъ членовъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ гарантія правительства и мѣстныхъ сословій. Но до сихъ поръ не было еще въ Германіи случая, когда бы приходилось прибѣгать къ этой послѣдней гарантіи.

Кредиторъ товарищества или владѣлецъ его закладнаго листа не имѣетъ никакого отношенія къ его заемщику, всѣ уплаты процентовъ производится чрезъ кассу товарищества.

До тѣхъ поръ, пока заемщики исправны въ своихъ ежегодныхъ платежахъ, товарищества не могутъ принудить ихъ къ единовременному возврату ихъ долга; но какъ только они дѣлаются неисправными, товарищества имѣютъ въ своемъ распоряженіи самыя строгія мѣры взысканія, съ ускоренною процедурою, ибо отъ аккуратной уплаты процентовъ зависитъ состоятельность всей системы и исправность самихъ товариществъ. Какъ наступилъ срокъ платежа и повѣщеніе о томъ должника съ требованіемъ уплаты осталось безъ послѣдствій, общество немедленно вступаетъ во владѣніе его имѣніемъ и назначаетъ отъ себя агента для пристража за нимъ. Секвестръ продолжается до совершенной уплаты капитальнаго долга, процентовъ и расходовъ управленія; уставы нѣкоторыхъ товариществъ предоставляютъ имъ, въ случаѣ неисправности заемщиковъ, немедленную продажу имѣній, другіе позволяютъ имъ отдачу имѣній въ аренду.

Товарищества имѣютъ право заключать новыя долги, подъ залогъ имѣній, поступившихъ въ нихъ въ дѣніе и на имя неисправныхъ землевладѣльцевъ, въ ожиданіи продажи имѣній и выручки сдѣланныхъ ими ссудъ.

Въ случаяхъ какихъ либо чрезвычайныхъ бѣдствій въ имѣніяхъ должниковъ, имъ дѣлаются по подлежащемъ изслѣдованію отсрочки и даже иногда новыя ссуды.

Для покрытія неожиданныхъ ущербовъ каждое товарищество имѣетъ запасный капиталъ. Этотъ капиталъ составляется изъ разныхъ источниковъ и преимущественно изъ незначительныхъ суммъ, вносимыхъ единовременно заемщиками, при самомъ заключеніи займовъ, именно для этой цѣли.

Германскія поземельныя кредитныя товарищества пользуются нѣкоторыми привилегіями, но весьма различными; мы укажемъ на нихъ въ послѣдствіи, при изложеніи важнѣйшихъ особенностей ихъ въ разныхъ государствахъ. Вообще они освобождены отъ гербовыхъ и всякихъ другихъ пошлинъ. Они могутъ употреблять, вмѣсто своихъ собственныхъ закладныхъ листовъ, разныя другія кредитныя бумаги, ими приобрѣтенныя облигаціи городскихъ кассъ, векселя опеки, разныхъ корпорацій, сберегательныхъ кассъ и проч.

Большая часть германскихъ кредитныхъ товариществъ получили, при своемъ основаніи, подкрѣпленіе отъ правительствъ, которыя дали имъ капиталы для образованія резервныхъ фондовъ.

Администрація и должностной составъ товариществъ заключаются большею частію: въ комиссарѣ или чиновникѣ отъ правительства, правленіи для текущихъ дѣлъ, нѣсколькихъ второстепенныхъ должностныхъ лицахъ, совѣщательномъ комитетѣ, собирающемся отъ времени до времени, мѣстныхъ коммисіяхъ или отдѣленіяхъ по разнымъ округамъ, наконецъ во всѣхъ членахъ товарищества.

Жалованье должностныхъ лицъ и вообще издержки на управленіе составляютъ обыкновенно $\frac{1}{4}\%$ на сумму всѣхъ займовъ.

Наблюденіе правительства за всѣми дѣйствіями товарищества вообще довольно строго. Коронный чиновникъ имѣетъ право присутствовать при всѣхъ сужденіяхъ о дѣлахъ обществъ; на всѣхъ облигаціяхъ должна быть его подпись, безъ которой онѣ не имѣютъ законной силы.

Всѣ кредитныя товарищества Германіи были учреждены по вызову частныхъ лицъ, и лишь подъ покровительствомъ правительства, а не по непосредственному его распоряженію.

Указавъ на общія основанія всѣхъ поземельныхъ кредитныхъ товариществъ Германіи, мы перейдемъ теперь къ болѣе подробному описанію прусскихъ учреждений, которые будутъ служить образцомъ всѣхъ остальныхъ.

По окончаніи семилѣтней войны, хозяйственныя обстоятельства прусскихъ помѣщиковъ были въ крайнемъ разстройствѣ; провинціи, въ которыхъ квартировали войска, были въ совершенномъ опустошеніи. Въ имѣніяхъ осталось почти только одно имущество—земля; хозяйственныя строенія были разорены пожарами; скота или вовсе не было, или онъ падалъ съ голоду;

молъ нѣсколько лѣтъ оставались невоздѣланными, всѣ орудія пришли въ ветхость. Имѣнія упали такимъ образомъ на $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{2}$ первоначальной своей цѣнности. Эти обстоятельства оставались во время войны скрытыми и незамѣтными среди политическихъ событій; но послѣ мира 1763 г. они вполне обнаружались. Несмотря на бѣдствія войны, помѣщики выручали большія деньги за жизненные припасы и фуражъ, подыавшіеся отъ военныхъ заготовокъ и квартированія до непомерныхъ цѣнъ. Эти временные барыши ослѣпили землевладельцевъ на счетъ настоящаго положенія ихъ дѣлъ и они не только не сокращали своихъ непроизводительныхъ расходовъ, но даже увеличивали ихъ. Во время войны допущена была порча монеты, которая, какъ всегда бываетъ, на первое время не потеряла своей цѣнности и ходила на равнѣ съ полномѣсною монетою. Тотчасъ послѣ заключенія мира порченная монета упала въ курсъ; кредиторы правительства принимали ее въ уплату долговъ ниже нарицательной ея цѣны; правительство само вынуждено было требовать въ уплату податей полномѣсной монеты или же принимало порченную по курсу; всѣ частные кредиторы, дѣлая во время войны ссуды порченною монетою, требовали теперь уплаты долговъ монетою настоящаго достоинства. Во время войны, при наплывѣ монеты въ обращеніи, легко накопились капиталы, т. е. не дѣйствительные, а кажущіеся, состоявшіе изъ фальшивой монеты; такимъ образомъ ссуды производились легко и помѣщики заняли много денегъ, которые имъ ссужались даже подъ одни заемныя письма, безъ залога имѣній. Теперь ссуды потребованы были обратно и приходилось или заключать закладныя условія, или возвращать деньги чистой монетою. Между тѣмъ съ окончаніемъ войны нужно было подумать объ исправленіи ущербовъ нанесенныхъ ею хозяйствамъ и поставить ихъ на новую ногу. (*)

Фридрихъ Великій, желая облегчить положеніе силезскихъ помѣщиковъ, на имѣніяхъ которыхъ накопились огромные, неподатные долги и которыми ежедневно угрожали лишеніе всей ихъ собственности и банкротство, не могъ придумать ничего лучшаго, какъ принести въ жертву интересы ихъ кредиторовъ и потому такъ называемымъ *милостивымъ* эдиктомъ (*mercatorum*) отсрочилъ собственною властью всѣ уплаты долговъ на три го-

---

(*) Такъ описываютъ обстоятельства того времени самимъ тогдашнимъ Министромъ Пруссіи Спрунзе: *Hübner, Banken*, p. 36; подробности *Royer*, p. 273.

да. Послѣдствіемъ такой мѣры было (какъ очевидно и должно было быть) конечное паденіе частнаго кредита, къ разоренію всѣхъ тѣхъ, кому нужно было къ нему прибѣгать. Капиталы совершенно покинули земледѣліе; оставалось на его долю одно ростовщичество. Нѣкоторые землевладѣльцы принуждены были заключить безсрочные займы по 10% съ 2 и 3% за комиссію.

Въ этихъ обстоятельствахъ, по предложенію бременскаго не-гоціанта Бюринга, (*) была принята прусскимъ правительствомъ мысль объ устройствѣ поземельнаго кредита замѣномъ личнаго ручательства cadaго землевладѣльца и его имѣнія *совокупнымъ* ручательствомъ многихъ землевладѣльцевъ и совокупнымъ *залогомъ ихъ имѣній*.

Первое примѣненіе этой системы было сдѣлано въ Силезіи, въ 1770 г., и она тотчасъ имѣла здѣсь блестящіе результаты, возстановленіемъ довѣрія капиталистовъ и пониженіемъ процентовъ. Этимъ послѣдствіямъ, безъ сомнѣнія, благопріятствовали прекрасные урожаи хлѣбовъ въ Силезіи, въ 1770, 1771 и 1772 г. въ то время, какъ Саксонія и Богемія страдали отъ неурожая и открыли выгодный сбытъ для Силезіи.

Фридрихъ II снабдилъ новое учрежденіе капиталомъ въ 200,000 тал. (281,250 р.), въ видѣ ссуды по 2 проц. Въ 1776 г., прусскій министръ Струэнзе, воздавая громкія ему похвалы, старался возбудить возникновеніе подобныхъ учрежденій и въ прочихъ частяхъ государства. За Силезіею послѣдовали Бранденбургъ въ 1777 г., Померанія въ 1780, Западная Пруссія въ 1787, Восточная Пруссія въ 1788 г. и наконецъ Познань въ 1821 г.

Не смотря на многія выгоды, доставленныя поземельному кредиту силезскимъ кредитнымъ товариществомъ (и именно: бо-

(*) Нельзя не упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ въ исторіи этого дѣла, весьма часто повторяющемся въ административной сферѣ всѣхъ странъ. Когда Бюрингъ въ первый разъ представилъ Фридриху II свой проектъ, въ 1767 г., то король препроводилъ его 24 февраля къ государственному министру фонъ-Гагену; послѣдній поспѣшилъ 31 марта того же года объявить Бюрингу, что принимая въ соображеніе затрудненія въ практическомъ примѣненіи означеннаго проекта, его королевское величество соизволило повелѣть оставить оный безъ послѣдствій. Такъ проектъ Бюринга и лежалъ въ Берлинѣ *пріоб-щеннымъ къ дѣламъ* министерства, до тѣхъ поръ, какъ въ 1770 г. силезскіе поштики воспользовались мыслью Бюринга и сами просили о приведеніи ея въ исполненіе. Впослѣдствіи государственный министръ Шуленбургъ-Блумбергъ, въ 1770 г. выразилъ Бюрингу благодарность правительства за мысль, сдѣлавшую благосостояніе страны. (Hübner, *Die Banken*, стр. 49).

лѣе прочное обезпеченіе для кредиторовъ, пониженіе процентовъ по займамъ до $5\frac{1}{4}$, $5\frac{1}{2}$ и 6 проц., раздробленіе прежнихъ крупныхъ закладныхъ актовъ на мелкія суммы, доступныя для большинства капиталистовъ, устраненіе всякихъ напрасныхъ хлопотъ и издержекъ по заключенію займовъ, бездоимочная уплата процентовъ и капитала съ помощью упроченной и исключительной системы взысканія и продажи имѣній, оно еще не заключало въ самомъ началѣ главнаго необходимаго преимущества поземельнаго кредитнаго учрежденія—*постепеннаго погашенія* капитала, вмѣсто уплаты его разомъ.

Обезпеченіе товариществомъ исправной уплаты капитальнаго долга оказалось вскорѣ весьма шаткимъ. Товарищество обязалось возвращать ссуды своимъ вкладчикамъ или кредиторамъ, по ихъ *востребованію* или по собственному своему желанію, но съ предварительнымъ заявленіемъ объ этомъ съ обѣихъ сторонъ за шесть мѣсяцевъ впередъ. Казалось, что нельзя было ожидать востребованій капиталовъ изъ кассы товарищества въ большомъ количествѣ, ибо долговые обязательства или облигаціи товарищества скоро стали продаваться на биржѣ съ премією до 7 проц. Кромѣ того капиталъ, выданный правительствомъ, былъ значительнымъ подкрѣпленіемъ; товарищество платило за него 2 проц. и само получало по произведеннымъ изъ него ссудамъ $5\frac{1}{4}$, $5\frac{1}{2}$ и 6 проц. Шестимѣсячная обязательная отсрочка возврата вкладовъ давала всегда возможность успѣть сдѣлать оборотъ въ деньгахъ. Наконецъ товарищество производило ссуды лишь на 50 и 55 проц. дѣйствительной стоимости имѣній и было вооружено нѣкоторыми привилегіями къ безостановочному взысканію долговъ, секвестру и продажѣ имѣній. Но всѣ эти ручательства противъ опасности серьезныхъ финансовыхъ затрудненій вскорѣ оказались тщетными.

Удобство занимать деньги по умѣреннымъ процентамъ побуждало землевладѣльцевъ къ крайнему умноженію своихъ займовъ и къ употребленію ихъ лишь на удовлетвореніе вкусу къ роскоши и непроезводительнымъ расходамъ.

Продажная цѣна поземельной собственности, съ которою было связано такое выгодное преимущество, возросла непомѣрно; тоже дѣйствіе имѣла и дороговизна земледѣльческихъ продуктовъ вслѣдствіе неурожаевъ 1770 и 1772 гг. и квартированія войскъ. Наконецъ ко всему этому присоединилось еще третье обстоятельство: порча монеты, допущенная во время войны,

побуждала капиталистовъ къ ссудамъ, такъ какъ они ожидали улучшенія въ выдѣлкѣ монеты во время мира. Но съ водвореніемъ мира распушеніе войскъ понизило цѣны на продовольственные припасы и доходы отъ имѣній не покрывали болѣе процентовъ по займамъ; имѣнія такъ упали въ цѣнѣ, что даже продажа ихъ не покрывала сдѣланныхъ подъ залогъ ихъ долговъ, и для земледѣльческаго кредита наступилъ новый кризисъ.

Между тѣмъ многія подобныя кредитныя товарищества постепенно учреждались въ Сѣверной Германіи; кризисъ распространился по всей Пруссіи, и эдиктомъ 19 мая 1807 г. снова принята была насильственная и крайне разрушительная для частнаго кредита мѣра о приостановленіи платежей по долгамъ. Эта индულгенція въ пользу поземельныхъ владѣльцевъ—должниковъ должна была продолжаться до 1818 г., въ Помераніи и Силезіи до конца, 1821 г., въ Западной и Восточной Пруссіи, гдѣ она была еще отсрочена, до 1832 г. Это обстоятельство затруднило дѣйствія земскихъ кредитныхъ учрежденій и заставило ихъ прибѣгнуть къ разнымъ частнымъ распоряженіямъ относительно своихъ операцій, которыя не могутъ быть изложены въ бѣгломъ и общемъ историческомъ очеркѣ и должны быть объяснены при описаніи дѣятельности каждаго отдѣльнаго учрежденія.

Поземельныя кредитныя товарищества учреждены въ шести провинціяхъ: въ Пруссіи, въ Силезіи, Бранленбургѣ, Помераніи Западной Пруссіи, Восточной Пруссіи и Познани (*). Всѣ они

(*) Немаловажно для сужденія о развитіи поземельнаго кредита въ Пруссіи имѣть въ виду нѣкоторые статистическія данныя (1) о ея народонаселеніи и пространствѣ.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ 1855 г. (2) считается въ Пруссіи 17,202,637 жителей. Въ томъ числѣ приходится:

на Восточную Пруссію . . .	1,842,494
— Западную Пруссію . . .	1,094,332
— Познань	1,392,636
— Померанію	1,288,912
— Силезію	3,182,468
— Бранденбургъ	2,254,268

Пространство Пруссіи считается въ 27,674,658 гектаровъ (3).

(1) Статистическія данныя взяты нами изъ сочиненія Жоссо, упомянутого выше.

(2) Otto Hübnor. Jahrbuch für Volkswirtschaft u. Statistik. Lpz. 1857 p. 50.

(3) Гектаръ = 2,107 квадрати. саженимъ, потому нѣсколько менѣ русской десятины.

были нѣсколько различны между собою при основаніи, но съ теченіемъ времени болѣе и болѣе сближались въ своей организаціи. Одна провинція старалась вводить у себя усовершенствованія, содѣланныя въ другихъ, и такимъ образомъ позднѣйшія изданія уставовъ каждаго общества заключаютъ въ себѣ всѣ улучшенія, которыхъ необходимость была доказана опытомъ (*).

Всѣ кредитныя общества составляютъ въ каждой провинціи одну систему (*Landschaft*) и одно управленіе, дѣйствующія совершенно отдѣльно и независимо отъ другихъ провинцій. Въ главномъ городѣ каждой изъ шести провинцій находится центральное мѣсто управленія (*Landschaft-Casse*) и ему подчинены отдѣленія или конторы, учрежденныя въ административныхъ центрахъ округовъ, на которые раздѣляется провинція. Такимъ образомъ система управленія кредитными обществами согласуется съ общою системою прусской администраціи.

Механизмъ управленія кредитными товариществами и его личный составъ такъ не сложны, по замѣчанію Ройе, что въ

Въ этомъ числѣ:

Водъ	980,700
Лѣсовъ	5,946,000
Воздѣланныхъ полей	11,106,429
Садовъ и огородовъ	236,482
Виноградниковъ	15,992
Луговъ	3,861,607
Пастбищъ	4,230,678
Неудобной земли	897,750
	<hr/> 27,674,486

Всѣ 27 нидерландъ гектарахъ земли можно раздѣлить на три категоріи:

1) Государственныя имущества заключаютъ въ себѣ до 331,540 гектаровъ воздѣланной земли и даютъ казнѣ ежегодно до 20,333,000 франковъ дохода.

2) Добрынска или помпиччи амнія (*Rittergter*) приблизительно составляютъ:

въ Силезіи	4,723 пок.
— Пруссіи	3,236 —
— Помераніи	1,303 —

Эти земли только исторически сохранили свое названіе рыцарскихъ; нынѣ онѣ могутъ быть приобретаемы всѣми подданными Пруссіи безъ различія состоянія.

3) Крестьянскія земли. Онѣ были выкуплены крестьянами посредствомъ кредитныхъ учреждений и разсроченныхъ въ годы платежей.

(*) Позднѣйшій до настоящаго времени есть новый уставъ Померанскаго товарищества 16 марта 1846 г., потому мы и сообщаемъ его ниже; онъ заключаетъ въ себѣ въ одномъ цѣломъ видѣ всѣ мельчайшія подробности подобныхъ кредитныхъ учреждений, какъ они постепенно развивались на практической почвѣ.

главных провинціальных центрах едва можно замѣтить существованіе этихъ учреждений, двигающихъ однако сотнями миллионовъ. Мѣстные жители горожане болѣею частью ничего не знаютъ объ операціяхъ поземельнаго кредита, не потому, чтобы его обороты держались въ тайнѣ (напротивъ того, дѣйствія товариществъ совершенно гласны), а вслѣдствіе тишины и осторожности, съ которою дѣйствуетъ управленіе, не шумящее шума и треска биржевой обстановки и не привлекающее къ себѣ праздную и шумную публику быстротою финансовыхъ оборотовъ и неожиданными спекуляторскими барышами. Медленность оборотовъ и умѣренность въ расчетахъ поземельнаго кредита заставляютъ биржевой людъ смотрѣть на него съ нѣкоторымъ презрѣніемъ; но къ такому презрѣнію, въ сущности нисколько не вредному для развитія истиннаго благосостоянія въ странѣ, должны себѣ приготовить всякое земледѣльческое кредитное учрежденіе и всякая мысль, имѣющая въ виду не внезапное обогащеніе нѣсколькихъ личностей, такъ называемыхъ князей биржи, а постепенное улучшеніе производительныхъ источниковъ страны и трудящейся надъ ними массы народонаселенія.

Прусскія товарищества поземельнаго кредита не пускаются ни въ какія денежныя спекуляціи; собственно они не берутъ и не отдають въ ссуду денегъ, какъ всякіе другіе банки. Они только выдають свои земскія облигаціи или заемныя письма (*Pfandbriefe*), которыя хотя сходны съ прочими банковыми билетами въ томъ именно, что могутъ быть предметомъ торга, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ различны; эти облигаціи не производятъ внезапными выпусками и наплывомъ на биржу крутыхъ переверотовъ въ курсахъ и потому менѣе всѣхъ другихъ цѣнностей дають поводъ къ поползновеніямъ спекуляціи и ажіотажа. Онѣ накаплиются и выкупаются постепенно. Товарищества обходятся почти безъ всякаго вниманія въ ихъ дѣла и покровительства со стороны правительства; ихъ операціи не возбуждаютъ (по крайней мѣрѣ въ настоящее время) никакихъ финансовыхъ затрудненій, ни процессовъ; они употребляютъ весьма незначительное число должностныхъ лицъ, которые притомъ же заняты только въ теченіе половины года. Весьма естественно, что такое скромное учрежденіе не заставляетъ много о себѣ говорить и мало озабочиваетъ людей, непосредственно не заинтересованныхъ въ его операціи.

Прусскими кредитными товариществами не пользуется исключительно помещичье сословіе или владѣльцы дворянскихъ имѣній (прежнихъ рыцарскихъ), они доступны и крестьянамъ; но первые имѣютъ нѣкоторое преимущество передъ вторыми, ибо вообще дворянскія имѣнія могутъ быть закладываемы въ половину своей стоимости, а крестьянскія только въ четверть. Это составляетъ особенности прусскихъ обществъ, объясняемую историческимъ ихъ происхожденіемъ. Другая особенность чрезвычайная мелочность въ уставахъ, которые стараются предусмотрѣть всѣ случайности и вопросы. Мы будемъ стараться по возможности останавливаться только на главныхъ и болѣе крупныхъ ихъ чертахъ.

Наблюденіе за дѣйствіями прусскихъ товариществъ возложено на оберъ-президента каждой провинціи (въ родѣ нашего начальника губерніи, съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что власть его строго ограничена предѣлами области исполнительныхъ или административныхъ дѣлъ, и не имѣетъ никакого вѣдательства въ судебныя), который и исполняетъ обязанности королевскаго комиссара.

Всѣ прусскія общества выдаютъ закладныя письма или листы (*Pfandbriefe*) на пергаментѣ, на суммы всякихъ величинъ; самыя мелкіе листы наиболѣе распространены въ публичномъ обращеніи и всегда пользуются болѣею преміею при продажѣ, чѣмъ крупныя. Нѣкоторыя общества выдаютъ при листахъ особые купоны для полученія процентовъ, другія отмѣчаютъ выдачу процентовъ итемпедемъ на самыхъ листахъ. Хотя нынѣ общества платятъ по закладнымъ листамъ только $3\frac{1}{2}$ процента, они все таки продаются съ значительною преміею, которая на мелкихъ суммахъ бываетъ отъ 5 до 9 проц. Впрочемъ премія весьма нѣмнчива и болѣею частію ниже 5 проц. Закладныя листы не пользуются никакимъ насильственнымъ или обязательнымъ курсомъ (*cours forcé*), т. е. никакими оффиціальными преимуществами обращенія; обращеніе ихъ совершенно свободное, они могутъ быть принимаемы и не принимаемы частными лицами во взаимныхъ расчетахъ; они только принимаются въ залогъ по дѣламъ и въ обезпеченіе. Но этимъ правомъ пользуются и многія кредитныя бумаги.

Между прусскими обществами Силезскія занимаютъ первое мѣсто, какъ по старшинству происхожденія и разнообразію своей исторіи, такъ и по обширности своихъ оборотовъ, далеко

превосходящихъ всѣ прочія; потому при изученіи устройства поземельнаго кредита они заслуживаютъ особеннаго вниманія, и судьбы ихъ развитія могутъ быть весьма поучительны.

Причины, побудившія къ учрежденію общества поземельнаго кредита въ Силезіи намъ уже извѣстны. Въ настоящее время существуютъ въ Силезіи два общества: старѣйшее (первоначальное) означаетъ свои закладные листы буквою А, новѣйшее буквою В.

Первоначальное общество, основанное 15 іюля 1770, получило, какъ сказано, въ ссуду отъ короля Фридриха II 300,000 талеровъ. Устройство, данное ему при самомъ основаніи, съ теченіемъ времени совершенно измѣнилось, такъ что, можно сказать, въ настоящее время вовсе не осталось никакихъ слѣдовъ первоначальнаго устава и способа дѣйствій. Въ исторіи поземельнаго кредита въ Силезіи надо вообще различить четыре эпохи: основаніе, реформа, пониженіе процентовъ и настоящее положеніе.

Изъ сдѣланнаго нами выше краткаго очерка учрежденія поземельнаго кредита въ Пруссіи, намъ уже извѣстны важнѣйшія обстоятельства, сопровождавшія первоначальное развитіе силезскаго общества; потому мы и не будемъ ихъ повторять.

Три неблагопріятныя и стѣснительныя условія дѣйствовали при учрежденіи Силезскаго общества: 1) обязательное участіе въ немъ всѣхъ помѣщиковъ провинціи (въ настоящее время членомъ дѣлается только тотъ, кто хочетъ сдѣлать заемъ); 2) ссуды землевладѣльцамъ могли простираться лишь на $\frac{1}{2}$ цѣны ихъ имѣній (по закону 1835 г., онѣ могутъ быть равны $\frac{2}{3}$); 3) кредиторы общества или владѣльцы закладныхъ листовъ могли требовать уплаты имъ капитала въ 6-ти мѣсячный срокъ; въ этотъ же срокъ обязаны были возвратить ссуды и землевладѣльцы, по требованію общества. (Это правило замѣнено постепеннымъ погашеніемъ капитала).

Не смотря на эти чрезвычайно неблагопріятныя для поземельнаго кредита условія (особенно послѣднее), ссуды Силезскаго общества быстро возрастали (отъ 1770 до 1834 г. до 52,146,148 $\frac{2}{3}$ талеровъ). Несовмѣстимое съ характеромъ поземельнаго кредита условіе единовременнаго возврата ссудъ по востребованію не замедлило обнаружить свое пагубное дѣйствіе на кредитъ, и со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на новую систему, какъ это часто бываетъ; но причина была не въ самой системѣ, а въ

денушенныя ею, совершенно противуестественныхъ правъ.

Это было первое и самое главное убѣжденіе, основанное на твердыхъ началахъ теоріи поземельнаго кредита, и совершенно оправдавшихся исторіею Силезскаго общества. Плачевные результаты денушеннаго имъ одновременнаго возврата ссудъ укрѣпили въ Пруссіи увѣренность, что никакое подобное общество не можетъ дѣйствовать прочно, безъ организаціи постепеннаго, ежегоднаго потаженія капитала, разсроченнаго на долгіе періоды.

Другое обстоятельство, не менѣе понятное для науки кредита, также имѣло свое дѣйствіе. Помѣщики, обрадованные удобствомъ новой системы, бросились на займы и употребляли ихъ непродуманнымъ образомъ, или на спекуляцію, а не на улучшенія въ своихъ имѣніяхъ, которыя несмотря на новыя тягости, падавшія на нихъ вслѣдствіе займовъ, не возвышались въ своей цѣнности, а скорѣе упали. Но помѣщики и не могли подожить занятыхъ капиталовъ въ свои хозяйства, ибо для этого имъ необходимо было имѣть передъ собою весьма продолжительные сроки уплаты долговъ, а ея могли у нихъ потребовать во всякое время.

Кромѣ всего этого были еще и иные обвиненія противъ первоначальнаго устройства Силезскаго общества: 1) слишкомъ большіе расходы на управленіе (доходившіе до 70,000 талеровъ въ годъ); 2) неправильный способъ оцѣнки имѣній; 3) принятый обществомъ образъ пристрастнаго за имѣніями неисправныхъ плательщиковъ, и 4) излишняя снисходительность въ отношеніи къ нимъ со стороны общества.

Всѣ эти недостатки были большею частью исправлены узаконеніями послѣдующаго времени, и именно: 1824 г. (измѣнившимъ способъ оцѣнки) и особенно узаконеніями 7 сентября 1830 г., 8 іюня 1835, 18 марта и 17 октября 1838 и 20 мая 1839 г., которыя произвели коренную реформу въ Силезскомъ кредитномъ обществѣ и превратили краткосрочныя его суды въ долгосрочныя.

Важнѣйшіе пункты этой реформы заключаются въ слѣдующемъ.

1) Съ іюня и декабря 1839 г. всѣ владѣльцы закладныхъ листовъ обязаны были или принять изъ кассы общества уплату чистыми деньгами, по нарицательной ихъ цѣнѣ, или если они може-

лаютъ сохранять въ своихъ рукахъ закладные листы и остаются кредиторами общества, получать съ 1840 г. $3\frac{1}{2}\%$ по листамъ на сумму выше 100 талеровъ (т. е., такимъ, на которые наименьше было спроса въ публикѣ) и по $3\frac{1}{3}\%$ по листамъ низшаго достоинства, наиболѣе обращавшимся.

Въ то время закладные листы давали 4% и продавались съ преміею 7% : потому эта мѣра возбудила всеобщій ройотъ.

2) Какъ пониженіе процентовъ съ 5% на $3\frac{1}{2}\%$ и $3\frac{1}{3}\%$ произвело для общества ежегодное сбереженіе $\frac{1}{2}$ и $2\frac{2}{3}\%$, то оно рѣшило употребить эти деньги на постепенное погашеніе всѣхъ остающихся своихъ долговъ; и чтобы поощрить какъ можно болѣе къ нетребованію изъ кассы капиталовъ по закладнымъ листамъ и къ сохраненію ихъ владѣльцами ихъ съ пониженными процентами, общество обѣщало 1% преміи всѣмъ тѣмъ, которые до Рождества 1839 г. объявятъ о своемъ согласіи на послѣднее.

3) Провинціальная дирекція имѣетъ право (по постановленію 7 сентября 1830 г.) выкупать закладные листы у ихъ владѣльцевъ, когда захочетъ, и послѣдніе не имѣютъ права отказываться принять уплату, но вмѣстѣ съ тѣмъ сами они никогда не могутъ ея требовать.

Заемщики общества не могутъ обратно выкупать изъ кассы закладныхъ листовъ, выданныхъ подъ залогъ ихъ имѣній, взносомъ въ кассу чистыхъ денегъ по нарицательной или первоначальной цѣнѣ, а должны, если пожелаютъ выплатить свой долгъ до окончательнаго его срока, внести въ кассу закладные листы равнаго достоинства. Это правило безъ сомнѣнія есть значительное стѣсненіе для заемщиковъ, ибо они должны приобрѣтать, для возврата въ кассу, закладные листы по курсовой ихъ цѣнѣ, т. е. большею частию съ преміею Ройе, авторитетъ котораго въ вопросахъ поземельнаго кредита всецѣлѣнъ, приписываетъ это правило, которое по его мнѣнію замедляетъ взносы заемщиковъ въ счетъ будущихъ своихъ платежей (*à compte*), взносы, усиливающіе денежные способы банковъ; но съ другой стороны, разъ обязавшись уплачивать своимъ кредиторамъ проценты определенное число лѣтъ и получивъ обратно отъ своихъ заемщиковъ до срока ссуды, произведенныя банкомъ соотвѣтственно своимъ долгамъ, банкъ можетъ встрѣтить затрудненіе въ точной уплатѣ процентовъ своимъ кредиторамъ. Впрочемъ право выкупа банкомъ своихъ закладныхъ листовъ изъ обращенія во всякое время избавляетъ общество отъ этого затрудненія.

Большая часть закладныхъ листовъ Силезскаго Общества находилась въ залогѣ по разнымъ дѣламъ съ казною; правительство дало согласіе на пониженіе процентовъ по всѣмъ подобнымъ листамъ, если къ тому не будетъ препятствія со стороныхъ владѣльцевъ. Къ тому же общество имѣло въ своемъ распоряженіи на случай значительныхъ востребованій капиталовъ, значительный резервный фондъ въ 2 мил. талеровъ, образовавшійся изъ капитала первоначального, ссуженнаго Фридрихомъ II, нѣкоторыхъ прибылей общества. Превращеніе или пониженіе процентовъ совершилось такъ быстро и счастливо, что общество даже не прибѣгло къ займу 400,000 т., который ему предложили берлинскіе и бреславскіе банкиры.

Изъ 40 милліоновъ талеровъ закладныхъ листовъ, бывшихъ въ обращеніи, предъявлено было къ уплатѣ въ кассѣ общества лишь 26,000 т.; на 500,000 не было заявлено никакого желанія, и потому они были вслѣдствіе молчанія владѣльцевъ приведены обществомъ на меньшіе проценты. Закладные листы съ пониженными процентами (*converties*) весьма скоро стали продаваться на биржѣ съ премією.

Такъ удачно совершилось это важное преобразование въ исторіи силезскаго и, можно сказать, вообще прусскаго поземельнаго кредита; нельзя не воздать за успѣхъ его похвалу государственнымъ людямъ, стоявшимъ въ то время во главѣ прусскаго правительства, и самому кредитному обществу. Разомъ были приведены въ исполненіе двѣ труднѣйшія мѣры: пониженіе или превращеніе процентовъ и установленіе постепеннаго погашенія капитала вмѣсто одновременныхъ возвратовъ.

Разскажемъ теперь настоящее положеніе Силезскаго общества.

Хотя вступленіе въ него нынѣ ни для кого не обязательно и для всѣхъ открыто, въ немъ заложены всѣ дворянскія имѣнія Силезіи.

Дирекція находится въ Бреславлѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ: главнаго директора, трехъ провинціальныхъ депутатовъ, избираемыхъ каждые три года, синдика и счетовода.

Около главной дирекціи группируются девять конторъ въ важнѣйшихъ городахъ провинціи; каждая контора находится въ заведѣваніи особаго провинціальнаго директора (въ Глацѣ ихъ

два) и имѣть въ себѣ одного или двухъ синдиковъ, счетовода и известное число представителей отъ мѣстныхъ сословій.

Второе или новое Силезское общество поземельнаго кредита (лит. В.), основанное королевскимъ повелѣніемъ 8 іюля 1835 г., было непосредственно подчинено правительству. Оно находится подъ дирекцію совѣтника морской торговой компаніи, четырехъ силезскихъ помѣщиковъ и одного синдика.

Это общество выдаетъ безыменные закладные листы отъ 25 до 1,000 т. Половина ихъ ниже 500 т., другая выше. Каждый листъ имѣетъ купоны для процентовъ на 5 лѣтъ.

Выпускъ листовъ производится подъ королевскою гарантіею, которая заключается единственно въ гипотекѣ на одну половину цѣнности дворянскихъ имѣній, заложенныхъ въ первоначальномъ обществѣ.

Новое общество выдаетъ ссуды до $\frac{1}{2}$ цѣнности имѣній, и иногда даже болѣе, если хозяйство въ имѣніи находится въ особенно удовлетворительномъ положеніи и новый заемъ служитъ лишь на уплату старыхъ долговъ или на новыя важныя улучшенія. До пониженія процентовъ (первоначальнымъ обществомъ) оно платило владѣльцамъ закладныхъ листовъ 4% и получало съ своихъ заемщиковъ 5%, изъ которыхъ 4% на уплату процентовъ капиталистамъ, $\frac{3}{4}$ % на погашеніе, и $\frac{1}{4}$ % на расходы управленія.

Новое силезское общество можетъ производить ссуды и подъ имѣнія, не бывшія въ залогѣ по первоначальному обществу, если такія имѣнія представляются довольно благонадежнымъ залогомъ. Такъ какъ королевская гарантія заключается собственно въ томъ, что имѣніе, на которое выдается закладной листъ (на $\frac{2}{3}$ цѣнности) было уже въ залогѣ по первоначальному обществу въ $\frac{1}{4}$, то для обезпеченія ссудъ подъ имѣнія, непринятые первоначальнымъ обществомъ, правительствомъ данъ новому обществу капиталъ.

Чтобы получить закладные листы на имѣніе изъ общества лит. В., нужно быть владѣльцемъ его въ теченіе 10 лѣтъ или по наслѣдству и очистить имѣніе отъ всякихъ старыхъ долговъ.

Новое общество дѣлаетъ также ссуды въ смыслѣ земледѣльческаго банка, на хозяйственные обороты, такъ напр. на торговлю шерстью.

Всякій годъ выкупается съ помощью погасительнаго фонда известное число закладныхъ листовъ, выпавшихъ по жребію.

Проценты уплачиваются заемщиками по полугодию, и если кто либо изъ нихъ просрочилъ три мѣсяца, то онъ обязанъ заплатить 4% на недолговѣчную сумму, и потомъ иѣнне его берется въ оцѣнку. Въ самыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ допускаются 6-ти-мѣсячныя и годовыя отсрочки, но и то не болѣе какъ на $\frac{1}{5}$ слѣдующихъ платежей.

Дирекція новаго Силезскаго общества имѣетъ право наблюдать за хозяйствомъ заложеннаго имѣнія. Помѣщики обязаны ежегодно застраховывать урожай и всю свою движимость.

Уже съ декабря 1836 г. поступилъ въ новое общество значительныя требованія ссуды; но до конца 1837 г. оно приняло просьбы только до 300,000 т., и выдало закладныхъ листовъ только 60,000 т., которые тотчасъ обращались съ премією 3 и 4%; къ веснѣ 1838 г. было еще выпу сено 250,000 т., а къ концу года было уже всего въ обращеніи отъ 800 до 900,000 т.

Земледѣльческія кредитныя общества въ прочихъ провинціяхъ Пруссіи весьма сходны съ силезскими; потому достаточно будетъ указать лишь на нѣкоторыя, въ чемъ либо особенныя ихъ обстоятельства.

Бранденбургское общество получило свое начало 14 іюня 1788 г. Но впоследствии было уничтожено заключавшееся въ этомъ уставѣ правило о взысканіи долга владельцемъ закладныхъ листовъ, въ случаѣ неисправности заемщиковъ, непосредственно съ нихъ самихъ; оно было замѣнено единственнымъ возможнымъ при подобномъ кредитномъ учрежденіи способомъ взысканія чрезъ общество, которое нынѣ само ручается за всѣ выпущенныя закладные листы и само рассчитывается съ своими должниками и кредиторами.

Центральное управленіе Бранденбургскаго общества находится въ Берлинѣ.

Сперва Бранденбургское общество выдавало ссуды и подъ залогъ арендныхъ земель крестьянамъ-арендаторамъ; но впоследствии это было найдено неудобнымъ.

Точно также сперва и размѣръ процентовъ каждый разъ условливался особо между обществомъ и капиталистомъ или покупщикомъ закладнаго листа; впоследствии былъ опредѣленъ одинаковый процентъ по всѣмъ листамъ, сначала 4% и наконецъ 3 $\frac{1}{2}$ %. Это пониженіе (въ 1836 г.) процентовъ подѣйствовало весьма неблагоприятно на курсъ листовъ, но онъ скоро поднялся выше пари (паричательной иѣны).

Общество Западной Пруссии имѣетъ свое центральное управление въ Мариенвердерѣ. Оно основано 19 апрѣля 1787 г.

Это общество выдаетъ ссуды на половину цѣнности имѣній. Оно также не организовало при своемъ учрежденіи системы постепеннаго погашенія и обязалось выплачивать капиталъ по предъявленію закладныхъ листовъ. Въ 1838 г. это право капиталистовъ было уничтожено и вмѣстѣ съ тѣмъ проценты были понижены съ 4% на 3½% (это превращеніе процентовъ окончательно совершено въ 1842 г., такимъ же образомъ какъ въ Силезіи). Заемщики же общества продолжаютъ платить по-прежнему 4½%, изъ которыхъ 3½% идутъ на уплату процентовъ капиталистамъ, ½% на погашеніе капитала, ¼%—на расходы по управленію и ¼ въ резервный капиталъ. Когда этотъ капиталъ достаточно возрастетъ, то расходы управления и случайные ущербы будутъ покрываемы доходами отъ него, а на погашеніе вмѣсто ½% будетъ употребляемо 1%. Когда будетъ погашено двѣ пятыхъ всего капитала (т. е., всѣхъ занятыхъ изъ общества землевладѣльцами суммъ, и находящихся въ долгу на немъ по закладнымъ листамъ), то эта часть долговъ должна быть уничтожена въ гипотечныхъ книгахъ, т. е. на соответствующую имъ сумму всѣ заложеныя имѣнія будутъ освобождены отъ лежащаго на нихъ запрещенія. Затѣмъ ⅔ суммы, остающихся на землевладѣльцахъ долговъ будутъ разсматриваемы какъ новый заключенный ими заемъ и слѣдующіе съ нихъ ежегодные проценты будутъ уже взимаемы только на эту сумму. Это значительное облегченіе для землевладѣльцевъ.

Общество Восточной Пруссіи имѣетъ свое центральное управление въ Кёнигсбергѣ. Его первый уставъ 1800 г., но онъ былъ измѣненъ въ 1808 г.

Пониженіе процентовъ (съ 4% на 3½%) въ 1807 г., распространенное и на Восточную Пруссію, сопровождалось здѣсь небольшими потрясеніями кредита, сравнительно со всѣми прочими провинціями. Несмотря на премію 1%, обещанную всѣмъ владѣльцамъ закладныхъ листовъ, которые не потребуютъ возврата капиталовъ и согласны получить менѣе процентовъ; курсы листовъ упали до 90% (на 100 нарицательной цѣны), но они быстро возстановились. Потребовано было окончательно уплаты капитала по закладнымъ листамъ лишь на 134,000 т.

Центральное управленіе Пруссіанскаго общества находится въ Познани. Первоначальный уставъ его утвержденъ 15 октября

1821 года и измѣненъ въ 1827 и 1832 г. Познанское общество, какъ позднѣйшее изъ всѣхъ, и потому имѣвшее передъ собою долговѣстнѣйшій опытъ, тотчасъ при своемъ основаніи учредило погашеніе долговъ ежегодными процентными взносами. Оно также, при самомъ своемъ основаніи, не дало владѣльцамъ закладныхъ листовъ (какъ всѣ прочія общества) права требовать уплаты изъ кассы, по предъявленію. Оно тотчасъ организовало выкупъ по ежегодному тиражу. Но при этомъ нельзя упустить изъ виду весьма важной особенности этого выкупа въ Познанскомъ обществѣ. Всѣ общества выкупаютъ по тиражу, платя за вышедшіе номера листовъ по нарицательной ихъ цѣнѣ, какаѣ бы ни была на нихъ премія на биржѣ. Познанское общество выкупаетъ по курсу, т. е. уплачиваетъ за вышедшіе закладные листы курсовую ихъ цѣну, т. е., кроме нарицательной цѣны и премію, но послѣднюю не болѣе 3% (т. е. если листы продаются съ премією 2%, то оно платитъ за нихъ 102, если 3%, то 103, но если 4%, 5% и т. д., то только 103). Это правило значительно поддерживаетъ курсъ закладныхъ листовъ, который обыкновенно нѣсколько падаетъ передъ тиражемъ, если листы пользуются большимъ довѣріемъ въ публикѣ. Очевидно, что тиражъ обыкновенно производится лишь тогда когда курсъ стоитъ выше паря, ибо когда онъ ниже, то всякое кредитное учрежденіе можетъ само, и безъ тиража, покупать свои бумаги на биржѣ по курсовой цѣнѣ, что для него выгоднѣе тиража и неубыточно для владѣльцевъ закладныхъ листовъ, ибо всякое значительное требованіе какой либо кредитной бумаги на биржѣ содѣйствуетъ возвышенію ея курса. Пониженіе процентовъ произведено было здѣсь такимъ образомъ, что въ 1840 г. дозволено было обществу пачать новый выпускъ закладныхъ листовъ или вторую серію съ 3½% (выпущенные до того времени давали 4% и съ заемщиковъ взыскывалось 5%). Заемщики второй серіи платятъ обществу 5½% ежегодно; изъ нихъ: 3½ на уплату процентовъ, 1½% на погашеніе (въ теченіе 36 лѣтъ) и ½ проц. на управленіе. Весьма естественно, что при совѣстномъ обращеніи на биржѣ обѣихъ серій, первая продается съ 6 проц. и болѣе преміи, а вторая только съ 2 и 2½ проц. преміи.

Померанское общество основано было въ 1731 г. Его центральное управленіе находится въ Штетинѣ. Его операціи весьма значительны. До 1838 г. его закладные листы обращались съ премією 6, 7, 8 проц. Но въ 1838 г. съ пониженіемъ процентовъ

съ 4 проц. на $3\frac{1}{4}$ проц., они упали ниже парн; потомъ они сдѣтъ поднялись выше парн. Здѣсь было предъявлено особенное много закладныхъ листовъ къ уплатѣ (за несогласіемъ на пониженіе процентовъ), всего до 600,000 т. Всего считается въ Помераніи 1,933 помѣщичьихъ имѣній, изъ нихъ къ 1845 г. было заложено 1,102 на 14,836,775 тал. Въ остальныхъ (съ тѣхъ перъ постепенно поступавшія въ залогъ) простираются до 9 и 10 мил. тал.

Померанское общество должно особенно интересоваться насъ тѣмъ, что въ 1846 г. оно получило новый уставъ, который, какъ новѣйшій изъ всѣхъ обществъ, мы нѣкоторымъ образомъ можемъ разсматривать какъ образецъ всѣхъ усовершенствованій, которыми Пруссія признала необходимымъ внести въ учрежденія поземельнаго кредита, со времени его основанія въ концѣ XVIII столѣтія, и къ которымъ она была приведена болѣе чѣмъ 50-ти-лѣтнею практическою опытностію. Потому мы считаемъ нужнымъ представить краткій очеркъ новаго устава Померанскаго общества.

Закладные листы Померанскаго общества, достоинства 100 тал. каждый и выше, приносятъ въ годъ $3\frac{1}{4}$ проц; листы на суммы меньше 100 тал. только $3\frac{1}{4}$ проц. Эти проценты уплачиваются владѣльцамъ изъ кассы общества пополугодно. Землевладѣльцы или заемщики общества платятъ ему, взаимнѣ получившихъ за закладныхъ листовъ, ежегодно 4 проц.; независимо отъ $\frac{1}{6}$ проц. вносимой ими за крѣпачіи при каждомъ взносѣ.

Закладные листы обеспечены: 1) имѣніемъ заемщика, которому они выданы, т. е. имѣніемъ специально записаннымъ въ залогъ по тѣмъ или другимъ вынужденнымъ листамъ; 2) имуществомъ всѣхъ землевладѣльцевъ, членовъ общества, принадлежащихъ къ одному и тому же округу; 3) имуществомъ всѣхъ землевладѣльцевъ, заложившихъ свои имѣнія во всей Помераніи. Въ этомъ порядкѣ постепенности производится и изысканіе, въ случаѣ неисправности кого либо изъ заемщиковъ; сперва оно обращается на его имѣніе, потомъ на землевладѣльцевъ того же округа, потомъ на всѣхъ членовъ общества.

Всѣ закладные листы безыменныя и переходятъ изъ рукъ въ руки посредствомъ одной передачи, безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей.

Во обществѣ могутъ быть заложены только имѣнія, лежащія въ Помераніи, и потому только померанскіе землевладѣльцы могутъ быть членами общества. (Званіе члена однозначаще въ прус-

оживить обществахъ съ заемщиками). Каждый можетъ заложить только полную свою собственность; ссуды подъ ипотѣку отданныя на вѣчную аренду или обложенныя какими частными повинностями, не иначе могутъ быть превозводимы, какъ по очищеніи ипотѣки отъ всякихъ обязательныхъ платежей. Разумѣется, что владельцы ипотѣки послѣ заключенія займа въ обществѣ могутъ вводить въ долги въ отношеніи къ другимъ лицамъ, но заемъ въ обществѣ имѣетъ исключительное преимущество (*priorité hypothécaire*) передъ всякими другими.

Высшее наблюденіе за дѣйствіями Померанскаго общества принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ; ближайшее королевскому комиссару, который въ тоже время президентъ общества. Последняго назначаетъ самъ король, но при этомъ выражено въ уставѣ желаніе, чтобы онъ избранъ былъ изъ членовъ общества. Комиссаръ предсѣдательствуетъ въ центральной дирекціи всего общества, въ Штетинѣ. Кромѣ центральной дирекціи завѣдуютъ дѣлами: четыре окружныя коллегіи; специальный комитетъ, собирающійся разъ въ годъ, въ Штетинѣ; общее собраніе всѣхъ членовъ, созываемое въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Окружныя дирекціи состоятъ изъ директора и двухъ совѣтниковъ. Коллегіи состоятъ изъ тѣхъ же лицъ съ присоединеніемъ къ нимъ окружныхъ депутатовъ. Всѣ эти должностныя лица избираются по большинству голосовъ мѣстными членами общества изъ своей среды. Директоры утверждаются въ должности королевскою властію, для всѣхъ прочихъ лицъ не требуется этого утвержденія.

Собственно управленіе всеми текущими дѣлами и операціями сосредоточивается въ окружныхъ дирекціяхъ, которыя представляютъ собою все общество передъ посторонними лицами и дѣйствуютъ отъ имени общества. Малѣйшее отклоненіе дѣлъ отъ порядка предписаннаго уставомъ обязываетъ дирекцію къ передачѣ вопроса на обсужденіе коллегій. Дирекціи наблюдаютъ за ходомъ хозяйства въ заложенныхъ ипотѣкахъ и принимаютъ мѣры къ предотвращенію всякихъ ущербовъ въ ипотѣкахъ, служащемъ обезпеченіемъ для ссудъ и займовъ общества. Въ этомъ отношеніи права ихъ довольно велики и надзоръ за дѣйствіями землевладельцевъ весьма мелоченъ. Безъ сомнѣнія цѣлостъ цѣнности ипотѣки и порядокъ въ хозяйствѣ суть необходимое условіе для состоятельности кредита общества; но надо знать, какъ это

постоянное наблюдение приводится въ исполненіе въ практичѣ и не слишкомъ ли, оно стѣснительно для хозяевъ.

Кромѣ всѣхъ названныхъ инстанцій, въ каждомъ округѣ собираются два раза въ годъ всѣ безъ изъятія мѣстные члены общества въ окружныя собранія; имъ представляются всѣ счета и подробные отчеты и они избираютъ всѣхъ должностныхъ лицъ общества. Всѣ члены или землевладѣльцы имѣютъ вообще равное право голоса; т. е., каждый имѣетъ одинъ голосъ, какова бы ни была величина его имѣнія.

Всѣ инстанціи подчинены главной центральной дирекціи, которая составляетъ высшую инстанцію. Въ ней могутъ быть поданы апелляціи и жалобы на всякія распоряженія должностныхъ лицъ; но на нее уже нѣтъ никакой апелляціи: здѣсь всякій вопросъ, касающійся до общества, рѣшается окончательно.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности относительно порядка администраціи общества и распредѣленія зачатій и правъ между всѣми его органами. Такія подробности были бы слишкомъ утомительны, хотя можетъ статься имѣли бы нѣкоторый интересъ, какъ доказательство, до какой степени здѣсь тщательно обдуманы всѣ способы, чтобы уравновѣсить всѣ власти, не дать ни одной изъ нихъ рѣшительнаго преобладанія и произвола, и какъ при всей свободѣ дѣйствій въ исполнительныхъ дѣлахъ, предоставленной административнымъ органамъ, они окружены постояннымъ контролемъ всѣхъ членовъ общества.

Каждое имѣніе, подъ залогъ котораго производится ссуда изъ общества, подвергается особой оцѣнкѣ; основанія оцѣнки опредѣлены въ особыхъ правилахъ. Землевладѣлецъ представляетъ извѣстную сумму въ обезпеченіе расходовъ, могущихъ потребоваться для оцѣнки, ибо она падаетъ на отчетъ заемщика. Она производится на мѣстѣ, т. е. въ самомъ имѣніи, номинированнымъ для того совѣтникомъ окружной дирекціи, вмѣстѣ съ окружнымъ депутатомъ; эти лица не должны быть ни въ какихъ отношеніяхъ близкаго родства или иныхъ могущихъ имѣть вліяніе на ихъ показанія. Къ совѣтнику и депутату присоединяются для оцѣнки еще два эксперта, набираемыхъ каждый разъ, по большинству голосовъ, всѣми членами окружныхъ собраній. Наконецъ въ этой оцѣночной комиссіи долженъ еще непременно принимать участіе какой либо чиновникъ со стороны судебного вѣдомства. Пожеланію землевладѣльца нѣкоторые частіи

его имущества и хозяйства могутъ быть исключены изъ оцѣнки и затѣмъ оставаться свободными отъ залога. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя оцѣнщиками, сообщаются землевладѣльцу для представленія съ его стороны замѣчаній. Актъ оцѣнки передается дирекціею на разсмотрѣніе двухъ членовъ окружной коллегіи, принимавшихъ въ ней участіе, и если можно, то всегда съѣздомъ заемщика. Въ дирекціи оцѣнка рѣшается окончательно по большинству голосовъ.

Всѣ лица, производившія оцѣнку и разсматривавшія ее, отвѣчаютъ за ея вѣрность (кроме лицъ заявившихъ о своемъ несогласіи), такъ что въ случаѣ ущербовъ для общества отъ слишкомъ высокой оцѣнки, на нихъ обращается взысканіе. Актъ оцѣнки окончательно ревизуется главною дирекціею, которая сообщаетъ окружной свои замѣчанія. Заемщикъ можетъ приносить главною дирекціи жалобы на оцѣнку. Не смотря на всю сложность процедуры оцѣнки, она производится довольно быстро. Землевладѣлецъ можетъ заключать заемъ не тотчасъ послѣ окончанія оцѣнки; но всякая оцѣнка дѣйствительна лишь до истеченія 5 лѣтъ.

Для продажи съ аукціона имѣній несправныхъ заемщиковъ, производится окружными дирекціями другая оцѣнка, которую онѣ передаютъ подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, а послѣднія уже сами сносятъ съ владѣльцемъ имѣнія.

Послѣ оцѣнки окружная дирекція постановляетъ большинствомъ голосовъ цифру ссуды, которая можетъ быть сдѣлана подъ залогъ имѣнія. Ссуда производится закладными листами, выдаваемыми заемщику, по нарицательной ихъ цѣнѣ, какой бы онъ былъ въ то время курсъ закладныхъ листовъ общества на биржѣ. Всю сумму, выданную закладными листами, заемщикъ обязывается постепенно возвратить въ массу общества опредѣленными взносами и чистыми деньгами. Только въ такомъ случаѣ онъ можетъ выплатить закладными листами, а не чистыми деньгами, если онъ приобрететъ именно тѣ закладные листы, которые были выданы ему въ ссуду на его имѣніе.

Закладные листы выпускаются обществомъ на суммы отъ 200 до 1000 талеровъ, въ круглыхъ сотенныхъ цифрахъ; лишь десятая часть всѣхъ выпускаемыхъ листовъ можетъ быть раздроблена на суммы въ 100, 75, 50 и 25 тал. — На каждомъ листѣ помѣщается нѣмѣнѣ, подъ залогъ котораго онъ вынужденъ, и время выпуска. Къ листамъ присоединяются купоны, на которыхъ

означены проценты за каждые 6 мѣсяцевъ. Листы готовятъ и подписываются въ главной дирекціи.

Всѣ выпускаемые закладные листы предварительно записываются въ гипотечныя или закладныя книги въ подлежащія судебныя мѣстахъ. Долги, лежавшіе на имѣніи и уже обезпеченные ипотекою, могутъ быть переходны на общество, и это обозначается въ гипотечныхъ книгахъ. Затѣмъ всѣ долги обществу имѣютъ преимущество передъ всякими другими, хотя нѣтъ и не воспрещается землевладѣльцу заключать подъ залогъ того же самого имѣнія.

Проценты вносятся должниками общества въ кассы при окружныхъ дирекціяхъ чистыми деньгами два раза въ годъ за 6 мѣсяцевъ—отъ 16 до 24 іюня, и отъ 16 по 24 декабря. Купоны (на полученіе процентовъ по закладнымъ листамъ), срокъ уплаты по которымъ уже наступилъ, принимаются на равнѣ съ чистыми деньгами.

Какъ отъ точности въ уплатѣ процентовъ должниками зависитъ точность въ уплатѣ процентовъ по купонамъ, то взысканіе процентовъ весьма строго. По окончаніи сроковъ взноса процентовъ, составляется вѣдомость всѣмъ недоникамъ съ обозначеніемъ имѣній, залогомъ которыхъ они обезпечены. Эта вѣдомость передается въ исполнительную экспедицію мѣстнаго суда, которая безотлагательно накладываетъ запрещеніе на всю движимость владѣльца имѣнія и продаетъ всѣ существующія въ наличности продукты хозяйства. Затѣмъ продается съ аукціона осеквестрованная движимость, начиная съ менѣе необходимыхъ для хозяйства вещей. Если движимаго имущества окажется недостаточнымъ для покрытія недонки, то приступаютъ къ секвестру и продажѣ самого имѣнія. Если по какимъ либо другимъ взысканіямъ, состоящимъ на должникѣ общества, нужно будетъ наложить секвестръ или продать его имѣніе, то все это приводится въ исполненіе также не иначе, какъ чрезъ общество, хотя бы собственно въ отношеніи къ нему владѣлецъ имѣнія былъ исправенъ.

По наложеніи секвестра имѣніе поступаетъ въ администрацію общества и къ нему приставляется для этого особый администраторъ или управитель. Въ случаяхъ необходимости могутъ быть употребляемы суммы отъ общества на сохраненіе и поддержку хозяйства, но ни въ какомъ случаѣ на новыя улучшенія. Для наблюденія за администраціею назначается особый комиссаръ

отъ общества, который вступаетъ рѣшительно во всѣ права и обязанности полнаго владѣльца имѣнія. Всѣ тѣ источники дохода, которые представляютъ какія либо затрудненія для администраціи, должны быть отдаваемы въ аренду, но не болѣе какъ на одинъ годъ. Владѣлецъ имѣнія можетъ оставаться въ немъ жить и пользоваться всѣми почетными и политическими правами присвоенными его имѣнію, кромѣ вотчинной полиціи; если онъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ управленіе и хозяйство, то его формально удаляютъ изъ имѣнія. Во все время состоянія имѣнія подъ секвестромъ, оно находится въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи общества, такъ что никакія претензіи, ни казенныя, ни частныя на имѣніе, не могутъ имѣть дѣйствія помимо общества. Прежде нежели будетъ приступлено обществомъ къ продажѣ имѣнія, оно можетъ быть отдано имъ на аренду, подъ наблюденіемъ комиссара. Когда окажется невозможнымъ вознаградить всѣ недоимки и убытки общества инымъ способомъ, какъ продажей имѣнія, она производится безотлагательно судебными мѣстами съ публичнаго торга, по требованію общества. Если бы другіе кредиторы владѣльца имѣнія не желали продажи, то они не могутъ ей воспрепятствовать, а могутъ начать процессъ съ обществомъ судебнымъ порядкомъ. До дня окончательнаго ввода во владѣніе покупателя, имѣніе остается въ завѣдываніи общества. На публичномъ торгу можетъ быть поставлено обществомъ, какъ условіе пріобрѣтенія имѣнія, выкупъ обеспеченныхъ имъ закладныхъ листовъ. Въ уставѣ со всею нѣмецкою аккуратностью и со всѣмъ прусскимъ бюрократическимъ жаромъ излагаются самыя мельчайшія подробности порядка управленія секвестрованнымъ имѣніемъ до перехода его въ руки новаго владѣльца. Секвестръ можетъ быть также налагаемъ обществомъ въ случаѣ безпорядковъ, допущенныхъ владѣльцемъ и разстраивающихъ имѣніе.

Когда недоимка произошла не по винѣ заемщика, а отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, отъ него независѣвшихъ, то по увѣдомленіи объ этомъ дирекціи (чрезъ 8 дней послѣ происшествія) и по производствѣ слѣдствія, ему дѣлается краткая отсрочка, по истеченіи которой онъ обязанъ внести всю недоимку съ процентами (5%).

Общество имѣетъ особый фондъ для платежа процентовъ своимъ кредиторамъ или владѣльцамъ закладныхъ листовъ, на

случай несправности со стороны его должниковъ. Общество можетъ также занимать для этого деньги, на счетъ несправнаго должника (т. е. съ отнесеніемъ на его счетъ всѣхъ платимыхъ обществомъ процентовъ) или также оказать свое ему содѣйствіе для заключенія займа. Въ этихъ случаяхъ общество выдастъ отъ своего имени особыя квитанціи, въ которыхъ оно обязуется, если его должникъ будетъ опять несправенъ, обратиться възысканіе на его имѣніе въ установленномъ порядкѣ. По подобнымъ квитанціямъ владѣлецъ ихъ или новый кредиторъ несправнаго заемщика имѣетъ *преимущественное право* взысканія съ его имѣнія своего долга (разумѣется все-таки чрезъ посредство общества) даже передъ претензіями самаго общества; но такое право не можетъ продолжиться болѣе 6 мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ кредиторъ долженъ предъявить квитанцію ко взысканію. Подобныя квитанціи или срочные займы землевладѣльцевъ могутъ быть всегда *по уплатѣ ихъ* возобновляемы, но не иначе какъ на шесть мѣсяцевъ.

Тотчасъ послѣ окончанія сроковъ взноса процентныхъ платежей должниками общества, производится въ теченіе восьми дней во всѣхъ кассахъ, центральной, окружныхъ и особой, для того устроенной въ Берлинѣ, раздача процентовъ кредиторамъ общества, т. е. владѣльцамъ купоновъ. Послѣдніе могутъ получать проценты изъ какой имъ угодно кассы, по своему выбору.

По окончаніи раздачи процентовъ, всѣ кассы производятъ взаимный учетъ платежей, сдѣланныхъ одною изъ нихъ за другую. Проценты уплачиваются тотчасъ по предъявленіи купоновъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей и безъ предъявленія самыхъ закладныхъ листовъ. Владѣльцы купоновъ, не предъявленныхъ къ уплатѣ въ назначенный срокъ, не теряютъ права получать по нимъ деньги въ теченіе четырехъ лѣтъ (но безъ права на проценты за просроченные платежи), въ опредѣленные сроки, чрезъ каждые 6 мѣсяцевъ. Изъ всего этого видно, что процентныя купоны могутъ обращаться въ публикѣ отдѣльно отъ закладныхъ листовъ, что представляетъ значительное удобство, ибо купоны могутъ служить мелкой разменной монетой. Впрочемъ владѣльцы закладныхъ листовъ, въ случаѣ похищенія или потери купоновъ, могутъ всегда, въ установленномъ для того порядкѣ, отыскать свое право на нихъ.

Какъ общество, такъ и землевладѣльцы (должники его) имѣютъ право на выкупъ своихъ закладныхъ листовъ, т. е. общество — всѣхъ листовъ имъ выпущенныхъ, а землевладѣлецъ — тѣхъ, которые выданы ему были подъ залогъ его имѣнія, изъ рукъ настоящихъ ихъ владѣльцевъ. Это право приводится ими въ исполненіе слѣдующимъ образомъ. Когда землевладѣлецъ хочетъ воспользоваться своимъ правомъ выкупа относительно всѣхъ закладныхъ листовъ, надписанныхъ на его имѣніе, или только части ихъ, т. е. правомъ изытія ихъ изъ обращенія посредствомъ уплаты за нихъ чистыми деньгами, то онъ обязанъ: 1) заявить обществу о своемъ желаніи по крайней мѣрѣ за 8 мѣсяцевъ до одного изъ сроковъ платежа процентовъ землевладѣльцами; 2) представить при этомъ въ главную дирекцію чистыми деньгами сумму, составляющую 5 проц. съ капитала, предназначаемаго имъ для выкупа, въ видѣ обезпеченія. Если землевладѣлецъ выкупаетъ не всѣ свои закладные листы и не обозначаетъ въ своей просьбѣ номеровъ тѣхъ, которые онъ именно желаетъ выкупить, то общество избираетъ эти нумера по жребію. Задаточная сумма служитъ для общества обезпеченіемъ противъ ущербовъ, которые могутъ для него произойти въ случаѣ отказа землевладѣльца отъ выкупа, ибо тогда общество все-таки должно выкупить собственными средствами закладные листы, объявленные чрезъ него къ выкупу. За 15 дней до срока платежа процентовъ, такіе листы должны быть непременно выкуплены изъ рукъ ихъ владѣльца. Если землевладѣлецъ исполнить взятое имъ на себя обязательство, то задатокъ засчитывается ему въ платежъ выкупа съ $3\frac{1}{2}$ процентами (последніе рассчитываются на годъ). Но въ случаѣ неисполненія обязательства со стороны землевладѣльца, удержаніемъ его задатка въ пользу общества не ограничивается взысканіе за его несправность. Если ущербы, понесенные чрезъ то обществомъ, менѣе задаточныхъ 5 проц., то излишекъ возвращается землевладѣльцу; если они болѣе — то съ него взыскиваются недостающія деньги. Получивъ просьбу о выкупѣ, общество объявляетъ о томъ владѣльцамъ закладныхъ листовъ; но оно обязано это сдѣлать не иначе какъ за 6 мѣсяцевъ впередъ. Объявленіе производится на счетъ общества. Владѣльцы выкупаемыхъ закладныхъ листовъ обязаны представить ихъ вмѣстѣ съ неоплаченными купонами въ общество по истеченіи 6 мѣсяцевъ со дня объявленія; взаменъ того они получаютъ изъ общества квитанціи, по которымъ черезъ 6 недѣль

непрѣмѣнно имъ выплачивается обществомъ вся выкупленная сумма. Если вмѣстѣ съ закладными листами не представлены купоны, то по нимъ можетъ быть сдѣлана уплата отдѣльно отъ листовъ. Такимъ же порядкомъ общество выкупаетъ изъ обращенія закладные листы для постепеннаго ихъ погашенія; выкупаемые листы избираются по жребію. Владѣльцы закладныхъ листовъ обязаны всегда согласиться на выкупъ, если впрочемъ не изъявлено другими владѣльцами закладныхъ листовъ желаніе получить за нихъ капиталъ чистыми деньгами на сумму, равную суммѣ выкупаемой обществомъ. Въ такомъ случаѣ производится обмѣнъ однихъ листовъ на другіе.

Всѣ члены дирекцій общества и окружныхъ коллегій и всѣ безъ изъятія должностныя лица общества и исполняющія какія либо его порученія (хотя бы они были членами общества) получаютъ вознагражденіе въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Вотъ всѣ подробности новаго устава Померанскаго общества, которыя мы считали полезнымъ сообщить читателямъ; желающіе узнать болѣе, должны обратиться къ самому подлиннику, изученіе котораго не излишне при всякой попыткѣ новаго учрежденія поземельнаго кредита. (*)

Теперь мы представимъ нѣкоторые статистическія свѣдѣнія о ходѣ операций прусскихъ обществъ поземельнаго кредита и ихъ настоящаго положенія. (**)

Въ нижеслѣдующей таблицѣ показано количество закладныхъ листовъ, выпущенныхъ всѣми прусскими кредитными земледѣльческими обществами съ 1805 по 1848 г.

(*) Въ сочиненіи *Joussieu* напечатанъ *in extenso* весь уставъ

(**) Свѣдѣнія эти заимствованы нами преимущественно изъ сочиненія Гюбнера *Die Banken*. Къ сожалѣнію они не идутъ далѣе 1848 г. Данныхъ за послѣдующее время мы не могли собрать, ихъ даже нѣтъ въ сочиненіи *Rau: Die ländliche Urproduction u. der Realcredit*, вышедшемъ въ 1857 г., и въ статистическомъ сборникѣ Гюбнера за 1858 г. Если намъ удастся пріобрѣсти свѣдѣнія за послѣдніе года, то мы ихъ помѣстимъ въ приложеніяхъ къ нашему труду.

КОЛИЧЕСТВО ВЫДАННЫХЪ ПРУССКИМИ КРЕДИТНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ ЗАКЛАДНЫХЪ ЛИСТОВЪ (*).

Въ какихъ провинціяхъ.	по какой годъ.					
	1805	1815	1825	1835	1845	1848
Въ Силезіи (**).	24,162,238	30,662,673	37,974,640	40,526,365	36,985,440	33,633,833
« процентахъ.		26,9	37,17	67,73	53,7	47,63
» Бранденбургъ	3,689,050	4,221,800	8,162,630	11,461,300	11,740,200	12,803,500
» процентахъ.		14,44	121,27	210,64	243,35	247,12
» Помераніи	6,830,200	7,778,550	12,782,225	14,841,075	14,951,725	15,040,925
» процентахъ.		13,83	88,46	117,29	118,9	120,4
» Западной Пруссіи	9,897,600	10,040,835	10,839,425	10,216,883	10,351,638	10,727,878
» процентахъ.		1,45	9,52	3,23	4,39	8,39
» Восточной Пруссіи	9,238,950	9,934,000	11,033,325	11,249,475	10,939,445	11,041,350
» процентахъ.		8,04	19,54	21,85	18,71	19,60
Всего	53,811,038	62,677,898	80,884,465	88,239,098	83,988,578	85,291,308
Въ процентахъ.		16,48	50,31	64,08	59,80	58,50

Разсмотримъ движеніе этихъ цифръ отдѣльно по каждой провинціи.

Въ самомъ старомъ обществѣ, Силезскомъ, выпущенные закладные листы составляли въ 1775 г. (при его основаніи) около 10 мил. талеровъ. Непродолжительная Баварская война (съ іюня 1778 по февраль 1779 г.) возбудила только мгновенныя опасенія на счетъ состоятельности поземельнаго кредита; послѣ того онъ разширился такъ, что сумма всѣхъ закладныхъ листовъ достигла въ 1805 г. болѣе 24 мил. Послѣ войны 1813, 14 и 15 г. она составляла уже болѣе 30 съ половиною мил. т. е., возрасла въ десятилѣтіе 1805—1815 г. на 26,90 процентовъ. Въ слѣдующихъ же десятилѣтіяхъ:

18¹⁵/₂₅ на 30,27 процентовъ болѣе чѣмъ въ предъидущемъ.

18³⁵/₃₅ на 10,56 процентовъ болѣе чѣмъ въ предъидущемъ.

(*) Эта таблица извлечена нами изъ сочиненія Рау (нѣсколько разъ нами упомянутого); она составлена на основаніи свѣдѣній Гюбнера, въ его книгѣ о банкахъ, и Прусскаго Статистическаго бюро. Всѣ суммы показаны въ прусскихъ талерахъ. Прусскій талеръ = 91¹/₂ к. сер.

(**) Цифры процентовъ означаютъ процентъ, на который количество закладныхъ листовъ выпущенныхъ по такой-то годъ увеличилось или уменьшилось сравнительно съ числомъ ихъ выпущеннымъ на 1885 г.

1835 г. есть точка поворота, начиная съ которой Силезское общество стало на большую сумму погашать закладныхъ листовъ, чѣмъ выпускать. Несмотря на это цифра всѣхъ выпущенныхъ закладныхъ листовъ въ 1848 г. составляетъ болѣе $35\frac{1}{2}$ мил., т. е. болѣе чѣмъ на 47 проц. болѣе чѣмъ въ 1805 г. Преимущественное возрастаніе закладныхъ листовъ въ періодъ $18\frac{15}{35}$ и особенно $18\frac{15}{25}$ должно приписать крайнему удешевленію цѣнъ на сѣбствныя припасы, разстроившему временно частныя хозяйства. Съ 1835 г. цѣны возвысились и вмѣстѣ съ тѣмъ Европа вступила въ періодъ полнаго мира; обстоятельства Силезскихъ хозяевъ поправились и они стали въ большемъ размѣрѣ уплачивать старые долги, чѣмъ заключать новые.

Любопытно также взглянуть въ связи съ такимъ развитіемъ поземельнаго кредита въ Силезіи на цифру недоимокъ, остававшихся въ разныхъ годахъ по платежу процентовъ землевладѣльцамъ. Эти недоимки были:

1805 г.	. . . . .	619,802 т.
1815 »	. . . . .	285,940 »
1835 »	. . . . .	297,290 »
1845 »	. . . . .	14,924 »
1848 »	. . . . .	124,106 »

И въ этихъ цифрахъ замѣчается тотъ же характеръ движенія. Самый недостаточный годъ былъ 1815, послѣ наполеоновскихъ войнъ, въ этомъ же году пріостановлена была правительствомъ уплата долговъ. Самый благопріятный годъ былъ 1845, апогея европейскаго мира.

Резервный и погасительный фондъ общества составляли.

1815 г.	. . . . .	1,157,340 т.
1825 »	. . . . .	1,399,459 »
1835 »	. . . . .	1,819,399 »
1845 »	. . . . .	2,167,222 »
1848 »	. . . . .	2,292,605 »

Этотъ фондъ заключается въ чистыхъ деньгахъ (монетѣ), закладныхъ листахъ (надписанныхъ, но не выпущенныхъ, выкупленныхъ, не уничтоженныхъ и проч.), разныхъ кредитныхъ бумагахъ, ссудахъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ (безъ выпуска закладныхъ листовъ), суммахъ, занятыхъ подъ залогъ закладныхъ листовъ и проч.

Наконецъ взглянемъ на количество въ разные періоды вновь заключенныхъ долговъ и погашенныхъ старыхъ:

Заключено новыхъ долговъ.		Погашено старыхъ.
18 ¹⁵ / ₂₅	9,810,960	2,498,393
18 ²⁵ / ₃₅	5,376,730	2,825,005
18 ³⁵ / ₄₅	2,969,995	6,510,920
18 ⁴⁵ / ₄₈	536,805	1,846,390
	<u>18,694,490</u>	<u>13,891,308</u>

Болѣе половины всѣхъ долговъ приходится въ теченіе этихъ 33 лѣтъ на десятилѣтіе 18¹⁵/₂₅; такъ и бываетъ всегда при учрежденіяхъ поземельнаго кредита. Сперва всѣ стараются ими пользоваться, но потомъ прогрессія новыхъ долговъ постепенно замедляется въ своемъ развитіи.

Въ Бранденбургѣ поземельный кредитъ по новой системѣ былъ учрежденъ въ 1772 году и потомъ нѣсколько преобразованъ по образцу Силезскаго въ 1782 г. Сперва операціи Бранденбургскаго общества были весьма незначительны, въ 1805 г. было около 3¹/₂ милліоновъ тал. закладныхъ листовъ, и въ 1815 г. не много болѣе 4 мил. Причина этого заключалась въ сосредоточеніи капиталовъ въ Берлинѣ. Но послѣ того операціи Бранденбургскаго общества стали быстро возрастать, такъ что съ 1805 по 1848 г. число листовъ увеличилось на 247¹/₃ процентовъ. Такимъ образомъ въ Бранденбургѣ съ 1805 г. почти на 200% ссуды возрасли болѣе, чѣмъ въ Силезіи, и несмотря на то до сихъ поръ составляютъ въ Силезіи почти въ 4 раза большую сумму, чѣмъ въ Бранденбургѣ.

Хотя быстрое возрастаніе цифры ссудъ въ Бранденбургѣ объясняется крайнею медленностію поземельнаго кредита въ этой провинціи въ самомъ началѣ, не должно также опускать при этомъ изъ виду другую причину, возрастаніе цѣнности поземельныхъ имуществъ, всюду производящее свое дѣйствіе и возвышающее оцѣнки и затѣмъ размѣръ ссудъ, но особенно проявившееся въ Бранденбургѣ, какъ въ странѣ сосредоточенной около центра государства.

Недочимки по процентнымъ взносамъ представляются по Бранденбургу въ слѣдующемъ видѣ :

1815.	. . . . .	42,342 т.
1825.	. . . . .	21,928 »
1835.	. . . . .	7,223 »
1845.	. . . . .	5,309 »
1848.	. . . . .	6,909 »

Въ Бранденбургѣ бурный 1848 г. также обнаружился возрастаніемъ недоимки, но далеко не въ такой степени, какъ въ Силезіи, съ 15 т. до 124 т.

Запасный и погасительный фондъ Бранденбургскаго общества составляетъ около 300,000 т.

Движеніе долговъ и погашенія шлѣ было здѣсь слѣдующее:

Заклучено новыхъ долговъ.		Погашено старыхъ.
18 ¹⁵ / ₂₅	4,095,150	154,300
18 ²⁵ / ₃₅	3,483,400	184,750
18 ³⁵ / ₄₅	2,297,450	1,018,550
18 ⁴⁵ / ₄₈	638,050	572,750
	<hr/> 10,514,050	<hr/> 1,930,350

И такъ погашеніе шло здѣсь гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Силезіи, гдѣ погашено болѣе 13¹/₂ милл. долговъ и заключено новыхъ только на 18¹/₂ милл.

Въ Помераніи съ самаго учрежденія общества было сдѣлано почти вдвое болѣе ссудъ, чѣмъ въ Бранденбургѣ, и потомъ онѣ возрастали весьма быстро, особенно 18³⁵/₄₈, но все таки менѣе, чѣмъ въ Бранденбургѣ, ибо въ окончательномъ результатѣ возрасли только на 120 проц. (въ Бранденбургѣ на 247.)

Недоимки въ процентныхъ взносахъ стали уменьшаться едѣсь лишь съ 1835 г. и потомъ въ 1848 г. опять возрасли; такъ:

1835.	22,788 т.
1845.	18,714 »
1848.	33,891 »

Хотя въ Помераніи и Силезіи недоимки могутъ показаться значительными (въ Помераніи въ 1835 г. 4⁰/₀ всей суммы ежегодныхъ взносовъ и въ 1845 г. 6⁰/₀); но не должно забывать, что недоимки почти исключительно относятся только къ одному семестру или половинѣ года, и въ слѣдующемъ всегда покрываются, вслѣдствіе строгихъ и безотлагательныхъ мѣръ взысканія, принятыхъ прусскими обществами.

Движеніе заключенія новыхъ долговъ и погашенія старыхъ было въ Помераніи слѣдующее.

Заклучено новыхъ долговъ.		Погашено старыхъ.
18 ¹⁵ / ₂₅	5,413,650	319,975
18 ²⁵ / ₃₅	2,317,975	349,125
18 ³⁵ / ₄₅	848,550	737,900
18 ⁴⁵ / ₄₈	244,975	155,775
	<hr/> 8,825,150	<hr/> 1.562,775

Большая часть погашенія относится къ періоду 18³⁵/₄₅ точно такъ, какъ и въ Силезіи и Бранденбургѣ.

Запасный и погасительный фондъ Померанскаго общества составляли въ 1848 г.

Кредитное общество Западной Пруссіи (возникшее въ 1794 г.) потерпѣло страшное разстройство въ своихъ дѣлахъ отъ Тильзитскаго мира, произведшаго новое распредѣленіе территоріи этой части Пруссіи и отдѣлившаго нѣкоторые округа ея Герцогству Варшавскому. Изъ четырехъ городовъ, бывшихъ центрами дѣйствій общества, только одинъ остался тогда за Пруссіею. Происшедшая отсюда запутанность въ счетахъ и замѣшательство въ платежахъ продолжались даже послѣ возвращенія къ Пруссіи отдѣлившихся округовъ; и даже до сихъ поръ замѣтенъ слѣдъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ весьма естественно было недовѣріе, которымъ пользовались на биржахъ закладные листы общества Западной Пруссіи, и весьма понятно, почему такъ медленно возрастали здѣсь ссуды сравнительно съ другими провинціями Пруссіи. Въ нѣкоторыхъ округахъ Западной Пруссіи поземельный кредитъ не только не расширялся съ 1805 по 1848 г., но даже упалъ и только въ не многихъ ссуды возрастали, и то весьма медленно. Значительное накопленіе недоимокъ процентныхъ взносовъ съ 1805 по 1825 г. вынудило правительство повелѣть разсрочить недоимку на нѣсколько лѣтъ, посредствомъ постепеннаго и ежегоднаго погашенія ея. Эти недоимки старыхъ лѣтъ составляли еще въ 1853 г. 32,271 т., изъ которыхъ осталось въ 1848 г. не уплаченныхъ лишь 2,665 т. Но кромѣ того накопились и новыя недоимки.

Запасный фондъ общества составлялъ въ 1848 г. 292,869 т. и погасительный 353,257 т.

Заключеніе новыхъ долговъ и погашеніе старыхъ имѣло слѣдующее движеніе въ Западной Пруссіи:

Заключено новыхъ долговъ:	Погашено старыхъ:
18 ¹⁵ / ₂₅ 1,621,100	822,550
18 ²⁵ / ₃₅ 1,056,325	1,679,725
18 ³⁵ / ₄₅ 1,420,288	1,285,083
18 ⁴⁵ / ₄₈ 746,485	370,285
4,844,198	4,157,643

Здѣсь отношеніе погашенія къ новымъ долгамъ довольно благопріятное: погашеніе въ теченіе 33 лѣтъ было только на 600,000 т. менѣ цифры новыхъ долговъ.

Въ Восточной Пруссіи количество выпущенныхъ закладныхъ листовъ съ 1805 по 1848 г. постоянно возрастало. Хотя границы Восточной Пруссіи не измѣнились послѣ Тильзитскаго мира, но война произвела въ этомъ краѣ, бывшемъ для нея театромъ, большія опустошенія. Платежъ процентовъ пріостановился и здѣсь; кредитъ поднялся не скоро, и Восточная Пруссія по проценту возрастанія выпущенныхъ закладныхъ листовъ занимаетъ въ ряду другихъ провинцій послѣднее (исключая Западной Пруссіи) мѣсто.

Недоимки въ платежѣ процентовъ представляются здѣсь такъ:

1815	1,443,556 т.
1825	949,038 —
1835	108,349 —
1845	7,163 —
1847	620 —

Судя по этому быстрому уменьшенію недоимокъ, обстоятельства помѣщиковъ Восточной Пруссіи поправились послѣ войны. Въ теченіе 32 лѣтъ погашенные $1\frac{1}{2}$ мил. недоимки доказываютъ упорныя ихъ усилія къ исправленію своихъ дѣлъ. Для подкрѣпленія своихъ способовъ послѣ войны кредитное общество Восточной Пруссіи должно было заключить значительные займы, которые восходили въ 1815 г. до 2 мил., и оно такъ благо-разумно вело свои дѣла, что въ 1847 г., вмѣсто долга, въ его распоряженіи было до $\frac{1}{2}$ мил. запаснаго капитала.

Движеніе новыхъ долговъ и погашеніе старыхъ было здѣсь слѣдующее:

Заключено новыхъ долговъ.	Погашено старыхъ.
$18^{15}/_{25}$ — 2,526,075	1,504,550
$18^{25}/_{35}$ — 1,318,375	1,464,425
$18^{35}/_{45}$ — 1,201,425	1,491,425
$18^{45}/_{47}$ — 273,675	191,600

По Познаньскому обществу мы не имѣли такихъ подробныхъ свѣдѣній, какъ по прочимъ провинціямъ. Потому оно и не вошло въ нашу таблицу, составленную по сочиненію Губнера, у котораго собраны данныя по Познани только до 1849 г. Всего было въ этомъ году въ обращеніи закладныхъ листовъ, выпущенныхъ Познаньскимъ обществомъ, на 17,891,200 т. Стало быть, по цифрѣ своихъ оборотовъ оно занимаетъ второе мѣсто

послѣ Силезскаго общества. Спеціальный или запасный фондъ Познаньскаго общества составлялъ до 800,000 т.

И такъ во всѣхъ прусскихъ кредитныхъ обществахъ (въ 6-ти провинціяхъ) или институтахъ, какъ ихъ называютъ, было всего выпущено въ 1848 г. до 103 милліоновъ талеровъ закладныхъ листовъ. Въ общемъ результатѣ, въ 5-ти провинціяхъ: Силезіи, Бранденбургѣ, Помераніи, Западной и Восточной Пруссіи (Познаньское общество учреждено позже всѣхъ) долгъ лежащій на землевладѣльцахъ возросъ съ 1805 по 1848 г. на 31 милл. талер. Изъ этого необходимо заключить, что доходы съ имѣній значительно возрасли въ этихъ провинціяхъ въ теченіе первой половины XIX столѣтія, ибо недоимки въ платежѣ процентовъ, какъ мы видѣли, постепенно уменьшались, несмотря на возрастаніе цифры долговъ. Безъ всякаго сомнѣнія, поземельный кредитъ оказалъ великія благодѣянія сельскому хозяйству въ Пруссіи, и не только въ нормальныя эпохи всеобщаго мира, но и въ моментъ кризисовъ и всеобщаго разстройства дѣла.

Капиталисты также выиграли отъ прусскихъ учреждений поземельнаго кредита; ибо черезъ ихъ посредство они избавились отъ необходимости, при непосредственной выдачѣ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, производить утомительную и всегда сопряженную съ ошибками оцѣнку имъ и наблюдать за исправною уплатою процентовъ или терпѣть отъ неисправности своихъ должниковъ, или наконецъ входить въ процессы, преисполненные всякихъ канцелярскихъ проволочекъ и ушибовъ. Теперь, хотя проценты такихъ ссудъ понизились, но за то они не сопряжены ни съ малѣйшими хлопотами для капиталистовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе получили возможность, во всякое время, продажей закладныхъ листовъ высвободить или реализовать свои деньги.

Теперь посмотримъ на биржевой курсъ прусскихъ закладныхъ листовъ и его движеніе въ разныя эпохи. Подъ курсомъ (*) всякой кредитной бумаги разумѣютъ ту цѣну, которую владѣлецъ ея согласенъ за нее получить, а покупщикъ дать. Настоящій курсъ опредѣляется на биржѣ, куда сосредоточиваются мас-

---

(*) Подробное объясненіе причинъ, отъ которыхъ зависитъ биржевой курсъ всякихъ кредитныхъ бумагъ, сдѣлано въ «Биржевыхъ операціяхъ» соч. В. П. Безобразова. Москва. 1837 г.

сы лицъ, желающихъ продать и желающихъ купить разнаго рода цѣнности. Въ биржи могутъ быть также заключаемы частныя сдѣлки купли и продажи, но на ихъ условія, какъ на всякіе частные случаи, могутъ имѣть вліяніе особенныя, исключительныя, *личныя* обстоятельства людей. На биржѣ всѣ эти обстоятельства, по многочисленности сдѣлокъ, взаимно уравниваются и цѣна остается подъ вліяніемъ самыхъ главныхъ и всеобщихъ причинъ, направляющихъ владѣльцевъ кредитныхъ бумагъ къ продажѣ ихъ, а владѣльцевъ наличныхъ денегъ—къ покупкѣ. Очевидно, что эти причины для всякой отдѣльной кредитной бумаги вообще двухъ родовъ, *внутреннія* и *внѣшнія*. Первые связаны съ характеромъ самой бумаги, т. е. вообще степени довѣрія къ ней (состоятельности предпріятія, капиталъ котораго она собою представляетъ, и величины процента, по ней получаемого). Вторые вовсе не зависятъ отъ внутренней цѣнности самой бумаги, а отъ обстоятельствъ торга или рынка, отъ количества свободныхъ денегъ, ищущихъ для себя употребленія или затраты, отъ ходячаго процента по всѣмъ кредитнымъ сдѣлкамъ, отъ состоянія вообще политической и промышленной атмосферы. Потому причины биржеваго курса всякаго рода бумажныхъ цѣнностей столько же могутъ быть отнесены къ самому предпріятію, для котораго онѣ выпущены, сколько и ко всѣмъ вообще промышленнымъ обстоятельствамъ данной страны и народа. По курсу можно только отчасти судить о характерѣ самаго предпріятія, по крайней мѣрѣ только на половину, и вообще можно судить, принявъ во вниманіе всѣ внѣшнія причины того или другаго курса въ данную эпоху.

Для обозрѣнія движенія курсовъ закладныхъ листовъ, представляемъ таблицу курсовъ на Берлинской биржѣ, съ 1807 г. на 1848 г. составленную по Губнеру (*).

(*) Каждая цифра этой таблицы означаетъ ту сумму талеровъ (на пр. 85. или 105) которую давали за каждыя 100 талеровъ, написанныхъ въ закладныхъ листахъ. Эти 100 составляютъ нарицательную или выпускную цѣну листовъ, т. е. ту, которую за нихъ платили первоначально при самомъ полученіи ихъ изъ общества. Всякая цѣна ниже 100 называется *ниже пари*, выше 100—*выше пари* и когда равно 100—*пари*.

КУРСЪ ПРУССКИХЪ ЗАКЛАДНЫХЪ ЛИСТОВЪ НА БЕРЛИНСКОЙ БИРЖѢ.

Годъ:	Какихъ обществъ:											
	Силезскаго.		Бранденбургскаго.		Померанскаго.		Западной Пруссии.		Восточной Пруссии.		Познаньскаго.	
	выс- шій.	низ- шій.	выс- шій.	низ- шій.	выс- шій.	низ- шій.	выс- шій.	низ- шій.	выс- шій.	низ- шій.	выс- шій.	низ- шій.
1807	85 ¹ / ₂	80	94 ¹ / ₂	87 ¹ / ₂	95 ¹ / ₂	88	88 ¹ / ₂	65	91	82		
1808	87 ¹ / ₂	60	88 ¹ / ₂	60	89 ¹ / ₂	66 ¹ / ₂	68	47 ¹ / ₂	84 ¹ / ₂	53 ¹ / ₂		
1809	87	72	82 ¹ / ₂	67 ¹ / ₂	89 ¹ / ₂	73 ¹ / ₂	60 ¹ / ₂	48 ¹ / ₂	75	55		
1810	87 ¹ / ₂	80	80	74 ¹ / ₂	88 ¹ / ₂	81	58 ¹ / ₂	54 ¹ / ₂	61 ¹ / ₂	54 ¹ / ₂		
1811	80	62 ¹ / ₂	86	73	86	77 ¹ / ₂	54 ¹ / ₂	45 ¹ / ₂	53 ¹ / ₂	47 ¹ / ₂		
1812	70 ¹ / ₂	58	82 ¹ / ₂	64 ¹ / ₂	87	69 ¹ / ₂	45 ¹ / ₂	34 ¹ / ₂	46 ¹ / ₂	33 ¹ / ₂		
1813	81 ¹ / ₂	61 ¹ / ₂	91 ¹ / ₂	75 ¹ / ₂	91	76 ¹ / ₂	60 ¹ / ₂	41 ¹ / ₂	60 ¹ / ₂	36 ¹ / ₂		
1814	95 ¹ / ₂	75	98	88 ¹ / ₂	100	90	84 ¹ / ₂	60 ¹ / ₂	87 ¹ / ₂	61		
1815	98 ¹ / ₂	81 ¹ / ₂	102	93 ¹ / ₂	102 ³ / ₄	95 ¹ / ₂	89 ¹ / ₂	64 ¹ / ₂	91	69 ¹ / ₄		
1816	104 ¹ / ₂	99	103 ¹ / ₂	99 ⁵ / ₄	105 ³ / ₄	101 ¹ / ₂	85	80 ³ / ₂	87 ¹ / ₂	84 ¹ / ₂		
1817	105 ¹ / ₂	103	102 ¹ / ₂	100	104	101 ¹ / ₂	88 ¹ / ₂	80 ¹ / ₂	88 ¹ / ₂	82 ¹ / ₂		
1818	106 ³ / ₄	105	102 ¹ / ₂	101	104	102	91	86 ¹ / ₂	95 ¹ / ₄	87 ¹ / ₂		
1819	107	105 ³ / ₄	103	101 ¹ / ₂	103 ¹ / ₂	101 ³ / ₄	92 ¹ / ₄	87 ¹ / ₂	94 ¹ / ₂	91		
1820	106 ¹ / ₂	103	103 ¹ / ₂	101 ³ / ₄	103 ¹ / ₂	101 ⁵ / ₄	92	86	91 ¹ / ₄	86 ¹ / ₄		
1821	104 ¹ / ₂	102 ¹ / ₂	102 ¹ / ₂	100 ¹ / ₂	102 ¹ / ₂	100 ³ / ₂	86	79 ¹ / ₂	87	79 ¹ / ₂		
1822	103 ¹ / ₄	99 ⁵ / ₄	101 ¹ / ₂	97 ³ / ₄	100 ³ / ₄	95 ³ / ₄	82 ¹ / ₄	77 ¹ / ₂	81 ¹ / ₆	76 ¹ / ₂		
1823	102	99	100 ³ / ₄	98	99	96	78 ³ / ₈	76	80 ¹ / ₂	77 ¹ / ₄	87 ¹ / ₃	75 ³ / ₄
1824	103 ³ / ₄	100 ¹ / ₄	100 ¹ / ₂	98 ¹ / ₂	102	95 ³ / ₄	89 ³ / ₄	76	92 ³ / ₈	77 ³ / ₈	92 ³ / ₈	79 ³ / ₈
1825	105 ¹ / ₄	102 ¹ / ₂	103	100 ¹ / ₄	101 ³ / ₄	100 ³ / ₄	90 ¹ / ₄	85 ³ / ₄	92 ³ / ₄	86 ³ / ₄	97	89 ³ / ₄
1826	104 ¹ / ₂	103 ³ / ₄	102 ⁷ / ₈	100 ³ / ₄	101 ³ / ₄	100 ¹ / ₂	89 ¹ / ₂	83 ¹ / ₂	91 ¹ / ₂	85 ⁷ / ₈	95 ³ / ₄	98 ¹ / ₂
1827	104 ³ / ₄	103 ³ / ₂	104	102 ¹ / ₄	102 ⁵ / ₈	100 ⁷ / ₈	94 ³ / ₈	85	94 ¹ / ₂	85 ⁵ / ₈	98 ³ / ₈	91 ¹ / ₈
1828	106	103 ¹ / ₄	105	103 ³ / ₄	104 ³ / ₄	101 ¹ / ₂	98	90 ¹ / ₄	98	90 ¹ / ₄	100	96 ¹ / ₂
1829	107	105 ¹ / ₄	106 ¹ / ₂	103 ⁷ / ₈	106 ¹ / ₂	102 ⁷ / ₈	100 ¹ / ₂	95 ¹ / ₂	100 ³ / ₈	94 ³ / ₈	101 ⁵ / ₈	98 ⁷ / ₈
1830	107	100 ¹ / ₂	106 ⁵ / ₈	100 ¹ / ₄	105 ³ / ₈	101 ¹ / ₂	102	84 ¹ / ₂	102 ¹ / ₈	92 ¹ / ₂	103 ¹ / ₇	85 ¹ / ₂
1831	106	100 ¹ / ₂	105 ¹ / ₄	100 ³ / ₈	105 ¹ / ₂	101 ¹ / ₂	97 ³ / ₄	86	99 ¹ / ₂	90 ¹ / ₂	99	86
1832	106 ¹ / ₂	100 ¹ / ₂	105 ¹ / ₂	103 ¹ / ₂	105 ¹ / ₂	103 ³ / ₄	97 ³ / ₈	94 ¹ / ₂	100 ³ / ₈	96 ³ / ₈	99 ³ / ₈	96 ¹ / ₂
1833	106 ¹ / ₂	105	104 ⁷ / ₈	105 ³ / ₄	105 ¹ / ₄	103 ³ / ₄	98 ³ / ₈	96 ¹ / ₂	100 ³ / ₈	97 ³ / ₈	102 ¹ / ₃	101
1834	106 ¹ / ₄	105	106 ¹ / ₂	105 ³ / ₈	106 ¹ / ₂	105 ¹ / ₈	101 ¹ / ₄	97 ³ / ₈	101	99 ¹ / ₈	101 ¹ / ₄	98 ³ / ₄
1835	107 ¹ / ₈	105 ³ / ₄	106 ³ / ₈	100 ¹ / ₈	106 ¹ / ₂	104 ¹ / ₂	102 ³ / ₈	100 ³ / ₄	102 ³ / ₈	100 ³ / ₄	103 ¹ / ₄	102 ¹ / ₄
1836	107	102 ³ / ₄	101 ⁷ / ₈	105 ¹ / ₄	102	103 ¹ / ₄	103 ¹ / ₄	101 ³ / ₈	103 ¹ / ₄	101 ³ / ₈	104 ¹ / ₂	102 ⁷ / ₈
1837	107	105 ³ / ₄	101 ³ / ₄	100 ¹ / ₄	105 ¹ / ₄	100	104 ³ / ₄	102 ¹ / ₈	104 ¹ / ₂	102 ¹ / ₄	104 ¹ / ₂	103
1838	107	102 ¹ / ₂	102 ¹ / ₄	99 ³ / ₈	101 ¹ / ₄	99 ⁷ / ₈	102 ¹ / ₄	100 ¹ / ₂	102 ¹ / ₂	100 ¹ / ₂	105 ³ / ₄	103 ³ / ₄
1839	103 ¹ / ₄	101 ³ / ₈	104	101 ³ / ₈	103 ¹ / ₂	101 ¹ / ₄	103 ¹ / ₈	100 ¹ / ₂	103 ¹ / ₈	100 ¹ / ₂	105 ³ / ₈	103 ¹ / ₂
1840	103 ¹ / ₂	101 ¹ / ₂	104 ¹ / ₈	101 ³ / ₈	104	101 ¹ / ₄	102 ³ / ₈	99 ³ / ₄	102 ⁷ / ₁₂	100 ³ / ₈	106 ³ / ₈	104 ¹ / ₁₂
1841	102 ³ / ₄	100 ¹ / ₂	103 ³ / ₈	100 ³ / ₈	103	101 ¹ / ₄	102 ¹ / ₂	101	103 ¹ / ₄	100 ¹ / ₂	105 ³ / ₄	104
1842	103 ¹ / ₄	101	104 ¹ / ₈	102 ¹ / ₈	103 ³ / ₈	102 ¹ / ₂	103 ¹ / ₄	101 ³ / ₈	104	102	107	105
1843	102 ¹ / ₄	100 ³ / ₄	103 ³ / ₄	101	103 ³ / ₄	101 ¹ / ₈	103 ¹ / ₈	100 ¹ / ₂	104 ³ / ₈	103 ³ / ₈	106 ³ / ₈	105 ¹ / ₂
1844	101	98 ³ / ₄	102	99 ¹ / ₂	101 ³ / ₄	99 ¹ / ₂	101 ¹ / ₂	98	104	99 ³ / ₈	106	102 ³ / ₄
1845	100	96 ³ / ₄	100 ¹ / ₂	97 ¹ / ₄	100 ¹ / ₄	97	98 ³ / ₄	96 ¹ / ₄	100 ¹ / ₄	96 ¹ / ₂	104 ¹ / ₂	101 ¹ / ₂
1846	98 ¹ / ₄	95 ¹ / ₂	99	92 ³ / ₄	97 ⁰ / ₄	92	97 ¹ / ₂	90 ³ / ₄	98	93 ¹ / ₂	103 ³ / ₇	101
1847	98	95 ³ / ₄	96 ⁷ / ₈	92 ³ / ₄	96	92 ¹ / ₂	94 ¹ / ₄	90 ¹ / ₂	97 ¹ / ₄	94 ¹ / ₂	102 ¹ / ₂	100 ¹ / ₂
1848	96 ¹ / ₄	83	94 ¹ / ₈	84	93	82 ¹ / ₄	91 ¹ / ₈	73 ¹ / ₂	96	81 ¹ / ₄	101 ¹ / ₄	68

Изъ таблицы видно, что въ первую эпоху существованія прусскихъ кредитныхъ институтовъ съ 1803 по 1815 г. курсъ ихъ закладныхъ листовъ былъ вообще гораздо слабѣе, чѣмъ въ послѣдующую; по нѣкоторымъ обществамъ онъ упалъ даже ниже 50 проц. Но при этомъ не должно забывать характера этого періода 1805 — 1815 г.; европейскія войны произвели такія опустошенія въ Пруссіи, преимущественно разразившіяся надъ сельскимъ хозяйствомъ, что достойно удивленія одинъ фактъ — не совершеннаго паденія институтовъ, особенно при дѣйствовавшемъ въ то время правилѣ уплаты занятыхъ капиталовъ, по востребованію. Послѣ заключенія мира курсъ сталъ постепенно подниматься и даже польская война не произвела въ немъ замѣтныхъ колебаній. Самые высшіе курсы стояли въ періодъ всеобщаго мира 1835 по 1845 г.; здѣсь они почти постоянно были пари; несмотря на окончательно совершенное пониженіе процентовъ (на $3\frac{1}{2}$ проц.). Наконецъ послѣ 1848 г., не сдѣлавшаго однако, несмотря на свои бури, глубокихъ потрясеній въ поземельномъ кредитѣ Пруссіи, — курсы стояли нѣсколько ниже.

Въ сочиненіи Жоссо мы находимъ свѣдѣнія о курсахъ за 1850 г. — Вотъ они:

Померанскіе листы	95 $\frac{3}{4}$
Бранденбургскіе	95 $\frac{1}{2}$
Восточной Пруссіи	93 $\frac{1}{4}$
Западной Пруссіи.	90 $\frac{1}{4}$
Познаньскіе.	90 $\frac{5}{8}$

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ позднѣйшихъ свѣдѣній. Сколько намъ извѣстно, курсы удержались почти въ томъ же видѣ до настоящаго времени и были нѣсколько слабѣе вслѣдствіе промышленнымъ спекуляцій, отвлекавшихъ капиталы къ болѣе рискованнымъ затратамъ и къ болѣе крупнымъ барышамъ.

Наконецъ должно замѣтить, что прусскіе закладные листы стояли вообще въ томъ же курсѣ, какъ и государственные фонды, почитаемые лучшимъ мѣриломъ степени довѣрія къ той или другой кредитной бумагѣ, и даже большею частію они ходили нѣсколько выше фондовъ. Послѣ изложенія механизма разныхъ системъ поземельнаго кредита, мы сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы объ ихъ относительныхъ достоинствахъ и укажемъ на тѣ недостатки поземельнаго кредита въ Пруссіи, которые вы-

казались въ событіяхъ и въ развитіи народнаго хозяйства послѣдняго времени.

Разсказавъ въ такой подробности устройство поземельнаго кредита въ Пруссіи, мы перейдемъ теперь къ прочимъ учрежденіямъ подобнаго рода, но уже будемъ описывать ихъ въ болѣе крупныхъ чертахъ и будемъ останавливаться лишь на особенностяхъ организаціи, не входя въ объясненіе элементарныхъ условій кредита, которыя изложены нами съ достаточною полнотою, можетъ быть даже съ излишними и весьма утомительными для читателей повтореніями.

В. ВЕЗОВРАЗОВЪ.

ГРЕЗЫ.

I.

Мнѣ снился сонъ, что сплю я непробудно,
Что умеръ я и въ грезы погружень,
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тѣнь навѣялъ этотъ сонъ.

Я счастья жду, какого самъ не знаю.
Вдругъ — колоколъ — и все уяснено!
И просіявъ душой, я понимаю,
Что счастье въ этихъ звукахъ, вотъ оно!

И звуки тѣ прозрачнѣе и чище
И радостнѣй всѣхъ голосовъ земли,
И чувствую: на дальнее кладбище
Меня подъ нихъ, качая, понесли.

Въ груди восторгъ и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть разъ еще вздохнуть
И на волнѣ ликующаго звука
Умчась въ даль, во мракъ потонуть.

▲ ФЕТЬ.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

РАЗСКАЗЪ.

Станетъ Царь-Государь меня спрашивать:
Ты скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?

Бурлацкая плесня.

«Развеселое, братъ, это житье! Ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства нѣтъ; никто, значить, глаза тебѣ не мозолить, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случаѣ всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ должонъ дать.

«Такъ скажу: коли нѣтъ у тебя роду-племени, или обидѣлъ-заѣлъ кто ни-на-есть, или сердце въ тебѣ стосковалось,—кинъ ты жизнь эту нуждную, кинъ заботу эту черную, поклонись ты дѣсу дремучему; «дѣсь—молю государь, дремучій боръ! ты прими меня страннаго, ты прими безчастнаго—безталаннаго. Разутѣшь ты, государь, душу мою горькую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтобы зналъ вольный свѣтъ, какова есть жизнь распределятая, чтобы вѣдали люди прохожіе—проѣзжіе, какъ сиротское сердце въ груди встосковалось, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралась».

«Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ—подъ самаго Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако больше барскіе.... Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ «зеленыхъ луговъ» въ дѣсу спасаются. Народъ все тѣртый;

Т. XXXIII. Отд. I.

29

и въ водѣ тонуть, и въ огнѣ горѣть; стало быть, какъ зачнетъ тебѣ сказки сказывать,—заслушаешься. Иной, братецъ, головы два разъ лишился, а все голова на плечахъ болтается, иной кавалеръ и за отечествіе ровно ужъ слишнимъ отличку показаль, и въ паратахъ претерпѣніе видѣль, а все въ живыхъ стоитъ. Никто какъ Богъ. Одинъ кавалеръ рапортоваль: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась—это голова врозь, посинѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде врать, говорить.... Чтожь, сударь? къ дохтуру, — не помогъ; къ командиру, — не помогъ; самъ брихадный былъ, — не помогъ, а Смоленская помогла! Значить—сила!

«Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываешь. Ну, и друго еще: свычка. Это значить: коли къ чему человѣкъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказывалъ одинъ кавалеръ, что по времени и къ палкѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это должно быть слишкомъ, а съ хорошимъ житьемъ точно-что можно слюбиться.

«Да и хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдесть—это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговорить. Зацвѣтуть—это цвѣты-цвѣтики, прилетитъ птичка малиновочка, застучитъ дятель, закукуетъ кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся,—и не вышелъ бы! Травка малая подъ сосной злбеть,—и та словно родная тебѣ. А почнетъ этта лѣсъ гудѣть, особенно объ-ночь: и вѣтру не чуть, и верхи не больно—чтобъ шаталися, — а гудеть! Такъ гудеть, что даже земля на многіе десятки верстъ ровно стонетъ! Столь это хорошо, что даже сердце въ тебѣ разыграетъ!

«Бываютъ однако и напасти на насъ, а главная напасть — зима. Первое дѣло — работы совсѣмъ нѣтъ: стужа—то не свой братъ, не сядешь ждать на дорогѣ, какъ слезы изъ глазъ морозомъ вышибаетъ; второе дѣло — всякій въ ту пору и въ лѣсъ наѣзжаетъ: кому бревешко срубить, кому дровецъ надобно, — ну, и неспособно въ лѣсу жить. Значить, въ зимнее время все больше по чужимъ людямъ, акн Іуда, шманаемся: гдѣ хлѣбца подадутъ, а гдѣ и пирожка укусишь. Только чудной, право, нашъ народъ: хлѣбца тебѣ Кристовымъ именемъ подастъ, даже убоинкой объ ину-пору удовлетворить; а въ избу погрѣться не пустить, ни-ни, проваливай мпмо! Такимъ родомъ, все по гумнамъ и имѣемъ почлегъ. Иной разъ разнеможешься,—просто

смерть! Спину словно перешибетъ, въ головѣ звенить, глаза текутъ, ноги ровно бревна сдѣлаются, — а все ходи! Еще гдѣ до свѣту, започуйтъ—это пѣтухи, позянешь носомъ дымокъ, — ну, и вставай, значить, покидай свое логово! А не уйдешь, такъ тебя, раба Божія, силой изъ—подъ соломы выволокутъ, да на сушѣднее поле и положить: отдыхай-молъ тутъ, сколько тебѣ хочется! Звѣрь—народъ!

«Однако, братъ, штука—это жизнь! Иной разъ даже тошненько; и на свѣтъ бы не глядѣлъ, и руки бы на себя наложилъ;—анъ нѣтъ, словно нарочно все такъ подстроится, чтобъ быть тебѣ живу, — живъ и есть. Ровно она сама къ тебѣ пристаётъ, жизнь—то: живи-молъ, восчувствуй! Ну и восчувствуешь: пойдешь—это въ кабакъ,хватишь косушку разомъ, и простынетъ въ тебѣ зло, благо сердце у насъ отходчиво.

«Случилась однажды со мной оказія. Иду я по Доробину, а на дворѣ стала ночь; только иду я, и идучи будто думаю: и холодно—то мнѣ, и голодно—то, и нѣтъ—то у меня роду—племени, нѣту батюшки, нѣту матушки, и все, знашь, такъ—то на фартуну свою жалуюсь, что ужъ очень, значить, горько мнѣ привелось. Только вижу, у Мысея въ избѣ огонь горитъ. Полюбопытствовалъ я, и гляжу въ окошко; ну, извѣстно, что въ избѣ дѣлается. Посередь горницы молодуха придетъ, въ углу молодякъ за станомъ сидитъ, на земли робятки валяются, старый лапти на лавкѣ ковыряетъ.... то есть видалъ и перевидалъ я все это. Однако тутъ, Богъ—е—знаетъ, что со мной стало: растопилось—это во мнѣ сердце, даже затрясся весь. Взошелъ въ избу: «Богъ въ помощь, говорю, господа хозяева! не пустите ли страннаго обогрѣться?»

«А ты откозь? спрашиваетъ Мысей, и смотритъ на меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь, трудно ли тутъ соврать? Сказалъ, что изъ Гай либо изъ Лыкошева,—и дѣло съ концемъ! Анъ вотъ—те Христось, не посмѣлъ солгать, языкъ даже не повернулся; стою да молчу. «Инъ дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа—ради! говоритъ Мысей—то: — а ты, говоритъ, странный, ступай, — Богъ съ тобой!»

«Ну, и пошелъ я; только всю эту ночь я промаялся. Горе, что ли меня больно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ, либо Мысей представляется, либо робятки малые, либо молодуха.... и ровно рай у нихъ въ избѣ—то!

«Вторая наша напасть—полиція; однако съ нею больше на деньгахъ дѣло имѣемъ.

«Вздумалъ этта становой насъ ловить, однако мамонтъ спраздновалъ. Вотъ какъ дѣло было. Призвалъ онъ къ себѣ отъ «Разбалуя» цѣловальника: — «ты, говоритъ, всему этому дѣлу голова; ты стало быть и ловить должонъ.»

«Помилуйте, ваше благородіе! говорилъ Михей Митричъ:— у насъ въ заведеніи, окромѣ какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бываетъ; одно слово, говоритъ, монастырь.... сосновый-съ!» Однако становой на него затопалъ: «знать, говоритъ, ничего не хочу!» Ну, Михей Митричъ за Батыгой: такъ и такъ—молъ, утекайте пока до бѣды. Затосковалъ Батыга; денно и ночью горькую пилъ, а изъ бѣды—таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ.... какъ бы ты думалъ, куда?... къ самому, то есть, къ ставовому!

«Я, говоритъ, есть тотъ самый Батыга, объ которомъ ваше благородіе узнавать изволили....» Такъ становой-то даже обезпамятѣлъ весь отъ злости. Подлетѣлъ—это къ нему, вицѣпился смаху въ бороду, и ну волочить. Даже говоритъ ничего не говорить, а только ротъ разеваетъ да дышитъ. Только Батыга все претерпѣлъ, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ увидѣлъ однако, что его благородію маленько будто полегшило, повелъ и онъ свою рѣчь. «А я—молъ къ вашему благородію съ лаской, говоритъ». Ну, и опять обезпамятѣлъ становой: «сотскихъ! кричить: — кандалы сюда!» И все—таки въ кандалы не заковалъ, а порѣшили наше дѣло промежъ себя полюбовно: отъ насъ ему въ мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ воровать съ осторожностью.

«А по прочему по всему житію намъ хорошее.

«Попалъ я на эту линію постепенно. Человѣкъ я Божій, обшить кожей, по просту, по-русски сказать, дворовый господина Ивана Кондратьича Семерикова, на золотѣ не ѣдалъ, медовой-сытой не запивалъ, ходилъ больше въ нанкѣ да въ пеструшкѣ, хлѣбалъ щи, а пилъ воду. На этомъ, братъ, коштѣ, не разжирѣешь, а если и разжирѣешь, такъ значить не отъ себя и не, отъ господъ, а никто какъ Богъ. Поступилъ я сперва-на-перво въ барскій домъ въ мальчишки. Должность эта не большая: на погребѣ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ тарелкой постой, ножи вычисти, тарелки перемой, да изъ чулка урокъ свяжи,—только и всего.... Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ бывало облизываешь—

ся, глядя на господъ, какъ они кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по-ихнему разъвать начнешь, — ну, и плохо, потому что ты лакей, и стало быть долженъ за стуломъ стоять смирно.

«Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тятенька, еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти, въ ближнемъ кабацѣ Михей Митричемъ сидѣлъ.... По этому самому случаю, а больше можетъ и для того, чтобы себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратычъ свою честь держалъ очень строго. Не то, чтобы къ кабаку, какъ къ истинному своему отечеству, лнуть, а все норовить бывало, какъ бы въ большіе хоромы вгрызться. А съ нашимъ братомъ — никакого и разговору не было.

«Наши дворовые были Иванъ Кондратычемъ недовольны. Особливо обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-то были мы, слышь ты, княжіе (Овчинина князя, Сергѣй Оедорыча, можетъ слыхалъ?). Ну, стало быть, Петру-то Филатычу и точно-что будто обидненько было послѣ князя какой нибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

«А пріятный для слуги господинъ какой долженъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушается, который обиходъ съ нимъ имѣеть, и на совѣтъ слугу своего безпремѣнно зоветъ. Въ стары годы, сказываютъ, на этотъ счетъ просто было: господа съ слугами въ шашки игравали и завсегда съ ними компанію вживали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что, бывало, господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей сберутся, да временемъ и свое словечко въ господскую рѣчь пустятъ. Ну, конечно, что этакъ-то будто лучше, а впрочемъ это не мое, а Петра Филатова разсужденіе, потому какъ я на это дѣло давно ужъ плюнулъ и ногой, братецъ ты мой, его растеръ.

«Сказывалъ намъ Петръ Филатычъ и другихъ поученій много. Сказывалъ примѣрно, что тѣ, коимъ въ семь мірѣ худо, на томъ свѣтѣ въ пресвѣтломъ сіяніи будутъ, что паука убить — сто грѣховъ убавится, а муху убить — сто грѣховъ набавится. А какъ я отъ своего барина бѣжалъ, и черезъ это самое, какъ-бы сказать, въ здѣшней жизни не претерпѣвъ, будущей своей жизни лишился, то, помня Петра Филатыча слова, всякій разъ, какъ паука вижу, безпремѣнно его убиваю, а муху, напротивъ того, питаю и призываю.

«Пречудной былъ этотъ старикъ. Начнетъ бывало про князя рассказывать, — что твой соловей заливаётся, — и не заткнешь ни чѣмъ, а вспомнитъ, что вотъ на старости лѣтъ Семерику служить привелось, и пойдётъ—это губами шамкать, даже весь посинѣетъ отъ злости. Такая ужъ, видно, линія на роду человѣку написана.

«На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару Французу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большаго изъ-за плиты не видалъ. Потомъ однако пустили господу по оброку, чтобъ еще больше, значить, въ наукъ своей произойти.

«Про Москву такъ долженъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякій въ свое удовольствіе живетъ, господу въ гости другъ къ другу кѣ ѣздить, а простой народъ въ заведеніяхъ — блаженство! Возьмемъ, примѣрно, трактиры одни, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски... и все, значить, самъ. Машина «вътерокъ» тебѣ сыграетъ, приказный отъ иверскихъ воротъ въ присядку отпляшетъ; въ одномъ углу тысячныя дѣла промежъ себя рѣшатъ, въ другомъ просьбицу строчатъ, въ третьемъ обнимаются, въ четвертомъ слезы проливаютъ... жизнь! Къ такому-то житію какъ попривыкнешь, ни на что другое и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянетъ съ утра ранняго все въ трактиръ да въ трактиръ.

«Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакеи, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смирный, добрый былъ этотъ баринъ, не наругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался, по своей охотѣ, все больше книжками, а по вечерамъ господу молодые къ нему собирались.

«Однакожъ не долго я у него жилъ. Въ скорости пришелъ ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

«Ужъ какъ мнѣ эта деревня тошна послѣ Москвы показалась — даже рассказать нельзя. Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семерикъ и приказываетъ при конюшнѣ находиться. Снялъ я свое платье московское, нарядился въ старый армякъ.

«Ну, армякъ такъ армякъ, — и на томъ спасибо!

«Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужъ безобразное. Настанетъ, бывало, время обѣдать идти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротить. Щи пустыя, молоко кислое, — только слава одна, что ѣшь, а настоящаго совѣтъ нѣтъ.

«Однако, хоть и всячески я себя перемогалъ, а мнѣ по времени не въ могоу стало. И сдѣлалось со мной тутъ словно чудо какое. Отъ думы что-ли, или оттого, что въ Москвѣ живши себя ужьочень изнѣжилъ, только сталъ я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ этихъ мученьевъ напалъ. «Господи! думаю бывало, неужтожъ и взаправду мнѣ въ этой трущобѣ, какъ червю, сгнить придется». А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и ноетъ въ груди.

«Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю и самъ, что худо это, что другіе, можетъ и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако принуждены сдѣлать себѣ не въ силахъ. Ну, и дай Богъ нашимъ здоровья, — пожалѣли меня, до барина этого не довели.

«Вотъ только одинъ разъ повечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши сѣнныя дѣвушки въ горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ-это дѣвки, а во флигелѣ на крылечкѣ какая-то барыня на нихъ смотритъ. Ну, и наши всѣ тутъ въ кучу собрались; идетъ промежъ нихъ хохотъ да балагурство, увидѣли меня, на смѣхъ тоже подняли: «что пришелъ? или, молъ, смирился»? — «Анъ нѣтъ; говоритъ Филатовъ, онъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ на поклонъ явился!» — Тутъ только я и узналъ, что эта барыня сама Марья Сергѣевна и есть.

«А Марья Сергѣевна у нашего барина въ родѣ какъ экономки жила. Была она просто-на-просто пастуха нашего дочь; только Семерикъ и въ поневѣ ее облюбовалъ, и по этому самому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю деревню въ старосты произвелъ, а ее въ горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, взяли сердечную, вымыли, вычесали, въ платье нѣмецкое одѣли и къ Семерику представили; барыня наша, сказываютъ, много объ этомъ въ ту пору стужалася.

«Однако любопытно мнѣ стало поглядѣть на нее. Самъ знаешь, баринова сударка, стало быть — сила. Коли не настоящее, значить, тебѣ начальство, такъ еще хуже того; какъ жетутъ утерпѣть, не посмотрѣть? Подшелъ я къ крылечку и гляжу на нее.

«И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я объ ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подняло во мнѣ все нутро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобъ ужь очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкій да ласковый, что всякому около нея тепло и радостно становилось. Ну, и усмѣшечка эта на губахъ

тихонькая... ровно вотъ зоренька утренняя сквозь облачка поигрываетъ.

«Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Маши другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а по тому, можетъ, самому краса ея силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялася. Такъ скажу: не знай я теперь, что давно она въ могилу пошла, жизни бы не пожалѣлъ, въ кабалу бы себя опять отдалъ, только бы на лицо ея насмотрѣться, только бы голоса ея милаго послушаться!

«Ну и она, увидѣвши меня будто въ первый разъ, тоже любопытствовала.

«— Не вы ли, говорить, новый поваръ, что изъ Москвы она-меднись выслали?

«— Я, говорю.

«— Отчегожъ, говорить, вы въ такомъ платьѣ ходите?

«— А оттого молъ, что на то есть барская воля,

«— Такъ вы барина попросили бы.... онъ вѣдь только гордъ очень, а добрый!

«— Нѣтъ, говорю, я просить не буду, потому что впередъ знаю, что если стану съ бариномъ говорить, такъ ужъ это безпремѣнно, что ему нагрублю.

«— Чтожъ такъ?

«— Да такъ, Марья Сергѣвна... за что, примѣрно, онъ меня платья моего лишилъ?

«— Вотъ вы какіе! пожили въ Москвѣ да и стали ужъ слишкомъ спесивы! А вы бы глядя на другихъ дѣлали!

«Ну, я противъ этихъ ея словъ ничего сказать не рѣшился; стою да молчу.

«— А хорошее, говорить, въ Москвѣ житье?

«И сама, знаешь, тяжелоенько этакъ вздыхаетъ.

«— И вездѣ, говорю, хорошо, гдѣ то-есть жить намъ мило.

«— А гдѣ, по вашему, мило? спрашиваетъ.

«— А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится....

«Сказалъ это, да и смотрю на нее, и даже чувствую, какъ меня всего знобитъ. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это головоньку и задумалась.

«— Вамъ, можетъ, желательно, чтобъ я за васъ барина попросила, — говорить.

«— Коли ваше желанье на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

«Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтѣ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣновалъ спать, и всю-то ночь вѣсто спанья только пѣсни пропѣлъ.

— Да и ночь-то на ту пору такая случилась: теплая да звѣздная, ровно даже горить—это на верху отъ множества звѣздъ! И все-это кругомъ тебя спить; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула, или въ денникѣ жеребенокъ въ соломѣ съ просоньевъ закопошился.

«На утрѣ позвали меня къ барину. Не могу объ себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ былъ; однако на ту пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ упало. Баринъ принялъ меня въ лакейской предъ всѣми людьми и очень что-то грозно.

«— Ну, что, говорить, прочухался?

«Я молчу.

«— Чтожь ты не отвѣчаешь, звѣрь?

«Я опять молчу. Только слышу, что по-за-дверью ровно зашуршало что. Задрожалъ, затрясся я весь.

«— Виноватъ, говорю.

«— То-то, молъ, виноваты!

Ну, и простилъ онъ меня, на кухню опредѣлить велѣлъ.

«Стали мы послѣ этого чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣнемся гдѣ нибудь одинъ на одинъ, однако смѣшаешься, обробѣешь, — ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только и въ мысляхъ, бывало, держишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы шорохъ отъ платья ея услышать, или бы вотъ хоть издальки на нее полюбоваться. Ну, и она словно замѣтила, что усмѣшечка ея шибко мнѣ нравится: какъ ни пройдетъ мимо меня, всякій разъ безпремѣнно усмѣхнется.... Такъ и протянулось наше дѣло до осени.

«По осени, такъ около Введеньева дня, стали наши господа въ Москву собираться. Пошелъ — это по дому трескъ да шумъ; возы съ поклажей сряжаютъ, экипажи дорожные излаживаютъ, — ну, какъ у большихъ господъ обыкновенно водится. Слышу я, что и Маша съ господами уѣзжаетъ, а мнѣ приказу ѣхать не объявляютъ. Сталъ я стороной отъ людей узнавать: кто говорить—Павлу повару ѣхать, кто говорить—мнѣ ѣхать, а

настоящего нѣту. Времени межъ тѣмъ все меньше остается,— смерть, да и полно!

«Порѣшилъ я подъ конецъ, чтобъ мнѣ самому съ Машей объ этомъ переговорить. Выбралъ время, какъ ей изъ дому во флигель на ночь идти, сталъ и жду у крылечка. Только вижу по времени, что вдали огонекъ забрезжилъ и прямо-таки ко флигелю бѣжитъ, словно вотъ искорка, откуда ни взялась, одна сама собой въ воздухъ летаетъ.

«— Вы, говорю, Марья Сергѣевна?

«Спервоначалу она было испугалась, даже оступилась и упала, однако голосу не дала. Я ее бережненько поднялъ, посадилъ на крылечко и фонарь затушилъ.

«— Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья Сергѣевна!... Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобъ васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

«Подожелъ я поближе къ ней, взялъ ее за рученьку и слышу, что она словно листъ вся трясется.

«— Вы вотъ съ господами въ Москву собираетесь, говорю:— стало быть, разставанье будетъ намъ долгое.... Поэтому я такъ теперь объ себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду въ мірѣ несчастный человекъ, и стало быть ничего мнѣ другаго желать для себя не надо, какъ только руки на себя наложить или въ лѣса отъ такихъ мученьевъ бѣжать....

«— Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то, ужъ и бѣжать собрались!... словно и разуму своего вы лишились!

«— Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина отъ этого намѣренія отклоните. Потому, первое, что въ Москвѣ я надежды на себя не имѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше житье смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.

«Какъ выговорилъ я ей это, она словно даже ручьѣхъ залилась.

«— Такъ вотъ, говорить, чѣмъ вы меня попрекаете! точно сами не знаете, каковъ моя здѣсь жизнь!

«— Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ, чтобы васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при моихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на эти дѣла не приходится.

«Только она еще пуше на это заплакала, а меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бросился я къ ней, поднялъ — это ее къ себѣ

на руки.... И жалко-то мнѣ ея, и душу-то бы я за нее отдалъ, и злость однако за сердце словно вотъ клещами хватаетъ: пропадай-молъ все, не доставайся она ни мнѣ, ни ему! Даже закончѣлъ весь, даже не слышу ничего, мну да тираню ее, сердечную, въ рукахъ, будто задушить хочу.... А она только потихоньку стонетъ, а рваться отъ меня не рвется.

«— Ваня! говорить: — что ты надо мной сдѣлать хочешь?

«Опамятовался я подѣ-конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ сдѣлалось, такъ тяжело, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, и самъ Богъ знаетъ, что думаю; смотрю тоже и на большую дорогу, и на лѣсъ далсній,—и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думать.

»И таковъ была въ ней душа ангельская, что она не токма-что тиранства моего не попомнила, а меня же, звѣря лютаго, утѣшать бросилась.

«— Ваня! говорить: — голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалѣй ты меня! Легче бы мнѣ въ пропасть теперь сгнуться, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

«И вотъ, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значить и темнеть, и сивирь, и снѣгъ, однако краше для меня эта ночь самой теплой лѣтней ночи показалася! Всѣ эти звѣзды, что на небѣ горятъ, словно въ сердцѣ у меня загорѣлись!

«На утро прикинулась къ ней горячка. Доложили объ этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обѣзрилъ ее и сказалъ, что въ Москву ѣхать никакъ нельзя. Сокрушился Семерикъ; однако такую къ Машѣ привычку взялъ, что даже поѣздку въ Москву хотѣлъ отложить. Только тутъ ихняя супруга, дай Богъ ей здоровья, за наше счастье вступилася. Семерикъ говорить: не поѣду! Семеричиха кричитъ: врешь, поѣдешь! И опять Семерикъ свое долбитъ, а Семеричиха такъ на него и заливаётся: «и безъ того я отъ тебя невѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣлъ ты меня на всю жизнь въ деревню запереть!» Много у насъ тутъ страму на весь домъ было. Однако Семеричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Стали собираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

«Ну, нѣтъ, думаю, это видно подождать придется! И удумалъ я тутъ штуку. Явился къ Семерику и, какъ ни воротило мнѣ сердце, палъ къ нему въ ноги взаправду.

«— Позвольте, говорю, въ деревнѣ остаться.

«—Это еще что за шутки? говорить: — и какъ ты смѣлъ прямо на глаза мои показываться!

«—Я, говорю, по слабости моей въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ и знакомство у насъ большое, и слушаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ....

«Понравилось это Семерику. А пуще всего то по сердцу пришлось, что вотъ—молъ лютаго звѣря въ смиреніе привелъ!

«—Ну, говоритъ, коли есть твое желанье, чтобъ въ исправленіи своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

«Уѣхали.

«Остались мы съ Машей въ домѣ почестъ—что одни. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну приставили, — золотая это была душа! Стало быть, очень намъ было оводно. По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семерикъ то и дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлетъ да строго-на-строго наказываетъ, чтобъ Машу къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако, нѣтъ.

«И словно рай промежъ насъ тогда поселился. По времени даже смѣлость такая у насъ проявилась, что и людей совсѣмъ опасаться перестали. Заложишь, бывало, объ вечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотничкія саночки, укутаешь ее, голубушку, въ шубку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи—то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ—то кругомъ тебя обдаетъ, и вѣтромъ—то жжетъ... жизнь! У Машин, бывало, даже глазенки заискрятся, столь это хорошо!

«Ну, и домой тоже приѣдешь, ножки ей отогрѣвать станешь, на рукахъ, словно робеночка, баюкаешь....

«Да, братъ, — какъ подумаешь да погадаешь, что все это житье было да сплыло, да быльемъ поросло, и что всему этому житію Семерикъ на всякъ часъ поперекъ можетъ стать, — даже страхъ тебя какой-то беретъ!

«И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, напримѣръ, мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, напримѣръ, вздумалъ я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобы больше она меня не тревожила.

«Провѣдалъ однако, прозналъ онъ, какъ ужъ не знаю, про

нашу любовь. Бурмистръ что ли ему отписалъ,—этого доказать не могу; только разъ прїѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ домѣ огни горятъ. Маша моя такъ и ахнула.... Ну, и я тоже маленько будто посумнился.

«— Что, говорю, Машенька! гаркнуть развѣ, и поминай какъ звали?»

«Только говорю я это, а самъ вижу, что она ни жива ни мертва въ саночкахъ сидитъ. «Ну, думаю, плохо,—значитъ наше дѣло пришлось въ раздѣлку идти»... Надѣялся было я на первыхъ порахъ во флигелѣ ее схоронить, анъ и тотъ запертъ.

«Привели насъ къ Семерику.... Ну.... кончилось тѣмъ, что Машу, черезъ дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго за мужъ отдали, а меня приказали въ солдаты сдать....

«Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а пуще того отъ думы да отъ тоски сокрушился. То будто зима-зимская морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальныя, и саночки малыя, и Маша, разлюбushка моя, тутъ... И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бьетъ, и въ этомъ свѣтѣ голубомъ она, моя голубushка, ровно въ воздухѣ и дрожить, и колышится.... залило меня горе всего!»

«Порѣшилъ я однако бѣжать. Не то, чтобъ солдатства крѣпко боялся, а словно дѣло это для насъ не обычное, да и съ Машей разстаться жалко; все думаешь: «не закопаютъ же ее живую въ могилу,—авось можно свидѣться какъ нибудь».

«Вотъ на другой день подняли меня ранымъ ранѣхонько. Вывели, всего обшарили. На дворѣ—это подвода стоитъ, и отдатчикъ съ подводчикомъ на готовѣ ожидаютъ. Пришли родные, пришла дворня вся; бабы воютъ да стонутъ, особливо матушка. Измаяли они меня».

«Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ѣхать. Не утерпѣлъ я,—и сталъ проситься, какъ бы Машу мнѣ повидать. Извѣстно, отдатчикъ вмѣсто отвѣта велѣлъ лошадей стегать; однако я вскочилъ и зачалъ его за горло душиить!—«Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы этакіе!» Ну, испугался,—пустилъ. Вошелъ я въ избу: избенка—эта темная да смрадная, словно хлѣвъ коровій.

«— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣевна! говорю.

«Только услышала она мой голосъ, — бросилась—это ко мнѣ, уцѣпилась за полушубокъ.... даже ровно замерла тутъ.

— Погубилъ я тебя, Машенька! говорю: — не будетъ мнѣ за это счастья въ сей землѣ.

«Жить.... нѣтъ.... нѣтъ! говорить, а сама такъ и дрожить, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

«Сѣлъ я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ-это цаловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня со-рять, да и сердце въ груди ровно ширится. Ну, думаю, плакать такъ плакать.... въ остатній разъ! Плачу я это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестываетъ.... только и могу выговори-ть: «Машенька! Машенька!... ахъ, да каковожь это больше не свидѣться!» А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, го-лубка, головонькой подъ полушубокъ ко мнѣ, да только руками обѣими меня удерживаетъ.... И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

«Только, видно, дали во дворъ знать, что двоимъ со мной не сладить; прибѣжало еще человѣкъ съ пять на подмогу. Стали ее отымать отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что съ ней дѣлается, даже взять себя допустила.... Однако какъ на-чалъ я скотницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобы она ее, си-ротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разрази-лася: взвизгнула-это, застонала и зачала изъ ихъ рукъ рвать-ся.... даже я поскорѣй изъ избы выбѣжалъ.

«Бду я дорогой да все думаю: «Уйду я отъ нихъ, безпре-мѣнно уйду!» Гляжу-это на поле дальше: вонъ въ сторонѣ вихорикъ закружился, вонъ пеленку снѣжную взбуровилъ.... уйду-могъ отъ нихъ, безпремѣнно уйду! Вонъ мостикъ ветхон-кій черезъ рѣчку лежитъ; по краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталь чистый, скипѣлся, а середочка плещется, ровно живая журчитъ.... уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!... Вонъ лѣсокъ впереди засинѣлся: ишь ты, какой лѣсъ частый да береженный!... вонъ и въ деревню въѣхали.... пошли саночки по ступенямъ тутъ-тукъ.... ахъ, да уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!

«— Пусти, Потапъ! говорю отдатчику.

«— Что ты! говорить:—чай, я не объ двухъ головахъ!

«— Пусти, Потапъ! въ могилу за тебя живой лягу, души своей не пожалѣю.... пусти!

«Не пустилъ.... Да уйду же я отъ тебя, безпремѣнно уйду!

«Приѣхали мы на постоянный дворъ ночевать. Сѣли ужинать, а я все одно думаю: «уйду да уйду». Положили они меня для вѣр-ности промежь себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли, да подъ головы себѣ сунули. Однако я не сплю и все въ умѣ одно

держу: «уйду, молъ, я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Вотъ только слышу я, загудѣло мужичьё; были тутъ, кромѣ насъ, извозники; наѣдятся они на ночь, такъ ровно начнетъ ихъ коробить во снѣ-то. Иной, знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычитъ, другой даже вскочить съ просоньевъ, посидить—посидить, словно по-лоумный, перекрестится, да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ: вскочилъ что есть мочи, не шелохнется ли молъ кто?... Однако никто голосу не далъ; только Потапъ съ просоньевъ сталъ около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, попалъ и нащупалъ проѣзжаго извозника. Только я ползкомъ, да ползкомъ.... чу, сверчокъ за печкой затрещалъ.... чу, вздохнулъ кто-то, — не Потапъ ли? чу, кого-то словно душить во снѣ.... И всего-то до двери пять шаговъ, а столько я тутъ отъ одной думы измаялся, что лучше бы, кажется, пять верстъ на своихъ панюгахъ сдѣлать.... А все-таки доползъ подъ-конецъ! Тутъ на лавкѣ чей-то полшубокъ порожній обзрѣлъ, и его про запасъ смахнулъ.

«Вышелъ я на задворки, и вѣришь ты?—кажется, недолго мученья мои тянулись,—и всего-то съ сутки! а словно я тутъ впервой воздухомъ свѣжимъ дохнулъ! Даже ослабъ весь, и ноги подкашиваются, и грудь будто распаталася.... Вышелъ я на задворки; однако какъ началъ дѣломъ смекать: «плохо, думаю, это я сдѣлалъ; такимъ манеромъ они меня какъ разъ по слѣду накроютъ; лучше на большую дорогу пойти». Вышелъ, да не думая, словно изъ лука стрѣла, пустился въ обратный бѣжать.

«Бѣжалъ я безъ отдыха версты съ три, даже грудь начало саднить. А ночь-то мѣсячная да свѣтлая, и поле кругомъ чистое да ровное,—версты за двѣ человѣка видно! Вижу я: коли дальше идти, первое дѣло — изъ силъ выбьюсь, а второе дѣло—хватиться могутъ, и ктожъ ихъ знаетъ, въ какую сторону ихъ лѣшій повернетъ! Показалась въ сторонѣ деревушечка-душечка, я и повернулъ въ проселокъ. Только она, распроклятая, точно дразнить меня: вотъ, кажется, рукой подать, такъ и вертится передъ глазами; однако за ихними мужицкими вавилонами, добрыхъ я съ полчаса маялся, доколѣ дошелъ.

«Тутъ я впервой позналъ, что такое бѣглый человѣкъ значить. Пришелъ въ деревню, смотрю около себя, а куда идти,—не смыслю. Слово ужъ судьба сама за меня промышляла да въ овинъ привела; зарылся я въ солому, да два дня оттольи не выходилъ,—такъ не ѣвши и лежалъ.... Послѣ сказывали мнѣ на-

ши, что и въ этой деревнишкѣ меня отыскивали, однако стало быть не постарались.

«Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде всего ѣсть до смерти хочется. На дворѣ еще темнѣть была, только кой-гдѣ огни въ избахъ виднѣлись: значить, исправная баба ужъ печку затопила. Подошелъ я къ одной избѣ, вышибъ кулакомъ подворотню, подлѣзъ скрозь нее и прямо въ избу къ бабѣ.

«Подавай хлѣба! говорю.

«Только — она, какъ была съ ухватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣстѣ и обмерла. Я къ столу; досталъ хлѣба, взялъ кстати и ножикъ.

«Только ты пикни у меня, говорю:—не нонѣ, такъ завтра—такъ дойму, что на вѣкъ языка лишишься!

«И точно, дай Богъ ей здоровья, — не пикнула.

«Наѣлся и опять въ солому залегъ—сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сытъ, да и ножикъ при мнѣ есть.... И все-то меня къ дому да къ дому тянетъ.

«Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего логова и пошелъ—таки прямо въ деревню. Вижу еще издавеча, что въ кучерской у насъ свѣтъ горитъ. Не думавши долго, прямо туда.

— «Ребята! говорю, кто изъ васъ противъ меня измѣнщикомъ хочетъ быть?

«Только они сидятъ да помалчиваютъ, да промежь себя переглядываются.

«Если кто меня выдать хочетъ, говорю: — такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

«Никто однако противъ своего брата измѣнщикомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ, что въ тотъ самый день Машу на деревню что ни на есть за гадючаго мужика отдали за мужъ; а Семерикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ послѣ свадьбы въ Москву укатилъ.

«Загорѣлось—это во мнѣ: хочу да хочу Машу видѣть! даже ѣсть не могу; такъ всего и поднимаетъ меня.

«Пошелъ на деревню; вижу, стоитъ на краю избенка развалившаяся; подшелъ къ окошку, думаю, нѣтъ ли гульбы у нихъ? Однако, видно, бѣдность нибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ зазрила, только не чуть въ избѣ никого, кромѣ хозяевъ. Горитъ—это посередь горницы лучина, и ровно чадъ да дымъ отъ нея идетъ, а свѣту почестъ ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ повалку спать.... ну, одно слово, и голодно-

то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется, и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно вѣкъ вмѣстѣ жили,—сидятъ около свѣтца. Маша бѣльишко кой-какое дѣлкамъ починиваетъ, а Трофимъ сапоги на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако Маша будто почувала что: встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрелъ.

«— Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я-молъ, бѣглый Иванъ! пустишь, что ли?

«Услышавши меня, онъ по началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

«— Пустить что ли, Марьюшка? спрашиваетъ.

«Только она ровно испугалася: побѣжала-это отъ свѣтца прочь и за печку спряталась.

«— Пусти, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ Богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

«Взошелъ я въ избу, помолился Богу, сѣлъ на лавку.

«— Богъ въ помощь! говорю.

«Только она вышла ко мнѣ, мертвая-размертвая. Однако идетъ твердо.

«— Прости меня, Иванушка! говорить.

«Я заплакалъ; сажу-это на лавкѣ и, словно баба, малодушествую. Господи! какъ же мнѣ горько-то, горько-то въ ту пору было! Словно темъ кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно тянетъ, сосетъ мнѣ все сердце!

«— Прощай, Иванушка! опять говорить она, а у самой слезиночка въ голосѣ дрожить.

«Вскочилъ я; хотѣлъ въ охапку ее схватить, однако вижу—въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ протянула, будто какъ застыдилася. Ну, думаю, стало быть, нашему дѣлу и взаправду кончанье пришло!

«— Прощай, говорю, Маша! прощай и ты, Трофимъ!

«— Молчать оба.

«— Видно-молъ не свидѣться намъ?

«— Да, видно, не свидѣться! молвилъ Трофимъ.

«Словно ожгло меня это слово.

«— Звѣрь ты! говорю.

«— Нѣтъ, говорить, не я звѣрь... Ты, говорить, рукой махнулъ да въ лѣса бѣжалъ, а ей весь вѣкъ со мной въ голоду да въ

нуждѣ горе мыкать приходится.... Такъ инѣ лучше не замай ты насъ!

«Смотрю я на нее; все думаю: «не скажется ли въ ней хоть на минуточку наше прежнее разлюбовное время-временечко»?...

«Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ; стоитъ она какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смотреть; только верхняя губа будто дрожить легонько.

«—Ну, говорю, инѣ и взаправду, Маша, прощай! Однако все-таки на розстаняхъ, чай, поцаловаться надо.....

..... «Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ я отъ нихъ какъ безъ памяти. Отхваталъ я, братъ, въ эту ночь верстъ тридцать слишнимъ. Иду-то да иду впередъ, а куда иду,—даже понятіе потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза залѣпляеть, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ сугробахъ тонуть, а все иду, и все объ чемъ-то думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во мнѣ. Все это, какъ во снѣ, —отъ одного къ другому переходить: и Маша-то тутъ, и не ѣдалъ-то я, и сѣна вонъ стогъ въ полѣ стоитъ, и ночь-то была въ-пору холодная да темная. Останови да спроси: объ чемъ-молъ сейчасъ думалъ? — ни въ свѣтѣ отвѣту не дашь!

«Однако на утрѣ умирался, и понятіе-это ко мнѣ изморомъ воротилось. Тутъ только догадался я, что замѣсто того, чтобъ къ нашимъ на конный дворъ вернуться, я верстъ тридцать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба, значить!

«Вижу, навстрѣчу мнѣ мужичокъ съ дровами ѣдетъ. Мужичоночко этакой худенькой да мозглявенькой; «ну, на что такому мозглецу топоръ?» думаю. Подошелъ къ нему.

«—Продай-молъ топоръ, дяденька!

«Онъ перепугался.

«—Христось, говорить, съ тобой, молодецъ! топоръ-отъ, чай, мой!

«—Извѣстно, говорю, что твой; только и для насъ онъ очень словно надобенъ!

«Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со мной не разговаривалъ.

«Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что я все дальше да дальше пробирался. Вѣришь-ли, даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу путемъ не поѣлъ. Привычки-то къ ночному ремеслу еще не было, да и шелъ я все глухимъ мѣстомъ да проселкомъ,—такъ и въ питейный-то зайти не съ чѣмъ. И страхъ тоже одолѣлъ, потому что зима для бѣлаго человѣка—самое не-

корыстное время; кругомъ-это суметы, ни бѣжать, ни сгорѣться некуда: того гляди — какъ зайца изымаютъ!

«Однако, около Благовѣщенья, словно потеплило, а въ деревняхъ въ это время на пригревѣ обь ину-пору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой, только я восчувствовалъ, какова на свѣтѣ жизнь хороша есть. Сядешь, бывало, въ сторонкѣ около стожка: солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ, вѣтерки, словно бархатные, кругомъ поигрываютъ, въ сторонѣ, чу, вода русло себѣ просасываетъ, наверху всякая птица кишнемъ кишить, и не видать ея въ вышинѣ, а словно стонъ сверху внизъ стелется. Журчить-это, шумить все, точно и не одинъ ты въ свѣтѣ, точно завсегда кто ни-на-есть съ тобой присутствуетъ.... Самое развеселое это время!

Тутъ и поживишка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередѣ самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ямщика нѣтъ. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу—разговоръ тамъ идетъ; одинъ сѣдокъ, должно быть, слышалъ меня, всталъ и смотреть черезъ кибитку.... Купецъ.

«—Много лѣтъ здравствовать, господа хозяева! говорю.

«Только онъ думаетъ, что меня, значить, ямщикъ помогать имъ прислалъ.

«—Скоро ли же ямщикъ-то вернется? спрашиваетъ.

«Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ при мѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчѣй взяться. Вижу,—впереди зазора, у кибитки одна оглобля напрочь отломлена; значить, ни назадъ, ни впередъ нѣтъ возможности.

— Да ты что за человѣкъ? спрашиваетъ купецъ.

«А другой его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился въ глубь, да только знай—стонетъ. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

«—Вы, говорю, хозяева, просто что-ль ѣдете?

«—Нѣтъ, говорить, безъ топора тоже не ѣдимъ.

«Ну, и топоръ показываетъ.

«—А коли есть топоръ, такъ дайте, значить, пять цѣлковыхъ,—и Богъ съ вами! А не то, будемъ силу пробовать!

«Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на выручку мнѣ подоспѣлъ. Застоналъ-это, заревѣлъ пуще прежняго: «отдай да отдай пять цѣлковыхъ!»

«Разсчитались..

«Пошелъ я послѣ того въ кабакъ, да тамъ и забылся. Обину пору хорошо это бываетъ. Придетъ—это тошно да смутно такъ; назади некорыстно да и вернуться туда ужь нельзя, а впереди словно туманъ да темнеть висить... куда идти? Думаешь, думаешь, даже головой объ стѣну шаркнешься. Косушка вина много тутъ помощи дѣлаетъ. Выпьешь одну,—въ сердцѣ словно радуга просіяетъ; выпьешь другую,—словно по морю по окіану плывешь; выпьешь третью,—ни земли, ни воды подъ тобой нѣтъ, да и люди — ровно точки въ глазахъ мерещатся....

Въ кабакѣ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ перваго раза слитнымъ зорко посмотрѣлъ, да и съ цаловальникомъ словно перемигнулся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣлъ въ углу на лавку, будто какъ благодумствую, а у самого даже муравьи по-за кожей заползали! Все, знаешь, по новости своей думаю, что на лавутчика попалъ. Только они промежъ себя разговоръ ведутъ съ цаловальникомъ.

«—Худо, Савва Дементычъ! говорить человѣкъ, — развѣ вотъ лѣтомъ поправимся, а не то, видно, совсѣмъ отсель откочевывать придется.

«—Чтожь такъ?

«—Да ровно ужь слитнымъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднись Сидорку на гумнѣ изловили, отпустить-то отпустили, да ужь и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло.... Только бы вотъ товарищей такихъ подыскать, чтобъ и въ огонь и въ воду охочи были идти, такъ, кажется, ни на минуту бы здѣсь не остался!

«—И Дарьюшку ништо не жалко!

«—Что Дарьюшка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднись—вотъ мужъ: «ты, говоришь, меня въ окалство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену теперь отнимаешь!» Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И что еще: такъ—это остервенѣлъ, что ухватилъ ножъ, да съ ножомъ зря впередъ и лѣзетъ. Даже смотрѣть на него глузо.

«Цаловальникъ захохоталъ.

«—Однако надо правду-истину сказать, говорить,—и ты въ его добрѣ ровно слитнымъ хозяйствуешь!

«—Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякій хозяйствовать можетъ,—была бы охота! Намеднись—вотъ офицеръ проѣзжій

ночевать у нихъ становился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала....

«—Такъ вотъ она какова!

«—Да ужъ такъ-то «такова», что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хорошій, чтобы вмѣстѣ бѣжать отсель, ни на минуту бы даже не задумался.

«А самъ говоритъ—это, да на меня поглядываетъ. Однако я молчу и все—это думаю, что онъ меня испытывать хочетъ. Долго ли, коротко ли они промежь себя побесѣдовали, только онъ не утерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ.

«— Да ты что, говорятъ землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни разпустилъ?

«— А такъ-молъ.

«— Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

«— Прохожій молъ; шелъ да зашелъ, — и все тутъ!

«— Прохожій Иванъ стацилъ на селѣ кафтанъ; идетъ на большую дорогу за шубой.... такъ что ли?

— Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

— Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ мѣру. Тебя же жалѣючи спрашиваютъ.

— Да ты самъ-то кто таковъ?

— А я, говоритъ, человекъ небольшой, по прозванію сторожъ ночной; неподалечку бекетъ здѣсь содержимъ, да проѣзжающихъ въ страхъ Божию держимъ!

• Цаловальникъ засмѣялся.

«—Да, и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ нашей науки они безпремѣнно забылись бы.... Вотъ еще онамеднись углицкіе купцы тутъ ѣхали; ну, я точно-что малую толику отъ нихъ попользовался; однако за это и притчу имъ сказалъ: «который-молъ звѣрь всѣхъ звѣрей люте?» — левъ. Кто льва люте? — человекъ; потому—человекъ человека погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто человекъ люте?—разбойникъ!... Такъ вы, говорю, ваши здоровья, въ этомъ мѣстѣ поздно ночью не ѣздите, потому—тутъ шалить... Такъ хочешь что ли съ нами, молодецъ?

«Посумнился я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впереди, однако съ непривычки все будто роботно.

«—Что задумался? или, братъ, по пословицѣ: собака волка деретъ, и драть не умѣетъ, и отстать не смѣетъ? А ты, коли

въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?

«—Ты бы ему поднесъ для куражу, Миронычъ! говорить паловальникъ: — а то вишь онъ какъ отъ дороги осовѣлъ!

«Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други-пріятели сдѣлались, словно вотъ вѣкъ только другъ объ дружкѣ и сокрушались. Такъ и рѣшилась судьба моя въ кабацѣ.

«Привелъ онъ меня къ своей любезной. Мужъ у ней тутотка на большой дорогѣ въѣзжій дворъ держалъ... такъ, не больно чтобъ очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да не пріютное; и стоялъ ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинехонекъ; кругомъ верстъ на двѣнадцать лѣсъ дремучій, по дорогѣ песокъ по колѣни; ниводы, ни лужаечки нѣтъ,—такъ, дичь одна. Какъ ѣдетъ, бывало, кто по дорогѣ, такъ издавеча еще слышно, какъ по лѣсу словно щолканье поидеть. Стало быть, польза отъ постояльцевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто обночаетъ, или кони въ пескахъ шибко замаются, такъ къ Ѳедоту Карпову на часокъ завернетъ, а прочіе норовятъ, бывало, мимо поскорѣй проѣхать. Да и жили они какъ-то сумнительно; у другихъ хозяевъ и работникъ и работница путные есть, а у нихъ и всего-то одна работница, да и та нѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господъ оно и неприглядно; который и остановится случаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотять ли-молъ рѣзать его.

«А Ѳедотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизпрный да нескладный былъ. Махонькой да тощой такой, борода-это клинушкомъ, глазки маленькіе да врозь разбѣгаются, — даже смотрѣть гнусно. И все-то бывало или на палатахъ проклажается, либо въ окошко сонной глядитъ, а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣлъ бы на него: только въ навозѣ, словно боровъ, копошится... А со всѣмъ этимъ такой жадай былъ, что какъ увидитъ монету, даже словно обезпамятѣетъ весь: этимъ только и держалъ его Корнѣй въ уздѣ.

«—За то на Дарьюшку точно-что можно залюбоваться было. И высокая-то, и полная-то, и глаза большіе на выкатѣ, а тѣло бѣлое да разбѣлое, словно вотъ пѣна молочная скипѣлося. Одно слово, отдай все да и мало. Поидеть-это по горницѣ, или даже на мѣстѣ шевельнется, — такъ вся тебѣ кровь въ голову вдругъ и кинется... Пѣсни тоже пѣтъ мастерица была: чтó хочетъ надъ

тобой своимъ голосомъ сдѣлаетъ! И тоской-то тебя всего залетъ, и удалю да молодечествомъ сердце разутѣшить,—словно вся человѣческая душа въ рукахъ у ней была. Жила, вишь, она прежде у одного молодого купчика, однако вышелъ ему срокъ жениться, онъ и выдалъ ее за Ѳедота. Отъ него и пѣсни-то пѣть она выучилась.

«Пришли мы къ нимъ около полднѣ; смотришь, Дарьюшка у воротъ сидитъ, на солнышкѣ грѣется. Поздоровались.

«— Жить, чтоли, у насъ будете? спрашиваетъ Дарьюшка, а все на меня исподлобья посматриваетъ.

«— Да, говорить Корней: — покудова до тепла надобно будетъ прожить!

«— А послѣ куда?

«— А куда путь лежать будетъ.... вѣрнаго еще ничего сказать теперь не могу.

«Только она на эти его слова ровно усмѣхнулась; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корневы слова вспомнились, которыя онъ цаловальнику въ кабацѣ говорилъ.

«— Чего смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у васъ здѣсь валандаюсь! говоритъ Корней.

«— Ну, и съ Богомъ! отвѣчаетъ Дарьюшка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

«Словно помертвѣлъ Корней.

«— Ишь ты, подлая! говорить.

«Однако она ничего; сидитъ себѣ, да знай полегонечку посмѣивается.

«— Такъ неужтожъ, молъ, мнѣ всѣмъ твоимъ прихотямъ подражать? говорить:—хочешь идти, такъ иди... плакать по тебѣ, что ли?

«—И уйду; только такъ я тебя на прощаньи приголублю, что вѣкъ ты меня не забудешь... змѣя ты!

«Чудно мнѣ это показалось. «Будь, думаю, я на Корнево мѣстѣ, не посмотрѣлъ бы на косы твои русыя!» Однако онъ смолчалъ; только все у него нутро, словно у звѣря лѣснаго, зарычало.

«Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Ѳедотомъ Карповымъ дѣло чуть не до убивства дошло, и все опять эта Дарьюшка на озорство завела

«— Слышалъ, говоритъ, Ѳедотъ Карпычъ, что Корней Мироничъ отъ насъ въ дальныя стороны собирается?

«Какъ сказала она это, Ѳедотъ Карповъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корнѣй словно потупился. А она, замѣсто того, чтобъ смирять ихъ, только пуще другъ на дружку натравливаетъ.

«— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣки-то, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и воруютъ-то всѣ безданно-безпошлинно... инъ и тебѣ за нимъ ужъ бѣжать, Ѳедотъ Карпычъ?

«Слушаетъ это Ѳедотъ, а у самого даже бороденка словно листъ трясется.

«— Правду, что ли, баба лаетъ? говоритъ.

«Ну, солгать бы тутъ Корнѣю: пошутить-молъ, и вся недолга; однако онъ или посовѣстился, или не нашелся съ перваго разу: пробормоталъ что-то невнятно въ отвѣтъ, и замолчалъ.

«— Анъ врешь ты! говоритъ Ѳедотъ: — не посмѣешь отсель уйти!

«А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бьетъ...

«— Али любовь тебѣ стала? говоритъ Корнѣй.

«— Любовь не любовь, а у менясь тобой счеты есть... Въ кабалу ты ко мнѣ шелъ!

«Ну, лѣзетъ на Корнѣя, да и шабашъ, даже на мѣстѣ словно скачетъ; и кулачишко-то, и головой-то ему въ брюхо поровнитъ.... удивленье да и только!

«— Ты, говоритъ, женой у меня завладалъ; такъ задаромъ чтобъ я тебѣ ее отдалъ?

«— Ишь, тебя больно спрашивались...

«А Ѳедотъ все одно:

«— Издохнешь, говоритъ, мнѣ служивши! убью я тебя и въ отвѣтъ не буду!.. потому—ты воръ.... да, говоритъ, воръ, воръ, воръ.... разбойникъ ты!

«Корнѣй только-знай рукой отмахивается, какъ онъ слышитъ на него насканивать начнетъ.

«А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за перегородку, словно горя ей мало; только и слышно, какъ она тамъ позѣвываетъ да потягивается.

«— Часто этакъ-то у васъ бываетъ? — спрашиваю я ее.

«— А кто ихъ знаетъ? Каждый день все ссору да драку заводятъ.... Что на нихъ смотрѣть-то! Да неужто вразправду Корнѣй на чужую сторону собирается?

«— Да, вразправду.

«— Куда?

«— А куда глаза глядятъ.

«— Ну, и Богъ съ нимъ!

«— Будто тебѣ его не жалко?

«Такъ она, братецъ мой, не то-чтобъ доскучать или хотъ бы задуматься, — все же чужой человѣкъ передъ ней, — даже засмѣялась въ отвѣтъ.

«— Ты, говорить, съ Корнѣемъ что-ли?

«— Съ Корнѣемъ.

«— Напрасно.... кабы ты съ нами остался, и Федотъ бы Карпычъ Корнѣя отпустилъ....

«Говорить это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и смотреть.

«— А намеднись, говорить, офицеръ проѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собой меня сманивалъ! И опять прѣхать общался....

«— А Корнѣй чего смотрѣлъ?

«— Чтò Корнѣй! Извѣстно въ хлѣву злобствовалъ! Развѣ его въ горнищу пушаютъ, когда прѣзжіе господа есть?

«— Видно, ты таки охоча гулять-то!

«— А для-че не гулять, когда гулять можно.... весело гулять! Вотъ у меня баринъ былъ миленькій, — ужъ то-то мы съ нимъ погуливали!.... Хочешь что ли, пѣсню тебѣ спою?

«Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся.

«Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была,

Я была, сударь, была, у знакомаго гостяхъ....»

«И поетъ-то, и плечьями-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ.... всякая словно жилка въ ней вдругъ заговорила!

«А грудь-то бѣлая да полная, тяжеленько-это подъ гитарой мечется, ровно моченьки у ней нѣтъ, ровно истомило ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корнѣй съ Федотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился!... Какъ легли мы послѣ того съ Корнѣемъ на сѣнницы спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

«Жили мы у нихъ съ мѣсяць-мѣста, ничего не дѣлавши; однако я укрѣпился, противъ товарища подлецомъ сдѣлаться не хотѣлъ. Подивился я тутъ на Корнѣя! Ужъ на что, кажется, крѣпкій человѣкъ былъ, а передъ ней и даже передъ этимъ Федоткой, словно овца смирялся: чтò хотѣли, изъ него дѣлали. Она, бывало, и за водой его посылаетъ, и кушанье стряпать велитъ, — все исправляетъ!

«По времени и совсѣмъ тепло установилось. Сталъ Ѳедотъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавши сидимъ, да чужой хлѣбъ ѣдимъ. Началъ и я Корнѣю вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобъ у бабы подъ юпкой прятаться....

«Вотъ, вышли мы со двора поздно вечеромъ, на самый Егорьевъ день. За десять верстъ отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобъ съ товарищами сойтись. Только идемъ мы опушкой, а у меня словно сердце въ груди измираетъ: то, знаешь, робость непереносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шелъ, а летѣлъ бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумашь! и стоны-то загодя тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается....

«И ничего-таки этого не бываетъ, и все, братецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкій ворюшка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у насъ всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ,—и ступай на всѣ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страха пищать, — ну, и Христосъ съ ними, пускай пищать!

«Потому,—какая для насъ корысть челоуѣка жизни лишать? Первое дѣло—грѣхъ за-напрасно на душу возьмешь, а второе дѣло—сладъ безпрѣмѣнно оставишь. Иной, свою часть вручивши, погорюетъ, погорюетъ—да и броситъ дѣло такъ, потому-дорожному челоуѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убьешь-то его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ—это шарить да сыскивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на цѣлый мѣсяцъ все дѣло тебѣ перепакостятъ.

«Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденькій такой да нѣжненькій, а трясется, сердечный, одинъ на тележечкѣ. Шибко онъ насъ испугался, даже смѣшался совсѣмъ.

«Чтожь ты не везешь, каналья ты этакая!» кричитъ ямщику, а самъ почти плачетъ. Ну, денегъ у него мы не густо нашли, потому—домой въ побывку на легкѣ ѣхалъ, а взяли у него чемоданишко, часы золотые, да перстенецъ съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корнѣю: «что, молъ, младость обижать»? Однако онъ не послушалъ....

«Въ другую ночь видимъ, цѣлый рыдванъ по дорогѣ шесте-

рикомъ ползеть. Ну, такъ и мерещится мнѣ, что Семериковъ-это рыдванъ.

«Братцы, говорю, голубчики! никакъ это мой ѣдетъ!

«Однако вышелъ не онъ, а баринъ какой-то большой. Растянулся себѣ на подушкахъ баринъ любезный, спитъ во всю ивановскую, а у самого крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбудили.

«—Ваше благородіе! говоритъ Корнѣй:—извольте вставать, на станцію пріѣхали!

«Только онъ по началу высоко было взялъ.

«—Какъ вы смѣете! говоритъ:—да вы знаете ли, говоритъ, что я васъ туда упеку, куда Макарь телятъ не гоняетъ!...

«Потомъ однакожь урезонился маленько.... Много онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воровать-то стыдно, что и братья-то мы всѣ, что обижать намъ другъ дружку стало быть не приходится; однако, какъ наше дѣло къ спѣху было, мы вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не могли, и такъ-таки въ-чистую его обобрали, что даже лошади послѣ того отъ легости рысцой побѣжали.

«Стащили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую трушобу, и хворостомъ тамъ ее завалили. Только въ лѣсу долго оставаться еще не способно было. И по дорогѣ, и въ полѣ ужъ сухо, а въ лѣсу еще земля словно не весь паръ отдала. Приклонись къ низу, даже видишь, какъ земля на глазахъ твоихъ отходить начинаетъ, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ поглуше, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежитъ,—ледокъ, значить. А изъ подо-льду ужъ и травка зелененькая выбивается,—ну, возьмишь-это, дыханьемъ пеленочку оттаешь; пушай-молъ Божья травинка безъ номѣхи растеть!

«Воротились мы на постоялый раннимъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали; только нѣмая работница за ворота вышла, позѣвываетъ да на восходѣ крестится; да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась, и вдругъ ни съ того, ни съ сего за ворота шарахнулась.... что за чудо! Однако Корнѣй, должно быть, чутьемъ бѣду свою почувалъ и самъ за ней слѣдомъ ударился....

«Только я ужъ засталъ, какъ онъ Ѳедота допрашивалъ; вижу, на немъ и званія лица нѣтъ, а Ѳедотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа немытая; стоитъ да подъ рукой его, ровно комаръ, топорщится.

«— Куда убѣгла? сказывай! говоритъ Корнѣй.

«И не то-чтобъ шибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

«Ну, и Оедоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось; лепечетъ чтой-то про себя да руками разводитъ.

«— Продамъ ты, чтоль, ее? опять говоритъ Корнѣй:—ахъ, да сказывай, сказывай же ты мнѣ, аспидъ ты эдакой!

«Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ охапку и грянулъ объ полъ. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ!... Давно и душонка-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ... Возьметъ это, подниметъ его съ полу, и опять объ-земь—какъ шваркнетъ!

«Ну, подъ конецъ и самъ измаялся; грянулся-это на лавку, да какъ завопить да застонетъ, ажъ вчужѣ меня холодный потъ прошибъ!

«Часа черезъ два мы этотъ проклятый постоялый дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со всѣми пожитками; даже нѣмая, по глупости своей, выбѣжать не успѣла....

«И пошли мы послѣ того во путь, во дороженьку, отреклися отъ міра прелестнаго, поклонилися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

«Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству, странствуемъ по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ, по полямъ, по зеленымъ лузямъ, а больше около большой дороги держимся.

«Весело, братъ!—это ужъ говорить нечего... т. е. просто у насъ житье-пережитье!... Однако идешь—это иной разъ по опущекѣ, и вдругъ на тебя дурость найдетъ... Растужишься, разгорюешься, и падешь гдѣ нибудь подъ ёлочкой, тяжеленько вздыхаючи, горьки слезы роняючи, свою жизнь проклинаячи.... И ёлочка это словно тебя понимаетъ: такъ-то плавно да заунывно лапами своими надъ тобой помаваетъ: вздохни - молъ, замученный! вздохни, безталанный, безчастный! вздохни, сирота ты, сиротскій сынъ!

«Вотъ какой сонъ я разъ видѣлъ: прихожу будто я въ градъ

нѣкій, и прихожу не одинъ, а съ товарищами: такіе пріятели есть, сотскими прозываются. Подхожу—это къ палатамъ пространнымъ: съ четырехъ концовъ башни высятся, спереду стоятъ батюшки-солдатушки; стоятъ солдатушки, ружьемъ честь отдаютъ, за бѣлы руки меня принимаютъ, принимаючи разутѣшными рѣчами ублажаютъ: «ты войди-молъ къ намъ, воръ, разбойничекъ! душегубчишка ты окаянненькій! Отдохни ты у насъ въ острогѣ каменномъ, за затворами крѣпкими желѣзными!»

«И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокіимъ и къ столбу у меня крѣпко-на-крѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо, все на меня позѣвать — поглазѣть, на меня, на шельмецкаго-шельмеца, на разбойника!

И молился я тутъ Спасову образу,
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди Божіи,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Не успѣлъ я на народъ вѣзрити,
Какъ отсѣкли мою буйну голову,
Что по самыя плечи могучія....

Ну, этотъ сонъ нельзя сказать, чтобъ пригожъ былъ....
Однако не лучше ли намъ это бросить — позабыть....

Ахъ, въ горѣ жить, не кручинну быть!
А и горе-горе, гореваньице!
Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть,
Нагому ходить — не стыдиться!

Н. ПЕДРИНЪ.

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ.

(ИЗЪ БАЙРОНА).

I.

SHE WALKS IN BEAUTY.

Она идетъ въ красѣ своей,
Какъ ночь, горящая звѣздами,
И въ глубинѣ ея очей
Тьма перемѣшана съ лучами,
Преображаясь въ нѣжный свѣтъ,
Какого въ днѣ роскошномъ нѣтъ.

И много граціи своей
Краса бы эта потеряла,
Когда бы тьмы подбавить къ ней,
Когдабъ луча недоставало
Въ чертахъ и ясныхъ и живыхъ,
Подъ черной тѣнью косъ густыхъ.

И щеки рдѣютъ и горятъ,
Уста манятъ улыбкой нѣжной,
Черты такъ ясно говорятъ
О жизни свѣтлой, безмятежной,
О мысляхъ, зрѣющихъ въ тиши,
О непорочности души!

II.

IF THAT HIGH WORLD.

1.

О, если тамъ, за небесами,
 Душа хранить свою любовь,
 И если съ милыми сердцами
 За гробомъ встрѣтимся мы вновь, —
 То какъ манить тотъ міръ безвѣстный,
 Какъ сладко смерти сномъ заснуть,
 Оставить горе въ поднебесной,
 И въ вѣчномъ свѣтѣ потонуть!

2.

Не за себя мы, умирая,
 У края пропасти дрожимъ
 И, къ цѣпи жизни припадая,
 Звеномъ послѣднимъ дорожимъ...
 О, буду счастливъ я мечтою,
 Что, вѣчной жизнію дыша,
 Безсмертье раздѣлить со мною
 Другая, милая душа!

III.

I SAU THEE WEEP.

1.

Ты плакала: когда слеза
 Лазурь очей твоихъ покрыла,
 Казалось, свѣтлая роса
 На землю съ неба нисходила.
 Ты улыбалась — и алмазъ
 Померкнулъ передъ этимъ взглядомъ:
 Съ живымъ огнемъ лучистыхъ глазъ
 Не могъ достойно стать онъ рядомъ.

2.

Какъ солнце тучамъ цвѣтъ даетъ,
Ихъ нѣжнымъ блескомъ проникая,
Который съ гаснущихъ высотъ
Не вдругъ прогнать тьма ночная, —
Такъ ты улыбкою своей
Веселье въ душу проливаешь
И свѣтомъ радостнымъ очей
Мракъ темный горя озаряешь.

Д. М-Х-Л.

РЪКА БЕРЖЕНЕЦЪ.

Пишу къ вамъ изъ гнѣзда раскольниковъ старообрядцевъ, изъ мрачныхъ хвойныхъ лѣсовъ, съ крутаго берега извилистой, прихотливой въ своемъ теченіи рѣки Керженца. Эта рѣка принадлежитъ почти исключительно Нижегородской губерніи, Семеновскому уѣзду. Лѣса, покрывающіе берега Керженца и его притоковъ кормятъ большую часть населенія цѣлаго уѣзда. Столичный или степной житель съ трудомъ представить себѣ и пойметъ ту глушь и дичь, которая царствуетъ въ здѣшнихъ лѣсахъ даже теперь, въ настоящее время, когда постоянная рубка и пожары сильно разрѣдили прежнія непроходимыя лѣсныя чащи, привольныя мѣста для медвѣдей, оленей, раскольниковъ и дѣлателей фальшивой монеты, давшихъ самому Семенову свою особенную мѣстную пословицу «хорошъ городъ Семеновъ, да въ немъ денежка мягка»!

Изъ большаго, бойкаго села Воскресенскаго на Ветлугѣ я вздумалъ проѣхать въ Хохалы, деревню, гдѣ помѣщается лѣсничество Лыковской дачи, прилежащей Керженцу и его притокамъ. Проѣхавши одну станцію по большой торговой дорогѣ отъ Воскресенскаго въ Семеновъ, для сокращенія пути мы свернули на проселокъ и ѣхали верстъ 25 непрерывнымъ лѣсомъ, не встрѣчая ни одного селенія.

Всѣ крестьяне Лыковской волости занимаются исключительно рубкою лѣса, который потомъ вяжутъ въ плоты и сплавляютъ

ихъ до устья Кёрженца, впадающаго въ Волгу. Это ихъ единственный промыселъ, принятый ими въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и затѣмъ они не знаютъ никакого другаго, кромѣ охоты, которою впрочемъ занимаются очень не многіе. Въ своемъ единственномъ промыслѣ они дошли до совершенства, и хотя повидимому не много нужно искусства, чтобы срубить и обтесать дерево, но нельзя не полюбоваться, съ какой необыкновенной чистотою, посредствомъ одного топора, снимается кора съ дерева: поверхность его остается такъ гладка, какъ у восковой свѣчи, ни зарубки, ни затѣсинки,—все бревно, какъ будто отполировано.

По берегамъ Кёрженца и по близости къ нему всѣ крупныя, большелѣсные деревья уже повырублены и въ настоящее время рубка идетъ по притокамъ, рѣчкамъ Черной и Вишней, отъ селеній верстъ на 20 и на 30-ть. Рубка лѣса, какъ извѣстно, производится зимою, и потому все мужское населеніе деревень, занимающихся этимъ промысломъ, какъ только промерзнутъ болота и установится хорошій зимній путь, переселяется въ лѣса и живетъ тамъ до вскрытія рѣкъ въ *зимницахъ*; въ деревняхъ остаются только бабы да ребятишки. Здѣшній крестьянинъ радъ ранней и морозной зимѣ, ибо чѣмъ длиннѣе зима, тѣмъ больше времени для работы, дающей средства существованія. Нынѣшняя зима теплая и переменчивая пугала лѣсорубовъ.

Мы пріѣхали въ Хохалы около 10-го декабря и узнали, что только дня за два крестьяне имѣли возможность перебраться въ лѣса, и то только самые заботливые и отважные, потому что болота еще не промерзли. Мнѣ хотѣлось на мѣстѣ видѣть рубку и жизнь этихъ лѣсныхъ дикарей. Не обинуясь оставляю это названіе за здѣшними обитателями: мнѣ удалось быть въ мѣстахъ не менѣе лѣсныхъ и глухихъ на Ветлугѣ, но тамъ болѣе жизни, болѣе движенія, болѣе предпримчивости и коммерческихъ оборотовъ; тамъ строятся большія суда—бѣланы, на которыхъ сплавляются лѣсныя издѣлія до Дубовки, и рѣдкій изъ тамошнихъ крестьянъ не сплывалъ внизъ по Волгѣ; здѣшній же крестьянинъ напротивъ кромѣ своихъ лѣсовъ, своей Черной и Кёрженца, ничего не видалъ и не знаетъ: единственное окошко, чрезъ которое онъ разъ въ годъ смотритъ на остальной міръ Божій—село Лысково, близъ котораго Керженецъ впадаетъ въ Волгу и капиталисты котораго скупаютъ лѣсъ срубленный руками лыковского мужика.

Лѣсничій нашелъ мнѣ извощика, который брался довести къ зимницамъ на Черной, но признавался, что былъ тамъ всего одинъ разъ и дорогу плохо помнитъ. Отѣхавъ верстъ пять отъ Хохалъ, мы нашли деревню, отъ которой слѣдовало поворотить въ лѣсъ и ѣхать имъ до мѣста. Крестьяне этой деревни большею частію уже отправились на свой зимній промыселъ. Мы зашли въ избу одного крестьянина, зимницу котораго хотѣли отыскать въ лѣсу. Избы въ лѣсныхъ мѣстахъ снаружи очень не нарядны: три маленькія окошка, изъ которыхъ среднее больше крайнихъ, соломенная крыша и никакихъ рѣзныхъ украшеній, ни вычурныхъ затѣйливыхъ полотенецъ, подъ крышей, ни рѣзаного гребня по коню, ни кочетовъ, ни рѣзбы на воротахъ; зато лѣсъ пошелъ на постройку крѣпкій, массивный и внутри, въ избѣ, просторъ и привольѣ. У каждого сколько нибудь зажиточнаго крестьянина двѣ избы: одна лѣтняя, другая зимняя и сверхъ того еще третья—черная для кормленія скотины; дворъ обнесенъ здоровымъ бревенчатымъ заборомъ и сверхъ того надѣланы просторныя клевы для коровъ и овецъ. Съ перваго взгляда видѣнь избытокъ лѣса. Чистота въ избѣ поразительная, особенно въ лѣтней, которая и смотритъ веселѣе и свѣтлѣе потому что въ ней окна побольше. Въ избѣ насъ встрѣтила старшая хозяйка, женщина лѣтъ за пятьдесятъ, бойкая, живая, но ласковая и добродушная. Послѣ первыхъ же привѣтствій она засуетилась, чтобы насъ чѣмъ нибудь поподчивать: подала ситника и меду, очень невзрачнаго и не чистаго на видъ, но необыкновенно вкуснаго и душистаго. Лѣтній медъ добывается изъ бортей, а не изъ ульевъ. Вы знаете что такое улей: вѣроятно имѣете понятіе и о борти. Въ деревѣ дѣлается продольная дыра, выдалбливается сердцевина и образуемая такимъ образомъ пустота назначается для помѣщенія пчелъ; затѣмъ продольную выемку снова закрываютъ деревянной вставкой, оставляя лишь маленькую скважину для входа и выхода пчелъ. Борти эти помѣщаются обыкновенно высоко отъ земли и чтобы защитить ихъ отъ медвѣдя, которымъ часто производятъ въ нихъ опустошенія, подъ ними дѣлаются деревянные полаты, которые впрочемъ, говорятъ, рѣдко устанавливаютъ предъ усиліями медвѣдя. Борти запрещены въ казенныхъ лѣсахъ лѣснымъ уставомъ изъ предосторожности отъ пожаровъ, на томъ основаніи, что при добываніи меду изъ бортей пчелы выкуриваютъ дымомъ. Предосторожность, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ, но какъ мнѣ объясняли, эта мѣра, уло-

личивая объемъ лѣснаго устава, не уменьшаетъ количества бортей въ казенныхъ лѣсахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйка предложила намъ остатковъ отъ праздника Николнина дня — браги необыкновенно кислой и еще болѣе кислаго, способнаго замѣнить уксусъ—сыченаго или моренаго меда. Послѣдній напитокъ, извѣстный также подъ именемъ пьяниинькаго кваску, (имя, подъ которымъ онъ скрывается отъ преслѣдованія акцизно-откупнаго комиссіонерства), искаженіе тѣхъ старинныхъ русскихъ медовъ, которыми славились наши предки. У старовѣровъ онъ и до сихъ поръ въ большомъ ходу. Я слыхалъ, что хорошо приготовленный, онъ имѣетъ такое свойство, что съ одного стакана человекъ непривычный совершенно теряетъ способность движенія, хотя не лишается памяти и сознанія. Здѣсь я не могъ его пить, даже попробовать вслѣдствіе необыкновенной кислоты, но отвѣдывалъ его въ селѣ Спаскомъ Васильсурскаго уѣзда и тамъ же узналъ способъ его приготовленія. Ведро или два воды до сладости сытятъ медомъ, вливаютъ въ боченокъ, кладутъ туда же кружку дрожжей и ставятъ эту смѣсь на печку. Въ боченкѣ происходитъ сильное броженіе, и дня въ три или въ четыре сыта совершенно окисляется до вкуса уксусу; тогда ее опять насыщаютъ до сладости медомъ и опять оставляютъ боченокъ на печи. Повторяя одинъ и тотъ же процессъ нѣсколько разъ по вкусу и желанію, получаютъ сыченый медъ. Тотъ, который я пилъ въ Спаскомъ, имѣлъ сладкокислый вкусъ и видъ мутнаго подпива; опьяняющее свойство его я не испытывалъ, потому что не могъ выпить болѣе одной рюмки, но она не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Полагаю впрочемъ, что и этотъ медъ былъ неискускаго или дурнаго приготовленія, потому что сопровождавшій меня человекъ болѣе, нежели я, любознательный, не нашолъ, чтобы пьяниинькой квасокъ имѣлъ то свойство, которое ему приписываютъ.

Мужъ и сынъ нашей гостепріимной хозяйки уже отправились въ лѣсъ.

— Ну, какъ же вы, бабушка, такъ и живете цѣлую зиму безъ мужиковъ? спросилъ я.

— Такъ и живемъ, кормилецъ.

— Чай, вѣдь тошно тоже иной разъ?

— А что за тошно: безъ этого нельзя; хлѣбъ себѣ добываютъ.

— Ну, да въ праздники-то, я думаю, пріѣзжаютъ?

— Нѣтъ, разѣ исхарчатся, такъ за харчами прїѣдутъ.

— Ну, а ты ѣздишь ли къ нимъ когда?

— А вотъ что ни живу — не бывала и не знаю, что у нихъ тамъ за зимницы такія.

— Такъ ты и дороги туда не знаешь?

— И не знаю, и дороги не знаю, кормилецъ, сказать тебѣ всю правду.

— Какъ же, братецъ, ты бы спросилъ когонибудь объ дорогѣ—то, обратился я къ ямщику.

— Да кого спросить—то... чай, и такъ не спутаемся: дорога—то одна.

— Вѣстимо одна! подтвердила старуха.

Между тѣмъ въ избу вошелъ сѣдой, какъ лунь, приземистый, широкоплечій старикъ, знакомый г. Л., который сопровождалъ меня въ этой поѣздкѣ. Старикъ подсѣлъ къ намъ и у насъ завязалась бесѣда. Дѣдушкѣ по его счету было уже много за 80—ть лѣтъ, но онъ былъ еще бодръ, свѣжъ, словоохотливъ и только глаза да ноги отказывались служить ему.

— А то бы я не отсталъ отъ людей, говорилъ онъ, не сталъ бы сидѣть около бабъ, коли свои ребята въ лѣсу. Было времячко, не было мнѣ супротивника: всякаго побарывалъ, даромъ что ростомъ—то маленекъ, такихъ кряжей сламывалъ....

По мистическому настроенію старика, разговоръ незамѣтно обратился у насъ къ порченнымъ.

— Мало ли этой пакости бываетъ. Да вотъ у меня невѣстку испортили: начало бабу ломать, корчить. Да я зналъ, чѣмъ это промыслы, прямо пошелъ къ Акулинѣ. Слушай, я говорю, ты—баба, ты у меня съ невѣстки сними, а то вотъ я образомъ образуюсь, коли не снимешь, я тебя застрѣлю. Вотъ образовался,—смотри—же.

— Ну что же?

— Облегчилась, перестало ломать.

— Ну, а если бы не сняла, неужто бы, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ и застрѣлилъ бы?

— Застрѣлилъ бы! быстро и рѣшительно отвѣтилъ старикъ. В—вотъ! Не ужто бы за такую Богу отвѣтъ далъ? Пожалуй, этакъ она сколько бы народа перенортила. Старъ человекъ, говорю, передъ Богомъ: пристрѣлилъ бы, да и пошелъ суду бы себя объявить.

Короткій зимній день приходилъ къ концу, наступалъ ве-

черъ, а намъ предстояло проѣхать еще верстъ 20, такихъ верстъ, о которыхъ русскій человѣкъ говорить въ шутку, что они узенькія да длинныя, и которыя мѣряла баба клюкой да и махнула рукой.

— Вотъ ты дѣдушку спросилъ бы о дорогѣ-то, сказалъ я ямщику.

— Вѣдь, чай, дѣдушка, по Черновской тропѣ есть ужъ ѣзда-то? спросилъ нашъ возница.

— Какъ, чай, не быть!

— То-то.

Больше ямщикъ не разспрашивалъ и мы разпрощавшись со старикомъ и доброй хозяйкой, отправились въ путь. Сначала дорога шла полемъ, гдѣ ямщикъ искалъ все поворота на право въ лѣсъ, потомъ дѣйствительно поворотилъ на право; но проѣхавши вереты двѣ лѣсомъ, объявилъ, что врядъ ли туда ѣдемъ, и все таки ѣхалъ впередъ, не останавливаясь.

— Такъ зачѣмъ же ты ѣдешь, коли не туда? Лучше воротиться назадъ, да взять проводника.

— Да вишь ты, тутъ была сосна на самомъ поворотѣ, такая еще развѣсистая: я все и смотрѣлъ ее, да нѣтъ сосны-то, видно срубили что ли... А я все ее-то и смотрѣлъ, и вижу, что не тутъ ѣдемъ.

— Ну такъ нечего и ѣхать: ворочайся назадъ въ деревню. Ямщикъ неохотно повиновался и, пока мы ѣхали до деревни, все осматривался кругомъ и искалъ пропавшей сосны. Уже совсѣмъ стемнѣло и въ деревнѣ зажглись огни, когда мы подѣхали къ ней.

Здѣсь ямщикъ предлагалъ лучше переночевать, чтобы съутра ѣхать, но я хотѣлъ непременно видѣть жизнь въ зимницахъ вечеромъ, когда рабочіе всѣ возвращаются изъ лѣса, гдѣ они проводятъ весь день. Взявши въ деревнѣ провожатаго съ тѣмъ, чтобы онъ намъ показалъ только поворотъ въ лѣсъ, гдѣ дорога одна, опять оборотили лошадей. Поворотъ былъ указанъ и провожавшій намъ растолковалъ, что какъ въѣдемъ въ лѣсъ и минуемъ *оспкъ*, то есть изгородь, отдѣляющую лѣсъ отъ поля, такъ и поваращивали бы вѣлѣво, а ни направо, ни прямо не ѣздили, а тамъ ужъ какъ поворачишь вѣлѣво *дорога одна*.

— Да тамъ извѣстно ужъ дорога одна! согласился ямщикъ.

— А ты, слушай, Кузьма Васильичъ, замѣтилъ нашъ прово-

жатый, ты тамъ около крестовъ-то вправо не бери, а прямо поѣзжай.

— Ладно, отвѣчалъ ямщикъ, и поспѣшно подобравши возжи, прикрикнувъ на лошадей.

Я предвидѣлъ, что безъ путаницы дѣло не обойдется, и хотя не совсѣмъ было благоразумно пускаться ночью въ лѣсъ съ ямщикомъ, не знающимъ дороги, но надѣясь на смѣтку и счастье русскаго человѣка или, сказать откровеннѣе, самъ рассчитывая на русское авось, ни на минуту не задумался и не поколебался ѣхать. И до сихъ поръ не знаю, тутъ ли мы ѣхали, но тащились мы необыкновенно долго. Ночь настала темная: ни мѣсяца, ни звѣздочки на небѣ, покрытомъ густыми облаками, изъ которыхъ къ утру полилъ проливной дождь. Дорога шла лѣсной простѣкой до такой степени узкой, что сани наши, въ которыхъ съ трудомъ можно было помѣститься двоимъ, едва проходили между деревьями, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе завязали такъ, что мы должны были выходить изъ нихъ и ставить ихъ бокомъ, чтобы протащить какимъ нибудь образомъ. Въ другихъ мѣстахъ они задѣвали за пни, торчащіе среди дороги. Лошади, запряженные гусемъ, т. е. одна за другою, безпрестанно спотыкались за валежникъ и сухія деревья, лежавшія поперекъ дороги. — Въ одномъ мѣстѣ мы попали въ болото еще не промерзшее и лошади вязли по брюхо. Мужикъ здѣсь ѣздитъ на своихъ маленькихъ узенькихъ дровешкахъ: ему какъ бы нибудь только пробраться къ мѣсту работы, а объ направленіи дороги думать некогда. Наконецъ вотъ примѣта: кресты, о которыхъ говорилъ мужикъ. Значить, попали все-таки туда, куда нужно; и половнну дороги проѣхали. Здѣсь мы не повертели ни направо, ни налево, а поѣхали прямо, помня данный совѣтъ. Кресты.... Здѣсь только, въ Семеновскомъ уѣздѣ, узналъ я объ этомъ особенномъ, трогательномъ обычаѣ русскаго человѣка и не умѣю сказать: есть ли онъ гдѣ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, въ чемъ конечно нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что этотъ обычай великой древности. Тамъ, гдѣ пересѣкаются двѣ дороги, на каждомъ перекресткѣ русскій человѣкъ привыкъ налагать на себя крестное знаменіе, и нерѣдко на перекресткахъ большихъ дорогъ вы видите часовенки или просто деревянные кресты, какъ напоминовеніе этого святаго христіанскаго и стариннаго русскаго обычая. А здѣсь, въ лѣсной глуши, нѣтъ такого перекрестка, на которомъ не стоялъ бы крестъ и иногда не одинъ. Кто же ихъ

ставить? Здѣсь считается святымъ дѣломъ въ родѣ тайной милостыни или никому невѣдомаго приношенія въ церковь Божию, втайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ домашнихъ, срубить крестъ и ночью поставить его на перекресткѣ, дабы вызвать на молитву остановившагося на распутии и послужить тѣмъ Богу живому.

Мнѣ рассказывалъ мѣстный лѣсничій: однажды съ ружьемъ бродилъ онъ по лѣсу своего лѣсничества. Ему было извѣстно, что въ этомъ лѣсу рубки не производилось, а между тѣмъ вдругъ онъ слышитъ стукъ топора. Идетъ на него, и въ глуши, далеко отъ дороги и лѣсной опушки, находитъ крестьянина, обтесывающаго только-что срубленное имъ дерево. Лѣсничій принялъ его за самовольнаго порубщика и, разумѣется, тутъ же далъ ему острастку, ибо, какъ извѣстно, самовольныя порубки строжайше запрещены. Крестьянинъ молчалъ. Но къ счастью лѣсничій былъ человѣкъ разсудительный и его не могло не удивить, что мужикъ вздумалъ воровать лѣсъ въ цѣльной нетронутой рощѣ, и притомъ вдали отъ своего селенья, и въ такой чашѣ, откуда и вывозка деревъ была почти невозможна, тогда какъ тоже самое онъ могъ бы сдѣлать въ другомъ мѣстѣ съ полнымъ удобствомъ. Это заинтересовало лѣсничаго.

— Что тебѣ вздумалось воровать лѣсъ именно здѣсь? спросилъ онъ мужика.

— Нашъ, батюшка, грѣхъ: на томъ милости просимъ, — уклончиво отвѣчалъ мужикъ.

— Да Богъ тебя проститъ; одно дерево не бѣда, только ты вѣдъ зналъ, что въ этой рощѣ не рубятъ и что здѣсь скорѣе попадешься; что же тебѣ вздумалось?

— Что дѣлать-то? ужь помилуйте! Такъ глупость наша.

Мужикъ видимо не хотѣлъ сказать настоящей причины.

Лѣсничій не могъ добиться толку и, приказавши виновному оставить дерево, пошелъ прочь отъ него. Мужикъ повалился въ ноги и сталъ просить, чтобы лѣсничій никому не сказывалъ, что видѣлъ, а дерево позволилъ бы взять ему, и наконецъ признался, что онъ далъ обѣтъ поставить крестъ, и чтобы люди не видали его труда нарочно ушелъ въ это мѣсто.

А между тѣмъ мы все ѣдемъ, и ѣдемъ очень долго: къ счастью еще стояло тепло, а то пришлось бы плохо. Оказалось, что дорога была вовсе не одна, хотя мы и ѣхали прямо: часто встрѣчались просѣки, на право и налѣво по которымъ столько же было удобно ѣхать, какъ и по той, которую мы избирали

для своего пути. Начали попадаться срубленные деревья. Ямщикъ сходилъ, осматривалъ ихъ и возвращался съ увѣренностью, что ѣдемъ все такъ, къ зимницамъ, если даже и сбились съ кротчайшей дороги.

— Почему же ты это знаешь?

— А бревна комлями туда лежать.

И я узналъ, что срубленное бревно кладется комлемъ, т. е. толстымъ своимъ концемъ въ ту сторону, куда его слѣдуетъ вывозить: вывозятъ же бревна на рѣчку, гдѣ вяжутъ въ плоты и гдѣ по близости должны быть зимницы. Наконецъ запахло дымомъ, пріѣхали мы къ рѣчкѣ, увидѣли цѣлые вороха бревенъ, но зимницъ не видали: дорога отъ рѣчки шла и направо и налево. Ямщикъ и человекъ сидѣвшій на козлахъ сошли, начали бродить около того мѣста, гдѣ мы остановились, ища зимницъ и оглашая воздухъ дикими криками, которыми надѣялись пробудить отъ сна и вызвать лѣсныхъ обитателей. Но напрасно они бродили, напрасно охрипли кричаши: зимницъ не нашли, и отчаянные имъ вопли: эй вы! мужики!... ах!... есть ли кто?.. умирали въ сыромъ туманномъ воздухѣ безъ отзыва, даже безъ эха.

Хотя было тепло и мы не озябли, но продрогли порядкомъ, потому что воздухъ былъ пронизательно сыръ и насъ завалило снѣгомъ, падавшимъ съ вѣтвей древесныхъ во время осьми или семи часового странствованія среди лѣсной чащи.

Положеніе наше становилось довольно щекотливо: съ полчаса стояли мы на одномъ мѣстѣ, не зная, въ которую сторону двинуться. Запахъ дыма наносило со всѣхъ сторонъ и онъ не могъ быть нашимъ путеводителемъ.

— Что же дѣлать-то? невольно спросилъ я ямщика, стоявшаго въ раздумьи.

Онъ ни слова не отвѣчая, съ рѣшительнымъ движеніемъ сѣлъ на козлы и направилъ лошадей налево.

— Развѣ сюда? Отчего же не направо?

— Сюда надо! убѣдительно отвѣчалъ ямщикъ и съ этой минуты я былъ почти увѣренъ, что дѣйствительно сюда надо. Миѣ припоминалась тогда такая же сцена, но совершенно при другой обстановкѣ и я подивился, какъ русскій человекъ, куда его не поставь, вездѣ одинаковъ и вездѣ вѣренъ своему характеру.

Недалеко, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, странствуя по Саратовской губерніи, я пробирался съ береговъ Волги Царицынскаго уѣзда на Иловлю. Рѣчка, къ которой я

направлялся, было село Саламатино. Мнѣ оставалось до него двѣ станціи. Ъхалъ я проселками на обывательскихъ или повинныхъ, какъ ихъ называютъ въ иныхъ мѣстахъ. Какъ теперь вижу, когда я спросилъ въ деревнѣ, гдѣ слѣдовало перемѣнить лошадей, десятскаго, передо мной предстала баба съ сердитымъ выраженіемъ лица и со словами: «я десятской! что надо»? и когда я объявилъ ей свое требованіе, она тотчасъ же подняла первую, валявшуюся на земли палку и, вооружась ею, какъ знакомъ своего достоинства, тою же палкой указали мнѣ хату, на хозяинѣ которой лежала очередь справлять гоньбу, и затѣмъ безъ вѣсти пропала. Я вошелъ въ указанную хату и къ моему огорченію узналъ, что хозяинъ уѣхалъ за сѣномъ. Правда, онъ скоро явился съ огромнѣйшимъ возомъ, но очень неблагосклонно принялъ гостя и, вѣроятно, мнѣ долго пришлось бы ожидать лошадей, еслибъ я не догадался предупредить его, что плачу прогоны, а если онъ поторопится, то дамъ и на водку. Тогда тотъ же хозяинъ сталъ совсѣмъ другой чело-вѣкъ: возъ, который надо было куда-то къ мѣсту свалить, мигомъ полетѣлъ на землю тутъ же, гдѣ стоялъ; лошадь, которую надо было покормить, оказалась сытою; другая, за которою надо было бѣжать чуть ли не за двѣ версты, вдругъ какъ изъ земли выросла; ямщикъ превесело улыбался мнѣ, выѣзжая за околицу.

— А что, баринъ, спрашиваетъ онъ меня, коли мнѣ теперь тебя везти до Таловки да тамъ сдать, такъ до Соломатина тебѣ будетъ верстъ пятьдесятъ, а коли бы я тебя прямо провезъ степью, такъ всего бы было верстъ тридцать.

— Такъ чтоже? вези, братецъ, прямо: тѣмъ лучше.

— А ты за всѣ бы отдалъ?

— Разумѣется, отдамъ съ удовольствіемъ.

— Сколько же придется?

Я ему рассчиталъ.

— Ничего бы можно, да только дороги-то не знаю: не бывалъ я.

— Ну, такъ, братецъ, нечего и дѣлать, коли дороги не знаешь и не бывалъ никогда по этой дорогѣ.

— Да оно степью какая дорога и слѣда-то нѣтъ, не то что: извѣстно, прямо поѣзжай... А нечто развѣ ѣхать?

— Да если надѣешься доѣхать, такъ отчего же? съ Богомъ!

— Да это какъ не доѣхать: не куда денемся. И остановился

онъ въ раздумьи и вдругъ, ни съ того ни съ чего хлеснулъ лошадей и ударился въ степь.

И точно также, какъ теперь, ѣхали мы долго, долго ѣхали, но безъ всякой дороги, безъ всякой примѣты, а такъ прямо, куда глазъ глядитъ, и также какъ теперь застигла насъ ночь. Но тогда я не безпокоился и не думалъ о томъ, — прїѣдемъ мы къ мѣсту, или заблудимся и должны будемъ ночевать въ степи. Меня утомили пустыя, голыя, сѣрыя, покрытыя пылью и выжженные солнцемъ степныя прибрежья Волги Царицынскаго уѣзда и я радъ былъ провести ночь въ той зеленой степи, которою ѣхалъ. Послѣ знойной, пыльной атмосферы, которою дышалъ цѣлый мѣсяцъ, я съ жадностью глоталъ свѣжій, нѣсколько студеной, сыроватый и напоенный благоуханными испареніями травы воздухъ, лежавшій надъ зеленымъ моремъ, которое колыбалось вокругъ меня. Мнѣ было такъ хорошо, легко и отрадно смотрѣть въ голубое звѣздное небо и во всю безграничную разстилавшуюся вокругъ меня гладь и вслушиваться въ гармоническую тишину, но не безмолвіе, спящей степной природы, — ту тишину, которой, казалось, не нарушали, но съ которою сливались и топотъ лошадей и легкій скрипъ колесъ, катившихся, какъ по ковру, по мягкой травѣ. Весело мнѣ было бодрствовать мыслью и сердцемъ въ ту минуту, когда красоты Божьяго зданья закрываются сномъ предъ миллионнами глазъ....

Не знаю, что думалъ мой возница, а ѣхалъ все прямо, кажется и звѣздами не повѣряя своего пути. Но вотъ мы наконецъ уперлись въ большую торную дорогу и какъ разъ на распутьи: одна вѣтвь дороги шла вправо, другая влѣво. Ямщикъ мой не зналъ этой дороги и прїостановился въ раздумьи.

— Ну, куда же ѣхать? невольно спросилъ я.

— Знамо, направо! отвѣчалъ ямщикъ и поѣхалъ направо.

— Да, вѣдь ты не бывалъ здѣсь? Ну, а если дорога-то намъ налѣво, куда же мы прїѣдемъ?

— Куда больше прїѣхать? прїѣдемъ въ Саламатино! возразилъ онъ съ полной увѣренностью. И дѣйствительно мы прїѣхали въ Саламатино.

Такъ и теперь: я не напрасно повѣрилъ словамъ лѣснаго ямщика; запахъ дыма сталъ обдавать насъ все сильнѣе и сильнѣе, потому сквозь мракъ ночи замерцалъ огонекъ —, то былъ огонекъ въ зимницахъ.

— Приѣхали! торжественно сказалъ ямщикъ, останавливая лошадей.

Начили окликать находившихся въ зимницѣ, но утомившійся на работѣ народъ спитъ крѣпко и мы насилу могли вызвать хозяина. Оказалось впрочемъ, что до той зимницѣ, въ которой мы предполагали ночевать было съ добрую версту, но это не бѣда: намъ указали дорогу и мы скоро добрались до ночлега.

Въ темнотѣ ночи я не могъ разсмотрѣть внѣшняго вида зимницы: замѣтилъ только, что мы остановились передъ не большимъ и не высокимъ зданіемъ. Черезъ окошко, или попросту сказать, дыру въ аршинъ величиною, которая служила окномъ и входомъ, свѣтился яркій огонь съ теплоты, разложенной внутри зимницы, и густыми клубами вылеталъ дымъ. Привѣтливо манилъ къ себѣ этотъ яркопылавшій внутри землянки огонекъ и отраду обѣщалъ нашимъ прозябшимъ членамъ.

Я спѣшилъ пробраться къ нему, но съ непривычки это было не совсѣмъ легко: долго принарамливался я, какъ бы пролезть черезъ дыру, служившую входомъ, пока не догадался, что сначала надобно просунуть одну ногу, за ней другую и потомъ, по возможности согнувшись вдвинуться внутри всѣмъ тѣломъ.

Поступивши такимъ образомъ, я очутился внутри зимницы, но въ ту же минуту долженъ былъ присѣсть, потому что подъ потолкомъ стоялъ дымъ, захватывалъ дыханіе и невыносимо жгло глаза. Почти ползкомъ сталъ я пробираться по земляному полу тѣсной зимницы, отыскивая какое нибудь помѣщеніе; отыскалъ у стѣны маленькой древесный отрубокъ и сѣлъ на немъ около очага. Пріятная теплота огня и сухость воздуха мгновенно согрѣла меня, дымъ струился надъ головою, не касаясь ея; я протеръ глаза, изъ которыхъ текли слезы и свободно уже могъ наблюдать предстоящую картину.

Въ землѣ вырывается яма около аршина глубиною и сажени двѣ квадратныхъ въ окружности. Въ нее запускается соотвѣтствующій мѣроу бревенчатый срубъ вышиною въ ростъ человека. Пола не настилагается, потолокъ же выводится изъ бревенъ нѣсколько сводомъ. Въ одной стѣнѣ, вплоть надъ землею, прорубается окно или вѣрнѣе дверь, какъ уже рассказывалъ, около аршина величиною.

Лазейка эта имѣетъ створчатые дверцы размѣромъ въ вышину на четверть меньше противъ самаго отверстія, для того, чтобы, когда они затворены, оставался свободный выходъ для

дыма поверхъ дверецъ, и въ то же время загражденъ былъ притокъ холоднаго воздуху снаружи, чрезъ что зимница очень скоро нагрѣвается даже отъ малаго количества дровъ. — Къ стѣнѣ противоположной входу, черезъ всю зимницу дѣлаются нары около сажени шириною. На аршинъ отъ пихъ, ближе къ двери, устраивается очагъ слѣдующимъ образомъ: дѣлается небольшой срубъ въ аршинъ вышиною и аршина полтора шириною и наполняется до краевъ землею.

Этотъ очагъ замѣняетъ печь, на немъ всю ночь непрерывно горитъ огонь, нагрѣвая своею теплотою и дымомъ убогую хату, на немъ же варится пища. Вотъ общій внутреннй видъ и устройство зимницы. — На другой день утромъ я разсмотрѣлъ, что по бокамъ зимницы придѣлываются хлѣвы для лошадей довольно просторные, и, кажется, даже болѣе удобные нежели то помѣщеніе, которое устроилъ человѣкъ для себя. Все это убогое зданіе покрыто одной кровлей, которая выступаетъ впередъ его навѣсомъ: подъ нимъ хранится сѣно для корма лошадей.

Въ зимницѣ, которую мы избрали своимъ ночлегомъ и которая принадлежала мужу доброй хозяйки, угощавшей насъ медомъ, я увидѣлъ человѣкъ шесть, лежавшихъ на нарахъ. Нары были покрыты грязными рогожами, овчинные полушубки служили изголовьемъ, дырявые сѣрые зипуны—одѣяломъ, грязные лапти и онучи висѣли надъ головами на закоптѣлыхъ жердяхъ и валялись между лежавшими. Потолокъ, стѣны, два котелка, въ которыхъ варится пища, были покрыты копотью на палецъ. Лица хозяевъ были черны отъ грязи и дыма. Когда я черезъ четверть часа пребыванія въ зимницѣ дотронулся до лица платкомъ, то увидѣлъ, что и на нѣ уже лежалъ слой копоти. И въ этомъ дыму, въ этой тѣсотѣ, грязи и копоти можетъ жить русскій человѣкъ большую половину жизни!...

Старшій хозяинъ зимницы былъ высокій, тощій, костлявый старикъ лѣтъ 80-ти. Онъ лежалъ съ краю и не зміѣнилъ своего положенія при нашемъ приходѣ; даже не привсталъ. Сынъ его такой же высокій, но широкоплечій здоровый мужикъ, лѣтъ подъ 50, съ добрымъ лицомъ и длинной рыжей бородой, поднялся съ мѣста и встрѣтилъ насъ, какъ хозяинъ. Остальные, лежавшіе на нарахъ, были работники хозяина. Они молча посматривали на насъ; но мы знали, чѣмъ развязывается языкъ русскаго человѣка, и приказали принести изъ саней большую бу-

тыль, взятую нарочно съ этою цѣлью. Впрочемъ къ крайнему моему удивленію и удовольствію ни старикъ-хозяинъ, ни его сынъ, ни двое работниковъ не хотѣли даже попробовать вина, несмотря на всѣ наши убѣжденія. Спутникъ мой, знавшій всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ, послалъ звать ихъ изъ сосѣднихъ зимницъ, но пьющими оказались только трое или четверо; между ними особенно отличался бывшій ратникъ, сначала очень забавлявшій, а потомъ надоѣвшій мнѣ своими разсказами о томъ, какъ они стояли съ дружиною въ Хохлахъ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ мало пьютъ водки и въ праздничныя гулянья ограничиваются больше брагой и хмѣльнымъ медомъ.

Мало по малу завязалась оживленная бесѣда. Не отвергнувшіе нашего угощенія уже затѣвали пѣсню, но и прочіе, видя нашу простоту и радушіе, бросили осторожность и повели откровенный разговоръ; одинъ только нашъ старикъ-хозяинъ оставался молчаливъ и, какъ видно, недоволенъ совершавшеюся передъ его глазами пирушкой.

— Вотъ пить да гулять, такъ пожалуй на всю ночь рады, а работать такъ насъ нѣтъ! брюзжалъ старикъ.

— Не бось, мы на все поспѣемъ, возражалъ ратникъ. Вотъ какъ, бывало, у насъ ротный....

— Ладно, ротный. Знай про себя: слышали!

— Что, видно, братъ, дѣдушка-то не любитъ вамъ давать воли: не даетъ лѣниться-то! сказалъ я.

— Да ему что, сполагоря: отъ него только и есть, что ну, да проворнѣй!... до свѣта подыметъ, соснуть не дастъ, а самъ-отъ не больно за топоромъ-то кланяется, только понукаетъ людей, да покрикиваетъ!... отозвался одинъ изъ работниковъ.

— Ладно! поживи съ мое, да поломайся съ мое, а тутъ и говори, — сердито возразилъ старикъ.

— Да мнѣ-то что? все едино: я не на него работаю, на себя, продолжалъ ратникъ. Пушай ты, обратился онъ къ одному парню, — ты коренной работникъ, на жалованьи, а я что вывезъ, за то и денежки получилъ.

Въ это время человѣкъ подавалъ мнѣ трубку.

— Да ты уголекъ подай ему, обратился къ нему ратникъ. Какъ мы бывало въ походѣ или въ Хохлахъ, у насъ эти трубки.... сколько! все уголькомъ раскуривали.

— Ну, ребята, давай запоемъ нашу ратницу.... Я начну.... слушай.

— Ну, зазѣвалъ! сердито промолвилъ старикъ, неприязненно поглядывая на расходившагося ополченца. — Деньги забирать али орать, такъ мастеръ, а къ работѣ — нѣтъ.

Я попросилъ сына старика растолковать мнѣ, на какихъ условіяхъ работаетъ на него ратникъ и прочіе его работники.

— У насъ, видишь ты, какой порядокъ заведенъ: вотъ я теперь знакомство веду съ лыковскими торговцами, это по нашей лѣсной части. Вотъ я у нихъ тамъ у котораго ни-на-есть деньги и забираю, тамъ пятьсотъ ли, тысячу ли рублей, да вотъ такимъ и раздаю: кому 60, кому 70 ассигнаціями; ему деньги нужны, въ домъ ли, на подушны ли, а достать не начемъ, вотъ онъ и забираетъ впередъ, а тутъ зиму-то на меня и заработываетъ: рубить. Тамъ весна придетъ, какая цѣна на лѣсъ обнаружится, сколько бревенъ кто вырубить, потому его и рассчитываю. А то такъ работника нанимаю на всю зиму, на счетъ того: ужъ онъ дѣлай, что велю....

— Какъ ты говоришь, какая цѣна обнаружится? Развѣ работникъ не дѣлаетъ съ тобой напередъ условія: по чемъ ему получать съ бревна?

— Да какъ онъ сдѣлаетъ условіе? Я и самъ-то не знаю, какая цѣна откроется, это ужъ какъ лыковскіе купцы какую цѣну назначать.

Такимъ образомъ вся Лыковская волость или лучше сказать весь лѣсный промыслъ по Керженцу — жертва монополіи капиталистовъ села Лыскова.

Ни у одного изъ крестьянъ Лыковской волости нѣтъ на столько денежныхъ средствъ и предприимчивости, чтобы производить выдѣлку лѣса на собственный счетъ и потомъ сплавивши плоты до устья Керженца, или ниже по Волгѣ, продать ихъ по вольной цѣнѣ. Болѣе зажиточный, больше семейный или смышленный крестьянинъ идетъ въ Лысково къ лѣсопромышленнику и проситъ у него денегъ, обѣщаясь весною выставить ему примѣрно такое-то количество бревенъ. Лѣсопромышленникъ даетъ ему денегъ безъ всякихъ условій, но за то весною, когда плоты пригнаты и когда крестьянинъ проситъ окончательной раздѣлки, онъ по соглашенію съ такими же другими лѣсопромышленниками, также имѣющими своихъ должниковъ, назначаетъ произвольную цѣну и разумѣется получаетъ лѣсъ крайне дешево.

Точно также и крестьянинъ, забравшій деньги непосредственно отъ лѣсопромышленника и такимъ же точно порядкомъ

раздававший вперед другим бѣднѣйшимъ, малосемейнымъ и менѣе его смышленнымъ крестьянамъ, при окончательной раздѣлкѣ старается скрыть настоящую цѣну, которую получилъ отъ хозяина, и наровитъ разсчитать своихъ работниковъ подешевле. Однимъ словомъ, въ этой торговлѣ взаимное довѣріе основано на обманѣ и взаимный обманъ на довѣріи: я тебѣ вѣрю деньги, потому что ты даешь мнѣ возможность обмануть тебя и получаешь возможность обмануть другаго и я тебѣ позволяю меня обманывать за то, что ты довѣряешь мнѣ деньги и тѣмъ даешь возможность обмануть другаго. Почти къ такой формулѣ можно привести отношенія лѣсопромышленниковъ по Керженцу. Разумѣется, при этомъ гдѣ капиталистъ обманываетъ бѣдняка на рубли, тамъ бѣднякъ обманываетъ своего бѣднѣйшаго собрата на копѣйки. И эта зависимость рабочихъ рукъ отъ капиталистовъ и произволъ послѣднихъ въ опредѣленіи цѣнности труда у насъ въ Россіи встрѣчается не только здѣсь, но весьма часто. Укажу только одинъ примѣръ, но полагаю довольно рѣзкій.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ у насъ есть такъ называемыя бумажныя фабрики. Хозяева ихъ, купцы-капиталисты, покупаютъ бумажную пряжу, разматываютъ ее, приводятъ въ форму основы и утока и затѣмъ раздаютъ по деревнямъ, на дома крестьянъ для тканья канифасовъ, китаекъ и т. п. Крестьянинъ тчетъ, забираетъ у хозяина впередъ деньги, но до извѣстнаго срока, иногда въ теченіе цѣлаго года, не знаетъ по какой цѣнѣ онъ работаетъ и почему хозяинъ заплатитъ ему за трудъ.—Разумѣется, всѣ фабриканты очень единодушно желаютъ уменьшенія задѣльной платы, и дѣло приходитъ къ такому результату, что всѣ капиталисты становятся миллионерами, а плата за трудъ зависитъ отъ произвола а иногда совершенно не вознаграждаетъ работника.

— Сколько же можетъ выработать въ зиму мужикъ съ одною лошадью? спросилъ я нашего хозяина.

— Да, ретивый, рублей сто на ассигнаціи *замотаетъ* черезъ зиму-то.

— Что же вы дѣлаете лѣтомъ?

— Лѣтомъ, извѣстно, около дома: хлѣбопашествомъ занимаемся, да хлѣбъ-то у насъ больно плохо родится: семьи-то не прокормишь.... Плохіе наши достатки!... Только зима-то и кормить. Да вотъ нонѣ какая стоитъ: Микола прощелъ, а мы толь-

ко что въ лѣсъ—отъ выѣхали. Вотъ *зимушней зимой* нечего сказать, благодаренье Богу, поработали, а нонѣ плохо.

Зима въ иныхъ краяхъ—отдыхъ для крестьянина, время лѣни и лежанья на печи, а здѣсь—это самая работающая, самая страдная пора. И здѣшній мужичекъ ждетъ ея и любитъ ее, какъ свою кормилицу, несмотря на кровавый потъ, на всѣ лишения и страданья, съ которыми добываетъ свой насущный хлѣбъ! Онъ охотно разстается и со своей семьей и съ чистой просторной избой, съ радостью идетъ въ эту дымную, курную лачугу для того, чтобы выработать средства существованія.

— А вѣдь, чай тошно иной разъ по семьѣ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Ничего не тошно! вдругъ отозвался старикъ.

— Какъ, дѣдушка, неужто не подумается о домѣ? Ну, ты вотъ старикъ, ты нажился со своей старухой, а вотъ тутъ молодые ребята, у нихъ чай, жены остались, тоже чай, груститъся.

— Вотъ есть о чемъ! безъ бабы лучше.... Ну ихъ!... Отъ нихъ никакого прока нѣтъ. — На смерть ихъ не люблю.

— Что ты, дѣдушка, за человѣкъ? сказалъ я, со смѣхомъ:— водки ты не пьешь, бабъ не жалуешь; что же ты любишь?

— Что люблю? хлѣбъ,—рѣзко отвѣчалъ старикъ.—А въ бабахъ пути нѣтъ: я вотъ со второй живу. Сказать тебѣ: я на крестинахъ былъ у теперешней—то моей хозяйки. — А лучше безъ нихъ, завсегда скажу, что лучше.

— Да будетъ вамъ орать—то, обратился онъ къ развеселившимся, неумолкавшимъ пѣсенникамъ.—Ишь, складъ—отъ какой! Ложились бы спать, а то завтра продрыхните.

— Да ты бай, бай свое! возразилъ ратникъ. Вотъ кабы дѣдушка Петръ былъ, тотъ бы господъ позабавилъ; тотъ бы и выпить не отсталъ и пѣсенку бы завелъ, даромъ что старикъ. А вотъ, братцы, какъ въ Хохлахъ, такъ тамъ пѣсни совсѣмъ неэки, что у насъ. Вотъ нѣтъ дѣдушки Петра, вотъ бы мы съ нимъ....

Это имя дѣдушки Петра уже поминалось не первый разъ.— Между сторонними посѣтителями зимницы былъ и его сынъ, который также отказался отъ предлагаемой чарки и промолвилъ:

— Вотъ кабы батюшка былъ, онъ бы выпилъ, ужъ и съ вами бы побаялъ.

— Ужъ бы, братъ, дѣдушка Петръ, ужъ тотъ бы, братъ, выпилъ и господъ бы уважилъ! подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Надо полагать, что этотъ дѣдушка Петръ старикъ веселый, говорунъ и балажникъ и человѣкъ видно бывалый. — Гдѣ же онъ?

— А онъ ушелъ на лыжахъ верстъ за семь проминать дорогу черезъ болото. — Гдѣ болото худо промерзло и только сверху застыло, такъ тамъ дѣдушка будетъ прорубать, чтобы болото глубже замерзло и дорога для возки бревенъ сдѣлалась удобна. — Тамъ есть старая брошенная зимница онъ и ночуетъ въ ней одинъ-одинешенекъ.

— Видно этотъ дѣдушка не только лѣсы точить, а и работать мастеръ?

— И, да онъ за троихъ молодыхъ сработаетъ, даромъ что старъ, подтвердило нѣсколько голосовъ.

Жаль, что не привелось мнѣ видѣть дѣдушки Петра.

— Скажи, пожалуйста, обратился я къ своему собесѣднику: — зачѣмъ вы строите такія дымныя, грязныя зимницы; не лучше ли бы построить избушку съ печью?

— Нѣтъ, изба съ печью будетъ не сподручна. Вѣдь цѣлый день мы въ лѣсу, зимница стоитъ пустая, настынетъ; пріѣдешь, пересябнешь, печку надо растапливать, когда еще растопится, закроешь ее, днемъ-то изба настыла, сырость пойдетъ, да угаръ. А тутъ пріѣхалъ: огонь запалилъ, зимница-то мигомъ нагрѣется, и самъ вокругъ огня-то обогрѣешься и одежда просохнетъ, ни сырости, ни угару нѣтъ, — важно. Опять цѣлую ночь около огонька лежишь; къ лошадямъ ли сходить; сейчасъ огонь есть; уѣдешь утромъ-то, загребешь уголья, ночью пріѣхалъ, еще огонекъ-отъ все держится, только разгреби, да вздуй. А избу нѣтъ, никакъ невозможно по нашей работѣ.

— Развѣ вы цѣлый день ни пріѣзжаете въ зимницу?

— А какъ же, цѣлый день въ лѣсу! Вотъ утромъ всталъ, побѣдалъ, да и на работу, вечеромъ пріѣхалъ, — ужина.

— А днемъ ничего и не ѣдите?

— Да когда ѣсть-то? Нѣтъ, не ѣдимъ.

— И хлѣба не берете съ собой?

— Нѣту. Да какъ его брать-то? морозы-то пойдутъ; замерзнетъ такъ, что и не угрызешь.

— Чтоже вы ѣдите?

— Что? хлѣбъ, щи варимъ, когда съ забѣлой; молоко хлебаетъ, коли есть; ну, кашу когда.

— А вотъ теперь въ постъ.

— А вотъ посмотри ужъ, станемъ обѣдать. Что въ постъ-отъ? хлѣбъ, да горохъ варимъ, когда кашницу съ грибами,—болотники у насъ прозываются; да, правда, рѣдко же кашницу-то, все больше горохъ хлебаемъ.

Между тѣмъ кое-кого изъ нашего общества уже сталъ одолевать сонъ; спутники мои, пригрѣтые огонькомъ давно уже храпѣли; изъ числа четырехъ пѣсенниковъ осталось только двое на сценѣ и тѣ, кажется, допѣвали послѣднюю пѣсню, покачиваясь и съ полужакрытыми глазами. Я видѣлъ, что во снѣ нуждался и мой собесѣдникъ и посоветился долѣе отрывать его отъ этого не послѣдняго блаженства для работающаго человѣка, да и мои глаза какъ-то тяжело смотрѣли на свѣтъ. Устроившись какъ могъ удобнѣе на нарахъ, я думалъ уснуть, но напрасно: и пѣсни утихли, и долѣе всѣхъ бодрствовавшій ратникъ замолкъ, съ послѣднимъ воспоминаемъ о Хохлахъ уткнулся головой въ стѣну и захрапѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, и всѣ спали кругомъ, и меня сильно клонило ко сну, но явились тысячи новыхъ и такихъ докучныхъ собесѣдниковъ, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ, какъ я ни призывалъ его. — Съ завистью посматривая на сладко спящихъ сосѣдей, съ мучительной головной болью, развлекая себя лишь подкладыванемъ дровъ въ теплинку, да наблюденемъ за струями дыма, вившагося подъ потолкомъ, провелъ я эту безпокойную ночь и, когда часы показали пять, разбудилъ старика и заботливо предупредилъ его, что *скоро* будетъ свѣтать, и я полагаю, что имъ пора готовить себѣ обѣдъ. Къ моему величайшему удовольствію старикъ со мной согласился, разбудилъ сына и работника и самъ сталъ обуваться. Работникъ сначала съ зажженной лучиной сходилъ задать корма лошадямъ, потомъ сплеснулъ себѣ водою лицо и руки, послѣ чего они показались мнѣ еще грязнѣе, перекрестился на маленькій мѣдный образокъ, висѣвшій у входа, снялъ одинъ изъ котелковъ, налилъ въ него воды, всыпалъ гороху, покрылъ крышкой и, припѣвивши деревяннымъ крюкомъ къ жерди, повѣсилъ его надъ огнемъ. Затѣмъ онъ взялъ другой котелъ и началъ класть въ него что-то изъ мѣшка.

- Что это такое? спросилъ я его.
- Гульба.
- Что?
- Гульба, земляная рѣпа.
- Что за земляная рѣпа? покажи-ко, братъ.

Оказалось, что это былъ просто картофель. Работникъ залилъ его водою и поставилъ къ огню варить. Далѣе я видѣлъ, какъ онъ досталъ валявшуюся гдѣ-то мутовку и, поплевавши на ладони началъ ею мѣшать горохъ. Пока и то и другое кушанье варилось, одинъ за другимъ поднялись со сна и прочіе работники.

Проснулся и нашъ ратникъ, но уже угрюмый и молчаливый...

Когда варево было готово, хозяева усѣлись вокругъ котла и принялись обѣдать; сначала ѣли горохъ, потомъ вареный картофель съ хлѣбомъ и солью. Старикъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, несмотря на свою худобу, и я готовъ былъ повѣрить, что онъ точно больше всего на свѣтѣ любитъ хлѣбъ. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ артели: хотя работникъ, забравшій у хозяина деньги впередъ, и живетъ въ его зимницѣ, но пищу каждый себѣ приготовляетъ особенно.

Пообѣдавши, всѣ по приказанію старика стали запрягать лошадей и чуть стало свѣтать, уѣхали въ лѣсъ на работу. Зимницы никогда не запираются и не бывало примѣра, чтобы пѣзъ нихъ что нибудь пропало: правда, не на что и покорыститься. Мы тоже собрались въ обратный путь. Недалеко отъ зимницы встрѣтили нашихъ знакомцевъ и пріостановились, чтобы по прощаться съ ними. Лица у всѣхъ такъ были грязны и закоптѣлы, какъ у угольниковъ, но и при дневномъ свѣтѣ я ни на одномъ не замѣтилъ сердитаго или недовольнаго выраженія: всѣ смотрѣли добродушно, весело и привѣтливо. Сердитый и брюзгливый вчера старикъ здѣсь, въ лѣсу, оказался весельчакомъ и говорунъ.

— Будете проѣзжать нашей-то деревней, заѣзжайте опять къ намъ, сказалъ старикъ:— да слушай, баринъ, прибавилъ вчерашній ненавистникъ женщинъ, приклоняясь ко мнѣ съ лукавой улыбкой: пугни старуху-то мою; скажи, что-молъ и меня и сына подъ судъ отдашь. Ничего, пошути, молви. Пусть ихъ тамъ думаютъ, что будетъ.

Онъ вызвался даже проводить насъ и указать кратчайшій путь. Дорогой болталъ безъ умолку: видно было, что лѣсъ, въ которомъ старикъ провелъ всю свою жизнь, веселилъ и оживлялъ его. Онъ рассказывалъ про своего дѣдушку, который нѣскольکو десятокъ лѣтъ провелъ отшельникомъ въ этомъ самомъ лѣсу и умеръ на стосороковомъ году, указывалъ мѣсто, гдѣ была хижина старца.

Какъ видно пустынный былъ зараженъ расколомъ, потому что полиція сильно его преслѣдовала; его брали и представляли къ архіерею, но старецъ такъ былъ хилъ и изнуренъ годами, постомъ и молитвой, что архіерей, по словамъ рассказчика, ужаснулся; думалъ, что къ нему привезли мертвое тѣло и велѣлъ отпустить его.

Замѣтя мое любопытство, съ которымъ я обо всемъ распрашивалъ, старикъ обратилъ мое вниманіе на бревна, связанные въ плоть. Плоты здѣсь собираются небольшія, для удобства сплава по извилистому не широкому Керженцу. Берутся двѣ длинныя слѣги или толстыя жерди, поперегъ ихъ накатываютъ рядъ бревенъ; потомъ сверхъ этого ряда противъ каждой нижней длинной слѣги накладываютъ по двѣ короткихъ, но такой мѣры, чтобы концы ихъ, покрывая весь рядъ бревенъ, сходились вмѣстѣ; затѣмъ сначала связываютъ деревянными кольцами внѣшніе концы нижней и двухъ верхнихъ слѣгъ, а потомъ крѣпко стягиваютъ между собою внутренніе концы каждой двухъ верхнихъ слѣгъ,—и плотъ готовъ.

Кольца вьются изъ молодыхъ березокъ довольно оригинальнымъ образомъ. Березку около дюйма толщиною распариваютъ на огнѣ и, когда она дойдетъ до извѣстной степени гибкости, тогда ее, еще горячую, одинъ беретъ въ руки за тонкій конецъ и крѣпко держитъ, а другой за толстый и закручиваетъ около перваго. Такимъ образомъ березка получаетъ такую гибкость, что послѣ того легко свивается въ кольцо. Ковскрѣтію водывсѣхъ вырубленные бревна уже свезены къ рѣкѣ и связаны въ плоты. Полая вода поднимаетъ ихъ и уноситъ въ низъ по теченью.

Когда ни одного уже плота не осталось на мѣстѣ, тогда рабочіе изъ сухоподстойныхъ деревьевъ сплавиваютъ особенный плотъ, называемый *харчевымъ*, и на немъ отправляются вслѣдъ за уплывшими для того, чтобы сопровождать ихъ до самой пристани: столкнуть съ мѣста, если плотъ остановился, вновь собрать и

связать, если какимъ нибудь образомъ разобьется. Въ этомъ путешествіи тоже не мало труда и лишеній. Часто надо бываетъ лѣзть въ холодную весеннюю воду, чтобы столкнуть плотъ съ мели; не рѣдко надо употреблять въ дѣло воротъ, или *ходить на трубку*, какъ выражаются лѣсопромышленники, если плотъ такъ крѣпко заѣлъ въ береговой песокъ, что его нельзя стащить никакимъ другимъ средствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ такимъ образомъ: врываютъ на берегу въ землю перпендикулярно освобожденное отъ сучьевъ бревно, на которое надѣваютъ нарочно приготовленную трубу, сдѣланную также изъ дерева, сердцевина котораго вынута; потомъ весь плотъ обвязываютъ конатомъ, одинъ конецъ этого каната привязываютъ къ толстому рычагу, посредствомъ котораго и начинаютъ завивать конатъ около трубки. Этотъ-то способъ и называется ходить на трубку. Путешествіе на харчевомъ плотѣ продолжается нѣскольکو недѣль и потому рабочіе на все это время запасаются провизіей. На немъ устраивается *шалашъ* и постоянно горитъ теплина. На ходу онъ ничѣмъ не управляется и плыветъ по произволу воды; употребляются лишь одни шесты для того, чтобы оттолкнуться отъ берега или пристать къ нему.

Такъ живетъ лѣсный дикарь въ суровой нуждѣ, въ вѣчной нуждѣ, и тяжелой, мало вознаграждаемой работѣ! И, зная очень тяжекъ его трудъ и велика забота о насущномъ хлѣбѣ, что не смотря на постоянную жизнь среди природы, такъ располагающую къ мистицизму, воображеніе его спитъ крѣпкимъ сномъ: здѣсь нѣтъ никакихъ повѣрій, по крайней мѣрѣ я не могъ добиться ни отъ кого никакого представленія даже о лѣшемъ. Нельзя полагать, чтобы народъ, живущій въ лѣсной глуши, былъ чуждъ суевѣрія и языческихъ преданій, но ему некогда думать о такихъ вещахъ, нѣтъ досуга для воображенія. За то нужда развиваетъ корыстные желанія, и здѣсь сильная вѣра въ клады; изъ устъ въ уста переходятъ рассказы, изъ рукъ въ руки какіе-то *списки*, въ которыхъ указываются примѣты для отысканія кладовъ; здѣсь много крестьянъ, у которыхъ кладонсканіе превратилось въ какую-то болѣзнь.

Въ Хохалахъ я встрѣтилъ одного изъ такихъ записныхъ кладонскателей. Съ полнымъ убѣжденіемъ рассказывалъ онъ, что знаетъ три мѣста, гдѣ лежатъ клады, что всѣ примѣты, кото-

рыя онъ узналъ отъ старыхъ людей и изъ списковъ, какъ разъ указываютъ на эти мѣста.

— Отчего же ты не можешь взять ни одного клада?

— По слабости своей. На одинъ кладъ я ходилъ съ братомъ: всѣ примѣты подошли. Сказано было: вотъ въ такомъ мѣстѣ стоитъ сосна; на ней написаніе, — точно нашли сосну и написаніе было; только что время прошло довольно, дерево выросло, кора разлезлась, какія слова были написаны, — не разберешь. Отъ этой сосны пройди 50 шаговъ по солнечному восходу, будутъ три ямы — все такъ: знать, что были три ямы, только что, извѣстно, времени много прошло, ихъ и земель занесло и водой замыло, знакъ одинъ остался, что были ямы. Отъ средней ямы земляный змѣй; — куда носомъ показываетъ, туть рой. Точно: изъ земли ровно бы змѣй, насыпь такая. Все вышло, какъ быть. Когда станешь рыть, будетъ большой камень въ землѣ, а подъ этимъ камнемъ кладъ. Что же ты думаешь? вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, стали рыть, дорылись до камня. Тутъ, какъ дорылись до камня, вдругъ меня зашатало, голова въ круги пошла и объ землю меня ударило. Не снесъ.. Говорю брату: бросай все, пойдемъ домой. Живота своего стало жаль.

И странное дѣло: издалека, за сотни верстъ приходятъ сюда отыскивать кладовъ. Цѣлыя деревни вполне убѣждены, что на ихъ земляхъ вотъ въ такомъ-то мѣстѣ зарытъ кладъ и когда узнаютъ, что изъ чужихъ селеній выискиваются смѣльчаки взять этотъ кладъ, вооружаются и преслѣдуютъ ихъ во время поисковъ, боясь, чтобы сокровище не досталось въ чужія руки. Общее преданіе говоритъ, что во время оно на Керженцѣ жили разбойники, которые выѣзжали на Волгу грабить суда и награбленные сокровища зарывали въ землю, — эти-то сокровища и таятся кладами до счастливаго. А случай поддерживаетъ преданіе и общую въ него вѣру. Какой-то крестьянинъ, по словамъ того же кладоискателя, дѣйствительно нашелъ кладъ; «ужъ это не то, что съ чужаго голоса говорю, объяснялъ онъ, самъ своими глазами видѣлъ казну — серебрянныя старинныя деньги, самъ вымѣнивалъ въ Макарьевской на нынѣшнія.

Первоначальные поселенцы Семеновскаго уѣзда были бѣглые раскольники. Глухіе лѣса, начинавшіеся отъ самаго берега Волги и идущіе вверхъ на сѣверъ не прерывной грядой, были для нихъ желаннымъ убѣжищемъ и надежнымъ защитникомъ

отъ преслѣдованій. И до сихъ поръ Семеновской уѣздъ можетъ считаться, по преимуществу раскольниковымъ, хотя и есть цѣлыя волости незараженные расколомъ. Въ Семеновскомъ уѣздѣ множество урочищъ, пользующихся особеннымъ священнымъ уваженіемъ старообрядцевъ. Такъ свѣтло озеро или Святое озеро, въ которомъ по убѣжденію раскольниковъ не можетъ потонуть никакая живая тварь, вода котораго освящаетъ тѣло и укрѣпляетъ здоровье. Рядомъ съ нимъ гора Кутежъ, внутри которой будто бы скрывается монастырь и избранные могутъ даже слышать иногда благовѣсть къ богослуженію. Указываютъ на мѣсто, гдѣ епископъ Питиримъ, самъ бывший сначала раскольниковомъ, имѣлъ кафедру, съ которой проповѣдывалъ своимъ оставленнымъ братіямъ слово Божіе, вступалъ съ ними въ состязаніе, а непокорныхъ будто бы предавалъ казни нависѣлицѣхъ, тутъ же поставленныхъ. Рѣка Керженецъ по преимуществу раскольниковъ: по ней и по близости ея расположено множество раскольниковыхъ скитовъ мужскихъ и женскихъ, хотя по ней же живутъ и наши добрые знакомцы, Лыковской волости мужички, которыхъ къ счастью не коснулись соблазны раскола. Скиты эти въ настоящее время, благодаря заботливости правительства, уже утратили свое прежнее значеніе: одинъ или два изъ нихъ обращены въ единовѣрческіе монастыри, иные вовсе оставлены, другіе обезлюдилась. Въ одномъ изъ нихъ, женскомъ, мнѣ удалось побывать вмѣстѣ съ г. Л., который имѣлъ знакомую какую-то мать Иринархію.

Скитъ состоитъ изъ нѣсколькихъ обителей или отдѣльных обиталищъ и въ наружномъ видѣ своемъ представляетъ обыкновенную деревню. Въ каждой обители есть начальница какъ бы игуменья или настоятельница, которая и принимала къ себѣ въ бывшее время молодыхъ дѣвицъ или старухъ, жаждавшихъ спасительнаго уединенія отъ суеты мірской и монашескаго житія. Богатыя, разумѣется, приносили съ собою большіе вклады и посвящали себя исключительно молитвѣ; бѣдныя находились въ послушаніи, т. е. въ услуженіи у матушки игуменьи и ея богатыхъ приживалокъ. Почти при каждой такой обители находилась моленная, уставленная по всѣмъ стѣнамъ образами. Мать Иринархія была настоятельницею одной изъ такихъ обителей. Когда мы подъѣхали къ ея дому, г. Л. предупредилъ меня, что намъ придется долго стучаться, пока ото-

пругъ: осторожныя отшельницы сначала постараются высмотрѣть, кто пріѣхалъ и, если гость опасный, то припрятать все, что не желаютъ они показать постороннему любопытству. Такъ и случилось: довольно долго возились мы то у одного, то у другаго крылечка (а такихъ крылечковъ очень много повсюду обитали), пока послышался за дверями голосъ: кто тутъ? Когда Л. назвалъ себя, то двери тотчасъ отворились, явилась суетливая старуха и повела какими-то темными корридорами въ келью къ матушкѣ.

Мать Иринархія оказалась очень тучная дѣвица среднихъ лѣтъ въ сарафанѣ и въ большомъ платкѣ на головѣ. Я отрекомендовался проѣзжимъ петербургскимъ купцомъ, причѣмъ матушка объявила, что и она бывала въ Петербургѣ. Въ непродолжительномъ времени, по поводу разговора объ умаленіи велѣнія часовенъ скитскихъ, рассматривая предложенную мнѣ опись образамъ, отобраннымъ изъ часовни матери Иринархін, я усмотрѣлъ что оная мать называется въ описи крестьянской дѣвкой Ириной Васильевой, но какъ всѣ предстоящія, и весь скитъ, и всѣ знающіе именуютъ ее матушкой Иринархіей, то и я оставляю за нею это имя, не входя въ разсужденіе, откуда и по какому праву пріобрѣла она его.

Келья, въ которой приняла насъ мать Иринархія и которая была ея собственнымъ помѣщеніемъ, состояла изъ большой чистой комнаты, раздѣленной двумя перегородками, сходящимися подъ прямымъ угломъ, на три части, изъ которыхъ одна была какъ бы прихожая, другая служила пріемной или гостиною, третья—спальнею. Вездѣ была опрятность и чистота, рѣзко бросавшіяся въ глаза. Въ пріемной стояли столъ и нѣсколько стульевъ, въ переднемъ углу кіота со множествомъ образовъ, разумѣется, старинныхъ, на стѣнахъ висѣло нѣсколько картинъ: двѣ изображали царей или великихъ князей древней Руси, о чемъ можно заключить по ихъ одѣянью, двѣ—событія изъ недавно минувшей войны. Во всѣхъ этихъ комнатахъ ничто не напоминало о расколѣ ея обитателей, кромѣ развѣ пелены подъ кіотой, на которой вышитъ осьмиконечный крестъ: ни лестовокъ (раскольниковыхъ четокъ), ни подручниковъ, ни старинныхъ книгъ Св. писанія не было видно, — все это, я увѣренъ, на всякій случай было припрятано ради нашего пріѣзда.

Мать Иринархія, успокоенная знакомымъ лицомъ Л. и моимъ борадатымъ благообразіемъ, а равно и одѣяніемъ, нѣсколько стариннорусскаго характера, приняла насъ очень благосклонно, захопотала объ угощеніи, тотчасъ же послала за матерью Анной. Зачѣмъ было послано за послѣднею, я и до сихъ поръ понять не могу, но мать Анна явилась въ лицѣ высокой, сухощавой женщины. Явилось и угощеніе, принесенное той самой суетливой старухой, которая отперла намъ дверь и была, вѣроятно, въ услуженіи или на послушаніи у матушки Иринархін, почему и держалась больше въ первой, замѣняющей переднюю комнату. Угощеніе, было очень разнообразное: закипѣлъ самоваръ, рядомъ съ нимъ на столѣ поставлена была водка, орѣхи каленые, соленые огурцы и рыжики, моченые яблоки. Искусствомъ, соленья и моченья скиты славятся. Я не умѣю навѣрно сказать: употребляютъ ли сами скитянки чай, который въ иныхъ сектахъ считается тяжкимъ грѣхомъ, такъ какъ кто пьетъ чай, тотъ *отчаяваетъ* для себя Царство Небесное, и держатъ его только для мірскихъ посѣтителей, но по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ нами не пили чаю ни мать Иринархія, ни матушка Анна и были очень довольны, когда Л. вызвался самъ разливать этотъ грѣшный напитокъ. Мудрено мнѣ вамъ передать нашу бесѣду. Цѣль моего посѣщенія была получить позволеніе осмотрѣть устройство обители и снять планъ ея, и потому я старался по возможности поддѣлаться и заслужить расположеніе матушекъ. Онѣ видѣли во мнѣ человѣка, если не единомыслящаго съ ними, то по крайней мѣрѣ такого, который *на стези ко спасенію*, какъ выразился обо мнѣ одинъ раскольникъ на томъ основаніи, что носу бороду и волосы стригу въ кружокъ, и съ которымъ можно говорить до извѣстной степени откровенно. По этимъ причинамъ онѣ описывали мнѣ прежнее благолѣпіе своихъ часовенъ, со слезами рассказывали о томъ, какъ у нихъ безчинно обирали иконы и прочія часовенныя украшенія, безъ всякаго благоговѣнія къ святыни связывали кучами и укладывали на возы, какъ потомъ возвратили одну изъ иконъ безъ серебрянаго вѣнца, которымъ былъ украшенъ ликъ, какъ изгнали всѣхъ обитательницъ скита, не приписанныхъ къ тому уѣзду, гдѣ онъ находится, и умалчивая разумѣется, о томъ, что срединныхъ было много безпаспортныхъ и бродягъ, сѣтовали на то, что имъ, оставшимся старухамъ, на закатѣ дней ихъ, воспрещенъ выходъ изъ

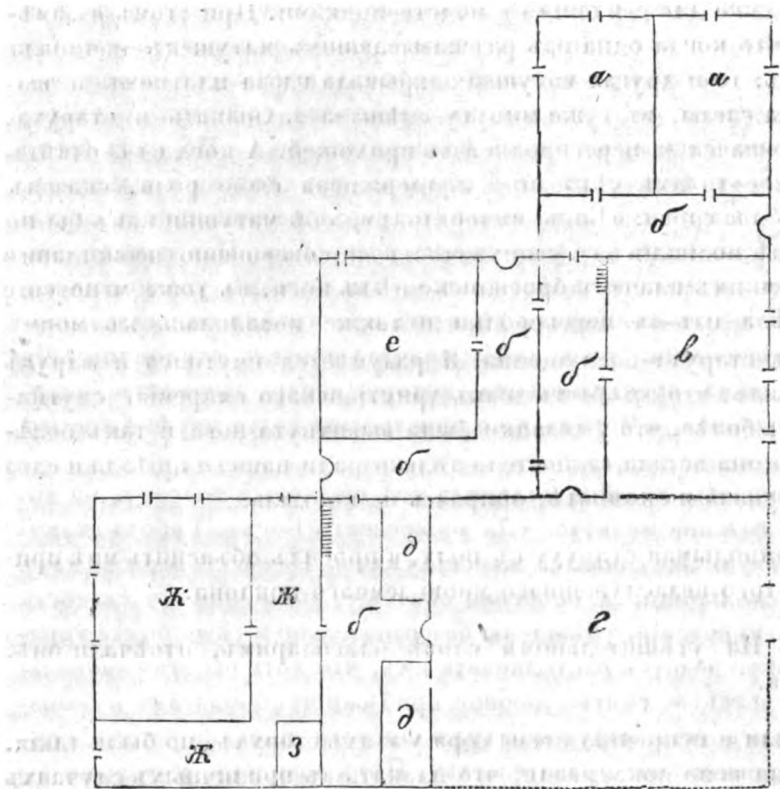
скита даже для свиданія съ родственниками. При этомъ я замѣтилъ, что когда одна изъ рассказывавшихъ матушекъ начинала плакать, то и другая матушка закрывала глаза платкомъ и выжимала слезы, въ ту же минуту спѣшала захныкать и старуха, оставшаяся за перегородкой въ прихожей. А когда въ отвѣтъ на какое-то ихъ сѣтованіе, поддерживая свою роль, сказалъ только два слова: «Богъ милостивъ», обѣ матушки какъ бы по командѣ поднялись со своихъ мѣстъ и совершенно неожиданно съ громкимъ плачемъ бросились мнѣ въ ноги, въ то же мгновеніе вылетѣла изъ-за перегородки и также повалилась къ моимъ ногамъ старуха-послушница. Я разумѣется смутился и вдругъ не понялъ, что это былъ знакъ христіанскаго смиренія, смутился тѣмъ болѣе, что у хозяйки была вывихнута нога и такъ болѣла, что она встала съ постели только ради нашего пріѣзда и едва переступала по комнатѣ, опираясь на костыль.

Приподымая старуху съ полу, я просилъ объяснить мнѣ причину этого незаслуженнаго мною земнаго поклона.

— На утѣшительномъ словѣ благодаримъ, отвѣчали онѣ, хныкая.

Были и искреннія слезы горя у этихъ старухъ, но были такія, которыя ясно доказывали, что плакать въ приличныхъ случаяхъ для нихъ дѣло столь же легкое и привычное, какъ справлять извѣстное число поклоновъ, по правилу.

Въ теченіе моей непродолжительной бесѣды, успѣлъ замѣтить, что обѣ старухи были умны, хитры и осторожны, но мать Иринархія говорливѣе и простодушнѣе, а мать Анна молчаливѣе, скрытнѣе и подозрительнѣе. Можетъ быть, наша бесѣда была бы гораздо откровеннѣе и обильнѣе для меня свѣдѣніями, еслибы не присутствіе г. Д., который, хотя и знакомый и пріятель, а все-таки *бритоусъ* и чпновникъ. Но я достигъ своей цѣли — мнѣ позволили съ большимъ удовольствіемъ осмотрѣть всю обитель. Вотъ планъ ея.

а келья, б сѣни, в келарня, г дворъ, д чуланъ, е моленная, ж келья игуменъ,
з печь.

Надъ кельей игуменъ двѣ свѣтелки, въ которыхъ прежде, во время благосостоянія скитовъ, вѣроятно обитали молодые дѣвицы скитянки: тамъ не было теперь никакой мебели, но на окнахъ висѣли еще кисейныя заневѣски, надъ келарней весьма чистый чердакъ и также свѣтелка, замѣняющая чуланъ.

Келарнею здѣсь называется кухня или стряпушая и столовая въ то же время, гдѣ собирались за трапезу всѣ скитянки обителѣи. Здѣсь мы встрѣтили босоногую старуху, повязанную платкомъ по старобѣрски, съ двумя распущенными сзади концами, — это была стряпка или кухарка.

Изъ прилагаемаго плана вы видѣли, что не малую часть обителѣи занимаютъ сѣни или корридоры, и ваше вниманіе конечно обратить множество выходовъ. Откуда происходитъ такой характеръ постройки, — остатокъ ли это преданья о располо-

женіи старинныхъ русскихъ домовъ съ частыми переходами, или образовался вслѣдствіе расчитаннаго удобства спрятаться и убѣжать, въ случаѣ преслѣдованія полиціи, чему раскольники часто подвергаются, впадая въ крайности соблазна ложныхъ убѣжденій и держа людей подозрительныхъ. Но какъ бы то ни было, не только въ этой обители, но, сколько я слышалъ, и во всѣхъ прочихъ и во многихъ домахъ раскольниковъ случилось мнѣ замѣтить эту особенность постройки. Изъ прилагаемаго плана вы можете видѣть также, что по мѣрѣ увеличенія числа обитателей къ обители дѣлались пристройки съ надлежащими помѣщеніями: такъ здѣсь сначала обитель ограничивалась только тѣмъ пространствомъ, которое теперь занимаетъ келарня и моленная, а потомъ уже пристроены кельи игуменьи и двѣ другія.

Прощаясь, хозяйка подарила мнѣ шелковый поясокъ, на которомъ выткана молитва: «Да воскреснетъ Богъ». Работа отличная, и ею также славятся женскіе скиты. Нечего говорить, какъ всѣ раскольники, а особенно скитскіе, убѣждены въ святости своихъ вѣрованій, убѣждены безсознательно и тѣмъ болѣе упрямо. Нѣтъ средствъ растолковать имъ, что хотъ бы эти самовольно основанные скиты, дающіе прибѣжище бродягамъ и безпаспортнымъ есть нарушеніе гражданскаго порядка и такъ сказать неповиновеніе правительству. Нѣтъ доводовъ, которыми бы можно объяснить имъ, что удаленіе изъ скитовъ незаконно въ нихъ обитавшихъ есть справедливая мѣра правительства, устраняющая безпорядки: они видятъ въ этой мѣрѣ только гоненіе и считаютъ себя мучениками вѣры. Не могутъ понять старобрядцы, напримѣръ по Рогожскому кладбищу, ненавидящіе Преображенскихъ, что правительство равно строго преслѣдуетъ злоупотребленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Видя преслѣдованіе Преображенскихъ, Рогожскіе готовы, пожалуй, счесть это преслѣдованіе необходимымъ, а когда дѣло коснется до нихъ самихъ, сѣтуютъ и принимаютъ прекращеніе зла среди нихъ за религіозное гоненіе, которое и переносятъ, какъ мученическій вѣнецъ. И странно: ясно понимая уклоненія отъ чистоты евангельскаго ученія, заблужденія, искаженія и зло въ другихъ сектахъ, ни одна секта не можетъ возвыситься до самосознанія и самоосужденія. Видя въ себѣ только всѣ истинное, законное и доброе, не хочетъ и мысли допустить о возможности зла. На-

примѣръ весь околотокъ скажетъ, что скитскія обитательницы вели себя не совсѣмъ скромно, но, когда я замѣтилъ объ этомъ одному старовѣру той же секты, что и скитяне, то онъ готовъ былъ принять присягу, что это дѣло невозможное и небывалое. Онъ напротивъ мнѣ рассказывалъ о своемъ отцѣ, который умеръ въ глубокой старости, велъ жизнь строго религіозную, стоялъ на молитвѣ такъ долго, что получилъ гнойныя раны на ногахъ, въ теченіе всего великаго поста ѣлъ только восемь разъ и предсказалъ день и часъ своей смерти; рассказывалъ и о другомъ старообрядцѣ, жителѣ скита, который, чтобы заглушить въ себѣ позывы плоти, самъ нанесъ себѣ глубокую рану въ ногу, постоянно растравлялъ ее и жилъ въ страданіяхъ 13 лѣтъ. Развѣ это не подвижники? спрашивалъ онъ меня. А когда я возражалъ ему указаніемъ на многія извѣстные мнѣ злоупотребленія и искаженія ихъ секты, онъ отвѣчалъ мнѣ или недовѣрчивой улыбкой, или молчаніемъ, или тѣмъ, что и они живутъ не на обумъ, а по книгамъ тоже.

Кстати я вспомнилъ объ этомъ старовѣрѣ. Онъ принадлежалъ къ тому краю, о которомъ идетъ рѣчь, и потому нѣсколько словъ о немъ не будутъ не у мѣста. Этотъ человѣкъ былъ въ молодости такимъ искуснымъ борцемъ, что однажды поборолъ одного за другимъ 117 человѣкъ бурлаковъ, чему, разумѣется, приводилъ свидѣтелей; въ возмужаломъ возрастѣ онъ умѣлъ истратить 20 тысячъ руб. асс.,—все свое достояніе на отыскиваніе золотой руды, которой разумѣется не нашелъ; имѣлъ какой-то заводъ, который сгорѣлъ; въ настоящее время онъ бодрый, крѣпкій, коренастый старикъ, промышляющій печеньемъ бѣлыхъ хлѣбовъ и бубликовъ. Однимъ словомъ, это человѣкъ бывалый, много видалъ на своемъ вѣку, сталкивался съ разными людьми и вслѣдствіе этого не такой суровый фанатикъ, какъ другіе раскольники, но и для него, какъ для другихъ старообрядцевъ, сила доводовъ, основанныхъ на самостоятельномъ мышленіи, свободное разсужденіе не существуетъ. Разъ какъ-то мы долго бесѣдовали и нечувствительно увлеклись въ споръ, который послѣ одного моего представленія вдругъ былъ прерванъ такою сентенціею моего противника: да и то сказать, ваше благородіе, развѣ мы спорили; мы только что изъ пустаго въ порожнее переливаемъ. А вотъ какъ я жилъ въ Москвѣ у И. А. Г., да ѣздилъ я съ нимъ къ М.

П. П.: вашъ М. П. вѣдь ужъ извѣстно, ученый человѣкъ, и нашъ И. А. начетчикъ не малый; вотъ у нихъ такъ настоящіе споры бывали: какъ бывало что скажетъ И. А., такъ М. П. справится въ книгѣ, — есть, и М. П. что скажетъ И. А. тоже въ книгу посмотреть, есть ли?... Да такъ бывало цѣлую ночь. Вотъ такъ спорили, усладительно было послушать, а мы что толкуемъ: я ученія малаго, книгъ при насъ нѣтъ....

— Ну что же, кто кого переспорилъ, М. П. или И. А.?

— Да никто никого не смогаль: спорять, спорять, да такъ и разойдутся.

Печатная буква для раскольника не только законъ, но и весь разумъ, начало и конецъ человѣческаго мышленія и притомъ только та буква, которую онъ находитъ въ своихъ *старыхъ* книгахъ. Всякую новую книгу онъ считаетъ бѣснованіемъ ума, желающаго ниспровергнуть святость истины. И потому въ дѣлѣ вѣры онъ не позволитъ себѣ ни малѣйшаго размышленія и никогда не повѣритъ и не пойметъ, что кто либо изъ его собратій могъ оставить расколъ и обратиться по убѣжденію; онъ будетъ видѣть въ этомъ или соблазнъ дьявола, или простой житейскій расчетъ, или малодушіе. И въ этомъ отношеніи мы готовы согласиться съ раскольниками: всѣ они обращаются только вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ; но важность въ томъ, что освободившись изъ-подъ гнета, налагаемаго на умъ расколомъ, они получаютъ свободу мыслить и начинаютъ мало по малу сознать свои прежнія заблужденія. Въ этомъ случаѣ учрежденіе единовѣрческихъ церквей, — мѣра великой мудрости правительственной; но эта мѣра только тогда прямо и быстро будетъ достигать цѣли, если будетъ обращено строгое вниманіе на выборъ священниковъ для единовѣрческихъ церквей, которые бы признавали свое настоящее назначеніе, а иначе единовѣрческіе храмы будутъ только ширмами, за которыми заблужденія раскольниковъ еще долго стануть скрываться отъ глазъ правительства.

Однажды тотъ же самый раскольникъ, о которомъ я рассказывалъ, встрѣтился у меня съ своимъ согражданиномъ, недавно обращеннымъ въ единовѣріе. Единовѣрецъ смѣло гнулался надъ заблужденіями оставленнаго имъ раскола и съ полнымъ, повинному, убѣжденіемъ защищалъ единовѣріе, очевидно желая вызвать на споръ противника. Долго молчалъ раскольникъ,

отворотившись отъ него и скрывая злобу, наконецъ не выдержалъ и быстро подошелъ къ единовѣрцу.

— Трынъ, трынъ, трынъ, передразнилъ онъ его. Ну, что ты трещишь, благо орать дають волю. Развѣ отецъ-то твой глупѣ тебя былъ, а какой онъ вѣры держался, ну-ка скажи?

Единовѣрецъ нѣсколько смутился этимъ возраженіемъ и не находилъ вдругъ отвѣта.

— То-то, съ достоинствомъ прибавилъ раскольникъ:—нынче дѣти-то умнѣ отцовъ стали!

— А что же, развѣ не бываютъ дѣти умнѣ отцовъ? спросилъ я его.

— Не знаю, насъ что-то этому не учили; развѣ нынче стали учить! съ усмѣшкой отвѣтилъ раскольникъ.

— Ну, послушай, если бы каждый сынъ былъ глупѣ своего отца, такъ на свѣтъ-то давно жили бы одни пошлые дураки. Ну-ка разсуди, правду ли я говорю.

— Не знаю, отвѣчалъ сектантъ послѣ непродолжительнаго молчанія и затѣмъ, какъ бы стараясь избѣгнуть соблазнительной бесѣды, сталъ поспѣшно собираться домой.

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

СТИХОТВОРЕНИЕ

А. С. ПУШКИНА.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ВЪ ПЕЧАТИ (*).

Ты обѣщалъ о романтизмѣ,
О семъ парнасскомъ аэенизмѣ
Потолковать еще со мной,
Полтавскихъ музъ повѣдать тайны;
А пишешь мнѣ объ *ней* одной...
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украины!

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей
Дороже злата и честей,
Дороже Славы разногласной...
Поговоримъ опять объ *ней*.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
Подобныхъ матери своей.
И счастливъ, кто раздѣлитъ съ *ней*

(*) Стихотвореніе это писано къ А. Г. Р* и набрано съ автографа, который съ 1836 года, по смерти А. Г. Р*, перешелъ въ собственность брата его, М. Г. Р*. Редакція «Современника» приносить сему послѣднему искреннюю благодарность за предоставленіе ей права напечатать это стихотвореніе.

Сію пріятную заботу:
Не наведетъ она зѣвоту.
Дай Богъ, чтобъ только Гименей,
Межъ тѣмъ, продлилъ свою дремоту.
Но не согласенъ я съ тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первыхъ, Вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа...
А во-вторыхъ, замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы;

При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои:
Одно другому помогаетъ,
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви.

О ПОГОДѢ.

(ВСТУПЛЕНІЕ КЪ САТИРАМЪ).

II.

ДО СУМЕРЕКЪ.

1.

Вѣтеръ что-то удушливъ не въ мѣру,
Въ немъ зловѣщая нота звучить,
Все холеру — холеру — холеру
И другіе недуги сулитъ!
Всѣ больны. Торжествуетъ аптека
И варитъ свои зелья гуртомъ;
Въ цѣломъ городѣ нѣтъ человѣка,
Въ комъ бы жолчь не кипѣла ключомъ.

. . . . .

Проходя мимо жалкой собаки,
Наровитъ ее всякій задѣтъ.
Стали грѣться—догрѣлись до драки
Два калашника—жутко глядѣть!

2.

Подъ жестокой рукой человѣка
Чуть жива, безобразно тоща,

Надрывается лошадь калѣка,
 Непосильную ношу влача.
 Вотъ она зашаталась и стала.
 «Ну!» погонщикъ полѣно схватилъ
 (Показалось кнута ему мало) —
 И ужъ билъ ее, билъ ее, билъ!
 Ноги какъ-то разставивъ широко,
 Вся дымясь, осѣдая назадъ,
 Лошадь только вздыхала глубоко
 И глядѣла.... (такъ люди глядятъ,
 Покоряясь неправымъ нападкамъ).
 Онъ опять: по спинѣ, по бокамъ,
 И впередъ забѣжавъ, по лопаткамъ
 И по плачущимъ, кроткимъ глазамъ!
 Все напрасно. Клячонка стояла
 Полосатая вся отъ кнута,
 Лишь на каждый ударъ отвѣчала
 Равномѣрнымъ движеніемъ хвоста.

Это праздныхъ прохожихъ смѣшило,
 Каждый вставилъ словечко свое;
 Я сердился—и думалъ уныло:
 «Не вступиться ли мнѣ за нее?
 «Въ наше время сочувствовать яода,
 «Мы помочь бы тебѣ и не прочь,
 «Безотвѣтная жертва народа—
 «Да себѣ не умѣемъ помочь!

А погонщикъ не даромъ трудился—
 Наконецъ таки толку добился!
 Но послѣдняя сцена была
 Возмутительнѣй первой для взора:
 Лошадь вдругъ напряглась—и пошла
 Какъ-то бокомъ, нервически скоро,
 А погонщикъ при каждомъ прыжкѣ,
 Въ благодарность за эти усилья,
 Поддавалъ ей ударами крылья
 И самъ рядомъ бѣжалъ на легкѣ.

3.

Я горячимъ рожденъ патріотомъ,
 Я весьма терпѣливо стою,
 Если войско несмѣтное счетомъ
 Переходить дорогу мою.
 Ускользнуть ли часы изъ кармана,
 До костей ли прохватить морозъ
 Подъ воинственный громъ барабана,
 Не жалѣю: я истинный Россъ!
 Жаль, что нынче погода дурная;
 Солнца нѣтъ, кивера не блестятъ
 И не лоснится масть вороная
 Лошадей.... Только сабли звенятъ;
 На солдатахъ едва ли что сухо,
 Съ лицъ бѣгутъ дождевыя струи,
 Артиллерія тяжело и глухо
 Подвигаетъ орудья свои.
 Все молчитъ. Въ этой рамѣ туманной
 Лица воиновъ жалки на видъ
 И подмоченный звукъ барабанной
 Словно издали, жидко гремѣть....

4.

Прибываетъ толпа ожидающихъ.
 Сколько санокъ, колясокъ, каретъ!
 Пѣшихъ, ѣдущихъ, праздно зѣвающихъ—
 Счету нѣтъ.
 Тутъ кварталный съ захваченнымъ пьяницей,
 Какъ Федотовъ его срисовалъ;
 Тутъ старуха съ аптечною скляпницей;
 Тутъ какой-то сѣдой генералъ;
 Тутъ и дама, такая сердитая—
 Открывай ей немедленно путь!
 Тутъ и лошадь, недавно побитая,
 Богъ привелъ и ее отдохнуть!
 Смотритъ прямо въ окошко каретное,
 На стеклѣ надышала пятно.
 Вотъ лицо, молодое, привѣтное,
 Вотъ и ручка, — раскрылось окно

И погладила клячу несчастную
 Ручка бѣлая.... дождь зачастилъ,
 Словно спрятаться ручку прекрасную
 Поскорѣй торопилъ!

Тутъ бѣднякъ—итальянецъ съ фигурами,
 Тутъ чухна, продающій грибы,
 Тутъ разсылный Мпнай съ корректурами.

—Что, старинушка, много ходьбы?

«Много было до сорокъ девятаго;
 «Отдохнули потомъ.... да опять
 «Съ пятьдесятъ этакъ прорвало съ пятаго,
 «Успѣвай только ноги таскать!»

—А какія ты носишь изданія?—

«Пропастъ ихъ—перечестъ мудрено.
 «Я Записки носилъ съ основанія,
 «Съ Современникомъ няньчусь давно,
 «То носилъ къ Александру Сергѣичу,
 «А теперь ужъ тринадцатый годъ
 «Все ношу къ Н—ай А—ичу,

«На Литейной живетъ.

«Слогъ хорошъ, а жиденько изданіе,
 «Такъ, оберточкой больше берутъ.
 «Вотъ Записки — одно ужъ названіе!
 «Но и эти, случается, врутъ.
 «Все зарѣзать другъ дружку стараются,
 «Впрочемъ насъ же надутъ наровятъ:
 «Въ мѣсяцъ тридцать листовъ обѣщаются,
 «А разсылный таскай шестьдесятъ!

. . . . .

«Вотъ и нынче несу что-то спѣшное —
 «Да пускай подождутъ, не впервой.
 «Эхъ! умаялесь тѣло-то грѣшное!...»

— Да, пора бы тебѣ на покой.

«То-то нѣтъ! говорили мнѣ многіе,
 «Даже докторъ (въ тридцатомъ году
 «Я носилъ къ нему Курсъ Патологій):

Жить тебѣ — пока ты на ходу!

«И вѣдь точно: сильнѣй не здоровится,
 «Коли въ праздникъ ходьба остановится —
 «Ноешь спинушка, жилы ведетъ!

«Я хожу ужъ полвѣка безъ-малаго,
 «Человѣка такого усталаго
     «Не держи—пусть идетъ!
 «Умереть бы привелъ Богъ со славою,
 «Отдохнуть отдохнемъ потрудясь»....
 Принялъ позу старикъ величавую,
 На Исакія смотритъ, крестясь.
 Мнѣ понравилась рѣчь эта странная.
 — Трудно дѣло твое! я сказалъ.
 «Дѣла нѣтъ, а ходьба безпрестанная;
 «Зато городъ я славно узналъ!
 «Знаю сколько въ немъ храмовъ считается,
 «Въ каждой улицѣ сколько домовъ,
 «Сколько вывѣсокъ, сколько шаговъ
 «(Такъ идешь да считаешь случается),
 «Грѣшенъ, знаю число кабаковъ.
 «Что ни есть въ этомъ городѣ жителей,
 Всѣхъ по-времени вызналъ съ лица». —
 Ну а много видалъ сочинителей?
 «День считай — не дойдешь до конца.
 «Самъ я счетъ потерялъ въ литераторахъ,
 «А что вспомню — пожалуй скажу.
 «При царицѣ, при трехъ императорахъ
 «Къ нимъ ходилъ.... при четвертомъ хожу!
 «Зналъ Булгарина, Греча, Сенковского,
 «У Воейкова долго служилъ,
 «Въ Шепелевскомъ (*) сыпалъ у Жуковского
 «И у Пушкина въ Царскомъ гостилъ.
 «Походилъ я къ Василью Андренчу
 «Да гроша отъ него не видалъ,
 «Нечета Александру Сергѣичу —
 «Тотъ частенько на водку давалъ.
 «Да зато попрекалъ все цензурою:
 «Если красные встрѣтитъ кресты,
 «Такъ и пустить въ тебя корректурую:
     «Убирайся молъ-ты!
 «Глядя какъ человѣкъ убивается,
 «Разъ я молвилъ: «сойдетъ-де и такъ!»

(*) Дворецъ, гдѣ долге жилъ Жуковскій.

«Это кровь, говорить, проливается,—
Кровь моя — ты дуракъ»!...

5.

Полно ждать! За послѣдней колонною
Отсталые прошли,
И покрытаго красной попоною
Въ заключенье коня провели.
Торжествуя конецъ ожиданія,
Кучера завопили: «пади»!
Все спѣшить. Ну, старикъ, до свиданія —
Коли нужно идти, такъ иди!!!

6.

Я, продрогнувъ, домой побѣжалъ.
Небо видно сегодня не сжалится:
Только дождь пересталъ,
Снѣгъ лепешками крупными валится!
Городъ началъ пустѣть — и нора!
Только бѣдный да пьяный шатаются,
Да близъ мѣдной статуи Петра,
У присутственныхъ мѣстъ дожидаются
Сотни сотенъ крестьянскихъ дровней,
И такъ щедро съ небесъ посыпаются,
Что за снѣгомъ не видно людей.
Чу! рыданіе бабъ истеричное!
Чу прощанья!... Жалѣй не жалѣй,
Перемелется — дѣло привычное!
Грусть-тоску мужики на лошадакахъ сорвутъ,
Коли денежки есть раскошелятся
И кручинушку штофомъ запьютъ.
А слезами-то бабы подѣлятся!

Полведерочка слезъ на сестреночъ уйдетъ,
Ведро два молодухѣ достанется,
А старуха-то мать и безъ мѣры возьметъ —
И безъ мѣры возьметъ, — что останется!

Н. НЕКРАСОВЪ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VI.

ТРУДЕНЪ ЛИ ВЫКУПЪ ЗЕМЛИ?

I.

Когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону.

Мальтусъ.

Два мѣсяца тому назадъ мы говорили, какъ сильно и вредно отражается на разсужденіяхъ о крестьянскомъ дѣлѣ непривычка къ точнымъ расчетамъ. Теперь возвращаемся къ тому же предмету, только примѣняемъ наше замѣчаніе къ вопросу во всей его обширности, а не къ однимъ усадьбамъ, какъ прежде.

Выкупъ земли, отходящей во владѣніе крестьянъ, бывшихъ крепостными, представляется для многихъ, для очень многихъ, почти для всѣхъ, пишущихъ объ этомъ предметѣ, задачею чрезвычайно трудною. Нѣтъ нужды, что нѣкоторые обманываютъ сами себя, прикрывая затрудненіе, въ которое попадаютъ, фразами: «крестьянинъ легко будетъ уплачивать такой ежегодный взносъ» и «такимъ образомъ крестьянинъ въ непродолжительное время расплатится съ долгомъ за получаемую землю»: надобно только взглянуть на цифры, которыя одѣты спереди и сзади этими «легко» и «скоро», и мы увидимъ, что дѣло въ сущности оказывается вовсе не «легкое» и очень не «скорое». Почти у всѣхъ выходитъ, что крестьянамъ пришлось бы платить за выкупъ земли деньги, превышающія оброкъ, которымъ они теперь обложены, и производить такую уплату въ теченіе 30, 35, 40, и или даже болѣе лѣтъ. Какое же тутъ «легко», какое

же тутъ «скоро»?—Цифры не похожи на слова, которыми сопровождаются. Но даже эти слова представляются уму не очень многихъ; напротивъ того, большинство разсуждавшихъ о крестьянскомъ вопросе прямо говорили, что выкупъ земли въ настоящее время затруднителенъ почти до невозможности или до совершенной невозможности, и лучше отложить его до будущаго времени.

Отложить до будущаго времени! Не поздно-ли будетъ будущему приниматься за то, самая возможность чего станетъ исчезать съ каждымъ годомъ? Когда въ крестьянъ пройдетъ мысль, что владѣніе землею, отданною имъ въ пользованіе, не принадлежитъ имъ, не отниметъ ли у нихъ эта новая, доселѣ чуждая крестьянамъ мысль, нравственное основаніе для возможности выкупа? Мы говоримъ: «для удобства и скорости рѣшенія, мы произнесемъ рѣшеніе такого рода, что вамъ слѣдуетъ получить изъ цѣлаго дома, слѣдующаго вамъ, только одну комнатку; объ остальныхъ комнатахъ мы поговоримъ когда нибудь послѣ, черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ, когда это будетъ удобнѣе.» Но, принявъ такого рода рѣшеніе, я тѣмъ самымъ уже почти лишуся возможности возобновить вопросъ. Рѣшеніе состоялось, я его принялъ, чего же больше я хочу?

Отложить выкупъ до будущаго времени! Но съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться и матеріальная возможность выкупа. Земля быстро возвышается въ цѣнѣ. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ она повсюду будетъ стоить въ полтора разъ дороже, чѣмъ теперь; а во многихъ мѣстахъ, можно сказать, въ цѣлой половинѣ губерній съ большимъ процентомъ крѣпостнаго населенія, она будетъ стоить въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ теперь. Это одно. А съ тѣмъ вмѣстѣ населеніе будетъ возрастать, слѣдовательно заработная плата понижаться. Это другое. А съ тѣмъ вмѣстѣ набросятся на покупку земли новые соискатели—чиновники не изъ дворянъ, купцы, зажиточные мѣщане, которые станутъ давать прямо, вдругъ всю цѣну за покупаемый участокъ, между тѣмъ какъ крестьяне въ массѣ имѣютъ возможность покупать ее только съ разсрочкою уплаты по годамъ. У кого не будетъ охоты лучше продать участокъ за 1000 рублей и получить ихъ сполна при совершеніи купчей крѣпости, нежели продать его за 1200 рублей и ждать уплаты по частямъ нѣсколько лѣтъ? Это третье. Можно прибавить и четвертое. Никакая бдительность не въ силахъ услѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне остались много лѣтъ въ пользованіи всею тою землею, какою пользуются теперь, если земля остается въ зависимости отъ интересовъ, желающихъ сократить ея размѣръ. Пути къ обрѣзыванію тутъ безчисленны: разныя сдѣлки съ мелкими властями, отъ которыхъ въ сущности зависитъ все въ судьбѣ мелкихъ людей; нѣсколько ведеръ ви-

на для міроѣдовъ, такъ называемыхъ «добросовѣстныхъ», вообще пребывающихъ у царева кружала; неурожайные годы, въ которые село согласится уступить часть земли за уступку въ оброкъ, въ выкупъ за усадьбы и т. д. Можно бы прибавить и пятое и шестое и много другихъ соображеній, но довольно и четырехъ, которыя приведены.

Сведемъ же эти факты: повышение цѣны на землю, пониженіе заработной платы, соперничество болѣе крупныхъ покупателей, платящихъ вѣрнѣе и вдругъ, обрѣзыванія всякаго рода, наконецъ, что всего быть можетъ важнѣе, ослабленіе сознанія о неизбѣжной принадлежности земли, находящейся въ пользованіи у крестьянина, самому крестьянину, — сведемъ эти факты и мы увидимъ, что если выкупъ земли труденъ въ настоящее время, то чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе онъ будетъ и скоро сдѣлается совершенной невозможностью и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи. По нашему, лучше ужъ и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ; лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ.

Точно также, по нашему, лучше ужъ прямо говорить, что выкупъ земли дѣло очень трудное или невозможное, нежели прикрывать благодушными фразами тяжелыя или невыносимыя цифры.

Только позвольте, на меня находитъ сомнѣнье: какимъ же это образомъ выкупъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ онъ можетъ превышать силы народа? Это неправдоподобно. Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, какіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, какая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля, принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едвали представляетъ стоимость во сто милліардовъ франковъ; а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламанша до Пиринеевъ. Стало быть, если бы французамъ нужно бы было выкупить у кого нибудь всю Францію, они могли бы это сдѣлать въ продолженіе

одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлую Россію должны мы выкупать со всѣми ея богатствами? — Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю? — Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерніямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе, т. е. къ пространству, занимающему не болѣе 60 тысячъ географическихъ миль (*); да и на этомъ пространствѣ развѣ вся земля подлежитъ выкупу? — Вовсе нѣтъ: на этомъ пространствѣ живетъ почти столько же вольныхъ людей, сколько и крѣпостныхъ крестьянъ. И можно сказать съ достовѣрностью, что развѣ немногимъ менѣе половины изъ этихъ 60 тысячъ квадратныхъ миль принадлежатъ казнѣ, и развѣ съ небольшимъ половина принадлежитъ къ крѣпостнымъ имѣніямъ. И изъ этихъ 30 или 35 тысячъ квадр. миль, развѣ на всѣ мы претендуемъ? Нѣтъ, изъ нихъ развѣ около третьей части находится въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ, и при всемъ увеличеніи надѣла, какое было бы нужно для упроченія благосостоянія освобождаемыхъ крестьянъ, развѣ половина крѣпостныхъ земель отходила бы къ нимъ. Такъ неужели же для великаго Русскаго народа можетъ быть затруднителенъ выкупъ одной шестой части пространства, занимаемаго Европейскою Россіею?

Сдѣлаемъ соображеніе на другомъ основаніи.

Число крѣпостныхъ крестьянъ составляетъ немногимъ меньше одной третьей части всего населенія Русской имперіи. Цѣнность годичнаго сбора, доставляемаго десятиною земли, у насъ немногимъ уступаетъ всей продажной цѣнности этой десятины, а во многихъ мѣстахъ чуть ли не превышаетъ ее (**). Какимъ же образомъ для цѣлой націи можетъ быть затруднителенъ выкупъ такого капитала, который развѣ-развѣ въ два раза, да и то едва ли, превышаетъ цѣнность производства, даваемого трудомъ трехъ дней въ недѣлю одной трети ея населенія? Вѣдь это все равно, какъ если бы вы сказали, что когда изъ трехъ братьевъ, получающихъ каждый по тысячѣ рублей дохода въ годъ, на одномъ братѣ лежитъ долговое обязательство въ двѣ тысячи рублей, то общими силами всѣхъ трехъ братьевъ трудно

(*) Царство Польское, Великое Княжество Финляндское, Остзейскія губерніи, Архангельскъ, Астрахань, Олонецъ, Ставрополь, Вятка, Крымъ, Бессарабія въ этотъ счетъ нейдутъ, потому что въ нихъ или вовсе нѣтъ крѣпостнаго состоянія, или оно существуетъ въ разнѣрахъ, не представляющихъ никакой важности для выкупа земли.

(**) Пять четвертей хлѣба по три рубля за четверть даютъ пятнадцать рублей валоваго дохода съ десятины; во многихъ мѣстахъ десятина земли не стоитъ этихъ денегъ.

выкупить этотъ долгъ. По здравому смыслу и по житейскому опыту казалось бы напротивъ, что если всѣ три брата серьезно захотятъ расквитаться съ долгомъ, то въ четыре, много въ пять лѣтъ, они уплатятъ его, нисколько не стѣсняясь, почти нечувствительно.

Что за странности! Политическая экономія, статистика Россіи, здравый смыслъ, все ведетъ къ предположенію, что выкупъ земель, находящихся въ пользованіи у крѣпостныхъ крестьянъ—дѣло легкое, даже очень легкое, а между тѣмъ одна половина разсуждавшихъ объ этомъ выкупѣ признавала его дѣломъ невозможнымъ, а другая половина, хотя и говорила о возможности, иной разъ даже о легкости его, но представляла такія цифры, послѣ которыхъ чувствуешь, что лучше было бы и не пачинать о немъ рѣчи. Тутъ что нибудь не такъ.

Когда согласишься на житейскія дѣла, обыкновенно видишь, что если два человѣка, имѣющихъ между собою денежный расчетъ, не могутъ сойтись къ легкому его рѣшенію, то одинъ изъ нихъ ведетъ счетъ по невѣрнымъ основаніямъ. Не то ли же самое и по вопросу о выкупѣ земли? Не знаемъ, на какихъ основаніяхъ стали бы вести счетъ по этому дѣлу крестьяне: они еще не излагали своихъ основаній; стало быть, съ ихъ стороны еще не могло быть невѣрности. Представляла счеты до сихъ поръ исключительно одна сторона — помѣщики (*). По ихъ счетамъ оказывалось, что выкупъ земли невозможенъ или соединенъ съ очень большими тяжестями на очень долгое время, то есть, оказывалось, что требованіе не только не совпадаетъ съ мнѣніями людей подлежащихъ требованію, но и вообще, безъ всякаго отношенія къ понятіямъ этой другой стороны, само по себѣ, уже имѣетъ или просто невозможные или очень затруднительные размѣры.

Ясно, гдѣ тутъ надобно предполагать ошибку. Ее надобно предполагать въ основаніяхъ расчетовъ, приводящихъ къ такому странному результату. Когда нибудь мы просмотримъ эти основанія, и наше предположеніе оправдается фактами. Теперь удовлетворимся однимъ тѣмъ выводомъ, что основаній, представлявшихъ другими, намъ не слѣдуетъ принимать безъ критики, если хотимъ достичь положительнаго, а не отрицательнаго рѣшенія, и надобно самостоятельно поискать болѣе точныхъ основаній, приступая къ вопросу, какъ будто бы къ новому, еще незатронутому, и не ожидая себѣ значительной помощи отъ прежнихъ его рѣшеній (**).

(*) Изъ числа писавшихъ о крестьянскомъ вопросѣ нѣкоторые, правда, и не были помѣщики, но и тѣ почти всѣ основывались на соображеніяхъ и расчетахъ, представленныхъ помѣщиками; да и вообще по всему образу мыслей и всѣмъ интересамъ тѣсно были связаны съ этою стороною.

(**) Кроме одного, которое было представлено въ нашемъ журналѣ и съ которыми въ главныхъ основаніяхъ мы тогда же соглашались.

Начнемъ же дѣло будто новое, начнемъ его съ самаго начала, съ отыскиванія основаній, на которыхъ оно можетъ быть ведено.

Какое неуваженіе къ предшествовавшимъ почтеннымъ трудамъ! Называть новымъ, непочатымъ вопросъ, о которомъ такъ много пишутъ уже цѣлый годъ, пишутъ сотни людей, коротко знакомыхъ съ дѣломъ, оказавшихъ важныя услуги сельскому хозяйству, прекрасно управлявшихъ своими помѣстьями, всѣ съ выгодною для себя, многіе съ благомъ для крестьянъ, — называть непочатымъ вопросъ столь внимательно ими разрабатываемый, это явная несправедливость.

А вотъ мы сейчасъ увидимъ, справедливы ли наши слова, что вопросъ о выкупѣ земли едва початъ. Первымъ основаніемъ, съ котораго должна начаться его разработка, должно служить опредѣленіе средней цѣнности ревизской души съ надѣломъ землею въ каждомъ округѣ, составляющемъ однородное экономическое цѣлое. Гдѣ же найти эти цифры? Ихъ почти не представлено вновь въ дополненіе къ тѣмъ, какія были извѣстны до начала крестьянскаго дѣла, преимущественно изъ изслѣдованій покойнаго Журавскаго и г. Соловьева. Правда, кое-гдѣ въ журналахъ за прошлый годъ встрѣчаются указанія относительно цѣнности имѣній или дохода съ нихъ въ той или другой мѣстности; но на чемъ основаны приводимыя цифры, мы не видимъ: а степень точности, съ какою дѣлаются потомъ изъ нихъ разные выводы, заставляетъ предполагать, что и основныя цифры выведены не совсѣмъ точно; потому безъ длинной и утомительной провѣрки принимать ихъ нельзя, стало быть и вопросъ не подвинулся ни на шагъ отъ ихъ напечатанія, и достовѣрными цифрами остаются пока только тѣ, которыя выведены покойнымъ Журавскимъ для Кіевской и г. Соловьевымъ для Смоленской губерній.

Мы не надѣемся приобрѣсть одобреніе отъ всѣхъ помѣщиковъ; но найдутся между помѣщиками многіе столь безпристрастные и гуманные, что во все продолженіе чтенія этой статьи будутъ признавать въ насъ желаніе приблизиться къ истинѣ, какова бы ни была эта истина. Когда же читатель дойдетъ до послѣднихъ страницъ статьи и увидитъ, съ какою цѣлью были выставлены и защищаемы наши цифры, могущія многимъ показаться слишкомъ низкими, то конечно одобритъ насъ очень многіе даже изъ тѣхъ, которые сначала могли быть нами недовольны. Мы даже полагаемъ, что, по прочтеніи всей статьи до конца, большинство разсудительныхъ помѣщиковъ убѣдится въ справедливости нашего увѣренія, что цѣль наша — не нападеніе на ихъ выгоды, а напротивъ, охраненіе ихъ собственныхъ интересовъ.

Такъ напримѣръ, основаніемъ для нашихъ приблизительныхъ выводовъ мы беремъ цифру, представляемую покойнымъ Журав-

скимъ для Кіевской губерніи, принадлежащей къ богатѣйшимъ, и вовсе не хотимъ на этотъ разъ пользоваться цифрами, представленными у г. Соловьева для Смоленской губерніи, потому что она одна изъ бѣднѣйшихъ и соединеніе ея цифръ съ кіевскими значительно понизило бы выводъ. Говоря по строгой правдѣ, губерніи похожихъ на Смоленскую у насъ не меньше, чѣмъ похожихъ на Кіевскую, и мы имѣли бы полное право столько же основываться на выводахъ г. Соловьева, сколько и на выводахъ покойнаго Журавскаго. Но повторяемъ, мы хотимъ лучше погрѣшить излишнею высотой цѣнъ, нежели упрекнуть себя въ возможности противнаго.

Какія же основанія мы получаемъ отъ изслѣдованій Журавскаго, которыя, надобно замѣтить, чрезвычайно обширны и точны, наполняютъ собою три огромные тома *in quarto* и составлены, почти исключительно, по документамъ полученнымъ отъ самыхъ помѣщиковъ?

Въ 1834 году, по Журавскому, въ Кіевской губерніи считалось 504,431 душа крѣпостныхъ крестьянъ мужескаго пола. Въ 1846 году общая сумма всѣхъ доходовъ, доставленныхъ крѣпостными помѣстьями, простиралась, по очень точнымъ вычисленіямъ, до 7,123,380 рублей; такимъ образомъ средній доходъ съ души въ Кіевской губерніи, одной изъ богатѣйшихъ, простирался до 14 рублей 12 копѣекъ (*). Но тутъ надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во первыхъ, цифра дохода, принимаемая Журавскимъ, вычислена имъ самимъ и далеко превышаетъ ту цифру, какую показывали помѣщики. По итогамъ, доставленнымъ помѣщиками, весь доходъ простирался бы всего только до 4,020,557 рублей серебромъ, то есть, всего выходило бы по 7 рублей 97 копѣекъ съ души. По строгимъ законамъ справедливости, конечно, мы имѣли бы полное право не цѣнить доходовъ съ имуществъ выше, нежели цѣнили ихъ сами владѣльцы; но мы только предоставляемъ читателю вспоминать въ случаѣ надобности, что каковы бы ни были выводы нами получаемые, все таки они понизились бы болѣе, чѣмъ на 43%, если бы мы стали держаться цифръ, какія направились самими помѣщиками до возникновенія крестьянскаго вопроса. Мы будемъ до неумѣренности соблюдать ихъ выгоды, будемъ заботиться о ихъ выгодахъ больше, нежели

(*) Число душъ у Журавскаго показано за 1834 годъ; по г. Кеппену, въ 1833 г. было въ Кіевской губерніи 504,589 душъ крѣпостныхъ крестьянъ муж. пола, а въ 1831 511,554 душъ. Итакъ среднее приращеніе въ годъ 455,3 душъ. На основаніи этого, въ 1846 г. слѣдовало бы считать 509,129 душъ. А если бы мы взяли эту цифру (какъ и слѣдовало бы по точной справедливости), выводъ средняго выкупа понизился бы. Вотъ первое доказательство того, что мы вслѣдствіи натягиваемъ пропорціи для повышенія выкупной цифры.

заботились сами они, и вмѣсто ихъ собственныхъ низкихъ цифръ, возьмемъ высшія цифры, выведенныя самимъ Журавскимъ.

Второе наше замѣчаніе состоитъ въ томъ, что доходъ, выведенный Журавскимъ, есть валовой доходъ, а не чистый; изъ него не вычтены ни издержки по управленію, ни страховая премія; а при капитализированіи дохода, конечно, надобно брать въ основу чистый доходъ за вычетомъ изъ валоваго дохода страховой преміи и издержекъ по управленію. Величина этихъ вычетовъ должна быть очень значительна, и мы собственно должны были бы считать ее въ 30—40%; на такую пропорцію ниже средней цифры валоваго дохода, средняя арендная плата съ души, представляющая средній чистый доходъ (*).

Мы будемъ такъ заботливы о сохраненіи, даже съ нарушеніемъ справедливости, возможно большей цифры, что примемъ этотъ вычетъ только въ 10%. Каждый, хотя нѣсколько знакомый съ сельскимъ хозяйствомъ, скажетъ, что издержки по управленію вмѣстѣ съ страховою преміею берутъ изъ валоваго дохода процентъ гораздо значительнѣйшій. Наконецъ, третье и послѣднее замѣчаніе, самое важное, уже было нами сдѣлано въ первой статьѣ: «О новыхъ условіяхъ Сельскаго быта». Тогда мы уже говорили, что доходъ, вычисленный Журавскимъ далеко не весь получается изъ крѣпостныхъ отношеній и слѣдовательно далеко не весь долженъ входить въ оцѣнку для опредѣленія выкупа этихъ отношеній. Именно изъ 7,123,380 р. общаго дохода помѣщики около 3 милліоновъ получаютъ вовсе не какъ помѣщики, а какъ владѣтели фабрикъ, хозяева тонкорунныхъ стадъ, торговцы лѣсомъ, торговцы виномъ, свеклосахарные заводчики и т. д. (**).

(*) Журавскій говоритъ: «Обыкновенная арендная плата съ имѣній, отдаваемыхъ въ посессию, считается здѣсь отъ 8 до 10 руб. сер. съ ревизской души». Принимая среднюю цифру 9 рублей, мы получимъ, что чистый доходъ составляетъ менѣе 64% валоваго дохода.

(**) Вотъ подробный счетъ, который желающіе могутъ проверить по книгѣ Журавскаго и который въ такомъ случаѣ найденъ будетъ слишкомъ умѣреннымъ. Пропианція и лѣсная продажа даютъ 1,230,000 р.; изъ 1,330,000 р., даваемыхъ овцеводствомъ и винокурениемъ, конечно, болѣе половины нужно считать не результатомъ крѣпостнаго труда или вообще крѣпостныхъ отношеній, а прямо процентами съ денежныхъ и натуральныхъ капиталовъ, затраченныхъ помѣщиками на эти предпріятія, которыхъ ни мало не касается отжѣненіе крѣпостныхъ отношеній; но мы возьмемъ въ вычетъ только половину, то есть, 675,000 руб. Изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свекловицею (3,800,000) конечно гораздо болѣе, нежели одну пятую часть, надобно считать результатомъ работы реманентнаго (господскаго) скота и господскихъ машинъ, которыхъ также не коснется уничтоженіе крѣпостнаго права, и процентомъ на посѣянное зерно: мы возьмемъ только пятую часть; это составитъ болѣе 730,000 рублей. Сложивъ эти суммы, изъ которыхъ двѣ послѣднія слишкомъ умѣренны, мы получимъ уже 2,673,000 руб-

Къ какой же цифрѣ приводятъ насъ эти факты? На основаніи третьяго замѣчанія, изъ 7,123,380 руб. общаго валоваго дохода, за вычетомъ 3 милліоновъ рублей, получаемыхъ помѣщиками, не какъ помѣщиками, а какъ фабрикантами, заводчиками и торговцами, мы должны признать валовымъ доходомъ, получаемымъ помѣщиками какъ помѣщиками, всего только 4,123,380 рублей. На основаніи втораго замѣчанія мы должны изъ этого валоваго дохода вычесть 10% расходовъ по управленію и страховой преміи. За этимъ вычетомъ мы получаемъ въ остаткѣ 3,711,042 рубля, какъ сумму всего чистаго дохода, получаемаго помѣщиками какъ помѣщиками. Это составляетъ (съ 504,431 души) 7 рублей 36 копѣекъ съ души.

Единственно этотъ чистый доходъ долженъ быть принимаемъ основаніемъ при капитализаціи, опредѣляющей цѣнность имѣній, часть которыхъ подвергается выкупу при отмѣненіи крѣпостныхъ отношеній. По какому же проценту надобно разсчитывать капитализацію? Это рѣшить довольно легко. Всѣ, свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ люди, утверждаютъ, что дурно управляется то имѣніе, которое даетъ не больше 7%. Обыкновеннымъ процентомъ считается 8. Дѣйствительно, меньшей цифры принять нельзя, потому что дома въ Петербургѣ даютъ 7%, а по извѣстному экономическому закону, та собственность, управленіе которою хлопотливѣе и доходы съ которой подвергаются большей страховой преміи, даетъ и большій процентъ. Кто же не знаетъ, что управлять деревней хлопотливѣе, нежели управлять домомъ въ Петербургѣ, и что на жильцовъ въ Петербургѣ не бываетъ неурожайныхъ годовъ? Итакъ, мы должны были бы принять по крайней мѣрѣ 8%; но снова поддаваясь своей наклонности къ возможному повышенію выкупнаго капитала, примемъ только 7½%. По этому разсчету выходитъ, что если бы выкупу подлежала личность крѣпостныхъ крестьянъ вмѣстѣ со всею землею, которая собственно принадлежитъ къ крѣпостнымъ отношеніямъ, то есть, со всею крестьянскою и со всею господскою землею, то среднимъ числомъ полная выкупная цѣна души мужескаго пола была бы 98 рублей 10 копѣекъ серебромъ.

Но это полная цѣна всей крѣпостной земли вмѣстѣ съ самою личностью крестьянина. А по правилу, установленному Высочайшими рескриптами, и по желанію, выражаемому всѣми благомыслящими помѣщиками, личность не подлежитъ выкупу; подлежитъ выкупу

лей. Остальныя 323 тысячи слѣдуетъ вычесть изъ чиншей и разныхъ сборовъ, которые составляютъ въ общей суммѣ болѣе 300 тысячъ рублей и изъ которыхъ самая значительная часть получается отъ источниковъ, нисколько не связанныхъ съ отмѣненіемъ крѣпостнаго права (напр. рента съ земли заселенной разными сословіями городскихъ обывателей и принадлежащей помѣщикамъ).

одна только земля. Притомъ и землю предполагается выкупить не всю находящуюся въ дачѣ каждаго крѣпостнаго имѣнія, а только ту часть земли, которая находится въ пользованіи самыхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, чтобы изъ полученной нами цифры, 98 рублей 10 копѣекъ, вывести точную цифру для величины выкупа, надобно было бы опредѣлить, во первыхъ, какая именно часть цѣнности принадлежитъ собственно крѣпостнымъ трудомъ, который не подлежитъ выкупу, и какая часть доставляется самою землею; во вторыхъ, каково отношеніе цѣнности выкупаемой части земли къ цѣнности цѣлой дачи, принадлежащей къ помѣстью. Разумѣется, отвѣты были бы чрезвычайно разнообразны по разнымъ мѣстностямъ; но все таки ихъ очень легко можно было бы свести въ общій итогъ и тогда можно было бы сообразить, какая часть общей цѣнности крѣпостныхъ имѣній, получаемой умноженіемъ средней цифры на количество всѣхъ душъ, принадлежитъ исключительно личностямъ, душамъ самыхъ крестьянъ, неподлежащимъ выкупу, и потому должна быть просто вычтена изъ общей суммы. Затѣмъ остатокъ представлялъ бы цѣнность собственно крѣпостныхъ земель и надобно было бы узнать, какая часть этихъ земель останется за помѣщиками и какая перейдетъ къ крестьянамъ. Только послѣдняя часть подлежитъ выкупу и только цѣнность одной ея составляетъ итогъ выкупа.

Ни для того, ни для другаго обстоятельства не подготовлены общія цифры по всей Россіи, хотя сколько нибудь точныя. Напрасно мы стали бы искать ихъ во всѣхъ безчисленныхъ статьяхъ и запискахъ по крѣпостному вопросу. Не въ правѣ ли были мы сказать послѣ этого, что вопросъ о выкупѣ земли, несмотря на множество основательныхъ статей объ немъ, до сихъ поръ остается непочатымъ въ нашей литературѣ?

Мало того, что не собраны объ этихъ цѣностяхъ общія приблизительныя свѣдѣнія, опредѣленіе которыхъ соединено съ вычисленіями, хотя и не слишкомъ мудреными, но все же требующими нѣкотораго умственного труда: не собраны даже хотя сколько нибудь приблизительныя свѣдѣнія о фактѣ, уже прямо безъ всякихъ вычислений и соображеній лежащемся подъ перо и обуславливающимъ собою величину обѣихъ, требуемыхъ нашимъ дѣломъ, цифръ. Мы говоримъ о томъ, какое количество крѣпостныхъ крестьянъ состоитъ на барщинѣ и какое на оброкѣ. Извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ часть цѣнности, зависящая прямо отъ личной крѣпостной обязанности, гораздо значительнѣе, а часть цѣнности, принадлежащая самой землѣ, гораздо меньше, нежели въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Извѣстно также, что и вообще доходъ съ оброчныхъ имѣній менѣе, нежели съ состоящихъ на барщинѣ. Мы

знаемъ только вообще, что на оброкѣ состоитъ гораздо меньшая часть крестьянъ, нежели на барщинѣ. Но какая именно часть—одна третья, или одна четвертая, или одна пятая, или еще меньшая часть крестьянъ состоитъ на оброкѣ, этого сказать въ настоящее время никто не можетъ. Мы должны принять эту пропорцію чисто наудачу.

По нашему правилу, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстна точная цифра и гдѣ неизбежна потому погрѣшность, погрѣшать противъ точной цифры развѣ преувеличеніемъ, а никакъ не уменьшеніемъ, мы предположимъ, что оброчныя имѣнія должны быть цѣнными точно также, какъ состоящіе на барщинѣ. Читатель видитъ, что этимъ явно преувеличивается выкупная сумма выше дѣйствительной величины: мы уже сказали, что оброчныя имѣнія даютъ вообще дохода менѣе состоящихъ на барщинѣ. Но такъ и быть; положимъ, что они даютъ такой же доходъ.

Опять всѣмъ извѣстно, какъ мы уже сказали, что личныя крѣпостныя обязанности, отмѣняющіяся безъ выкупа, составляютъ въ общей цѣнности оброчнаго имѣнія гораздо бѣльшую часть, а земля гораздо меньшую часть, нежели въ барщинномъ. Но опять таки сдѣлаемъ явную натяжку для увеличенія суммы выкупа: положимъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ земля имѣетъ такую же цѣну, какъ въ барщинныхъ.

Послѣ этихъ двухъ явныхъ преувеличеній, очевидно, что чѣмъ больше мы положимъ оброчныхъ имѣній, тѣмъ значительнѣе преувеличится выкупная сумма выше дѣйствительной цѣны: вѣдь въ сущности, такъ какъ оброчное имѣніе даетъ меньше дохода, нежели барщинное, то и выкупъ за него долженъ быть меньше, а онъ будетъ у насъ больше, какъ увидимъ впоследствии. Вѣрные своему правилу: при неизбежности погрѣшности противъ точной цифры, — грѣшить только увеличеніемъ, а никакъ не уменьшеніемъ ея, — мы положимъ цифру оброчныхъ душъ самую большую, какую только можно вообразить. Пусть оброчныхъ имѣній будетъ цѣлая третья доля, хотя въ дѣйствительности, навѣрное, ихъ гораздо меньше.

Теперь займемся приблизительнымъ опредѣленіемъ того, какую часть общей цѣнности имѣній составляетъ выкупаемая земля въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Вообще говоря, количество пахотныхъ полей у крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ нѣсколько больше, нежели въ господской запашкѣ. За то луговъ, имѣющихъ болѣе цѣны, нежели пахотная земля, находится у помѣщиковъ въ личномъ пользованіи гораздо больше, нежели сколько предоставлено въ пользованіе крестьянъ. Можно сказать, что если взять цѣнность крестьянскихъ луговъ и полей вмѣстѣ, то она едва ли будетъ равняться цѣнности луговъ и полей, оставленныхъ за собою помѣщиками. За

тѣмъ остается еще огромное количество разныхъ угодій, собственно считаемыхъ господскими, а не крестьянскими; въ числѣ ихъ есть угодья очень цѣнныя, именно лѣсъ (во всей средней и южной Россіи онъ имѣетъ страшную цѣнность) и рыбныя ловли. Чтобы сколько нибудь точно опредѣлить эти цифры, мы опять прибѣгнемъ къ даннымъ, собраннымъ объ одиннадцати уѣздахъ Кіевской губерніи (*) покойнымъ Журавскимъ.

	Господской.	Крестьянской.
Пахотной земли.	749,021	861,759 десятинъ.
Сѣнокосовъ	260,124	187,366 »
	<u>1,009,145</u>	<u>1,049,125</u> »

Затѣмъ остаются съ одной стороны крестьянскія усадьбы, съ другой господскія усадьбы, очень цѣнныя, и 716,580 десятинъ лѣса, который одинъ стоитъ въ пятьдесятъ разъ дороже всѣхъ возможныхъ усадебъ, и сверхъ того еще болѣе 200 тысячъ десятинъ другихъ угодій, отчасти также очень цѣнныхъ. Словомъ сказать, изъ 3,149,702 десятинъ всего пространства крѣпостныхъ земель только 1,194,472 десятинъ были обращены въ надѣлъ крестьянамъ, а 1,955,230 оставались за помѣщиками; притомъ, вообще говоря, именно лучшія земли и наиболѣе цѣнныя угодья были оставлены въ послѣдней части, такъ что мы оцѣнимъ въ общей сложности десятину крестьянской земли слишкомъ дорого, если положимъ ей цѣнность равную десятинѣ господской земли. Иначе говоря, изъ тысячи десятинъ крѣпостной земли до сихъ поръ только 379 было предоставлено въ надѣлъ крестьянамъ, а 621 десятина оставалась за помѣщиками, и мы преувеличимъ цѣну первой части, если скажемъ, что изъ 1000 рублей цѣнности всей крѣпостной земли на долю ея приходилось тоже 379 р.

Надѣлъ землею, существовавшій доселѣ, во многихъ мѣстахъ достаточенъ для крестьянъ; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ не былъ бы достаточенъ для достиженія цѣли, указанной Высочайшими рескриптами, именно, для обезпеченія уплаты повинностей и податей, и полезно бы было его увеличить. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, отдѣлится крестьянамъ часть лѣсовъ, рыбныхъ ловель и другихъ угодій, необходимыхъ для сельскаго быта. Положимъ, что вслѣдствіе этихъ прибавокъ къ прежнему надѣлу, пространство земли, отходящей къ крестьянамъ, сравняется по объему съ землею, которая останется за помѣщиками (для этого нужно въ очень многихъ помѣстьяхъ очень сильно увеличить крестьянскій надѣлъ, такъ что-

(*) О Чигиринскомъ уѣздѣ точныхъ свѣдѣній не было получено.

бы въ общемъ итогѣ онъ увеличился почти на цѣлую треть противъ нынѣшняго); но даже и въ такомъ случаѣ мы все-таки погрѣшимъ противъ дѣйствительности излишнимъ возвышеніемъ цѣны, если положимъ, что пятьсотъ десятинъ, которыя отойдутъ къ крестьянамъ, будутъ стоить столько же, сколько пятьсотъ десятинъ, которыя останутся у помѣщиковъ: послѣдняя половина по качеству гораздо лучше первой.

Мы старались приблизиться къ опредѣленію пропорціи между цѣнностью крестьянскихъ земель, и земель остающихся за помѣщиками. Но земля въ имѣніи, находящемся на барщинѣ, составляетъ только одинъ элементъ въ общей цѣнности помѣстья, на сколько эта цѣнность относится къ крѣпостному вопросу. Другой элементъ цѣнности заключается въ правѣ на личность. Отношеніе между этими двумя элементами очень трудно опредѣлить, по совершенному недостатку цифръ, заслуживающихъ довѣріе. Если бы мы захотѣли принять ту оцѣнку выгодъ, доставляемыхъ обязательнымъ трудомъ, какую даютъ намъ сами помѣщики, мы пришли бы къ результату слишкомъ невыгодному для нихъ теперь, когда рѣшено, что личность не выкупается, а подлежитъ выкупу только земля. Одни изъ помѣщиковъ даютъ намъ свѣдѣнія, по которымъ оказывается, что цѣнность обязательнаго труда вдвое и даже втрое превышаетъ чистый доходъ съ земли, предоставленной крестьянамъ. Каковъ оказался бы результатъ, если бы мы приняли въ расчетъ эти показанія? Результатъ былъ бы вотъ каковъ:

Цѣнность господской земли	621 рубль или 35,5%
— крестьянской земли	379 рублей или 21,5%
— обязательнаго труда (вдвое	
противъ цѣнности крестьянской земли)	758 рублей или 43%
Итого	1758 рублей или 100%

По этому расчету оказывалось бы, какъ видимъ, что цѣнность настоящаго надѣла крестьянскихъ земель составляетъ только по 215 рублей съ каждаго 1000 рублей общей цѣнности имѣнія, и слѣдовательно, если принять, какъ мы нашли, цѣнность души со всею крѣпостною землею господскою и крестьянскою въ 98 рублей 10 копѣекъ, то оказалось бы по счету самихъ помѣщиковъ, что выкупъ крестьянскихъ земель за настоящій надѣлъ составлялъ бы всего только 21 рубль съ души въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Таковъ-то былъ бы выводъ, если бы мы приняли оцѣнку обязательнаго труда, представляемую одними. Еще поразительнѣе былъ бы результатъ, если бы мы приняли оцѣнку обязательнаго труда, предлагаемую другими помѣщиками: они говорятъ, что обязательный

трудъ составляетъ съ каждаго тягла не меньше 30 рублей серебромъ, или даже 36 руб., или 42 руб. Будемъ считать на 100 душъ 30 тяголъ и обязательную работу каждаго тягла въ 30 рублей; выходитъ со ста душъ цѣнность обязательнаго труда 900 рублей. Что же далѣе? Личныя крѣпостныя повинности отменяются безъ вознагражденія. Итакъ сто душъ крестьянъ должны выиграть въ ежегодномъ доходѣ 900 рублей. А между тѣмъ мы нашли, что вся годичная цѣнность, доставляемая какъ личнымъ крѣпостнымъ правомъ, такъ и правомъ на крѣпостную землю, не превышаетъ 7 р. 36 коп. съ души, то есть 736 руб. со ста душъ. Итакъ пожертвованіе, которое долженъ бы принести помѣщикъ, было бы значительнѣе всего дохода, даваемого ему и личнымъ крѣпостнымъ трудомъ и всею землею, какъ крестьянскою, такъ и господскою, и оказывалось бы, что помѣщикъ долженъ былъ бы не только отдать даромъ всю крѣпостную землю и свою и крестьянскую, но еще и приплачивать на каждую крѣпостную душу по 1 руб. 64 коп. ежегодно, или, капитализируя эту уплату по принятому нами расчету ($7\frac{1}{2}\%$), приплатить каждой душѣ по 21 руб. 90 коп. Разумѣется, еще больше окажется эта приплата, если мы возьмемъ не очень умѣренныя цифры, а тѣ, которыя выставляются помѣщиками болѣе требовательными, наприимѣръ положимъ, согласно съ ихъ мнѣніемъ, что на сто душъ слѣдуетъ считать 40 тяголъ и обязательный трудъ каждаго тягла слѣдуетъ цѣнить въ 36 руб. еер. Какія цифры получатся тогда? Вотъ какія:

40 тяголъ по 36 руб. дають 1440 руб.; капитализируя эту цѣнность обязательнаго труда по расчету $7\frac{1}{2}\%$, мы получимъ, что выгода, приносимая обязательнымъ трудомъ, равняется капиталу въ 19,200 руб.

Между тѣмъ цѣнность всѣхъ крѣпостныхъ земель крестьянскихъ и господскихъ со всѣми поселенными на нихъ душами равняется только 98 руб. 10 коп., то есть все помѣстье, имѣющее 100 душъ, стоитъ только 9,810 руб.

А такъ какъ владѣлецъ этого имѣнія долженъ уступить своимъ крестьянамъ цѣнность 19,200 руб., то стало быть, если онъ откажется въ пользу крестьянъ отъ всего помѣстья, то этимъ еще далеко не исполнится мѣра его уступки: онъ уступить имъ только 9,810 руб. и для пополненія уступки онъ долженъ будетъ еще приплатить 9,390 руб., — только тогда онъ возвратитъ имъ вполнѣ всю цѣнность обязательнаго труда, отъ котораго отказывается.

Что за нелѣпость! Надобно совершенно задаромъ отказаться отъ всего помѣстья и въ добавокъ приплатить еще цѣну почти равную той, какую имѣло цѣлое помѣстье, только тогда составитъ сумма равная одной части цѣнности этого самаго имѣнія! Въѣсто геоме-

трической аксіомы «часть меньше цѣлаго» мы пришли къ выводу совершенно противнаго рода: «часть почти вдвое больше своего цѣлаго.» Изумительное открытіе! Послѣ этого надобно думать, что въ Петербургѣ больше жителей, нежели въ цѣлой Россіи, что Европа занимаетъ пространство большее, нежели вся поверхность земнаго шара, что одинъ палецъ больше всей руки. А впрочемъ нечего и удивляться подобнымъ выводамъ: каковы основанія, таковы и выводы изъ нихъ. Выставить преувеличенную цифру, чтобы дѣлать изъ нея преувеличенные выводы для собственной пользы, вещь очень заманчивая; но только дѣло въ томъ, что изъ каждой цифры можетъ быть выводимо множество различныхъ примѣненій. Вы взяли то приложеніе цифры, какое было выгодно для васъ; но вѣдь также легко сдѣлать и другія приложенія, которыя окажутся для васъ далеко не въ такой степени выгодными, и тогда прійдется вамъ признать, что уклоненіе отъ истины не всегда полезно для самаго уклоняющагося; тогда, быть можетъ, ясно станетъ для васъ, что истина безопаснѣе всего.

Мы все это говорили только къ тому, чтобы показать, какими желаніями мы руководимся, не соглашаясь приписать обязательному труду той преувеличенной цѣнности, какую даютъ ему нѣкоторые. Мы видимъ, что преувеличеніе въ этомъ случаѣ повертывается въ невыгоду самыхъ владѣльцевъ, и именно для соблюденія ихъ пользы хотимъ держаться самой умѣренной цифры при опредѣленіи того, какая часть цѣнности придается имѣнію обязательнымъ трудомъ. Личность освобождается безъ вознагражденія; потому чѣмъ ниже мы оцѣнимъ обязательный трудъ, тѣмъ большая часть цѣнности останется на долю земли подлежащей выкупу, слѣдовательно тѣмъ выгодиѣе для владѣльца будетъ цифра выкупа.

Итакъ положимъ, что цѣнность обязательнаго труда составляетъ только пятую часть цѣнности всего крѣпостнаго имущества въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. На самомъ дѣлѣ обязательный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣйшую часть общей суммы; но мы принимаемъ меньшую цифру для выгоды владѣльцевъ. Какова же будетъ при этой цифрѣ окончательная величина выкупа въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ?

Вся стоимость крѣпостнаго имущества найдена нами равняющеюся 98 рублямъ и 10 копѣйкамъ серебромъ на душу; изъ этой цифры одна пятая, т. е. 19 рублей 62 копѣйки, отсчитывается на обязательный трудъ, подлежащій выкупу. Цѣнность земли остается 78 руб. 48 коп. на душу. По нынѣшнему надѣлу, изъ тысячи десятинъ земли крестьянамъ уступлено 379; по этой пропорціи изъ 78 руб. 48 коп. на крестьянскую землю приходится цѣнность 29 руб. 74 коп., —

вотъ средняя величина выкупа съ души въ имѣніяхъ состоящихъ на барщинѣ, при нынѣшнемъ надѣлѣ.

Но мы уже замѣтили, что во многихъ помѣстьяхъ настоящій надѣлъ пахотною землею и сѣнокосами недостаточенъ; сверхъ того для крестьянъ необходимъ надѣлъ нѣкоторою частью лѣсовъ и другихъ угодій, не причисляемыхъ нынѣ къ ихъ землѣ. Мы говорили, что вслѣдствіе этихъ необходимыхъ прибавокъ, крестьянскому надѣлу слѣдовало бы въ общей суммѣ возвыситься до половины всей крѣпостной земли. Мы будемъ брать за норму выкупа эту послѣднюю величину надѣла, безъ которой не достигнется цѣль, указанная Высочайшими рескриптами. Тогда выкупъ составитъ ровно половину цѣнности всей крѣпостной земли, то есть 39 руб. 24 коп. съ души.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ обыкновенно вся земля находится во владѣніи крестьянъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются оброчныя имѣнія, въ которыхъ часть земли остается за владѣльцами. Во многихъ другихъ оброчныхъ помѣстьяхъ согласное желаніе владѣльца и крестьянъ будетъ состоять въ томъ, чтобы при отходѣ помѣстья отъ владѣльца нѣкоторая часть земли была возвращена ему. Положимъ, что оба эти факта въ сложности произведутъ оставленіе за владѣльцами оброчныхъ имѣній хотя одной восьмой части крѣпостной земли. Въ дѣйствительности эта доля конечно будетъ гораздо значительнѣе, но чѣмъ меньше принять вычета, тѣмъ больше останется величина выкупа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы дѣлаемъ всевозможныя натяжки для возвышенія выкупной суммы. Такъ мы уже приняли цѣну земли въ оброчныхъ имѣніяхъ за равную цѣнѣ земли въ барщинныхъ, хотя въ оброчныхъ земля гораздо малоцѣннѣе, какъ извѣстно всякому. Точно также мы хотимъ принять, что цѣна личности въ оброчныхъ имѣніяхъ составляетъ, какъ въ барщинныхъ, только одну пятую часть всей цѣнности крѣпостнаго имущества, хотя извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ цѣнность гораздо больше, нежели въ барщинныхъ, проистекаетъ изъ крѣпостнаго права на самую личность, а не на землю, и хотя даже для барщинныхъ имѣній вычетъ изъ общей цѣнности за отняемое безъ вознагражденія право на личность принятъ нами меньше своей дѣйствительной цѣны.

На этихъ основаніяхъ, до крайности выгодныхъ для владѣльца, величина выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ опредѣлится такимъ образомъ.

За вычетомъ 19 руб. 62 коп. изъ общей цифры 98 руб. 10 коп., цѣнность всей крѣпостной земли остается, какъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, 78 руб. 48 коп.; изъ этой земли одна восьмая часть оста-

нется за помѣщиками (цѣнность этой доли 9 руб. 81 коп.), за крестьянами остается семь восьмыхъ частей, цѣнность которыхъ 68 руб. 67 коп.

Эта цифра 68 рублей 67 копѣекъ и составляетъ выкупъ оброчной души съ землею.

Теперь совершенно ясно, что мы дѣлали большую натяжку для повышенія общей выкупной суммы по всей имперіи, когда считали, что цѣлая треть крѣпостныхъ крестьянъ находится на оброкѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности пропорція эта гораздо меньше: выкупъ за оброчныхъ больше, чѣмъ за состоящихъ на барщинѣ.

Вотъ мы достигли наконецъ того, что можемъ вывести приблизительно величину выкупа всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлой имперіи съ надѣломъ земли, какой мы принимали выше, то есть съ надѣломъ, увеличеннымъ до цѣлой половины всей крѣпостной земли.

Мы принимали, что изъ 300 душъ 200 находятся на барщинѣ, а 100 на оброкѣ; по принятымъ для того и другаго разряда цифрамъ выкупа имѣемъ:

200 душъ по 39 руб. 24 коп.	7,848 руб.
100 душъ по 68 руб. 67 коп.	6,867 руб.

Итого 300 душъ — — — — 14,715 руб.

Раздѣляя общую цѣнность 14,715 руб. на 300 душъ, мы получаемъ среднюю цѣнность выкупа за каждую душу 49 руб. 5 коп. (*).

Помножая эту среднюю цѣнность выкупа (49 руб. 5 коп.) на все количество крѣпостныхъ душъ въ Европейской Россіи (10,844,902, по повѣйшимъ свѣдѣніямъ г. Троицкаго), мы получимъ 531,942,443 р. 10 к.

Вотъ вся сумма выкупа съ землею при надѣлѣ, увеличенномъ на цѣлую треть выше настоящаго.

Какъ далеко отъ этой цифры до страшныхъ полутора или двухъ миллиардовъ рублей серебромъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ! Цѣлая бездна отдѣляетъ нашъ выводъ отъ этихъ ужасающихъ фантамовъ.

У кого изъ насъ не облетаетъ сердце при взглядѣ на эту скромную цифру 531,940,000 р., на эту цифру, которая уже сама за себя прямо говоритъ: «Вглядитесь въ меня хорошенько: я вовсе не такъ

(*) Если бы мы приняли, что оброчные крестьяне составляютъ только четвертую часть общаго числа, мы имѣли бы

300 душъ по 39 руб. 24 коп.	11,772 руб.
100 — — 68 руб. 66 коп.	6,867 —

Итого 400 душъ 18,639 руб.

Раздѣляя 18,639 руб. на 400 душъ, получимъ среднюю цѣнность выкупа души съ землею 46 руб. 59¹/₄ коп. на душу.

страшна, какъ васъ пугаютъ; со мною нетрудно будетъ вамъ слѣдить; я не раззорю васъ, какъ тѣ раздутыя чудовища, которыя ужасали васъ подѣ моимъ именемъ. Вглядитесь въ меня хорошенько: есть ли во мнѣ хоть малѣйшій признакъ переполненія государства кредитными знаками, потрясенія кредиту, громаднѣхъ займовъ, изнурительныхъ усилій, которыми васъ стращали уродливые милліарды, являвшіеся вмѣсто меня въ потьмахъ безрасчетности? Они старались представиться вамъ слонами, эти самозванцы милліарды выкупа; а я, я чуть ли не муха,—такъ легко со мною справиться. Вглядитесь въ меня хорошенько: вѣдь я не больше той цифры, какую вы въ десять лѣтъ истратите на однѣ желѣзныя дороги; вѣдь я вдвое меньше той цифры, какую составитъ въ слѣдующіе десять лѣтъ оборотъ однихъ только Балтійскихъ вашихъ портовъ. И будто бы вамъ не справиться со мною въ самомъ дѣлѣ и легко и быстро?

Но отчего же въ самомъ дѣлѣ такая громадная разность между нашимъ выводомъ и страшными милліардами, которые являлись подѣ перомъ другихъ? Мы старались по возможности держаться ближе къ дѣйствительнымъ даннымъ. Мы принимали за основаніе строго повѣренныя цифры о цѣломъ полумилліонѣ душъ крѣпостнаго населенія. А люди, пугавшіе милліардами, обыкновенно равно ни на чемъ не основывались, кромѣ приходорасходныхъ книгъ своего помѣстья,—книгъ, которыхъ никто не провѣрялъ, и которыя, Богу одному извѣстно, по какой бухгалтеріи ведены. Да и то еще было хорошо, когда основывались хоть на какихъ нибудь счетахъ настоящаго дохода; а то безъ церемоніи прямо говорили: «Я, дескать, не знаю, сколько дохода доставляетъ мнѣ мое помѣстье, но полагаю, что оно должно доставлять вотъ столько-то», или даже еще прямѣе «но желаю, чтобы оно считалось доставляющимъ мнѣ вотъ сколько»; и отъ неверныхъ счетовъ по одному имѣнію, или и отъ вѣрныхъ счетовъ, но по одному имѣнію, находящемуся въ исключительно выгодномъ положеніи, или наконецъ и просто отъ соображенія о томъ, сколько дохода могло бы приносить это имѣніе, если бы приносило дохода гораздо больше, чѣмъ приносить теперь, они приходили къ заключенію прямо о цѣлой Россіи. Да и то еще было хорошо, если хоть на такихъ неверныхъ или желательныхъ счетахъ по одному своему имѣнію основывали выводъ о цѣлой Россіи; а то и просто, безъ всякихъ разсужденій писали «два милліарда» и ставили точку, какъ будто меньше этой цифры уже и быть ничего не можетъ.

Итакъ первая причина разницы между нашимъ умѣреннымъ выводомъ и ужасающими выводами другихъ состоитъ въ томъ, что мы взяли основаніе, хотя и несовершенно достаточное для безусловно точнаго результата, но все-таки очень широкое и прочное, именно

добросовѣстныхъ и очень вѣрныхъ изслѣдованія о цѣломъ полумилліонѣ душъ мужескаго пола, то есть о цѣломъ милліонѣ душъ обоого пола; а другіе строили свои выводы на одномъ какомъ нибудь помѣстьи, да и то безъ точной провѣрки его доходовъ, или и вовсе ни на чемъ не основывались, кромѣ собственнаго произвола. Наше широкое и прочное основаніе—вотъ, сказали мы, первая причина умѣренности, какою отличается нашъ выводъ. Другая причина разницы состоитъ въ томъ, что мы стремились уяснить себѣ, какая именно часть помѣстныхъ доходовъ имѣетъ связь съ крѣпостнымъ правомъ, изъ этой части, какая именно доля подлежитъ выкупу. Другіе поступали не такъ; они прямо, не разбирая ничего, говорили: «Я получаю (или желаю получать) со всего своего помѣстья столько-то рублей, вотъ вамъ и выкупъ, какого я хочу». — «Но часть этихъ доходовъ получается отъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ оборотовъ и предпріятій, которыя ни мало не пострадаютъ, а напротивъ разовьются отъ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній». — «Я ничего знать не хочу, я знаю только, что получаю съ своего помѣстья 10,000 руб.; ну, и давайте мнѣ такой выкупъ, съ котораго проценты составили бы 10,000 руб.». — «Но мало того, что изъ вашихъ 10,000 р. почти половина доставляется вамъ источниками, которыхъ не касается крѣпостной вопросъ; изъ остальной половины также значительнѣйшая доля останется у васъ въ рукахъ». — «Опять таки повторяю, я этого ничего знать не хочу; фабрика и заводъ останутся у меня, половина пахотной земли и большая половина сѣнокосовъ, лѣсовъ и другихъ угодій останутся тоже у меня, а все-таки давайте мнѣ выкупъ за цѣлое помѣстье». Отъ такихъ основаній и съ такою логикою не трудно дойти не только до двухъ милліардовъ, но и до двадцати, и до двухъ сотъ милліардовъ.

«Но, скажутъ намъ, вы принимаете выкупъ только въ 49 руб. за душу, тогда какъ другіе считаютъ, что мало будетъ и 100 руб.; иные думаютъ, что мало будетъ и 200 руб. Какъ же это можно такъ низко спускать цифру»? Боже мой, именно мы то и должны спросить наоборотъ: какъ можно было другимъ такъ раздуть эту цифру? Разсужденія наши были длинны, но сущность ихъ очень коротка. Мы взяли за основаніе вывода одну изъ богатѣйшихъ губерній; въ случаяхъ сомнѣнія мы ставили себѣ за правило принимать такіа пропорціи, которыя изъ всѣхъ допускаемыхъ здравымъ смысломъ наиболѣе выгодны для возвышенія выкупной цифры, и все-таки не могли вывести ее больше, какъ въ 49 руб. 5 коп. Послѣ этого не имѣемъ ли скорѣе мы право спросить: вѣроятны ли цифры, втрое и вчетверо превосходящія цифру, полученную нами?

И чѣмъ же мала наша цифра? Кажется, нельзя отвергать того,

что доходъ, доставляемый чисто крѣпостными отношеніями, безъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, выражается оброкомъ. Оброкъ въ двадцать пять руб. сер. съ тягла возможенъ только въ меньшей половинѣ Россіи; въ гораздо большей половинѣ онъ отъ двадцати руб. спускается до пятнадцати. Считая 33 тягла на 100 душъ, мы получаемъ при 25 рубляхъ оброка только 8 руб. 33 коп. съ души, при 20 руб. оброка только 6 руб. 66 коп. съ души, при 15 руб. оброка только 5 руб. съ души. Вотъ вамъ весь собственно крѣпостной доходъ. Если кто изъ владѣльцевъ получаетъ больше безъ произвольныхъ притѣсненій, онъ получаетъ этотъ излишекъ не какъ собственникъ крѣпостнаго права, а какъ антрепренёръ, не какъ помѣщикъ, а какъ заводчикъ, фабрикантъ, негоціантъ, какимъ останется и по выкупѣ крестьянъ. Беремъ же среднюю цифру собственно крѣпостнаго дохода, 6 руб. 66 коп. съ души, и замѣчаемъ, что онъ получается отъ всей крѣпостной земли, а лучшая половина этой земли и по выкупѣ останется за помѣщикомъ; стало быть, вовсе не будетъ обиды ему положить всю потерю его въ 3 рубля 33 коп. Эти 3 руб. 33 коп. дохода выкупаются по нашему разсчету 49 руб. 5 коп., — развѣ можно назвать невыгодной капитализацію по такому проценту? Вѣдь по $7\frac{1}{2}\%$ составлялось бы только 44 руб. 44 коп.; вѣдь по нашему разсчету капитализація выходитъ на основаніи менѣе, нежели 7% , а кто не знаетъ, что 7% уже выгодная цифра для капитализація земледѣльческихъ доходовъ?

Можно еще проще обсудить нашу цифру выкупа другимъ образомъ. Каждому извѣстно, что когда имѣніе заложено въ опекунскій совѣтъ, то уплата процентовъ беретъ болѣе половины валоваго дохода у помѣщика; во многихъ помѣстьяхъ она брала (по прежнему разсчету процентовъ на долги кредитныхъ учреждений) двѣ трети и даже три четверти валоваго дохода; наконецъ извѣстно, что часто помѣстья покупались съ прибавкою самой ничтожнѣйшей суммы къ переводу долга на покупателя; наконецъ извѣстно и то, что при аукціонной продажѣ за неуплату процентовъ, помѣщику приходилось получать изъ продажной цѣны, за вычетомъ опекунскаго долга, иной разъ какихъ нибудь по десяти рублей остатка съ души. Что же за цифра этотъ опекунскій долгъ, поглощающій почти всю цѣнность имѣнія? Что же за цифра эти проценты опекунскаго долга, поглощающіе большую часть доходовъ съ имѣнія? Опекунскій долгъ составляетъ не больше 80 рублей серебромъ на душу; проценты съ него по прежней высокой нормѣ (6%) составляли всего 4 рубля 80 копѣекъ съ души. Послѣ этого можно ли говорить, что низка оцѣнка, которая только половину крѣпостныхъ

земель, составляющихъ только часть всей цѣнности крѣпостнаго имѣнія, полагаетъ въ 49 рублей? Скорѣе надобно сказать, что эта оцѣнка выкупа слишкомъ высока.

Да и какъ не быть ей выше дѣйствительной средней цифры? вѣдь мы взяли за основаніе одну изъ богатѣйшихъ губерній и, выводя выкупную цифру, постоянно принимали такія пропорціи, которыя были выше дѣйствительныхъ, для возвышенія выкупной цифры. Угодно ли знать, къ чему пришли бы мы, если бы не увлекались желаніемъ возвысить выкупную цифру? Вотъ къ чему. Для Кіевской губерніи вывели мы выкупную цифру барщинныхъ помѣстій 39 руб. 24 коп. Не будемъ перевѣрять этого вывода, который уже основанъ на многихъ возвышеніяхъ пропорцій. Не будемъ вычитать изъ него тѣхъ лишнихъ увеличеній, которыя легко было бы открыть. Обратимъ вниманіе только на одну пропорцію между барщинными и оброчными помѣстьями. Оброкъ въ Кіевской губерніи почти совершенно неизвѣстенъ; почти всѣ имѣнія состоятъ на барщинѣ. Если мы положимъ на оброкъ одну двадцатую часть крѣпостныхъ крестьянъ Кіевской губерніи, мы все таки положимъ ихъ больше, нежели сколько ихъ въ дѣйствительности. Какое же вліяніе на общій выводъ будетъ имѣть эта пропорція?

1,900 душъ по 39 руб. 24 коп.	74,556 руб.
100 — — 63 — 67 —	6,867 —
Итого 2,000 —	81,423 —

Средній выкупъ за душу по этому итогу оказывается 40 руб. 71 коп.

Но Кіевская губернія—одна изъ богатѣйшихъ; разсчитывать по ней одной несправедливо. Надобно взять также одну изъ бѣдныхъ губерній, и для того обратимся къ цифрамъ, какія собраны г. Соловьевымъ для Смоленской губерніи. Цифры эти вотъ каковы.

Всего крѣпостной земли находится въ Смоленской губерніи 3,847,524 десятины. Средняя продажная цѣна земли 5 руб. 47 коп. Итого цѣнность всей земли 21,061,000 рублей. Общее число крѣпостныхъ душъ мужескаго пола 378,038. Раздѣляя на эту цифру цѣнность крѣпостной земли, получаемъ, что вся крѣпостная земля, какъ господская такъ и крестьянская, даетъ цѣнность 55 руб. 72 коп. на душу. Если половина ея отойдетъ къ освобождаемымъ крестьянамъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, на душу придется выкупъ въ этихъ имѣніяхъ 27 руб. 86 коп. Число оброчныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи чрезвычайно незначительно, навѣрное меньше одной десятой части всего числа ихъ. Но положимъ одну десятую часть, и положимъ по прежнему правилу, что одна восьмая часть

земли въ оброчныхъ имѣніяхъ останется за помѣщиками. Вычесть за эту восьмую часть составитъ 6 руб. 96 коп.; остается цѣнность выкупаемой земли на оброчную душу 48 руб. 76 копѣекъ. Выведемъ же теперь среднюю цифру выкупа для Смоленской губерніи.

900 душъ по 27 руб. 86 коп.	25,074 руб.
100 — — 48 — 76 —	4,876 —
Итого 1,000 —	29,950 —

Раздѣляя 29,950 рублей на 1,000 душъ, мы получаемъ среднюю выкупную цифру въ Смоленской губерніи 29 руб. 95 коп. за душу.

Теперь мы взяли одну богатую и одну бѣдную губернію. Выводъ, получаемый изъ соединенія обоихъ этихъ основаній, будетъ ближе къ дѣйствительной средней цифрѣ, нежели тотъ, какой былъ полученъ нами прежде на основаніи данныхъ одной только богатой губерніи. Выведемъ же среднюю цифру по двумъ губерніямъ.

Кіевская губернія	
504,431 душа по 40 руб. 71 коп.	20,535.386 р. 1 к.
Смоленская губернія	
378,038 душъ по 29 руб. 95 коп.	11,322,238 р. 10 к.
Итого 882,469 —	31,857,624 — 11 —

Раздѣляя 31,857,624 руб. 11 коп. на 882,469 душъ, мы получаемъ среднюю величину выкупной цѣны за душу 36 руб. 12 коп.

Первоначально полученная нами цифра 49 рублей 5 копѣекъ можетъ нравиться однимъ, можетъ не нравиться другимъ. Кому она нравится, тотъ можетъ успокоиться на ней; но кому она не нравится, тотъ можетъ знать, что всякое переизслѣдованіе съ цѣлью строжайшей провѣрки приведетъ только къ уменьшенію ея. Намъ она нравится, потому что она высшая цифра, какую только можно получить для выкупа со всѣми натяжками къ повышенію, которыя допускаются правдоподобіемъ, и отчасти даже съ такими, которыя превышаютъ правдоподобіе. Мы останавливаемся на ней, счастливые тѣмъ, если не будемъ принуждены возраженіями на нее провѣрять ее и черезъ провѣрку приходить къ величинѣ выкупа менѣе высокой.

49 рублей 5 коп. съ души даютъ въ итогѣ, какъ мы видѣли, около 531,940,000 рублей для выкупа всего крѣпостнаго на селенія Россіи съ надѣломъ землею, значительно увеличеннымъ противъ настоящаго.

Опредѣливъ цифру выкупа, надобно теперь заняться пріисканіемъ средствъ для уплаты найденной суммы его.

Сумма эта, мы уже замѣчали при первомъ взглядѣ на нее, вовсе негромадна по сравненію съ средствами, которыми можетъ распола-

гать Русская нація. Она едва ли превышаетъ двухлѣтній государственный доходъ Русской имперіи. Она едва ли превышаетъ пятилѣтній доходъ, какой будетъ приносить однавинная регалія по уничтоженіи откуповъ. Она едва ли составляетъ одну пятую часть годичнаго дохода, доставляемаго русскимъ сельскохозяйственнымъ производствомъ. Она едва ли составляетъ одну седьмую часть годичнаго дохода Русской націи. Съ такою суммою справиться легко.

А дѣло легкое можно сдѣлать всячески, какъ угодно. Поднять пятипудовую гирию есть только одно средство: взяться за нее обѣими руками; собрать всѣ силы организма для преодоленія громадной тяжести. Совсѣмъ не то, когда нужно перенести съ мѣста на мѣсто фунтовой разновѣсокъ, — тутъ поступайте какъ хотите, все таки перенесете: возьмите его въ обѣ руки, если вздумается, а не то возьмите одной правой рукой; пожалуй, можете взять и одной лѣвой, а не то легко поднимете его и однимъ пальцемъ.

Такъ и съ выкупной суммой, которую мы нашли: избирайте какой угодно путь для ея уплаты, все таки она уплатится легко и быстро. Кажется ли вамъ справедливымъ, чтобы вся нація равномерно участвовала въ уплатѣ этой суммы, — нація уплатитъ ее столь же мало обременяясь этимъ, какъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, которая требуетъ въдесять лѣтъ не меньшей суммы. Находите ли вы удобнымъ, чтобы главная масса уплаты шла съ одного бывшаго крѣпостнаго сословія, при небольшой только помощи отъ государства, и въ такомъ случаѣ уплата произойдетъ очень быстро и безъ всякаго чувствительнаго обремененія для платящихъ. Думаете ли вы наконецъ, что государство не можетъ принести этому дѣлу никакихъ денежныхъ пожертвованій и должно предоставить освобождаемымъ крестьянамъ произвести уплату исключительно ихъ собственными средствами, — и въ этомъ случаѣ крестьяне заплатятъ все довольно быстро и довольно легко. И такъ можете выбирать любой изъ трехъ путей, и пожалуй, можно здѣсь же представить хоть по одному способу для производства выкупа каждымъ изъ этихъ трехъ путей. Въ легкомъ дѣлѣ легко давать совѣты, и каждый изъ нихъ удобоисполнимъ.

ПЕРВЫЙ ПУТЬ.

Выкупъ исключительно средствами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ.

Согласно съ единодушнымъ желаніемъ всѣхъ помѣщиковъ, немедленно прекращаются всякія прямыя отношенія между ними и

крестьянами. Крестьяне отошедшіе отъ помѣщиковъ не платятъ имъ прямо въ руки ровпо ничего, а вмѣсто того облагаются государственнымъ податью, подобно государственнымъ крестьянамъ. До сихъ поръ они платили государству почти тремя рублями съ души меньше, нежели государственные крестьяне. Теперь они сравниваются по государственнымъ податямъ съ государственными крестьянами. Этотъ излишекъ (3 рубля съ души) употребляется на уплату выкупа помѣщикамъ чрезъ посредство казны. Подати вносятся въ государственное казначейство; изъ нихъ по 3 рубля съ души отчисляется въ особенную сумму, которая и употребляется на уплату помѣщикамъ.

Помѣщикамъ выдаются облигаціи; каждому помѣщику одна на всю слѣдующую ему сумму выкупа, если эта сумма не превышаетъ 100,000 рублей серебромъ; если же сумма, слѣдующая одному помѣщику, больше 100,000 рублей, она дѣлится на соразмѣрное число облигацій, каждая величиною отъ 50,000 до 100,000 рублей серебромъ. Эти облигаціи приносятъ доходъ равный тому, какъ билеты государственныхъ кредитныхъ учрежденій, то есть 3 процента въ годъ.

Говорятъ о томъ, что облигаціи выкупа переполняютъ рынокъ кредитными знаками. Въ томъ видѣ, какой предлагается здѣсь, онѣ не могутъ имѣть никакого дѣйствія на бумажные деньги, потому что огромностью своей величины совершенно отличаются отъ нихъ и не могутъ соперничать съ ними въ ежедневномъ обращеніи. Облигація въ 10,000, 20,000, 90,000 рублей серебромъ не можетъ служить средствомъ покупки чая, сахара, платья, расплаты за квартиру и тому подобное. Она переходитъ изъ рукъ въ руки только въ такихъ случаяхъ, когда изъ рукъ въ руки переходитъ домъ, фабрика, участокъ земли, то есть только тогда, когда извѣстный человѣкъ, ею владѣющій, хочетъ ликвидировать свое имущество, или, вмѣсто одного рода жизни и одного рода занятій, избираетъ совершенно другую экономическую карьеру. Изъ такихъ облигацій, имѣющихъ неподвижность почти недвижимаго имущества, будетъ состоять почти вся масса выкупныхъ облигацій. Въ самомъ дѣлѣ, владѣльцамъ мелкопомѣстнымъ, имѣющимъ менѣе 21 души, принадлежитъ всего только 385,000 душъ и выкупныхъ облигацій пришлось бы получить имъ менѣе, нежели на 20,000,000 рублей. Только часть этихъ облигацій, имѣющихъ величину отъ 40 рублей до 1600 рублей, именно облигаціи въ 40—500 рублей, составляющія сумму вѣроятно менѣе 10,000,000 рублей, и могли бы имѣть сходство съ бумажными деньгами; да и тѣ были бы выкуплены въ теченіи перваго же года, или лучше сказать тотчасъ по выдачѣ, такъ что и не попали бы въ об-

ращеніе. За тѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ отъ 21 до 100 душъ, принадлежатъ около 1,500,000 крестьянъ. Эти помѣщики получили бы облигаціи, величиною примѣрно отъ 800 рублей до 8,000 рублей. Число такихъ владѣльцевъ, а слѣдовательно и число облигацій, было бы съ небольшимъ 35,000. Облигаціи въ 1,000 рублей движутся уже очень медленно, облигація въ 5,000 рублей имѣетъ рѣшительную склонность лежать неподвижно. Весь итогъ этого разряда облигацій составлялъ бы цѣнность менѣе 75,000,000 рублей; если бы онъ весь вмѣстѣ съ предъидущимъ разрядомъ могъ быть соперникомъ бумажныхъ денегъ, и тогда эти облигаціи, по незначительности своей суммы (менѣе 95,000,000 рублей серебромъ), не могли бы имѣть никакого вліянія на цѣнность бумажныхъ денегъ; присутствіе ихъ на рынкѣ не было бы чувствительно. А между тѣмъ уже и изъ этихъ облигацій три четверти не могли бы служить торговымъ средствомъ обмѣна и походили бы на недвижимое имущество. За тѣмъ осталъная масса выкупныхъ облигацій, на сумму около 435,000,000 р., была бы выдана помѣщикамъ имѣющимъ болѣе 100 душъ. Изъ нихъ самая маленькая была бы около 4000 рублей. Какое же въ нихъ средство размѣна? Въ томъ числѣ помѣщикамъ, имѣющимъ болѣе 500 душъ, было бы выдано облигацій на сумму болѣе 250,000,000 р. и самая маленькая изъ этихъ облигацій была бы не менѣе 20,000 р. с. (*) Такія облигаціи уже рѣшительно обречены, своею огромною величиною, лежать въ сундукахъ по нѣскольку лѣтъ, не показываясь на рынокъ; владѣльцу такой облигаціи разстаться съ ней также трудно, какъ разстаться съ трехэтажнымъ каменнымъ домомъ. Представимъ для легчайшаго соображенія примѣрную таблицу величины предлагаемыхъ облигацій.

Въ этой таблицѣ, по соображенію изложенному нами въ статьѣ «О необходимости умѣренныхъ цѣнъ выкупа», мы считаемъ умелко-помѣстныхъ владѣльцевъ нѣсколько меньшее количество душъ, нежели какое оказывается въ таблицахъ, составленныхъ по губерніямъ, потому что часто владѣлецъ, имѣющій маленькую деревеньку въ одной губерніи, имѣетъ другую, гораздо большую, въ другой губерніи. Точно также мы нѣсколько уменьшаемъ количество крестьянъ

(*) Мы говоримъ, что за выкупъ 100 душъ, въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ могли бы быть облигаціи не болѣе 4,000 р., а за выкупъ 300 душъ не болѣе 20,000 р.; потому что, разумѣется, цѣны выкупа въ разныхъ помѣстьяхъ были бы различны, смотря по цѣнности выкупаемой земли. И, для примѣра, мы полагаемъ, что были бы помѣстья, въ которыхъ приходилось бы выкупа на душу не болѣе 40 р. с., за то въ другихъ, выкупъ доходилъ бы до 70 или 80 р. на душу. Въ такомъ помѣстьи за 100 душъ выдавалась бы облигація въ 7,000 р. или въ 8,000 р.

яны у владѣльцевъ разряда отъ 21 до 100 душъ, и разряда отъ 101 до 500 душъ. Въ самомъ дѣлѣ, если помѣщикъ имѣетъ 60 душъ въ одной губерніи и 70 въ другой, онъ оказывается имѣющимъ уже 130 душъ, и его крестьянъ надобно перенести изъ втораго разряда (21 — 100 душъ) въ третій (болѣе 100 душъ). Эти, вычитаемыя изъ первыхъ разрядовъ, количества мы переносимъ въ слѣдующіе разряды, чтобы нѣсколько приблизить цифры распредѣленія крестьянъ между помѣщиками къ дѣйствительной пропорціи въ счетъ по цѣлой имперіи. Наконецъ замѣтимъ, что мы беремъ круглыя числа, потому что настоящая таблица, только примѣрная, служитъ единственно для облегченія соображенія.

Разряды владѣльцевъ.	Число при- надлежа- щихъ имъ душъ (при- мѣрно).	Сумма всѣхъ вы- дающихся облига- цій (примѣрно).	Величина каждой об- лигаціи (примѣрно).
1— 20 душъ.	375,000	18,500,000 р.	40— 1,600 р.
21— 100 »	1,500,000	73,500,000 »	840— 8,000 »
101— 500 »	3,600,000	175,000,000 »	4,040— 40,000 »
501—1000 »	1,500,000	73,500,000 »	20,040— 80,000 »
1001 и болѣе.	3,900,000	191,500,000 »	40,040—100,000 »

Выкупныя облигаціи принимаются подобно билетамъ кредитныхъ учреждений въ залогъ по торгамъ и поставкамъ. Право это дается облигаціямъ только потому, что нѣтъ для казны основаній поступать иначе, а вовсе не потому, чтобы для предохраненія облигацій отъ упадка въ цѣнѣ особенно нужно было такое право. Цѣна облигацій уже достаточно обезпечена идущими на нихъ процентами и довольно быстрымъ выкупомъ ихъ по тиражу.

А выкупъ облигацій производится довольно быстро. Мы принимаемъ для него слѣдующія основанія.

Тиражъ производится по крайней мѣрѣ три раза въ годъ, если показалось бы слишкомъ хлопотливо производить его чаще, напри-
мѣръ, каждый мѣсяцъ (*).

(*) Чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ успѣшнѣе идетъ выкупъ. Во первыхъ, если, напри-
мѣръ, тиражъ производится три раза въ годъ, то на облигаціи, выпутыя 1-го мая, идутъ проценты только за 4 мѣсяца, а на облигаціи, выпутыя 1-го сентября, идутъ проценты только за 8 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ на тѣ и дру-
гіе пришлось бы платить проценты за цѣлый годъ, еслибъ не было тиража въ маѣ
и сентябрѣ и облигаціи пролежали бы до января. Черезъ это нѣсколько умень-
шается масса денегъ, поглощаемая процентами, и остается больше денегъ на
погашеніе капитала. Во вторыхъ, чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ ближе
для каждой остающейся облигаціи шансъ попасть къ выкупу въ слѣдующій
тиражъ, слѣдовательно тѣмъ прочнѣе поддерживается цѣнность облигацій. Мы

Тиражъ производится для цѣлой имперіи въ одномъ пунктѣ, или въ Петербургѣ, или въ Москвѣ.

Онъ производится, конечно, чрезъ посредство одного изъ кредитныхъ учреждений. Суммы, отдѣляемыя изъ податей для выкупной операціи, передаются государственнымъ казначействомъ въ кредитное учрежденіе, производящее тиражъ.

Но для удобства владѣтелей облигацій, проценты по облигаціямъ и деньги за вынутыя облигаціи выдаются предъявителю облигаціи, какъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи, гдѣ сосредоточена выкупная операція, такъ и въ приказѣ общественнаго призрѣнія той губерніи, гдѣ находится помѣстье, по которому получается выкупъ.

Каждая облигація нераздѣльна. Уплата за нее не можетъ быть производима по частямъ, а непремѣнно только за всю сполна. Это условіе нужно для того, чтобы сохранить облигаціямъ характеръ, отличающій ихъ отъ кредитныхъ билетовъ, серій и билетовъ кредитныхъ учреждений. Именно своей огромностью онѣ удерживаются отъ соперничества съ бумажными деньгами. Поэтому можно поставить условіемъ, что облигація съ подписью въ полученіи какой либо части ея цѣнности считается уже недействительною и лишается права на уплату.

Таковы могли бы быть главныя основанія выкупной операціи. При отдѣленіи на нее 3 руб. сер. съ освобожденной души и при производствѣ тиражей по третямъ года, весь выкупъ оканчивался бы въ 67 тиражей, то есть въ теченіи 22 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ.

Для освобождаемыхъ крестьянъ такой способъ выкупа былъ бы вѣроятно необременителенъ. По крайней мѣрѣ навѣрное можно сказать, что обремененіе ни мало не замѣчалось бы ими: они съ перваго же мѣсяца по освобожденіи были бы поставлены относительно податей совершенно въ такое же положеніе, какъ государственные крестьяне.

Но само собою разумѣется, что вѣрность выкупа обуславливается исправнымъ взносомъ подати, идущей на выкупъ, а для этой исправности главнымъ условіемъ служить то, чтобы хозяйство крестьянъ не подвергалось разстройству. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть понята людьми, не принадлежащими къ крестьянскому сословію, вся важность вопроса о перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ. Еще больше нежели изъ любви къ крестьянамъ, для выгоды са-

---

даже предполагаемъ, что при очень частыхъ тиражахъ, напримѣръ при двухмѣсячныхъ или ежемѣсячныхъ, можно было бы облигаціямъ довольствоваться меньшимъ процентомъ противъ билетовъ кредитныхъ учреждений и все-таки удержаться въ цѣнѣ.

нихъ помѣщиковъ, для обезпеченія имъ вѣрвой уплаты выкупа, надобно желать, чтобы перенесеніе крестьянскихъ усадебъ ни въ какомъ случаѣ не было поставляемо дѣломъ принудительнымъ. Если самъ крестьянинъ, если сама деревня захочетъ переселиться съ прежняго мѣста на другое, пусть переселяются; тогда переселеніе будетъ совершаться только въ такихъ случаяхъ, когда у крестьянъ есть на то достаточныя средства и хозяйство ихъ не разстроивается отъ перенесенія усадебъ. Въ противномъ же случаѣ, при переселеніи принудительномъ, не будетъ ни числа разстроившимся отъ переселенія крестьянскимъ хозяйствамъ, ни мѣры разстройству, до какого дойдутъ ихъ хозяйственныя дѣла, и тогда недоимки въ податяхъ окажутся громадными, а оттого въ чрезвычайно значительной степени замедлится весь ходъ выкупной операціи. Мы полагаемъ со временемъ подробнѣе рассмотреть вопросъ о перенесеніи усадебъ и тогда надѣемся вполне раскрыть, какъ разорительно для самихъ помѣщиковъ было бы принуденное переселеніе крестьянъ, о чемъ говоримъ теперь только мимоходомъ. Впрочемъ для каждаго читателя, привыкшаго къ здоровымъ экономическимъ соображеніямъ, дѣло это ясно само собою.

Способъ выкупа, изложенный нами, не показался бы обременительнымъ для крестьянъ. На первый взглядъ онъ представляется самымъ лучшимъ и для государственной казны. Она не жертвуетъ на выкупъ ни одной копѣйки. Самая операція происходитъ такъ просто, что не требуется почти никакихъ расходовъ по заведыванію ею. Для уѣзднаго казначея совершенно все равно — принять ли отъ освобождаемой деревни, имѣющей 100 душъ, 200 рублей подати, какъ принимаетъ онъ теперь, или 500 рублей, какъ будетъ принимать тогда. Произвести въ одномъ центральномъ пунктѣ три раза въ годъ тиражъ, — не представить ровно никакого обремененія для администраціи этого кредитнаго учрежденія. Производить уплату процентовъ по какимъ нибудь 85,000 облигаціямъ, въ первые 2 — 3 года, также составитъ вовсе неважное обремененіе для чиновниковъ кредитныхъ заведеній, потому что число кредитныхъ бумагъ, по которымъ производить они уплату, считается сотнями тысячъ, и прибавка 85,000 нумеровъ не увеличитъ ихъ хлопотъ чувствительнымъ образомъ. А черезъ два—три года всѣ мелкія облигаціи будутъ уже выкуплены и останется всего какихъ нибудь 20,000 крупныхъ облигацій. Словомъ сказать, дѣло такъ просто и легко, что намъ кажется ненужнымъ учреждать для него никакихъ новыхъ банковъ. Центральнымъ мѣстомъ выкупной операціи могъ бы служить государственный заемный банкъ или московскій опекунскій совѣтъ; а губернскими конторами служили бы приказы общества :наго призрѣнія.

Все это такъ, совершенно такъ. Ни для уѣздной и губернской администраціи министерства финансовъ, ни для чиновниковъ самаго министерства, ни для кредитныхъ учреждений, выкупная операція не была бы ни мало обременительна; не потребовала бы она ни одного новаго учрежденія, а развѣ только назначенія двухъ, трехъ новыхъ экспедиторовъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи и одного новаго столоначальника или контролера въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ. Но нѣкоторые замѣчаютъ въ способѣ, нами изложенномъ, одно очень важное затрудненіе для государства. Это затрудненіе не бросается въ глаза съ перваго взгляда, потому что состоитъ не въ какихъ нибудь расходахъ и не въ надобности устроить какія нибудь новыя административныя мѣста; но во мнѣніи нѣкоторыхъ проникательнѣйшихъ людей оно кажется для государства обременительнѣе, нежели было бы пожертвованіе цѣлыми десятками милліоновъ. Обратимъ вниманіе на срокъ выкупа. Онъ растягивается на цѣлыхъ 22 года. Во все это время освобожденные крестьяне должны платить извѣстную подать, величина которой не подлежитъ уже уменьшеніямъ. А пока одна половина крестьянскаго сословія будетъ платить по 5 руб. съ души, надобно будетъ, конечно, оставлять въ такомъ же положеніи и другую часть крестьянъ. Такимъ образомъ слишкомъ на 20 лѣтъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, у правительства будутъ связаны руки въ вопросѣ о преобразованіи одной изъ главныхъ частей нашего финансоваго устройства, и притомъ именно такой части, которой наиболѣе полезны были бы улучшенія. Прежняя подушная подать, обратившись въ поземельный налогъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, не освободилась еще отъ одного изъ своихъ прежнихъ неудобствъ. Она еще не достигла соразмѣрности съ требованіями финансовой науки. Она часто разстроиваетъ хозяйство податнаго сословія, и потому невыгодно дѣйствуетъ на развитіе сельскаго хозяйства. Продолжительный срокъ выкупной операціи былъ бы дѣйствительно вреденъ для государства, еслибы сталъ представляться затрудненіемъ для задуманныхъ правительствомъ преобразованій въ распредѣленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, въ измѣненіи основаній, съ которыхъ они взимаются.

Но это затрудненіе болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Предположимъ, что въ извѣстномъ государствѣ получается 250,000,000 дохода, что изъ нихъ 80 доставляются однимъ извѣстнымъ налогомъ; предположимъ, что изъ доставляемой этимъ налогомъ суммы, на какое нибудь особенное употребленіе въ продолженіи извѣстнаго срока предназначены 30,000,000: можетъ ли въ сущности это послѣднее обстоятельство помѣшать преобразованію системы налоговъ

и податей? Развѣ сущность дѣла въ томъ, что извѣстные 30,000,000 получаютъ именно изъ такого, а не изъ другого источника? Вовсе нѣтъ, сущность въ томъ, что на одинъ извѣстный спеціальный предметъ нужно 30,000,000, а на всѣ другіе предметы расхода еще 220,000,000. И такъ, лишь бы съ преобразованиемъ системы налоговъ и податей по прежнему получалось государствомъ 250,000,000, ни одинъ изъ предметовъ расхода не пострадаетъ; не пострадаетъ между прочимъ и тотъ предметъ, на который опредѣлялось прежде 30,000,000: всѣ остальные расходы будутъ по прежнему удовлетворены прежнею суммою 220,000,000 и по прежнему будетъ оставаться 30,000,000 на особенный предметъ срочнаго расхода, хотя бы этотъ излишекъ началъ доставляться и не тѣмъ источникомъ, какимъ доставлялся прежде.

И такъ, для государства изложенный нами способъ выкупа быть бы тяжелъ только тогда, еслибы послужилъ предлогомъ къ возраженіямъ противъ преобразованій финансовой системы; но мы полагаемъ, что это неудобство только мнимое, что серьезнымъ препятствіемъ къ преобразованію поземельнаго налога и подушнаго оклада онъ быть не можетъ. Со всѣхъ другихъ сторонъ для государства онъ совершенно легокъ, не требуя ни расходовъ по завѣдыванію выкупною операціею, ни копѣйки прямыхъ пожертвованій на выкупъ. Для освобожденныхъ крестьянъ будетъ представляться онъ совершенно удовлетворительнымъ. Остается теперь взглянуть — благоприятна ли продолжительность его срока для помѣщиковъ.

Ждать выкупа 10 или 15 лѣтъ, а нѣкоторымъ ждать даже 22 года, — это можетъ казаться обстоятельствомъ не совсѣмъ удобнымъ. Надобно ближе вникнуть въ самыя подробности очереди для облигацій разныхъ разрядовъ, чтобы видѣть, для многихъ ли лицъ будетъ существовать это неудобство.

Въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ, мы уже излагали, какой порядокъ очереди тиража для разныхъ категорій помѣщиковъ представляется удобнѣйшимъ и одобряется безпристрастными людьми. Они говорятъ, что выкупъ надобно пачинать мелкими облигаціями мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и только постепенно, когда выкуплены малыя облигаціи, переходить къ тиражу крупныхъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя совершенно исключать отъ участія, даже въ самыхъ первыхъ тиражахъ, и крупныя облигаціи, потому что шансами тиража держится ихъ цѣна. Мы полагали бы при каждомъ тиражѣ половину погашенія употреблять на тѣ облигаціи, разрядъ которыхъ состоитъ на очереди, а другую половину на облигаціи всѣхъ высшихъ разрядовъ, безъ различія. При той величинѣ выкупныхъ средствъ и процента на облигаціи, какую мы приняли, въ первые

тиражи на погашеніе капитала можно было бы употреблять по 18,000,000 руб. въ годъ, то есть по 6,000,000 руб. на каждый тиражъ (*); изъ нихъ 3,000,000 пойдутъ на облигаціи мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, а другіе 3,000,000 на облигаціи болѣе крупныя. Такимъ образомъ выкупъ мелкопомѣстныхъ облигацій займетъ 6 тиражей, то есть два года. Затѣмъ, по той же пропорціи, выкупъ облигацій по помѣстьямъ отъ 21 до 100 душъ займетъ около семи лѣтъ. Въ теченіе этихъ девяти лѣтъ будетъ выкуплено также болѣе 80,000,000 руб. облигацій высшихъ разрядовъ, то есть четвертая часть помѣщиковъ, имѣвшихъ болѣе 100 душъ, получить удовлетвореніе въ первые девять лѣтъ. Большинству этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ придется ждать гораздо долѣе, среднимъ числомъ по пятнадцати и по восемнадцати лѣтъ. Такое долгое ожиданіе для нихъ вѣроятно покажется скучнымъ, и потому они вѣроятно будутъ желать, чтобы избранъ былъ другой путь выкупа, болѣе быстрый. Число помѣщиковъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, невелико. Таблицы составленныя по губерніямъ насчитываютъ 3,917 такихъ владѣльцевъ; но въ это число очень многіе изъ нихъ внесены по 3, по 4 и болѣе разъ, по своимъ помѣстьямъ въ разныхъ губерніяхъ; оттого нельзя полагать, чтобы въ дѣйствительности находилось ихъ болѣе 2,500. Притомъ стѣсненіе отъ продолжительнаго ожиданія для нихъ могло бы скорѣе только казаться непріятностью, нежели быть дѣйствительнымъ затрудненіемъ въ денежныхъ дѣлахъ: они пользуются кредитомъ, какъ люди богатые. Наконецъ замѣтимъ, что выкупныя облигаціи никакъ не могутъ упасть въ цѣнѣ, если выкупная операція будетъ вестись правильно (**), слѣдовательно крупныя облигаціи всегда могутъ быть размѣнены своими владѣльцами на наличныя деньги у банкировъ, черезъ биржевыхъ маклеровъ и другихъ

(*) 3 рубля съ души въ годъ даютъ по 1 рублю для каждой трети, то есть, для каждого тиража. И такъ на каждую треть будетъ приходится выкупныхъ средствъ 10,844,902 руб. (по числу душъ платящихъ выкупную подать); изъ нихъ 5,319,400 руб. будутъ употреблены на уплату процентовъ за первую треть (три процента въ годъ даютъ одинъ процентъ въ треть; а сумма выкупнаго капитала найдена нами 531,940,0⁰0 руб.). За этимъ вычетомъ остается свободныхъ денегъ въ первую треть всего только 5,525,502 руб. Но послѣ каждого тиража, съ уменьшеніемъ числа невыкупленныхъ облигацій, уменьшается и сумма процентовъ, а на выкупъ остается все больше и больше денегъ; стало быть, съ каждымъ тиражемъ быстро уменьшается затрата денегъ впередъ, при первомъ тиражѣ равнявшаяся 473,000 рублямъ. При годовичномъ оборотѣ выкупной операціи въ 32,500,000 р., затратить впередъ на годъ 1, 2 или даже 3 милліона, — дѣло не представляющее ни малѣйшихъ затрудненій, какъ извѣстно всѣмъ финансовымъ людямъ.

(**) Главное условіе правильности ея мы уже замѣчали: оно состоитъ въ томъ, чтобы крестьянскія хозяйства не подверглись разстройству.

посредниковъ оптовой торговли. Такимъ образомъ продолжительность ожиданія для этихъ лицъ не могла бы служить серьезнымъ поводомъ къ недовольству. Не таково положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ до 20 или даже до 50 душъ. Кредита они не имѣютъ, до столицъ и портовыхъ городовъ съ биржами, банками и маклерами имъ далеко; потому хотя имъ ждать и не такъ долго, но они дѣйствительно могутъ быть приведены въ затрудненіе. Впрочемъ, выручить ихъ изъ него легко, потому что всѣ ихъ облигаціи навѣрное не составятъ и 50,000,000 руб. Ссуда такихъ денегъ, возвращающихся черезъ тиражъ (среднею цифрою) въ два года и шесть мѣсяцевъ, не составитъ важнаго дѣла для нашихъ кредитныхъ учрежденій, годичный оборотъ которыхъ простирается до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ.

Изъ этого видимъ, что нѣтъ серьезной причины признавать неудобнымъ для помѣщиковъ изложенный нами путь выкупа. Крестьяне дѣйствительно могутъ исключительно своими силами выкупить землю, при найденной нами цифрѣ выкупа. Но сокращеніе срока выкупа можетъ казаться привлекательнымъ для помѣщиковъ. Если бы правительство нашло удобнымъ исполнить въ этомъ отношеніи, то есть въ возможномъ сокращеніи продолжительности выкупной операціи, желаніе владѣльцевъ, то оно приняло бы на счетъ цѣлой націи часть уплаты. Такимъ образомъ мы должны разсмотрѣть

ВТОРОЙ ПУТЬ.

Выкупъ соединенными средствами освобождаемыхъ крестьянъ и всего населенія имперіи.

Степень денежнаго участія, принимаемаго цѣлою націею въ уплатѣ выкупа, конечно, можетъ, быть чрезвычайно различна. Нація можетъ принять на себя одну сотую, можетъ принять на себя девяносто девять сотыхъ платежа. Изъ этихъ безчисленныхъ степеней мы возьмемъ для примѣра одну. Положимъ, что правительство нашло бы возможнымъ принять на государственныя средства одну третью часть уплаты за выкупъ земли.

Какова бы ни была величина доли, принимаемой на себя націею въ уплатѣ капитала, масса котораго погашается разсроченными взносами, во всякомъ случаѣ представляется вопросъ о томъ, какой изъ двухъ способовъ вспоможенія предпочтительнѣе въ интересахъ самаго правительства: немедленное ли, одновременное вспоможеніе значительною суммою, или также разсроченное вспоможеніе менѣе значительными взносами.

Положимъ, напримѣръ, что капиталъ въ 400 милліоновъ, дающій 3%, погашается ежегодными взносами отъ извѣстнаго сословія. Положимъ, что денежныя средства этого сословія не дозволяютъ ему вносить въ годъ болѣе 16,000,000 руб. При такомъ взносѣ (16,000,000), капиталъ выкупается годичными тиражами въ 46,891 (*) лѣтъ. Всего въ эти годы будетъ внесено должниками

$$(16 \text{ м.} \times 46,891) = 750,260,000 \text{ р.}$$

Обремененіе для должниковъ тутъ очевидное: на проценты уйдеть съ нихъ болѣе 350,000,000, то есть на каждый рубль капитала уйдеть 88 коп. лишнихъ денегъ. Невыгоденъ такой порядокъ уплаты и кредиторамъ, потому что имъ приходится ждать слишкомъ долго.

Если ни сумма капитала, ни величина процентовъ не можетъ быть понижена, остается одно средство облегчить и должниковъ и кредиторовъ: нація можетъ дать помощь должникамъ, и тогда ихъ бремя уменьшится, а уплата долга пойдетъ скорѣе. Теперь, положимъ, что правительство находитъ возможнымъ облегчить это дѣло принятіемъ на себя одной пятой части платежа. Спрашивается, что будетъ менѣе обременительно для правительства, то есть, для націи: производить ли ежегодную прибавку въ 4,000,000 р. къ ежегодному взносу должниковъ (тогда весь взносъ повысится до 20 милл., и 4 милл., которыми въ немъ участвуетъ правительство, составятъ одну пятую часть его), или оказать единовременную помощь непосредственно уплатою 80 милл. рублей (т. е. одной пятой части капитала)?

Человѣку, незнакому съ финансовыми разсчетами, можетъ показаться, что для правительства менѣе обременителенъ первый способъ, при которомъ пособіе производится ежегоднымъ взносомъ малыхъ суммъ; но въ сущности вовсе не то.

Если правительство будетъ ежегодно давать 4 милл., то ежегоднымъ взносомъ, увеличившимся до 20 милл., капиталъ будетъ уплаченъ въ 30,99 лѣтъ; въ это время будетъ всего (капиталъ и проценты) переплачено 619,800,000 р.; изъ нихъ пятая часть (каждый годъ изъ 20 милл. 4 милл.), то есть 123,960,000 р. будетъ уплачено правительствомъ. Съ этою суммою должны мы сравнивать разные случаи помощи единовременнымъ пособіемъ.

Первый случай былъ бы тогда, если бы правительство имѣло возможность единовременно уплатить 80 милл. изъ наличныхъ денегъ, безъ займа; тогда останется къ уплатѣ силами исключительно однихъ должниковъ 320,000,000 капитала, и ежегоднымъ взносомъ 16 милл.

(*) Значеніе десятичныхъ дробей при опредѣленіи продолжительности выкупа объяснено въ статьѣ «О необходимости умѣренныхъ цѣнъ.»

отъ должниковъ эта сумма будетъ уплачена также въ 30,99 лѣтъ, какъ и при первомъ способѣ вспоможенія, и съ должниковъ сойдеть въ эти годы 495,840,000 р., то есть ровно столько же, какъ и при другомъ способѣ.

Итакъ, для должниковъ рѣшительно все равно, какимъ образомъ дается имъ помощь — единовременнымъ большимъ или ежегоднымъ малыми пособиями. Для кредиторовъ первый способъ предпочтительнѣе, потому что они за одинъ разъ и въ самомъ началѣ выкупной операціи получаютъ при немъ ту принимаемую на себя націю долю выкупа, которая при другомъ способѣ выплачивалась бы постепенно во все продолженіе выкупной операціи. Наконецъ для правительства также первый способъ (единовременный большой взносъ) гораздо менѣе убыточенъ, нежели вспоможеніе малыми ежегодными частями. На 80 милл. сберегаются этимъ способомъ правительству 43,960,000 р. сравнительно съ пожертвованіями, какихъ требовали бы ежегодныя пособия.

Но мы дѣлали выводъ въ томъ предположеніи, что правительство выдаетъ единовременно деньги, которыми свободно располагаетъ, не прибѣгая къ займу для уплаты единовременнаго большаго вспоможенія. Спрашивается теперь, до какой степени выгодно будетъ правительству заключить заемъ для такой операціи?

Когда бы проценты займа были ниже процентовъ по облигаціямъ, само собою разумѣется, тутъ была бы выгода, хотя бы даже всю выдаваемую сумму пришлось занять. Напримѣръ, если бы заемъ (напримѣръ, у кредитныхъ учрежденій) былъ сдѣланъ по $1\frac{1}{2}\%$, онъ (при величинѣ 80 милл.) уплачивался бы ежегодными взносами 4 милл. въ 23,941 года и всего пошло бы на уплату его съ процентами 95,764,000 р., то есть облегченіе для казны было бы 28,196,000 р. (*).

Если бы процентъ займа былъ равенъ проценту облигацій, тогда правительство имѣло бы выгоду, если бы могло хотя самую ничтожную часть вспомогательной суммы выдать изъ наличныхъ денегъ, на которыя не считались бы проценты. Напримѣръ, если бы хотя 1,000,000 р. былъ взятъ изъ наличныхъ денегъ, остальные 79,000,000 р. занятые по 3% уплачивались бы (ежегоднымъ взносомъ 4,000,000 р.) въ 30,364 года и пожертвованіе облегчалось бы на 1,504,000 р. (**).

Наконецъ, если заемъ сдѣланъ по проценту вышшему, нежели облигаціи, то можно поставить общимъ правиломъ, что единовремен-

(*) 123,960,000 за вычетомъ 95,764,000 р.

(**) $30,364 \times \text{на } 4 \text{ м.} = 121,456,000 + 1,000,000 = 122,456,000 \text{ р.}$

ное вспомошествованіе бывастъ гораздо легче ежегодныхъ пособій тогда, когда посредствомъ займа получается только такая часть вспомошествованія, сумма процентовъ на которую или меньше или хотя равна суммѣ процентовъ со всего вспомогательнаго капитала. Напримѣръ, на 80 м. по 3% приходится 2,400,000 р. %. Потому при займѣ въ 4% было бы очень выгодно занять 60 м., только 20 м. жертвуя свободными деньгами; при займѣ въ 5%—занять 48 м., только 32 м. жертвуя наличными деньгами и т. д. Тутъ разсчеты были бы слѣдующіе:

1) При 4% заемъ въ 60 м. ежегодными взносами 4 миллионѣвъ погашается въ 23, 369 лѣтъ; сумма годичныхъ уплатъ 93,476,000 р. сбереженіе 10,484,000 р. (*).

2) При 5% заемъ въ 48,000,000 тѣмъ же взносомъ погашается въ 18,789 лѣтъ; сумма взносовъ 75,156,000 р.; облегченіе 16,804,000 рублей. (**).

3) При 6% заемъ 40 м. (6% 2,400,000) погашается въ 15,000 лѣтъ; сумма взносовъ 60 м., облегченіе 23,960,000 р. (***).

Сличая эти выводы, мы видимъ, что чѣмъ значительнѣе часть единовременнаго вспоможенія, дающаяся изъ свободныхъ денегъ, тѣмъ больше облегченіе.

Кончивъ эти объясненія, возвращаемся къ вопросу о выкупѣ силами освобождаемыхъ крестьянъ съ пособиемъ отъ націи.

Мы положили примѣрно, что это пособие можетъ равняться одной третьей части всего выкупа.

Мы видѣли, что единовременное вспомошествованіе менѣе убыточно для государства, нежели вспоможеніе ежегодными пособиями. Оно также выгоднѣе и для помѣщиковъ, именно въ интересѣ которыхъ и оказывается желательнымъ пособие отъ государства.

Итакъ, предположимъ, что государство приняло бы на себя 176,940,000 р., то есть, третью часть всего выкупаемаго капитала. Оставалось бы уплатить крестьянамъ своими силами 355,000,000 р. При ежегодной подати въ 3 р. сер. (съ 10,844,902 душъ 32,534,706 р. въ годъ) этотъ капиталъ выкупался бы въ 39 тиражей или въ 13 лѣтъ.

Для помѣщиковъ было бы тутъ значительное удобство передъ

(*) 93,476,000 р. и 20,000,000 р., уплаченные изъ свободныхъ денегъ, составляютъ 113,476,000 р., вотъ весь расходъ правительства. Эту сумму надобно вычесть изъ 123,960,000 р., которые оно израсходовало бы, предпочитая ежегодныя пособия единовременному.

(**) 75,156,000 + 32,000,000 = 107,156,000 р. Вычитаемъ эту сумму изъ 123,960,000 р.

(***) 60 м. + 40 м. (которые даны изъ свободныхъ денегъ) = 100 м.

первымъ путемъ выкупа силами однихъ крестьянъ безъ пособія правительства.

Во первыхъ, немедленно была бы произведена уплата всѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ менѣе 100 душъ, и затѣмъ оставалось бы изъ пособія государства еще 80 или болѣе миллионѣвъ для уплаты другимъ помѣщикамъ. Изъ этихъ денегъ вѣроятно могли бы быть уплачены весь выкупъ владѣльцевъ до 200 или даже 250 душъ.

Хотя при такомъ размѣрѣ немедленной уплаты оставалось бы ждать очереди выкупа по тиражу только такимъ людямъ, для которыхъ ожиданіе незатруднительно, но и для нихъ срокъ ожиданія чрезвычайно сильно сократился бы сравнительно съ выкупомъ по первому пути. Тогда средній срокъ ожиданія для владѣльцевъ помѣстій болѣе 500 душъ былъ бы около 15 лѣтъ; теперь онъ былъ бы всего только около 7 лѣтъ, то есть, сократился бы слишкомъ вдвое.

Но гдѣ же средства для государства заплатить вдругъ около 177 миллионѣвъ рублѣй? Отвѣтъ на это готовъ у каждаго: каждому изъ насъ приходится безпрестанно слышать и читать о трехъ способахъ полученія государствомъ значительныхъ суммъ при недостаткѣ громадныхъ запасовъ свободной звонкой монеты. Эти средства: 1) выпускъ кредитныхъ билетовъ; 2) обмѣнъ долговыхъ обязательствъ правительства на билеты государственныхъ кредитныхъ учреждений; 3) заемъ. Противъ каждаго изъ этихъ средствъ представляются возраженія, быть можетъ основательныя, если рѣчь идетъ о страшныхъ суммахъ въ $1\frac{1}{2}$ или 2 миллиарда, но лишающіяся всякаго смысла, если требуется только незначительная цифра какихъ нибудь 175,000,000 р.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму единовременнаго вспоможенія, конечно, дешевле всего обошелся бы правительству. При немъ государство избавилось бы отъ всего расхода на проценты и жертвовало бы дѣйствительно только однимъ нужнымъ для вспоможенія капиталомъ. Экономія отъ этого, сравнительно съ пособіемъ посредствомъ ежегодныхъ уплатъ, простиралась бы свыше 65,000,000 рублѣй. Но возможенъ ли выпускъ 177,000,000 р. кредитныхъ билетовъ? Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ этомъ, когда вспомнимъ, что въ теченіи 3 сряду лѣтъ (1853, 54 и 55) выпускалось, среднимъ числомъ въ годъ, болѣе 65,000,000 р. (*), а въ непосредственно слѣдовавшемъ за этими выпусками году (1856),

---

(*) По отчету г. министра финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1852 годъ, къ 1 января 1853 г. находилось кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 311,373,531 р.; а по отчету за 1853 годъ, къ 1 января 1856 года находилось 309,181,397 р., слѣдовательно въ три года было выпущено 197,808,816 рублѣй.

было выпущено вновь болѣе 180,000,000 р. (*). Замѣтимъ притомъ, что эти выпуски обращались на покрытіе административныхъ издержекъ и на войну, то есть на расходы, называющіеся въ политической экономіи непроизводительными; между тѣмъ какъ предполагаемый выпускъ, не равняющійся даже выпуску 1856 года, обратился бы на расходъ самый производительный, то есть на замѣненіе обязательнаго труда свободнымъ и на приобрѣтеніе личностью гражданской самостоятельности. А извѣстно, что 3 рубля, выпущенные на производительный расходъ, менѣе обременяютъ рынокъ, нежели 1 рубль, выпущенный на расходъ непроизводительный. Потому 177,000,000 р., поступающіе на рынокъ для выкупной операціи, менѣе обременяютъ его, нежели 60,000,000, поступившихъ въ обращеніе для веденія войны.

Надобно думать, что все вспоможеніе (176,940,000 р.) могло бы быть создано выпускомъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, безъ малѣйшаго обремененія рынка. Но положимъ, что такой размѣръ выпуска былъ бы неудобенъ; рассмотримъ же финансовыя послѣдствія другаго средства къ полученію денегъ, выйдемъ въ условія немедленнаго обмѣна нѣкотораго количества выкупныхъ облигацій на долговыя обязательства по залогу помѣстій.

Еслибы вся сумма государственнаго вспоможенія доставлена была выкупной операціи такимъ обмѣномъ, расходы государства были бы таковы:

176,940,000 рублей облигацій, обмѣненные кредитными учрежденіями за долгъ, были бы перенесены на счетъ государства съ уплатою по нимъ 1½ процента. Внося по третямъ ежегодно 16,000,000 рублей въ годъ (почти такой размѣръ имѣли бы ежегодныя пособія, если бы правительство посредствомъ ихъ помогало выкупной операціи на одну третью часть) въ кредитныя учрежденія, государство уплачивало бы переведенный на него долгъ въ 12, 1 лѣтъ, и всего понадобилось бы въ теченіи этихъ лѣтъ уплатить 193,600,000 руб. А если бы вспоможеніе производилось ежегодными взносами, то они продолжались бы 14,13 лѣтъ и составили бы 226,080,000 руб.; слѣдовательно государство сберегало бы черезъ единовременное вспоможеніе посредствомъ кредитныхъ учрежденій 32,580,000 руб.

Но мы тутъ принимали, что рѣшительно вся сумма вспоможенія доставлена обмѣномъ облигацій на долговыя обязательства; а между

(*) По отчету г. министра финансовъ за 1885 годъ къ 1 января 1886 года состояло кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 509,181,397 р.; а по отчету за слѣдующій годъ къ 1 января 1887 года состояло кредитныхъ билетовъ уже 689,279,844 р. слѣдовательно въ теченіи одного года было выпущено 180,098,447 руб. сер.

тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что еслибы правительство и нашло неудобнымъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму 176,940,000 рублей (хотя и такой размѣръ едва ли представлялъ бы серьезныя неудобства), то никто въ мірѣ не могъ бы сказать ничего противъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ 57,000,000 рублей, — количествѣ, которое меньше средняго годичнаго выпуска ихъ въ 1853, 1854 и 1855 годахъ. Такимъ образомъ, даже при самой крайней осторожности въ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, правительству пришлось бы искать содѣйствія кредитныхъ учрежденій только на сумму 120,000,000 рублей, а остальные 56,940,000 рублей едновременно вспоможенія были бы покрыты кредитными билетами. Тогда операція имѣла бы слѣдующій расчетъ:

120,000,000 облигацій, принятыхъ кредитными учрежденіями въ зачетъ долговъ перенесенныхъ на счетъ государства, съ уплатою $1\frac{1}{2}$ процента, были бы погашены третними взносами на сумму 16,000,000 въ годъ въ продолженіи 7,98 лѣтъ; сумма этихъ взносовъ составила бы 127,360,000 рублей. Прибавивъ къ нимъ 56,940,000 рублей выпущенныхъ билетовъ, получаемъ сумму пожертвованій правительства 184,300,000 рублей. Сравнительно съ ежегодными пособіями это представляетъ экономію около 52,000,000 рублей.

Намъ казалось бы, что противъ этого способа не можетъ быть уже ровно никакихъ возраженій, не только основательныхъ, но даже и неосновательныхъ, и что при размѣрѣ выкупа, найденномъ нами, и при степени участія на одну третью долю, принимаемаго въ немъ государствомъ, не было бы государству ни малѣйшей надобности прибѣгать къ займу.

Но положимъ, что было бы найдено удобнымъ прибѣгнуть къ займу. По курсу, какой имѣютъ русскіе фонды, на Лондонской биржѣ (наши $4\frac{1}{2}$ процентные фонды въ теченіи всего 1858 года не спу- скались ниже 98, а большою частію стояли на 100 и поднимались даже выше), надобно полагать, что легко было бы заключить $4\frac{1}{2}$ процентный заемъ по курсу 97 рублей 75 копѣекъ, или даже выше. Но положимъ, что заемъ былъ бы заключенъ даже только по курсу 96 руб.

Мы уже приняли, что выпускъ 56,940,000 рублей кредитными билетами не имѣетъ противъ себя никакихъ возраженій. Потому заемъ потребовалось бы заключить только на остальные 120,000,000 рублей. При курсѣ 96 р., полученіе такой суммы требовало бы записи въ капиталъ долга 125 милліоновъ. Такой долгъ при $4\frac{1}{2}$ % выкупался бы третними взносами на сумму 16,000,000 рублей въ годъ въ теченіи 9,36 лѣтъ, вся сумма взносовъ составила

бы за это время 149,760,000 рублей. Прибавляя къ тому цифру выпущенныхъ билетовъ (56,940,000), мы получаемъ, что вся сумма пожертвованій правительства составляла бы 206,700,000 рублей. Сравнительно съ ежегодными пособиями этотъ способъ обошелся бы государству дешевле почти на 20,000,000 рублей.

Но мы предполагали, что вся сумма всоиможенія, остающаяся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ, покрывается посредствомъ займа, безъ призванія кредитныхъ учреждений къ участию въ операціи. А конечно безъ всякихъ колебаній можно было бы призвать ихъ къ участию хотя на 60,000,000 рублей, если бы даже не захотѣли увеличить это участіе до 120,000,000 рублей. Такая сумма (60,000,000 рублей), уже совершенно ничтожна для учреждений, имѣющихъ годичный оборотъ въ 20 разъ большій, имѣющихъ болѣе миллиарда рублей вкладовъ и болѣе миллиарда рублей ссудъ. А если изъ 120,000,000 рублей, не покрываемыхъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, 60,000,000 рублей приобрѣтаются зачетомъ на долги по кредитнымъ заведеніямъ, то для иностраннаго займа остается только 60,000,000 рублей. Тогда вся операція имѣла бы слѣдующій видъ:

Изъ 16,000,000 ежегоднаго взноса 900,000 отчислялись бы на уплату процентовъ кредитнымъ учрежденіямъ остальные 15,100,000 рублей шли бы на проценты и выкупъ долга. Третними платежами этихъ 15,100,000 рублей заемъ въ 60,000,000 рублей по 4,5 процента, требующій, по курсу 96 рублей, записи въ капиталъ 62,500,000 р., выкупался бы въ 13,84 третей года.

По выкупѣ его весь ежегодный взносъ обращался бы къ выкупу долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства. Эти 60,000,000 выкупались бы въ теченіи 11,383 третей года.

И того, оба долга вмѣстѣ, иностранный и въ кредитныя учрежденія, выкупались бы въ 25,423 третей года, или въ 8,475 лѣтъ. По 16,000,000 въ годъ, — это составитъ 135,600,000 рублей. Прибавимъ къ тому 56,940,000 выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и сумма 192,540,000 будетъ итогомъ всѣхъ пожертвованій государства. Это составило бы сбереженіевъ 33,500,000 рублей сравнительно съ ежегодными пособиями. Надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Мы говорили о займѣ, совершаемомъ исключительно на биржахъ Западной Европы. Внутренній рынокъ представлялъ бы безъ сомнѣнія условія болѣе благоприятныя. Когда кредитныя учрежденія платили по вкладамъ 4 процента, сумма ихъ вкладовъ увеличивалась ежегодно почти на 50,000,000 рублей среднимъ числомъ (*). Теперь,

(*) По отчету г. Министра Финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1832 годъ, къ 1 января 1833 года сумма вкладовъ составляла 806,083,233 руб. сер. По от-

когда общество уже нѣсколько привыкло къ полученію изъ кредитныхъ учреждений 3 процентовъ, конечно не только прежнія цифра 4 процента, но даже и $3\frac{1}{2}$ процента были бы очень привлекательны для нашей публики, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы чрезъ посредство кредитныхъ учреждений былъ открытъ внутренній заемъ по $3\frac{1}{2}$ процента, онъ удался бы вполне даже тогда, когда бы размѣръ его былъ выше 75,000,000 рублей. Если бы кредитныя учрежденія могли перенести безъ вреда для своихъ дѣлъ соперничество внутренняго займа по проценту высшему, нежели какой даютъ ихъ вклады, этимъ открывалась бы совершенно новая перспектива для участія государства въ выкупной операціи. Тогда нечего было бы и говорить про выкупныя облигаціи. Ихъ существованіе ограничилось бы нѣсколькими недѣлями, всѣ онѣ были бы обмѣнены на деньги въ три, четыре мѣсяца и, начавшись, напримѣръ, въ мартѣ, вся выкупная операція была бы кончена въ іюлѣ или въ августѣ того же года.

Но могутъ ли обороты кредитныхъ учреждений безвредно выдержать соперничество внутренняго займа, напримѣръ по $3\frac{1}{2}$ процента? Это вопросъ, для рѣшенія котораго нужно знакомство съ положеніемъ нашихъ кредитныхъ учреждений болѣе подробное, нежели какое имѣетъ публика. Потому мы и не вводимъ въ наши соображенія тѣхъ средствъ, которыя представлялись бы для выкупной операціи возможностью подобнаго займа.

Мы видѣли, что при цифрѣ выкупа, определенной нашими расчетами, выкупная операція легко и довольно быстро совершается исключительно силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ. Если потому излагали мы способы совершить ее инымъ путемъ, именно при пособіи государства, съ предоставленіемъ однако же главной массы выкупа дѣлу самихъ крестьянъ, то основаніемъ для такого предположенія служила не столько нужда крестьянъ въ помощи, сколько наклонность наша принимать близко къ сердцу интересы помѣщиковъ и даже тѣ ихъ желанія, которыя не имѣютъ особенной экономической основательности. Помѣщики должны находить слишкомъ продолжительнымъ срокомъ разложеніе выкупа на 22 года, хотя въ сущности, при полномъ удобствѣ продавать облигаціи безубыточно, ожиданіе тиража не могло бы стѣснять ихъ въ денежномъ отношеніи. И вотъ, мы въ удовольствіе имъ нашли нѣсколько вовсе не обременительныхъ для государства способовъ устроить дѣло

чету за 1856 годъ, къ 1 января 1857 года она простиралась до 1,002,639,068 р. с.; это составить за 4 года 196,555,835 р. с. вкладовъ. Замѣтимъ притомъ, что въ числѣ этихъ 4 лѣтъ были 3 года войны, конечно, дѣйствовавшей очень невыгоднымъ образомъ на возрастаніе національнаго капитала.

такъ, чтобы всѣ помѣщики, имѣвшіе менѣе 200 душъ, получили выкупъ немедленно, а остальнымъ (изъ 85,000 помѣщиковъ всего только 6 или 7 тысячамъ богатымъ) помѣщикамъ срокъ ожиданія тиража сокращался слишкомъ вдвое, и чтобы вся выкупная операція кончалась въ 13 лѣтъ. Для этого нужно только, чтобы государство приняло на себя одну третью выкупа и оказало эту милость помѣщикамъ не ежегодными пособіями, а единовременнымъ вспомошествованіемъ, при чемъ пожертвованіе государства простиралось бы, смотря по различію избранныхъ для того способовъ, отъ 176,940,000 р. (при исключительномъ полученіи этой суммы черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ) до 192,500,000 р. (при полученіи части суммы вспомошествованія черезъ заграничный заемъ).

Кажется, что такой срокъ выкупа, съ немедленною выдачею всего выкупа девяти владѣльцамъ изъ десятирыхъ, уже не представляеть ни малѣйшихъ поводовъ къ жалобамъ съ ихъ стороны на денежныя затрудненія въ ожиданіи выкупа. Да и вообще, хотя бы даже въ меньшемъ размѣрѣ, пособіе со стороны государства будетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, не слѣдствіемъ надобности въ томъ для помѣщиковъ или крестьянъ, а чисто только предупредительностью, любезностью, благосклоннымъ подаркомъ со стороны правительства помѣщикамъ для доставленія имъ льготы, въ сущности излишней. Собственно говоря, правительству не было бы нужды дѣлать равно никакихъ расходовъ, и если оно жертвуетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, хотя однимъ рублемъ, — это пожертвованіе будетъ слѣдствіемъ развѣ только благосклонности къ помѣщикамъ и высшихъ государственныхъ соображеній.

Только эти высшія соображенія и могли бы приводить, при найденной нами цифрѣ выкупа, къ соображенію о томъ, до какой степени возможно государству избрать для выкупа

ТРЕТІЙ ПУТЬ,

при которомъ выкупъ въ цѣломъ размѣрѣ своемъ принимался бы на счетъ государства.

Пока государственные крестьяне остаются обложены податью, которая на сумму около 3 руб. съ души выше подати, собиравшейся съ крѣпостныхъ крестьянъ, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, которые безъ сомнѣнія будутъ обложены (по крайней мѣрѣ по окончаніи выкупа, если до окончанія его обязаны были бы платить болѣе) податями наравнѣ съ государственными крестьянами, будетъ

оказываться операціею, дающею около 32,500,000 руб. прибавки въ государственныхъ сборахъ. Этою суммою, вновь прибывающею въ государственный доходъ, покрывается весь выкупъ въ $22\frac{1}{3}$ года, двѣ трети его въ 13 лѣтъ. Итакъ, если правительство не преднамѣрено измѣнять податей съ государственныхъ крестьянъ въ теченіе этихъ сроковъ, ему достаточно сравнять съ ними освобождаемыхъ крестьянъ, и тогда оно, если бы даже и хотѣло, не можетъ сдѣлать того, чтобы силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ не были уплачены двѣ трети выкупа (если подати съ государственныхъ останутся неуменьшенными 13 лѣтъ) или вся сумма выкупа (если подати съ государственныхъ крестьянъ останутся неуменьшенными въ теченіе $22\frac{1}{3}$ лѣтъ). Тутъ государство могло бы только сказать: «я принимаю на себя весь выкупъ», могло бы только сократить разными переносами суммъ изъ однихъ кассъ въ другія финансовую операцію, но сущность операціи осталась бы одна и таже: выкупъ производился бы на деньги, получаемыя съ освобожденныхъ крестьянъ, и притомъ именно на тотъ излишекъ этихъ денегъ, который получается вслѣдствіе освобожденія и который не получался казною прежде.

Но мы уже говорили, что правительство можетъ найти возможность къ преобразованію той финансовой системы, по которой двумя главнѣйшими источниками доходовъ служили два налога, равно невыгодные для государства въ экономическомъ отношеніи: винный откупъ и подушная подать съ крестьянъ. Если преобразование коснется и втораго налога раньше окончанія выкупной операціи, подобно тому, какъ уже рѣшено правительствомъ отмѣнить винный откупъ, тогда конечно отношеніе выкупной операціи къ сборамъ съ освобожденныхъ крестьянъ и къ источникамъ государственныхъ доходовъ должно будетъ измѣниться. Въ такомъ случаѣ представляется два вопроса: возможно ли было бы для государства принять весь выкупъ на свой счетъ, и если это было бы возможно, то справедливо ли было бы это?

Относительно возможности, сомнѣній не должно существовать. Преобразование податей и налоговъ, несогласныхъ съ экономическими разсчетами, въ налоги болѣе соотвѣтствующіе условіямъ финансовой науки, всегда сопровождается увеличеніемъ государственнаго дохода. Потому, еслибы даже, при настоящемъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ, принятіе всей выкупной операціи на счетъ государства казалось затруднительнымъ для казны, то послѣ улучшеній, о которыхъ мы говоримъ, оно должно было бы стать дѣломъ болѣе легкимъ, или даже могло бы стать дѣломъ совершенно легкимъ. Но мы посмотримъ, могло ли бы оно

быть труднымъ даже при настоящемъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ.

Предположимъ, что въ настоящее время доходы государства простираются до 275,000,000 рублей. Этими доходами, при помощи разныхъ финансовыхъ операцій (напримѣръ займовъ и т. д.) покрываются расходы. Пусть все остается по прежнему. Но съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ государственные доходы увеличатся на 32,500,000 рублей, а расходы остаются прежніе. Ясно, что государство имѣетъ 32,500,000 рублей, которыми можетъ располагать на выкупную операцію. Съ улучшеніемъ финансовой системы, то есть, главнѣйшимъ образомъ съ замѣненіемъ подушной подати и виннаго откупа другими, болѣе выгодными для государственнаго хозяйства налогами, — прежняя сумма доходовъ должна необходимо увеличиться, слѣдовательно и та часть ихъ, которая можетъ быть обращена на выкупъ, должна необходимо возрасти. Но если мы даже возьмемъ только прежнюю ея величину, и тогда выкупъ совершился бы легко. Разница только въ томъ, что эти 32,500,000 р. получались бы вмѣсто подушной подати изъ другихъ, болѣе выгодныхъ для народнаго хозяйства, источниковъ. Мы уже видѣли, при изложеніи перваго и втораго пути выкупа, что годичный доходъ этого размѣра совершенно достаточенъ для совершенія выкупной операціи. Разница между третьимъ и первыми двумя путями состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ томъ, будетъ ли преобразована финансовая система современно выкупной операціи, или нѣтъ. Если будетъ преобразована, то вмѣсто прежнихъ источниковъ государственнаго дохода открываются новые, болѣе обильные, и между прочимъ та часть подушнаго оклада, на которую прежде совершался выкупъ, замѣняется другимъ налогомъ, болѣе выгоднымъ для государства. Слѣдовательно цифры выкупныхъ средствъ или остаются прежнія, или, вѣрнѣе сказать, возрастаютъ.

Мы положимъ, что онѣ остаются прежними. Тогда, если бы государство не захотѣло дѣлать никакихъ пожертвованій, оно оставило бы на выкупъ только 32,500,000 рублей, которыми при новой системѣ замѣнились прежніе 32,500,000 рублей, получавшихся отъ прибыли въ подушной подати, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. Тогда выкупъ по прежнему совершился бы въ $22\frac{1}{3}$ года, и расходъ правительства былъ бы номинальный, въ родѣ того, какъ частный человѣкъ, получивъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ ренту въ 500 рублей, принялъ бы на себя уплату его кредиторамъ 500 рублей въ годъ.

Но отъ имени многое зависитъ. Государство, назвавъ тогда выкупную операцію своимъ дѣломъ, конечно захотѣло бы и оказать ей

нѣкоторое содѣйствіе, то есть, съ-разницею въ названіи, прибѣгло бы къ тѣмъ средствамъ, какія уже изложены при объясненіи втораго пути. Мы не будемъ излагать всѣхъ постепенностей того пособия, какое оно могло бы оказывать выкупной операціи безъ обремененія себя,—они болѣе или менѣе сходны съ принятыми у насъ при изложеніи втораго пути. Возьмемъ только крайнюю степень пособия, именно немедленную выдачу всего выкупа.

Даже для этого были бы достаточны два первыхъ средства къ полученію денегъ, т. е., выпускъ кредитныхъ билетовъ и зачетъ выкупа за долги кредитнымъ учрежденіямъ, и не было бы нужды заключать иностраннаго займа.

Примѣръ 1856 года показываетъ возможность выпуска кредитныхъ билетовъ болѣе, нежели на 180,000,000 рублей. Итакъ положимъ, что будетъ выпущено для выкупа 181,940,000 рублей кредитныхъ билетовъ.

Затѣмъ изъ общей цифры выкупа (531,940,000 рублей), остается 350,000,000 рублей. Долги по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ простираются на сумму гораздо высшую этой цифры. Итакъ они были бы слишкомъ достаточны для покрытія части выкупа, остающейся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Тогда взносомъ по третямъ 32,500,000 рублей въ годъ выкупались бы 350,000,000 рублей долга, зачтеннаго за выкупленные облигаціи, въ 11, 75 лѣтъ. Сумма пожертвованій за всѣ эти годы составляла бы 381,875,000 рублей.

Если же правительство, при увеличеніи своихъ доходовъ вслѣдствіе преобразованія финансовой системы, нашло бы возможность усилить этотъ взносъ отдѣленіемъ на примѣръ 7,500,000 рублей въ годъ, изъ прибыли дохода, доставленной финансовыми преобразованіями, то взносомъ 40 милліоновъ рублей въ годъ по третямъ весь долгъ перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства погашался бы менѣе, нежели въ 9½ лѣтъ, именно въ 28, 161 третей, и вся сумма расходовъ на его выкупъ простиралась бы до 375,480,000 рублей, то есть, правительство, чрезъ усиленіе взноса на 2,500,000 рублей въ треть, сокращало бы свои расходы въ теченіе 9 лѣтъ почти на 6,400,000 рублей. Эта выгода, по нашему мнѣнію, уже не стоила бы усилій на увеличеніе взноса; иначе сказать, выкупныя средства сами по себѣ представляли бы уже столь выгодную пропорцію къ величинѣ долга, что совершенно не нужно было бы и желать особенныхъ усилій казны для увеличенія доходовъ выкупной кассы.

Въ иностранномъ займѣ не было бы необходимости даже и при этомъ крайнемъ размѣрѣ, когда правительство принимало бы на себя

весь выкупъ и улачивало бы его помѣщикамъ немедленно, безъ всякаго отлагательства. Но, разумѣется, если бы правительство нашло удобнѣйшимъ прибѣгнуть и къ этому средству, ничто не помѣшало бы заключить заемъ въ 50, въ 75, или болѣе милліоновъ, сколько показалось бы нужнымъ. Надобно только помнить, что чѣмъ больше былъ бы размѣръ займа, тѣмъ сильнѣе возрастали бы расходы по выкупной операціи.

Разсчеты, которыми наполнена вся наша статья, конечно, были утомительны для читателя, и, разумѣется, еще утомительнѣе были для насъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней перебрасывать косточки на счетахъ, — занятіе ни мало не веселое. И для насъ было бы гораздо легче не громоздить цифръ на цифры, и публикою статья наша прочлась бы легче, еслибъ не была набита цифрами. Но въ такомъ случаѣ мы, по примѣру другихъ, должны бы ограничиться общими фразами, изъ которыхъ не слѣдуетъ ничего положительнаго, и также по примѣру другихъ, вѣроятно увлеклись бы произволомъ, не пришли бы къ выводамъ, за достовѣрность которыхъ ручается арифметика. Теперь мы по крайней мѣрѣ имѣемъ полное право сказать:

Выкупъ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею не только по настоящему надѣлу, но и по надѣлу значительно увеличенному до той мѣры, при которой онъ дѣйствительно удовлетворялъ бы потребностямъ ихъ благосостоянія, — такой выкупъ вовсе дѣло не трудное; мало сказать: дѣло не трудное, — нѣтъ, надобно сказать, онъ дѣло очень легкое, до такой степени легкое, что какъ ни поведете его, хотя бы и не самымъ легкимъ путемъ, онъ все таки будетъ очень легокъ. Если весь онъ будетъ предоставленъ исключительно силамъ крестьянъ, крестьяне съ небольшимъ въ 20 лѣтъ уплатятъ его, сами не замѣчая, что платятъ выкупъ. Если правительство найдетъ возможнымъ, чтобы государство помогло крестьянамъ, то пожертвованіемъ всего только отъ 175 до 195 милліоновъ онъ сократится до 13 лѣтъ; и само правительство можетъ избрать при вспоможеніи любой изъ многихъ способовъ, между которыми ни одинъ не былъ бы обременителенъ для государства, требуя лишннихъ расходовъ, всего по нѣсколькимъ милліонамъ рублей въ годъ въ теченіе 12 или 10, или даже менѣе лѣтъ. Наконецъ, если правительство захотѣло бы принять весь выкупъ на себя, такое великодушіе, или лучше ска-

затѣ, такая благородная и вмѣстѣ разсчитливая рѣшимость была бы соединена съ увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе финансовыхъ улучшеній, значительными суммами, отъ которыхъ вѣроятно оставался бы большой излишекъ на другія государственныя надобности, даже и въ продолженіе выкупной операціи, и которыя, по ея окончаніи, всѣ оставались бы въ распоряженіи казны.

II.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Русская поговорка.

Когда человѣкъ запуганъ страшнымъ сномъ, онъ, очнувшись отъ него, еще не смѣетъ въ первую минуту вѣрить, что страшный сонъ дѣйствительно былъ вздорнымъ, нелѣпымъ сномъ; онъ мысленно колеблется, вѣрить ли ему въ истину явившейся глазамъ его отрадной дѣйствительности. Такъ вѣроятно найдутся люди до того запуганные чудовищными милліардами, о которыхъ твердилось имъ сотнями писателей, что будутъ, бѣдные, смущены исчезновеніемъ этихъ милліардовъ отъ прикосновенія къ нимъ арифметики.

Куда же дѣвались эти милліарды? и какъ объяснить такое изумительное различіе между чрезвычайно легкимъ выкупомъ, о которомъ теперь прочли мы, и тѣми выкупами, о которыхъ нельзя думать безъ ужаса?—спросятъ они.

Найдутся люди, которые дадутъ отвѣтъ такого рода: «Мы предлагали 150 или 200 рублей выкупа за душу; а онъ, авторъ статьи, находитъ выкупъ равнымъ только 50 рублямъ. Онъ говоритъ вздоръ. Вѣдь мы основывались на юридическихъ претензіяхъ. Мы разбирали, во сколько долженъ цѣнить крѣпостное право и крѣпостную землю помѣщикъ,—стало быть, цифры несогласныя съ нашими — вздоръ».

Ахъ, вы держались юридической стороны вопроса! Это прекрасно. Но вѣдь и мы держались ея, и даже строже, нежели вы. Мы также берегли каждую копейку, дѣйствительно получаемую помѣщикомъ отъ крѣпостнаго права; мы также не хотимъ, чтобы пропала хотя одна копейка изъ того, что онъ получаетъ теперь. Но только знаете ли, въ чемъ сущность вопроса? Вотъ въ чемъ.

Есть юридическія отношенія, убыточныя для обѣихъ участвующихъ въ нихъ сторонъ. Въ примѣръ мы приведемъ случай неправдоподобный, но дѣйствительно происходившій на нашихъ глазахъ.

У московскаго купца Саввы Филимонова былъ отъ первой жены сынъ Захаръ; по смерти первой жены, Савва Филимоновъ женился на вдовѣ, у которой былъ отъ перваго мужа сынъ Терентій. Старикъ любилъ и пасынка, но еще больше любилъ сына. Тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Случилось Саввѣ Филимонову впасть въ какое-то нравственное разслабленіе и, воспользовавшись имъ, Захаръ, мужчина ужъ въ лѣтахъ, выпросилъ у отца право распоряжаться младшимъ своднымъ братомъ, Терентьемъ, какъ вздумается ему, Захару, и заставилъ Терентья служить себѣ, Захару. И тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго. Но вотъ что странно: Захару вздумалось заставлять Терентья носить ему воду изъ рѣки не въ ведрѣ, а въ рѣшетѣ. Какъ объяснить такую фантазію, я не знаю; но дѣло было такъ, и Захаръ требовалъ отъ Терентья, чтобы воды въ рѣшетѣ приносилъ онъ столько, сколько нужно ему, Захару и его женѣ по домашнему хозяйству. Бѣдняжка Терентій долженъ былъ круглыя сутки безъ отдыха бѣгать по лѣстницѣ брата и мучился до крайности; а Захаръ съ женою все таки сидѣли безъ воды, кромѣ развѣ той, которую, тоже съ трудомъ, могли собрать въ грязныхъ лужахъ, оставшихся единственнымъ результатовъ трудовъ ихъ неуспѣшнаго водовоза. Терентій съ самаго начала замѣчалъ неспѣлость положенія, въ которое поставленъ. Но что ему было дѣлать? Однако же, вотъ оправился наконецъ Савва Филимоновъ, то есть, старикъ отецъ, и велѣлъ Захару прекратить это дикое отношеніе. Какъ тутъ было расчитываться Захару съ Терентьемъ? Захаръ, который жилъ особымъ домомъ, началъ утверждать, что его хозяйство разстроится, если онъ лишится дароваго работника, и представилъ дѣло съ юридической стороны въ слѣдующемъ видѣ: «Терентій работалъ на меня круглыя сутки безъ отдыха; освобождая его, я возвращаю ему все его время, слѣдовательно могу требовать въ вознагражденіе, чтобы онъ заплатилъ мнѣ всѣ тѣ деньги, какихъ стоитъ капитализированная цѣнность его труда». Разумѣется, счетъ вышелъ страшный. Терентій, возя воду въ бочкѣ, можетъ навозить воды въ мѣсяцъ на 30 рублей серебромъ, стало быть въ годъ на 360. Капитализируя эту цѣнность по $7\frac{1}{2}\%$, Захаръ сосчиталъ, что за освобожденіе водовоза Терентья ему, Захару, слѣдуетъ получить съ него, Терентья, 4,800 рублей. Расчетъ очень милый. Но не очень мило для Захара было то, что Терентій чуть ли не вѣрнѣе его производилъ расчетъ такимъ манеромъ: «Въ рѣшетѣ я въ цѣлый годъ успѣлъ бы принести тебѣ развѣ нѣсколько капель воды. Оцѣнимъ эти капли,—и я, пожалуй, заплачу тебѣ ихъ цѣнность. Она равняется нулю; получи же его,—и ты не останешься въ убыткѣ. Вѣдь ты и прежде сидѣлъ безъ воды, такъ за что же тебѣ получать деньги? Что ты терпѣшь, когда я

избавляюсь отъ совершенно напраснаго изнуренія, не приносящаго тебѣ ровно никакой пользы?»—Какъ тутъ разсудить? Пришли оба къ отцу. Старикъ говоритъ: «Эхъ, братъ, Захаръ, не ожидай я отъ тебя этого! Видно ты его братомъ себѣ не считаешь, да и меня старика не уважаешь. Не хочу же я надъ тобою и суда имѣть, коли ты непочтителенъ; а ступайте вы судиться къ чужимъ людямъ,—пусть они васъ разсудятъ». Что вы думаете, какъ разсудятъ посторонніе люди?

Крѣпостное право — это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаетъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ. Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ,—это правда; земли у васъ много, и это правда. Но вы все таки разоряетесь съ каждымъ годомъ больше и больше; ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда иземи, уступленной крестьянамъ,—цѣните ихъ хоть въ 10,000 рублей на душу, а въ результатѣ все таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копѣйки: она служитъ только къ прокормленію крестьянъ; а прокормленіе крестьянъ служитъ только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная работа ихъ на васъ служитъ только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины по 20 руб., вмѣсто того, что получали бы по 40 или 50 руб., если бы крѣпостнаго права не было. Такъ вотъ оно, каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служитъ только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ половины? Ровно тоже самое, что терять больной, лишаясь ревматизма, не дающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему ходить.

Взявъ за основаніе расчетовъ одну изъ сторонъ крѣпостнаго права, неопровержимую съ юридической точки зрѣнія, многіе выводятъ громадныя цифры выкупа. Они забываютъ, что есть въ томъ же правѣ другія стороны, столь же неопровержимыя съ юридической точки зрѣнія,—такія стороны, которыя приводятъ къ отрицательнымъ цифрамъ, и что если взять эти стороны и приложить ихъ къ первымъ, то въ результатѣ расчета, веденнаго строгимъ юридическимъ путемъ, окажется нуль или много, много 1½ копѣйки серебра.

Опредѣлять юридически величину выкупа,—дѣло очень не выгодное для помѣщиковъ. Мы еще едва касались этой стороны вопроса, и то съ великою бережливостью, потому что она чрезвычайно невы-

годна для той стороны, интересы которой для насъ кажутся интересами просвѣщенія.

Мы желали бы, чтобы помѣщики получили, какъ можно больше выкупа; но замѣтимъ тутъ слово *можно*. Когда я съ бѣднаго чело-вѣка буду требовать по очень сомнительному векселю десятки тысячъ рублей, то самое выгодное для меня, что можетъ случиться, это то, что бѣднякъ окончательно разорится на веденіе дѣла противъ меня, и потомъ его посадятъ, какъ несостоятельнаго должника, въ тюрьму и я принужденъ буду самъ же платить деньги за его содержаніе, не получивъ ни копѣйки изъ требуемой мною страшной суммы. А если бы я соразмѣрилъ свое требованіе съ его средствами, я все таки что нибудь получилъ бы безъ всякихъ хлопотъ и проволочекъ, и получилъ бы, можетъ быть, даже больше, нежели мнѣ слѣдуетъ. «Больше, нежели мнѣ слѣдуетъ», потому что вексель очень сомнительнаго качества, и бѣднякъ признаетъ себя моимъ должникомъ собственно потому, что не любитъ тягаться по уѣзднымъ и всякимъ другимъ судамъ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ рѣшать государственные вопросы по правиламъ юридической казуистики. Она мѣрка слишкомъ узкая для нихъ. Теперь вы накладываете ее на меня, и мнѣ приходится отъ нея очень тѣсно; но вѣдь точно также она можетъ быть наложена и на васъ, тогда вамъ будетъ тоже непріятно.

Лучше оставимъ эту мѣрку. Она годится только для кляузничества. Важныя дѣла надобно рѣшать по совѣсти и по здравому смыслу.

Здравый смыслъ говорить, что разореніе освобождаемыхъ крестьянъ отзовется самыми невыгодными слѣдствіями на всемъ государственномъ организмѣ, и болѣе всего на самихъ помѣщикахъ. При слишкомъ высокой оцѣнкѣ выкупа, ежегодные взносы съ крестьянъ будутъ слишкомъ высоки. Слишкомъ высокими ежегодными взносами въ два-три года крестьяне разорятся. Разорившись, они не будутъ въ состояніи платить не только высокаго, но и ровно никакого выкупа. Вся выкупная операція растроится, когда помѣщики не успѣютъ еще получить и десятой части выкупа, и въ результатѣ окажется у помѣщиковъ, въ дѣйствительномъ полученіи, много, по 25 руб. съ души; а между освобожденными крестьянами окажется всеобщее разореніе и неоплатныя недоимки. Отъ этого предостерегаетъ здравый смыслъ, говоря, что величина выкупа должна быть сообразна съ силами крестьянъ.

Совѣсть говорить, что чело-вѣкъ не долженъ, при полученіи вознагражденія за свой доходъ, цѣнить доходъ выше его дѣйствительной величины.

Здравый смысл говоритъ, что вредъ и себѣ и другимъ дѣлаетъ тотъ, кто смущаетъ государство неумѣренностью своихъ претензій.

Совѣсть говоритъ, что дурно поступаетъ тотъ, кто не старается миролюбиво и ко взаимному удовольствію кончить взаимными уступками дѣло, которое очень можетъ кончиться миролюбиво и ко взаимному удовольствію, но которое не можетъ кончиться ни чѣмъ хорошимъ, если не будетъ ведено миролюбиво къ общему удовольствію, со взаимными уступками.

Мы подадимъ первый примѣръ уступокъ и съ перваго же раза сдѣлаемъ ихъ въ полномъ размѣрѣ, доведемъ ихъ до самой той границы, дальше которой не позволяетъ идти здравый смыслъ.

III.

Одинъ рубль въ карманѣ лучше двухъ рублей въ долгу.

Афоризмъ умныхъ людей.

Величину выкупа, найденную нами, мы считаемъ самой высшей изъ тѣхъ, какія могутъ быть выведены точнымъ расчетомъ. 49 р. 5 коп. выкупа съ души, среднимъ числомъ, — больше этого ни одного рубля, ни одной копѣйки не выйдетъ въ счетъ, если станете считать вѣрно.

А меньше этого можетъ выйти, и даже гораздо меньше. Вѣдь мы дѣйствительно возвышали всѣ пропорціи сверхъ правдоподобія, для увеличенія выкупной цифры.

Наша цифра не совершенно точная, а только приблизительная, заключающая въ себѣ погрѣшность противъ дѣйствительной величины. Но достоверно то, что погрѣшность въ ней вся исключительно съ одной стороны: ни на одну сотую часть копѣйки она не можетъ быть меньше того, что выйдетъ по совершенно точному расчету; но на сколько рублей она больше точной величины, — этого мы не знаемъ и не совѣтуемъ узнавать никому, кто заинтересованъ возможно высокою цѣною выкупа.

Хорошо же, мы готовы отказаться отъ этой цифры для миролюбиваго соглашенія и принять норму выкупа въ полтора раза большую.

Прочъ всѣ вычеты и учеты. Прочъ всѣ арифметическія тонкости. Поставимъ дѣло прямо на судъ здраваго смысла помѣщиковъ и попробуемъ, — нельзя ли рѣшить его въ двухъ словахъ.

Средній доходъ съ крѣпостной души нельзя цѣнить выше 12 руб. сер., — это известно каждому. Сколько изъ него надобно вычесть на

доходы, чуждые крѣпостнаго права, на заботы по управленію, на страховую премію,—этого всего мы теперь не хотимъ говорить, это все мы оставляемъ въ сторонѣ. Беремъ весь доходъ какъ онъ есть, 12 руб. съ души.

По капитализаціи въ $7\frac{1}{2}\%$, это составитъ цѣнность всего крѣпостнаго имущества, 150 руб. на душу.

Изъ этого имущества, даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ, какого мы желали бы, все таки за помѣщиками останется и большая по пространству, и лучшая по качеству часть крѣпостнаго имущества.

А мы все таки положимъ выкупъ равнымъ цѣлой половинѣ всей цѣнности крѣпостнаго имущества.

Будемъ считать его среднимъ числомъ въ 75 рублей на душу.

Разумѣется, въ барщинныхъ имѣніяхъ онъ будетъ среднимъ числомъ нѣсколько ниже, въ оброчныхъ среднимъ числомъ довольно много выше, именно въ первыхъ около 70 рублей, во вторыхъ около 90 рублей, считая оброчныхъ имѣній одну четвертую часть.

Считая около 10,000 душъ такихъ крестьянъ (заслуженныхъ старость, дворецкихъ, камердинеровъ, дядекъ и т. п.), за которыхъ помѣщики сами не захотятъ взять выкупа, мы получимъ, что вся сумма выкупа будетъ простираться, приблизительно, до 812,500,000 рублей.

Пользуясь такою огромною уступкою, какъ произвольное повышение выкупа на цѣлую половину, помѣщики, безъ сомнѣнія, соглашались, что несправедливо было бы ихъ землямъ оставаться изъятыми отъ податей.

Это тѣмъ неизбежнѣе, что право покупать землю, оставшуюся за помѣщиками, предоставляется всѣмъ сословіямъ. Неужели было бы возможно, чтобы одна и таже земля, то избавлялась отъ податей, то подвергалась податямъ, смотря по имени и отчеству лица, ею владѣющаго?

Притомъ подать, платимая съ земли, вовсе не уменьшитъ дохода нашихъ землевладѣльцевъ. Она только подниметъ цѣну сельскихъ произведеній, и слѣдовательно ляжетъ не на владѣльца земли, а на потребителей, точно такъ, какъ напримѣръ акцизъ, уплачиваемый табачнымъ фабрикантомъ, лежитъ собственно не на немъ, а на потребителяхъ табака. Подобно фабриканту, землевладѣлецъ не самъ подвергнется подати, а только будетъ служить посредникомъ между казною и потребителями, дѣйствительно платящими подать.

Крестьянскія земли слишкомъ обременены податю, и мы уже говорили, что надобно желать ихъ облегченія. Потому мы и не думаемъ предлагать, чтобы подать съ дворянскихъ земель была также

велика. Но если она будетъ почти вътрое меньше, она будетъ доставлять навѣрное половину того, что доставляютъ земли государственныхъ крестьянъ, потому что за дворянами останется больше земли, нежели сколько находится въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, или сколько отрѣзано будетъ освобожденнымъ крестьянамъ, и притомъ земля, остающаяся за помѣщиками, вообще лучше качествомъ, нежели крестьянская.

Такимъ образомъ источниками выкупа будутъ служить:

Подать съ освобожденныхъ крестьянъ	32,500,000 р.
Подать съ дворянскихъ земель	16,250,000 »
Итого	48,750,000 »

При такихъ средствахъ, выкупъ безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, безъ выпуска кредитныхъ билетовъ, безъ обмѣна выкупныхъ облигацій на долги кредитнымъ учрежденіямъ, окончился бы третними тиражами въ 23 года и 3 мѣсяца (точнѣе въ 69,69 тиражей или въ 23,23 лѣтъ).

Еслибы правительство нашло удобнымъ помочь выкупной операціи вспоможеніемъ, на примѣръ, на 175,000,000 р., то есть на одну пятую часть всего выкупа, то выкупная операція кончилась бы въ 16 лѣтъ и восемь мѣсяцовъ (точнѣе 50,07 тиражей, или въ 16,69 лѣтъ). При этомъ, еслибы сумма вспоможенія составлялась черезъ выпускъ 75,000,000 р. кредитныхъ билетовъ и зачетъ 100,000,000 долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и еслибы на погашеніе этихъ долговъ употреблялось потомъ, третними взносами, по 11,250,000 руб. въ годъ, долгъ правительства кредитнымъ учрежденіямъ (100,000,000 р.) былъ бы погашенъ въ 9,34 лѣтъ и вся сумма пожертвованій правительства, разсроченная на $9\frac{1}{2}$ лѣтъ, простиралась бы до 182,325,000 руб.

Еслибы правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства одну третью часть выкупа, то есть 272,500,000 руб., то остающіеся 540,000,000 облигацій были бы выкуплены въ $13\frac{1}{2}$ лѣтъ (точнѣе въ 40,607 тиражей или въ 13,539 лѣтъ). При этомъ, еслибы сумма вспоможенія составила черезъ выпускъ 122,500,000 кредитныхъ билетовъ и черезъ зачетъ 150,000,000 р. долговъ въ кредитныя учрежденія, то при третнихъ взносахъ по 11,250,000 въ годъ, перенесенный на государство долгъ кредитныхъ учрежденій выкупался бы въ 14,886 лѣтъ, требуя взносовъ на сумму 167,467,500 р. Но при этомъ должно замѣтить, что государство платило бы на его погашеніе взносы изъ собственныхъ средствъ только въ продолженіе 13,539 лѣтъ, пока выкупаются облигаціи по тиражамъ, а по окончаніи тиражей всѣ выкупныя средства дѣлались бы свободными, — изъ

нихъ по $11\frac{1}{4}$ милл. въ годъ было бы обращено на окончаніе погашенія долга въ кредитныя учрежденія, а остальные 37,500,000 руб. поступили бы уже въ распоряженіе казны. Такимъ образомъ государство заплатило бы за долгъ по обмѣну облигацій только 152,313,750 руб. (въ теченіе первыхъ 13,539 лѣтъ; остальные 15,153,750 руб. были бы потомъ уплачены уже средствами выкупнаго дохода, изъ котораго притомъ еще второе больше осталось бы за это время въ казну) и все пожертвованіе государства простиралось бы только до 274,813,750 руб., изъ которыхъ почти половина ничего бы не стоила государству (кредитные билеты), а взносъ другой былъ бы разсроченъ на тринадцать съ половиною лѣтъ.

Наконецъ предположимъ, что правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства половину выкупа, или даже нѣсколько болѣе, именно, 412,500,000 руб., составивъ эту сумму, напри- мѣръ, черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 и черезъ зачетъ 250,000,000 р. долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ. Тогда счетъ былъ бы слѣдующій: остальные 400 миллионъ облигацій были бы выкуплены въ 28,452 тиражей или 9,481 лѣтъ. Погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ потребовало бы (при прежнихъ взносахъ по $11\frac{1}{2}$ миллионъ рублей въ годъ) 27,05 лѣтъ; но изъ нихъ только въ первые девять съ половиною лѣтъ правительство уплатило бы изъ своихъ средствъ 106,695,000 руб. (послѣ того, выкупныя средства оставались бы свободными и частью ихъ былъ бы выкупленъ остальной долгъ въ теченіе слѣдующихъ 17,566 лѣтъ, на что пошло бы 197,617,500 руб.) Такимъ образомъ, все пожертвованіе государства простиралось бы только до 269,195,000 р. (162,500,000 кредитныхъ билетовъ и 106,695,000 р. взносамъ разсроченными на девять съ половиною лѣтъ.)

Кажется, болѣе краткаго срока выкупа всѣхъ 812,500,000 р. никто даже изъ самыхъ нетерпѣливыхъ помѣщиковъ не сталъ бы требовать, — вѣдь послѣдняя облигація выкупается не далѣе какъ черезъ девять съ половиною лѣтъ отъ начала выкупной операціи. Кажется, и обремененіе для правительства вовсе не велико.

И такъ для личныхъ своихъ удобствъ никто изъ помѣщиковъ не могъ бы желать болѣе значительнаго участія государства въ выкупѣ, какъ на половину выкупа.

Но посмотримъ, чего требуютъ выгоды самого правительства,

Человѣку, не привыкшему къ финансовымъ расчетамъ, конечно представляется, что чѣмъ меньшую часть выкупа беретъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для казны, а чѣмъ большую часть выкупа возьметъ казна на себя, тѣмъ больше должна будетъ принести по-

жертвованій. Но сравнимъ сумму пожертвованій казны при участіи въ выкупѣ на одну третью часть и на половину выкупа, — и такое мнѣніе поколеблется .

Взявъ на себя только одну треть выкупа, казна должна будетъ израсходовать изъ собственныхъ средствъ . . . . . 274,813,750 р.

Взявъ цѣлую половину, изъ собственныхъ средствъ ей нужно будетъ израсходовать только . . . 269,195,000 —

то есть, облегченіе выкупа на цѣлую половину будетъ стоить казнѣ цѣлыми 5,618,750 рублями дешевле, нежели облегченіе его на одну третью часть. Что за странность ! и отчего это ?

Отчего это, мы показывали въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ. Когда уменьшается капиталъ, выкупаемый съ разсрочкою, проценты, задаромъ сходявшіеся должника громадными массами безъ пользы для кредитора, облегчаются гораздо въ быстрѣйшей пропорціи, нежели какъ уменьшается дающій проценты капиталъ. Это дѣйствіе производится въ настоящемъ случаѣ, потому что часть капитала, обременяющаго должниковъ не столько собою, сколько своими процентами, уплачивается безъ разсрочки кредитными билетами. Точно также, когда понижается процентъ, сумма разсроченныхъ платежей уменьшается гораздо въ большей пропорціи, нежели понижается процентъ. Это дѣйствіе производится тѣмъ, что другая часть выкупа изъ облигацій, требующихъ трехъ процентовъ, переводится въ ссуду кредитныхъ учреждений, требующихъ только полтора процента.

Нужно только подуматъ внимательно объ этихъ общихъ правилахъ разсроченной уплаты, и самъ собою рождается вопросъ: такъ ужъ не пріобрѣтаетъ ли государство тѣмъ большей экономіи, чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя?

А какъ же бы вы думали? Оно точно такъ и есть. Чтобы убѣдись, ся въ этомъ, нужно только сравнить, какія суммы при разныхъ степеняхъ участія въ выкупѣ останутся въ излишкѣ у казны отъ доходовъ съ источниковъ для выкупной операціи за все время, обнимаемое самымъ продолжительнымъ изъ различныхъ сроковъ выкупной операціи, — мы увидимъ, что чѣмъ быстрѣе выкупаются облигаціи, тѣмъ больше выгоды для казны; — а такъ какъ облигаціи выкупаются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большую часть выкупа беретъ на себя казна, то и слѣдуетъ, что чѣмъ больше пожертвованій захочетъ принести казна выкупному дѣлу, тѣмъ больше она получитъ пользы себѣ.

Дѣлаемъ же сравненіе, къ которому обращали вниманіе читателей.

Изъ всѣхъ встрѣчавшихся у насъ сроковъ самый длинный былъ 27,03 лѣтъ. Беремъ же, для легкости вычислений, періодъ въ круглое число 27 лѣтъ, и считаемъ.

Выкупные источники даютъ въ годъ 48,750,000 р.,—всего въ 27 лѣтъ, даютъ $1316\frac{1}{4}$ миллионъ рублей: сколько же изъ этой суммы будетъ оставаться чистаго дохода въ распоряженіи казны при разныхъ степеняхъ ея участія въ выкупъ?

1) Если казна вовсе ничѣмъ не жертвуетъ на выкупъ, предоставляя его исключительно дѣйствію выкупныхъ источниковъ, выкупъ поглощаетъ эти источники въ продолженіе 23, 23 лѣтъ, то есть на него уходитъ 1,132,462,500 рублей; за вычетомъ ихъ остается свободныхъ денегъ въ распоряженіи казны . 183,787,500 р.

2) Если бы правительство приняло на себя около одной пятой части выкупа (175 миллионъ), выкупъ облигацій продолжался бы 16, 69 лѣтъ и поглотилъ бы изъ выкупныхъ источниковъ 813,637,500 р.; сверхъ того правительство израсходовало бы въ теченіе 9,34 лѣтъ на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ 107,325,000 рублей и выпустило бы кредитныхъ билетовъ на 75,000,000 рублей (*), всего 182,325,000. Слагая эти суммы, видимъ, что всего поглотилъ бы выкупъ 995,962,500, рублей; затѣмъ оставалось у казны. . . . . 320,237,500 р.

3) Если государство приметъ на себя одну третью часть выкупа ($272\frac{1}{2}$ миллионъ), выкупъ облигацій займетъ 13, 539 лѣтъ и поглотитъ 660,026,250 рублей; сверхъ того на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ пойдетъ 15,153,750 рублей. Казна пожертвуетъ на то же погашеніе 152,313,750 рублей и выпуститъ (**) кредитныхъ билетовъ на 122,500,000 рублей, всего израсходуется 274,813,750. Слагая всѣ эти суммы, видимъ, что выкупъ будетъ стоить 949,993,750 рублей, а казнѣ останется. . . . . 366,256,250 р.

4) Если государство пріиметъ на свой счетъ половину выкупа ($412\frac{1}{2}$ миллионъ), тогда остальные 400 милл. облигацій выкупаются въ 9,484 лѣтъ; этимъ по-

(*) Этого выпуска, собственно говоря, и не слѣдовало бы считать за расходъ.

(**) Этого выпуска, собственно говоря, и не слѣдовало бы считать за расходъ.

глощается 462,345,000 рублей; изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ идетъ потомъ на погашеніе долга кредитныхъ учрежденій 197,617,500 рублей. Сверхъ того, казна расходуетъ на ихъ погашеніе 106,695,000 руб. и выпускаетъ на 162½ милліона кредитныхъ билетовъ (*); всего расходуетъ 269,195,000 рублей. Итого, весь выкупъ требуетъ 929,157,500 рублей, а казнѣ остается. . . . . 387,092,500 р.

Чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для него. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса: можетъ ли оно и при размѣрѣ выкупа въ 75 рублей на душу принять весь выкупъ на свой счетъ, какъ могло бы принять выкупъ въ 49 рублей?

Вопросъ предлагается не для облегченія крестьянъ, — имъ довольно легко будетъ уплатить выкупъ и каждымъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше; онъ предлагается и не для доставленія помѣщикамъ болѣе быстрой уплаты по облигаціямъ; — она уже очень быстра и при нѣкоторыхъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше. Наприм., при третьей изъ представленныхъ нами комбинацій немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 100 или 150 душъ; облигаціи остальныхъ выкупались бы въ 13½ лѣтъ, — это было бы уже очень удовлетворительно, это уже превзошло бы ожиданія большей части помѣщиковъ; а при четвертой комбинаціи немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 200 или 250 душъ, для остальныхъ же облигацій выкупъ оканчивался бы всего въ 9½ лѣтъ, — лучшаго никто не только требовать, но и предполагать не могъ. Что же, если мы увидимъ, что государству не только возможно, но и выгодно принять сумму выкупа на себя и выдать выкупъ немедленно или всѣмъ помѣщикамъ, или почти всѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ сотъ богатѣйшихъ владѣльцевъ?

Смотря по различію въ количествѣ наличныхъ денегъ, которыми могло бы правительство усиливать средства, доставляемыя выкупными источниками, ходъ выкупной операціи могъ бы быть очень различенъ; но она можетъ обойтись и безъ всякаго усиленія выкупныхъ средствъ собственно казенными пособіями. Надобно только вообще помнить, что чѣмъ усиленіе производится уплата разсроченнаго долга, чѣмъ скорѣе кончается она, тѣмъ меньше денегъ идетъ на проценты и слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе оказывается операція для казны, производящей уплаты.

Въ этомъ собраніи мы сначала предположимъ, что правитель-

(*) Этого не слѣдовало бы и считать за расходъ.

ство, принявъ операцію на свой счетъ, найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства (48,750,000 рублей), прибавкою изъ своихъ собственныхъ средствъ еще на половину этой суммы, такъ чтобы доходы выкупной кассы простирались до 75 миллионовъ въ годъ.

Но что, если правительство найдетъ, что казна не можетъ расходовать въ годъ по 26 миллионовъ, какъ мы предполагали бы? Нѣтъ нужды; государство все таки удобно можетъ принять выкупъ на свой счетъ; выигрышъ его отъ выкупной операціи сократится на нѣсколько десятковъ миллионовъ, но все таки останется еще огромень. Мы представимъ расчетъ выкупа, совершаемаго правительствомъ исключительно на средства, доставляемыя выкупными источниками, только для круглаго счета прибавляя къ нимъ 1,250,000 рублей въ годъ; такая прибавка конечно уже не можетъ затруднить казну, какъ бы ни мало находилось у нея свободныхъ денегъ.

Вотъ счетъ по выкупной операціи на основаніи обѣихъ цифръ. Одною изъ выгоднѣйшихъ комбинацій будутъ слѣдующая:

Выпускается 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ. Назначается зачетъ облигацій за долги до суммы 400 миллионовъ переносимыхъ на счетъ государства съ уплатою $1\frac{1}{2}$ процента. Заключается иностранный заемъ (примѣрно по 4,5 процента по курсу 96 руб.) на 100 миллионовъ. Это потребуетъ записи въ капиталъ $104\frac{2}{3}$ миллионовъ рублей; мы для круглаго счета положимъ 104,8 милл. За этими немедленными уплатами и обѣиномъ остается 150 миллионовъ выкупныхъ облигацій (по три процента).

Каковъ бы ни былъ размѣръ средствъ, служащихъ для выкупа, экономія требовала бы обратить ихъ сначала главнымъ образомъ на погашеніе займа, по которому платится самый высшій, то есть самый убыточный процентъ (4,5 процента, между тѣмъ какъ по облигаціямъ только три процента). Но эта уплата должна производиться звонкою монетою, которой въ государствѣ бываетъ мало. Потому мы и полагаемъ на погашеніе долга и уплату процентовъ его только по 4 милліона въ треть, чтобы не подать повода къ возраженіямъ о возможности уплаты, — 12 миллионовъ въ годъ звонкой монеты, кажется, всегда уже можно найти.

Затѣмъ главные средства выкупа обращаются на тиражъ облигацій, — процентъ ихъ выше процента по долгу кредитныхъ учреждений, да и владѣльцы ихъ будутъ чувствовать тѣмъ болѣе удовольствіи, чѣмъ быстрее онѣ будутъ выкупаться.

Если выкупныя средства будутъ усилены до 75 милл. въ годъ, то есть до 25 милл. въ треть, то вся операція будетъ имѣть такой видъ:

- 1) Иностранный заемъ уплачивается взносами 4 миллионовъ въ

треть въ 33,31 трети. Процентъ за него въ это время (по 1,5 процента въ треть), пойдетъ 29,240,000 руб., всего съ уплатою капитала (104,8 миллионъ) эта статья потребуетъ 134,040,000 руб.

2) Облигаціи (150 мил.) будутъ выкуплены взносами 19 мил. въ треть (за отчисленіемъ 4 мил. на уплату займа и 2 мил. на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается сначала изъ 25 мил. въ треть 19 мил. на уплату облигацій) въ 8,266 тиражей, то есть, въ 2 года и 9 мѣсяцевъ. Процентъ на нихъ (три процента въ годъ, то есть 1% въ треть) пойдетъ 7,054,000; всего эта статья потребуетъ 157,054,000 руб.

3) Долгъ кредитныхъ учреждений выкупается по выкупъ облигацій; на это требуется при взносахъ 21 мил. въ треть (за отчисленіемъ 4 мил. на уплату иностраннаго долга, остается на уплату долга кредитнымъ учрежденіямъ вся остальная сумма изъ 25 мил. въ треть, потому что облигаціи уже выкуплены) 20,032 третей года. Въ это время идетъ на уплату процентъ 20,672,000 р., да въ прежнія 8,266 третей (во время выкупа облигацій, пока по долгу кредитныхъ учреждений только уплачивались проценты) было уплачено процентъ 16,532,000 р. Всего расходъ по этой статьѣ: погашеніе капитала 400 мил., и на проценты 37,204,000 р., итого 437,204,000 р.

Итогъ расходъ:

По иностранному займу.	134,040,000 руб.
— облигаціямъ	157,054,000 —
— долгу въ кредитныя учрежденія	437,204,000 —
Выпущено кредитныхъ билетовъ на.	162,500,000 —
Всего	890,798,000 руб.

Если же нельзя усилить выкупныхъ средствъ до 75 мил. и они остаются ограничены доходами изъ выкупныхъ источниковъ, то есть, ограничены цифрою 50 мил. руб. въ годъ (16,666,666 $\frac{2}{3}$ р. въ треть), — выкупъ пойдетъ такъ:

1) Погашеніе иностраннаго займа — по прежнему.

2) Выкупъ облигацій третними взносами по 32 миллионъ въ годъ (изъ 50 мил. годовыхъ средствъ за вычетомъ 12 мил. на уплату иностраннаго займа и на 6 мил. въ годъ на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается та цифра) оканчивается въ 15,235 тиражей, то есть, въ 5,083 лѣтъ. На проценты уйдетъ 12,740,000 руб., а всего 162,720,000 руб.

3) На выкупъ долга въ кредитныя учрежденія идетъ потомъ 38 мил. въ годъ третними взносами. Этими взносами долгъ уплачивается въ 34,392 третей, и на проценты идетъ въ это время 35,632,000 р., да прежде, пока выкупались облигаціи, на проценты по этому долгу

было израсходовано 30,510,000 р., всего по этой статьѣ расхода: на уплату процентовъ 66,142,000 р. и на погашеніе капитала 400 милл., итого 466,142,000 р.

Счетъ расхода по всей выкупной операціи таковъ:

По иностранному займу	134,040,000 р.
— облигаціямъ	162,720,000 —
— долгу кредитныхъ учрежденій .	466,142,000 —
Выпущено кредитныхъ билетовъ .	162,500,000 —
Итого. .	925,402,000 р.

Сравнивая итоги, мы видимъ, до какой степени было бы выгодно по государству по возможности усилить выкупные источники свободными деньгами отъ казны.

При усиленныхъ средствахъ погашеніе долга кредитныхъ учреждений почти кончается 28-ю третью (первою третью 10-го г.); далѣе требуется уже только около 12 милліоновъ въ годъ на иностранный заемъ. Стало быть, приплачивать по 25 милл. р. пришлось бы только $9\frac{1}{2}$ лѣтъ, и всего понадобилось бы на это около 240 милліоновъ — а черезъ это усиленіе средствъ государство сберегало бы въ общемъ ходъ операціи около 35 милліоновъ рублей.

Комбинаціи, нами изложенныя, мы назвали довольно экономными потому только, что выгодно распределена въ нихъ единственная пропорція, зависящая отъ воли: пропорція употребленія выкупныхъ средствъ на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ и выкупъ облигацій.

Напротивъ того, выкупъ иностраннаго займа расположенъ вовсе не экономично: мы сказали, что его требовалось бы погашать быстрой другихъ статей, а онъ погашается медленнѣе всѣхъ, потому что требуетъ звонкой монеты, въ которой не только Россія, но и ни одна изъ западныхъ державъ не имѣетъ избытка. Потому иностранный заемъ изъ всѣхъ трехъ, принятыхъ нами, способовъ пріобрѣтенія денегъ, самый убыточный по высотѣ своего процента, оказывается еще болѣе убыточнымъ оттого, что требуетъ излишне долгой разсрочки въ уплатѣ (*). Спрашивается, нельзя ли обойтись безъ этого слишкомъ дорогаго источника?

Отвѣтъ ясенъ для каждаго: средство есть; оно въ томъ, чтобы до крайнихъ предѣловъ усилить зачетъ долга въ кредитныя учрежденія.

(*) Онъ поглощаетъ своими процентами лишнихъ 28 коп. на рубль, между тѣмъ какъ облигаціи берутъ $7\frac{1}{2}$ коп. (безъ усиленія средствъ платежа) или даже только 3 коп. (при усиленіи средствъ), а долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ 16 коп. (безъ усиленія средствъ) или только 9 коп. (при усиленіи средствъ).

Итакъ, если правительство захочетъ дѣйствовать экономно, ему выгодно будетъ принять основанія такого рода:

Выпускъ возможно большаго количества кредитныхъ билетовъ (выпустить ихъ можно болѣе 162,500,000 р., нисколько не обременяя рынка; но мы возьмемъ только эту цифру). Зачетъ по выкупу всѣхъ долговъ въ кредитныя учрежденія. Мы полагаемъ, что это составило бы до 450 милл. А если бы зачетъ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ не достигъ этой цифры, то слѣдуетъ на недостающіе до нея милліоны (которые во всякомъ случаѣ не превышаютъ количества нѣсколькихъ десятковъ) разрѣшить переносъ на счетъ государства нѣкотораго количества частныхъ долговъ по помѣстьямъ, до наполненія суммы 450 милліоновъ. Такой переносъ, производимый по соглашенію кредитора и должника, былъ бы выгоденъ для обоихъ, и всѣ разчетливые люди воспользовались бы съ радостью этимъ средствомъ. Должникъ избавлялся бы отъ уплаты тяжелыхъ процентовъ, а кредиторъ, который отчаявался въ возвращеніи своего капитала, вѣрно и быстро получалъ бы уплату. На остальную сумму (200 милліоновъ) выдаются облигаціи. Иностраннаго займа не нужно.

По этимъ основаніямъ, безъ усиленія выкупныхъ средствъ изъ другихъ доходовъ, т. е. при оставленіи выкупной кассѣ только 50 милл. р. въ годъ, выкупная операція имѣла бы такой видъ:

Выкупъ облигацій (200 милл.) производится въ первыя 16 третей тиражами по 8 милл., далѣе тиражами по 9 милл. и оканчивается въ 24 тиража (8 лѣтъ). Всего расходуется: на проценты 25,640,000 р., а съ уплатою капитала 225,640,000 р.

Погашеніе долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства, производится въ первыя 15 третей (5 лѣтъ) выкупомъ по 5 милл.; далѣе 9 третей (3 лѣтъ) по 6 милл., послѣ 24 трети (съ 9 года), когда облигаціи уже всѣ выкуплены, выкупныя средства идутъ уже исключительно на долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и вносится на выкупъ по 16 милліоновъ въ третью до 43 трети (1-й трети 15-го года), т. е. въ теченіе 19 третей, и къ 44 трети остается только 17 милл., которые и выкупаются. Всего расходуется на проценты 63,820,000, а съ уплатою капитала 513,820,000 р.

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ	225,640,000
— долгу въ кредитныя учрежденія	513,820,000
Выпускъ кредитныхъ билетовъ	162,500,000

Всего 901,960,000

Изъ этого видимъ, что если бы правительство даже не нашло возможнымъ усилить выкупныя средства, то благодаря экономичности основаній для уплаты, оно приобрѣтало бы сбереженія надъ прежнюю комбинацію съ соотвѣтственнымъ размѣромъ выкупныхъ средствъ около 24 милл.

Но если бы нашлась возможность усилить выкупныя средства до 75 милл., экономія была бы гораздо значительнѣе. Тогда:

Облигаціи выкупались бы тиражами по 15 милл. въ первые 12 третей и по 10 милл. въ слѣдующія двѣ (13 и 14) трети. Ихъ выкупъ кончался бы въ 4 года и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 14,400,000 р., всего съ уплатою капитала 214,400,000 р.

Долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ выкупался бы въ первые 14 третей взносами по 8 милл., въ 15-ю треть взносомъ 18 милл. Далѣе вносились бы по 24 милл. до 28-й трети включительно. Затѣмъ оставалось бы только 8 милл. капитала, которые и уплачивались бы въ 29-ю треть. Весь выкупъ занялъ бы 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 31,030,000 р., всего съ уплатою капитала 481,030,000 р.

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ	214,400,000 р.
— долгу въ кредитныя учрежденія . .	481,030,000 »
Выпускъ кредитныхъ билетовъ . . .	162,500,000 »
Всего	<u>857,930,000 »</u>

Слѣдовательно экономія надъ выгоднѣйшею изъ всѣхъ другихъ комбинацій была бы болѣе 32 милліоновъ рублей.

Ограничивается ли этимъ экономія въ расходахъ, которая можетъ быть сохранена государству веденіемъ выкупной операціи сильнымъ, рѣшительнымъ образомъ?

Мы принимали выкупъ кредитныхъ билетовъ только въ 162½ милліона; мы ограничивали его этою цифрою, чтобы отвратить сомнѣніе въ его возможности и у самыхъ закоснѣлыхъ рутинистовъ. Безопасность такого выпуска доказывается примѣромъ 1856 года, когда было выпущено кредитныхъ билетовъ на цифру гораздо большую.

Но человекъ, соображающій смыслъ словъ, которыя читаетъ въ книгахъ, легко замѣтитъ, что предостереженіе противъ выпуска бумажныхъ денегъ большими суммами, встрѣчаемое у экономистовъ и совершенно справедливое по отношенію къ обыкновеннымъ предметамъ расходованія этихъ огромныхъ выпусковъ, едва ли примѣняется къ настоящему случаю. Большія количества бумажныхъ денегъ почти всегда выпускались въ европейскихъ государствахъ за

тѣмъ, чтобы получить средства на войну, на дипломатическія и придворныя издержки и другіе предметы непронзводительнаго расхода. Въ этихъ дѣлахъ и расходованіе звонкой монеты не лучше выпуска кредитныхъ билетовъ дѣйствуетъ на народное хозяйство и потомъ на государственныя финансы. И тогда, когда бумажныхъ денегъ не существовало, и тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ нѣтъ, война и расточительность точно также разоряли народъ, а слѣдствіемъ разоренія, все равно, была чрезмѣрная дороговизна однихъ предметовъ, чрезмѣрный упадокъ цѣны другихъ, разстройство промышленности, упадокъ торговли, коммерческіе кризисы, потрясеніе промышленнаго, торговаго и потомъ государственнаго кредита, оскудѣніе государственныхъ доходовъ. Бумажныя деньги бываютъ не причиною этихъ бѣдствій, — нѣтъ, онѣ бываютъ сами вмѣстѣ съ этими бѣдствіями только результатомъ основнаго зла, ихъ обыкновенно поражающаго, — только симптомомъ болѣзни, корень которой кроется не въ нихъ, а гораздо глубже. Смыслъ предостереженій противъ громаднаго выпуска бумажныхъ денегъ въ сущности таковъ: берегитесь инфляціи и расточительности. Въ этомъ нельзя не сочувствовать вполне благимъ совѣтамъ экономистовъ. Бережливость въ расходахъ первѣйшее, необходимѣйшее условіе государственнаго благосостоянія. Какими бы средствами ни прикрывались отступленія отъ бережливости, — возвышеніемъ ли налоговъ, займами ли, бумажными ли деньгами, — всѣ эти средства бываютъ равно дурными въ такихъ случаяхъ, потому что служатъ для дурной цѣли.

Но бываютъ случаи исключительные, когда государству вдругъ нужны громадныя деньги, не для прихоти честолюбія или роскоши, а для дѣлъ, требуемыхъ совѣстью, здравымъ смысломъ и расчетливостью. Въ такихъ случаяхъ расчетливость требуетъ не скряжничества, — оно только помѣшало бы надлежащему успѣху дѣла, — нѣтъ, оно требуетъ рѣшительнаго, безбоязненнаго употребленія всей суммы, нужной на честное и выгодное дѣло. Моралисты и экономисты совершенно правы, когда предостерегаютъ меня отъ выдачи векселей на удовлетвореніе какимъ нибудь моимъ прихотямъ; впрочемъ, расходованіе наличной звонкой монеты на эти вещи также невыгодно. Но осудятъ ли они меня, когда я даю вексель на очень выгодныхъ условіяхъ и единственно за тѣмъ, чтобы полученныя чрезъ него средства употребить на честное и очень выгодное коммерческое дѣло, прибыль отъ котораго несомнѣнна?

Съ бумажными деньгами бываетъ обыкновенно тоже самое, что часто случается съ векселями, служащими не для однихъ коммерческихъ оборотовъ, но и для мотовства. Но осуждая мотовство, слѣдуетъ ли осуждать и въ хорошихъ коммерческихъ дѣлахъ употреб-

леніе векселей въ томъ количествѣ, какое требуется сущностью дѣла?

Экономія, строжайшая экономія! Каждый рубль бумажныхъ денегъ, выпущенный на расходы непроизводительные, долженъ возбуждать сильнѣйшее безпокойство, глубочайшую горестъ, потому что онъ симптомъ дурнаго веденія хозяйства. Но когда, въ противоположность обыкновеннымъ случаямъ, понадобились государству вдругъ огромныя суммы на чрезвычайное, вѣковое дѣло, — на такое дѣло, подобныхъ которому, даже со стороны необыкновенной финансовой выгоды для государства, не бывало и не будетъ подобныхъ, — тогда, не бойтесь бумажныхъ денегъ, выпускайте ихъ не колеблясь полную сумму, какая только нужна, разумѣется, по строгому расчету въ размѣрѣ надобности. Не платите 200 руб. за то, что не стоитъ больше 75, — это было бы расточительностью, слѣдовательно вредомъ для народнаго хозяйства; но если дѣйствительно нужны 75 руб., не колеблясь дайте вексель, не колеблясь выпускайте бумажныя деньги на всю сумму, какая дѣйствительно нужна для благороднаго и выгоднаго дѣла.

Мы увѣрены, что на всѣ тѣ 362,500,000 руб., которые останутся къ уплатѣ за вычетомъ 450,000,000 долга, перемесенныхъ кредитными учрежденіями съ помѣщиковъ на государство, что на всѣ эти 362,500,000 р. можно было бы совершенно безопасно выпустить кредитные билеты; мы увѣрены, что вся эта масса ихъ менѣе повредила бы цѣнѣ бумажныхъ денегъ и кредиту, нежели одна десятирублевая бумажка, выпущенная на войну или другой непроизводительный расходъ.

Тогда производство выкупной операціи было бы произведено дѣйствительно съ полнымъ приложеніемъ здравыхъ началъ государственнаго хозяйства, способомъ самымъ бережливымъ. Тутъ экономія расходовъ была бы такъ велика, лишнихъ денегъ на проценты истрачивалось бы такъ мало, что не нужно было бы и желать того усиленія выкупныхъ средствъ заимствованіями изъ другихъ государственныхъ доходовъ, которое, при всѣхъ другихъ комбинаціяхъ выкупа, представлялось намъ большою выгодною.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы за основаніе выкупной операціи былъ принятъ выпускъ 362,500,000 кредитныхъ билетовъ, при зачетѣ за выкупъ 450,000,000 долга въ кредитныя учрежденія, тогда, при средствахъ доставляемыхъ одними выкупными источниками (50,000,000 р.), безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, весь долгъ, перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства, погашался бы въ 9,674 лѣтъ, и все погашеніе потребовало бы 483,700,000 р.; а если бы выкупныя средства усилены были до 75,000,000, опера-

ція оканчивалась бы въ 6,292 лѣтъ и требовала бы 471,900,000 руб. Такимъ образомъ отъ усиленія выкупныхъ средствъ цѣлыми 25,000,000 р. въ годъ, операція сокращалась бы только на 11,800,000 р., — результатъ почти въ четыре раза меньше выгоды, получаемой вслѣдствіе подобнаго усиленія при другихъ системахъ выкупа, гдѣ сокращеніе простиралось до 40,000,000 р. Эта разниа показываетъ, что и безъ усиленія выкупныхъ средствъ проценты уже не составляютъ при послѣдней комбинаціи значительнаго обремененія. Въ самомъ дѣлѣ уплатить 483,7 за капиталъ 450 составляетъ лишнюю уплату за проценты всего только $7\frac{1}{2}$ коп. на рубль.

Эта чрезвычайно выгодная комбинація, не представляющая рѣшительно ни малѣйшей надобности ни въ какихъ усиліяхъ со стороны казны, требуетъ строжайшей экономіи въ государственномъ хозяйствѣ. Только въ томъ случаѣ, если не будетъ выпуска бумажныхъ денегъ на расходы непроеводительные, если на рынкѣ будетъ господствовать совершенная увѣренность въ томъ, — выпускъ громадной массы бумажныхъ денегъ на расходъ производительный нимало не поколеблетъ рынка.

Но какъ ни выгоденъ этотъ планъ, мы не отваживаемся думать о его исполненіи, потому что, кромѣ всѣхъ другихъ затрудненій, онъ встрѣтитъ слишкомъ сильное неодобреніе со стороны рутинистовъ, непризнающихъ разницы между выпускомъ бумажныхъ денегъ на расходы производительные и выпускомъ ихъ на расходы непроеводительные. Опасаясь такихъ затрудненій, мы считаемъ практичными только предшествующія комбинаціи: онѣ, хотя менѣе выгодны, за то представляются болѣе вѣрными, не могутъ возбуждать противъ себя слишкомъ сильныхъ сомнѣній и потому, не настанвая на практическое осуществленіе комбинаціи самой рациональной по теоріи, мы представляемъ другія, совершенно практичныя комбинаціи, для легчайшаго обозрѣнія результатовъ ихъ, въ слѣдующей краткой таблицѣ, цифры которой означаютъ милліоны рублей.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ВЫГОДЪ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАЗНѢ РАЗЛИЧНЫМИ СИСТЕМАМИ ВЫКУПНОЙ ОПЕРАЦИИ.

Основанія системы.	Правительство даетъ на усиленіе выкупныхъ средствъ					
	Единоновременный выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ.	Займованіями изъ государственныхъ доходовъ, или (хотя отчасти) постепеннымъ выпускомъ кредитн. билетовъ.	Итого всѣхъ расходовъ на выкупную операцию.	Въ теченіе первыхъ 27 лѣтъ отъ начала выкупной операци, за покрытие всѣхъ расходовъ, казна остается чистой прибыди отъ освобожденія крестьянъ.	Сравнительно съ системою безучастія правительства, участіе въ ней даетъ правительству выгоды.	
Выкупныя средства. Подать (съ души или съ земли) на освобожденныхъ крестьянъ, въ размѣрѣ равномъ съ податію государственныхъ крестьянъ. Подать съ дворянскихъ земель въ три раза болѣе легкая, нежели съ крестьянскихъ. То и другое вѣдѣтъ дадутъ не менѣе 48,750,000 р. въ годъ, а вѣроятно болѣе. Разсчетъ сдѣланъ на 48,750,000 р. въ годъ.						
1) Государство не принимаетъ участія въ выкупѣ: онъ производится исключительно выкупными средствами	—	—	—	1132,5	183,7	—
2) Государство принимаетъ на себя одну пятую часть выкупа. Выпускъ 75 милл. кр. билетовъ, зачесть 100 милл. за долги по кредитнымъ учрежденіямъ	75	11¼	107,3	998,9	320,3	136,6
3) Государство принимаетъ третью часть выкупа. Выпускъ кр. бил. на 122,5 м., зачесть 150 м.	122,5	11¼	152,3	980,0	366,2	182,5
4) Государство принимаетъ половину выкупа. Выпускъ кр. бил. 162,5 м., зачесть 250 м. . .	162,5	11¼	106,7	929,1	387,1	203,4
5) Государство принимаетъ на себя весь выкупъ. Выпускъ кред. бил. на 162,5 м., зачесть долговъ на 400 м., иностранный заемъ въ 100 м., вѣтъ усиленія выкупныхъ средствъ	162,5	1¼	20	925,4	390,8	207,1
6) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются .	162,5	26	248	890,8	425,6	241,9
7) Государство также принимаетъ весь выкупъ на себя. Но долговъ зачитается на 480 милл.; займа не нужно; выкупныя средства не усиливаются.	162,5	1¼	19	902	414,2	230,5
8) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются.	162,5	26	247	857,9	458,4	274,6
Т. LXXXIII. Отд. II.					⅓	

IV.

Займитесь прежде всего о справедливости, и все остальное придет к вам само собою.

Слова, сказанные некогда устами, дававшими много хороших советов.

«Вмѣсто одного плана, цѣлыхъ восемь! Вмѣсто того, чтобы затрудняться открытіемъ хотя одного способа къ легкому и быстрому выкупу, вы затрудняете читателя колебаніемъ между множествомъ способовъ, которые, по вашему мнѣнію, всѣ легки и удобны», — скажутъ намъ. «Неужели вы сами не предпочитаете ни одной комбинаціи всѣмъ прочимъ? А если предпочитаете, то почему не ограничиться изложеніемъ ея одной?» — спросятъ насъ.

Почему не ограничились мы изложеніемъ одной только той системы, которую предпочитаемъ другимъ, — отвѣтъ на это уже данъ послѣдними строками предыдущаго отдѣла. Мы не знаемъ ни намѣреній правительства, ни средствъ его, потому не можемъ сказать, какая система удобнѣе для него при данныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, и хотимъ только показать, что каковы бы ни были обстоятельства, выкупъ все таки не затруднителенъ при томъ размѣрѣ, какой допускается нами, т. е. въ размѣрѣ, среднимъ числомъ, 75 р. на душу. О томъ, какъ близко за границами этой крайней цифры возникаетъ затруднительность его, о томъ, какъ не высокъ надъ этою цифрою предѣлъ, при которомъ затруднительность обращается уже въ невозможность, читатель легко сообразитъ, припомнивъ нашу статью: «О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ». Мы показывали тамъ цифрами, что при разсроченной уплатѣ каждый лишній рубль прибавки къ капиталу увеличиваетъ десятками рублей массу процентовъ, подъ которыми безъ пользы для кредиторовъ изнемогаетъ должникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаемъ напримѣръ опытъ разсчитать выкупную операцію по первой системѣ (безъ всякаго участія государства, исключительно выкупными средствами) при величинахъ выкупа въ 100, 125 и 150 руб. на душу.

Размѣры выкупа на душу.	Итогъ выкупной суммы въ милліо- нахъ р.	Число лѣтъ нуж- ное для выкупа.	Количество денегъ, которое сойдетъ на уплату выкупной суммы въ милліо- нахъ р.
75 р.	812	23,37	1,132
100 р.	1083	73,5	3,583
125 р.	1355	119,7	5,835
150 р.	1624	493,37	24,050

Не ясно ли изъ этой таблицы, что средства, совершенно достаточныя для выкупа въ 75 руб. на душу, становятся уже совершенно неудовлетворительными при выкупѣ въ 100 руб., и для кредиторовъ, которымъ пришлось бы ждать слишкомъ вдвое дольше, и для должниковъ, которымъ пришлось бы переплатить также вдвое больше? Растянуть выкупъ облигацій на 70 лѣтъ, значило бы совершенно уронить ихъ цѣну при 3⁰/₀; чтобы поддержать цѣну облигацій, нужно было бы тогда разсчитывать уже не на шансы тиража, а единственно на доходъ, доставляемый ихъ процентомъ, и оказалось бы нужнымъ возвысить ихъ процентъ по крайней мѣрѣ до 5, а когда процентъ возвысился бы до 5, то всѣхъ выкупныхъ средствъ не достаю бы на уплату однихъ процентовъ, и тогда весь планъ выкупа разлетѣлся бы впрахъ. Еще неслѣдѣ представляется несоразмѣрность выкупа въ 125 руб., при которомъ операція растягивается уже слишкомъ на цѣлое столѣтіе; а совершенной ироніею ариметики представляется разсчетъ выкупа въ 150 руб., при которомъ операція растянулась бы чуть не 560 лѣтъ, а должники принуждены были бы за капиталъ въ 1,624,000,000 заплатить слишкомъ 24,000 милліоновъ, т. е. на каждомъ рублѣ капитала уплатить еще по 13 руб. 80 коп. процентовъ.

Подобнымъ превращеніямъ подвергаются при увеличеніи выкупнаго капитала и всѣ остальные системы. Та, которая была легка при 75 рубляхъ, становится очень затруднительна при 100 руб., невозможна при 125 и обращается въ насмѣшку надъ человѣческимъ смысломъ при 150 рубляхъ. При такихъ оцѣнкахъ нужны совершенно другіе размѣры выкупныхъ средствъ, — размѣры раззорительные для крестьянъ, изнурительные для государства, — нужны совершенно иные комбинаціи выкупнаго оборота, комбинаціи тягостныя для помещиковъ, тяжелыя для государственнаго кредита.

Да и чего иного можетъ ожидать читатель, знакомый съ разсчетами банковыхъ операцій, или по крайней мѣрѣ пробѣжавшій нашу статью: «О необходимости умѣренныхъ цѣнъ»? Будьте вы человекомъ богатымъ, но если вамъ придется платить за каждую вещь въ полтора раза дороже дѣйствительной цѣны ея, вы скоро почувствуете недостатокъ въ деньгахъ; а не попробуйте поднять еще излишнюю переплату денегъ, и вы немедленно увидите себя раззореннымъ. Да и это еще ничего, если вы платите наличными деньгами; а попробуйте-ко подписывать векселя съ накладкою рубля на рубль къ дѣйствительной суммѣ и, получая 1000 р., выдавать вексель на 2000 р., — будьте вы богаты, какъ Ротшильдъ, скоро продадутъ съ аукціона имущество ваше всledo послѣдняго перстня съ руки, и вы увидите, себя въ тюрьмѣ. А тутъ съ кого будутъ нати деньги? Съ мужиковъ,

у которыхъ и безъ того не слишкомъ много денегъ. Въдѣ мы, положивъ 75 руб. выкупа, уже увеличили его на цѣлую половину противъ самой высокой оцѣнки, какую только можно сдѣлать натягивая всѣ пропорціи къ ея повышенію: удивительно ли, что послѣ увеличенія еще и этой оцѣнки на цѣлую половину, мы достигли оченъ близко къ тому предѣлу, за которымъ уже слѣдуетъ и практическая разорительность и теоретическая нелѣпость.

Впрочемъ не было нужды намъ ни въ этихъ объясненіяхъ, ни въ ссылкѣ на прежнюю нашу статью: надобно было только повторить сказанное въ началѣ этой статьи о тѣхъ страшныхъ цифрахъ, которыми пугаютъ здравый смыслъ всѣ расчеты выкупа, основанные на цифрахъ, значительно превышающихъ нашу. По этимъ счетамъ мужику приходилось бы платить въ теченіе 30 или 40 лѣтъ по освобожденіи гораздо больше, нежели онъ платитъ теперь; иначе сказать,—слова: «ты освобождаешься» имѣли бы смыслъ: «ты разоряешься, будутъ раззорены и твои дѣти, и развѣ при внучатахъ твоихъ начнетъ приходить въ порядокъ твое хозяйство».

Совсѣмъ не то при нашей цифрѣ: съ нею выкупъ на столько легко, что безъ обремененія совершается при какой угодно системѣ выкупной операціи.

Только это и хотѣли мы показать, излагая множество различныхъ системъ. Мы говоримъ: «Онѣ всѣ возможны на практикѣ. Возьмите ту, которая сообразна съ вашими намѣреніями.» Это еще не значитъ, чтобы въ нашемъ мнѣніи одна изъ нихъ не казалась рѣшительно лучше всѣхъ другихъ.

Какую же лично мы предпочитаемъ?—Развѣ и на это не служить уже отвѣтомъ все наше изложеніе? Развѣ не довольно взглянуть на сравнительную таблицу выгодъ, приносимыхъ государству разными системами, чтобы видѣть, какой изъ нихъ мы отдаемъ предпочтеніе?

За много страницъ передъ этимъ, начиная говорить о принятіи государствомъ на себя всей суммы выкупа, мы ставили два вопроса: возможно-ли это? и справедливо ли это? Но изъ нихъ мы разсмотрѣли только одинъ, о возможности. Неужели забыть нами второй—о справедливости? Теперь, когда мы нашли, что принять на себя весь выкупъ государству не только возможно, но и удобно; не только легко, но и выгодно; теперь мы припомнимъ нашъ второй вопросъ. Доказывать справедливость дѣла, успѣшнѣе всего можно, доказавши сначала, что оно и легко и выгодно.

Спрашивается, одни ли освобождаемые крестьяне выиграютъ отъ того, что уничтожается крѣпостное право? Нѣтъ, возродится отъ этого все государство, выиграютъ всѣ—отъ правительства до послѣдняго солдата, отъ Финляндца, незнавшаго о крѣпостномъ правѣ

между своихъ скалъ, до Сибириана, забывшаго о немъ между своихъ тундръ. Увеличатся государственные доходы, облегчится администрація, возникнетъ правосудіе, разовьется промышленность и торговля, приобрететъ небывалую доселѣ безопасность собственность и личность каждаго, смягчатся нравы, ослабѣютъ пороки, все государство и каждый человѣкъ въ государствѣ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ и богаче, и лучше, и счастливѣе, чѣмъ теперь. А кто выигрываетъ отъ какого нибудь дѣла, тотъ долженъ платить и расходы по этому дѣлу. Выигрываетъ вся нація, слѣдовательно и расходы должна нести вся нація.

«Но крѣпостные крестьяне выигрываютъ больше всѣхъ, слѣдовательно они и должны платить, если не всю сумму, то по крайней мѣрѣ большую часть ея». Во-первыхъ, не такъ легко рѣшить, какое именно сословіе больше выигрываетъ отъ освобожденія крестьянъ. Объ этомъ нужно еще подумать. И если хорошенько вникнуть въ дѣло, то окажется, что больше всего выиграютъ сами помѣщики, потомъ купцы и промышленники. Увеличатся ли вдвое доходы крестьянъ черезъ 10 лѣтъ, — этого мы еще не знаемъ; но въ томъ, что каждый сколько нибудь расчетливый помѣщикъ черезъ 10 лѣтъ будетъ получать вдвое больше дохода, чѣмъ теперь, — нѣтъ никакого сомнѣнія. Во-вторыхъ, еслибъ и дѣйствительно освобождаемые крестьяне выигрывали больше всѣхъ сословій, то вѣдь и по нашему проекту они одни даютъ правительству цѣлыхъ двѣ трети всѣхъ суммъ, на которые совершается правительствомъ выкупъ. Кажется, эта степень участія очень достаточна. Принятіе правительствомъ на себя всей суммы выкупа вовсе не служить къ тому, чтобы снять съ освобождаемаго сословія главную массу приношеній на выкупную операцію: правительство только беретъ въ свои руки эти суммы и служить посредникомъ. Этимъ посредничествомъ чрезвычайно облегчается и сокращается выкупная операція. Какъ же отказаться отъ посредничества, когда оно выгодно и для посредника и для обѣихъ сторонъ, между которыми становится посредникъ? Не ясно ли, что справедливость въ этомъ случаѣ согласна съ выгодною самой казны?

Выгоды, получаемыя казною черезъ то, что она приметъ на себя совершеніе всей выкупной операціи, — огромны. Если правительство найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства, на каждый израсходованный рубль оно получитъ рубль выгоды въ теченіе первыхъ же 27 лѣтъ; если оно не найдетъ возможности дѣлать этихъ выгодныхъ затратъ, все таки выгода ему будетъ огромная уже и отъ одного того, что оно употребитъ на облегченіе выкупной операціи сумму своего кредита, не жертвуя ничѣмъ изъ собственныхъ доходовъ.

Но главнѣйшая выгода и для казны и для націи состоитъ не въ томъ, что расходы по выкупной операціи значительно сокращаются и въ казнѣ остается болѣе 200,000,000 руб. сбереженія отъ принятія правительствомъ всего выкупа на счетъ государства. Главная выгода состоитъ въ томъ, что, принимая всю операцію на счетъ государства, правительство развязываетъ себѣ руки для преобразовательныхъ финансовъ системы. Мы уже говорили, что оба эти дѣла тѣсно связаны одно съ другимъ.

Эти соображенія заставляютъ насъ думать, что лучше всѣхъ другихъ практическихъ системъ та, которая занимаетъ два послѣдніе мѣста въ нашей сравнительной таблицѣ. Повторимъ здѣсь ея основанія.

Производится выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 руб. Возможность его доказана примѣрами прошлыхъ лѣтъ. Прибавимъ здѣсь, что подобный выпускъ на такое дѣло явился бы самымъ прочнымъ ручательствомъ за бережливость въ выпускахъ бумажныхъ денегъ на другіе расходы, менѣе произвольные, явился бы сильнѣйшимъ ручательствомъ за твердое намѣреніе сохранять балансъ бюджета, и слѣдовательно не понизилъ бы, а напротивъ возвысилъ бы государственный кредитъ.

Затѣмъ производится зачетъ долговъ по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ за приходящійся владѣльцамъ выкупъ, на сумму 450,000,000 руб. Если нужно для пополненія этой цифры, допускается до предѣловъ ея перенесенія частныхъ долговъ по помѣстьямъ, съ согласія кредитора и должника, на счетъ государства, черезъ посредство кредитныхъ учреждений. Такого зачета желаютъ сами помѣщики, справедливо находя въ немъ двойную выгоду для себя: капиталъ выкупа, дающій только 3%, служить уплатою за капиталъ долга, по которому платятъ они 4 процен.,—въ этомъ одна выгода. Другая въ томъ, что посредствомъ зачета чрезвычайно сокращается срокъ выкупа для облигацій, то есть, чрезвычайно ускорится полученіе владѣльцами остальныхъ денегъ за выкупъ.

За выпускомъ кредитныхъ билетовъ и зачетомъ долга, на остальные 200,000,000р. выкупной суммы выдаются облигаціи, приносящія три процента. Онѣ выкупаются третними тиражами, а еще лучше если тиражами еще болѣе частыми, двухмѣсячными или даже ежемѣсячными.

Судя по пропорціи между облигаціями, зачетомъ и выпускомъ кредитныхъ билетовъ, надобно считать, что владѣльцы до 400 или даже до 500 душъ получаютъ немедленно и сплошными наличными деньгами всю часть выкупа, какаю слѣдуетъ имъ послѣ зачета долга.

И такъ, ждать нѣсколько времени удовлетворенія по своимъ об-

лигаціямъ придется только не многимъ богатымъ людямъ, — и то очень недолго.

Срокъ выкупа облигацій и вообще продолженія выкупной операціи зависитъ отъ того, — найдетъ ли правительство удобнымъ усилить выкупныя средства заимствованіями изъ другихъ источниковъ дохода, или оставить выкупную операцію исключительно дѣйствию собственныхъ средствъ выкупа.

Если эти средства останутся безъ усиленія вспоможеніями изъ другихъ источниковъ, будучи только доведены небольшою прибавкою $1\frac{1}{4}$ милліона рублей въ годъ до круглой цифры 50 милліоновъ въ годъ, то выкупъ всѣхъ облигацій кончается въ 24 тиража или 8 лѣтъ, а выкупъ долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями съ помѣстій на счетъ государства, — въ 14 лѣтъ и два мѣсяца. Выкупъ обѣихъ этихъ статей (всего 650 милл. капитала) съ уплатою по нимъ процентовъ требуетъ 739,460,000 руб., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ весь итогъ выкупной операціи простирается до 901,960,000 руб. Сравнительно съ выкупомъ на тѣ же средства, но безъ могущественныхъ облегченій, доставляемыхъ ему правительствомъ черезъ содѣйствіе государственнаго кредита, казна выигрываетъ болѣе 230 милліоновъ, безъ всякихъ денежныхъ усилій со стороны казны.

Если же правительство найдетъ возможность возвысить прибавкою собственныхъ средствъ ежегодный оборотъ выкупной операціи напримѣръ до 75 милл., казна черезъ это усиліе еще выиграетъ болѣе 44 милл. рублей; при этомъ выкупъ облигацій весь кончается въ 14 тиражей или 4 года и 8 мѣсяцевъ, а выкупъ долга по кредитнымъ учрежденіямъ — въ 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Для лучшаго объясненія, прилагаемъ таблицы выкупа на принимаемыхъ нами основаніяхъ при томъ и другомъ размѣрѣ выкупныхъ средствъ. Вотъ краткій перечень этихъ основаній:

Таблицы выкупа въ 75 рублей на душу (812,500,000, р.), съ немедленною выдачею всей причитающейся суммы владѣльцамъ до 450 душъ и съ выкупомъ всѣхъ остальныхъ выкупныхъ облигацій въ 4 года и 8 мѣсяцевъ (по таблицѣ А) или въ 8 лѣтъ (по таблицѣ В), въ томъ и другомъ случаѣ безъ иностраннаго займа. Выкупъ покрывается выпускомъ на 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ, зачетомъ 450,000,000 р. помѣстнаго долга, переносимаго кредитными учрежденіями на счетъ государства (за этотъ долгъ правительство платитъ полтора процента кредитнымъ учрежденіямъ) и выпускомъ 3-хъ-процентныхъ выкупныхъ облигацій на 200,000,000 р. ср.

А.

ТАБЛИЦА ВЫКУПА СЪ УСИЛЕНИЕМЪ ВЫКУПНЫХЪ СРЕДСТВЪ ДО 75,000,000
Р. ПОСРЕДСТВОМЪ ПРИБАВКИ ИЗЪ СРЕДСТВЪ КАЗНЫ.

ДОЛГЪ ВЪ КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНИЯХЪ					ОБЛИГАЦІИ		
Счетъ годамъ и третьямъ года.	Проценты за треть на капиталъ, остававшийся къ началу третьи (въ ты- сячахъ руб- лей).	Вносится на пога- шение капитала (въ мил- ліонахъ).	Остается долга къ слѣдую- щей трети (въ мил- ліонахъ).	Проценты на остав- шіяся отъ предыдущей трети обли- гаціи (въ ты- сячахъ руб- лей).	Посред- ствомъ тиража выку- пается облигацій (въ мил- ліонахъ).	Послѣ тиража остается невку- пленныхъ облигацій (въ мил- ліонахъ).	
1 и 2 годы.	1	2250	8	442	2000	15	185
	2	2210	8	434	1850	15	170
	3	2170	8	426	1700	15	155
	4	2130	8	418	1550	15	140
	5	2090	8	410	1400	15	125
	6	2050	8	402	1250	15	110
3 и 4 годы.	7	2010	8	394	1100	15	95
	8	1970	8	386	950	15	80
	9	1930	8	378	800	15	65
	10	1890	8	370	650	15	50
	11	1850	8	362	500	15	35
	12	1810	8	354	350	15	20
5 и 6 годы.	13	1770	8	346	200	10	10
	14	1730	8	338	100	10	»
	15	1690	18	330			
	16	1600	24	296			
	17	1480	24	272			
	18	1360	24	248			
7 и 8 годы.	19	1240	24	224			
	20	1120	24	200			
	21	1000	24	176			
	22	880	24	152			
	23	760	24	128			
	24	640	24	104			
9 и 10 годы.	25	520	24	80			
	26	400	24	56			
	27	280	24	32			
	28	160	24	8			
	29	40	8	»			
Итого	31030	450		14400	200		

Итого по обѣмъ статьямъ уплачено капитала 650,000,000 р., процентовъ 45,430,000 р., всего 695,430,000 р., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (162,500,000 р.) весь расходъ на выкупную операцію составитъ 857,930,000 р.

В.

ТАБЛИЦА ВЫКУПА, ПРОИЗВОДИМАГО БЕЗЪ ВСЯКИХЪ УСИЛІЙ СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЫКУПНЫМИ СРЕДСТВАМИ. ГОДИЧНАЯ СУММА ВЫКУПНЫХЪ СРЕДСТВЪ ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ 50 МИЛЛІОНОВЪ РУБЛЕЙ.

ДОЛГЪ ВЪ КРЕДИТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

ОБЛИГАЦІИ.

Счетъ годамъ и третямъ года.	Проценты за треть на капиталъ, оставашійся къ началу трети (въ ты- сячахъ руб- лей).	Вносится на погаше- ніе капитала (въ мил- ліонахъ).	Остается долга къ слѣдую- щей трети (въ мил- ліонахъ).	Присланы на выкуп- ленные отъ прошлой трети обли- гаціи (въ тысячахъ рублей).	Выку- пается посред- ствомъ тиража облигацій (въ мил- ліонахъ).	Послѣ тиража остается невкуп- ленныхъ облигацій (въ мил- ліонахъ).	
1 и 2 годы.	1	2250	5	445	2000	8	192
	2	2225	5	440	1920	8	184
	3	2200	5	435	1840	8	176
	4	2175	5	430	1760	8	168
	5	2150	5	425	1680	8	160
	6	2125	5	420	1600	8	152
3 и 4 годы.	7	2100	5	415	1520	8	144
	8	2075	5	410	1440	8	136
	9	2050	5	405	1360	8	128
	10	2025	5	400	1280	8	120
	11	2000	5	395	1200	8	112
	12	1975	5	390	1120	8	104
5 и 6 годы.	13	1950	5	385	1040	8	96
	14	1925	5	380	960	8	88
	15	1900	5	375	880	8	80
	16	1875	6	369	800	8	72
	17	1845	6	363	720	9	63
	18	1815	6	357	630	9	54
7 и 8 годы.	19	1785	6	351	540	9	45
	20	1755	6	345	450	9	36
	21	1725	6	339	360	9	27
	22	1695	6	333	270	9	18
	23	1665	6	327	180	9	9
	24	1635	6	321	90	9	„
9 и 10 годы.	25	1605	16	305			
	26	1525	16	289			
	27	1445	16	273			
	28	1365	16	257			
	29	1285	16	241			
	30	1205	16	225			

Т. LXXIII. Отд. II.

1/6

ДОЛГЪ ВЪ КРЕДИТНЫМЪ УЧРЕЖДЕНИЯМЪ.

ОБЛИГАЦІИ.

Счетъ годамъ и третямъ года.	Проценты за треть на капиталъ, оставшіеся къ началу трети (въ ты- сячахъ руб- лей).	Вносится на пога- шеніе капитала (въ мил- ліонахъ).	Остается слѣдую- щей трети (въ мил- ліонахъ).	Проценты паневыкуп- ленныя отъ прошлой трети обли- гацій (въ ты- сячахъ руб- лей).	Выку- пается посред- ствомъ тиража облигацій (въ мил- ліонахъ).	Послѣ тиража остается невкуп- ленныя облигацій (въ мил- ліонахъ).
11 и 12 годы.	31	1125	16	209		
	32	1045	16	193		
	33	965	16	177		
	34	885	16	161		
	35	805	16	145		
	36	725	16	129		
13 и 14 годы.	37	645	16	193		
	38	565	16	97		
	39	485	16	81		
	40	405	16	65		
	41	325	16	49		
	42	245	16	33		
15 г.	43	165	16	17		
	44	85	17	«		
<hr/>						
Итого .	63820	450		25640	200	

Итого по обѣимъ статьямъ уплачено капитала 650.000,000 р., процентовъ 89,460,000 р., всего 739.460,000, а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ 162,500,000) весь расходъ на выкупную операцію составитъ 901,960.000 р.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VII.

БИБЛІОГРАФІЯ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 7. .

Статья г. И Капниста: «Нѣсколько данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить положеніе крестьянъ въ Южной Россіи». Авторъ начинаетъ ссылкой на статьи Свода Законовъ, на основаніи которыхъ въ каждомъ помѣщицьемъ имѣніи должно быть земли неменѣе четырехъ съ половиною десятинъ на ревизскую душу, а крестьяне обязаны работать на помѣщика три дня въ недѣлю, половину всего рабочаго времени. Изъ этого г. Капнистъ выводитъ, что нормальный надѣлъ крестьянъ землею, по смыслу законовъ, составляетъ $2\frac{1}{4}$ десятины на душу, что однако же вовсе не слѣдуетъ изъ приводимыхъ имъ статей, потому что въ имѣніяхъ, заключающихъ въ себѣ minimum допускаемаго по закону количества земли, часть тягла обыкновенно сажалась на оброкъ, а слѣдовательно господское хозяйство устраивалось не по полному числу тягла, а въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и занимало менѣе половины земли. Затѣмъ, полагая тяглое семейство въ три души, авторъ считаетъ, что каждое семейство будетъ имѣть $6\frac{3}{4}$ десятинъ, которыя распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: $\frac{3}{4}$ десятины подъ усадьбою и огородомъ, 3 десятины подъ посѣвомъ хлѣба (слѣдовательно по $1\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ); не мало-вато ли это: по $1\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ на продовольствіе цѣлой семьи

Т. XXXIII. Отд. II.

6

изъ 3 душъ муж. пола, т. е. 6 душъ обоего пола?); $1\frac{1}{2}$ десят. подъ сѣнокосомъ и полторы подъ паромъ. Относительно тѣхъ имѣній, въ которыхъ вся земля составляетъ менѣе 4 дес. на душу, или гдѣ за выдѣломъ этой пропорціи осталось бы слишкомъ мало земли для помѣщика, авторъ полагаетъ, что владѣльцамъ слѣдуетъ обратиться къ Государю Императору со всеподданнѣйшею просьбою о дозволѣніи извѣстнымъ крестьянамъ переселиться на пустопорожнія казенныя земли, или на земли другихъ владѣльцевъ. (Не легче ли помѣщику, если онъ имѣетъ охоту заниматься непременно сельскимъ хозяйствомъ, купить себѣ землю на тѣ деньги, которыя онъ получитъ за отданную крестьянамъ землю? Въдъ ему расчетъ одинъ и тотъ — остаться при прежнихъ 100 десятинахъ, стоящихъ по 50 р., или получивъ за нихъ деньги, купить 100 десятинъ по 50 р. въ другой дачѣ. Онъ тутъ не теряетъ ничего, а для крестьянъ переселеніе очень убыточное дѣло. Но объ этомъ послѣ). За каждую десятину отведенной крестьянскому обществу земли оно должно поставлять одного рабочаго на 30 дней по урочному положенію, съ раздѣленіемъ ихъ на четыре времени года, считая рабочій день женщинъ и мальчиковъ до восемнадцати лѣтъ въ половину противъ дня взрослого мужчины, и съ предоставленіемъ крестьянамъ отбывать рабочіе дни, по произволу, натурою или деньгами. (Почему же 30 рабочихъ дней за десятину, почему не 50, или вѣрнѣе сказать, почему не 15 или не 12? Этого мы не видимъ, а видимъ только — но и объ этомъ послѣ.) Подати и земскіе сборы должны быть раскладываемы не подушно, а по рабочимъ силамъ (40 проц. всего лежащаго на обществѣ оклада) и по имуществу (остальные 60 процентовъ), облагая податью силы всѣхъ крестьянъ отъ 14 до 60-ти лѣтнаго возраста, а податью съ имущества всѣхъ безъ исключенія, пропорціонально количеству земли, которою они владѣютъ. Помѣщикамъ авторъ полагаетъ предоставить право самимъ обрабатывать свою землю или отдавать ее въ арендное содержаніе, вмѣстѣ съ слѣдующими отъ крестьянъ днями, по контрактамъ, утверждаемымъ уѣзднымъ комитетомъ и подъ наблюденіемъ его. Мы полагали бы, что уже довольно и того, если барщина останется принадлежностью самого помѣщика, — обязательный трудъ не такая вещь, чтобы его можно было передавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки, да еще арендатору. Если остается обязательный трудъ, помѣщикъ остается не просто собственникомъ земли, а попрежнему лицомъ, которому правительство ввѣрило извѣстную степень власти надъ людьми. Извѣстно, что гражданское право не допускаетъ власть надъ людьми, т. е. обязанность, ввѣряемую правительствомъ, передавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ расчетъ доходовъ, которые надѣленное по принятой имъ нормѣ семейство можетъ получать съ своей земли, и исчисляетъ, что съ трехъ десятинъ, полагая 15 копѣй съ каждой, умолотомъ по четыре мѣры или по четыре пуда зерна, получится 45 копѣй или 180 пудъ, изъ которыхъ на годовое продовольствіе потребуются 140 пудъ, а остальные 40 могутъ быть проданы и принесутъ 8 р. сер., сумму достаточную для уплаты лежащихъ на семействѣ податей; притомъ получится соломы достаточно для прокормленія трехъ штукъ крупнаго скота и шести овецъ. За отведенную семейству землю оно обязано дать помѣщику около 200 мужскихъ рабочихъ дней, а такъ какъ хозяинъ имѣетъ въ годъ 300 дней, жена его, считая ея работу въ половину противъ мужской, 140, и остальные члены семейства, которыхъ полагается примѣрно четыре, принимая ихъ день за $\frac{1}{4}$ дня, еще 300, всего 750, для обработки же собственной земли достаточно 200 дней, то остается 350 дней, въ которые посредствомъ постороннихъ заработковъ могутъ быть приобретены средства, достаточныя на одежду, обувь и прочія крестьянскія надобности.

Помѣщикъ, имѣющій 450 десят. земли, на которыхъ поселены 100 душъ крестьянъ, употребляя изъ числа слѣдующихъ ему отъ крестьянъ 7,750 рабочихъ дней только 3,948, по расчету автора, можетъ продавать хлѣба примѣрно на 1,209 р. 60 коп., шерсти и овецъ на 500 руб., и сверхъ того получать за остальные 2,802 дня по 10 коп. сер. за день, что составитъ всего дохода съ имѣнія 1,989 р. 80 коп.

Въ расчетахъ г. Капниста прежде всего поражаетъ насъ огромное количество барщиннаго труда, которое онъ считаетъ возможнымъ положить на крестьянъ за отводимую въ пользованіе ихъ землю: по существовавшему при крѣпостномъ состояніи порядку, помѣщикъ не имѣлъ права требовать болѣе 150 или даже 140 мужскихъ и столько же женскихъ рабочихъ дней съ тягла, а на практикѣ получалъ обыкновенно значительно меньше, какимъ бы количествомъ земли крестьяне ни владѣли; и этотъ размѣръ работы нынѣ почти всѣми признается преувеличеннымъ и превышающимъ цѣнность отдаваемыхъ крестьянамъ земель, такъ что общее мнѣніе требуетъ уменьшенія рабочихъ дней, по крайней мѣрѣ до двухъ въ недѣлю. Между тѣмъ г. Капнистъ полагаетъ еще большее число мужскихъ дней, примѣрно до 200 съ тягла; правда, что онъ за то вовсе не предполагаетъ женскихъ рабочихъ дней, которые слѣдовательно могутъ отчасти замѣнять собою мужской трудъ, но считаясь въ половину противъ мужскаго дня, весьма мало облегчаютъ отбываніе наложенной

на семейство барщины, такъ что хозяинъ, чтобы уменьшить число своихъ барщинныхъ дней, хотя пятидесятью, до прежняго размѣра, долженъ послать на господскую работу свою жену на 100 дней. При томъ самое назначеніе земли не по тягламъ, а по душамъ, и рабочихъ дней по количеству земли требуетъ усвоенія крестьянами общиннаго понятія до крайнихъ его послѣдствій, такъ какъ барщинные дни должны будутъ отбываться по особому, сдѣланному внутри самой общины распределенію, совершенно независимо отъ количества отведенной каждому семейству земли; иначе крестьянинъ, имѣющій много дѣтей и получившій по числу ихъ самый большой участокъ, отбывалъ бы столько барщинныхъ дней, что веденіе собственнаго хозяйства и прокормленіе семьи сдѣлались бы для него невозможными. Происходящая отъ этого сложность расчетовъ необходимо должна производить частые споры и несогласія между крестьянами. Что же касается до самаго размѣра, въ которомъ ихъ должно надѣлить землею, то по нашему мнѣнію едва ли не лучше всего было бы, не принимая никакой общей нормы, оставить надѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сдѣланъ тогда, когда интересы крестьянъ были ближе связаны съ выгодами владѣльца.

Замѣчательна еще необыкновенно дешевая оцѣнка крестьянскаго труда, по 10 коп. за мужской рабочій день безъ различія работы пѣшей или на волахъ. Весьма сомнительно, чтобы въ Полтавской губерніи существовала такая средняя цѣна, между тѣмъ какъ въ пограничныхъ съ нею уѣздахъ Харьковской (ст. г. Данилевскаго въ томъ же номерѣ «Харьковскій поселянинъ въ настоящее время») лѣтній мужской день стоитъ отъ 20 до 30 коп. сер., а зимній отъ 10 до 20-ти.

Что касается до предположенія г. Капниста о переселеніи нѣкоторыхъ изъ крестьянъ малоземельныхъ имѣній на казенныя земли другихъ владѣльцевъ, то оно съ одной стороны нарушило бы общій порядокъ оставленія крестьянъ на тѣхъ же мѣстахъ, а съ другой стороны, при отводѣ имъ, конечно на общихъ правахъ государственныхъ крестьянъ, земель изъ казенныхъ дачъ, могло бы подать поводъ къ неудовольствію тѣмъ, которые остались бы на земляхъ помѣщика, съ обязанностью такъ или иначе выкупить усадьбы и отбывать барщину. Проще было бы въ подобныхъ имѣніяхъ или оставить весьма незначительную по количеству остающейся земли господскую запашку, или даже раздѣлить всю землю крестьянамъ, съ обложеніемъ ихъ соотвѣтственнымъ оброкомъ.

Эту статью мы потому разобрали такъ подробно, что хотя и невозможно согласиться съ основными положеніями автора ея, но она

заключаетъ довольно полное и со всѣхъ сторонъ обработанное предположеніе о будущемъ устройствѣ поземельныхъ отношеній.

Статья г. Николая Чарыкова «Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Пензенской губерніи» заключаетъ въ себѣ много жалобъ на лѣность крестьянъ и расположеніе ихъ къ нищенству, которыми многіе изъ нихъ, по удостовѣренію автора, занимаются систематически: нанимаютъ для прошенія милостыни мальчиковъ, съ которыми отправляются въ болѣе или менѣе далекія путешествія и возвращаются съ нѣсколькими сотнями рублей. Какіе странные люди! Имѣютъ расположеніе къ нищенству! Не имѣютъ ли они также расположенія къ голоду, холоду или лежанію больными? Предположеніе г. Чарыкова о будущемъ устройствѣ крестьянъ заключается въ томъ, чтобы имъ для образованія осѣлости, дать, конечно съ выкупомъ чрезъ какое либо кредитное учрежденіе или банкъ, усадьбы и по возможности выгонъ, и сверхъ того по десятинѣ на душу полевой земли, съ тѣмъ, чтобы они за нее работали на помѣщика $1\frac{1}{2}$ дня въ недѣлю и обрабатывали ее миромъ для уплаты государственныхъ податей, процентовъ за выкупъ и образованія капитала. Эгого оборота авторъ расчитываетъ такимъ образомъ. Полагая на 100 душъ 100 десятинъ пашни въ трехъ поляхъ, въ каждомъ полѣ будетъ $33\frac{1}{3}$ дес.; при хорошей обработкѣ, уродится, сверхъ сѣмянъ, ржи 6 четвертей и овса 10 четв. на десятинѣ, итого 200 четв. ржи и 330 четв. овса; изъ этого количества въ первые три года слѣдуетъ исключать, для образованія хлѣбнаго мірскаго запаса, по четверти ржи и овса на душу; поступить въ продажу ржи 100 четв. по 2 р. сер. и овса 233 по 1 руб., всего на 433 руб. На уплату податей требуется 200 руб. сер. и столько же на проценты и погашеніе долга въ кредитное мѣсто, уплатившее за выкупъ усадебъ: останется такимъ образомъ въ первые три года 100 руб. сер., а затѣмъ въ слѣдующіе 9 лѣтъ къ окончанію переходнаго времени, за вычетомъ ежегоднаго расхода въ 400 руб., составитъ капитала съ нарастающими на него процентами 4,368 руб. 76 коп. сер. — сумма, достаточная на покупку значительнаго участка земли въ собственность общины. Для обработки означенной мірской земли весьма достаточно $1\frac{1}{2}$ дня въ недѣлю, такъ что крестьяне имѣли бы для прокормленія себя съ семействами, посредствомъ наемной работы у помѣщика, или воздѣлыванія снятыхъ у него по добровольнымъ условіямъ земель, остальные три дня.

Въ заключеніе г. Чарыковъ говоритъ, что можно бы было обществу дать и болѣе земли, но пришлось бы ему тогда гораздо больше работать на помѣщика — до трехъ дней и болѣе; работа, какъ при-

нужденная, исполнялась бы небрежно, возникали бы съ обѣихъ сторонъ жалобы, и вслѣдствіе того отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ сдѣлались бы враждебными. На это мы можемъ возразить, что если бы кредитное учрежденіе, давшее капиталъ на выкупъ усадебъ, выкупило и достаточное для прокормленія крестьянъ количество полевой земли, то они, зарабатывая сверхъ доходовъ отъ своей земли, для воздѣлыванія которой достаточно бы было половины тягла, довольно значительныя по ихъ быту деньги наемною работою у помѣщиковъ, могли бы, посредствомъ мірской запашки или ежегодныхъ взносовъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ погасить долгъ, и тогда безъ принужденной работы, о которой говоритъ авторъ, сдѣлались бы независимыми собственниками отведенной имъ земли. Вообще же, хотя многіе опровергаютъ всѣ проекты, основанные на мірскихъ запашкахъ, тѣмъ, что мірскія земли будутъ скупо удобряться и плохо обрабатываться, а потому не принесутъ ожидаемыхъ урожаевъ, — предположенія г. Чарыкова можно было бы признать довольно практичными, если бы крестьяне могли понять освобожденіе съ сохраненіемъ барщины. А если необходимо отмѣнить барщину, то конечно надобно нѣсколько измѣнить расчетъ. Во всякомъ случаѣ, назначаемый крестьянамъ размѣръ работы на помѣщика, $1\frac{1}{2}$ дня въ недѣлю, за землю, отведенную въ количествѣ одной десятины на душу, слѣдовательно отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ десятинъ на тягло, намъ кажется преувеличенъ.

Статейка помѣщика Старобѣльскаго уѣзда, г. Гаршина, заключаетъ въ себѣ развитіе одной, весьма справедливой мысли, а именно: что если земли, отводимыя крестьянамъ, не будутъ выкуплены, и крестьяне должны будутъ за нихъ работать на помѣщика, то лучше, вмѣсто опредѣленнаго оклада работъ, назначить оброчную плату, съ предоставленіемъ помѣщикамъ и крестьянамъ, по обоюдному соглашенію, замѣнять денежную плату работою, отчего эта работа потеряетъ характеръ принужденнаго труда.

Статья г. Ильи Никифорова «Объ усадьбахъ» заключаетъ въ себѣ отвѣты на нѣкоторые вопросы, предложенныя въ № 1 «Журнала Землевладѣльцевъ». Такъ какъ между этими вопросами большая часть такихъ, которые общественнымъ мнѣніемъ уже рѣшены окончательно, то мы обратимъ вниманіе только на одинъ изъ нихъ, о которомъ до сихъ поръ происходятъ нерѣдко горячіе споры.

О пространствѣ усадебныхъ земель, которыя должны быть отведены крестьянамъ, авторъ говоритъ, что, какъ извѣстно ему на практикѣ, въ настоящее время усадьбы среднею мѣрою простираются отъ 1,400 до 1,600 сажень, и что первая изъ этихъ цифръ могла

бы быть принята за норму. А какъ въ настоящее время многіе хозяева, чтобы имѣть особое обезпеченіе въ исправной уплатѣ крестьянами податей, прибавляютъ въ каждой усадьбѣ 1,000 саж. земли, которая за неуплату отбирается, то г. Никифоровъ предлагаетъ принять эту мѣру и при переходѣ крестьянъ въ срочно обязанное состояніе.

Предполагасмый авторомъ размѣръ усадебъ, основанный на свѣдѣніяхъ о нынѣ принятомъ среднемъ пространствѣ ихъ, намъ кажется почти достаточнымъ; что же касается до прирѣзанія къ каждой усадьбѣ добавочнаго участка, то главное неудобство, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что если такъ или иначе выкупятся полевые земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ и окружающія деревню со всѣхъ сторонъ, то эти мелкіе участки, данные имъ для обезпеченія уплаты податей, но принадлежащіе собственно помѣщику, будутъ находиться посреди крестьянской земли, и слѣдовательно образуютъ чрезполосное владѣніе.

Въ статьѣ г. Персіанова «Оцѣнка вознагражденія за трудъ крестьянина въ барщинномъ помѣщичьемъ имѣніи Тульской губерніи,» авторъ дѣлаетъ расчетъ, по которому оказывается, что крестьянинъ, надѣленный на тягло 6 десятинами полевой земли, $1\frac{1}{2}$ десятины сѣнокоса и усадьбою въ $\frac{1}{4}$ дес., получаетъ примѣрнаго валоваго дохода 71 руб. 20 коп., а за исключеніемъ того, что стоитъ обработка земли по наемнымъ цѣнамъ — 29-ти руб. 98-ти коп., остается чистой прибыли 41 руб. 22 коп., слѣдовательно вознагражденіе его землею составляетъ ровно половину дѣйствительной цѣнности его работы. Этотъ результатъ былъ бы поразителенъ, если бы изъ расчета г. Персіанова не было видно, что онъ принялъ за норму господской запашки $2\frac{1}{4}$ десят. на тягло въ каждомъ полѣ; мы не можемъ не усомниться, чтобы въ большей части имѣній Тульской губерніи дѣйствительно существовали такія огромныя запашки, требующія по самому расчету автора 200 мужскихъ и столькихъ же женскихъ дней, а по нашему мнѣнію едва ли не болѣе, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 50 мужскими и 50 женскими днями болѣе дозволеннаго закономъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 8.

Статья г. Кривцова «Мнѣніе Орловскаго и Саратовскаго помѣщика,» заключаетъ въ себѣ мысли автора по поводу нѣкоторыхъ §§ предложеній г. министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній

объ открытіи комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ; такъ примѣръ по новоду § 1, въ которомъ сказано: «устройство крестьянъ должно быть произведено не вдругъ, а постепенно, для того крестьяне должны быть въ переходномъ состояніи»,—авторъ говоритъ, что «ни въ какомъ случаѣ не должно допускать крестьянъ къ участию въ составленіи какихъ бы то ни было условій,... такъ какъ отъ столкновенія интересовъ, по невѣжеству крестьянъ, могутъ произойти разныя непріятности и безпорядки». Мы полагали, что по Своду Законовъ только тѣ дѣла считаются правильно ведеными, въ которыхъ одинаково выслушивались обѣ стороны, и только тѣ контракты признаются дѣйствительными, въ которыхъ условія не продиктованы одною стороною безъ согласія другой. Относительно натуральныхъ повинностей, которыми крестьяне должны быть обложены за землю, авторъ находитъ, что прежняго порядка трехдневной работы не должно измѣнять ни ограничивать никакими инвентаріями, развѣ только для того, чтобы поравнять общіе интересы, назначить въ тягла всѣхъ безъ исключенія крестьянъ и, заведя запашку по числу этихъ новыхъ тягелъ, (которыхъ будетъ болѣе прежняго по крайней мѣрѣ въ полтора раза) отдѣлить половину земли для помѣщика, съ тѣмъ, чтобы изъ каждаго двухъ тягелъ одно постоянно находилось на барщинѣ, которая такимъ образомъ составитъ гораздо большее число рабочихъ дней, чѣмъ могло быть при прежнемъ порядкѣ (замѣтить должно при этомъ, что говоритъ помѣщикъ многоземельной губерніи Саратовской, гдѣ количество пашни большею частію ограничивается только числомъ рукъ), — и сверхъ того еще предоставить помѣщику право требовать на 12 дней каждый годъ всѣ тягла сгономъ, въ уплату долга за усадьбы, который такимъ образомъ долженъ быть платимъ въ теченіе 12-ти лѣтъ. Предоставляемъ читателямъ оцѣнить мысли г. Кривцова.

Статья г. Кичеева «Мысли по крестьянскому дѣлу» заключаетъ въ себѣ почти тѣже предположенія. Авторъ сверхъ того признаетъ справедливымъ обрабатывать господскія и крестьянскія поля сообща, и урожай дѣлить пополамъ, а въ оброчныхъ имѣніяхъ мѣру крестьянской повинности предоставить опредѣлять помѣщикамъ, съ правомъ измѣнять ее при каждой ревизіи и съ тѣмъ, чтобы даже тѣ изъ крестьянъ, которые уже выкупили свои усадьбы (выкупъ предполагается отдѣльный по семьямъ) не имѣли права отказываться отъ лежащихъ на нихъ повинностей, а за отказъ облагались двойнымъ оброкомъ. Этимъ предположеніямъ, кромѣ ограниченія права прибавлять оброкъ, временемъ ревизій, ничѣмъ не разнятся отъ порядка существующаго при крѣпостномъ правѣ.

Статья г. Бэля «А что сдѣлать съ крестьянами нищими» начинается описаніемъ состоянія двухъ имѣній, доведенныхъ до совершеннаго разоренія: одно необдуманнѣйшими нововведеніями, безполезными постройками и т. д., а другое постояннымъ выжиманіемъ изъ него крайнихъ возможныхъ выгодъ всѣми средствами, въ числѣ которыхъ была поголовная барщина по пяти дней въ недѣлю, съ вычетомъ ненастныхъ дней и наверстаніемъ ихъ въ хорошую погоду. Отъ положенія самыхъ имѣній авторъ переходитъ къ нравственному состоянию крестьянъ, которые, по его мнѣнію, такъ унижены и убиты духомъ, такъ сроднились съ своею нищетою, что не только по бѣдности своей не имѣютъ никакой возможности выкупить усадьбы, или безъ посторонняго пособія обзавестись всѣмъ нужнымъ для успѣшнаго хозяйства, но даже, и при оказаніи имъ помощи неспособны употребить ее въ пользу, безъ учрежденія надъ ними строжайшей опеки. Въ примѣръ трудности, которую представляетъ улучшеніе состоянія подобныхъ крестьянъ, г. Бэль приводитъ одно небольшое имѣніе въ Московской губерніи, которое послѣ нѣсколькихъ владѣльцевъ, разорившихъ его, наконецъ досталось благонамѣренному человѣку: не смотря на неусыпные труды и значительныя пожертвованія помѣщика, едва въ десять лѣтъ удалось ему нѣсколько улучшить состояніе крестьянъ; а до тѣхъ поръ все, что онъ давалъ имъ для поправки ихъ хозяйства, пропивалось въ Москвѣ. Въ видѣ перваго шага къ улучшенію состоянія нищихъ крестьянъ и вознагражденія ихъ за понесенные сверхъ законной мѣры труды, авторъ предлагаетъ отдать имъ усадьбы безвозмездно.

На это редакторъ «Журнала Землевладѣльцевъ» въ сдѣланной имъ выноскѣ возражаетъ, что хотя конечно помѣщикъ, посредствомъ злоупотребленія крѣпостнаго права доведши крестьянъ своихъ до нищенства, еще весьма немного вознаградитъ ихъ, если отдастъ имъ усадьбы даромъ, но сдѣлать такое пожертвованіе обязательнымъ невозможно, по самой невозможности доказать, что разореніе крестьянъ произошло именно отъ этого злоупотребленія, а не отъ другихъ причинъ; относительно же имѣній, переходившихъ въ разныя руки, — доказать, что настоящій владѣлецъ разстроилъ имѣніе, а не одинъ изъ его предшественниковъ; и если бы даже это было вполне доказано, то какъ разувѣрить сосѣднихъ крестьянъ, что они не имѣютъ права на такое же снисхожденіе?

Отвѣта на это возраженіе, — сознаемся съ прискорбіемъ, — мы не находимъ, кромѣ того, который можетъ быть найденъ въ Сводѣ Законовъ, именно въ тѣхъ статьяхъ, которыя говорятъ о превышеніи и злоупотребленіи власти и о взысканіяхъ за то. Но единствен-

нымъ средствомъ къ открытію истины могли бы быть показанія сосѣдей: можно ли ожидать отъ нихъ безпристрастія? Намъ кажется, что возможно, потому что было бы оскорбительно для помѣщиковъ предполагать въ большинствѣ сосѣднихъ помѣщиковъ расположеніе давать фальшивыя показанія; притомъ о фальшивыхъ показаніяхъ есть статьи въ XV томѣ «Свода Законовъ». Не забудемъ также, что и сосѣдніе крестьяне также сосѣди. Притомъ могутъ быть свидѣтелями разные чиновники, купцы и разночинцы; въ каждомъ уѣздѣ можно найти множество людей разнаго званія, хорошо знакомыхъ съ бытомъ окрестныхъ деревень и хозяйствомъ помѣщиковъ. А по закону достаточно показаніе двухъ свидѣтелей. Можно бы также спросить: какъ, не говоря уже о лицахъ, *спокойно* умершихъ, — привлечь къ отвѣтственности тѣхъ, которые, выжавъ изъ крестьянъ послѣдній сокъ (техническое выраженіе) и составивъ иногда такимъ образомъ значительные капиталы, продали выгодно имѣнія, хотя и за нѣсколько меньшую цѣну противъ благоустроенныхъ, и наслаждаются теперь плодомъ своихъ *праведныхъ* трудовъ? На это въ Сводѣ Законовъ также есть правила, которыя были бы достаточны для большей части подобныхъ случаевъ (о вознагражденіи лица, потерпѣвшаго убытокъ по взысканію съ имущества проданнаго ему другимъ и подвергшагося взысканію). А если бы нѣкоторые немногіе изъ лицъ, продавшихъ такіа имущества, и могли ускользнуть отъ взысканія, то эти исключенія не могли бы служить препятствіемъ дѣйствію общаго постановленія: нѣтъ такого проступка, по которому нѣкоторые виновные не успѣвали бы укрыться отъ дѣйствія закона. Надобно впрочемъ вообще сознаться, что еще не скоро могутъ быть излечены всѣ язвы, нанесенныя Россіи крѣпостнымъ состояніемъ. Но во всякомъ случаѣ излеченіе самой глубокой между этими язвами — *прав*ственного униженія крестьянъ, подъ гнетомъ нищеты потерявшихъ сознаніе человѣческаго достоинства, — должно ожидать отъ благотворнаго дѣйствія времени и новыхъ, истинно человѣческихъ отношеній, въ которыя они будутъ поставлены, а не отъ предполагаемой г. Бѣлемъ опеки, которая въ глазахъ крестьянъ составила бы продолженіе крѣпостнаго состоянія, въ то время, какъ вокругъ себя они видѣли бы другихъ свободными. Въ высокой степени желательно было бы, чтобы нашлось средство подкрѣпить этихъ несчастныхъ на пути къ исправленію только дѣйствительнымъ, хорошо рассчитаннымъ пособіемъ, а не опекою—да и кому поручить эту опеку? Лучше предоставить ихъ собственнымъ силамъ, предполагая конечно, что имъ была бы дана въ ссуду, съ разсрочкою на извѣстное число

лѣтъ, сумма, нужная на выкупъ усадебъ и необходимаго количества полевой земли, такъ какъ мы и вообще считаемъ это единственнымъ хорошимъ способомъ къ прочному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ выкупъ владѣльцамъ разоренныхъ имѣній, отъ которыхъ отошли бы во владѣніе крестьянъ разоренныя также усадьбы и истощенныя поля, могло бы быть назначено вознагражденіе въ меньшемъ противъ другихъ помѣщиковъ размѣрѣ, и слѣдовательно крестьянамъ пришлось бы уплачивать меньшую сумму. Затѣмъ можно надѣяться, что сначала опомнятся между ними самыя энергическія натуры и, при свойственной русскому крестьянину практичности, поймутъ, что положеніе ихъ уже не безвыходно, а нашедши счастливый исходъ, покажутъ примѣръ и подадутъ руку помощи остальнымъ. Извѣстно на практикѣ, что иногда обогащеніе одного двора въ деревнѣ распространяло благотворное вліяніе на цѣлую общину, такъ что многіе помѣщики нарочно не отпускали на волю семейство, могущее заплатить за себя значительный выкупъ, чтобы съ удаленіемъ его не изсякъ источникъ выгодныхъ занятій для остальныхъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 9.

Въ этомъ номерѣ между прочимъ находится статья г. Данилова «Практическія замѣчанія на статью о новыхъ условіяхъ сельскаго быта, помѣщенную въ февральской книжкѣ Современника». Не желая вдаваться въ полемику, мы не станемъ въ подробности разбирать опроверженія, приводимыя г. Даниловымъ противъ выраженныхъ въ помнutoй статьѣ мыслей; предоставивъ сужденіе объ нихъ читающей публикѣ, а ограничимся тѣмъ, что бросимъ взглядъ на самыя главныя изъ этихъ возраженій.

Г. Даниловъ находитъ несправедливымъ мнѣніе, что избранные дворянствомъ въ разныя должности по мѣстному управленію чиновники, хотя и знали о происходящихъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, но большею частью не вступались, чтобы не возстановить противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ ихъ выборъ и въ зависимости отъ которыхъ они находятся постоянно, во все время отправленія своихъ должностей. Авторъ говоритъ, что зависимость этихъ чиновниковъ отъ избирателей съ окончаніемъ баллотированія ихъ также оканчивается, — вѣроятно потому, что отъ избирателей не зависитъ смѣнять чиновниковъ до окончанія срока ихъ службы. Смѣнять ихъ конечно избѣ-

ратели не могут, но перестанутъ посылать имъ почти окладныя пособия птицей, масломъ, овсомъ, и пр., на которыя низшіе между выборными чиновниками привыкли также рассчитывать, какъ на свое жалованье, а потомъ ни за что не выберутъ въ другой разъ: послѣднее опасеніе, равно какъ и увѣренность, за безпристрастный разборъ крестьянскихъ жалобъ быть поставленными на враждебную ногу не только съ лицами, злоупотребляющими помѣщичью властью, но и съ большинствомъ другихъ дворянъ, которые по сословному самолюбію примутъ ихъ сторону, и имѣтъ вслѣдствіе того непріятности на слѣдующихъ выборахъ, удерживало и многихъ предводителей. Такія объясненія мы сами неоднократно слышали отъ благонамѣренныхъ, но слабыхъ характеромъ людей, служащихъ по выборамъ.

Не соглашается еще г. Даниловъ и съ тою мыслью, что практическая польза образованности наименѣе чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное состояніе, — и дѣлаетъ для опроверженія ея сильнѣйшее нападеніе на людей (исключительно?) свѣтски образованныхъ и схоластически ученыхъ. Но спросимъ мы, если бы крѣпостное состояніе не существовало, то было ли бы возможно наше рутинное, невѣжественное хозяйство? не сдѣлалось ли бы для помѣщика необходимою знаніе науки сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и другихъ естественныхъ наукъ? Наконецъ возможно ли предположить, чтобы человѣкъ, пріобрѣтшій основательныя познанія въ этихъ наукахъ, остался бы совершеннымъ невѣждой въ другихъ предметахъ?

Далѣе г. Даниловъ возстаетъ противъ того мнѣнія, что обязательный трудъ, или что тоже, крѣпостное состояніе, было одною изъ главныхъ, а можетъ быть и самою главною причиною накопленія долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ; авторъ приписываетъ это явленіе исключительно расточительной жизни помѣщиковъ и пренебреженію ихъ къ собственнымъ дѣламъ. Но мы убѣждены, что ни при какой другой организаціи сельскаго труда это разстройство дѣлъ не могло сдѣлаться столь всеобщимъ. Или помѣщики сами вынуждены были бы болѣе или менѣе заниматься своими имѣніями и, встрѣчая постоянную нужду въ капиталахъ для затрачиванія ихъ на хозяйство, зная, что безъ чистыхъ денегъ и полученіе текущихъ доходовъ для нихъ невозможно, тѣмъ самымъ были бы останавливаемы отъ истощенія своихъ денежныхъ средствъ бесполезными издержками, — или можетъ быть водворился бы у насъ какой либо порядокъ, сходный съ фермерствомъ на западѣ: тогда строгая опредѣленность доходовъ, не увеличивающихся ни при какомъ урожаѣ, полагала бы предѣлъ расточительности. Между тѣмъ, при крѣпост-

номъ состояніи крестьянъ, помѣщикъ, имѣющій нормальный дохода, положимъ, около 5,000 р. сер., въ неурожайный годъ получалъ иногда менѣе трети — какихъ нибудь 1,500 р., — и долженъ былъ кормить 300 или 400 душъ. А подобныхъ годовъ бывало иногда въ теченіе пяти лѣтъ три. Прибавьте къ этому убѣжденіе, свойственное людямъ не привыкшимъ рассчитывать и никогда впрочемъ не оправдывавшееся на дѣлѣ, что одинъ годъ хорошаго урожая все вознаграждаетъ, и что какъ бы ни были разстроены денежные дѣла владѣльца имѣнія, хозяйство, движущееся единственно обязательнымъ трудомъ, будетъ идти своимъ порядкомъ, — и вы получите цѣлый рядъ причинъ разоренія нашего дворянства, которыхъ общій корень крѣпостное право.

Опровергать одно за другимъ всѣ возраженіяг. Данилова противъ статьи «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», значило бы съ одной стороны доказывать давно признанныя всѣми истины, съ другой — далеко перейти за предѣлы настоящаго обозрѣнія. Скажемъ только, что цѣль этихъ доводовъ одна: доказать, во что бы то ни стало, необходимость, хотя относительную, обязательнаго труда. Не имѣя уже явно никакой возможности отстаивать этой мѣлой для цѣлаго государства, авторъ опирается на мнѣніе Тенгоборскаго, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ торговля и промышленность слабы, крестьянину удобнѣе отбывать свои повинности работою, нежели деньгами. Раздѣливъ подобныя мѣстности, обыкновенно называемыя глухими сторонами, на два вида: на хлѣбородныя, но очень удаленныя отъ торговыхъ пунктовъ, и на не хлѣбородныя и вѣсть не мануфактурныя, авторъ говоритъ, что въ первыхъ хлѣбопашество, при отбывѣнн обязательнаго труда, должно значительно уменьшиться въ размѣрѣ, а въ другихъ оно можетъ существовать только при этомъ условіи, и съ уничтоженіемъ его вовсе прекратится. Если бы это даже было справедливо, то кажется жалѣть не объ чемъ, такъ какъ уменьшиться при отбывѣнн неестественныхъ условій можетъ только производство, искусственно развитое сверхъ должной мѣры, а уничтожиться совершенно излишнее; но мы и съ тѣмъ несогласны, такъ какъ мѣстности перваго рода съ улучшеніемъ путей сообщенія, которое мы надѣмся увидѣть въ весьма непродолжительномъ времени, перестанутъ быть глухими сторонами, а сдѣлаются житницами Россіи; въ краяхъ же, отнесенныхъ ко второму роду, гдѣ земледѣліе и теперь производится преимущественно женщинами для прокормленія ихъ самихъ, дѣтей и стариковъ, между тѣмъ какъ мужчины находятся на заработкахъ въ столицахъ, оно въ настоящемъ видѣ своемъ обусловливается не крѣпостнымъ правомъ, а необходимостью, и не

смотря на уничтоженіе этого права, будетъ существовать въ томъ же видѣ.

Статья г. Клеофаса Дымши «О необходимости введенія ипотечарной системы» заключаетъ въ себѣ, кромѣ доводовъ объ этой необходимости, въ которой всѣ болѣе или менѣе убѣждены, нѣкоторые предположенія о самомъ способѣ введенія ипотеки. Для этого авторъ предлагаетъ:

1) Чтобы всѣ кредитныя учрежденія, правительственныя и судебныя мѣста и наконецъ частныя общества и лица въ назначенный срокъ дали знать надлежащимъ уѣзднымъ судамъ о всѣхъ числящихся на каждомъ имѣніи взысканіяхъ и претензіяхъ, при чемъ помѣщики, владѣющіе нѣсколькими имѣніями въ разныхъ уѣздахъ, должны указать, на которое изъ нихъ они желаютъ отнести обезпеченіе каждаго изъ своихъ долговъ, а если не пожелаютъ это сдѣлать, то немедленно бы уплатили долгъ.

2) Чтобы въ тоже время всѣ помѣщики предъявили судамъ актовое право свое на владѣніе имѣніями, со всѣми относящимися къ нимъ нужными свѣдѣніями.

3) Чтобы судьи, заведя алфавитныя долговыя книги и внося въ нихъ полученныя свѣдѣнія, дополняли ихъ извлеченіемъ изъ дѣлъ своихъ и мѣстной гражданской палаты, внося въ эти книги выписки о всѣхъ производящихся по имѣніямъ спорахъ и тяжбахъ.

4, и 5) Чтобы впредь до составленія общей оцѣнки имѣніямъ владѣльцы не имѣли полного права отвѣтственной ипотеки; но получали изъ суда выписки, удостоверяющія только мѣру свободности ихъ имѣній; въ самой же капитальной цѣнности имущества частныя лица, желающія вступить въ какія либо сдѣлки съ владѣльцами, могутъ удостовѣряться сами, а казенныя мѣста и кредитныя учрежденія — принимать ее на основаніи установленныхъ правилъ.

Эти предположенія намъ кажутся совершенно соответствующими своей цѣли и вполне заслуживающими вниманія. Только введеніе ипотечарной системы можетъ положить твердое основаніе столь шаткому у насъ частному кредиту.

Въ двухъ статьяхъ своихъ «Земля въ пользованіе» и «Назначеніе работъ по оцѣнкѣ за землю» г. Н. Никифоровъ сначала доказываетъ, что при существовавшихъ до сихъ поръ условіяхъ хозяйства ни наемная, ни продажная цѣна земель не могутъ дать вѣрнаго понятія объ истинной цѣнности ихъ, которая можетъ быть выведена только изъ средняго дохода; потомъ полагая, что чистый доходъ отъ хлѣбопашества можно съ нѣкоторою вѣрностью принять въ половину валоваго, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи

земли отдаются подъ обработку изъ половиннаго урожая, авторъ исчисляетъ, что помѣщичій крестьянинъ въ центральныхъ губерніяхъ, надѣленный на тягло $1\frac{1}{2}$ десят. въ полѣ, $\frac{1}{4}$ десят. конопляника, 1 десят. луга и сверхъ того пользующійся выгономъ, получаетъ всего дохода съ пахатной земли 71 р. 64 коп., половина которыхъ составляетъ 35 р. 82 коп., а прибавивъ за лугъ наемной платы 3 р. 50 коп. и за выгонъ 1 р. всего 40 р. 34 коп. Принимая однако же во вниманіе, что къ цѣнѣ барщинныхъ работъ, которыя крестьянинъ отбываетъ за право пользованія этимъ доходомъ, слѣдуетъ прибавить стѣсненіе въ употребленіи свободныхъ дней, происходящее для него отъ необходимости работать на помѣщика въ назначенное время, авторъ считаетъ справедливымъ по примѣру Остзейскихъ губерній убавить за это одну шестую, вслѣдствіе чего изъ 40 р. 34 коп. слѣдуетъ отчислить 6 р. 62 коп., и останется 33 р. 62 коп. На основаніи этой цифры, считая мужской день

лѣтній конный въ.	25 коп.
— пѣшій —	20 —
зимній конный —	15 —
— пѣшій —	10 —
Женскій день въ живво —	20 —
лѣтній и весенній, кромѣ живва въ.	10 —
зимній по корот- кости времени въ.	5 —

г. Никифоровъ полагаетъ справедливымъ обложить крестьянина, владѣющаго угодьями въ предположенномъ у него размѣрѣ, барщинной работой по 134 лѣтнихъ конныхъ дня, замѣняя нѣкоторое число этихъ дней пѣшими, зимними и женскими днями, соразмѣрно съ цѣнностью ихъ, такъ что выходитъ всего мужскихъ дней 120, въ томъ числѣ конныхъ 79, и женскихъ 123. Въ доказательство же справедливости своего расчета, г. Никифоровъ приводитъ нынѣ существующее въ Эстляндіи положеніе о барщинныхъ работахъ, исполняемыхъ крестьянами за землю и, переводя употребляемые въ немъ размѣры угодій на русскіе, выводитъ, что отношеніе между количествомъ земли и числомъ рабочихъ дней въ немъ тоже самое.

Кромѣ нѣскольکو уменьшенной оцѣнки крестьянскихъ рабочихъ дней, (въ большей части мѣстностей центральной Россіи конный день въ рабочую пору стоитъ 35 коп.) расчетъ г. Никифорова кажется намъ не совсѣмъ вѣренъ уже и по своему главному основанію, полагающему чистый доходъ равнымъ цѣлой половинѣ валоваго.

Извѣстно, что чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ больше часть дохода, остающаяся на долю ренты. Въ Англіи и Франціи климатъ теплѣе, нежели въ Россіи. Но по де-Лаверню (*Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre*, 3-е изданіе. Парижъ. 1858, стр. 98) чистый доходъ составляетъ менѣе одной третьей части валоваго дохода, именно только 30%. Какимъ же образомъ у насъ можно считать его въ цѣлую половину? Одинъ изъ сотрудниковъ самого «Журнала Землевладельцевъ», г. Волковъ (Ж. З. № 12-й, отдѣленіе IV, стр. 99) находитъ, что одна только наемная плата за обработку, не считая процента на другія статьи оборотнаго капитала (т. е. не считая сѣмянъ, ремонта, анбаровъ, издержекъ по управленію) поглотить *болѣе двухъ третей* валоваго дохода: стало быть, мы должны считать валовой доходъ менѣе чѣмъ въ одну треть валоваго. А если такъ, то расчетъ г. Никифорова совершенно измѣняется, и по его собственнымъ основаніямъ слѣдуетъ считать на крестьянина въ мѣсто 33 р. 82 коп. только 23 р. 20 коп., или еще менѣе. Это значитъ, что и число рабочихъ надобно, по его же основаніямъ, уменьшить на третью долю. Изъ этого мы видимъ, что если увеличить крестьянскій надѣлъ, хотя до двухъ десятинъ въ полѣ, то все таки согласно съ замѣченною нами разницею въ цѣнѣ рабочаго дня, итогъ барщинной работы нужно уменьшить на третью часть противъ того, что класть г. Никифоровъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 10.

Изъ числа статей, помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ, мы замѣтимъ статью г. Протасьева «Предположенія объ устройствѣ крестьянъ Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи». За надѣлъ землею, примѣрно по семи десятинъ на тягло, авторъ полагаетъ назначить барщинной работы 93 дня или 28 р. сер. оброка, съ обезпеченіемъ помѣщика круговою порукою міра, имѣющаго право принимать противъ неисправныхъ членовъ своихъ понудительныя мѣры, изъ которыхъ первая—принужденіе ихъ зарабатывать недоимочныя деньги въ свободное время, по опредѣленной таксѣ; сверхъ того авторъ считаетъ нужнымъ постановить, чтобы при рекрутскомъ наборѣ, на второй очереди послѣ штрафныхъ, состояли недоимщики, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые пострадали отъ какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ: пожара, падежа скота и т. п., а совершенно неисправные отдаваемы были въ солдаты или въ распоряженіе правительства, съ продажею всего ихъ имущества на покрытіе недоим-

ки, и чтобы отказывающіеся отъ установленной работы подвергались наказанію, какъ ослушники закона. Помѣщикамъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ по возможности устранять себя отъ столкновеній съ отдѣльными лицами, а стараться дѣйствовать на нихъ посредствомъ мірскаго управленія, которое не должно безусловно подчиняться власти помѣщика, а только состоять подъ его контролемъ, въ родѣ того, какъ присутственные мѣста второй инстанціи подчинены начальнику губерній; только въ важныхъ поступкахъ противъ своего лица помѣщикъ долженъ имѣть право представлять крестьянъ въ уѣздное присутственное мѣсто для отдачи въ рекруты или удаленія изъ имѣнія. Подати должны быть взыскиваемы особымъ, избраннымъ крестьянами, сборщикомъ, а помѣщикъ совершенно освобождается отъ отвѣтственности за нихъ. Въ случаѣ такого требованія со стороны помѣщика, которое покажется крестьянину неправильнымъ, онъ можетъ обратиться въ мірское управленіе съ просьбою указать ему статью устава, на которой требованіе основано, и если статьи не окажется, то ему предоставляется жаловаться уѣздному правленію, а на опредѣленія этого присутствія апеллировать высшему начальству, но независимо отъ жалобы онъ долженъ исполнить требованіе, за неправильность котораго помѣщикъ отчасти уплатитъ убытковъ втрое.

Крестьяне cadaго прихода составляютъ общество, подвѣдомственное одному мірскому или вотчинному правленію, состоящему, если въ приходѣ около 1,000 душъ, изъ трехъ, а если около 1,500, изъ пяти членовъ, избираемыхъ сходкою хозяевъ и поселящихъ названіе старшинъ, которые при вступленіи въ должность приводятся къ присягѣ и изъяты на все время службы отъ рекрутства и тѣлеснаго наказанія, а жалованья получаютъ 30 руб. сер. въ годъ. Тому же правленію присвоивается и судебная власть: оно имѣетъ право подвергать крестьянъ за проступки наказанію розгами не свыше 40 ударовъ, налагать на нихъ штрафы работою или деньгами до 5 руб. и отдавать ихъ въ смирительные дома и арестанскія роты, срокомъ до 6 мѣсяцевъ. Впрочемъ дѣла, касающіяся собственно хозяйственнаго порядка, обсуживаются отдѣльно обществомъ крестьянъ cadaго помѣщика. Участіе въ дѣлахъ мірскаго управленія принадлежитъ изъ числа владѣльцевъ прихода только одному, избираемому прочими дворянами на три года и называемому помѣщикомъ-расправщикомъ или вотчиннымъ начальникомъ, который утверждаетъ членовъ вотчиннаго правленія и обязанъ наблюдать за ходомъ дѣлъ, но безъ права рѣшительнаго голоса, такъ что, въ случаѣ его несогласія съ старшинами, дѣло переходитъ въ уѣздное правленіе, со-

ставляющее вторую инстанцію. Оно состоитъ изъ трехъ членовъ отъ крестьянъ, избираемыхъ на три года предварительно выбранными, по одному отъ cadaго прихода, представителями, и столькихъ же отъ дворянъ, и собирается, если пѣтъ особенно спѣшныхъ дѣлъ, разъ въ недѣлю; почему дворяне, не отвлекаясь этою службою отъ управленія своими имѣніями, могутъ служить безъ жалованья, а крестьяне получаютъ по пятидесяти руб. Если же по многочисленности дѣлъ признано будетъ пужнымъ установить ежедневныя засѣданія съ тѣмъ, чтобы члены жили въ городѣ, то дворянамъ назначается содержаніе по 500, а крестьянамъ по 120 р. въ годъ. Въ порядкѣ судебномъ уѣздное правленіе никакому другому мѣсту не подчиняется и даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, по апелляціи же дѣла правленія переходятъ къ начальнику губерніи.

Дворовыхъ людей авторъ раздѣляетъ на три разряда. Къ первому относятся собственно слуги и должностные, никакому мастерству не обученные, которые могутъ быть или отпущены на волю безъ земли и безъ всякихъ ограниченій, или съ ихъ собственнаго согласія обращены въ крестьянъ. Ко второму—мастеровые, за обученіе которыхъ платилъ помѣщикъ: они должны оставаться въ обязанномъ состояніи, если помѣщикъ того пожелаетъ, пока не внесутъ уплаченной за нихъ суммы или *соразмѣрнаго* съ нею выкупа; годъ службы, по выходѣ изъ ученія, зачисляется мужчинамъ за 25 руб., а женщинамъ за 15 руб. Дворовые третьяго разряда—земледѣльцы увольняются на тѣхъ же условіяхъ, какъ крестьяне. Старикъ свѣше 55 л. остаются на попеченіи владѣльцевъ, равно и сироты, которыхъ они обязаны стараться обучить ремесламъ безъ платежа денегъ, посредствомъ отдачи на года, съ тѣмъ, чтобы по выходѣ изъ ученія молодые люди могли приписаться къ мѣщанскимъ или сельскимъ обществамъ.

Относительно всего этого мы должны замѣтить: за неуплату повинностей отдавать въ солдаты, съ продажою всего имущества, не мало ли такое наказаніе? Не лучше ли было колесовать или по крайней мѣрѣ ссылатъ въ каторгу? По мягкости сердца, мы готовы были бы согласиться на назначеніе каторги; но справедливость, какъ намъ кажется, требуетъ колесованія. Боже мой! неужели мы до сихъ поръ не совѣстимся не понимать, что по гражданскому иску уголовныя наказанія не могутъ быть назначаемы?

Для распространенія грамотности г. Протасьевъ полагаетъ свача обязать сельскихъ священниковъ принять на себя обученіе хотя двухъ мальчиковъ на каждыя 100 душъ въ приходѣ и обра-

тить особенное вниманіе на трехъ, четырехъ изъ способнѣйшихъ съ тѣмъ, чтобы они могли со временемъ быть хорошими учительскими помощниками, а въ вознагражденіе назначить священникамъ около 60 руб. въ годъ. Авторъ не опредѣляетъ, изъ какихъ средствъ должны производиться эти расходы, но повидимому полагаетъ отнести ихъ на особый сборъ съ крестьянъ, такъ какъ далѣе онъ говоритъ, что черезъ семь или восемь лѣтъ, когда взносы крестьянъ облегчатся, можно будетъ учредить училища въ большомъ размѣрѣ. На тотъ же источникъ повидимому предполагается отнести и расходъ по содержанію при каждомъ приходѣ богадѣльни, а въ каждомъ стану больницы: послѣдній долженъ простираться до 1,600 руб. сер. Хорошо, если все это дѣйствительно должно быть содержимо на счетъ крестьянъ. Мы, люди образованные, желаемъ просвѣтить ихъ, — такъ пусть они платятъ деньги. Кажется, прежде всего надобно бы сообразить: тяжелы или легки для нихъ повинности и подати и безъ этихъ прибавокъ.

Въ заключеніе своей статьи г. Протасевъ говоритъ, что тогда только быть крестьянъ можно будетъ считать приведеннымъ въ удовлетворительное состояніе, когда:

- 1) въ каждомъ селѣ будетъ училище, въ которомъ всѣ безъ исключенія могутъ получать умственное и нравственное образованіе;
- 2) въ каждомъ приходѣ будетъ больница и богадѣльня;
- 3) застрахуются крестьянскія строснія отъ огня, скотъ отъ болѣзней, поля отъ града;
- 4) подъ рукою у крестьянъ будутъ фермы, гдѣ они могли бы научиться на опытѣ улучшенному хозяйству, и заведенія для обученія ремесламъ и мастерствамъ;
- 5) когда уничтожатъ кабаки, губящіе ихъ нравственно и матеріально, или по крайней мѣрѣ разрѣшать вольную продажу вина, которая доставитъ имъ средства безъ большихъ расходовъ удовлетворять столь сильной въ народѣ наклонности къ пьянству, что она можетъ казаться врожденною. Въ доказательство пагубнаго вліянія кабаковъ можно указать на государственныхъ крестьянъ.

При всемъ нашемъ сочувствіи къ первымъ четыремъ желаніямъ г. Протасева, мы однако же не можемъ раздѣлить мысль, выраженную въ итогѣ: по нашему мнѣнію, не кабакъ вреденъ, а происходящія въ продажѣ питей злоупотребленія, и если съ отрицною откупной системы и введеніемъ вольной продажи вина онъ сдѣлается просто мѣстомъ разничной торговли хлѣбнымъ виномъ, гдѣ крестьянинъ будетъ имѣть возможность за сходную цѣну удовлетворять не страсти къ пьянству, а естественной потребности сѣвернаго жителя,

то пускай кабакъ продолжаетъ свое существованіе. Что же касается до упоминаемой авторомъ страсти, то она, при такомъ пониженіи цѣнъ на вино, которое дастъ возможность крестьянину употреблять его ежедневно, будетъ встрѣчаться гораздо рѣже, а при постепенномъ распространеніи въ народѣ образованія даже сдѣлается исключеніемъ.

Г. Протасевъ, говоря о барщинной или оброчной повинности крестьянъ за занимаемую ими землю, ничего не говоритъ о выкупѣ усадебъ; вѣроятно онъ думаетъ, что при взиманіи платы за пахатную землю и полевыхъ угодій платежъ за усадьбу былъ бы двойнымъ взиманіемъ за одну цѣнность. Мы не можемъ не одобрить такого мнѣнія. Нѣкоторыя изъ его предположеній объ устройствѣ мірскаго управленія намъ кажутся довольно основательными. Тѣмъ не менѣе при этой организаціи, какъ и при всякой другой, крестьяне, обрабатывающіе чужую землю не по добровольному, а по опредѣленному извнѣ договору, неминуемо будутъ поставлены въ непріязненные отношенія къ землевладѣльцамъ; для этого не нужно ни особенныхъ притязаній со стороны помѣщика, ни большаго своеволія со стороны крестьянъ: враждебность отношеній явится необходимымъ послѣдствіемъ сложности и неопредѣленности ихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно нѣсколько вникнуть, при разсмотрѣніи всевозможныхъ проектовъ такого рода, въ смыслъ статей, опредѣляющихъ степень зависимости мірскаго управленія крестьянъ отъ помѣщика. Единственное средство, могущее устранить эту запутанность отношеній — выкупъ земли, чрезъ посредство кредитной операціи погашеніемъ долга въ болѣе или менѣе продолжительное время, — который съ разу обезпечитъ прочнымъ образомъ благосостояніе помѣщиковъ и поставитъ общину въ независимое и совершенно опредѣленное положеніе.

Къ статьѣ г. Протасева приложено составленное имъ, по примѣненію къ мѣстнымъ условіямъ края, урочное положеніе и дополнительная записка объ обработкѣ земли наймомъ, изъ которой видно, что наемный работникъ съ работницей, которые замѣнятъ собою два полныхъ мужскихъ и женскихъ тягла, со всѣми причитающимися расходами на содержаніе и ремонтъ лошадей, орудій, строеній и пр., будутъ стоить помѣщику 88 руб. сер.; при поденномъ же наймѣ обработка полевой десятины съ обмоломъ хлѣба и доставкой на пристань, принимая въ кругломъ счеѣтъ и паровую десятину, обойдется, въ 5 р. 14 к., а уборка луговой въ 1 р. 60 к.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 11.

Статья г. Н. Сумарокова «Данныя для поземельнаго кредита въ хѣлбородныхъ губерніяхъ Россіи», въ числѣ разныхъ свѣдѣній объ иностранныхъ и русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, заключаетъ въ себѣ весьма любопытную таблицу курса закладныхъ листовъ, выданныхъ обществами Силезскимъ, Бранденбургскимъ, Померанскимъ, Западной Пруссіи, Восточной Пруссіи и Познанскимъ, съ 1807 по 1848 годъ. Изложивъ вообще недостатки нашей системы поземельнаго кредита, авторъ обращается къ вопросу о выкупѣ крестьянской земли и указываетъ на удобства, представляемые лучшею организаціею кредита, для пріобрѣтенія крестьянами, съ весьма незначительными чистыми деньгами, участковъ, достаточныхъ для обезпеченія ихъ благосостоянія.

Изъ другихъ статей этого номера замѣтимъ статью «По крестьянскому вопросу», князя Шаховскаго. Авторъ, выразивъ свое полное сочувствіе къ мысли о выкупѣ земель, находящихся во владѣніи крестьянъ, въ собственность ихъ, съ немедленнымъ освобожденіемъ ихъ отъ власти помѣщиковъ, изъявляетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы они, при многолѣтней привычкѣ къ постоянному за ними наблюденію и при недостаткѣ энергіи, произведенномъ въ нихъ крѣпостнымъ состояніемъ, были способны на столько усвоить себѣ свое новое положеніе, чтобы, ведя свое хозяйство совершенно самостоятельно, бездомочно уплачивать проценты и капиталъ лежащаго на нихъ за выкупленную землю долга. Для избѣжанія недоимокъ и доставленія имъ возможности пріобрѣтать самостоятельность по мѣрѣ развитія въ нихъ трудолюбія и надлежащей расчетливости, князь Шаховской полагаетъ: оцѣнивъ всѣ состоящія въ пользованіи крестьянъ земли и угодья и составивъ подробную таксу на всѣ полевые работы, обложить сначала каждое тягло барщинными работами въ такомъ размѣрѣ, чтобы стоимость ихъ, считая не по днямъ, а по обработанной землѣ, составила на цѣнность состоящей въ пользованіи тягла земли семь процентовъ. Изъ числа этихъ семи процентовъ авторъ полагаетъ шесть собственно въ доходъ помѣщика, какъ нормальный размѣръ нынѣ получаемого дохода съ населенныхъ имѣній, и одинъ на составленіе выкупнаго капитала. За работы, составляющія седьмой процентъ, помѣщикъ обязанъ вносить приходящуюся сумму въ губернское присутственное мѣсто, которое будетъ учреждено для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ. Между тѣмъ крестьянамъ должно быть объявлено, что кто изъ нихъ желаетъ освобо-

даться отъ барщинной работы, тотъ долженъ къ 1 марта внести сполна, впередъ за годъ, оброкъ, равный цѣнности причитающихся съ него работъ. Съ переходомъ на оброкъ соединяются всѣ права свободнаго состоянія; только за накопленіе значительной недоимки крестьянинъ опять переводится на барщину. Естественно, что первые воспользуются этимъ предложеніемъ самые зажиточные между крестьянами; но загѣмъ и другіе, побуждаемые ихъ примѣромъ, будутъ стараться также освободиться отъ барщины; а для того, чтобы въ имѣніяхъ, гдѣ много зажиточныхъ крестьянъ, отъ внезапнаго перехода слишкомъ большаго числа тяголъ на оброкъ, не произошло затрудненія въ работахъ, предоставляется помѣщику право перечислять съ каждымъ годомъ на оброкъ не болѣе одной двѣнадцатой полнаго числа: такимъ образомъ авторъ надѣется, что въ нѣсколько лѣтъ большая часть тяголъ перейдутъ на оброкъ, на барщинѣ же останутся только самые бѣдные и неспособные, но и тѣ, постоянно побуждаемые желаніемъ освободиться отъ нея, наконецъ найдутъ средства достигнуть этого. Изъ obroka, также какъ изъ цѣны работъ, помѣщикъ обязуется вносить седьмую часть на составленіе выкупнаго капитала, и изъ этихъ ежегодныхъ взносовъ, составляющихъ одинъ процентъ съ цѣнности всѣхъ крестьянскихъ земель, будутъ составлять значительныя суммы. Губернское мѣсто, завѣдывающее ими, будетъ ежегодно вызывать желающихъ къ полученію капитальной суммы. Если явится желающихъ больше противъ количества собранныхъ денегъ, то преимущество отдается тому, кто сдѣлаетъ противъ оцѣнки большую уступку. Получившій сполна всю оцѣночную сумму теряетъ всякое право на крестьянъ и земли ихъ, а они продолжаютъ платить по прежнему до окончательнаго выкупа всѣхъ земель въ губерніи. Не разобравныя владѣльцами деньги могутъ быть отдаваемы для приращенія процентами въ Олукунскій Совѣтъ. При самыхъ благопріятныхъ для этого денежнаго оборота условіяхъ, то есть если вносимыя на выкупъ суммы будутъ каждый годъ разбираться, всѣ крестьянскія земли могутъ быть выкуплены черезъ 33 года, а при самыхъ худшихъ, предполагая приращеніе 3-мя процентами, въ 47 лѣтъ, 4-мя въ 41 годъ. По окончаніи этого срока останутся невыкупленными только тѣ земли, которыхъ владѣльцы не захотятъ ихъ продать. Крестьяне такихъ имѣній могутъ или положить составившійся для нихъ капиталъ въ кредитное учрежденіе, тогда проценты будутъ почти достаточны для уплаты владѣльцу ренты, а при болѣе выгодномъ употребленіи даже превзойдутъ ее, или купить земли въ другомъ мѣстѣ и перейти на нихъ, причемъ имѣютъ право перенести съ собою всѣ свои постройки.

Если бы мы раздѣляли съ княземъ Шаховскимъ его недовѣріе къ практическимъ способностямъ русскаго крестьянина и если бы считали возможнымъ растягивать существованіе барщины и обременительныхъ уплатъ за выкупъ на 33 или болѣе года, то можетъ быть и нашли бы въ его проэктѣ какія нибудь стороны преимущества передъ нѣкоторыми другими проэкетами подобнаго рода; но и въ этомъ случаѣ мы признали бы необходимымъ сдѣлать уступку этихъ земель, за уплату стоимости ихъ по оцѣнкѣ изъ крестьянскаго капитала, обязательно для помѣщиковъ, такъ какъ крестьяне, выплативъ эту суммы деньгами или работой и сверхъ того платя столько лѣтъ на нее обременительный процентъ, неоспоримо пріобрѣтаютъ право на воздѣлываемую ими землю, тѣмъ болѣе, что къ истеченію выкупнаго срока цѣны на землю должны значительно возвыситься, вслѣдствіе чего крестьяне съ своимъ капиталомъ не будутъ въ состояніи пріобрѣсти тогда такое количество земли, какъ нынѣ, и сочтутъ себя (впрочемъ весьма справедливо) обиженными противъ сосѣдей.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 12-й.

Статья г. Селиванова «Объ усадьбахъ». Авторъ начинается исчисленіемъ различныхъ неудобствъ, могущихъ оказаться при отводѣ усадебъ и полевыхъ земель крестьянамъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ домъ помѣщика и всѣ хозяйственныя строенія его находятся посреди деревни. До сихъ поръ, говоритъ г. Селивановъ, три поля, принадлежащія крестьянамъ, располагались около деревни такимъ образомъ, чтобы къ каждому изъ нихъ можно было проѣхать, не переѣзжая другаго, и чтобы, во время нахожденія его въ пару, скотъ могъ быть прогоняемъ безъ потравы другихъ полей. Но земли ближайшія къ деревнѣ, будучи ежегодно лучше другихъ удобряемы, пріобрѣли большую цѣнность, и потому нельзя ожидать, чтобы помѣщикъ нашелъ возможнымъ эти земли отдать крестьянамъ, а вѣроятно будутъ отдѣлены имъ другія, болѣе отдаленныя. Такимъ образомъ не только уничтожится прежнее удобство особаго проѣзда къ каждому полю, но еще усадьбы крестьянъ будутъ отдѣляться отъ выдѣленныхъ имъ полевыхъ земель землями помѣщика, по которымъ они должны будутъ ежедневно и сами проѣзжать и прогонять скотъ.

Сверхъ того при слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ лицъ, ведущихъ совершенно различный образъ жизни, могутъ непрерывно отъ всевозможныхъ мелочей встрѣчаться поводы къ столкновеніямъ,

имѣющимъ чисто личный характеръ. Для избѣжанія этихъ неудобствъ авторъ предлагаетъ, чтобы въ подобныхъ имѣніяхъ помѣщику предоставлено было право отвести крестьянамъ мѣсто для усадебъ въ деревни, гдѣ окажется удобнѣе, и непременно къ тѣмъ полямъ, которыя будутъ отведены имъ въ пользованіе, — но за то безъ всякаго вознагражденія и съ принятіемъ на его счетъ всѣхъ издержекъ по переселенію. Принятіе этого пожертвованія, гдѣ помѣщикъ пожелаетъ его сдѣлать, авторъ полагаетъ признать для крестьянъ обязательнымъ, а самый выборъ мѣста предоставить добровольному соглашенію.

Мы должны сдѣлать объ этомъ слѣдующія замѣчанія. Если слишкомъ близкое сосѣдство помѣщицкой усадьбы съ крестьянскими окажется для кого нибудь неудобнымъ, когда крестьяне будутъ освобождены, недовольному сосѣдствомъ будетъ полная воля переселиться куда ему угодно; разумѣется, если онъ хочетъ, онъ будетъ имѣть полное право испытывать и другое средство: онъ можетъ убѣждать неприятныхъ ему сосѣдей переселиться отъ него, — разумѣется, тутъ будетъ уже полюбовная сдѣлка, которая тогда будетъ дѣйствительно добровольною, — качество, котораго не имѣла бы она при переселеніи крестьянъ до-освобожденія. Во всякомъ случаѣ, мы не находимъ, чтобы въ предполагаемой безденежной уступкѣ крестьянамъ мѣсто для усадебъ заключалось дѣйствительное пожертвованіе, потому что помѣщикъ, взявъ приходившагося ему вознагражденія, которое за какія нибудь 1,400 — 1,600 кв. саж. полевой земли не можетъ быть слишкомъ значительно, приобретаетъ не только старую селѣбду, составляющую нѣсколько десятинъ превосходно удобренной земли, которая стоитъ въ пять или шесть разъ дороже, чѣмъ такой же участокъ въ другомъ мѣстѣ, но еще сверхъ того лучшія изъ крестьянскихъ полей. Въ имѣніяхъ, расположенныхъ такимъ образомъ, какъ описываетъ г. Селивановъ, обыкновенно примыкаютъ къ селенію съ одной стороны господскія, съ другой крестьянскія поля, и потому намъ казалось бы, что чрезвычности тутъ еще нѣтъ. Невыгодность предполагаемаго авторомъ обмѣна видна уже и изъ того, что онъ предлагаетъ сдѣлать принятіе его для крестьянъ обязательнымъ. Вообще переселеніе крестьянъ съ воздѣланныхъ ими мѣстъ на невоздѣланныя мы полагали бы допустить не иначе, какъ по освобожденіи крестьянъ. Если же дѣлать переселеніе принудительнымъ для крестьянъ при самомъ освобожденіи, крестьянскія хозяйства разстроится отъ принужденнаго переселенія.

Г. Башкатова «Предположенія о будущемъ устройствѣ помѣщичь-

ихъ крестьянъ въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и густо населенныхъ». Авторъ находитъ, что для сохраненія хорошихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами надобно, чтобы они были какъ можно менѣе связаны искусственнымъ образомъ, и потому полагаетъ развязать настоящія отношенія ихъ способомъ простымъ, но невозможнымъ въ исполненіи, по своему рѣшительному несогласію съ національными обычаями и всѣмъ бытомъ нашимъ; а именно, онъ полагаетъ: надѣлить крестьянъ на душу такимъ количествомъ земли, которое бы вмѣстѣ съ усадьбою составило на душу цѣнность въ 50 р. сер.; немедленно заложить эту землю на 33 года въ кредитномъ учрежденіи въ полную цѣну и удовлетворить за нее помѣщика, обязавъ крестьянъ уплачивать проценты и погашать долгъ; перевести ихъ на новыя мѣста, гдѣ окажется нужнымъ, съ пособіемъ отъ владѣльца по назначенію комитета, и затѣмъ прекратить всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. При этомъ авторъ полагаетъ цѣнить старую усадьбную землю, гдѣ она останется за крестьянами, 50 процентами дороже полевой, и надѣется, что переходъ ихъ въ новое положеніе могъ бы быть совершенно оконченъ въ три года. Но если выкупается полевая земля, то за усадьбы уже не должно полагать еще особенной платы: вѣдь онѣ собственно не приносятъ никакого дохода помѣщику отдѣльно отъ земли, да и сами по себѣ не имѣютъ для него никакой продажной цѣнности. Сверхъ того, если надѣлъ по 50 р. на душу предполагается авторомъ менѣе настоящаго надѣла, такое освобожденіе было бы для крестьянъ хуже крѣпостнаго права; отбирать у крестьянъ часть той земли, которою они теперь пользуются, значило бы не улучшать, а сдѣлать худшимъ прежняго ихъ бытъ. Но быть можетъ авторъ полагаетъ, что и за настоящій надѣлъ вмѣстѣ съ усадьбами не надобно полагать болѣе 50 р. на душу? Если такъ, онъ дѣйствительно желаетъ пользы крестьянамъ, да и самимъ помѣщикамъ, которые останутся сами въ убыткѣ, если освобожденіе станетъ производиться невыгоднымъ для крестьянъ образомъ. Что касается его мысли о необходимости развязать всякія обязательныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, этотъ взглядъ есть единственный справедливый и практичный взглядъ.

Статья г. С. Волкова «Объ отдачѣ земель въ аренду и о вольнонаемномъ трудѣ» начинается весьма справедливыми соображеніями о невыгодахъ барщины, на которой, по мнѣнію автора, ежедневно пропадаетъ по крайней мѣрѣ четвертая часть употребляемыхъ на хлѣбопашество рабочихъ силъ, что составляетъ въ годъ ничѣмъ не вознаграждаемаго убытка до 28,600,000 р. сер. Затѣмъ авторъ исчи-

связать неудобства, могущія встрѣтиться при отдачѣ земель крестьянамъ въ аренду; изъ нихъ главное, по его мнѣнію, и служащее корнемъ всѣмъ прочимъ, есть отдаленность полей, нынѣ составляющихъ запашку помѣщика, отъ крестьянскихъ дворовъ, вслѣдствіе которой крестьяне не будутъ имѣть возможности уваживать ихъ, и земли, истощаемыя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, совершенно потеряютъ цѣну. Что же касается до обработки наймомъ, то она, по мнѣнію г. Волкова, не для всѣхъ возможна, потому что требуетъ затраты значительныхъ капиталовъ и независимо отъ того поглотитъ двѣ трети валоваго дохода, до 25 р. сер. съ десятины, — цѣна до такой степени огромная, что она можетъ относиться развѣ только къ самымъ промышленнымъ уѣздамъ Московской губерніи. По всѣмъ этимъ причинамъ авторъ полагаетъ, что самымъ выгоднымъ способомъ хозяйства какъ для Московской губерніи, такъ и для всего сѣвернаго края, слѣдуетъ признать половиншу или половничество, между прочимъ и потому, что при этой организаціи сельскаго труда работникъ, который долженъ получить половину урожая, имѣетъ прямой интересъ трудиться добросовѣстно. Стоимость этого способа обработки для землевладѣльца таже, что при наемной обработкѣ, такъ какъ кромѣ земли онъ дастъ и удобреніе; но за то онъ избавляется отъ большой части предварительныхъ расходовъ. Впрочемъ авторъ сознается, что въ настоящее время еще нѣтъ возможности безошибочно судить, какъ о стоимости наемной обработки вообще, такъ и о томъ, что будетъ выгоднѣе: содержаніе ли постоянныхъ батраковъ или наемъ поденщиковъ.

Половничество—система вовсе несправедливая въ нашихъ сѣверныхъ земляхъ; оно обременительно даже и въ Южной Франціи. У насъ чистый доходъ, какъ мы уже замѣчали, едва ли составляетъ и 30 процентовъ валоваго дохода. Какъ бы то ни было, въ промышленныхъ и сильно населенныхъ губерніяхъ, каковы Московская, Владимірская и Ярославская, половничество, по нашему мнѣнію, можетъ быть только скоро преходящимъ фазисомъ сельскаго хозяйства, какъ бы переходомъ отъ обязательнаго труда къ совершеннѣйшимъ формамъ земледѣлія. Мы не сомнѣваемся, что съ измѣненіемъ условій сельскаго быта капиталы, до сихъ поръ никогда почти не обращавшіеся у насъ къ хозяйству, въ числѣ другихъ путей исхода направятся и на этотъ, одинъ изъ самыхъ выгодныхъ; по самому признанію г. Волкова суммы, употребленныя имъ на хозяйственныя улучшенія, приносятъ ему 15 процентовъ. Тогда указываемое авторомъ затрудненіе къ успѣшному арендованію крестьянами земель—отдаленность помѣщичьихъ полей отъ деревень уничтожится устройствомъ среди са-

мыкъ отдаваемыхъ въ аренду земель нужнаго числа отдѣльныхъ дворовъ или фермъ, которыя конечно не останутся безъ съемщиковъ; съ другой стороны и самая обработка обширныхъ дачъ маймомъ, со введеніемъ улучшенныхъ способовъ хозяйства и при существующихъ уже теперь высокихъ цѣнахъ на всѣ естественныя произведенія, распространится повсемѣстно и будетъ приносить значительныя выгоды предприимчивымъ капиталистамъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦВЪ № 13-й.

Г. И. Сабурова «Соображенія, касающіяся до улучшенія быта крестьянъ». Изъ этихъ соображеній мы узнали, что комитетамъ невозможно будетъ отчетливо окончить свое дѣло безъ точнаго объясненія того хозяйственнаго положенія, въ которомъ находятся помѣщики и крестьяне; что дворянство не должно считать этого дѣла легкимъ; что оно повсемѣстно будетъ имѣть самое сильное вліяніе на земледѣліе, и нѣсколько другихъ столь же несомнѣнныхъ истинъ. Изъ мыслей, не принадлежащихъ къ этому разряду, мы заимѣли одну, также весьма справедливую, что крѣпостное право, въ отношеніи къ земледѣльческимъ имѣніямъ, тягостно не *только* по юридическому, политическому и хозяйственному своему значенію, *сколько* по тѣмъ злоупотребленіямъ, которымъ оно служитъ опорой. Дѣйствительно по злоупотребленіямъ крѣпостное право нерѣдко составляло зло, рѣшительно *невыносимое*; а тамъ, гдѣ они не доходили до высшей степени, *могло* быть вынесено, что самымъ очевиднымъ образомъ доказывается огромнымъ числомъ людей, его выносившихъ.

Статья г. Н. Волкова «Соображенія объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи». Эта статья начинается изображеніемъ, и должно отдать автору справедливость, весьма вѣрнымъ, безчисленныхъ неудобствъ и затрудненій, сопряженныхъ съ барщинною организаціей сельскаго труда во время переходнаго состоянія. «Положимъ, говоритъ авторъ, — крестьянинъ дурно пашетъ, не ровно сѣетъ, высоко коситъ, и т. д., — нужно тотчасъ бѣжать въ присутствіе, звать члена; иначе черезъ нѣсколько часовъ не будетъ уже ни какой возможности поправить дѣло и взыскать съ виновнаго. Явится членъ, крестьянинъ станетъ оправдываться, отпѣкиваться, сваливать вину на другаго и т. д. Что тогда дѣлать?» Если допустить безконтрольное право взыскивать по жалобѣ помѣщиковъ—это значитъ оставить крестьянъ въ прежней или еще худшей зависимости; если же члены правленія будутъ находиться подъ вліяніемъ крестьянъ,

лнѣ, помѣщикъ не только лишится всего, предоставленнаго ему по новому положенію, дохода, но постоянно будетъ играть жалкую и смѣшную роль челоѣка, не получающаго удовлетворенія на свои справедливыя жалобы. Наконецъ, предположить даже невозможное, составъ присутствія изъ членовъ совершенно добросовѣстныхъ, какія же взысканія установить за дурно исполненные рабочіе уроки? Тѣлесное наказаніе можетъ быть допущено только за уголовныя преступленія по суду, а примѣнять его къ униженіемъ въ исполненіи обязательной работы безчеловѣчно, безп्राветвенно и несовременно. Денежный штрафъ также непримѣнимъ: у большей части крестьянъ, особенно у нерадивыхъ, нѣтъ гроша за душой. Объ арестѣ даже и говорить смѣшно: какаго размѣра нуженъ былъ бы домъ, чтобы ввести систему одиночнаго заключенія? А ввести нужно было бы именно эту систему, иначе лѣнивые крестьяне будутъ стараться попасть подъ арестъ. Послѣдній способъ наказанія—принужденіе за дурно исполненную работу отработать лишнее число дней, надавать бы помѣщикамъ, при неизбѣжномъ дѣяніи ихъ на присутствіе, столько штрафныхъ дней, что число ихъ далеко превзошло бы размѣръ трехдневной барщины, слѣдовательно улучшеніе быта крестьянъ осталось бы одною мечтой.

Единственнымъ средствомъ къ избѣжанію такихъ ложныхъ и неестественныхъ отношеній авторъ признаетъ выкупъ и, переходя къ опредѣленію слѣдующаго помѣщикамъ вознагражденія, говорить, что безразсудно было бы требовать уплаты, соразмѣрной съ коли чествомъ получающагося, при крѣпостномъ правѣ и злоупотребленіяхъ его, дохода отъ имѣній, и потому расчетъ слѣдуетъ дѣлать единственно на основаніи продажной стоимости ихъ. Для примѣра г. Волковъ беретъ имѣніе въ 100 ревизскихъ душъ, съ 450 десятинами земли, которое, по настоящимъ среднимъ цѣнамъ—240 рубл. сер. за душу, стоитъ 24000 рубл.; если въ этомъ имѣніи надѣлить крестьянъ по $1\frac{1}{2}$ десят. на душу, то у помѣщика останется 300 десят., цѣною по 40 рубл., всего на 12000 рубл., слѣдовательно, чтобы быть вознагражденнымъ за понесенную имъ потерю, онъ долженъ получить 12000 рубл. или по 120 рубл. за ревизскую душу, вмѣсто которыхъ правительство можетъ выдать четырехпроцентныя облигаціи по 125 рубл. сер., съ погашеніемъ ихъ крестьянами по банковому расчету и съ выдачею капитала по тиражу. Для ускоренія уплаты авторъ полагаетъ даже на первое время употреблять на нее капиталы, взнесенные въ кредитныя установленія съ благотворительными цѣлями, и всѣ дворянскія суммы, съ возвратомъ израсходованныхъ денегъ изъ поступающаго съ крестьянъ сбора, — и сверхъ того

предоставить помѣщикамъ облигаціями вносить установленный въ привилегированныхъ губерніяхъ акцизъ за винокурение, и платить за работу крестьянамъ, для чего долженъ быть установленъ размѣръ облигацій на извѣстное число контрмарокъ.

На сколько вѣрна, по нашему мнѣнію, начертанная г. Н. Волковымъ картина затрудненій и безпорядковъ, сопряженныхъ съ барщиною во время срочно-обязаннаго состоянія, на столько же пристрастнымъ кажется намъ расчетъ вознагражденія помѣщикамъ. Хотя авторъ и говоритъ, что это вознагражденіе должно быть соображено не съ получаемыми при крѣпостномъ правѣ доходами, а съ продажною цѣною имѣній, но на чемъ же основана эта продажная цѣна, если не на получавшихся до сихъ поръ доходахъ? Въ приведенномъ здѣсь примѣрѣ, владѣлецъ 450 дес., стоящихъ по словамъ самаго автора по 40 р. сер. за дес., за отходящія отъ него 150 дес. долженъ бы былъ получить, по цѣнности земли, не 12,000 р. какъ рассчитываетъ г. Волковъ, а 6,000 р. сер., съ нѣкоторою прибавкою за усадьбныя земли, если только онѣ не заключаются въ предположенномъ надѣлѣ по $1\frac{1}{2}$ дес. на душу, остальные же 6,000 руб. составили бы выкупъ личности крестьянъ, котораго въ настоящее время перестали требовать и самые настойчивые приверженцы крѣпостнаго права. Притомъ и самый надѣлъ по $1\frac{1}{2}$ дес. на душу, слѣдовательно по $3\frac{3}{4}$ дес. примѣрно на тягло, слишкомъ малъ, чтобы обезпечить надлежащимъ образомъ не только благосостояніе крестьянъ, но и платежъ по 6 р. 25 коп. съ души, составляющій 5% на сумму, вдвое большую противъ цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Что же касается до предположеній автора о платежѣ виннаго акциза въ казну облигаціями и задѣльной платы крестьянамъ контрмарками, то первое, кажется намъ, могло бы быть принято, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями и, въ особенности при повсемѣстной отмѣнѣ откупной системы, значительно бы ускорило непосредственное удовлетвореніе помѣщиковъ, второе едва ли оказалось бы удобнымъ на практикѣ, по самому неудобству примѣненія къ мелкимъ суммамъ процентнаго расчета, составляющаго главное условіе обращенія всякаго рода облигацій.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 14-й.

А. Потуллова «Общая формула для оцѣнки поземельныхъ угодій и крестьянскихъ повинностей.» Основною единицею, для опредѣленія поземельнаго дохода, авторъ принимаетъ доходъ съ десятины, за-

сѣянной рожью, и сравнительно съ нимъ опредѣляетъ цѣнность сѣнокосовъ, выгоновъ, усадебной и огородной земли.

Отношеніе этихъ цѣнностей, также и цѣнности урожая ярового хлѣба къ доходу отъ ржи, зависитъ отъ мѣстности имѣнія и отъ мѣстныхъ промысловъ, и авторъ, по разнообразію этихъ условий, раздѣляетъ имѣнія: во-первыхъ на исключительно земледѣльческія, земледѣльческія и промышленныя; во-вторыхъ, на подгороднія, близгороднія и дальнія; и затѣмъ еще подраздѣляетъ промышленныя имѣнія на такія, въ которыхъ крестьяне занимаются промыслами дома или по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ мѣстностяхъ, и такія, изъ которыхъ они для промысловъ отлучаются въ дальнія мѣста и на продолжительные сроки. Для каждаго изъ этихъ разрядовъ г. Потуловъ полагаетъ особую норму отношенія дохода отъ земель, состоящихъ подъ усадьбами, лугами и проч., къ доходу отъ ржи. Основная идея автора относительно оцѣнки усадебъ состоитъ въ томъ, что отъ какихъ бы промысловъ или занятій крестьянинъ ни получалъ свой доходъ, его всеже слѣдуетъ считать поземельнымъ доходомъ, такъ какъ полученіе его обуславливается владѣніемъ землею, или по крайней мѣрѣ усадьбою, а потому и часть, приходящая на долю помѣщика, должна быть принимаема за доходъ отъ земли. Какъ на самый яркій примѣръ осуществленія этой идеи, авторъ указываетъ на нѣкоторые имѣнія въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне вовсе не занимаются земледѣліемъ, но живутъ весьма зажиточно, платя по 10, 15 и болѣе рублей оброка съ тягла, такъ что, по получаемому съ него помѣщикомъ доходу, полудесятинный участокъ усадебной земли стоитъ отъ 400 до 600 рубл. сер. Въ такихъ имѣніяхъ, считая валовой доходъ съ полудесятины ржи въ 10 рубл., ренту равную $\frac{1}{3}$ этой суммы — 3 рубл. 33 к. сер., а оброкъ съ тягла въ 20 рубл., по расчету г. Потулова, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получасмаго отъ ржи—высшая мѣра этого дохода. Напротивъ въ селеніяхъ исключительно земледѣльческихъ и притомъ отдаленныхъ отъ городовъ, доходъ съ усадебной земли принимается только въ полтора раза противъ дохода отъ ржи. а остальные разряды селеній находятся между двумя крайностями.

Обращаясь затѣмъ къ распредѣленію валоваго дохода между владѣльцами и крестьянами, авторъ говоритъ, что самой справедливой нормы для него надобно искать въ мѣстномъ обычаѣ относительно найма земель, съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣны въ пользу крестьянъ, платящихъ ренту деньгами. Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ наемщики обрабатываютъ землю за $\frac{1}{3}$ произведеній, крестьяне должны быть обложены оброкомъ въ $\frac{1}{4}$ (не много менѣе

$\frac{2}{3}$) получаемого ими дохода, а гдѣ наемщики отдають половину урожая, оброкъ долженъ быть $\frac{3}{7}$ (нѣсколько менѣ $\frac{1}{2}$.)

Чтобы лучше объяснить примѣненіе этихъ приложений, авторъ беретъ въ примѣръ промышленное имѣніе въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ, по его мнѣнію, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получаемого отъ ржи, отъ ярового поля равенъ ему, а съ луга и выгона составляетъ $\frac{3}{4}$ его; крестьяне надѣлены $\frac{1}{2}$ дес. земли подъ усадьбами, 1 дес. въ каждомъ полѣ, и $\frac{1}{2}$ дес. луга съ выгономъ, — всего 5 дес. Урожай ржи, за исключеніемъ сѣмянъ, по три четверти съ десятины, а цѣна ржи 4 руб. 50 коп., слѣдовательно доходъ съ ржаной десятины 14 руб. оброкъ съ тягловой земли предположенъ въ $\frac{1}{3}$ валового дохода.

Валовой доходъ съ тягловаго участка:

Съ $\frac{1}{2}$ дес. усадебной и огородной земли	42 р.
Съ десятины ржи	14 »
Съ десятины ярового	14 »
Съ $1\frac{1}{2}$ десятины луга и выгона. . . .	15 » 75 к.
Итого.	85 р. 75 к.
Оброкъ съ тягла.	28 р. 60 к.

Для опредѣленія стоимости исполняемыхъ крестьянами земледѣльческихъ работъ, авторъ предполагаетъ, что, хотя она въ дѣйствительности менѣе дохода, получаемого отъ тягловой земли, но ее слѣдуетъ считать равною этому доходу, съ тѣмъ, чтобы крестьяне имѣли копѣйку на черный день и работали на помещика, не по точному расчету стоимости работъ, а нѣсколькими процентами выше; при этомъ условіи, по мнѣнію автора, трудъ ихъ во время переходнаго состоянія не будетъ ниже свободнаго труда. Согласно съ этимъ положеніемъ, г. Потуловъ считаетъ, что самая справедливая цѣна рабочаго дня получится, если цифру валоваго дохода, получаемого крестьяниномъ отъ тягловаго участка, раздѣлить на все число рабочихъ дней, необходимое ему для исполненія, какъ барщинныхъ, такъ и своихъ домашнихъ работъ.

Мы не видимъ, къ чему бы послужило на практикѣ предположеніе автора объ опредѣленіи дохода съ каждаго рода земель по сравненію съ доходами отъ земли, находящейся подъ рожью, такъ какъ эти доходы могутъ быть всего лучше опредѣлены дѣйствительною цѣнностью средняго урожая; принятіе же особой, неизмѣнной формулы для каждаго рода имѣній невозможно, по безконечному разнообразію мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, и по невозможности провести опредѣленную черту раздѣла, напр. между имѣніями, исклю-

чительно земледѣльческими, и просто земледѣльческими, слѣдовательно заключающими въ себѣ нѣкоторые начатки промышленности, и между этими имѣніями и промышленными. Что же касается до огромной цѣнности земель тамъ, гдѣ крестьяне хлѣбопашествомъ вовсе не занимаются, основанной на получаемыхъ ими промысловыхъ выгодахъ отъ усадебъ, то эту цѣнность мы признаемъ дѣйствительною только въ такомъ случаѣ, если будетъ доказано, что посторонніе наемщики дали бы за эти усадьбы плату, равную получаемому отъ крестьянъ оброку, и притомъ эта плата приходилась бы не за возведенныя крестьянами, болѣею частію на свой счетъ, строенія, а собственно за мѣстныя выгоды. Если же оброкъ много превышаетъ могущую получиться съ постороннихъ наемщиковъ плату, то онъ есть налогъ на промышленныя способности крѣпостныхъ людей, подобный взыскиваемому нѣкоторыми помѣщиками оброку, по 100 и болѣе рублей серебромъ, съ особенно даровитыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей, занимающихся ремеслами или торговлею въ столицѣ, ничего не получающихъ отъ своего владѣльца кромѣ освобожденія отъ полевыхъ или домашнихъ работъ, развѣ только обученныхъ ремеслу на его иждивеніи, и то болѣею частію посредствомъ отдачи на года, слѣдовательно почти бесплатно. Подобный оброкъ вовсе не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе при опредѣленіи цѣнности крестьянскихъ угодій.

Способъ, придуманный авторомъ для опредѣленія цѣнности рабочаго дня посредствомъ раздѣленія получаемого крестьянами дохода на сумму барщинныхъ и домашнихъ рабочихъ дней, намъ кажется весьма неудобнымъ, потому что домашнія работы крестьянъ исполняются кромѣ тягловыхъ людей и полурабочими, а при нѣсколько усиленной барщинѣ, почти исключительно лежатъ на полурабочихъ, которыхъ отношеніе къ числу тягловъ во дворѣ совершенно случайное: такимъ образомъ въ одномъ дворѣ оказалось бы одно число рабочихъ дней, а въ другомъ совершенно иное.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЛОЧИ ПРОШЛАГО ГОДА.

I.

Притворной вѣжности не требуй отъ меня.
Баратынскій.

«Опять за мелочи!... И вѣрно опять съ какой нибудь злостной цѣлью!» — воскликнетъ солидный читатель, увидавъ заглавіе нашей статьи, — и съ сердцемъ перекинетъ нѣсколько страницъ, чтобы добраться до чего нибудь болѣе грандіознаго....

Остановитесь, читатель: ваши поиски будутъ напрасны. «Современникъ» давно уже не имѣетъ никакой грандіозности, къ великому прискорбію многихъ суровыхъ аристарховъ литературы. Нѣсколько разъ уже, съ нѣкоторой печальной торжественностью, но не безъ тайнаго злорадства, объявляли они, что «Современникъ» низпалъ съ пьедестала, на которомъ будто бы стоялъ прежде, что онъ потерялъ благородное благоговѣніе къ наукѣ, зоветъ прекрасное мечтою, презираетъ вдохновеніе, не вѣритъ любви, свободѣ, на жизнь насмѣшливо глядитъ, словомъ — не имѣетъ никакихъ убѣжденій и способенъ только къ глумленію. Тѣми или другими словами, съ большимъ или меньшимъ прикрытіемъ и приличіемъ, все это много разъ было напечатано, по поводу разныхъ статей «Современника», преимущественно критическихъ. Мы считали излишнимъ и неудобнымъ оправдываться отъ всѣхъ частныхъ обвиненій противъ насъ, потому что они обыкновенно имѣли слѣдующій видъ: нѣкій

господинъ пишетъ посредственную книжку, статейку или стишки о ничтожномъ предметѣ; мы говоримъ, что книжка или статейка посредственна, а предметъ ничтоженъ; авторъ статейки, или его друзья, или поклонники и единомышленники, — возстаютъ на насъ, провозглашая, что статейка превосходна, а предметъ — грандіозенъ, «Современникъ» же оттого сдѣлалъ неблагопріятный или холодный отзывъ, —

Что онъ не вѣдаетъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благостыни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него....

Опровергать подобныя нападенія — значило бы опять повторять господину, сочинившему посредственную статейку о ничтожномъ предметѣ, — что статейка его посредственна, а предметъ ничтоженъ, и что тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ порицанія и насмѣшекъ, чѣмъ выше возносить чело свое, озаренное мелкими думами о ничтожномъ предметѣ. Но кто полагаетъ, что повторенія вещей столь назидательныхъ могутъ быть веселы и легки, тотъ жестоко ошибается: ничего скучнѣе ихъ не можетъ быть для человѣка, у котораго есть хоть двѣ мысли въ головѣ, и потому люди, поставленные обстоятельствами въ необходимость продолбивать безпрестанно такія повторенія, достойны искренняго сожалѣнія всякаго благомыслящаго человѣка. И тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть ихъ, что всѣ ихъ тягостные труды обыкновенно оказываются напрасными. Вѣдь ни одного господина нельзя увѣрить, что надъ нимъ смѣются не потому, чтобы ужъ въ самомъ дѣлѣ «ничего во всей природѣ благословить не хотѣли», а просто потому, что *его-то* благоволяютъ не за что, *онъ-то* смѣшонъ съ своими заносчивыми возгласами о разныхъ ничтожностяхъ. Нѣтъ, каждый изъ подобныхъ господъ готовъ жизнію пожертвовать за сохраненіе величія того, что ему кажется великимъ, и ничѣмъ не убѣдится въ своей мелочности. Всѣ они подобны мышамъ на кораблѣ, открывшимъ страшную течь и пророчившимъ гибель всему кораблю. «Помилуйте, страшная течь, — вода мнѣ до самого рыла дошла», увѣряетъ всѣхъ подругъ своихъ крыса, пользующаяся авторитетомъ, и партія мышей рѣшается заблаговременно спастись вплавь и бросается въ море, чтобы показать свой героизмъ и дальновидную предусмотрительность... Тула имъ и дорога, конечно.

Исторія дальновидныхъ мышей нѣсколько разъ повторялась въ русской литературѣ, только въ обратную сторону. Наши писатели никогда не доходили до того, чтобы броситься въ море, проповѣдая

гибель кораблю (на то они люди, а не мыши); совершенно напротив: во время опаснаго плаванія въ открытомъ морѣ, они, увидавъ на волнахъ щепочку, брошенную съ ихъ же корабля, не разъ поднимали радостный вопль, что берегъ близко.... Кто раньше подымалъ этотъ крикъ, тотъ и привлекалъ къ себѣ общее, благодарное вниманіе; кто прибавлялъ тутъ же полезныя совѣты, какъ избавиться прибрежныхъ мелей и подводныхъ камней,—на того смотрѣли съ благоговѣніемъ; а кто наставлялъ пловцовъ, какъ имъ воспользоваться всѣмъ, что найдутъ на предполагаемомъ берегу, тотъ мгновенно пріобрѣталъ себѣ титулъ гения и великаго человѣка.

На нашу долю ни разу, кажется, не выпало подобнаго удовольствія и чести, и вслѣдствіе того мы подверглись многимъ нареканіямъ.... Въ самомъ дѣлѣ, для многихъ долженъ былъ показаться страннымъ холодный и насмѣшливый тонъ, обращенный на тѣ предметы, которые въ большинствѣ возбуждаютъ неистовый восторгъ и благоговѣйное поклоненіе. Уже нѣсколько лѣтъ всѣ наши журналы и газеты трубятъ, что мгновенно, какъ бы по мановенію волшебства, Россія вскочила со сна и во всю мочь понеслась по дорогѣ прогресса, такъ, что ее теперь никакъ не догонишь... Нѣсколько лѣтъ уже каждая статейка, претендующая на современное значеніе, непременно начинается у насъ словами: *«въ настоящее время, когда поднято столько общественныхъ вопросовъ и т. д. слѣдуетъ изложить вопросовъ»*. Нѣсколько лѣтъ уже русская литература льстила обществу, увѣряя, что въ немъ теперь пробудилось самосознаніе, раскаяніе въ своихъ порокахъ, стремленіе къ совершенствованію; а русское общество хваливало литературу за то, что она такъ старается вызолотить горькія пилюли, которыя наконецъ заставила его принимать прошедшая его жизнь. Лестъ и самообольщеніе — таковы были главныя качества *современности* въ литературныхъ явленіяхъ послѣдняго времени. Странно сказать это о литературѣ въ то время, когда она изъ кожи лѣзла, по собственному признанію, *преслѣдуя и обличая, карая и вырывая съ корнемъ* всякое зло и непотребство на землѣ русской. Но всмотритесь пристальнѣе въ характеръ этихъ обличеній, — вы безъ особеннаго труда замѣтите въ нихъ нѣжность неслыханную, доходящую до приторности, равняющуюся развѣ только нѣжности, обнаруженной во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ достойныхъ друзей, одинъ изъ которыхъ у Гоголя мечтаетъ о томъ, какъ «высшее начальство, узнавъ объ ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами». «Конечно, это плохо, это гадко, безумно, отвратительно», — говорятъ всѣ обличители, не скупясь на сильные эпитеты, — и вы думаете: вотъ молодцы-то, вотъ энергическіе-то дѣятели!... Погодите немножко: это въ нихъ говоритъ Собакевичъ; но Маниловъ не замедлитъ всту-

пить въ свои права, и у нихъ тотчасъ явится и мостикъ черезъ рѣчку, и огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что оттуда можно видѣть даже Москву.

— Конечно, чиновники берутъ взятки, но вѣдь это единственно отъ недостаточности жалованья; прибавьте жалованья, и взятки не будетъ въ Россіи.... Невозможно же допустить предположеніе, чтобы взятки брали и тѣ чиновники, которые по своему чину и мѣсту служенія получаютъ хорошіе оклады. Нѣтъ, какъ можно: вся язва взяточничества ограничивается чиновниками низшихъ судебныхъ инстанцій, получающими ничтожное жалованье.

— Просвѣщеніе плохо подвигается, — правда. Но вѣдь вся бѣда въ томъ только, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ учителя и учебники плохи. Но если бы гимназіи приготовляли достойныхъ слушателей для нашихъ великихъ профессоровъ, да если бы профессора и академики удостоили заняться составленіемъ учебниковъ, — о! тогда у насъ мгновенно водворилось бы лучезарное просвѣщеніе. «Общества нѣтъ въ деревнѣ; надобно въ городъ ѣздить, чтобы увидаться съ образованными людьми, — какъ говоритъ Маниловъ. Но, конечно, если бы сосѣдство близкое, если бы такой человѣкъ, съ которымъ бы въ нѣкоторомъ родѣ можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую нибудь этакую науку... словомъ, если бы такой образцовый человѣкъ, какъ вы, Павелъ Ивановичъ.... о! тогда наша деревня и уединеніе имѣли бы много пріятностей»...

— Ремесленный классъ у насъ въ дурномъ положеніи, — жаль. Но это зависитъ впрочемъ отъ личности хозяевъ, и больше ни отъ чего; надо только запретить хозяевамъ бить и морить голодомъ мальчишекъ, — и ремесленники наши будутъ благоденствовать.

— Промышленность у насъ развивается слабо, торговля не въ блестящемъ положеніи.... Ахъ, это очень просто: конкуренція слаба, оттого что тарифъ высокъ. Пониженный тарифъ — это универсальная и радикальная мѣра для развитія нашей промышленности и торговли.

— Пропивается сильно русскій человѣкъ... Это грустное явленіе... Но вѣдь тутъ вся бѣда оттого происходитъ, что система винныхъ сборовъ несовершенно устроена. Стоитъ завести акцизъ вмѣсто прежняго откупа, (и даже съ небольшою надбавкою), и все пойдеть отлично.

Въ такомъ видѣ представляются намъ почти всѣ русскіе обличители. Кричатъ, кричатъ противъ какихъ-то злоупотребленій, какихъ-то дурныхъ порядковъ.... подумаешь, у нихъ на умѣ и Богъ знаетъ какія обширныя соображенія. И вдругъ, смотришь, у нихъ самыя кроткія и милыя требованія; мало этого, — оказывается, что

они и кричатъ—то вовсе не изъ-за того, что составляетъ дѣйствительный, существенный недостатокъ, а изъ-за какихъ нибудь частностей и мелочей. Они смахиваютъ немножко на одного изъ нашихъ знакомыхъ, о которомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Прочитавши нѣсколько кригическихъ статей объ «Исторіи русской цивилизаціи» г. Жеребцова, онъ проникся къ г. Жеребцову живѣйшимъ негодованіемъ и принялся ругать его, на чемъ свѣтъ стоитъ.... Читателямъ извѣстно, что мы не высокаго мнѣнія о книгѣ г. Жеребцова; но намъ показался неумѣреннымъ и ужь слишкомъ театрално-патетическимъ тотъ азартъ, съ какимъ нашъ знакомый позорилъ историка русской цивилизаціи. Мы сдѣлали какое-то замѣчаніе, направленное къ тому, чтобы удержать нѣсколько его порывы. Но онъ возразилъ намъ,—какъ бы вы думали?—слѣдующимъ образомъ. «Нѣтъ, ужь вы г. Жеребцова не защищайте (а мы и не думали защищать). Нѣтъ, такъ писать нельзя... Это не годится... Нѣтъ, какъ же это можно? Помните, что же это будетъ? Онъ говоритъ, что Батый проходилъ черезъ Калугу, тогда какъ Калуга дѣлается извѣстною въ нашей исторіи только съ 1389 г. На что же это похоже? Ну, скажи бы онъ, что Батый проходилъ черезъ Калужскую губернію, черезъ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Калуга, это было бы другое дѣло. А то вдругъ Калугу выдумалъ за полтора ста лѣтъ до ея существованія. Это совершенно напоминаетъ того городничаго, который велѣлъ пожарной командѣ быть всегда на мѣстѣ пожара за полчаса до появленія пламени... Ха-ха... Но безъ всякихъ шутокъ, — видно, что г. Жеребцовъ писалъ, не справляясь съ Карамзиннымъ, потому что въ Исторіи Карамзина есть свѣдѣнія о Калугѣ. Это и повредило всему дѣлу. А загляни г. Жеребцовъ въ Карамзина, онъ, разумѣется, при своей любви къ родинѣ, при своихъ обширныхъ знаніяхъ и при своемъ свѣтломъ взглядѣ, могъ бы написать отличную вещь».

Почти всѣ наши обличители заканчиваютъ свои суровыя рѣчи подобнымъ образомъ. Но это еще зло не такъ большой руки въ сравненіи съ тѣмъ, что говорится многими, и самими обличителями въ томъ числѣ, во славу нашего времени, нашего общества, нашихъ успѣховъ на всевозможныхъ поприщахъ. Тутъ ужь идетъ совершеннѣйшая манипуловщина.

Кто нибудь напишетъ въ повѣсти: «меня обокрали неизвѣстные люди»,—сейчасъ поднимаются крики о томъ, что у насъ процвѣтаетъ гласность.

Сдѣлаютъ ученое открытіе, что отъ увеличенія налога на соль она не подешевѣетъ: начинаютъ съ благоговѣніемъ повторять, что наука идетъ у насъ впередъ исполненными шагами.

Сказалъ кто-то новую мысль, что жидъ—человѣкъ, а не скотинъ.

на, и ничто человѣческое ему не чуждо: тотчасъ въ трубы трубить начали, что у насъ гуманность на высшей степени развитія, (исключая только нѣкоторые презрѣнные личности).

Напишетъ ктонибудь, что дурно дѣлали наши мелкіе чиновники, когда взятки брали: мгновенно поднимается оглушительный вопль, что у насъ общественное сознаніе пробудилось.

Явится статейка, доказывающая, что не слѣдуетъ заставлять людей совершенно даромъ на насъ работать, а нужно только стараться нанять ихъ какъ можно дешевле: всѣ въ восхищеніи и кричатъ, что общечеловѣческія начала у насъ превосходно выработались.

И не довольствуясь тѣмъ, что мы теперь такъ хороши, наши Маниловы начинаютъ торжественно разсуждать о томъ, какъ хороши мы были и прежде (т. е. не въ недавнее время, а въ древности, *въ прежне-ее прежде*), и о томъ, какая великая будущность насъ всегда ожидала и ожидаетъ. Одни дѣлаютъ это простодушно, въ полномъ сознаніи, что о великой будущности именно и кстати потолковать по тому случаю что мы понимаемъ теперь вредъ взяточничества, крѣпостнаго права и т. п. Другіе же поддакиваютъ этому, вовсе не по простодушію, а по тому же самому чувству, по которому Чичиковъ поддакивалъ Манилову. Немудрено, что въ нашей литературѣ безпрестанно повторяется знаменитая сцена, въ которой Маниловъ представляетъ Чичикову дѣтей своихъ. «Какой душенька, у насъ самый лучший городъ?» — Петербургъ. «А другой?» — Москва. Литературные Маниловы и Чичиковы приходятъ въ восхищеніе. «У этого ребенка будутъ замѣчательныя способности», — провозглашаетъ Чичиковъ. — «О, вы еще не знаете его, — восклицаетъ Маниловъ;—у него чрезвычайно много остроумія: чуть замѣтитъ какуюнибудь букашку, козявку, сейчасъ побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе».... Я его прочу по дипломатической части,—заключаетъ литературный Маниловъ, любуясь великими способностями русскаго человѣка и не замѣчая, что съ нимъ еще надо безпрестанно дѣлать тоже, что произвелъ лакей съ Оемистоклюсомъ Маниловымъ, въ то самое мгновеніе, какъ отецъ спрашивалъ мальчика, — хочетъ ли онъ быть посланникомъ?

Смотрѣть на подобныхъ господъ серьезно — значитъ оскорблять собственный здравый смыслъ. Но тѣмъ не менѣе они могутъ еще ввести въ заблужденіе неопытныхъ юношей, если не восторженностью своихъ похвалъ, то рѣшительностью и рѣзкостью своихъ порицаній, хотя въ сущности очень неопредѣленныхъ и ни на что прямо не направленныхъ. Поэтому—то и нельзя ихъ оставлять уже вовсе безъ вниманія; нельзя отъ нихъ отходить молча, смѣривши ихъ только презрительнымъ взглядомъ. Приходится по необходи-

мости толковать съ ними, и иногда довольно пространно, при чемъ, разумѣется, самому становится и досадно, и смѣшно, и даже по большей части — болѣе смѣшно, нежели досадно. Такое расположеніе духа само собою отражается, конечно, и въ томъ тонѣ, какимъ говоримъ мы о многихъ предметахъ, возбуждающихъ въ другихъ людяхъ самыя возвышенныя чувствованія....

«Но что же это за странный разладъ въ людяхъ, которые повидимому сходятся между собою, какъ пѣльзъ болѣе въ общихъ стремленіяхъ? Вы хотите правды и свѣта, и въ этомъ не расходится съ вами никто изъ людей, имѣющихъ честное имя въ литературѣ. Вы отвращаетесь зла и тьмы, и въ этомъ отвращеніи никто изъ благонамѣренныхъ литераторовъ, конечно, вамъ не уступитъ. Зачѣмъ же смѣяться надъ тѣми, въ чьей благонамѣренности и благородствѣ вы не сомнѣваетесь? Зачѣмъ выставлать въ смѣшномъ видѣ то, что можетъ хотя сколько нибудь способствовать достиженію тѣхъ же цѣлей, къ которымъ вы сами стремитесь? Не значитъ ли это вредить великому дѣлу народнаго образованія и развитія, которому служить литература? Не будетъ ли униженіемъ для всей литературы, если вы станете называть вздоромъ и мелочью то, чѣмъ дорожатъ и восхищаются многіе изъ почтенныхъ и умныхъ ея дѣятелей?»

На всѣ эти вопросы мы должны дать отвѣтъ, по возможности серьезный и опредѣлительный. Соблюсти нѣкоторую серьезность побуждаетъ насъ не самый предметъ (которому очень мало нужды до того, какимъ тономъ говорятъ о немъ), а благодарное уваженіе къ прошедшимъ заслугамъ именно тѣхъ лицъ, которыя нынѣ такимъ комическимъ образомъ умѣютъ тратить столько благороднаго жара на всякія мелочи. Если вы идете по грязному переулку съ своимъ пріателемъ, не смотря себѣ подъ ноги, и вдругъ пріятель предупреждаетъ васъ: «берегитесь, здѣсь лужа»; если вы спасаетесь его предостереженіемъ отъ непріятнаго погруженія въ грязь и потомъ цѣлую недѣлю, — куда ни придете, — слышите восторженные рассказы вашего пріятеля о томъ, какъ онъ спасъ васъ отъ потопленія: — то конечно, вамъ забавенъ пафосъ пріятеля и умиленіе его слушателей; но все же чувство благодарности удерживаетъ васъ отъ саркастическихъ выходокъ противъ восторженнаго спасителя вашего, и вы ограничиваетесь легкимъ смѣхомъ, котораго не можете удержать, а потомъ стараетесь (если есть возможность) серьезно уговорить пріятеля — не компрометировать себя излишнею восторженностью.... Такъ и мы поступимъ въ настоящемъ случаѣ.

Мы никогда не осмѣлились бы поставить свои личныя убѣжденія выше мнѣній почтенныхъ особъ, пользующихся издавна авторитетомъ, если бы мы считали свои убѣжденія только собственной, лич-

ной нашей принадлежностью, не говоря о скромности и недовѣрчивости къ себѣ, (служащихъ, какъ извѣстно, украшеніемъ юности и не мѣшающихъ ни въ какомъ возрастѣ),—въ насъ достало бы столько благоразумія, чтобъ не проповѣдывать въ пустынѣ собственныя фантазіи, и столько добросовѣстности, чтобы не ломаться предъ публикою въ надеждѣ привлечь ея вниманіе своею эксцентричностью. Нѣтъ, мы говорили и говоримъ, не обращая вниманія на старые авторитеты, — потому единственно, что считаемъ своимъ мнѣніемъ отголоскомъ того живаго слова, которое ясно и твердо произносится молодою жизнью нашего общества. Можетъ быть мы ошибаемся, считая себя способными къ правильному истолкованію живыхъ, свѣжихъ стремленій русской жизни; время рѣшитъ это. Но во всякомъ случаѣ—мы не ошибемся, ежели скажемъ, что стремленія молодыхъ и живыхъ людей русскаго общества гораздо выше того, чѣмъ обольщалась въ послѣднее время наша литература. Мы рѣшаемся изложить нашу мысль нѣсколько подробнѣе и опредѣленнѣе (сколько это возможно, разумѣется, безъ нарушенія должнаго почтенія къ литературнымъ и другимъ авторитетамъ).

Нѣсколько разъ уже приходилось намъ говорить объ отношеніи литературы къ дѣйствительности. Мы постоянно выражали убѣжденіе, что литература служитъ отраженіемъ жизни, а не жизнь слагается по литературнымъ программамъ. Никогда и нигдѣ литературные дѣятели не сходили съ эфирныхъ пространствъ и не приносили съ собою новыхъ началъ, независимыхъ отъ дѣйствительной жизни; все, что произвелъ когда либо человѣческій умъ, все это дано опытомъ жизни. Литература постоянно отражаетъ тѣ идеи, которыя бродятъ въ обществѣ, и большій или меньшій успѣхъ писателя можетъ служить мѣркою того, на сколько онъ умѣлъ въ себѣ выразить общественные интересы и стремленія. Разсуждая такимъ образомъ, мы должны были бы безусловно преклониться предъ недавними успѣхами нашей литературы и признать, что она представляетъ самое вѣрное и совершенное отраженіе всѣхъ интересовъ русской жизни. Послѣ такого признанія не могло бы уже быть и рѣчи о мелочности литературы. Но серьезно оцѣнивши этотъ успѣхъ, мы пришли къ заключенію, что онъ былъ весьма незначителенъ и представлялъ чрезвычайно обманчивое зрѣлище. Чтобы оцѣнить значеніе того, что называютъ успѣхомъ въ литературѣ, надо непременно рассмотреть, *между кѣмъ* пріобрѣтенъ этотъ успѣхъ и *какъ долго* онъ продолжался или могъ продолжаться. Въ этомъ отношеніи большая часть данныхъ будетъ не въ пользу литературныхъ успѣховъ послѣдняго времени. Собственно говоря, всякій писатель имѣетъ гдѣ нибудь успѣхъ: есть сочинители лакей-

скихъ поздравленій съ новымъ годомъ, пользующіеся успѣхомъ въ переднихъ; есть творцы пышныхъ одъ на иллюминаціи и другіе случаи,—творцы любезно принимаемые иногда и важными барями; есть авторы, производящіе разныя «pièces de circonstances» для домашнихъ спектаклей и обожаемые даже въ свѣтскихъ салонахъ; есть писатели, возбуждающіе интересъ въ мірѣ чиновничьемъ; есть другіе, служащіе любимцами офицеровъ; есть третьи, о которыхъ мечтаютъ провинціальныя барышни.... Чѣмъ же эти кружки увлекаются въ своихъ любимцахъ? Конечно, не талантомъ, не истинною поэзіи, которыя для всѣхъ одинаковы, а тѣмъ, что въ писателѣ соответствуетъ ихъ собственнымъ понятіямъ, стремленіямъ и воззрѣніямъ на жизнь. Лучшіе писатели оттого имъ и непонятны или не нравятся, что стоятъ выше ихъ пониманія. Оттого-то самый шумный и блестящій успѣхъ и выпадаетъ всегда на долю— не самаго талантливаго, а самаго близкаго къ сегодняшнимъ, насущнымъ интересамъ толпы. Но съ паденіемъ или удовлетвореніемъ этихъ интересовъ, исчезаетъ и успѣхъ писателя, пользовавшагося ими для своихъ произведеній. Прочный же успѣхъ остается только за тѣми явленіями, которыя захватываютъ вопросы далекаго будущаго, или въ которыхъ есть высшій, общечеловѣческій интересъ, независимый отъ частныхъ, гражданскихъ и политическихъ соображеній. Только писатель, умѣющій достойнымъ образомъ выразить въ своихъ произведеніяхъ чистоту и силу этихъ высшихъ идей и ощущеній, умѣющій сдѣлаться понятнымъ всякому человѣку, несмотря на различіе временъ и народностей, остается надолго памятнымъ міру, потому что постоянно пробуждаетъ въ человѣкѣ сочувствіе къ тому, чему онъ не можетъ не сочувствовать, не переставая быть человѣкомъ. Большая или меньшая доля *такого* успѣха выпадаетъ непременно на долю всякаго талантливаго произведенія; но то, что въ немъ *остается*, принадлежитъ таланту, о сущности и значеніи котораго мы здѣсь не станемъ распространяться. Мы должны говорить здѣсь о значеніи идей, развиваемыхъ писателемъ и приобретающихъ ему временное сочувствіе общества. Въ исторіи же развитія идей мы постоянно видимъ повтореніе одной и тойже, слѣдующей исторіи. Жизнь въ своемъ непрерывномъ развитіи набирала множество фактовъ; ставила множества вопросовъ; люди присматривались къ нимъ съ разныхъ сторонъ, выясняли кое-что, но все-таки не могли справиться со всею громадою накопившагося матеріала; наконецъ являлся человѣкъ, который умѣлъ присмотрѣться къ дѣлу со всѣхъ сторонъ, придавалъ предметамъ разбросаннымъ и отчасти исковерканнымъ прежними изслѣдователями, ихъ естественный видъ и предъ всѣми разъяснял то, что до-

селъ казалось темнымъ. Люди болѣе умные тотчасъ же обыкновенно схватывали эти объясненія гениальнаго человѣка, и отъ нихъ уже начинали свои дальнѣйшія изслѣдованія. Люди болѣе глупые, напротивъ, долго еще оставались при прежнихъ одностороннихъ и нескладныхъ воззрѣніяхъ и принимали новыя только тогда, когда уже большинство явно къ нимъ склонялось или какія нибудь внѣшнія обстоятельства слишкомъ уже настоятельно вынуждали уступку новымъ началамъ. Мало по малу однако старое воззрѣніе исчезало совсѣмъ и замѣнялось новымъ. Но пока продолжался процессъ водворенія новыхъ началъ въ цѣлой массѣ людей, жизнь шла своимъ чередомъ и возбуждала опять другіе вопросы, давала опять новый матеріалъ для разработки. Прежніе умные люди болѣе частію уже не существовали въ то время, какъ эти новыя потребности приходили въ силу; да и тѣ, которые остались, всѣ заняты были хлопотами объ окончательномъ водвореніи своихъ началъ, изъ за-которыхъ они съ молодыхъ лѣтъ трудились и боролись; о новыхъ вопросахъ они мало заботились, да и не имѣли довольно силъ для того, чтобы разрѣшить ихъ. Поэтому прежніе умные люди, въ виду новыхъ требованій новаго времени, оставались болѣе частію безучастными зрителями и, всѣ усилія употребляя къ поддержанію старыхъ началъ, смотрѣли на новыя вопросы даже нѣсколько презрительно. Глупые же люди, послѣ всѣхъ принявшіе тѣ начала, которыя теперь стали ужѣ старыми, даже вовсе и не понимали, чтобъ могли существовать еще какія-то другія требованія, кромѣ тѣхъ, какія разрѣшились для нихъ въ ученіи, недавно ими принятомъ. Вслѣдствіе того они принимались даже преслѣдовать новое движеніе, дѣлались, какъ всѣ новички, фанатиками тѣхъ воззрѣній, противъ которыхъ сами такъ недавно враждовали. Но, разумѣется, событія брали свое: новыя факты образовали новыя общественныя отношенія и приводили людей къ новому пересмотру прежнихъ системъ, прежнихъ фактовъ и отношеній. Все молодое, безъ труда, съ малолѣтства усвоившее систему господствующихъ воззрѣній, чувствовало, разумѣется, желаніе и свѣжія силы для дальнѣйшей работы; вновь накопленные факты давали обильный матеріалъ, и молодое поколѣніе принималось работать надъ новыми данными, еще робко, ощупью, но уже съ предчувствіемъ новаго свѣта, который прольется на ихъ начинанія при появленіи новаго гениальнаго ума.

Такова общая исторія вопросовъ науки и искусства при переходѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Степень развитія умныхъ людей въ началѣ каждаго періода даетъ мѣрку будущаго развитія массъ въ концѣ того же періода. Люди, идущіе въ уровень съ жизнью и умѣю-

щіе наблюдать и понимать ся движеніе, всегда забѣгаютъ нѣсколько впередъ, а за ними слѣдуетъ и толпа, которая понимаетъ жизнь уже по чужимъ объясненіямъ и такимъ образомъ все протверживаетъ зады. Этимъ-то процессомъ развитія массъ и объясняется жизненность и долговѣчность всего талантливаго; сначала только умные люди поймутъ и скажутъ, что это хорошо, толпа же повѣритъ имъ на-слово; а потомъ и толпа, по мѣрѣ своего развитія, все сознательнѣе и яснѣе станетъ убѣждаться, что это дѣйствительно хорошо.... до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новый періодъ цивилизациі. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, о которомъ мы упомянули выше: что всякій авторъ, какъ бы онъ ни былъ пошлъ, все-таки имѣетъ успѣхъ въ какомъ нибудь кружкѣ и даже приноситъ своего рода пользу. «Пѣтъ на свѣтѣ такого дурака, который бы не возбуждалъ къ себѣ удивленія въ какомъ нибудь другомъ, еще болѣе дуракѣ», — говорится въ одной изъ сатиръ Буало, и ни къ чему эти слова не могутъ быть такъ справедливо примѣнены, какъ къ литературѣ. Дѣйствительно, — самый глупый изъ пишущихъ людей можетъ навѣрное разсчитывать, что найдутся люди, которымъ и онъ можетъ сообщить и объяснить кое-что: онъ отсталъ, но за нимъ все-таки еще остается кто нибудь, еще болѣе отсталый.... Доказательства мы видимъ каждый день. Стоитъ только вспомнить, что до сихъ поръ нѣсколько тысячъ человѣкъ въ Россіи постоянно читаютъ фельетоны «Сѣверной Пчелы», или что «Весельчакъ», просуществовавши цѣлый годъ, объявляетъ подписку и на слѣдующій.... Стало быть, есть же и въ нихъ вещи, для кого нибудь поучительныя и интересныя.... Да и гдѣ же ихъ нѣтъ!... Въ одномъ лакейскомъ поздравленіи мы когда-то читали стихи:

Дай Богъ вамъ счастья и здоровья,
Любви и тишины въ семьѣ....

Для сколькихъ изъ господъ, принимающихъ эти поздравленія вмѣстѣ съ афишами, — мысль «о любви и тишинѣ въ семьѣ» должна была показаться новою и оригинальною!...

Читатель можетъ спросить насъ: «зачѣмъ мы ввели это пространное, утомительное и крайне неновое разсужденіе — въ статью, которая должна трактовать о литературныхъ мелочахъ прошлаго года?» Затѣмъ, — отвѣтимъ мы читателю, что намъ нужно было нѣсколько общихъ положеній для вывода, представляемаго нами нѣсколько строкъ ниже. Мы указали на то, что новыя воззрѣнія, выработанныя изъ фактовъ, накопившихся въ теченіе извѣстнаго періода, сначала бываютъ достояніемъ немногихъ и только мало по малу переходятъ въ массы; когда этотъ переходъ идей совершился, тогда уже на-

стало, значить, начало новаго періода: новыя потребности образовались, новыя вопросы выработались и привлекаютъ къ себѣ вниманіе людей, идущихъ впередъ; прежнія идеи и стремленія подбираются уже только людьми отсталыми и остановившимися. — Припомнивъ это, мы представляемъ читателю слѣдующій выводъ, который онъ можетъ уже прямо приложить къ русской литературѣ послѣдняго времени: «когда какое нибудь литературное явленіе мгновенно пріобрѣтаетъ чрезвычайное сочувствіе массы публики, это значитъ, что публика уже прежде того приняла и сознала идеи, выраженіе которыхъ является теперь въ литературѣ; тутъ уже большинство читателей обращается съ любопытствомъ къ литературѣ потому, что ожидаетъ отъ нея обстоятельнаго разъясненія и дальнѣйшей разработки вопросовъ, давно поставленныхъ самой жизнью. Если же это любопытство охладѣваетъ столько же быстро, какъ и возникло, — это значитъ, что публика увидѣла, какъ она обманывалась въ силахъ наличныхъ литературныхъ дѣятелей, предполагая ихъ способными къ разрѣшенію такихъ вопросовъ жизни, которые имъ далеко не по плечу»....

Какъ видите, выводъ прямо приводитъ насъ къ литературнымъ мелочамъ. Извѣстно всѣмъ и каждому, что сатирико-полицейская и поздравительно-экономическая литература наша страшно уже надоѣла публикѣ въ прошедшемъ году. Между тѣмъ фуроръ, возбужденный ею во всей публикѣ, имѣетъ теперь не болѣе трехъ лѣтъ отъ роду.... Слѣдовательно заключеніе, приведенное нами выше, вполне примѣняется къ нашей литературѣ послѣдняго времени. Провозгласивши начала, всею публикою давно, въ безмолвномъ согласеніи, признанія, она возбудила къ себѣ сочувствіе, — но вмѣстѣ съ тѣмъ внушила и надежды на что-то болѣе и высшее; до сихъ поръ надежды эти не исполнены, и литература *обмѣлила* въ глазахъ лучшей части публики.

Выставляя этотъ фактъ, мы не откажемся его объяснить и подтвердить примѣрами. Но сначала считаемъ нужнымъ изложить причины, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависѣлъ этотъ мелочной, мизерный характеръ, обнаруженный литературою въ послѣднее время.

По нашему крайнему разумѣнію, причина здѣсь заключается не въ самой литературѣ, а опять-таки въ обществѣ, котораго отраженіемъ она служитъ (*). Общество сама виновато въ томъ грустномъ и

(*) Читатель замѣтилъ, конечно, что слово «литература» мы употребляемъ не въ смыслъ беллетристики, а въ самомъ обширномъ значеніи, разумѣя тутъ и поэзію, и науку собственно, и публицистику, и т. д.

ненормальномъ явленіи, что литераторы явились предъ нимъ вдругъ — не передовыми людьми, не смѣлыми вождями прогресса, какъ всегда и вездѣ они бывали, а людьми болѣе или менѣе отсталыми, робкими и безспыными. Доказать наше обвиненіе не трудно: стоитъ припомнить нѣкоторыя черты изъ прошедшаго времени, могущія служить объясненіемъ тогдашнихъ отношеній общества къ литературѣ.

Извѣстно, что очень немногіе изъ литературныхъ дѣятелей, сдѣлавшихся особенно замѣтными въ послѣднее время, принадлежатъ собственно нынѣшнему времени. Почти всѣ они выработались гораздо прежде, подъ вліяніемъ литературныхъ преданій другаго періода, начало котораго совпадаетъ въ исторіи... впрочемъ, что намъ до исторіи: читатели сами ее должны знать... будемъ говорить только о литературѣ. Въ литературѣ начало этого періода совпадаетъ со временемъ основанія «Московского Телеграфа;» жизненность его оканчивается со смертію Бѣлинскаго; а за тѣмъ идетъ какой-то летаргическій сонъ, прерываемый только библиографическимъ храпомъ и патріотическими грезами; окончаніемъ этого періода можно положить то время, въ которое скончалъ свое земное поприще незабвенный въ лѣтописяхъ русской журналистики «Москвитининъ». Схоронивши сіе тяжеловѣсное и скучное созданіе, литераторы, бродившіе какъ потерянные, со времени смерти Бѣлинскаго, какъ будто пришли въ себя и повѣстили довольно громко на всю Русь православную, — что они живы и здоровы. Русь имъ обрадовалась, и они принялись, какъ старые знакомые, съ ней разговаривать и разсуждать, стали ей «сказки сказывать и давати ей поученьица»... Слово ихъ было произносимо *со властію*, съ сознаніемъ собственного достоинства, и молодое поколѣніе съ трогательною робостью прислушивалось къ мудрымъ рѣчамъ ихъ, едва осмѣливаясь дѣлать почтительные вопросы и уже вовсе не смѣя обнаруживать никакихъ сомнѣній. При малѣйшемъ равнодушіи молодежи къ поученіямъ зрѣлыхъ мудрецовъ, въ ихъ глазахъ и губахъ появлялось выраженіе, въ которомъ ясенъ былъ презрительный вызовъ: «вы, нынѣшніе, — ну-тка!...» При такомъ вызовѣ *нынѣшніе*, разумѣется, поджимали хвостъ и съѣживались, не дерзая мѣрять свои силы съ могучими бойцами, уже испытанными въ жизненной борьбѣ.... Поле словесной битвы постоянно оставалось такимъ образомъ за людьми зрѣлыми, разумными и опытными; молодое поколѣніе обычнымъ путемъ вступило въ свои права — наслаждаться поученіями старшихъ.

Но увы! — столь отраднѣйшій порядокъ вещей продолжался недолго! Очень скоро зрѣлые мудрецы выказали всѣ налѣчные силы, сколько было у нихъ, — и оказалось, что они не могутъ стать въ уровень съ современными потребностями. Юноши, доселѣ занимавшіеся, вмѣстѣ

съ зрѣлыми мудрецами, пораженіемъ семидесяти-лѣтнихъ старцевъ, рѣшились теперь перенести свою критику и на людей пятидесяти и даже сорока лѣтъ. Исторія о томъ, какъ и отчего все это произошло, не лишена занимательности, и мы когда нибудь при удобномъ случаѣ займемся подробнымъ ея изложеніемъ, а теперь расскажемъ только краткій ея содержаніе.

Въ гласныхъ проявленіяхъ общественной жизни Россіи въ послѣднюю четверть вѣка произошло обстоятельство, довольно замѣчательное по своей странности: въ этихъ проявленіяхъ почти нисколько не отражалась внутренняя работа жизни. По газетамъ, по отчетамъ, по статистическимъ выводамъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ журналовъ, издаваемыхъ разными вѣдомствами, по историческимъ изслѣдованіямъ Оаадся Булгарина, по реторикѣ и философіи академика Ивана Давыдова, по одамъ графа Хвостова—можно видѣть только одно: что «все обстоитъ благополучно». Между тѣмъ на дѣлѣ далеко не все обстояло такъ благополучно, какъ можно было подумать, судя по официальнымъ рапортамъ. Это хорошо знали и рѣшились прямо сказать нѣкоторые благородные и энергическіе люди, желавшіе, чтобы жизнь нашла свое отраженіе въ печатномъ словѣ всѣми своими сторонами, хорошими и худыми, и всѣми своими стремленіями, близкими и далекими. Изобразителемъ этихъ сторонъ явился Гоголь, истолкователемъ этихъ стремленій—Бѣлинскій; около нихъ группировалось нѣсколько десятковъ талантливыхъ личностей. Всѣ они дружно принялись за свое дѣло и явились предъ обществомъ дѣйствительно—передовыми людьми, руководителями общественнаго развитія. Большинство, поклонявшееся тогда глубокомыслию барона Брамбеуса, учености Греча и Ив. Давыдова, патріотическимъ драмамъ Кукольника и т. д.,—туго поддавалось на убѣжденія энергическихъ дѣателей гоголевской партіи; но одушевляемые Бѣлинскимъ и лучшими изъ друзей его, эти люди неутомимо продолжали свое дѣло. Успѣхъ ихъ былъ великъ въ обществѣ: къ концу жизни Бѣлинскаго они рѣшительно овладѣли сочувствіемъ публики; ихъ идеи и стремленія сдѣлались господствующими въ журналистикѣ; приверженцы философій Булгарина и Давыдова, литературныхъ мнѣній Ушакова и Шевырева, поэзіи Федора Глинки и барона Розена—были ими заклеяны и загнаны на задній дворъ литературы. Русское печатное слово дѣйствительно шло къ тому, чтобы сдѣлаться вѣрнымъ и живымъ выраженіемъ русской жизни. Но въ 1848 году Бѣлинскій умеръ, многіе изъ его друзей и послѣдователей разсѣлились въ разныя стороны, Гоголь въ тоже время рѣзко обозначилъ перемѣну своего направленія, и печатное дѣло остановилось при самомъ началѣ. Литература потянулась какъ-то сонно и вяло; во-

выхъ органовъ литературныхъ не являлось, да и старые-то едва-едва плелись, мурлыча читателямъ какія-то сказочки; о живыхъ вопросахъ вовсе перестали говорить; появились какія-то библиографическія стремленія въ наукѣ; прежніе дѣатели замолкли или стали быть по волчьи. Люди, писавшіе прежде о Мальтусѣ и пауперизмѣ, принялись за сочиненіе библиографическихъ статей о какихъ нибудь журналахъ прошлаго столѣтія; писатели, поднимавшіе прежде важные философскіе вопросы, смиренно низошли до изложенія какихъ нибудь правилъ грамматики или реторики; люди, отличавшіеся прежде смѣлостью общихъ историческихъ выводовъ, принялись разсматривать «значеніе кочерги, исторію ухвата». Забитая прежде литературная дрянь и мелюзга подняла голову и «вылѣзшія изъ щелей мошки и букашки» опять начали ползати и пищати, не боясь уже быть растоптанными. Лучшіе дѣатели недавняго времени махнули тогда рукой и рѣшили хранить гробовое молчанье, если само общество не потребуетъ отъ нихъ слова. Но общество оказалось совершенно равнодушнымъ къ литературѣ: ему какъ будто и дѣла не было до того, что объ немъ и для него пишется. Пока говорили, оно слушало; перестали говорить, — оно перестало слушать. Внезапный перерывъ рѣчи не произвелъ на него, повидимому, никакого впечатлѣнія. Ни сожалѣнія, ни упрека, ни просьбы о продолженіи рѣчи—ничего не заявила русская публика. Естественно, что такая холодность очень дурно подѣйствовала на литературныхъ дѣателей, и это отразилось и отражается до сихъ поръ на ихъ возобновленной дѣятельности. Они подумали, — и не безъ основанія, — что въ обществѣ не поняты или не приняты тѣ идеи, которыя они проповѣдывали, тѣ интересы, которымъ они служили. Имъ показалось, что общество не только не способно идти впередъ по указанному ими направленію, но еще не можетъ остановиться даже и на томъ, до чего они успѣли довести его, — а непременно поворотить назадъ, повинуясь силѣ противнаго вѣтра. И вслѣдствіе именно этого убѣжденія въ вѣтрености общества, литературные дѣатели наши выказали столько слабости и мелочности при возобновленіи своей дѣятельности. Когда общество опять потребовало отъ нихъ слова, они сочли нужнымъ начать сначала и говорить даже не о томъ, на чемъ остановились послѣ Бѣлинскаго, а о томъ, о чемъ толковали при началѣ своей дѣятельности, когда еще въ силѣ были мнѣнія академикова Давыдова и Шевырева, когда еще принималось серьезно дидактическое краснорѣчіе профессоровъ Устрялова и Морошкина, когда даже фельетоны «Сѣверной Пчелы» требовали еще серьезныхъ и горячихъ опроверженій. Если это скучно и бесполезно для нынѣшней публики, то она терпитъ только достойное наказаніе за то, что

ввела въ ошибку литераторовъ. Почему въ самомъ дѣлѣ могли они знать о степени развитія своихъ читателей, когда эти читатели ни голоса не подали никогда въ ободреніе упавшей литературы? По дѣломъ теперь и терпятъ скуку за свою невнимательность!..

Впрочемъ нельзя совершенно оправдать и литераторовъ. Вина ихъ состоитъ въ недогадливости, а недогадливость происходитъ отъ того, что они слишкомъ книжно и слишкомъ гордо взглянули на свое призваніе. Они сочли себя чѣмъ-то высшимъ и подумали, что жизнь безъ нихъ обойтись уже вовсе не можетъ: если они поговорятъ, такъ и сдѣлается что нибудь, а не поговорятъ, — ничего не будетъ. Утвердившись въ такомъ отвѣщенномъ и высокопарномъ убѣжденіи, они и не догадались, что жизнь все-таки идетъ своимъ чередомъ, все-таки заявляетъ свои требованія, вырабатываетъ новыя понятія, ставитъ новые вопросы и представляетъ данныя для ихъ разрѣшенія. Они ожидали встрѣтить теперь тоже, что было за двадцать лѣтъ назадъ; но ихъ ожиданія оправдались только вполонину. Ихъ сверстники, бодрые юноши двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, дѣйствительно остановились на томъ, что имъ говорили тогдашніе литературные дѣятели; даже больше—они утратили, вмѣстѣ съ первой молодостью, часть тѣхъ убѣжденій, которыя прежде горячо принимали къ сердцу. Чтобы подѣйствовать на ихъ зрѣлую апатію, въ самомъ дѣлѣ надо было опять начинать съ элементарныхъ понятій и входить во всѣ мелочи, такъ какъ нельзя было положиться на нихъ въ томъ, что они умѣютъ понимать эти мелочи, какъ слѣдуетъ. И вотъ пошли повторенія задовъ, пошли контroversіи о разныхъ предметахъ—ясныхъ и безспорныхъ, или мелкихъ и пошлыхъ. Съ пылкой энергіей, свободнымъ и рѣшительнымъ языкомъ заговорили зрѣлые мужи литературные, и съ первыхъ же словъ заслужили рукоплесканія молодежи и негодованіе своихъ сверстниковъ и старшихъ себя. Ходъ дѣла былъ совершенно понятенъ: было время, когда русской молодежи какъ-то особенно усердно въперемъ былъ страхъ и трепетъ передъ старшими. Молодость, разумеется, и тогда брала свое, и юноши исподтишка подсмѣивались надъ старцами, — но вслухъ говорить не смѣли. И вдругъ они увидѣли, что люди почтенные, сами до нѣкоторой степени *старшіе*, подсмѣиваются надъ разными ветеранами и бросаютъ камень осужденія въ тѣхъ, кто къ нимъ подслуживается. Юношамъ это очень понравилось; они почувствовали сердечное влеченіе къ зрѣлымъ людямъ, такъ рѣзко отвергающимъ ненавистный принципъ безотвѣтности младшаго передъ старшимъ; стали съ почтеніемъ прислушиваться къ ихъ мудрымъ рѣчамъ, увидѣли, что они говорятъ хорошія вещи о правдѣ, чести, просвѣщеніи и т. п., — и рѣшили, что, несмотря на свой почтенный

возрастъ, зрѣлые мудрецы принадлежать къ *новому* времени, что они составляютъ одно съ *новыми* поколѣніемъ, а отъ стараго бѣгутъ, какъ отъ заразы. Еще не имѣя собственнаго знамени, молодость примкнула къ благородной фалангѣ людей, хотя и много старшихъ возрастомъ, но юныхъ по своимъ идеямъ и стремленіямъ. Между двумя поколѣніями заключенъ былъ, безмолвно и сердечно, крѣпкій союзъ противъ третьяго поколѣнія, отжившаго, парализованнаго, охладѣвшаго, но все еще мѣшавшаго общему довольству и спокойствію, пугавшаго новую жизнь своимъ полумертвымъ тѣломъ, похожимъ на трупъ, за-живо разлагающійся и смердящій.

Но не прошло и года, какъ молодые люди увидѣли непрочность и бесполезность своего союза съ зрѣлыми мудрецами. Во всей пожилой фалангѣ оказалось очень немного именъ, которыя можно бы было поставить во главѣ новаго движенія. Большая часть прежнихъ дѣятелей, давно уже не выражавшая своихъ идей и стремлений, совершенно отчаялась въ теченіе этого времени въ дальнѣйшемъ прогрессѣ общества, перестала слѣдить за жизненнымъ движеніемъ событій, сложила руки и осталась въ пассивномъ созерцаніи до тѣхъ поръ, пока сила событій опять не вызвала ихъ къ дѣятельности. Естественно, что они теперь почувствовали себя какъ-то не въ своей тарелкѣ и не знали, что имъ дѣлать и говорить. Начали они съ того, что стали пробовать и разминать свой языкъ, желая убѣдиться, что онъ не разучился произносить человѣческіе звуки. На первый разъ принялись болтать о томъ, что говорить лучше, чѣмъ молчать; потомъ рассказывали о своемъ недавнемъ снѣ и выражали радость о своемъ пробужденіи; затѣмъ жалѣли, что послѣ долгаго сна голова у нихъ не свѣжа, и доказывали, что не нужно спать слишкомъ долго; послѣ того, оглядѣвшись кругомъ себя, замѣчали, что уже день наступилъ и что днемъ нужно работать; далѣе утверждали, что не нужно заставлять людей работать ночью и что работа во тьмѣ прилична только ворами и мошенникамъ, и т. д. Долго неопытная молодежь рукоплескала заговорившимъ мудрецамъ, какъ рукоплещутъ въ театрѣ выходу любимаго актера зрители, заранее убѣжденные, что онъ отлично сыграетъ свою роль. Но съ каждымъ словомъ почтенныхъ дѣятелей все яснѣе обозначалось ихъ безсиліе, съ каждымъ новымъ выходомъ журнальных книжекъ все слабѣлъ энтузіазмъ молодежи и тѣхъ дѣятелей прежней партіи, которые умѣли понять ея стремленія. Возложивши свои надежды на лучшихъ людей предшествующаго поколѣнія, молодежь увидѣла себя въ положеніи больного челоуѣка, который обратился за излеченіемъ къ прославленному доктору, уже лѣтъ за двадцать до того оставившему практику. Вы ожидаете, что онъ прои-

шеть вамъ рецептъ или по крайней мѣрѣ дать совѣтъ, предпишетъ діету; но докторъ пришелъ, потолковалъ о своихъ медицинскихъ познаніяхъ и удалился. Вы ждете, что будетъ дальше.

Черезъ мѣсяцъ является докторъ съ извѣстіемъ: ваше здоровье разстроено.

Еще черезъ мѣсяцъ новое свѣдѣніе: цвѣтъ вашего языка и біеніе пульса доказываютъ, что ваше здоровье не совсѣмъ въ порядкѣ.

Еще черезъ мѣсяцъ: больные люди должны лечиться; исторія медицины представляетъ много тому доказательствъ.

Черезъ два мѣсяца: вамъ непременно слѣдуетъ лечиться.

Еще черезъ два мѣсяца: для того чтобы вылечиться, вамъ надобно бросить дурныхъ докторовъ и обратиться къ хорошему.

Черезъ мѣсяцъ: хорошаго доктора трудно залучить къ себѣ; но если дать хорошія деньги, то и хорошій докторъ придетъ къ вамъ.

Черезъ два мѣсяца: при леченіи слѣдуетъ наблюдать діету, предписанную не дурнымъ, а хорошимъ докторомъ.

Черезъ три мѣсяца: діета должна быть сообразна съ характеромъ болѣзни.

Черезъ два мѣсяца: способъ леченія также долженъ быть принятъ въ соображеніе при назначеніи діеты.

Черезъ мѣсяцъ: болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками.

Еще черезъ мѣсяцъ: чтобъ сохранить свое здоровье, надобно вести себя осторожно.

Еще черезъ мѣсяцъ: не надобно допускать вредныхъ вѣшнихъ вліяній, отъ которыхъ можетъ страдать ваше здоровье.

Черезъ два мѣсяца: вы больны оттого, что не побереглись....

И такъ далѣе, и такъ далѣе....

Цѣлые годы проходятъ въ мудрыхъ разсужденіяхъ, которыя вамъ одинаково знакомы и при болѣзни вашей, и въ здоровомъ состояніи. Вы можете въ это время двадцать разъ выздоровѣть, опять захворать, объѣсться, опиться, на смерть залечить себя, а прославленный докторъ, давно оставившій практику, все съ прежнимъ самоудовольствіемъ будетъ сообщать вамъ глубокіе афоризмы, изъ родъ вышеприведенныхъ.... Поневолѣ вы отъ него отступитесь.

Такъ точно живая и свѣжая часть русскаго общества нашла необходимымъ отказаться наконецъ отъ почтенныхъ и умныхъ фразеровъ, вызвавшихся подобнымъ образомъ лечить общественныя раны земли русской. Эти бѣдники потерялись отъ радости, когда увидѣли, что есть люди, готовые принять ихъ леченіе. Какъ бы не смѣя вѣрять своему благополучію, они сочли нужнымъ предвари-

тельно пуститься въ разсужденія, убѣдить людей въ пользѣ медицины, наставить ихъ относительно значенія діеты, и привыкши видѣть себя забытыми, загнанными, отвыкши отъ практической медицины, отставшіе врачи не могли удержаться, чтобы не вознаградить себя за бездѣйствіе разглагольствіями и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не излить жолчи на дурныхъ врачей, которые отстранили отъ дѣлъ ихъ, хорошихъ докторовъ. Въ такихъ-то занятіяхъ и заключалась вся практика нашихъ общественныхъ врачей изъ зрѣлыхъ мудрецовъ; ни облегченія для больныхъ, ни наученія для молодыхъ врачей не оказывалось отъ нихъ ни малѣйшаго.

Прошло еще нѣсколько времени терпѣливаго ожиданія, и открылось новое обстоятельство, почти отнявшее у молодежи послѣднюю надежду на мудрую партію пожилыхъ дѣятелей (говоря: «*пожилые*» мы вездѣ разумѣемъ людей, которыя прожили свои молодые силы и уже не умѣютъ понимать современное движеніе и потребности новаго времени; такіе люди встрѣчаются и между двадцати-пяти лѣтними). Оказалось, что они не умѣютъ заглянуть въ глубь современной общественной среды, не понимаютъ сущности новыхъ потребностей и стоятъ все на томъ, что толковалось двадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь уже всякій гимназистъ, всякій кадетъ, семинаристъ — понимаютъ многія вещи, бывшія тогда доступными только лучшимъ изъ профессоровъ; а они и теперь говорятъ объ этихъ вещахъ съ важностью и съ азартомъ, какъ о предметахъ высшаго философскаго разумѣнія.

Тогда напр., кто говорилъ объ освобожденіи крестьянъ, тотъ считался образцомъ всѣхъ добродѣтелей и чуть не гениемъ; они и теперь было задумали примѣнить въ своихъ разсужденіяхъ тотъ же тонъ и ту же мѣрку.... Всѣ засмѣялись надъ ними, потому что въ современномъ обществѣ считается уже позоромъ до послѣдней степени, если кто нибудь осмѣлится заговорить противъ освобожденія. Да никто ужъ и не осмѣливается.

Въ прежнее время цѣлыми годами ожесточенныхъ битвъ нужно было критикѣ Бѣлинскаго отстаивать право литературы обличать жизненныя пошлости. Нынѣ никто относительно этого права не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія; а дѣятели прошедшей эпохи опять выступаютъ съ трескучими фразами о пользѣ и правахъ обличительной литературы.

Во время ихъ молодости только-что изданъ былъ «Сводъ Законовъ,» и всѣ надѣялись, что послѣ его изданія уже невозможны будутъ судебныя проволочки и взятки: Ѳаддей Булгаринъ, юмористъ en vogue тогдашняго времени, сочинилъ даже «Плачъ подъячаго Взяткина по изданіи Свода Законовъ,» и «Плачъ» сего былъ встрѣ-

честъ съ восторгомъ большинствомъ читающей публики. Но и въ то время были дальновидные, горячіе и смѣлые люди, рѣшавшіеся предполагать, что и послѣ изданія «Свода Законовъ» взятки и крючкотворство еще возможны отчасти.... Нынѣ, по прошествіи тридцати лѣтъ, весь русскій людъ горькимъ опытомъ убѣдился, что «Сводъ Законовъ» не уничтожилъ судейскаго крючкотворства, что взятки и при «Сводѣ» возможны, и очень возможны.... А прежніе дѣатели и теперь продолжаютъ говорить объ этомъ съ важностью, какъ о какомъ-то новомъ открытіи, и даже соблюдаютъ большую сдержанность и умѣренность въ выраженіяхъ, какъ бы боясь поразить публику громадностью своего открытія.

Двадцать лѣтъ тому назадъ патриотизмъ не умѣли отдѣлять отъ samaraderie, и кто осмѣливался говорить, что патриотизмъ не состоитъ въ томъ, чтобы выставлать только свои достоинства и покрывать недостатки, — тотъ считался человѣкомъ крайнихъ мнѣній и необыкновенно свѣтлой головой. Теперь уже рѣдко можно встрѣтить въ публикѣ подобное смѣшеніе понятій столь различныхъ; а почтенные дѣатели прежней эпохи и теперь продолжаютъ самодовольно декламировать, что истинная любовь къ отечеству не щадитъ его недостатковъ и пр.

Въ прежнее время образованіе спеціальное, съ цѣлію приготовленія чиновниковъ, врачей, офицеровъ и т. д., стояло на первомъ планѣ; до необходимости общаго образованія задумывались только немногіе умы, далеко опередившіе свой вѣкъ.... Они возставали тогда, сколько могли, противъ исключительнаго развитія спеціальнаго образованія; но тогда ихъ не слушали, спеціальныя школы распространялись, общее образованіе было въ загонѣ, въ пренебреженіи. Лѣтъ двадцать пять прошло съ тѣхъ поръ; почти исключительное развитіе спеціальныхъ училищъ принесло свои грустные плоды: явились медики, искусные только въ утайкѣ госпитальныхъ суммъ, инженеры, умѣвшіе тратить казенныя деньги на постройку небывалыхъ мостовъ, офицеры, помышлявшіе только о полученіи роты, чтобы поправить свои обстоятельства, и т. д. и т. д. На дѣлѣ всѣ убѣдились, что въ воспитаніи нужно принять другое направленіе. Одинъ изъ почтенныхъ людей очень умно и рѣшительно высказалъ общее стремленіе и сдѣлалъ нѣсколько практическихъ указаній на существующій порядокъ вещей, — и вдругъ между пожилыми мудрецами поднялось радостное волненіе: теперь, видите ли, — уже *открыто и доказано*, что общее образованіе важнѣе спеціальнаго!... Отъ такого открытія они пришли въ неописанный восторгъ и года два по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ шевелили фразу: «прежде всего надо воспитать чело-
вѣка, а потомъ уже сапожника» или что-то въ этомъ родѣ.... Въ

простотѣ души они полагали, что говорятъ новость не подозрѣвая, что теперь уже рѣдкій сапожникъ и рѣдкій *человѣкъ* (въ *барскомъ* значеніи) не знаютъ этой новости.

Вообще—въ пору цвѣтущей молодости литературныхъ дѣятелей, отличавшихся въ послѣднее время не было многихъ вещей, которыя нынѣ существуютъ, какъ явленія весьма обыкновенныя. Не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни рѣчнаго пароходства, ни электрическихъ телеграфовъ, ни газоваго освѣщенія, ни акціонерныхъ компаній; не говорили печатно ни о капиталѣ и кредитѣ, ни объ администраціи и магистратурѣ, ни о правительственныхъ и общественныхъ реформахъ и переворотахъ, совершавшихся въ Европѣ въ послѣдніе полвѣка. Но въ продолженіе того времени, какъ литераторы тридцатыхъ годовъ спали и бредили библиографіей, или отъ нечего дѣлать наблюдали свой собственный жизненный процессъ, — общество успѣло познакомиться со всѣми этими предметами. Успѣли подростки и новые люди, которые, мало интересуясь изображеніемъ «Исторіи одного женскаго сердца», «Слабого сердца», «Бѣды отъ нѣжнаго сердца», «Сердца съ перегородками», равно какъ и разсужденіями «О религіозно — языческомъ значеніи избы славянина», «О значеніи именъ Лютицы и Вильцы», «О значеніи слова: Баянъ», и т. п. (*) — перечитывали Бѣлинскаго и немногихъ изъ друзей его, да почитывали и иностранныя книжки. Такимъ образомъ, несмотря на молчаніе русской литературы, молодая, живая часть общества не переставала развиваться и постоянно старалась идти въ уровень съ современными требованіями. Этого-то и не сообразили почтенные люди, вновь выступившіе нынѣ на литературное поприще, послѣ десятилѣтняго молчанія. Ихъ дѣло было очень просто: осмотрѣться вокругъ себя и стать на точку зрѣнія настоящаго, чтобы отсюда уже отправиться дальше. Но въ томъ-то и дѣло, что умѣнье скоро и ловко ориентироваться во всякомъ положеніи теряется людьми въ извѣстныя лѣта и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, да и вообще противорѣчитъ маниловскому характеру. Молодой *человѣкъ*, кое-что видавшій и знающій, и не имѣющій маниловскаго элемента въ характерѣ, — если застанетъ меня, напр. хоть за чтеніемъ «Всеобщей Исторіи» г. Зуева, то прямо скажетъ: «зачѣмъ это вы такую дрянь читаете? Развѣ вы не знаете другихъ руководствъ исторіи, которыя гораздо лучше?» — Напротивъ, — *человѣкъ* почтенныхъ лѣтъ, да еще съ нѣкоторой маниловщиной въ характерѣ, въ томъ же самомъ случаѣ сочтетъ долгомъ сначала похвалить мою

(*) Все это — подлинныя заглавія литературныхъ и ученыхъ произведеній, печатанныхъ въ послѣднее десятилѣтіе.

любопытность, распространиться о пользѣ чтенія книгъ вообще и историческихъ въ особенности, замѣтить, что исторія есть въ нѣкоторомъ родѣ священная книга народовъ, и т. п., и только уже послѣ долгихъ объясненій рѣшится намекнуть, что впрочемъ о книгѣ г. Зуева нельзя сказать, чтобы послѣ нея ничего уже болѣе желать не оставалось. Совершенно подобнымъ образомъ поступили литературные Маниловы со всѣми попавшимися имъ подъ руку общественными вопросами. Ну, вотъ наприимѣръ, — желѣзныя дороги. Чего бы кажется проще: у насъ желѣзныхъ дорогъ мало; надобно больше выстроить; гдѣ, какъ и на какія средства ихъ строить?—Нѣтъ, они принялись толковать о томъ, что и полезны-то желѣзныя дороги, и ѣздить-то по нимъ скорѣе, и жаль, что ихъ прежде-то у насъ не было, и слава Богу, что теперь поняли ихъ важность-то, и вліяніе-то ихъ велико во всѣхъ отношеніяхъ, и лошадей-то для нихъ не нужно... Но тутъ возникъ споръ: одни утверждали, что нужно, другіе!—что нѣтъ. И пошла безконечная исторія о томъ, что Россія находится въ особенныхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ, что она—шестая (теперь слѣдовало бы ужъ говорить — *седьмая*) часть свѣта, что ее ожидаетъ великая будущность. И пошла писать губернія....

Такъ или почти такъ поднимались и разрѣшались у насъ всѣ общественные вопросы послѣдняго времени. На людей свѣжихъ, при-выкшихъ отзываться на требованія жизни дѣломъ, а не фразой, все это дѣйствовало очень неблагопріятно. Они не могли довольно надивиться наивнымъ добрякамъ, до слезъ восхищавшимся, напр. провозглашеніемъ той мысли, что въ судахъ должна быть правда. — «Ну, конечно—должна; чтѣ же объ этомъ толковать?»... Нѣтъ, какъ можно: вы поймите, какъ высокъ смыслъ этой фразы, какъ неизмѣримо-благотворны будутъ для Россіи ея послѣдствія, ежели она будетъ исполнена! Правда въ судахъ! Вѣдь это значитъ, что преступники будутъ достойно наказываемы, а невинные будутъ находить себѣ оправданіе въ судѣ! Значитъ, безъ вины никого не осудятъ, судьи будутъ справедливы, преступленія не будутъ избѣгать законнаго возмездія!... Какое великое благо выйдетъ изъ этого для всей страны! И возможно ли допустить сомнѣніе, что праведный судъ полезенъ въ странѣ, въ которой устроиваются желѣзныя дороги и пароходное движеніе, поощряется промышленная дѣятельность, всѣ живыя силы народа вызываются на свободный, полезный трудъ и пр. и пр.

И подобныя разсужденія у почтенныхъ добряковъ безпрестанно на языкѣ, по поводу всякаго офицера, прошедшаго въ фуражкѣ по Невскому, всякаго юнкера, проѣхавшаго на извозникѣ, всякаго студента, отпустившаго бакенбарды, даже всякаго франтика съ бород-

кой. Они — точно слѣпорожденные, внезапно прозрѣвшіе въ мутный октябрьскій день, на пути изъ изъ какого-нибудь Глухаго переулка въ какое-нибудь Козье-Болото; ихъ спрашиваютъ, знаютъ ли они дорогу, куда имъ нужно идти? — а они отвѣчаютъ: «ахъ, какъ солнце хорошо свѣтитъ!... какая безграничная даль открывается передъ нами!...» На первый разъ, изъ состраданія къ нимъ, можно пропустить безъ вниманія ихъ забавныя рѣчи. Но нельзя же удержаться отъ смѣха, ежели они начнутъ еще резонировать, говоря напр. такимъ образомъ: «Какое великолѣпное свѣтило — это солнце! Какой лучезарный свѣтъ изливаетъ оно на землю! Вы должны благодарить судьбу, что это солнце возсіало надъ вами! Вы были погружены въ мрачную ночь, но возсіало оно, — и все для васъ освѣтилось. По наукѣ извѣстно, что всѣ предметы дѣлаются видимыми намъ только тогда, когда лучи, отражающіеся отъ нихъ, достигаютъ сѣтчатой оболочки нашего глаза. Такимъ образомъ свѣтъ не менѣе необходимъ для зрѣнія, какъ и самый глазъ» и т. п.

Разумѣется, нельзя отрицать справедливости подобныхъ разсужденій и даже ихъ новости и полезности для когонибудь: «chaque sot trouve toujours un plus sot, qui l'admire»... Но скажите, Бога-ради, — на какихъ читателей расчитываетъ литература, пробавляющаяся подобными разсужденіями?...

На кого бы она ни расчитывала и сколько бы ни находила себѣ поклонниковъ, — мы смѣло можемъ утверждать одно: она не привлечетъ теперь симпатіи тѣхъ, кому, по естественному закону исторіи, принадлежитъ будущее. Мы не поклонники ученія о безусловной и регулярной преемственности поколѣній; но, вдумываясь въ настоящее и въ близкое прошедшее, мы не можемъ не замѣтить, что характеръ новаго поколѣнія нашего долженъ дать ему въ событіяхъ совѣмъ другую роль, нежели какую имѣло предъидущее. Люди *того* поколѣнія проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями. Они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло все прекрасное; но выше всего былъ для нихъ *принципъ*. *Принципомъ* же называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнѣнія и отрицанія купили они свой принципъ, и никогда не могли освободиться отъ его давящаго, мертвящаго вліянія. Что-то пантеистическое было у нихъ въ признаніи принципа: жизнь была для нихъ служеніемъ принципу, человекъ — рабомъ принципа; всякій поступокъ, не сообразенный съ принципомъ, считался преступленіемъ. Отвлекаясь такимъ образомъ отъ дѣйствительной жизни и обрекая себя на служеніе принципу, они не умѣли вѣрно расчитать свои силы и взяли на себя гораздо больше, чѣмъ сколько могли сдѣлать.

Немногіе только умѣли, подобно Бѣлинскому, слить самихъ себя съ своимъ принципомъ и такимъ образомъ придать ему жизненность. У Бѣлинскаго виѣшній, отвлеченный принципъ превратился въ его внутреннюю, жизненную потребность: проповѣдывать свои идеи было для него столько же необходимо, какъ ѣсть и пить. Но немногіе могли дойти до такого сліянія своей личности съ философскимъ принципомъ. Большая часть осталась только при разсудочномъ пониманіи принципа и потому вѣчно насиловали себя на такіа вещи, которыя были имъ вовсе не по натурѣ и не по праву. Отсюда вѣчно фальшивое положеніе, вѣчное недовольство собой, вѣчное ободреніе и разшевеливанье себя громкими фразами, и вѣчныя неудачи въ практической дѣятельности. Отлично владѣя отвлеченной логикой, они вовсе не знали логики жизни, и потому считали ужасно легкимъ все, что легко выводилось посредствомъ силлогизмовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно мертвили всю жизнь, стараясь втиснуть ее въ свои логическія формы. Можетъ быть, они и отстали бы отъ всего этого, если бы успѣли исподоволь присмотрѣться къ ровному ходу жизни. Но судьба поступила съ ними безжалостно: она круто перевернула многихъ изъ нихъ испытаніями всякаго рода, общими и частными,—и они утвердились въ убѣжденіи, что жизнь беззаконна и нелѣпа, а только принципъ истиненъ и законенъ. Они ринулись—было въ борьбу за принципъ, но проиграли одну битву, другую, третью, четвертую,—и увидѣли, что бороться долѣе невозможно. Тяжелое недовольство осталось затѣмъ у нихъ въ душѣ. Но и оно не было цѣльнымъ, могучимъ и дѣятельнымъ, такъ какъ они сами не были цѣльными людьми. Они состояли изъ двухъ, плохо спаянныхъ между собою началъ: страсти и принципа. Рѣдко принципъ разливался по всему ихъ существу съ силою страсти, и они всячески старались надуть себя, подогрѣвая фразами свои холодныя отвлеченности; еще рѣже жизненная страсть возводима была ими на степень принципа. Обыкновенно же принципъ былъ самъ по себѣ, а страсть сама по себѣ. Такъ произошло и здѣсь: принципъ, витая въ высшихъ сферахъ духовнаго разумѣнія, остался превыше всѣхъ обидъ и неудачъ; страсть же негодованія ограничилась низшею сферою житейскихъ отношеній, до которыхъ они почти никогда не умѣли проводить своихъ философскихъ началъ. Мало по малу они вошли въ свою пассивную роль и изъ всего прежняго сохранили только юпошескую восторженность да наклонность потолковать съ хорошимъ человѣкомъ о пріятномъ обращеніи и помечтать о мостикѣ черезъ рѣчку. Съ этими-то милыми качествами и съ совершеннымъ неумѣньемъ присматриваться къ дѣйствительной жизни и понимать ея требованія и задачи—и выступили они въ недавнее время снова на поприще ли-

тературы. Мгновенное привлеченіе къ себѣ симпатій общества и замѣчательно быстрое обнаруженіе своего безсилія были естественными и необходимыми послѣдствіями самой сущности того характера, какой получило большинство ихъ, вслѣдствіе вліянія обстоятельствъ, тяготѣвшихъ надъ цѣлымъ ихъ поколѣніемъ.

Разумѣется, были и есть въ этомъ поколѣніи люди, которые вовсе не подходятъ подъ общую норму, нами указанную. Таковъ былъ Бѣлинскій; таковы были еще пять—шесть человѣкъ, умѣвшихъ довести въ себѣ отвлеченный философскій принципъ до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности. Это люди высшаго разбора, предъ которыми съ изумленіемъ преклонится всякое поколѣніе. Кромѣ ихъ были и другіе сильные люди, умѣвшіе на всю жизнь сохранить «святое недовольство» и рѣшившіеся продолжать свою борьбу съ обстоятельствами до истощенія послѣднихъ силъ. Эти люди почерпнули жизненный опытъ въ своей непрерывной борьбѣ и умѣли его переработать силою своей мысли; поэтому они всегда стояли въ уровень съ событіями, и какъ только явилась имъ опять возможность дѣйствовать, они радушно и вполне сознательно подали руку молодому поколѣнію. Они доселѣ сохранили свѣжесть и молодость силъ, доселѣ остались людьми будущаго, и даже гораздо больше, нежели многіе изъ дѣйствительно молодыхъ людей нашего времени...

Есть въ предъидущемъ поколѣніи и другія исключенія изъ определенной нами нормы. Это, напр. тѣ, суровые прежде, мудрецы, которые поняли наконецъ, что надо искать источникъ мудрости въ самой жизни, и вслѣдствіе того сдѣлались въ сорокъ лѣтъ шалунами, жуирами и стали совершать подвиги, приличные только двадцатилѣтнимъ юношамъ, — да, если правду сказать, такъ и тѣмъ неприличные. Но объ исключеніяхъ такого рода распространяться не стоитъ.

Совсѣмъ не такъ отнеслось къ вопросамъ жизни молодое поколѣніе (разумѣемъ хорошихъ его представителей). Отъ пожилыхъ людей обыкновенно разсынаются ему упреки въ холодности, чорствости, безстрастіи. Говорятъ, что нынѣшніе люди измелъчали, стали неспособны къ высокимъ стремленіямъ, къ благороднымъ увлеченіямъ страсти. Все это можетъ быть чрезвычайно справедливо въ отношеніи ко многимъ, даже къ большинству нынѣшнихъ молодыхъ людей; мы ихъ вовсе не думаемъ—ни возвышать, ни даже оправдывать. Намъ это вовсе не нужно, потому что названіе молодаго поколѣнія мы не ограничиваемъ теперешними юношами, а распространяемъ его и на тѣхъ, которые находятся еще въ пеленкахъ. Молодые люди, уже заявившіе себя на жизненномъ поприщѣ, принадлежать большею частію еще къ промежуточному времени. Ихъ еще смущаетъ принципъ, а

между тѣмъ жизнь уже сильнѣе предъявляетъ надъ ними свои права, нежели надъ людьми прошлаго поколѣнія; оттого они часто и шатаются въ обѣ стороны и ничему не могутъ отдаться всей силой души. Но за ними, и отчасти среди нихъ, виднѣется уже другой общественный типъ, типъ людей реальныхъ, съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ. Благодаря трудамъ прошедшаго поколѣнія, *принципъ* достался этимъ людямъ уже не съ такимъ трудомъ, какъ ихъ предшественникамъ, и потому они не столь исключительно привязали себя къ нему, имѣя возможность и силы повѣрять его и соразмѣрять съ жизнью. Осмотрѣвшись вокругъ себя, они, вмѣсто всѣхъ туманныхъ абстракцій и призраковъ прошедшихъ поколѣній, увидѣли въ мірѣ только *человѣка*, настоящаго человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, съ его дѣйствительными, а не фантастическими отношеніями ко всему внѣшнему міру. Они въ самомъ дѣлѣ стали мельче, если хотите, и потеряли ту стремительную страстность, которою отличалось прошлое поколѣніе; но за то они гораздо тверже и жизнениѣе. Не говоримъ о фанатикахъ, которые всегда были и будутъ, какъ исключеніе; но въ общей своей массѣ молодые люди нынѣшняго поколѣнія отличаются спокойствіемъ и тихою твердостью. Это происходитъ въ нихъ прежде всего, разумѣется, оттого, что нервы еще не успѣли разстроиться. Но есть и другая причина: они спустились изъ безграничныхъ сферъ абсолютной мысли, и стали въ ближайшее соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью. Отвлеченныя понятія замѣнились у нихъ живыми представленіями, подробности частныхъ фактовъ обрисовались ярче и отняли много силы у общихъ опредѣленій. Люди новаго времени не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе. Оттого для нихъ невозможно увлеченіе тенденціями, подобными напр. слѣдующимъ: «*pereat mundus et fiat justitia*»; «лучше умереть, нежели солгать хоть разъ въ жизни»; «лучше убить свое сердце, чѣмъ измѣнить хоть однажды долгу супружескому, или сыновнему, или гражданскому» и т. д. Все это для нихъ слишкомъ абстрактно и слишкомъ мало имѣетъ значенія. На первомъ планѣ всегда стоитъ у нихъ человѣкъ и его прямое, существенное благо; эта точка зрѣнія отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ. Сознаніе своего кровнаго, живаго родства съ человѣчествомъ, полное разумѣніе солидарности всѣхъ человѣческихъ отношеній между собою — вотъ тѣ внутренніе возбудители, которые занимаютъ у нихъ мѣсто *принципа*. Ихъ послѣдній цѣль — не совершенная, рабская вѣрность отвлеченнымъ высшимъ идеямъ, а принесеніе возможно болѣе пользы человѣчеству; въ ихъ сужденіяхъ люди возвышаются не по тому, сколько

было въ нихъ сокрыто великихъ силъ и талантовъ, а по тому, сколько они желали и умѣли сдѣлать пользы человѣчеству; не тѣ событія обращаютъ на себя особое ихъ вниманіе, которыя имѣютъ характеръ грандіозный или патетическій, а тѣ, которыя сколько нибудь подвинули благосостояніе массъ человѣчества. Такимъ образомъ стремленія людей новыхъ, ставши гораздо ближе къ жизни и къ людямъ, естественно принимаютъ характеръ болѣе мягкій, осторожный, болѣе шадящій, нежели бьющій. Не мудрено, разумѣется, проскакать во всю конскую прыть по чистому полю; но ежели вамъ скажутъ, что на дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ лежатъ и спятъ ваши братья, которыхъ вы можете растоптать, то, конечно, вы пойдете нѣсколько осторожнѣе. Руководясь только принципомъ, требовавшимъ скорѣйшаго прибытія къ цѣли, можно бы, конечно, сказать: «а кто имъ велитъ спать на дорогѣ? Сами виноваты, если будутъ растоптаны!» Но человѣкъ новыхъ стремленій отвѣчаетъ на такое замѣчаніе: «разумѣется, они глупы, что спать на дорогѣ и мѣшаютъ свободной ѣздѣ; но что же дѣлать, если они такъ глупы? Надобно надъ ними остановиться, пробудить и вразумить ихъ; а ежели не послушаютъ, то придется силою оттащить въ сторону отъ проѣзжей дороги». Такъ обыкновенно и поступаютъ эти люди; мудрено ли же, что въ нихъ не замѣтно той стремительности, какая отличала людей, руководившихся только принципомъ?

Къ тому же у молодыхъ поколѣній есть теперь и опытность, которой такъ недоставало прежнимъ. Люди новаго времени приняли отъ своихъ предшественниковъ ихъ убѣжденія, какъ готовое наслѣдіе; но тутъ же они приняли и жизненный урокъ ихъ, состоящій въ томъ, что *надрываніе* себя вовсе не есть доказательство великой души, а просто признакъ нервнаго расстройства...

Вообще молодое, дѣйствующее поколѣніе нашего времени не умѣетъ блестя и шумѣть. Въ его голосѣ нѣтъ, кажется, кричащихъ нотъ, хотя и есть звуки очень сильные и твердые. Даже въ гнѣвѣ оно не кричитъ; тѣмъ менѣе возможенъ для него порывистый крикъ радости или умиленія. За это его упрекаютъ обыкновенно въ безстрастіи и безчувственности, и упрекаютъ несправедливо. Дѣло очень просто объясняется его взглядомъ на ходъ событій и на свои отношенія къ нимъ. Ясное сознаніе своего положенія не допускаетъ людей молодаго поколѣнія входить въ азартъ и убиваться изъ пустяковъ. Но въ то же время они вовсе не впадаютъ въ апатію и безчувственность, потому что сознаютъ и свое значеніе. Они смотрятъ на себя, какъ на одно изъ колесъ машины, какъ на одно изъ обстоятельствъ, управляющихъ ходомъ мировыхъ событій. Такъ какъ всѣ міровыя обстоятельства находятся въ связи и нѣко-

торомъ взаимномъ подчиненіи, то и они подчиняются необходимости, силѣ вещей; но въ этого подчиненія — они никакимъ кумирамъ не поклонятся, они отстаиваютъ самостоятельность и полноправность своихъ дѣйствій противъ всѣхъ случайно возникающихъ претензій. Предоставляя другимъ кричать, гнѣваться, плакать и прыгать, они дѣлаютъ свое дѣло ровно и спокойно, плачутъ и прыгаютъ, когда приводитъ къ этому сила событій, но не дѣлаютъ ни одного лишняго движенія по своему капризу, а если и сдѣлаютъ что лишнее, то не гордятся этимъ, а прямо сознаются, что сдѣлали лишнее. Они — актеры, хорошо вошедшіе въ свою роль житейской комедіи; они дѣлаютъ то, чего требуетъ роль, и не выходятъ изъ нея, несмотря на всѣ бѣснованья, хлопанье, свистъ и стукъ партера.... Пусть праздные зрители бѣсятся: актеру нѣтъ надобности покрывать ихъ крикъ своимъ голосомъ. Онъ переждетъ немного, потомъ опять станетъ продолжать свою роль: стихнуть же они наконецъ, если хотятъ его слушать.

Мы однако занесли такую аллегорію, что не знаемъ, какъ и добратъ обратнымъ путемъ до литературныхъ мелочей.... Чтобы не сдѣлать одного изъ тѣхъ смѣшныхъ прыжковъ, которыхъ возможность отрицали въ молодомъ поколѣніи, мы рѣшаемся оставить самый разборъ мелочей до слѣдующаго мѣсяца. Теперь же мы прибавимъ лишь нѣсколько словъ въ оправданіе данны нашихъ разсужденій. Мы хотѣли откровенно и серьезно объяснитьсь съ людьми, которыхъ мы уважаемъ, но надъ маленькими слабостями которыхъ не можемъ не посмѣяться. Вотъ почему мы сочли нужнымъ такъ пространно и обстоятельно изложить наши понятія о различіи, какое мы дѣлаемъ между прошлымъ и нынѣшнимъ поколѣніемъ. Послѣ нашихъ объясненій должно быть понятно, кажется, почему наши собственныя симпатіи обращены къ будущему, а не прошедшему, и почему намъ и всей молодой, свѣжей публикѣ кажутся такъ мелки и смѣшны декламаціи пожилыхъ мудрецовъ объ общественныхъ язвахъ, адвокатурѣ, гласности и т. д. и т. д. Во многомъ сходясь съ пожилыми мудрецами, молодое общество не сходится съ ними въ основномъ тонѣ: оно желаетъ вести серьезную рѣчь объ адвокатурѣ, гласности, и пр. но только считая ихъ не болѣе, какъ *средствами*, при которыхъ можно придти къ другимъ благимъ цѣлямъ.

Въ слѣдующей статьѣ мы укажемъ нѣкоторыя подробности того, какимъ образомъ до сихъ поръ умѣла литература наша отнестись къ вопросамъ, заданнымъ ей жизнью. Теперь же пока представимъ читателямъ только «résumé» прекрасныхъ мыслей, въ послѣднее время

постоянно высказывавшихся въ нашей литературѣ. Вотъ каковы были эти мысли и вотъ какъ они высказывались.

«Въ настоящее время, полное радостныхъ и благодатныхъ надеждъ, когда отрадно восходить на нашемъ гражданскомъ горизонтѣ прекрасная заря свѣтлаго будущаго, когда мудрыя предначинанія повсюду представляютъ новые залогѣ народного благоденствія, — каждый день, каждый часъ, каждое мгновенье этого великаго движенія имѣетъ глубоко-знаменательный смыслъ въ великой книгѣ великихъ судебъ нашего великаго отечества, нашей родной Россіи. Неизгладимыми чертами высѣчено будетъ настоящее время на нерукотворныхъ скрижаляхъ исторіи. Какъ бы по манію волшебнаго жезла, мгновенно пробудился русскій исполинъ и, стряхнувъ съ себя дремотную лѣнь, успѣлъ съ быстротою, безпримѣрною въ исторіи вѣковъ и народовъ, совершить то, чего только тяжкими, вѣковыми усиліями могъ достигнуть дряхлѣющій западъ. Едва только кончилась безпримѣрная въ лѣтоисяхъ міра борьба, въ которой русская доблесть и вѣрность стояла противъ соединенныхъ усилій могущественныхъ державъ запада, вспомоствуемыхъ наукою, искусствомъ, богатствомъ средствъ, опытностію на моряхъ и всею ихъ военною и гражданскою организаціей, — едва кончилась эта внѣшняя борьба подъ русскою Троею — Севастополемъ, какъ началась новая борьба — внутренняя — съ пороками и злоупотребленіями, скрывавшимися доселѣ подъ покровомъ тайны въ стѣнахъ канцелярій и во мракѣ судебныхъ архивовъ. Грозный бичъ сатиры поразилъ освященное давностію зло, пламенникъ карающаго обличенія озарилъ яркимъ свѣтомъ все злое и недостойное. Общественное сознаніе пробудилось, всякій принесъ свою лепту на общее дѣло, всякій напрягалъ свои силы для пораженія гидры гражданскихъ злоупотребленій, и заслуженный успѣхъ доблестныхъ дѣятелей, явившихся глашатаями правды и добра, ясно доказалъ зрѣлость нашей общественной среды и ея горячее сочувствіе ко всѣмъ духовнымъ интресамъ народа. Общество въ самыхъ дремлющихъ его слояхъ получило могущественный нравственный толчокъ, и усиленная умственная дѣятельность, воспринувъ отъ долгаго сна, закипѣла на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи; всѣ живыя силы народа устремились на служеніе великому дѣлу родного просвѣщенія и совершенствованія. Въ тоже время усвоеніе Россіею плодовъ европейской цивилизаціи открыло ей новую арену для полезной и разумной дѣятельности въ сферѣ промышленнаго развитія и матеріальныхъ улучшеній. Въ то самое время, какъ «Морской Сборникъ» поднялъ вопросъ о воспитаніи и Пироговъ произнесъ великія слова: «нужно воспитать человѣка!», — въ то время, какъ университеты настезъ распахнули двери свои для жаждущихъ истины, въ

то время, какъ умственное движеніе въ литературѣ, преслѣдуя титаническую работу человѣческой мысли въ Европѣ, содѣйствовало развитію здравыхъ понятій и разрѣшенію общественныхъ вопросовъ:— въ это самое время сѣтъ желѣзныхъ дорогъ готовилась уже покрыть Россію во всѣхъ направленіяхъ и начать новую эру въ исторіи ея путей сообщенія; свободная торговля получила могущественное развитіе съ пониженіемъ тарифа; потянулась къ намъ вереница купеческихъ кораблей и обозовъ; вострепнулись и зашумѣли наши фабрики; пришли въ обращеніе капиталы; тучныя нивы и благословенная почва нашей родины нашли лучшій сбытъ своимъ богатымъ произведеніямъ. Выбѣсть съ тѣмъ положено прочное основаніе многимъ общественнымъ реформамъ, многимъ благотворнымъ нововведеніямъ, подъ эгидою которыхъ должно развиваться, зрѣть и возрастать народное благоденствіе. Теперь уже, съ отиѣненіемъ крѣпостнаго состоянія, народу открывается широкое поприще свободнаго труда; всюду водружается знамя гласности; уменьшена строгость цензуры; заговорили о магистратѣ и адвокатурѣ, высказано нѣсколько теплыхъ словъ о преобразованіи полиціи, провозвѣщенъ недалекій конецъ прежней системы питейныхъ откуповъ... Съ гордымъ благоговѣніемъ (если можно такъ выразиться) оглядываешься назадъ — и нѣмѣешь мыслию предъ величіемъ пути, пройденнаго нами въ послѣдніе три года, предъ необъятной громадною всего, чего успѣло коснуться въ это время вѣяніе новой жизни. И все это — только еще начатки! Каково же будетъ совершеніе!...

Мы не скажемъ читателю, откуда извлекли эту тираду; но вѣрно каждый изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, прочитавъ ее, признается, что тутъ и его «хоть капля меду есть»...

—ВОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ДЕКАБРЬ 1858.

Утро. Литтературный Сборникъ. Москва. 1859 г.

Еще покойный Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, человѣкъ высокаго ума и не менѣе высокаго ранга, доказалъ, что утро бываетъ обманчиво, — сказавши устами изображеннаго имъ неопытнаго чижика:

«Впрядь утро похваляю, какъ вечеръ ужъ наступитъ».

Въ русской журналистикѣ также извѣстенъ примѣръ, подтверждающій мнѣніе Ивана Ивановича Дмитріева: Новиковъ, послѣ своихъ сатирическихъ журналовъ, началъ издавать «Утренній Свѣтъ»; сначала всѣ думали, что это будетъ хорошій журналъ и хвалили, а потомъ увидали, что онъ весь наполняется скучнѣйшей метафизической чепухой, и бросили его; впрочемъ его снова стали хвалить, когда Новиковъ началъ издавать «Вечернюю Зарю», которая была еще хуже.

Имѣя предъ собою столь поучительные примѣры, мы должны бы были оставить разборъ «Утра» до того времени, когда «Вечеръ» наступитъ на нашу литературу. Отклонить насъ отъ разбора должно было и слѣдующее деликатное предположеніе, выраженное въ предисловіи «Утра»: «что касается до присяжныхъ журнальныхъ цѣнителей, не вездѣ еще отставленныхъ за штатомъ, мы напередъ радуемся удовольствію, которое доставимъ имъ нашими погрѣшностями противъ стереотипныхъ стиховъ, съ которою въ кои имъ суждено сойтись съ могилою. (Бѣдняжки!) Иные изъ этихъ господъ, мы увѣрены, не задумаются даже, пользуясь выраженіемъ англійскаго писателя, наз-

вать выпрыгиваньемъ за окошко нашу смѣлость *не пристроиться тотчасъ къ какой либо торгово-литературной фирмѣ. Исполать имъ!*

Мы не ручаемся за точный смыслъ этихъ словъ (и кто можетъ за него поручиться??); но намъ кажется, что онъ на простомъ языкѣ можетъ быть выраженъ такъ: «насъ стануть бранить за то, что мы не принадлежимъ ни къ какой журнальной партіи». Такъ по крайней мѣрѣ поняли мы слова предисловія, и — признаемся — они-то именно и заставляли насъ просмотрѣть «Утра» съ нѣкоторой внимательностью. Мы тотчасъ подумали: нѣтъ, тутъ что нибудь да не такъ; человѣкъ, дѣйствительно не принадлежащій ни къ какимъ партіямъ, всегда имѣетъ столько безпристрастія, чтобы во всѣхъ ихъ предполагать хотя нѣкоторую долю честности и добросовѣстности. Чуждаясь всѣхъ партій одинаково, онъ имѣетъ ровно столько же шансовъ на благосклонность всѣхъ ихъ, какъ и на порицаніе. Нѣтъ, малодушное предположеніе: «меня обругаютъ всѣ партіи» — является скорѣе всего у человѣка, который самъ-то именно и служитъ однимъ изъ представителей партіи или по крайней мѣрѣ хоть какого нибудь кружка. Онъ самъ способенъ смотрѣть недоброжелательно на все, что выходитъ изъ его кружка, и вотому предполагаетъ такой же взглядъ и въ другихъ; онъ полагаетъ, что его упрекнуть въ «выпрыгиваньи за окошко», потому что самъ понимаетъ противныя убѣжденія и партіи не иначе, какъ въ смыслѣ «торгово-литературной фирмы».

Полные такихъ мыслей, мы принялись пересматривать статьи «Утра», и представьте себѣ наше торжество, когда мы убѣдились, что дѣйствительно *утренніе* сочинители намъ давно уже знакомы и что они именно составляли дѣтъ восемь тому назадъ кружокъ, который былъ даже нѣсколько замѣтенъ при тогдашнемъ безлюдьи и застоѣ въ нашей литературѣ. Если вы, читатель, слѣдили за журналами дѣтъ восемь тому назадъ, то вы, конечно, отгадаете, что это за партія, если мы назовемъ даже только имена сотрудниковъ «Утра» и заглавія нѣкоторыхъ статей. Въ «Утрѣ» помѣщены два первыя дѣйствія трагедіи: «Петръ Великій», г. Погодина; тоже г. Погодинымъ напечатаны здѣсь «Двѣ записки Татищева, относящіяся къ царствованію императрицы Анны». Затѣмъ находимъ здѣсь: «Липы», повѣсть въ стихахъ, Н. М. Языкова; стихотворенія гг. Алмазова, Колошпина, Миллера и Хомякова; повѣсти гг. Колошина и Желѣзнова; «Взглядъ на русскую литературу», Б. А., «О поэзіи Пушкина», Б. Алмазова; «Н. Щедринъ и новѣйшая сатирическая литература», Е. Эдельсона. Не правда ли, что всѣхъ этихъ господъ встрѣчали гдѣ-то, не по одиночкѣ, а почти всегда вмѣстѣ, и что фамиліи ихъ пѣютъ на себѣ какой-то особый, общій измъ всѣмъ, отпечатокъ?

Но вы не можете вспомнить, гдѣ именно ихъ видѣли? Будемте же искать вмѣстѣ; не наведетъ ли васъ на что нибудь еще одна фамилія, которой прежде въ ихъ кружкѣ не было, но которая по многимъ отношеніямъ можетъ о нихъ напомнить: это фамилія В. А. Кокорева, помѣстившаго въ «Утрѣ» свое письмо къ С. А. Хрулеву, подъ заглавіемъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ».

Все еще не вспоминаете? Такъ слушайте же, какъ называется, начинается и продолжается предисловіе «Утра».

Называется оно: *Москва*.

Начинается: «Москва издавна и всѣми называется сердцемъ Россіи» (стр. 9).

Продолжается: «для насъ, пристальныхъ читателей отечественной лѣтописи, *предопредѣленныхъ* (1) и страстныхъ наблюдателей народной жизни, — для насъ, *имѣющихъ удѣломъ дышать убѣжденіями, органически въ насъ вырастающими*, Москва дѣйствительно есть и всегда будетъ сердцемъ (есть сердцемъ — развѣ такъ есть по московски?) Россіи» (стр. 10).

Далѣе продолжается: «Уподобляйте другіе важные пункты государства какимъ вамъ угодно членамъ организма, — Москва остается сердцемъ» (таже страница).

Еще продолжается: «Первопрестольная столица всегда отправляла миссіи сердца въ общественномъ тѣлѣ отчизны» (все таже страница).

Далѣе продолжается: «въ Москвѣ, какъ въ сердцѣ, *сосредоточиваются* всѣ существенныя біенія національной жизни, всѣ самыя *горячія примѣты* народнаго характера, самыя рѣзкіе признаки (въ сердцѣ-то?) русскаго типа (опять таже страница).

И еще продолжается: «Да, еще разъ, — она есть сердце (на этотъ разъ ужъ не сердцемъ) Россіи» (и все-таки таже страница, — все десятая).

Неужели и теперь еще не узнаете? Нѣтъ, не можетъ быть!... О, милое предисловіе! Кто же не узнаетъ въ тебѣ, незабвеннаго «Москвитянина» по этой любви къ родинѣ, (то есть къ Москвѣ), по этому неумѣнью говорить по-русски, по этой наклонности къ повторенію одной и той же мысли въ десяти разныхъ фразахъ! Такъ, это ты — *пристальный читатель лѣтописей, предопредѣленный* наблюдатель народной жизни! Только тебѣ могъ достаться изумительный удѣлъ: «*дышать тѣмъ, что вырастаетъ внутри тебя*! Кто, кромѣ тебя, можетъ дышать такими прелестями? Всѣ люди дышатъ воздухомъ, *внѣшнимъ* воздухомъ; ты только можешь дышать «убѣжденіями, вырастающими въ тебѣ самомъ». Бѣдный! Я не завидую твоимъ легкимъ, твоему обонянію и всему твоему удѣлу. Особенно когда

вспомню о пресловутыхъ *заложеніяхъ*, которыя въ тебѣ образовались, какъ ты увѣрялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Но вспоминая о *заложеніяхъ*, я уже не могу оторваться отъ милыхъ воспоминаній, которыя оставилъ въ моемъ сердцѣ незабвенный «Москвитянинъ» пятидесятихъ годовъ. Я доселѣ живо себѣ представляю тѣ тощія книжки, въ которыхъ отличались *старая редація* и *молодая редація*. Старую представлялъ г. Погодинъ и отчасти г. Шевыревъ, молодую—гг. Б. Н. Алмазовъ, Е. Н. Эдельсонъ, С. П. Колошинъ, и т. п. Я какъ теперь вижу предъ собою рянные статейки молодой редакціи; старая редація обыкновенно къ первой страницѣ ихъ помѣщала примѣчаніе, гласившее, что молодая редація горюдитъ чепуху; молодая же редація вознаграждала себя тѣмъ, что въ продолженіи статьи старалась доказать, что старая редація ничего не смыслить.... Умилительно было видѣть такое полное безпристрастіе, и всякій читатель невольно наполнялся довѣріемъ къ добросовѣстности обѣихъ редакцій. Какъ хороши послѣ этого казались и объявленія г. Погодина о томъ, что онъ въ своихъ критическихъ статьяхъ все не можетъ удержаться отъ старой профессорской привычки: означать достоинство сочиненія числомъ балловъ, какъ дѣлалъ со студентами; и разсужденія молодой редакціи о *Меевскомъ* элементѣ въ поэзіи, о достоинствахъ какого-то романа, состоящихъ въ томъ, что герой его называется *Борисомъ*, о поставленіи собственного я въ разрѣзъ съ окружающей дѣйствительностью; и самыя повѣсти г. Колошина и стихотворенія г. Б. Алмазова, Эраста Благоправа, графини Евдокіи Ростопчиной и т. п. — какъ хорошо шли къ «Москвитянину!»

И все это снова группируется теперь въ «Утрѣ»,—все, за исключеніемъ графини Евдокіи Ростопчиной, которая недавно умерла и—увъ!—даже не почтена была некрологомъ ни въ одномъ журналѣ.... И даже отношенія лицъ остались тѣже самыя: бывшая молодая редація по прежнему язвигъ исподтишка бывшую старую, а старая по прежнему предъявляетъ свои претензіи на то, чего въ ней нѣтъ и не бывало. Такъ напр. въ «Утрѣ» помѣщены, какъ мы сказали, два первыя дѣйствія изъ трагедіи г. Погодина: «Петръ Великій.» Очевидно, что человѣкъ, занимающійся исторіей, пишетъ трагедію не за тѣмъ, что ему нечего больше дѣлать, а ужъ вѣрно съ мыслию—сдѣлать свой трудъ литературнымъ, художественнымъ.... Но послушайте, какъ г. Алмазовъ ограничиваетъ всѣ подобныя претензіи. Въ статьѣ своей о поэзіи Пушкина, на стр. 155, онъ говоритъ: «слишкомъ большая ученость плохо уживается съ поэзіей. Трудно представить себѣ, чтобы историкъ, подробно разрабатывающій историческіе матеріалы, вполне-художественно наслаждался характерами

лицъ, о которыхъ говорится въ разбрасываемыхъ имъ актахъ.» Послѣ такого объявленія замѣчаніе г. Погодина, что въ его трагедіи «всѣ лица, дѣйствія, мысли (?) и даже (!) большая часть рѣчей и словъ взяты изъ подлинныхъ современныхъ документовъ,» — это замѣчаніе является уже прямо отрицаніемъ чисто-художественныхъ, поэтическихъ достоинствъ трагедіи г. Погодина.... Но можетъ быть—она имѣетъ все-таки достоинства по глубинѣ основной мысли и по искусству ея развитія? Очень можетъ быть: г. Погодинъ—человѣкъ умный, имѣющій много историческаго знанія и умѣющій имъ пользоваться. По первымъ двумъ дѣйствіямъ нельзя произнести полнаго суда надъ всей драмой; можно замѣтить только нѣкоторыя частности, не совсѣмъ удачныя; но изъ того, что напечатано, уже видно, что у г. Погодина была напр. одна, новая въ нашей литературѣ мысль — представить между прочимъ, какое участіе въ дѣлѣ Алексѣя Петровича принималъ Меньшиковъ и Екатерина... Но послушайте, какъ объ этомъ разсуждаетъ г. Алмазовъ: «какими частными достоинствами ни блистало бы поэтическое произведеніе, но если въ немъ развивается какая нибудь философская идея, если поэтъ хочетъ имъ что нибудь доказать, — оно уже лишено свѣжести и представляетъ натяжки въ построеніи. Давно всѣми признано за истину, что рѣшеніе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ не дѣло поэзіи, что *они вредятъ поэтическимъ произведеніямъ*» (стр. 155). Итакъ—и съ этой стороны г. Погодину полное осужденіе. Но все-таки его трагедія можетъ еще имѣть значеніе, какъ умное представленіе въ лицахъ одного изъ важныхъ историческихъ событій, служащее выраженіемъ особеннаго взгляда, какой выработалъ ученый авторъ.... И то можетъ быть; но послушайте какъ отзывается объ этомъ г. Алмазовъ: «если художникъ заимствуетъ свой взглядъ на историческія событія изъ историческихъ книгъ, писанныхъ съ цѣлью доказать какую нибудь философскую истину, — произведенія его, заимствованныя изъ исторіи, будутъ явленіями *эффемерными*. Историческое сектерство съуживаетъ взглядъ художника на всемірныя событія, заставляя его смотрѣть на нихъ съ одной какой нибудь точки зрѣнія, дѣлаетъ его произведенія интересными (*) съ одного какого нибудь времени: падетъ школа, подѣ влияніемъ которой онѣ родились, онѣ станутъ скучны и непонятны» (стр. 159). Тутъ ужъ полное осужденіе трагедіи г. Погодина. Положимъ, что онъ заимствовалъ свое содержаніе не «изъ историческихъ книгъ, писанныхъ съ цѣлью» и пр., а прямо изъ

(*) Вѣроятно для приданія себѣ характера литературнаго и интереснаго «Утро» вездѣ пишетъ «литература» и «интересный.»

источниковъ; но все-таки онъ учился и имѣть опредѣленный взглядъ на событія, не чужой, правда, а свой собственный, — но это, пожалуй, еще хуже.... для трагедіи. Что касается *историческаго сектора*, то никто, конечно, не откажется въ немъ г. Погодину.... Итакъ произведеніе его *эфмерно*; если прибавимъ къ этому, что школа г. Погодина давно уже заслонена у насъ школою г. Соловьева, то выйдетъ, что оно еще *скупо* и *непонятно* въ наше время... Послѣ этого остается только пожалѣть, зачѣмъ трагедія г. Погодина не появилась въ 1831 г., въ который она была написана, какъ показываетъ цифра, подъ нею поставленная!... Тогда она могла бы имѣть хотя *эфмерный* успѣхъ, а теперь и того не дожидается. Самые интересныя мѣста въ ней, по нашему мнѣнію, — первая сцена второго акта и сцена допроса царевичу, дѣлаемаго Меншиковымъ, въ присутствіи Петра и Екатерины. Весь смыслъ допроса выражается въ словахъ, которыя, приступая къ нему, говоритъ Меншиковъ Екатеринѣ: «я такъ спрошу, что онъ во всемъ запрется.» Нужно впрочемъ замѣтить, что и эти сцены замѣчательны вовсе не въ литературномъ отношеніи, а только въ отношеніи къ исторической наукѣ... Первую сцену второго акта выписываемъ всю, чтобы показать читателямъ и то, каковъ разговорный языкъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи. Разговоръ происходитъ между Екатериною и Меншиковымъ въ комнатѣ предъ кабинетомъ Петра.

ЕКАТЕРИНА.

Что такъ спѣшишь ты, Александръ Данилыч!
Я изъ окна увидѣла тебя,
Нарочно вышла встрѣтить и спросить:
Да съ кѣмъ же ѣхалъ ты? Мнѣ показалось....

Кн. Меншиковъ.

Съ Толстымъ.

ЕКАТЕРИНА.

Неужли? что ты?

Кн. Меншиковъ.

Онъ поималъ

Царевича, привезъ.

ЕКАТЕРИНА.

Царевичъ здѣсь?

Кн. Меншиковъ.

И не одинъ: съ полицнымъ, да съ какимъ? —
Окказія чудеснѣйшая вышла
Для плана моего, какъ по заказу.

ЕКАТЕРИНА.

Но расскажи.

Кн. Меньшиковъ.

Разсказывать все долго:

Царь закипитъ, а мы прибавимъ жару;
Онъ отрѣшится отъ царства Алексѣя,
И предоставитъ....

(Екатерина улыбается).

Улыбнулись, ваше

Величество! Да, да! Онъ вашимъ дѣтямъ
Отдастъ наслѣдство все, и вамъ; а съ вами...

ЕКАТЕРИНА.

Ахъ, полно, полно, Александръ Данилычъ!
Чего желаешь ты: въ чести, въ богатствѣ...
Царь любить, жалуешь тебя всѣхъ больше,
Ты первый человѣкъ по немъ.

Кн. Меньшиковъ.

По немъ!

А я хочу... со временемъ... ну что же!...
По немъ! по немъ — что первый, что десятый,
Безъ череды равны. Велика почестъ!
(Хочетъ идти).

ЕКАТЕРИНА. *(удерживая).*

А вспомнилъ ты своихъ враговъ? ну если...
Я вздумать не могу... тогда что будетъ?
Ты упадешь. — И ты, и ты лишь глубже
Копнешь яму подъ собой.

Кн. Меньшиковъ.

Къ чему жъ

Договорились вы? Вотъ эту яму
Я и хочу застлать, что васъ пугаетъ.
Но не пугайтесь: всѣ враги попались;
Однакожь обличать я ихъ не стану,
Ни даже Алексѣевыхъ друзей.
Пусть лучше, между страхомъ и надеждой,
Что туча, пронесясь, ихъ не задѣнетъ, —
Прочь отойдутъ и мнѣ мѣшать не станутъ
Окончить лишь царевичево дѣло.
Я легче справлюся съ одними съ ними,
И ужъ потомъ спокойно дожидаться...

ЕКАТЕРИНА.

Но, нѣтъ, не виѣшивайся въ это дѣло.
Подумай...

Кн. Меньшиковъ.

Все обдумано.

ЕКАТЕРИНА.

Смотри:

Не ошибись.

Кн. Меньшиковъ.

А развѣ я ошибался прежде?...

Какъ нынче всталъ: сердитъ онъ, или веселъ?

ЕКАТЕРИНА.

Онъ что-то пасмуренъ. Сложивши руки

Назадъ, по комнатѣ онъ молча ходитъ,

Лобъ потираетъ и за столъ садится.

Не шведскій ли курьеръ къ нему пріѣхалъ?

Кн. Меньшиковъ.

О нѣтъ. Объ академіи онъ пишетъ.

Вотъ, кстати жъ, я обрадую его

Извѣстьемъ.

Читатели видятъ, что персонажи г. Погодина умѣютъ выражаться краснорѣчиво. Но чтобы они вполне могли оцѣнить, къ созданію *какого* краснорѣчія способенъ г. Погодинъ, представляемъ имъ два мѣста изъ рѣчей самого Петра. Узнавъ о заговорѣ Алексѣя, Петръ ходитъ по комнатѣ (историческая черта!), а потомъ, остановившись, съ жаромъ проговариваетъ стиховъ пятьдесятъ, изъ коихъ послѣдніе таковы:

«Я чувствую: кровь закипаетъ въ жилахъ,
Грудь поднимается и тяжелѣетъ
Рука, и напрягаются всѣ мышцы.
Я наполняюсь силой, наполняюсь.
Подайте же мнѣ партію его!
Подайте мнѣ ее сюда. Скорѣе
Я юлову срублю однимъ ей махомъ (*), —
Я раздавлю, я задушу ее,
Я разотру шипящую ехидну
Въ своей рукѣ, и прахъ ея развѣю:
Подайте жъ и его ко мнѣ, злодѣя,
Послѣднюю надежду темной силы!
Гдѣ онъ? гдѣ онъ? Ко мнѣ! скорѣй, живаго
Я разорву на части.

Въ это самое время вводятъ царевича Алексѣя; Петръ бросается къ нему, но вдругъ останавливается въ смущеніи и произноситъ:

Онъ — мой сынъ....

(*) Изреченіе, заимствованное изъ исторіи одного римскаго императора, кажется — Калигулы.

Драматическій эффектъ выходитъ сильный, въ родѣ знаменитаго »qu'il mourût«. Но въ настоящее время русское сердце уже не поражается подобными кликами; оно можетъ нынѣ сочувствовать только возгласамъ въ родѣ: «Надо крикнуть на всю Россію, что пора искоренить зло съ корнями», или: «я становой приставъ и *потому* не могу измѣнить своимъ убѣжденіямъ...» Вотъ если бы г. Погодинъ основалъ свою трагедію на томъ, что Петръ распекаетъ Меншикова за взяточничество, то она имѣла бы несомнѣнный успѣхъ въ современномъ русскомъ обществѣ....

Въ настоящее время не многіе, вѣроятно, придуть въ умиленіе даже отъ слѣдующихъ словъ, обращаемыхъ Петромъ къ своему сыну младенцу Петру, лежащему на рукахъ у Екатерины:

Царь будущій!

Петруша! знаешь ли, что въ этотъ часъ
Рѣшается судьба твоя, судьба
Россіи всей, которая надолго
Подъ власть твою, быть можетъ, достается.
О, если бы тебѣ я съ симъ наслѣдствомъ
Могъ передать свою любовь, свой пламень!
Съ какою бъ радостью я согласился,
Хоть въ кабалу идти на цѣлый вѣкъ,
Ко Шведамъ, Туркамъ, дьяволу... на муку!
Пойдешь ли по слѣдамъ моимъ ты, другъ мой,
Возлюбленный сынъ сердца моего,
Сынъ Катеньки моей неопѣненной!
Подвигнется ли при тебѣ Россія,
Которая теперь лишь шевелиться
Всѣмъ тѣломъ подъ моимъ дыханьемъ стала?
Исполнишь ли мои ты мысли, планы?
Исполни ихъ, мой другъ! — Любовь къ отчизнѣ,
Чистѣйшая, и опытъ многолѣтній,
И трудъ, и размышленіе ночное,
Внушили ихъ, — и ты, благословенный,
Сойдешь въ исторію, а я на томъ ужъ свѣтѣ
Возвеселюся духомъ о Россіи,
И радости святой слезами смою
То ѣдкое, то жгучее пятно,
Которое теперь, какъ ржа, садится
На сердце онемѣлое мое.

Плачетъ. — Потомъ устремляетъ къ небу глаза, наполненные слезами, и, положивъ руку на сердце, говорить:

О, Господи! за всѣ мои труды,
За дни и ночи безо сна, за голодъ,
За жажду, потъ и кровь, — награду эту
Даруй награду эту, Милосердый!

Бросается цаловать младенца.

За этотъ монологъ г. Погодинъ стяжалъ бы себѣ въ 1831 г. почетное мѣсто рядомъ съ г. Кукольникъ; о немъ сказали бы, что онъ въ драматической поэзіи — тоже, что Марлинскій въ эпической, а Бенедиктовъ въ лирической.... Сказать это, впрочемъ, можно и теперь; только теперь такой отзывъ имѣетъ уже не то значеніе, что прежде... И мѣсто рядомъ съ г. Кукольникъ — увы! — не считается уже нынѣ столь почетнымъ, какъ прежде....

За то по другой части, по обнародованію историческихъ матеріаловъ, старая редація «Москвитянина» отличилась и въ «Утрѣ» такъ же, какъ отличалась въ «Москвитянинѣ». Г. Погодинъ напечаталъ въ Сборникѣ двѣ записки Татищева: 1) *Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ*; 2) *Напоминаніе на присланное росписаніе высокихъ и низшихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ*. Особенно любопытна первая записка, въ которой Татищевъ возстаетъ на незаконный образъ дѣйствій тогдашней аристократіи, разсуждая о слѣдующихъ четырехъ предметахъ: (стр. 370).

1) По кончинѣ государя безнаслѣдственнаго, имѣетъ ли кто надъ народомъ власть повелѣвать?

2) Кто въ такомъ случаѣ можетъ каковъ законъ или обычай застарѣлый переимѣнить, и новый учинить?

3) Если нужно намъ самовластное древнее правительство переимѣнить, то прежде разсудить, какое по состоянію народа и положенію за лучшее?

4) Кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе сочинить?

На первые два вопроса Татищевъ отвѣчаетъ, что никто не можетъ властвовать и давать законы по смерти государя, не оставившаго наслѣдниковъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ избранъ новый государь. Высшимъ сановникамъ государь вручаетъ отъ себя часть власти, какъ свое представительство въ извѣстныхъ отрасляхъ управленія; но законы всѣ исходятъ только отъ него, и по смерти его «власть оныхъ (вельможъ) пресѣкается, а остаются равны вообще народы въ ихъ прежнемъ станѣ, и никто ни надъ какимъ ни малѣйшей власти не имѣетъ, доколѣ послѣдовавшій государь оныхъ паки утвердитъ, или, отрѣша, иныхъ опредѣлитъ». Такимъ образомъ, до утвержденія новаго государя, при всѣхъ прежнихъ властяхъ остается только та доля исполнительной власти, какая была имъ предоставлена по прежнимъ распоряженіямъ.. Новыхъ же порядковъ установить никто не можетъ, — развѣ общенародное созволеніе». Все это говоритъ Татищевъ къ тому, что сановники поступили незаконно и преступно, «дерзнувши собою единовластительство отставить, а ввести аристократію».

На третій вопрос—о переменѣ правительства, Татищевъ отвѣчаетъ очень пространно. Сначала онъ излагаетъ общія свои понятія о трехъ родахъ правленія, утверждая, что демократія «въ единственныхъ градѣхъ, или весьма тѣсныхъ областяхъ съ пользою употребиться можетъ; въ областяхъ же, хотя изъ нѣсколькихъ городовъ состоящихъ, но отъ нападеній непріятельскихъ безопасныхъ, какъ-то на островахъ и проч., можетъ аристократическое быть полезно»; но что «великія и пространныя государства для многихъ сосѣдей завидующихъ некоторымъ изъ объявленныхъ правителю не могутъ; особливо гдѣ народъ недоволенъ ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія, или познанія пользы и вреда, законъ хранить; — въ таковыхъ не иначе, какъ само — или едино-властіе потребно». Затѣмъ онъ приводитъ примѣры разныхъ государствъ, говоря между прочимъ, что «Испанія, Франція, Россія, издревле Турецкое, Персидское, Индѣйское, Китайское, яко великія государства, не могутъ иначе правиться, какъ самовластіемъ.» Переходя наконецъ къ опредѣленію того, какое изъ трехъ правлений всѣхъ лучше для нашего государства, Татищевъ говоритъ, что демократія не годится по причинѣ величины государства, аристократія же насъ «довольно вредомъ приключеннымъ научила: для сего нужно исторически преждебывшее вспомнать». Въ воспоминаніяхъ прежде бывшаго Татищева является безусловнымъ приверженцемъ того, что у новѣйшихъ публицистовъ называется централизаціею власти; но «воспоминанія» его любопытны, какъ образчикъ того, на какой степени развитія были у насъ политическія знанія, 130 лѣтъ тому назадъ. Мы приводимъ одно мѣсто изъ записки Татищева, и читатели, конечно, согласятся, что въ наше время, несмотря на страшный прогрессъ, провозвѣщенный нашими публицистами, много еще найдется людей, не дошедшихъ и до той степени логичности и широты взгляда, какія обнаруживаетъ Татищевъ.

Замѣтивши, что Русь процвѣтала до введенія удѣльной системы, Татищевъ продолжаетъ: (стр. 373).

Какъ скоро великіе князи дѣтей своихъ равно стали дѣлить, и оныя удѣльные, не повинуюся великимъ князямъ, ввели аристократію, а потомъ несогласіями другъ друга разорили, и сдѣлались великіе князи безсильны, тогда Татары, нашедъ, всѣмъ обладали; Литовцы бывшую подъ властію многую часть отъ государства отторгнули. И такъ пребывало государство въ рабствѣ татарскомъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ.

Іоаннъ Великій осмѣлился ту аристократію истребить. Многія княженія присовокупя, шакі монархію возставилъ, и, усилився, не токмо власть татарскую низвергнулъ, но многія земли у нихъ и Литвы, ово самъ, ово сынъ его, возвратилъ. И такъ государство прежнюю свою честь и безопасность приобрѣло, что продолжалось до смерти Годунова.

По низверженіи Лжедмитрія, коварное избраніе Шуйскаго и за-
висть въ томъ Голицына и другихъ привели на новое безпутство: взять
на государя запись, которою всю власть, у государя отнявъ, себѣ по-
хитили, подобно какъ и нынѣ: но что изъ того послѣдовало? Крайнее
государства разореніе. Поляки и Шведы многіе древніе русскіе предѣ-
лы отторгнули и овладѣли.

Царя Михаила Феодоровича хотя избраніе было порядочно всена-
родное, да съ такою же записью, чрезъ что онъ не могъ ничего учи-
нить, но радъ былъ покою.

Царь Алексій Михайловичъ, получа случай самому въ Польшѣ вой-
скомъ управлять, и чрезъ то силою паки часть самовластия возвратя,
многіе предѣлы отъ Польши возвратилъ; и еслибы ему властолюбивый
Никонъ патріархъ не воспрепятствовалъ, то бѣ конечно болѣе пользы
государство его самовластіемъ приобрѣло.

Петръ Великій все оное усугубилъ, и большую, нежели его предки,
себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользу принесъ, какъ
то весь свѣтъ можетъ засвидѣтельствовать; и посему довольно всякъ
благоразсудный видѣть можетъ, koliko самовластное правительство у
насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны. Не видѣли ль мы,
какъ при самовластномъ, но молодомъ и отъ правленія внутренняго
удалившемся, монархѣ, велику власть имѣющие Мазепа дѣйствительно,
а Гагаринъ намѣреніемъ подданства отложиться дерзнули? Ежели же
кто то разсуждаетъ, что единовластное правительство весьма тяжко и
1-ое, единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ дать не
безопасно; ибо какъ бы мудръ, справедливъ, кротокъ и прилеженъ ни
былъ, безпогрѣшенъ же и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль
паче когда страстямъ своимъ дать волю, то нужно наглымъ, непра-
вымъ насиліямъ и губленіямъ неповинныхъ происходить. 2-ое. Когда
онъ изберетъ во временщики кого, то оный равно самовластенъ и
еще изъ зависти болѣе другихъ губить, особливо если подлородный
или иноземецъ, то наипаче знатныхъ и заслужившихъ государству не-
навидитъ, гонить и губить, а себѣ ненасытно имѣнія собираетъ. 3-е.
Вымышленная свирѣпымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ тайная кан-
целярія въ стыдъ и поношеніе предъ благоразсудными народами, а
государству разореніе; ибо за едино неосторожно-сказанное слово пы-
таютъ, казнятъ, и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ.

Сіи точныя ихъ слова я напomnia, симъ возражаю:

На 1-ое. Хотя человѣкъ, конечно, всякій не безпогрѣшенъ, однако
государи имѣютъ совѣтниковъ, избирая изъ людей благоразсудныхъ,
искусныхъ и прилежныхъ; и какъ онъ, яко господинъ въ своемъ домѣ,
желаетъ оный наилучшимъ порядкомъ править, такъ онъ не имѣетъ
причины къ разоренію отчины умъ свой употреблять; но паче желаетъ
для своихъ дѣтей въ добромъ порядкѣ содержать и приумножить. Если
же такой несмысленный случится, что ни самъ пользы не разумѣетъ,
ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производить, то можно
принять за божіе наказаніе: но что для того чрезвычайнаго приклю-

ченія порядокъ прежній переимѣнить—оное не благоразумно, и кто можетъ утверждать, если видимъ коего шляхтича, безумно домъ свой разоряющаго, для того всему шляхетству волю въ правленіи отнявъ, на холопей оное положить, вѣдалъ, что никто сего не утвердить. А понеже правительство государства должно по степенямъ всюду равно быть, то по состоянію власти шляхетской въ ихъ домахъ должна и государственная нѣколько согласовать, какъ то достаточно другими областями доказать можно.

На 2-ое. Что фаворитовъ или временщиковъ принадлежить, то правда, что отъ оныхъ иногда государство много бѣдъ терпитъ; да сіе болѣе въ республикахъ случалось, какъ о древней греческой и римской исторіи читаемъ, какъ, усилився, нѣкоторые вельможи междоусобіемъ великія разоренія нанесли; и сего намъ наипаче опасаться должно, чего въ монархіи едва въ примѣръ сыскать можемъ ли. Я не хочу далеко искать, но всѣмъ намъ довольно знаемо, какъ неустовые временщики погубили совѣтъ: царя Іоанна Васильевича — Скуратовъ и Басмановъ, царя Ѳеодора Алексіевича — Миославскій; нашихъ временщиковъ, Толстой и другіе. Противно тому благоразумные и вѣрные: царя Іоанна Мстиславскій, Романовъ, Шуйскій, царя Алексѣя — Борисъ Морозовъ и Стрешневъ, царя Ѳеодора Алексіевича Богданъ Хитрой и Языковъ, царевны Софіи князь Василій Голицынъ,—великую честь и благодареніе вѣчно заслужили, хотя нѣкоторые по ненависти другихъ въ несчастіи жизнь окончили.

На 3-е. Тайная канцелярія хотя весьма давно и суще ежели не при Августѣ, то при Тиберіѣ, наслѣдникъ его, для безопасности монарха, вымыслена, и она, если токмо человѣку благочестному поручится, ни мало не вредна; а злостные и нечестивые, не долго тѣмъ наслаждаясь, сами исчезаютъ, какъ всѣхъ, такъ такихъ по исторіи прежнихъ и при насъ бывшихъ видимъ».

Вторая записка Татищева заключаетъ въ себѣ мнѣніе его о нѣкоторыхъ частяхъ государственнаго и общественнаго благоустройства, по поводу «росписанія правительствъ», составленнаго тогда въ сенатѣ. Любопытно начало его записки.

«Какъ я оное прилежно разсматривалъ, то я не могъ не дивиться тому, что оное хотя большею частію мудрости политической и наукъ географіи принадлежитъ, токмо всѣ оныхъ правила нахожу презрѣны, а чрезъ то необходимо нужно было приключиться недостаткамъ и погрѣшностямъ.

«Непристойно бы и весьма продерзко было, если бы я хотѣлъ себя мнѣе тѣхъ почитать, отъ которыхъ повелѣніе о томъ было, то—есть: сенатъ правительствующій, вѣдая довольно, что и при первомъ росписаніи губерній, провинцій и городовъ, въ сенатѣ были люди достаточные и мудрые; вина же та приключилась отъ слѣдующихъ причинъ: 1) Описанія достаточнаго и лавдакартъ исправныхъ не было. 2) Сами во всѣхъ предѣлахъ не бывали, а знающихъ обстоятельно разспросить арменца не имѣли; ибо всѣ имѣли особливья правленія и многими дѣ-

лами были отягчены. 3) Какъ большею частію изъ сенаторовъ и сильныхъ людей въ губернаторы были назначены, — такъ по властолюбію или любо-имѣнію, не смотря ни на порядокъ, ни на пользу, города и провинціи въ свою власть захватывали, кто которые хотѣлъ, что мнѣ казуетъ князь Меншиковъ: Ярославль для богатаго купечества, Тверь для его свойственниковъ, въ посадѣ бывшихъ, приписалъ къ С. Петербургу; Гагаринъ—Вятку и Пермь къ Сибири, и проч. 4) Оное поручено было болѣе секретарямъ, которые хотя вышеобъявленныхъ наукъ не слыхали, но къ собранію богатствъ весьма хитрые; оныя до-вольно при семъ росписаніи свою пользу хранили, и послѣ города, по щедрымъ просьбамъ, изъ одной провинціи въ другую переписывали».

И затѣмъ — мы имѣемъ дѣло съ молодой редакціей. Впрочемъ нѣтъ еще: старой, самой старой изъ старыхъ должны мы приписать помѣщеніе стихотворенія г. А. П. «Изъ Шиллера», которое начнется слѣдующими стихами:

Красотой ты возгордилась,
Своимъ личикомъ; — стыдись....

Къ старой же, а если не къ старой, то ужъ и не къ молодой редакціи нужно отнести стихотвореніе г. Хомякова: «Благочестивому Меценату». Это стихотвореніе обращено къ какому-то *мудрому другу*, который съ прибрежья царственной Невы кротко обращаетъ очи на темныя главы г. Хомякова и его друзей. Эготъ другъ испилъ до дна *кубокъ льнявой роскоши*, но подъ часъ поощряетъ ихъ на подвигъ *ръчами небрюзливой ласки*. За круговой чашей онъ хвалитъ ихъ строгій постъ и простой *бытъ плебейской впры*. За эти качества г. Хомяковъ проситъ его *принять привѣтъ отъ темной черни людей, имъ взысканныхъ, и приношенія скромной дани благодарственныхъ рѣчей ихъ*. Въ заключеніе поэтъ желаетъ, чтобы *крылья бури не смущали лазури безоблачныхъ высотъ Мецената*, чтобы *мысль не тяготила его главы желѣзною рукою* и чтобы вѣчно *цвѣтъ весною румяный пухъ* ланить его.

Счастливъ будетъ тотъ, кто пойметъ, что означаетъ это стихотвореніе, такъ явно презирающее здравый смыслъ и всякую толковость въ выраженіи мысли. Признаемся, мы не добились такого счастья: мы не могли понять, какъ это *пухъ* можетъ *цвѣсти*, *мысль* — *тяготитъ* главу *желѣзною рукою*, *крылья* — *смущать высоту и лазурь*, и т. п. (*). Мы даже подумали-было, что эти стихи — пародія;

(*) Для убѣжденія читателей, что эти выраженія нами не выдуманы, представляемъ въ подлинникъ вторую половину стихотворенія г. Хомякова.

Прими жъ привѣтъ отъ черни темной
Тобою взысканныхъ людей,
И приношенія дани скромной —

но на что же пародія? Развѣ на знаменитаго автора «Юродиваго мальчика, взыгравшаго въ садахъ Трегуляя».

Но несомнѣнно молодой редакціи принадлежатъ стихотворенія и повѣсти гг. Колошина и Алмазова. Впрочемъ, прежде чѣмъ мы коснемся *практики* этихъ господъ, мы должны познакомиться съ новымъ выраженіемъ ихъ теоріи, — въ статьяхъ критическаго содержанія. Такихъ статей въ «Утрѣ» три: о поэзіи Пушкина, о литературѣ 1858 г., о Щедринѣ. Къ нимъ можно прибавить *предисловіе*, о которомъ мы уже упоминали, и размышленія г. Колошина «*по поводу* (!) американской женщины», очень похожія на предисловіе по своему удивительному тону и по непримиримой враждѣ къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Въ этой враждѣ сходятся, такъ сказать, начало и конецъ «Утра», потому что *по поводу* американской женщины г. К-нъ разсуждаетъ въ самомъ концѣ сборника. Такимъ образомъ на первыхъ страницахъ въ предисловіи говорится, что Американскіе Штаты — рядъ лавокъ и складочныхъ мѣстъ, ватага искателей приключеній, не болѣе, — и заповѣдуется слѣдующее: «не смотрите на Америку, или смотрите да смотрите трезво и — содрогайтесь предъ поучительнымъ обращикомъ» (стр. 12). Въ послѣдней же статьѣ книжки выставляются съ особенной любовью «нелѣпыя стороны американскаго міросозерцанія относительно женщины» и «вопіющій абсурдъ блумеризма»; заключительныя слова сборника тѣ, что «разсказы объ Америкѣ не разъ приводили намъ на память *нѣтъ* слово о Новомъ Свѣтѣ одного извѣстнаго *русскаго публициста*, двадцать лѣтъ тому назадъ сказанное: «яровой пшеницы между государствами, видно, не бываетъ» (стр. 434 и послѣднія, послѣднія строчки).

Такимъ образомъ альфа и омега «Утра» — ненависть къ Америкѣ и ео ipso (какъ выражаются сотрудники того же «Утра») — любовь къ родинѣ, т. е. къ Москвѣ. Ничто, по ихъ мнѣнію, такъ не противоположно Америкѣ, какъ Москва: тамъ, видите, *паровая выводка*

Ихъ благодарственныхъ рѣчей,
Прими мольбу! Твоей лазури,
Твоихъ безоблачныхъ высотъ,
Да не смущаютъ крылья бури
И мракъ житейскихъ непогодъ.
Да мысль жельзною рукою
Твоей главы не тлѣтитъ,
И вѣчно да цвѣтетъ весною,
Румяный пухъ твоихъ ланитъ.

Вы видите, что *пухъ* дѣйствительно *цвѣтетъ*, *мысль* дѣйствительно *тлѣтитъ рукою*, и пр. Вѣроятно г. Хомяковъ полагаетъ даже, что все это — поэтическіе образы.

народности, а здѣсь настоящая огородная народность; тамъ *польза и утилитаризмъ*, а Москва постоянно «ведетъ борьбу противъ заражительнаго *принципа* утилитарнаго *повѣтрія*», — и въ доказательство своего мнѣнія о *принципѣ повѣтрія* (твердый, должно быть, принципъ!) предисловіе приводитъ одно изъ важѣйшихъ историческихъ событій, которое, по его собственному признанію, «имѣетъ для него глубокое значеніе» и на которомъ оно «останавливается съ любовью».

Укажемъ, — говоритъ предисловіе, — на одинъ фактъ, поясняющій намъ взглядъ на Москву. Давно ли у насъ стали плодиться журналы, а въ Петербургѣ (по вычисленію, за которое мы обязаны «Современнику» (*)) въ 1858 г. уже выходило двадцать девять уличныхъ листковъ, которыхъ единственнымъ побужденіемъ (*побужденіемъ листковъ? и къ чему?*) была торговая спекуляція не выше и не ниже открытія харчевни близъ мѣста, гдѣ бы вдругъ должна была сойтись толпа рабочаго народа (!) Въ Москвѣ до сегодня *нѣтъ, кажется*, ни одного подобнаго предпріятія, *и мы увѣрены, что не будетъ*.

Какая сила мысли! Какая логическая послѣдовательность! Теперь, — *кажется*, нѣтъ; а въ будущемъ — *навѣрное* не будетъ. Это очень хорошо, и послѣ такого обрачика логики «*предисловія*» мы уже ни мало не удивляемся, когда оно восклицаетъ въ заключеніе: «какъ ни незначителенъ фактъ съ виду, для насъ онъ имѣетъ глубокое значеніе, и мы останавливаемся на немъ съ любовью». Очевидно, что и здѣсь предисловіе руководилось той же самой логикой: «*кажется*, этотъ фактъ не имѣетъ значенія, но мы увѣрены, что онъ имѣетъ глубокое значеніе». Славная логика въ предисловіи: какъ будто надъ нимъ трудились общими силами — и старая, и молодая редація!

Изъ любви къ Москвѣ, какъ противникъ утилитаризма, проистекаетъ въ «Утрѣ» защита теоріи искусства для искусства. До сихъ поръ нигдѣ, *кажется*, не было (и мы увѣрены, что не будетъ) такъ рѣзко выражено послѣднее слово этой прилизанной теоріи, какъ въ статьяхъ «О поэзии Пушкина», Б. Алмазова и «О Литтературѣ 1858 г.», Б. А.... Толки объ «искусствѣ для искусства» падутъ уже давно въ русской литературѣ, но приверженцы чистой художественности такъ смугло, сбивчиво и разнорѣчиво высказывали обыкновенно свои мнѣнія, что не мудрено, если многіе изъ читателей остаются до сихъ поръ въ неясномъ отношеніи относительно настоящаго значенія теоріи «искусства для искусства». Поэтому мы скажемъ о ней здѣсь нѣсколько словъ, прежде чѣмъ будемъ говорить о мнѣніяхъ г. Алмазова.

(*) Въ словѣ «*обязаны*» должна скрываться язвительная иронія; по крайней мѣрѣ такъ намъ хочется думать для удовлетворенія нашему самолюбію.

Подъ теорією чистой художественности или искусства для искусства разумѣется вовсе не то, когда отъ литературныхъ произведеній требуется соотвѣтствіе идеи и формы и художественная отдѣлка виѣшняя; къ этой теоріи вовсе не принадлежитъ то, когда въ писателѣ хотятъ видѣть живую воспріимчивость и теплое сочувствіе къ явленіямъ природы и жизни, и умѣнье поэтически изображать ихъ, переливать свое чувство въ читателя. Нѣтъ, такія требованія предъявляетъ всякій здравомыслящій человѣкъ, и только на основаніи ихъ всякая, самая обыкновенная критика произноситъ свой судъ о *талантѣ* писателя. Требованія поборниковъ «искусства для искусства» не тѣ: они хотятъ — ни больше, ни меньше, какъ того, чтобы писатель-художникъ удалялся отъ всякихъ жизненныхъ вопросовъ, не имѣлъ никакого разсудочнаго убѣжденія, бѣжалъ отъ философіи, какъ отъ чумы, и во чтобы то ни стало, — *распѣвалъ бы, какъ птичка на вѣткѣ*, по выраженію Гёте, которое постоянно было ихъ девизомъ. Остатокъ здраваго смысла не позволялъ однако же поклонникамъ чистой художественности высказывать свои требованія слишкомъ прямо и безцеремонно. У нихъ доставало разсудка, чтобы сообразить, что ихъ требованія, если ихъ выразить безъ всякихъ прикрытій, будутъ смахивать на требованіе отъ писателя того, чтобы онъ весь вѣкъ оставался круглымъ дуракомъ. Поэтому они до сихъ поръ старались смягчать свою теорію разными ограниченіями и поэтическими обиняками; а противниковъ своихъ старались выставить кулаками и если не Чичиковыми, то по малой мѣрѣ Собакевичами, которые не умѣютъ понимать ничего прекраснаго и не имѣютъ высокой страсти ни къ чему, кромѣ пріобрѣтенія матеріальной пользы. Благодаря такимъ эволюціямъ, мнѣнія ихъ получали видъ довольно приличный и обманывали даже многихъ людей не совсѣмъ глупыхъ.

Г. Алмазовъ поступаетъ иначе: онъ не хочетъ никакихъ прикрытій и ограниченій и высказываетъ свои душевные идеи *en toutes lettres*. Не даромъ же въ «Москвитянинѣ» провозглашалась *искренность* критики! Съ полной искренностью г. Алмазовъ объявляетъ, что практическая, да и всякая жизнь—противоположна поэзіи, такъ какъ жизнь есть рядъ непрерывныхъ измѣненій, а истинный поэтъ долженъ говорить только о томъ, что неизмѣнно. «Онъ говоритъ только о томъ, о чемъ призванъ говорить: о Богѣ, красотѣ, сердцѣ человѣческомъ, — о томъ, что неизмѣнно, вѣчно, что нужно для всѣхъ вѣковъ и народовъ» (стр. 163). Еще рѣзче выражается г. Б. А. о томъ же предметѣ въ своемъ «Взглядѣ на *литературу* 1858 г.» Упомянувъ о томъ, что у насъ всѣ теперь хлопочутъ объ общественныхъ улучшеніяхъ, въ литературѣ раздаются споры

о вопросах практической важности, г. Б. А. продолжает: «но какъ бы ни были полезны эти хлопоты, какія бы прекрасныя надежды ни звучали въ этомъ шумѣ и спорахъ, отъ нихъ бѣжитъ поэзія, не терпящая никакихъ хлопотъ и требованій» (стр. 57). Далѣе, опрокидываясь на *утилитарную* литературу, г. Б. А. язвительно замѣчаетъ: «но поклонники чистаго искусства должны все это переносить безъ ропота и, при мысли о современномъ состояніи нашей литературы, утѣшать себя слѣдующею перифразою словъ Крылова изъ басни «Пѣвцы» (т. е. въ самомъ-то дѣлѣ не «Пѣвцы», а «Музыканты»).

Они немножко и деруть,
Но всѣ съ прекраснымъ направленьемъ.

И этотъ, очень удачный, сарказмъ обращенъ на современную литературу не за то, что она слаба (она дѣйствительно слаба), а просто за то, что занимается общественными вопросами. Г. Б. А. рѣшительно не хочетъ признать, чтобы въ общественной жизни могло быть что нибудь поэтическое: онъ находитъ поэзію только въ *неизмѣнномъ*, т. е. въ неподвижномъ и мертвомъ.

Отправляясь отъ такихъ положеній, г. Б. Алмазовъ и воспѣваетъ Пушкина. Въ статьѣ его нужно различить два рода мыслей: *чужія*, — справедливыя, но давнымъ давно всѣмъ извѣстныя и даже избитыя до пошлости, — и *собственныя*, которыхъ оригинальность равняется только ихъ неосновательности. Всякому, кто не вовсе безъ смысла читалъ статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ, давно извѣстно, что отличительнымъ признакомъ его поэзіи признано — умѣнье его всѣмъ на свѣтѣ очаровываться и съ необыкновенной правдой и красотой передавать это очарованіе въ своихъ стихахъ. Съ этимъ главнымъ качествомъ тѣсно связаны были у Пушкина, и удивительная чуткость его къ самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, и ясное спокойствіе, и теплота его сердечныхъ движеній, и то *чувство млы*, которое всегда отличало его въ изображеніяхъ страстей, и та сіяющая красота образовъ, которою такъ поражаетъ онъ самое лѣнивое и тупое воображеніе. Все это давно читали мы у Бѣлинскаго, да у него же читали мы и то, что, умѣя находить прекрасное во всемъ, муза Пушкина ни къ чему не привязывалась въ особенности, не служила никакимъ идеямъ и стремленіямъ и совершенно не имѣла опредѣленнаго, сознательнаго міросозерцанія. Все это г. Алмазовъ повторяетъ съ важностью, какъ собственныя открытія, и даже въ концѣ статьи называетъ эти повторенія избитыхъ истинъ «своими личными впечатлѣніями при мысли о Пушкинѣ». По нашему мнѣнію, г. Алмазовъ легко могъ бы обойтись безъ такихъ кокетливыхъ огово-

рокъ: въ статьѣ его есть много оригинальнаго, несомнѣнно ему принадлежащаго, и мы, для удовольствія читателей, постараемся, сколько возможно короче, изложить его *собственныя* идеи, рѣзко расходящіяся со всѣмъ, что доселѣ намъ было извѣстно.

До сихъ поръ всѣ полагали, что отсутствіе опредѣленнаго направленія и серьезныхъ убѣжденій составляетъ важнѣйшій недостатокъ поэзіи Пушкина. Полагали, что его странныя колебанія между Парни, Державинимъ и Байрономъ, между убѣжденіями самымъ противоположными, — происходили отъ недостатка серьезнаго образованія и отъ легкомысленности возрѣвній. И чѣмъ болѣе удивлялись громадности поэтическаго таланта Пушкина, тѣмъ болѣе сожалѣли о шаткости и смутности его убѣжденій, не давшихъ ему глубже всмотрѣться въ окружавшую его дѣйствительность и отразить въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ еще болѣе важныя и существенныя стороны жизни, нежели какія онъ изображалъ. Думавшіе такъ—разсуждали слѣдующимъ образомъ. Въ художественныхъ произведеніяхъ поэтъ перерабатываетъ матеріалъ, данный ему дѣйствительностью; поэтому достоинство произведенія зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ силы таланта поэта и отъ качества и обилія его матеріаловъ. Наблюдая одно и тоже явленіе, два поэта могутъ изобразить его лучше или хуже, смотря по степени ихъ таланта; но и при совершенно равномъ талантѣ будетъ, вѣроятно, нѣкоторая разница въ живости, силѣ и поэтичности изображеній, если одному изъ двухъ поэтовъ дать описывать стеарниновую свѣчку, а другому звѣздное небо или солнечный день, одному—клопа, а другому—арабскаго жеребца или орла и т. п. Поэтому, какова бы ни была степень таланта, но всегда очень важно и то, на какіе предметы онъ будетъ направленъ, чѣмъ въ особенности пріучить себя поражаться впечатлительная натура поэта. И въ этомъ отношеніи надобно сожалѣть, что Пушкинъ съ самаго дѣтства направляемъ былъ такъ легкомысленно и что многія изъ важнѣйшихъ явленій и вопросовъ жизни прошли мимо него незамѣченными, между тѣмъ какъ онъ предавался то псевдо байроническимъ порывамъ, то баранному патріотизму.

Подобныя мнѣнія слишкомъ обыкновенны и слишкомъ *утилитарны* для г. Алмазова. Повергнувшись ницъ предъ теорією чистаго искусства, онъ идетъ съ нею до геркулесовыхъ столбовъ.... экцентричности, чтобы не сказать чего нибудь хуже. Онъ утверждаетъ, что Пушкинъ выше всѣхъ поэтовъ, когда либо существовавшихъ на землѣ, потому именно, что его поэзія не имѣетъ опредѣленнаго направленія и не служитъ никакимъ идеямъ. Байронъ, Гёте, Шиллеръ—великіе поэты, конечно; но видите ли что: «каждый изъ нихъ

въ произведеніяхъ своихъ опредѣлительно выразилъ направленіе, которому слѣдовалъ, идею, которой служилъ; каждый не только доставлялъ читателю одно художественное наслажденіе, но и *разрѣшалъ передъ нимъ нравственные и другіе жизненные вопросы* и потому имѣлъ вліянія на понятія своего вѣка». (стр. 142). Последнее обстоятельство не нравится г. Б. Алмазову, и онъ утверждаетъ, что великіе поэты другихъ странъ — если и могутъ быть поставлены выше Пушкина, то развѣ по заслугамъ для науки и общества, но никакъ не въ поэзіи. «Ни одинъ изъ нихъ не выразилъ всѣхъ сторовъ поэзіи, а въ самомъ себѣ не заключалъ всѣхъ свойствъ поэтической природы, подобно Пушкину; никто изъ нихъ въ равной степени съ Пушкинымъ не имѣетъ права на скромный титулъ поэта» (стр. 149). Пусть бы и такъ; но почему же это?—А вотъ почему: натура Пушкина была счастливо организована изъ равновѣсія разныхъ противорѣчій, и потому не допускала исключительныхъ увлеченій въ ту или другую сторону. Такимъ образомъ ничто не мѣшало ему отражать жизнь во всей ея полнотѣ, ничто не могло приковать его къ какой нибудь частной сферѣ дѣятельности. Напр. онъ не могъ посвятить себя государственнымъ вопросамъ: это спасало его поэзію, потому что «поэтъ, который постоянно занятъ государственными вопросами, невольно смотритъ на все съ точки зрѣнія государственной пользы, и потому многое, какъ въ людяхъ, такъ и въ природѣ, не плѣняетъ и не вдохновляетъ его. *Красы природы его не занимаютъ; мечтаньямъ и грезамъ труденъ доступъ къ душѣ его: какъ же такому серьезному человѣку быть вполне поэтомъ?*» (стр. 151). Последняя фраза имѣетъ нѣсколько шутовской характеръ; но все содержаніе статьи доказываетъ, что авторъ и не думалъ шутить. Черезъ двѣ страницы онъ безцеремонно продолжаетъ: «подобно наклонности къ государственной дѣятельности, наклонность къ ученымъ изслѣдованіямъ и философіи также вредитъ поэтическому созерцанію.... Взглядъ на предметъ ученаго или философа слишкомъ пытливъ, сознательнъ и систематиченъ, лишень непосредственности, много препятствуетъ свѣжести и свободѣ впечатлѣнія (стр. 153). Далѣе доказывается, что «философское созерцаніе вредитъ самой формѣ поэтическихъ произведеній, отнимая у нихъ прелесть безыскусственной рѣчи».... Пушкина, разумѣется, никто не упрекнетъ въ излишкѣ философіи, и потому—онъ былъ великій поэтъ. Мало того, — по мнѣнію г. Алмазова, онъ не имѣлъ даже ни малѣйшаго стремленія къ теоретической истинѣ, ни малѣйшаго желанія остановиться на чемъ нибудъ въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ. «Онъ не вѣрилъ, говоритъ г. Алмазовъ, въ прочность философскихъ системъ, видя, какъ быстро онѣ вытѣсняются одна другою, и потому

не находилъ пользы хвататься за такія ненадежныя опоры» (стр. 158). За это г. Алмазовъ похваляетъ Пушкина; но ежели слова критика справедливы, то изъ нихъ можно заключить только о легкомыслии поэта и о слабости въ немъ инстинкта истины: какъ-таки отвергать философію только на томъ основаніи, что въ ней часто возникаютъ новыя системы? Кто, кромѣ челоѣка пустаго и легкомысленнаго, могъ бы удовольствоваться такимъ внѣшнимъ признакомъ? И мы въ самомъ дѣлѣ сомнѣваемся, чтобы Пушкинъ такими именно соображеніями руководился въ своемъ отвращеніи отъ философіи. Они скорѣе должны быть приписаны его обязательному критику, который отрицаетъ пользу для поэта—не только философіи, но и вообще логическаго мышленія. Онъ полагаетъ, напр. что въ драматическихъ произведеніяхъ, писанныхъ для сцены, только идея, мотивъ, принадлежитъ поэзіи, а все развитіе драмы есть «плодъ холодныхъ разсчетовъ, постороннихъ искусству, ремесленная работа» (стр. 183). Поэтому Пушкинъ, какъ истинный поэтъ, служитель чистаго искусства, никогда не могъ, по мнѣнію г. Алмазова, сдѣлаться «драматическимъ писателемъ, въ родѣ Шекспира». (Бѣдный Шекспиръ!). И это еще не все: поэту не позволяется даже въ практической жизни думать и заботиться о чемъ нибудь.

Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти,

— вотъ каковъ долженъ быть истинный поэтъ, по мнѣнію г. Алмазова. Поэтъ не долженъ даже знать различія между добромъ и зломъ, и въ этомъ отношеніи Пушкинъ обладалъ великимъ качествомъ, котораго, по мнѣнію г. Алмазова, лишентъ былъ Шекспиръ: — изображать самый порокъ съ поэтической точки зрѣнія, скрывая его безобразіе... И всѣ эти милыя положенія дѣлаются для того, чтобы отдѣлить науку отъ искусства!...

Совершенно отдѣляя поэзію отъ науки (наука видите ли — простое, земное, обыкновенное знаніе, проза; а поэзія — нѣчто высшее, священное, горнее), г. Алмазовъ тщательно заботится о томъ, чтобы наука какъ нибудь не втерлась и въ самое искусство. Поэтому онъ запрещаетъ поэту изучать эстетику и даже исторію литературы съ философскимъ методомъ, такъ какъ это мѣшаетъ живости и свободѣ впечатлѣній и уничтожаетъ искренность. При этомъ любопытно замѣчаніе г. Алмазова, что онъ не унижаетъ науку, считаетъ ее даже полезнѣе поэзіи, но хочетъ *отдѣлать* поэзію отъ науки, такъ чтобы между ними не оставалось уже ничего общаго. Въ Пушкинѣ онъ дѣйствительно находитъ творчество совершенно изолированнымъ отъ науки, и потому считаетъ его совершенно поэтическимъ.

Любопытно, какъ онъ это доказываетъ. «Что Пушкинъ творилъ непосредственно, — говоритъ онъ, — что источникъ собственнаго вдохновенія былъ для него священной тайной, между прочимъ *доказывается тѣмъ, что онъ хранилъ у себя перстень, съ которымъ, по его мнѣнію, было связано его дарованіе*» (стр. 161).

Много курьезныхъ вещей представляетъ статья г. Алмазова, по послѣ его открытія о перстиѣ всѣ остальные должны уже показаться нѣсколько блѣдными, и потому мы оставляемъ эту милую статью, благодаря автору за веселыя минуты, которыя она намъ доставила.

Рядомъ съ статьею о поэзіи Пушкина, немного замѣчательнаго представляетъ уже и статья о литературѣ 1858 г. Развѣ только краткость и сила нѣкоторыхъ отзывовъ интересна. Вотъ напр. нѣсколько строкъ на выдержку.

«Вышли въ 1858 г. собранія стихотвореній гг. Плещеева, Панютина, Прокоповича и покойнаго Языкова. Въ стихотвореніяхъ г. Плещеева много истиннаго чувства; но онъ однообразны и не представляютъ *пока ничего оригинальнаго въ отношеніи формы стиха*. — Стихотворенія г. Панютина не безъ достоинствъ. Если ихъ недостатки происходятъ, какъ намъ показалось, отъ молодости и незрѣлости, то есть надежда, что авторъ со временемъ усовершенствуется. (Какая великая мысль!) — Стихотворенія г. Прокоповича хороши только въ отношеніи языка и стиха. Что касается до стихотвореній Языкова, то для разбора ихъ требовалась бы особая большая статья: разбирать ихъ на-скоро мы считаемъ себя не въ правѣ.» (стр. 67).

Можно надѣяться, что г. Б. А. сочинить современемъ «Курсъ исторіи русской литературы Константина Зеленецкаго.»

Не столь замѣчательна, какъ статьи г. Б. Алмазова, статья г. Эдельсона о Щедриѣ. Начинается она прекрасными разсужденіями объ обильныхъ и благотворныхъ результатахъ новаго движенія, о гласности, самосознаніи, борьбѣ съ застарѣлыми общественными предразсудками, и пр. Затѣмъ отдается справедливость Щедрину и его послѣдователямъ, съ умѣренно-утилитарной точки зрѣнія. Но въ заключеніе говорится, что Пушкинъ и Гоголь имѣли больше таланта, чѣмъ нынѣшніе обличители, и что напрасно современная критика принесла Пушкина и Гоголя въ жертву Щедрину (стр. 362). Гдѣ вычиталъ г. Эдельсонъ о такомъ жертвоприношеніи, мы рѣшительно не можемъ припомнить... и не можемъ даже сдѣлать никакихъ предположеній. Развѣ «Сѣверная Пчела», для вящаго униженія Гоголя, не подняла ли ужъ надъ нимъ кого нибудь изъ современныхъ обличителей?

Впрочемъ, у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Доказательство тому представляютъ, напр. путевыя замѣтки г. Кокорева. Куда ни прїѣдетъ, на что ни взглянетъ, все у него злоупотребленія

да винокурёніе. Г. Алмазовъ былъ бы правъ, если бы свои понятія о поэзіи приложилъ къ г. Кокореву, съ отрицательной стороны. Описывая Нарву, г. Кокоревъ говоритъ: «городъ раздѣленъ Наровой. На той сторонѣ рѣки все хорошо, а на этой — хижины, ла-чужки, кабаки, откупная монополія, скверное вино и проклятое пиво» (стр. 199). Объ Эстляндіи онъ замѣчаетъ: «тамъ нѣтъ откупа: вино курятъ свободно, значить есть барда, — скотъ сытъ и удобренія вдоволь» (стр. 201). Въ Эстляндіи даже хозяинъ одной станціи объясняетъ ему, что «если они и не дають казны питейнаго дохода съ откупа, такъ и не требуютъ отъ нея денегъ на содержаніе чиновниковъ» (стр. 202). Замѣчательно, что и хозяева станцій тотчасъ понимаютъ, о чемъ надо говорить съ г. Кокоревымъ... Видно, такъ ужъ г. Кокореву самой судьбой назначено на каждомъ шагѣ встрѣчать — откупа и кабаки, питейные доходы и винокурёніе, кабаки и питейные доходы, винокурёніе и откупа.... Въ одномъ мѣстѣ г. Кокоревъ дѣлаетъ даже такой афоризмъ: «желая познать край, необходимо заглянуть во внутренность заѣзжаго дома, или корчмы.» (стр. 202).

Но пора обратиться къ художественной дѣятельности самихъ проповѣдниковъ художественности. Какія художественныя достоинства представляетъ напр. повѣсть г. Колошина? — Но, Боже мой! кому же придется въ голову искать художественности въ повѣсти, которая называется «Свѣтскія Язвы?» Вы уже по заглавію можете догадаться, что она имѣетъ характеръ обличительный, и ваша догадка будетъ справедлива. Содержаніе повѣсти вотъ какое. Графъ Хвальинскій, старый развратникъ, женился на женщинѣ, которая его не любила; вскорѣ при ней оказался молодой человѣкъ, отъ котораго у нея и родился сынъ. Мужъ узналъ все это, объяснился съ женой, но ни малѣйшаго скандала не сдѣлалъ. Молодой Хвальинскій возростъ, научился разнымъ наукамъ и сдѣлался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, съ благороднѣйшими стремленіями. Отецъ записалъ его на службу, онъ же — не только не ходилъ въ должность, но даже не дѣлалъ визитовъ своему директору департамента, а все сидѣлъ за книжками и рисунками, обогащая свой умъ и сердце. Отецъ отправилъ его за границу, чтобы онъ свѣтъ узналъ; а онъ погрузился тамъ ужъ вовсе во тьму премудрости. Отецъ увезъ его въ деревню; а онъ тамъ влюбился чистою, платоническою любовью въ бѣдную дѣвушку, дочь сосѣда. Видя, что отъ него толку нѣтъ ни въ чемъ, а малому ужъ двадцать-пять лѣтъ, Хвальинскій задумалъ женить его на богатой невѣстѣ, которую самъ выбралъ и которой приданое могло поправить его разстроеныя обстоятельства. Молодой графъ ненавидитъ ее и жениться не хочетъ; страданія, борьба, въ продолженіе

которой сынъ совершенно познаетъ развратность и низость отца, равно какъ и пошлость и тупоуміе своей матери. Онъ рѣшительно отказывается. Тогда старый Хвалынскій говоритъ ему: «ты не мой сынъ, и за воспитаніе ты можешь меня отблагодарить только тѣмъ, если женишься на невѣстѣ, которую я тебѣ предлагаю.» Благородство и образованность молодого графа поражены на смерть такимъ открытіемъ. Чтобъ не остаться въ долгу у своего воспитателя, онъ рѣшается — и женится. Но судьба достойно наказываетъ пороки: у невѣсты оказалось приданого вдвое меньше, чѣмъ думали, а опекуны ея, важный человекъ, общавшій старику Хвалынскому какое-то мѣсто или орденъ, самъ получаетъ отставку. Узнавъ объ этомъ, старикъ Хвалынскій умираетъ съ горя, а его законный сынъ терпитъ казнь за свое благородство и великодушіе. Таковы *свѣтскія* *лэзы*. Онѣ были бы, можетъ быть, очень художественны, если бы глупый и малодушный байбакъ, сынъ-Хвалынскій, не былъ представленъ въ нихъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей.

Остаются стихотворенія.... Но что ужъ ихъ трогать? Они все въ художественномъ смыслѣ.... Напр. «Цезарь» г. Алмазова имѣетъ такую мысль: Цезаря нужно почитать не за то, что онъ сдѣлалъ, а за то, что у него внутри таилось.... Такъ стихотвореніе и начинается:

Блаженъ, кто первый храмъ воздвигнулъ
Юпитеру, отцу міровъ;
Счастливъ, кто Цезаря постигнулъ
Съ его младенческихъ годовъ.

Далѣе все идетъ тоже: блаженъ, говоритъ, что умѣлъ почитать въ немъ *вождя*, когда онъ еще только *пировалъ*, — кто видѣлъ въ немъ *государственного человека*, когда еще только *оргіи* да *женщины* его занимали, и т. д. Мораль та, что великій человекъ, дескать, и въ глупостяхъ видѣнъ: умѣй благоговѣть и передъ глупостями.... Художественно!

Не менѣе художественно стихотвореніе г. Колошина, «къ портрету Miss J.... L....» Поэтъ воображаетъ себѣ жениха, который упадетъ къ ея колѣнямъ, какъ.... Петипа (1). Столь дикое представленіе вызываетъ у него два стиха:

Нѣтъ, сохранить тебя Всевышній
Отъ этой *плоской суеты*....

Плоская суета — тоже художественно....

Пора однако кончить, давно пора.... И мы сами давно это чувствуемъ. Но что же дѣлать? Старыхъ знакомыхъ встрѣтили и заговорились...

Надежда на будущее. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе *Л. Пивоварова*. Спб. 1859 г.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду намъ все попадаютъ подъ руку комедіи, и мы все читаемъ ихъ—съ самоотверженіемъ, которое наконецъ должно же когда нибудь вознаградиться. Не во гнѣвъ будь сказано г. Алмазову, мы очень уважаемъ драматическій родъ, и хорошей комедіи обрадовались бы гораздо больше, нежели столь же хорошей повѣсти. Но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время намъ не только хорошаго, но даже порядочнаго ничего не попадалось, и мы принуждены были прочитывать вещи до того пошлыя, что подъ конецъ тошно становилось. Несмотря на то, мы продолжаемъ съ прежней неутомимостью читать новыя комедіи и *такимъ манеромъ* добрались на дняхъ и до г. Пивоварова.

Комедія г. Пивоварова далеко выходитъ изъ уровня тѣхъ пошлостей, которыя приходилось намъ разбирать въ прошломъ году. То были все, (за исключеніемъ нехудожественной, но умной и рѣзкой комедіи г. Потѣхина) просто дрянныя и бездарныя пьески съ кое-какими претензіями: комедія же г. Пивоварова поражаетъ колоссальностью своей нелѣпости, которая до того выходитъ изъ предѣловъ здраваго пониманія, что по мѣстамъ начинаетъ даже казаться пародіей, мистификаціей, чуть не юморомъ.... Но вы читаете дальше и дальше, видите, что авторъ не шутитъ, и не можете удержаться, чтобы не разразиться громкимъ смѣхомъ надъ авторомъ. Такъ по крайней мѣрѣ на насъ подѣйствовала «Надежда на будущее»: читая ее, мы смѣялись такъ, какъ не смѣялись, кажется, со времени прекращенія premier Moscou въ «Молвѣ» 1857 г. Значитъ, тѣмъ или другимъ путемъ, комедія г. Пивоварова можетъ достигать своей цѣли. Познакомимъ же съ нею читателей, имѣя въ виду преимущественно поклонниковъ таланта г. Львова, Сологуба, и т. п.

Для полноты знакомства, необходимо прежде всего выписать посвященіе. Вотъ оно, съ совершенною точностію.

Баронессъ Ж. А. М...ой.

Примите первый трудъ, души моей волненье
Примите отъ того, который вамъ шепталъ: (зачѣмъ же *шепталъ*?)
Какъ часто наша честь подвержена сомнѣнію. (точка!)
Какъ часто человѣкъ отъ злобы погибалъ.
Мой первый трудъ, быть можетъ на мгновенье,
Дастъ вамъ почувствовать веселыхъ цѣну дней,
Найдете *идеалъ* въ своемъ воображеніи
И звуки прошлыя, *Фоллскаго* рѣчей!

Авторъ

Мы сохранили всѣ курсивы, всѣ грамматическія ошибки подлинника и спѣшимъ прибавить, что подобныя ошибки десятками встрѣчаются на каждой страницѣ комедіи. Но ужъ дѣло не въ нихъ: простимъ эти

Уклоненія

Генія,

какъ недавно сказано было въ однихъ стихахъ, кажется прозапой. Скажемъ лучше, что такое *Фолянскій*, о которомъ говорится въ посвященіи. Это—герой комедіи г. Пивоварова, кандидат университета, 25 лѣтъ, пріятной наружности, съ пылкимъ характеромъ, откровенный». Прямо изъ университета онъ пріѣзжаетъ въ губернский городъ, чтобы занять мѣсто секретаря гражданской палаты и жениться на *Маріи Теодоровнѣ*, дочери помѣщика Горенскаго, съ которою онъ уже сосватанъ былъ въ Петербургѣ, еще будучи студентомъ. Горенскій—пройдоха и отдалъ свою дочь за Фолянского потому, что узналъ о наслѣдствѣ, которое досталось ему отъ дяди. Но во второмъ актѣ оказывается, что наслѣдство все надо продать за долги, да къ тому же Фолянскій является идеаломъ честности и ничего не можетъ нажить себѣ. Горенскій сердится, не внимая даже увѣщаніямъ жены. Къ довершенію горя, совершается трагическая катастрофа надъ героемъ добродѣтели: Фолянскому, по злобѣ на него, даютъ подписать фальшивую бумагу о взысканіи съ истца 200 рублей вмѣсто 20,000; онъ подписываетъ, не прочитавши, и попадаетъ подъ судъ. Въ третьемъ актѣ Фолянскій съ женой въ Петербургѣ и добываютъ хлѣбъ поденной работой. Къ нимъ является откупщикъ Водовиковъ, у котораго Фолянскій занялъ сто рублей, и требуетъ уплаты; Фолянскій обѣщаетъ заплатить черезъ недѣлю; Водовиковъ уходитъ и оставляетъ на окнѣ бумажникъ съ 50,000 р. Фолянскій находитъ бумажникъ, хочетъ утаить его, но по велѣнію души побѣждаетъ себя и рѣшается отдать... Вдругъ является предсѣдатель палаты, въ которой служилъ Фолянскій, падаетъ къ ногамъ его и говоритъ, что убѣдился въ его невинности и что отпущеніе имя его опять будетъ чисто и незапятнано. Добродѣтель торжествуетъ!.. Вслѣдъ затѣмъ возвращается Водовиковъ и отдаетъ Фолянскому письмо отъ матери его жены, давно уже у него лежавшее. Мать, извѣщая, что мужъ ея, старикъ Горенскій, умеръ, приглашаетъ дѣтей къ себѣ въ помѣстье. Фолянскій отдаетъ Водовикову бумажникъ, Водовиковъ за то прощаетъ ему долгъ (сто рублей въ награду за добродѣтель), и жена Фолянского говоритъ: «теперь мы частливы, что же намъ еще остается?» — а Фолянскій отвѣчаетъ «надежда на будущее...»

Какъ видите, содержаніе комедіи вполне современное, благонамѣренное и общественное; узнавъ его, вы ясно понимаете значеніе двухъ стиховъ посвященія:

Какъ часто наша честь подвержена сомнѣнію,
Какъ часто человѣкъ отъ злобы погибаетъ.

По нашему мнѣнію, сюжетъ комедіи г. Пивоварова не уступаетъ въ благородствѣ и смѣлости сюжету «Чиновника», «Уголовнаго Дѣла», «Свѣта не безъ добрыхъ людей», «Предубѣжденія», и проч. Но извѣстно, что сюжетъ—не главное въ литературныхъ произведеніяхъ; нужно знать, какъ онъ развитъ,—и въ этомъ отношеніи г. Пивоваровъ своею наивною неумѣностью далеко оставилъ за собою — и г. Львова, и г. Дьяконова, и графа Солмогуба.

Пьеса начинается разговоромъ матери, Олимпіады Васильевны Горенской, съ дочерью Машей, о женихѣ, который скоро долженъ пріѣхать въ городъ. Мать аттестуется у автора «образованной женщиной», и въ самомъ дѣлѣ—все говоритъ о просвѣщеніи, чести и правдѣ. Разговоръ ея съ дочерью прерывается приходомъ Горенскаго. Олимпіада Васильевна и къ нему обращается съ вопросомъ о предстоящей свадьбѣ; онъ соглашается, но замѣчаетъ, что если у Фолянскаго только образованіе есть, такъ этого еще мало... Тогда жена, какъ образованная женщина, возражаетъ ему:

Олимпіада Васильевна. Ты не ставишь ни во что образованіе! *Ахъ ты помѣщикъ!* Что бы было, еслибъ всѣ дворяне походили на тебя, весь свѣтъ перевернулся бы.

Горенскій. Говори, говори пустяки-то, я тебѣ дамъ живой примѣръ: хоть я и небольшого образованія, а вотъ нажилъ и помѣстье и еще кое что, а еслибъ былъ съ однимъ образованіемъ, что бы было?

Олим. Вас. Тогда бы ты считался за честнаго человѣка.

Горен. Чтожъ, я по твоему безчестенъ?

Олим. Вас. *(утвердительно)*. Да!

Чувствуете ли, о читатель, какъ величественно это *da!*.. Оно рѣшительно стоитъ знаменитыхъ словъ: *que me, reste-t-il? — moi!*.. Именно это *moi*, переведенное на русскій языкъ, и выражается словомъ *да!* въ устахъ «образованной женщины».

Но еще лучше *самъ Фолянскій*, который вслѣдъ за тѣмъ является на сцену и съ первыхъ же словъ, какъ благородный и умный человѣкъ, начинаетъ жаловаться на трудности службы! Его спрашиваютъ, доволенъ ли онъ своимъ мѣстомъ; онъ отвѣчаетъ: «вполнѣ доволенъ.... только впереди предстоитъ много неудовольствій».

Олим. Вас. Какихъ?

Фолянскій. Знаете Олимпіада Васильевна! Губернскіе города походятъ другъ на друга, между чиновниками этихъ городовъ, много есть пятнающихъ свои должности!

Олим. Вас. Такъ вы будете преслѣдовать ихъ.

Фолян. Да! Для чего же я и воспитывался въ Университетѣ какъ не быть благороднымъ, истиннымъ слугой государства, а не поощрять взыточниковъ. Пора искоренить грабителей!... (Помните пресловутый крикъ: надо зло *искоренить съ корнями!*) Приди къ нимъ человѣкъ бѣдный, безъ ничего такъ и глядѣть не хотятъ! А покажи имъ этакъ изъ рукава что нибудь, такъ они рады все сдѣлать.... А вѣдь могли бы и такъ, безъ всякой взятки! Нѣтъ, намъ говорить нужно жить въ полномъ смыслѣ. Жалованья не хватаетъ. Какъ не хватаетъ? Пустяки. Ежели ты занимаешь важную должность тебѣ идетъ и хорошій окладъ, по которому можно жить прилично, если мало, можешь заниматься другими занятіями, но не чернить своей души и совѣсти! Это подло! Это низко! (На сценѣ—то какой бы эффектъ вышелъ!) Кто поступаетъ подобнымъ образомъ тотъ не заслуживаетъ названія человѣка!

Выслушавъ эту энергическую и безрамотную реплику, долженствующую вызвать громы рукоплесканій на сценѣ Александринскаго театра, Олимпиада Васильевна говорить *въ сторону* :

— Какъ молодъ и какъ уменъ?

Намъ въ этой фразѣ особенно нравится знакъ вопроса: онъ имѣетъ тутъ очень пикантный смыслъ, и несравненно умѣстнѣе, чѣмъ восклицательный. Олимпиада Васильевна впрочемъ не подозреваетъ такой пикантности въ своемъ восклицаніи, принявшемъ такъ кстати форму вопроса, и продолжаетъ разговоръ слѣдующимъ образомъ. Мы рѣшаемся выписать всю сцену Фолянскаго съ невѣстой и ея матерью; надѣемся доставить этимъ удовольствіе читателямъ.

Олим. Вас. (въ сторону). Какъ молодъ и какъ уменъ? (*ему*) Александръ Петровичъ! дай Боже побольше намъ такихъ людей какъ вы.

Фолян. Теперь искоренится старый родъ, при мудромъ правленіи не будетъ злоупотребленій.

Олим. Вас. Вамъ много предстоитъ опасностей?

Фолян. Опасности эти не кладутъ пятна и даже еслибъ не было препятствій къ искорененію, тогда бы быть можетъ для меня служба потеряла ту прелесть которую имѣетъ теперь.

Именно: что ужъ за служба, ежели въ ней не представляется случая оказаться героемъ добродѣтели, очень дешевымъ способомъ! Олимпиада Васильевна, вполне сочувствуя въ этомъ Фолянскому, восклицаетъ въ сторону: «Какія понятія!» и считаетъ не бесполезнымъ оставить свою дочь наединѣ съ человѣкомъ, имѣющимъ *такія понятія*. Она встаетъ и уходитъ, извиняясь предъ Фолянскимъ, и говоря про себя: «воркуйте, голубки».

Голубки начинаютъ ворковать; но голубка оказывается очень хищной и яростной птицей, какъ видно изъ слѣдующей сцены.

МАРІА ОКОДОРОВНА. *Alexandre!* Скоро наша свадьба.

Фолян. Уже и свадьба? (Видно, что онъ пораженъ такимъ приступомъ *ex abrupto* и сильно уже трусить; но она не смущается и продолжаетъ—столь же храбро, какъ и безграмотно).

Марія Θεод. Да все согласны. Ты радъ этому?

Фолян. Можете ли вы сомнѣваться, я васъ люблю такъ....

Марія Θεод. Какъ никто не любить? Вѣрю, сядемъ здѣсь (*усаживаетъ на диванъ и сама садится*) вотъ такъ, обними меня (*она его обнимаетъ*).

(— Вотъ—то бой—дѣвка!..)

Фолян. Какое блаженство! За что вы меня такъ любите?

Марія Θεод. За то, что вы достойны этой любви! Вѣдь ты меня тоже любишь ну и я должна тебя любить. Поцѣлуй меня, вотъ такъ (*целуетъ его*).

Фолян. Вы ангелъ, а не женщина.

Марія Θεод. А вѣдь какъ пріятно быть женщиной. У насъ будутъ дѣти, (такъ этимъ-то пріятно? Будто?), хорошенькіе, красивенькіе, всѣ въ васъ! Какъ должно быть пріятно!

Фолян. Почему же они будутъ красивенькіе?

Марія Θεод. Потому что мы оба не дурны, вотъ еслибы жена была не красива, тогда....

Фолян. Вы обижаете свой полъ. Нѣтъ женщины которая не имѣла бы своей красоты. Я напримѣръ не люблю красоты условной и нахожу прелесть тамъ, гдѣ другіе ничего не замѣчаютъ.

Вы видите, что Фолянскій, какъ кандидатъ университета, говорить краснорѣчиво и умѣетъ сочинять комплименты; но для его невѣсты не того нужно: она останавливаетъ его разсужденія вопросомъ:

— Такъ вы меня не любите?

А онъ отвѣчаетъ ей жалостно:

— Марія Θεодоровна! Развѣ я говорю про васъ? Нѣтъ! Въ любви я предполагаю равенство. Не хочу любить женщины не дорожащей моею привязанностію. Не хочу насмѣшки и презрѣнія, за мою преданность!... Я самъ гордъ хотя не избалованъ судьбой!... Я богатъ хоть только одними душевными качествами, и ежели полюбилъ кого то любовь эта прекратится только съ жизнію.

Марія Θεод. Я думала не разлюбилъ ли ты?

Фолян. Васъ? И вы спрашиваете, въ силахъ ли я?...

Марія Θεод. Ну полно, ты мечтаешь. Тебѣ кажется будто ты влюбленъ въ меня, но это не правда.

Фолян. Марія Θεодоровна! Я въ глубинѣ сердца *возношу васъ какъ ангеловъ небесныхъ*, я.... Не вѣрьте мнѣ вы имѣете на это право.... Обращайтесь со мной какъ съ нелюбящимъ васъ.... Но что значитъ ваша холодность въ сравненіи съ мыслью лишиться такого существа!...

Фолянскій предъ своей невѣстой является чѣмъ—то въ родѣ толь-

ко-что высѣченнаго лакея... Но это-то ей, повидимому, и нравится. Разговоръ продолжается въ такомъ родѣ:

Марія Θεод. Ну ужъ нѣтъ Александръ Петровичъ. Этого не будетъ. Давайте руку, помиримся, я пошутила.

Фолян. Подобными вещами не шутить, да и опасно шутить.

Марія Θεод. Опасно да и полезно, можно узнать истинныя чувства. Въ твоей мгновенной вспышкѣ я многое узнала.

Фолян. Какой странный характеръ. Мы кажется рождены для того чтобы жить вмѣстѣ (именно!).

Марія Θεод. Разумѣется, кто же спорить. (Вотъ сошлись-то!) Мы вмѣстѣ вылиты въ одной формѣ. Меня не занимаетъ ничтожное честолюбіе, тебя тоже. У меня твердый характеръ и у тебя тоже. Ты меня любишь и я тебя люблю тоже. Видишь ли одни чувства?

Фолян. Какъ вы можете знать Марія Θεодоровна, что я чувствую? (Какъ онъ ее однако озадачилъ!) Вы меня считаете холоднымъ и равнодушнымъ отъ того что я для васъ готовъ на всѣ пожертванія. Вашъ характеръ еще не укрѣпился, вы дитя.... Я скорѣе рѣшусь на самое большое несчастье для меня то есть лишиться васъ, чѣмъ заставить когда нибудь раскаяться и заслужить упрекъ въ томъ, что я воспользовался вашей неопытностію... (Ну, ужъ на этотъ счетъ-то вы насъ извините, г. Фолянский!) Не сердитесь на меня.

Марія Θεод. Вы всегда говорите одно и тоже и рѣшительно ничего не доказываете, я могу сама судить, своимъ умомъ, я не ребенокъ.

Фолян. Вотъ вы опять разсердились? Вотъ и одни чувства. Подумайте сами, мы знакомы другъ съ другомъ три года. Мы любимъ другъ друга и давно уже объяснились въ этомъ для чего же придавать простымъ фразамъ значеніе....

Мы могли бы сдѣлать на эту сцену множество собственныхъ замѣчаній. Но безсмысленность и шутовство ея ставить насъ въ тупикъ своей необозримой колоссальностью. Мы ничего не хотимъ болѣе прибавлять къ этой изумительной сценѣ: пусть она говоритъ сама за себя. Если вы, читатель, еще недостаточно прониклись ея паѳосомъ, то прочитайте ее еще разъ: это пріятно.

Далѣе все идетъ въ томъ же родѣ. Разговоръ молодыхъ людей прерывается приходомъ матери, которая, какъ образованная женщина, тотчасъ начинаегъ Фолянскому жаловаться на мужа. «Я прежде гордилась красотой Θεдора Аркадьевича, говоритъ она, — а не знала душевныхъ качествъ, и что же вышло? Онъ не любитъ меня къ тому жъ»....

Фолянский, какъ умный и благородный человѣкъ, и притомъ кандидатъ университета, выражаетъ ей свое сочувствіе въ слѣдующихъ словахъ: «Я понимаю васъ Олимпиада Васильевна.... Вы дурно поступили выбравъ въ спутники жизни нечувствительнаго человѣка.

Знаю Федора Аркадьевича—онъ не способенъ ни къ чему возвышенному, онъ человѣкъ закаленный, слабость женщины не возбуждаетъ въ немъ участія, онъ не можетъ чувствовать ни любви ни дружбы».

Столь сильная реплика заставляетъ даже Марію Феодоровну воскликнуть: «ахъ тата (*)! какой разговоръ вы ведете!» Но мать, какъ женщина образованная, очень просто отвѣчаетъ ей: «*про что же дружечекъ прикажешь говорить?*»

Замѣчательна также одна сцена второго акта. Горенскій узнаетъ о фальшивой бумагѣ, подписанной его зятемъ, и при гостяхъ начинаетъ упрекать его; съ первыхъ же словъ дѣло повертывается вотъ какъ.

Горенскій. Я за васъ краснѣть долженъ, скажутъ: дочь ваша за бездѣльникомъ, за взяточникомъ.

Фолянскій. Вы забываетесь! Не стыдитесь говорить что я нанесъ пятно вашему дому. Нѣтъ, вы должны радоваться, что я вырвалъ такое прелестное растеніе (*показывая на М. Ф.*) изъ крапивы.

Марія Феодоровна. Александръ!

Горенскій. Какъ!..... Что?.....

Фолянскій. Да! Взятчикъ не я, а вы! Знаете ли какъ вамъ досталась эта деревня? (Онъ знаетъ, я думаю!) Я расскажу, вы сами вызвали меня на это. Одинъ помѣщикъ далъ эту деревню вамъ подъ залогъ. А когда пришелъ срокъ платежа и онъ принесъ деньги съ процентами, вы деньги взяли а закладную у себя оставили.

Горенскій. И вы осмѣлились? Ступайте вонъ изъ моего дома, здѣсь не ваше мѣсто.....

Затѣмъ Горенскій прогоняетъ зятя, и Фолянскій съ Маріей Феодоровной ѣдутъ въ Петербургъ, *чтобы тамъ оправдать себя!*... А тамъ и происходитъ благодатная развязка, уже рассказанная нами. Прибавимъ, что въ третьемъ актѣ Марія Феодоровна, та самая Марія Феодоровна, которую видѣли мы въ сценѣ съ женихомъ, — является вѣрною, преданною и нѣжнѣйшею женой.... Вотъ ужъ чего никакъ нельзя было подумать послѣ вышеозначенной сцены!

Ну вотъ, господа поклонники чистаго искусства, — какъ вы полагаете: отчего персонажи комедіи «Надежда на будущее» такъ сильно напоминаютъ убѣжавшихъ изъ сумасшедшаго дома? Неужто оттого только, что авторъ взялся за рѣшеніе общественныхъ вопросовъ? Вы современной литературѣ безпрестанно колете глаза тѣмъ, что ея направленіе все только дрянъ производитъ. Ну, будьте же разсудительны и искренни, — скажите по совѣсти: неужели вы полагаете, что г. Пивоваровъ, (если только его «Надежда» не на смѣхъ

(*) Это не опечатка. Авторъ вездѣ пишетъ: *tata*. Да еще то ли онъ пишетъ! У него два раза пашла мы—*Qu'elle Histoire, Qu'elle Histoire!*

сочинена), могъ бы когда нибудь что нибудь порядочное написать, хотя бы онъ весь, съ головы до ногъ, проникся художественной вашей теоріей? Конечно, вы сами этого не думаете. А мы даже вотъ что прибавимъ: серьезность нынѣшняго литературнаго направленія весьма много способствуетъ правильности и опредѣленности оцѣнки вновь являющихся литературныхъ дѣятелей. Сочинить недурной мадригалъ, истинно-грустную элегію, замысловатую шараду, даже чувствительный разсказъ,—на это многихъ станеть, и вотъ почему такъ много талантовъ и гениевъ провозглашалось у насъ въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Но когда публика потеряла уже способность восхищаться удивительнымъ искусствомъ господина, выбрасывающаго съ необыкновенной мѣткостью цѣлый мѣшокъ гороху, по горошинкѣ, черезъ одну и ту же маленькую скважинку, когда читатели ищутъ въ талантливомъ произведеніи не одной только гладкости слога и ловкости литературныхъ приемовъ, а достоинствъ болѣе серьезныхъ и существенныхъ въ самомъ содержаніи,—тогда пріобрѣсти званіе талантливаго писателя потрудитѣ. Самые бездарные люди теперь съумѣли бы сочинить шараду и элегію (даже *русскую элегію*); но они понимаютъ, что это ни къ чему не поведетъ, и потому обращаются къ другимъ предметамъ и берутъ себѣ серьезное содержаніе. Можетъ быть, самъ г. Розенгеймъ умѣлъ бы съ нѣкоторой гладкостью изобразить какую нибудь *луну* или *весну*; но кто же теперь могъ бы серьезно принять подобное стихотвореніе г. Розенгейма? Вотъ онъ и ему подобные—и обращаются къ общественнымъ вопросамъ... И ужъ здѣсь—то очень ясно, выказывается, у кого на сколько хватаетъ ума и дарованія. До сихъ поръ серьезное направленіе беллетристики не можетъ похвалиться обиліемъ и силою талантовъ, вызванныхъ имъ къ дѣятельности, — правда. Но вѣдь еще будущее этого направленія—впереди; а притомъ вспомните количество бездарностей, распинавшихся изъ-за луны и дѣвы, въ началѣ пушкинскаго періода. Какъ посмотрѣть, да посравнить, — такъ и окажется, что и въ то время бывали своего рода Пивовары. Да, впрочемъ, что далеко ходить. Передъ нами лежитъ книжечка, вовсе ужъ не зараженная *принципомъ поспѣтрія* утилитарнаго (какъ говорить «Утро»); а посмотрите-ка, что это за книжечка,—лучше ли комедіи г. Пивоварова.

Сочиненія А. Бѣшенцова въ прозѣ и стихахъ. Москва. 1858.

Господинъ Бѣшенцовъ — чистый художникъ; онъ только художествомъ и занимается. Вопросы общаго блага не занимаютъ по—

этических думъ его; онъ поетъ только о томъ, что вѣчно и неизмѣнно, — «о красотѣ и сердцѣ человѣческомъ». Одни названія его стихотвореній могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ художественности его натуры. У него есть стихотворенія: «Поэзія», «Молитва», «На молитвѣ», «Воспоминаніе», «Признаніе», «Разочарованіе», «Прощаніе», «Сожалѣніе», «Раскаяніе», «Соловей», «Цвѣтокъ», «Букетъ», «Грузинкѣ». Возвышенныя чувства и любовь къ красотѣ безраздѣльно владычествуютъ надъ сердцемъ г. Бѣшенцова. Красавицамъ посвящаетъ онъ свою книжку, ихъ выхваляетъ онъ на каждой страницѣ, имъ онъ готовъ отдать свою душу, свои труды, свой домъ, свою кровь, всѣ свои лучшія надежды и порывы. Предъ ними смиряется даже *страсть къ жемчугу*, которою также одержимъ г. Бѣшенцовъ, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго стихотворенія:

Экспромтъ.

Вы раковину мнѣ сегодня подарили;
Она пустехонька; *въ ней нѣту жемчуга,*
А *пустяковъ*, вы вѣрно позабыли,
Не любитъ вашъ покорный слуга!
Но губку дуть зачѣмъ? Не нуженъ мнѣ жемчугъ,
Что украшаетъ бюстъ красавицы холодной;
Такъ что же нужно мнѣ? Бездѣлны, мой другъ,
Плятокъ жемчужины чувствъ высокихъ и свободныхъ!

Ясно: поэтъ готовъ отказаться даже отъ жемчуга и всякихъ матеріальныхъ благъ для «*пятка жемчужины чувствъ высокихъ*». Онъ любитъ стремиться къ высокому и презираетъ свѣтъ за то, что онъ деньги любитъ. Въ началѣ своего *Посвященія* онъ говорить:

Кому мнѣ посвятить мои стихотворенья?
Друзьямъ! — Друзей у меня нѣтъ.

А почему нѣтъ? Потому, что, по мнѣнію г. Бѣшенцова, всѣ нынѣшніе друзья, —

Какъ деньги есть, обьютъ пороги,
А промотай, — *покажутъ ноги....*

На этомъ основаніи г. Бѣшенцовъ полагаетъ, что смѣшно и глупо—

Жать руку робко и смиренно,
Чтобъ популярность заслужить.

Почему онъ думаетъ, что популярность пріобрѣтается не иначе, какъ именно такимъ способомъ, — этого онъ не объясняетъ. Но за то ясно и положительно говоритъ онъ, что не дорожитъ мнѣніемъ свѣта.

Пусть лучше говорятъ, что *скарредъ*,
 Что *сребролюбецъ*, *эгоистъ*;
 Хула невѣжды не умалитъ,
 Хвала его — *машины свистъ*. (?)

Почему г. Бѣшенцовъ подозрѣваетъ, что его считаютъ *скарредомъ*, *сребролюбцемъ* и *эгоистомъ*, — это опять его тайна, не открываемая имъ публикѣ. Но вѣроятно онъ имѣетъ на то достаточныя причины; иначе онъ не сталъ бы съ такимъ озлобленіемъ отзываться о цѣлой мужской половинѣ человѣческаго рода, изъ которой исключается одного только какого-то *друга Геннадія*.

За то къ женскому полу г. Бѣшенцовъ изъясняетъ самую нѣжную симпатію, и это тѣмъ похвальнѣе, что онъ, по собственному признанію—уже приближается къ старости. Онъ говоритъ, что ему

Старость, — *бурная стихія*
 Преградой страшною грозитъ,

и что онъ радъ, когда, прочитавъ его стихи, ему привѣтно улыбнутся и скажутъ:

«Жаль, что не молодъ поэтъ».

Въ посланіи *Я...у Н...у О...у* г. Бѣшенцовъ вспоминаетъ, что ужъ восемнадцать лѣтъ прошло со времени его «шалостей, проказы, кипучей жизни молодецкой»; отсюда видно, что поэту уже далеко за сорокъ, если даже предположить, что онъ прекратилъ всѣ *шалости* и *проказы* не позже, какъ въ 25 лѣтъ.

Мы должны признаться впрочемъ, что подобное предположеніе крайне неосновательно, если судить о поэтѣ по тому пылу страстей, какой обнаруживается имъ даже и въ настоящее время. Онъ себя именуетъ *исполиномъ*, *орломъ* и *львиной душою*, (соединеніе элементовъ весьма разнообразныхъ!) а о своихъ чувствахъ иначе и не выражается, какъ называя ихъ *волканомъ* и *пожаромъ*, и хотя въ одномъ мѣстѣ увѣряетъ, будто его теперь

Не тѣшатъ, не манятъ соблазнъ и красота;

— но вся книжечка его служить доказательствомъ, что такъ выразился онъ единственно для красоты слога. Во многихъ стихотвореніяхъ онъ признается, что *изъ-за дѣвъ* онъ готовъ затѣять какую угодно борьбу и даже нисколько не сконфузится, если потерпитъ поражение. Чтò бы, говоритъ, со мною ни случилось, мнѣ все ничего:

Съ судьбою примирюсь
 Я первымъ взглядомъ дѣвы милой,
 Ея восторгами упьюсь
 И, пособравшись съ новой силой,
 Опять пойду, какъ исполинъ,
 На битву жизни....

Въ другомъ стихотвореніи г. Бѣшенцовъ признается, что ему нѣтъ отрады — ни въ разумѣ, ни въ благородствѣ, ни въ спокойствіи совѣсти, а нужна ему любовь того созданья,

За счастье чье не жаль всю кровь
Пролить безъ жалобъ, безъ страданья.

Но сильныя страсти поэта не ограничиваются желаніемъ пострадать самому за дѣву; въ экстренныхъ случаяхъ онъ готовъ и самой дѣвѣ надѣлать порядочныхъ непріятностей, — особенно когда любовь къ красотѣ борется въ душѣ его съ любовью къ жемчугу и другимъ матеріальнымъ благамъ. У него есть стихотвореніе, въ которомъ онъ прогоняетъ отъ себя какую-то дѣву, объявляя, что у него нѣтъ денегъ, а между тѣмъ «ея съ красотой — продадутъ, продадутъ....» — «Отойди», — кричитъ онъ въ изступленіи, — а не то —

Не ручаюсь, убью
И тебя, и себя....

И не мудрено: г. Бѣшенцовъ даже къ цвѣтку обращается съ слѣдующими стихами:

Хотѣлъ бы я груди моей къ волкану
Прижать тебя, цвѣтокъ, какъ чудо красоты...

А про людей ужъ и говорить нечего; г. Бѣшенцовъ говоритъ, что никто не въ состояніи даже понять его чувствъ, если «ревности волканъ въ своей груди не ощущалъ....» Чего же стоитъ раздѣлать его чувства! Волканическая натура г. Бѣшенцова видна даже въ самыхъ простыхъ проявленіяхъ; онъ, напримѣръ, не можетъ довольствоваться простымъ поцалуемъ дѣвы, а непременно требуетъ, чтобы она дала ему

Лобзанье
Унести съ груди своей....

Говоря о любви, г. Бѣшенцовъ постоянно упоминаетъ о какомъ-то таинственномъ *фіалѣ*, придающемъ его рѣчи особенную образность и силу. Въ посланіи Н. А. З., въ которомъ поэтъ желаетъ найти его на берегахъ Рейна —

Съ швейцаркой молодой,
Въ объятыхъ нѣги безмятежной, —

въ этомъ посланіи онъ совѣтуетъ, между прочимъ, своему пріятелю:

Излей въ нее *фіалѣ* любви.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ употребляетъ слово *фіалѣ*, уже говоря о своей собственной любви; но, къ удивленію нашему, онъ не *изливаетъ*, а самъ *пьетъ* этотъ *фіалѣ*...

Т. LXXIII. Отд. III.

5

Фіалъ любви я пилъ

Устами жадными изъ чаши наслажденья,
И память торжества (?) въ душѣ я сохранилъ,
Какъ сна крылатого блестящее видѣнье....

Но еще болѣе удивились мы, встрѣтивъ у г. Бѣшенцова *фіалъ* совершенно въ особомъ значеніи, въ стихотвореніи экспромтъ (не тотъ, который мы привели выше, а другой). Здѣсь поэтъ называетъ *фіаломъ* какую-то дѣву:

Когда бы ты, души моей *фіалъ*,
Меня своимъ на вѣки назвала....

Впрочемъ и это ничего: все-таки выходитъ одно и то же — любовь къ прекрасному полу.

Послѣ прекраснаго пола, г. Бѣшенцовъ любить во всемъ свѣтѣ — только родныхъ. Еще въ дѣтствѣ его баюкали, говорить онъ, слѣдующимъ *приплюсомъ ласки нѣжной*:

«Расти, дитя, расти!
И совершай путь жизни безмятежно,
Вѣрь въ Бога, честенъ будь и уважай родныхъ».

И поэтъ вѣренъ былъ наставленью, пока его не отдали «въ коллегіумъ нѣмецкій, гдѣ портить начали способности его, и гдѣ души природное богатство испытывать утраты начало». Тогда ему явился какой-то духъ

Въ блестящихъ видахъ обольщенья,
Внушая новыхъ тму идей....

Духъ этотъ былъ очень обольстителемъ: онъ —

Алтарь свободы украшалъ
Цѣтами равенства и братства,
Онъ свѣтъ науки обѣщалъ
И ключъ народнаго богатства!

Душа г. Бѣшенцова «наивно отдалась ему въ чадъ тщеславія людскаго, и въ міръ фантазій унеслась»; но тутъ судьба сразила г. Бѣшенцова, «какъ юнаго орла», и онъ палъ.

И много лѣтъ скитался я
Средь дикихъ горъ въ странѣ изгнанья,
Гордыня духа умерла;
Я къ Провидѣнью обратился!
Душа воскресла, ожила;
И я съ раскаяньемъ молился!
И снова взялся за перо.

Последнее совершенно напрасно, разумеется; но тутъ выразилась нравственность возманической природы поэта: хотя онъ и взялся за перо,

*Но буйнаго разгула краски
Ужъ не сливались съ нею.*

Поэтъ переродился: съ него «свалилась пелена грѣхопаденья земныхъ страстей», какъ выражается онъ самъ. Тутъ-то имъ и овладѣла любовь къ роднымъ, соединившаяся въ немъ такимъ образомъ съ любовью къ прекрасному полу; говоря поэтически, онъ сталъ *фіалъ любви своей изливать* на своихъ родныхъ, презирая весь остальной свѣтъ и соблюдая симъ способомъ экономію сердечныхъ чувствъ.

Преобразившись послѣ своего разгула, г. Бѣшенцовъ вспомнилъ о кружкѣ родныхъ, и имъ овладѣла тоска по родинѣ.

*Скорѣй въ Москву хотѣлось мнѣ,
Гдѣ колыбель моя качалась,
И гдѣ еще по старинѣ
Хлѣбъ-соль радушьемъ отличалась,
Гдѣ мать, отецъ, кружокъ родныхъ,
Еще былъ тѣснѣ, — сердцу милый;
Немного было между нихъ
Крестовъ надъ свѣжею могилой....*

Затѣмъ г. Бѣшенцовъ говоритъ, что онъ живетъ цѣнѣ въ смиреніи души; представленныя нами мѣста изъ его стихотвореній не совсѣмъ подтверждаютъ это свѣдѣніе. Вообще г. Бѣшенцовъ слишкомъ скромничаетъ. Напримѣръ, одно стихотвореніе «Въ альбомѣ» онъ заключаетъ слѣдующими стихами

*И имя скромное мое
Припомните въ часы досуга.*

Отчего же скромное? Мы вовсе не находимъ, чтобъ Бѣшенцовъ было скромное имя. Даже совершенно напротивъ. Напрасно г. Бѣшенцовъ скромничаетъ: стихи его достойны его имени, а имя — стиховъ.

Кромѣ стиховъ, г. Бѣшенцовъ пишетъ и прозой. Въ книжкѣ его помѣщена драма содѣланъ «Жеребій». Жеребій этотъ совершенно чуждъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ, но въ достоинствахъ литературныхъ не уступаетъ комедіи г. Пивоварова. Содержаніе его просто. Стрѣльскій влюбленъ въ Вѣру; но Вѣра выходитъ замужъ за графа. Стрѣльскій встрѣчаетъ Софью, сестру Вѣры, на желѣзной дорогѣ и на другой день является въ домъ къ Вѣрѣ. Она его еще лю-

бить, но крѣпится и оставляетъ его съ Софьей. Софья приглашаетъ его въ деревню къ сестрѣ, Стрѣльскій же уговариваетъ Софью остаться въ Москвѣ и не ѣздить съ сестрою въ деревню. Софья, по неопостижимой для смертныхъ логикѣ, вдругъ объявляетъ слѣдующее:

«Постойте, стойте! я придумала прекрасное средство все уладить. Бросимъ жеребій. Если выйдетъ мнѣ остаться въ Москвѣ, то сестра откажетъ будешь уже не въ правѣ, если же вамъ ѣхать въ деревню, то вы не въ правѣ отказаться».

Стрѣльскій соглашается. По жеребью выходитъ ему ѣхать въ деревню; тамъ онъ влюбляется въ Софью и проситъ руки ея; Вѣра, слыша это, падаетъ въ обморокъ и потомъ, очнувшись, говоритъ къ партеру: «о какъ же скоро онъ отомстилъ мнѣ!»

Затѣмъ она поетъ:

Вотъ образецъ любви мужчины,

Всякъ на одинъ построенъ ладъ:

Онъ васъ полюбитъ безъ причины,

И измѣнитъ вамъ очень радъ.

Стрѣльскій же поетъ въ заключеніе:

И авторъ жребіемъ, конечно,

Утѣшенъ будетъ въ первый разъ,

Когда партеръ чистосердечно

«Пишите, скажете, въ добрый часъ»!

Такова комедія г. Бѣшенцова, поэта съ скромнымъ именемъ. Хотя поэтъ и надѣется на одобреніе партера, но мы убѣждены, что партеръ не поощритъ его на дальнѣйшее писаніе, хотя бы даже всѣ мѣста въ креслахъ заняты были поклонниками чистой художественности. Нѣтъ, вѣрно и художественная теорія согласится съ нами, что лучше бы было, еслибъ господинъ Бѣшенцовъ искусствами не занимался и не прославлялъ бы своего скромнаго имени дѣяніями, не советъ одобрительными предъ судомъ безпристрастной критики, не только утилитарной, но и художественной. Приверженцы чистой художественности пожертвуютъ намъ стихи г. Бѣшенцова, какъ мы жертвуемъ имъ комедію г. Пивоварова. Съ этой стороны мы можемъ быть спокойны. Но опасность другаго рода угрожаетъ литературѣ. Г. Бѣшенцовъ объявляетъ, что ему критика ничего не значитъ, что это — машины свистъ. Онъ говоритъ:

Что мнѣ рецензіи и брань и похвала?

Отвратить его отъ писанія могутъ опять только красавицы; если же онъ его похвалитъ, то — слушайте, что будетъ:

Я вѣщими искреннѣи прилѣтомъ оживленный,
Изъ рукъ не выпущу пера!

Итакъ—вотъ гдѣ опасности! Бѣда, если дамы похвалятъ г. Бѣшенцова! Изъ рукъ пера не выпустить, — вѣдь просто плакать придется тогда бѣдному рецензенту. О, жестокая и несправедливая судьба! Зачѣмъ ты не создала меня дамскимъ кавалеромъ, зачѣмъ не дала мнѣ въ воспитатели француза или полотѣра, или вообще какого нибудь танцмейстера! Тогда я зналъ бы тайны дамскаго сердца и умѣлъ бы такъ расписать г. Бѣшенцова, что всякая дама пришла бы въ невольный ужасъ. Но теперь — что могу я сдѣлать? Я могу только взывать къ нимъ, въ непритворномъ лирическомъ порывѣ:

«О вы, души моей царицы! Оставьте въ покоѣ скромное имя г. Бѣшенцова! Пусть его предается любви къ роднымъ и радуется на свое родное жилище, гдѣ колыбель его, можетъ быть, и до сихъ поръ качается. Не поощряйте его къ писанію: вы сами видѣли, какъ онъ плохо пишетъ. Да притомъ же — онъ вѣдь и опасенъ: у него львиная натура, у него въ груди волканъ, онъ *fiat* изливается....»

— Чортъ знаетъ, что такое напечатать и все дѣло, кажется, испортить: найдутся, пожалуй, дамы, которымъ волканъ и *fiat* — то именно и нравится. Ну, да ужъ ничего; по крайней мѣрѣ буду знать, кого винить, если г. Бѣшенцовъ еще что нибудь напечатаетъ.

Казацкіе досуги. Стихотворенія А. Туровѣрова. Спб. 1858 г.

Книга г. Туровѣрова, въ противоположность г. Бѣшенцову, — утилитарная; но стихи въ ней не менѣе плохи.

Лиманъ Курчанскій и Кубанскій,
И Ахтанизовскій лиманъ,
Лиманъ Цукуръ, лиманъ Бузакскій,
И все лиманъ, и все лиманъ!!
Изъ рукъ вонъ, сколько здѣсь лимановъ!
Куда не взглянешь — все лиманъ!

Эти стихи изъ «Темрюкской стоянки» г. Туровѣрова нужно погасить элиграфомъ къ нашей библіографіи нынѣшняго мѣсяца, поправивъ слѣдующимъ образомъ:

Алмазовъ, Бѣшенцовъ, Аксаковъ,
И Хомяковскіе стихи,
И Туровѣровъ — въ честь казаковъ,
И все стихи, и все стихи!!
Изъ рукъ вонъ, сколько стихотворцевъ!
Куда ни взглянешь, все стихи!

И что имъ за охота писать непременно стихами? Ну, еще положимъ, г. Бѣшенцовъ: у него такое имя скромное. А другіе-то что? И вѣдь стихотворствовать-то имъ не о чемъ, дѣйствительно не о чемъ. Карту обѣда да прейскурантъ въ стихи перекладываютъ, — вотъ и все ихъ наслажденіе. Право, такъ. Что же такое, напр. вотъ эти стихи г. Туровѣрова:

Темрюкъ, станица пребоольшая;
Въ ней много всякаго добра:
Вода какъ бабушка сѣдая,
Камышъ, рыбалки, невода,
И бездна — рыбы разнородной,
Сушеной спѣтой и сырой,
И красной-рыбы благородной,
И бѣлой-рыбицы простой.
Вино есть: хересъ и донское,
Клико — сортъ первый и второй,
И первый и второй — плохое,
Но вкусъ имѣютъ, хоть дурной!
Есть лавочка и тамъ: лимоны
Съ лазурно-бѣлою плевой,
Съ французской сажей макароны,
Табакъ плохой, табакъ простой.

И такъ далѣе.... еще цѣлая страница....

И этакій-то господинъ, съ успѣхомъ подвизающійся на поприщѣ приемованія прейскурантовъ, берется изображать напр. «День Севастополя». Неудивительно, что онъ начинаетъ стихотвореніе такими словами:

Гулъ, громъ, трескъ, залпы раздаются,
Реветь чудовищень землѣ;
Рокочутъ и, какъ змѣи, вьются
Снаряды адскаго огня; —

а потомъ, описавъ такимъ манеромъ ужасы битвы, самодовольно заключаетъ:

Такъ вотъ онъ именно (вотъ онъ!) день, которыхъ тридцать
Въ году Самъ Царь велѣлъ считать!
И всѣхъ, кому пришлось тамъ биться,
Велѣлъ примѣрно награждать.

А какъ хороши инстинкты автора! Есть у него стихотвореніе: «Худое употребленіе вещей». Онъ говоритъ:

Я не люблю смотрѣть на вещи,
Когда онѣ въ худыхъ рукахъ,

и приводитъ примѣры. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Вино употребляетъ худо
Прекрасный, скромный (*) женскій полъ,
Когда *восьмое это чудо*,
Для формы ставить лишь на столъ.
Когда не знаютъ наслажденья
Съ бокаломъ вечеръ просидѣть,
И не знакомы съ *упоеanjem*
Опоямляться и тямлять.
Когда не могутъ напизаться
До онѣмѣня языка,
Какъ всѣ предметы семерятся,
И муха кажется съ бына.

Послѣ такихъ стиховъ я по крайней мѣрѣ могу быть спокоенъ за г. Туровѣрова со стороны дамъ: не поощрять онѣ его, мнѣ кажется.... Не умилостивить ихъ, — я думаю, даже и то, что г. Туровѣровъ сочинилъ «Гроссфатеръ при роспускѣ институтокъ на вакаціи», — въ которомъ воспѣвается уже не пьянство, а ручки и потюпки, кусты и цвѣточки.

Не спасетъ г. Туровѣрова и патріотизмъ его, внушившій ему стихотворенія въ честь Платова и «Въ день ангела Его Высокопревосходительства, М. Г. Хомутова». Не спасетъ его и глубокомысліе, заставившее его разсуждать о томъ, что «всѣ народы въ мірѣ отдѣльной жизнью живутъ, имѣютъ свой языкъ отличный и символъ вѣры свой», и пр., до тѣхъ поръ «пока міръ грѣшный обновится и исчезнетъ разность, *можетъ быть*».... (чего не можетъ быть!) Затѣмъ г. Туровѣровъ продолжаетъ:

Стремясь къ тому, семьи народовъ
Другъ къ другу ближе все идутъ,
И поколѣнья, съ каждымъ годомъ,
Къ идеѣ совершенства льнутъ.

Осмѣливаемся думать, что само остроуміе г. Туровѣрова, глумящееся преимущественно надъ нѣмцами, не доставитъ ему особеннаго успѣха: по-русски онъ пишетъ о нѣмцахъ такъ:

Кипитъ балъ, и блещетъ на балѣ Эвина,
Поклонники служатъ толпой;
Одинъ только Фридрихъ Гераусъ (o!!) — дѣтина
Какъ будто не тронуть звѣздой.... и т. д.

(*) Какъ только встрѣчу гдѣ нибудь слово *скромный*, такъ и вспомню Блещенцова. Дурная привычка! Не переимайте ее у меня, читатель: предупреждаю васъ, что воспоминаніе о г. Блещенцовѣ не имѣетъ ровно никакой пріятности.

Не довольствуясь такимъ *позывающимъ* остроуміемъ, г. Туровъ-ровъ пишетъ не по-русски:

На палъ геръ Фридрихъ сапираясь,
Въ люпки серкали стоялъ,
Зъ свайми бакенъ люповаясь,
Съ улипка самъ сепъ скасаль....

Нѣтъ, г. Туровъ-ровъ не будетъ имѣть успѣха: женщины и нѣмцы много значатъ въ Россіи, а въ литературѣ жъ здравый смыслъ иногда значить кое-что.

И вѣдь—что всего *обиднѣе*,—г. Туровъ-ровъ самъ знаетъ, что у него есть внутреннее призваніе, не *имѣющее* ничего общаго съ сочиненіемъ стиховъ,—и не слѣдуетъ своему призванію. Его останавливаютъ какія-то понятія, совершенно ложныя. Видите, въ посланіи «Къ С—ву» онъ такъ говоритъ о своемъ призваніи:

Странное чувство, братъ, есть въ человѣкѣ,

Я удивляюсь *сму*;

Спалъ да лежалъ бы онъ цѣлые вѣки,

Всѣмъ бы пожертвовалъ *сму*.

Вотъ и я самъ люблю *смертельно*

Проснувшись, утромъ, полежать;

А отобдавъ, *непремѣнно*

Опять ложуся отдыхать!

И прекрасно! ничего лучше не нужно. Но г. Туровъ-рову *кажется*, что это *глупо*, и онъ съ какой-то стыдливостью и какъ будто боязливостью говорить въ заключеніе:

Такъ дѣлать нечего, любезный,

Не намъ природу исправлять!

Хоть сонъ — трудъ вовсе безполезный,

А дважды въ сутки надо спать.

Ну, разумѣется. Какое же тутъ можетъ быть еще сомнѣніе? Какъ бы ни былъ безполезенъ трудъ сна, но все же онъ въ тысячу разъ полезнѣе для г. Туровъ-рова, чѣмъ писанье стиховъ.

«Спалъ да лежалъ бы онъ цѣлые вѣки», такъ бы и «Казачьихъ Досуговъ» не было: польза немалая!

Олегъ подѣ Константинополемъ, драматическая пародія съ эпилогомъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе К. С. Аксакова. Изданіе Любителя. Спб. 1858.

Недѣли три тому назадъ въ «Сиб. Вѣдомостяхъ» напечатано было въ библіографическихъ объявленіяхъ заглавіе этой книжки, съ

сѣдующей припиской: «подъ фирмою: «изданіе любителя», предпо- лагается печатать по мѣрѣ возможности, литературныя произведенія, при добросовѣстномъ убѣжденіи, что онѣ заслуживаютъ вниманія читателей. Начиная драматическою пародію К. С. Аксакова: «Олегъ подѣ Константинополемъ», издатель былъ бы очень счастливъ, если бы случай сдѣлалъ выборъ всѣхъ и прочихъ для этой цѣли сочиненій столь же удачнымъ. Гг. книгопродавцы благоволятъ относиться за этою книгою, въ Спб., на Малой Садовой, въ домъ Сутугина, о квартиру спросить у дворника, а въ Москвѣ: въ контору газеты «Парусъ». Продастся пачками по 10 экземпляровъ, съ уступкою 20%. На комиссію не отпущается».

Одинъ изъ московскихъ жителей, пріѣзжавшій въ то время въ Петербургъ, указалъ намъ это объявленіе, съ такими словами: «посмотрите, что у васъ дѣлается; какъ вамъ не совѣстно допускать и переносить подобныя вещи? Положимъ, вы здѣсь все не чувствуете славянофиламъ, вы смѣтаетесь надъ ихъ кнѣзьями; но какъ же можно позволять себѣ издѣваться до такой степени надъ людьми почтенными и благонамѣренными? Кто это рѣшился у васъ отпустить такую пошлую и грубую шутку на счетъ К. С. Аксакова?»

— Но почему же вы думаете, что это шутка, — возражали мы и наши пріятелѣ. — К. С. Аксаковъ дѣйствительно писалъ «Олега», и отрывокъ изъ него былъ помѣщенъ въ «Телескопѣ», — это мы знаемъ. Почему же не могъ онъ издать его теперь?

— «Помилуйте, возражалъ московскій житель, — за кого же вы принимаете насъ, москвичей? Какая надобность Аксакову издавать пародію, писанную 25 лѣтъ назадъ и давно потерявшую весь свой букетъ, весь смыслъ, скучную и непонятную теперь безъ комментарій? Да если бы, наконецъ, онъ и захотѣлъ издать ее, то неужели онъ отдалъ бы ее *любителю*, съ которымъ надо имѣть дѣло черезъ дворника? Что же это за любитель, обитающій въ Малой Садовой и не смѣющій публиковать въ газетахъ своей фамиліи? Зачѣмъ онъ вѣшиваесть тутъ дворника? Неужели не нашелъ онъ у васъ въ Петербургѣ ни одного книжнаго магазина, въ которомъ бы могъ оставить на комиссію свое изданіе? Вѣдь онъ уступаетъ же 20%; за эту уступку всякій книгопродавецъ у него взялъ бы книги на комиссію. Нѣтъ, что ни говорите, а это мистифкація, и притомъ не остроумная».

Мы не могли спорить съ московскимъ нашимъ знакомымъ, потому что никто изъ насъ не зналъ о дѣйствительномъ существованіи книги г. Аксакова, а объявленіе въ самомъ дѣлѣ поражаело своей странной нескладицею и даже недостаткомъ смысла. Рѣшились одна-

мо навести справки, чтобы успокоить негодование московского гостя. Одинъ изъ нашихъ пріятелей отправился на другой день въ домъ Сутугина, ходилъ долгое время по двору, наконецъ отыскалъ какого-то мужика, повидимому дворника. Произошла сцена.

— Скажи пожалуйста, гдѣ тутъ квартира любителя?

— Какого вамъ?

— Какого? Я и самъ не знаю, какого... Просто — любителя.

— Да какъ его зовутъ?

— А почему я знаю! Любителя, сказано, спросить у дворника.

— Никакого такого нѣтъ. Любимова развѣ?

— Ну, можетъ и Любимова. А гдѣ Любимова квартира?

— Да нѣтъ, тутъ Любимова нѣтъ.

— Такъ что же ты говоришь?

— Да я такъ говорю, что, молъ, вы видно сами не знаете, чего ищете. ... Вотъ что....

И дворникъ повернулся спиной къ искателю квартиры любителя. Эта неудача еще болѣе убѣдила насъ, что объявленіе въ «Спб. Вѣдомостяхъ» было грубою мистификаціей. Москвичъ торжествовалъ, укоря Петербургъ въ невеликатности.

Вдругъ, — представьте себѣ наше изумленіе — въ книжныхъ магазинахъ дѣйствительно появляется книга, которую, по неприличному объявленію, мы сочли за мистификацію. Мало того въ предисловіи и на оберткѣ книжки мы нашли тоже самое объявленіе, надъ которымъ недавно забавлялись въ «Вѣдомостяхъ». О, какъ мы сожалѣли, что московскій житель уже уѣхалъ въ то время изъ Петербурга! Съ какимъ торжествомъ показали бы мы ему эту книжку, обличающую его въ несправедливомъ обвиненіи!

Но что же такое эта пародія, являющаяся на свѣтъ божій въ такихъ странныхъ условіяхъ? Объясненіе ея заключается отчасти въ предисловіи автора, помѣщенномъ въ началѣ книги. Изъ него узнаемъ мы, что К. С. Аксаковъ въ тридцатыхъ годахъ увлекался мнѣніями скептической школы Каченовскаго и въ то время написалъ, съ одобренія товарищей, пародію, въ которой, «преувеличивая до крайности мнѣнія противниковъ, представилъ Олега государемъ эпохи развитой и просвѣщенной». Въѣсть съ тѣмъ г. Аксаковъ хотѣлъ своей пародіей поразить «стихотворныя идеализаціи исторіи», бывшія тогда въ модѣ, и посмѣяться «вообще надъ звучностью стиховъ, иными принимаемую еще и теперь за поэзію». Всѣ эти цѣли, можетъ быть, прекрасно достигались пародією въ свое время; но теперь ни одна изъ нихъ не достигается. Не говоримъ о томъ, что нынѣ ужъ потеряла свое значеніе борьба Каченовскаго съ его против-

жами, и что самъ г. Аксаковъ отказался, какъ онъ говоритъ, отъ миѣннй профессора, которыми тогда увлекся; но замѣтимъ, что сама пародія не можетъ назваться очень удачною. Она во-первыхъ ужасно длинна; какая пародія можетъ остаться легкою и забавною, растянувшись на 100 страницъ? Кромѣ того — она безцвѣтна и слаба до того, что можетъ представить собою даже орудіе противъ того, въ защиту чего вооружался г. Аксаковъ. Содержаніе, видите, заключается въ томъ, что Олегу, среди его мечтаній о славі въ потомствѣ, является духъ, говорящій:

Тебя свѣтъ и помянуть не будетъ!
 Напрасно мечтаешь, Олегъ!
 Твои онъ дѣла позабудетъ,
 Тебя онъ жестоко осудитъ;
 Въ твоёмъ сомнѣваться онъ будетъ
 Существованіи, Олегъ!

Раздраженный такими виршами, Олегъ хочетъ увѣковѣчить себя въ потомствѣ взятіемъ Цареграда, отправляется въ походъ, подходит къ стѣнамъ греческой столицы, приводитъ грековъ въ ужасъ, но не вступаетъ въ городъ, потому что обольщается красотою греческой царевны, которая хочетъ выйти за него за-мужъ. Все это могло бы быть очень забавно и имѣть прочное значеніе, еслибъ г. Аксаковъ умѣлъ здѣсь резюмировать и осмѣять существенныя положенія противниковъ и поразить крайности ихъ миѣннй. Онъ этого не сдѣлалъ, а напалъ на мелочи, въ родѣ сказки о походѣ Олега подъ Царьградъ въ ладахъ на колесахъ... Кромѣ того, вся пародія написана въ тонѣ серьезномъ до вялости; Олегъ, и всѣ лица пародіи, являясь довольно нелѣпыми, въ тоже время однако вовсе не забавны; это ужъ доказываетъ недостатокъ юмора въ авторѣ. Безцвѣтность пародіи до того велика, что мы сами пришли въ недоумѣніе, надъ кѣмъ хотѣлъ посмѣяться авторъ, — когда прочли его эпилогъ, состоящій изъ слѣдующихъ стиховъ.

Профессоръ (*читаетъ лекцію*).
 Помишуйте! Какимъ Олегъ? Все сказки!
 Олегъ никакъ не могъ существовать.
 Вотъ говорятъ, что съ парусами въ лодкахъ
 Онъ по суку ходилъ до Цареграда,
 Да тамъ еще и щить прибилъ. Ну вотъ
 Какія басни! Имъ совсѣмъ не мѣсто
 Въ исторіи. И самъ Олегъ не больше
 Какъ мифъ, ну просто мифъ. Да это даже

И спору подлежать не может. Впрочем
 И времена позднѣйшія сомнѣнью
 Подвержены; и весь періодъ этотъ
 Въ туманѣ. Да! — Ну, да объ этомъ послѣ.

Профессоръ выходитъ дѣйствительно смѣшонъ, — гораздо смѣшнѣе Олега, и мы не вдругъ догадались, что г. Аксаковъ хотѣлъ тутъ представить — не то, каковъ былъ профессоръ на самомъ дѣлѣ, а то, какъ его разумѣли противники. А можетъ быть, г. Аксаковъ полагаетъ, что профессоръ вовсе не смѣшонъ въ этихъ стихахъ, а напротивъ, — разсуждаетъ очень основательно? Ходъ всей пародіи составляетъ подозрѣвать нѣчто подобное.

«Стихотворныя идеализаціи исторіи» также не могли быть убиты пародіею г. Аксакова, потому что она рѣшительно лишена всякой типичности. Это совсѣмъ не то, что, напр. фельетонъ Булгарина, сочиненный Гоголемъ; всѣ монологи Олега, пѣсни кievлянъ, рѣчи волхва и проч. состоятъ большею частію изъ словъ, брошенныхъ на вѣтеръ. Они скучны и утомительны, и въ этомъ похожи на наши драмы тридцатыхъ годовъ; по почти только этимъ и ограничивается сходство.

Что касается до *звучности* стиховъ, то она могла быть признана въ пародіи г. Аксакова развѣ только въ тридцатыхъ годахъ. *Въ настоящее время, когда уже русскій стихъ такъ выработался, когда у насъ есть столько рыцарей звонкаго стиха, въ родѣ гг. Хомякова, Бенедиктова и др., когда уже въ «Весельчакѣ» номѣщаются очень звучныя пародіи, — стихъ г. Аксакова долженъ быть признанъ крайне обыкновеннымъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ могутъ быть пародіею на звучность, напр. такіе стихи:*

Ты думаешь, Олегъ, что бури нѣтъ?
 Стремишься ты ко греческой столицѣ?
 Да! Тамъ царица; цѣль твоихъ желаній,
 Съ твоею страстью вмѣстѣ соединилась;
 И ты идешь. А если страсть твоя
 Раздѣлится опять съ твоею цѣлью?
 Тогда; но можетъ быть... Теперь скорее
 Къ стѣнамъ Царьграда!... Послѣ... Можетъ быть,
 Не будутъ къ намъ немилостивы боги...

Мы не находимъ, чтобъ эти стихи отличались особенной звучностью
 Не лучше, кажется, и эти:

Нѣтъ, нѣтъ! Есть другой возвышенный міръ,
Для васъ еще, склепы, закрытый;
И статую вамъ замѣняетъ кумиръ,
Какой нибудь ликъ Яровита.

Не лучше, кажется, и эти, хотя въ нихъ и нѣтъ хромыхъ
риемъ:

Какой жестокий приговоръ сказала
Ты намъ, прекрасная! Неправъ онъ, нѣтъ!
Ты, прекрасная, не знаешь,
Что кипитъ въ моей груди:
Ты несчастна, ты страдаешь, —
Горе, горе впереди!... и пр.

Такіе стихи можно пожалуй назвать *пародіей на пародію* для
только въ смыслѣ не *авторъ-опусъ*.

Впрочемъ, что строго судить самого г. Аксакова? Онъ самъ
сознается въ предисловіи, что «пародія эта потеряла современность,
а вмѣстѣ съ тѣмъ, *можетъ быть*, и занимательность». Только изда-
тель его, таинственный любитель, имѣющій сношенія съ публикою
черезъ дворника, упорно стоитъ на томъ, что пародія г. Аксакова
есть вѣчное достояніе искусства. Къ вышеприведеннымъ нами сло-
вамъ г. Аксакова онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Художественное
(какія странныя понятія о художественномъ!) никогда не терпитъ
занимательности, и не одно только современное интересуетъ въ
произведеніяхъ искусства».

Но г. Аксаковъ не увлекается похвалами любителя, и въ заклю-
ченіе своего предисловія скромно (опять я Бѣшенцова вспомнилъ)
говоритъ: «я полагаю, что для иныхъ будетъ любопытно узнать, ка-
кого рода литературныя пародіи писались въ 30-хъ годахъ нашего
столѣтія».

Очень любопытно!

О русскомъ государственномъ цвѣтѣ. Составилъ А.
Языковъ Спб. 1858 г.

Брошюра весьма серьезная и по необыкновенной важности своего
предмета заслуживающая особеннаго вниманія русской публики. Изъ

гласить: Петръ Санкте, стр. 25, de colorum usu in Judis circensibus. Такъ какъ дѣло идетъ о *евреяхъ*, то немудрено, что всякій читатель введенъ будетъ въ заблужденіе неправильной цитатой и подумаетъ, что въ самомъ дѣлѣ существовали Judi circenses. Считаемъ долгомъ благонамѣренной критики сообщить почтенному автору, что въ означенномъ мѣстѣ слѣдуетъ читать ludi а не Judi circenses, т. е. *игры въ циркѣ*, а не *сери*, принадлежащія къ цирку. Прибавимъ присемъ, что евреи и не называются по-латыни Judi, а Judaei.

И вотъ все, что мы могли замѣтить относительно недостатковъ книжки г. А. Языкова. Недостатки ничтожныя и обильно искупаемые ея несомнѣнными достоинствами! За изложеніемъ исторіи государственныхъ цвѣтовъ у другихъ народовъ г. А. Языковъ переходитъ къ исторіи собственно русскаго государственнаго цвѣта. Онъ приступаетъ къ своему историческому обзору съ благородной энергіей, полною патріотическихъ чувствованій, и предпосылаетъ изслѣдованію слѣдующія краснорѣчивыя строки: (стр. 16).

Россійская Имперія, съ главнымъ зерномъ кореннаго, единоплеменнаго, единонѣрнаго русскаго народа, окруженная широкою лентою своихъ земель, населенныхъ иными племенами, иной религіи, нравовъ и нарѣчій, но стремящихся къ этой сердцевинѣ, рано или поздно осынить миллионы своихъ поселенцевъ единымъ знаменемъ и выразить это единство свое наружнымъ символомъ—русскимъ Государственнымъ цвѣтомъ.

Обратить вниманіе на предметъ—какіе цвѣта у насъ, въ Россіи могутъ быть названы національными, *значитъ возбудить вопросъ новый*, для многихъ странный, для другихъ вовсе непонятный и *лишь для малаго числа доступный по своему значенію*; ибо до сего времени даже не было слышно самаго названія: «*русскій Государственный цвѣтъ*».

Строки эти обличаютъ уже всю громадность труда, предпринятаго г. А. Языковымъ; но слѣдующія страницы доказываютъ, что силы его достаточны для того, чтобы достойно совершить свое дѣло, и что онъ стоитъ совершенно въ уровень съ этимъ «новымъ вопросомъ, лишь для малаго числа доступнымъ по своему значенію». Съ непостижимымъ обиліемъ учености, открывающейся въ слишкомъ десяти цитатахъ изъ Лакіера, «Описанія монетъ» Шуберта, Журнала Петра Великаго, Книги Коммиссаріатскаго повѣстья 1762 г., Книги Числъ и проч., г. А. Языковъ разсматриваютъ исторію русскаго государственнаго цвѣта съ древнѣйшихъ временъ до настоящей минуты. Изъ его добросовѣстныхъ изысканій оказывается съ несомнѣнною очевидностью, что хотя у насъ до сихъ поръ и не было точнаго опредѣленія государственныхъ цвѣтовъ, такъ что да-

же въ 1856 г. въ Парижѣ, при заключеніи мира, выставленъ былъ русскій флагъ цвѣтовъ *бѣлаго, синяго и краснаго*, (стр. 17); но что правительство наше «никогда не отвергало существованія національных цвѣтовъ, ибо 1) въ 1856 г. герольды въ Москвѣ имѣли черезъ плечо шарфы съ длинными концами изъ трехъ цвѣтовъ: *чернаго, оранжеваго и бѣлаго*, и 2) «въ новѣйшее время замѣчено, что дворцовый флагъ, изображавшій до того орла на бѣломъ полѣ, замѣненъ орломъ на желтомъ полѣ». (стр. 35).

Представивъ такіе результаты своихъ неуспѣшныхъ изслѣдованій, г. А. Языковъ такъ заключаетъ свою брошюру: (стр. 36).

«Настоящія указанія на сей предметъ вообще имѣли цѣлю ознакомить нашъ народъ, сдѣлать для него доступнымъ и понятнымъ значеніе своего цвѣта.

Возбудить мысль никогда не поздно, и можно быть увѣреннымъ, что она *столь же быстро и прочно усвоится въ понятіяхъ, а потомъ и чувствахъ 60.000.000 нашего народа, какъ случилось тоже съ національнымъ гимномъ*: долгое время полковая музыка наша встрѣчала Императоровъ заимствованнымъ въ Англіи народнымъ гимномъ: *God save the King*; Императоръ Николай I устранилъ эту несообразность, приказавъ составить русскій народный гимнъ, на вѣки усвоенный въ душѣ и рѣчи русскаго: «Боже Царя храни!»

Не будемъ же чужды мысли, принятой всѣми народами *и пожелаемъ, чтобы наше Царство, сохранившее столь много особеннаго, удержало у себя и знаки, выражающіе отлѣчительно нашу народность*, усвоимъ себѣ нашъ національный цвѣтъ: *черный, оранжевый (золотой), бѣлый (серебряный)*. — Еще въ 4-й книгѣ Моисея, дѣтямъ Израиля повелѣвалось: «человѣкъ держайся по чину своему, по знаменіямъ, по домамъ отчествъ своихъ», (4 кн., гл. 2, ст. 2).

Въ самомъ дѣлѣ, тяжкая грусть невольно овладѣваетъ патристическимъ сердцемъ, когда подумаешь, какъ много есть прекрасныхъ, цѣнныхъ глубокаго нравственнаго смысла знаковъ, которые нынѣ существуютъ для насъ только въ своей формѣ, безъ духа жизни, Напр. безпрестанно мы видимъ, что чиновники и офицеры, привѣтствуя другъ друга при встрѣчѣ, прикладываютъ руку къ кокардѣ; но многимъ ли приходило въ голову спросить себя: какой внутренній смыслъ заключаетъ въ себѣ это внѣшнее дѣйствіе? Къ счастью Россіи, въ ней появляются время отъ времени люди съ философскимъ складомъ ума, умѣющіе изыскивать коренныя причины явленій. Такихъ человѣкомъ является въ настоящее время г. Языковъ; вотъ какъ объясняетъ онъ указанное нами явленіе: «имѣя кокарду и для привѣтствія при встрѣчѣ, указывая рукою на нея (на нее?), имѣютъ въ виду выразить принадлежность свою къ такой-то націи». (стр. 11).

Другой примѣръ: кому приходило на мысль спросить себя, — что означаютъ бѣлый, черный и красный цвѣтъ на верстовыхъ столбахъ, будкахъ, шлагбаумахъ, и пр. До сихъ поръ, по словамъ г. А. Языкова, полагали, «что какъ главная цѣль шлагбаума есть задержаніе проѣзжаго, а цвѣта эти ярко отличаются, *то и необходимо*, чтобы они, также какъ и верстовые столбы, замѣтны были издали (читатель долженъ простить автору не совсѣмъ логическое построение періода), подобно тому, какъ тѣже цвѣта для той же цѣли употребляются въ означеніи межевыхъ линій». Но такое мнѣніе, очевидно, недостаточно: г. Языковъ доказываетъ, что здѣсь выразился русскій государственный цвѣтъ, и въ подтвержденіе этого рассказываетъ слѣдующій случай (стр. 32).

Замѣчательный случай бывшій въ послѣдствіи: однажды Императоръ Николай I, проѣзжая мимо одной будки, замѣтилъ Инженерному Департаменту, что будка эта не окрашена всѣми русскими Государственными цвѣтами, ибо тамъ значились только свѣжія краски бѣлая и черная, но красной полосы не успѣли еще провести. Здѣсь, можно сказать, въ первый разъ высказаны были Царствующимъ Лицемъ слова: *русскій Государственный цвѣтъ*.

Вообще — какъ мало развито въ нашемъ народѣ понятіе о значеніи кокарды! Съ душевнымъ прискорбіемъ прочли мы въ книгѣ г. А. Языкова слѣдующія строки (стр. 34):

Въ послѣдствіи, когда въ Царствованіе Императора Николая 1-го приказано было кокарду имѣть офицерамъ на фуражкахъ, то не многимъ приходило даже на мысль спросить себя, чтожъ выражаетъ кокарда?

Скажемъ болѣе: нынѣ Царствующій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ приказалъ имѣть кокарду на форменныхъ фуражкахъ гражданскимъ чиновникамъ; до состоянія сего повелѣнія слышались въ публикѣ вопросы: какую дадутъ кокарду чиновникамъ, на Владимірской или Анненской лентѣ? Такіе *общественные толки* могутъ свидѣтельствовать, что у насъ еще не установилось понятіе о значеніи кокарды и ея цвѣта, когда инымъ казалось, что въ одномъ и томъ же Государствѣ, у одного и того же народа, можетъ быть двѣ кокарды: да и до сихъ поръ, когда и военные и гражданскіе имѣютъ форменныя кокарды, въ насъ нѣтъ еще сознанія: что онѣ выражаютъ? Для того же, кто знаетъ, какъ высоко цѣнится въ понятіи другихъ народовъ значеніе національной кокарды, прискорбно, что нашъ народъ не усвоиваетъ себѣ въ семь смыслѣ народнаго о томъ значенія».

Будемъ надѣяться, что добросовѣстный и громаднѣй (несмотря на малость брошюры) трудъ г. А. Языкова возвыситъ наконецъ наше народное сознаніе до степени пониманія своего государственнаго

Т. LXXIII. Отд. III.

цвѣта. Желаетъ брошюркѣ г. А. Языкова быстро распространиться, подобно русскому народному гимну, между всѣми 60-ю миллионами русскаго народа и принести достойные плоды!!

Но чтобы результаты изслѣдованій г. А. Языкова были вполнѣ благотѣльны, мы рѣшаемся напомнить ему, чтобъ онъ, въ будущихъ многочисленныхъ изданіяхъ своей брошюрки, исправилъ незначительные недосмотры, скромно замѣченные нами на ея седьмой страницѣ.

ПОЛИТИКА.

Характеръ историческаго прогресса. — Обзоръ состоянія Западной Европы. —
Положеніе дѣлъ во Франціи. — Парламентская реформа въ Англіи.

Последнее десятилѣтіе было очень тяжело для друзей свѣта и прогресса въ Западной Европѣ. Но что же тутъ удивительнаго, что рѣдкаго? Въ какомъ же вѣкѣ не бывало въ двадцать разъ больше мрачныхъ лѣтъ, нежели свѣтлыхъ? Людямъ нашего поколѣнія въ Западной Европѣ пришлось перенести очень много тяжелыхъ испытаній; но въ какомъ же поколѣніи жизнь людей, жславшихъ добра, не отравлялась почти постоянно испытаніями, быть можетъ, еще болѣе тяжелыми? Исторія любитъ прикрашивать прошедшее, какъ старыя кокетки любятъ говорить, что нѣкогда наслаждались непрерывнымъ рядомъ сладкихъ побѣдъ; но люди, бывшіе свидѣтелями ихъ прошедшаго, слушаютъ этотъ вздоръ съ улыбкой, думая про себя: «однакоже самохвальство очень легкое дѣло; мы помнимъ, что никогда вы не были такъ хороши, какъ воображаете». Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же въ прошедшемъ какой бы то ни было страны Западной Европы найдутся десятилѣтія хорошаго времени? Припомнимъ хотя послѣднія полтора столѣтія. О Германіи, Италіи, Испаніи нечего и говорить: ихъ исторія за все это время очень незавидна, и счастливыхъ годовъ онѣ могутъ искать развѣ въ будущихъ годахъ XIX столѣтія, а никакъ не въ прошедшихъ его годахъ и не въ XVIII вѣкѣ. Припомнимъ судьбы двухъ народовъ, жизнь которыхъ до сихъ поръ была удачнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ; кстати же, исторія Франціи и Англіи нѣсколько знакомѣ намъ, Русскимъ, и дѣло будетъ понятно безъ

длинныхъ разсужденій. Попробуемъ подводить итоги для жизни каждаго поколѣнія этихъ племенъ, начиная съ людей, бывшихъ прадедами дедамъ нашихъ современниковъ.

Что видѣлъ вокругъ себя въ свою жизнь французъ, бывшій старикомъ въ 1730 году, молодымъ человѣкомъ въ 1700? Прежде всего онъ видѣлъ страшное истощеніе Франціи предшествовавшими войнами, которыя по разсказамъ его отцевъ были славны для французскаго оружія, но какъ онъ замѣчаетъ самъ, не принесли Франціи ровно никакой пользы, кромѣ чести разориться самой для опустошенія Нидерландовъ и Западной Германіи; потомъ онъ видитъ пораженіе французскихъ войскъ въ современныхъ ему битвахъ Евгениемъ Савойскимъ и герцогомъ Марльборо, видитъ постыдный для Франціи Утрехтскій миръ и предшествовавшее ему униженіе французскаго короля передъ какимъ нибудь Гейнзюсомъ. Престарѣлымъ королемъ овладѣли іезуиты, можно свободно кошунствовать надъ всѣмъ святымъ, попирая ногами всѣ нравственные законы, надобно только льстить іезуитамъ, — и будешь могущественъ, богатъ, всѣмъ уважаемъ. Ему говорятъ, будто бы прежде было лучше, но онъ вспоминаетъ, что первымъ впечатлѣніемъ его дѣтства было: отмиженіе Нантскаго эдикта, казни несчастныхъ гугенотовъ, между которыми благословляли судьбу тѣ, которые могли бѣжать изъ любимой родины. Теперь драгоннады продолжаются, къ нимъ присоединилось преслѣдованіе яansenистовъ, и человѣкъ, который исповѣдуются предъ смертью не у іезуита, не будетъ похороненъ по христіанскому обычаю. Все государство предано произволу кровопійцъ, называющихся откупщиками, интендантами; министры заботятся только о томъ, чтобы угодить господамъ Менсенонамъ; народъ изнемогаетъ подъ бременемъ невыносимыхъ налоговъ, а въ казнѣ все также нѣтъ ни копѣйки денегъ и съ каждымъ годомъ растутъ долги. Хорошо было при Людовикѣ XIV, еще лучше сдѣлалось при герцогѣ-регентѣ. Пріятное тридцатилѣтіе! Но все таки оно лучше слѣдующихъ тридцати лѣтъ, а эти тридцать лѣтъ, кончающіеся позорнымъ пораженіемъ при Росбахѣ, все таки лучше слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ на столько же, на сколько маркиза Помпадуръ была лучше графини дю-Барри. Но если первая половина жизни третьяго поколѣнія была еще тяжелѣе, нежели жизнь втораго, которая въ свою очередь была еще несчастнѣе жизни перваго поколѣнія, то вотъ является надежда, что послѣдніе пятнадцать лѣтъ будутъ для внуковъ лучше, нежели первые: новый король человѣкъ добрый, желающій блага народу. Кто же является при немъ всесильнымъ министромъ? Старый весельчакъ графъ Морепан, который былъ слишкомъ дурень даже для прежнихъ временъ. Хороши надежды! «Но сила общественнаго мнѣнія поддер-

жить добраго короля въ его благихъ намѣреніяхъ». Дѣйствительно, потребности, высказываемыя общественнымъ мнѣніемъ, даютъ такую сильную опору честнымъ людямъ, что Тюрго и Мальзербъ едва могутъ удержаться въ министерствѣ нѣсколько мѣсяцевъ и удаляются, не успѣвъ сдѣлать почти ровно ничего. Далѣе ходъ событій извѣстенъ; вѣроятно онъ былъ хорошъ, если какъ разъ подъ конецъ третьяго тридцатилѣтія привелъ къ ужасному взрыву. Ослѣдующихъ четырехъ или пяти годахъ мы не будемъ говорить; но вѣроятно и они были не очень счастливы, если кончились возникновеніемъ позорной Директоріи съ ея безстыднымъ Баррассомъ, промѣнявъ котораго на Наполеона-Бонапарте казалось уже огромнымъ выигрышемъ. При Наполеонѣ громъ побѣдъ долго тѣшилъ хвастуновъ; но, озираясь вокругъ себя, разсудительный человѣкъ видѣлъ, что во Франціи уже не оставалось молодыхъ людей, которые всѣ, кромѣ калякъ и уродовъ, забраны конскрипціею. Всякая мысль, не только свободная, но иррѣшительно всякая, преслѣдовалась во Франціи; всѣ права были отняты у гражданъ; надъ всею строною тяготѣлъ деспотизмъ. Побѣды были такъ удачны, что кончились вторженіемъ враговъ во Францію. Изнуренная страна не имѣла силъ защищаться и правленіе Наполеона было вообще такъ хорошо, что французы привѣтствовали своихъ завоевателей, какъ освободителей. Наполеона смѣнили Бурбоны, которые заставили Францію жалѣть о немъ. Деспотъ, избавителями отъ котораго были чужеземцы, явился избавителемъ отъ Бурбоновъ и былъ встрѣченъ съ такимъ же восторгомъ, какимъ за годъ встрѣчены были враги, освобождавшіе отъ него. Затѣмъ послѣдовало новое завоеваніе Франціи, которая, при всемъ страшномъ своемъ изнуреніи, принуждена была заплатить огромную контрибуцію и содержать иностранныя арміи. Въ этомъ положеніи застаетъ Францію 1820 годъ, которымъ кончается четвертое тридцатилѣтіе. Человѣку, желавшему добра, легче ли было жить въ это время, нежели какъ было его отцу, дѣду, прадѣду и прапрадѣду? Бурбоны съ самаго начала заставили жалѣть о Наполеонѣ, освободиться отъ котораго было пріятно для Франціи даже цѣною своего завоеванія иностранцами; но каково бы ни было сначала правленіе Бурбоновъ, все таки полнаго своего совершенства оно достигло именно съ 1820 года, которымъ начинается жизнь новаго поколѣнія: до той поры реставрація колебалась между крайними фанатиками и людьми, которые назывались умѣренными по сравненію съ ними. Теперь умѣренные (дѣйствовавшіе впрочемъ такъ, что ужасался и совѣстился даже самъ Фуше, человѣкъ извѣстной репутаціи) были совершенно оттѣснены тою партіею, которая своею яростію набрасывала на нихъ видъ умѣренности. Что говорилось и дѣлалось въ это время, съ 1820 до

1830 года, то было въ рѣдкость, даже при Людовикѣ XV. А для того, чтобы оцѣнить слѣдующіе 18 лѣтъ, довольно сказать, что по общему мнѣнію людей, содѣйствовавшихъ перевороту 1830 года, Франція едва ли много выиграла черезъ него; а многіе изъ самыхъ либеральныхъ людей находили, что прежде было едва ли не лучше. Да и то сказать, можно ли похвалить такое положеніе, отъ котораго въ 30 лѣтъ происходятъ двѣ революціи? Чѣмъ же для пяти предшествующихъ поколѣній французовъ жизнь была лучше, нежели для нынѣшнихъ?

«Но что же вы говорите о Франціи? замѣтятъ многіе изъ читателей: — французская исторія дѣйствительно представляетъ очень мало отраднаго: тамъ вѣчныя смѣны угнетенія и анархія, приводящей къ другому угнетенію. Во Франціи дѣйствительно никогда не было легко жить, тутъ не нужно никакихъ доказательствъ. Вотъ другое дѣло Англія, — въ ней порядокъ, въ ней свобода, въ ней непрерывный прогрессъ, столь же быстрый какъ и мирный». Мы рады слушать утѣшенія. Очень пріятно, если англійская исторія окажется отраднѣе французской. Но только жаль, что очень многіе увѣряютъ совершенно въ противномъ: они утверждаютъ, будто бы въ Англіи массѣ народа всегда было тяжелѣе жить, нежели во Франціи. Быть можетъ они ошибаются, но самое существованіе ихъ мнѣнія уже доказываетъ, что слишкомъ большаго превосходства надъ французской жизнью англійская не имѣетъ, иначе ошибка ихъ была бы невозможна: вѣдь можно спорить развѣ о томъ, въ чемъ больше горечи, въ полыни или въ горчицѣ; если бы полынь сравнивалась съ сахаромъ, никто бы и спорить не сталъ. Посмотримъ же на исторію этой Англіи, столько хвальной одними, столько ненавистной другимъ.

Что видитъ вокругъ себя англичанинъ, начинающій самостоятельную дѣятельность въ 1700 году? (Мы уже не говоримъ, что видитъ ирландецъ, — пусть рѣчь идетъ только объ англичанинѣ, для котораго ирландецъ тогда былъ хуже собаки). Первая пріятность для человѣка, хотя съ нѣкоторымъ чувствомъ справедливости и доброжелательства, состоитъ въ томъ, что гораздо болѣе, нежели девять десятыхъ частей нація совершенно лишены всякой недвижной собственности и могутъ быть уподоблены тому греческому мудрецу, изрѣченіе котораго извѣстно всѣмъ намъ въ латинскомъ переводѣ: *omnia mea mecum porto*. Впрочемъ это удовольствіе вовсе не составляетъ привилегіи человѣка, жизнью котораго мы начинаемъ нашъ очеркъ: тоже самое удовольствіе доставляетъ зрѣлище родины и его сыну, и внуку, и правнуку, и праправнуку. Итакъ вопросъ о положеніи массы простолюдиновъ отбросимъ въ сторону: вѣроятно оно для Англіи

такъ и слѣдуетъ быть, если искони вѣковъ до нашего времени такъ остается. Посмотримъ на то, какъ удовлетворяются нравственныя потребности образованнаго сословія. Нашъ англичанинъ 1700—1730 годовъ читалъ между прочимъ Локка, а можетъ быть и Мильтона; оба они растолковали ему, что свобода совѣсти дѣло священное, что когда одна секта присвоиваетъ себѣ всѣ государственныя права, то хорошаго ничего нельзя ожидать. А между тѣмъ не только нашему англичанину, но и его сыну, и его внуку, и даже правнуку не удастся видѣть признанія политическихъ правъ за людьми несогласными съ оксфордскимъ изуверствомъ: этотъ гостинецъ англійская исторія бережетъ только уже для второй четверти XIX столѣтія.

Значить, и объ этомъ толковать нечего: вѣроятно стѣсненіе иновѣрцевъ не должно возмущать англичанина съ гуманнымъ образомъ мыслей. Притомъ же надобно полагать, что онъ утѣшится очаровательнымъ зрѣлищемъ свободнаго парламентскаго правленія. Въ самомъ дѣлѣ, умилятельно и подумать объ англійскомъ парламентѣ: собираются представители націй, на ихъ мудрое и благонамѣренное обсужденіе предоставляются всѣ дѣла, — превосходно, но только и тутъ есть для нашего англичанина 1700—1730 годовъ небольшое огорченіе. Въ палатѣ общинъ изъ десяти членовъ девятѣро назначаются вовсе не націею, а нѣсколькими лордами, и обязаны подавать голоса, какъ прикажутъ имъ хозяева. Притомъ ни министры королевы Анны, ни министры Георга I, не хотятъ подчиняться парламенту, а напротивъ, или подкупаютъ его, или, если не удастся подкупить, просто-на-просто не слушаютъ его и распоряжаются государственными дѣлами, какъ сами хотятъ; и великолѣпный спектакль парламентскаго правленія почти постоянно оказывается чистою комедіею, смыслъ которой — полнѣйшій произволъ придворнаго управленія, не только въ это, но и въ слѣдующее тридцатилѣтіе, такъ что сыну при Георгѣ II такъ же мало отрады, какъ и отцу при Аннѣ и Георгѣ I. Но вотъ въ молодые годы внука начинается правленіе Георга III. Хотя теперь не обратится ли парламентская комедія въ серьезное дѣло? Вотъ нарушены коренныя законы Англіи въ дѣлѣ Вилькса. Много дѣтъ волнуется Лондонъ, волнуется все государство въ негодованіи на преступныхъ министровъ; гремятъ ораторы въ парламентѣ; письма страшнаго Юніуса разятъ преступниковъ, какъ частые удары молніи; а преступныя министры, ненавидимыя націею, улыбаются и преспокойно себѣ управляютъ Англіей. Мало того, что они нарушаютъ законы въ Англіи, они хотятъ обратить въ рабовъ американцевъ, чтобы при помощи этихъ рабовъ, по знаменитому выраженію лорда Четема, обратить потомъ въ рабство и самую Англію. Вся Англія негодуеетъ сильнѣе прежняго, вся сочувствуетъ

обижаемымъ американцамъ; а министры все таки продолжаютъ свое дѣло, улыбаясь въ отвѣтъ на проклятія народа, раздающіяся по улицамъ и грозныя рѣчи великихъ ораторовъ, гремящія въ парламентѣ. Министры таки сдѣлали свое дѣло, довели американцевъ до возстанія: братья рѣжутъ братьевъ, и европейскіе братья въ добавокъ нанимаютъ краснокожихъ, чтобы они скальпировали американскихъ братьевъ. Тутъ зрѣлище становится еще отраднѣе: тѣ самые англичане, которые негодовали на угнетеніе американцевъ и поощряли ихъ къ сопротивленію, теперь одушевлены уже враждою къ нимъ за то, что они не дали поработить себя и не захотѣли быть орудіемъ порабощенія для Англіи. Среди этихъ сценъ проходитъ жизнь внука. При правнукѣ онѣ продолжаютъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и растягиваются еще на большее число лѣтъ. Исторія, бывшая съ американцами, повторяется относительно французовъ: начинается слишкомъ двадцатилѣтняя война съ Франціею за то, что французы, наслушавшись англійскихъ рѣчей о свободѣ, произвели у себя революцію, къ которой ободряли ихъ сами же англичане: видите ли, Англія погибнетъ, если не будутъ возстановлены Бурбоны, которыхъ Англія имѣла непримиримыми своими врагами до самой минуты ихъ паденія. Льется двадцать лѣтъ англійская кровь въ Испаніи, въ Голландіи, во Франціи, обогряются ею всѣ моря, Англія облагаетъ себя двойной тяжестью податей, увеличиваетъ до баснословной цифры свой долгъ, чтобы возстановить Бурбоновъ, которые всегда были и опять будутъ ея врагами. Занятымъ войною англичанамъ уже не до того, чтобы думать о внутреннихъ улучшеніяхъ. Мало того, что некогда думать объ улучшеніяхъ, — подъ вліяніемъ односторонняго напряженія силъ на внѣшнюю войну, внутреннія учрежденія Англіи едва ли не ослабѣваютъ; по крайней мѣрѣ послѣ войны, когда вниманіе снова обращается къ внутреннимъ дѣламъ, Англія видитъ въ своемъ правительствѣ рѣшительное стремленіе къ подавленію правъ, которыми пользовалась нація. Въ 1820 году, праправнукъ, начинающій жить, находитъ свою родину во власти обскурантовъ и реакціонеровъ, давно уже господствующихъ въ ней. Наконецъ избытокъ угнетенія пробуждаетъ націю отъ долгой политической дремоты и возникаетъ стремленіе къ реформамъ. Есть народы, которые могутъ завидовать англичанамъ во второй четверти нашего вѣка; но для самихъ англичанъ мало утѣшенія въ томъ, что у другихъ хуже, нежели у нихъ: какъ бѣдны и узки достигаемыя ими реформы, и какихъ долгихъ хлопотъ стоитъ каждая изъ нихъ! Нѣсколько десятковъ лѣтъ нужно волноваться цѣлому государству, чтобы добиться отміны злоупотребленія, и потомъ оказывается, что злоупотребленіе осталось почти

во всей своей силѣ. Великимъ дѣломъ въ жизни поколѣнія 1820—1850 годовъ была парламентская реформа, необходимость которой чувствовалась по крайней мѣрѣ уже лѣтъ сорокъ, да и та была произведена въ такомъ жалкомъ размѣрѣ, что осталось почти неприкосновеннымъ зло, противъ котораго она была направлена. Палата общинъ попрежнему осталась представительницею почти одного только аристократическаго интереса; не только простолюдины не пріобрѣли доступа въ нее своимъ депутатамъ, но и среднее сословіе, которое въ Англіи богаче, просвѣщеннѣе и многочисленнѣе, нежели гдѣ нибудь, почти не имѣло въ ней голоса до 1850 года. Реформа была такъ узка и бѣдна, что ни мало не удовлетворила требованіямъ проницательныхъ людей, которые потомъ почти 30 лѣтъ напрасно выбивались изъ силъ, чтобы дополнить ее. Она была произведена такъ неудовлетворительно, что первымъ результатомъ ея было представленіе господства той самой партіи, которая противилась ей. Другимъ важнымъ дѣломъ было отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ; оно составляетъ до сихъ поръ предметъ пышныхъ похвалъ; но нашъ англичанинъ 1820—1850 годовъ только подъ конецъ своей жизни дождался этой реформы, которая требовалась еще его отцемъ; стало быть свою жизнь провелъ онъ въ тяжеломъ ожиданіи, да и подъ конецъ жизни чѣмъ онъ былъ утѣшенъ? — тѣмъ, что славу улучшенія похитилъ челоувѣкъ, всѣми силами противившійся ему до послѣдней минуты, а люди, которые были истинными виновниками улучшенія, остались попрежнему предметомъ презрѣнія обѣихъ господствующихъ партій. Да, мы забыли еще одну пріятность для англичанина 1820—1850 годовъ. При немъ Англія сдѣлалась самостоятельною державою, а до тѣхъ поръ, съ самаго начала прошлаго вѣка, вся ея политика подчинялась надобностямъ ганноверскаго курфирста, который постоянно жертвовалъ интересами Англіи интересамъ своей нѣмецкой области. Хорошо состояніе государства, 120 лѣтъ терпящаго такую обременительную нелѣпицу. Мы знаемъ, что такой отзывъ о развитіи англійскихъ учреждений въ 1820—1850 годахъ несогласенъ съ господствующимъ мнѣніемъ; но онъ покажется менѣе страннымъ, когда намъ представится случай ближе всмотрѣться въ исторію Англіи за послѣднія 40 лѣтъ. Да и теперь читатель можетъ быть не осудить его, если подумаетъ о томъ, что реформа 1832 года оставила палату общинъ, попрежнему, во власти виговъ и тори, и что только нынѣ начинаетъ возникать въ ней независимая отъ этихъ узкихъ котерій партія, служащая представительницею средняго сословія; также если вспомнить, что Робертъ Пиль, отмѣняя хлѣбные законы, только воспользовался чужими трудами, которымъ до тѣхъ поръ всячески противился; а Кобденъ, которому Англія дѣйстви-

тельно обязана этимъ великимъ дѣломъ, до сихъ поръ не удостоившись имѣть никакого участія въ правительствѣ. Хорошъ порядокъ дѣлъ, когда лучший министръ вынуждается къ согласію на отиѣну вопіющихъ злоупотребленій только страхомъ революціи!

«Къ чему же ведетъ этотъ очеркъ? Неужели вы хотите доказать, что въ исторіи Англіи 1820 — 1850 годовъ не было ничего хорошаго?» Напротивъ, хорошаго было сдѣлано очень много и въ это время, и въ прежніе періоды, не только въ Англіи, не только во Франціи, но даже и въ Неаполѣ, и въ Португаліи, и въ самой Турціи. Мы вовсе не отвергаемъ прогресса, а только хотимъ показать, что нашему поколѣнію жить ни чуть не тяжелѣе, нежели какому бы то ни было изъ предъидущихъ поколѣній; и что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ мыслящіе люди были ровно настолько же довольны ходомъ и характеромъ событій, во все продолженіе ихъ жизни, насколько могутъ быть довольны теперь; что и въ прежнія времена удачи для нихъ были очень рѣдки и давались имъ судьбою въ очень урѣзанномъ видѣ; что прогрессъ всегда и вездѣ происходилъ очень медленно, сопровождаясь цѣлою тучею самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и случаевъ, безпрестанно перерываясь видимымъ господствомъ реакціи, или по крайней мѣрѣ застоємъ.

А прогресса мы не только не думаемъ отрицать, напротивъ, даже не понимаемъ, какъ можно сомнѣваться въ его неизбѣжности при какихъ бы то ни было задержкахъ и неудачахъ. Законъ прогресса — ни больше ни меньше, какъ чисто физическая необходимость, въ родѣ необходимости скаламъ понемногу вывѣтриваться, рѣкамъ стекать съ горныхъ возвышенностей въ низменности, воднымъ парамъ подниматься вверхъ, дождю падать внизъ. Прогрессъ — просто законъ нарастанія. Ничто не остается безъ слѣда; послѣ каждаго процесса образуются какія нибудь остатки, при помощи которыхъ или бываетъ легче повторяться тому же процессу, или открывается возможность для другаго процесса, которому нельзя было бы произойти безъ помощи этого удобренія, и который слѣдовательно принадлежитъ уже къ высшему порядку, нежели прежній. Элементы и процессы въ исторіи общества гораздо сложнѣе, нежели въ исторіи природы, и поѣтому слѣдить за ихъ законами гораздо труднѣе; но во всѣхъ сферахъ жизни законы одинаковы. Отвергать прогрессъ — такая же нелѣпость, какъ отвергать силу тяготѣнія, или силу химическаго сродства.

Историческій прогрессъ совершается медленно и тяжело, — вотъ все, что мы хотимъ сказать; такъ медленно, что если мы будемъ ограничиваться слишкомъ короткими періодами, то колебанія, производимыя въ поступательномъ ходѣ исторіи случайностями обстоя-

тельствъ, могутъ затемнить въ нашихъ глазахъ дѣйствіе общаго закона. Чтобы убѣдиться въ его неизмѣнности, надобно сообразить ходъ событій за довольно продолжительное время, и именно съ этой цѣлью мы припоминали главные черты исторіи двухъ передовыхъ народовъ Европы за цѣлыя полтора столѣтія. Сравните состояніе общественныхъ учреждений и законовъ Франціи въ 1700 году и нынѣ,—разница чрезвычайная, и вся она въ пользу настоящаго; а между тѣмъ почти всѣ эти полтора вѣка были очень тяжелы и мрачны. Тоже самое и въ Англіи. Откуда же разница? Она постоянно подготовлялась тѣмъ, что лучшіе люди каждаго поколѣнія находили жизнь своего времени чрезвычайно тяжелою; мало по малу хотя немногія изъ ихъ желаній становились понятны обществу, и потомъ, когда нибудь, чрезъ много лѣтъ, при счастливомъ случаѣ, общество полгода, годъ, много три или четыре года, работало надъ исполненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ немногихъ желаній, которыя проникли въ него отъ лучшихъ людей. Работа никогда не была успѣшна: на половинѣ дѣла уже истощалось усердіе, изнемогала сила общества и снова практическая жизнь общества впадала въ долгій застой, и по прежнему лучшіе люди, если переживали вынужденную ими работу, видѣли свои желанія далеко не осуществленными и попрежнему должны были скорбѣть о тяжести жизни. Но въ короткій періодъ благороднаго порыва многое было передѣлано. Конечно, переработка шла наскоро, не было времени думать объ изяществѣ новыхъ построекъ, которыя оставались неотдѣланы начисто, некогда было заботиться о subtilныхъ требованіяхъ архитектурной гармоніи новыхъ частей съ уцѣлѣвшими остатками, и періодъ застоя принималъ перестроенное зданіе со множествомъ мелкихъ несообразностей и некрасивостей. Но этому лѣнивому времени былъ досугъ внимательно всматриваться въ каждую мелочь, и такъ какъ исправленіе не нравившихся ему мелочей не требовало особенныхъ усилій, то понемногу онѣ исправлялись; а пока изнеможенное общество занималось мелочами, лучшіе люди говорили, что перестройка не докончена, доказывали, что старыя части зданія все больше и больше ветшаютъ, доказывали необходимость вновь приняться за дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Сначала ихъ голосъ отвергался уставшимъ обществомъ, какъ безпокойный крикъ, мѣшающій отдыху; потомъ, по восстановленіи своихъ силъ, общество начинало все больше и больше прислушиваться къ мнѣнію, на которое негодовало прежде, понемногу убѣждалось, что въ немъ есть доля правды, съ каждымъ годомъ признавало эту долю все въ большемъ размѣрѣ, наконецъ готово было согласиться съ передовыми людьми въ необходимости новой перестройки, и при первомъ благоприятномъ об-

стоятельствъ съ новымъ жаромъ принималось за работу, и опять бросало ее не кончивъ, и опять дремало, и потомъ опять работало.

Прогрессъ совершается чрезвычайно медленно, въ томъ нѣтъ спора; но все-таки девять десятыхъ частей того, въ чемъ состоитъ прогрессъ, совершается во время краткихъ періодовъ усиленной работы. Исторія движется медленно, но все-таки почти все свое движеніе производитъ скачекъ за скачкомъ, будто молоденькій воробушекъ, еще не оперившійся для полета, еще не получившій крѣпости въ ногахъ, такъ что послѣ каждого скачка падаетъ, бѣдняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть,—чтобы опять-таки упасть. Смѣшно, если хотите, и жалко, если хотите, смотрѣть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждымъ прыжкомъ она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растетъ и крѣпнеть, и со временемъ будетъ прыгать прекрасно, скачекъ быстро за скачкомъ, безъ всякой замѣтной остановки между ними. А еще со временемъ, птичка и вовсе оперится, и будетъ легко и плавно летать съ веселою пѣсней. Правда и то, что, судя по нынѣшнему, не слишкомъ еще скоро прійдетъ ей время летать; а все-таки прійдетъ, сомнѣваться тутъ нечего.

За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, принуждающая къ бездѣйственному отдыху; во время отдыха восстанавливаются силы; бездѣйствіе, сначала столь отрадное, мало по малу становится скучнымъ и возвращается жажда дѣятельности, покинутой на время отъ изнеможенія; воскресаютъ прежнія стремленія, и съ свѣжими силами, умудренный прежнимъ опытомъ, человѣкъ горячо берется за продолженіе дѣла, къ которому на время охладѣвалъ. Таковъ общій видъ исторіи: ускоренное движеніе и вслѣдствіе его застой, и во время застоя возрожденіе неудобствъ, къ отвращенію которыхъ была направлена дѣятельность, но съ тѣмъ вмѣстѣ и укрѣпленіе силъ для новаго движенія, и за новымъ движеніемъ новый застой и потомъ опять движеніе, и такая очередь до безконечности. Кто въ состояніи держаться на этой точкѣ зрѣнія, тотъ не обольщается излишними надеждами въ свѣтлыя эпохи одушевленной исторической работы: онъ знаетъ, что минуты творчества непродолжительны и влекутъ за собою временный упадокъ силъ. Но за то, не унываетъ онъ и въ тяжелые періоды реакціи: онъ знаетъ, что изъ реакціи по необходимости возникаетъ движеніе впередъ, что самая реакція приготовляетъ и потребность и средства для движенія. Онъ не мечтаетъ о вѣчномъ продолженіи дня, когда поля облиты радостнымъ, теплымъ свѣтомъ солнца. Но когда охватитъ ихъ мрачная, сырая и холодная ночь, онъ съ твердой увѣренностью ждетъ новаго

разсвѣта и, спокойно всматриваясь въ положеніе созвѣздій, считаетъ, сколько именно часовъ осталось до появленія зари.

Не годъ и не два года продолжается тяжелый застой въ исторіи Западной Европы; но несомнѣнные признаки показываютъ, что полночь уже прошла и до новаго дня осталось меньше времени, нежели сколько пережито отъ заката солнца въ предъидущій день. Всѣ примѣты, которыя были передъ прошлымъ утромъ, появляются вновь и происходятъ факты, соотвѣтствующіе тѣмъ, какіе мы видѣли около пятнадцати или двадцати лѣтъ тому назадъ. Какъ тогда, и теперь правительственный духъ, въ большей части второстепенныхъ государствъ Западной Европы, отъ крайней реакціи начинаетъ нѣсколько склоняться къ слабому либерализму. Читатели знаютъ, что учрежденіе регенства въ Пруссіи было побѣдою надъ крайними реакціонерами и сопровождалось обѣщаніемъ либеральнаго направленія. Въ большей или меньшей степени подобныя перемѣны начинаютъ происходить и во многихъ другихъ второстепенныхъ государствахъ. Измѣненіе тутъ въ сущности не велико, но все-таки оно произведено общественнымъ мнѣніемъ и указываетъ на возобновленіе политической жизни въ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, какъ на примѣръ въ Испаніи, произошли перевороты, также замѣнившіе прежнихъ крайнихъ реакціонеровъ людьми, которые сравнительно съ ними считаются либеральными, и на примѣръ Санъ-Луисъ смѣнился О'Доннелемъ. Итальянская революціонная партія въ послѣдніе два три года нѣсколько разъ возобновляла старинныя попытки на Неаполь и Сицилію. Наконецъ посятся слухи объ опасностяхъ для австрійскаго владычества въ Ломбардіи, какъ носились въ 1846 и 1847 годахъ, когда европейскій переворотъ начался именно такими же столкновеніями въ Сѣверной Италіи; и снова Сардинія провозглашаетъ себя защитницею Италіи отъ австрійцевъ. Не надобно приписывать большаго значенія происшедшимъ перемѣнамъ, не надобно ожидать происхожденія новыхъ перемѣнъ именно отъ тѣхъ столкновеній, какія уже видимъ теперь въ Италіи. Ломбардія и Сардинія сами по себѣ были бы слишкомъ слабы для побѣды надъ Австріею, а Франція, чтобы она ни говорила, остается въ сущности пока при намѣреніи не переступать за границы дипломатическихъ дѣйствій. Да если бы и дѣйствительно происшедшія перемѣны были важны, а предсказываемые газетными слухами перевороты осуществились, то всѣ они имѣли бы только мѣстное значеніе, относясь къ такимъ государствамъ Западной Европы, исторія которыхъ не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на общій ходъ европейскихъ дѣлъ. Чтобы видѣть, чего надобно ожидать для цѣлой Западной Европы въ ближайшіе годы, надобно обратить вниманіе на состояніе Англіи и

Франціи, каждая значительная перемена въ которыхъ отзывалась соответствующимъ измѣненіемъ въ цѣлой европейской политикѣ.

Движеніе къ парламентской реформѣ, овладѣвающее теперь Англію, мы подробнѣе рассмотримъ ниже. Теперь обратимъ вниманіе только на отношеніе этого движенія къ состоянію умовъ въ цѣлой Западной Европѣ. Со времени паденія Наполеона, два раза Западная Европа подвергалась общему потрясенію, и въ оба раза переворотъ на материкѣ совпадалъ съ великою реформою въ англійскихъ учрежденіяхъ. Революціи 1830 года соответствуетъ агитація въ Англіи для парламентской реформы; революціи 1848 года соответствуетъ отмиженіе хлѣбныхъ законовъ. Оба раза промежутокъ между континентальнымъ переворотомъ и англійскою реформою, или слѣдовавшею за нимъ или предшествовавшею ему, имѣлъ менѣе двухъ лѣтъ. Эта близость по времени вовсе не дѣло случая. Состояніе общественнаго мнѣнія въ Англіи имѣетъ такую громадную силу надъ общественнымъ мнѣніемъ континента, что горячее настроеніе англійской жизни къ радикальнымъ переменамъ служитъ значительнымъ подкрѣпленіемъ для такихъ же стремленій на материкѣ; и, наоборотъ, Англія теперь такъ тѣсно связана съ континентомъ, что господствующее на немъ стремленіе отражается и на англичанахъ. Но еще важнѣе этого взаимодѣйствія то обстоятельство, что свои собственныя, мѣстныя причины къ возрожденію преобразовательныхъ стремленій начинаютъ усиленно дѣйствовать въ Англіи и на континентѣ почти въ одно и тоже время. Исходною точкою новой исторіи были и для Англіи и для континента одни и тѣже годы, 1813, 1814 и 1815, одно и тоже событіе — низверженіе Наполеона и прекращеніе войнъ, послѣдовавшихъ за большою французскою революціею. Каждый отдѣльный человекъ изнашивается событіями, въ которыхъ участвовалъ; образъ его мыслей и размѣръ его желаній складывается въ неизмѣнную форму пятнадцатью или двадцатью первыми годами его общественной жизни. Такимъ образомъ, когда завершился извѣстный циклъ событий, извѣстный періодъ государственнаго порядка, почти все общество состоитъ изъ людей сформировавшихся прежними стремленіями, не стремящихся, или неотваживающихся стремиться ни къ чему новому сверхъ того результата, который произведенъ прежнимъ порядкомъ вещей и характеромъ идей ихъ молодости. Чтобы совершилось въ обществѣ что нибудь важное новое, нужно большинству общества составиться изъ новыхъ людей, силы которыхъ не изнурены участіемъ въ прежнихъ событіяхъ, мысли которыхъ сложились уже на основаніи достигнутого ихъ предшественниками результата, надежды которыхъ еще не обрѣзаны опытомъ. Чтобы со-

ставъ общества обновился такимъ образомъ, нужно бываетъ около пятнадцати лѣтъ, по простому арифметическому закону физической смѣны поколѣній: въ пятнадцать лѣтъ большинство людей, бывшихъ взрослыми при началѣ срока, вымираетъ или дряхлѣетъ и замѣняется новымъ большинствомъ, составившимся изъ людей, бывшихъ при началѣ періода юношами или дѣтьми. Эти новые люди могутъ обнаружить рѣшительное вліяніе на ходъ событій нѣсколько раньше средняго срока, на примѣръ, лѣтъ черезъ десять, если обстоятельства благопріятствуютъ ускоренію переменъ, или нѣсколько поздне, на примѣръ, лѣтъ черезъ двадцать, если обстоятельства неблагопріятны ея быстротѣ. Но все-таки существуетъ средній срокъ для осуществленія новыхъ идей и нельзя не замѣтить, что крайнія колебанія и предѣлы разныхъ эпохъ, то растягиваясь, то сокращаясь, колеблются около средней цифры, пятнадцати или шестнадцати лѣтъ. Эта періодичность замѣчена всѣми въ событіяхъ новой французской исторіи, но она также видна во всѣхъ тѣхъ вѣкахъ и странахъ, которые особенно важны были для прогресса.

Въ самомъ дѣлѣ, съ 1789 до 1848 года прошло 59 лѣтъ. Въ эти 59 лѣтъ Франція пережила четыре смѣны внутренней жизни: революцію, имперію Наполеона I, реставрацію и Орлеанскую монархію. Въ эти 59 лѣтъ отжили свой вѣкъ два поколѣнія и четыре раза смѣнялось большинство взрослыхъ людей. Періодъ, соотвѣтствующій силѣ каждаго большинства, приблизительно соотвѣтствуетъ одному изъ четырехъ періодовъ государственной жизни.

1789 Большая революція	11 лѣтъ
1800 Наполеонъ I	14 —
1814 Бурбоны	16 —
1830 Орлеанская монархія (до 1848)	18 —
<hr/>	
4 періода государственной жизни въ	59 —

Эти цифры, замѣченныя всѣми, служили обыкновенно только для каббалистической игры празднымъ острякамъ, не понимавшимъ ихъ зависимости отъ фізіологіи и психологіи. Но онѣ пріобрѣтаютъ смыслъ, когда мы сообразимъ ихъ связь съ физическимъ закономъ смѣны поколѣній. Такая же періодичность легко замѣчается и въ другихъ странахъ и въ другія времена, которые важны въ исторіи прогресса. Мы говорили о новой англійской исторіи. Просмотримъ ея хронологію.

Черезъ 17 лѣтъ послѣ окончанія революціонныхъ войнъ (1815), произошла парламентная реформа (1832), черезъ 14 лѣтъ послѣ того отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (1846). Теперь всѣ видятъ, что не дальше какъ въ слѣдующемъ году, а по всей вѣроятности въ ны-

и́шнемъ, совершится новая парламентская реформа, и можно уже опредѣлить продолжительность періода, доживаемаго теперь Англіею, государственная жизнь которой измѣнится съ исполненіемъ дѣла, руководимаго Брайтомъ:

1815 Окончаніе революціонныхъ войнъ	17 лѣтъ
1832 Парламентская реформа	14 —
1846 Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (до 1859 или 1860) 13 или 14 —	
3 періода государственной жизни въ	44 или 45 —

Опять видимъ тотъ же средній срокъ, около 15 лѣтъ, для смѣны одного характера государственной жизни другимъ, срокъ, въ который преждее большинство общества замѣняется другимъ большинствомъ изъ новаго поколѣнія.

Началомъ новѣйшей исторіи для Англіи, какъ для Франціи и для остальнаго континента Западной Европы, были почти одни и тѣ же годы: 1813 годъ для Германіи (освобожденіе отъ французовъ; возстановленіе стараго порядка вещей); 1814 для Италіи, Испаніи и Франціи (низверженіе Наполеоновской власти, возстановленіе старинныхъ монархій); 1815 для Англіи (окончаніе революціонныхъ войнъ); продолжительность времени, нужнаго для достиженія чело-вѣкомъ физической и нравственной возмужалости, и срокъ для смѣны одного большинства взрослыхъ людей новымъ большинствомъ, одинаковы у всѣхъ народовъ, населяющихъ Европу. Изъ этого нату-рально слѣдуетъ, что возникновеніе новыхъ эпохъ въ разныхъ го-сударствахъ Западной Европы происходило бы довольно одновре-менно даже тогда, когда народы Западной Европы не были бы такъ тѣсно связаны одинъ съ другимъ и рѣшительныя перемѣны въ жизни сильнѣйшихъ между ними не имѣли бы прямого вліянія на судьбу другихъ. Изъ этого мы видимъ, что реформаціонное движе-ніе, охватившее теперь Англію, должно служить указаніемъ на бли-зость времени для подобныхъ движеній и у остальныхъ народовъ Западной Европы.

Но мало того, что есть въ жизни одного изъ двухъ господствующихъ народовъ Запада симптомъ, ясно указывающій приближеніе новой эпохи на континентѣ Западной Европы. Въ жизни другаго го-сподствующаго народа, который каждымъ измѣненіемъ въ характерѣ своей исторіи прямо возбуждаетъ или придавливаетъ политическую энергію другихъ западныхъ обществъ, замѣчаются признаки, сви-дѣтельствующіе о томъ, что приближается для французскихъ учреж-деній новый кризисъ.

Волненія, раздиравшія Францію въ первой половинѣ 1848 года, были такъ тяжелы, что президентство Луи-Наполеона показалось

отдыхомъ, успокоеніемъ для утомленной націи. Мѣры, посредствомъ которыхъ Кавеньякъ и его партія почли нужнымъ поддержать порядокъ, были такъ ужасны, что Луи-Наполеонъ послѣ Кавеньяка представлялся кроткимъ и легкимъ правителемъ. Реакціонеры, легитимисты и орлеанисты, господствовавшіе въ Національномъ Собраніи 1849 года, были такъ ожесточены противъ новыхъ учрежденій и идей, что дѣйствительно Луи-Наполеону не было никакой надобности самому принимать какія нибудь стѣснительныя мѣры во время своего президентства: все, что могло казаться ему нужнымъ для окончательнаго подавленія пораженной въ іюнѣ 1848 года революціи, съ великимъ рвеніемъ и опрометчивою поспѣшностью дѣлало само Національное Собраніе, не дожидаясь его желанія. Ему оставалось только смотрѣть, какъ усердно работаютъ другіе. Національное Собраніе доходило до такихъ крайностей, которыя даже превышали мѣру собственной надобности реакціонеровъ, и Луи-Наполеонъ могъ безвредно для своихъ цѣлей противиться нѣкоторымъ намѣреніямъ ихъ, безъ пользы раздражавшимъ народъ. Этимъ онъ пріобрѣталъ себѣ отгѣнокъ демократизма.

Особенно помогъ ему въ этомъ отношеніи знаменитый законъ, разными условіями отнимавшій у значительной части простолюдиновъ право быть избирателями. Эта мѣра противъ тогдашнихъ знаменитыхъ фантомовъ красной республики и социализма была совершенно неумѣстна въ 1850 и 1851 годахъ, потому что работники, противъ которыхъ она была направлена, и безъ того надолго перестали быть опасными, потерявъ всѣхъ энергическихъ своихъ товарищей въ іюньской битвѣ и лишившись всѣхъ значительныхъ людей близкихъ къ нимъ партій по Буржскому и Версальскому процессамъ. Притомъ же Луи-Наполеонъ думалъ, сдѣлавшись безусловнымъ господиномъ надъ Франціею, обратить выборы въ чистую формальность. Слѣдовательно ему легко было выставять себя защитникомъ народнаго права, которому онъ не хотѣлъ оставлять серьезнаго значенія. Именно этотъ маневръ, раздоръ съ Національнымъ Собраніемъ для восстановленія suffrage universel во всей его обширности, и послужилъ Луи-Наполеону предлогомъ къ закрытію Національнаго Собранія, пробудившаго противъ себя сильную ненависть въ массахъ стремленіемъ восстановить прежнюю монархію, представители которой, Геприхъ V и принцъ Немурскій (ему слѣдовало быть регентомъ малолѣтняго Орлеанскаго претендента) не пользовались популярностью. Напротивъ того Луи-Наполеонъ умѣлъ возбудить въ массахъ надежду, что займется общественными преобразованіями для улучшенія матеріальнаго быта. Правда, въ цѣлые три года своего президентства онъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ, но онъ пос

только сваливалъ вину своего бездѣйствія на Національное Собраніе, совершенно связывавшее будто бы ему руки своею враждою. Дѣйствительно Національное Собраніе враждовало съ президентомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ оно враждовало и противъ низшихъ классовъ. Натурально, масса пришла къ тому убѣжденію, что, имѣя тѣхъ же враговъ, какъ и президентъ, должна смотрѣть на него какъ на своего друга. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ не вѣрить наивный и честный человѣкъ тому, что президентъ желалъ бы водворить во Франціи новый порядокъ гражданскихъ отношеній, благопріятный для низшихъ классовъ? Вѣдь Луи-Наполеонъ, когда былъ еще изгнанникомъ или нѣжинникомъ, написалъ множество горячихъ сочиненій, въ которыхъ являлся приверженцемъ новыхъ социальныхъ теорій и доказывалъ, что династія Бонапарте вѣрнѣйшая представительница демократическаго принципа. Правда, будучи президентомъ, онъ часто говорилъ противъ опасныхъ мечтателей, прибѣгающихъ къ оружію для измѣненія гражданского быта. Но вѣдь онъ говорилъ только противъ безразсудныхъ мѣръ, противъ кровавыхъ возстаній и уличныхъ смутъ, — тутъ нѣтъ еще ничего противнаго народному интересу. Вѣдь народъ испыталъ, въ іюнѣ 1848 года, что возстаніе обращается на погибель ему самому; а черезъ годъ, въ іюнѣ 1849 года, онъ видѣлъ, что люди, противъ которыхъ возстаетъ иногда Луи-Наполеонъ, приглашаютъ простолудиновъ къ возстанію ничѣмъ не обезпечивъ его успѣха, не сообразивъ благопріятствуютъ ли обстоятельства ихъ замыслу. Что-жь, Луи-Наполеонъ правъ: они въ самомъ дѣлѣ люди не практичныя, опасныя мечтатели. А противъ идей, которыми они пріобрѣли некогда довѣріе народа, Луи-Наполеонъ ничего не говоритъ; онъ не отказывается отъ своихъ прежнихъ мыслей, напротивъ постоянно твердитъ, что призванъ судьбою осуществить ихъ, но только осуществить практичнымъ образомъ, въ предѣлахъ благоразумія, путемъ порядка. Стало быть вся разница между нимъ и красными республиканцами или социалистами въ томъ, что тѣ люди опрометчивые и непрактичныя, а онъ практиченъ и благоразуменъ: нельзя сказать, чтобы разница не была въ его пользу. Народъ уже испыталъ плоды мечтательности и понимаетъ цѣну благоразумія. Такъ думала значительная часть народной массы, пока продолжалось президентство Луи-Наполеона, и очень многіе простолудины съ большими надеждами встрѣтили 2-е декабря; но, разумѣется, главнымъ обстоятельствомъ надобно тутъ считать то, что Національное Собраніе, противъ котораго направился ударъ, состояло изъ реакціонеровъ, представителей ненавистной буржуазіи, на которой лежало проклятіе простолудиновъ за іюньскія свирѣпости, за множество придуманныхъ ею по-

томъ стѣснительныхъ мѣръ, за явное стремленіе къ восстановленію стараго порядка.

Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ съ половиною лѣтъ, Луи-Наполеонъ умѣлъ поддерживать мнѣніе о себѣ, какъ о другѣ народа, призванномъ осуществить социальныя теоріи, призванномъ неизбежно утвердить во Франціи владычество демократіи и преобразовать къ лучшему матеріальное положеніе массы. На этомъ былъ основанъ его успѣхъ 2 декабря, а на успѣхѣ 2 декабря основалась репутація его геніальности. Дѣйствительно нельзя не признать его чрезвычайно замѣчательнымъ человѣкомъ со стороны умѣнья пользоваться обстоятельствами для своихъ видовъ. Но дѣло частнаго человѣка, прокладывающаго себѣ дорогу впередъ, совершенно не таково, какъ дѣло правителя, задача котораго состоитъ въ удовлетвореніи потребностямъ общества. Очень часто бываетъ, что чрезмѣрное сосредоточеніе мысли на первомъ предметѣ лишаетъ человѣка и охоты и возможности приготовиться къ занятію вторымъ предметомъ, а безъ приготовленія и охоты никогда не будетъ и умѣнья. Въ исторіи много примѣровъ тому, что люди, съ чрезвычайнымъ искусствомъ доходившіе до получения власти, лишены были способности пользоваться ею. Всѣ министры Людовика XV, всѣ министры Іакова II и королевы Анны принадлежали къ людямъ такого типа.

Личное дѣло было доведено восстановленіемъ имперіи до полнѣйшаго окончанія: нечего болѣе желать, не къ чему болѣе стремиться, кромѣ только упроченія своего настоящаго положенія. Власть приобрѣтена была такая безпредѣльная, что дальнѣйшаго разширенія для нея не существуетъ, надобно только употреблять ее.

Она была употреблена исключительно для охраненія собственныхъ интересовъ.

При подобномъ характерѣ внутренняго управленія, прежнія чувства массы должны были скоро сѣянться неудовольствіемъ. Надобно было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ внутренней политики и найдено было къ тому средство въ искусственномъ возбужденіи биржевыхъ спекуляцій. Но скоро и этого стало мало; тогда пришлось начать войну, совершенно ненужную для Франціи. Успѣхъ этихъ средствъ пзвѣстенъ: войну пришлось прекратить, чтобы не повредить самому себѣ ся продолженіемъ; прежній союзникъ былъ раздраженъ, бюджетъ разстроенъ хуже прежняго, положительныхъ выгодъ государству война не успѣла доставить никакихъ. Вслѣдъ за тѣмъ биржевые курсы стали падать и напрасны были всѣ усилія поддерживать фонды, а колоссальныя компаніи, ослаблявшія всѣхъ фальшивыми дивидендами, увидѣли свои акціи упавшими до

половины и еще ниже противъ прежней цѣны. Въ это время произошло покушеніе Орсини на жизнь Наполеона III. Послѣдствія этого случая извѣстны. Мѣры предосторожности, принятыя Наполеономъ, были таковы, что до крайности увеличили общее неудовольствіе, и менѣе нежели черезъ полгода онъ принужденъ былъ отказаться отъ нихъ. Покушеніе 14 января послужило поводомъ и къ первому неуспѣху Луи-Наполеона во внѣшней политикѣ. Онъ раздражилъ Англичанъ нападеніями на ихъ учрежденія; онъ оскорбилъ ихъ угрозами вторженія въ Англію и не осторожнымъ требованіемъ измѣнить коренной законъ Англіи. Негодующая нація низвергла министерство, подчинившееся французскому вліянію. Едва кончилась несчастная исторія съ Англіей, какъ было употреблено въ дѣло новое средство отклонить вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ. Начались слухи о войнѣ съ Австріею для освобожденія сѣверной Италіи. Но до сихъ поръ нѣтъ еще доказательствъ, что угрозы осуществляются. Если война же дѣйствительно начнется, она, правда, на нѣсколько времени задержитъ опасность; но еще больше разстроитъ финансы, и каждый мѣсяцъ отсрочки будетъ купленъ двойнымъ приближеніемъ неизбежнаго финансоваго кризиса.

Необходимость отставить Эспинасса и смягчить внутреннюю администрацію, была первою побѣдою общественнаго мнѣнія надъ кореннымъ принципомъ Наполеоновой системы. Несостоятельность его раскрылась такъ ясно для всѣхъ, что надобно было вывести нѣкоторые изъ правительственныхъ газетъ на совершенно новую для нихъ дорогу уступокъ общественному мнѣнію. Онѣ заговорили о томъ, что стѣсненіе свободы не есть коренная черта Наполеоновской системы, а только временная мѣра, которая нужна была въ первые годы новаго правленія, пока нація не привыкла къ нему; что теперь правительство думаетъ отказаться отъ стѣсненій; онѣ совѣтовали ему поскорѣе «довершить конституцію» дарованіемъ журналистикѣ широкой свободы. Оказалось мало этихъ совѣтовъ; почли нужнымъ, чтобы ближайшіе официальные совѣтники императора высказали ту же мысль не только какъ желаніе нѣкоторыхъ частныхъ людей, пользующихся благосклонностью правительства, но и прямо, какъ положительное намѣреніе самаго императора. Морни и Персигни, назначенные президентами двухъ департаментскихъ совѣтовъ, воспользовались открытіемъ ихъ для произнесенія рѣчей о томъ, что имперія примиряется съ свободою; что напрасно думаютъ, будто между этими двумя принципами есть несовмѣстность; что напротивъ правительство нуждается въ совѣтахъ независимаго общественнаго мнѣнія. И этого всего показалось еще мало. Императоръ почелъ нужнымъ примириться съ

своимъ душеномъ, привцемъ Наполеономъ, котораго прежде держалъ въ немилости, какъ вреднаго демократа. За эту репутацію, теперь увидѣли въ немъ полезнаго правительству челоуѣка; устроили для него новой министерскій департаментъ — Алжиръ и колоній. Черезъ это, правительство, по выраженію покровительствуемыхъ имъ газетъ, «обновлялось погруженіемъ въ демократическій элементъ и укрѣплялось въ либеральномъ направленіи мудрыми совѣтами принца Наполеона, извѣстнаго своею преданностію дѣлу свободы». Но всего этого кажется мало, и воодушевляются гражданскимъ мужествомъ даже тѣ безцвѣтные люди, которые семь лѣтъ не смѣли пикнуть ни слова. Какое нибудь *Revue des deux Mondes*, два, три мѣсяца тому назадъ наполнявшее свою политическую хронику разборами французскаго перевода книги Маколей, исторіи Піемонта, написанной на Итальянскомъ языкѣ Кіалою, мемуаровъ графа Міо-де-Мерито, драмы въ стихахъ «Персты Феи», написанной господами Скрибомъ и Легуве, и другихъ столь же политическихъ предметовъ, — это *Revue des deux Mondes* съ іюля мѣсяца прошлаго года отваживается возвышать голосъ, требуетъ свободы для политическихъ преній въ журналистикѣ и не боится даже подозрѣній въ несогласіи своихъ желаній съ Наполеоновскою конституціею, безъ страха называя своихъ противниковъ абсолютистами, а ихъ мнѣнія анахронизмами. Послушайте, какъ разсуждаетъ политическая хроника *Revue des deux Mondes* 1-го августа: «Мы неуклонно будемъ возвращаться къ великимъ вопросамъ, недавно предъявленнымъ. На наши прежніе совѣты о необходимости либеральныхъ уступокъ намъ отвѣчали истинными анахронизмами. Намъ выставляютъ защитниками парламентаризма, противниками нынѣшней системы. Слишкомъ много чести для насъ, милостивые государи. Мы не имѣемъ претензій разбирать нынѣшнюю конституцію; даже въ нынѣшнюю лѣтнюю пору мы не имѣемъ охоты пускаться въ эту мерзлую область. Мы не хотимъ даже заглядывать подъ вуаль конституціи, мы не позволяемъ себѣ такихъ фамиллярностей съ нею; мы довольствуемся тѣмъ, что вѣримъ на слово привилегированнымъ счастливымъ, которые водятъ ее подъ руку. Что говорили они? Они говорили, что политическое движеніе нынѣшней Франціи имѣетъ два рычага: инициативу верховной власти и самодержавное общественное мнѣніе, всегда одерживающее послѣднюю побѣду. Они говорили серьезно, мы хотѣли и хотимъ вѣрить этому серьезно. Результатомъ того было наше требованіе, чтобы самодержавіе общественнаго мнѣнія было избавлено отъ опеки. Мы требуемъ переменъ въ законахъ, которымъ нынѣ подчинена журналистика». Одною половиною своихъ газетныхъ органовъ правительство было принуждено

одобрять эти требованія, но другая половина полуофициальных газетъ защищала прежнюю политическую систему. Но было уже поздно: уступки только вели къ усиленію требованій. Черезъ два мѣсяца, 1 ноября, хроника *Revue des deux Mondes* говорила еще нѣсколькими тонами выше, уже прямо обвиняя въ злонамѣренности и безумствѣ людей, прибѣгавшихъ къ разнымъ изворотамъ для защиты прежней системы, которую уже не смѣютъ они защищать открыто. «Мы не боимся (провозглашала хроника) прямо сказать, что только люди дурнаго ума могутъ приписывать мелочному раздраженію выражаемую нами потребность въ свободѣ политическихъ преній. Интересы, съ которыми связано во Франціи дѣло либерализма, такъ высоки и велики, что разумѣется должны возбуждать искреннее и горячее безпокойство въ людяхъ, приверженныхъ къ другому образу мыслей. Дѣло либерализма связано, по нашему мнѣнію, съ дѣломъ народной чести и общественнаго спокойствія. Отъ свободы для Франціи зависитъ честь, потому что самымъ оскорбительнымъ униженіемъ для нашей родины было бы, если бы она дала увѣрить себя, что она дѣйствительно не способна принимать участіе въ управленіи своими дѣлами, посредствомъ непрерывнаго и полнаго пользованія политическими правами. Точно также, по нашему мнѣнію, отъ свободы зависитъ и общественная безопасность: степенью способности народа управлять самимъ собою мѣрится степень его безопасности. Какъ ни преувеличивайте рабочѣйшую лѣсть, а все таки ваши великіе люди зависятъ отъ націи, которою повидимому руководятъ. Этимъ всегда кончается дѣло: въ исторіи самыхъ поработенныхъ и послушныхъ народовъ бываютъ минуты, когда общественная власть изнемогаетъ, и возстановить ее можно только совокупными силами цѣлой націи. Не ясно ли, что лучшимъ приготовленіемъ къ такому критическому положенію служить для народа свобода? Да и не говоря уже о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, мы живемъ въ такія времена, когда участіе общественнаго мнѣнія въ правительственныхъ дѣлахъ представляется практическою необходимостью. Нынѣ всѣ смотрятъ на правительство, просто какъ на дирекцію коммерческой компаніи, акціонеры въ которой всѣ мы; и какъ бы ни были искусны директора, акціонеры иногда лучше ихъ знаютъ, какъ надобно вести дѣла компаніи. Власть лежитъ нынѣ во всѣхъ насъ, происходитъ изъ насъ; та власть, которую имѣетъ правительство, только вручена ему нами, какъ нашему повѣренному въ дѣлахъ. Итакъ мы сохраняемъ относительно правительства всѣ тѣ права контролировать его, и въ случаѣ надобности брать инициативу въ свои руки, — всѣ тѣ права, которыхъ имѣетъ довѣритель надъ своимъ повѣреннымъ. Эти права на госу-

дарственнымъ языкѣ называются политическою свободою; она состоитъ въ свободѣ тишенія, въ свободѣ и публичности преній совѣщательныхъ корпорацій государства. Народъ, не пользующійся этими правами, не изучающій своихъ выгодъ, не ведущій надзора за своими дѣлами, не подающій правительству совѣтовъ и внушеній, которыя правительство можетъ получать только отъ него, — такой народъ не замедлитъ понести наказаніе за это забвеніе своихъ обязанностей: онъ подвергается долгимъ и бѣдственнымъ волненіямъ. Мы опасаемся, что стѣсненіе, наложенное на нѣкоторые наши права, приведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, если продлится сверхъ мѣры. Наши революціи свидѣтельствуютъ о томъ, и своими настоятельными требованіями мы хотимъ предупредить новыя опасности». Каковъ языкъ?—и отъ когоче? Вы подумаете, что читаете Руссо, или покрайней мѣрѣ Ледрю-Роллена, — нѣтъ, вы читаете смиренное *Revue des deux Mondes*, которое «всегда было другомъ порядка и повиновенія существующимъ законамъ». О вашей конституціи, говоритъ оно, мы и толковать не хотимъ; пусть занимаются ею тѣ, кому охота хвалить это мерзкое существо. Вы утверждаете, что наше желаніе противорѣчить конституціи, — такой отвѣтъ чистый анахронизмъ: мы уже сказали, что намъ нѣтъ дѣладо вашей конституціи. Мы требуемъ свободы. Вы противорѣчите намъ, — что же за важность: изъ этого видно только, что вы люди дурнаго ума. Два мѣсяца тому назадъ, мы требовали только измѣненія законовъ о книгопечатаніи, вы не соглашались, — такъ теперь намъ этого уже мало: мы требуемъ теперь свободы тишенія и парламентской формы правленія. Вѣдь вы — не больше какъ только наши повѣренныя въ дѣлахъ, и мы имѣемъ право полного контроля надъ вами, и въ случаѣ надобности, право взять власть изъ вашихъ рукъ въ свои. Пожалуйста же поторопитесь исполнить наше требованіе, а не то будетъ революція. — Каковъ языкъ! И хотъ бы отъ демократовъ, отъ какихъ нибудь красныхъ, или хотъ бы просто отъ республиканцевъ, — нѣтъ, отъ *Revue des deux Mondes*, которое за нѣсколько мѣсяцевъ держало себя застѣнчивѣ скромной дѣвушки, отъ буржуазіи, которая, годъ тому назадъ, была тише воды, ниже травы: вода забурлила и бурлитъ безнаказанно.

Да что ужъ *Revue des deux Mondes*! Оно хотя и трусило, и молчало, но по крайней мѣрѣ не рвалось прежде въ переднюю. А вотъ даже и графъ Монталамбертъ, который такъ усердно терся въ передней, и тотъ уже бравитуетъ принципъ, которому присягалъ не въ при-мѣрѣ прочимъ. «Франція поработчена, пишетъ онъ: — намъ нужны англійскія учрежденія, мы не хотимъ быть рабами». Отдавать или не отдавать подъ судъ непокорнаго служителя? И то и другое пред-

ставляется опаснымъ. Наконецъ рѣшаются отдать подъ судъ. Половина Франціи хохочетъ скандалу, другая негодуетъ на строгость. Судъ приговариваетъ виновнаго къ наказанію, смягченному до послѣдней крайности. Негодованіе усиливается. Спѣшатъ замять дѣло помилованіемъ осужденнаго. Осужденный храбрится пуще прежняго. «Не принимаю прощенія. Оно не законно. Вы не имѣли права давать его. Я подаю апелляцію. Вы не смѣете прерывать хода правосудія вашими произвольными прощеніями, въ которыхъ никто не нуждается. Пусть меня судитъ законъ». Опять новыя безпокойства въ правительствѣ: можетъ ли судъ пересматривать дѣло, конечное помилованіемъ? Вѣдь это значило бы соглашаться съ Монталамберомъ, что поступили незаконно, преждевременно выѣшавшись въ дѣло. А все таки судъ принимаетъ просьбу и пересматриваетъ дѣло, какъ будто бы помилованія не существовало. Онъ провозноситъ новый приговоръ. Давно ли было время, когда такая самостоятельность была бы объявлена несоблюденіемъ конституціи? Но теперь считаютъ нужнымъ снова замять дѣло новымъ помилованіемъ.

Уже чувствуется невозможность остановить возрастающую смѣлость прежними мѣрами и видятъ необходимость отвлечь вниманіе націи отъ домашнихъ дѣлъ. Распущены слухи о войнѣ Франціи съ Австріей. Фраза, сказанная австрійскому посланнику на новый годъ, подтвердила общую молву. «Я скорблю, что наши отношенія къ вашему правительству не такъ хороши, какъ прежде». Итакъ, война. Но англійское правительство не одобрило сильную фразу, и въ официальныхъ французскихъ газетахъ объясняется, что напрасно придавали ей воинственный смыслъ, что она сказана была доброжелательно, дружескимъ тономъ; а въ разговорѣ значеніе словъ зависитъ отъ тона, которымъ они говорятъ; да и самыя слова, даже и безъ всякаго тона, какъ слѣдовало бы принять? Сожалѣть о вещи значитъ—жалѣть, что ея нѣтъ, и желать, чтобы она была; потому: я сожалѣю объ ослабленіи дружбы съ вами, просто значитъ: я желаю, чтобы дружба наша возстановилась.

Послѣ такихъ объясненій, разумѣется, трудно сказать, миромъ или войною кончатся дипломатическія столкновенія Франціи съ Австріей. Видно только, что французскому правительству хотѣлось бы начать войну, но оно пока еще боится прибѣгать къ этому послѣднему средству для выхода изъ опасностей, которыя росли постоянно съ самаго окончанія русской войны.

Англія отъ опрометчивыхъ угрозъ по дѣлу Орсини пріобрѣла существенную выгоду: излишняя податливость Пальмерстона

убила въ общественномъ мнѣніи этого стараго шутника, популярность котораго была уже нѣсколько лѣтъ самымъ вреднымъ препятствіемъ для внутреннихъ улучшеній. Теперь трудно Пальмерстону сдѣлаться главою министерства, а не дальше какъ за годъ нельзя было и предвидѣть, когда кончится его министерство, отнимавшее возможность всякихъ улучшеній для внутреннихъ учрежденій Англіи и отвлекавшее вниманіе націи отъ всѣхъ серьезныхъ вопросовъ государственнаго благосостоянія дипломатическими фокусами, совершавшимися обыкновенно на маленькихъ государствахъ, самая слабость которыхъ должна была бы служить защитой имъ отъ пошлыхъ обидъ. У насъ во время войны писали много дурнаго о лордѣ Пальмерстонѣ, считая его истиннымъ виновникомъ страшнаго кровопролитія; но теперь забыта тогдашняя досада, и Пальмерстонъ снова принимается многими за серьезнаго государственнаго человѣка. Да и прежнія порицанія ему большею частію приходились не впопадъ, потому что его, бѣдняжку, совершенно напрасно винили въ русской войнѣ: куда бы ему было рѣшиться на войну съ сильной державой! Онъ удовольствовался бы бумажною перестрѣлкою, да шуточками въ парламентѣ. Греція,—это иное дѣло; а отъ Россіи постарался бы отдѣлаться безъ пушечнаго выстрѣла этотъ, по выраженію Диккенса, «старый фарсеръ, лучший виртуозъ фокусъ—покусовъ и превращеній.»

Въ молодости лордъ Пальмерстонъ былъ фешенеблемъ перваго сорта и знаменитымъ Донъ-Жуаномъ. Тотъ же блескъ и ту же любовь къ легкимъ побѣдамъ перенесъ онъ въ свою политическую дѣятельность. Но извѣстно, что франты вообще не любятъ серьезныхъ занятій. Для реформъ нужно серьезное изученіе внутреннего быта страны во всѣхъ подробностяхъ, и лордъ Пальмерстонъ былъ всегда врагомъ реформы, — и тогда, когда былъ тори, и тогда, когда обратился къ вигизму. Но какъ же онъ обратился къ вигизму? Очень просто, Донъ-Жуаны всегда предпочитаютъ тѣ гостинныя, въ которыхъ можно имѣть больше успѣха. Во время наполеоновскихъ войнъ, въ 1807 году, когда началась политическая карьера Пальмерстона, владычествовали тори; владычествовали они уже давно и сильно укрѣпились въ министерскихъ и парламентскихъ позиціяхъ, такъ что должны были удержаться въ нихъ еще очень надолго; потому и лордъ Пальмерстонъ былъ тори, а въ награду за свой торизмъ былъ военнымъ министромъ. Надобно замѣтить, что онъ изъ фамиліи Тэмплей, къ которой принадлежатъ герцоги Бокингемы и Чендосы, стало быть имѣлъ наслѣдственное право на министерскій санъ. Лордъ Веллингтонъ побѣждалъ французовъ въ Испаніи, потомъ въ Бельгіи, стало быть военному министру хорошо было говорить въ парламен-

тѣ надлежащія рѣчи. Потому министерства смѣнялись, потому что различныя политическія принципы поочередно брали верхъ одинъ надъ другимъ, а лордъ Пальмерстонъ, при всѣхъ перемѣнахъ, оставался на своемъ мѣстѣ, потому что для него были равны всякія принципы. Такимъ образомъ дожилъ онъ до министерства Веллингтона и по наслѣдству отъ прежнихъ достался и этому. Но Веллингтонъ былъ человѣкъ суровый относительно принциповъ: по его мнѣнію, если уже называться тори, то и не надобно отступаться отъ торійскихъ правилъ; черезъ нѣсколько времени онъ отнялъ должность у своего товарища. Тогда разумѣется надобно было перейти въ оппозицію: нельзя же не сердиться, потерявши мѣсто, на которомъ сидѣлъ 20 лѣтъ. Оппозиціею были виги, — какъ же не сдѣлаться вигомъ?

Тутъ подошла іюльская революція; отголоскомъ этого потрясенія были низвергнуты тори, вошли въ министерство виги, съ ними и Пальмерстонъ. Виги предложили парламентскую реформу. Пальмерстонъ 20 лѣтъ сопротивлялся всякимъ реформамъ, но теперь противиться реформѣ значило бѣ — надолго потерять министерское мѣсто. Кто себѣ врагъ? Пальмерстонъ не противорѣчилъ реформѣ и остался министромъ еще на десять лѣтъ. Съ этой поры, съ 1830 года онъ руководилъ иностранною политикою Англіи до прошедшаго года за исключеніемъ только двухъ періодовъ: министерства Пиза (около 5 лѣтъ) и недолгаго министерства Дерби (передъ русскою войною). Управляя иностранною политикою, онъ много геройствовалъ надъ маленькими государствами, какъ напримѣръ надъ Греціею, которую чуть не бомбардировалъ по дѣлу Пачифико. Кромѣ того имѣлъ онъ привычку дѣлать непріятности и сильнымъ державамъ, но только такъ, чтобы дѣло не доходило до войны. Изъ этой цвинной наклонности ободрялъ онъ къ волненію сициліанцевъ, ломбардо-венеціанцевъ и венгровъ, обѣщая имъ покровительство Англіи. Но когда волненія обращались въ вооруженныя возстанія, и для исполненія обѣщаній пришлось бы объявить войну Австріи и Неаполю. Пальмерстонъ разсудилъ, что это значило бы заводить шутку за предѣлы благоразумія, и покинутые писургенты были подавлены. А быть можетъ они и не взяли бы за оружіе, если бъ не получили увѣреній въ покровительство отъ лорда Пальмерстона. Гдѣ жъ было такому человѣку, дерзкому надъ слабыми, робкому передъ сильными, начать войну противъ Россіи? Но онъ любилъ шумѣть, пока дѣло не представляло опасности, и говорить въ парламентѣ язвительныя рѣчи. Масса не знавшая его дѣлъ (онъ отличался чрезвычайнымъ искусствомъ очень долго скрывать отъ парламента дипломатическія документы, на всѣ требованія отвѣчая, что переговоры еще не кончены

и обнаруженіе депешъ имѣло бы невыгодное вліяніе на ходъ ихъ), принимала слова за дѣла, полагала, что онъ на самомъ дѣлѣ поступаетъ въ переговорахъ также храбро, какъ въ парламентскихъ рѣчахъ, и воображала Пальмерстона героемъ иностранной политики. На этомъ основалась его громадная популярность и никто не полагалъ, чтобы храбрецъ былъ храбрцомъ только до первой угрозы, произнесенной сильнымъ голосомъ. Это обнаружилось, когда онъ на угрозы Наполеона, на крики официальныхъ французскихъ газетъ, что надобно истребить Англію, приptonъ убійцъ и заговорщиковъ, — отвѣчалъ предложеніемъ англійскому парламенту измѣнить англійскій законъ въ угодность Франціи. Тутъ въ одинъ мигъ разсѣялись многолѣтнія заблужденія и какъ дымъ исчезла вся популярность Пальмерстона. Онъ палъ, и если когда пибудь вновь сдѣлается министромъ, то уже никакъ не по собственной силѣ, а развѣ по родственнымъ связямъ. Да и то пока остается неправдоподобнымъ.

Англійская нація чрезвычайно много выиграла, освободившись отъ пристрастія къ лорду Пальмерстону, потому что съ паденіемъ его прекратилась помѣха къ улучшенію внутреннихъ учреждений. Нынѣшнее торійское министерство, не имѣя большинства въ Палатѣ Общинъ своею собственною партіею, принуждено искать опоры въ томъ отдѣлѣ либеральной партіи, который недоволенъ чистыми вигами (Пальмерстоновскими и Росселевскими), какъ людьми отстающими, держащимися слишкомъ узкихъ границъ въ реформахъ. Въ первый разъ этотъ отдѣлъ выступилъ самостоятельною партіею по дѣлу о предложеніи подвергнуть порицанію торійскій кабинетъ за знаменитую депешу, посланную лордомъ Элленборо къ Ост-индскому генералъ-губернатору. Но прежде нежели начались пренія, открылось, что лордъ Элленборо дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безъ согласія своихъ товарищей, которые и заставили его выйти въ отставку. Этимъ фактически было уже уничтожено значеніе депешы, и за предложеніемъ подвергнуть порицанію министерство оставался уже одинъ тотъ смыслъ, чтобы низвергнуть торійскій кабинетъ. Но въ такомъ случаѣ образовалось бы вигистское министерство Росселя или Пальмерстона, или обонхъ вибствъ. Члены, желающіе широкихъ реформъ, рѣшились сосчитать свои силы, чтобы увидѣть—дѣйствительно ли отъ нихъ зависитъ дать большинство вигамъ или торп, и въ случаѣ, если бы оказалось это, дѣйствовать самостоятельно, поддерживать торп или виговъ, смотря по тому, которая изъ двухъ аристократическихъ партій готова будетъ сдѣлать имъ больше уступокъ.

И вотъ собрались, чтобы сосчитать своихъ членовъ, разные отдѣлы реформаторской партіи: люди манчестерской школы, радикалы

и тѣ немногіе хартисты, которые засѣдаютъ въ парламентѣ; они увидѣли, что составляютъ пятую часть всего числа членовъ Палаты Общинъ. Остальные члены почти по-ровну раздѣлены на виговъ и тори; слѣдовательно и тѣ и другіе въ нынѣшней Палатѣ Общинъ пріобрѣтаютъ или теряютъ большинство, смотря потому, за нихъ или противъ нихъ будутъ члены, желающіе широкихъ реформъ. Тогда эти члены, соединившись въ одну партію «независимыхъ либераловъ», то есть либераловъ недовольныхъ отсталыми понятіями чистыхъ виговъ, потребовали отъ министерства рѣшимости дѣйствовать либеральнѣе чистыхъ виговъ. Лордъ Дерби долженъ былъ согласиться, потому что иначе подвергся бы пораженію. Независимые либералы подали голосъ за министерство: оно было спасено и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилась неизбежность парламентской реформы, какъ единственной цѣли, которою можетъ быть куплена необходимая торійскому министерству поддержка независимыхъ либераловъ.

Съ этой минуты агитація въ пользу парламентской реформы приняла огромные размѣры, какъ дѣло о вопросѣ, достигшемъ практическаго значенія. Руководителемъ агитаціи былъ избранъ по предложенію самаго Робакса, главы радикаловъ, бывший сподвижникъ Кобдена по отмене хлѣбныхъ законовъ, Джонъ Брайтъ, въ настоящее время едва ли не первый по таланту между всѣми англійскими ораторами, одинъ изъ честнѣйшихъ людей въ Европѣ. Читатель конечно видѣлъ въ газетахъ извлеченія изъ его рѣчей въ главныхъ городахъ Великобританіи на митингахъ, собиравшихся для изъясненія сочувствія къ дѣлу парламентской реформы. Мы должны будемъ много разъ возвращаться къ этому предмету и тогда изложимъ его подробнѣе, а теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ о личности государственнаго человѣка, ставшаго во главѣ реформирующей партіи, о смыслѣ движенія, избравшаго своимъ ораторомъ этого честнаго квакера, и о тѣхъ шансахъ, какіе теперь имѣетъ дѣло парламентской реформы.

Брайтъ—одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, для которыхъ еще недавно не существовало возможности въ Англіи. Почти до конца второй четверти нынѣшняго вѣка вся государственная власть была тамъ захвачена двумя аристократическими партіями, потому что и виги, предводители которыхъ всегда были аристократами по происхожденію, давно уже сдѣлались узкими аристократами также и по своимъ политическимъ принципамъ. Первымъ примѣромъ сильнаго государственнаго человѣка, даваго парламентскимъ рѣшеніямъ направленіе, независимое отъ аристократическихъ расчетовъ, явился Робертъ Пиль въ 1846 году, когда принудилъ значительную

часть торійской партіи подать голосъ за отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ. Но при этомъ случаѣ онъ только воспользовался могущественнымъ положеніемъ, которое занималъ; а до этого могущественнаго положенія онъ достигъ только тѣмъ, что совершенно примкнулъ къ тори и много лѣтъ былъ послушнымъ ихъ органомъ. Безъ своего торизма онъ былъ бы ничѣмъ. Послѣ отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, аристократическія партіи начинаютъ по немногу дряхлѣть, при могущественномъ напорѣ новыхъ идей; отъ нихъ начинаютъ отдѣляться люди съ болѣе свѣтлыми головами, отъ торійской партіи пилиты, отъ виговъ манчестерская школа и радикалы. Когда нибудь мы расскажемъ весь ходъ этого измѣненія, а здѣсь замѣтимъ только одно: до половины послѣдняго года разложеніе прежнихъ аристократическихъ партій не достигло еще такихъ размѣровъ, и новыхъ людей съ независимыми понятіями въ Палатѣ Общинъ было еще не такъ много, чтобы характеръ Палаты Общинъ существенно измѣнился. Правда, пилиты пріобрѣтали по временамъ довольно важное участіе въ составѣ того или другаго кабинета; правда, по предложеніямъ радикаловъ Робака и Мильнера-Джибсона, принимались иногда довольно важныя рѣшенія; но все это бывало только счастливою случайностью, неизмѣнявшею общаго хода дѣлъ. Верховное руководство государственными дѣлами никогда не выходило изъ рукъ аристократовъ или, если не аристократовъ по происхожденію, то послушныхъ представителей той или другой аристократической партіи. Если не тори, то виги, если не виги, то тори, — другой альтернативы не было. Если не лордъ Дерби съ своимъ помощникомъ Д'Израэли, то лордъ Пальмерстонъ, или оба вмѣстѣ, — другихъ правителей Англія не могла имѣть. Всего только полгода тому назадъ люди, не принадлежащіе къ аристократическимъ партіямъ, нашли себя въ Палатѣ Общинъ достаточно многочисленными для того, чтобы составить новую, независимую партію и свергнуть съ себя зависимость отъ виговъ. Главныя лица этой новой партіи: Кобденъ, Робакъ и Брайтъ. Не знаемъ, кто изъ нихъ будетъ постояннымъ ея предводителемъ, но по дѣлу парламентской реформы она избрала своимъ предводителемъ Брайта.

Джонъ Брайтъ, сынъ Джемса Брайта, ланкаширскаго фабриканта, родился въ 1811 году, слѣдовательно теперь ему около 47 лѣтъ. Отецъ его былъ квакеръ, и онъ воспитанъ въ правилахъ этого исповѣданія, изъ которыхъ неуклонно слѣдовалъ всегда двумъ основнымъ: говори всегда правду, хотябы пошлое житейское благоразуміе предписывало молчать о ней, и считай преступленіемъ войну, какъ убійство. Знаменитость его началась чрезвычайно энергическимъ и блистательнымъ содѣйствіемъ Кобдену въ агитаціи для отмѣны

хлѣбныхъ законовъ. Рѣчами на митингахъ поэтому вопросу онъ приобрѣлъ такую извѣстность, что въ 1843 году могъ явиться кандидатомъ въ Дѣрремъ, гдѣ протекціонисты были чрезвычайно сильны. Его соперникъ лордъ, Деппеннонъ одержалъ верхъ, но только посредствомъ подкупа; это было доказано и парламентъ объявилъ выборъ не дѣйствительнымъ. Тогда Брайтъ снова явился кандидатомъ и былъ выбранъ въ члены парламента. Дѣятельность его въ парламентѣ и на митингахъ съ каждымъ годомъ увеличивала его славу, и въ 1847 году Манчестеръ, центръ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, единогласно избралъ своимъ представителемъ его вмѣстѣ съ Кобденомъ. Въ парламентѣ онъ, разумѣется, энергически поддерживалъ всѣ либеральныя предложенія и популярность его возрастала до самой той поры, когда поднялся въ Англіи фанатическій вопль противъ паннизма, по случаю оффиціального назначенія папою католическаго архіепископа (кардинала Уайзмана) и нѣсколькихъ католическихъ епископовъ для Англіи. Брайтъ не могъ для сохраненія популярности пожертвовать убѣжденіемъ въ обязанности каждому просвѣщенному человѣку защищать свободу совѣсти, и возсталъ противъ петерпимости. Это нѣсколько повредило ему въ общемъ мнѣніи. Но онъ все таки пользовался любовью, и при новыхъ выборахъ, въ 1852 году, Манчестеръ остался ему вѣренъ. Но вотъ началась Русская война, Брайтъ всячески старался предупредить ее, доказывалъ ея ненужность, указывалъ средства избѣжать ея; на него стали смотрѣть очень косо.

Война началась, судьба англійской арміи была печальна, національная гордость англичанъ жестоко страдала и потому ихъ раздраженіе было безгранично. Общій крикъ: «надобно, какъ можно энергичнѣе продолжать войну, чтобы загладить первыя неудачи и ошибки, чтобы разсѣять въ иностранцахъ и въ насъ самихъ сомнѣніе о нашемъ могуществѣ» заглушала всѣ другія рѣчи, подавляла всѣ другія чувства. Страшно было противорѣчить безграничному увлеченію; замолчали почти всѣ неодобрявшіе войну. Брайтъ не отступилъ отъ исполненія того, что считалъ своею обязанностью. Громче прежняго онъ доказывалъ ненужность войны. Всѣ закричали, что онъ измѣнникъ отечества, что онъ сумасшедшій негодяй. Вся популярность его исчезла, онъ подвергся презрѣнію и ненависти паціи. Но не отступилъ онъ отъ обязанности говорить ей то, что считалъ правдою. Во время войны у насъ было переводимо множество отрывковъ изъ его удивительныхъ рѣчей; но выборъ дѣлался обыкновенно очень одностороннимъ образомъ, такъ что публикѣ не легко было отгадать существенный смыслъ сопротивленія Брайта войнѣ. Многіе полагали у насъ, что Брайтъ осуждаетъ войну изъ пристрастія къ Россіи;

другіе думали, что онъ проклинаетъ ее только какъ филантропъ, какъ сантиментальный мечтатель, или какъ сектантъ, единственно изъ теоретическихъ или религіозныхъ убѣжденій о грѣхѣ проливать человѣческую кровь. Нѣтъ, онъ доказывалъ непухлость войны съ чисто-англійской точки зрѣнія, имѣя въ виду интересы не Россіи, а своей родины, и доказывалъ это соображеніями чисто практическими, говорилъ какъ государственный человѣкъ, а не какъ идеалистъ. Онъ доказывалъ, что могущество Россіи не до такой степени безмѣрно, чтобы цивилизованнымъ странамъ Западной Европы можно было серьёзно страшиться его. Онъ доказывалъ, что Россія едва ли хотѣла и едва ли могла овладѣть Константинополемъ, если бы даже западныя державы и не подавали помощи Турціи. Во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, Турція такъ нелѣпа и разстроена, что не можетъ служить оплотомъ Западной Европѣ противъ Россіи, и если не можетъ охраниться отъ Россіи своими Балканами, пустынями и болотами, то лучше и не поддерживать ее, потому что поддержка будетъ стоить гораздо дороже, нежели стоило бы прямое столкновение съ Россіею на западно-европейской почвѣ. Онъ говорилъ, что излишнее разширеніе границъ не усиливаетъ, а ослабляетъ государство, и если бы Россія завоевала Турцію, то не укрѣпилась бы, а изнурилась бы присоединеніемъ болѣзненнаго народа къ своему организму. Наконецъ онъ доказывалъ, и это было главнѣйшимъ его основаніемъ, что могущество государства зависитъ гораздо больше отъ его богатства и умственного развитія, нежели отъ его обширности и числа его жителей. Потому, говорилъ онъ, пусть Россія дѣлаетъ что хочетъ, лишь бы не мѣшала вашимъ домашнимъ дѣламъ. Если она кажется вамъ опасною своимъ могуществомъ, если вы находите нужнымъ принять какія нибудь усиленные мѣры, чтобы взять перевѣсъ надъ нею, эти мѣры должны состоять въ усиленной заботливости англійскаго правительства о развитіи англійской промышленности, о распространеніи просвѣщенія въ Англіи и болѣе всего о возвышеніи благосостоянія бѣдныхъ классовъ англійскаго народа. Последняя забота важнѣе всѣхъ, какъ потому что благосостояніе массы само по себѣ главнѣйшій источникъ государственнаго могущества, такъ и потому что оно служитъ необходимымъ условіемъ для развитія двухъ другихъ условій государственной силы, для развитія промышленности и просвѣщенія. Если вы пойдете по этому пути быстрѣе, нежели Россія, съ каждымъ годомъ вы будете становиться сильнѣе ея; а если она хочетъ идти другимъ путемъ, путемъ войны, завоеваній и насилія, она быстро будетъ терять и прежнюю свою силу. Но я не желаю вреда никакому народу, хотя больше всего желаю пользы своему. Я не радовался бы, если

бы Россія дѣйствительно хотѣла губить себя войнами и завоеваніями. Я хочу думать, что нынѣшнее столкновѣніе ея съ Турціей было только слѣдствіемъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя скоро минуются; и во всякомъ случаѣ нельзя не предвидѣть, что очень скоро она обратитъ свои силы вмѣсто завоеваній на развитіе истинныхъ источниковъ могущества, на заботу о своей промышленности, своемъ просвѣщеніи, о благосостояніи своихъ простолюдиновъ, и какъ вы, если будете благоразумны, быстро станете усиливаться, такъ будетъ возрастать и ея истинное могущество. Пусть возрастаетъ: мы должны желать ей того, какъ надобно желать и всякому другому народу, потому что такое могущество даетъ только счастье и безопасность самой державѣ, имѣющей владѣющей, а не представляется опасностью для другихъ державъ: вѣдь оно основано на промышленности, образованности, на благосостояніи массы народовъ; а чѣмъ промышленнѣе и образованнѣе государство, тѣмъ меньше ищетъ оно войны, и чѣмъ благосостоятельнѣе масса народа, тѣмъ усерднѣе народъ станетъ, въ случаѣ надобности, защищать свои границы, но тѣмъ меньше будетъ у него охоты нападать на другихъ. — Такова была сущность мыслей, которыми Брайтъ доказывалъ ненужность и вредъ войны съ Россіею для самой Англіи. Въ тѣ времена, раздраженные, ослабленные англичаде, вознегодовали на него за такія рѣчи; онъ сдѣлался предметомъ самыхъ позорныхъ ругательствъ и проклятій, самой нелѣпой клеветы. Онъ безумецъ, онъ измѣнникъ родинѣ, онъ защитникъ деспотизма, онъ подкупленъ Россіею, онъ рабъ русскаго царя, кричали про него всѣ. Онъ остался вѣренъ своей обязанности говорить правду, но ненависть и гнѣвъ народа, который онъ такъ любилъ, тяжело подѣйствовали на него, такъ что его здоровье разстроилось, и по окончаніи парламентской сессіи 1855 года, онъ, изнуренный борьбою, для поправленія здоровья уѣхалъ въ Италію. Разумѣется, къ прежнимъ клеветамъ тотчасъ же прибавилось новое истолкованіе: прежде его называли гнуснымъ измѣнникомъ, теперь дополнили его характеристику помѣшательствомъ. Озлобленіе противъ него было такъ упорно, что при выборахъ, въ мартѣ 1857 года, Манчестеръ лишилъ Брайта (вмѣстѣ съ Кобденомъ, который дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и подвергся той же ненависти, какъ Брайтъ) званія своего представителя. Но тутъ начинается новый переворотъ въ общественномъ мнѣніи относительно Брайта и его товарищей. Исключеніе изъ парламента людей столь замѣчательныхъ было несправедливостью уже слишкомъ рѣзкою, и нація вдругъ вспомнила о ихъ прежнихъ заслугахъ по отмене хлѣбныхъ законовъ. Да и притомъ, кто будетъ разбирать въ Палатѣ Общинъ промышленные вопросы съ глубокимъ знаніемъ дѣ-

ла, съ совершенною проникательностью, если не будетъ въ ней представителей манчестерской школы? Они необходимы для Палаты, и при дополнительныхъ выборахъ они введены были въ парламентъ. Брайта выбралъ Бирмингемъ. Скоро послѣ того нація разочаровалась въ Пальмерстонъ, въ жертву которому принесла Брайта и его товарищей. Воинственный жаръ успѣлъ остыть, послѣдствія войны подтвердили фактами справедливость мнѣній Брайта. Всѣ убѣдились, что Турція не стоила потраченныхъ на нее силъ. Россія по окончаніи войны предалась новому направленію, неизбѣжность и пользу котораго предсказывалъ Брайтъ, и, занявшись благотѣльными внутренними преобразованіями, фактически доказала, что не хочетъ страшить Европу съ вредомъ для себя, а заботится о дѣйствительномъ своемъ благѣ, съ пользою и для самой Европы. Непопулярность Брайта исчезла въ нѣсколько недѣль, замѣнившись прежнею или еще большею любовью націи. Масса народа въ Англіи, какъ и повсюду, прямодушна и расположена цѣнить прямоту характера чуть ли не выше всего. Англичане поняли, какая рѣдкая честность нужна была Брайту, чтобы не замолчать во время войны предъ раздраженною націею о ненавистной тогда истинѣ; какую чрезвычайную преданность общему благу доказали онъ и его товарищи, не колеблясь жертвовавшіе собою для отклоненія націи отъ разорительной ошибки. Съ уваженіемъ къ нему, какъ къ великому оратору, съ возвращеніемъ наклонности къ признаванію правды въ его убѣжденіяхъ, соединилось чрезвычайное почтеніе къ удивительной прямотѣ и честной твердости его характера. Въ это время возродилось стремленіе къ парламентской реформѣ, на время подавленное войною, и Брайтъ, явившійся самымъ блистательнымъ ораторомъ на митингахъ въ пользу этого вопроса, былъ избранъ отъ всей партіи реформаторовъ, по предложенію самого Робака, который одинъ могъ имѣть притязаніе на соперничество съ нимъ, главою реформаціоннаго движенія. Какое участіе принимаетъ онъ въ немъ, мы расскажемъ послѣ, а теперь мы хотѣли только сказать, каковъ человекъ избранный англійскою націею въ руководители такого дѣла, передъ которымъ ничтожны всѣ другія дѣла, занимающія теперь Англію.

Сравните Брайта съ Пальмерстономъ, и вы поймете, какъ будетъ отличаться отъ прежней англійской политики новая: когда партія, одушевленная понятіями производящими нынѣ реформу, станетъ сильнѣе двухъ прежнихъ партій, тогда будутъ невозможны государственные дѣятели, подобные лорду Пальмерстону. Дурные люди останутся, но принуждены будутъ руководиться въ своихъ государственныхъ дѣйствіяхъ мнѣніями честныхъ людей. Очень

вѣроятно, что часто будутъ управлять государствомъ по прежнему тори или виги, но они должны будутъ, чтобы удержаться въ министерствѣ, поступать сообразно съ требованіями новыхъ людей, понимающихъ государственное благо вѣрнѣе ихъ. Начало этому новому періоду англійской исторіи мы видимъ уже теперь, когда лордъ Дерби (этотъ идолъ Крыловской басни, изрекающій мудрые отвѣты, потому что въ немъ сидитъ жрецъ очень тонкаго ума, д'Израэли), этотъ наслѣдникъ людоедовъ, подобныхъ лорду Лондондерри, является уже гуманнымъ и просвѣщеннымъ правителемъ, потому что независимые либералы накинута довольно крѣпкую узду на него и его товарищей. Съ теченіемъ времени узда будетъ становиться крѣпче и крѣпче, т. е. и въ виггахъ и въ тори будетъ еще больше хорошаго, вкладываемаго въ ихъ дѣйствія если не внушеніями собственнаго сердца, то виѣшнею необходимостью. Съ этой стороны, со стороны уступокъ требованіямъ просвѣщенныхъ людей средняго сословія, доселѣ остающихся въ Англіи защитниками интересовъ и прѣостаго народа, исторія министерства лорда Дерби чрезвычайно занимательна. Мы теперь коснемся смысла главнѣйшаго изъ ея эпизодовъ, смысла подготовляемой агитаціею парламентской реформы. Чего хотятъ люди, избравшіе своимъ предводителемъ Брайта? Чѣмъ не довольны они въ нынѣшнемъ устройствѣ парламента, и каковъ былъ бы результатъ требуемыхъ ими перемѣнъ? Въ слѣдующемъ изложеніи мы будемъ отчасти пользоваться статьею Файдера, помѣщенной въ *Indépendance Belge* 8 и 9 декабря прошлаго года.

Первое измѣненіе, требуемое реформаціонною партіею, относится къ продолжительности срока, на который избираются члены Палаты Общинъ по распушеніи прежняго парламента.

По стариннымъ законамъ, продолжительность одного и того же парламента не была ограничена никакимъ срокомъ и зависѣла единственно отъ воли короля. Онъ могъ сохранять одинъ и тотъ же парламентъ во все продолженіе своего царствованія, если находилъ то удобнымъ для себя и полагалъ, что новые выборы будутъ ему менѣе благопріятны, нежели выборы, произведенные при его восшествіи на престолъ. Такимъ образомъ одинъ изъ парламентовъ, бывшихъ при Карлѣ II, продолжался цѣлыхъ семнадцать лѣтъ. По закону, парламентъ не могъ пережить только кончины того короля, по грамматамъ котораго произведены были выборы. Смертью короля распускался его парламентъ, и новый король долженъ былъ назначать новые выборы.

По изгнаніи Стюартовъ, при Вильгельмѣ III, почли нужнымъ ограничить прежній произволъ и обезпечить для націи средство чаще приводить въ соотвѣтствіе съ господствующимъ мнѣніемъ

корпорацію, представляющую голосъ націи. По статуту, называющемся трехгодичнымъ закономъ (Triennial act), было постановлено, что одинъ и тотъ же парламентъ не можетъ продолжаться долѣе трехъ лѣтъ и общіе выборы производятся на этотъ срокъ. Черезъ двадцать два года, при Георгѣ I, срокъ этотъ былъ продленъ на семь лѣтъ по семигодичному закону (Septennial act); измѣненіе предложено было вигами и нашло сопротивленіе въ торійскихъ абсолютистахъ и реакціонерахъ. Лордъ Сомерсъ, одинъ изъ самыхъ честныхъ и свободномыслящихъ людей тогдашней Англіи, лежавшій при смерти, сказалъ одному изъ своихъ друзей виговъ, пришедшему посоветоваться съ нимъ объ этомъ намѣреніи: «Я никогда не одобрялъ трехгодичнаго билля и всегда думалъ, что на самомъ дѣлѣ онъ производитъ результатъ, противный тому, какого хотѣли мы достигъ. Вы имѣете сердечное мое сочувствіе въ этомъ дѣлѣ и я думаю, что оно будетъ самою твердою опорою для свободы Англіи». Теперь напротивъ, прогрессисты требуютъ сокращенія срока. Откуда такая разниа въ желаніяхъ людей сходнаго образа мыслей? Въ началѣ XVIII вѣка назначеніе огромнаго большинства членовъ Палаты Общинъ зависѣло отъ лордовъ и частая смѣна парламентовъ неблагопріятствовала самостоятельности депутатовъ, которые только долгимъ срокомъ выборовъ избавлялись отъ произвола своихъ патроновъ. Подобное положеніе вещей продолжалось до самой реформы 1832 года, которая, увеличивъ число депутатовъ, назначаемыхъ большими городами, ввела въ Палату Общинъ значительное число представителей средняго сословія независимыхъ отъ патронатства. Но все еще большинство депутатовъ избирается подъ сильнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, или даже просто по ихъ назначенію. Новая реформа намѣрена положить конецъ этому введеніемъ тайной баллотировки и другими измѣненіями, о которыхъ скажемъ ниже. Тогда большинство Палаты Общинъ будетъ состоять изъ людей истинно независимыхъ, и болѣе частые выборы будутъ принуждать ихъ соображаться не съ желаніями какихъ нибудь патроновъ, какъ было прежде, а съ потребностями ихъ избирателей, также дѣлающихся независимыми отъ патронатства, т. е. быть вѣрными представителями общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ съ перемѣною обстоятельствъ одинъ и тотъ же законъ изъ либеральнаго становится реакціоннымъ или наоборотъ; и прогрессисты находятъ нынѣ пользу въ сокращеніи срока, между тѣмъ какъ прежде продолжительный срокъ былъ нуженъ для того, чтобы Палата Общинъ хотя нѣсколько повиновалась общественному мнѣнію.

Теорія различныхъ оттѣнковъ реформаціонной партіи почти единодушна по этому вопросу. Могущественное общество «Друзей

всенароднаго выбора» (Complete suffragists), радикалы и прогрессивные либералы подобно хартистамъ, которыхъ очень мало въ парламентѣ, но къ которымъ по прежнему принадлежитъ большинство простоядиновъ, желаютъ ежегодныхъ выборовъ, которые были однимъ изъ шести пунктовъ знаменитой «народной хартіи» (People's Charter), представленной въ 1839 году Палатѣ Общинъ въ формѣ просьбы съ 1,200,000 подписей, и вновь представленной въ 1848 году съ такимъ же числомъ подписей.

Если семилѣтній срокъ не удержится, то виги и тори вѣроятно будутъ отстаивать трехлѣтній срокъ, бывшій въ концѣ XVII вѣка. Мы говоримъ, — вѣроятно, потому что ни виги, ни тори еще не высказывали своихъ программъ по вопросу о реформѣ; и только по открытіи парламентскихъ засѣданій, около половины февраля, когда лордъ Дерби и лордъ Россель (быть можетъ и лордъ Пальмерстонъ отдѣльно отъ Росселя) представятъ свои собственные билли въ соперничество съ Брайтовыми, можно будетъ съ достовѣрностію опредѣлить, какую мѣру уступокъ предлагаютъ отъ себя та и другая изъ старыхъ партій. Еще неизвѣстно, какой срокъ сочтетъ практичнымъ для настоящаго времени и реформаціонная партія.

Другое коренное измѣненіе относится къ составу Палаты Общинъ. Реформаціонная партія требуетъ новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ между деревнями, или, какъ называютъ въ Англіи, графствами, и городами.

Въ настоящее время Палата Общинъ состоитъ изъ 658 человекъ; но избирательные округа назначаютъ извѣстное число депутатовъ, вовсе не по пропорціи къ числу своего населенія, какъ во всѣхъ Европейскихъ государствахъ кромѣ Америки, а просто — каждый округъ извѣстнаго класса выбираетъ извѣстное число депутатовъ, одно и тоже въ самыхъ маленькихъ и въ самыхъ большихъ округахъ этого класса.

Во-первыхъ пользуются правомъ назначать депутатовъ въ парламентъ три университета: Оксфордскій, Кембриджскій и Дублинскій Св. Троицы, каждый по два депутата.

Второй разрядъ избирательныхъ округовъ составляютъ деревни; ихъ депутаты называются, какъ мы знаемъ, депутатами графствъ. Число всѣхъ такихъ депутатовъ въ Палатѣ Общинъ простирается до 253. Тутъ избиратели — немногочисленные землевладѣльцы и толпа фермеровъ, совершенно зависящихъ отъ землевладѣльцевъ, которые нарочно не соглашаются на заключеніе съ ними срочныхъ контрактовъ, а ограничиваются контрактами безсрочными (at will), которые могутъ быть уничтожены во всякое время произволомъ каждаго изъ двухъ контрагентовъ. Выборы происходятъ въ Англіи

посредствомъ записи въ книгу, за какого кандидата какой избиратель подаетъ голосъ. Такимъ образомъ землевладѣлецъ можетъ прогнать съ фермы фермера, который не послушается его приказаній и не поддержитъ своимъ голосомъ кандидата, пользующагося покровительствомъ землевладѣльца. Почти вся земля въ Англіи сосредоточена, какъ извѣстно, въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ аристократовъ, и эти немногочисленные богатые землевладѣльцы назначаютъ всѣхъ такъ называемыхъ депутатовъ графствъ, то есть почти двѣ пятыхъ части всего числа депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Остальные 399 депутатовъ избираются городами или, чтобы вѣрнѣе передать смыслъ англійскаго термина—замками или цитаделями (borough). Въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда всѣ города были крѣпостями, и городскую корпорацію составляли только граждане, жившіе въ собственнo такъ называемомъ укрѣпленномъ городѣ, а жители предмѣстій были исключены отъ участія въ ихъ правахъ. Мало по малу все это измѣнилось, стѣны разрушились, жители предмѣстій сравнялись въ правахъ съ жителями стараго города; но въ избирательномъ смыслѣ городъ по прежнему называется не просто городомъ (city), а укрѣпленнымъ городомъ или замкомъ (borough). Средневѣковое начало осталось не въ одномъ имени, но и въ чрезвычайной неравномѣрности пропорцій между числомъ жителей или даже избирателей и числомъ назначаемыхъ ими депутатовъ. Землевладѣльческіе или деревенскіе округа по крайней мѣрѣ всѣ довольно велики; но въ числѣ городовъ, назначающихъ каждый по столько же депутатовъ, какъ Ливерпуль, Манчестеръ, Глазго, Лидсъ или Бирмингемъ, находится множество маленькихъ и ничтожныхъ мѣстечекъ, болѣе похожихъ на деревушки, нежели на города. Количество этихъ запустѣвшихъ городовъ (rotten boroughs), составляющихъ каждый по отдѣльному избирательному округу, уменьшено на половину реформою 1832 года, но все таки ихъ остается еще чрезвычайно много; между прочимъ насчитывается 59 такихъ городовъ, которые имѣютъ каждый менѣе 500 избирателей. Всѣ вмѣстѣ эти 59 городовъ, имѣя только 20,076 избирателей и всего населенія не болѣе 373,000, посылаютъ въ парламентъ 89 депутатовъ, между тѣмъ какъ Ливерпуль, одинъ имѣющій большее число жителей и избирателей, нежели всѣ они вмѣстѣ, назначаетъ только двухъ депутатовъ.

Въ числѣ многочисленныхъ маленькихъ городковъ, имѣющихъ избирательную привилегію, находится много такихъ, въ которыхъ всѣ жители совершенно зависятъ отъ одного землевладѣльца, какъ будто въ деревнѣ; поэтому не будетъ преувеличеніемъ сказать, что до сихъ поръ большинство Палаты Общинъ назначалось нѣсколькими сотнями богатыхъ землевладѣльцевъ, а весь остальной миллионъ

избирателей Англіи назначалъ только меньшую половину депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Измѣненіе въ распредѣленіи избирательныхъ округовъ, требуемое реформаціонною партіею, имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ уменьшить зависимость Палаты Общинъ отъ аристократическихъ землевладѣльцевъ, и безъ того уже имѣющихъ слишкомъ значительную долю въ законодательной власти по своему званію членовъ Палаты Лордовъ. Во-вторыхъ уничтожить страшную неравномѣрность числа депутатовъ съ числомъ населенія въ разныхъ избирательныхъ округахъ.

Въ теоріи тутъ и манчестерская школа и радикалы опять согласны съ хартистами: они считаютъ наилучшимъ тотъ принципъ, какой введенъ во всѣхъ новыхъ конституціонныхъ государствахъ Западной Европы, именно распредѣленіе страны на избирательные округа безъ различія городовъ отъ деревень, и каждому избирательному округу предоставленіе числа представителей прямо соразмѣрнаго его населенію. Тогда, напримѣръ Манчестеръ составлялъ бы одинъ избирательный округъ съ окрестными мѣстечками и деревнями или, пожалуй, и цѣлое Ланкастерское графство, то есть и Манчестеръ и Ливерпуль и другіе города со всѣми деревнями Ланкастерскаго графства составляло бы одинъ округъ. И напримѣръ въ первомъ случаѣ, если Манчестерскій избирательный округъ имѣлъ бы 500,000 жителей, между тѣмъ какъ все Великобританское Королевство съ Ирландіею 28,000,000, и въ Палатѣ Общинъ по прежнему будутъ находиться 658 членовъ, то на долю Манчестерскаго округа пропорціонально числу его жителей пришлось бы выбрать 11 или 12 представителей.

Такова теорія реформистовъ. До какой степени возможнымъ сочтутъ они измѣнить въ настоящее время распредѣленіе избирательныхъ округовъ на практикѣ, мы скоро узнаемъ.

Третье измѣненіе относится къ условіямъ, которыя до сихъ поръ были нужны человѣку для того, чтобы онъ могъ явиться кандидатомъ на парламентскіе выборы. До сихъ поръ могъ быть членомъ парламента отъ графства только владѣтель участка земли, дающаго не менѣе 600 фун. стерл. (немного менѣе 4,000 р. серебромъ) годоваго дохода, а представителемъ отъ города только человѣкъ имѣющій собственность, приносящую не менѣе 300 фун. стерл. (около 2,000 руб.) ежегоднаго дохода. Исключеніе изъ этого допускалось одно, и то въ пользу аристократіи: старшіе сыновья перовъ Англіи могутъ быть избираемы депутатами отъ графствъ, хотя бы не имѣли никакого самостоятельнаго дохода.

Вся реформаціонная партія согласна въ теоретическомъ желаніи,

чтобы это и нѣкоторыя другія стѣснительныя условія кандидатства были отмѣнены, и депутатомъ могъ быть каждый англичанинъ, котораго почтутъ своимъ довѣріемъ избиратели.

И теперь есть и прежде были въ числѣ членовъ Палаты Общинъ люди безъ всякаго состоянія; но они вступали въ парламентъ какъ кліенты могущественныхъ аристократовъ, которые, сообщивъ имъ право называться владѣльцами нужной для кандидатства собственности посредствомъ какого нибудь фиктивного акта, доставляли имъ для безбѣдной жизни какую нибудь синекуру или просто давали содержание отъ себя. Если другія перемѣны, требуемыя реформаціонною партією, осуществляются въ надлежащемъ размѣрѣ, то въ Палату Общинъ войдетъ множество людей безъ состоянія, по дорожающихъ своею независимостью, — такихъ людей, которые не захотятъ принимать синекуру, а тѣмъ менѣе позволять кому нибудь предложить имъ содержаніе. Но обязанность члена Палаты Общинъ, дѣйствительно исполняющаго свой долгъ, отнимаетъ чрезвычайно много времени. Въ теченіе всей парламентской сессіи одно присутствіе въ засѣданіи отнимаетъ у него почти половину дня. Если же онъ будетъ говорить рѣчи, то ему понадобится еще много времени на статистическія, историческія, юридическія и другія ученые занятія. Притомъ, жизнь въ Лондонѣ гораздо дороже, нежели въ провинціальныхъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ. Человѣкъ не богатый не можетъ быть отвлекаемъ такъ сильно отъ своихъ частныхъ дѣлъ и переселяться въ столицу безъ вознагражденія. Потому необходимымъ дополненіемъ къ другимъ преобразованіямъ является назначеніе жалованья членамъ Палаты Общинъ. Народная Хартія опредѣляла его въ 500 фунтовъ (нѣсколько болѣе 3,000 руб. сер.) въ годъ.

Въ Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи и Ирландіи считается около 7,000,000 взрослыхъ мужчинъ. Изъ нихъ до сихъ поръ только одна шестая часть, не многимъ болѣе 1,000,000 человѣкъ, пользовалась правомъ подавать голосъ на парламентскихъ выборахъ. Въ графствахъ это право предоставлено теперь только владѣльцамъ независимыхъ участковъ земли, *freeholders*, дающихъ не менѣе 10 фунт. дохода и фермерамъ, платящимъ за наемъ фермы землевладѣльцу не менѣе 50 фунтовъ; а въ городахъ лицамъ, занимающимъ квартиры цѣною не менѣе 10 фунтовъ. Такимъ образомъ даже и среднее сословіе не все пользуется избирательнымъ правомъ, а изъ простолюдиновъ недоступно оно, можно сказать, никому.

Хартисты, радикалы и манчестерская школа согласны въ томъ, что слѣдовало бы желать, чтобы каждый взрослый англичанинъ, безъ всякаго различія состояній, сдѣлался избирателемъ. Въ теоріи вся реформаціонная партія принимаетъ *suffrage universel*. Какими усло-

віями надобно ограничить его, чтобы реформа могла пройти черезъ нынѣшнюю Палату Общинъ, огромное большинство которой принадлежитъ къ стариннымъ аристократическимъ партіямъ, — это другой вопросъ; и теперь еще неизвѣстно, какія именно основанія для расширенія числа избирателей приметъ Брайтъ въ своемъ биллѣ, по совѣщанію съ депутатами главнѣйшихъ реформаціонныхъ обществъ, покрывающихъ теперь всю Англію своими комитетами. Изъ его рѣчей на митингахъ извѣстно только, что онъ считаетъ для настоящаго времени практичнымъ основаніемъ такое расширеніе избирательнаго права, чтобы участвовалъ въ парламентскихъ выборахъ каждый, участвующій въ выборахъ лицъ, завѣдующихъ сборами на неимущихъ, то есть, каждый глава семейства или человѣкъ, живущій самостоятельноя хозяйствомъ.

Остановится ли онъ на этомъ основаніи или, по совѣщанію съ важнѣйшими представителями реформаціонной партіи, найдетъ практичнымъ измѣнить его, — пока еще неизвѣстно. Но этотъ вопросъ представляется наименѣе сомнительнымъ изъ всѣхъ составныхъ пунктовъ реформы относительно своего дѣйствительнаго осуществленія. Старинныя партіи вѣроятно будутъ противиться введенію баллотировки и пропорціональнаго распределенія депутатовъ по числу населенія избирательныхъ округовъ; но кромѣ немногихъ слишкомъ упорныхъ торі, думающихъ отдѣлится отъ лорда Дерби и остальныхъ торі, чтобы безусловно отвергать реформу, всѣ отѣнки парламентскихъ партій согласны въ томъ, что избирательное право должно быть расширено въ очень значительной степени; и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что реформа введетъ въ число избирателей половину совершеннолѣтнихъ англичанъ, такъ чтобы пониженіе ценса обняло значительную часть простолюдиновъ.

Но предоставленіе правъ бѣдной части средняго сословія и простолюдиновъ дастъ ихъ потребностямъ дѣйствительное вліяніе на составъ Палаты Общинъ только тогда, когда независимость избирателей будетъ ограждена введеніемъ тайной баллотировки (ballot) на выборахъ. Эта гарантія въ Англіи необходимѣе, нежели гдѣ нибудь. Во Франціи, въ Бельгіи, въ Германіи есть очень много простолюдиновъ, владѣющихъ землею, слѣдовательно независимыхъ отъ чужаго произвола; многіе ремесленники также занимаются въ этихъ странахъ своими промыслами, какъ самостоятельные хозяева. Въ Англіи ни тотъ, ни другой разрядъ самостоятельныхъ простолюдиновъ почти не существуетъ. Простолюдины — земледѣльцы тамъ не болѣе, какъ наемные работники, подчиненные произволу фермеровъ, которые въ свою очередь также подчинены произволу землевладѣльцевъ. Ремесленные промыслы гораздо въ сильнѣйшей степени, нежели на кон-

тинентѣ, сосредоточены въ обширныхъ мастерскихъ, и ремесленники также, какъ и земледѣльцы, почти все обратились въ наемныхъ работниковъ;—о фабричныхъ рабочихъ нечего и говорить. Потому введеніе тайной баллотировки реформаціонною партіею требуется съ такою же настойчивостью, какъ расширеніе избирательнаго права. Но изъ всѣхъ пунктовъ Брайтова билля баллотировка встрѣтитъ самое сильное сопротивленіе со стороны старинныхъ партій, сознающихъ, что именно въ этомъ вопросѣ заключается вопросъ о продолженіи или паденіи прежней ихъ силы. Пройдетъ ли это требованіе реформаціонной партіи черезъ Палату Общинъ, трудно сказать прежде, нежели разъяснятся мнѣнія той части виговъ, которая отвергла Пальмерстона и возвратилась къ прежнему главѣ всей вигистской партіи, лорду Росселю.

Мы изложили требованія реформаціонной партіи и смыслъ ихъ.

Народная Хартія также ограничивалась шестью пунктами, составляющими теперь программу всѣхъ независимыхъ либераловъ. Ея знаменитыя требованія были:

1) Всеобщее право избирательства; избирателемъ долженъ быть каждый совершеннолѣтній человѣкъ, находящійся въ здоровомъ разсудкѣ и не осужденный за уголовное преступленіе.

2) Ежегодные парламентскіе выборы.

3) Жалованье членамъ Палаты Общинъ, чтобы и люди безъ состоянія могли принимать на себя званіе депутатовъ.

4) Выборы посредствомъ тайной баллотировки, чтобы оградить независимость избирателей.

5) Новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, чтобы число депутатовъ отъ cadaго округа было соразмѣрно его населенію.

6) Отмѣненіе ценза для кандидатовъ, чтобы нація могла избирать своихъ депутатовъ безъ различія между богатыми и бѣдными.

Въ 1839 году, и даже не дальше, какъ въ 1848 году, Народная Хартія называлась безуміемъ, выставлялась гибелью для Англіи. Теперь мы видимъ, что честнѣйшіе и наиболѣе практичные изъ государственныхъ людей Англіи, такіе люди какъ Брайтъ и Кобленъ, своею дѣятельностью въ Лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ доказавшіе, что они вовсе не похожи на сантиментальныхъ идеалистовъ, принимаютъ всѣ шесть пунктовъ Народной Хартіи; и если билль Брайта допустить нѣкоторыя ограниченія въ изложенной нами программѣ, то эти измѣненія явятся только временною уступкою для пріобрѣтенія большаго числа союзниковъ въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, только слѣдствіемъ парламентской тактики, принимающей компромиссы, взаимныя уступки или сдѣлки въ подробностяхъ, для доставленія скорѣйшаго торжества основнымъ принципамъ. Въ мірѣ нравственномъ,

также какъ и въ матеріальномъ то, что сначала казалось невозможностью, часто является необходимостью, и то, что казалось безуміемъ, признается мудростью черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ послѣ того, какъ было отвергаемо, осмѣиваемо или проклинаемо.

Вопросъ объ исполненіи требованій, выставляемыхъ всею реформаціонною партіею, сталъ теперь вопросомъ только о времени. Не нынѣ, завтра, нѣсколькими годами раньше, нѣсколькими годами позднѣе, всѣ они должны быть приняты парламентомъ. Вопросъ о парламентской реформѣ вообще не допускаетъ и такой отсрочки; она должна быть произведена не позже какъ въ слѣдующую сессию, если не будетъ произведена въ сессию нынѣшняго года, что гораздо вѣроятнѣе для насъ и представляется несомнѣннымъ для всѣхъ Англійскихъ газетъ. Но спрашивается теперь, въ какой степени именно нынѣшней реформой будутъ удовлетворены требованія реформаціонной партіи. Мы уже говорили, что это должно разъясниться не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ, вскорѣ по открытіи парламентской сессіи. Теперь еще неизвѣстно, всѣ ли шесть пунктовъ будетъ обнимать билль Брайта, или реформаціонная партія найдетъ практичнымъ взяться на первый разъ за проведеніе только трехъ основныхъ пунктовъ (расширеніе избирательства, передѣлъ округовъ и баллотировка). Неизвѣстно также, какой именно тактикѣ захотятъ слѣдовать три отгѣнка старыхъ аристократическихъ партій, заключающихъ въ себѣ четыре пятыхъ частей всего состава нынѣшней Палаты Общинъ. Они еще и сами не рѣшили въ точности, какъ будутъ дѣйствовать: подобныя рѣшенія, вынуждаемыя необходимостью, подчиняются обстоятельствамъ, измѣняющимся каждый день, и потому окончательно принимаются только наканунѣ самаго дѣйствія. Мы перечислимъ различные шансы, указывая на тѣ, которые нынѣ представляются правдоподобнѣйшими, но которые могутъ смѣниться другими въ промежутокъ, отдѣляющій нынѣшний день отъ преній въ Палатѣ Общинъ о реформѣ.

Само собою разумѣется, мы не имѣемъ претензіи предсказывать, какъ именно и что именно случится: очень можетъ быть, что вмѣсто комбинацій, излагаемыхъ нами, явятся вслѣдствіе непредвидимыхъ обстоятельствъ другія комбинаціи. Мы только хотимъ перечислить случаи, представляющіеся вѣроятнѣйшими теперь, чтобы читатель могъ легче соображать значеніе отрывочныхъ газетныхъ извѣстій о тѣхъ парламентскихъ движеніяхъ, которыя болѣе или менѣе подходили бы къ тому или другому изъ сочетаній, объясненныхъ нами.

Въ настоящее время Палата Общинъ распадается, какъ извѣстно, на четыре большія партіи: тори, пальмерстоновскіе виги, росселевскіе виги и реформисты. Они должны слиться въ двѣ партіи, покрайней мѣрѣ по важнѣйшимъ вопросамъ, именно по вопросамъ о тайной

баллотировкѣ, передѣлѣ округовъ и степени разширенія избирательнаго права. Будутъ сначала представлены три главные билля: торійскій билль Дерби, билль Росселя и билль Брайта. Представитъ ли Пальмерстонъ свой особенный билль—еще неизвѣстно, да и неважно знать это, потому что онъ незнакомъ въ подобныхъ дѣлахъ и будетъ не болѣе, какъ компиляторомъ. Быть можетъ, и пилиты представятъ особенный билль; но они малочисленны и имѣютъ важность только тѣмъ, что могутъ служить посредниками для сближенія Брайта съ Росселемъ или съ Дерби, или Росселя съ Дерби. Изъ этихъ трехъ, четырехъ или пяти биллей только два, имѣющіе наиболѣе надежды соединить большинство голосовъ, послужать серьезнымъ предметомъ преній; другіе будутъ представлены собственно только для формы, для очищенія совѣсти той или другой партіи, чтобы не сказали, будто она не имѣла собственнаго рѣшенія поднятому вопросу. Чьи же это два билля, которые будутъ серьезнѣйшими соперниками? По всей вѣроятности, билль Дерби и билль Росселя. Партія Дерби такъ многочисленна, что не можетъ примкнуть къ другой партіи, а можетъ только дѣлать уступки, чтобы къ ней примкнула какая нибудь другая партія. Пальмерстонъ, изнемогающій подъ непопулярностью, и малочисленные пилиты не могутъ быть серьезными соперниками Дерби. Билль Брайта не можетъ пріобрѣсти голосовъ ни массы тори, ни массы виговъ: онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это отдѣлать въ свою пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣйшихъ людей изъ того и другаго лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе 300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только запросомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія, со стороны независимыхъ либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьезнымъ соперникомъ биллю Дерби вѣроятно останется только билль Росселя. Который же изъ нихъ восторжествуетъ? Это зависитъ отъ двухъ шансовъ.

Во-первыхъ, на что рѣшатся пальмерстоновскіе виги. Присоединившись къ Дерби, они едва ли дадутъ ему большинство, но сдѣлаютъ невозможнымъ его сближеніе съ реформаціонною партіею. Присоединившись къ Росселю, они заставятъ Дерби сдѣлать всевозможныя уступки для пріобрѣтенія помощи реформистовъ, безъ которой тогда ему не будетъ спасенія.

Но быть можетъ реформисты сдѣлаютъ выборъ между Дерби и Росселемъ раньше, нежели исполнять свой маневръ пальмерстоновскіе виги. Въ такомъ случаѣ побѣда скоро будетъ рѣшена: она по

всей вѣроятности останется за тою стороною, къ которой присоединятся реформисты.

Къ какой же сторонѣ присоединятся они? Надобно думать, что это зависитъ не столько отъ Дерби, сколько отъ Росселя. Онъ и его часть виговъ—настоящіе господа пылѣшняго положенія вещей, на сколько оно обрисовалось до сихъ поръ. Какъ бы ѣдко ни говорили реформисты о виггахъ, сколько бы услугъ ни оказали они до сихъ поръ лорду Дерби, все-таки у нихъ гораздо больше расположенія къ союзу съ Росселемъ, нежели съ Дерби: они сами вышли изъ вигговъ, у нихъ множество общихъ воспоминаній съ партією Росселя, и Россель все-таки гораздо лучшій прогрессистъ, нежели Дерби, хотя оба они довольно плохіе прогрессисты. Да и Дерби поддерживали они нѣкоторое время только для того, чтобы вынудить больше уступокъ у Росселя. Что касается до принциповъ, Росселю уступки, нужныя для сближенія съ реформистами, были бы вовсе не такъ тяжелы, какъ Дерби; но тутъ примѣшивается другое обстоятельство, отнимающее возможность достовѣрно предвидѣть рѣшеніе Росселя. Уступки въ отвлеченныхъ принципахъ мало. Если близъ Росселя восторжествуетъ, министерство Дерби падетъ и образуется новый кабинетъ, кабинетъ Росселя. Если онъ будетъ обязанъ побѣдою реформистамъ, принципъ требуетъ дать имъ нѣкоторые изъ министерскихъ портфелей, или, какъ говорятъ въ Англіи, печатей. Но для этого надобно было бы отказаться отъ постоянного правила предводителей виггистской партіи, которые всегда берегли министерскія мѣста исключительно для членовъ пяти или шести главныхъ виггистскихъ фамилій; именно эта уступка—допущеніе въ кабинетъ людей средняго рода (употребляемъ удачное выраженіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ: оно какъ нельзя лучше характеризуетъ понятія владѣющихъ въ Англіи фамилій) по всей вѣроятности будетъ для Росселя и его товарищей тяжелѣе, нежели для Дерби и торійской партіи, которая такъ обветшала и оскудѣла умственными силами, что давно уже видитъ себя въ необходимости подкрѣплять свои кабинеты людьми средняго рода, терпѣла уже униженіе своему суздальскому чувству (прибѣгаемъ опять къ удачному выраженію того же соотечественника: только подобныя выраженія и могутъ объяснять русскому читателю, почему Англія, при многихъ великихъ сторонахъ несомнѣннаго превосходства, не пользовалась до сихъ поръ популярностью на континентѣ), повинуваясь Роберту Пилю, а теперь слушааясь д'Израэли, и уже притерпѣлась къ этой бѣдѣ.

Чтобы привлечь къ себѣ реформистовъ, Россель долженъ ввести въ свой билль тайную баллотировку, — ввести ли онъ ее? Тяжело взять въ товарищи себѣ людей средняго рода; тяжело и

подкопать основу аристократического господства надъ Палатою Общинъ. Но съ другой стороны, какъ же уступить Пальмерстону, ненавистнѣйшему сопернику, какъ не превзойти его въ либерализмъ? А вѣдь приверженцы Пальмерстона уже соглашались на расширение избирательнаго права до какой угодно степени, хотя бы даже до всенароднаго избирательства. Стало быть превзойти ихъ въ этомъ пунктѣ нельзя, и остается только вопросъ о тайной баллотировкѣ. Что же касается до ослабленія зависимости выборовъ отъ аристократическаго вліянія, тутъ опять съ нѣкоторой непріятностью соединено и сильное удовольствіе, да и большая выгода. Почти всѣ большіе землевладѣльцы заклятые тори; уничтожить вліяніе лендлордовъ на выборы значитъ—подорвать въ самомъ корнѣ могущество торійской партіи: партія виговъ на четыре пятыхъ выходитъ изъ независимыхъ выборовъ, стало быть потерять очень мало, потерявъ членовъ, даваемыхъ ей несвободными выборами, за то приобрѣтаетъ множество новыхъ членовъ отъ выборовъ, которые выйдутъ изъ-подъ власти тори. А партія тори, вся до послѣдняго чловѣка, входитъ въ Палату Общинъ только черезъ аристократическое вліяніе. Выражаясь терминами употребительными на континентѣ, тайная баллотировка имѣла бы такое вліяніе на составъ Палаты Общинъ: нынѣ правая сторона (Дерби) имѣетъ двѣ пятыхъ части голосовъ; центръ (Россель) также двѣ пятыхъ части; лѣвая сторона (Кобденъ, Брайтъ, Робакъ) одну пятую часть; чрезъ введеніе тайной баллотировки, отъ нынѣшней правой стороны уцѣлѣетъ развѣ четвертая часть; остальные ея голоса пополамъ раздѣлятся между двумя остающимися партіями. Такимъ образомъ нынѣшній центръ, нѣсколько подвинувшись направо, займетъ всю правую сторону и будетъ имѣть три пятыхъ частей всѣхъ голосовъ, т. е. располагать рѣшительнымъ большинствомъ и господствовать, не нуждаясь уже ни въ какихъ союзахъ и уступкахъ. Выгоды для Росселя тутъ очевидны. Потому многіе полагаютъ, что онъ введетъ въ свой билль тайную баллотировку. Отважится ли онъ на такое отступленіе отъ своихъ прежнихъ биллей, мы не знаемъ; но если отважится—побѣда его не подлежить сомнѣнію, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ положеніи обстоятельствъ. Правда, пальмерстоновскіе виги могутъ тогда отшатнуться отъ него, но и вмѣстѣ съ тори едва ли составятъ они большинство.

Въ такомъ случаѣ правдоподобнѣйшій ходъ дѣлъ былъ бы слѣдующій: билль лорда Дерби отвергается (пренія, вѣроятно, начнутся съ нею); это значитъ, что Палата предпочитаетъ билль Росселя. По парламентскимъ правиламъ, лордъ Дерби и его товарищи немедленно подають въ отставку. Королева поручаетъ Росселю составить

министерство. Обычай обя зываетъ его взять своими товарищами въ министерство нѣсколько человѣкъ изъ реформистовъ, содѣйствовавшихъ паденію прежняго министерства. Но онъ можетъ не сдѣлать этого, и для составленія большинства ввести въ министерство пальмерстоновскихъ виговъ и пилитовъ. По окончаніи преній и по утвержденіи Росселева билля парламентъ будетъ распущенъ и назначены выборы на основаніи новаго закона. Они , по всей вѣроятности, дадутъ Росселю такое большинство, что онъ будетъ въ состояніи освободиться отъ всякихъ союзниковъ, сколько нибудь стѣснительныхъ, и тогда реформисты будутъ составлять оппозицію вигистскому министерству.

Довольно вѣроятнымъ представляется и другой случай. Если Россель не введетъ въ свой билль тайную баллотировку, реформисты будутъ поддерживать билль Дерби, который въ расширеніи права избирательства можетъ не пожалѣть уступокъ, чтобы превзойти Росселя либерализмомъ. Тогда билль Дерби проходитъ и торійское министерство назначаетъ новые выборы по утвержденіи своего билля королевой. Но только до этой поры и простирается разница между двумя случаями, о которыхъ мы говоримъ: результатъ новыхъ выборовъ всегда будетъ одинъ и тотъ же. Въ новомъ парламентѣ тори будутъ слабы, большинство пріобрѣтутъ виги, а реформисты, усилившись вдвое противъ нынѣшняго, будутъ составлять оппозицію.

Наконецъ можетъ представиться третій случай, который по нынѣшнему положенію дѣлъ вѣроятенъ не менѣе двухъ другихъ: упорство виговъ противъ коренной реформы можетъ взять такую силу надъ ихъ чувствами, что они захотятъ соединиться съ тори, своими давнишними соперниками, лишь бы только дать какъ можно менѣе простора преобразованію. Тогда Дерби, Пальмерстонъ и Россель, или Дерби и Россель станутъ поддерживать одинъ и тотъ же билль, составленный изъ соединенія торійскаго съ вигистскимъ. Тогда изъ виговъ очень многіе отдѣлятся отъ своихъ прежнихъ предводителей и присоединятся къ реформистамъ. Но все таки за массою остальныхъ виговъ вмѣстѣ съ тори будетъ очень сильное большинство. Они будутъ вынуждаться тогда къ уступкамъ уже не парламентскою необходимостью, а только вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое въ этомъ случаѣ получитъ наименьшее возможное удовлетвореніе. Возникнетъ коалиціонное министерство Росселя и Дерби или Росселя, Пальмерстона и Дерби; но и оно опять таки приходитъ къ тому же концу: послѣ новыхъ выборовъ виги получаютъ большинство и остаются одни полными господами въ кабинетѣ. Тогда въ новомъ парламентѣ тори сохранятъ нѣсколько больше голосовъ, хотя все

таки ослабѣютъ. Это сбереженіе нѣкоторой силы произойдетъ на-счетъ виговъ, большинство которыхъ не будетъ такъ значительно, какъ въ двухъ другихъ случаяхъ.

Вотъ различные шансы для хода событій, и одинъ изъ трехъ, представленныхъ нами случаевъ, непременно долженъ осуществиться, если не произойдетъ какихъ нибудь непредвидѣнныхъ теперь политическихъ событій на континентѣ въ недалгій промежутокъ, отдѣляющій насъ отъ преній о реформѣ. Мы видимъ, что каковы бы ни были политическіе маневры партій, дѣло все таки должно придти къ одному и тому же концу послѣ новыхъ выборовъ: въ новомъ парламентѣ тори ослабѣютъ, виги пріобрѣтутъ большинство и войдутъ въ министерство на мѣсто тори; реформисты усилятся до того, что будутъ составлять оппозицію, между тѣмъ какъ до сихъ поръ оппозиціею бывали поочередно только или виги или тори, для которыхъ реформисты служили не болѣе, какъ союзниками.

Отъ хода событій, отъ передачи кабинета однѣми партіями другимъ, обратимся къ соображенію о томъ, какое вліяніе обнаружитъ парламентская реформа на общій характеръ англійской политики. Если читатель хотя нѣсколько сочувствуетъ тѣмъ понятіямъ о ходѣ исторіи, которые выражены нами въ началѣ этого очерка, онъ не будетъ увлекаться блистательными надеждами и одобрить наше правило: предполагать всегда наименѣе благопріятную для прогресса развязку каждаго кризиса. Вся исторія человѣчества внушаетъ скромность ожиданій отъ настоящаго. Да оно и лучше, когда не надеешься ничего особенно выгоднаго или радостнаго: по крайней мѣрѣ избавляешься отъ разочарованій. За то когда надежды приведены къ наименьшему размѣру, какой только допускается здравымъ смысломъ, можно быть увѣреннымъ, что то небольшое и малое, на что рассчитываешь, уже неизбѣжно случится. А если противъ ожиданій обстоятельства повернутся нѣсколько благопріятнѣй, нежели могли бы повернуться въ наихудшемъ случаѣ, тогда принимаешь каждую данную ими прибавку, какъ сюрпризъ судьбы. Будемте предполагать, что намъ придется носить шубы до самаго іюня, а если теплая погода начнется раньше, тѣмъ лучше.

Мы возьмемъ самый худшій случай, какой возможенъ. Предположимъ, что виги и тори, забывая прежнее соперничество, соединяются для сопротивленія опасности, дѣйствительно грозящей одинаково и тѣмъ и другимъ. Вѣдь широкая реформа подорвала бы могущество не только тори, и виговъ: виги усилились бы только на короткое время, и реформисты съ каждымъ новыми выборами стали бы захватывать на ихъ счетъ все больше и больше депутатскихъ мѣстъ.

Если приятность временнаго торжества не возьметъ верха надъ желаніемъ упрочить свою пынѣшнюю силу, виги соединятся съ тори теперь же для сопротивленія реформистамъ. Тогда реформа будетъ имѣть наименьшій размѣръ. Пусть будетъ отвергнуто сокращеніе срока парламента, и жалованье депутатамъ, и тайная баллотировка и уничтоженіе ценса для кандидатовъ. Все таки остаются еще два пункта, въ которыхъ старыя партіи не могутъ не сдѣлать уступокъ общественному мнѣнію, въ которыхъ онѣ уже рѣшились на уступки. Эти два пункта: измѣненіе избирательныхъ округовъ и разширеніе избирательства. И Дерби, и Пальмерстонъ, и Россель, всѣ уже сказали, что этихъ двухъ вещей нельзя не сдѣлать. Пусть и въ нихъ уступка будетъ сдѣлана самая меньшая, хотя бы даже ничтожная, хотя бы даже на первое время чисто формальная и вздорная. Пусть останется очень рѣзкая непропорціональность между числомъ депутатовъ и населеніемъ округовъ. Пусть основою для разширенія избирательнаго права будетъ принята не самостоятельность и какое бы то ни было участіе въ платежѣ прямыхъ мѣстныхъ податей, а только пониженіе ценса, которое давно уже предлагаютъ и Дерби, и Пальмерстонъ, и Россель. Все таки въ городахъ избирателями сдѣлаются довольно многіе простолюдины и слѣдовательно отъ тѣхъ большихъ городовъ, гдѣ выборы имѣютъ уже и теперь независимость, депутатами въ парламентъ будутъ назначаться люди, служащіе болѣе точными представителями національныхъ потребностей, нежели теперь; и все таки у нѣкоторыхъ изъ маленькихъ городовъ, не имѣющихъ независимости, будетъ взято нѣсколько депутатовъ и передано большимъ независимымъ городамъ. Въ результатѣ число депутатовъ, дѣйствительно представляющихъ въ парламентѣ національныя потребности, все таки значительно увеличится и качество ихъ, если можно такъ выразиться, степень соотвѣтственности ихъ голосовъ съ голосомъ націи, улучшится. Ихъ будетъ больше, это значитъ, усилятся ихъ вліяніе на парламентскія пренія; смыслъ ихъ рѣчей улучшится, это значитъ, что съ большею противъ прежняго силою они будутъ требовать отъ парламента для блага націи больше, нежели могли требовать до сихъ поръ. Словомъ сказать, пусть реформа будетъ обрѣзана старыми партіями до послѣдней крайности, — все же она усилитъ въ парламентѣ людей, заботящихся о благѣ націи, т. е. хотя нѣсколько облегчитъ дальнѣйшій путь къ болѣе полнымъ реформамъ, а до той поры, до осуществленія болѣе полныхъ реформъ, все таки принудитъ парламентъ хотя на одну каплю болѣе думать объ истинныхъ потребностяхъ націи, нежели какъ было до сихъ поръ. Этого мы не «надѣмся» отъ реформы, — «надѣяться» тутъ выраженіе неумѣстное: развѣ говорится:

я надѣюсь, что 20 января солнце выйдет нѣсколько раньше и закатится нѣсколько позже, чѣмъ 19? Развѣ говорится: «я надѣюсь, что февраль будетъ нѣсколько теплѣе января?» Нѣтъ, говорится просто: я знаю это, — такъ и мы скажемъ просто: мы знаемъ, что реформа дастъ англійской націи больше силы надъ веденіемъ англійской политики, нежели сколько нація имѣла силы до сихъ поръ.

А англійская нація не совсѣмъ похожа на лорда Пальмерстона и ему подобныхъ буяновъ надъ слабыми, трусовъ передъ сильными. Она, какъ и всѣ европейскія націи, живетъ своимъ трудомъ, стало быть не имѣетъ ни времени, ни охоты безъ нужды выѣшиваться въ чужія дѣла, а хочетъ только заботиться о своемъ благосостояніи, искренно желаетъ добра и другимъ. Она, какъ и всѣ трудящіеся люди, хотѣла бы только того, чтобы лучшимъ устройствомъ ея домашнихъ отношеній было облегчено ея существованіе, и каждому изъ ея трудящихся членовъ дана возможность, послѣ тяжелой дневной работы, отдохнуть вечеромъ у домашнего очага, дана возможность имѣть нѣсколько досуга, при которомъ человѣкъ изъ чернорабочей машины мало по малу становится дѣйствительно человѣкомъ.

Но мы забыли еще одинъ шансъ. Если не вспыхнетъ какая нибудь неправдоподобная война въ два три слѣдующіе мѣсяца и не отвлечетъ бѣдную націю, жертву чужаго честолюбія и легкомыслія, отъ заботы о своихъ дѣлахъ, то билль о реформѣ будетъ принятъ Палатою Общинъ въ нынѣшнюю сессію, т. е. никакъ не дальше половины нынѣшняго года. Но вѣдь этнмъ еще не кончается дѣло: билль, прошедши черезъ Палату Общинъ, нуждается потомъ въ согласіи Палаты Лордовъ, и только прошедши черезъ нее, получаетъ утвержденіе королевы. Что, если Палата Лордовъ отвергнетъ билль? Едва ли. Въ подобныхъ вопросахъ не допускается сопротивленіе Палатъ Общинъ. Это не какой нибудь вопросъ о допущеніи евреевъ въ парламентъ; это не какія нибудь дразни, въ которыхъ Палата Общинъ можетъ перенести отказъ: тутъ отказъ повлечетъ бы за собою принатіе рѣшительныхъ мѣръ для уничтоженія самой возможности сопротивленія; дѣло можетъ коснуться состава Палаты Лордовъ. Но еслибъ и въ самомъ дѣлѣ палата лордовъ отвергла билль, этнмъ она произвела бы развѣ отсрочку на одинъ годъ, и въ этотъ годъ агитація приняла бы такіе размѣры, что никто не могъ бы уже и подумать о дальнѣйшемъ сопротивленіи; да и самыя требованія сильно возвысились бы, и билль слѣдующаго года былъ бы гораздо радикальнѣе нынѣшняго, каковъ бы ни былъ нынѣшній; слѣдовательно, отказъ Палаты Лордовъ послужилъ бы только въ пользу реформъ.

Мы успѣли представить очеркъ только двухъ вопросовъ изъ
Т. LXXIII. Отд. III.

всего безчисленнаго множества дѣлъ, занимающихъ Западную Европу. Въ числѣ этихъ дѣлъ есть довольно важныя; напр. въ Англіи вопросъ объ Іоническихъ островахъ; во Франціи, Австріи и Сардиніи, вопросъ о Ломбардо-Венеціанскихъ земляхъ; въ Турціи и Австріи, отчасти Франціи и Англіи — вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ и Сербіи; вопросъ о направленіи новаго правительства въ Пруссіи; есть кромѣ того вѣчные вопросы о Шлезвигъ-Гольштейнѣ, о Кубѣ, о Центральной Америкѣ и Богъ знаетъ еще сколько другихъ исторій, дающихъ занятіе дипломатамъ и газетамъ. Кромѣ всего этого, еще тянется война въ Остѣ-Индіи, дѣлаютъ что-то европейцы въ Кохинхинѣ, проникаютъ въ Китай и Японію. Обо всемъ этомъ до слѣдующихъ книжечекъ.

Р. S. 15 января 1859. Когда наша статья уже печаталась, мы получили газеты съ извѣстіемъ о митингѣ 17 января въ Бредфордѣ, гдѣ Брайтъ довольно полно изложилъ главные основанія своего билля. Смыслъ этихъ основаній и шансы, которые указываются ими для реформаціонной партіи, объяснять теперь было слишкомъ долго. Замѣтимъ только два обстоятельства: билль составленъ въ духѣ чрезвычайно умѣренномъ и очевидно произвелъ въ обществѣ очень благопріятное впечатлѣніе, потому что газеты, враждовавшія противъ Брайта (и во главѣ ихъ Times) почли нужнымъ хвалить его билль, хотя и продолжаютъ возставать противъ его личности. Кромѣ того, есть въ рѣчи Брайта нѣсколько выражений, по которымъ надобно заключать, что предсѣдители одной изъ старыхъ аристократическихъ партій вступили съ нимъ въ переговоры. Онъ говоритъ о «могущественныхъ людяхъ, симпатія которыхъ съ нимъ, которые наблюдаютъ признаки времени и ждутъ извѣстій о митингахъ подобныхъ настоящему для опредѣленія своего пути». Кого надобно разумѣть подъ этими словами, виговъ или тори? Судя по тому, что Брайтъ сильно настаиваетъ на передачѣ большимъ городамъ почти всѣхъ депутатскихъ мѣстъ, отнимаемыхъ у мелкихъ, несамостоятельныхъ городовъ, и никакъ не соглашается уступить ихъ земледѣльческимъ графствамъ, можно предполагать, что онъ сходитсѣ съ вигами: тори никогда не согласились бы въ этомъ отношеніи на уступки, а виги сами держатся того же плана, какъ Брайтъ. Но эта догадка — не болѣе, какъ наша догадка. Да и самые переговоры, съ кѣмъ бы ни велись они, могутъ разстроиться: посмотримъ, согласится ли Россель на баллотировку, — отъ этого зависить очень многое.

НА ЯВУ И ВО СНѢ.

СВЯТОЧНЫЙ ПОЛУ-ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

НОВАГО ПОЭТА.

«Мой сонъ, хоть я и сплю—не сонъ, но продолженіе
Мысли безконечной, неотразимой»....

(«Манфредъ» Байрона).

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Еще прошелъ годъ и мы съ вами постарѣли еще однимъ годомъ, любезный читатель!...

«Въ минуту перехода изъ стараго въ новый годъ, (это говорю не я, а одинъ извѣстный французскій публицистъ, и слова его я здѣсь привожу кстатѣ)» люди и націи бросаютъ обыкновенно послѣдній, прощальный взглядъ на исчезнувшій годъ и хотятъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что они совершили въ теченіе его. Одна нація укрѣпила свои побѣды и смирила своихъ непокорныхъ подданныхъ, другая — разодвинула свои границы и приобрѣла особенное значеніе въ политическомъ мірѣ; третья — занималась мирными гражданскими улучшеніями и сдѣлала шагъ къ болѣе свободному развитію своихъ внутреннихъ силъ.... И счастлива та изъ нихъ, которая въ просвѣщенномъ и полномъ сознаніи можетъ

сказать самой себѣ: вотъ еще годъ въ моемъ существованіи, который не пропадетъ даромъ и который смѣло можетъ выдержать судъ исторіи!

«Но человѣкъ, возвращающійся къ прошедшему году, не останавливаетъ взора только на этомъ ограниченномъ пространствѣ: передъ нимъ открывается невольно вся жизнь его.... Онъ начинается съ самаго дѣтства, припоминаетъ все свое постепенное развитіе, исполненное безчисленными испытаніями, и замѣчаетъ, какъ годы летятъ быстро, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигается на своемъ тяжеломъ пути. День, который онъ ожидалъ нѣкогда съ такимъ нетерпѣніемъ и простодушно удивлялся, отчего онъ не приходитъ такъ долго? — быстро и неожиданно является передъ нимъ теперь, возвѣщая, что онъ незамѣтно постарѣлъ еще годомъ. Со временемъ и васъ, милые дѣти, въ сію минуту такъ весело прыгающія около елки, будутъ смущать эти же самыя мысли, васъ, — и не подозревающихъ теперь, что можно когда нибудь постарѣть!... Что станетъ съ вашею простодушною, искреннею радостью, послѣ того какъ вы тридцать или сорокъ разъ встрѣтите этотъ день? И кто знаетъ, гдѣ еще будемъ мы сами прежде окончанія этого года?

«На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ болѣе надменныхъ и неосновательныхъ, какъ самыя обыкновенныя слова, которыя мы произносимъ ежеминутно: «я пойду туда-то, я сдѣлаю то-то». И особенно въ эту переходную минуту, между прошедшимъ съ его непредвидѣнно совершившимися происшествіями и непроницаемымъ будущимъ, какъ не почувствовать вполнѣ суестьность такихъ словъ?... Сколько бѣлыхъ листовъ въ мірѣ, и кто не угадаетъ, что начертаетъ на нихъ гений человѣческій или человѣческая глупость? Календарь каждаго новаго года — бѣлая страница, недоступная нашей рукѣ, на которой судьба предоставляетъ право писать только самой себѣ. Мы можемъ навѣрно сказать: тогда-то зацвѣтутъ цвѣты, тогда-то созрѣютъ плоды, въ такое-то время оживится природа, улыбнется небо и зазеленѣютъ поля, но что мы можемъ сказать о томъ, что ожидаетъ самихъ насъ?..

«Все окружающее насъ, исполнено призраками и обманами. Самый конецъ и начало года — эта столь торжественная для насъ минута, въ дѣйствительности не существуетъ; раздѣленіе времени есть только наша фантазія: — великая вселенная не знаетъ этого раздѣленія.... Она непрерывно переходитъ отъ конца къ началу, отъ уничтоженія къ возрожденію, или вѣрнѣе, она непрерывно развивается безъ начала и конца, равнодушная къ этимъ воображаемымъ границамъ, которыми мы обозначаемъ хоть ея и которыя она уноситъ, какъ быстрый потокъ уноситъ соломенки.... Что за дѣло

природѣ, что на этомъ шарѣ, вертящемся въ безграничномъ пространствѣ, обитаютъ люди? Что ей за дѣло до того, находятся ли эти люди на извѣстной степени умственнаго развитія, или пребываютъ въ совершенной дикости? Что ей за дѣло до того, кто восторжествуетъ—люди просвѣщенные, или дикари? Что бы ни совершилось, она спокойно и безстрастно будетъ продолжать свой ходъ, исполненная своей обычной гармоніи и свѣта. Отъ нея не дождемся правосудія. Правосудіе въ насъ самихъ и несмотря на громадность и величіе этой вселенной, — мы все-таки лучше ея.

«Будемъ же употреблять всѣ усилія, чтобы развивать въ себѣ то, что даетъ намъ преимущество передъ всѣми явленіями міровой жизни: твердость духа и чувство правосудія: не будемъ терять святой вѣры въ усовершенствованіе человѣчества, и безтрепетно встрѣтимъ наступившій годъ....»

съ которымъ я имѣю честь поздравить всѣхъ моихъ читателей чиновныхъ и нечиновныхъ, невѣрящихъ и вѣрящихъ въ это усовершенствованіе, моихъ тайныхъ и явныхъ враговъ и друзей, желая всѣмъ имъ всевозможныхъ благъ въ наступившемъ году.... Вамъ, ваши превосходительства, въ особенности, несмотря на ваше нерасположеніе ко мнѣ, Богъ знаетъ за что, — я почтительнѣйше желаю повышеній, новыхъ орденовъ, значительныхъ денежныхъ наградъ, арендъ и прочаго. Но да смягчатся благородные сердца ваши относительно меня такъ, какъ мое сердце смягчается относительно вашихъ превосходительствъ въ эти святые дни, въ которые я невольно всякій разъ переношусь въ прошедшее, впадаю въ умиленіе и дѣлаюсь незлобивъ и тихъ, какъ самое умное и благовоспитанное дитя!...

II.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ эти дни съ особенною яркостію и живостію представляется мнѣ это далекое прошедшее и воскресаетъ передо мною дѣтство со всѣми его простодушными ощущеніями.

Домашнія приготовленія къ праздникамъ, движеніе и суeta въ домѣ, гаданья и святочные обряды, переносившія меня нѣкогда въ иной, таинственный міръ, ожиданіе обновокъ, подарковъ, о какія блаженныя ощущенія!... А незабвенныя ночи на рождество и на новыѣ

годъ!... эти ночи, когда я, переполненный ощущеніями, не смыкалъ глазъ и поднимался съ разсвѣтомъ.... Праздникъ! праздникъ! Наконецъ—то наступилъ этотъ, давно желанный праздникъ! И несмотря на то, что небо подернуто сѣрою мглою и снѣжокъ порошится въ воздухѣ, какъ и въ будни, мнѣ кажется, что все вокругъ меня какъ—то свѣтлѣе, веселѣе и пестрѣе обыкновеннаго. Пестрота дѣйствительно страшная, потому что всѣ проживалки, вся дворня въ своихъ обновахъ, отличающихся по обыкновенію самымъ дикимъ соединеніемъ цвѣтовъ; на всѣхъ лицахъ какой—то праздничный лоскъ,—и какъ звуки музыки раздается въ ушахъ моихъ непрерывное шуршанье ситцевыхъ, еще не обмявшихся платьевъ, торчащихъ какъ бумага, и скрипъ новыхъ козовыхъ башмаковъ.

На меня надѣваютъ новую курточку, обшитую шнурками, о которой я только подозрѣвалъ наканунѣ. Это первый сюрпризъ; затѣмъ начинается цѣлый рядъ сюрпризовъ: подарки бабушки, дѣдушки, маменьки, пріѣздъ родственниковъ, дяденекъ, тетенекъ и гостей и проч. съ новыми сюрпризами. И все это такъ живо передо мною, какъ будто совершалось вчера!... О! что можетъ быть восхитительнѣе жизни избалованнаго барчевка на святкахъ!

Между нашими гостями мнѣ особенно памятли нѣсколько молодыхъ людей военныхъ и статскихъ, очень часто бывавшихъ у насъ и нѣсколько лѣтъ сряду въ торжественные дни рождества и новаго года, являвшихся къ намъ не иначе какъ съ грудой игрушекъ и конфектъ для меня. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этихъ милыхъ молодыхъ людей, съ какою радостію бросался къ нимъ на встрѣчу! Какъ я любилъ ихъ! Мнѣ казалось, что и они очень любили меня, потому что всегда, и особенно въ присутствіи дѣдушки, смотрѣли на меня съ нѣжностію, трепали меня по щекѣ, привѣтливо гладили мои волосы, а одинъ изъ нихъ, служившій подъ начальствомъ дѣдушки, становился даже на четвереньки и возилъ меня по комнатѣ на спинѣ своей.

Впослѣдствіи эти милые молодые люди стали появляться къ намъ рѣже и рѣже, на меня почти уже не обращали никакого вниманія и въ праздникъ не привозили мнѣ ничего. Я никакъ не могъ объяснить себѣ ихъ перемѣны въ обращеніи со мною, но однажды маменька сказала въ моемъ присутствіи проживалкѣ, имѣвшей обязанность гадать для нее въ карты:

— Хороши эти господа, нечего сказать! покуда папенька былъ имъ нуженъ, они вертѣлись у насъ съ утра до ночи, привозили ему (маменька указывала на меня) цѣлыя игрушечныя лавки, разсыпались въ любезностяхъ, а теперь только поддерживаютъ съ нами знакомство изъ одного приличія....

Но до охлажденія ихъ къ намъ, нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей считались нашими домашними, какъ образцы во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я бы желала, не разъ говорила мнѣ маменька, указывая на нихъ, — чтобы ты современемъ, когда вырастешь, имѣлъ бы такіа прекрасныя, свѣтскія манеры и также бы ловко танцевалъ, какъ Григорій Петровичъ; былъ бы такъ же любезенъ съ дамами, такъ же бы уважалъ старшихъ и былъ бы такъ же искателемъ и предупредителемъ ко всѣмъ, какъ Василій Степанычъ, и такъ молодцовать и смѣлъ, какъ Александръ Ивановичъ, — словомъ, чтобы тобой восхищались всѣ, какъ теперь всѣ восхищаются ими!

Добрая маменька! она желала бы, чтобы я совокупилъ въ себѣ всѣ ея идеалы!... Невозможное, но такъ понятное желаніе въ матери, нѣжно любившей сына!...

Когда одинъ изъ этихъ идеаловъ, именно Григорій Петровичъ, однажды въ новый годъ явился къ намъ въ первый разъ, весь облитой золотомъ, въ шолковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ блестящими пряжками, — въ домѣ у насъ произошло совершенное волненіе: вся дворня сбѣжалась смотрѣть на него во все щели дверей и потомъ провожала толпою до подъѣзда; — а я, нисколько не боявшійся его до этого, такъ оробѣлъ, ослѣпленный его костюмомъ, что даже не смѣлъ подойти къ нему. Онъ показался мнѣ недоступнымъ, высшимъ существомъ, вырвавшимся изъ волшебной сказки.

— Вотъ тебѣ конфеты сказалъ онъ мнѣ, подавая свертокъ и привѣтливо улыбаясь, — ты, кажется меня, не узналъ, — ну что нравится тебѣ мой мундиръ? а?

У меня языкъ замеръ; я взялъ машинально свертокъ и былъ радъ не конфетамъ, — объ нихъ я и не думалъ въ ту минуту, — но тому, что это высшее, вызолоченное существо, удостоило обратить на меня вниманіе...

Я все время ходилъ за нимъ, не спуская съ него глазъ и проводилъ его въ переднюю, гдѣ онъ, къ удивленію моему, весь сначала покрылся какою-то большою сафеткою и потомъ уже надѣлъ свою шубу...

— Вотъ вы, наше сокровище, со временемъ будете шеголять въ такомъ же золотомъ кафтанѣ на утѣшеніе своей маменьки! съ чувствомъ воскликнула одна изъ приживалокъ, по отходѣ вызолоченнаго господина.

— Да, замѣтила маменька, — я молю Бога объ этомъ, но для этого надобно умѣть вести себя, быть внимательну къ старшимъ и

искательну. Впрочемъ, я во всякомъ случаѣ лучше желала бы, чтобъ онъ былъ военнымъ.

Вызлоченный господинъ долго не выходилъ у меня изъ головы и даже преслѣдовалъ меня во снѣ.

— Вишь какъ повезло ему! сказалъ при мнѣ однажды молодой человѣкъ, возившій меня на четверенькахъ, другому своему пріятелю: — и не мудрено — ловокъ плутъ! не чего сказать. Умѣть къ кому нужно подѣлаться, такъ въ душу вѣдетъ, что и не замѣтишь. Намъ донего далеко, куда!.. мы люди скромные, за блескомъ негоняемся! далъ бы Богъ только получить хорошенькое и тепленькое мѣстечко, чтобы быть и себѣ и другимъ полезнымъ, чтобы по крайней мѣрѣ на старости имѣть кусокъ хлѣба, обезпеченіе для себя и для семейства и почетный титулъ.

Всѣ эти и тому подобныя рѣчи, раздававшіяся кругомъ меня, всю прелесть и глубокий смыслъ которыхъ я понималъ уже гораздо впоследствии, живо сохранились въ моей памяти.

Молодой человѣкъ, возившій меня на четверенькахъ и метившій въ генеральство, не смотря на его ласки ко мнѣ, не совсемъ нравился мнѣ, и я смотрѣлъ на него, какъ на существо низшее, сравнительно съ другими молодыми людьми, посѣщавшими нашъ домъ. Онъ говорилъ на о, былъ сложенъ грубо и не уклуже, не умѣлъ танцовать и говорилъ по-французски съ усиленіемъ и притомъ съ латинскимъ произношеніемъ. Маменька, барыни и барышни хотя любили его за услужливость и угодливость, но постоянно подсмѣивались надъ его манерами и французскимъ выговоромъ.

На меня такъ же какъ и на маменьку и на всѣхъ у насъ въ домѣ производилъ особенно пріятное впечатлѣніе: — Григорій Петровичъ въ золотомъ кафтанѣ, говорившій все о князьяхъ, графахъ и значительныхъ особахъ; кавалерійскій офицеръ — Александръ Ивачъ, съ смѣлыми и нѣсколько грубоватыми манерами, съ большими усами, затянутый въ рюмку, лихо танцовавшій мазурку, и ловко постукивавшій шпорами и саблей и господинъ съ тонкими и пѣжными чертами лица, съ хохолкомъ, поднятымъ посредствомъ фиксаура, и съ завитыми пукольками на вискахъ, котораго звали Васильемъ Степановичемъ. Василій Степановичъ отличался сладостію обращенія со всѣми, частымъ употребленіемъ уменьшительныхъ словъ въ разговорѣ, почтительностію къ старикамъ и чрезвычайною угодливостію къ дамамъ и барышнямъ: передъ послѣдними онъ совсѣмъ расплывался и таялъ; писалъ имъ чувствительные стишки въ альбомы и даже иногда пособлялъ вышивать по канвѣ, потому, что между прочимъ былъ искусенъ и во многихъ женскихъ рукодѣліяхъ. Всѣ вообще мужчины и женщины, молодые и старые,

сколько я помню, съ увлеченіемъ отзывались о его прекрасномъ сердцѣ, необыкновенной кротости нрава, добротѣ и многостороннихъ талантахъ.... Даже няня, моя добрая няня, была отъ него въ восторгѣ. «Точно красная дѣвушка!» говорила она, любясь пмъ и покачивая съ умиленіемъ головою.

Молодому человѣку, возившему меня на четверенькахъ, и не о многихъ отзывавшемуся съ похвалою, онъ нравился преимущественно своимъ патріотическими чувствами, потому что когда онъ заводилъ рѣчь, или при немъ заходила рѣчь о какихъ либо доблестныхъ русскихъ людяхъ, какъ напр.: о графѣ Орловѣ-Чесменскомъ, о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, о Гаврилѣ Романовичѣ Державинѣ, — на глазахъ его обыкновенно показывались слезы, а на лицѣ бгагоговѣйный восторгъ.

Я никогда не забуду, какъ онъ однажды читалъ у насъ свое похвальное слово *Боллрину Матвѣю* которое было увѣнчано Россійскою Академіею и того энтузіазма, который произвело на всѣхъ слушателей это чтеніе.... По окончаніи этого незабвеннаго чтенія одни утирали слезы, другіе рукоплескали, третьи восклицали: «какой высокій слогъ! Боже мой, какое краснорѣчіе!» четвертые прибавляли: «и какая удивительная метода чтенія, — это просто музыка!» пятые твердили, значительно потрясая головами: «какой блистательный ораторскій талантъ!»

Василій Степановичъ черезъ нѣсколько времени послѣ этого написалъ трактатъ о цѣли и значеніи литературы, который былъ также читанъ имъ у насъ. Чтеніе это однако не произвело надлежащаго восторга, потому что предметъ былъ уже слишкомъ серьезенъ и глубокъ для общества, большею частью состоявшаго изъ дамъ и малолѣтнихъ.... Въ этомъ превосходномъ трактатѣ, который я могъ оцѣнить только въ послѣдствіи, образцовымъ слогомъ, съ которымъ могъ сравниться развѣ слогъ Услава Жуковского, доказывалось, что литература есть смѣшеніе полезнаго съ пріятнымъ, свѣтлыхъ вымысловъ воображенія съ нравственными сентенціями; что она должна услаждать поучая и выбирать изъ жизни, только такіе предметы и картины, которыя бы могли смягчать и услаждать душу; со всѣмъ не касаться предметовъ низкихъ и вообще облагораживать и украшать жизнь представляя ее, такъ сказать, сквозь розовую призму; что собственно поэзія имѣетъ уже высшее значеніе сравнительно съ прозой: — описывать различные торжества, воспѣвать побѣды, прославлять отечественныхъ героевъ и вообще людей сановныхъ и сидящихъ на высшихъ ступеняхъ гражданской *лѣстницы*, хотя конечно и проза иногда можетъ подниматься до высшихъ сферъ въ похвальныхъ словахъ этимъ лицамъ; но что въ такихъ случаяхъ она уже должна

употреблять не простой, а высокій слогъ; что литераторы и поэты должны быть проникнуты глубоко-патріотическими чувствами и самою чистѣйшею нравственностію, безъ чего литература и не можетъ быть терпима, какъ опасная и вредная для общества. Патріотизмъ же и нравственность заключаются въ безусловномъ прославленіи всего отечественнаго, во внушеніи уваженія къ значительнымъ особамъ и въ прославленіи ихъ не только въ стихахъ, но и въ прозѣ.

Успѣхъ этого сочиненія, когда оно появилось въ печати, былъ какъ-то колоссальный. Я по крайней мѣрѣ помню, что у насъ въ домѣ нѣсколько недѣль сряду только и говорили о томъ, какъ такой-то значительный человѣкъ пожалъ руку автора; какъ другой сказалъ ему, потрепавъ его одобрительно по плечу: «прекрасно, молодой человѣкъ, — продолжайте; ваши патріотическія и нравственныя чувства дѣлаютъ честь и вамъ и вашимъ родителямъ, воспитавшимъ васъ въ такихъ правилахъ!» какъ третій, извѣстный ненавистникъ всего печатнаго, за исключеніемъ приказовъ и циркуляровъ, встрѣтивъ Василія Степаныча въ какомъ-то домѣ, простеръ свое благосклонное вниманіе къ нему до того, что изъявилъ желаніе съ нимъ познакомиться и произнесъ: «если вамъ, сударь, когда нибудь вздумается оставить занимаемое вами мѣсто, то обратитесь ко мнѣ. Я поставлю себя за особенное удовольствіе имѣть такого подчиненнаго, какъ вы....»

Василій Степанычъ самъ передавалъ въ подробности бабушкѣ, дѣдушкѣ, маменькѣ, и потомъ повторялъ моимъ дядямъ, кузинамъ, теткамъ и даже нашимъ проживалкамъ, лестные отзывы, похвалы и поощренія, которыя сыпались на него съ высока. Мнѣ особенно памятенъ одинъ вечеръ. Всѣ мы сидѣли за круглымъ чайнымъ столомъ.... Онъ вбѣгаетъ въ волненіи и рассказываетъ со слезами на глазахъ дрожащимъ голосомъ, что одинъ просвѣщенный вельможа потребовалъ его къ себѣ, что онъ съ нѣкоторымъ трепетомъ и боязнію вошелъ въ его кабинетъ; но тотъ встрѣтилъ его прямо съ распростертыми объятіями, крѣпко прижалъ его къ сіяющей груди своей и проговорилъ: «спасибо тебѣ, братецъ!» и что онъ до сихъ поръ не можетъ еще прійти въ себя отъ такихъ милостей и не помнитъ, какъ отъ него вышелъ... Разсказъ этотъ на всѣхъ произвелъ необыкновенное дѣйствіе; всѣ мужчины обнимали, цаловали и поздравляли его, а дамы съ чувствомъ пожимали ему руку; многіе плакали и я даже глядя на нихъ прослезился.

Съ этихъ поръ Василій Степанычъ какъ-то невольно возвысился въ глазахъ всѣхъ и даже въ моихъ дѣтскихъ глазахъ. Передъ нимъ померкли и кавалерійскій офицеръ съ лихими манерами и длинными

усами и даже вызолоченный штатскій.... Василия Степаныча прижимала къ груди своей такая особа!

— Мы что, братецъ, — говорилъ ему Александръ Ивановичъ, — люди простые, неученые... Все наше краснорѣчіе заключается въ этомъ, — и поправивъ усъ, онъ ударилъ по своей саблѣ, или въ этомъ, и сдѣлавъ *chassé-en avant* онъ прищелкнулъ шпорами — ну а ты, — это совсѣмъ другое дѣло.... Я признаюсь тебѣ, штафирокъ не терплю, но ты — это исключеніе....

— Каждому, душа моя, свое, — съ скромною нѣжностію отвѣчалъ Василій Степанычъ, — вы проливаете кровь за отечество, а мы воспѣваемъ ваши подвиги на лирахъ и передаемъ имена ваши потомству. Вы герои, а мы — ваши трубадуры!

Видя всеобщее уваженіе и внимательность къ Василию Степанычу, котораго прижимали къ груди вельможи, я усиливался во всемъ подражать ему и скоро превратился въ маленькую каррикатуру на него, такъ что ужъ надо мной начали подсмѣиваться.

Я даже принялся сочинять похвальное слово моей старухѣ нянѣ. Съ этой-то минуты пагубная страсть моя къ литературѣ начала развиваться все болѣе и болѣе.

Когда Василій Степанычъ пріѣзжалъ къ намъ, я не отходилъ отъ него и не пропускалъ ни одного его слова и движенія. Я слушалъ, какъ онъ со старшими разсуждалъ о нравственности, о своихъ стихахъ, о производствѣ въ чины, о наградахъ и милостяхъ; съ своими сверстниками о барышняхъ и дамахъ.... Тѣхъ, которыя болѣе ему нравились, онъ называлъ *ципочками*... «Милая ципочка!» И эти слова произносилъ онъ обыкновенно особенно нѣжнымъ, цѣвучимъ, тонкимъ, какъ флейта, голосомъ, и лицо его принимало такое выраженіе, что при взглядѣ на него въ эту минуту, каждый долженъ былъ чувствовать сладость во рту. Я слѣдилъ за нимъ съ восхищеніемъ, когда онъ танцевалъ съ дамами матрадуру и съ посоловѣвшими отъ счастья глазами, но въ почтительной и скромной позѣ, нашептывалъ имъ что-то. Одна моя родственница, очень хорошенькая, бойкая барышня прозвала его *сахарнымъ*... «Ma tante! сахарный прѣхалъ», говорила она обыкновенно, вбѣгая въ комнату маменьки... Это прозваніе такъ и осталось за нимъ; даже люди называли его *сахарнымъ*. Всѣ, сколько мнѣ помнится, понимали это прозваніе въ похвальномъ смыслѣ и разумѣли подъ этимъ человѣка симпатическаго, пріятнаго, впрочемъ кромѣ моей хорошенькой и бойкой родственницы, которая пустила его въ ходъ по слѣдующему случаю....

Надобно замѣтить, что Василій Степанычъ не спускалъ съ нея глазъ, постоянно преслѣдовалъ ее, ухаживалъ за нею болѣе, чѣмъ за другими, (а онъ ухаживалъ за всѣми барышнями), совсѣмъ мѣлалъ передъ нею

и привозилъ ей одной отличныя конфекты отъ единственнаго тогда петербургскаго кондитера Молинарп. Однажды онъ обѣдалъ у насъ въ день ея именинъ и сидѣлъ за столомъ противъ нея... Когда разлили въ бокалы шампанское, онъ всталъ со стула и устремилъ на нее свой нѣжный взглядъ. Всѣ смолкли и съ любопытствомъ обратились къ нему.

Онъ произнесъ нѣжнымъ, чувствительнымъ голосомъ:

— Позвольте имѣть честь поздравить васъ съ днемъ ангела, пожелать вамъ всего лучшаго... Но чего желать вамъ? Вы надѣлены и безъ того всѣми высшими дарами природы....

Вы восхитительны, вы милы, —
И вамъ все это не въ-домекъ:
Глядя на васъ теряетъ силы
И таетъ бѣдный человѣкъ!
Блестать, какъ звѣзды, ваши глазки,
Свѣжѣ розана — уста,
Вы Фея изъ волшебной сказки,
Вы неземная красота!
Въ себѣ вы соединили разомъ:
Нравъ кроткій, сердца чистоту,
Покорность старшимъ, доброту
И свѣтлый, просвѣщенный разумъ.
Не мой то отзывъ — общій гласъ....
Еще два слова въ заключенье:
Родной семьи вы утѣшенье
И въ ней блестите, какъ алмазъ!...

Стихи эти произвели, какъ и слѣдовало ожидать, всеобщій восторгъ; у нѣкоторыхъ дамъ показались слезы умиленія на глазахъ, а Александръ Ивановичъ попросилъ даже послѣ обѣда поэта продиктовать ихъ ему, — такое сильное впечатлѣнiе они произвели на него; только моя бойкая родственница вся вспыхнула, закусивъ губку и черезъ минуту шепнула другой барышнѣ, сидѣвшей возлѣ нея, съ досадою: «фи! какой сахарный!...»

Я былъ внѣ себя отъ этихъ стиховъ, я бредилъ ими и въ тотъ же вечеръ принялся въ подражанiе имъ сочинять стишки къ одной высокой, толстой, тридцатилѣтней барышнѣ, которая все сажала меня къ себѣ на колѣни и цѣловала и въ которую я былъ страстно влюбленъ.

Я помню между прочимъ, что когда заходила рѣчь о Василѣ Степановѣ (а объ немъ, о его талантахъ и его успѣхахъ по службѣ, у насъ толковали безпрестанно)—въ особенное достоинство ставили ему еще то, что онъ не былъ ни масонъ, ни вольтерьянецъ... Я не понималъ значенiя этихъ словъ, хотя слышалъ ихъ безпрестанно.

Маменька и другіе, говоря про нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ, всегда съ какимъ-то таинственнымъ выраженіемъ прибавляли: «вѣдь онъ массонъ!» или съ ужасомъ: «онъ вольтерьянецъ!»—и я на этихъ массоновъ и вольтерьянцовъ смотрѣлъ не безъ невольнаго страха, когда они появлялись въ нашемъ домѣ.

Многіе, я помню,—и въ томъ числѣ моя маменька, почти навѣрное полагали, что милый поэтъ сдѣластъ предложеніе нашей хорошенькой и бойкой родственницѣ, потому что его особенное расположеніе къ ней ни для кого не было тайною; многія барышни заранѣе завидовали ей, а маменька говорила: «да, счастлива та, которая будетъ его женой, потому что въ этомъ человѣкѣ соединены, всѣ добродѣтели...» Моя бойкая родственница всегда хмурилась при такихъ рѣчахъ, а одна изъ нашихъ проживалокъ, съигравшая разъ въ день именинъ дѣдушки, съ великимъ успѣхомъ роль Рансы Савишны, въ комедіи князя Шаховскаго: «Своя семья или замужняя неvěста», бросала злобные взгляды на мою бойкую родственницу, потому что Ранса была и безнадежно влюблена въ Василья Степаныча который исполнялъ роль Любима въ этой комедіи.

— Къ нему такъ идетъ имя Любимъ, говорила обыкновенно Ранса, закатывая подъ лобъ свои мутные зрачки неопредѣленнаго цвѣта, — потому что онъ любимъ всѣми...

Но ожиданія нашихъ домашнихъ и маменьки не сбылись... Моя бойкая родственница къ великому прискорбію Василья Степаныча была небогата и притомъ была дочь умершаго поручика... не болѣе.

Поэтъ впоследствии вступилъ въ бракъ съ рядбой и разноглазой но богатой дѣвицей, дочерью генерала, къ которой онъ, будучи женихомъ, адресовалъ посланіе, начинавшееся такъ:

Спѣшу мою настроить лиру
Счастливый смертный, чтобъ тебя
Воспѣть, — тебя мою Пѣниру,
И выразить, какъ счастливъ я!...

(и проч., смотри журналы
20-хъ годовъ).

И давно ли, кажется, все это было? только какихъ нибудь 30 лѣтъ назадъ тому; но, Боже мой! сколько переворотовъ совершилось въ теченіе этихъ лѣтъ!

Уже всѣ эти образцовые молодые люди — и Григорій Петровичъ и Александръ Ивановичъ и Василій Степанычъ достигли болѣе или менѣе извѣстныхъ степеней, блестящихъ украшеній, почетныхъ мѣстъ и званій, приобрѣли трехъ и пятиэтажные дома въ Петербургѣ и другія движимыя и недвижимыя собственности, состоящія въ пахат-

ной землѣ, лѣсахъ, ломбардныхъ билетахъ, акціяхъ различныхъ компаній и проч. и проч. и превратились въ маленькихъ баснословныхъ божковъ, получивъ такъ сказать достойную мзду за свое добронравіе, благоразуміе, благонамѣренность, благоприличіе и благоуклончивость.... Созерцая ихъ величіе, я думаю печально вздыхая:

Взрощенный въ правилахъ строгой нравственности, съ молокомъ такъ сказать всосавшій въ себя скромность, послушаніе, подчиненіе и другія высокія добродѣтели, имѣя съ дѣтства передъ глазами столь поучительныя примѣры въ лицѣ ихъ, — я бы, казалось, долженъ былъ подобно имъ съ достоинствомъ идти по той жизненной колесѣ, по которой шли они, мои достойные предшественники! я долженъ былъ бы смотрѣть на жизнь и на все меня окружавшее въ то розовое стекло, въ которое они постоянно смотрѣли, и слабыя литературныя способности, данныя мнѣ Богомъ, употреблять съ пользою для отечества — то есть, пописывать нѣжныя стихи къ барышнямъ, прославлять прозой отечественныхъ вельможъ и героевъ и, посредствомъ такихъ веселыхъ и совершенно благонамѣренныхъ литературныхъ упражненій, снискать себѣ, подобно имъ, покровительство людей сильныхъ, милостивцевъ и съ лестною ихъ помощію постепенно подниматься по службѣ; вступить въ выгодный законный бракъ, и наконецъ, достигнувъ, подобно имъ, значительныхъ степеней, знаковъ отличія и, округливъ свое состояніе на служеніи отечеству, начать некровителствовать въ свою очередь молодымъ, благонамѣреннымъ людямъ, которые бы изъясляли должный страхъ и благоговѣніе къ моей особѣ и громить именами: либераловъ, космополитовъ и другими еще болѣе постыдными — тѣхъ, которые осмѣлились бы не преклоняться передо мною, или вывести меня на чистую воду, разоблачать мои поступки, мое невѣжество, и проч. Я долженъ былъ бы называть патриотами только тѣхъ, которые кувыркались бы передо мною, обнаруживая этимъ безконечное и благоговѣйное удивленіе къ моей особѣ, ибо моя особа и отечество были бы для меня понятіями нераздѣльными, и посягательство на меня я считалъ бы посягательствомъ на славу отечества. Такимъ образомъ жизнь моя должна бы была протечь, какъ по атласу, съ нѣкоторыми маленькими волненіями при наступленіи новаго года или большихъ праздниковъ, когда раздають награды....

Такъ называемый *духъ времени*, толкающій людей впередъ, заставляющій постепенно все двигаться, все совершенствоваться, дающій смыслъ и значеніе жизни, — несмотря на то, что его признаютъ всѣ просвѣщенные правительства, — я, какъ закоснѣлый патриотъ, начертавшій на знамени своемъ: «какое мнѣ дѣло до другихъ, когда

мнѣ хорошо? — и признавать не хотѣлъ бы. Этотъ духъ времени я называлъ бы зловредною выдумкою людей безпокойныхъ, зараженныхъ тлетворными западными идеями и если бѣ имѣлъ власть, сослалъ бы этотъ духъ съ его распространителемъ туда, куда и воронъ костей не заносилъ; правду дозволилъ бы говорить только значительнымъ особамъ а не всякому безбородому и безчишному мальчику.... Безбородыми мальчиками я считалъ бы всѣхъ, 40 и 50 лѣтнихъ людей, недостигшихъ извѣстныхъ степеней и потому немогущихъ имѣть значенія.... и проч. Вотъ наковъ бы я былъ, если бы я слѣдовалъ поучительному примѣру своихъ предшественниковъ!

И увы! чѣмъ же сдѣлался я, увлеченный этимъ проклятымъ духомъ времени! До чего дошелъ я? Грустно подумать!

Я осмѣливаюсь думать, что отечество заключается не въ однихъ значительныхъ особахъ, а въ совокупности всѣхъ сословій, и что благоденствіе его зависитъ не только отъ благоденствія высшихъ, но и низшихъ классовъ. (Вопросъ, поднятый объ улучшеніи быта крестьянъ, или объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, въ послѣднее время заставляеть меня впрочемъ заключать, что мысль эта не преступна). Я осмѣливаюсь думать, что тѣ, которые рѣшаются обнаруживать всякія уклоненія отъ долга чести и совѣсти, всякія злоупотребленія, всякія низкія поступки административныхъ лицъ, или предають позору и смѣху всякія отсталыя, дикія понятія и предрасудки, хотя бы они принадлежали и значительнымъ особамъ, дѣлають не худое дѣло, и что такимъ изобличеніемъ нисколько не унижаются высшіе классы, а только тѣ лица, которые воображають, что, достигнувъ до этихъ классовъ,

«Уединившись въ сладкое величье,
Въ неумолимость душу заковавъ»,

какъ говоритъ извѣстный драматургъ Баронъ Розенъ, они могутъ безнаказанно дѣлать все, что имъ вадумается, и покомится въ всякаго общественнаго контроля.... Я осмѣливаюсь думать, что истинный разумный патріотизмъ заключается не въ томъ, чтобы смотрѣть на все свое отечественное непрестанно въ розовое стекло, умиляться безусловно всѣмъ своимъ и тщательно скрывать всѣ свои недостатки, пороки и болѣзни; что это не патріотизмъ, а лицемѣріе.... Да! истиннымъ другомъ я называя не того, — продолжалъ размышлять я, — кто лицемѣритъ передо мною, корчитъ сладкія рожи и восхваляетъ меня въ стихахъ и прозѣ, а того, кто рѣшается смѣло высказывать мнѣ иногда можетъ быть и жесткую правду, изъ горячей любви ко мнѣ, изъ желанія мнѣ блага.... Счастливъ тотъ, кто не боится правды,

и горе тому, кто окуранный лицемѣріемъ, гимнами и риторическими возгласами, не выдерживаетъ никакого правдиваго слова и произносящаго это слово считаетъ врагомъ своимъ, человѣкомъ безпокойнымъ и вреднымъ!...

Я постепенно одушевлялся и незамѣтно началъ уже громко высказывать всѣ эти мысли, не отличающіяся, какъ вы видите, ни особенною новизною, ни особенною глубиною, ни особенною смѣлостію, — но которыя еще до сихъ поръ почитаются нѣкоторыми особами, непризнающими духа времени, чуть не уголовнымъ преступленіемъ....

III.

ГРЕЗЫ.

Вдругъ передо мною начало растилаться пустое пространство, покрытое густымъ туманомъ и въ этомъ туманѣ засверкало множество какихъ-то разноцвѣтныхъ старческихъ глазъ. Всѣ эти глаза злобно устремились на меня. Я чувствовалъ, что еслибъ лучи этихъ глазъ были посильнѣе, они какъ ядовитыя стрѣлы пронзили бы меня насквозь, но нѣкоторые изъ нихъ вовсе не доходили до меня, а другіе только щекотали, не причиняя мнѣ ни какого вреда и только производя непріятное впечатлѣніе. Мнѣ стало тяжело дышать, моимъ легкимъ недоставало воздуха.... я хотѣлъ отвернуться отъ этихъ глазъ, но въ какую сторону ни оборачивался, я, — эти глаза преслѣдовали меня повсюду: они принимали то угрожающее, то насмѣшливое, то презрительное выраженіе.... Между тѣмъ туманъ въ однихъ мѣстахъ рѣдѣлъ, а въ другихъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сверкали глаза, начиналъ сгущаться и образовывать сначала какія-то неопредѣленныя формы, которыя однако постепенно принимали формы человѣческія: вдругъ какъ будто рука протягивалась ко мнѣ, чтобъ схватить меня и повалить, а вслѣдъ затѣмъ образовывались ноги, приходившія въ сильное движеніе и какъ бы намѣревавшіяся растоптать меня; но ни руки, ни ноги эти не имѣли достаточно силы, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе.... Скоро я могъ уже ясно различать человѣческія фигуры и лица съ тѣми самыми злобыими глазами, которые устремились на меня. Фигуры эти казались въ первыя минуты совсѣмъ безцвѣтными, но потомъ постепенно принимали такія пестрыя краски, какія можно только видѣть на китайскихъ картинахъ.... Туманъ почти совсѣмъ исчезъ и все освѣтилось передо мною какимъ-то страннымъ огнемъ, очень

яркимъ, но непріятнымъ для глазъ, и я ясно увидѣлъ большую китайскую хранину, расписанную пестрыми арабесками, украшенную удивительно мелкою рѣзьбою и уставленную фарфоровыми *mao* разныхъ величинъ. По срединѣ этой храминъ стояли на особыхъ коврахъ господа, которымъ принадлежали эти ужасные глаза, въ мандаринскихъ великолѣпныхъ костюмахъ, съ различными шариками на своихъ пестрыхъ шапкахъ. Дыханію моему впрочемъ не сдѣлалось легче, потому что вмѣсто тумана въ храмѣ заходили волны отъ какого-то до крайности притворнаго и зловреднаго курева, *extrait triple* изъ благоуханной лести и лицемѣрія, которыми окуривали мандариновъ со всѣхъ сторонъ. — Что это за чудеса! подумалъ я.

Я не успѣлъ очнуться какъ вдругъ расшаркиваясь и униженно изгибаясь передъ мандаринами, появился какой-то китайскій франтъ среднихъ лѣтъ, съ беззащитными манерами и граціозно ставъ передъ ними на оба колѣна, произнесъ завывая, съ неслышаннымъ жаромъ, то ударяя себя въ грудь, то размахивая руками:

О Китай! отчизна славная!
Вѣрный сынъ родной страны,
Чту тебя я, благонравная,
По преданьямъ старины.

..

Но не степи необъятныя,
И не рѣкъ твоихъ краса,
И не пашни благодатныя,
Не озера, не лѣса —

..

Пробуждаютъ умиленіе
Въ этомъ сердцѣ молодомъ....
Нѣтъ! другія впечатлѣнія
Я ищу въ краю родномъ.

..

Въ немъ одна благонамѣренность,
(Да продлятся ваши дни!)
Аккуратность и умѣренность
Прощають искони!

(При сихъ словахъ китайскій поэтъ съ умиленіемъ и слезами взглядываетъ на мандариновъ и продолжаетъ):

Т. ЪХХІІІ. Отд. ІІІ.

10

Зрю опору я китайщины

.....

Въ васъ, которыми такъ отъ барщины
Отказаться не легко!

* *

Величаво вы возноситесь,
Въ мысляхъ, въ дѣйствіяхъ своихъ,
И невольно каждый проситесь
Въ мой почтительнѣйшій стихъ.

* *

Въ васъ — отчизны прославленіе
Страхъ и смерть ея врагамъ!...
И твержу я въ умиленіи:
Слава, слава, слава вамъ!

* *

Благосклоннѣйшими минами
Ободрите голосъ мой....
О! съ такими мандаринами
Будетъ славенъ край родной!

* *

О Китай.....
..... и прочее.

— Прекрасно! превосходно! воскликнули въ одинъ голосъ мандарины, обратившись благосклонно къ колѣнопреклоненному поэту, — стихи звучные, сильные, а мысли дѣлаютъ большую честь вашему патристическому чувству....

— Да! прибавилъ къ этому мандаринъ, съ длинной кривой саблей, никогда невынимавшейся изъ ноженъ и заржавѣвшей, — прекрасно! — именно страхъ и смерть нашимъ врагамъ!... И при этомъ онъ нахмурилъ брови и замахалъ саблею....

Каждого изъ мандариновъ окружали ихъ креатуры, по всюду слѣдовавшіе за своими патронами, льстившіе имъ, сочинявшіе имъ стихи на рожденія и на именины и подлакивавшіе всѣмъ ихъ рѣчамъ. Одна изъ этихъ креатуръ — также мандаринъ, но ниспаго разряда, хотя надѣленный огромнымъ ростомъ и въ плечахъ имѣвшій косую сажень, ударивъ себя энергически кулакомъ въ грудь, воскликнулъ голосомъ стентора, взглянувъ особенно на мандарина съ кривой саблей и обведя торжественно взоромъ все собраніе:

— Нѣтъ, герой отечества! мы не допустимъ тебя тревожиться и вынимать изъ ноженъ твой побѣдоносный мечъ, отъ котораго тре-

пещеть вселенная... Мы закидаемъ презрѣнныхъ враговъ нашихъ—шапками!...

— Шапками, шапками! — повторили всѣ съ восторгомъ.

Мандаринъ съ тремя шариками на шапкѣ обратился къ мандарину писаго разряда, пожалъ ему руку и сказалъ со слезой въ одномъ глазѣ:

— Умилительно слышать такихъ патріотовъ, какъ вы!...

Мандаринъ писаго разряда преклонилъ голову передъ мандариномъ съ тремя шариками, сложилъ руки крестообразно на груди и произнесъ съ почтительнымъ умиленіемъ:

— О мудрѣйшій и просвѣщенѣйшій изъ китайскихъ сановниковъ!... Дозволь, питаться мнѣ сладкими надеждами на *высокое* ходатайство твое, въ награду за мой безкорыстный патріотизмъ.... Въ непродолжительномъ времени откроется вакансія исправляющаго должность старшаго помощника при исправляющемъ должность великомъ сборщикѣ податей.... Ты въ пріязни съ нимъ и отъ благосклоннаго мановенія одной изъ рѣсницъ твоихъ зависитъ все....

— Мы подумаемъ объ этомъ, — благосклонно отвѣчалъ мандаринъ съ тремя шариками. — Но, господа, продолжалъ онъ, взглянувъ на колѣнопреклоннаго поэта, все время съ заискивающею миною смотрѣвшаго на мандариновъ, — мы должны обратиться къ сему юному стихотворцу съ нашею признательностію за то, что онъ свой отличный талантъ употребляетъ на возвышенныя, исполнѣ достойныя поэзіи предметы—на прославленіе насъ. Въ поощреніе его, мы считаемъ себя обязанными выхлопотать ему подарокъ, или денежную награду....

— Непремѣнно, непремѣнно! воскликнули мандарины.

Мандаринъ писаго разряда, но огромнаго роста, подошелъ къ поэту, обнялъ его, поцаловалъ и потомъ произнесъ энергически ударивъ себя въ грудь:

— Мы, патріоты, понимаемъ другъ друга!... Ваше стихотвореніе надо начертать золотыми буквами на мраморѣ!...

Поэтъ казался тронутымъ. Онъ прослезился и произнесъ, вставъ съ колѣнъ и низко кланяясь мандаринамъ:

Я не ищу наградъ. Одно мое стремленіе,—
Я этой мыслию живу и буду жить!—
Вамъ угождать и Ваше одобреніе
Но мнѣ силъ снискать и заслужить!...

— Вы исполнѣ уже заслужили его! воскликнули всѣ мандарины разомъ,—продолжайте такъ, и вы не раскаетесь.

По мѣрѣ того, какъ я вглядывался въ этихъ достопочтенныхъ мандариновъ, мнѣ все казалось, какъ это ни было смѣшно и странно, что ихъ черты, голось, манеры будто нѣсколько знакомы мнѣ.... Чтобы это могло значить? подумалъ я и началъ разсматривать ихъ въ увеличительное стекло. Удивленіе мое было неслезанно, когда въ мандаринѣ съ тремя шариками я узналъ сладенькаго Василя Степановича, въ мандаринѣ съ кривой саблей кавалерійскаго офицера съ длинными усами, — Александра Ивановича; а въ остальныхъ — господина, возившаго меня на четверенькахъ, вызолоченнаго господина и другихъ моихъ старыхъ знакомыхъ, награждавшихъ меня конфетами и игрушками и по праздникамъ.... Открытіе это меня очень разсмѣшило.... Но какимъ же образомъ всѣ эти почтенные сановники, вдругъ превратились въ китайцевъ?... Ужъ не въ маскарадъ ли попалъ я?

Этотъ вопросъ начиналъ меня беспокоить, какъ надъ ухомъ моимъ въ тоже мгновеніе раздался чей-то пріятный голось, отзывавшійся нѣкоторой ироніей.

— Чему жъ вы удивляетесь?... Все это очень натурально; господа эти по натурѣ своей всегда были китайцами. Ихъ моральныя понятія, ихъ образъ мыслей, вся складка ихъ ума (если допустить, что они имѣютъ умъ), — все было пропитано китаизмомъ.... Воспитаніе получили они слабое, потому что, какъ извѣстно вамъ, во время оно:

Мы всѣ учились понемногу,
Чемунибудь и какъ нибудь;
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть....

— Ихъ главный принципъ, продолжалъ голось, — заключается въ томъ, что человѣчество должно упорно стоять на одномъ мѣстѣ, замеревъ въ тѣхъ формахъ, которыя они застали въ своемъ дѣтствѣ; что всякое уклоненіе отъ прошедшаго, всякое измѣненіе, требуемое духомъ времени; всякое малѣйшее движеніе и стремленіе къ улучшенію чего бы то ни было, всякое изобличеніе, всякая насмѣшка надъ ихъ закоснѣlostію — есть высочайшая безнравственность. Видите ли! это чисто китайскія понятія. Если бы имъ дать волю, они истребили бы всѣхъ людей, и въ особенности писателей, стремящихся къ улучшеніямъ и преобразованіямъ, ибо они полагаютъ, что если сжечь этихъ людей на кострахъ, то мысль человѣческая мгновенно погибнетъ вмѣстѣ съ ними, — міръ замретъ и все пойдетъ прекрасно... Вы не смотрите на то, что они кажутся такими мягкими и сладенькими; если бы они имѣли власть

они были бы неумолчны и безжалостны, какъ Торкемады. Когда все было недвижно, — они блаженствовали, надувались, важничали, держали себя какъ кумирыкакіе. Будучи подчиненными въ дни своей юности, они, изгибались и ползали передъ начальствомъ, а достигнувъ всего этого, начали требовать отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы и тѣ въ свою очередь изгибались и ползали передъ ними. Тѣхъ, которые ведутъ себя съ чувствомъ человѣческаго достоинства и не кувыркаются передъ ними, они называютъ либералами, и социалистами.... Когда же обнаружилось дуновение новой жизни, и послышались кое-гдѣ голоса правды, эти старые лицемеры, сдѣлавшіеся невозможными при такомъ дуновении, и можетъ быть отчасти сознавая это, сначала съ ватаеннымъ негодованіемъ и злобой молча смотрѣли на все, а потомъ уже торжественно облачась въ китайское мандаринское платье, начали противоdѣйствовать тайно и явно благимъ начинаніямъ, жаловаться на тѣхъ, которые не побоялись называть ихъ заноснѣлыми эгоистами, людьми отсталыми, анахронизмами и прочее....

— Вотъ что! подумалъ я.... Такъ это дѣйствительно они мои старые знакомые? Но Боже! какъ измѣнились эти нѣкогда прелестные молодые люди! О время безжалостное и неумолчное! Ихъ гладкія, какъ атласъ и румяныя щеки искрестились морщинами; ихъ густую, бѣлокурую, какъ левъ, или черную, какъ смоль, и глянцевитые волосы или совсѣмъ вылезли, или представляютъ рѣдкіе, печальныя и сухіе остатки на черепахъ; сладость въ глазахъ ихъ исчезла и замѣнилась какимъ-то пронзительнымъ, безпокойнымъ и злобнымъ выраженіемъ; ихъ колѣни подогнулись, — но они все еще стараются бодриться, и для того чтобы нравиться женщинамъ (пламень въ ихъ дряблыхъ сердцахъ не угасъ доселѣ) расписываютъ свои фizioноміи равнодѣльными красками.... Но увы! надъ этою живописью женщины только подсмѣиваются.

О ненавистная молодость! Она во всемъ имѣетъ успѣхъ! Вотъ отчетго расписанные анахронизмы ненавидятъ, все современное живое, молодое, дышащее здоровьемъ и силою!...

Вдругъ мой либеральный образъ мыслей былъ прерванъ голосомъ мандарина съ тремя шариками. Въ этомъ старческомъ, хотя еще довольно громкомъ голосѣ, слышались дребезжація, раздражительныя ноты оскорбленнаго самолюбія, обманутыхъ надеждъ, неудовлетвореннаго честолюбія, физическаго и нравственнаго безсилія и проч. и проч... Впрочемъ несмотря на это, голосъ его пріятенъ, (я полагаю, что мандариновъ титулуютъ также какъ у насъ генераловъ) все-таки былъ пріятенъ....

Я слушаю и заслушивался!...

его, какъ Сальери Моцартову музыку.

Его превосходительство мандаринъ съ тремя шариками говоритъ :

— Нѣкоторые злонамѣренныя лица распространяютъ, милостивые государи, слухи будто бы мы не любимъ литературу и считаемъ ее вредною для общества.... Это клевета, гнусная клевета,—я ссылаюсь на всѣхъ предстоящихъ здѣсь высокоименитыхъ собратій моихъ мандариновъ....

— Клевета, клевета! закричали мандарины.

— Да! клевета, повторилъ мандаринъ съ тремя шариками: —напротивъ мы любимъ литературу, но литературу въ настоящемъ значеніи этого слова: нравственную, благонамѣренную, проникнутую высокими патріотическими чувствами, воспѣвающую наши заслуги; литературу проникнутую безусловнымъ уваженіемъ ко всѣмъ, которые облечены почетными званіями и имѣютъ счастье носить шарикъ на своихъ шапкахъ; литературу, описывающую красоту нашей природы и всѣ кроткія и мирныя ощущенія и чувствованія,—словомъ литературу благотворно дѣйствующую на умъ и на сердце! Такой литературѣ мы покровительствуемъ, такую литературу мы награждаемъ! Живое доказательство этого передъ вами, милостивые государи, въ лицѣ сего юнаго поэта продекламировавшаго намъ сейчасъ превосходный гимнъ въ честь нашу.... А то, что теперь выдаютъ намъ за литературу, (при этомъ у мандарина съ тремя шариками обнаружилось дрожаніе въ губахъ и жолчь разлилась по лицу) грязныя картины унижающія все отечественное, дерзкое вмѣшательство во всѣ вопросы, не касающіеся совсѣмъ до литературы, насмѣшки надъ лицами подобными намъ.... это.... это....

Мандаринъ съ тремя шариками ничего не могъ прибавить отъ бѣшенства, замолчалъ и вдругъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился противъ меня.

— Какъ вы, сударь, напримѣръ, осмѣливаетесь,—началъ онъ бросивъ на меня уничтожающій взглядъ, — вы, неимѣющій ни чина, ни званія, какъ вы осмѣливаетесь подтрунивать надъ нами? Знаете ли вы, что мы васъ заставимъ замолчать, что мы долѣе не будемъ терпѣть такого неприличія....

— Но ваше превосходительство, — отвѣчалъ я хладнокровно и почтительно въ то же время, — какое вы имѣете право вмѣшательства не въ свои дѣла?... Мы съ вами ничего не имѣемъ общаго. Вы китаецъ, а я русскій. Вы, китайцы, гордитесь своею неподвижностію, воспѣніемъ въ старыхъ предрассудкахъ и дикостяхъ, а мы русскіе, напротивъ, гордимся нашею способностію къ развитію, нашею способностію подвигаться впередъ и смѣемъ вѣровать въ то,

что Россіи предстоитъ великая будущность. Мы не поймемъ друга друга.

— Но васъ, сударь, воспитывали въ китайскихъ правилахъ, перебилъ меня мандаринъ съ горьчностію, — также какъ и меня.... Вы такъ сказать нашъ китаизмъ всасывали съ молокомъ; мы всѣ думали, что вы съ этими нравственными правилами и какъ сынъ благородныхъ родителей достигнете до почетныхъ званій, сдѣлаетесь какъ и мы мандариномъ. Вспомните ваше дѣтство, вспомните, какъ всѣ мы любили васъ, возили вамъ конфекты и игрушки. Могли ли мы думать тогда, что вы сдѣлаетесь нашимъ врагомъ?... Но опомнитесь и подумайте, кто мы и кто вы, *молодой человекъ*!

Я невольно улыбнулся. Достопочтенные мандарины рѣшительно не признають хода времени и считаютъ меня еще молодымъ человекомъ!..

— Подумайте, кто мы и кто вы! повторилъ мандаринъ съ тремя шариками, ударяя на мѣстоимѣніе мы, торжественно выпрямляясь передо мною и указывая на свое облаченіе и на три шарика, болтавшіеся на его шапкѣ...

Вдругъ раздались звуки, тамъ — тама, возвѣщавшіе о томъ, что въ глубинѣ храмины за занавѣсою проходятъ мандарины изъ мандариновъ. Дѣйствительно тѣни ихъ уже показались назанавѣсѣ — и мандаринъ говорившій со мною, также какъ и другіе его товарищи почтительно присмирѣли.

— Э! такъ они еще не очень важныя особы, подумалъ я, — оттого-то они такъ хорохорятся и задають такого тона передъ нами простыми людьми!

Но лишь только тѣни исчезли, мандарины оживились снова и мгновенно приняли гордыя, величественныя позы. Мандаринъ съ тремя шариками напалъ на меня еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ. Онъ размахивалъ руками, глазки его налились кровью. Онъ даже дошелъ до того, что угрожаетъ мнѣ ауто-дафе. — И это тотъ милый господинъ, котораго моя бойкая родственница называла нѣкогда *сладенькимъ*.... О, какъ лѣта и шарикъ на шапкѣ измѣняютъ людей!...

Вслѣдъ за тѣмъ удивительныя картины одна за другой стали развертываться передо мною.

Всѣ мандарины сѣли на великолѣпныя табуреты, поставленныя на возвышеніе, по степенямъ ихъ значенія и по количеству шариковъ на шапкахъ. Передъ ними начали появляться различныя лица съ поклонами до земли... Одинъ изъ такихъ, кажется секретарь, подползъ къ его превосходительству, своему начальнику, — съ опущенною къ землѣ головой въ знакъ того, что онъ не могъ переносить свѣта, исходящаго отъ него и произнесъ:

— Не безызвѣстно, вашему превосходительству, что по вѣренному вамъ вѣдомству осталось къ новому 1859 году 2000 р. серебромъ экономіи, сохраненной мудростію вашей и что вы представляя о семъ его высокопревосходительству, испрашивали у него, какъ поступить съ сего суммою? Мы всѣ осмысливались думать и молили Бога о томъ, чтобы сія остаточная сумма была назначена въ награду вашему превосходительству, нашему достойному начальнику, за ваши неусышные труды, мудрость, снисхожденіе и милость къ подчиненнымъ; но его высокопревосходительство, по своей премудрости, приготавливая вамъ конечно въ мысляхъ свою высокую и достойнѣйшую награду, соблаговолилъ бросить одинъ изъ свѣтлыхъ лучей взора своего на насъ, бѣдныхъ пресмыкающихся труженниковъ, и повелѣлъ: раздѣлить помянутую остаточную сумму между нами, недостойными такихъ милостей. Вслѣдствіе чего имѣю величайшую честь почтительнѣйше представить списокъ распредѣленія этой суммы на утвержденіе вашего превосходительства.

Секретарь подавъ бумагу мандарину и поклонился ему до земли.

Мандаринъ съ тремя шариками глубокомысленно надвинувъ брови, надѣвъ очки и взявъ карандашъ, оправленный въ золото, началъ разсматривать списокъ. Во главѣ списка красовалось имя секретаря, который поднесъ его, и въ графѣ противъ этого имени стояло 500 р. Списокъ оканчивался самымъ незначительнымъ и бѣднымъ труженникомъ, ежедневно совершавшимъ 16 верстъ взадъ и впередъ между своей лачужкой и присутственнымъ мѣстомъ. Въ графѣ противъ него стояло 5 р.—послѣдняя цѣна сапогъ въ Пекинѣ, въ которомъ все до крайности вздорожало съ нѣкотораго времени.

Мандаринъ, оставивъ неприкосновенными 500 р. своего секретаря, значительно уменьшилъ награды всѣмъ остальнымъ и незначительному и бѣднѣйшему изъ труженниковъ вмѣсто 5 р. назначилъ 2 р.; нѣкоторыхъ же зазѣчныхъ его превосходительствомъ въ либерализмъ, то есть кланявшихся ему просто, по церемоніалу, но не выражавшихъ при томъ преданнической игры въ глазахъ, вовсе вычеркнулъ. По исправленному такимъ образомъ списку оказались остаточныхъ 500 руб.

Вслѣдъ затѣмъ къ другому изъ мандариновъ подождать въ рубашкѣ исхудалый и больной человѣкъ и произнесъ дрожащимъ и слабымъ голосомъ:

— Мудрейшій и правосудѣйшій изъ начальниковъ! воззри съ высоты на черня ползающего передъ тобою... Я лишился подруги своей ничтожной жизни, продалъ почти все, что имѣлъ; чтобы предать ее нашей матери землѣ съ честію; у меня осталось отъ нее семеро дѣтей, ежедневно просящихъ пищи. Я работаю до истощенія

силъ, что засвидѣтельствуютъ мои непосредственные начальники. И вотъ наступаютъ праздники, дни общей радости и веселія, а я безъ куска хлѣба... Мои бѣдные, невинные птенцы умираютъ отъ голода... Воззри на меня, плачущаго съ семью младенцами, и прикажи удѣлить мнѣ кроху отъ щедротъ твоихъ! Заставь вѣчно молить за себя...

Стонъ несчастнаго могъ разжалобить самое черствое сердце, и его превосходительство въ минуту хорошаго расположенія вѣроятно былъ бы тронуть имъ; но, къ сожалѣнію, бѣднякъ явился не въ попадѣ (бѣдняки какъ-то всегда являются не въ попадѣ), ибо его превосходительство былъ погруженъ въ созерцаніе суеты и ничтожности сего міра, по поводу значительной награды, полученной его врагомъ, и вслѣдствіе того озлобленъ противъ всего человѣчества...

— Боже мой! къ кому же теперь обратиться мнѣ за помощію! прошепталъ въ отчаяніи несчастный и побрелъ къ какому-то, столпившему въ сторонѣ отъ мандариновъ господину въ высочайшемъ коническомъ колпакѣ. Это былъ, какъ мнѣ замѣтилъ кто-то, глубочайшій ученый и первѣйшій китайскій мудрецъ, офиціально признанный таковымъ. Онъ разрѣшалъ всѣ сомнѣнія и давалъ совѣты.

— Учитель! произнесъ бѣднякъ, подходя къ нему и три раза ударивъ лбомъ о землю въ знакъ уваженія къ его особѣ, — скажи мнѣ, для чего создано на свѣтѣ такое странное и несчастное животное, какъ я?

— Зачѣмъ ты вмышливаешься не въ свое дѣло? глубокомысленно отвѣчалъ мудрецъ.

— Но, достопочтенный мужъ ты видишь мои страданія... Для чего же столько зла на землѣ? Я тебя спрашиваю.

— Экая важность! сказалъ мудрецъ: — да и что мнѣ за дѣло до твоихъ страданій?... Какое зло!...

— Что же мнѣ дѣлать однако? воскликнулъ бѣднякъ въ отчаяніи.

— Молчать — и идти вонъ отсюда, произнесъ мудрецъ...

— Вывести его вонъ! закричали въ одно время глубочайшій изъ китайскихъ мудрецовъ и правосуднѣйшій изъ мандариновъ: — И какъ онъ смѣетъ беспокоить прямо насъ?... продолжать мандаринъ съ тремя шариками, что за дерзость!... Если онъ дѣйствительно нуждается, то онъ долженъ былъ ходатайствовать о пособіи у своего помощника столоначальника; помощникъ его долженъ былъ о семъ ходатайствовать у своего столоначальника, столоначальникъ у своего начальника отдѣленія, а начальникъ отдѣленія у правителя канцеляріи и уже правитель канцеляріи могъ ходатайствовать у меня за него...

Бѣдняка вытолкали изъ храмины, а его превосходительство обратился къ другому его превосходительству и сказалъ, пожимая плечами.

— Ну, скажите пожалуйста, на что это похоже. Всякая дрянъ безпокоить насъ и имѣть дерзость лезть прямо къ намъ!... Какое неуваженіе къ властямъ! Допускать этого невозможно... неправда ли? Это можетъ привести Богъ знаетъ къ чему!...

— Совершенно справедливо, возразилъ другой мандаринъ:— вообще я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени начинается распространяться вредный духъ неподчиненности... Вотъ я вамъ скажу, что случилось со мною недавно. Поручилъ я своему секретарю достать мнѣ ложу въ театръ, привозить онъ билетъ—прекрасно. Бѣдимъ мы съ женой въ театръ; входимъ въ ложу — и что же видимъ? какъ бы вы думали? Рядомъ съ нами, въ сосѣдней ложѣ, сидитъ мой секретарь съ своею женою... Какова дерзость, каково неприличіе!.. Я, разумѣется, послѣ такого поступка тотчасъ удалилъ его отъ себя.... Ну а всѣмъ этимъ безпорядкамъ причиною литература, распространяющая идеи своевольства.

— Да! да! это правда! это ужасно! воскликнули всѣ мандарины въ одинъ голосъ. И мудрецъ туда-же закивалъ головою въ знакъ согласія.

— А вамъ что нужно? гразно сказалъ одинъ изъ мандариновъ, обращаясь къ молодому, довольно щеголеватому чиновнику, очутившемуся въ эту минуту въ почтительной позѣ передъ его превосходительствомъ.

— За васъ, началъ молодой чиновникъ, приложивъ руку къ сердцу, за васъ, ваше превосходительство, въ моей безопасности рушается вашъ добрый геній и общественное мнѣніе...

При этомъ его превосходительство весь передернулся, ибо онъ не могъ слышать этихъ двухъ словъ «общественное мнѣніе».

— ....увѣнчавшее васъ, продолжалъ молодой чиновникъ,—завидною славою, а потому я нисколько не думалъ и мои мысли сами по себѣ никогда не освѣщались лучемъ той догадки, чтобы ваше сердце, замѣчательнѣйшее признательностію къ подчиненнымъ, съ источникомъ вашей новой власти, могло исполниться неудовольствія ко мнѣ. И потому представьте себѣ, ваше превосходительство, странное разувѣреніе въ моемъ понятіи объ васъ, когда мой начальникъ отдѣленія, при многихъ чиновникахъ, съ значительною улыбкою объявилъ мнѣ вашъ строгій выговоръ и ваше вѣрное обѣщаніе уволить меня отъ дѣлъ. Наконецъ не могу и не долженъ скрыть того, что я былъ притомъ достаточно оскорбленъ позою, которою онъ дѣлалъ изъ себя, а также тѣмъ тономъ, съ которымъ онъ обращался со мною...

— Довольно! перебилъ его превосходительство:—прочъ съ глазъ

моихъ дерзкій вольнодумецъ!... Ты смѣешь оскорбляться позами своего начальника, его тономъ!... Ты смѣешь ссылаться на общественное мнѣніе!... Чтобъ твоего духу не было съ сей минуты въ моемъ департаментѣ!

— Да, дѣйствительно вольнодумство страшно начинается распространяться, прибавилъ мандаринъ, обращаясь къ другимъ мандаринамъ, — противъ этого надобно принять мѣры — и это явное вліяніе литературы... Вы слышали: онъ говорилъ объ общественномъ мнѣніи? — эти гнусныя слова взяты имъ цѣлкомъ изъ журналовъ... И замѣтите, въ какихъ краснорѣчивыхъ фразахъ онъ выражалъ свои жалобы... Гдѣ же онъ могъ выучиться такому краснорѣчію... Все литература!

Затѣмъ было отдано приказаніе, чтобы не допускать до ихъ превосходительствъ никого ни съ просьбами, ни съ жалобами, ибо ихъ превосходительства желаютъ погрузить умы свои въ глубокіе государственныя вопросы и соображенія.

— Вотъ поучиться-то и послушать! почтительно подумалъ я, — если они только будутъ излагать мысли свои въ слухъ, — и наострилъ уши. Они дѣйствительно заговорили между собою въ слухъ, но о томъ, кому везетъ или не везетъ счастье въ клубѣ, кто сколько выигралъ или проигралъ въ теченіи послѣдней недѣли; о какой-то неслыханной игрѣ, пришедшей наканунѣ къ которому-то изъ нихъ; о какомъ-то удивительномъ обѣдѣ, данномъ для нихъ на дняхъ откупщикомъ; о томъ, какъ они веселились у золотопромышленника на балѣ и сообщали другъ другу свои предположенія, кто изъ нихъ и какія именно награды долженъ получить къ празднику.

Затѣмъ они удостоили благосклонно принять какого-то торгаша, случайно нажившаго миллионы.

Миллионеръ палъ къ ногамъ ихъ и умиленно просилъ ихъ осчастливить его на всю жизнь и удостоить его высочайшей для него на землѣ чести — пожаловать къ нему на обѣденный столъ.

Мандарины удостоили его принятіемъ этого приглашенія и милость свою къ торгашу распространили до того, что объявили ему, что каждый изъ нихъ вмѣстѣ съ собою привезетъ къ нему всѣхъ своихъ креатуръ, льстецовъ и угодниковъ.

— Смотрите же, воскликнулъ одинъ изъ нихъ, удостоить взглядомъ торгаша, — чтобы обѣдъ вашъ былъ самый утонченный и роскошный, вполне достойный тѣхъ особъ, которыхъ вы будете имѣть счастье угощать; чтобы вина было побольше и самаго лучшаго, а въ заключеніе, чтобы непремѣнно былъ ликеръ изъ банановъ, до котораго всѣ мы большіе охотники.

Торгашъ объявилъ, что онъ не пощадитъ ничего для полнѣйшаго удовлетворенія своихъ высокопоставленныхъ посѣтителей, и не оборачивая спины, удалился изъ хранины, отступая и кланаясь.

— Хорошій и добрый человекъ! произнесъ со вздохомъ одинъ изъ мандариновъ по его удаленіи.

— Прекрасный и благонамѣренный! повторилъ съ чувствомъ другой.

— Патриотъ, истинный патриотъ! добавилъ третій....

Тогда на мгновеніе снова все, что было передо мною, покрылось бѣловатымъ туманомъ; мандарины съ ихъ причтомъ исчезли, и когда туманъ началъ рѣдѣть, я увидѣлъ великолѣпно убранный будуаръ и въ полусвѣтѣ полулежащую на диванѣ полную даму въ роскошнѣйшемъ платьѣ и въ неизмѣримѣйшемъ кринолинѣ, занимавшемъ полкомнаты. У ногъ ея на богатомъ коврѣ стоялъ на колѣняхъ тотъ самый мандаринъ, который уменьшилъ награды своимъ чиновникамъ къ празднику. Онъ держалъ браслетъ въ своей рукѣ, стоимшій 500 р., показывая его дамѣ и потомъ началъ его надѣвать ей на ея пухлую и бѣлую руку, дрожа, тая и цалуя ея пальчики.

— Повтори мнѣ, ты очень меня любишь, очень? лепеталъ онъ со слезой въ глазахъ, смотря на нее.

— Ну да, да, да.... душка! Я тысячу разъ говорила вамъ это, отвѣчала дама съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Довольна ли ты, моя ципочка, подаркомъ? Ты давно желала имѣть этотъ браслетъ!...

— Mein liebe—умница! проговорила дама и потрепала мандарина по его испещренной морщинами и нарумященной щекѣ.

Громъ тамъ-тама оглушилъ меня снова въ это мгновеніе. Мандаринъ, крехтя и съ трудомъ приподнявшись съ колѣнъ, поцаловалъ даму и произнесъ:

— Ну прощай, моя ципочка, до свиданія. Звуки эти возвѣщаютъ приближеніе новаго года, — и мы должны идти встрѣчать его. Какъ жаль, что я завтра не могу быть у тебя. Къ сожалѣнію, я цѣлый день долженъ провести въ семействѣ. Нельзя же, ты сама знаешь! Это требуетъ приличіе, — и мы обязаны подавать собою примѣръ нравственности и семейныхъ добродѣтелей!...

Его превосходительство удалился, умилно оглядываясь на свою даму и дѣлая ей поцалуй рукою.

— Ахъ! слава Богу, слава Богу! закричала толстая дама по уходѣ его превосходительства, вскочивъ съ дивана и прыгая. — Ухъ!... я завтра цѣлый день свободна!

И съ радости начала одна танцевать польку-трамбланъ перестъ трюмо....

Картина опять измѣнилась. Будуаръ съ дамой исчезли и не замѣримой длины зала, въ родѣ галлерей, затопленная свѣтомъ, открылась передо мною.

Галлерей эта была биткомъ набита мандаринами и ихъ свитою, т. е. ихъ креатурами, льстецами, соглядатаями, привилегированными пѣвцами и проч.

Во глубинѣ галлерей видѣлся исповинскій цифербладъ и стукъ маятника былъ такъ силенъ, что не могъ заглушить говора этой блистательной толпы.

Часы стучали чикъ, чикъ съ особою грозною торжественностію, какъ бы неумолимо напоминая напыщеннымъ и одряхлѣвшимъ мандаринамъ, что они съ каждымъ чикомъ дѣлаются еще старѣе и дряхлѣе, что съ каждымъ чикомъ у нихъ прибавляется лишняя морщина, что каждый чикъ — шагъ къ ихъ разрушенію.

Когда стрѣлка часовъ приблизилась къ полночи, лицемѣрные мандарины двинулись во срѣтеніе новаго года, несмотря на то, что они отрицають всякое движеніе и не признають хода времени.

Раздался звонъ часовъ.... и въ это мгновеніе, при звукахъ тамъ-тама и пушечной пальбы, появился въ углубленіи залы подъ часами молодой, свѣтлый, хотя и неопредѣленный образъ съ серьезнымъ, строгимъ и нѣсколько грустнымъ выраженіемъ, возбуждавшій симпатію и вселявшій невольное уваженіе.

Я догадался, что это было олицетвореніе новаго 1859 года.

При появленіи его всѣ мандарины преклонили предъ нимъ колѣна и воздѣли къ нему руки...

Мой знакомецъ мандаринъ съ тремя шариками, считавшійся между своими лучшимъ риторомъ, произнесъ:

«Привѣтствуемъ тебя наступившій годъ, распростираемся передъ тобою и молимъ тебя:

«Останови безразсудное движеніе и порывы твоего предшественника, возвратись благоразумно назадъ къ годамъ нашей юности, когда процвѣтала на землѣ высочайшая нравственность, отрадное для насъ безмолвіе, строгій порядокъ, безотвѣтность старшихъ и безусловная подчиненность младшихъ. Молимъ тебя, возврати душамъ нашимъ миръ и заставь насъ благословлять и прославлять имя твое!»

«Возвысь насъ! прибавь намъ окладовъ! прибавили другіе мандарины: «даруй намъ новыя титулы и украшенія и загради уста тѣмъ безчиннымъ и безнравственнымъ крикунамъ, которые осмѣливаются предавать насъ на посмѣяніе, и называютъ насъ отжившими и отсталыми людьми»!...

Когда всѣ крики эти смолкли, Новый годъ произнесъ, не обращая

ни малѣйшаго вниманія на колѣнопреклоненныхъ предъ нимъ мандариновъ:

«Я пришолъ, чтобы продолжать дѣло, начатое моими предшественникомъ, я еще одинъ шагъ впередъ на великомъ пути человѣческаго развитія и совершенствованія. Какое мнѣ дѣло, безумцы, до вашихъ китайскихъ сословныхъ претензій, до вашихъ чиновъ, званий, титуловъ, окладовъ и привилегій, до всѣхъ вашихъ мелкихъ интересовъ?... Не о васъ однихъ призванъ я заботиться, не объ одномъ вашемъ счастьи и благоденствіи, — вы и безъ того пользуетесь имъ, — а о благоденствіи и счастьи всѣхъ людей, а особенно вашихъ низшихъ братій, и счастливъ буду я, если въ мое краткое существованіе, хотя сколько нибудь подвинется это великое дѣло... Я знаю, что вы, отстающие и закоснѣлые въ предразсудкахъ и эгоизмѣ старцы будете моими противниками, — но вы не опасны, ваши расчеты съ настоящею жизнію кончены; вы уже не въ состояніи понимать ничего, совершающагося передъ вашими глазами. Помышляйте лучше о будущей жизни. Пора!... Моими сподвижниками будетъ новое поколѣніе, потому, что въ немъ власть и сила.

«Но не заноситесь и вы, нѣкогда рьяные сподвижники улучшеній и совершенствованій; вы уже почти совершили дѣло, для котораго были призваны. Уступите мѣсто ваше новому поколѣнію и покоритесь ему, благословляя его, а не проклиная такъ, какъ васъ проклинаятъ эти старцы...

И Новый годъ указалъ на мандариновъ, онѣмѣвшихъ отъ этой рѣчи и пришедшихъ отъ нея въ совершенное разслабленіе.

— Да, подумалъ я, — Новый годъ правъ... и наше поколѣніе доканчиваетъ свое дѣло...

«Да здравствуетъ же новое поколѣніе, идущее смѣнить насъ!» вскрикнулъ я, и проснулся отъ этого крика.

Я улыбнулся моимъ грезамъ, — и уже на яву тихо повторилъ про себя:

«Да здравствуетъ новое поколѣніе!»..

Что дѣлалось въ Петербургѣ въ теченіе декабря и начала января?

Но ужъ газеты давнымъ давно сообщали всѣ мельчайшія петербургскія новости и все, чѣмъ занимался Петербургъ въ это время... и мы боимся, что наши новости будутъ отзываться стариною....

Мы хотѣли было сообщить нашимъ читателямъ объ игрѣ Ольриджа въ Лирѣ; но съ этимъ артистомъ мы такъ подробно

познакомили ихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, что теперь намъ остается только прибавить одно: въ «Лирѣ» Олриджъ былъ нисколько не ниже, чѣмъ въ «Отелло» и «Венеціанскомъ Купцѣ» и исполненіемъ этой роли, онъ окончательно подтвердилъ общее мнѣніе о своемъ великомъ трагическомъ талантѣ. Олриджъ былъ, говорятъ, глубоко тронутъ пріемомъ петербургской публики и тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которое изъявили ему артисты русской сцены. Ихъ стихи къ нему и письмо Олриджа къ нимъ были напечатаны уже въ нашихъ газетахъ. Въ бенефисъ свой онъ сыгралъ комическую роль негра Мунго въ водевилѣ «Висячій Замокъ» и произвелъ величайшій эффектъ исполненіемъ этой роли.

Олриджъ уѣхалъ изъ Петербурга.

На русскомъ театрѣ г. Самойловъ являлся въ роли Лира.... Надо замѣтить, что Лиръ вообще былъ выполненъ русскими актерами несравненно тщательнѣе и лучше, чѣмъ нѣмецкими; къ тому же на русской сценѣ Лиръ явился въ прекрасномъ переводѣ г. Дружинина, безъ всякихъ почти измѣненій и передѣлокъ, крайне неудачныхъ на нѣмецкой сценѣ.

Что же сказать объ игрѣ г. Самойлова?...

Талантливый комическій артистъ нашъ выполнилъ трудную и высоко-трагическую роль «Лира» добросовѣстно, по мѣрѣ средствъ своихъ.... Въ сценѣ сумасшествія онъ былъ даже очень хорошъ; но вообще въ немъ мы не видѣли Шекспировскаго Лира... Г. Самойловъ прекрасно сыгралъ какого-то добродушнаго, жалкаго старичка, который и сердиться-то не умѣетъ; въ звукахъ голоса его слышались намъ комическія ноты. Публика принимала г. Самойлова съ восторгомъ.

Въ Петербургѣ находятся въ сію минуту, кромѣ Феррарисъ, еще двѣ пріѣзжія танцовщицы, — но говорятъ, довольно посредственные. Мы впрочемъ не видали ихъ.... На итальянскомъ театрѣ дана была въ первый разъ опера г. Флотова: *Марта*, въ которой г-жа Бозио превосходна.

Мода на публичныя лекціи сильно распространилась въ Петербургѣ въ нынѣшнюю зиму. Лекціи въ залѣ Пассажа пользуются большимъ успѣхомъ и привлекаютъ многочисленную и любознательную публику, которой въ особенности нравятся лекціи химіи г. Ходнева, излагаемыя очень живо и популярно. — Г. Серовъ, извѣстный музыкальный критикъ, открылъ публичныя лекціи о музыкѣ въ залѣ университета. Открылись еще публичныя лекціи также въ университетѣ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Профессоръ Никитенко прочелъ уже первую лекцію о Державинѣ и его эпохѣ, а профессоръ Стасюлевичъ будетъ читать о провинціальномъ бытѣ при Людовикѣ

XIV. Во время великаго поста будутъ, говорятъ, также читать публичныя лекціи гг. профессора Горювъ и Благовѣщенскій. Первый о предметѣ весьма интересномъ для всѣхъ насъ: — о причинахъ дороговизны.

Звѣринцы Крейцберга и Зама, (у Крейцберга укрощаетъ уже звѣрей 18 лѣтняя дама) механическія циклографы, въ которой показываются военныя дѣйствія въ Крыму и Индіи, и извѣстные американскіе города; кабинетъ натуральныхъ рѣдкостей г. Принципе и различные оптическіе виды; большія фантастическо-магическія представленія г. Коле, съ картинами освѣщенными пирическимъ огнемъ (feu pyrique), какъ сказано въ афишѣ; механическіе театры для дѣтей.. и прочее—все это посѣщается любителями разныхъ зрѣлищъ.

Балы и маскарады въ Дворянскомъ и въ другихъ собраніяхъ идутъ своимъ чередомъ.

Въ четвергъ 22 января въ пользу частныхъ школъ С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества, данъ будетъ спектакль любителями, въ залѣ дома князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Разыграны будутъ двѣ пьесы: *На балѣ*, картина изъ свѣтской жизни, соч. графа Фредро, въ которой между прочимъ будетъ участвовать г-жа Мичурина (Вѣра Самойлова) и *Le Domino noir*, комическая оперетка г. Скриба. Оркестромъ будетъ дирижировать г. Лешетицкій...

Новыхъ періодическихъ изданій и книгъ къ новому году появилось множество.

Мы въ особенности обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на любопытное сочиненіе г. Желѣзнова: *Уральцы, очерки быта уральскихъ казаковъ*, съ которыми мы познакомимъ нашихъ читателей въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Современника».

Г-жа Крестовская (псевдонимъ) издала собраніе своихъ повѣстей, которыя печатались въ разныхъ журналахъ и изъ которыхъ многіе обратили на себя справедливое вниманіе публики.

Иллюстрированныя изданія увеличиваются у насъ съ каждымъ годомъ, но первое мѣсто между ними все-таки занимаетъ превосходное изданіе г. Тимма: «Русскій Художественный Листокъ». Оно еще должно усовершенствоваться въ наступившемъ году. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ г. Тиммъ:

«Стремясь постоянно къ усовершенствованію нашего изданія, во всѣхъ отношеніяхъ, мы не ограничились, въ нынѣшнемъ году, обѣщаннымъ программой печатаніемъ рисунковъ въ два тона, но выпустили, въ видѣ опыта, пять номеровъ болѣе или менѣе разкрашенными.

«Э. отъ опыта, представивъ цѣлый рядъ затрудненій, которыя намъ пришлось, преодолѣть убѣдилъ насъ, однако, что, при тѣхъ

средствахъ, которыми до сихъ поръ располагалъ Рус. Худож. Листокъ, мы принуждены были бы остановиться на этомъ улучшеніи нашего изданія. — Раскраска отъ руки, не говоря уже объ издержкахъ, вовсе несоразмѣрныхъ съ подписною цѣною Рус. Худож. Листка, требуетъ такого значительнаго времени, котораго мы рѣшительно не имѣемъ, будучи стѣснены сроками выпуска номеровъ. Печатаніе же красками, въ чужой литографіи, неизбѣжно влечетъ за собою еще болѣе значительныя издержки.

«Желая неуклонно стремиться къ улучшенію нашего изданія, мы рѣшились завести собственную литографію, которая доставила бы намъ возможность пользоваться всѣми усовершенствованіями въ литографскомъ искусствѣ, не возвышая подписной цѣны Рус. Худож. Листка, и, по мѣрѣ возможности, выпускать рисунки, отпечатанные болѣе чѣмъ въ два тона.

«Съ этою цѣлю, въ теченіе прошедшаго лѣта, мы пользовались, въ Парижѣ, наставленіями опытнаго и извѣстнаго литографа Леммерсе, который былъ такъ обязателенъ, что не ограничился одними совѣтами, но заказалъ еще, для нашей литографіи, всѣ необходимыя принадлежности въ лучшемъ, въ настоящее время, въ Парижѣ механическомъ заведеніи Пуарье.»

Въ заключеніе г. Тимъ изъявилъ благодарность г-ну Мюнстеру, въ литографіи котораго печатался (за исключеніемъ весьма немногихъ номеровъ) Рус. Худож. Листокъ съ самаго своего основанія (8 лѣтъ), за добросовѣстное во всѣхъ отношеніяхъ исполненіе имъ своихъ обязанностей.

Кстати о г. Мюнстерѣ. Онъ будетъ издавать въ 1859 году *Портретную галерею русскихъ литераторовъ, журналистовъ, художниковъ и другихъ замѣчательныхъ людей*. Первый выпускъ, заключающій въ себѣ четыре портрета уже вышелъ. Изданіе роскошно, литографія очень хороша, но главное въ этомъ изданіи должно быть, конечно, сходство портретовъ съ оригиналами.... а первый выпускъ не совсѣмъ удаченъ, въ этомъ отношеніи... нѣкоторые изъ портретовъ очень странны, чтобы не сказать болѣе.... Мы желаемъ полного успѣха предпріятію г. Мюнстера и потому совѣтуемъ ему обратить вниманіе на наше замѣчаніе.....

Мы давно не говорили о дѣйствіяхъ нашихъ ученыхъ обществъ. Представляемъ въ заключеніе очень любопытныя свѣдѣнія о *Хорассанской экспедиціи*.

«Въ засѣданіи Императорскаго Р. Г. Общества, бывшемъ 3-го декабря, сообщены извѣстія о занятіяхъ Хорассанской экспедиціи. Начальникъ ея, дѣйствительный членъ Н. В. Ханыковъ, въ письмѣ изъ Герата, отъ 23-го сентября, на имя вице-предсѣдателя, уведомилъ.

Т. LXXIII. Отд. III.

леть, что по желанію шаха онъ отправился 8-го апрѣля изъ Астрабада на Шахрудъ и оттуда черезъ Дагманъ прибылъ въ столицу Персіи 22-го апрѣля. Его величество шахъ и первые министры приняли живое участіе въ экспедиціи. Г. Ханыковъ снабженъ былъ здѣсь рекомендаціями ко всѣмъ хорассанскимъ властямъ и обставилъ экспедицію самыми благопріятными условіями для изученія страны, куда ей предстояло отправиться. Во все время пребыванія г. Ханыкова въ Тегеранѣ, прочіе члены экспедиціи дѣлали поѣздки въ астрабадскомъ округѣ, и несмотря на тревожное положеніе края, вслѣдствіе непрерывныхъ вторженій Туркменовъ, успѣли осмотрѣть значительную часть этого интереснаго берега Каспійскаго моря. Въ концѣ мая всѣ члены соединились въ Шахрудѣ и въ началѣ іюня отправились на Мезиванъ, Сабзевиръ и далѣе черезъ бирюзовые и соляные рудники, достигли Нишапура, откуда по гористой и чрезвычайно-живописной дорогѣ прибыли 24-го іюня въ Мешхедъ. Дорога эта въ общихъ чертахъ мѣстности, по которой она проходитъ, довольно извѣстна: по ней ѣхали Фрезеръ, Конолли, Бернсъ, Леммъ и Бларамбергъ; но тѣмъ не менѣе изъ совокупныхъ дѣйствій экспедиціи можно ожидать объ этой мѣстности много такихъ новыхъ подробностей, которыя недоступны одинокому путешественнику. Въ Мешхедѣ экспедиція пробыла семь недѣль, которыя употреблены были на болѣе или менѣе значительныя поѣздки въ окрестности, на осмотръ памятниковъ и разборъ интереснѣйшихъ рукописей богатаго книгохранилища имама Ризы, которое открыто было начальнику экспедиціи. Г. Гебель совершилъ въ это время поѣздку Турбети-Хейдари на Турмизъ, Кухимишъ Сабзеваръ, Кучанъ или Кабушанъ. Оставивъ 14-го августа Мешхедъ, экспедиція отправилась далѣе и 3-го сентября прибыла въ Гератъ. Отлагая подробности путешествія до другаго времени, г. Ханыковъ препроводилъ донесенія своихъ спутниковъ и сообщилъ слѣдующіе общіе результаты экспедиціи: г. Бунге собралъ до 1,300 видовъ растений, г. Гебель до 13 большихъ ящиковъ окаменѣлостей; г. Ленцъ опредѣлялъ астрономическіе координаторы 29 пунктовъ и магнитныхъ 9; гг. графъ Кейзерлингъ и Бинертъ собрали богатые коллекціи змѣй, пауковъ, насѣкомыхъ и нѣсколько чучелъ животныхъ высшаго образованія. Наконецъ самъ начальникъ экспедиціи осмотрѣлъ до 25 памятниковъ, болѣе или менѣе невѣрно описанныхъ его предшественниками, собралъ замѣчанія о діалектахъ персидскаго языка, на протяженіи пройденнаго пути, равно какъ и свѣдѣнія объ особенностяхъ племенъ, обитающихъ въ этой сѣверной части Хорассана. Во все время путешествія производились постоянныя метеорологическія наблюденія и произведена съемка пространства, до 27,000 верстъ. »

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

V

Женскій вопросъ. — Прудонъ о женщинѣ. — Мишле о любви. — Женщина во Франціи. — Миссъ Елизавета Блэквелъ и г-жа Жюли д'Эрикуръ. — Комедія съ Монталамберомъ.

Въ прошломъ письмѣ моемъ я успѣлъ только мелькомъ упомянуть о новой книгѣ Мишле: *Любовь*. Благодаря знаменитому имени автора и заманчивому заглавію, она читается наперерывъ и возбуждаетъ много толковъ. Какъ эти толки ни разнорѣчивы, изъ нихъ можно вывести одно заключеніе, и заключеніе очень невыгодное для автора. Успѣхъ его книги—успѣхъ скандальный, un succès de scandal, какъ говорятъ французы.

Странная и печальная судьба! Сочиненіе, задуманное съ благороднѣйшей цѣлью и пропитанное желаніемъ общаго блага, производитъ впечатлѣніе безразвратной книги.

Мишлѣ нельзя заподозрить въ неискренности, въ лицемеріи, и остается жалѣть объ обществѣ, испорченность котораго такъ глубока, что даже въ лучшихъ умахъ и въ лучшихъ сердцахъ можно открыть, всматриваясь, черты родства съ маркизомъ де-Садомъ и съ Лувѣ де-Кувре, авторомъ, «*Любовныхъ походовъ Шевалье де-Фоблаза*».

Вопросъ о положеніи женщины и объ организаціи семейства есть одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ нашего времени. Только отъ его разрѣшенія зависятъ твердые и правильные успѣхи цивилизаціи. Мысль всѣхъ сознательно или безсознательно обращена

къ этому вопросу. Но всѣ попытки создать справедливыя, законныя отношенія между мужской и женской половинами человѣчества были до сихъ поръ шатки и неопредѣленны.

Предъявленіе свободы чувства было первымъ шагомъ къ эманципациі женщины. Отъ предъявленія какого бы то ни было права далеко еще до внесенія его въ жизнь. Старинныя, вросшіе въ общество предразсудки не скоро уступаютъ мѣсто новымъ началамъ. Притомъ прогрессъ совершается большею частію крайностями: одна крайность вызываетъ другую, противоположную, борьба становится ожесточеннѣе и побѣда труднѣе.

Въ предъявленіи свободы чувства заключалось уже отрицаніе брака въ томъ смыслѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время. Но на этомъ поваторы не остановились: они стали безусловно отрицать бракъ вообще. Это безусловное отрицаніе повело къ утверженію законности безбрачнаго многоженства и тому подобныхъ крайнихъ нелѣпостей.

Я не стану припоминать всѣмъ извѣстныхъ теорій, которыя, какъ теоріи, отжили уже свой вѣкъ; но не могу умолчать о вліяніи ихъ на общественную нравственность.

Не имѣя силы явно сокрушить старый порядокъ вещей, эти теоріи стали подтачивать его тайно. Онѣ льстили неразвитію, легкомыслию и животнымъ инстинктамъ массы, и развратъ быстро принялъ громадныя размѣры. Прежнее зданіе почти разрушено, а новаго нѣтъ, и самый матеріалъ для его постройки на половину сгнилъ. Надо сохранить отъ гнили остатокъ годнаго матеріала и постараться употребить его въ дѣло; а такіе строители, какъ Прудонъ и Мишлѣ, воображая, что создаютъ вновь, только ворочаютъ отжившіе обломки непоправимыхъ развалинъ,

Ни сентиментальная теорія Мишлѣ, ни циническая система Прудона не поворотятъ общества назадъ. Эманципациа женщины началась, и остановить ее невозможно. Надо признать за женщиной инныя права, нежели признаютъ эти писатели, обращаясь отъ печальнаго настоящаго къ прошедшему и отыскивая тамъ идеалы будущему. Золотой вѣкъ не такъ-то легко подворить. Ни картинами аркадскихъ хижинъ, ни законами, почерпнутыми изъ быта готтентотовъ и изъ руководствъ къ коннозаводству, — не поможешь развращенному обществу.

Пока мы будемъ считать женщину существомъ больнымъ и жалкимъ, какъ Мишлѣ, самкой, какъ Прудонъ, рабой, какъ средневѣковыя учителя, куклой, какъ современные романисты, — невозможны ни нравственная твердая семья, ни нравственное и здоровое воспитаніе новыхъ поколѣній, стало быть невозможно и успѣхи общества. Только въ признаніи за женщиною человѣческихъ и гражданскихъ

правъ — охрана отъ страшнаго разврата, развѣдающаго современное общество въ самыхъ его основаніяхъ.

Обратимся къ книгѣ Мишлѣ. Она поможетъ намъ коснуться глубже этого вопроса.

Мишлѣ говоритъ, что въ немъ въ три разныхъ эпохи пробуждалось желаніе написать эту апологію любви.

«Въ первый разъ (объясняетъ онъ) это было въ 1836 году. Мутному литературному потоку, затоплявшему насъ, мнѣ хотѣлось противопоставить свидѣтельство исторіи. Я изучалъ тогда средніе вѣка. Но необходимые тексты не были еще изданы. Я написалъ нѣсколько бѣглыхъ страницъ о средневѣковыхъ женщинахъ и, къ счастью, остановился.

«Въ 1844 году довѣріе юношества и, снѣмъ сказать, сочувствіе всѣхъ окружали мою кафедру нравственности и исторіи. Я увидалъ и узналъ многое. Я познакомился съ общественными нравами. Я почувствовалъ необходимость серьезной книги о любви».

Въ другомъ мѣстѣ Мишлѣ справедливо называетъ жизнь современной молодежи постояннымъ самоубійствомъ.

«Въ 1849 году (продолжаетъ онъ), когда наши социальные трагедіи сокрушили сердца, въ воздухѣ распространился страшный холодъ; казалось, вся кровь застыла у насъ въ жилахъ. Въ виду этого явленія, грозившаго истощеніемъ всякой жизни, я обратилъ призывъ къ малой долѣ теплоты, еще остававшейся въ обществѣ. Я призывалъ на помощь законы — обновленіе нравовъ, очищеніе любви и семьи».

Въ послѣдніе десять лѣтъ положеніе общества не улучшилось.

Напротивъ. «Страшныя цифры (говоритъ Мишлѣ), неопровержимыя, оффиціальныя, доходившія по временамъ до меня, казались слуху моему вѣнчаннымъ звономъ и возвышали мнѣ, что самой рабѣ, этой физической основѣ народа, угрожаетъ опасность. Тамъ, наиримѣръ, число молодыхъ людей, неспособныхъ къ военной службѣ, малорослыхъ, горбатыхъ, хромыхъ, въ продолженіе семи лѣтъ отъ 1831 до 1837 года равнялось цифрѣ 460,000; въ семь слѣдующихъ лѣтъ оно увеличилось на цифру 31,000; число браковъ уменьшалось, и въ нѣкоторые года поразительно. Въ 1851 году браковъ было на 9,000 меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; въ 1852 на 7,000 меньше, чѣмъ въ 1851 (т. е. на 16,000 меньше сравнительно съ 1850 годомъ) и т. д. Оффиціальная статистика 1856 года показываетъ, что народонаселеніе уменьшается или остается на одной степенѣ, вдовцы еще женятся, но вдовы уже не выходятъ замужъ. Прибавьте къ этому ужасное число женщинъ, кончающихъ жизнь самоубійствомъ, умирающихъ отъ нищеты, и т. д.»

Гдѣ же надежда для этого умирающаго общества? этотъ вопросъ не выходитъ изъ ума и приводитъ на память послѣднія времена Рима.

«Но паденію римской имперіи (отвѣчаетъ Мишлэ) предшествовало необыкновенное истощеніе ума. Здѣсь, напротивъ, успѣхи изобрѣтательнаго гения, непрерывные въ послѣдніе три вѣка (дѣло десяти тысячъ лѣтъ совершено въ эти три вѣка) идутъ неутомимымъ crescendo.

«Движеніе науки свидѣтельствуетъ о неистощимой мощи не только умовъ, но и самой жизни.

«Какъ же умереть въ такомъ состояніи, при такомъ великомъ свѣтѣ, въ такомъ полномъ сознаніи міра и себя? Римская имперія, разрушаясь, погрузилась во мракъ. Прежде смерти наступила для нея ночь.

«Нравственное чувство притупилось; но умъ не истощился. Мозгъ не пораженъ, но онъ расплывается и колеблется отъ истощенія низшихъ органовъ. Въ насъ громадная сила, но сила эта страшно распушена, разбросана.

«Изъ книги моей одинъ выводъ:

«*Или сосредоточься, или умирай!* Для сосредоточенія жизненныхъ силъ нуженъ прежде всего твердый очагъ.

«Не должно презирать себя и опускать руки. Тогда всему конецъ.

«Мы испорчены, это правда. Но испорченная вода можетъ стать снова годною для питья.»

Изъ приведенныхъ нами строкъ достаточно ясна благородная цѣль, которую предположилъ себѣ Мишлэ. До сихъ поръ слова его дышатъ и правдой. Но отрицать и разрушать легче, чѣмъ утверждать и создавать, и какъ скоро онъ начинаетъ развертывать передъ нами планъ семьи, на которой должно утвердиться обновленное общество, мы забываемъ благородную цѣль автора и горько негодуемъ.

Какой-то мудрецъ сравнилъ сердце женщины съ ларцомъ, ключъ отъ котораго закинуть въ море. Мудрецъ этотъ могъ бы сказать тоже не только про сердце, но и про все существо женщины, и не сталъ бы отъ этого менѣе мудрымъ, — такъ по крайней мѣрѣ можетъ показаться, какъ посмотрѣшь на усилія, съ которыми съ незапамятныхъ временъ трудятся надъ разрѣшеніемъ вопроса: что такое женщина?

Сократъ сказалъ, что женщина есть источникъ всякаго зла. Онъ сказалъ это конечно не первый; тоже самое говорили до него и китайскіе, и индѣйскіе, и еврейскіе мудрецы.

Въ наше время французскій философъ пишетъ цѣлый томъ о

женщинѣ и выводитъ заключеніе, что женщина есть источникъ всякаго зла. Прудонъ такъ же не первый, какъ и Сократъ, и вѣроятно такъ же будетъ не послѣдній.

Другія опредѣленія женщины испытываютъ ту же судьбу. Женщина — кукла, женщина — раба, женщина — роза, женщина — змѣя, женщина — любовь, женщина — ложь, женщина — поэзія, женщина — правда, женщина — самка, и т. д., и т. д. Все это повторяется испоконъ-вѣку то порознь, то разомъ, и поневолѣ думаешь, что ключъ къ пониманію женщины лежитъ гдѣ нибудь во глубинѣ моря.

Но наука изслѣдуетъ морское дно и скажетъ же наконецъ простое и ясное опредѣленіе:

Женщина есть человѣкъ.

Тогда явится и эта незбылемая семья, о которой мы мечтаемъ, и желанная чистота нравовъ, а съ ними и твердость и благосостояніе общества.

Прудонъ яснѣе и логичнѣе всѣхъ формулировалъ ветхіе предрассудки, отталкивающіе женщину отъ всякой умственной и нравственной дѣятельности въ человѣчествѣ и обрекающіе ее на темную, рабскую и животную жизнь самки. Онъ призывалъ на помощь и естественныя науки, и исторію, и современную нравственность, чтобы сказать, что женщина — не человѣкъ, и доказать, что она ниже мужчины и въ физическомъ, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ.

По расчету Прудона физическая сила мужчины относится къ женской силѣ, какъ 3 къ 2. Объ этомъ не можетъ быть и спору. Примѣръ львицы, самокъ гиббоновъ и горилловъ, и т. д., который приводятъ защитники женщинъ въ доказательство, что, при правильномъ развитіи обоихъ половъ, можно бы уравновѣсить между ними и физическую силу, вовсе нейдетъ къ дѣлу. Во-первыхъ, самый фактъ, приводимый въ примѣръ, сомнителенъ. Во-вторыхъ, еслибы и возможно было такое уравниженіе физической силы, материнскія обязанности, оставаясь за женщиной, все-таки нарушили бы его.

На основаніи неравенства физическихъ силъ Прудонъ требуетъ и неравенства правъ для мужчины и женщины.

«Предположимъ (говоритъ онъ), что въ странѣ живутъ въ смѣшеніи двѣ расы, изъ которыхъ одна такъ же физически выше другой, какъ мужчина выше женщины.

«Предположимъ также, что отношеніями этого общества управляетъ самая строгая справедливость, то, что мы выражаемъ словами: *равенство правъ*; сильная раса, при равномъ числѣ и при полномъ

равновѣсіе получить три доли на пять въ общей производительности; таковъ законъ общественной экономіи.

«Но это не все: по той же самой причинѣ воля сильной расы будетъ превышать въ дѣлѣ управленія волю слабѣйшей расы, какъ 3 превышаетъ 2, т. е. при равномъ числѣ будетъ управлять другою, какъ это мы видимъ въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ дѣла рѣшаются большинствомъ акцій, а не большинствомъ голосовъ: таковъ законъ политическій.»

Прудону кажется очень справедливымъ вывести изъ этихъ положеній слѣдующее заключеніе:

«При всѣхъ возможныхъ условіяхъ воспитанія, развитія и инициативы, перевѣсъ долженъ всегда оставаться на сторонѣ сильного, въ пропорціи 3 къ 2, т. е. мужчина долженъ быть господиномъ, а женщина повиноваться. «Dura lex, sed lex.»

Законъ, точно, жестокий, потому что основанъ на *правѣ сильного*, хотя Прудонъ всячески старается увѣрить читателя, что онъ вовсе не партизанъ этого мнимаго права. Подумаешь, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь первобытномъ обществѣ, гдѣ физическая сила была высшимъ достоинствомъ. Но вѣдь человечество не даромъ жило тысячелѣтія: ему уже не нужно бороться съ чудовищами; силы, подчиненныя ему наукой, все болѣе и болѣе облегчаютъ личный физическій трудъ. И неужто оттого, что женщинѣ не подъ силу быть на грузчикомъ тяжестей или солдатомъ, слѣдуетъ ее признавать существомъ низшимъ? Въ то время, какъ стараются и лошадь избавить отъ тяжелой работы, неужто считать ведичкой привилегіей, способность поднимать гири и носить на спинѣ пятифундовые тюки? Неужто можно гордиться этой верблюжьей способностью передъ женщиной, которая обречена на тяжкій и святой трудъ рожденія?

Въ глазахъ Прудона не только материнскія заботы не даютъ женщины права, равнаго праву крѣпкихъ мышцъ и здоровой оцѣны; даже высшее умственное развитіе не спасаетъ ее отъ рабства.

Впрочемъ, къ какому умственному развитію способна женщина?

Прудонъ отрицаетъ въ ней существованіе здороваго мозга и способность мышленія. Мысли женщины безсвязны, сужденія безамысленны, химеры принимаетъ она за дѣйствительность, изъ аналогій выводитъ правила, и т. д., и т. д. Онъ идетъ еще дальше. Признавая женщину и въ умственномъ, какъ въ физическомъ отношеніи, существомъ страдательнымъ, онъ въ тоже время считаетъ ее опасною для мужчины. Самая бесѣда съ нею, по его словамъ, истощаетъ, какъ поцѣлуй. «Кто хочетъ сохранить въ цѣлости свою физическую силу и силу своего ума, убѣдить отъ женщины: она убьетъ и ту, и другою. Inveni amariorem morte mulierem.»

Женщинѣ, которая жаждетъ развитія и проситъ свѣта, Прудонъ говоритъ: «поди прочь! судьба заклемила тебѣ лобъ; ты не довольна долей рабы, такъ будь камеліей, будь публичной женщиной. Другаго мѣста тебѣ нѣтъ.»

И вотъ лекарство отъ разврата, остановившаго во Франціи успѣхи народонаселенія, подточившаго самую расу! Въ чемъ тутъ разница съ азіатскими понятіями о женщинѣ? По мнѣнію Прудона, женщина эманципированная развратила общество; но женщина—раба не можетъ развратить его развѣ лишь потому, что она есть явленіе, понятное только въ развращенномъ въ конецъ обществѣ.

Я уже сказалъ, что эманципація только-что началась; съ первыми успѣхами ея неизбѣжны крайности и уклоненія отъ прямого пути. При существованіи въ обществѣ дикихъ предразсудковъ (къ числу которыхъ принадлежитъ и Прудоновъ взглядъ на женщину) невозможно еще полная эманципація, и потому, совершаясь несвободно, неравномѣрно, она нарушаетъ общественное равновѣсіе.

Еще недавно у насъ былъ поднятъ горячій споръ о грамотности. Изъ-за зла, неизбѣжнаго при полуобразованіи, нѣкоторые признавали вредъ самой грамоты, стало быть и дальнѣйшаго образованія. Тоже и съ эманципаціей женщины. Но грамотнѣй въ обществѣ безграмотныхъ, полуэманципированная женщина посреди общества, закованнаго въ цѣпи десяти тысячъ церемоній, — лишь отчасти превышаетъ общій уровень, но еще не совсѣмъ выходитъ изъ него. Дурное въ нихъ только остатокъ грубыхъ инстинктовъ темной или рабской массы. Но грамотнѣй можетъ просвѣтиться, женщина, сознавшая свою матеріальную независимость, можетъ развиваться нравственно. Съ истиннымъ просвѣщеніемъ, съ истиннымъ развитіемъ несовмѣстна безнравственность.

Одна изъ наиболѣе развитыхъ французенокъ нашего времени, Даніэль Стервъ говоритъ:

«Даже въ самыхъ блестящихъ проявленіяхъ своихъ, женскій гений не достигалъ крайнихъ высотъ мысли; онъ оставался, такъ сказать, на полудорогѣ, человечество не обязано женщинамъ ни однимъ замѣчательнымъ открытіемъ, даже ни однимъ полезнымъ изобрѣтеніемъ. Не только въ наукахъ и въ философіи являются онѣ лишь во второмъ ряду, и въ искусствахъ, къ которымъ такъ склонны, не произведи онѣ ни одного образцоваго творенія. Я не говорю о Гомерѣ, Фидіѣ, Дантѣ, Шекспирѣ, Мольерѣ; женщины не дали намъ даже Корреджіо, Донателло, Делла, Грегори.»

Доказательства Прудона умственной слабости женщины не сильнѣе этого отрывка, цитируемаго имъ. Онъ тоже сарказмъ, сколько было выдано въ теченіи пятидесяти лѣтъ привилегій женщинамъ

тоже не нашелъ между ними ни Гомеровъ, ни Шекспировъ—и рѣшилъ, что говорить о женскомъ гениі невозможно....

Не находя въ исторіи науки и искусства великихъ женскихъ именъ, легко свалить вину на натуру женщины и покончить этимъ дѣло; но разумнѣе и согласнѣе съ праведливостью было бы поискать, нѣтъ ли какихъ обстоятельствъ, облегчающихъ вину.

Каково было до сихъ поръ положеніе женщины въ обществѣ и семьѣ? Было ли признано за нею право голоса? Не считалось ли и не считается ли, къ несчастію, и нынче прямымъ ея долгомъ слѣпо покоряться мужской силѣ и молчать? Была ли женщина свободна въ выборѣ состоянія, въ выборѣ мужа? Какое воспитаніе давалось ей? Была ли она допущена на университетскую скамью?

Одно съ дѣтства внушаемое понятіе о необходимости подчиненія, о нравственномъ ничтожествѣ женщины способно было убить въ ней всякую возможность развитія. Но она не убита: это лучше всего доказываетъ протестъ произволу и насилію, поднятый въ наше время женщиной.

И что же? Девятнадцатый вѣкъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, становится въ оборонительное положеніе передъ этимъ великимъ движеніемъ впередъ.

Женщины раздѣляютъ въ этомъ отношеніи судьбу юныхъ народовъ. Старые опытные народы, съ вѣками богатой тревогами и пріобрѣтеніями жизни за спиной, глядятъ свысока на молодой народъ, насмѣшливо качаютъ головой и говорятъ: «ты хочешь имѣть право голоса! Да что ты можешь сказать? Гдѣ твои Шекспіры, Кювье, Канты! Ты былъ притомъ до сихъ поръ рабомъ, какъ же ты хочешь равняться съ нами силой?» И много нужно времени, чтобы заставить признать законность силы, не погасшей подъ вѣками гнета и рабства, чтобы заставить слушать слово, не умершее подъ вѣковымъ запретомъ.

И то слабое участіе, которое принимали до сихъ поръ женщины въ общемъ ходѣ цивилизаціи, принесло не малую долю пользы и не мало содѣйствовало успѣхамъ просвѣщенія. Кто этого не знаетъ, и стоитъ ли это доказывать?

Впрочемъ, виноваты! Прудонъ отрицаетъ благотворительность женскаго вліянія на общество. Онъ находитъ, что общество было бы лучше, если бы женщина оставалась запертою въ недоступномъ теремѣ. Она, по его мнѣнію, развратила общество, ослабила, внесла въ нравы вялость, распущенность, нѣгу; сдѣлала мужчину неспособнымъ къ гражданской доблести и, разумѣется, развратила и литературу.

До сихъ поръ все были согласны въ мнѣніи, что вялость, рас-

пущенность, нѣга, развратъ и т. д., всѣ пороки, приписываемые Прудонѣмъ вліянію женщины, отличаются преимущественно тѣмъ обществомъ, гдѣ женщина стоитъ на низшей степени развитія, гдѣ она считается рабой, вещью. До сихъ поръ считали женскій элементъ образовательнымъ, развивающимъ. Все это оказывается ошибкой!

Какъ губительно было вліяніе женщины на литературу, Прудонъ доказываетъ примѣрами. Онъ разбираетъ въ быстромъ очеркѣ характеръ произведеній Руссо, Беранже, Ламартина и отказывается имъ во всякой инициативѣ, какъ произведеніямъ ума женственнаго (эпитетъ, разумѣется, очень неуважительный), расплывающагося и неспособнаго сосредоточиться.

Если въ этомъ судѣ и есть нѣкоторая доля справедливости, то женщина ли виновата въ этой женственности? Нѣтъ, не женщина, а ея естественное положеніе. Сентиментальность, въ которую впадаютъ, къ несчастію, самыя щедро одаренныя натуры, происходитъ отъ постоянной жажды разумной любви, врожденной человѣку, но не находящей себѣ удовлетворенія въ средѣ куколъ, которыхъ общество воспитываетъ вмѣсто женщинъ; натуры менѣе высокія оттого же впадаютъ въ чувствительность. И отъ той, и отъ другой — умы лишаются энергіи, характеры слабѣютъ; этотъ недостатокъ энергіи, эта слабость характеровъ отражаются на воспитаніи, и новыя поколѣнія съ колыбели обречены повторять жизнь отцовъ.

Любовь, которую Прудонъ желалъ бы изгнать изъ міра, утратить тогда свой животный, исключительно чувственный характеръ; равенство развитія упрочить союзы и дать имъ характеръ разумности.

Это ясно, какъ день, и только крайности, порожденныя во Франціи первымъ движеніемъ къ эманципациі женщины, движеніемъ наполовину бессознательнымъ, могли вызвать такую безпощадную оппозицію, какъ оппозиція Прудона.

Въ этомъ случаѣ на немъ отразилась исключительность, свойственная французамъ. Франція для нихъ — все, и за предѣлами ея они ничего не видятъ.

А между тѣмъ въ то время, какъ начало эманципациі женщинъ породило такія горькія явленія во французскомъ обществѣ, тѣ же идеи движутся инымъ ходомъ въ Англіи и преимущественно въ Америкѣ: строгая послѣдовательность и неуклонная настойчивость, отличающая англо-саксонское племя, ведутъ къ разрѣшенію и этотъ вопросъ. Все тверже и глубже входятъ здѣсь въ общество эти великія и благотворныя идеи, все шире раздвигается кругъ ихъ разумнія, и можетъ быть этому племени суждено первому осуще-

ствить новый порядок, на которомъ неизбежно утвердятся свѣтъ и свобода.

Я не стану ни приводить, ни опровергать живѣйшій Прудона о врожденной женщинѣ безнравственности, о совершенномъ отсутствіи въ ней чувства стыда, и проч. На все это есть уже отвѣтъ въ томъ, что я сказалъ.

Странно подумать, что проповѣдникомъ такихъ дикихъ идей является Прудонъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ и глубокихъ умовъ не только Франціи, но и всего современного міра. Это явленіе можно объяснить развѣ только тѣмъ, чѣмъ я объяснилъ въ началѣ моего письма безнравственность послѣдней книги Мишлѣ, къ которой теперь и возвращаюсь.

Мишлѣ начинается, какъ водится, съ вопроса: «что такое женщина»?

Отвѣтъ на это слѣдуетъ довольно неожиданный.

«Женщина есть — больная».

Это открытіе принадлежитъ однакожъ не Мишлѣ: онъ самъ говоритъ, что вычиталъ его у Гиппократъ.

«Женщина есть — болѣзнь», — сказалъ Гиппократъ.

«А мужчина — лекаръ», — прибавляетъ Мишлѣ. Онъ забываетъ только придѣлать необходимый конецъ къ этому афоризму:

«Стало быть, земля есть большая больница».

И точно, съ такими лекарями, какъ Мишлѣ, не трудно превратить весь міръ не только въ больницу, но и въ домъ умалишенныхъ.

Любовь, которую онъ хочетъ водворить въ обществѣ, точно стоила бы филиппикъ Прудона. Эта любовь обрекаетъ женщину на самую рабскую и жалкую роль въ человѣчествѣ. На чемъ основываетъ Мишлѣ прочность брака? Не на равенствѣ развитія, не на одинаковости нравственныхъ началъ, не на общности интересовъ, а исключительно на животномъ чувствѣ, которое изъ естественнаго и здороваго явленія превращается въ великое зло, когда въ него примѣшиваются сентиментальность. Любовь Мишлѣ — не законное чувство, врожденное человѣку, а внесенная въ чувство извращенность, чувствительность. Только при чувствѣ чистомъ и разумномъ возможны прочныя союзы; чувствительность же живетъ непостоянствомъ и переменой. Положивъ въ основаніе своего ученія такое гнилое начало, Мишлѣ, кажется, смутно чувствовалъ его непрочность и однимъ изъ главныхъ стараній его было доказать своею книгой, что любимая женщина всю жизнь измѣняется, что въ ней всегда найдется что нибудь новое и что потому она не можетъ никогда надѣяться. Два существа, стремящіяся къ одной цѣли, рядомъ развивающіеся нравственно, восполняющіе такъ сказать одно другое, далеки отъ опасенія надѣяться другъ дру-

гу. Самое слово *надоѣсть* не существуетъ для нравственнаго міра; разумная сила человѣка не знаетъ пресыщенія и подъ ея санкціей чувство крѣпнеть и живетъ долгій вѣкъ. Только союзы, основанные на томъ, что Бальзакъ называетъ *affaire de canapè*, боятся распаденія и ищутъ себѣ поддержки въ разныхъ нововведеніяхъ, вымыслаемыхъ для этой *affaire*. За проституціей чувства слѣдуетъ охлажденіе, за охлажденіемъ....

Все это такія элементарныя понятія, что смѣшно было бы и повторять ихъ, если бъ они не оказывались неизвѣстными даже такому писателю, какъ Мишлѣ.

Женщина есть — больная. Эта болѣзнь обрекаетъ ее на вѣчное рабство. Каждый мѣсяцъ женщина чувствуетъ высшія стремленія, и каждый мѣсяцъ природа напоминаетъ ей страданіемъ о единственномъ ея призваніи—любви. Мишлѣ употребляетъ всѣ цвѣты поэзій для описанія этого ежемѣсячнаго страданія, которымъ онъ наполняетъ почти всю жизнь женщины.

«Она, говоритъ Мишлѣ: — все это время, — или раздражена или мечтательна. Она несовѣтъ увѣрена въ себѣ. Порой у ней наворачиваются слезы, иногда изъ груди ея вырываются вздохи. Щадите ее, говорите съ ней какъ можно нѣжнѣе. Ухаживайте за ней, окружайте ее, впрочемъ, если можно, безъ настойчивости, такъ, чтобы она не чувствовала этого. Она очень впечатлительна. Странныя слова, часто краснорѣчивыя, совѣтъ неожиданныя срываются у нея съ языка и изумляютъ васъ. Но преобладающее въ ней чувство (если только вы не были на столько варваромъ, что раздражили ее), избытокъ нѣжности, даже любви. Жаръ крови оживляетъ движеніе сердца».

Мишлѣ гордится своею дружбою съ первыми докторами Франціи. Увы! эти доктора не объяснили ему хорошенько физическихъ явленій, передъ которыми онъ готовъ расплыться въ слезахъ умиленія. Не говоря уже о томъ, что царапины кажутся ему незакрывающимися ранами, — какъ никто не сказалъ ему, что по мѣрѣ изнѣженности физическаго и нравственнаго воспитанія усиливается и болѣзненность въ этихъ простыхъ явленіяхъ? Съ системой Мишлѣ, основанной на хлопкахъ и баловствѣ, на развитіи воображенія и на гнетеніи мысли, можно скоро прійти къ полному осуществленію его афоризма, заимствованнаго у Гиппократата. Въ жизни женщины (за исключеніемъ дѣтства и старости) не будетъ и дня, въ который она могла бы встать съ постели.

Какое же благотворное вліяніе можетъ имѣть на общество это жалкое больничное существо? Да и возможно ли какое нибудь общество съ этой больной своей половиной?

Странно слышать отъ историка, что семью скрѣпили не общія заботы о воспитаніи потомства, а чувственность.... Какъ иначе понимать слѣдующія строки:

«Она (женщина) любитъ, она страдаетъ, ей нужна подпора любящей руки. Вотъ что болѣе всего укрѣпило любовь въ человѣческомъ родѣ, упрочило связь.

«Говорятъ, что семью создала слабость ребенка, требующая долгихъ заботъ о его воспитаніи. Да, ребенокъ удерживаетъ мать, но мужъ остается дома собственно для нея, ради нѣжности своей къ женѣ, ради счастья покровительствовать ей.

«Она и выше и ниже мужчины; униженная природой, тяжкую руку которой она чувствуетъ на себѣ, и въ тоже время возвышенная до мечтаній, до предчувствій, до высшихъ наитій, которыхъ мужчина никогда бы не узналъ, она очаровала его, невинно околдовала на вѣки. И, очарованный, онъ остался. — Вотъ начало общества.

«Непреодолимое могущество, прелестная тираннія приковала мужчину около женщины. Этотъ вѣчно возобновляющійся кризисъ, это таинство любви, страданія, удерживали его изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Она остановила его на мѣстѣ однимъ словомъ:

— Я тебя еще больше люблю, когда больна!

А послушайте, какъ эта женщина, лежащая въ постели со своей несчастной любовью, способствуетъ энергіи мужа, окрыляетъ его на дѣятельность.

«Когда прекращаются теплыя заботы о ней доброй матери, которая нѣжитъ и балуетъ ее, она требуетъ добраго мужа, которымъ бы могла распоряжаться, злоупотреблять (user, abuser). Она проситъ его, зоветъ его, нужно ли, не нужно ли. Она взволнована, она боится, ей холодно, ей снится сонъ! Мало ли что! Вечеромъ будетъ гроза или ночью! она ужъ чувствуетъ ее: гроза въ ней.

— Дай мнѣ пожалуйста руку.... мнѣ нужно успокоиться.

— Но мнѣ надо идти работать....

— Такъ воротись поскорѣе.... Сегодня я не могу обойтись безъ тебя.»

Мишлѣ вѣроятно стоило немалыхъ усилій дать этой сценѣ такой оборотъ: какихъ поэтическихъ страницъ лишилъ онъ себя! То ли бы дѣло, еслибъ больная умолила мужа вовсе не работать, а сидѣть около нея, утопать въ блаженномъ созерцаніи, упиваться ароматомъ любви, слушать этотъ прелестный младенческій лепетъ!... какая возвышающая душу картина!

Вспомните при этомъ, что женщина всего два — три дня въ мѣсяцъ не больна, а эти два — три дня опять-таки должны быть посвя-

щены любви; какъ же не процвѣтаетъ обществу съ такими доблестными гражданами и гражданками?

Читая книжку Мишлэ, то и дѣло думаешь, не смѣется ли онъ надъ читателемъ, не иронія ли этотъ возвышенный слогъ и эти идиллическія картины?

И такими книгами хотятъ исправлять общество!

Признавая женщину постоянной, неизлечимой страдальцей, надо признать за ней право капризничать, ничего не дѣлать. Мишлэ даже требуетъ, чтобы она капризничала и ничего не дѣлала. О знаніи онъ ничего не говоритъ; но и безъ того понятно, что женщина должна оставаться въ нравственномъ отношеніи на степени безсловеснаго животнаго (*). При другихъ условіяхъ была бы невозможна для нея эта судьба, въ которой жалкое рабство соединено съ еще болѣе жалкимъ барствомъ.

Женщины въ восточныхъ гаремахъ жалуютъ европейскихъ женщинъ, что онѣ принуждены учиться въ дѣтствѣ, трудиться въ зрѣломъ возрастѣ. Эти несчастныя, въ простотѣ сердечной, думаютъ, что ихъ беззаботная участь завидна учащейся и трудящейся женщинѣ. Если бъ онѣ умѣли читать и могли понять книгу Мишлэ, онѣ бы еще болѣе утвердились въ этомъ простодушномъ мнѣніи.

Я забываю впрочемъ, что Мишлэ хочетъ, чтобы мужъ былъ образователемъ жены, взявъ ее за себя ребенкомъ въ умственномъ отношеніи. Если подъ образованіемъ понимать элементарныя понятія о природѣ и жизни, то это еще возможно, на это достанетъ досуга и у очень занятаго человѣка. Но дастъ ли такое образованіе женщинѣ возможность понимать развитаго мужа? можетъ ли она, оставаясь вѣчно младенцемъ, быть подругой зрѣлаго человѣка? Кромѣ постоянного недовольства съ обѣихъ сторонъ, кромѣ неизбежной тиранніи, которая мало по малу породитъ сначала холодность, а потомъ и вражду, нечего ждать отъ подобныхъ неравныхъ связей. Единственное ручательство за прочность всякаго людскаго союза есть равенство, и къ нему тяготеетъ все болѣе и болѣе современное общество; какъ же быть ему прочнымъ, когда необходимость равенства отрицается въ семьѣ, главномъ его основаніи?

Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ моихъ я упомянулъ мимоходомъ о печальномъ направленіи французскаго воспитанія. Не нужно долго жить въ Парижѣ, чтобы увидеть чрезвычайную поверхностность и общаго образованія. Здѣсь не удивительно встрѣтить извѣстнаго писателя, незнающаго такихъ простыхъ предметовъ, незнаніе кото-

(*) У женщины, по словамъ Мишлэ, особый языкъ.... «это вздохъ, страстное дыханіе». Какая же послѣ этого разница женщины съ бессловесными? Къ вздохамъ и страстному дыханію способны и кошки.

рыхъ мѣшаетъ нашему гимназисту перейти изъ второго класса въ третій; чего же ждать отъ женщинъ?

Въ женскихъ пансіонахъ учатъ немножко географіи, немножко исторіи, то-есть на столько, чтобы не знать, какъ Александръ Дюма, разницы между Аральскимъ моремъ и Байкаломъ, или, какъ Теофиль Готье, на какой рѣкѣ стоитъ Берлинъ, чтобы смѣшивать Марію Тезею съ Маріей Стюартъ, и т. под. Изученіе языковъ, которое такъ расширяетъ горизонтъ мысли, совсѣмъ заброшено; литература существуетъ только въ отрывкахъ изъ Расина, которые учатся наизусть... Съ такими познаніями вступаетъ дѣвушка въ свѣтъ.

Мать ея была воспитана такъ же, и потому вся жизнь ея посвящена блестящимъ тряпкамъ и жалкому тщеславію, пустой суетѣ.

«Французскія матери ужасны» говоритъ даже Мишлѣ. — Онѣ обожаютъ свое дитя, но въ тоже время ведутъ съ нимъ войну, уничтожаютъ его своимъ собственнымъ блескомъ, своею силой и прелестью. Онѣ гораздо привлекательнѣе своихъ дочерей, и даже часто красивѣе, моложе, гораздо моложе. Пока дочь живетъ съ матерью, ей приходится каждый вечеръ слышать съ горестью, какъ мужчины говорятъ: *малютка не дурна, но какъ же можно сравнить ее съ матерью*».

И дѣвушка кидается на шею первому встрѣчному, который удостоитъ ее своимъ вниманіемъ, чтобы только избѣжать этой ревнивой тиранніи. Она рада браку, какъ свободѣ ѣсть хорошенъко (дома ее и кормили плохо, чтобы она оставалась въ черномъ тѣлѣ и не была соперницей матери), рада, какъ свободѣ рдниться и видѣть около себя завистницъ или ухаживателей. Дикіе и сухіе уроки школы отвратили ее отъ всякаго желанія учиться, и мужъ съ указкой только опротивилъ ей. Развѣ любовь соединила ихъ? Мужу понравилось въ ней личико: большаго онъ не могъ узнать въ ней; ей понравилась въ мужѣ возможность жить такъ же весело и беззаботно, какъ маменька.

И начинается эта лихорадочная жизнь, которая во всей простотѣ и мерзости ея описана Бальзакомъ и такъ мефистофильски оправдана.

Кто-то сказалъ, что у женщины бываютъ минуты серьезнаго размышленія только передъ баломъ, когда она думаетъ о своемъ бальномъ платьѣ. Это великая истина въ примѣненіи къ французскому обществу.

Мишлѣ находитъ глубокое значеніе въ этой пошлой мишурности, характеризующей современную женщину. Онъ видитъ въ ней безпокойство за измѣняющую съ каждымъ днемъ молодость, красоту, за любовь, которая можетъ измѣнить вмѣстѣ съ молодостью и красотой. Хороша любовь! на нравственные начала опирается она!

Но эта любовь, несмотря на всѣ ухищренія, достойныя изобрѣтательности маркиза де-Сада, должна же пройти. Что остается для женщины въ старости? Пропитанное чувствительностью воображеніе ищетъ себѣ пищи въ ханжествѣ, или тупѣетъ вмѣстѣ съ другими способностями, и эта отвратительная старость возбуждаетъ въ васъ такое же содроганіе, какъ пышный гробъ, въ которомъ гніетъ раздувшееся тѣло развратницы.

Для этихъ страшныхъ язвъ современнаго общества нужна не розовая вода, приправленная мускусомъ, которую прописываетъ Мишле, нужны не мѣстныя прижиганья и ампутаціи, предлагаемыя Прудонъ, а радикальное леченіе, которое метаморфозировало бы исодохоль зараженную кровь всего организма.

Воспитаніе, воспитаніе, воспитаніе!... Нельзя устать повторять эти слова для всякаго общества, а тѣмъ болѣе для общества французскаго.

Я укажу на нѣсколько мѣстъ въ книгѣ Мишле, изъ которыхъ особенно ярко видна развращенность этого общества. Тонъ простодушія, съ какимъ онъ говоритъ, придаетъ еще болѣе грустной правды этимъ мѣстамъ. Мишле какъ будто думаетъ, что это такъ и быть должно и такъ бываетъ вездѣ. Оно и неудивительно: Мишле какъ и Прудонъ — прежде всего французъ, а для француза нѣтъ ничего достойнаго вниманія за предѣлами Франціи.

Говоря о матеряхъ, онъ считаетъ нужнымъ похвалить ихъ за то, что онѣ *берегутъ* дочерей, которымъ воспитаніе не даетъ никакой точки опоры, оставляя ихъ весь вѣкъ несовершеннолѣтними.

«Онѣ желаютъ (продолжаетъ Мишле о матеряхъ), чтобы дочь ихъ вошла подъ кровлю мужа чистой и дѣвственной, даже ничего незнающей, если возможно, и чтобы мужъ былъ счастливъ, встрѣчая въ ней такую *дѣвочку*. И точно, это его удивляетъ (онъ зналъ только потерянныхъ женщинъ), удивляетъ до того, что онъ подозреваетъ ее въ лицемеріи.

«Это невѣдѣніе впрочемъ очень естественно и понятно при надзорѣ беспокойной и ревнивой матери, особенно если у дѣвушки не было молодыхъ подругъ, которыя наставили бы ее. Но ничего не знать опасно; невинное существо подвергается вслѣдствіе своего незнанія не одной случайности. Матери слѣдовало бы просвѣтить ее, предупредить, какъ скоро она стала женой...

Въ этихъ немногихъ строкахъ, какъ вы видите, много удивительныхъ вещей. Вспомните, что Мишле обращается въ своей книгѣ не къ простому народу, а къ такъ называемому образованному классу. И въ этомъ классѣ приходится хвалить мать за то, что она не желаетъ видѣть развратную свою дочь до выхода замужъ! Да въ

самомъ невѣжественномъ народѣ это желаніе такъ обыкновенно, что о немъ смѣшно говорить. Но откуда же это недовѣріе у мужа, эти подозрѣнія? Значить, желанія материнскія не всегда исполняются. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ приписать эту подозрительность единственно знакомству мужа до свадьбы съ женщинами двусмысленнаго поведенія! Но положимъ, она ни на чемъ не основана,—какой нравственный смыслъ въ союзѣ этихъ двухъ существъ, которыя такъ далеки другъ отъ друга, такъ незнакомы другъ-другу, что дѣлають возможными такіа унизительныа подозрѣнія. Мишле ни на минуту не задумывается надъ этимъ фактомъ; онъ ему кажется, вѣроятно, о іень разумнымъ.

Мишле обращается съ совѣтомъ къ новобрачному. Онъ напоминаетъ ему истину, почерпнутую изъ естественной исторіи: *le mâle est très sauvage*, и рекомендуетъ не предаваться такой животной дикости въ своей юной подругой жизни. Это первая половина совѣта.

А вотъ и второе предостереженіе, *чрезвычайно серьезное*, какъ говорить Мишле, *и неизмѣримой важности*.

Послушаемъ его вмѣстѣ съ новобрачнымъ.

«Знаешь ли ты,—отечески спрашиваетъ онъ:—что въ эту тревожную минуту въ тебѣ борются двѣ очень враждебныя одна другой мысли? Ты не понимаешь ни себя, ни своей новобрачной. Эта блѣлая статуя, которую ты пожираешь глазами, которая внушаетъ такую нѣжность, такъ трогаетъ тебя, боясь обличить свою боязнь и улыбаясь блѣднѣющими устами.... ты воображаешь, что знаешь ее? А она остается для тебя загадкой.

«Это женщина современная, въ ней есть душа и умъ. Древняя женщина была только тѣломъ. Такъ какъ бракъ былъ въ тѣ времена только средствомъ къ продолженію рода, то въ супруги выбиралась дѣвушка здоровая, красная (*красная* и *красивая* синонимы въ варварскихъ языкахъ). Отъ нея требовалось много крови и чтобы она была готова пролить ее....

«Въ современномъ бракѣ, который есть преимущественно союзъ душъ (вы уже видѣли, какую роль играетъ душа въ идеальномъ союзѣ Мишле), душа—главное. Женщина, о которой мечтаетъ современный человѣкъ,—нѣжная, эфирная, не похожа на эту красную дѣву. Она вся живетъ нервами. Кровь ея лишь движеніе и дѣйствіе. (Я перевожу слово въ слово, и многого рѣшительно не понимаю: вообще красота слога, оказывающаяся въ переводѣ безсмыслицей, играетъ большую роль въ книгѣ). Кровь въ ея живомъ воображеніи, въ подвижности ея мозга; она въ этой первической граціи, въ этой болѣзненной блѣдности (кровь—то!); она въ этой взволнованной, порою блестящей рѣчи сна въ особенности въ этомъ глубокомъ взглядѣ любви, кото-

рый то восхищаетъ и плѣняетъ, то смущаетъ, а еще чаще трогаетъ, проникаетъ въ сердце и заставляетъ плакать.

«Вотъ что мы любимъ, вотъ о чемъ мечтаемъ, вотъ къ чему стремимся, вотъ чего желаемъ. И что же? По заключеніи брака, по какой то странной непоследовательности, мы забываемъ обо всемъ этомъ и хотимъ видѣть въ нашей подругѣ дѣвушку крѣпкой расы, деревенскую красавицу, у которой былъ бы изобиліе алый источникъ жизни....»

Довольно! Вы уже знаете, въ чемъ дѣло. Переводить эти цвѣтистыя и пустыя фразы, о которыхъ говорятъ: *quel style! quelle poésie!* — тяжелый и бесполезный трудъ.

Не говоря объ этомъ возведеніи въ перлъ созданія блѣдной немочи, не говоря о картинахъ, достойныхъ «*Arts amandi*», какъ надивиться этому совѣту *неизмѣримой важности для союза душъ!* Впрочемъ при такихъ *союзахъ душъ* можно ждать не только унижительныхъ подозрѣній, но и медицинскихъ свидѣтельствъ.

День за днемъ, начиная съ этой грязной минуты, описываетъ Мишле жизнь своей образцовой четы. Вы присутствуете, читая его книгу, при всѣхъ фактахъ супружескихъ отношеній, и на послѣдней страницѣ спрашиваете: для чего жили эти супруги? Это постоянное нянченье съ чувствомъ любви, это вѣчное любовное созерцаніе съ одной стороны и вѣчное кокетничанье съ другой, кокетничанье всѣмъ, — и красотой, и кротостью, и нѣжностью, и страданіями, и слабостью, и даже невѣжествомъ, могутъ, пожалуй, наполнить жизнь; но отъ такой жизни мысль здороваго человѣка отвращается съ негодованіемъ.

Въ этой поэмѣ вы найдете патетическія страницы о мукахъ рожденія, но ни одной разумной строки о заботахъ воспитанія. Какъ будто родить — все! Чѣмъ же отличается человѣкъ отъ другихъ животныхъ, и какаѣ опоры обществу въ семьѣ?

Въ предисловіи къ своей книге Мишле между прочимъ говоритъ:

«Каждый вѣкъ характеризуется своей главной болѣзью. Тринадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ проказы; четырнадцатый — черной язвы; у девятнадцатаго поражены оба полюса нервной жизни, мысль и любовь; у мужины пораженъ мозгъ, истощенный, потрясенный, парализованный, у женщины — утерусъ, болѣзненно изъязвленный. Нашъ вѣкъ будетъ названъ вѣкомъ болѣзней утеруса, иначе сказать — вѣкомъ горя и отчужденія женщины, вѣкомъ сѣ отчаянія.»

Да, и мозгъ и утерусъ страшно поражены въ современной Франціи; но больше всего — мозгъ. Книга Мишле — одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ этому. Другое, не менѣе убѣдительное — критика этой книги. Ни одинъ журналъ не посмотрѣлъ съ

должной строгостью на это печальное явленіе и не осудилъ его, какъ беззавѣстное и вредное для общества. Изъ полусловъ, намековъ, легкихъ укоризнъ и крупныхъ комплиментовъ, изо всей этой путаницы понятій и фразъ можно заключить, что мнѣніе критики въ пользу Мишле.

Публика приняла книгу по своему: она читаетъ ее съ тѣмъ самымъ интересомъ, какъ читала полгода тому назадъ «Фанни» Фело, какъ читала въ свое время сказки Лафонтена, «Pucelle» Вольтера, и проч. Нѣтъ еще и мѣсяца, какъ появилась «Любовь», а ужъ, говорятъ, печатается второе изданіе.

Жаль Мишле ради его прошедшаго.

Въ то время, какъ я дописывалъ эти строки, я узналъ о прїѣздѣ въ Парижъ знаменитаго американскаго доктора медицины, миссъ Елисаветы Блэквелъ. Она приглашена изъ Нью-Йорка въ Лондонъ для чтенія тамъ лекцій физиологій.

Имя этой героини, самоотверженно и неустанно бившейся за права женщины съ закоснѣлыми предрасудками и съ тупою враждой разныхъ Мишле и Прудоновъ науки и торжественно завоевавшей признаніе этихъ правъ въ своемъ лицѣ, это благородное имя будетъ вписано крупными буквами въ исторію эманципации, — эманципации не только женщины, но всего человѣчества отъ вѣковыхъ оковъ произвола, насилія и разврата.

«Le mâle est sauvage», повторю и я. Онъ до сихъ поръ видитъ въ женщинѣ только предметъ физическаго обладанія, только служительницу своей похоти. Это мнимое уваженіе къ женщинѣ, говорящее на балѣ: «place aux dames» и кричащее: «procul est, profanae!» съ профессорской кафедры, эта жалкая куртуазія, спявшая съ себя мишуру чтобы падѣть ее на женщину, вручающая женщинѣ господство въ пышной залѣ, чтобы лишить ее права голоса въ семьѣ и въ обществѣ, создавшая для женщины особаго рода *сальтъ*, чтобы оставить ее, внѣ этого свѣта бальныхъ люстръ и свѣчъ, во мракѣ невѣжества, это уваженіе и эта куртуазія обличаютъ, что подъ профессорскими мантиями и черными фраками живутъ еще инстинкты павіановъ.

Этимъ профессорскимъ мантиямъ и чернымъ фракамъ жалко разстаться со своимъ исключительнымъ господствомъ и со своими секретными побужденіями. Провозглашая неправоту привилегій, они хотятъ оставаться привилегированною частью человѣчества; провозглашая служеніе разуму, они служатъ страсти.

И всѣ они сторонятся съ какимъ-то страхомъ отъ женщины, которая высвободилась отъ путъ привилегіи и стала выше ихъ страстей, сравнившись развитіемъ своимъ съ лучшими мужскими умами. Пусть она не совершила великихъ открытій, пусть не дала міру высокихъ

твореній искусства,—она выше всѣхъ двигателей науки и свѣтилъ поэзіи, какъ живое проявленіе высшаго человѣческаго достоинства, какъ осуществленіе той гармоніи, къ которой идутъ люди темными, имъ самимъ невѣдомыми путями.

Я говорю не о такихъ женщинахъ, какъ Жоржъ Сандъ: это печальныя, хотя и симпатическія явленія переходной страстной эпохи,—а о такихъ служительницахъ истины и свободы, какъ благородная миссъ Блэквель.

Гдѣ такой ученый, мыслитель, изобрѣтатель, который былъ бы достоинъ развязать ремень сапога или пожалуй ленту башмака этой скромной женщины? Передъ ними было широкое поприще, настѣжь отворенныя двери науки, заранѣе припасенное уваженіе къ ихъ труду. Никто изъ нихъ не выносилъ такой тяжелой борьбы, никто не тягася съ такою страшною силою, никто не испытывалъ такихъ жестокихъ насмѣшекъ и безчеловѣчныхъ поруганій. Тысячи мужскихъ энергій сокрушились бы на подорогѣ; а это слабое, страдательное существо (какъ мы называемъ его съ своимъ барскимъ самодовольствомъ) твердо дошло до цѣли, не утративъ ни силы своей, ни достоинства (*).

И миссъ Блэквель не одна, она не исключеніе. Для исключенія поставили бы почетное бархатное кресло въ Сорбоннѣ и въ Академіи; но приходится запираить двери, когда надо уступить третью часть скамеекъ женщинамъ. И двери заперты. Не даромъ нѣкоторые мистическіе мыслители толкуютъ о какомъ-то вѣчномъ антагонизмѣ между мужчиною и женщиною.

И вѣроятно долго еще Прудоны будутъ гремѣть на весь свѣтъ о глупости, тупости и безстыдствѣ женщинъ, Бальзаки—пзучать женщину въ мишурномъ и трапичномъ салонѣ и сочинять законы всемірнаго разврата, Мишле—плакать надъ этимъ развратомъ и стараться водворить въ обществѣ нравы, описанныя въ идилліяхъ Теоокрита...

Но здравый смыслъ человѣчества возьметъ свое: наука перестанетъ быть исключительнымъ достояніемъ одного пола, какъ была нѣкогда исключительнымъ достояніемъ одной касты, женщина займетъ слѣдующее ей мѣсто въ обществѣ, и матери, какъ Корнелія, и граждане, какъ Гракхи, не будутъ рѣдкими явленіями.

Прежде чѣмъ кончить объ этомъ предметѣ, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о представительницѣ женскаго движенія во

(*) Подробная біографія миссъ Елизаветы Блэквель была бы чрезвычайно полезна для нашего молодого общества, которому можетъ быть суждено ранѣе гордой своею ветошью Европы признать великое значеніе идей, такъ благородно и смѣло развертывающихъ знамя свое въ Америкѣ.

Франціи въ настоящую минуту, о г-жѣ Женни д'Эрикуръ, которая такъ же докторъ, какъ и миссъ Блэквель.

Докторство впрочемъ для нея лишь скудное средство существованія; мысль ея вся принадлежитъ вопросу объ эманципаціи женщинъ, которому г-жа д'Эрикуръ такъ горячо служитъ перомъ. Ея «Библія и женскій вопросъ» и «Христіанство и женскій вопросъ» произвели глубокое впечатлѣніе и не остались, разумѣется, безъ предостереженія свыше. Г-жа д'Эрикуръ первая изъ женщинъ рѣшилась поколебать предразсудки, которыхъ главными хранительницами были донынѣ женщины, и показать, что въ этихъ самыхъ предразсудкахъ сильнѣйшее препятствіе свободѣ женщины. Она первая изъ французскихъ женщинъ совершенно свободна отъ несчастнаго сентиментализма, которымъ заражены лучшіе мужскіе умы во Франціи.

Иезуиты и свѣтскіе ихъ послѣдователи во вкусѣ Вельйо не могутъ не видать, что вліяніе г-жи д'Эрикуръ опаснѣе для ихъ ученій всякихъ Прудоновъ, что она старается поколебать ту среду, въ которой они находили главную точку опоры, а потому и неудивительно что отъ этихъ господъ ей нѣтъ другаго имени, какъ *la fille du diable*.

Кто бы подумалъ, глядя на эту простую, добродушную, скромную женщину, что ей могутъ придать такое странное прозвище!

Теперь она занята большимъ сочиненіемъ «Права женщины», которое вѣроятно выйдетъ въ свѣтъ въ началѣ будущаго года. По тому, что я знаю изъ него, это будетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій не въ одной французской литературѣ.

P. S. Я не говорю вамъ ничего о комедіи, разыгранной Монталамберомъ, о его апелляціи, поданной имъ въ день помилованія, о новомъ его осужденіи, и проч. Газеты принесли уже вамъ эту новость. Я съ своей стороны прибавлю только, что парижская публика гораздо больше занимается теперь *étrennes* къ новому году, чѣмъ усиліями графа Монталамбера заставить во что бы то ни стало считать себя человѣкомъ прогресса и поборникомъ свободы. Какъ ни притупилось чутъе общества, все-таки его обмануть еще не такъ легко.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

24 декабря 1888 г.

СВИСТОКЪ

СОБРАНІЕ ЛІТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Различные бываютъ свисты: свиститъ аквилонъ (сѣверный вѣтръ), проносясь по полямъ и дубравамъ; свиститъ соловей, сидя на вѣткѣ и любуясь красотою творенія: свиститъ хлыстикъ, когда имъ сильно взмахиваешь по воздуху; свиститъ благонравный юноша въ знакъ сердечнаго удовольствія; свиститъ городской на улицѣ, когда того требуетъ общественное благо.... Слѣшимъ предупредить читателей, что мы изъ всѣхъ многоразличныхъ родовъ свиста имѣемъ преимущественную претензію только на два: юношескій и соловьиный. Свистъ аквилона, конечно, имѣетъ свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубомъ взвѣвая прахъ летучій, сей вѣтръ своимъ свистомъ приводитъ душу въ трепетъ и благоговѣніе. Но монополія аквилоннаго свиста давно уже приобрѣтена г. Байборо도로, котораго изобилительныя письма, говорятъ, вырываютъ дубы съ корнями. Мы не чувствуемъ въ себѣ столь великихъ силъ, и наши стремленія гораздо умѣреннѣе.—Свистъ хлыста и бича—тоже не дуренъ; но онъ какъ-то мало ласкаетъ нашъ слухъ, мы не хотимъ брать на него привиллегію, брошенную недавно самимъ княземъ Черкасскимъ, который пожелалъ было приобрѣсть ее на неопредѣленное время для себя и своего потомства. Пріятнѣе звучитъ для насъ свистъ городского; но мы, по природной застѣнчивости, считаемъ себя не вправѣ предъявлять претензію на то, для чего уже существуетъ установленная городская власть. Совершенно другое дѣло — свистъ благонравнаго юноши, почтительный, умѣренный и означающій кроткое расположеніе духа, хотя въ тоже время нѣсколько игривый. На такой свистъ мы имѣемъ полное право, потому что во-первыхъ — мы благонравны; во-вторыхъ — если мы и не юноши, то

кому какое дѣло до нашихъ лѣтъ? и въ третьихъ — мы всегда находимся въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Свистъ соловья также намъ очень приличенъ, ибо хотя мы въ сущности и не соловьи, но красотою творенія любимъ наслаждаться. Притомъ же соловей въ истинномъ своемъ значеніи есть не что иное, какъ подобіе поэта, такъ какъ давно уже сказано:

Соловей, какъ Щербина, поетъ.

А у насъ въ натурѣ весьма много поэтическихъ элементовъ, вслѣдствіе чего мы и видимъ весь міръ въ розовомъ свѣтѣ. Итакъ — читателю да будетъ извѣстно, что мы свистимъ не по злобѣ или негодованію, не для хулы или осмѣянія, а единственно отъ избытка чувствъ, отъ сознанія краюты и благоустройства всего существующаго, отъ совершеннѣйшаго довольства всѣмъ на свѣтѣ. Нашъ свистъ есть соловьиная трель радости, любви и тихаго восторга, юношеская пѣснь мира, спокойствія и свѣтлаго наслажденія всѣмъ прекраснымъ и возвышеннымъ.

Итакъ — наша задача состоитъ въ томъ, чтобы отвѣчать кроткимъ и умирительнымъ свистомъ на все прекрасное, являющееся въ жизни и въ литературѣ. Преимущественно литература занимает и будетъ занимать насъ, такъ какъ ея современные дѣятели представляютъ въ своихъ произведеніяхъ неисчерпаемое море прекраснаго и благороднаго. Они водворяютъ, такъ сказать, вѣчную весну въ нашей читающей публикѣ, и мы можемъ безопасно, сидя на вѣткѣ общественныхъ вопросовъ, наслаждаться красотою ихъ твореній....

I.

ВРЕДНАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

«Прочелъ я въ газетахъ, что Ковенскіе мужики перестали пить водку. Я порадовался, да и отъ всѣхъ простыхъ людей, съ которыми обращеніе имѣю, слышалъ тоже: и купцы, и мѣщане, и ремесленники, всѣ, кто о Ковенскихъ мужикахъ самъ въ газетахъ читалъ или отъ другихъ слышалъ, всѣ въ одинъ голосъ твердили: «хорошо, хорошо; дай Богъ, чтобы остались въ своей доброй мысли». Я такъ и полагалъ, что иначе судить объ этомъ дѣлѣ нельзя. Что же вы думаете? Вотъ какое дѣло со мною было.

«Случился у насъ въ городѣ небольшой подрядъ: перекрыть кровлю на присутственныхъ мѣстахъ. Я этимъ ремесломъ промышляю. Пришелъ поторговаться. Человѣкъ неважный; — сказали мнѣ: а вотъ пождите, батюшка, часокъ, другой; кончимъ свои дѣла, переговоримъ и съ вами. Отчего не подождать; обошлись со мной однако очень деликатно, велѣли даже подать стулъ: видно, что люди образованные, да и порядки нынѣ начинаютъ перемѣняться. Я присѣлъ. Они подписы-

вають бумаги да между собой разговоръ ведутъ. Чего я тутъ не наслушался!—и все очень хорошо разсуждаютъ. Надобно злоупотребленія искоренять (и точно—подрядъ потомъ мнѣ отдали, ни копѣйкой сами не попользовавшись); гласность необходима; желѣзныхъ дорогъ надобно побольше проводить; объ освобожденіи крестьянъ очень много хорошаго говорили. О своихъ городскихъ дѣлахъ разсуждали тоже очень хорошо. Все такъ; но подвернись имъ на грѣхъ подъ языкъ Ковенскіе крестьяне, тутъ мнѣ какъ-то страшно стало ихъ слушать: это, говорятъ, вопросъ очень щекотливый. Пьянство нашъ народъ разоряетъ,—спору нѣтъ, говорятъ: — но тутъ не о пьянствѣ дѣло идетъ; тутъ надобно принимать въ соображеніе государственный интересъ. Откуповъ одобрять нельзя, но вѣдь тутъ и не въ откупѣ дѣло: пусть его замѣняютъ казеннымъ акцизомъ. Но что же будетъ, если въ самомъ дѣлѣ народъ перестанетъ пить водку? Вѣдь винная регалия составляетъ самую главную часть государственнаго дохода. Государство пострадаетъ, если потребление водки уменьшится; притомъ ужъ не новая ли секта это какаѣ? Какъ можно допустить, чтобы мужикъ самъ собою бросилъ пить вино? — тутъ надобно предполагать какое нибудь наущеніе. Это фанатизмъ».

«Что вы думаете? нашелся изъ членовъ даже такой одинъ, что сталъ говорить: «этого нельзя позволить, противъ этого надобно мѣры принять; надобно отыскать виновныхъ и наказать, чтобы не заводили сектъ».

«Съ этимъ не согласились другіе.—Вы, говорятъ, одностороннимъ образомъ смотрите на дѣло. Если бы только секта, это бы еще ничего. Но государственные доходы уменьшаются,—это другое дѣло. Вотъ именно съ этой стороны и надобно принять мѣры. Думать они пусть «думаютъ, какъ хотятъ, но чтобы вреда государству отъ этого не было. «Мѣры принять надобно, это такъ. Только не противъ сектантовъ мѣры надобно принять, а противъ тѣхъ, которые цѣлыми селами и уѣздами отказываются отъ употребленія водки, будь они сектанты или «не сектанты, — все равно».

«Я, присмотрѣвшись къ членамъ и увидѣвъ, что они люди снисходительные, даже съ простымъ человѣкомъ грубо не обходятся и все такъ гуманно разсуждаютъ, осмѣлился въ ихъ разговоръ свое слово вставить: надѣялся, что не примутъ въ обиду. «Какъ же, говорю, мѣры будутъ принимать? не зазорно ли будетъ насильно людямъ водку въ ротъ лгать? Кѣмъ дурно? что они дѣлали, можно власть употребить. А то за непитіе наказывать, — можно ли это?»

«Точно—не обидѣлись. Ласково мои слова приняли, однако не согласились.

«Вы, говорятъ, совершенно ошибаетесь. Мы никакъ не полагаемъ, чтобы именно за непитіе, по вашимъ словамъ, наказывать. Наказаніе не за то должно быть, а за безпорядки. Этого не можетъ быть, чтобы нельзя было тутъ безпорядковъ найти».

— «Какъ же, говорю я, вы безпорядки найдете? Безпорядки больше

«въ хмѣлю дѣлаются. Безъ пьянства смертоубійствъ не будетъ, потому что драки въ хмѣлю происходятъ. Когда пьяницъ не будетъ, ни воровъ, ни грабителей не будетъ.

«Это вы опять не то говорите, отвѣчаютъ мнѣ. Вы говорите о преступленіяхъ, а мы говоримъ о безпорядкахъ. Преступленія уголовная палата судить; ей точно дѣла меньше будетъ. А безпорядковъ нечего до уголовного суда доводить. За безпорядками должна полицейская власть смотрѣть. Она сама съ ними управится. Зачѣмъ уголовное наказаніе? Исправникъ отечески накажетъ, — и того довольно.»

— «Да за что же онъ накажетъ?» я спрашиваю.

«Какъ за что? за безпорядки, вамъ говорить.»

— «Да за какіе же безпорядки?» я все таки пристаю.

«Какъ за какіе? за всякіе, говорятъ: это ужъ его дѣло безпорядки открыть. Земская полиція всегда можетъ безпорядки открыть, если захочетъ. Вотъ, наприимѣръ, недоимку найди хоть маленькую, — и взыскивай. Опять посмотри: дороги исправны-ли, — и тоже взыщи. Да мало ли какихъ случаевъ въ уѣздѣ бываесть? Цаловальникъ пожалуется, что его обижаютъ, житья ему не даютъ, — изслѣдуй и взыщи. Неповиновеніе властямъ открой. Собери мужиковъ, да тутъ же при нихъ, кто побойчѣе, — стало быть непокорнѣе, — и накажи, чтобы безпорядковъ не было.»

— «Вотъ, господа, говорю я: — какъ вы умно да доброжелательно обо всемъ другомъ говорили. А теперь — гдѣ же у васъ справедливость? Можно ли такъ разсуждать, чтобы безпорядки находить, гдѣ ихъ вовсе и нѣтъ?»

«Позвольте, батюшка! они мнѣ говорятъ: — вы этого дѣла не понимаете. Какъ же возможно государству своего главнаго дохода лишиться? Этому быть нельзя. Что же будетъ, если откупъ лопнетъ? Вѣдь это казнѣ убытокъ. Мы о томъ собственно и говоримъ. Государство не можетъ потерпѣть, чтобы невѣжественный фанатизмъ отнималъ у него доходы.»

«Такъ я съ ними и сговорить не могъ. Разумѣется и противорѣчить-то сильно я не осмѣливался, чтобы ихъ не разсердить: вѣдь у меня до нихъ дѣло было. Пожалуй и подряда бы мнѣ не отдали.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ образованные люди могутъ такихъ вещей не понимать, которыя и намъ извѣстны, хоть мы на мѣдные гроши учились? Какое же тутъ можетъ быть обѣдненіе государству, когда народъ въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестаетъ пить вино, отъ котораго разорялся? Развѣ отъ бѣдности мужиковъ казна можетъ богатѣть? Помѣщикъ хорошій, и тотъ знаетъ, что съ разореннаго помѣстья немного возьмешь; и тотъ заботится, чтобы у него мужики были зажиточнѣе, потому что онъ самъ черезъ это богаче будетъ. Умный помѣщикъ въ нашихъ губерніяхъ ни за какія деньги не соглашался, чтобы у него въ селѣ кабаки поставили. А если отъ села больше доходовъ бываесть, когда въ немъ кабака нѣтъ, стало быть и съ уѣзда доходовъ больше будетъ, и съ губерніи тоже, если въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестанутъ

пить вино. Цѣлая губернія хочетъ отстать отъ вина, — дай Богъ, чтобы такъ и было; дай Богъ, чтобы и другія губерніи по ея примѣру пошли. По нашему такъ:

«Говорилъ я потомъ объ этомъ еще не разъ съ разными образованными господами. Есть такіе, что тоже по нашему говорятъ, а другіе тоже гнутъ, что я отъ членовъ слышалъ въ присутствіи. Неужели по господскому, по образованному, не то выходитъ, что по нашему?»

«Отчего это въ журналахъ о Ковенскомъ дѣлѣ мало пишутъ? Хотъ бы они намъ сказали, какъ съ тѣми образованными господами сговорить, которые пустое объ этомъ дѣлѣ толкуютъ? Что они пустое толкуютъ, это и простому человѣку видно, а какъ имъ растолковать, что государству отъ Ковенскихъ мужиковъ убытка не будетъ, — вотъ этого-то растолковать имъ и не умѣешь.»

Мы получили это письмо съ подписью «Тихвинскій купеческій сынъ Бадейкинъ.»

Оно обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ.

Мы до сихъ поръ молчали о Ковенскомъ дѣлѣ, потому что не получали о немъ разсказовъ болѣе подробныхъ, нежели какіе помѣщены были въ газетахъ. Объяснять же самый фактъ мы считали ненужнымъ. Мы, признаемся, и не предполагали, чтобы кому нибудь нужно было объясненіе: хорошо ли сдѣлали Ковенскіе поселяне, переставъ пить водку, и выгодно ли для государства ихъ намѣреніе. Намъ казалось, что никому и въ голову не можетъ придти сомнѣніе объ этомъ. Мы думаемъ, что молчаніе другихъ журналовъ объясняется тѣмъ же мнѣніемъ. Письмо г. Бадейкина разрушаетъ его. Оно открываетъ передъ нами фактъ невѣроятный: люди, называющіеся просвѣщенными, разсуждающіе о желѣзныхъ дорогахъ, объ освобожденіи крестьянъ, объ искорененіи злоупотребленій и даже не берущіе взятку съ подрядчика, и даже предлагающіе купцу, какъ видно, очень небогатому, стулъ въ комнатѣ присутствія, — эти люди, усвоившіе себѣ лоскъ образованности, даже форму гуманности, не совѣстятся имѣть тѣ страшныя мысли, тѣ гнусныя понятія, которыя записаны ихъ простодушнымъ слушателемъ! Да и то сказать: какъ имъ совѣститься подобныхъ мыслей? Они очевидно ничего не смыслятъ въ дѣлахъ, о которыхъ разсуждаютъ. Съ чужаго голоса они могутъ говорить о пользѣ желѣзныхъ дорогъ, о необходимости освобожденія крестьянъ, — вѣдь объ этомъ нынѣ и глухой слышитъ на каждомъ шагу. Но ясно, что ихъ голова осталась неразвита, что все въ этой головѣ, кромѣ навѣяннаго вѣтромъ, все дико и тупо. Они могутъ быть прекрасные люди по сердцу, но они дурно воспитаны, они слишкомъ мало учились.

Неужели въ самомъ дѣлѣ надобно оправдывать Ковенскихъ мужиковъ? Неужели надобно доказывать, что они имѣютъ полное право не пить водку? Неужели надобно доказывать, что этимъ геройскимъ рѣшеніемъ, до котораго могъ довести ихъ только слишкомъ тяжелый

опытъ, они приносятъ пользу государству и честь русской націи передъ Европой?

Мы не враги употребленія водки простымъ народомъ, мы думаемъ, что умѣренное употребленіе ея даже полезно въ нашихъ климатахъ; но надобно знать, кто пьетъ, какъ пьетъ, почему пьетъ и что пьетъ?

Если зажиточный мужикъ, имѣющій теплую избу, теплую одежду, сытный столъ и нѣсколько лишнихъ рублей въ карманѣ, выпиваетъ каждый день передъ обѣдомъ по стакану водки, — съ Богомъ: ему это здорово, и пьетъ онъ на деньги, которыми имѣетъ право располагать. За этотъ стаканъ не могутъ упрекнуть его жена и дѣти. Но таковъ ли Ковенскій мужикъ и таковъ ли не только Ковенскій, но и какой бы то ни было мужикъ? Гдѣ у него лишніе деньги? Остается ли у него хоть одна копейка, отчета въ растратѣ которой не должна была бы потребовать у него семья, живущая въ плохой избенкѣ, едва прикрытая рубищемъ, подобно ему, — питающаяся, подобно ему, по выраженію г. Шевырева, «скудною и неудобоваримою пищею.» Бѣднякъ дѣлаетъ дурно, когда тратитъ деньги на что нибудь, кромѣ улучшенія быта своей семьи.

И какъ онъ пьетъ! Развѣ такъ, какъ мы съ вами, читатель, столовое вино? Нѣтъ, онъ пьетъ, когда дорвется къ вину, до безчувствія. Питье водки у бѣдняка всегда бываетъ пьянствомъ.

И почему онъ покупаетъ водку? и какую водку продаютъ ему? объ этомъ нечего и говорить.

Или въ самомъ дѣлѣ надобно доказывать, что никому, кромѣ идиота не можетъ придти въ голову видѣть сектантство въ томъ, когда разоренные бѣдняки видѣли необходимость исправиться отъ порока, ихъ разорявшаго? Или надобно говорить о томъ, выигрываетъ ли государство или, пожалуй, казна, когда бѣднякъ отказывается отъ единственнаго наслажденія, чтобы поправить свои дѣла? Развѣ трудно разсудить что каждый рубль, который получается отъ водки, разоряющей народъ, — что каждый такой рубль отзывается десятью рублями недочета въ другихъ податяхъ и сборахъ? Въ Россіи больше населенія, нежели въ Англіи и Франціи взятыхъ вмѣстѣ; пространство плодородной и населенной земли, служащей главнымъ источникомъ богатства, по крайней мѣрѣ въ пять разъ больше. Получаетъ ли русская казна хотя двѣ трети того дохода, какой получаетъ одна французская или одна англійская? Нѣтъ, и того далеко не получаетъ. Отчего же это? Какъ отчего? Много ли вы возьмете съ бѣднаго народа? А въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ бѣдности народа? Въ водкѣ. Кажется, расчетъ ясенъ? Пусть водка доставитъ вдвое меньше дохода; за то мы отпустимъ за границу вдвое больше товаровъ, потому что меньше ихъ пропьемъ и больше наработаемъ. Въ замѣнъ за эти товары мы кушимъ вдвое больше заграничныхъ, и одна прибыль въ таможенныхъ пошлинахъ — съ двойнымъ, съ тройнымъ избыткомъ покроетъ недочетъ виннаго сбора; и кромѣ того въ податяхъ будетъ меньше недонимокъ, промышленные

сборы станутъ давать гораздо больше прежняго и стало быть, если уже думать о государственныхъ доходахъ, то надобно благодарить Ковенскихъ мужиковъ за то, что они приняли рѣшеніе, отъ котораго надобно ожидать такого же поправленія нашему бюджету, какъ и ихъ домашнему хозяйству.

Но, Боже мой! Какая сила самоотверженія нужна была этимъ бѣднякамъ, чтобы отказаться отъ чарки водки, этой единственной, губительной, разорительной, но единственной отрады въ ихъ несчастной жизни! Вотъ ужъ почти цѣлый вѣкъ образованный міръ на всѣхъ языкахъ превозноситъ силу самоотверженія Сѣверо-Американцевъ, отказавшихся отъ употребленія чаю. Но что за важность отказаться отъ чаю зажиточному человѣку? Развѣ не замѣнить онъ двадцатью другими пріятностями пріятность пить чай? И развѣ чай былъ ему забвеніемъ, единственнымъ забвеніемъ отъ невыносимо-тяжелой жизни, исполненной обидъ и лишеній? Но бѣдняку мужику отказаться отъ чарки водки!.. Это геройство,—другаго имени нѣтъ для такой рѣшимости!

II.

РУССКІЕ ВЪ ДОБЛЕСТЯХЪ СВОИХЪ.

Предупомленіе. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», когда онъ издавался еще Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою, т. е. въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—существовалъ одинъ отдѣлъ, приносящій честь прекрасному сердцу издателя. Отдѣлъ этотъ носилъ названіе: «Русскіе анекдоты: примѣры мужества, неустрашимости, мудрости, великодушія, безкорыстія и проч. русскихъ людей.» Съ теплымъ и умиленнымъ чувствомъ постоянно рассказывалъ здѣсь самъ издатель о прекрасныхъ подвигахъ русскаго человѣка. Мы до сихъ поръ живо помнимъ тѣ слезы умиленія и восторга, съ которыми читали мы въ «Русскомъ Вѣстникѣ» вдохновенные рассказы о томъ, какъ одинъ солдатъ нашелъ сто рублей и возвратилъ ихъ по принадлежности; какъ одинъ мужикъ наѣхалъ въ полѣ на замерзавшаго мальчика и не бросилъ его, а довезъ до села; какъ одинъ мѣщанинъ, уѣзжая изъ города, заплатилъ всѣ свои долги, хотя и могъ уѣхать не заплативши, и проч. *Въ настоящее время, когда Россія возрождается къ новой жизни и когда весь міръ устремилъ на нее полныя ожиданія очи, когда повсюду водворяется у насъ благодѣтельная гласность, грустно истинному патріоту видѣть, что нѣтъ такого сборника, гдѣ бы увѣковѣчивались всѣ прекрасныя явленія русской жизни. Конечно, они публикуютъ о себѣ въ газетахъ; но что такое суть газеты? — Не что иное, какъ волны быстрой рѣчки, неуловимыя въ своемъ теченіи. Потомство не заглянетъ въ наши газеты, и великіе примѣры пропадутъ для него безъ пользы. Вотъ почему мы рѣшаемся время отъ времени удѣлять нѣсколько страницъ для увѣковѣченія прекрасныхъ подвиговъ современныхъ русскихъ людей.*

1. *Примѣры безкорыстія.*

На первый раз избираемъ примѣры необыкновеннаго безкорыстія, о которомъ объявлено въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ одномъ примѣрѣ является предъ нами старецъ, 37 лѣтъ служившій по военной и гражданской службѣ, Василій Максимовичъ Телегинъ, объявляющій, что онъ даромъ даетъ совѣты по дѣламъ; въ другомъ г. Вышнеградскій, покорнѣйше просящій, чтобы ему не давали взятокъ; въ третьемъ г-жа Клавдія Туманская, просящая, считать безденежнымъ и недействительнымъ законное по формѣ заемное обязательство ея покойнаго мужа

Съ чувствомъ искренняго умиленія и радости заносимъ эти, исполненные благородства, акты на страницы нашей современной лѣтописи.

«Санктпетербургскія Вѣдомости» 1858 г. № 227, 17 окт.

«Коллежскій ассессоръ и кавалеръ Василій Максимовичъ Телегинъ, изучивъ теорію законовѣдѣнія—въ Университетѣ и практическое дѣлопроизводство—на службѣ, по части военной, въ должности аудитора и другихъ штабныхъ обязанностяхъ; а по гражданской—въ должностяхъ: канцелярскаго чиновника, старшаго помощника столоначальника Департамента М. Ю., слѣдственнаго пристава, исправника, губернскаго стряпчаго, городского головы (въ Кіевѣ), чиновника особыхъ порученій гражданскаго губернатора и генераль-губернатора, правителя канцеляріи, заสдателя, товарища и предсѣдателя—гражданской палаты, нынѣ, по увольненіи отъ службы, съ полнымъ пенсіономъ, изъ любви къ наукѣ, продолжаетъ изучать законовѣдѣніе—на дѣлѣ. Допустивъ, что Телегинъ изъ важной обязанности вынесъ сколько нибудь опыта, можно согласиться—съ дознаннымъ имъ убѣжденіемъ: что, съ добрымъ запасомъ теоретическихкихъ свѣдѣній, хотя легко пріобрѣсти навыкъ въ дѣлопроизводствѣ, и даже обогатиться опытомъ; но для полнаго знанія законовѣдѣнія—этого мало; потому что наука законовѣдѣнія, на столькоже не уловима изъ книги, на сколько недостижима умозрѣніемъ. Самый опытъ въ законовѣдѣніи не совѣтъ вѣрное вспомогательное средство. Полное же и точное познаніе законовѣдѣнія пріобрѣтается долговременнымъ и тщательнымъ изученіемъ случаевъ, или казусовъ, являющихся на горизонтѣ юридическомъ и самаго способа—примѣненія этихъ случаевъ и образцовыхъ рѣшеній—къ дѣлу! Истина сего заключается въ законѣ (146 и другія ст. I. т. Св. Зак.); а другая истина состоитъ въ томъ, что изученіе «случаевъ» возможно только на службѣ, не по одной судебной, но по полицейской и вообще административной части, и—притомъ, въ разныхъ должностяхъ. Съ такими знаніями законовѣдѣнія съ перваго взгляда и, такъ сказать, ощупью, постигая существо дѣла въ зарожденіи и развитіи, по извѣстнымъ «случаямъ», съ математическою точностію опредѣлится исходъ дѣла. Вѣроятно, адвокаты: въ Парижѣ Р... и въ Варшавѣ Ш..., владея сею магическою силою, пользуются общественнымъ довѣріемъ—до того, что принятый ими процессъ считаетъ

ся, почти, выиграннымъ. За то, они не принимаютъ дѣла сомнительнаго; а тѣмъ болѣе — кляузнаго. Подобное довѣріе можно пріобрѣсти вездѣ и всегда: стоитъ только не вовлечь ни кого (безъ неизбѣжной надобности) въ процессъ; не изобрѣтать, къ оболъщенію патрона, претензій—для начатія и для встрѣчнаго—исковъ (*sic*); но добросовѣстно указавъ на гибельныя послѣдствія тяжбы, убѣдить къ примиренію, или къ прекращенію оной, уменьшивъ претензіи. Слѣдовательно, теоретическія и практическія знанія, навѣкъ и опытъ въ законовѣдѣніи — не составляютъ еще исключительнаго достоинства адвоката, если онъ не проникнуть добросовѣстностію, правдолюбіемъ и миролюбіемъ. Съ этими—то убѣжденіями, Телегинъ, при изученіи законовѣдѣнія, изъ дѣла, желая постичь многосложный механизмъ, пускаемый въ ходъ «имѣющими хожденіе по дѣламъ» — принимаетъ на себя обязанность, не ходатая, а, по довѣренности, повѣреннаго по дѣламъ, производящимся въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Надѣясь на то довѣріе, какое можно имѣть къ человѣку раненному и прослужившему съ кампаніями 37 лѣтъ, Телегинъ, и съ своей стороны, *готовъ всегда и всякому, даромъ, дать, съ солдатскою прямотою, благой советъ*. Принимаетъ отъ 8 часовъ утра до 4 часовъ по полудни, въ собственномъ домѣ, на Петербургской Сторонѣ, на углу Большаго проспекта и Павловской улицы, домъ № 3. Иногородные (адресуя письма: въ С.-Петербургъ) немедленно получаютъ отвѣтъ на вопросы свои; а тѣ, кои въплоть до довѣренности, извѣщаемы будутъ о дѣйствіяхъ по онымъ.»

«Санктпетербургскія Вѣдомости», № 281, 23 декабря.

Начальникъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ въ Санктпетербургѣ, безуспѣшно испытывъ неоднократныя устныя убѣжденія относительно безполезности и беззаконности разнаго рода приношеній, которыя дѣлаются просителями мѣсть при училищахъ, родителями и попечителями дѣтей — какъ начальнику училищъ, такъ и лицамъ женскаго пола, при нихъ состоящихъ, прибѣгаетъ наконецъ къ печатному объявленію покорнѣйшей своей просьбы, *ни при какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не обращаться, ни къ начальнику, ни къ надзирательницамъ, ни съ какими вещественными знаками такъ называемой благодарности*. Всѣ подобныя знаки будутъ немедленно возвращаемы тѣмъ, кто ихъ принесъ. Всякаго рода складчины между дѣтми съ цѣлю сдѣланія подарка кому либо изъ начальствующихъ, надзирающихъ и преподающихъ лицъ строжайше воспрещается, подлѣ опасеніемъ удаленія виновныхъ изъ заведеній.

Къ сему непріятному объявленію начальникъ училищъ вынужденъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ ищущихъ мѣсть при училищахъ предлагаютъ начальнику оныхъ разнаго рода подарки и услуги. Такъ напримѣръ, въ послѣднее время двѣ дамы, имена которыхъ на сей разъ не объявляются, рѣшились доставить г. Вышнеградскому по 500 р. сер. каждая, съ присоединеніемъ покорнѣйшей просьбы исходатайствовать имъ мѣста главныхъ надзирательницъ. Начальникъ училищъ симъ объ-

являеть, что одной изъ просительницъ деньги уже возвращены, а деньги другой препровождены къ Санктпетербургскому оберъ-полицмейстеру для возвращенія кому слѣдуетъ».

«Санктпетбургскія Вѣдомости», № 276, 17 дек. 1858 г.

«Гвардіи поручикъ Андрей Леонтьевичъ Черепановъ выдалъ покойному моему мужу Василью Васильевичу Туманскому заемное обязательство на 1000 р. сер., каковое обязательство и было совершено въ Черниговской Палатѣ Гражданскаго Суда въ 1850 году, октября 11 дня. Но такъ какъ мнѣ достоверно извѣстно, что то заемное обязательство было выдано 1. Черепановымъ безденежно моему мужу, по смерти котораго въ бумагахъ того обязательства нигдѣ не отыскалось, то, публикуя нынѣ объ этомъ въ газетахъ, прошу вышеозначенное заемное обязательство считать безденежнымъ и недействительнымъ, у кого бы оно ни отыскалось. — Жена коллежскаго ассесора Клавдія Туманская.»

На какія прекрасныя, освѣжающія душу размышленія наводятъ всякаго благомыслящаго соотечественника три приведенные нами примѣра! Замѣтимъ, что всѣ означенныя лица сами объявляютъ о себѣ въ газетахъ, платя за припечатаніе деньги съ каждой буквы: такимъ образомъ цѣна ихъ безкорыстія еще болѣе возвышается и уже граничитъ съ самопожертвованіемъ... Особенно дорого должно быть, по своей длинотѣ, объявленіе г. Телегина.... Дай Богъ побольше такихъ примѣровъ: тогда съ ясностью божьяго дѣла доказана будетъ зрѣлость той общественной среды, въ которой могутъ совершаться и обнародываться подобныя явленія.

2) Примѣръ отважнаго стремленія къ общему благу.

Не можемъ умолчать о случаѣ, доказывающемъ, сколь сильны у насъ частныя лица стараются споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Будущій историкъ русской цивилизаціи не преминетъ, конечно, занести этотъ фактъ на скрижали отечественныхъ лѣтописей.

Въ 1858 г. учреждены въ Петербургѣ училища для приходскихъ дѣвицъ. Въ обнародованныхъ правилахъ для этихъ училищъ сказано, что «цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы доставить родителямъ возможность, не отлучая дѣтей отъ семейства, давать имъ основательное и полное образованіе за такую плату, которая не была бы стѣснительна для людей самаго умѣреннаго состоянія; чтобы поэтому дѣти, живя дома, у родителей или родственниковъ, приходили въ училище только для слушанія уроковъ». Годовая плата за ученіе положена 25 рублей съ дѣвицы.

И едва только сдѣлались извѣстными эти правила, которыхъ цѣль и смыслъ такъ просты и ясны, какъ явилось въ «Санктпетбургскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 г., № 219-й, объявленіе отъ одной содержательницы частнаго пансіона о томъ, что она для облегченія родителей примы-

мѣсть къ себѣ на жительство дѣтей, отдаваемыхъ въ женскія училища, за плату, отъ 120 до 200 р. с. въ годъ. Вотъ самое объявленіе.

«По случаю назначенія правительствомъ открыть казенное учебное заведеніе для дѣвицъ въ Коломнѣ, на углу Большой Садовой и Грязной Улицъ, въ домѣ Воронина, содержательница частнаго пансіона, находящаяся въ томъ же домѣ, г-жа Галактіонова готова помѣщать дѣвицъ у себя на жительство и воспитаніе съ тѣмъ, что по окончаніи предназначеннаго занятія въ казенномъ заведеніи обязывается, при совершенно приличномъ помѣщеніи и содержаніи вѣрренныхъ ей дѣтей, имѣть постоянный надзоръ и неусыпное попеченіе о нравственности ихъ и наблюденіе за приготовленіемъ уроковъ, за практическими занятіями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и за преподаваніемъ музыки. Годовая плата, при снабженіи дѣтей родителями всеми учебными потребностями, отъ 120 до 200 руб. серебромъ».

Итакъ, дѣти будутъ жить даже въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ помѣщается училище для приходящихъ дѣвицъ! Значитъ, ученицамъ придется только перейти изъ комнаты въ комнату, чтобы явиться въ классы изъ пансіона г-жи Галактіоновой! Какое удобство для родителей! Не надо заботиться о томъ, какъ и съ кѣмъ каждый день послать дѣтей въ школу и какъ ихъ оттуда привести домой; не нужно думать о томъ, какъ присмотрѣть за ними, повѣрить ихъ занятія, прослушать уроки и т. п. Можно даже ни разу не видѣть дѣтей во все время ихъ ученія: г-жа Галактіонова замѣнитъ для дѣтей родительскій надзоръ и семейную жизнь. Какая просвѣщенная ревность въ содѣйствіи намѣреніямъ правительства!

Безъ сомнѣнія можно утверждать, что имена гг. Телегина и Вышнеградскаго и г-жъ Туманской и Галактіоновой перейдутъ въ позднѣйшее потомство.

III.

ПОЧИТАТЕЛЬ ДВОРЯНОКЪ.

Между многочисленными грамматиками, по которымъ обучается русское юношество, есть нѣсколько грамматикъ, сочиненныхъ г. Викторомъ Половцовымъ и выдержавшихъ по нѣскольку изданій. Доселѣ нельзя было съ точностью опредѣлить, въ какой мѣрѣ заслуженъ былъ успѣхъ трудовъ г. Виктора Половцова, но теперь дѣло вполне рѣшается и разъясняется, благодаря усердію просвѣщенной редакціи «Журнала Землевладѣльцевъ», въ 8-мъ № котораго за 1888 г. помѣщено письмо г. Половцова «О женщинахъ».

Въ началѣ письма г. Половцовъ обращается къ издателямъ «Журнала Землевладѣльцевъ» съ нѣсколькими комплиментами, столько же галантными, какъ и патріотическими. Между прочимъ онъ говоритъ,

Т. XXXIII Отд. III.

что «Журнал Землевладельцевъ» имѣетъ не многолетнее значеніе, ибо это глѣто (въ которое надалася «Журн. Земл.») вѣрнется на скрижаляхъ отечественной исторіи неизгладимыми чертами на вѣчныя времена. Стремясь повидимому тоже *связаться на скрижаляхъ на вѣчныя времена*, г. Половцовъ думаетъ достигнуть своей цѣли напечатаніемъ своихъ соображеній о женщинахъ. Желая содѣйствовать г. Виктору Половцову въ достиженіи цѣли столь прекрасной, приводимъ замѣчательнѣйшія мѣста изъ его оригинальнаго письма.

«Употребивъ весь вѣкъ свой (такъ начинается г. Викторъ Половцовъ) на семейное и общественное, *даже можно сказать государственное воспитаніе, я стою за женщинъ*, съ которыхъ начинается наше существованіе, питаніе, воспитаніе, возрожденіе, *однимъ словомъ все*. (Смѣло и сильно!). А журналъ вашъ, какъ будто не благоволитъ прекрасному полу. Положимъ, что общее названіе «Землевладельцевъ» относится къ дѣвицамъ, замужнимъ и вдовамъ изъ помѣщичьихъ, точно также, какъ и къ сыновьямъ ихъ и внукамъ, супругамъ и братьямъ, отцамъ и праотцамъ (къ праотцамъ—то, я думаю, всего больше относится!); тѣмъ нате подѣ названіемъ *крестьянъ*, объ улучшеніи быта которыхъ теперь заботятся, надобно разумѣть и *крестьянокъ*. Но вотъ, въ спискахъ «дворянамъ—помѣщикамъ» разныхъ губерній, подававшимъ отзывы съ изъясненіемъ готовности упрочить бытъ своихъ крестьянъ, неужто ни одна губернія не упомянетъ и «дворянъ—помѣщичьихъ?»

«Подѣ названіемъ «дворянства» разумѣются какъ дворяне, такъ и дворянки, а подѣ двойнымъ названіемъ «дворянъ—помѣщичьихъ» и Московской, и Орловской губерній, русскій языкъ разумѣетъ однихъ только мужчинъ. (Вотъ что значить быть филологомъ!)

«Вы сдѣлали больше: съ № 2 вы перестали печатать эти списки!... Позвольте надѣяться, что уведоmite въ «Журн. Землевл.» о причинѣ, по которой вы перестали печатать списки.

«Каждое изъ именъ, вошедшихъ въ эти списки, есть достояніе исторіи, если не всей Россіи, то по крайней мѣрѣ всей губерніи, о которой рѣчь (отчего же такъ скромно?) Тѣ списки, которые напечатаны въ № 1, я просмотрѣлъ, и нашелъ....»

Нашелъ г. Половцовъ, къ своему крайнему прискорбію, «очевидную бѣдность въ женскихъ именахъ». Нашелъ онъ также, что въ Нижегородской губерніи дворянокъ подписалось менѣе, чѣмъ въ Московской. Это обстоятельство вызвало его на слѣдующее извѣстельное замѣчаніе: «Это значитъ, что Москва обратила вниманіе на женскій полъ во дворянствѣ гораздо больше, чѣмъ Нижній Новгородъ. *Москвичи и нижегородцы знаютъ о томъ, почему и для чего, разумѣется, больше, чѣмъ я*, странствователь по юговосточнымъ степнымъ губерніямъ». Очевидно, что авторъ тоже знаетъ, и очень хорошо знаетъ, «*почему и для чего*», но не хочетъ этого высказать, по особенной деликатности души своей. Вопросъ, заданный имъ, разъясненъ, впрочемъ, въ одиннадцатомъ № «Журн. Земл.» г. Л. Загоскинымъ, который былъ, по его мнѣнію, «натолкнутъ многоуважаемымъ В. А. Половцовымъ на

мысль сравнить число дворянъ, изъявившихъ согласіе, съ общимъ числомъ—дворянъ—владѣльцевъ каждой губерніи». По изслѣдованіямъ г. Л. Загоскина выходитъ, что подписавшихъ согласіе — *меньшинство*, и притомъ незначительное. Между тѣмъ, по его замѣчанію, «правду за всѣхъ насъ высказалъ В. А. (Половцовъ), что по такому святому дѣлу отрадно, успокоительно для совѣсти каждаго дворянина было бы *видѣть свое имя и фамилію въ печати, т. е. на скрижаляхъ исторіи*». Отчего же не всѣ подписались? По мнѣнію г. Загоскина тутъ виноваты *головы наши*, презирающіе мѣлкопомѣстныхъ, тогда какъ «изъ нихъ около половины родовичей, тѣхъ коренныхъ дворянъ, предки которыхъ, составляя служилое сословіе у великихъ князей и царей нашихъ, подвигами своими, своею вѣрностью и кровью заслужили грамоту 1761 г., которою мы облагорожены» (да не подумаетъ читатель, что мы это отъ себя говоримъ. Сохрани Богъ!.. мы повторяемъ только слова г. Л. Загоскина, не думая относить ихъ — ни къ себѣ, ни даже къ вамъ, читатель, кто бы вы ни были).

Итакъ, въ маломъ числѣ подписавшихся виноваты люди, которыхъ г. Л. Загоскинъ называетъ головами. «Ушли мы съ 1831 г. далеко, а головы все сидятъ на плечахъ у насъ»,—замѣчаетъ онъ въ заключеніе, обнаруживая не совсѣмъ понятное для насъ желаніе, чтобы у него голова на плечахъ не сидѣла... Можетъ быть г. Л. Загоскинъ по собственному опыту знаетъ, что безъ головы человѣку жить лучше?

Но возвратимся къ письму г. Половцова, по поводу котораго въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» поднятъ былъ важный вопросъ объ именахъ дворянъ и дворянокъ. Малое число подписавшихся г. Половцовъ (не совсѣмъ несогласно съ г. Л. Загоскинымъ) приписываетъ медленности помѣщиковъ и поспѣшности предводителей. Вотъ случай, имъ рассказанный.

«Это дѣло (считанье женскихъ именъ въ спискахъ) съ моей стороны началось очень просто. Одна изъ барынь—помѣщица, управляющая имѣніемъ «по довѣрію мужа», просила меня написать отвѣтъ предводителю дворянства о томъ: согласна ли она на участіе въ своихъ крестьянъ?—Чтожь, согласны ли вы? «О, съ восторгомъ!» Эти слова были темою черноваго писанія, въ которомъ почти ничего и не перемѣнено (и зачѣмъ же перемѣнять? Г. Половцовъ пишетъ такимъ хорошимъ слогомъ и притомъ же *самъ* сочинилъ грамматику русскую!) Но какъ въ письмѣ предводителя было сказано, что молчаніе далѣе опредѣленнаго срока будетъ принято за согласіе, то мы не торопились отправкою; а вышло то, что имя барыньки (?) не побало въ списокъ 970 дворянъ—помѣщиковъ Орловской губерніи, хотя въ немъ отыскались имена 304 дамъ и дѣвицъ».

Рассказавъ столь любопытный и знаменательный фактъ, г. Половцовъ приступаетъ къ слѣдующимъ краснорѣчивымъ размышленіямъ, дѣлающимъ честь его бойкому перу и многостороннимъ познаніямъ:

«Кто не знаетъ, какъ *употѣлительно звучитъ* (?) имя, отчество,—а по русски величаніе,—и *перемѣняемое* (?) прозвище,—по иностранному фами

лія,—любимой особы, тотъ только не пойметъ, что и въ просмотрѣ списка дворянъ—помѣщиковъ съ выискиваніемъ женскихъ именъ можно найти *большое удовольствіе* (еще бы!). Каждое имя (слушайте!) нарекается младенцу при Св. Крещеніи (*), *иногда* имена имѣютъ значеніе: Аватолій — востокъ, Софія — премудрость и проч.; перечисленіемъ именъ начинается Новый Заветъ, священнѣйшая изъ книгъ, и каждымъ изъ этихъ именъ знаменуется поколѣніе, иная исторія состоитъ почти только изъ именъ (хорошая исторія!). Однимъ словомъ, *разохотившись* просматривать имена дворянокъ—помѣщицъ трехъ губерній, которыя выпечатаны въ № 1, Ж. 33., я сталъ считать имена и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Затѣмъ г. В. Половцовъ приводитъ цифры. Оказалось, что онъ имѣлъ терпѣніе насчитать 1623 дворянки—помѣщицы въ разныхъ губерніяхъ. Но не довольствуясь своимъ трудолюбіемъ и тѣмъ, что повѣдалъ міру результаты его, г. В. Половцовъ предлагаетъ слѣдующее:

«Нельзя ли было бы напечатать списки *хоть* *особой книжкою*, въ видѣ приложенія къ вашему журналу, и притомъ въ два столбца, *ошуюю* могли бы быть *мужчины, а одесную съ пробѣлами (!) женщины и дѣвцы?* А уже если раздѣлять, да распредѣлять, такъ можно было бы расписать имена и *по классамъ супруговъ и отцовъ; юнкерша и канцеляришша* точно также заняли бы свое мѣсто, какъ и *дѣйствительныя тайныя советницы, графини и свѣтлѣйшія княгини*. Не знаю, почему нѣтъ у насъ слова «другиня», т. е. другъ женскаго пола, другое и даже первое я. (Тутъ уже филологическія тенденціи овладѣваютъ г. Половцовымъ, и онъ даетъ намъ рѣдкій случай наблюдать за грамматикомъ, разсуждающимъ объ общественныхъ вопросахъ. Внимайте же!) Это совсѣмъ не подруга, подружка, подруженька, которыя вѣютъ на насъ молодостью; и другъ — не то, это мужчина. «Другиня»,—въ смыслѣ первыни могло бы быть самымъ почетнымъ изъ всѣхъ званій женщины и даже дѣвцы. Жена—другъ — вотъ другиня, мать конечно не всякая,—сестра въ родѣ матери, *тетка—полу—проводникъ* (о чудеса грамматики!)—вотъ другини! У насъ есть женскія названія: княгиня, героиня и богиня, отъ мужскихъ: князь, герой и богъ (языческій). Почему же не быть другинѣ отъ слова другъ (христіанскій)? Притомъ же, другъ служить теперь, какъ будто за недостаткомъ словъ въ нашемъ богатомъ русскомъ языкѣ, названіемъ и женщины: мой другъ, дружокъ, дружочекъ! говорить мужъ женѣ, братъ сестрѣ, даже отецъ дочери. Такъ слово другиня произошло бы не отъ мужскаго другъ, а само изъ себя, и *разумѣется* *возымло бы свою исторію* (**).

(*) Попадались и неупотребительныя: Сарра, Капитолина, Доминика, Августина, Фіона и Митродора. *Авт.*

(Самъ авторъ позабылся отнѣтитъ свое примѣчаніе; значитъ читатели не могутъ уже подумать, что мы нарочно его сочинили.)

(**) Въ Церковнославянскомъ *есть* слово «другиня», и народъ слышитъ это слово чѣ одной изъ церковныхъ пѣсней, во время Пасхи. *Ред.*

(Это опять не наше примѣчаніе: это счелъ нужнымъ замѣтить редакторъ Журнала «Землеиспытатель».)

«Исторія боговъ и богинь—дѣло давнее и не наше, а князей и княгинь — поближе къ намъ. Вотъ и сегодня (письмо г. Половцова писано 11-го юля) церковь наша празднуетъ память Св. Ольги, которою начинается весь сонмъ святыхъ угодниковъ православной россійской церкви. Эта знаменитая въ древней Руси государыня, *мать героя Святослава и бабка Владиміра Великаго, родомъ псковитянка, родилась не княжной и не царевною, а простолюдинкою* (урокъ изъ исторіи для читателей «Жур. Земл.»). Супружество возвелъ ее на стенью княгини, именно великой княгини, но *немерцающее* (каковъ русскій языкъ у почтеннаго грамматика? *немерцающее* вмѣсто *немеркнувшее*!) въ вѣкахъ величіе добыла она себѣ сама по праву женщины—христіанки. Это же, самое почетное изъ всѣхъ званій челоуѣка, вполне доступно каждой изъ дворянокъ-помѣщицъ (разумѣется,—всѣ онѣ не басурманки, не нехристи), о которыхъ началъ я бесѣдовать съ вами, почтенный А. Д., перебирая списки дворянъ-помѣщиковъ разныхъ губерній.

«Св. Ольга приняла христіанство, потому что и живя среди язычниковъ, постигла всю цѣну ученія Спасителя. Она сложила съ себя бремя десятилѣтняго управленія государствомъ, удалилась въ Царь-градъ и занялась ученіемъ христіанскимъ. *Не то ли же предстоитъ* (вотъ тебѣ и разъ: въ Царь-градъ удалиться?) *и многимъ изъ нашихъ барынь, живущихъ по деревнямъ, и несущихъ на себѣ тлостное бремя управленія крестьянами?* Бесграничныя права ихъ *тлостли надъ ними, еще болѣе (!!!) чѣмъ надъ подвластными имъ душами челоуѣческими*, подобно язычеству, которое во времена Св. Ольги считалось вѣрою отцовъ, и было такъ сильно, что знаменитый сынъ Игоря никакъ не хотѣлъ разстаться съ своими языческими обязанностями и пребылъ имъ вѣренъ, до насильственной смерти своей. Ольга слышала о вѣрѣ Христовой отъ воиновъ супруга своего, бывшихъ въ Греціи; а мы слышали объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ—христіанъ и крестьянокъ—христіанокъ отъ вѣнчаннаго на царство Помазанника Божія. Великая княгиня Ольга безъ сомнѣнія находилась въ продолжительной борьбѣ сама съ собою: *предпринимать ли дѣло новое, трудное и отвѣтственное предъ потомствомъ? Намъ обмечено этотъ подвигъ:* Высочайше повелѣно мужчинамъ обдумать дѣло въ полгода; а за насъ потрудится самъ Батюшка Царь, съ своими посѣдѣлыми въ совѣтахъ боярами, въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу.

«И Св. Ольга ждала, ждала, пока ей можно было сложить бремя правленія на рамена сыновей (*сыновей?*). А намъ, если придется подождать и 12 лѣтъ, такъ *чтожь это за срокъ въ сравненіи съ вѣками*, которые будутъ наслаждаться плодами трудовъ и пожертвованій второй половины XIX вѣка въ громадной Россіи? Между дворянами-помѣщиками Псковской губерніи нашелъ я вдову капитана Варвару Лаврову съ сыновьями полковниками Степаномъ и Николаемъ Егоровичами — вотъ образчикъ нераздѣльнаго владѣнія матери съ дѣтьми въ богобоязненномъ семейственномъ быту. Да продлится онъ на многія лѣта!»

Прекрасное письмо г. Половцова оканчивается слѣдующею прось-

бою, которая обнаруживает, что онъ не словомъ только, но и дѣломъ старается объ увеличеніи числа женскихъ именъ во всякаго рода подпискахъ. «Позвольте кстати попросить васъ, пишетъ онъ, — внести въ число подписавшихся на «Жур. Земл». имя жены моей Лидіи Осиповны, съ припискою въ Иерусалимъ: ибо мы просимъ отправлять экземпляры ея къ брату моему іеромонаху Ювеналію, члену іерусалимской миссіи».

Видно, что г. Половцову очень хотѣлось улитъсь звукомъ имени жены своей, когда онъ упрашивалъ записать ее вмѣсто своего брата. «Журналъ Землевладѣльцевъ» и записалъ ее въ Иерусалимъ, хотя она живетъ съ г. Половцовымъ въ Саратовской губерніи.

Мало того: «Журналъ Землевладѣльцевъ» принявъ серьезно все письмо г. Половцова, съ чувствомъ душевнаго прискорбія оправдывается отъ его упрековъ. Вотъ начало его *отвѣта* г. Половцову:

«Отъ васъ менѣе, чѣмъ отъ кого нибудь, ожидали мы упрека, что журналъ нашъ какъ будто не благоволитъ къ прекрасному полу. И на чемъ же основываете вы такое капитальное обвиненіе?...»

И такъ далѣе.... Журналъ блистательно оправдывается отъ нареканий г. Половцова, и мы вполне увѣрены, что онъ съ письмомъ г. Половцова и съ своимъ отвѣтомъ дѣйствительно «срѣзается на скрижали отечественной исторіи на вѣчныя времена».

IV.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Какое торжество готовить древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?

Иначе сказать—куда направляется литературная процессія, извѣстія о которой, вотъ уже почти два мѣсяца, непрерывно приносятся къ намъ петербургской и московской почтою? Какое торжество готовить вся ваша литературная братія, которая въ послѣднее время все «пыщется гору родити»? Что за шумная исторія поднята вами (*) противъ *поступка* «Иллюстрацій»? *Поступокъ*, по общему мнѣнію публики, состоялъ въ томъ, что «Знакомый Человѣкъ» по-русски писать не умѣетъ (иначе ужъ конечно онъ обругалъ бы своихъ противниковъ такъ, что привязаться было бы не къ чему); а вы привязались къ нему, какъ будто и къ грамотному, какъ будто и къ путному.. Грѣшный человѣкъ, а долго не понималъ, къ чему и изъ-за чего вся эта исторія. Написалъ я къ одному пріятелю въ Петербургъ, прося объяснить, что такое протестъ, почему протестъ, зачѣмъ протестъ? А тотъ отвѣчалъ мнѣ только двумя стихами:

(*) Не нами, вовсе не нами! Кто сказалъ, что нами? Ред.

«Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то слезъ избытокъ»...

Тогда выписалъ я «Иллюстрацію» (нѣсколько моихъ знакомыхъ тоже сдѣлали послѣ вашего протеста), посмотрѣлъ, почиталъ ее: ничего,—журналецъ, какъ журналецъ. Припомнилъ, не было ли за нею прежде какихъ нибудь исторій: никакихъ. До ноября мѣсяца о ней и не знали вовсе.... Она видимо старалась привлечь къ себѣ общее вниманіе: и рисунки графа Толстаго къ стихотвореніямъ г. Щербинны печатала, и майскій парадъ, и формы генеральскихъ мундировъ помѣщала, и о политикѣ вкривь и вкосъ разсуждала, и о людоедахъ писала, и съ «Сѣверной Пчелой» вела полемику... нѣтъ, ничто не помогало. Никто ея не зналъ, никто о ней не говорилъ, журналы какъ будто и не подозревали ея существованія. Шла себѣ «Иллюстрація» тихо и вяло, точно длинный обозъ, котораго убогая и похоронная медленность не нарушается даже тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ возахъ запряжены очень горячія лошади.

И вдругъ—все переѣнилось. Какъ электрическая искра, мгновенно пронеслось, говорятъ, по Петербургу слово «Иллюстрація», по телеграфу переслана молва о ней въ Москву; а оттуда быстро разѣхалась по губерніямъ и уѣздамъ. Къ намъ писали сюда, что у васъ въ литературныхъ кругахъ повсюду стали разуждать объ «Иллюстраціи» съ такимъ же жаромъ, какъ годъ тому назадъ о крестьянскомъ вопросѣ; въ книжныхъ лавкахъ, въ библіотекахъ для чтенія, безпрестанно, говорятъ, спрашивали «Иллюстрацію»; въ кондитерскихъ, выписывавшихъ «Иллюстрацію», учетверилось количество посѣтителей, тогда какъ другія, не имѣвшія «Иллюстраціи», опустѣли. «Страшно было войти въ сіи послѣднія, писалъ мнѣ одинъ знакомый; мракъ и запустѣніе царствовали въ нихъ; служители бродили, блѣдные и тощіе, какъ могильныя тѣни; на лицѣ хозяина написано было мрачное отчаяніе...» Сказывали, что у васъ даже появилось въ образованное общество человѣку, не читавшему «Иллюстраціи», сдѣлалось невозможнымъ, ибо это значило бы просидѣть дуракомъ весь вечеръ, не имѣя возможности принять участіе въ общемъ разговорѣ. Скоро и у насъ въ провинціи вопросъ объ «Иллюстраціи» оттѣснилъ на второй планъ всѣ другіе вопросы, ибо стало невозможнымъ чтеніе журналовъ безъ предварительныхъ познаній въ «Иллюстраціи»: начиная съ «Русскаго Инвалида», о ней заговорили почти всѣ журналы: «Русскій Вѣстникъ», «Атеней», «Библіотека для чтенія», «Современникъ», «Московскія Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Одесскій Вѣстникъ», «Сѣверная Пчела», даже самъ «Весельчакъ». Одна фраза изъ «Иллюстраціи» задавалась какъ тезисъ для глубокомысленныхъ разсужденій, другія фразы разбирались, перечитывались и переписывались съ заботливостью и нѣжностью, достойными лучшей участи. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» одна изъ фразъ «Иллюстраціи» перепечатана четыре раза въ одной и тойже книжкѣ. Лучшіе наши ученые и литераторы приняли участіе въ движеніи вопроса объ «Иллюстраціи». Самъ Н. Ф. Павловъ, знаменитый критикъ, только въ эк-

стренныхъ, надѣлавшихъ шуму случаяхъ берущійся за остроумное перо свое, написалъ статейку объ «Иллюстраціи».

И отчего же произошла столь внезапная перемена? чему обязана «Иллюстрація» приобрѣтеніемъ толикой славы?

Грустно отвѣтить на этотъ вопросъ начальными словами одного почетительнаго разсужденія, котораго я теперь не помню, потому что училъ его когда-то наизусть: «бываютъ геростратовы славы»....

Дальше не помню уже, но дальше и не нужно: смыслъ рѣчи понятенъ изъ первыхъ трехъ словъ.

Да, слава «Иллюстраціи» — геростратова слава. Я рѣшительно подозреваю, что «Иллюстрація» давно преслѣдовала ту же цѣль, что и Геростратъ. Да и способъ — то употребила тотъ же: Геростратъ сжогъ храмъ, а «Иллюстрація» напечатала статью, составляющую, по справедливому замѣчанію г. Чацкина, «жалкое отраженіе того зловѣщаго огня, которымъ нѣкогда зажигались костры на площадяхъ Мадрита». Это отраженіе мадритскаго огня «Иллюстрація» направила противъ евреевъ. (Знала противъ кого направить!) — и вамъ извѣстно, что изъ того послѣдовало: «всемирное обозрѣніе» получило славу, дѣйствительно всемирную... Не знаю, совершенно ли полны мои свѣдѣнія; но вотъ главные изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Г. Чацкинъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», г. Горвицъ въ «Атенѣ», г. Ѳаддей Березкинъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и можетъ быть еще кто нибудь — написали возраженія на статью «Иллюстраціи», которая была подписана «Знакомымъ Человѣкомъ». «Знакомый Человѣкъ» въ отвѣтъ на ихъ возраженія написалъ что они, конечно, агенты жида *N.*, который не жалѣетъ золота для славы своего имени. Послѣ этого г. Чацкинъ обнаруживалъ въ «М.ск. Вѣдомостяхъ» письмо къ редактору «Иллюстраціи», котораго содержаніе заключалось въ слѣдующемъ:

Задѣть мою амбицію

Я не позволю вамъ:

На васъ сударь, въ полицію

Я жалобу подамъ.

Объявите, говорить, что вы отказываетесь отъ вашей наглой клеветы, а не то я въ судъ пойду. И въ заключеніе прибавляетъ: поколотить бы, говорить, васъ слѣдовало, да это не такъ *ласно* было бы; такъ я для пущей гласности печатно объ этомъ заявляю.... «Обвиненіе, говорить, сдѣлано было печатно, а слѣдовательно и удовлетвореніе должно имѣть ту *ласность*, которой не доставило бы мнѣ кулачное право.»

Еще не успѣла «Иллюстрація» отвѣтить на письмо г. Чацкина, какъ появился «Литературный Протестъ», въ которомъ излагалось обстоятельно все дѣло обвиненія гг. Чацкина и Горвица въ подкупъ (о г. Березкинѣ и другихъ не упомянулъ Знакомый Человѣкъ) и затѣмъ говорилось: «Мы незнакомы лично съ гг. Чацкинымъ и Горвицемъ и не имѣемъ съ ними никакихъ отношеній. Но, проникнутые убѣжденіемъ въ высокомъ и нравственномъ призваніи литературы, мы считаемъ обя-

занностью самымъ положительнымъ образомъ протестовать противъ такихъ злоупотребленій печатнаго слова, изъ органа мысли и гласности низводящихъ его на степень презрѣннаго орудія личныхъ оскорбленій».

Протестъ появился въ 258 № Спб. Вѣд., 25 ноября, и потомъ въ 21 № Рус. Вѣст., въ значительно усовершенствованномъ видѣ; оба были подписаны многими лицами, составляющими гордость и украшеніе нашей литературы. До полученія 21-го № Руск. Вѣст. я все смѣялся надъ «жидовской исторіей», считая дѣло неважнымъ. Но прочитавъ великолѣпный протестъ, перепечатанный потомъ во многихъ журналахъ и газетахъ, я понялъ наконецъ всю великую важность событія, бросился отыскивать «Иллюстрацію», «Инвалида», статьи противъ «Знакомаго человѣка» въ другихъ журналахъ, — перечиталъ все это, выучилъ наизусть нѣсколько фразъ изъ статьи «Иллюстрація» и, почувствовавъ, что стою наконецъ въ уровень съ вѣкомъ, рѣшился сказать и свое слово объ «Иллюстраціи». Посылаю его къ вамъ, потому что вы не такъ много, какъ другіе, выказали азарта въ этомъ дѣлѣ, и слѣд. можете съ большимъ хладнокровіемъ выслушать мое мнѣніе, которое у насъ въ провинціи почти всѣ раздѣляютъ.

Слово мое невесело. Признаюсь, — я съ тяжелымъ чувствомъ пробѣгалъ длинный списокъ лицъ, протестующихъ противъ «Иллюстраціи», а въ ушахъ у меня почему-то раздавались въ это время стихи изъ «Бѣсовъ»:

Сколько ихъ, куда ихъ гонять?

Что такъ жалобно поютъ? и проч.

Зачѣмъ это, думалъ я, — русскіе ученые и литераторы ополчились въ крестовый походъ для доказательства того, что клевета гнусна?... Неужели они полагаютъ, что это еще предметъ неизвѣстный или спорный для русскаго общества? Но тогда остается имъ бросить занятіе наукой и литературой и уныло воззвать ко всѣмъ писателямъ: «братія! давайте плакать!»

Въ самомъ дѣлѣ—литература вѣдъ существуетъ для общества, служить выраженіемъ его понятій, дѣйствуетъ въ средѣ своихъ читателей. Поэтому вамъ бы не слѣдовало выпускать изъ виду, что въ средѣ, окружающей васъ, всегда есть извѣстный общій тонъ, опредѣляющій тѣ границы, въ которыхъ вы можете и должны держаться при вашихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Новый человѣкъ, являющийся въ чужую среду, тотчасъ поражаетъ странностью, нееловкостью, даже неприличіемъ, если онъ не умѣетъ съ разу попасть въ тонъ этой среды. Это происходитъ, разумѣется, оттого, что въ каждомъ кружкѣ людей есть такіа общія понятія и интересы, которые предполагаются уже всѣмъ извѣстными и о которыхъ потому не говорить. Странно бываетъ обществу образованныхъ людей, когда въ среду ихъ вторгается разскащикъ, неумбующій, напр., произнести ни одного собственного имени безъ нарицательнаго добавленія, и говорящій безпрестанно: городъ Парижъ, королевство Пруссія, фельдмаршалъ Ку-

тузовъ, гениальный Шекспиръ, рѣка Дунай, брюссельская газета *Le Nord* и т. п. Вы знаете, что всѣ его прибавки справедливы, вамъ нечего сказать противъ нихъ; но вы чувствуете почему-то, что лучше бы обоитись безъ нихъ. Тоже самое бываетъ и съ нравственными понятіями. Вамъ становится просто неловко и совѣстно въ присутствіи чело-вѣка, съ азартомъ разсуждающаго о негуманности людодѣства или о нечестности клеветы. Одно изъ двухъ: или *самъ разсуждающій* находится еще на той степени нравственнаго развитія, которая допускаетъ возможность разсужденій и споровъ о подобныхъ предметахъ, или онъ *васъ* считаетъ такъ мало развитыми, что полагаетъ нужнымъ внушить вамъ истинныя понятія о людодѣствѣ или клеветѣ. И то и другое предположеніе одинаково вызываютъ васъ на кислую гримасу, а въ послѣднемъ случаѣ вы можете даже обидѣться и сказать нраво-учителю: «милостивый государь! объясните мнѣ, чѣмъ я подалъ вамъ поводъ трактовать меня такимъ образомъ?»

Кажется, нѣтъ никакой надобности говорить, что «Литературный Протестъ» противъ «Иллюстраціи» не могъ быть вызванъ первымъ изъ обстоятельствъ, на которыя я указалъ, т. е. нравственной неразвѣтностью самихъ протестовавшихъ. Очевидно, что для нихъ не могъ быть спорнымъ вопросъ о томъ, гнусна или не гнусна клевета. Вслѣдствіе какихъ же побужденій они сочли нужнымъ объявить самымъ положительнымъ образомъ, что считаютъ клевету презрѣнною? Ясно, что это сдѣлано для публики. Здѣсь-то мы, читатели, и видимъ самую мрачную, самую печальную сторону протеста. Что же это, въ самомъ дѣлѣ, — неужели наше общество упало такъ низко, стало такъ развратно, дошло до такой шаткости въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ, что лучшие люди литературы должны наконецъ писать къ нему воззванія и руководящія статьи, имѣющія цѣлью доказать гнусность клеветы? Неужели такъ ужасно-безнравственны стали люди, что уцѣлѣвшая отъ всеобщаго развращенія горсть избранниковъ можетъ не краснѣя, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, догматическимъ тономъ величаваго авторитета, провозглашать всенародно, что признаетъ клевету гнусною, — и радоваться тому, что находитъ себѣ полсотни или полтысячи единомышленниковъ? Неужто до такой степени нравственнаго безобразія дошло наше общество и литература? Благородство духа познается въ томъ, что человѣкъ признаетъ гнусность клеветы! И онъ радъ, что стоитъ на такой высотѣ нравственности! Онъ спѣшитъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы повѣдать объ этомъ міру! Ужасно....

Но вы, господа *протестанты* смотрите на дѣло съ другой точки зрѣнія. «На литературѣ вездѣ и всегда *лежитъ обязанность* обличать бездоказательныя посягательства на честь и доброе имя», говоритъ петербургскій протестъ, съ утонченной учтивостью цивилизованнаго джентльмена. «Въ лицѣ гг. Чацкина и Горвица оскорблено все общество, вся русская литература. *Никакой честный человекъ не можетъ* оставаться равнодушнымъ при такомъ позорномъ поступкѣ, и *вся русская литература должна какъ одинъ человекъ съ методованіемъ* протестовать противъ

него». Такъ выражается протестъ московскій, тономъ нѣсколько грубоватымъ, но за то выражающимъ широту русской натуры. И вслѣдъ за предписаніемъ: *должно протестовать съ негодованіемъ* (вспомните прописи: *дѣти должны горячо любить родителей*), слѣдуетъ подпись: нижеподписавшіеся *съ негодованіемъ* протестуютъ, и пр. И такъ — вотъ въ чемъ дѣло: эти господа въ своемъ негодованіи просто исполняютъ долгъ свой, *обязанность*, лежащую на литературѣ. Признаемся, мы, простые смертные, темные провинціальныя читатели, — не совсѣмъ понимаемъ *негодованіе по обязанности* и даже осмѣливаемся думать, что никакіе законы въ мірѣ не могутъ налагать на человѣка обязанности въ извѣстныхъ случаяхъ негодовать, а въ другихъ приходить въ восторгъ или умиляться. О насъ вы можете сказать,

Что мы не вѣдаемъ святыни,

Что мы не любимъ ничего....

Но что ни говорите, а выраженіе: *«обязанность съ негодованіемъ дѣлать что нибудь»* ничего не возбуждаетъ въ насъ, кромѣ смѣха.

Но я постараюсь стать на вашу точку зрѣнія, постараюсь смотрѣть на дѣло, какъ *протестантъ*. Литература обявана обличать клевету.... т. е. по московскому — *клевету*, а по петербургскому — *«бездоказательное посланіе»*. Разница эта должна быть замѣчена: петербургскій протестъ говоритъ: «Мы не знаемъ лично гг. Чацкина и Горвица и не имѣемъ съ ними никакихъ отношеній»; значить, онъ не утверждаетъ, что взведенное на нихъ обвиненіе несправедливо, онъ предполагаетъ возможность правды въ словахъ «Иллюстраціи» и протестуетъ только противъ *бездоказательности* обвиненія. Московскій протестъ имѣетъ другой мотивъ; онъ говоритъ: «Иллюстрація» позволила себѣ не просто *бездоказательное обвиненіе*, а *клевету*, тѣмъ болѣе возмутительную и наглую, что не представлялось ни малѣйшаго повода къ ней». Московскій протестъ имѣетъ, очевидно, положительныя свѣдѣнія, которыхъ не имѣлъ петербургскій. Жаль, что онъ не подѣлился ими съ читателями; тогда бы дѣло обошлось проще. Но оставимъ это: дѣло не въ свѣдѣніяхъ, а въ обличеніи... Итакъ—литература обязана обличать клеветы. Съ этимъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, все являющееся въ печати и подлежащее гласности, должно находить въ литературѣ отзывъ и въ случаѣ нужды опроверженіе и обличеніе. Такъ точно поступки чиновника находятъ себѣ судъ прежде всего въ его сослуживцахъ, дѣянія офицера—въ однополчаныхъ, купца—на биржѣ, и т. д. Представимъ же, что я поймалъ моего товарища—чиновника въ то время, какъ онъ бралъ взятку; на мнѣ лежитъ обязанность обличить его передъ общимъ судомъ; но обязанъ ли я, рассказавъ его поступокъ, прибавлять: «Господа, я признаю это неблагороднымъ, съ негодованіемъ протестую противъ этого и думаю, что вы тоже должны съ негодованіемъ протестовать». Кажется, обязанность послѣдней прибавки никакой нравственный законъ на меня на-

ложить не может, а чувство деликатности предъ сослуживцами должно даже удерживать отъ нея. Вообще, — если я поймалъ вора, убійцу на улицѣ, обязанъ ли я, приведши его въ судъ, провозгласить, что считаю его поступокъ нехорошимъ? Сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ и никто этого не дѣлаетъ. При публичномъ производствѣ судебныхъ дѣлъ въ развитомъ нравственно обществѣ, отсюду сами являются къ суду свидѣтели и всѣ люди, имѣющіе чтонибудь сообщить по дѣлу. Но гдѣ же являются въ судъ люди съ криками: «Я протестую противъ преступленія, и отъ васъ требую тогоже! Я считаю его дурнымъ и неблагороднымъ поступкомъ и всѣ вы должны провозгласить, что со мной согласны». И вслѣдъ за тѣмъ раздаются вопли: и я тоже! И я тоже! И я тоже!..

Такимъ образомъ *обязанность обличенія* я не считаю исполненною въ протестѣ. Если уже рѣшились обратить серьезное вниманіе на глупо—наглую фразу и формально придать ей значеніе клеветы (чего вовсе не требовалось), то клевету слѣдовало опровергнуть представленіемъ положительныхъ доказательствъ правоты обвиняемыхъ. Но дѣло въ томъ, что публика вовсе и не думала принимать эту, дѣйствительно гнусную фразу серьезно. Мало того: — самъ г. редакторъ «Иллюстраціи», — хотя въ своемъ отвѣтѣ на письмо г. Чацкого и выказалъ замѣчательную скудость сообразительности, отвергая прямой и вполнѣ ясный смыслъ напечатанной имъ фразы, но тѣмъ не менѣе — *отъ намеренія оклеветать* гг. Чацкого и Горвица рѣшительно отказался. Оставалось, слѣдовательно, только *бездокладательное посланіе*. Но оно могло быть достаточно обличено предъ публикою простымъ указаніемъ на фразы «Иллюстраціи» и перепечаткою письма г. Чацкого или, еще лучше, только той части его, въ которой не говорится о судебномъ преслѣдованіи и кулачномъ правѣ. Вы въ «Современникѣ» почти такъ и сдѣлали: но вы ужъ и это сдѣлали напрасно: довольно было разъ гдѣ-нибудь замѣтить эту фразу; что же носиться — то съ ней, какъ съ какими-нибудь сокровищемъ? И во всякомъ случаѣ, кромѣ простаго указанія, для публики. ничего больше и не нужно было. Негодовать или радоваться слѣдовало, это она могла и сама понять, точно такъ, какъ судья, къ которому притащили вора съ личнымъ, поймавъ, что его не по головкѣ гладить слѣдуетъ. Бываютъ, правда, и такіе судьи, что воровъ по головкѣ гладятъ, да что ужъ это за судьи? Я бы къ такимъ и судиться и не пошелъ.

«Но мы это вовсе не для публики дѣлали, а для самаго дѣла», возражаете вы, господа *протестанты*. Отлично! Но къ кому же вы обращались-то, передъ кѣмъ протестовали? Ежели вы сдѣлаете хоть малѣйшій намекъ на то, что публику въ этомъ дѣлѣ отстраняете, то вы заставите насъ же, читателей, вспомнить эпиграмму Пушкина: «Обиженный журналами жестоко».... А намъ этого не хотѣлось бы.

Я впрочемъ убѣжденъ, что протестанты даже и не думали о томъ, чтобы хотя одинъ стихъ этой эпиграммы могъ быть къ нимъ

приложенъ. Если нѣкоторая примѣнимость и имѣть здѣсь мѣсто, то ужъ вѣрно вышло это не отъ умысла, а скорѣе отъ недогадливой опрометчивости протестовавшихъ. А въ душѣ своей они неповинны ни въ какихъ злоумышленіяхъ. Даже напротивъ — вотъ какъ они выражаются о своемъ протестѣ: «такой общій протестъ будетъ самымъ лучшимъ удовлетвореніемъ чести оскорбленныхъ лицъ и самымъ лучшимъ доказательствомъ здоровья той общественной среды, которая собственнымъ свободнымъ актомъ поражаетъ и отменяетъ всякое недостойное дѣло».

Не знаю, какъ вы лично на это смотрите; но отъ себя замѣчу (вовсе не для того, конечно, чтобы учить протестантовъ началамъ логики), что въ заключеніи немножко больше сказано, чѣмъ въ послыжкѣ. По логикѣ, если въ средѣ людей окажется одинъ человѣкъ, страдающій заразительной болѣзью, и всѣ его начнутъ съ воплями гнать отъ себя или сами съ шумомъ и крикомъ побѣгутъ отъ него, — то изъ этого нельзя вывести прямого заключенія о томъ, что вся эта, гнавшая или бѣжавшая, среда — здорова. Скорѣе даже можно вывести заключеніе противное: извѣстно, что больные бываютъ всегда раздражительнѣе и мнительнѣе здоровыхъ.

Это я, впрочемъ, мимоходомъ замѣтилъ; сиѣшу оговориться, чтобы не упрекнули меня, что я придираюсь къ словамъ и не умѣю понять метафоры (метафора же, на бѣду, вышла не совсѣмъ удачною). Стараюсь снова стать на протестантскую точку зрѣнія и перевести слова протеста на обыкновенный языкъ. По моему, они имѣютъ такой смыслъ: «Протестъ противъ «Иллюстраціи» долженъ показать, что литераторы сами умѣютъ беречь литературу и всегда готовы обличить, заклеить, опозорить того, кто изъ среды ихъ рѣшится на гнусный поступокъ. Все недостойное до такой степени имъ чуждо, что они не могутъ удержать своего негодованія при видѣ позорнаго поступка и изливаются стремительнымъ потокомъ протестовъ и обличеній». Если принять слова протеста въ такомъ смыслѣ, то слѣдуетъ заключить, что русская литература съ сего дня принимаетъ на себя высокую, хотя и тяжкую обязанность — на каждое безнравственное явленіе литературы отвѣчаться, что «это не хорошо». Трудъ похвальный, но весьма изнурительный, если на каждый разъ нужно будетъ тратить столько негодованія, сколько на этотъ разъ потрачено его противъ «Иллюстраціи». Кромѣ того — трудъ этотъ на практикѣ окажется совершенно неблагодарнымъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія формъ, подъ которыми можетъ укрываться подлость и злонамѣренность (и чѣмъ подлѣе, тѣмъ укрывается искусиѣ)... Насъ, публику, возмутила, напр., статейка, въ которой Ивановъ обвинялся, какъ тунеядецъ, даромъ бравшій пенсію за то, чего не умѣлъ сдѣлать; но теперешніе протестанты молчали. Насъ возмутила напр. выходка въ 239 № С.пб. Вѣдомостей противъ «Русской Бесѣды», какого-то г. Н. Н., который сдѣлалъ такую замѣтку: «помѣщая статью «Модный Чинов-

никъ», напрасно редакція Бесѣды боится, что враждебные ей журналы и газеты обвинять Бесѣду въ томъ, что она вступаетъ за взяточничество и за старыхъ подъячихъ... Съ какой это стати вздумалось «Бесѣдѣ» дѣлать такую неумѣстную и ничѣмъ не вызванную оговорку? развѣ по пословицѣ, что «на ворѣ и шапка горитъ!» (Спб. В. 1858 г. № 239, стр. 1401). Протестантовъ это не возмутило. Выходки разныхъ листковъ, называвшихъ надувалами и мошенниками издателей «Весельчака», выходки самого «Весельчака», купно съ «Сыномъ Отечества» никого не возмущали. Отчего же это? неужели такъ будетъ и впредь? Вы скажете, что то ужъ не литература, что на то не стоитъ обращать вниманія. Да позволите, однакожъ, вѣдь то и другое — равно *печатное слово*. Да и чѣмъ же какойнибудь «Знакомый Человѣкъ» лучше какогонибудь г. Нестерова, Львова, Ижицына, и т. п.?.. Можете сказать намъ словами московскаго протеста, что тамъ были «просто бездоказательныя обвиненія, прсто недостойныя намеки, которые могутъ вырваться въ жару спора у человѣка, увлеченнаго фанатизмомъ мнѣнія или невольнѣ развитаго въ нравственномъ отношеніи». Да вѣдь это значитъ, что вы ужъ гоняетесь за словами. Значитъ, по вашему не слѣдовало бы протестовать, и сдѣло измѣнилось бы, если бы «Иллюстрація» выразилась напр. такимъ образомъ: «наша статья вызвала, конечно, оппозицію сторонъ агентовъ г. Н., не жалѣющаго золота для своего прославленія... «Въ литературѣ, такую оппозицію представили два (безъ всякаго сомнѣнія въ высшей степени безкорыстные! еврейскіе литератора — гг. Чапкинъ и Горвицъ». Смыслъ остался бы тотъ же, но клеветы бы не было, а оставался бы только *недостойный намекъ*. Тоже бы слово, значитъ, да не такъ бы молвилъ. Весь этотъ шумъ, видите, поднялся изъ-за того, что человѣкъ не сумѣлъ выразиться, какъ слѣдуетъ, потому что такими «способностями Богъ его не награждалъ». *Usus practicus* протеста, стало быть, заключается въ слѣдующемъ: «умѣй воровать, да умѣй и концы хоронить».

Да что ужъ... если на то пошло, то я представляю сейчасъ такую вещь, которой и концы-то были въ рукахъ протестантовъ — и они всетаки промолчали.

Еще раньше, чѣмъ обвинять г. Чапкина и Горвица, «Знакомый Человѣкъ» обвинилъ въ подкупѣ какого-то французскаго фельетониста. Въ № 35 «Иллюстраціи», онъ написалъ, что Н. «такъ повелъ дѣло между парижскими журналистами, что въ одной газетѣ превознесли государственныя заслуги его» (Ил. 35, стр. 157). Можетъ быть, и тутъ былъ только недостойный намекъ; но г. Чапкинъ, самъ Чапкинъ! — потрудился растолковать его и, нисколько не возмущаясь безцеремоннымъ обращеніемъ «Знакомаго Человѣка» съ печатнымъ словомъ, напечаталъ въ отвѣтъ ему въ «Русскомъ Вѣстникѣ» слѣдующее: «Положимъ, что г. Н. дѣйствительно разбогатѣлъ нечестными путями и потомъ *сталъ покупать себя заслуженныя похвалы во французскихъ газетахъ*, — что же изъ этого можнъ вывести, и пр.. (Р. В. № 18, стр. 134). Послѣ этого, въ 47 № Иллюстраціи г. редакторъ ея подтвердилъ, что дѣйствительно французскій

фельетонистъ «былъ, вѣроятно, подкупленъ г. *Н.* для прославленія его имени во французской газетѣ» (Илл. № 47, стр. 351). Вотъ тутъ бы умѣстнѣе было воскликнуть: «мы не знаемъ французскаго фельетониста, но на литературѣ всегда лежитъ обязанность», и пр. А протестанты (тутъ ужъ васъ лично я не имѣю въ виду) даже въ протестѣ своемъ перепечатали (Р. В. № 21, стр. 132) изъ статьи г. Чацкина тѣ слова, въ которыхъ онъ повторяетъ недоказанное обвиненіе. И не подумайте, чтобы эти слова перепечатаны были съ цѣлью выставить новый позоръ «Знакомаго Человѣка»; вовсе нѣтъ, — и г. Чацкинъ и всѣ протестанты смотрятъ на это послѣднее обвиненіе совершенно спокойно, даже какъ будто не замѣчаютъ его... Что же это значитъ? Они взялись очищать русское печатное слово, отменяя все недостойное, и съ перваго же раза показываютъ такую слабость!..

Они думаютъ кажется, что и одного разу довольно. Казнимъ, дескать, «Иллюстрацію» въ примѣръ современникамъ и потомкамъ, другіе-то и побоятся. «Да послужить этотъ протестъ — манифестальнымъ тономъ говорить они, — примѣромъ и предостереженіемъ для будущаго и да оградить онъ навсегда нашу литературу отъ подобныхъ явленій». О, Боже мой! Зачѣмъ я долженъ разрушать пріятное заблужденіе людей, говорящихъ манифестальнымъ тономъ? Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю васъ, гг. протестанты, что протестъ вашъ не послужилъ... и не предостерегъ... и не оградилъ... Въ 47 № Иллюстраціи, 27 ноября, черезъ день послѣ появленія вашего перваго протеста, г. Вл. Зотовъ объявилъ, о что позорная фраза, на которую вы указываете, «относится не прямо къ г. Чацкину, а къ г. Горвицу и другимъ». Пишите новыи протестъ, господа, и постарайтесь, чтобы онъ былъ сильнѣе прежняго.... Правда, за г. Горвица вы ужъ протестовали, вступались за г. Чацкина; но теперь за *другихъ* — надо возстать. Повторите всенародно, что хотя вы *другихъ* и не знаете (ужъ конечно — не знаете), но что неуваженіе печатнаго слова признаете неблагороднымъ. — Непремѣнно, господа, протестуйте. Вѣдь никакой честный человѣкъ не можетъ «оставаться равнодушнымъ при такомъ позорномъ поступкѣ»; изливайте же скорѣе ваше негодованіе... Иначе г. Вл. Зотовъ съ «Знакомымъ Человѣкомъ» будутъ торжествовать и смѣяться надъ вами!

Но что я говорю «будутъ!» Они уже торжествуютъ, они уже смѣются. Между тѣмъ, какъ вы истощаете всѣ силы души своей на увѣреніе насъ, невѣждъ и дикарей, въ томъ, что клеветать гнусно; между тѣмъ какъ вы находите себѣ полтора ста единомышленниковъ, съ важностью повторившихъ ваше замѣчательное мнѣніе, — г. Вл. Зотовъ не дремлетъ: онъ торжественно объявляетъ, что вы всѣ подкуплены! Въ корреспонденціи 50-го № «Иллюстраціи», 18 декабря онъ напечаталъ:

«Г. Ф—у. Мы весьма благодарны вамъ за извѣстіе о происканъ въ Москвѣ и никогда не сомнѣвались въ томъ, что дѣло это

не совсѣмъ безкорыстно со стороны лицъ, толкующихъ единственно о *невещественной сторонѣ* вопроса. Всякій понимаетъ, что излишняя настойчивость дѣлается ребячествомъ или *имѣетъ свои выгоды* въ томъ, чтобы тлѣнуть дѣло, уже разъясненное».

Какъ вамъ нравится, господа протестанты, этотъ *постулокъ* г. Вл. Зотова? Неужели вы не повторите другъ за друга, съ вѣщающею силою, что «хотя вы другъ друга и не знаете, и не имѣете между собою никакихъ отношеній, но что честь печатнаго слова и пр... какъ извѣстно». Нѣтъ, господа, это будетъ ужъ непростительная слабость съ вашей стороны. Подумайте, что изъ 150 именъ, составляющихъ вашу фалангу, по крайней мѣрѣ 77 есть такихъ, о которыхъ мы, публика, ровно ничего не знаемъ, и которыя, слѣдовательно, нуждаются въ вашей защитѣ не менѣе гг. Чацкина и Горвица... А вѣдь г. Зотовъ всѣхъ по-важно обвиняетъ. Не боясь ни кулачнаго права, ни судебного процесса, ни публичнаго позора, онъ стоитъ на своемъ, и знать ничего не хочетъ. Даже таинственные незнакомцы, появившіеся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не пугаютъ его. Не говоря уже о гг. *Вольскомъ, Миталки-нѣ, Чарыковѣ, Савурскомъ, Подчаскомъ, Млодзевскомъ, Дзюбинѣ* и т. п., самъ князь *Шаликовъ*, самъ *О. Тимирязевъ*, самъ *Я. Ростовцевъ*, даже самъ *Я. Борзенковъ*, даже больше — самъ г. *Мантейфель* не устрашаютъ его. (*) Да что ужъ говорить о единицахъ! Даже двукратно и троекратно повторенные незнакомцы не производятъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ совершенно равнодушно смотритъ на то, что противъ него подписываются *Д. Хомяковъ, И. Хомяковъ, С. Хомяковъ* (отчего же тутъ нѣтъ *А. Хомякова?*), и даже сами гг. *Милеанты* (*В. Милеантъ* и *Е. Милеантъ*) едва ли произвели на него особенное впечатлѣніе. Видно, что у него кременный характеръ! Другаго бы, кажется, слеза прошибла.... Да, признаюсь, мнѣ самому было сначала трогательно,—во-первыхъ потому, что я видѣлъ все-таки великое *общее дѣло*, которымъ наши потомки поминать насъ будутъ; во-вторыхъ, мнѣ пріятно было замѣтить, что у насъ уже нѣкоторые понятія нравственныя выработались и установились до того, что въ принятіи ихъ сходятся люди всѣхъ партій и направлений,—г. *Кавелинъ* съ гг. *Никитой Крыловымъ, С. Шевыревымъ* и *В. Лешковымъ*, г. *Чернышевскій* съ *О. Буларинымъ* и г. *Н. Львовымъ*, и пр. и пр. Кромѣ того, мнѣ и вообще было пріятно узнать, что напр. гг. *Милеанты, В. Милеантъ* и *Е. Милеантъ*, — не одобряютъ клеветы, равно какъ и гг. *А. Арсеньевъ* и *И. Арсеньевъ, А. Наумовъ* и *Д. Наумовъ*. Мнѣ казалось, что со стороны напр. г. *О. Тимирязева, М. Рана, Э. Циммермана* и т. д. было очень благородно и отважно—выступить передъ публикою съ заявленіемъ своего негодованія противъ поступка «Иллюстраціи». Но г. В. Зотову, повидимому, вовсе нѣтъ нужды до того, что

(*) Всѣ означенныя фамиліи не вымышлены, но дѣйствительно находятся въ спискѣ лицъ, протестующихъ противъ «Иллюстраціи», въ «Русскомъ Вѣстникѣ»

о немъ думаютъ гг. Милеанты и самъ А. Мантейфель. Надо на него напустить кого нибудь пострашнѣе да побольше. А странное дѣло, въ самомъ дѣлѣ, — списокъ-то съ виду страшень и великъ; а какъ всмотрѣшься, такъ въ немъ ужасно многихъ изъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ не досчитаеться: все больше господами Милеантами наполненъ. Неужто же остальные-то одобряютъ г. Зотова и поступокъ «Иллюстраціи»? Отчего же они не заявили своего согласія? Или вопросъ надо иначе оборотить и спросить: по какимъ же наконецъ побужденіямъ *именно эти 150 человекъ* посмѣли обнародовать свое благородное мнѣніе о поступкѣ «Иллюстраціи»? Сама «Иллюстрація» говоритъ, что всѣ подкуплены, и это должно заставить васъ напустить на г. Зотова съ новой силой!.. Кличъ кликните, да откройте особый отдѣлъ во всѣхъ журналахъ для помѣщенія именъ, протестующихъ противъ «Иллюстраціи». Наберутся,—авось!.. А то вѣдь не хорошо, если вы ослабѣете, замочите и оставите поле битвы г. Зотову и «Знакомому Человѣку»: какъ разъ какой-нибудь насмѣшникъ (мало ли ихъ на свѣтѣ) вдругъ приложить къ вашимъ дѣяніямъ, совершеннымъ доселѣ,—слова Репетилова, помните, когда онъ говоритъ Чацкому между прочимъ:

Литературное есть дѣло....

Оно, вотъ видишь, не созрѣло....

Нельзя же вдругъ....

Передъ этими стихами есть еще нѣсколько такихъ, что я не видывалъ человѣка, который бы не покраснѣлъ, когда ихъ къ нему примѣнять.... А ихъ къ вамъ примѣнять навѣрное, если вы теперь отступитесь отъ своего дѣла: теперь ужъ надо доканчивать.

Ваше дѣло еще не додѣлано до сихъ поръ.

Но все-таки вы, разумѣется, поступили благородно: не имѣя силы казнить умныхъ и грамотныхъ господъ, искусныхъ на прикрытіе своихъ злостныхъ и бевсовѣстныхъ клеветъ, вы облегчили свое сердце, напавъ по крайней мѣрѣ на то, что вамъ по плечу, — на малограмотнаго, плохо владѣющаго слогами писака, который, желая уколоть противника, сказалъ больше, чѣмъ самъ, можетъ быть, хотѣлъ... И то хорошо и благородно!... Притомъ же вы защитили г. Чацкина. Онъ долженъ быть вамъ благодаренъ. Только—знаете ли что?—я вспоминаю, по поводу всего дѣла объ «Иллюстраціи», одну сцену изъ разсказа Тургенева «Чертапхановъ и Недопюскинъ». Помните, когда надъ Недопюскинымъ начинается глумиться какой-то нахалъ и среди общества, потѣшающагося смущеніемъ забитаго Недопюскина, раздается рѣзкій голосъ Чертапханова: «перестаньте, стыдно», и потомъ Чертапхановъ заставляетъ нахала извиниться предъ собою и предъ Недопюскинымъ.... Нѣтъ сомнѣнія, что Чертапхановъ поступилъ храбро и благородно.... Недопюскинъ долженъ былъ быть очень счастливъ, что нашелъ такого прекраснаго заступника.... Но, — не знаю, какъ вы, гг. протестующіе литераторы, — а я не завидую находкѣ Недопюскина,

я бы не желалъ быть на его мѣстѣ. Даже скажу больше — мнѣ было бы неловко поставить когонибудь въ положеніе Недопускина. — Недопускинъ всю свою жизнь былъ жертвою и шутомъ, его самолюбіе ни мало не оскорбилось заступничествомъ Чертапханова. Но встрѣчаясь въ обществѣ и литературѣ съ людьми, которыхъ я считаю равными себѣ, я едва ли рѣшусь принять на себя роль Чертапханова, — частію изъ деликатности предъ этими людьми, частію изъ уваженія къ самому обществу и литературѣ....

Впрочемъ, и то сказать, — я-то о чемъ растолковался? Самому доведись на вашемъ мѣстѣ быть, такъ вѣдь тоже бы подписалъ... Да и какъ же уклониться отъ такого дѣла, въ которомъ, по объявленію протестующихъ, всякій честный человѣкъ *долженъ* участвовать? Вѣдь это значитъ расходиться съ честными людьми... такъ зачѣмъ же съ честными людьми расходиться? Отчего имъ не сдѣлать угодное? Ничего, можно... Если бы меня хорошій человѣкъ сталъ допрашивать о вещахъ, всѣмъ извѣстныхъ, и увѣрять, что я *долженъ* отвѣтить, такъ отчего же и не отвѣтить?—Волжскій ли разбойникъ былъ Степка Разинъ?—Волжскій!—Золото дороже ли серебра?—Дороже! — Должно ли поощрять разбой на большихъ дорогахъ?—Не должно.—Гнусно ли поступила «Иллюстрація», оклеветавъ гг. Чацкина и Горвица?—Гнусно.—Слѣдуетъ ли желать, чтобы такихъ явленій въ русской литературѣ не было?—Слѣдуетъ.—Протестуете ли съ нами противъ поступка «Иллюстраціи»?—Протестую, самымъ положительнымъ образомъ протестую,—воскликнулъ бы я вдохновенно и подмахнулъ бы свою фамилію....

Ставши на такую точку зрѣнія, я дохожу до того, что даже вообще одобряю протестъ.

Но я все-таки чувствую, что мое легкомысленное обращеніе съ вопросомъ такой важности должно вызвать на меня бурю, отъ которой уже ничто не спасетъ. А вѣдь все отчего? Оттого, что я лишень способности представить себѣ стаканъ воды въ видѣ моря.... Ахъ Боже мой! Что только со мною будетъ? Что заговорять обо мнѣ гг. Милеанты? Г. Пиккулинъ что скажетъ?

Ахъ, Боже мой! Что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?...

Нижній Новгородъ.
30 дек. 1888 г.

Примите, милостивые государи, и пр.

Д. Сопротеловъ.

V.

ПРОЭКТЪ ПРОТЕСТА ПРОТИВЪ «МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ».

Пожѣлая дерзкое и ни мало не остроумное письмо г. Свиристелева, мы представляемъ на судъ публики только его личное мнѣніе; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что оно не дѣлаетъ чести уму и сердцу автора.

Въ доказательство же твердости и постоянства нашихъ убѣжденій относительно протестовъ, мы предлагаемъ всѣмъ, протестовавшимъ противъ «Иллюстраціи», протестовать на сей разъ противъ поступка «Московскихъ Вѣдомостей» съ г. Шевыревымъ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ 284 № «Спб. Вѣд.» 31-го декабря 1858 г. помѣщены были очень плохія вирши г. Шевырева «Учредителямъ Библіотеки въ городѣ Бѣлевѣ». Но дѣло не въ виршахъ, а въ томъ, что подъ ними была приписка г. Шевырева слѣдующаго содержанія:

«Декабря 27-го 1858 года назначено было открытіе публичной городской библіотеки въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской Губерніи, учреждаемой въ память В. А. Жуковскаго, какъ уроженца села Мишенскаго, которое лежитъ близъ Бѣлева, и проводшаго первые годы своей юности въ этомъ городѣ. *Желаю подать изъ Москвы отголосокъ такому прекрасному дѣлу гражданъ г. Бѣлева, я написалъ это стихотвореніе и посвятилъ его н. учредителямъ библіотеки.* Оно было отправлено 25-го декабря къ г. Коршу, редактору «Московскихъ Вѣдомостей», съ просьбою напечатать его въ субботнемъ номерѣ, который долженъ былъ выйти 27-го декабря, въ самый день открытія библіотеки. Г. Коршъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ, принявъ за правило не печатать никакихъ стиховъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», къ сожалѣнію никакъ не можетъ исполнить моего желанія. Такимъ образомъ мысль моя подать отголосокъ изъ Москвы Бѣлеву въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ въ самый день его совершенія и возбудить сочувствіе къ нему въ жителяхъ Москвы, — не могла быть исполнена.»

Въ интересѣ истины и добра литература должна пользоваться возможно-большою свободою при изъясненіи мыслей и чувствованій. «Чѣмъ полнѣе и безпрепятственнѣе гласность (повторимъ драгоценныя слова протеста), — тѣмъ лучше и для литературы и для жизни». Хорошо ли же поступили «Московскія Вѣдомости», не давши г. Шевыреву обнародовать его чувствованія въ самый день открытія библіотеки? Напечатанныя чрезъ три дня, вирши г. Шевырева не могли уже принести ему такого удовольствія, какое могли бы доставить, если бы появились въ самый день... И подъ какимъ пустымъ предлогомъ г. Коршъ отка-

залъ г. Шевыреву! «Моск. Вѣд.» не печатають стиховъ! Во-первыхъ, это не вѣрно: въ нихъ помѣщались стихотворенія гг. Бенедиктова, Вяземскаго, М. Дмитріева и даже въ недавнее время были напечатаны стихи Хераскова. Конечно, Херасковъ не чета г. Шевыреву; но тутъ главное не въ качествѣ стиховъ, а въ намѣреніи писавшаго. Вѣдь убогихъ принимаютъ же въ богадѣльню; отчего же бы и вирши г. Шевырева не принять въ газету? Да наконецъ, если бы ужъ и въ самомъ дѣлѣ ни одного стиха въ «Москов. Вѣдомостяхъ» не появлялось, такъ все же для г. Шевырева можно бы сдѣлать исключеніе, потому что стихи его хуже всякой прозы.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній очевидно, что поступокъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» противъ г. Шевырева подлежитъ протесту. Мы не знаемъ г. Шевырева и не имѣемъ съ нимъ никакихъ отношеній; но въ лицѣ его оскорблены права всѣхъ стихокропателей и слѣдовательно всѣхъ юношей. Никто изъ нихъ не можетъ оставаться равнодушнымъ при такомъ событіи и обязанъ почувствовать сильное негодование и протестовать противъ поступка «Московскихъ Вѣдомостей».

Всѣ протестующіе могутъ присылать свои имена и фамиліи къ дворнику того дома, въ которомъ живетъ таинственный любитель, издавшій драматическую пародію г. Аксакова «Олегъ подлѣ Константинополемъ» (см. Библиографію этой же книжки «Современника»).

VI.

Желая доказать на дѣлѣ нашъ образъ мыслей относительно стихокропателей, мы помѣщаемъ здѣсь, по просьбѣ автора, стихотворенія г. Конрада Лиліеншвагера, о которомъ наше мнѣніе извѣстно публикѣ.

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

1.

СОВРЕМЕННЫЙ ХОРЪ.

(Посвящается всѣмъ знающимъ дѣло.)

Слава намъ! Въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ.
И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
Все себя грязнимъ!
Слава намъ! Въ грѣхахъ сознанье
Мы творимъ смѣясь,
И слезами покаянья
Мы разводимъ грязь.
Гордо, весело и прямо
Всѣмъ мы говоримъ:

«Знаемъ мы, чѣмъ пахнетъ лма,
 Въ коей мы стоимъ....»
 Смѣло мы теперь смѣемся
 Сами надъ собой
 И безъ страха окунемся
 Въ грязь—хоть съ головой....

2.

ВСЕГДА И ВЕЗДѢ.

(Посв. гг. Надимову, Волкову, Фролову, Фотянскому и подобнымъ).

Я видѣлъ муху въ паутинѣ, —
 Паукъ несчастную сосалъ;
 И вспомнилъ я о господинѣ,
 Который съ бѣдныхъ взятки бралъ.
 Я видѣлъ червя на малинѣ, —
 Обвилъ онъ ягоду кругомъ;
 И вспомнилъ я о господинѣ,
 На взятки выстроившемъ домъ.
 Я видѣлъ ручеекъ въ долинѣ, —
 Вѣясь коварно, онъ журчалъ;
 И вспомнилъ я о господинѣ,
 Который криво судъ свершалъ.
 Я видѣлъ дѣву на картинѣ, —
 Совѣтъ нага она была;
 И вспомнилъ я о господинѣ,
 Что обиралъ истцовъ до тла.
 Я видѣлъ даму въ кринолинѣ, —
 Ей вѣтеръ платье подувалъ;
 И вспомнилъ я о господинѣ,
 Что подсудимыхъ надувалъ.
 Я видѣлъ Фридбергъ въ «Катаринѣ», —
 Дивился я ея ногамъ,
 И вспоминалъ о господинѣ,
 Дающемъ ложный ходъ дѣламъ.
 Въ салонѣ молодой графини
 Я слышалъ рѣчи про добро,
 И вспоминалъ о господинѣ,
 Что дѣломъ фальшить за сребро.
 Лягушку ль видѣлъ я въ трясинѣ,
 Въ театрѣ ль рядъ прелестныхъ лицъ,
 Шмеля ли зрѣлъ на георгинѣ,
 Или офицеровъ вокругъ дѣвицъ, —
 Вездѣ, въ столицѣ и въ пустынѣ,
 И на землѣ, и на водѣ, —
 Я вспоминалъ о господинѣ,
 Берущемъ взятки на судъ!...

3.

МЫСЛИ ПОМОЩНИКА ВИННАГО ОТКУПА.

Еще откупъ имѣетъ поборниковъ,
 Но могу на него я возстать;
 Генералъ Сидоръ Карповичъ Дворниковъ
 Самъ ужъ началъ его порицать.

Признаюсь, я давиенько, дѣйствительно,
 Злобу къ откупу въ сердцѣ питаю,
 Хоть доселѣ ни слова рѣшительно
 Никому про него не сказалъ.

Низко кланялся я цаловальникамъ
 И повѣреннымъ тонко я льстилъ,
 (Подражая ближайшимъ начальникамъ)
 Но теперь — генералъ разрѣшилъ.

Поощренье его генеральское
 Влило бодрость и силу въ меня:
 Откуповъ учрежденіе канальское
 Я клянусь среди ночи и дня.

Въ немъ для публики всей разореніе,
 Въ немъ великій ущербъ для казны,
 Въ немъ и нравовъ народныхъ растлѣніе,
 Въ немъ позоръ и погибель страны.

Поражать рѣчью дерзкой, открытою
 Буду я молодцовъ откупныхъ,
 Посмѣюсь я надъ кастой побитою,
 Зло старинное вылью на нихъ.

Говорить и браниться лживительно
 Поощрилъ меня самъ генералъ.
 Хоть все кажется мнѣ, что внушительно
 Вдругъ онъ скажетъ: «молчи, либералъ!»

Что жъ? Ему эти вещи извѣстнѣе:
 Намъ онъ можетъ всегда приказать.
 Коль наскучимъ ему нашей пѣсней,
 Долгъ его — приказать намъ молчать...

Конрадъ Лиліеншаттеръ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

VI.

Новый годъ. — Бульвары. — Маскирады въ оперѣ. — Бульварные театры. — *Etrepnez*. — Театральныя обзоры прошлаго года.

Праздники вездѣ праздники, — и въ чувашскіхъ деревняхъ, и въ столицахъ образованнаго міра. Вездѣ тѣже толпы на улицахъ, тотъ же шумъ и гамъ, тѣже нарядныя платья, тоже вино и пѣсни.

Такой толкотни на тротуарахъ, такого снованья экипажей по густой и липкой грязи макамамовъ, какъ въ праздникъ Рождества и въ первые три дня Нового-Года, я еще не видалъ и не слыхалъ въ Парижѣ. Холодъ, туманъ, дождь и слякоть не мѣшали народу кипѣть, какъ встревоженному муравейнику, и на широкихъ бульварахъ, и въ узкихъ улицахъ и переулкахъ.

Въ обыкновенную пору ѣзды здѣсь немного, и переходя черезъ улицу, вамъ нечего очень беречься, чтобы васъ не задавили. Но зато на праздникъ такія переправы сдѣлались рѣшительно невозможными. Парижане, такъ усердно странствующие пѣшномъ и только въ отдаленные концы отправляющіеся въ омнибусахъ съ такъ называемой корреспонденціей, на этотъ разъ забрали всѣ фіакры и поѣхали покупать подарки дѣтямъ и начальникамъ, женамъ и подругамъ жизни въ Латинскомъ кварталѣ.

Эти подарки — главная забота и главное удовольствіе всѣхъ и каждаго въ Парижѣ въ ту пору, какъ старый годъ смѣняется новымъ. Парижъ и безъ того похожъ на большой магазинъ; а тутъ совсѣмъ превращается въ громадный базаръ.

Прогулка по бульварамъ въ эти шумные дни напомнила мнѣ нашу суету на вербахъ. Разница только въ томъ, что лавчонки, лотки

и столы съ игрушками и пряниками занимають у насъ сотню саженей, а здѣсь тянутся на нѣсколько верстъ. На всемъ протяженіи отъ церкви Маделены, гдѣ начинается главная линія бульваровъ, до площади Бастиліи, на которой стоитъ іюльская колонна, съ обѣихъ сторонъ вы движетесь въ густой толпѣ между сіяющими зеркальными стеклами постоянныхъ магазиновъ и временными лавочками, тѣсно прижавшимися другъ къ другу и рассчитывающими на ваши сантимы, какъ магазины рассчитываютъ на ваши франки и банковые билеты. И это по обѣимъ сторонамъ улицы.

Тоже и на другихъ бульварахъ,—и старыхъ, и только-что устраиваемыхъ, едва обсаженныхъ деревьями и загороженныхъ лѣсами построекъ. Тоже на широкихъ улицахъ по ту и по эту сторону Сены, тоже на большихъ и малыхъ площадяхъ,—ездѣ, гдѣ только можно сколотить изъ досокъ шалашъ и разложить франковъ на десять товару, не рискуя быть опрокинутымъ omnibusомъ.

Достаточно взглянуть на любой планъ Парижа, чтобы видѣть, какую громадную дугу описываетъ линія бульваровъ, о которой я упомянулъ. Идя скоро, не останавливаясь передъ окнами магазиновъ, ея не пройдешь въ полтора часа. Но чтобы имѣть полное понятіе о парижской уличной жизни, слѣдуетъ пройти пѣшкомъ по всему этому протяженію. Нечего бояться устать: на каждомъ шагѣ можно отдохнуть или въ кофейной, или въ пирожной, или въ пивной лавкѣ, смотря по вкусу, и заплатить за этотъ отдыхъ не больше десяти су. Впрочемъ онъ можетъ стоить и всего два су, если сѣсть на улицѣ, на желѣзномъ стулѣ или креслѣ, которыми промышляетъ старушка съ кожаной сумкой черезъ плечо. Очень часто около этихъ стульевъ не видишь никого; но не успеешь сѣсть, какъ передъ вами явится, словно листъ передъ травой, ихъ владѣтельница съ словами: «Votre place, monsieur!» или: «Deux vous, monsieur!» Можно, пожалуй, и ничего не заплатить за отдыхъ: мѣстами стоятъ скамейки, за которыя не взымаются никакой платы, такъ же, какъ и за обозрѣніе внутренности маленькихъ пустыхъ столбиковъ, оклеенныхъ спаружи и внутри объявленіями и афишами. Эти столбики, съ голубыми шарами въ золотыхъ звѣздахъ на верхушкѣ, очень красивы издали и очень удобны для прохожихъ (Александръ Дюма въ своихъ запискахъ очень досадуетъ на отсутствіе такихъ столбиковъ въ Петербургѣ), но они наставлены ужъ черезъ-чуръ часто, и это вовсе не благоприятствуетъ чистотѣ воздуха на бульварахъ.

Чтобы перечислить всѣ удобства длинной прогулки отъ Маделены до іюльской колонны, слѣдуетъ сказать, что въ случаѣ дождя можно скрыться въ десяткахъ крытыхъ галлерей и пассажей и по ту и по эту сторону, и что въ каждой табачной лавчкѣ, которыя пздали

узнаются по красному фонарю подъ дверями, можно даромъ закурить сигару.

Не знаю, плѣнилъ ли я читателя всѣми этими удобствами и захочетъ ли онъ слѣдовать за мной вдоль по шумнымъ бульварамъ. Мы начнемъ наше странствіе отъ церкви Маделены.

Сѣрый, quasi-классическій Пароенонъ Маделены выдвигается угломъ на бульваръ, который и называется бульваромъ Маделены. Еслибъ не надпись на фронтонѣ, никто бы не подумалъ, что это церковь.

У Наполеона I, въ числѣ другихъ дикихъ мыслей, было намѣреніе сдѣлать изъ зданія Маделены какой-то храмъ побѣды, въ которомъ бы ежегодно, въ годовщину сраженій при Аустерлицѣ и при Іенѣ, давался военный концертъ, сказывалась рѣчь о необходимыхъ для война добродѣтеляхъ и читалось похвальное слово героямъ, положившимъ свой животъ на полѣ брани въ достопамятные дни Іены и Аустерлица. Между прочимъ въ указѣ объ этомъ назначеніи храма замѣчательно запрещеніе говорить въ рѣчахъ и похвальныхъ одахъ объ императорѣ.

Запрещенія этого можно было не дѣлать, потому что и самый храмъ при Наполеонѣ не былъ еще достроенъ. Онъ оставался недостроеннымъ до Людовика Филиппа, который счелъ болѣе сообразнымъ съ духомъ времени, вмѣсто военныхъ ораторовъ и поэтовъ во вкусѣ Тиртея, пустить подъ своды зданія витій въ черныхъ рисахъ; вмѣсто марціальной музыки, огласить его католическимъ органомъ, пожалуй съ аккомпаниментомъ скрипокъ, віолончелей и трубъ, но ужъ никакъ не барабановъ; вмѣсто статуй наполеоновскихъ маршаловъ, наставить въ нишахъ между коринтскими колоннами, частый рядъ которыхъ обходитъ всѣ четыре наружныя стороны зданія, воиновъ въ родѣ Карловъ Барромейскихъ, Маргаритъ Шотландскихъ и т. д. Оно и лучше, потому что наполеоновскихъ маршаловъ не хватило бы на тридцать-четыре ниши. Сообразно съ новымъ назначеніемъ первоначальнаго храма славы, подъ главнымъ портикомъ оказалось болѣе приличнымъ помѣстить барельефное изображеніе не Аустерлицкаго или Іенскаго сраженія, а картину страшнаго суда. На барельефахъ бронзовыхъ дверей тоже не видно киверовъ великой арміи: патриархи, изображенные тутъ, носятъ другаго покроя шапки.

Какъ всѣ монументальныя постройки, созданныя не народнымъ гениемъ, возникшія безъ внутренней потребности времени, Маделена не остановитъ на себѣ надолго вниманія. Она много придаетъ красоты Королевской улицѣ, которую заключаетъ своимъ перистилемъ, придаетъ красоту площади Согласія, виднѣясь вдали за Луксорскимъ обелискомъ, если смотрѣть съ берега Сены; но сама по себѣ Маделена представляется ничѣмъ пнымъ, какъ несвоевремен-

нымъ сколкомъ греческаго языческаго храма, не имѣющимъ за собою ни исторической давности, ни современнаго значенія. Люди, не бывавшіе въ Парижѣ, не даромъ смѣшиваютъ на картинахъ зданіе Маделены съ зданіемъ биржи, вокругъ котораго такая же классическая колоннада. Ужъ изъ одного этого сближенія понятно, что зданіе выстроилось случайно. При всѣхъ стараніяхъ, вы не придумаете иного назначенія зданію Notre Dame, какъ быть церковью: Маделена похожа на манежъ, на концертную залу, но ужъ никакъ не на церковь. Правда, ее не на то и назначали; но во всякомъ случаѣ какой смыслъ въ этой колоннадѣ? Солнце здѣсь не такъ горячо, чтобы стоило тратить милліоны на убѣжище отъ него. Порой приходится совать ноги въ каминъ, чтобы отогрѣться; гдѣ ужъ тутъ прохлаждаться на холодныхъ камняхъ?

Внутренность Маделены, со своими коринѣскими колоннами, круглыми куполами, скульптурными и живописными украшеніями, мраморомъ и позолотой, поражаетъ васъ только пестротой и смѣшеніемъ всѣхъ архитектурныхъ стилей, начиная съ греческаго и кончая вкусомъ Возрожденія. Всего неожиданнѣе тутъ эти круглые куполы, которыхъ никакъ не подозреваешь подъ трехъ-угольною кровлей. Только они и пропускаютъ свѣтъ въ эти глухія стѣны безъ оконъ, и въ церкви господствуетъ постоянный полумракъ; двѣ мраморныя группы, справа и слева отъ входа, изъ которыхъ одна—произведеніе Прады, не много отъ этого выигрываютъ.

На широкомъ тротуарѣ, окружающемъ рѣшетку Маделены, два раза въ недѣлю располагается подъ подвижными шатрами цвѣточный рынокъ. Камелии тутъ и пышнѣе и дешевле тѣхъ, которыя украшаютъ ложи въ театрахъ и щегольскія коляски и кабриолеты на Елисейскихъ поляхъ и въ Булонскомъ лѣсу.

Бульваръ Маделены не длиненъ и еще не такъ оживленъ, какъ дальнѣйшіе бульвары. Улицы, выходящія на него съ обѣихъ сторонъ, некрасивы, узки и ничѣмъ не замѣчательны; да и на самомъ бульварѣ не на что посмотреть.

Русскаго можетъ привлечь развѣ кабинетъ для чтенія, заведенный редакціею газеты «Le Nord». Вывѣска общаетъ вамъ и русскія книги, и русскіе журналы, и русскія газеты. Газеты, точно, получаютъ еще довольно аккуратно; но книги и журналы выписываются вѣроятно совершенно на русскій ладъ, *сѣ оказіей*, потому что теперь въ январѣ слѣдуетъ довольствоваться октябрьскими книжками журналовъ и конечно не раньше апрѣля придется прочесть январскій номеръ «Современника». Выборъ книгъ тоже не отличается современностью, и притомъ всѣ русскія книжныя богатства конторы

«Le Nord» могли бы уместиться въ одномъ небольшомъ мѣшкѣ букиниста съ толкучаго рынка.

За бульваромъ Маделены слѣдуетъ Boulevard des Capucins, названный такъ потому, что тутъ былъ когда-то монастырь. Онъ кончается справа широкой улицей Мира, которая ведетъ къ Вандомской площади и къ Вандомской колоннѣ. Эта гигантская мѣдная пушка, вылитая вѣрно не изъ одной тысячи обыкновенныхъ пушекъ, видна съ бульваровъ, какъ напоминовеніе, что время пороха еще не миновало. Названіе улицы звучитъ какъ-то иронически въ виду Вандомской колонны. Въ апрѣлѣ 1814 года, для встрѣчи союзниковъ, роялистамъ стоило не мало труда стащить съ вершины колонны статую Наполеона и водрузить тамъ бѣлое знамя. Но видно, долго еще истуканы будутъ здѣсь сниматься только для того, чтобы замѣняться новыми. Сначала Наполеонъ стоялъ на колоннѣ въ императорской мантии, потомъ поставили его въ его стереотипной одеждѣ, столько разъ воспѣтой:

«На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ».

Нѣсколько дальше, вы видите на углу улицы направо блестящій магазинъ серебряныхъ и золотыхъ издѣлій Кристофія; круглая башня дома, въ которомъ онъ помѣщается, съ балюстрадой и статуями, невольно обращаетъ на себя вниманія. Домъ носилъ до сихъ поръ историческое названіе. Это Ганноверскій Павильонъ, выстроенный герцогомъ Ришелье на добычу, доставшуюся ему отъ разграбленія Ганновера. Какихъ мерзостей разврата не совершалось въ этихъ стѣнахъ! Не думаю, чтобы особенно чины и пристойны были и публичные балы, которые давались въ Павильонѣ во время первой революціи.

Въ уголкѣ, образуемомъ выступомъ его башни, каждый день сидитъ безногая старуха и играетъ на скрипкѣ. Ни разу еще, проходя по Итальянскому бульвару, не видѣлъ я ея обычнаго мѣста пустымъ. Вечеромъ она зажигаетъ около себя свѣчку, окруженную красной бумагой, чтобы не гасилъ ея вѣтеръ; въ дождь развертываетъ надъ собой большой зонтикъ.

Отсюда начинается Итальянскій бульваръ съ рядомъ роскошныхъ магазиновъ и блестящихъ кафе и ресторановъ по обѣ стороны. Café Anglais, Тортони, Maison Dorée — все это названія, пзвѣстныя русскимъ читателямъ французскихъ романовъ такъ же хорошо, какъ и парижанамъ. Потомъ кафе Большаго Балкона въ какомъ-то пестровосточномъ вкусѣ и точно — съ балкономъ во весь домъ, по вечерамъ фантастически озареннымъ фонарями, café Cardinal, съ огромными,

вѣчно полными залами, съ цѣлой толпой гладко-причесанныхъ и на-
помаженныхъ гарсоновъ въ черныхъ курткахъ и бѣлыхъ галсту-
кахъ и фартукахъ, которые могли бы поспорить своей свѣжной бѣ-
лизной съ воротничками Павла Ивановича Чичикова.

Черный кофе и коньякъ, истребляемые въ Парижѣ на каждомъ
шагу въ большихъ и малыхъ кафе въ баснословномъ количествѣ,
могли бы переполнить ксѣ канавки, проходящія по обѣмъ сторо-
намъ каждой улицы. Поэтому неудивительно, что роскошнѣйшія
кафе, всѣ въ зеркалахъ и позолотѣ, существуютъ преимущественно
спросами кофе.

Зима со своимъ постояннымъ мелкимъ дождемъ и холодомъ за-
пираетъ двери и зажигаетъ каминны; но лѣтомъ всѣ кафе настезь; на
тротуарахъ являются три и четыре ряда стульевъ и круглыхъ сто-
ликовъ, и весь бульваръ превращается въ одно сплошное кафе. Со
всѣхъ сторонъ вы слышите рѣзкіе голоса гарсоновъ: «Versez!» и
отвѣтъ глухимъ басомъ изъ глубины кафе: «Me voilà!» Вслѣдъ за
отвѣтомъ являются кофейникъ въ ведро и молочникъ въ ведро, ко-
торые обходятъ столики и наполняютъ чашки кипящей, черной,
какъ деготь, жидкостью. Не успѣютъ они скрыться за дверью, опять:
«Versez!» и опять: «Me voilà!» Молочника, вѣроятно, достаетъ на
цѣлый день; но кофейникъ то и дѣло пустѣетъ.

Пиво, мороженое и пуншъ не могутъ оспорить первенства у кофе.
О чаѣ же здѣсь и не услышишь.

Особенно поражаютъ прїѣзжаго бульвары, если онъ увидитъ ихъ
въ первый разъ теплымъ осеннимъ вечеромъ. Эта гостиная на воз-
духъ, занимающая нѣсколько верстъ, шумная, пестрая, озаренная
милліонами огней, расшевелитъ хоть кого, и пока не приглядишься
къ ней, готовъ гулять тутъ до мозолей на ногахъ.

Зимой, взамѣнъ исчезнувшихъ съ тротуара столовъ и столиковъ,
оживляются такъ называемые кабинеты кафе и ресторановъ; но
оживленіе это прячется за толстыми занавѣсками и плотными дверя-
ми. Ужины вдвоемъ и вчетверомъ послѣ публичныхъ баловъ и
маскарадовъ совершаются таинственно.

Кафе Большаго Балкона, о которомъ я упомянулъ, прислоняется
заднею стороною своей къ зданію театра Комической Оперы, выходя-
щему на вѣ улицы: Мариво и Фаваръ. Идя отсюда дальше по буль-
варамъ, мы увидимъ большую часть парижскихъ театровъ.

Зданіе Комической Оперы снаружи тяжело и мрачно, вопреки сво-
ему веселому названію и легкимъ французскимъ мотивамъ, оглашаю-
щимъ его своды. Это—царство французской музыки, которую слу-
шаютъ съ такимъ недвѣріемъ ухо, воспиганное мелодіями Бетхо-
вена и Мендельсона. Кочуя изъ залы въ залу, пока не водворилась

тутъ, Комическая Опера, въ свое слишкомъ семидесятилѣтнее существованіе, поставила на сцену лучшія произведенія свѣтилъ французской музыки: «Иосифа» Мегюля, «Лодоиску» Керубини (италианца только по имени), «Калифа Багдадскаго», «Жана Парижскаго», «Двѣ Ночи» и «Бѣлую Даму»,—Бозльдьё. Последняя опера до сихъ поръ почти не сходитъ съ афишъ. Кромѣ того, въ комической оперѣ явились въ первый разъ десятки пьесъ Обера, Адольфа Адана и Галеви. Здѣсь же поставилъ Мейерберъ свою «Сѣверную Звѣзду».

Теперь на сценѣ комической оперы играютъ какихъ-то «Трехъ Николаевъ», твореніе нѣкоего Клапистона, тоже своего рода французской музыкальной извѣстности. Онъ сочинилъ немалое количество романсовъ и чуть ли не два десятка оперъ, которыхъ не знать вовсе не грѣхъ. На этомъ основаніи я до сихъ поръ еще не видалъ и новой его оперы. Воображаю, какая это прелесть, если ужъ и французскіе журналы, до безразличія снисходительные въ театральной критикѣ (вслѣдствіе очень щекотливыхъ для объясненія причинъ), говорятъ, что музыка «Трехъ Николаевъ» весьма посредственна. Это по всему вѣроятію значить — просто никуда не годится. Тѣмъ не менѣе, какъ всякая новость, она не можетъ на первыхъ порахъ не имѣть успѣха. Надо, чтобы побольше народу убѣдилось, что смотреть пьесы не стоитъ.

Въ оперѣ впрочемъ есть и кое-что замѣчательное,—собственно не въ самой оперѣ, а въ ея исполненіи. Въ ней дебютировалъ пѣвецъ Монтобри, о которомъ много кричатъ, котораго біографіи и портреты печатаютъ непрерывно мелкіе журнальцы въ родѣ *Gaulois*, *Tintamarte* и т. под. Если онъ дѣйствительно не ниже этихъ похвалъ, я еще буду имѣть случай поговорить о немъ, хотя, признаюсь, сомнѣваюсь. Французы слишкомъ легко восхищаются своими пѣвцами. Что касается журналовъ — это своего рода хлопальщики, клакёры, такіе же противные и безтолковые, какъ театральные.

Противнѣе же театральныхъ хлопальщиковъ трудно что нибудь вообразить. Это отравя всякаго спектакля, досада для зрителя и вредъ для актера. Каждый пошлый каламбуръ водевиля, каждая комическая выходка, каждая патетическая тирада драмы, каждая высокая нота пѣвца, каждый опасный прыжокъ танцовщицы должны сопровождаться рукоплесканіями этой унылой и оборванной братіи, занимающей заднія лавки партера. Всѣ мѣста, при которыхъ должно хлопать, назначены заранѣе. Каламбуръ можетъ быть перевернутъ комическая выходка оказаться достойною свистка, въ патетической тирадѣ актеръ можетъ фыркнуть со смѣху, увидавъ какую нибудь забавную сцену за кулисами, пѣвецъ на высокой нотѣ сфальшивить, танцовщица на опасномъ прыжкѣ поскользнуться, — нужды

нѣтъ! Хлопальщики приготовили ладони, и раздаются рукоплесканія, — оофициальныя, холодныя, точно нехотя. Въ зрителѣ поневолѣ закипаетъ жолчь; но еще досаднѣе ему, когда актеръ дѣйствительно стоитъ одобренія. Хлопальщики снимаютъ съ остальныхъ зрителей трудъ или удовольствіе похвалы, и зрители молчатъ. Актеру должно быть холодно отъ этого молчанія и отъ этихъ рукоплесканій. Публика для него какъ будто не существуетъ; этихъ минутъ, когда вся зала съверху до низу встрѣчаетъ актера радостнымъ трепетомъ и оглушительнымъ аплодисментомъ, онъ не знаетъ. Что значитъ здѣсь любимый актеръ? кто изъ этихъ «привилегированныхъ любимцевъ публики», какъ говорится въ театральныхъ фельетонахъ, можетъ сказать, что видѣлъ выраженіе любви къ нему публики? Ему хлопали клакёры, хлопали журналы. Не говоря уже о томъ, что этимъ средствомъ составляются часто незаслуженныя репутаціи, — сколько вреда людямъ съ талантомъ! Возможно ли какое нибудь развитіе при такомъ дикомъ порядкѣ? Ничто не можетъ приучить такъ къ рутинѣ, какъ это безтолковое хлопанье. Критики не существуютъ: актеръ заранѣе знаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ роли, какъ бы онъ ни сыгралъ, ему зааплодируютъ. Надо великую силу таланта и большую любовь къ искусству, чтобы совершенствоваться при такихъ условіяхъ. Нѣкоторые говорятъ, что парижская публика холодна, что, не будь хлопальщиковъ, актеръ игралъ бы при постоянномъ молчаніи зрителей и поневолѣ бы терялъ энергію. Этого мнѣнія нечего долго опровергать. Видѣ цѣль хлопальщиковъ — обмануть не актера, а публику. Можетъ быть публика еще попадалась когда нибудь на эту удочку, но ужъ актеръ навѣрное никогда. Теперь, разумѣется, и публику не обманешь. Спрашивается, что же могутъ произвести въ истинно талантливомъ актерѣ такіе аплодисменты, кромѣ непріятнаго чувства? Обвинять въ холодности парижскую публику нецѣльно: едва ли какая другая публика, кромѣ развѣ итальянской, способна на болѣе громкія выраженія одобренія и осужденія. Но какъ же станетъ она выражать свои чувства, зная, что въ извѣстномъ мѣстѣ театральной залы посажено нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые будутъ выказывать ея удовольствіе, когда она вовсе его не чувствуетъ? Хлопальщики стали какой-то враждебной силой между актеромъ и зрителемъ. И тотъ и другой понимаетъ это; а между тѣмъ вредная и презираемая каста продолжаетъ существовать. Не бывши въ Парижѣ, можно еще вѣрить, читая въ парижскихъ газетахъ, что такой-то актеръ въ такой-то роли вызвалъ единодушныя рукоплесканія всей залы. Здѣсь такимъ извѣстіемъ можно только улыбаться.

Отсутствіе хлопальщиковъ удвоило для меня удовольствіе въ маленькомъ театрѣ des Bouffes Parisiens, гдѣ чуть ли не въ сотнѣ

уже разъ дается забавнѣйшій фарсъ: «Орфей въ аду». Можетъ быть, хлоपालщиковъ не было только потому, что театръ слишкомъ малъ, и чуть не половина партера занята оркестромъ. Значить, имъ пришлось бы отдать остальную половину. Это было бы очень не разсчитливо, тѣмъ болѣе, что, не слыша несправедливыхъ заученныхъ аплодисментовъ изъ партера, публика и смѣется и хлопаетъ вдвое развязнѣе.

Театръ des Bouffes Parisiens помѣщается зимой въ пассажѣ Шуазель, которымъ оканчивается улица того же имени, выходящая на Итальянскій бульваръ. Лѣтомъ труппа переѣзжаетъ изъ своего душеаго помѣщенія въ пассажѣ на Елисейскія поля.

И театръ этотъ, и оперетка: «Орфей въ аду» — произведенія Жака Оффенбаха или Оффенбака, какъ произносятъ французы.

Оффенбахъ былъ сначала капельмейстеромъ французскаго театра и приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, какъ виолончелистъ и какъ авторъ музыки къ баснямъ Лафонтена. Но настоящая знаменитость его начинается съ 1855 года, когда онъ основалъ театръ des Bouffes Parisiens, исключительно посвященный музыкальнымъ фарсамъ. Почти всѣ пьесы, игранныя на этомъ театрѣ, были сочинены самимъ Оффенбахомъ и постоянно пользовались огромнымъ успѣхомъ безъ хлоपालщиковъ.

Я отъ души жалѣю, что не знаю ни одной изъ нихъ; будь они только въ половину такъ забавны, какъ «Орфей въ аду», ихъ посмотришь было бы очень пріятно.

Надо обладать неистощимой веселостью, чтобы создать пьесу въ четырехъ актахъ, не дающую зрителю ни на минуту отдохнуть отъ смѣха. Этотъ Орфей, играющій на скрипкѣ, порхающій голыми ногами на подобіе танцмейстера и дѣлающій невѣрности своей супругѣ; эта Эвридика, влюбленная въ пастуха Аристида, «фабриканта меду», играющаго на кларнетѣ и оказывающагося подъ конецъ перваго акта Вулканомъ; это Общественное мнѣніе, въ греческой туникѣ и съ голыми ногами, требующее, чтобы Орфей шелъ за Эвридикой въ преисподнюю, хотя Орфею пріятнѣе было бы оставаться на землѣ, играть на скрипкѣ и продолжать дѣлать невѣрности своей отсутствующей супругѣ; этотъ Юпитеръ съ улыбающимся лицомъ и съ брюшкомъ самого почтеннаго буржуа; этотъ длинный и тощій слуга Вулкана, Джонъ Стиксъ, бывшій принцъ Беотійскій, а теперь *consierge* въ аду, обязанный мести лѣстницы и комнаты Вулканова царства, — всѣ эти милѣйшіе и незлобивѣйшіе олимпійцы смѣшатъ васъ до упаду. Большаго смысла въ пародіи Оффенбаха нѣтъ; но ужъ и эта веселость чего нибудь да стоитъ. Глядя на волокитства Юпитера и Вулкана, отдыхаешь отъ тяжелаго впечатлѣнія здѣшнихъ

такъ называемыхъ серьёзныхъ пьесъ, изъ числа которыхъ продолжаетъ доставлять наиболѣе наслажденія парижской публикѣ «Романъ бѣднаго молодого человѣка» въ театрѣ Водевиля. Печальное положеніе бѣднаго беотійца Джона Стикса и его чувствительный куплетъ:

«Quand j'étais roi de Béotie....»

который онъ поетъ съ такою отчаянной икотой, гораздо болѣе дѣйствуютъ на сердце, нежели страданія бѣднаго старика въ должности управителя. А вѣдь въ сущности и принцъ Беотійскій, и бѣдный маркизъ одинаково служатъ игрушкой безжалостной судьбы.

Несправедливо было бы уйти изъ Bouffes Parisiens, не сказавъ, что актеры труппы, составленной Оффенбахомъ, почти всѣ отличные буффы, такъ же, какъ всѣ почти актрисы хорошенькія, съ небольшими, но свѣжими голосами, и что «Орфей» разыгрывается поразительно стройно.

Говорятъ, Оффенбахъ написалъ большую оперу, которая принята дирекціей Комической Оперы и будетъ скоро поставлена, вѣроятно взамѣнъ несчастныхъ «Трехъ Николаевъ». Въ музыкѣ Оффенбаха много свѣжести и веселости, но отъ тонкой и забавной пародіи до комической оперы разстояніе велико. Впрочемъ, какъ судить заранѣе? Въ Титмартѣ «Понча» трудно было угадать Тэккеря «Ярмарки тщеславія» и «Ньюкомовъ».

Воротимся на Итальянскій бульваръ.

Отъ Комической оперы не далеко и до Большой оперы: стоить перейти только на другую сторону бульвара. Зданіе Большой оперы, которое нѣсколько изыщнѣе зданія Комической оперы, хотя такъ же мрачно и грязно снаружи, тоже не на самомъ бульварѣ, но въ двухъ шагахъ отъ него. Вечеромъ вы увидите на обоихъ углахъ улицы Лепельтье по горящему треугольнику газа, которые ярко освѣщаютъ верховыхъ жандармовъ. Идите въ улицу и тотчасъ очутитесь у длиннаго крытаго крыльца Оперы, богатой преданіями, въ которыхъ живутъ имена Нурри, Дюпре, Вьядо, и бѣдной настоящей. Гемары и Роже, сколько ихъ ни хвали, не напоминаютъ славнаго прошедшаго парижской оперы.

По субботамъ, послѣ десяти часовъ, такіе же газовые треугольники, какъ у входа въ улицу, горятъ на шестахъ по обѣимъ ея сторонамъ на всемъ протяженіи подѣзда оперы. Суббота — маскарадный день, и крыльцо оперы и все празднично освѣщенное пространство улицы кипитъ послѣ десяти часовъ тѣмъ фантастическими костюмами, которые такъ извѣстны всѣмъ по рисункамъ Гавария и Кама. Пестрые арлекины, бѣлые пьерро, дебардеры, маски, набѣленные лица, наклеенные носы, шапки и чалмы, равняющіяся росту

человѣка, бѣгутъ, шумятъ и тѣснятся на тротуарахъ, на крыльцѣ, у дверей, за которыми гремитъ уже оркестръ Штрауса и горятъ подъ позолоченымъ куполомъ залы десятки тысячъ огней.

Зала Большой оперы самая обширная изъ всѣхъ парижскихъ театральныхъ залъ; но она вовсе не такъ громадна, какъ кажется парижанамъ. Она и уже, и короче, и гораздо ниже залы Большаго театра въ Петербургѣ. Фойе нельзя и сравнивать. Не даромъ помѣщеніе оперы считается въ теченіе сорока лѣтъ временнымъ, въ ожиданіи постройки новаго зданія, о которой пока только говорятъ. При нынѣшней маніи къ возведенію всякаго рода нужныхъ и ненужныхъ памятниковъ, можно впрочемъ надѣяться, что выстроятъ и новую Большую оперу. Нужно ли только это? Вѣроятно: нынѣшняя зала не вмѣщаетъ всѣхъ жаждущихъ удовольствій. Но если принять за мѣрку эту неутолимую жажду, надо покрыть сводомъ Марсово поле; развѣ тогда только въ маскарадахъ не будетъ тѣсно.

Цѣлую стѣну можно заклеить афишами, которыя возвѣщаютъ ежедневно балы и маскарады во всѣхъ углахъ Парижа. Такихъ баловъ каждый день можетъ быть больше ста, и ужъ никакъ не меньше пятидесяти. Балы для всѣхъ — для студентовъ, для офицеровъ, для солдатъ, для работниковъ; балы всѣхъ цѣнъ — отъ пяти франковъ до десяти су. И всѣ они набиты биткомъ. Женщинамъ всюду входъ бесплатный, кромѣ оперы, гдѣ онѣ впрочемъ платятъ очень немного. Рядомъ съ набѣленной наглою развратницей, въ эту душную и раздражающую атмосферу входитъ робкимъ шагомъ невинная дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтскихъ лѣтъ. Ее заманило сюда понятное въ эти года желаніе повеселиться; но веселье тутъ пьяное и безстыдное, и участвовать въ немъ нельзя, не утративъ сердечной чистоты. Скорѣе башмаковъ изнашиваются здѣсь сердца.

На этихъ балахъ понимаешь присутствіе сержантовъ, и готовъ благодарить ихъ, когда они останавливаютъ безстыдныхъ движеній танцующихъ. Кажется, безъ этихъ предостереженій, безъ этой полицейской грозы всѣ смѣшались бы въ такой грязной и возмутительной оргіи, что при ней краска бросилась бы въ лицо самому развратному римлянину временъ имперіи.

И какъ подумаешь, что всѣ классы общества охвачены этою лихорадкой безпутства, что она начинаетъ проникать и въ пародъ, такъ нѣчего удивляться, что народонаселеніе остановилось на одной цифрѣ. Не удивительно будетъ, если оно станетъ и уменьшаться. Эта пенсовая пляска, отъ которой дрожитъ по ночамъ Парижъ, — пляска смерти.

Изъ залы Большой оперы въ ночь съ субботы на воскресенье выходишь, какъ изъ дома сумасшедшихъ. Тяжко и страшно стано-

вится отъ этого дикаго бѣснованья, котораго уже не останавливаютъ да и не могли бы остановить полицейскіе и жандармы, даже еслибъ тутъ были не десятки ихъ, а сотни. Градъ картечи, разсыпавшись надъ этою обезумѣвшей толпой, кажется не вдругъ бы прекратилъ ея адскую кадрили.

Говорить про французскую веселость можно, видя, какъ отъ души смѣются всѣ въ маленькихъ театрахъ, когда играютъ забавные фарсы въ родѣ «Орфея»; но пляска въ оперѣ и на всѣхъ этихъ зимнихъ и лѣтнихъ балахъ, вызывающая столько восторженныхъ восклицаній о веселости Парижанъ у всѣхъ туристовъ, доказываетъ развѣ пустоту, безпутство и развратъ, но ужъ никакъ не отличаетъ веселости. Иначе, увидавъ наглые танцы въ какомъ нибудь *maison de tolérance* или услышавъ шумъ, крикъ и пѣсни въ кабацѣ, слѣдуетъ воскликнуть съ восторгомъ: «вотъ она гдѣ, настоящая—то веселость!» По крайней мѣрѣ на меня такое дѣйствіе производитъ эта Вальбургская ночь, называемая *Bal masqué, paré et travesti de l'Opera*.

Когда сквозь густую толпу черныхъ фраковъ и домно, въ которой только изрѣдка попадется розовое платье или испанская мантия, вы проберетесь узкимъ коридоромъ къ лѣстницѣ, спускающейся отъ среднихъ ложъ въ залу, первое, что поразитъ васъ внизу, это смѣшеніе краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. Съ перваго разу кажется, что во всей этой шумной толпѣ, беспорядочно движущейся въ залѣ, и нѣтъ другаго цвѣта платьевъ. Но на лѣстницѣ долго стоять нельзя; вамъ то и дѣло говорить полицейскіе и сзади, и съ боковъ: «спускайтесь! не стойте тутъ! дайте мѣсто!»

Вы сходите ступенекъ двадцать, и попадаете въ совершенный омутъ самаго пестраго народа: пьерро въ бѣлыхъ балахонахъ съ пуговицами въ кулакъ, дебардеровъ съ полураспахнутою грудью, испанцевъ съ огромными наклеяными усамп, закрученными какъ два шила, испанокъ съ открытымъ чуть не до пояса станомъ, гренадеровъ въ мѣховыхъ шапкахъ, въ которыя можно помѣстить дюжину грудныхъ ребятъ, турокъ въ чалмахъ съ мельничное колесо, фантастическихъ турчанокъ, швейцарокъ, наконецъ просто черныхъ фраковъ, надѣтыхъ какъ—то особенно залцхватски, черныхъ шляпъ на бекрень или на затылокъ, обыкновенныхъ женскихъ платьевъ въ родѣ бальныхъ, но безъ корсета и сваливающихся до пояса то съ одного плеча, то съ другаго. Вы то наталкиваетесь на толстую какъ печь пуанардку съ грудями въ родѣ двухъ арбузовъ, то боитесь, какъ бы вамъ не выткнулъ глаза картонный носъ вершка въ четыре съ бородавкой въ грецкій орѣхъ, то страхиваете съ себя муку, которою обсыпалъ васъ догвоязый пьерро, махая надъ вами своимъ широкимъ, какъ колокола, бѣлыми рукавами. Лица у мужчинъ и женщинъ

такъ набѣлены, наумянены и расписаны, что не съразу угадаешь, что они не въ маскахъ. Пьерро и арлекины кричатъ какъ куклы въ балаганахъ: женщины нагло хохочутъ; гренадеры и пспанцы басытъ; со всѣхъ сторонъ слышатся слова, которыхъ не найдешь ни въ одномъ лексиконѣ, такой же особенный языкъ, какъ у мошенниковъ и укасторжниковъ; подъ ухомъ у васъ раздастся или рѣзкій смѣхъ, какими дають о себѣ знать омнибусы, или отвратительный пискъ красного пузыря, изъ котораго потихоньку выходитъ воздухъ. Куда ни оборотитесь, вездѣ безстыдныя позы, объятія и поцалуй, не для объятій и поцалуевъ, не *an und für sich*, а для потѣхи зрителей. На голыхъ плечахъ женщинъ вы видите слѣды пальцевъ, отпечатки нафабрешныхъ усовъ и густо наумяненныхъ губъ. Всего двѣ кадрили было проплясано, а платья уже измяты, какъ будто ихъ носили цѣлую недѣлю; тамъ распустившаяся коса и свалившійся на бокъ и отшпиленный головной уборъ, тутъ рукавъ съ отпоровшимся кружевомъ, или оторванный подолъ. Чтò за атмосфера у этой толпы—нечего и говорить!...

Но вотъ Штраусъ махнулъ своей палочкой, и толпа загудѣла еще шумнѣе, точно стараясь заглушить этихъ полтора ста музыкантовъ. Мгновенно вся зала превратилась въ сотни кадрилией, между которыми вся разница только въ большемъ или меньшемъ безстыдствѣ. Ноги начинаютъ мелькать наравнѣ съ головами, платья сваливаются съ плечъ, распахиваются на груди, ногитурка въ широкихъ пестрыхъ шальварахъ или пьерро въ бѣлыхъ штанахъ встрѣчаются, подымаясь на воздухъ, съ женской ногой. Все вокругъ скачетъ и ломается съ пьянымъ ожесточеніемъ. Зрители во фракахъ, тѣснясь вокругъ той или другой кадрили, держатся постоянно въ оборонительномъ положеніи, чтобы неистовые танцоры не отдавили ногъ, не выбили локтями глазъ. Танцорамъ ни до чего нѣтъ дѣла: они кидаются впередъ и отлетаютъ назадъ, какъ дерущіеся козлы, и попадають пятками и руками и въ животъ, и въ грудь, и въ лицо зрителей. Иной изъ зрителей, потерявъ наконецъ долготерпѣніе, готовится къ серьезному отпору. Онъ выставляетъ впередъ кулаки и прицѣпывается каблукомъ сапога въ спину летящаго на него задомъ и ничего не подозревающаго плясуна. Толчокъ служить только новымъ раздраженіемъ танцору: онъ съ еще большимъ неистовствомъ кидается впередъ и съ еще большей силой мчитъ назадъ, такъ что отважный зритель пошатывается, при общемъ радостномъ гулѣ. Тѣмъ не менѣе онъ повторяетъ свой опытъ: и нападеніе, и отпоръ все усиливаются. Скорѣе, кажется, пробьешь спину плясуну, чѣмъ остановишь его.

И не одні ноги выдѣлываютъ неслыханныя штуки: лица въ та-

комъ же отчаянномъ движеніи. Мужчины впрочемъ только кривляются и строятъ смѣшныя и безобразныя гримасы; но женщины помогаютъ выраженіемъ лица мимикѣ ногъ и превосходятъ безстыдствомъ всякое вѣролютіе. Страстное вращеніе и закатываніе глазъ, томно полуоткрытыя губы, по которымъ проходятъ какіе-то судороги, раздувающіяся ноздри — все это повидимому должно служить комментариемъ вздрагивающимъ голымъ плечамъ и движеніямъ стана и ногъ, которымъ не приберешь названія.

Скажите однакожъ парижанину, что въ оперномъ маскарадѣ дѣвишья безстыдству и наглости, онъ — чуть не со вздохомъ скажетъ вамъ:

— То ли было! Теперь не узнаешь маскарадовъ. Нѣтъ уже той веселости....

И онъ готовъ повторить стихи Беранже:

«Ma gaité s'en est allée!
Sage ou fou, qui la rendra
A ma pauvre âme isolée,
Dieu l'en recompensera!»

Не дай Богъ этой веселости!

По мѣрѣ пляски лица разгораются, по щекамъ и по плечамъ катится потъ; каждый ударъ смычка, каждый плескъ литавръ, кажется, все больше и больше разжигаютъ этихъ кружащихся и ломающихся шамановъ и шаманокъ, и кадрили кончается какимъ-то оглушительнымъ воплемъ, стономъ, крикомъ, въ которомъ смѣшиваются всякіе голоса и всякіе звуки.

Антракты посвящены водкѣ и пиву въ почти подземельной кофейной, гдѣ ходитъ волнами табачный дымъ и совершаются сцены, описаніе которыхъ уже совсѣмъ неудобно для печати.

Но антракты недолги; опять гремѣтъ музыка, опять все съ дикимъ воемъ мѣшается въ залъ, и опять начинается та же дикая пляска.

Скоро становится тутъ почти невозможно дышать, и надо взобраться въ верхній кругъ ложъ, подъ самыя своды, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на залу и ѣхать домой. Откуда пестрая сумятица внизу показалась бы пляской куколъ, если бъ надъ нею не стояло такого стога и не поднималось порою такихъ буйныхъ криковъ. Въѣстъ съ этими криками все выше, все гуще поднимается надъ толпою горячій паръ, тысячи огней вверху горятъ словно звѣзды въ туманѣ, и поневолѣ кажется, что стоишь на Броккенѣ и присутствуешь при шабашѣ какихъ-то сказочныхъ призраковъ.

Мы однакожъ опять забыли о бульварахъ. Веротимся на нихъ,

чтобы пройти остающееся пространство до Іюльской колонны уже безъ такихъ длинныхъ остановокъ.

Итальянскій бульваръ оканчивается довольно широкимъ угломъ, съ котораго начинается бульваръ Монмартрскій. Отсюда характеръ толпы, снующей по тротуарамъ, нѣсколько измѣняется, и чѣмъ дальше подвигаетесь вы, тѣмъ болѣе замѣчаете блузъ и фуражекъ, взаимнѣ франтовскихъ пальто и блестящихъ черныхъ шляпъ, которыми кишитъ Итальянскій бульваръ.

Справа вы видите небольшое зданіе съ террасой и съ четырьмя колоннами надъ ней. Это театръ Разнообразія (Variétés), гдѣ прославился знаменитый Потье, о которомъ съ такимъ восторгомъ восклицалъ графъ Нулинъ:

«За то Потье, *le grand* Потье!»

Разнообразіе, взятое театромъ въ девизъ, заключается преимущественно въ возможно-частой перемѣнѣ декорацій въ длинныхъ фарсахъ, которые играютъ тутъ обыкновенно.

Пройдя бульвары Montmartre и Poissonière, ничѣмъ особенно не замѣчательные, и вступивъ на бульваръ Bonne Nouvelle, вы встрѣтите налѣво скромное зданіе театра Драматической Гимназіи, лучшаго изъ частныхъ парижскихъ театровъ, пальму первенства у котораго начинаетъ впрочемъ оспаривать въ послѣднее время театръ Водевилля. Гимназія — царство Скриба, которому дирекція платитъ 6000 франковъ пожизненнаго пенсіона съ тѣмъ, чтобы онъ не ставилъ своихъ драмъ, комедій и водевилей ни на какой другой частной сценѣ; кромѣ того онъ пользуется огромными авторскими правами.

Едва ли впрочемъ дирекція продолжаетъ быть счастлива, какъ прежде, въ лучшую пору сочинительства г. Скриба, его постояннымъ сотрудничествомъ. Рутина, которая составляла нѣкогда его исключительную принадлежность, сдѣлалась теперь всеобщимъ достояніемъ, и любой изъ мелкихъ драматическихъ писакъ сочинить драму, комедію, водевилъ нисколько не хуже и вѣроятно даже лучше Скриба. Имя это тоже утратило все свое значеніе для публики, и если публика шла недавно смотрѣть послѣднюю комедію Скриба: *les Trois Maupins*, то ужъ разумѣется, ее привлекали не авторитетъ плодовитаго писателя и не надежда увидать дѣйствительно замѣчательную пьесу, а толки объ отличной постановкѣ. Притомъ успѣхъ былъ ничтожный сравнительно съ какимъ нибудь «Бѣднымъ молодымъ человекомъ», съ какимъ нибудь «Фостомъ», не говоря уже о пьесахъ Ожье и Александра Дюма сына.

Театръ Гимназіи могъ бы составить длинный списокъ именъ, составившихъ себѣ знаменитость на его сценѣ. Г. и г-жа Алланъ, Вир-

жини, Дежазе, Буффэ, Брессанъ, Роза Шери—довольно ужъ и этихъ именъ; а сколько другихъ, менѣе громкихъ, но часто не менѣе замѣчательныхъ. Здѣсь же начала свое сценическое поприще Вольтинъ; здѣсь играла въ водевиляхъ Рашель, прежде чѣмъ угадала свое настоящее призваніе.

Изъ громаднѣхъ драматическихъ успѣховъ на сценѣ Гимназій въ послѣднее время нельзя забыть о комедіи Дюма сына: «le Demi-Monde», которая до сихъ поръ еще играетъ въ «экстраординарные» спектакли.

Немного дальше театра Гимназій, по той же лѣвой сторонѣ, въ концѣ бульвара Bonne Nouvelle, стоятъ колоссальныя ворота, построенныя некогда, какъ это значитъ изъ надписи на нихъ, Людовикъ XIV, или, пожалуй, съ точки зрѣнія этихъ воротъ, Великому. На барельефахъ изображены, разумѣется, разные трофеи, какъ и подобаетъ триумфальнымъ воротамъ, — это la Porte St-Denis.

Однихъ воротъ оказалось, вѣроятно, недостаточно для величія великаго Людовика, и въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей дальше по бульвару стоятъ другія, не многимъ отличающіяся отъ первыхъ. Это la porte St-Martin, по имени которыхъ названъ дальнѣйшій бульваръ.

Трудно вообразить чтонибудь болѣе не у мѣста, какъ эти двое воротъ на бульварѣ. Они стоятъ бокомъ и развѣ тогда, какъ бульвары не были еще центромъ Парижа, могли быть тутъ кстати, если только бываютъ гдѣнибудь кстати триумфальныя ворота.

Бульваръ между этими двумя воротами, называющійся Сен-Денискимъ, прорѣзаетъ линію новыхъ, наполеоновскихъ бульваровъ. Влѣво идетъ Страсбургскій бульваръ, упирающійся въ новое зданіе станціи Страсбургской желѣзной дороги, а вправо — Севастопольскій, на которомъ едва ли пока не больше ломки, чѣмъ построекъ.

У самыхъ почти Сен-Мартенскихъ воротъ стоитъ и театръ, носящій ихъ названіе. Отъ зданія его и внутри, и снаружи пахнетъ ветошью; стѣны какъ будто покосились, въ одномъ мѣстѣ осыпавшіяся, въ другомъ остались какъ были; ложи и галереи обвисли и кажется того и гляди подломятся надъ головой хлопальщиковъ, которые здѣсь особенно рьяны. Можетъ быть это и предубѣжденіе; но мнѣ кажется въ такомъ театрѣ только и прилично играть, что балаганныя произведенія въ родѣ «Фоста» или въ родѣ смѣшнѣйшаго эту дилкую мистерію возобновленнаго «Ричарда д'Арлингтона», драмы г. Александра Дюма отца. Составъ труппы вполне подстать этимъ пьесамъ: крикливыя женщины величественно выступающія и патетически декламирующіе мужчины; впрочемъ, чего же больше? развѣ музыка не помогаетъ актерамъ въ чувствительныхъ мѣстахъ? А еще

не давно на сценѣ Сен-Мартенскихъ Воротъ являлся одинъ изъ величайшихъ актеровъ нашего времени, Фредерикъ Леметръ. Умѣнье вести дѣла можетъ, однакожь, вознаградить за недостатокъ хорошихъ актеровъ. Это отлично доказываетъ проницательная дирекція. Гибель корабля, разрушеніе Геркулана, адъ со всѣми его ужасами и т. под. привлекають публику можетъ быть гораздо больше всякихъ великихъ актеровъ.

Отъ театра Сен-Мартенскихъ Воротъ идетъ почти непрерывный рядъ бульварныхъ театровъ, которые всѣ, за исключеніемъ Липрическаго театра, отличаются тѣмъ же балаганнымъ характеромъ, какъ и сцена, эксплуатируемая съ такимъ искусствомъ г. Маркомъ Фурнье.

Театръ de l'Ambigu comique, посвящающій себя преимущественно раздирательнымъ мелодрамамъ, конечно съ акомпаниментомъ оркестра при патетическихъ тирадахъ, заключаетъ собою Сен-Мартенскій бульваръ. Неуклюжее зданіе Ambigu, которое Собакевичъ могъ бы взять за образецъ для своего деревенскаго дома, обращено главнымъ фасадомъ на небольшую площадь съ огромнымъ фонтаномъ Chateau d'Eau. За фонтаномъ, въ глубинѣ площади, находится большое Парижское кафѣ, которое объявляетъ о себѣ обыкновенно, какъ объ одной изъ главныхъ достопримѣчательностей Парижа. Такая претензія основана на нѣсколькихъ тысячахъ (настоящей цифры не помню) газовыхъ рожковъ, которыми освѣщены залы, и на двадцати, если не больше, бильярдахъ.

Отъ площади Chateau d'Eau бульвары круто, почти подъ прямымъ угломъ поворачивають вправо. Вдали виднѣтся уже ихъ конецъ — Іюльская колонна съ позолоченной статуей на вершинѣ.

Маленькіе театры, между которыми Императорскій, бывший Олимпійскій циркъ, кажется громаднымъ дворцомъ, тѣснятся на лѣвой сторонѣ бульвара du Temple. Первый — Липрическій театръ. Узенькій, оригинальный фасадъ его, съ полукуполомъ надъ террасой, расписаннымъ фресками, печально сжать сосѣдними домами. Это тотъ самый театръ, что основалъ нѣкогда подъ именемъ «Историческаго» Александръ Дюма отецъ. Какъ обо всемъ, что затѣваетъ этотъ, все еще великій, по мнѣнію вѣжливыхъ журналистовъ, романистъ, о немъ накричали и нашумѣли страшно; но это не спасло театра отъ гибели. Предпріятіе лопнуло, и памятью Дюма осталось только маленькое «Кафѣ Мушкатеровъ» около основаннаго имъ театра. Еслибъ дѣло пошло и не помѣшала ему революція, Дюма вѣрно соперничалъ бы теперь съ Маркомъ Фурнье и не подумалъ бы ѣхать въ Россію, а тѣмъ болѣе издавать въ сотый разъ, подъ видомъ газеты, своего «Монте-Кристо», съ придачею путешествія отъ

Парижа до Астрахани. Вотъ какія великія бѣдствія бываютъ слѣдствіемъ революцій! И добро бы театръ погибъ безвозвратно; а то онъ, какъ на зло, въ другихъ рукахъ и съ другимъ назначеніемъ, приноситъ большіе барыши и каждый вечеръ полонъ. Новое названіе его — Лирическій, вмѣсто Историческаго, — показываетъ его спеціальность. Главнымъ успѣхомъ этой зимы была старая, но постоянно новая вещь — «Свадьба Фигаро» Моцарта. Она игралась (и играется до сихъ поръ) безукоризненно; другаго такого прелестнаго Шерюбена, какъ г-жа Міоланъ-Карвало, не найдешь.

За Лирическимъ театромъ слѣдуютъ почти рядомъ циркъ со своими военными драмами, барабаннымъ боемъ и пушечной и ружейной пальбой; театръ Веселости, самый старинный изъ бульварныхъ театровъ, вмѣсто всякихъ веселостей угощающій своихъ посѣтителей слезными драмами, въ которыхъ порокъ неизбѣжно наказывается, а добродѣтель торжествуетъ и награждается; театръ des Délassements Comiques, театръ des Folies Dramatiques, знаменитый «Робертъ Макеромъ», въ которомъ являлся тутъ Фредерикъ Леметръ, театры des Folies Nouvelles и des Funambules, гдѣ, кромѣ водевилей и оперетокъ, играютъ пантомимы и арлекинады съ Коломбиной и Пьерро. Можетъ быть я назвалъ всѣ эти театры не въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ; но, я думаю, особенной важности въ этомъ нѣтъ.

Бульваръ du Temple, именуемый также бульваромъ Преступленія (du Crime), потому что тутъ Фьески устроилъ свою неудавшуюся адскую машину, оканчивается Наполеоновскимъ циркомъ, круглымъ зданіемъ, въ которомъ скачутъ на лошадяхъ, качаются на канатахъ, ломаются, поднимаютъ гири, и проч.

Два слѣдующіе бульвара до Іюльской колонны (des Filles du Calvaire и Beaumarchais) замѣтно пустыютъ по мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь. Французовъ въ лайковыхъ перчаткахъ и дамъ въ кружевахъ и бархатѣ вы уже вовсе не встрѣчаете. Магазины рассчитываютъ на небогатыхъ потребителей: старая мебель, дешевыя книги съ иллюстраціями, baignées, олады съ яблоками, изготовляемыя въ открытыхъ лавочкахъ, вмѣсто русскихъ шарлотокъ, кафѣ съ характеромъ пивныхъ лавокъ, съ каштанами вмѣсто устрицъ.... Театръ Бомарше, стоящій вправо, смотритъ такъ же грустно, какъ и счетная книга его директора, гдѣ концы едва-едва сходятся съ концами.

А вотъ и Іюльская колонна! Она не изящна и не величественна сама по себѣ; но еслибъ ее поставили рядомъ съ Вандомскою, она потеряла бы еще на половину скромной своей цѣны. А между тѣмъ у нея великое историческое значеніе, какого нѣтъ и не будетъ

у колонны Наполеона, обвитой барельефами, изображающими кровавыя и безплодныя битвы. Воздвигая себѣ памятники и триумфальныя арки, герой 18 Брюмера не придумалъ ничего лучше для площади, на которой стояло грозное зданіе Бастиліи, какъ поставить тутъ колоссальнаго мѣднаго слона. Дикость этой идеи стоитъ намѣренія основать солдатскую академію, въ которой читались бы похвальныя рѣчи пушкамъ и штыкамъ. Какъ ни напрягай головы, не придумаешь, почему именно слонъ понадобился для Бастильской площади; а модель слона сдѣлали—таки и воздвигли уже для него пьедесталъ. Пьедесталъ этотъ остался, и на немъ поставили мѣдную колонну, хотя онъ со своими украшеніями изъ бѣлаго мрамора совсѣмъ къ ней не присталъ и годился бы развѣ только именно для какого нибудь слона. Еще больше портить колонну стоящая на вершинѣ ея статуя. Эта фигура на одной ногѣ напоминаетъ скорѣе канатнаго плясуна, чѣмъ генія свободы, котораго хотѣли изобразить. Снизу не скоро размотришь, что у него въ одной рукѣ цѣпи, а въ другой факелъ; да если и размотришь, пожалуй подумаешь, что цѣпи эти онъ не снялъ съ кого нибудь, а хочетъ кому нибудь надѣть, а факеломъ будетъ не свѣтить, а жечь.

Странное дѣло! отчего столько стараній прикладывалось къ возведенію «достойныхъ» памятниковъ генію Людовиковъ, генію Наполеоновъ, и кой—какъ поставился безобразный памятникъ генію свободы? Или такой памятникъ еще анахронизмъ во Франціи? Разрушивши Бастилію, скоро забыли, что она существовала; дождались 18 Брюмера и стали строить исполинскую пушку на Вандомской площади. Пушка вышла такъ красива, императоръ на ней стоитъ такъ картинно, Беранже воспѣвалъ его такъ чувствительно, что можно было забыть о 18 Брюмерѣ, и не только забыть, но даже позволить повторить его 2 декабря. Ужъ не иронія ли эти цѣпи и факелъ въ рукахъ генія свободы на одной ногѣ, безъ твердой точки опоры?

Длинное странствіе наше кончено. Но мы прошли по бульварамъ, глядя только на то, что составляетъ постоянную ихъ принадлежность; а между тѣмъ насъ интересовали не самые бульвары, а праздничная жизнь, которая кипѣла на нихъ въ первые дни новаго года. Но надо же было сказать, что дѣйствіе происходитъ тамъ—то и сцену представляетъ то—то и то—то.

Не бывавши двухъ дней на бульварахъ, можно было не узнать и постоянныхъ магазиновъ: всѣ они превратились въ выставки подарковъ, одинъ другаго лучше, одинъ другаго пышнѣе, одинъ другаго дороже. У большей части двери настежь; входите прямо, гуляйте по этимъ сіяющимъ заламъ, любуйтесь этой роскошью и пожалуй хотя не покупайте ничего. На этотъ разъ ни одинъ изъ сотни прикащи—

ковъ не подойдетъ къ вамъ и не спроситъ, что вамъ угодно. Но расчетъ очень вѣренъ: трудно пройти по этой разнообразной выставкѣ и не найти себѣ чего нибудь по вкусу. Тутъ есть чѣмъ удовлетвориться этому самому, жадному, какъ говоритъ Бальзакъ, и самому избалованному органу изъ всѣхъ, какіе развились у человѣка со времени римскаго общества, органу, не знающему границъ своимъ требованіямъ, — глазу парижанъ. Чтобы дать понятіе о роскоши, которая поражаетъ васъ тутъ на каждомъ шагу, довольно сказать, что между коробками для конфетъ есть стоящія больше тысячи франковъ. И всѣ магазины полны народомъ, особенно кондитерскія. Тамъ не успѣваютъ заготавливать товару: конфетъ въ лучшихъ кондитерскихъ продается на двадцать пять, на тридцать тысячъ франковъ въ день. Покупателямъ приходится *дѣлать*, какъ говорится здѣсь, *хвостъ*, то есть идти по очереди, гуськомъ, къ прилавку. Книжныя лавки, въ обыкновенную пору столь же скромныя, какъ кондитерскія, въ эти дни горятъ золотомъ переплетовъ и также полны покупателями. Всѣ книги въ бумажныхъ оберткахъ исчезаютъ съ оконъ и изъ шкаповъ и взамѣнъ ихъ являются книги въ великолѣпнѣйшихъ переплетахъ. О магазинахъ игрушекъ и куколъ — нечего и говорить.

Но всѣ эти богатства разложены для богатыхъ; бѣдному можно только посмотреть на нихъ да позавидовать тѣмъ, у кого много денегъ. Но бѣдный тоже не забытъ: для него тоже построились на тротуарѣ всѣ эти безчисленныя лавочки, наскоро сколоченныя изъ досокъ и митомъ оклеенныя объявленіями, эти столы на колесахъ, эти бѣлые и полотняные холщевые навѣсы. Въ то время, какъ большіе магазины хотятъ, кажется, перещеголять другъ друга дороговизной, здѣсь дешевизна доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Надъ многими лавочками вы видите крупную надпись: «мое дѣло просто: по пяти су штука — на выборъ!!!» Купецъ вдобавокъ не вполнѣ полагается на убѣдительность своей вывѣски и кричитъ изъ-за прилавка прохожимъ: «Пожалуйте, господа и госпожи! До сихъ поръ нигдѣ невиданная и неслыханная дешевизна — по пяти су каждый предметъ, на выборъ!» Такіе крики раздаются на каждомъ шагу, но у нихъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ у льстивыхъ, утончено нѣжныхъ приглашеній, обращаемыхъ къ прохожимъ у насъ въ Апраксиномъ дворѣ, на толкучемъ или на вербахъ. Въ здѣшнихъ крикунахъ есть что-то трагическое. Каждый надсажаетъ себѣ грудь и горло до хрипоты, каждый выразительно размахиваетъ руками, у каждого глаза горятъ, у каждого какъ будто написано на лицѣ: «животъ свой положу, а продамъ!» И послушайте, какая убѣдительность въ словахъ! У него всего одна вещь въ рукахъ — мѣдные дѣтскіе часы съ цѣпочкой, игрушка какая нибудь; лавки у него нѣтъ, и онъ не прежде вы-

неть изъ кармана или принесеть откуда нибудь по сосѣдству другую вещь, какъ когда продать первую. За то все краснорѣчіе его употреблено на выхваленіе этихъ мѣдныхъ часовъ, этой игрушки. Онъ рассказываетъ ихъ исторію, объясняетъ ихъ устройство, показывая вещь со всѣхъ сторонъ, извѣтельно насмѣхается при этомъ надъ большими магазинами, которые продаютъ всякую вещь въ три-дорога, тогда какъ онъ отдаетъ даромъ... «Даромъ!» кричитъ онъ съ такимъ ожесточеніемъ, что къ толпѣ слушателей, обступающей его, присоединяется все больше и больше народу. «Даромъ!» продолжаетъ онъ: «двадцать сантимовъ—развѣ это не даромъ? пять су—развѣ это не даромъ? Наконецъ—я не беру за вещь даже и пяти су, и отдаю ее безъ денегъ,—только докажите мнѣ, что гдѣ нибудь въ магазинѣ можно имѣть такую вещь за двадцать пять сантимовъ!» И опять, какъ извѣстная пѣсня про журавля или сказка про бѣлаго быка, начинается съ-изнова восторженная рекомендація продаваемой вещи. Одна толпа расходится, другая собирается. Съ продавца градомъ льется потъ; онъ сбрасываетъ наконецъ съ себя шапку, и въ картинной позѣ, съ краснымъ лицомъ, съ всклооченными волосами и съ охрипшимъ голосомъ годился бы какъ нельзя болѣе въ патетическую сцену какой нибудь бульварной мелодрамы. Дальше, съ такимъ же пафосомъ и съ такимъ же краснорѣчіемъ, уличный художникъ предлагаетъ прохожимъ снять въ пять минутъ за три су сходный, какъ двѣ капли воды, портретъ. Вокругъ него еще гуще толпа. Изъ нея выдвигается красивый малый въ синей блузѣ поверхъ сюртука и объявляетъ желаніе имѣть свой портретъ, разумѣется, чтобы поднести его въ качествѣ *étrennes* своей Дульцинеѣ. «Черный или бѣлый?» спрашиваетъ художникъ. «Черный стоитъ три су, бѣлый шесть.»—Парень рѣшается разориться по случаю великаго праздника на шесть су. Художникъ ставитъ его въ должную позу, вооружается маленькими ножницами и клочкомъ черной бумаги, и въ пять минутъ точно готовъ портретъ, столько же похожій на оригиналъ, какъ и на Наполеона. Художникъ накладываетъ свою вырѣзку на листокъ бѣлой бумаги, начинаетъ размахивать ею передъ толпой, и парень, положившій уже деньги на столъ, ждетъ не дождется, когда кончитъ художникъ свою рѣчь, которая оказывается длиннѣе, чѣмъ самое снimanье портрета. «Взгляните, господа и госпожи!»—возглашаетъ художникъ,—«Взгляните на поразительное сходство! Вотъ подлинникъ, вотъ портреты! Призываю всѣхъ въ свидѣтели невѣроятнаго сходства, быстроты работы и неслыханной дешевой цѣны. Три су. Черный портретъ, шесть бѣлый. Три су портреты! три су портреты! Оригиналъ передъ вами. Достаточно сравнить, чтобы убѣдиться...» и т. и т. д. И черезъ каждые пять словъ: «Три су портреты! Три су пор-

треть поразительного сходства!» На каждыхъ десяти шагахъ такія же толпы—или около другаго художника, склеивающаго битую посуду и читающаго одушевленную лекцію объ этомъ предметѣ, или около продавца карандашей, въ обшитой позументомъ мантии и въ шляпѣ какъ у нашихъ пожарныхъ, развѣзжающаго въ колесницѣ, запряженной осломъ.

Въ лавкахъ чего хочешь, того просишь, и изъ каждой кричитъ пронзительный голосъ о неслыханной дешевизнѣ. Дѣти засматриваются не столько на окна магазиновъ, убранныя дорогими вещами, сколько на эти дешевыя предести: на куколъ съ румяными щеками, на арлекиновъ съ веревочкой между ногъ, играющихъ на скрипкѣ, на игрушечныхъ барановъ, коней, на мячики, на кубари, на кухонные приборы, на кукольную мебель, на хлопущи, на кегли, на всякаго рода музыкальные инструменты, способные оглушить самыхъ долготерпѣливыхъ родителей, на лошадей, качающихъ головами, на кораблики, на барабаны, на коляски, и мало ли на что еще. А сласти! Едва ли еще не привлекательнѣе всѣхъ этихъ игрушекъ лотереи и фортуны съ пряниками, леденцами и дешевыми конфетами. Что ни шагъ,—груды коврижекъ, обсахаренныхъ плодовъ, апельсиновъ. Вотъ выставка пирожковъ и оладьевъ, вотъ воздушная кухня, гдѣ пекутся блины и вафли, вотъ баба съ жестяной, такъ заманчиво постукивающая ею и такъ сладко приглашающая «вкусить удовольствій». Удовольствіями, т. е. *plaisirs*, называются сладкія трубочки.

Густыя толпы кишатъ на бульварахъ съ ранняго утра и до поздняго вечера, и едва ли найдется въ Парижѣ хоть одинъ человѣкъ, который не получилъ бы подарка въ эти дни. По вечерамъ, когда въ каждой лавочкѣ зажигаются свѣчи и фонарики, — у бульварнаго базара особенно веселый и оживленный видъ.

За нѣсколько дней до 1 января начались на театрахъ обычныя обозрѣнія прошлаго года, и продолжаютъ до сихъ поръ. Главную роль играютъ вездѣ: Китай съ глупыми и безобразными мандаринами и хорошенкими женщинами, которыхъ увлекаютъ французскіе матросы своей красотой и ловкостью; подводный телеграфъ, на которомъ качаются рыбы всего океана, и наконецъ комета. Это всемирныя событія, затѣмъ слѣдуютъ чисто парижскіе: прокладыванье бульваровъ, ссора булочниковъ съ пирожниками, манія къ ленточкамъ въ петлицѣ, къ титуламъ и къ частичкѣ *de*, и т. д. и т. д.

Въ одной пьесѣ является даже русскій *prince Balagovine*, чтобы пропѣть куплетъ объ эманципаціи крестьянъ.

24 января 1859 г.

М. МИХАЙЛОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ КНИГИ. ЯНВАРЬ 1859.

Разныя Сочиненія С. Аксакова. Москва. 1858.

Новая книга С. Т. Аксакова никакъ не можетъ вызвать серьезныхъ критикъ, подобныхъ тѣмъ, какимъ подвергались его «Семейная Хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова». Изданныя нынѣ «Разныя Сочиненія» имѣютъ въ себѣ одно свойство, которое должно заставить критику, — каковъ бы ни былъ ея смыслъ — принять совершенно не тотъ характеръ, что прежде. Рецензентъ при своемъ разборѣ всегда имѣетъ въ виду, будетъ ли публика читать разбираемую книгу, или нѣтъ. Если будетъ, — то критика, предполагая содержаніе извѣстнымъ, старается разъяснить его смыслъ, прослѣдить развитіе идей автора, высказать свое мнѣніе о предметахъ, выводимыхъ авторомъ, и о способѣ ихъ изображенія. Такъ и поступала критика наша съ произведеніями г. Аксакова, изданными въ послѣдніе годы. Но если многія соображенія приводятъ критика къ убѣжденію, что публика не будетъ, да и не должна читать книги, то и разборъ, очевидно, долженъ имѣть другой смыслъ: онъ долженъ только дать понятіе о книгѣ, чтобы избавить любителей чтенія отъ напрасной траты времени. Именно такого рода разборъ мы считаемъ приличнымъ для «Разныхъ Сочиненій» г. Аксакова.

Но предварительно, изъ уваженія къ таланту и литературному авторитету почтеннаго автора, скажемъ, почему мы полагаемъ, что его новая книга не будетъ читаться. Мы знаемъ, что онъ возбудилъ

интересъ въ нѣкоторой части публики своими записками объ уженьи рыбы и о ружейной охотѣ. По поводу этихъ книгъ замѣчено было, что г. Аксаковъ пишетъ очень хорошимъ слогомъ, съ теплымъ чувствомъ описываетъ красоты природы и имѣетъ большія познанія относительно разныхъ породъ рыбъ и птицъ. Съ такою репутаціей оставался С. Т. Аксаковъ до 1856 г., когда издалъ «Семейную Хронику». Отрывки изъ «Хроники» и «Воспоминаній» печатались еще прежде въ разныхъ журналахъ и возбуждали въ публикѣ большія ожиданія. Изданіе «Хроники» встрѣчено было съ такимъ восторгомъ, какого, говорятъ, не бывало со времени появленія «Мертвыхъ Душъ». Всѣ журналы наполнились статьями о С. Т. Аксаковѣ. Не всѣ критики выказали одинаковую проникательность въ опредѣленіи достоинствъ «Семейной Хроники»; но всѣ одинаково напомнили намъ тѣ времена, въ которыя существовали у насъ *россійскіе Пиндары, Мольеры и Волтеры*. Одни изъ критиковъ увѣряли, что С. Т. Аксаковъ по спокойствію и ясности своего міросозерцанія есть не что иное, какъ новый Гомеръ; другіе утверждали, что по удивительному искусству въ развитіи характеровъ, онъ скорѣе всего есть русскій Шекспиръ; третьи, гораздо умѣреннѣе, говорили, что С. Т. Аксаковъ есть не болѣе, какъ нашъ Вальтеръ Скоттъ. Ниже Вальтеръ Скотта впрочемъ ни одинъ изъ критиковъ не спускался. Не знаемъ, читала ли публика всѣ критики на С. Т. Аксакова и вѣрила ли имъ, если читала; но достовѣрно то, что «Семейная Хроника» вскорѣ вышла вторымъ изданіемъ, значить — читалась. Успѣху ея, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ изложенія, много содѣйствовало и то обстоятельство, которое помогло успѣху «Старыхъ годовъ» г. Мельникова, «Прошлыхъ временъ» г. Салтыкова, и т. п. Тутъ была оглядка на прошлое, на которое мы до того времени боялись оглядываться, потому что оно еще не совсѣмъ прошло для насъ. Воспоминанія г. Аксакова предупредили нѣсколькими мѣсяцами произведенія гг. Щедрина, Печерскаго и др., и кромѣ того они стояли степенью выше ихъ въ отношеніи къ общественному интересу, котораго преимущественно ищетъ теперь публика въ литературныхъ произведеніяхъ. Въ обличительныхъ повѣстяхъ читатели видѣли притчу, аллегорію, сборникъ анекдотовъ; у г. Аксакова нашли правду, быль, исторію. Увлеченные своей основной идеей — карать порокъ, писатели-обличители дѣлали очень часто ту ошибку, что отбрасывали въ своихъ произведеніяхъ все, что казалось постороннимъ главной ихъ мысли; оттого рассказы ихъ и страдали часто нѣкоторой искусственностью и безжизненностью. У г. Аксакова не было такого односторонняго увлеченія; онъ просто писалъ прожитую и прочувствованную имъ правду, и оттого въ книгѣ его явилось болѣе жизненности и разно-

сторонности; общественные интересы группировались съ частными, задушевыми, и выражались въ книгѣ именно на столько, на сколько имѣли они значеніе въ самой жизни автора. Такимъ образомъ книга С. Т. Аксакова поражала своей простотой, задушевностью, отсутствіемъ пятажекъ и заданныхъ положеній. Читатели охотно прощали автору и нѣкоторую растянутость его описаній, и ненужныя повторенія одного и того же въ разныхъ мѣстахъ книги, и подогрѣтый лиризмъ по поводу явленій давно минувшихъ, и остатки нѣкоторыхъ раболѣпныхъ отношеній къ разнымъ знаменитостямъ, съ которыми авторъ встрѣчался въ молодости. Все это прощалось ему за тѣ живыя страницы, въ которыхъ представлялъ онъ живые типы Багровыхъ, Куролѣсовыхъ, описывалъ свое гимназическое и университетское воспитаніе, передавалъ свѣжія впечатлѣнія природы, окружавшей его дѣтство. «Семейная Хроника и Воспоминанія» г. Аксакова ясно и прямо говорили читателю, что это живая вещь, а не выдумка, *от самого дѣла*, а не *нарочно*, — преимущество, котораго лишена была большая часть обличительныхъ повѣстей нашихъ. И вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, всего болѣе объясняется успѣхъ книги г. Аксакова въ нашей публикѣ, обыкновенно такъ равнодушной къ художественнымъ достоинствамъ, а въ настоящее время особенно падкой къ интересамъ общественнымъ. Критика не обратила въ свое время должнаго вниманія на эту сторону отношеній «Семейной Хроники» къ современнымъ читателямъ, и занялась почти исключительно разборомъ художественной формы ея. Держась своей точки зрѣнія, критика съ прежней восторженностью встрѣтила и «Дѣтскіе годы Багрова», изданные г. Аксаковымъ въ прошломъ году. Въ нихъ находили тоже мастерство разсказа, ту же задушевность и простоту, тоже умѣнье живописать природу, и потому ожидали, что они будутъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и «Семейная Хроника». Но публика во все не обнаружила къ новому произведенію г. Аксакова прежняго энтузіазма; «Дѣтскіе Годы» показались скучными, восторженные журнальныя похвалы имъ возбуждали смѣхъ въ читателяхъ, изъ всѣхъ критикъ на г. Аксакова болѣе всѣхъ понравилась самая строгая (въ «Атенѣ»), хотя вся сущность ея заключалась въ весьма основательномъ и остроумномъ развитіи одной главной мысли: «что книга г. Аксакова была бы хороша, если бы не была слишкомъ растянута». Мы тоже разбирали тогда «Дѣтскіе Годы» и, чувствуя, что не могли бы удержаться отъ смѣха, если бы вздумали разсуждать объ ихъ художественныхъ достоинствахъ, рѣшились собрать изъ всей книги тѣ крупныя общинтересныхъ фактовъ, которыя были разбросаны въ «Дѣтскихъ Годахъ» между многими сотнями рыболовныхъ, пищеварительныхъ и чертежническихъ подробностей. Составляя свой разборъ, мы и тогда имѣли

въ виду, что публика будетъ плохо читать новую книгу г. Аксакова; но мы не хотѣли явиться зловѣщими пророками для автора и замѣтили тогда: «авторитетъ С. Т. Аксакова установленъ публикой, — пусть же она сама и уничтожитъ его, если хочетъ; критикъ же вовсе нѣтъ надобности, кричать въ этомъ случаѣ наперекоръ публикѣ, потому что дѣятельность г. Аксакова не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго и неблагогоднаго».

Наши предположенія сбылись, къ сожалѣнію, скорѣе и полнѣе, нежели мы ожидали; совершенное равнодушіе, даже нѣкоторое пренебреженіе и насмѣшливость явились теперь въ публикѣ вмѣсто прежняго восторга къ трудамъ г. Аксакова. Въ «Русской Бесѣдѣ» прошлаго года постоянно печатались его «Литературная и Театральныя воспоминанія», и постоянно пропускались мимо таже читатели «Бесѣды». Всѣ уже успѣли узнать, что талантъ г. Аксакова слишкомъ субъективенъ для мѣткихъ общественныхъ характеристикъ, слишкомъ полонъ лиризма для спокойной оцѣнки людей и произведеній, слишкомъ наивенъ для острой и глубокой наблюдательности. Въ «Воспоминаніяхъ», изданныхъ вмѣстѣ съ «Хроникой», видно уже было, что С. Т. Аксаковъ слишкомъ несвободно относится къ тѣмъ личностямъ и явленіямъ жизни, которыя занимали его молодость. И тамъ уже не совсѣмъ пріятно поражалъ по мѣстамъ пафосъ автора, обращенный на удочки, на благородные спектакли и на знаменитости, подобныя Шущерину, Кокошкину, и т. п. Въ новыхъ воспоминаніяхъ ожидали еще сильнѣйшаго пафоса, еще болѣе мелочности, и не ошиблись. Вслѣдствіе того — литературная слава С. Т. Аксакова исчезла такъ же быстро, какъ и возникла, и новая книга его была встрѣчена съ холодною, которая граничитъ съ пренебреженіемъ. Недавно мы слышали даже уподобленіе новыхъ воспоминаній С. Т. Аксакова запискамъ того господина, отрывокъ изъ дневника котораго помѣщенъ былъ въ прошломъ году въ Современникѣ (въ замѣткахъ Новаго Поэта). Мы отъ всей души желали бы опровергнуть неблагопріятное мнѣніе публики разборомъ «Разныхъ Сочиненій» г. Аксакова; но къ несчастію они вполнѣ оправдываютъ разочарованіе читателей, какъ сейчасъ увидимъ.

Болѣе половины книги «Разныхъ Сочиненій» занимаютъ литературныя и театральныя воспоминанія. Болѣе половины остальной части — «Біографія Загоскина». Затѣмъ въ книгѣ находятся мелкія статьи: «Бурани», «Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ» и «Воспоминаніе о Д. Б. Мертваго». Въ приложеніяхъ перепечатаны изъ старыхъ журналовъ еще три коротенькія статейки г. Аксакова, писанныя тридцать лѣтъ тому назадъ: «О заслугахъ кн. Шаховскаго въ

драматической словесности», «О романѣ: Юрій Милославскій» и «Письмо къ издателю Московскаго Вѣстника о Пушкинѣ».

Желая дать понятіе о характерѣ «Литературныхъ и Театральныхъ Воспоминаній», сравнительно съ прежними воспоминаніями г. Аксакова, мы воспользуемся однимъ замѣчаніемъ его о Мочаловѣ. По словамъ г. Аксакова, Мочаловъ былъ очень хорошъ тогда, когда игралъ совершенно просто. Въ одной пьесѣ онъ восхитилъ своей игрой кн. Шаховскаго, и тотъ заставилъ повторить пьесу и просилъ въ театръ какую-то важную особу изъ пріѣзжихъ, нарочно затѣмъ, чтобъ посмотреть игру Мочалова. Узнавъ объ этомъ, Мочаловъ, по словамъ С. Т. Аксакова «*постарался* и сыгралъ невыносимо душно». Нѣчто подобное произошло и съ авторомъ «Семейной Хроники». Замѣтивъ, что на него устремлено общее любопытство, услышавъ похвалы своему слогу, задушевности и правдѣ своихъ воспоминаній, С. Т. Аксаковъ видимо началъ *стараться*, и результатъ вышелъ въ родѣ Мочаловскаго. Всѣ недостатки, бывшіе въ зародышѣ въ «Хроникѣ и Воспоминаніяхъ», страшно разрослись теперь и заслонили собою скромныя достоинства, успѣвшія уберечься отъ тлетворнаго вліянія *стараній* г. Аксакова. И въ прежнихъ воспоминаніяхъ были у почтеннаго автора лирическія страницы, на которыхъ говорилось, напр: «съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ожидалъ я, бывало, половины шестаго, чтобы идти на Сѣнную площадь — къ Шушерину!... До сихъ поръ не могу вспомнить безъ восхищенія объ этомъ блаженномъ времени!» — или: «невозможно передать словами того, что я чувствовалъ и какую ночь провелъ я, въ ожиданіи блаженной минуты, когда буду представленъ Шишкову»; — или: «я опьянѣлъ отъ восторга и счастья, удостоившись читать Державину его стихи! Да будетъ благословенно искусство чтенія, озарившее скромный путь моей жизни такимъ блаженствомъ, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ проливаетъ отраду во все существо мое!» Въ прежнихъ воспоминаніяхъ были также и подробности весьма спеціальныя, въ родѣ того, что въ такой-то сценѣ, на такомъ-то представленіи, Бобровъ былъ дурень, а Семенова — прелестна, что актеръ Фялло очень натурально игралъ роль неизвѣстнаго, что на такомъ-то домашнемъ спектаклѣ у одного изъ благородныхъ артистовъ нечаянно камзолъ растянулся, а С. Т. Аксаковъ взялъ да и застегнулъ его, и. т. п. Но все это рѣшительно ничего не значитъ въ сравненіи съ той обстоятельностью, какою отличаются новыя воспоминанія г. Аксакова. Прежде у него изображались по-крайней мѣрѣ—Державинъ, Шишковъ, Шушеринъ; теперь являются передъ нами Николевъ, Ильинъ, Кокошкинъ, Шаховской, Писаревъ и проч. И говоря объ этихъ людяхъ авторъ до сихъ поръ об-

наруживаетъ нѣкоторые остатки наивнаго подобострастія, которымъ былъ къ нимъ проникнутъ въ своей молодости. «Такой-то меня обласкалъ.... Этотъ очень полюбилъ.... этотъ обошелся со мной очень благосклонно» — вотъ выраженія, въ которыхъ г. Аксаковъ рассказываетъ о своихъ литературныхъ знакомствахъ. И не подумайте, чтобы такія отношенія существовали въ то время, когда авторъ былъ еще скромнымъ юношею; нѣтъ, такъ было постоянно — до тѣхъ поръ, пока С. Т. Аксаковъ самъ не сдѣлался «патріархомъ русской литературы». Вотъ напр. какъ говоритъ онъ о своемъ знакомствѣ съ кн. И. М. Долгорукимъ, въ 1821 г., когда автору Воспоминаній было уже *тридцать* лѣтъ. Увидѣлъ его Иванъ Михайловичъ на одномъ домашнемъ спектаклѣ, и расхвалилъ. «*Милъ со-вѣстно*, трогательно замѣчаетъ авторъ черезъ тридцать восемь лѣтъ, — *повторять его похвалы, которыя были, конечно, черезъ чуръ преувеличины*».... Затѣмъ онъ продолжаетъ: «съ этихъ поръ князь меня очень полюбилъ. Я много читывалъ ему изъ его ненапечатанныхъ сочиненій, и въ томъ числѣ огромную трагедію, въ три тысячи варварскихъ стиховъ, которая происходила въ невѣдомомъ мѣстѣ, у неизвѣстнаго народа. Впрочемъ сочинитель самъ подсмѣивался надъ своимъ твореніемъ». (стр. 67). Итакъ — угодливость автора не ограничивалась тѣмъ, что онъ въ цвѣтущей юности съ восторгомъ читалъ Державину нелѣпыя его трагедіи: онъ тоже самое дѣлалъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ для князя И. М. Долгорукова, который самъ надъ собою смѣялся! Тоже самое дѣлалъ онъ и для Николаева, котораго, какъ самъ говоритъ, и не уважалъ вовсе. Въ первое свиданіе съ Николаевымъ онъ сказалъ, что «былъ бы счастливъ, если бъ могъ услышать что нибудь изъ его трагедіи «Малекъ Адель». Николаевъ началъ декламировать, С. Т. Аксаковъ былъ увлеченъ и превозносилъ автора искренними похвалами, и ему на вѣки «врѣзались въ память слѣдующіе четыре сильные стиха:

Блесталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща — бѣгъ, свѣща горяща — взоръ,
Дыханье — дымъ и огонь, грудь и копыта — камень,
На немъ Малекъ-Адель или сраженій пламень.

Въ благоговѣйномъ вниманіи къ памяти Николаева, г. Аксаковъ и теперь обращается съ этими стихами, какъ съ нѣкою святыней. Къ слову «*блесталъ*» — онъ дѣлаетъ примѣчаніе: не отвѣчаю за слово «*блесталъ*»; иногда мнѣ кажется, что вмѣсто него стояло: *сверкалъ*». (стр. 15). Видите, какая добросовѣстность!... Научитесь, юноши, какъ должно чтить преданія!...

Такимъ милымъ характеромъ отличается вся книга, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣло касается Полеваго. «Московскій Телеграфъ» единственная тучка, потемняющая свѣтлый міръ воспоминаній г. Аксакова. О Полевомъ до сихъ поръ не рѣшается онъ сказать добраго слова; онъ пространно обвиняетъ его въ «дерзости, происшедшей отъ самоадѣяннаго, поверхностнаго знанія», съ замѣтнымъ удовольствіемъ повторяетъ онъ выдохшіеся куплеты Писарева противъ издателя «Телеграфа»; не безъ самодовольствія припоминаетъ онъ слѣдующій подвигъ своего цензурнаго поприща: «издатель «Московского Телеграфа» сначала пробовалъ сблизиться со мной, но я откровенно сказалъ ему, что только какъ цензоръ я могу быть въ сношеніяхъ съ г-мъ Полевымъ». Но особенное наслажденіе возбуждается въ С. Т. Аксаковѣ воспоминаніемъ о томъ, какъ при Полевомъ удалось ему прочесть изъ своего перевода сатиры Буало стихи, которые можно было приложить къ самоучкѣ—журналисту; объ этомъ знаменательномъ событіи онъ рассказываетъ на трехъ страницахъ (220 — 222)!...

За исключеніемъ Полеваго, С. Т. Аксаковъ невыгодно отзывался еще—только о своемъ товарищѣ по цензурѣ, К. М., который былъ уже очень свирѣпъ. Остальные всѣ милы почтенному автору, и онъ съ неподражаемымъ добродушіемъ сообщаетъ міру заднимъ числомъ бюллетени о состояніи ихъ здоровья, свѣдѣнія о томъ, когда они вставали и ложились въ разное время своей жизни, какой почеркъ имѣли, какъ пришепетывали, и т. п. Мы убѣждены, что любой изъ нашихъ библіографовъ счелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ достигнуть такой мелочной обстоятельности, до которой возвысился С. Т. Аксаковъ. Смѣемъ увѣрить, что въ «Театральныхъ Воспоминаніяхъ» г. Аксакова кажутся еще очень крупными факты, подобные слѣдующимъ:

«Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1827 г., прежде другихъ пьесъ, именно 7 января, шелъ переведенный Писаревымъ съ французскаго премиленькій водевиль «Дядя на прокатъ», о которомъ я уже упоминалъ» (стр. 137).

«13-го января, въ бенефисъ актрисы г-жи Борисовой, была дана большая трилогія князя Шаховскаго «Керимъ-Гирей», взятая изъ «Бахчисарайскаго Фонтана», съ удержаніемъ многихъ стиховъ Пушкина. Общago успѣха она не имѣла; но многія мѣсто были приняты публикой съ увлеченіемъ» (стр. 139).

«Бенефисъ г-жи Синепкой, бывшій 27 января, заканчивался небольшимъ водевилемъ Писарева, также переведеннымъ съ французскаго: «Двѣ записки, или безъ вины виноваты». Этотъ водевиль слабѣ другихъ писаревскихъ водевилей; но куплеты, какъ и всегда, были остроумны,

ловки и мѣтки. Переводчикъ былъ вызванъ. — Щепкинъ далъ въ свой бенефисъ (4 февраля) очень большую комедію въ прозѣ (подражаніе англійской комедіи «*The way to keep him*») подъ названіемъ «Школа супруговъ», переведенную съ французскаго Кокошкинымъ. Комедія имѣла много существенныхъ достоинствъ.; но была тяжела, длинна и накупила публикѣ. (стр. 140).

Это — крупные факты; это, такъ сказать, абрисъ того узора, по которому г. Аксаковъ лѣпнеть мозаику своихъ воспоминаній о томъ, какъ такой-то актеръ или актриса держали себя во время представленія или на репетиціяхъ.

Въ предисловіи, къ воспоминаніямъ своимъ С. Т. Аксаковъ говоритъ, что издаетъ ихъ, какъ матеріалъ для исторіи литературы, и какъ знакъ уваженія и благодарности къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій слѣдъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Намѣреніе очень похвальное; но скажите, Бога ради, о многоученые библіографы, неужто вы сдумаете извлечь что нибудь для исторіи литературы, — напр. хоть изъ разсказовъ о томъ, какъ С. Т. Аксаковъ съ Писаревымъ, Шаховскимъ и Кокошкинымъ рыбу удилъ на Бедринскомъ озерѣ?... Можетъ быть, вы внесете въ характеристику этихъ писателей слѣдующіе факты:

«Я громко сталъ требовать возвращенія домой, гдѣ ожидалъ насъ завтракъ: *сейчасъ избитое сливочное масло, редисъ только что вынутый изъ парника, творогъ, сметана, сливки*, и пр. Требованія мои были уважены.

«Писаревъ встрѣтилъ насъ съ сіяющимъ лицомъ; ловъ былъ удаченъ, и рыба клевала очень хорошо: *онъ поймалъ двухъ щукъ, изъ которыхъ одну фунтовъ въ шесть, и десятка полтора окуней; въ число ихъ были славные окуни, слишкомъ по фунту* (стр. 163).

«Рано позавтракавъ, рано сѣли обѣдать, а послѣ обѣда всѣ полегли спать, въ томъ числѣ и я... (стр. 168).

«Къ большой радости Писарева, на другой день уженье было такъ же удачно и съ большой лодки, какъ и съ маленькой, особенно потому что наканунѣ было выброшено много снулой рыбешки и червей: это была отличная прикормка для хищной рыбы. Окунь и щука точно дожидались насъ, и въ короткое время мы поймали также двухъ щукъ и болѣе вчерашняго крупныхъ окуней. Часу въ двѣнадцатомъ, мы отправились въ Москву» (стр. 170).

Мы не знаемъ, что извлечетъ будущій историкъ нашей литературы изъ того, что С. Т. Аксаковъ съ товарищами ѣлъ *сейчасъ избитое масло, редисъ, только-что вынутый изъ парника, сметану, творогъ, и пр.*, и что Писаревъ поймалъ двухъ щукъ, — одну фунтовъ

въ шесть, и т. д.... Но насъ интересуетъ вопросъ: теперь ли только г. Аксаковъ вспомнилъ все это, или тогда же все записалъ, — предупреждая такимъ образомъ извѣстнаго гоголевскаго героя, писавшаго: *«сія дыня съѣдена такою-то числа»*, и если кто присутствовалъ, то: *«участвовалъ такой-то»*....

Впрочемъ, можетъ быть, С. Т. Аксаковъ излагалъ всѣ вышеприведенныя подробности—не по причинѣ исторической ихъ важности, а въслѣдствіе художественности своей натуры, увлекавшей его къ начертанію полной и живой картины.... Можетъ быть!... Противъ художественности г. Аксакова мы ничего не можемъ сказать; мы дѣйствительно изумлялись тому мастерству, съ какимъ онъ вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ бѣдныхъ и жалкихъ интересовъ, которыми поглощены были его молодые годы. Чѣмъ-то не здѣшнимъ, не нашимъ повѣяли на насъ его простодушныя, любезныя воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда постановка пьесы на домашнемъ театрѣ казалась важнымъ дѣломъ и запечатлѣвалась въ памяти на всю жизнь; когда хорошее прочтеніе какихъ нибудь стихковъ давало человѣку репутацію и было предметомъ долгихъ разговоровъ между образованными людьми; когда водевильный каламбурецъ праздновался торжественнымъ ужиномъ; когда друзья-литераторы занимались изображеніемъ разныхъ хитростей, чтобъ избавить себя отъ слушанія сочиненій своего друга-литератора; когда дружеская деликатность не позволяла откровенныхъ объясненій съ другомъ, у котораго начиналась чахотка; когда одинъ литераторъ бросался на шею къ другому и чуть не со слезами обнималъ и цаловалъ его за то, что тотъ далъ ему хорошую удочку.... Картина этихъ *старосвѣтскихъ литераторовъ* недурно набросана С. Т. Аксаковымъ, но—только набросана. Какое же сравненіе съ «Старосвѣтскими помѣщиками»! Тамъ все такъ ровно, ярко, цѣльно, закончено; а здѣсь все отрывочно, слабо, неопредѣленно. Видно, что С. Т. Аксаковъ *не выносилъ* еще въ душѣ своей идею своего произведенія, (если только онъ хотѣлъ создать изъ своихъ воспоминаній художественное цѣлое). Въ его разсказахъ мало объективности, лирическіе порывы безпрестанно мѣшаютъ эпическому спокойствію разсказа; замѣтно, что авторъ недостаточно возвысился надъ тѣмъ міромъ, который изображаетъ. Оттого и герои, выведенные имъ, не производятъ на читателя того удивительнаго, грустнаго, кроткаго и примиряющаго впечатлѣнія, какъ гоголевскіе Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна....

Въ доказательство того, что г. Аксаковъ недостаточно выработалъ свои воспоминанія въ художественномъ смыслѣ, мы укажемъ на одинъ эпизодъ ихъ, который былъ имъ забытъ и вставленъ послѣ, тогда какъ онъ составляетъ рѣшительно лучшее мѣсто въ

новой книгѣ г. Аксакова, и даже единственное, которое мы грочли съ полнымъ сочувствіемъ. Эпизодъ этотъ превосходно гармонируетъ съ старосвѣтскимъ обществомъ, рисующимся въ «Воспоминаніяхъ», и бросаетъ яркій свѣтъ на одно изъ обстоятельствъ его развитія. Приведемъ здѣсь вполнѣ разсказъ г. Аксакова:

«Начинаю продолженіе моихъ «Воспоминаній» пополненіемъ пропуска, сдѣланнаго мною въ предыдущей статьѣ. Я ни слова не сказалъ о замѣчательномъ спектаклѣ, котораго былъ самовидцемъ въ 1826 году, вскорѣ по прїѣздѣ въ Москву. Это былъ спектакль—гратисъ для солдатъ и офицеровъ. Фрака не было ни одного въ цѣломъ театрѣ, кромѣ оркестра, куда иногда и я приходилъ, остальное же время я стоялъ или сидѣлъ за кулисами, но такъ глубоко, чтобы меня не могли увидѣть изъ боковыхъ ложъ. Спектакль этотъ шелъ 13-го сентября. Въ шесть часовъ вечера я прїѣхалъ въ театръ. Ни одного экипажа не стояло около него. Я взглянулъ въ директорскую ложу и былъ пораженъ необычайнымъ и невиданнымъ мною зрѣлищемъ; но чтобы лучше видѣть полную картину, я сошелъ въ оркестръ: при яркомъ освѣщеніи великолѣпной залы большого Петровскаго театра, вновь отдѣланной къ коронаціи, при совершенной тишинѣ, ложи всѣхъ четырехъ ярусовъ (всего ихъ находится пять) были наполнены гвардейскими солдатами разныхъ полковъ; въ каждой ложѣ сидѣло по десяти или двѣнадцати человѣкъ; передніе ряды креселъ и первый ярусъ ложъ, предоставленные генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, были еще пусты. Скоро стали наполняться и они, кромѣ послѣднихъ двухъ рядовъ креселъ, которые наполнились вдругъ передъ самымъ прїѣздомъ Государя. Всего болѣе поражала меня тишина, которая безмятежно царствовала при такомъ многочисленномъ стеченіи зрителей: даже на сценѣ и за кулисами было тихо или по крайней мѣрѣ гораздо тише обыкновеннаго, несмотря на то, что всѣ актрисы и актеры, танцовщицы, хористы и проч. были давно одѣты и толпились на сценѣ. Нѣкоторые посматривали сквозь занавѣсъ на чудный видъ залы и ложъ, полныхъ невиданными зрителями, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, сидящими неподвижно, какъ раскрашенные восковыя фигуры. Всѣ служащіе при театрѣ, которымъ слѣдовало тутъ присутствовать, были въ мундирахъ. Наконецъ пробѣжалъ слухъ, что сейчасъ прїѣдетъ Государь, — и Кокоскинъ, Загоскинъ и Арсеньевъ поспѣшили его встрѣтить у подъѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ, въ боковую малую Императорскую ложу вошелъ Государь и, не показываясь зрителямъ, сѣлъ на кресло въ глубинѣ ложи; въ большой Царской ложѣ помѣщались иностранные послы. По данному знаку, загремѣлъ оркестръ и черезъ нѣсколько минутъ, не дожидаясь окончанія увертюры, поднялась занавѣсъ и началась извѣстная, очень забавная комедія князя Шаховскаго «*Полубоярскія затѣи*», за которою слѣдовалъ его же водевиль: «*Казакъ стихотворецъ*». Я слышалъ, что обѣ пьесы были назначены самимъ Государемъ. Тишина не прерывалась, и я не могу описать, какое странное дѣйствіе она на меня

производила. На сценѣ кипѣла жизнь, движеніе, звучали людскія рѣчи, а кругомъ царствовали безмолвіе и неподвижность! Еслибъ пѣса давалась въ пустомъ театрѣ, то это было бы естественно; но театръ былъ полонъ людьми отъ верху до низу. Я сидѣлъ въ самой серединѣ оркестра и видѣлъ, что Государь часто смѣялся, но не хлопалъ, — и ни малѣйшаго знака одобренія или участія не выражалось между зрителями. Всѣ актеры, начиная со Щепкина, игравшаго главную роль «Транжирина», до послѣдняго офиціанта, всѣ играли совершенно свободно; а Щепкинъ, какъ говорили выдавшіе его прежде въ этой роли, превосходилъ самого себя. Я не удивлялся Щепкину: это такой артистъ, для котораго зрители не существуютъ; но я удивлялся всѣмъ другимъ актерамъ и актрисамъ. Я думалъ, что эта подавляющая тишина, это холодное безучастіе такъ на нихъ подѣйствуетъ, что пѣса будетъ играть вяло, безжизненно, и роли будутъ сказываться наизусть, какъ уроки, которые сказываютъ мальчики, не принимающіе въ нихъ никакого участія, стоя передъ своимъ строгимъ учителемъ; но комедія шла живо и весело, какъ будто сопровождаемая теплымъ сочувствіемъ зрителей. Пѣсы кончились точно такъ же тихо, какъ и начались. Государь уѣхалъ; театръ ожилъ, зашумѣлъ, зрители въ ложахъ встали и стройно, безъ всякой торопливости и суеты, начали выходить. Я поспѣшилъ увидѣть, какъ эти маленькія, отдѣльныя кучки станутъ соединяться въ толпы, выходя изъ театра. Все происходило въ удивительномъ порядкѣ. Я сѣлъ на дрожки и отправился въ свою Таганку. По всей дорогѣ я обгонялъ множество солдатъ, идущихъ уже вольно и разговаривающихъ между собою. Это тоже было необыкновенное зрѣлище. Въ глухомъ гулѣ и мракѣ ночи, по улицамъ довольно плохо освѣщенной Москвы, особенно когда я переѣхалъ Яузу, по обѣимъ тротуарамъ шла непрерывная толпа людей, веселый говоръ которыхъ наполнялъ воздухъ. Солдаты шли по одной со мной дорогѣ; они жили въ Крутицкихъ казармахъ (*). Я поѣхалъ шагомъ, желая вслушаться въ солдатскія рѣчи; но въ общемъ говорѣ мало долетало до меня отдѣльных выраженій. Я думалъ, что видѣнный сейчасъ спектакль будетъ единственнымъ предметомъ разговоровъ, но я ошибся: солдаты говорили, судя по долетавшимъ до меня словамъ, о своихъ дѣлахъ; впрочемъ, раза два или три рѣчь явственно относилась къ театру, и я слышалъ имя Щепкина съ разными эпитетами: «хвата, молодца, лихаца, и проч.» Иногда они сопровождались такими прилагательными, которыя въ другихъ случаяхъ имѣютъ смыслъ бранныхъ словъ; но здѣсь это были слова похвальные или знаки восклицанія, которыми русскій человѣкъ очень энергически любитъ украшать свою рѣчь. Впечатлѣніе видѣннаго мною спектакля долго владѣло мною и навело меня на множество размышленій. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело это зрѣлище на иностранцевъ!...

(*) Разумѣется, это была часть солдатъ, бывшихъ въ театрѣ. Нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ лагерь на Ходынкѣ. С. А.

Повторяемъ: это единственныя страницы въ «Разныхъ Сочиненіяхъ», привлечшія наше полное сочувствіе. Мы сочли необходимымъ представить ихъ нашимъ читателямъ, которые, не читая книги г. Аксакова, не должны однако лишиться удовольствія прочесть этотъ великолѣпный эпизодъ.

Вся остальная часть книги отличается тѣмъ же характеромъ сладкаго добродушія, какъ и «Воспоминанія». «Біографія Загоскина» есть дружескій некрологъ, до нельзя растянутый приторными похвалами таланту и характеру Загоскина. Въ *приложеніяхъ* помѣщенъ разборъ «Юрія Милославскаго», писанный г. Аксаковымъ въ 1830 г. Онъ говоритъ, что читателямъ, вѣроятно, любопытно будетъ сравнить мнѣнія одного и того же человѣка черезъ 22 года (біографія Загоскина писана въ 1852 г.) Мы сравнили — и не нашли никакой разницы. Тѣ же сравненія съ Вальтеръ-Скоттомъ, тоже умиленіе отъ русской веселости Загоскина, тоже провозглашеніе его единственнымъ нашимъ народнымъ писателемъ. Время не ослабило энтузіазма почтеннаго автора, а напротивъ, кажется, еще увеличило его. Разбирая, на цѣлыхъ десяти страницахъ «Мирошева», С. Т. Аксаковъ говоритъ, что во время его появленія *рано еще было*, вѣроятно, оцѣнить его достоинства, но что «теперь, когда мы прямѣе, искреннѣе посмотримъ на нравственную высоту души и лучше начинаемъ понимать русскаго человѣка», Мирошевъ будетъ, конечно, оцѣненъ гораздо выше. По мнѣнію г. Аксакова, Мирошевъ, — этотъ засушенный кисель, расплывающійся и трескающійся отъ всякой сырости, — есть идеалъ русскаго добродѣтельнаго человѣка и истиннаго героя. «Это русскій человѣкъ—христіанинъ», говоритъ авторъ біографіи, — который дѣлаетъ великія дѣла, не удивляясь себѣ, а думая, что такъ слѣдуетъ поступить, и только русскій человѣкъ—христіанинъ, какимъ былъ Загоскинъ, могъ написать такой романъ» (стр. 299). Такова критика Загоскина, какъ писателя. Сужденіе о его личности выражается въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ диспансическаго некролога, весьма приличныхъ надгробному слову: «въ заключеніе должно сказать, что ко всѣмъ прекраснымъ свойствамъ своего счастливаго нрава, къ младенческому незлобію души и неограниченной добротѣ, Загоскинъ присоединялъ высшее благо—теплую вѣру христіанина.... Да судеть миръ его душѣ».

Такова старосвѣтская біографія и критика. Нѣтъ надобности говорить, что статьи о Шаховскомъ, Щепкинѣ, Мертваго—отличаются тою же нѣжностью. Въ воспоминаніяхъ о Мертваго поправилась намъ поэтическая страница, посвященная его «дому, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей, принадлежавшему, послѣ

смерти Д. Б. Мертваго, сначала А. П. Елагинной, а потомъ покойному сыну ея И. О. Кирѣевскому».

Но какъ ни трогательна такая обстоятельность, а мы не совсѣмъ были рады, узнавши, что намъ угрожаетъ еще болѣе обстоятельное изложеніе воспоминаній г. Аксакова изъ его отроческой и юношеской поры. Одинъ изъ критиковъ замѣтилъ автору, что его воспоминанія о гимназій и университетѣ — слабы; С. Т. Аксаковъ отвѣчаетъ ему нынѣ: «я самъ это чувствовалъ, когда писалъ ихъ; эта часть воспоминаній требуетъ *болѣе подробной* (увы!) и болѣе послѣдовательной, живой разработки; не знаю, удастся ли мнѣ поправить эту ошибку». (стр. 332). Господи, — кабы не удалось!

Вообще, отдавая полную справедливость чистотѣ и кротости старосвѣтскихъ понятій, которыхъ представителемъ и рыцаремъ является г. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, мы не можемъ однако удержаться отъ повторенія вопроса, который задавалъ когда-то еще Бѣлинскій, разбирая «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ». Сказавши о тихомъ, умиляющемъ впечатлѣніи, возбуждаемомъ этими добрыми, милыми людьми, Бѣлинскій замѣчаетъ: «но что, еслибъ васъ спросили, хотите ли вы быть Аѳанасьемъ Ивановичемъ, или провести всю жизньъ въ обществѣ такихъ людей?..» Бѣлинскій отвѣчаетъ на это: «*нѣтъ*», и С. Т. Аксаковъ, конечно, согласится съ нами, ежели мы скажемъ, что тоже самое отвѣтитъ каждый изъ современныхъ читателей, которому случится пробѣжать нѣсколько страницъ изъ «Литературныхъ и Театральныхъ Воспоминаній».

Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора. Часть III. Столѣтія XIII, XIV и начало XV. Москва. 1858.

Дѣятельность г. Шевырева представляетъ какой-то вѣчный промахъ, чрезвычайно забавный, но въ тоже время не лишенный прискорбнаго значенія. Какъ-таки ни разу не попасть въ цѣль, вѣчно дѣлать все мимо, и въ великомъ, и въ маломъ! Мы помнимъ, что въ началѣ своей литературной карьеры г. Шевыревъ отличился статью: «Словесность и Торговля»,—въ которой старался доказать, какъ позорно для писателя брать деньги за свои сочиненія: статейка эта явилась именно въ то время, когда литературный трудъ начиналъ у насъ получать право гражданства между другими категориями труда.—Пустился г. Шевыревъ въ критику и — произвелъ въ поэты мысли г. Бенедиктова, который тѣмъ именно и отличается, что поэзія и мысль у него всегда въ разладѣ.—Увлекся онъ библіографіей, и сочинилъ, что стихи Пушкина:

«Бранной забавы
Любить нельзя»—

Надобно читать:

Бранной забавы
Любить не я....

Мистицизмомъ занялся онъ, и провозгласилъ однажды «чудное и знаменательное совпаденіе событій въ томъ, что Карамзинъ родился въ годъ смерти Ломоносова:» вдругъ оказалось, что Карамзинъ вовсе не родился въ годъ смерти Ломоносова!—Въ живописи сталъ искать себѣ отрады г. Шевыревъ, и пришелъ въ восторгъ отъ Рафаэлевыхъ карденовъ, найденныхъ имъ въ Москвѣ: но на повѣрку вышло, что Лухмановскіе кардоны, приведшіе его въ восхищеніе, никакъ не могутъ быть приписаны Рафаэлю.—Фельетонистомъ однажды сдѣлался почтенный ученый и принялся рассказывать, какъ Москва угощала брагой защитниковъ Севастополя: въ дѣйствительности оказалось, что брагой ихъ никогда не угощали.—Захотѣлъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій представить портретъ Батюшкова; но въ то время, какъ г. Шевыревъ принялся рисовать, Батюшковъ обернулся къ нему спиною, и въ книгѣ злополучнаго профессора оказался рисунокъ, изображающій Батюшкова — съ затылка!... Въ стихотворство пустился ординарный академикъ и профессоръ; но и тутъ дѣло кончилось неудачно: извѣстно, какъ промахнулся онъ недавно съ своимъ привѣтствіемъ Бѣлевской библіотекѣ, которое не могло появиться *въ самый день*, вслѣдствіе невеликодушія редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Словомъ, что ни дѣлалъ г. Шевыревъ, производилъ ли слово *зефиръ* отъ *свежа*, изъяснялъ ли желаніе обратиться на Александровскую колонну, толковалъ ли о великомъ значеніи Жуковского или объ отношеніи семейнаго воспоминанія къ государственному, вступалъ ли въ русскую горячую бесѣду,—вездѣ его поражали тяжкіе удары, вездѣ его дѣятельность ознаменовывалась самыми несчастными промахами.

Такъ случилось и съ лекціями г. Шевырева о русской словесности. На первыхъ книжкахъ его курса было прибавлено: исторія словесности, «*преимущественно древней*,»—и это подало поводъ одному писателю справедливо замѣтить: т. е. *преимущественно того времени, когда ничего не писали*. Замѣчаніе это оправдано г. Шевыревымъ вполнѣ,—какъ въ первыхъ двухъ книжкахъ его лекцій, такъ и въ третьей, нынѣ изданной. На каждой страницѣ очевидно, что почтенный профессоръ сильно промахнулся въ самомъ выборѣ предмета. Не менѣе ловкіе промахи умѣлъ онъ сдѣлать и въ обработкѣ его. Такъ, говоря о языкѣ русскомъ, онъ выразилъ вражду къ германской онъ—

лологін, по слѣдамъ которой считалъ постыднымъ *владѣть*; между тѣмъ именно съ этого времени германская филологія и принялась у насъ, благодаря преимущественно трудамъ г. Буслаева. Говоря о словесности, г. Шевыревъ старался во всемъ видѣть чудеса и, въ своемъ мистически-московскомъ патріотизмѣ, старался превозносить древнюю Русь выше облака ходячаго: а именно въ это время, болѣе чѣмъ когда нибудь прежде, пробуждалась наклонность къ безпристрастному и строгому пересмотру дѣяній древней Руси. Труды гг. Соловьсва, Кавелина, Калачова, потомъ Буслаева, Забѣлина, Чичерина, Пыпина и др. указали намъ правильную историческую точку зрѣнія на нашъ до-петровскій періодъ и на его литературу. А г. Шевыревъ и теперь опять является съ тѣми же высококомфѣрными возгласами о величіи русскаго смиренія, терпѣнія и пр., да еще при этомъ осмѣливается увѣрять, будто со времени изданія его книги (въ 1846 г.), «*по его слѣдамъ* (по слѣдамъ г. Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессорa!) *вели науку далѣе (далѣе?) другіе ученые* (каково наивное признаніе въ собственной учености!) *и трудилось молодое поколѣніе*, которое скоро и представило отличныхъ дѣятелей по тому же предмету. Нѣкоторые изъ нихъ (изъ отличныхъ дѣятелей? полноте!) *мнѣ лично выражали признательность свою за то, что начали изучать русскую словесность древняго періода по моей книгѣ. Желаю душевно, чтобы и вновь выходящая книга принесла такой же плодъ, какой принесенъ былъ двумя первыми* (!!!) (стр. V, предисл.).

Такія безцеремонныя претензіи г. Шевырева опять составляютъ весьма жалкій промахъ въ наше время, когда забавное значеніе почтеннаго профессора такъ ясно уже для молодыхъ изслѣдователей. Не менѣе жалокъ намъ историкъ русской словесности и въ другомъ своемъ промахѣ, относящемся къ сужденію о немъ другихъ журналовъ. По его словамъ, всѣ петербургскіе журналы, при первомъ появленіи его книги въ 1846 г. осудили его потому, что онъ «поставилъ себя въ «Московскомъ Наблюдателѣ» и въ «Москвитинѣ» во враждебное отношеніе къ тѣмъ журналамъ». Такое объясненіе можно отнести, конечно, опять къ той же, вѣчно преслѣдующей г. Шевырева, опрометчивости. Но вообще говоря, подобныя объясненія наводятъ насъ на мысль о той степени нравственнаго униженія, на которой находился извѣстный герой, любившій рассказывать, какъ онъ «пострадалъ по службѣ за правду». Мы убѣждены, что сознательно заподозрить гласнымъ образомъ чужую честность, не представивъ никакихъ доказательствъ на свои подозрѣнія, — можетъ только человѣкъ, не имѣющій достаточно увѣренности въ своемъ собственномъ благородствѣ и добросовѣстности.

Къ сожалѣнію, новая книжка г. Шевырева представляетъ обильныя доказательства на то, что онъ еще доселѣ не умѣетъ возвыситься до пониманія того, что человѣкъ можетъ дѣйствовать по убѣжденію,—что мысль, сознаніе правды можетъ быть такимъ же двигателемъ человѣческихъ поступковъ, какъ и всякіе другіе, самыя практическіе расчеты. Напримѣръ, что можетъ быть проще того факта, что я спору противъ мнѣнія, несогласнаго съ моимъ, что я осуждаю направленіе, которое считаю ложнымъ? Г. Шевыревъ этого не понимаетъ; по его мнѣнію, когда я не хочу согласиться съ нимъ, что черное—бѣлое, то я непременно имѣю тутъ какіе нибудь особенные виды. Вслѣдствіе такихъ понятій, онъ начинаетъ меня убѣждать: для чего вамъ хочется доказать, что черное—черно? какая вамъ будетъ бѣда, ежели я успѣю кого нибудь увѣрить, что оно не черно, а бѣлое? Развѣ мало другихъ цвѣтовъ, опредѣленіемъ которыхъ вы можете заняться? и пр. Невѣроятно, чтобы ученый профессоръ могъ имѣть такія понятія; но что же дѣлать? онъ ихъ дѣйствительно имѣетъ... Вотъ его слова: «Поле нашей науки такъ обширно, что нуждается во множествѣ дѣятелей: если бы было ихъ въдесятеро болѣе противъ наличнаго числа, на всѣхъ бы доставало работы. Изъ чего же мы споримъ? что мы должимъ изъ чего мѣшаемъ другъ другу» (пред. стр. X). Видите, какія соображенія: если Бѣлинскій критиковалъ г. Шевырева, если гг. Буслаевъ, Забѣлинъ и проч. возставали противъ его мнѣній, такъ это дѣлали они изъ болѣзни, чтобы онъ не отбилъ у нихъ работу, изъ торговой конкуренціи!! И послѣ такихъ заявленій г. Шевыревъ осмѣливается еще толковать въ томъ же предисловіи о безкорыстной любви къ наукѣ!!.

Въ дополненіе представленныхъ уже данныхъ относительно личнаго характера г. Шевырева, какъ писателя, укажемъ слѣдующіе факты. На стр. XXII предисловія, онъ приходитъ въ восхищеніе отъ «Исторіи русской цивилизаціи» г. Жеребцова, говоря, что она «*проникла*» новымъ свѣтъ предъ всѣмъ просвѣщеннымъ (каламбуръ ученаго!) Западомъ на прошедшія, настоящія и будущія судьбы нашего отечества»; а нѣсколько строкъ ниже говорится, что г. Жеребцовъ многое взялъ изъ «Исторіи Словесности» г. Шевырева, «а главное—изъ нея заимствовалъ основное свое воззрѣніе на христіанское просвѣщеніе древней Руси.» И такъ свѣтъ г. Жеребцова—заимствованный, т. е. говоря метафорически, — г. Жеребцовъ есть въ нѣкоторомъ родѣ луна просвѣщеннаго запада, а солнце-то его есть г. Шевыревъ. Гм!..

На стр. XXIII предисловія г. Шевыревъ считаетъ нужнымъ оправдаться предъ публикою—не въ томъ, что рѣшается снова выступить съ продолженіемъ своихъ лекцій (какъ слѣдовало бы ожидать),

а въ томъ, что это продолженіе *такъ замедлилось*. Въ оправданіе онъ приводитъ разные труды свои «на пользу университета, младшихъ товарищей по наукѣ и студентовъ,» и кромѣ того намекаетъ еще на какія-то «душевные скорби, борьбу съ судьбою, великое и трудное дѣло жизни,» въ которыхъ онъ долженъ отдать отчетъ только Богу. Наконецъ, въ извиненіе себѣ ставитъ авторъ и то, что «работаетъ безъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, которые могли бы облегчить ему построеніе цѣлаго и разработку подробностей.» Между тѣмъ, по самымъ примѣчаніямъ къ книгѣ г. Шевырева видно, что онъ весьма много пользовался изслѣдованіями преосвященныхъ Макарія, Филарета, профессора Горскаго и др. Кромѣ того, — нельзя не замѣтить, что большая часть книжки г. Шевырева состоитъ изъ краснорѣчиваго пересказа житій святыхъ русскихъ; житія же эти давно уже обработаны не менѣе краснорѣчивымъ перомъ А. Н. Муравьева, того самаго, который у г. Жеребцова отличенъ наименованіемъ *шамбеллана*. Соображая все это, необходимо приходишь къ мысли, что отзывъ г. Шевырева — просто неблагодарность къ его предшественникамъ.

Характеръ общихъ понятій г. Шевырева, неизлечимо-мистическій, виднѣтъ также изъ примѣровъ, подобныхъ слѣдующимъ. Говоря о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, онъ признаетъ ихъ пользу вотъ по какимъ основаніямъ: «въ этихъ явленіяхъ чувствуетъ и сознаетъ человѣкъ осязательнымъ образомъ свое духовное назначеніе и предвкушаетъ, *такъ сказать*, на землѣ то совершенное уничтоженіе времени и пространства, которое ожидаетъ его въ будущей жизни.» (стр. XXVIII). Это, *такъ сказать*, ординарный академикъ и профессоръ поэтизируетъ...

Въ другомъ мѣстѣ (стр. XX) г. Шевыревъ доказываетъ, что знанія и промышленность процвѣтали въ древней Руси, ибо въ ней былъ «искусный и опытный кормщикъ Антипъ Тимофеевъ.» Серьезно... Вотъ слова ученаго мистика: «какъ же изъ древней Руси, при отсутствіи всякой промышленности, всякаго знанія, объяснить *искуснаго и опытнаго кормщика*, Антипа Тимофеева, которому мы, въ рогахъ Унской губы, обязаны спасеніемъ жизни Петра?» Какъ же это объяснить, въ самомъ дѣлѣ? Мы думаемъ, что матеріалъ для объясненія могутъ г. Шевыреву доставить въ этомъ случаѣ описанія путешествій къ различнымъ дикимъ островитянамъ.

Внося мистицизмъ во всѣ явленія дѣйствительной жизни, даже самыя уродливыя, г. Шевыревъ доходитъ до того, что не стыдится давать слѣдующее объясненіе *кликунамъ*.

«Мы всѣ знаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ русскій человѣкъ преклоняетъ свою голову передъ наюсомъ евангельскимъ и внемлетъ понят-

ному громогласному слову благовѣстія; мы знаемъ, съ какимъ внутреннимъ трепетомъ онъ срѣтаетъ во время литургіи, пѣснь ижехерувимскую, и какъ глубоко чувствуетъ свое недостоинство, когда священникъ, приступая къ св. причащенію, изъ олтаря возглашаетъ міру: святая святыхъ! Въ эти три мгновенія божественной литургіи какимъ—то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго русскаго. *Здѣсь надобно искать перваго объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно во всемъ простомъ народѣ между женщинами подъ именемъ кликушъ!*» (стр. 108, прим. 6)–

Признаемся, — еслибъ этотъ пассажъ былъ написанъ не г. Шевыревымъ, котораго благочестіе не подвержено сомнѣнію, а кѣмъ либо другимъ, то мы пришли бы въ большое недоумѣніе...

Впрочемъ, довольно объ общихъ понятіяхъ г. Шевырева; обратимся къ его лекціямъ объ исторіи русской словесности XIII, XIV и XV столѣтій.

Прежде всего нужно предупредить читателей, что объ исторіи словесности почти вовсе нѣтъ рѣчи въ книжкѣ г. Шевырева. Вы найдете въ его пяти лекціяхъ (XI—XV) и подробный рассказъ о татарскомъ нашествіи, и біографіи благочестивыхъ и мужественныхъ князей, и житія русскихъ пастырей и отшельниковъ, и замѣтки о церковныхъ колоколахъ, живописи, архитектурѣ, мѣстоположеніи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, о чудесахъ, совершавшихся въ древней Россіи; но исторіи словесности не найдете. Да оно и естественно, разумѣется; потому что—какая же тогда была словесность? Только зачѣмъ г. Шевыревъ мистифицируетъ читателей названіемъ своей книги? Писать можно, о чемъ угодно и что угодно; но надо же, по крайней мѣрѣ, имѣть нѣкоторое понятіе хотя о томъ, къ какой области знаній относится предметъ, о которомъ пишешь. Невсе, что было въ древней Руси, можно назвать исторіею древней русской словесности. Г. Афанасьевъ написалъ, напримѣръ, нѣсколько статей о зооморфическихъ божествахъ славянскихъ, г. Егуновъ,—о торговлѣ древней Руси, г. Забѣлинъ—о металлическомъ производствѣ въ древней Россіи;—но не сказали же они, что ихъ труды составляютъ исторію словесности. Да не говоря уже о нихъ, самъ, уважаемый г. Шевыревымъ и извѣстный пылкостью своего ученаго воображенія, г. Бѣллевъ не назвалъ исторіею словесности свои игривыя изслѣдованія—хотя напримѣръ о Руси до Рюрика и о Руси въ первое столѣтіе послѣ Рюрика. Не слѣдовало и г. Шевыреву называть исторіею словесности своихъ извлеченій изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, и изъ «Житій русскихъ святыхъ», изданныхъ г. шамбеляномъ Муравьевымъ.

Въ доказательство того, что мы вовсе не клеветаемъ на г. Шевы-

рева, приводимъ его собственную характеристику двухъ столѣтій, словесность которыхъ составляетъ предметъ его лекцій. О XIII вѣкѣ онъ говоритъ: «Скучно число писателей, относящихся къ XIII вѣку; еще скучнѣе число памятниковъ, отъ нихъ оставшихся. (стр. 30). Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на ихъ пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ татарскимъ кочевьямъ». (стр. 17). А между тѣмъ тринадцатому столѣтію посвящено въ книгѣ г. Шевырева сто страницъ. Чѣмъ же онъ наводненъ? Да такъ, — кое-чѣмъ. Вслѣдъ за признаніемъ литературнаго безплодія XIII вѣка говорится, что безплодіе происходило отъ татарскаго нашествія, и разсказывается подробно о нашествіи Батая, потомъ говорится о доблестяхъ Александра Невскаго, Михаила Черниговскаго, Владиміра Волынскаго и другихъ *героевъ отечества*, въ родѣ Меркурія Смоленскаго, Романа Углицкаго, Петра и Февроніи и другихъ личностей, никогда и не думавшихъ попасть въ литературу. И описываются они не мимоходомъ, не вкратцѣ, а со всѣми возможными амплификаціями, какія только можетъ внушить искусство Квинтиліана. Вотъ напримѣръ *малая толика* изъ разсказа о Владимірѣ Волынскомъ, находящагося *въ Исторіи русской словесности*.

«Высокій ростъ сильныя плечи, прекрасное лицо, русые кудрявые волосы, борода стриженная, стройныя руки и ноги, исподняя часть рта полная и голосъ громкій, — составляли признаки его наружности. Онъ былъ искусный ловецъ, храбръ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ и пр. и пр. (множество качествъ и дѣйствій, изъ которыхъ къ словесности относится только то, что онъ переписалъ своей рукою нѣсколько книгъ)... За четыре года до смерти у него начала гнить исподняя часть рта, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сначала эта болѣзнь не мѣшала ему ходить и ѣздить на конѣ; онъ раздавалъ все имѣнія свое нищимъ. Потомъ на четвертый годъ спало у него все мясо съ бороды, выгнили нижніе зубы, кость бородная перегнила, обнаружилась внутренность гортани: въ теченіе семи недѣль онъ не питался ничѣмъ, кромѣ воды, и то скудно, — и наконецъ скончался послѣ тяжкихъ страданій въ 1288 г., 10 декабря, въ городѣ Любомлѣ». (стр. 25–26).

Надобно прибавить только одно: что Владиміръ этотъ *ничего не писалъ* и не былъ предметомъ *никакого отдельнаго сказанія*, — и читатели вполне оцѣнятъ умѣстность въ исторіи словесности любопытныхъ страданій этого князя....

Такимъ способомъ и наполняегъ почтенный профессоръ свою книжку. Во всей одиннадцатой его лекціи, излагающей на ста страницахъ исторію словесности XIII вѣка, къ словесности собственно

относятся только немногія страницы о Симонѣ и Поликарпѣ, да о словахъ Серапіона. Но и эти страницы весьма поверхностны и состоятъ почти изъ одного только пересказа содержанія памятниковъ. Кромѣ того, г. Шевыревъ распространяется—объ Авраміи Смоленскомъ, который тоже ничего не писалъ, но которому *можно приписать «Слово о небесныхъ силахъ и исходѣ души», потому что Аврамій, по свидѣтельству житія его, написалъ двѣ иконы — страшнаго суда и воздушныхъ мытарствъ, и любилъ о томъ говорить!...* (стр. 89). Распространяется г. Шевыревъ и о разныхъ Кириллахъ, изъ которыхъ одному можетъ быть приписано то самое Слово, которое можетъ быть приписано и Аврамію; о другомъ предполагаютъ, что онъ писалъ что нибудь, но предположенія эти, по сознанию самого г. Шевырева, требуютъ еще ученаго изслѣдованія; а третій, — если и ничего не писалъ, то замѣчательнѣе тѣмъ, что *къ нему писалъ Германъ, патріархъ Цареградскій, о непосвященіи рабовъ въ духовный санъ* (стр. 30—33).

Такъ наполнено XIII столѣтіе. О XIV вѣкѣ ученый профессоръ говоритъ, что представителями его (въ русской словесности) являются—преподобный Сергій, митрополитъ Алексій и Кипріанъ, и Стефанъ Пермскій, но что еще лучше вѣкъ этотъ «можно назвать по преимуществу вѣкомъ св. Сергія». (стр. 106, 313). И цѣлую 12-ю лекцію (60 страницъ) г. Шевыревъ говоритъ о Сергіѣ, Алексѣѣ и Стефанѣ. Въ результатъ лекціи оказывается, что Алексѣй почти ничего не писалъ, а отъ Сергія и Стефана рѣшительно ничего не осталось. Столь странный результатъ изумляетъ самого г. Шевырева, какъ будто почувствовавшаго, что онъ совершенно попусту сочиняетъ свою лекцію. «Станнымъ съ перваго раза покажется, говоритъ онъ, что изъ двухъ первенствующихъ дѣятелей въ духовной жизни нашей XVI вѣка (Сергій и Алексѣй) одинъ не оставилъ ничего письменнаго, а другой мало по объему» (стр. 138). Но впрочемъ ученый нашъ не смущается; онъ тотчасъ нашелся въ своемъ затруднительномъ положеніи. «Ясно, говоритъ, что оба дѣйствовали, по обычаю древнихъ русскихъ людей, изустнымъ словомъ». Это, говоритъ, у насъ нерѣдко бывало. Такъ напримѣръ.... и начинаетъ распространяться о *книжномъ инокѣ Павлѣ Высокомъ*. «А между тѣмъ отъ Павла Высокаго намъ, говоритъ, ничего не осталось» (стр. 139). Стало быть, и отъ другихъ нечего требовать!...

Утѣшивъ себя примѣромъ Павла Высокаго, почтенный академикъ оканчиваетъ свою лекцію уже совершенно спокойно. Разсказавши на 10 страницахъ о Стефанѣ Пермскомъ, онъ уже весьма храбро и безъ обиняковъ спрашиваетъ и отвѣчаетъ: «осталось ли намъ что нибудь отъ словесно-духовной дѣятельности Стефана

Пермского на славянскомъ языкѣ? — Рѣшительно ничего. — Дошли ли до насъ памятники зырянской письменности трудовъ Стефана Пермскаго? — Ни одного» (стр. 149—150). Послѣ этого становятся уже совершенно ясны права Стефана на мѣсто въ исторіи русской словесности.

Въ XIII-й лекціи, самой коротенькой, — посвящено страницъ 15 митрополиту Кипріану, и страницъ 20 — краснорѣчивому описанію пустынножительскихъ обителей. Мистицизмъ ученаго профессора находитъ себѣ здѣсь полный просторъ въ мечтаніяхъ о томъ, какъ на берегахъ Шексны «склоны неба, простираясь кругомъ, кажется, съ любовью захватываютъ всѣ дива благословенной земли» (стр. 199). Впрочемъ, если мечтательнаго автора и можно упрекнуть въ недостаткѣ научной точности и простоты, то нельзя въ тоже время и не похвалить его за теплоту чувства, съ которою рассказываетъ онъ о чудесахъ, бывшихъ въ обителяхъ. Вотъ напр. назидательный рассказъ о Кириллѣ Бѣлозерскомъ:

«Чудесно обнаружилось призваніе Кириллу. Разъ, по обычаю, читалъ онъ ночью акаѳистъ Божіей Матери; мысль его остановилось на словахъ: «странное рождество видѣвше, устранимъ міра,» — и сильно загорѣлась въ немъ давняя молитва. Вдругъ слышитъ онъ голосъ: «иди на Бѣлозеро! тамъ мѣсто твоего спасенія», — и внезапно горній свѣтъ озарилъ его келью. Онъ отворилъ окно — свѣтъ изливался отъ странъ полунощныхъ, гдѣ открывалось Бѣлозеро, а голосъ звалъ и манилъ его туда. Эта ночь была ему свѣтлѣе дня. Она исполнила его радости и дала ему силу рѣшиться на подвигъ» (стр. 198).

Четырнадцатая и пятнадцатая лекціи болѣе касаются словесности, чѣмъ предыдущія; но и онѣ не обошлись безъ пространнаго изложенія предметовъ, которые могли бы вовсе не входить въ исторію словесности. Такъ нѣсколько страницъ здѣсь занято сладкими разсужденіями о зодчествѣ, литейномъ искусствѣ, о дверяхъ и колоколахъ въ древней Руси; слишкомъ уже краснорѣчиво описана жизнь Фотія, много приводится лишнихъ подробностей о разныхъ событіяхъ, по поводу которыхъ написано было то или другое сочиненіе, и проч., двадцать страницъ посвящено изложенію безобразнаго «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ». Въ этомъ изложеніи попадаются между прочимъ такіа мысли: «нельзя не пожалѣть, что этотъ зародышъ поэмы остался у насъ дичкомъ и не одушевилъ ни одного поэта въ художественномъ періодѣ новой Россіи. Древняя Русь, въ своемъ смиреніи, не тщеславилась своими подвигами, а все отдавала Богу. Новая Россія, увлеченная другими стремленіями (?), полюбила славу. Ея бы дѣло было воздать славою тѣмъ, которые не о славѣ,

а о благѣ думали: *но не туда устремила она оч.* Подождемъ далѣе» (стр. 273). Подождите, г. Шевыревъ!...

Въ вознагражденіе за длинноту изложенія «Сказанія», г. Шевыревъ едва удѣляетъ нѣсколько страничекъ народнымъ пѣснямъ татарской эпохи. Не стоитъ говорить о его эксцентрическихъ тенденціяхъ и обо всемъ его поверхностномъ очеркѣ; но можно замѣтить еще одинъ забавный промахъ его. Алешу Поповича онъ принимаетъ за олицетвореніе русскаго, христіанскаго героя въ борьбѣ съ татарскою, бусурманскою силою Тугарина Змѣевича (стр. 298). Между тѣмъ Алеша во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ является съ характеромъ плутовства, трусости и обмана; это просто—противопоставленіе тонкой хитрости грубой тѣлесной силѣ. Хорошаго же героя выбралъ г. Шевыревъ для борьбы съ нехристью!...

Въ заключеніи своей книги г. Шевыревъ удивляется *единству и высотѣ* мысли, выработанной древнею Русью. *Единство* видитъ онъ въ томъ, что всѣ тогда сочиняли на одинъ ладъ, не пускаясь въ пагубное разнообразіе — не только мнѣній, но и самыхъ предметовъ. *Высота* же мысли древне-русской доказывается, по г. Шевыреву, тѣмъ, что и нынѣ писатели, слѣдующіе тѣмъ же путемъ, какъ древніе наши книжники, сходятся съ ними въ мысляхъ. Отсюда г. Шевыревъ заключаетъ, что истина древней Руси — вѣчна, а «для вѣчной истины нѣтъ различія между XIX и XV вѣкомъ; мѣняются формы ея выраженія, она же пребываетъ одна» (стр. 376). Все это прекрасно, и нимало не удивило насъ: мы давно знали, что г. Шевыревъ проповѣдывалъ печатно что-то въ родѣ того, что философія Гегеля заимствована изъ «Поученія» Владиміра Мономаха. Но отчего же г. ординарный академикъ и профессоръ не хочетъ до сихъ поръ обратить свое просвѣщенное вниманіе на одно возраженіе, которое давно и нѣсколько разъ уже ему предлагали, именно: что успокоеніе на *на неизмѣнной истинѣ*, отысканной имъ въ древней Руси, — ведетъ къ самому унылому застою и смерти?... Вѣдь теперь уже всѣ видятъ и знаютъ, что *единая и высокая истина* г. Шевырева, вѣчно-присущая древней Руси, — совершенно чужда всѣмъ жизненнымъ интересамъ новой Россіи и можетъ примиряться съ ними только развѣ въ мистическихъ теоріяхъ опрометчиваго профессора. Въ жизни она можетъ повести теперь только къ жалкимъ самоистязаніямъ, въ родѣ тѣхъ, которыхъ жертвою сдѣлался Гоголь; въ литературѣ она губитъ самобытные таланты, какъ мы видѣли примѣръ на томъ же Гоголѣ, — и производитъ затхлыя, гнилыя, трупобразныя явленія, подобныя «Опыту исторіи русской цивилизаціи» и «Исторіи русской словесности, преимущественно древней».

Курсъ всеобщей исторіи для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій, составл. В. Шульгинымъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Кіевъ 1858.

Руководство всеобщей исторіи. Первая половина исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. Составл. И. Шульгинымъ и В. Макинымъ. Спб. 1858.

Первое дѣло — отнюдь не смѣшивайте двухъ господъ Шульгиныхъ: это двѣ личности, совершенно различныя и даже противоположныя. Одинъ изъ нихъ — Виталій, другой — Иванъ; одинъ — кіевскій, другой — санктпетербургскій; одинъ извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ очень основательнымъ изслѣдованіемъ «О положеніи женщины въ Россіи до Петра»; другой — «Изложеніемъ характера и содержанія исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ», — весьма неловкою компиляціею изъ разныхъ французскихъ писателей. Столь же мало имѣютъ между собою общаго и курсы исторіи, ими изданныя. В. Шульгинъ составилъ свой курсъ *самъ-одинъ*; а г. И. Шульгинъ — вмѣстѣ съ г. Макинымъ. Мы не знаемъ, что такое г. Макинъ и каково участіе его въ составленіи руководства; но такъ какъ труды обоихъ составителей не отдѣлены, то конечно каждый изъ нихъ одинаково долженъ отвѣчать за недостатки и достоинства всей книги. Имѣя это въ виду, мы думаемъ, что г. И. Шульгинъ не обидится, если мы, говоря объ его руководствѣ, будемъ для краткости говорить только о немъ одномъ, не упоминая безпрестанно и г. Макина. Итакъ, будемъ продолжать нашъ параллель между историческими курсами двухъ гг. Шульгиныхъ; онъ весьма поучителенъ.

«Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ» г. В. Шульгина соответствуетъ современнымъ требованіямъ науки; руководство г. И. Шульгина составляетъ шагъ назадъ отъ покойной исторіи Кайданова. — У г. В. Шульгина не слишкомъ много мелочныхъ фактовъ, но всѣ факты рассказаны вѣрно; у г. И. Шульгина всѣ событія загромождены кучею подробностей, которыя всегда искажены и перепутаны. Въ курсѣ г. В. Шульгина факты освѣщаются общей идеей, выводимой изъ ихъ разсмотрѣнія; въ руководствѣ г. И. Шульгина идея навязывается фактамъ совершенно произвольно и нисколько не служитъ къ ихъ объясненію. Г. В. Шульгинъ пишетъ ясно и просто; г. И. Шульгинъ пишетъ краснорѣчиво, темно и нескладно.... Различія, — какъ видите, немаловажныя, и чтобъ они еще яснѣе обрисовались предъ читателемъ, мы подтвердимъ ихъ фактами, извлеченными изъ той и другой книги.

Въ книгѣ г. В. Шульгина находимъ мы коротенькое предисловіе, объясняющее взглядъ автора на изложеніе исторіи; въ книгѣ г. И.

Шульгина никакого предисловія нѣтъ, но самая книга достаточно обличаетъ взглядъ автора. Сравнимъ же двухъ преподавателей.

Г. В. Шульгинъ говоритъ, что онъ старался развить съ особенною полнотою главные историческіе моменты въ жизни первостепенныхъ народовъ и изобразить личность главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей; исторію же второстепенныхъ народовъ и событій изображалъ слегка, въ общихъ характеристическихъ очеркахъ. Затѣмъ онъ выражаетъ убѣжденіе, что *«какъ можно меньше голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно больше живыхъ людей»*—вотъ главное правило историческаго преподаванія и изученія». И г. В. Шульгинъ остается вѣренъ этому правилу въ своей книгѣ. У него нѣтъ подробной исторіи Пиринейскаго полуострова, маленькихъ итальянскихъ городовъ, маленькихъ калифатовъ, нѣтъ этихъ безконечныхъ Альфонсовъ, Григорьевъ, Іоанновъ и Константиновъ, которыми наполняется въ учебникахъ исторіа Испаніи, Рима и Византіи... Но за то у г. В. Шульгина весьма живо и характерно очерчены многія изъ замѣчательныхъ историческихъ личностей среднихъ вѣковъ. Предъ учениками поставлены, какъ живыя лица, не только такіе дѣятели, какъ Магометъ, Карлъ Великій, Генрихъ IV и Григорій VII, Людовикъ XI и т. п., но и такіе люди, какъ напр. Вильгельмъ Тель, Жанна д'Аркъ, и пр.

Совсѣмъ не такъ поступаетъ руководство г. И. Шульгина. Для него нѣтъ разницы между важнымъ и неважнымъ, между полезнымъ и ненужнымъ. У него одно стремленіе: насажать какъ можно больше именъ и фактовъ, не заботясь ни о смыслѣ, ни о связи ихъ. Вотъ выдержка, для образца.

«Отъ Іакова II, сына Дона Петро III, пошелъ родъ арагоно-сицилійскихъ королей до пресѣченія его въ мужескомъ колѣнѣ смертью (1410) Мартина, правнука Іакову II. По супружеству своему съ Элеонорою, сестрою короля Мартина и единственною наслѣдницею престола Арагона и Сициліи, получилъ сіи владѣнія Фердинандъ, меньшой сынъ короля Іоанна Кастильскаго, тогда какъ старшій братъ Фердинанда, Генрихъ III, наслѣдовалъ послѣ отца кастильскую корону. Ал(б)фонсъ V (въ Неаполѣ I), сынъ короля Фердинанда, вопреки завѣщанію королевы Іоанны III, овладѣлъ по ея смерти (1435 г.) Неаполемъ и отстаивалъ королевство Обѣихъ Сицилій отъ всѣхъ притязаній Анжуйскаго дома. Король Ал(б)фонсъ не имѣлъ законныхъ дѣтей, и послѣ его смерти (1458 г.) престолы Арагона и Сициліи достались меньшому брату его Іоанну (— 1479), а отъ него достопамятному сыну его Фердинанду—Католику; однакоже Ал(б)фонсъ успѣлъ утвердить престолъ Неаполя за своимъ побочнымъ сыномъ, Фердинандомъ I, по смерти котораго (1494 г.) вступилъ на престолъ Неаполя сынъ его (Фердинанда) Ал(б)фонсъ II», (стр. 34—35.)

Изъ одной этой выписки, кажется, уже совершенно ясно, что г. И. Шульгинъ думаетъ о значеніи голыхъ именъ и чиселъ въ исторіи вовсе не такъ, какъ г. В. Шульгинъ. И дѣйствительно, во всемъ руководствѣ г. И. Шульгина замѣтно чрезвычайное пристрастіе къ именамъ и непобѣдимое отвращеніе отъ живыхъ характеристикъ. Говоря напр. о Генрихѣ IV, *руководство* и не думаетъ о томъ, чтобы изобразить въ вѣрномъ очеркѣ эту замѣчательную личность, а прежде всего бросается на то, что «Генрихъ Бурбонъ, король Наварры (Нижней), былъ потомокъ по прямой линіи Роберта Бурбона, который по супружеству своему съ Іоанною д'Албретъ, наслѣдницею Наварры, получилъ королевство Наваррское» (стр. 119). Приступая къ изображенію реформациі, *руководство* такъ говоритъ о предшественникахъ Лютера: «въ теченіе всего этого времени возникали и распространялись расколы; сильнѣйшій былъ произведенъ въ Богеміи Іоанномъ Гуссомъ (1373—1415), проессоромъ Прагскаго университета, и другомъ его Іеронимомъ (+ 1416); предшественникомъ ихъ обоихъ былъ Виклефъ (1324—1387), профессоръ богословія въ Оксфордскомъ университетѣ» (стр. 59). И хотя бы одно слово о мнѣніяхъ этихъ людей, хотъ бы строчка объ ихъ требованіяхъ, ихъ характерѣ, о началѣ и развитіи ихъ борьбы съ папствомъ!... Были такіе-то тогда-то,—и дѣло съ концомъ. По неволѣ къ *руководству* приложимъ слова г. В. Шульгина изъ предисловія къ его курсу: «эти имена и числа, или, лучше сказать, эти клѣтки, обозначенныя извѣстными ярлыками, не давая понятія ни о характерѣ народа, ни о характерѣ историческихъ дѣятелей, бесполезно выучиваются, легко вылетаютъ изъ памяти и только отнимаютъ у преподавателя время, необходимое для полной, живой характеристики событій и лицъ, подвигавшихъ впередъ вѣкъ или служившихъ типическими представителями вѣка». Нельзя не согласиться, что слова г. В. Шульгина имѣютъ весьма грустное примѣніе къ руководству г. И. Шульгина.

Другая и самая существенная разница *курса* г. В. Шульгина отъ *руководства*, г. И. Шульгина состоитъ въ томъ, что у г. В. Шульгина «изложеніе такъ называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь народовъ», а у г. И. Шульгина о внутренней жизни народовъ нѣтъ и помину, напротивъ все вниманіе обращено исключительно на внѣшнія политическія событія. *Руководство* г. И. Шульгина даже вовсе не хочетъ понять, что есть на свѣтѣ *народъ*, съ своими нуждами и интересами; для *руководства* существуютъ только государства и династическіе интересы ихъ правителей. Вся новая исторія подчинена внѣшне-политической точкѣ зрѣнія. За-

бавно читать, какъ г. И. Шульгинъ характеризуетъ новую исторію, наивно увѣряя, что ея отличительныя качества состоятъ: 1) въ *единствѣ* внутренняго состава государствъ (ибо всѣ граждане суть члены одного и того же государственнаго организма, повинуются одной и той же верховной власти и живутъ подъ одними и тѣми же законами); 2) въ *политическомъ равновѣсіи государствъ*. Вѣрный своей точкѣ зрѣнія, г. И. Шульгинъ считаетъ напр. крестовые походы не болѣе, какъ средствомъ «уничтоженія разнородности въ составѣ государствъ», а всѣ открытія и изобрѣтенія XIV и XV вѣка цѣнить по ихъ вліянію на установленіе политическаго равновѣсія. Самъ г. И. Шульгинъ простодушно признается, что его новая исторія есть не что иное, какъ «*исторія политическаго равновѣсія въ системѣ европейскихъ государствъ*», и что вся задача ея состоитъ только «въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ политическое равновѣсіе было нарушаемо и опять восстанавливаемо» (стр. 26). Столь жалкое и мертвое понятіе объ исторіи, исключаящее изъ нея всѣ существенныя интересы народной жизни, приводитъ автора къ весьма забавнымъ нелѣпостямъ. Напримѣръ, на основаніи своей главной идеи онъ признаетъ слѣдующіе предѣлы, далѣе которыхъ изученіе новой исторіи не смѣетъ идти. «*Учебное начало* новой исторіи есть то событіе, въ которомъ въ первый разъ выразилось стремленіе одного государства къ преобладанію (нарушеніе политическаго равновѣсія) и противодѣйствіе этому стремленію со стороны прочихъ (восстановленіе равновѣсія); *учебное окончаніе* исторіи—то событіе, въ которомъ въ послѣдній разъ повторились всѣ эти обстоятельства». Такимъ образомъ за начало новой исторіи г. И. Шульгинъ принимаетъ *походъ Карла VIII въ Италію въ 1494 г.* Это, конечно, странно, но все еще не столько, какъ то, что *окончаніемъ* исторіи признаетъ онъ *Ахенскій конгрессъ* (стр. 26). Тамъ, говоритъ, окончательно восстановлено политическое равновѣсіе, и затѣмъ — нѣтъ болѣе исторіи! На Ахенскомъ конгрессѣ г. И. Шульгинъ поставилъ для человѣчества геркулесовы столбы и не пускаетъ его далѣе, «примолвя: *здѣсь остановись!* Пусть народы живутъ, трудятся, волнуются, хлопочутъ о своемъ образованіи и объ улучшеніи своего быта,—г. И. Шульгину никакого дѣла нѣтъ до этого: для него вся исторія заключается въ метеорологическихъ наблюденіяхъ надъ политическимъ равновѣсіемъ. Ученики хотятъ отыскать въ исторіи разумное объясненіе и оправданіе настоящаго порядка вещей, хотятъ прослѣдить постепенное развитіе тѣхъ общественныхъ формъ и условій жизни, отъ которыхъ должна зависѣть ихъ собственная дѣятельность; оглядываясь на жизнь своихъ отцовъ и дѣдовъ, они хотятъ знать,—что же сдѣлали старшія поколѣнія и что послѣ нихъ ос-

талось недовершеннымъ. Но что за дѣло г. И. Шульгина до всѣхъ этихъ юношескихъ стремленій? Онъ—человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, (ибо уже 30 лѣтъ тому назадъ помѣщалъ въ «Сынѣ Отечества» отрывки изъ своей книги «Изображеніе характера и содержанія новой исторіи»), и имѣетъ свои, твердоустановившіяся понятія, которымъ ни за что не пзмѣнить. Онъ успокоился на Ахенскомъ конгрессѣ, какъ будто ему, И. Шульгину, самому лично принадлежали всѣ лавры этого конгресса; и что же ему за охота послѣ этого слѣдить за современной исторіей? Конечно, характеръ исторіи остался тотъ же, что и прежде, государства не перестали развиваться, не прервали взаимныхъ сношеній; но политическое равновѣсіе, по мнѣнію г. И. Шульгина, уже не играетъ роли... Оттого и исторія послѣднихъ сорока лѣтъ превратилась въ нѣчто, вниманія не стоящее. Вотъ хоть бы напрямѣръ и *восточная война*. Конечно, —война замѣчательная, и народу въ ней много побито, и послѣдствія важныя; но вѣдь въ ней не выразилось «стремленіе одного государства къ преобладанію и противоѣдѣствіе оному со стороны прочихъ»; это была война просто изъ-за ключей Гроба Господня, изъ-за покровительства христіанамъ въ Турціи. Такъ вонъ ее изъ исторіи, эту нелѣпую войну, въ которой не выразилось политическое равновѣсіе!! Не стоитъ она вниманія г. И. Шульгина, какъ и все, совершившееся на свѣтѣ послѣ Ахенскаго конгресса!

Доходя до такой виртуозности въ послѣдовательномъ проведеніи своей нелѣпой идеи, *руководство* нисколько уже не удивляетъ насъ тѣмъ, что оно все наполнено только войнами и войнами, которымъ объясняются тѣмъ только, что такой-то государь возмнилъ стремленіе къ преобладанію, а такіе-то умѣли или не умѣли ему противоѣдѣствовать. Принявъ произвольную, мертвую идею за основаніе всей исторіи, г. И. Шульгинъ все объясняетъ произволомъ и случайностью. Тридцатилѣтняя война началась у него потому, что Фердинандъ II возчувствовалъ стремленіе къ преобладанію; ужасы Варфоломеевской ночи произошли оттого, что Екатерина Медичи опасалась вліянія Колиньи на Карла IX; разстройство Швеціи въ XVII вѣкѣ объясняется страстью Христіны къ ученымъ занятіямъ, и пр. и пр. Но этого мало: г. И. Шульгинъ не только объясняетъ все произволомъ, но и старается, гдѣ только возможно, оправдать этотъ произволъ. По его мнѣнію, напр. въ борьбѣ парламента съ Карломъ I, виноватымъ былъ одинъ парламентъ (стр. 198); даже Нидерланды выходятъ у г. И. Шульгина почти виноватыми за свое возстаніе противъ Испаніи. О Филиппѣ II, этомъ типѣ кроваваго тирана и дикаго изувѣра, г. И. Шульгинъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Филиппъ II воспитанъ былъ

въ строгихъ правилахъ католицизма, и по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ былъ врагъ и гонитель всякой ереси; онъ видѣлъ въ протестанскомъ ученіи направленіе, которое считалъ мятежнымъ и опаснымъ. Въ 1559 г. отправляясь изъ Нидерландовъ въ Испанію, Филиппъ II унесъ съ собою *убѣжденіе въ необходимости сильныхъ мѣръ* (такъ говорится объ инквизиціи, шпионствѣ, кострахъ и казняхъ всякаго рода! Самъ князь Шаляковъ выразился бы въ этомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ г. И. Шульгинъ!) — и къ совершенному искорененію религіозныхъ пововведеній, и къ измѣненію многообразныхъ уставовъ, чтобы привести эту страну къ единству религіозному и политическому, и утвердить въ ней свое неограниченное полномасіе». (стр. 108)....

Увлеченный своей общей идеей г. И. Шульгинъ безпощадно искажаетъ самые факты, даже въ такихъ крупныхъ чертахъ, которыя извѣстны изъ самаго краткаго учебника. Напримѣръ онъ говоритъ, что «вслѣдствіе крестовыхъ походовъ вассалы, духовенство, *горожане утратили свое прежнее могущество*» (стр. 7). Загляните, г. И. Шульгинъ, хоть въ курсъ вашего однофамильца, — вы найдете тамъ, на стр. 119, слѣдующее: «вслѣдствіе крестовыхъ походовъ развились въ Европѣ промышленность и торговля, которыя *обогадили и возвысили сословіе горожанъ или среднее сословіе*, бывшее дотолѣ въ совершенномъ упадкѣ.» Далѣе, на 7 же стр., у г. И. Шульгина говорится, что послѣ крестовыхъ походовъ «власть монархическая *перестала встрѣчать для себя препятствія* въ вассалахъ, духовенствѣ и *привиллегіяхъ городскихъ общинъ*». Посмотрите же опять у г. В. Шульгина хоть то, что говорится о Франціи, на стр. 129: «въ началѣ XIV вѣка депутаты горожанъ или средняго сословія получаютъ значеніе политическое, именно право участвовать въ собраніи государственныхъ сословій; а въ концѣ XIV вѣка они дѣлаются уже опасными для самой монархіи, которая имъ между прочимъ обязана своимъ возвышеніемъ.» Изъ одного сравненія этихъ отзывовъ можно видѣть, какъ г. И. Шульгинъ далекъ отъ разумнаго пониманія историческихъ явленій; что онъ можетъ понять, если не понимаетъ даже роли городскихъ общинъ въ исторіи среднихъ вѣковъ?...

Спеціалисты находятъ множество мелкихъ погрѣшностей чуть не на каждой страницѣ *руководства* г. И. Шульгина; но что значатъ мелкія погрѣшности предъ такою громадною историческою непониманіемъ (мы не хотимъ сказать — недобросовѣстности)? Какъ жалки бѣднѣшки, которые принуждены будутъ учиться по книгѣ г. И. Шульгина! Какое извращеніе здраваго смысла, какая куча ложныхъ понятій, какая узость и пошлость воззрѣній будутъ неизбежнымъ утѣломъ ихъ, когда они проникнутся идеями *руководства*!... Въмѣсто

живой исторіи народа имъ дается какая-то геральдика въ лицахъ, вмѣсто характеристики лицъ и событій — безсмысленная реторическая амплификація!... «Герцогъ Альба — воевода *знаменитый*, но человекъ жестокий по характеру» (стр. 109). «Тилли, *знаменитый* воевода, но неумолимо-суровый человекъ» (стр. 147).» Мансфельдъ и Христіанъ Брауншвейгскій — два героя, *известные* своими дарованіями и жестокостями» (стр. 151). «Густавъ Адольфъ — равно *знаменитый* и какъ царь, и какъ воевода» (стр. 171).... Такими характеристиками преисполнено *руководство*, и хорошо еще, если онѣ ограничиваются нѣсколькими словами. А то есть характеристики строкъ въ двадцать, не представляющія ничего, кромѣ набора ненужныхъ словъ, въ родѣ того, что такой-то — Ришелье, Кольберъ, Лувуа или кто нибудь другой, — все равно — отличался своими дарованіями, просвѣщеніемъ, любовью къ отечеству, познаніемъ дѣлъ государственныхъ, имѣлъ волю твердую и осмотрительную, въ образѣ дѣйствій наблюдалъ справедливость и благоразуміе, и т. д.

А кромѣ характеристикъ ученики должны выизубрить въ руководствѣ еще множество краснорѣчивыхъ тирадъ, весьма невразумительно разсуждающихъ объ общихъ философскихъ и политическихъ идеяхъ. Видно, что г. И. Шульгинъ работалъ сильно и добросовѣстно надъ принятою имъ основною идеею исторіи; но такъ какъ изъ всѣхъ возможныхъ средствъ убѣжденія онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только реторику, то разсужденія его и вышли чрезвычайно слабы. Посмотрите напр. какъ онъ доказываетъ весьма простую мысль о томъ, что не всѣ государства могутъ быть равны по своему могуществу.

«Подъ именемъ политическаго равновѣсія отнюдь не должно разумѣть равенства въ силахъ государства, потому что такого равенства не можетъ и не должно быть. *Не можетъ* быть такого равенства потому, что силы каждаго государства двойки: *вещественныя* и *духовныя*; первыя состоятъ въ пространствѣ и свойствахъ земли, занимаемой государствомъ, и въ его народонаселеніи; вторыя (слушайте! слушайте!) — въ любви и преданности народа къ своему отечеству, и въ его готовности принести всякую жертву для защиты своего правительства, своихъ законовъ, своей вѣры. Если вещественныя силы, какъ подлежащія числу и мѣрѣ, и могли бы поровну распредѣлены быть между государствами, то силы духовныя не могутъ быть уравнены: для нихъ нѣтъ мѣры! Относительное могущество государствъ зависитъ главнѣйше отъ ихъ духовныхъ, а не отъ ихъ вещественныхъ силъ. Но если бы даже и возможно было уравнивать государства и въ вещественныхъ и въ духовныхъ силахъ, то *не должно* быть такого равенства: оно противно человеческой природѣ и природѣ общества: уравнивая государства въ обоихъ этихъ отношеніяхъ (слушайте!) надлежало бы особой силою и удерживать ихъ навсегда въ такомъ состояніи ра-

венства, т. е. (слушайте, что есть!) поставить вѣчную преграду ихъ развитію и усовершенствованію, которому нѣтъ предѣла и которое составляетъ цѣль существованія человѣка и человѣческаго общества на землѣ» (стр. 25.).

Какой, право, политикъ и философъ этотъ г. И. Шульгинъ! «Духовныя силы народа состоятъ, говоритъ, въ преданности и въ готовности... Уравнять государства—значить, говоритъ, оставить вѣчную преграду ихъ развитію....» Богъ васъ знаетъ, что это вы такое говорите, г. И. Шульгинъ!... Неужели же вы не знаете, что преданность и готовность вовсе не составляютъ дѣйствительной силы, а представляютъ собою, одна—совершенно пассивное качество, другая—только возможность, простую возможность, которая ничего не значитъ?... Неужто вы не знаете, что невещественныя силы государства заключаются въ образованіи народа, въ развитіи его характера, въ его учрежденіяхъ, въ признаніи правъ труда, въ общественныхъ гарантіяхъ?... И съ чего это вамъ, г. И. Шульгинъ, все такое придумывается, будто два равныя государства не могутъ ужъ и развиваться и совершенствоваться, именно вслѣдствіе того, что они равны? Господь съ вами, одумайтесь и обратите здравое разсужденіе хоть на вашу же систему политическаго равновѣсія. Вѣдь и ова къ тому направлена, чтобы оградить слабыхъ отъ сильнаго; значитъ—неравенство—то государствъ мѣшаетъ свободному развитію каждаго изъ нихъ, а равенство силъ—какая же помѣха? Хоть сами на себя примѣряйте: если бы, напримѣръ, ваше *руководство* и *курсъ* г. В. Шульгина были совершенно равны по своимъ достоинствамъ, неужели вы думаете, что это помѣшало бы обѣимъ книжкамъ еще улучшиться при новомъ изданіи? Мы этого не думаемъ.... Напротивъ—теперь вамъ, г. И. Шульгинъ, трудно дожидаться не только исправленнаго, но и вообще какого нибудь новаго изданія вашей книги; узнавъ, что г. В. Шульгинъ издалъ исторію среднихъ вѣковъ, публика будетъ теперь съ нетерпѣніемъ ждать отъ него же и новой исторіи, которая могла бы избавить несчастныхъ учениковъ отъ вашего унылаго *руководства*....

Черноморскіе козаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. Въ семнадцати разказахъ, съ эпилогомъ, картою и четырьмя рисунками съ натуры. Въ двухъ частяхъ. С.П.Б. 1858.

Уральцы. Очерки быта уральскихъ козаковъ. Въ двухъ частяхъ. *Сочиненіе Іоасафа Жельзнова.* Москва. 1859.

У насъ такъ мало еще сдѣлано по части статистики и этнографіи, что всякая географическая замѣтка, сдѣланная мимоходомъ,

есть уже приобретённое для науки. Тѣмъ съ бѣльшею радостію мы встрѣчаемъ всякій спеціальный и сколько нибудь серьёзный трудъ по этой части.

Оба поименованныя нами сочиненія имѣютъ предметомъ своимъ козацкій бытъ, въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Авторъ перваго сочиненія г. Иванъ Попка занимается тою отраслію козаковъ, которая, немного спустя по уничтоженіи знаменитой запорожской сѣчи, перенесена была на берега Кубани и на новой почвѣ получила назначеніе—служить защитой южныхъ предѣловъ европейской Россіи отъ вторженія непріязненныхъ намъ обитателей Кавказа. Во второмъ сочиненіи въ живыхъ и легкихъ разсказахъ рисуется бытъ уральскихъ или яицкихъ козаковъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Мѣстами г. Желѣзновъ, авторъ этого сочиненія, касается и современнаго состоянія уральскаго козацкаго войска. Такимъ образомъ оба названныя сочиненія имѣютъ двойной интересъ: статистико-этнографическій и историческій.

Черноморскіе козаки, какъ мы уже замѣтили, — потомки запорожцевъ. Поводомъ къ уничтоженію ихъ прежней сѣчи былъ яицкій бунтъ. По требованію правительства, большинство запорожцевъ въ 1775 г. сложило оружіе и разошлось по ближайшимъ губерніямъ, чтобы приписаться къ мирнымъ сословіямъ. Только незначительная ихъ часть отвѣчала непослушаніемъ и бѣжала на службу къ султану. Но мирная жизнь козаковъ продолжалась самое короткое время. Въ 1783 году рѣка Кубань объявлена была нашей границей со стороны турецкихъ владѣній на Кавказѣ. Правительство, имѣя въ виду заселеніе этой границы народомъ, привыкшимъ къ постоянной войнѣ, обратилось къ бывшимъ запорожцамъ съ призывомъ ихъ на службу «по старому козацкому уряду», только на новомъ мѣстѣ. Козаки, разумѣется, съ радостію встрѣтили этотъ призывъ, и въ 1792 году переселились на Кубань, въ числѣ 13,000 человекъ. Затѣмъ, вслѣдствіе особыхъ мѣръ правительства, къ нимъ подошло еще въ видѣ отсталыхъ до 7,000 семейныхъ и безсемейныхъ козаковъ, находившихся на поселеніи въ разныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края. Это составило коренное населеніе козацкаго Черноморья. Къ нему съ теченіемъ времени присоединилось до 500 запорожцевъ, убѣжавшихъ къ султану, около 52,000 добровольныхъ переселенцевъ мужскаго пола изъ губерній Полтавской, Черниговской и Харьковской, и до 1,000 душъ мужскаго пола добровольно вышедшихъ изъ—за Кубани Черкесъ и Татаръ. Весь войсковой составъ простирался тогда до 73,000 мужскаго и 50,000 женскаго пола душъ. Въсѣмъ съ переселеніемъ козаковъ на Кубань, перешло туда и прежнее ихъ сѣчевое устройство—кошъ и курени. Это устройство существовало около десяти

ти лѣтъ. Но со вступленіемъ на престолъ Императора Александра I, курени въ Черноморскомъ войскѣ замѣнены были полками, а названіе куреней осталось за козацкими селеніями, которыя впрочемъ въ позднѣйшее время стали называться станицами, для сходства съ другими козацкими войсками. Главное управленіе надъ войскомъ представлено наказному атаману, который вмѣстѣ съ военною имѣетъ въ своихъ рукахъ и высшую гражданскую власть надъ всѣми войсковыми учрежденіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждены были и другія военныя должности и званія, по образцу прочихъ войскъ имперіи. Вся войсковая іерархія стала избираться отъ правительства, а не свободными голосами куреней, какъ было на вольномъ Запорожьѣ и въ первые десять лѣтъ пребыванія козаковъ въ Черноморьѣ, пока у нихъ существовало съечное устройство. Прежде военные чины избирались изъ среды всего козацкаго круга, и притомъ только на время, послѣ чего они опять становились въ общій рядъ съ остальными членами своего сословія. «Это, какъ говоритъ авторъ, были Цинциннаты, которые вчера ѣхали на триумфальной колесницѣ, а сегодня тонули изъ воды рыболовную сѣть». Теперь высшее военное сословіе отдѣлилось рѣзко отъ простыхъ козаковъ и на языкѣ послѣднихъ стало извѣстно подъ именемъ «панства». Понятно, что при новомъ устройствѣ долженъ былъ совершенно измѣниться и духъ самаго общества. Многое, что при прежнемъ порядкѣ вещей было хорошо, оказалось теперь несостоятельнымъ и требовало отмѣненія. Къ сожалѣнію, при введеніи новаго устройства, на это не было обращено должнаго вниманія, и реформа внесла въ козацкое общество только одно зло и несогласіе. Мы говоримъ о поземельной усаобицѣ, вызвавшей войсковое положеніе 1842 года.

При переселеніи козаковъ на Кубань, правительство дало имъ землю, предоставивъ каждому члену общества пользоваться ею, по мѣрѣ надобности. Такъ какъ земля дана была не отдѣльнымъ личностямъ, а цѣлому обществу, то само собою разумѣется, что на ней невозможно было никакое частное потомственное владѣніе; на ней могло быть только пожизненное пользованіе. Пока въ Черноморіи существовало старинное запорожское устройство, пока всѣ безъ изъятія козаки были равны по правамъ состоянія, тамъ не могло быть поземельныхъ распрей, и простой законъ пользованія землею не нуждался ни въ какихъ ограниченіяхъ. Но когда между козаками образовалось новое сословіе людей заслуженныхъ, облеченныхъ высшею властію, то *мѣра надобности*, упоминаемая въ первоначальномъ поземельномъ законѣ, болѣе не могла уже быть равною для всѣхъ. Теперь выдвинулось на первый планъ право сильного. Войсковые чины, сколько хотѣли и могли, расширяли размѣры своего

земельнаго пользованія и, какъ выражается авторъ, «не принимали въ руководство другаго правила, кромѣ правила тройнаго прямого, выражающаго извѣстную истину, что по брюху и хлѣбъ, что большому кораблю большое и плаваніе». Всѣ лучшіе земельные участки перешли въ руки пановъ. Мало того, пользуясь отсутствіемъ всякой управы, они обратили было эти участки въ вѣчно — потомственное владѣніе, жалуя ихъ другъ другу письменными актами, которыхъ впрочемъ не смѣли предъявлять правительству. Такимъ образомъ пожизненное пользованіе мало по малу превращалось въ потомственное и общинная земля переходила въ руки немногихъ, въ ущербъ всѣмъ. Чтобы придать пользованію характеръ владѣнія, войсковые чины вздумали отдѣлиться отъ прочихъ членовъ общества и водворились въ однопочку хуторами. Съ теченіемъ времени и курени, не желая уступить панамъ, стали жаловать земли простымъ козакамъ. Чтобы козаку получить право «сѣсть хуторомъ», для этого ему стало только поставить угощеніе куренному обществу. Курени не предвидѣли послѣдствій своихъ честолюбивыхъ притязаній и въ простотѣ сердца къ старому злу прибавляли новое. Козакъ, сѣвшій хуторомъ, дослужившись чиновъ, дѣлался паномъ во всемъ дурномъ значеніи этого слова, т. е. притѣснялъ своихъ прежнихъ собратовъ и раздвигалъ на счетъ ихъ свои владѣнія. — Въ настоящее время различіе между хуторами панскими и куренными совершенно исчезло, и они равно стали несносны для куренныхъ обществъ. Началась борьба между курениями и хуторами и можетъ быть зашла бы очень далеко, если бы правительство не приняло участія въ этомъ дѣлѣ. Въ 1842 г. издано было войсковое положеніе, которое взялось опредѣлить условія, размѣры и порядокъ пользованія землею. Имъ повелѣвалось «учинить межевое измѣреніе и распредѣленіе войсковой земли и отвести въ пожизненное пользованіе: на каждаго козака по 30, оберъ-офицера по 200, штабъ-офицера по 400 и генерала по 1,500 десятинъ. Такова мѣра надобности, опредѣленная новымъ войсковымъ положеніемъ для каждаго ранга. Приведеніе этого устава въ исполненіе составляетъ одно изъ текущихъ распоряженій настоящаго времени.

Мы коснулись только происхожденія черноморскаго войска и его земельнаго уряда, такъ какъ козакъ столько же воинъ, сколько и земледѣлецъ. Но книга г. Ивана Попки далеко не ограничивается этими двумя статьями. Въ ней можно найти множество весьма интересныхъ топографическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній объ описываемомъ имъ краѣ и его обитателяхъ.

Обратимся теперь къ Уральцамъ. Книга г. Желѣзнова, исключая двухъ послѣднихъ главъ, состоитъ изъ легкихъ очерковъ, въ которыхъ рисуется бытъ уральскихъ козаковъ: ихъ домашняя

жизнь и промышленныя занятія, ихъ преданія, повѣрья, военное устройство, отношенія къ сосѣдямъ и т. п. Чтобы придать болѣе интереса своимъ очеркамъ, авторъ выводитъ иногда на сцену замѣчательныя въ какомъ нибудь отношеніи козацкія личности изъ временъ минувшихъ, рассказываетъ анекдоты и разные случаи изъ жизни описываемаго имъ общества, которые имѣютъ впрочемъ болѣе нраво-описательный и романическій интересъ, нежели историческій. Последнія двѣ главы имѣютъ заглавія: «Критическая статья на Исторію пугачевского бунта» и «Мысли козака о козачествѣ». Въ первой изъ нихъ авторъ старается опровергнуть мысль Пушкина, что причиною пугачевского бунта были лищкіе козаки и что Пугачевъ былъ только орудіемъ ихъ. Тѣми же самыми документами, которые приведены у Пушкина въ приложеніяхъ къ «Исторіи пугачевского бунта», г. Желѣзновъ доказываетъ, что лищкіе козаки не могли выдумать самозванца, а что самъ Пугачевъ хитростію обольстилъ простыхъ и невѣжественныхъ козаковъ, воспользовавшись волненіемъ, происходившимъ тогда въ лищкомъ войскѣ, вслѣдствіе притѣсненій, которыя терпѣли козаки отъ своихъ начальниковъ и старшинъ. Г. Желѣзновъ обличаетъ Пушкина даже въ противорѣчій: онъ говоритъ, что Пугачевъ является въ «Исторіи» Пушкина то хитрецомъ, то простакомъ, и что тотъ же самый Пугачевъ представляется у него совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ въ «Капитанской Дочкѣ», особенно гдѣ онъ рассказываетъ Гриневу сказку объ орлѣ и воронѣ. Въ послѣдней главѣ «Мысли козака о козачествѣ» авторъ возстаётъ противъ тѣхъ, которые хлопчутъ объ устройствѣ новыхъ козацкихъ общинъ или, какъ онъ называетъ такихъ людей, противъ *проектсеровъ*. Онъ говоритъ, что козакъ — лицо типическое, оригинальное, самобытное, созданное природою и временемъ, а не возникшее вслѣдствіе кабинетныхъ проектовъ, и что общинъ козацкихъ нельзя составлять искусственнымъ образомъ, во всякое время. Подобные прозекты о разведеніи козаковъ авторъ сравниваетъ съ прозектами объ искусственномъ разведеніи цыплятъ, себрюгъ и форелей. Онъ говоритъ, что мужика нельзя передѣлать въ козака, что онъ способенъ быть только солдатомъ; а между солдатомъ и козакомъ большая разница. Крестьянинъ, какъ скоро сдѣлался солдатомъ — уже болѣе не земледѣлецъ: онъ бросаетъ плугъ и поступаетъ на полное казенное содержаніе. Казна кормитъ и одѣваетъ не только его самого, но даже его жену и дѣтей, если ему вздумается жениться. Весь міръ заключается для него въ ротѣ, гдѣ онъ служитъ, въ казармахъ и лагеряхъ, гдѣ онъ живетъ. Дѣло солдата — знать военные артикулы, и больше ничего. Совсѣмъ иное дѣло — дѣло козака. Онъ получаетъ отъ казны пакъ только во время похода; во всякое же другое время

казнѣ нѣтъ одного ни какого дѣла, а еще менѣе до его семейства. козакъ долженъ имѣть свою собственную одежду, вооруженіе, лошадь и проч. Неурожай, засуха, скотскій падежъ озабочиваютъ его столько же, какъ и всякаго земледѣльца. Отъ крестьянина, перебивающагося съ куска на кусокъ, нельзя требовать, чтобы онъ имѣлъ свой собственный гвардейскій мундиръ и чтобы онъ, состоя на службѣ, пропитывалъ свою семью; а еще труднѣе. говоритъ авторъ, «вдохнуть въ него тотъ благотворный духъ общины, духъ братства и товарищества, духъ, который присущъ каждому природному козаку, духъ, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть общества».

Мы вполне согласны съ авторомъ, что изъ крестьянина трудно сдѣлать отъявленнаго храбреца, каковъ настоящій козакъ, который съ молокомъ матери всасываетъ въ себя воинскую кровь и чуть-чуть не отъ самой колыбели готовится къ боевой жизни: разведеніе такихъ храбрецовъ искусственнымъ способомъ дѣйствительно походило бы на искусственное разведеніе цыплятъ и форелей, пожалуй даже хуже. Козака въ этомъ смыслѣ дѣйствительно могло создать только время и обстоятельства, подобно тому, какъ на западѣ время и обстоятельства создали рыцарей. Но рыцарство, порожденіе обстоятельствъ, должно было исчезнуть вмѣстѣ съ обстоятельствами, вызвавшими его, и мы видимъ, что рыцарь дѣйствительно сдѣлался теперь анахронизмомъ въ Западной Европѣ. Этотъ же удѣлъ ожидаетъ и нашего козака. Уже и теперь замѣтно ослабѣваетъ у насъ духъ козачества; но онъ все еще находитъ для себя нѣкоторое подкрѣпленіе, своего рода пищу, въ стычкахъ съ пограничными народами. Но вѣдь не вѣчно люди будутъ враждовать между собою: когда нибудь поймутъ же они, что миръ лучше брани и что война—признакъ еще не совсѣмъ исчезнувшей первобытной грубости общественныхъ нравовъ, неразвитости понятій объ общежитіи, атрибутъ того времени, когда *право сильного* играетъ главную роль въ судьбѣ народовъ. Будетъ время, когда козачество сдѣлается тоже анахронизмомъ на Руси. И теперь уже мы представляемъ первоначальнаго козака не иначе, какъ олицетвореніемъ необузданнаго удалства, свойственнаго только временамъ варварскимъ и являющагося вслѣдствіе избытка юныхъ, еще нетронутыхъ силъ, которыя не знаютъ для себя иного исхода, кромѣ войны и неудержимаго разгула. Это удалство, въ свое время считавшееся доблестью, теперь кажется намъ смѣшнымъ и съ нравственной, и съ юридической, и даже съ экономической точки зрѣнія. Если оно занимаетъ насъ, то развѣ только какъ любопытный фактъ изъ временъ давноминувшихъ. Теперь, благодаря успѣхамъ человѣческаго просвѣщенія и цивилизаціи, мы живемъ покойнѣе въ своей средѣ и не имѣемъ уже такой нужды въ без-

смѣнныхъ ратоборцахъ, какую имѣли во времена былыя. За чѣмъ же воскрешать тѣхъ, чья пора миновала, и вызывать ихъ на постепенно-заростающую и пустѣющую арену?...

Но намъ кажется напраснымъ опасеніе автора, что въ нашего крестьянина невозможно даже вдохнуть духъ общины, духъ братства и товарищества. Что такое козацкая община? Если смотрѣть на нее съ гражданской точки зрѣнія, это союзъ членовъ, которые равны по правамъ состоянія и которые свободно управляются сами собою. Такой характеръ имѣли всѣ первоначальныя козацкія общества. Но неужели нашъ мужичокъ такъ привыкъ гнуть спину, неужели ему такъ пріятно проливать за чужой работой, отказывая самому себѣ въ кускѣ насущнаго хлѣба, — неужели все это сдѣлалось для него такою насущною потребностью, что въ него даже нельзя вдохнуть желанія лучшей участи? Къ счастью, факты показываютъ противное... Равнымъ образомъ нашему крестьянину нельзя отказать и въ духъ братства и товарищества. Заединщина, любовь къ землякамъ и однокашникамъ, складчина на какое нибудь полезное учрежденіе или приобрѣтеніе, если только это не выходитъ изъ круга ихъ средствъ — явленія довольно обыкновенныя между крестьянами. Все это показываетъ, что нашему крестьянину во все не противенъ духъ общины и что его нельзя представлять какимъ-то особнякомъ, который не видитъ ничего дальше своего двора и который до того грубъ и не развитъ, что его не занимаютъ никакіе интересы!...

Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Съ портретомъ автора. Изданіе редакторовъ Одес. Вѣстника, А. Бодановскаго и А. Георіевскаго. Одесса 1858.

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 дек. 1858 г. Москва 1858 г.

Объ эти книжки, въ одно время попавшія къ намъ въ руки, навели насъ на размышленія очень грустныя. Въ нашей общественной жизни бываютъ явленія, которыя могутъ иногда увлечь на минуту добродушнаго человѣка и внушить ему отрадное чувство. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ «Отчетъ Московской Практической Академіи», составленный инспекторомъ ея, извѣстнымъ профессоромъ М. Я. Киттары. Но рядомъ съ этими явленіями у насъ такъ много неразрѣшенныхъ вопросовъ и неудовлетворенныхъ потребностей, такъ давно уже тревожатъ насъ разнородныя ожиданія чего-то но-

ваго и лучшаго, что мы мгновенно падаемъ, какъ бы съ облаковъ, при первомъ звукѣ строгаго голоса, провозглашающаго высшія требованія разума и справедливости. Внезапно очнувшись, мы видимъ, что то, чѣмъ мы сейчасъ восхищались, представляетъ не болѣе, какъ намекъ на то, что нужно дѣйствительно; мы убѣждаемся, что относительное улучшение сочли за положеніе нормально-хорошее, и намъ становится грустно и горько. Мы видимъ предъ собою робкія начинанія, слабыя попытки, больше словъ, чѣмъ дѣла, и даже въ словахъ какую-то нерѣшительность, дуализмъ, желаніе отдѣлаться или прикрыться фразами. И все это вызывается самимъ обществомъ, вынуждается силою обстоятельствъ—даже отъ лучшихъ, отъ передовыхъ людей! Смѣшно становится на самого себя за свои прежнія радужныя надежды, и невольно удивляешься въ это время тѣмъ людямъ, которые умѣютъ силою строгой мысли возвыситься надъ обольщеніями мелочей жизни. Къ числу такихъ людей безспорно принадлежитъ Н. И. Пироговъ, и напечатанныя нынѣ «Литературныя Статьи» его служатъ новымъ тому доказательствомъ, — особенно когда разсматриваемъ ихъ рядомъ съ Отчетомъ о воспитаніи въ московской практической академіи.»

Въ «Собраніи литературныхъ статей» Н. И. Пирогова помѣщены: знаменитая статья его «Вопросы жизни», рѣчь его на новоселіи Рижельскаго Лицея и три статьи изъ «Одесскаго Вѣстника»:—«Одесская талмудъ-тора», «Быть и казаться» и «Нужно ли съѣчь дѣтей, и съѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей.» Всѣ эти статьи—педагогическаго содержанія, и всѣ онѣ предъявляютъ требованія столь простыя и разумныя, и въ тоже время столь высокія, что предъ ними рѣшительно совѣстно дѣлается похвастаться чѣмъ нибудь, совершеннымъ у насъ доселѣ въ отношеніи къ воспитанію. Сдѣлаемъ маленькую пробу хоть на «Отчетѣ» профессора Киттары.

Отчетъ его—одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ пріятно поразить человѣка, привыкшаго въ официальныхъ вѣдомостяхъ видѣть только педантство и формалистику. Г. Киттары начинаетъ свою рѣчь тѣмъ, что «считаетъ нужнымъ представить на благосклонный судъ своихъ слушателей, не только отчетъ за прошлый годъ, но и тѣ убѣжденія, которыя служатъ основой его дѣйствій.» И дѣйствительно, онъ говоритъ о своихъ идеяхъ и направленіи, какое даетъ онъ воспитанію, о цѣляхъ, которыя имѣетъ въ виду. Все это оживляетъ его отчетъ и даетъ ему характеръ болѣе литературный, нежели официальный. Прежде всего разсуждаетъ онъ о цѣли «московской практической академіи наукъ и говоритъ, что цѣль ея,—«приготовить отечественныхъ, образованныхъ, дѣятельныхъ слугъ въ области промышленности, приготовить будущихъ купцовъ русскихъ, возвратитъ родите-

дѣлѣ, довѣрившимъ воспитаніе дѣтей заведенію, добрыхъ помощниковъ, достойныхъ преемниковъ ихъ имени.» Здѣсь г. Киттары прибавляетъ, что цѣль эта—*«великая и вовсе не легкая въ исполненіи, особенно въ настоящую пору.»* Тѣмъ интереснѣе знать, какъ же г. Киттары достигаетъ этой великой и не легкой цѣли. Онъ объясняетъ, что утверждается въ своихъ дѣйствіяхъ на религіозно-нравственномъ основаніи.

«Нравственное воспитаніе (говоритъ онъ) составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ цѣль воспитанія — развить сознательно два святыя чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу — любовь къ ближнимъ. Религіозно нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ Законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постныя въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушается всенощная и обѣдня въ дни праздничныя, сопровождаемая пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ Академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя Закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, недавно введеннымъ въ заведеніи, наши воспитанники общаются быть добрыми христіанами, набожными и религіозными не понаружи только».

Не менѣе обращается вниманіе, по словамъ г. Киттары, и на развитіе втораго, столь же святаго чувства—любви къ ближнему, которое, какъ источникъ честности, «нужно всякому, а купцу въ особенности.» Для достиженія этихъ цѣлей, въ практической академіи находятся надзиратели, которые не только смотрятъ за тишиной и порядкомъ, но и руководятъ дѣтей, изучая ихъ нравы и наклонности. При воспитанникахъ младшихъ классовъ надзиратели находятся безотлучно; начиная съ 3-го класса присмотръ за нравственностью дѣлается легче; въ 5 и 6-мъ классахъ на нравы дѣйствуютъ преимущественно преподаватели, направляющіе умъ и сердце воспитанниковъ къ добру и пользѣ. Взысканія распределены по возрастамъ; въ низшихъ классахъ употребляются выставка, лишеніе рекреаций, отпуска, отмітка на отпускномъ билетѣ, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе. «Въ среднихъ и высшихъ классахъ, говоритъ г. Киттары, случаи мѣръ взысканія столь рѣдки, что, уважая амбицію этихъ классовъ, я не позволяю себѣ о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что всѣ они основаны именно на этой амбиціи.»

Вообще г. Киттары даетъ видѣть, что заведеніе, ввѣренное его смотрѣнію, находится въ блестящемъ положеніи. «Взыскать за прос-

тупокъ не трудно, — говоритъ онъ, — труднѣе предотвратить его; *въ этомъ отношеніи въ заведеніи нашемъ дѣлается все, что позволяетъ возможность и средства*» (стр. 10). При концѣ курса поправки нравственности воспитанниковъ уже поздны; «*къ счастью нужда въ нихъ у насъ не часта*» (стр. 7). У насъ есть черная книга, для ежедневнаго записыванія проступковъ воспитанниковъ и взысканій за нихъ; *по-настоящему, что такая система, сколь ни скучна и ни хлопотлива она въ исполненіи вполне достигаетъ цѣли и опредѣляетъ разумную послѣдовательность самихъ мѣръ въ исправленіи нравственности.*» (стр. 7). «Въ заведеніи нашемъ имѣетъ мѣсто и забота о разнообразіи въ жизни воспитанниковъ. Средства, которыми я пользуюсь — развитіе изящнаго вкуса, а съ ними музыкальные вечера и домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, московскіе театры, экскурсіи... *Все это дополняетъ жизнь, придаетъ ей колоритъ, не убиваетъ эзерім, а наоборотъ возбуждаетъ ее, потому что (1) съ правомъ на эти удовольствія тѣсно связаны добрая нравственность и успѣхи.* Недавній домашній концертъ въ нашей академіи доказалъ, что и у насъ можетъ развиться тонкое чувство и вкусъ. *Къ большому развитію этихъ достоинствъ теперь прилагаются у насъ все силы*» (стр. 12). Въ отношеніи къ специальному обученію, не совсѣмъ достаточны были доселѣ средства заведенія; но, — говоритъ почтенный профессоръ М. Я. Киттары, — «благодаря теплomu сочувствію и одобренію высказанныхъ выше убѣждений господина попечителя Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ Его Сіятельства Графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любителей коммерческихъ знаній, — многому уже положено начало» (стр. 29).

Послѣ всего этого, г. Киттары имѣлъ, конечно, полное право воскликнуть, въ заключеніе своего отчета: «*вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и которую измѣнять нѣтъ надобности*». Онъ смѣло могъ, конечно, отдаться на судъ своихъ слушателей, — между которыми были, безъ сомнѣнія, и упомянутые имъ члены совѣта и пр., — и сказать: «*вотъ, Мм. Гг., самый бѣглый очеркъ всѣхъ сторонъ жизни нашего заведенія. Какъ много въ немъ отрад-наго или подающаго надежды въ будущемъ, предоставляю вашему безпристрастному обсужденію*» (стр. 31).

Итакъ, все содержаніе отчета г. Киттары можно назвать очень от-раднымъ. Но пріятное чувство, внушаемое имъ, мгновенно смѣняется грустью и недовольствомъ, когда припомнишь тѣ строгія требованія правды и добра, какія высказываются въ статьяхъ г. Пирогова. Читая Пирогова, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ тоже время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ, — со всѣми нашими такъ называемыми

успѣхами, — выдержать самой легкой его критики. Въ самомъ тогѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣетъ на насъ все, написанное имъ, и читая его, мы убѣждаемся, что истинно-надежнымъ и всегда-полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не-позволяя себѣ никакихъ вліяній, ни одного двусмысленнаго движенія. Слыша энергическій голосъ, подобный тому, какой раздается въ «Вопросахъ Жизни», невольно начинаешь чувствовать, какъ пошло и какъ гадко многое, на что въ другое время смотришь равнодушно и снисходительно. Мы часто говоримъ: «что за бѣда, что такой-то покривилъ душою, погрѣшилъ противъ своихъ убѣждений; онъ вѣдь сдѣлалъ необходимую уступку обществу; это не мѣшаетъ ему оставаться человѣкомъ честнымъ и почтеннымъ». Конечно, такъ: нельзя презирать человѣка за то только, что онъ, не имѣя съ семьею куска хлѣба, принялъ мѣсто — хоть бы по откупамъ.... точно такъ, какъ нельзя винить человѣка, который подъ пыткою наклепалъ на себя небывалыя преступленія. Но не за чѣмъ такихъ людей возводить въ герои, и даже вообще трудно положиться на нихъ, если они служатъ по откупамъ и врутъ на себя небывальщину — рѣшительно безъ всякой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, способный говорить не то что думаетъ, рѣшающійся самодовольно выставлять предъ другими то, чего самъ не уважаетъ, набирающій пышныя фразы для представленія вещи съ казоваго конца, умѣющій ловко примѣниться къ обстоятельствамъ, ловко польстить чужому самолюбію и даже невѣжеству, — и все это дѣлающій безъ особенной надобности, такъ только, для конвенансовъ, — подобный человѣкъ едва ли можетъ быть вполне надежнымъ общественнымъ дѣятелемъ! Едва ли можно отъ него ожидать непоколебимой твердости и неуклоннаго благородства во всей его дѣятельности. Онъ можетъ быть честнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, можетъ имѣть много ума и прекрасныхъ стремленій. Но двусмысленность и противорѣчіе его дѣйствій или словъ — все-таки обличаютъ въ немъ по малой мѣрѣ легкомысленность и чрезвычайную слабость внутреннего суда надъ собою. Человѣкъ, строго наблюдающій надъ собою, не вступаетъ въ лицемѣрные отношенія, не говоритъ вовсе о томъ, о чемъ, вслѣдствіе какихъ нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствъ, нельзя высказать своихъ мыслей, а если ужъ начинается рѣчь, то говоритъ прямое и честное слово. Къ сожалѣнію, немного такихъ неуклонно честныхъ и твердыхъ людей въ на-

шемъ обществѣ, которое, по замѣчанію г. Пирогова, съ самыхъ первыхъ лѣтъ развиваетъ въ насъ нравственную двойственность, разладъ между *«быть и казаться»*. Большая часть изъ насъ, сбиваясь съ толку какой-то странной и произвольной телеологіей, считаетъ лишнимъ строгій судъ надъ дѣлами человѣка, если только они направлены къ хорошей цѣли. Всѣ мы бранимъ иезуитскую школу, но всѣ мы, по словамъ г. Пирогова, — «употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подъ часть позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ.» И тутъ, разумѣется, нечего винить отдѣльныхъ людей; надо винить общество и неблагопріятныя обстоятельства развитія. Общественныя отношенія служатъ даже оправданіемъ многихъ не вполне безукоризненныхъ нашихъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ и г. Пироговъ. «Свѣта мы конечно не исправимъ, — говоритъ онъ: — онъ останется, несмотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни, извѣстной своею непоследовательностью, не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и не предосудительны». Но во всякомъ случаѣ едва ли заслуживаетъ похвалы та легкость, съ которою иные рѣшаются не только просто пользоваться слабостями ближняго для общей благой цѣли, но даже и льстить имъ и притомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этой лестию ничего, или почти ничего, не достигается. Къ несчастію, многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей не хотятъ понять той простой истины, что не великую пользу для человѣчества можешь доставить то дѣло, которое надо защищать обманомъ, лицемеріемъ и потворствомъ рутинѣ и предрасудкамъ.

Рѣдкое исключеніе изъ числа этихъ *многихъ* составляетъ г. Пироговъ. Его идеи и стремленія, рѣзко опредѣленные, всегда рѣзко и прямо высказываются, и предъ ними нерѣдко блѣднѣетъ все то, что кажется хорошимъ у другихъ. Мы хотѣли это показать на отчетѣ г. Киттары, но увлеклись отступленіемъ, которое впрочемъ, какъ увидитъ внимательный читатель, не совершенно напрасно. Обратимся же къ нашему сравненію.

Въ началѣ отчета г. Киттары мы читаемъ, что цѣль практической академіи: *«приготовить будущиѣхъ купцовъ русскихъ, честныхъ слугъ отечеству.»* Какъ это напоминаетъ извѣстный аפיграфъ къ «Вопросамъ Жизни»: «намъ необходимы негоціанты, солдаты, моряки, врачи, юристы, а не люди...» Повидимому, приготовленіе честныхъ купцовъ, вѣрныхъ слугъ отечеству — есть задача превосходная, и мы должны были бы остаться очень довольны мыслью, выраженной у г. Киттары. Но довольство наше пропадаетъ, когда мы вспоминаемъ основныя мысли г. Пирогова объ общемъ образованіи. Намъ уже

кажутся очень слабыми и односторонними понятія, провозглашающія науку средствомъ къ приготовленію—не самостоятельныхъ, для себя нормально развитыхъ людей, а *служ* какой-то другой, постоянной силы. Мы неприятно поражаемся тѣмъ, что мальчику говорятъ: «учись для того, чтобы *быть достойнымъ преемникомъ имени твоего отца и служить государству на поприщѣ промышленности*: такова цѣль твоего ученія и всей твоей жизни.» Рядомъ съ этимъ внушеніемъ мы ставимъ слова г. Пирогова: «цужно учиться безъ всякой задней мысли, изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, пусть будетъ твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно придти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности; сынъ съ раннихъ лѣтъ пусть видитъ въ образованіи нравственную необходимость и цѣнить его, какъ самую жизнь.» Вотъ высшая точка зрѣнія на образованіе, — и какъ не ловко спуститься съ ея высоты до мысли о приготовленіи *служ* и *купцовъ*!..

Но въ отчетѣ г. Киттиры есть отрадные мысли, которыя должны сгладить это первое впечатлѣніе. Онъ говоритъ, напримѣръ, тоже въ началѣ отчета, что въ практической академіи ищутъ общаго образованія. что «потребность образованія въ быту купеческомъ, къ полной чести этого сословія, достаточно понята». Прекрасно и утѣшительно!.. Но что, если это фраза, которая на дѣлѣ оказывается чѣмъ—то очень неопредѣленнымъ, ни да, ни нѣтъ? На такое печальное подозрѣніе наводятъ насъ слѣдующія слова г. Пирогова, грустную правду которыхъ сознаетъ всякій, кто сколько нибудь присматривался къ нашему обществу. «Мы говоримъ, что любимъ просвѣщеніе. Да это немудрено: намъ нельзя сказать иначе, во-первыхъ потому, что мы привыкли къ этой фразѣ, а во-вторыхъ — мы стыдимся сказать противное, точно такъ же какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ»...

Правда, въ подтвержденіе своей отрадной мысли, г. Киттары указываетъ на увеличеніе воспитанниковъ въ практической академіи, въ которую принимаются дѣти *самаго ранняго возраста*, 8, 9, 10 лѣтъ, и изъ которой выпускаются, послѣ осмилѣтняго курса, уже зрѣлыми юношами. Въ десять лѣтъ число воспитанниковъ академіи возрасло «отъ скромной цифры 40 до 220». Фактъ утѣшительный самъ по себѣ; но и о немъ невеселыя мысли являются въ головѣ, когда перечтешь слѣдующія строки изъ «Вопросовъ Жизни».

«На чемъ основано приложеніе реального воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: или въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; или же воспитаніе этой школы съ самаго его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной, практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлю практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою заботу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества...

Значить ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я встаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители самоуправно распоряжаются участіемъ своихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и расчетамъ предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?»

Неужели это справедливо и въ отношеніи къ тому заведенію, которое такъ прекрасно управляется попеченіями г. Киттары?—подумали мы, и къ сожалѣнію въ самомъ же «Отчетѣ» нашли нѣкоторыя подтвержденія мыслей г. Пирогова. Въ практической академіи, куда поступаютъ дѣти съ самаго ранняго возраста, многіе изъ предметовъ общаго образованія проходятся очень быстро и легко; исторія всеобщая и русская (вмѣстѣ), равно какъ и естественная исторія, начинается только съ четвертаго класса, по два урока въ недѣлю, да и то въ шестомъ классѣ естественная исторія обращается уже «въ изученіе предметовъ природы, имѣющихъ техническое и торговое приложе-

ніе». Физика преподается только въ 5 и 6 классѣ, математика обращена отчасти въ коммерческую ариметику и бухгалтерію; 7-й и 8-й классъ посвящены исключительно техническимъ и торговымъ спеціальностямъ. Такимъ образомъ для предметовъ общаго образованія остается немного времени, и самъ г. Киттары сознается, что «эти обстоятельства заставляютъ другія науки излагать въ меньшемъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями, выбрать изъ нихъ только главнѣйшее и существенно-необходимое». Но къ этому признанію г. Киттары дѣлаетъ еще слѣдующее прибавленіе, смыслъ котораго, признаемся, мы не совсѣмъ хорошо поняли. «Этимъ я впрочемъ не хочу сказать, — замѣчаетъ онъ, — чтобы въ программахъ гимназическихъ наукъ было много несущественнаго, неглавнаго или ненужнаго (намъ показалось, что онъ сожалеетъ о невозможности вести въ академіи курсы столько же пространныя, какъ въ гимназіи, а выходить совершенно наоборотъ: г. Киттары опасается, чтобы его слова не приняты были за обиду гимназіямъ); программы эти, безспорно, строго обдуманы, повѣрены длиннымъ опытомъ, направлены къ своей цѣли; я хочу сказать только, что къ этой цѣли у насъ присоединяется другая — приготовить учащихся къ спеціальному коммерческому курсу» (стр. 22). Изъ этихъ словъ выводится довольно вѣроятное заключеніе, что г. Киттары считаетъ курсъ коммерческой академіи выше гимназическаго, какъ удовлетворяющій двумъ цѣлямъ, вмѣсто одной. Неужели это такъ?... Неужели онъ не признаетъ превосходства общаго образованія и цѣнить въ немъ только латинскій языкъ, о которомъ одномъ отзывается съ любовью, говоря, что онъ, *кѣ сожалѣнію*, не имѣетъ мѣста въ коммерческой академіи!..

Въ отношеніи къ самымъ средствамъ воспитанія, г. Киттары, какъ ни старается изобразить ихъ въ свѣтѣ наиболѣе благоприятномъ, но самъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что многія изъ этихъ средствъ «вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, а обусловлены временной необходимостью». (стр. 12). Такое признаніе опять приводитъ насъ къ словамъ г. Пирогова, который по поводу одесской талмудъ-торы говоритъ: «чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять! Словъ — сколько угодно; а убѣжденій — это иное дѣло»...

Къ чему приводитъ недостатокъ въ обществѣ твердыхъ убѣжденій, можно видѣть изъ одного частнаго случая, упоминаемаго въ «Отчетѣ» г. Киттары. Говоря о взысканіяхъ съ воспитанниковъ, онъ касается между прочимъ и тѣлеснаго наказанія и объявляетъ себя *врагомъ розогъ*. «Я прибѣгаю къ нимъ очень рѣдко, — говоритъ онъ, —

въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, *въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда...*» Далѣе онъ замѣчаетъ между прочимъ, что «внушая дѣтямъ любовь къ ближнему, воспитатели и сами не должны забывать этого чувства въ отношеніи къ дѣтямъ» (стр. 8 — 9). Такимъ образомъ у г. Киттары педагогика перемѣшивается съ филантропией, и потому на него даже находятъ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости его взгляда — относительно розогъ!.. Посмотрите же, какъ разсуждаетъ объ этомъ г. Пироговъ, руководясь не филантропической болѣзью обидѣть дитя или выказать къ нему недостатокъ состраданія, а спокойными педагогическими разсужденіями, чрезвычайно простыми и сильными. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его статейки: «Нужно ли сѣчь дѣтей?»..

«Въ чемъ состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) выместить причиненную обиду; 2) пристыдить; 3) утѣшить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ месть въ сторонѣ, какъ чувство, несвойственное ни христіанству, ни здравой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчествующаго общества, остановимся на двухъ современныхъ: — *стыдъ* и *страхъ*. — Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, не значить ли, — хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ? Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него достаточна была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково ли, что оно уничтожаетъ самую цѣль? Остается, значить, одинъ только страхъ. Но какой? не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ, — а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть того, чтобы физическая боль или одво воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть; то желательно ли, утѣшительно ли это? Положимъ, вы достигли вашей цѣли, вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ: — чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ подъ диклосова меча; если онъ хоть вскользь убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными, какъ вы думаете, воспользуется ли онъ или нѣтъ своею мнимую свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять — «быть и казаться». Покуда розга въ виду — все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду — кутежъ и разливъ. И это нравственность!»

★

Да, къ сожалѣнію, въ большинствѣ нашего общества такова нравственность, — не только въ поступкахъ, но даже въ словахъ и въ понятіяхъ... Много у насъ есть такихъ убѣжденій и требованій, которыя мы рѣшаемся высказывать только въ тѣ минуты, когда мы освобождаемся изъ подъ дамоксова меча, упоминаемаго г. Пироговымъ... Но все скрыто, замаскировано, искажено, ни въ чемъ нѣтъ прямоты, стройности и цѣльности, когда мы видимъ или даже только предполагаемъ надъ головой своей этотъ мечъ. А находятся еще добрые люди, которые не только считаютъ это не важнымъ, но даже потворствуютъ такимъ *слабостямъ*!..

Въ образецъ того, какъ идетъ преподаваніе наукъ въ практической академіи, г. Киттары указываетъ на изложеніе преподаванія географіи, представленное въ рѣчи г. учителя Телѣгина. Въ этой рѣчи, между нѣсколькими дѣльными мыслями, мы нашли, въ объясненіяхъ исторіи географическими данными, телеологию, доходящую до фатализма. Какъ долженъ преподавать географію учитель, въ рѣчи о географіи задающій такіе вопросы? (стр. 37).

«Почему Вселенный Промысл велъ народъ Израильскій путемъ, который представлялъ наиболѣе трудности — чрезъ Черное море, чрезъ Синайскую пустыню, и куда же? въ страну, занятую горами, въ средоточіе воинственныхъ народовъ, которые окружали со всѣхъ сторонъ эту мѣстность и, казалось, тотчасъ, по вступленіи Израиля въ нее, овладѣютъ имъ, а между тѣмъ онъ прожилъ на ней до времени явленія Спасителя. Какимъ же образомъ эта горсть народа, окруженная отсюду завоевателями, могла удержаться независимой столь долгое время? На это отвѣчаетъ самой природой устроенная мѣстность».

Итакъ *мѣстность* объясняетъ, почему Промысл велъ народъ черезъ море!.. Странно; тутъ что нибудь да не такъ, и ученики ели бы хорошо сдѣлаютъ, если усвоятъ логику г. Телѣгина.

Вообще «Рѣчи и Отчетъ Практической Московской Академіи» прочитанные нами подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мыслей г. Пирогова, не вполне удовлетворили насъ. Мы не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ не погрѣшимости, мы не съ тѣмъ на него указываемъ, чтобы его авторитетомъ унижить кого нибудь.... Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть конечно и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другаго.... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которые у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени.... Разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и потому мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непоследовательность взгляда, пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла.... Что касается до г. Кит-

тары, то мы знаемъ, что его чистая и благородная репутація вполне заслужена, мы знаемъ, что онъ не разъ оставался на стражѣ правды и чести, даже въ такихъ случаяхъ, когда другіе, добрые и почтенные люди, оказывались слабыми или безпечными.... Но именно въ силу того уваженія, которое питаемъ мы къ г. Киттары, мы желали бы отъ него болѣе рѣзкаго и прямого выраженія его собственныхъ взглядовъ, менѣе уступокъ рутинѣ и менѣе неопредѣленныхъ фразъ, имѣющихъ иногда характеръ довольно двусмысленный. Нужно признаться, что фразъ у него много; безъ нихъ не обошлась даже и та часть статьи, въ которой говорится о религіозномъ воспитаніи дѣтей...

А посмотрите, какое сужденіе обо всѣхъ этихъ фразахъ дѣлаетъ г. Пироговъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ одной изъ нашихъ прекрасныхъ школъ:

«Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Беззастѣнчивыя книги, установленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благотѣльное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще не доставало для вашего счастья и для блага цѣлаго общества?

Выходить другое.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите совсѣмъ не то, чему васъ учили, и вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы».

Поручится ли г. Киттары, что его воспитанники, когда выступятъ на поприще жизни и начнутъ размышлять самостоятельно, не найдутъ ни малѣйшей мистификаціи въ своемъ воспитаніи подъ руководствомъ почтеннаго профессора?

Воспитанница, комедія А. Н. Островскаго. («Библіотека для Чтенія» 1859 г. № 1-й).

«А и денегъ нѣту — передъ деньгами.

А и денегъ много — передъ злыми дни.

Такъ говорится въ одной народной русской пѣснѣ, и первый изъ приведенныхъ стиховъ оправдался въ нынѣшнемъ году надъ русской беллетристикой (изъ чего впрочемъ не слѣдуетъ еще, чтобы и второй стихъ непременно долженъ былъ оправдаться).

Нѣсколько лѣтъ уже слышались жалобы на бѣдность талантливыхъ произведеній въ нашей беллетристикѣ. Въ массѣ читающей публики въ послѣдніе три года интересъ къ легкой литературѣ поддерживался еще рассказами и очерками, посвященными разнымъ общественнымъ вопросамъ. Но строгіе цѣнители, для которыхъ общественные вопросы не были новостью, постоянно отдѣляли въ этихъ произведеніяхъ живую, общественно-полезную сторону отъ того, что собственно называется художественнымъ талантомъ. За ними шли другіе, мелкіе, тряпичные люди, раскиснувшіе въ лѣни, износившіеся въ гусарскихъ шалостяхъ, — люди, которыхъ общественные вопросы и не занимали никогда; эти люди тоже произносили строгій судъ надъ утилитарной литературой послѣдняго времени, и въ подкрѣпленіе себѣ призывали тоже требованія искусства и чистой художественности. На ихъ выходки смѣшно было смотрѣть; но все-таки оставалось справедливымъ то общее положеніе, что литература послѣдняго времени мало представляла для удовольствія художественному чувству эстетически-развитыхъ читателей. За послѣднія десять лѣтъ, при строгомъ выборѣ, едва наберешь, пожалуй, десять значительныхъ литературныхъ произведеній, которыя можно бы было высоко поставить въ художественномъ отношеніи. Любители литературы приходили въ уныніе. Но нынѣшній годъ начался для нашей беллетристики такимъ блестящимъ образомъ, какъ не многіе годы начинались... Мы не станемъ говорить о «Дворянскомъ Гнѣздѣ» г. Тургенева: высокое и чистое наслажденіе, испытанное нами при чтеніи этой повѣсти, давно уже, конечно, раздѣлили съ нами всѣ читатели, и безъ сомнѣнія всѣ согласны, что одного такого произведенія было бы уже достаточно для того, чтобы слѣлать очень замѣчательнымъ литературное начало нынѣшняго года.

Но «Дворянское Гнѣздо» явилось не одно. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» начался романъ г. Гончарова «Обломовъ», котораго такъ давно и нетерпѣливо ожидала русская публика. Романъ этотъ состоитъ изъ трехъ частей, и всѣ, читавшіе его вполнѣ, соглашались, что замѣчательныя достоинства этого первокласнаго произведенія еще увеличиваются въ слѣдующихъ частяхъ, далеко превосходящихъ первую — и въ развитіи характеровъ, и въ художественной отдѣлкѣ подробностей. Когда онъ напечатанъ будетъ весь, мы надѣемся поговорить о немъ подробнѣе.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» также напечатана весьма замѣчательная вещь — комедія г. Островскаго «Воспитанница», о которой мы скажемъ теперь нѣсколько словъ. Появленіе ея чрезвычайно обрадовало всѣхъ почитателей таланта г. Островскаго, и въ особенности тѣхъ, которые были не совсѣмъ довольны въ его послѣднихъ произведеніяхъ нѣкоторой идеализаціей купеческаго быта. Въ новой своей пьесѣ г. Островскій стоитъ на другой почвѣ: содержаніе ея взято изъ деревенскаго быта богатой помѣщицы, со всѣмъ ея антуражемъ, — воспитанницами, приживалками, горничными, лакеями. Въ этомъ произведеніи вовсе нѣтъ рѣзкихъ и грубыхъ чертъ, къ какимъ прибѣгаютъ иногда писатели для того, чтобы ярче выставить пошлость и гадость изображаемаго ими предмета. Вся пьеса отличается необыкновенно спокойнымъ, сдержаннымъ характеромъ, и ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ движеніи дѣйствующихъ лицъ мы не замѣтили вмѣшательства личности самого автора. Съ первой до послѣдней сцены — передъ нами дѣйствительная жизнь, наша русская — *жолтѣлая*, (по выраженію одного изъ лицъ пьесы) жизнь, близкая и знакомая намъ всѣмъ. Мы не будемъ здѣсь разбирать всей пьесы, надѣясь скоро говорить о г. Островскомъ, по поводу новаго изданія его сочиненій. Но не можемъ не обратить вниманія читателей особенно на одну сцену «Воспитанницы», полную чудной поэтической прелести. Дѣло въ томъ, что у старухи Уланбековой живетъ воспитанница Надя, за которой ухаживаетъ восемнадцатилѣтній сынъ старухи — Леонидъ. Это — добрый, но пустой мальчикъ, еще неопытный, но уже начинающій развращаться подъ вліяніемъ заразителной атмосферы, которою окруженъ въ помѣстьи своей матери. Надя ничего къ нему не чувствуетъ, улаляется отъ него и мечтаетъ о томъ счастьи, которое ожидаетъ ее въ добромъ замужствѣ. Но Уланбекова любитъ отдавать своихъ воспитанницъ, за кого ей угодно; Надю рѣшилась она выдать за Неглигентова, пьянаго и совершенно неприличнаго приказнаго.... Леонидъ заступаетъ за Надю и упрашиваетъ мать переменить

рѣшеніе; та соглашается: Надя съ радости соглашается на просьбу Леонида—выйти вечеромъ въ садъ гулять.... Вечеромъ является она въ садъ съ Лизой: Лиза удивляется ея рѣшимости и напоминаетъ, что она прежде пряталась отъ Леонида. Надя отвѣчаетъ:

Надя. Да, прежде бѣгала отъ него, теперь не хочу. (*Стоит задумчиво*). Теперь и сама не знаю, что со мной вдругъ сдѣлалось! Какъ только барыня давеча сказала, чтобъ не смѣла я разговаривать, а шла, за кого прикажутъ, такъ у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, Господи! (*плачетъ*.) Что въ томъ проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только отъ слова отъ какого, а и отъ взгляду-то! Такъ меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мнѣ беречь-то себя? Вотъ не хочу-жь, не хочу! А у самой такъ сердце замерло; кажется, еще скажи она слово, я-бъ умерла на мѣстѣ.

Лиза. Что ты говоришь! я вѣдь думала, что ты шути къ барину-то вышла.

Надя. Какія шутки! Не могу я обиды переносить! не могу! (*молча мис.*) Эхъ, Лиза, будь жизнь получше, не пошла бъ я ночью въ садъ. Помнишь, бывало, какъ я объ себѣ раздумывала; да и тебѣ самой чай тоже въ голову приходило, что ты вотъ дѣвушка честная, живешь ты себѣ, какъ птичка какая, вдругъ тебѣ понравился нѣкоторый человѣкъ, начинается онъ за тебя свататься, ходитъ къ тебѣ часто, цѣлуетъ тебя... тебѣ и стыдно-то его, и рада-то ты ему. Все это идетъ порядкомъ. Хоть и не богато, хоть, можетъ быть, сидишь ты съ женихомъ въ людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздникъ. Потомъ обвѣнчуютъ, всѣ тебя поздравляютъ. Ну, тамъ хоть и трудно будетъ замужемъ жить; можетъ быть, работы много будетъ; да за то живешь ты, какъ въ раю, словно ты гордишься чѣмъ!

Лиза. Разумѣется, дѣвушка.

Надя. А какъ тебѣ скажутъ: ступай за пьянаго, да еще и разговаривать не смѣй, и поплакать-то о себѣ не смѣй... Ахъ, Лиза!... Да какъ подумаешь, что станетъ этотъ безобразный человѣкъ надѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ такъ, ни за что! Не живя, ты за нимъ состаришься! (*плачетъ*.) Говорить-то — только свое сердце надрывать! (*махнувъ рукой*) Такъ ужь, право, молодой баринъ лучше.

Приходитъ и Леонидъ, и тутъ происходитъ слѣдующая сцена, которую мы рѣшаемся цѣликомъ представить читателямъ.

Леонидъ (*подходя*.) А я думалъ, что ты обманешь меня—не придешь.

Надя. Отчего же вы такъ думали?

Леонидъ. Да вѣдь ты говорила, что не любишь меня.

Надя. Мало ли что дѣвушки говорятъ, а вы имъ не вѣрите. Какъ васъ не любить, красавца этакого.

Леонидъ (*удивленный*). Что ты, Надя! (*Беретъ ея руку, нѣсколько времени держитъ, потомъ цѣлуетъ*).

Надя (*въ испугу, отнимаетъ руку*). Ахъ! Что вы это дѣлаете! Голубчикъ, баринъ! Какъ вамъ не стыдно!

Леонидъ. Ужъ я тебя очень люблю, Надя!

Надя. Любите? Ну что-жь, вы бы такъ меня поцѣловали.

Леонидъ. Можно, Надя? а? ты позволишь?

Надя. А чтожь такое за бѣда!

Леонидъ (*оборотившись*). Ахъ, и ты, Лиза, здѣсь...

Лиза. Уйду, уйду!... Мѣшать не буду.

Леонидъ (*сконфуженный*). Я совсѣмъ не потому. Съ чего это ты выдумала?..

Лиза. Ну ужъ, не хитрите. Мы тоже знаемъ... (*отходитъ за кусты*),

Леонидъ. Такъ ты мнѣ позволишь поцѣловать тебя (*робко цѣлуетъ*). Да нѣтъ, дай мнѣ руку поцѣловать.

Надя (*прячетъ руки*). Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Чю это вы!...

Леонидъ. Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свѣтѣ.

Надя. Будто и правда?

Леонидъ. Вѣдь меня еще никто не любилъ.

Надя. Не обманываете вы?

Леонидъ. Нѣтъ, право!... Право никто не любилъ. Ей Богу!

Надя. Не божитесь, я и такъ повѣрю.

Леонидъ. Пойдемъ, сядемъ на лавочку.

Надя. Пойдемте (*садятся*).

Леонидъ. Что ты такъ дрожишь?

Надя. А развѣ я дрожу?

Леонидъ. Дрожишь.

Надя. Такъ, должно быть, озябла немножко.

Леонидъ. Позволь, я тебя одѣну (*одѣваетъ ее полой плаща и обнимаетъ. Надя беретъ его руки и держитъ*).

Надя. Ну, вѣтъ и давайте такъ сидѣть, да разговаривать.

Леонидъ. Да объ чемъ же мы будемъ разговаривать? Я только одно и буду говорить тебѣ, что люблю тебя.

Надя. Вы будете говорить, а я буду слушать.

Леонидъ. Да вѣдь это надоѣстъ, одно и тоже.

Надя. Вамъ, можетъ быть, надоѣстъ, а мнѣ никогда не надоѣстъ.

Леонидъ. Ну, изволь, я буду говорить. Я люблю тебя, Наденька. (*встаетъ и цѣлуетъ ее*).

Надя. Что жъ это вы! А мы сидите смирно, какъ уговоръ былъ.

Леонидъ. Такъ, сложа руки и сидѣть?

Надя (*смѣясь*). Такъ и сидѣть. Вотъ слышите, въ рощѣ соловей поетъ. А вы сидите, да слушайте. Какъ хорошо такъ слушать!

Леонидъ. Какъ такъ?

Надя. Да вотъ такъ, какъ мы съ вами сидимъ. Кажется, всю жизнь такъ бы и сидѣла, да слушала. Ужъ чего еще лучше, чего еще надобно....

Леонидъ. Наденька, да вѣдь это, право, скучно.

Надя. Вотъ вы каковы, мужчины-то! Вамъ ужъ сейчасъ и скучно сѣдается. А я вотъ готова всю ночь просидѣть, да глядѣть на васъ, не спуская глазъ. Кажется, про весь свѣтъ забуду! *(У нея навертываются слезы; она нагибаетъ голову; потомъ смотритъ на Леонида пристально и задумчиво).*

Леонидъ. Теперь бы хорошо на лодкѣ покататься; погода теплая, мѣсяцъ свѣтитъ.

Надя. *(разстѣянно и почти машинально).* Чего-съ?

Леонидъ. Покататься бы на лодкѣ; я бы тебя перевезъ на островъ. Тамъ такъ хорошо, на островкѣ. Ну, чтожъ, пойдемъ *(беретъ ее за руку).*

Надя. *(въ задумчивости).* Куда же-съ?

Леонидъ. Какъ, куда? Я тебѣ говорилъ, развѣ ты не слыхала?

Надя. Ахъ, извините, голубчикъ баринъ. Я задумалась и не слышала ничего. Баринъ, миленькій, простите. *(Кладетъ голову ему на плечо).*

Леонидъ. Я говорю, поѣдемъ на островокъ.

Надя. *(прилегла).* Ахъ, да, куда вамъ угодно! Хоть на край свѣта!... Только бы съ вами.... Ведите, куда хотите.

Леонидъ. Надя, ты такая добрая. такая миленькая, что мнѣ кажется, я заплачу, глядя на тебя *(подходитъ къ лодкѣ).*

Леонидъ. Прощай, Лиза.

Лиза *(выходя изъ кустовъ, прозита).* Смотрите вы! *(Леонидъ и Надя садятся въ лодку и уѣзжаютъ.)*

Молодыхъ людей подкарауливаетъ Василиса Перегриновна, ехидная приживалка, которой характеръ и положеніе въ домѣ очерчены съ необыкновеннымъ искусствомъ. Она все пересказываетъ Уланбековой, которая и безъ того огорчена уже, что Гришка, ея любимый лакей, мальчикъ 19-ти лѣтъ, отпросился свечера на гулянку и не пришелъ домой ночевать. Съ досады на Гришку, который съ нею обращается за панибрата, Уланбекова изливаетъ свой гнѣвъ на Надю, и рѣшаетъ, что она должна выйти за Неглигентова. Леонидъ, узнавъ объ этомъ, хочеть опять упрашивать мать; но Василиса Перегриновна говоритъ, что къ старухѣ теперь нельзя подступиться, пока Гришка къ ней не придетъ и прощенья не попроситъ; поэтому, говоритъ, «баринъ вашъ хорошій, не угодно ли вамъ будетъ ему поклониться, чтобы онъ поскорѣй шелъ у маменьки прощенья просить»? Леонидъ, подумавъ, отвѣчаетъ: «ну, ужъ это емуслишкомъ много чести будетъ», и пристаётъ къ Надѣ съ утѣшеніями и вопросами — что теперь дѣлать. Но для Нади понятна уже ея судьба, ясно будущее. Она проситъ Леонида оставить ее; «пускай мнѣ, говоритъ, будетъ тяжело, а вы веселитесь себѣ; что вамъ объ такихъ пустякахъ себя беспокоить»? Наконецъ, будучи не въ силахъ выдержать долѣе его малодушнаго участія, она говоритъ: «ахъ, Боже мой! Ужъ уѣхали бы лучше куда

нибудь, съ глазъ долой.» Леонидъ очень радъ такому исходу и подхватываетъ: «а, въ самомъ дѣлѣ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ на недѣлю». — «Ну, и съ Богомъ!» говоритъ Надя...

Въ этомъ остовѣ прекраснаго произведенія нельзя, конечно, видѣть всѣхъ его достоинствъ; но мы хотѣли познакомить читателей по крайней мѣрѣ съ содержаніемъ пьесы г. Островскаго, потому что чувствовали себя не въ состояніи передать всю силу впечатлѣнія, какое оно производитъ. Изъ приведенной сцены читатели могутъ видѣть, до какой глубины достигаетъ г. Островскій въ обработкѣ характеровъ, и сколько поэтической прелести умѣетъ онъ придать самымъ простымъ положеніемъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода втораго тома его сочиненій, чтобы подробнѣе поговорить о его талантѣ.

Сказавъ объ изданіи сочиненій Островскаго, мы все помнили еще объ одной литературной новости, которую спѣшимъ сообщить читателямъ. Приготавливаются къ печати «Записки Охотника» И. С. Тургенева, новаго изданія которыхъ уже нѣсколько лѣтъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала терпѣливая русская публика. Эта новость уже не въ предположеніяхъ только, а въ дѣйствительности: мы видѣли наконецъ экземпляръ «Записокъ Охотника», одобренный цензурою къ новому изданію. Мѣсяца черезъ два книга эта появится въ свѣтъ.

ПОЛИТИКА.

ИТАЛЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.—ЧУВСТВО, СЪ КОТОРЫМЪ ВСТРѢЧЕНЫ ВО ФРАНЦІИ СЛУХИ О ВОЙНѢ.—БРОШЮРА «*Aurons-nous la guerre?*»—КОЛЕБАНИЯ, ОСТАВЛЯЮЩИЕ ВСѢХЪ ВЪ НЕДОУМѢНІИ.—ПОВУЖДЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ У НАПОЛЕОНА III И У САРДИНИИ.—СООБРАЖЕНІЯ, ЗАСТАВЛЯЮЩІЯ АНГЛИЧАНЪ ИДТИ ПРОТИВЪ ЖЕЛАНІЙ САРДИНИИ.—РѢЧЬ САРДИНСКАГО КОРОЛЯ.—ПРЕНІЯ О ЗАЙМѢ ВЪ САРДИНСКОЙ ПАЛАТѢ ДЕПУТАТОВЪ.—БРАКОСОЧЕТАНІЕ ПРИНЦА НАПОЛЕОНА И ПРИНЦЕССЫ КЛОТИЛЬДЫ.—САРДИНСКІЙ ЗАЕМЪ.—ПАРАЛЛЕЛЬНОСТЬ МИРОЛЮБНЫХЪ И ВОИНСТВЕННЫХЪ МАНИФЕСТАЦІЙ ВО ФРАНЦІИ.—РѢЧИ НАПОЛЕОНА III И МОРИИ 7 И 8 ФЕВРАЛЯ.—НЫНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО ВОПРОСА.—ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА ВЪ АНГЛІИ.—ОТНОШЕНІЯ АНГЛІЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КЪ БРАЙТУ.—БРЕДФОРДСКІЙ МИТИНГЪ И БИЛЪ БРАЙТА.—МИТИНГЪ ЛОНДОНСКИХЪ ХАРАКТЕРОВЪ.—ПРОЕКТЪ *Times'a*.—РОЧДЕЛЬСКАЯ РѢЧЬ.—БИЛЪ МИНИСТЕРСТВА.—СОБЫТІЯ НА ИОНИЧЕСКИХЪ ОСТРОВАХЪ.—ВЫБОРЪ АЛЕКСАНДРА КУЗЫ ВЪ ВАЛАХІИ.—ИЗГНАНІЕ СУЛУКА.

Вся Западная Европа занята приготовленіями къ войнѢ. Мы не будемъ пересказывать слуховъ, носившихся еще съ половины прошлаго года, если не раньше. Читатель знаетъ, что всѣ эти толки казались неправдоподобными до той минуты, какъ французскій императоръ сказалъ австрійскому посланнику, во время торжественнаго представленія поздравленій съ новымъ годомъ отъ дипломатическаго корпуса, знаменитыя слова: «я жалѣю, что наши отношенія съ Австріею такъ дурны». Официальная редакція, явившаяся черезъ нѣсколько дней во французскихъ газетахъ, нѣсколько смягчила фразу, замѣнивъ слова «такъ дурны» словами «не такъ хороши, какъ были прежде». Но и въ смягченномъ видѣ фраза выражаетъ близость войны. А дѣй-

ствительно сказана она была въ той болѣе сильной формѣ, которую мы сообщили. Надобно прибавить, что слова эти были произнесены тономъ гораздо болѣе рѣзкимъ, нежели какимъ обыкновенно говоритъ французскій императоръ, и сопровождались одушевленнымъ жестомъ. Сцена, сдѣланная такъ неожиданно, въ такой официальной обстановкѣ, произвела на многочисленныхъ зрителей впечатлѣніе, напомнившее о подобной сценѣ, сдѣланной Наполеономъ I англійскому посланнику передъ разрывомъ Аміенскаго мира. Говорятъ, что военный министръ, маршалъ Вальянъ, подошелъ къ Гюберу и сказалъ: «Я полагаю, что послѣ этого я не долженъ подавать вамъ руки». Но только немногіе люди во Франціи приняли предвѣстіе войны съ такою готовностью, какъ этотъ воинственный членъ Института. Курсы на парижской биржѣ сильно упали. Желаніе поддержать ихъ заставило полуофициальныя французскія газеты прибѣгать ко всевозможнымъ истолкованіямъ, для успокоенія капиталистовъ; да и потомъ за каждымъ воинственнымъ словомъ или распоряженіемъ постоянно слѣдовали смягчительныя объясненія и миролюбивыя статьи, для той же самой цѣли, для успокоенія биржи. Въ отношеніяхъ къ ней надобно полагать одну изъ причинъ колебаній, которымъ подвергалась, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей непосвященныхъ въ дипломатическія тайны, французская политика по вопросу о войнѣ. Но биржа, при всемъ своемъ расположеніи къ миру, мало довѣряла миролюбивымъ чувствамъ. Курсы фондовъ, особенно австрійскихъ, сардинскихъ и французскихъ, постоянно падали. Какъ велики потери, понесенныя капиталистами уже отъ однихъ слуховъ о войнѣ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. 31 декабря 3 проц. французскіе фонды на парижской биржѣ стояли на 72 франкахъ 90 сантимахъ (курсъ дѣйствительной продажи за наличныя деньги, безъ отсрочки); 31 января тотъ же курсъ былъ только 68 франковъ 35 сантимовъ; по количеству фондовъ, находящихся въ рукахъ публики, это пониженіе на 4 фр. 55 с. составляетъ потерю болѣе, нежели въ 400,000,000 фр. Другія кредитныя цѣнности во Франціи понизились въ такой же пропорціи. Еще больше поколебались сардинскія и австрійскія цѣнности. Около 10 января общую потерю на всѣхъ кредитныхъ цѣностяхъ Западной Европы оцѣнивали уже въ 1½, миллиарда франковъ. Теперь она еще значительнѣе. Но что разорительно для людей непосвященныхъ въ тайны, то самое служить въ огромную пользу счастливымъ, узнающимъ о политическихъ перемѣнахъ раньше, чѣмъ они сдѣлаются извѣстны публикѣ. Говорятъ, что слова французскаго императора доставили много миллионовъ тѣмъ избраннымъ, которые наканунѣ новаго года знали, что скажетъ онъ барону Гюберу: сдѣлавъ въ огромномъ размѣрѣ спекуляцію на по-

ниженіе фондовъ, они пріобрѣли громадныя барыши. Пониженіемъ фондовъ отчасти объясняется отвращеніе къ войнѣ, столь сильно обнаружившееся въ цѣломъ французскомъ обществѣ. Число людей, имѣющихъ фонды государственнаго долга, всегда было во Франціи огромно; но со времени займовъ, произведенныхъ въ крымскую войну и раздававшихся самыми маленькими частями, оно учетверилось. До 1848 года облигаціи государственнаго долга были въ рукахъ 292,000 человекъ; въ началѣ 1857 года число лицъ, владѣвшихъ этими облигаціями, простиралось уже до 1,028,284 человекъ; съ того времени оно конечно еще увеличилось. Каждый изъ этихъ людей теряетъ часть своего капитала при пониженіи фондовъ; понятно, какъ должны они всѣ бояться войны, одинъ слухъ о которой отнялъ у нихъ уже болѣе 6 франковъ изъ каждыхъ 100 франковъ. Нынѣшнее французское правительство само заботилось о увеличеніи числа владѣльцевъ ренты, интересъ которыхъ связанъ съ высокимъ курсомъ фондовъ и которые, слѣдовательно, должны противиться всякимъ смутамъ и рѣзкимъ политическимъ переменамъ, понижающимъ курсъ. Привлекать небогатыхъ людей къ тому, чтобы каждую сотню франковъ, сбереженную отъ расходовъ, они промѣнивали на фонды, — это называлось демократизаціею ренты и должно было служить къ упроченію нынѣшней системы. Забота о демократизаціи ренты удалась; но вотъ, когда понадобилось начинать войну, весь тотъ миллионъ семей, которыхъ должны были фонды сдѣлать защитниками нынѣшней системы, заговорилъ противъ войны, необходимой для нея. Вся промышленная и торговая часть французской націи также противъ войны, — это не требуетъ объясненія. Кромѣ офицеровъ, находящихъ славу и денежную выгоду въ войнѣ, вся Франція въ пользу мира, потому что трудно найти человека, интересы котораго не пострадали бы отъ его нарушенія. Общее мнѣніе такъ неуступчиво въ этомъ вопросѣ, что ни въ одномъ департаментѣ, ни въ одномъ городѣ до сихъ поръ не удалось устроить хотя какую нибудь манифестацію въ пользу войны, несмотря на всѣ усилія префектовъ. Этимъ настроеніемъ умовъ объясняется, почему отъ времени до времени необходимымъ считаютъ допускать чрезвычайно сильныя печатныя протестаціи противъ войны: необходимо дѣлать уступки общественному мнѣнію. Однимъ изъ первыхъ протестовъ была статья Прево-Парадоля, въ *Journal des Débats*, 12 января.

«Органы общественнаго мнѣнія (говоритъ газета, обыкновенно столь осторожная въ словахъ) не должны терять изъ виду, что отвѣтственность на нихъ лежитъ не только за то, что они говорятъ, но и за то, что они умалчиваютъ; не должны забывать, что именно за молчаніе, когда было бы полезно и можно прервать его, тяжелѣе всего подвергаться

отвѣтственности. Если бы мы могли думать, хотя минуту, что намъ будетъ запрещено выразить общее мнѣніе о важномъ вопросѣ внѣшней политики, занимающемъ нынѣ всѣхъ, это принужденное молчаніе огорчило бы нашъ патріотизмъ, но не уронило бы нашей чести, и мы могли бы считать себя какъ бы избавленными отъ обязанности, невозможной для исполненія. Но мы не думаемъ, чтобы такъ было; мы убѣждены, напротивъ, что никому не можетъ быть непріятно, если мы, повинаясь нашей совѣсти, скажемъ правду о вопросѣ, касающемся важнѣйшихъ интересовъ Франціи.

«Мы вѣримъ искренности словъ правительства, что оно не ищетъ войны; но мы боимся, чтобы оно не было вовлечено въ нее и безъ желанія. Мы видимъ, что нѣкоторыя газеты (*Débats* намекаетъ главнымъ образомъ на *Presse* и *Constitutionnel*, изъ которыхъ первая служить органомъ принцу Наполеону, а вторая пользуется непосредственными внушеніями самого Наполеона III, сносящагося съ ея редакціею иногда даже мимо своихъ министровъ) расточаютъ правительству гибельные совѣты и стараются передать ему свои заблужденія. Ему представляютъ освобожденіе Италіи дѣломъ легкимъ; ему показываютъ за Альпами союзника, силу котораго преувеличиваютъ, и къ довершенію обмана изображаютъ ему остальную Европу въ такомъ видѣ, какъ будто бы она была расположена мирно смотрѣть, съ оружіемъ въ рукахъ, съ тайнымъ удовольствіемъ и эгоистическимъ ужасомъ на раздробленіе Австрійской имперіи.

«Мы увѣрены, что французское правительство, знающее состояніе Европы покрайней мѣрѣ не меньше, нежели знаетъ его образованная часть публики, не можетъ быть обмануто этими грубыми уловками, и ручательствомъ за то намъ служатъ мирныя увѣренія, недавно имъ данныя».

Далѣе *Journal des Débats* доказываетъ, что Австрія противникъ могущественный; что Пруссія и весь Германскій союзъ взялись бы за оружіе противъ Франціи, если бы Австріи стала грозить серьезная опасность; что Англія также приняла бы сторону Австріи.

Единственнымъ исключеніемъ (продолжаетъ Прево-Парадоль) служить Піемонтъ, имѣющій свою частную выгоду въ войнѣ. Желая войны, онъ старается дѣйствовать на Францію и выказывать французское правительство въ такомъ положеніи, будто бы оно уже запуталось до того, что не можетъ отказаться отъ войны.

«Вотъ вся политика враговъ мира. Она не глубока; но не въ первый разъ судьба народовъ была бы рѣшена непредусмотрительностію и дерзостью, при помощи случая. Что до насъ, мы вѣримъ миролюбивымъ объявленіямъ французскаго правительства; мы убѣждены, что оно не станетъ слушать тѣхъ, которые хотятъ поставить его въ безвыходное положеніе, принудить его дѣлать выборъ между его честью и національнымъ интересомъ; мы увѣрены, что оно не дозволитъ близорукимъ агитаторамъ подвергнуть опасностямъ судьбу Франціи.

«Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, мы исполняемъ нашу обязанность передъ правительствомъ и передъ обществомъ, говоря правду».

Journal des Débats отличается отъ всѣхъ другихъ независимыхъ европейскихъ газетъ совершенной дипломатичностью своего языка. Онъ всегда говоритъ «мы увѣрены въ вашемъ желаніи» вмѣсто «мы требуемъ отъ васъ»; «вы этого не сдѣлаете» вмѣсто «вы будете безразсудны, если такъ сдѣлаете»; «вамъ даютъ дурныя совѣты» вмѣсто «у васъ дурныя мысли». Но дипломатическій языкъ, при всей своей мягкости, вовсе не лишенъ ни силы, ни ѣдкости. Надобно только взвѣшивать его выраженія и мы найдемъ подъ увѣренностью — разрушеніе довѣрія, подъ любезностями — вражду, подъ деликатностями — сарказмъ. «*Constitutionnel* даетъ гибельные совѣты», — но развѣ неизвѣстно каждому парижанину, что *Constitutionnel* пишется подъ диктовку императора? Сопоставленіе мнѣній *Constitutionnel*'я съ словами «мы вѣримъ увѣреніямъ въ миролюбіи правительства» придаетъ этимъ послѣднимъ словамъ значеніе вовсе не двусмысленное. «Французское правительство, знающее состояніе Европы конечно не хуже, нежели знаетъ образованная часть публики, разумѣется не думаетъ» — каковъ смыслъ этой фразы, когда правительство увѣряетъ, будто оно такъ думаетъ?

Статья *Débats* была понята всѣми; она говорила: «мы не вѣримъ формальнымъ увѣреніямъ нашего правительства; оно ищетъ войны; оно хочетъ обмануть публику, обѣщая нейтралитетъ Германіи и Англіи; но обманъ слишкомъ грубъ. Правительство такъ запуталось, что жертвуетъ національными интересами для своей надобности».

Но дипломатическій языкъ кажется слишкомъ мягкимъ для массы публики. Черезъ нѣсколько дней (20 января) явилась брошюра Феликса Жермена «Будетъ ли у насъ война? — *Aurons nous la guerre?*» Авторъ ея — одинъ изъ журналистовъ Бонапартистской партіи, у которой никогда не бываетъ остановки за пышною лестью. Въ брошюрѣ много льстивыхъ фразъ, но посмотрите, въ какихъ страницахъ вплетены онѣ.

«Будемъ ли мы имѣть войну? да, если бы я остался одинъ выразителемъ полезныхъ истинъ. Нѣтъ, мы не будемъ имѣть войны, если Франція имѣетъ мужество думать вслухъ, если громадное большинство націи возвыситъ свой голосъ, потому что глава государства глубоко заинтересованъ въ томъ, чтобы выслушать его и послѣдовать ему. Единственное затрудненіе въ томъ, какъ довести до него истину; я признаюсь, что при нынѣшнемъ этикетѣ это не очень легко. Но все таки надобно попытаться; дѣйствовать необходимо; cadaquo изъ насъ коснется послѣдствія преступнаго бездѣйствія, опасной апатіи.

«Въ своей рѣчи, при раздачѣ медалей на всемірной парижской выставкѣ 15-го ноября 1855 года, императоръ замѣтилъ: «Въ нашу цивилизованную эпоху даже самые блестящіе успѣхи оружія—иммолетны. На дѣлѣ одерживаетъ послѣднюю побѣду непремѣнно общественное мнѣніе».

«Министры, сенаторы и депутаты, государственные совѣтники и префекты, поставленные въ центрѣ страны для изученія ея потребностей, для узнаванія ея чувствъ, ея желаній и ея опасеній, соберите и сравните свѣдѣнія, внимательно всмотритесь, кого радуютъ военные слухи и кого они удивляютъ, печалятъ и ужасаютъ, — сравните и судите, если смѣете, вы, ближайшіе, лучшіе друзья, вѣрнѣйшіе спутники Луи-Наполеона. Въ этомъ послѣднемъ испытаніи вы болѣе не усомнитесь сказать ему все; вы изложите въ своихъ донесеніяхъ все, что знаете; и поднимаясь изъ круга въ кругъ, истина, разоблаченная отъ своей придворной маски, достигнетъ до подножія трона. Тотъ, кто занимаетъ тронъ, при свѣтѣ ея факела увидитъ, что народъ не повторяетъ своего прошедшаго и что второе изданіе первой имперіи—опасная химера, искушеніе, идущее изъ ада. Онъ увидитъ, что цивилизація и нравы Европы требуютъ мира. Узнавъ правду, императоръ своимъ точнымъ, яснымъ и всегда эмфатическимъ языкомъ разсѣетъ безпокойство и положитъ конецъ усиливающейся тревогѣ.

«Говорятъ, что Франція желаетъ войны. Ошибка, роковая ошибка! Ступайте, куда хотите, отъ кого хотите почерпайте свѣдѣнія. Проникните на чердакъ бѣдняка, на фабрики, въ избы поселянъ, въ мелочныя лавки и обширныя магазины,—вездѣ, со всѣхъ сторонъ вы услышите одинъ голосъ, голосъ въ пользу мира. Со всѣхъ сторонъ получите вы увѣреніе, что Франція не только не вѣрять въ своевременность войны, но напротивъ глубоко враждебна всѣмъ проектамъ заграничнаго вмѣшательства; что она впередъ осуждаетъ все, что было бы предпринято въ этомъ смыслѣ; и что если бы правительство сдѣлало шагъ въ этомъ направленіи, она съ печалью потеряетъ вѣру въ искренность Бордосскихъ словъ «имперія—это миръ»;—Франція не станетъ вѣрить, что императоръ хочетъ мира. Жестоко обманутая, она съ трепетомъ станетъ смотрѣть на будущее, на которое недавно смотрѣла съ гордостью. Разочарованная, она обратится къ тѣмъ, которые гордились ей: «Вы желаете имперіи, — будетъ вамъ имперія; имперія—это война съ Европой». Въ своемъ прискорбіи она скажетъ «это правда». И сама имперія,—какая судьба ждетъ ее среди этого всеобщаго разочарованія? Не обольщайте себя; сомнѣнія тутъ нѣтъ: на 36,000,000 франкузовъ болѣе 35 милліоновъ молятся о сохраненіи мира. Идея разыграть во второй разъ подвиги первой имперіи представляется Франціи анахронизмомъ и опрометчивостью безумія.

«Мысль вмѣшаться въ итальянскія дѣла, объявить войну Австріи, оскорбляющей насъ, очевидно принадлежитъ къ такому плану, исполненіе котораго пробудило бы всеобщую войну, и каждый возстаетъ противъ этой мысли, потому что, за исключеніемъ немногихъ опасныхъ

«шанатиковъ», никто не желаетъ подвергаться почти вѣрнымъ потерямъ.

«Франція боится шансовъ войны, потому что наши національные интересы не требуютъ ея. Нация отвергаетъ ее, потому что справедливо видятъ въ ней зародышъ коалиціи противъ насъ.

«Пусть клеветники Наполеона III убѣждаютъ его презрѣть столь многими соображеніями, требующими сохраненія мира для его личной безопасности. — Пусть они даже стараются принудить его къ совершенію ошибокъ, которыя довели до гибели первую имперію. Но что онъ слушаетъ этихъ коварныхъ внушеній, что онъ волнуетъ народъ извѣстіями о разрывѣ съ государствами не оскорбляющими насъ, что онъ самъ добровольно возбуждаетъ недовѣріе, что онъ увеличиваетъ затруднительность коммерческаго положенія, и безъ того слишкомъ шаткаго, что онъ самъ подвергаетъ сомнѣнію достовѣрное, что осуществляетъ предсказанія своихъ враговъ, всегда утѣшавшихъ, что онъ не сдержитъ своего Бордосскаго обѣщанія, что онъ согласенъ повторить басню *Bertrand et Ratou* въ пользу Пьемонта, что онъ самъ поднимаетъ въ Италіи вопросъ о національностяхъ, вопросъ грованцій седьмою коалиціею, въ главѣ которой будетъ стоять Англія,—это превосходитъ всякое вѣроятіе, спутываетъ всѣ мысли. Ощущаешь себя и осматриваешься, какъ будто бы давить тебя кошмаръ, и думаешь, что все это галлюцинація».

Этотъ языкъ очень силенъ. Однако же дали время разойтись цѣлому изданію брошюры въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; дали также разойтись почти всему второму изданію и запретили продажу брошюры уже тогда, когда некому было покупать ее, потому что всѣ ее имѣли въ рукахъ. Авторъ не подвергся никакимъ несправедливостямъ.

Мало того, что позволяютъ печатать подобные протесты въ Парижѣ, — даже провинціальныя газеты, которыя находятся обыкновенно еще подъ большимъ стѣсненіемъ, нежели столичныя, — и тѣ отваживаются говорить громко противъ войны. Вотъ отрывокъ изъ провинціальной газеты *la France Centrale*:

«Франція хочетъ мира. Въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Гибельное впечатлѣніе, произведенное словами императора австрійскому посланнику, объясняетъ положеніе дѣла. Эти слова, еще не заключающія положительнаго объявленія войны, уже стоили государственному богатству Франція болѣе миллиарда франковъ. Мы не можемъ допустить мысли, что перспектива ужасныхъ бѣдствій, представляющаяся намъ, не возвратитъ въ ножны полуобнаженную шпагу; потому что мы не хотимъ предполагать безумства, совершеннаго помѣшательства. Нарушить съ непростительнымъ легкомысліемъ существующіе трактаты, вызвать европейскую коалицію, пробудить повсюду революцію, и все это рѣшительно безъ всякаго національнаго интереса,—это такая полнѣ-

тика, слѣдовать которой, по нашему мнѣнію, французское правительство не отважится, особенно теперь, когда общественное мнѣніе выказалось столь сильнымъ и рѣшительнымъ голосомъ».

Какая судьба постигла дерзкую, ничтожную газету? Редакторъ и авторъ вѣроятно преданы суду, газета запрещена или по крайней мѣрѣ получила выговоръ? Ничего не бывало, газета спокойно продолжаетъ выходить, никто не преданъ суду и даже не получилъ выговора, и тоже самое, также безнаказанно, говорятъ десятки другихъ провинціальныхъ газетъ, съ которыми, кажется, легче было бы справиться, нежели съ парижскими, потому что крутыя мѣры противъ этихъ безвѣстныхъ изданій надѣлали бы менѣе шума.

Отъ чего такая безнаказанная дерзость? Число виновныхъ слишкомъ велико и притомъ ихъ соучастники находятся между главными людьми правительства. Говорятъ, что большая часть министровъ противъ войны; говорятъ, что Валуевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько разъ отказывался подписать одну изъ нотъ вѣнскому двору; говорятъ, что не только большинство министровъ, но и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ сильно совѣтуютъ императору французовъ не рисковать войною, въ числѣ ихъ называютъ маршала Пелисссе; говорятъ, что ближайшіе друзья Наполеона, Персиньи и Морини, рѣшительно противятся войнѣ; говорятъ, что сама императрица французовъ, обыкновенно не выѣзжающая въ политическія дѣла, упрасивала своего супруга оставить мысль о войнѣ. Все это только слухи и многіе изъ нихъ могутъ быть не совсѣмъ вѣрны, за то другіе едва ли не совершенно достоверны, на примѣръ о противорѣчіи большинства министровъ войнѣ и о рѣшительныхъ совѣтахъ Персиньи въ пользу мира. Во всякомъ случаѣ достоверно извѣстно то, что общественное мнѣніе во Франціи очень сильно возстаетъ противъ войны.

Неблагопріятно смотрятъ на нее и всѣ державы Западной Европы, кромѣ Сардиніи: нѣкоторые изъ опасенія, что война привела бы ихъ къ измѣненію нынѣшней политической системы, — таковы чувства Неаполя, Папы и герцога Тосканскаго; другія потому, что онѣ расположены къ Австріи, — на примѣръ Баварія и нѣкоторые изъ маленькихъ западно-нѣмецкихъ государствъ; третьи потому, что предполагаютъ выѣстъ съ вторженіемъ въ Ломбардію открытіе войны на Рейнѣ для разширенія французскихъ границъ насчетъ Германіи, — это опасеніе руководитъ чувствами Пруссіи и большей части второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Наконецъ всѣ члены Германскаго Союза чувствуютъ себя обязанными, по самымъ условіямъ союза, принять участіе въ войнѣ при нападеніи на Австрію. Вообще всѣ державы Западной Европы чувствуютъ, что трудно имъ

будетъ не быть вовлеченными въ войну между двумя такими сильными соперницами, какъ Франція и Австрія, особенно тогда у той и другой есть еще союзницы изъ второстепенныхъ державъ. Если бы театръ войны могъ не перейти за предѣлы сѣверной Италіи; если бы все дѣло могло ограничиться борьбою за пріобрѣтеніе Ломбардіи Викторомъ-Эммануиломъ, отдаленныя государства Западной Европы, и вѣроятно даже сама Пруссія, могли бы оставаться хладнокровными зрительницами итальянскихъ битвъ. Но всѣ видятъ, что война, начавшись изъ-за одной провинціи, превратится въ вопросъ о жизни и смерти и для Австріи и для нынѣшней французской системы. Громадный размѣръ, который должна будетъ принять война при такомъ оборотѣ, грозитъ страшными потерями для всѣхъ государствъ Западной Европы.

Изъ всѣхъ западныхъ державъ особенно важно мнѣніе Англіи. Издавна владычествуетъ въ англійскомъ народѣ сочувствіе къ независимости Италіи, желаніе, чтобы Ломбардія и Венеція освободились отъ австрійскаго ига. Можно было разсчитывать, что это чувство заставитъ англичанъ одобрить намѣренія Сардиніи и Франціи. Нѣкоторые изъ партій графа Кавура разсчитывали даже на помощь Англіи. Органъ принца Наполеона, *Presse*, также высказывала эту надежду. Люди болѣе хладнокровные изъ желавшихъ начать войну полагали по крайней мѣрѣ, что Англія сохранитъ нейтралитетъ. Конечно, разсчитывали они, Англія не можетъ радоваться вѣроятному расширенію французскихъ границъ и во всякомъ случаѣ расширенію французскаго могущества; но какъ же свободный англійскій народъ объявитъ себя противъ освобожденія другаго народа, какъ онъ скажетъ, что хочетъ поддерживать деспотизмъ австрійцевъ? Потому съ нетерпѣніемъ ждали отзыва англійской журналистики о словахъ, сказанныхъ императоромъ французамъ австрійскому посланнику. Задача для англійскихъ газетъ была дѣйствительно затруднительная; два дня онѣ колебались, не зная, какъ предугадать рѣшеніе общественнаго мнѣнія. Но оно скоро составилось, обнаружилось съ чрезвычайной силой и совершеннымъ единодушіемъ, и англійскія газеты начали единогласно выражать, развивать и усиливать его. Кромѣ одной только *Morning-Post*, состоящей въ прямыхъ отношеніяхъ къ французскому правительству, всѣ онѣ, безъ различія партій, заговорили противъ войны, объявляя, что Англія не можетъ остаться въ нейтралитетѣ. Это произвело сильное дѣйствіе на французскую политику: разнорѣчіе въ ея проявленіяхъ становилось все рѣзче по мѣрѣ того, какъ возрастало опасеніе имѣть противъ себя Англію. До сихъ поръ нельзя сказать, къ войнѣ или къ миру приблизилась Европа въ полтора мѣсяца, прошедшіе послѣ знаменитой

фразы новаго года. Едва ли есть въ Европѣ три человѣка, которые бы знали навѣрное хотя то, серьезны или нѣтъ приготовленія къ войнѣ во Франціи. Очень можетъ быть, что кромѣ императора французовъ знаетъ это графъ Кавуръ, но больше нѣтъ участниковъ въ тайнѣ. Самъ Викторъ Эммануилъ напрасно похвалился бы, если бы сказалъ, что ему открыты всѣ планы его союзника и его перваго министра. А можетъ быть, даже и графъ Кавуръ знаетъ не все. Персини и Валуевскій имѣютъ свѣдѣнія развѣ немногимъ болѣе положительныя, нежели каждый изъ насъ. О другихъ дипломатахъ нечего и говорить: графъ Момсбери получилъ увѣренія; но какое значеніе можно придавать этимъ увѣреніямъ, онъ не можетъ рѣшить. Самые знающіе и проницательные дипломаты могутъ достовѣрно сказать только то, что «по ихъ предположенію» императоръ французовъ очень «желалъ бы» дѣйствительно начать войну. Это знаетъ и каждый изъ насъ. Но рѣшился ли онъ начать войну, это извѣстно ему, да развѣ еще графу Кавуру.

Изъ какихъ же столкновений и причинъ возникаетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ стремленіе къ войнѣ, столь противное условіямъ нынѣшней промышленной эпохи? Главнѣйшее мѣсто тутъ занимаютъ отношенія нынѣшняго французскаго правительства къ общественному мнѣнію. Мы говорили въ прошедшій разъ, что тотчасъ же по окончаніи крымской войны вниманіе французскаго общества обратилось на вопросы внутренней политики. Мы приводили изъ французскихъ журналовъ отрывки, показывавшіе, какъ смѣлы и настоятельны становились требованія. Послѣ покушенія Орсини, въ началѣ прошлаго года, были приняты чрезвычайныя мѣры, отчасти для огражденія личной безопасности императора французовъ, еще болѣе для того, чтобы заставить молчать общественное мнѣніе. Но этого успѣннаго направленія нельзя было долго выдержать; а съ отмѣненіемъ исключительныхъ распоряженій, во второй половинѣ прошлаго года общественное мнѣніе заговорило сильнѣе прежняго. Мы рассказывали, какъ ему были дѣланы уступки, возможныя безъ отказа отъ основныхъ принциповъ нынѣшней системы, и какъ всѣ уступки оказывались недостаточными. Надобно было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ опасныхъ вопросовъ, и вотъ отсюда существенная необходимость войны, какъ средства къ развлеченію. Надобно отдать справедливость искусству, съ которымъ была выбрана предметъ войны. Италия пользуется общимъ сочувствіемъ въ Европѣ, особенно во Франціи и Англіи. Изъ всѣхъ бѣдствій, угнетающихъ эту страну, самой возмутительною несправедливостью представляется занятіе австрійцами Ломбардо-Венеціанскихъ земель. Защищаемое дѣло имѣетъ въ свою пользу всѣхъ; врагъ, съ кото-

рымъ надобно будетъ бороться, имѣть всѣхъ противъ себя. Кромѣ Баваріи, Неаполя и маленькихъ итальянскихъ государствъ, нѣтъ правительства сколько нибудь расположеннаго къ Австріи. Общественное мнѣніе повсюду ненавидитъ ее. Въ войнѣ съ ней Франція должна была явиться только союзницею Сардиніи; и если война поведетъ къ завоеваніямъ, то надобно было предполагать, что увеличеніе Сардиніи не возбудитъ ни въ комъ опасеній или зависти; напротивъ, общественное мнѣніе самымъ сильнѣйшимъ образомъ было расположено въ пользу этого государства, такимъ блистательнымъ путемъ развивавшаго свои силы. Франція обѣщала совершенное безкорыстіе, говорила, что всѣ завоеванія будутъ предоставлены Піэмонту. Правительства не должны были тревожиться; народы должны были привѣтствовать Францію, какъ освободительницу Италіи. Была еще особенная выгода въ такой политикѣ. Покушеніе Орсини вытекало единственно изъ вражды за холодность императора французовъ къ судьбѣ Италіи. Орсини говорилъ, что надобно императору французовъ сдѣлаться защитникомъ Италіи, что только этимъ онъ можетъ обезопасить свою жизнь.

Далѣе мы увидимъ, какое сильное вліяніе имѣли на мысли Наполеона III тѣ соображенія, которыя нашелъ онъ въ бумагахъ Орсини или узналъ изъ его изустныхъ объясненій. Теперь замѣтимъ только, что съ самого января прошедшаго года представлялась ему непрерывная опасность отъ покушеній, подобныхъ Орсиніевскому заговору. Естественно было предполагать, что между итальянскими патріотами находится много людей, думающихъ подражать Орсини. Это соображеніе, основанное на характерѣ и положеніи итальянскихъ энтузіастовъ, подтверждалось разсказами о странныхъ случаяхъ, изъ которыхъ два, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ, мы передадимъ подлинными словами парижскаго корреспондента газеты Manchester Guardian:

«Ручаюсь за достовѣрность двухъ слѣдующихъ анекдотовъ. Недавно лѣкто графъ J^{***}, карбонари, былъ избранъ своими товарищами повторить дѣло Орсини. Онъ отказался. Черезъ пять дней, онъ былъ найденъ у дверей своей квартиры убитымъ. Въ груди его былъ кинжалъ. Около того же времени, молодой генуэзецъ *** получилъ подобное же назначеніе; также отказавшись исполнить это порученіе, онъ возвратился домой и застрѣлился, оставивъ письмо къ одному изъ своихъ ближайшихъ друзей съ объясненіемъ причины своего самоубійства. Мнѣ это разсказывалъ тотъ самый человѣкъ, къ которому было адресовано письмо,—онъ теперь здѣсь въ Парижѣ; онъ заслуживаетъ довѣрія».

Достовѣрность этихъ разсказовъ мы оставляемъ на отвѣтственности корреспондента англійской газеты; во всякомъ случаѣ доволь-

но уже и того, что подобные рассказы ходятъ въ Парижѣ. Конечно, они хорошо извѣстны полиціи и самому императору французовъ, который дѣйствительно полагаетъ, что его жизнь подвергается опасности отъ итальянскихъ кинжаловъ. Отвратить такую опасность одно средство — явиться защитникомъ итальянской свободы: тогда друзья и подражатели Орсини изъ враговъ и убійцъ обратятся въ преданнѣйшихъ императору людей.

Оба эти соображенія—необходимость войны для отвращенія французовъ отъ мысли о внутреннихъ дѣлахъ и необходимость защищать итальянскую національность для избавленія собственной жизни отъ покушеній, чрезвычайно сильны. Но война не популярна въ самой Франціи? Это не должно служить остановкою для рѣшительнаго правителя: противъ очарованія побѣдъ не устоитъ общественное мнѣніе не только во Франціи, которую особенно винять за эту слабость, но и ни въ какой другой странѣ: даже у англичанъ и сѣверо-американцевъ побѣда всегда имѣетъ на своей сторонѣ націю; а въ побѣдѣ сомнѣваться едва ли можно. Чтожь тутъ смотрѣть на общественное мнѣніе? Оно будетъ измѣнено первой удачей и будетъ прославлять побѣдоносную войну.

У Сардиніи также есть побужденія къ войнѣ, вытекающія изъ личныхъ расчетовъ. Савойскій домъ всегда стремился къ увеличенію своихъ владѣній. Въ 1848 году очень значительное вліяніе на ходъ войны имѣло именно то обстоятельство, что Карлъ-Альбертъ имѣлъ въ виду собственно эту цѣль, а не какую нибудь другую, и дѣйствовалъ такъ, какъ требовали его личные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы, чтобы король помогалъ учрежденію республики на своихъ границахъ, притомъ республики болѣе обширной, нежели его собственное королевство, и притомъ имѣя въ числѣ своихъ провинцій одну, самую богатую (Геную) съ явнымъ расположеніемъ къ республиканской формѣ и съ ненавистью къ туринскому владычеству. Карлъ-Альбертъ не могъ оказать ломбардцамъ пособія иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они присоединились къ сардинскому королевству. Сообразно съ этимъ былъ рассчитанъ весь планъ его дѣйствій. Сынъ не могъ отказаться отъ наслѣдственной политики, имѣвшей такую выгодную цѣль. Теперь Викторъ-Эммануиль и графъ Кавуръ желаютъ овладѣть всею сѣвѣрною Италіею, чтобы сдѣлаться правителями первокласной державы. Есть и другая причина. Постоянно готовясь къ завоевательной войнѣ, графъ Кавуръ содержалъ армию слишкомъ многочисленную для средствъ маленькой и небогатой Сардиніи. По уплатѣ издержекъ и контрибуціи за войну 1848 года, въ слѣдующіе годы государственный долгъ Сардиніи выросъ едва ли не вдвое противъ величины, къ какой доведенъ былъ

войною. Въ началѣ прошлаго года онъ былъ выше 200 милліоновъ рублей серебромъ и составлялъ уже тяжесть, чрезвычайно обременительную для государства, доходы котораго не выше 35 милліоновъ, а съ каждымъ годомъ онъ долженъ былъ увеличиваться, если бы продолжилось нынѣшнее положеніе дѣлъ. Поэтому для графа Кавура остается, или начать войну, чтобы поскорѣе достигъ цѣли, стремленіе къ которой такъ обременительно для сардинскихъ финансовъ, или отказаться отъ воинственной политики, перестать грозить Австріи, замѣнить вражду къ ней отношеніями мирными, хотя бы и холодными. Перестать грозить Австріи значило бы, для нынѣшняго сардинскаго министерства, потерять главное основаніе своего существованія. Не опираясь на лѣвую сторону, требующую войны, графъ Кавуръ потерялъ бы большинство, долженъ былъ бы уступить власть правой сторонѣ, желающей мира. Надобно полагать, что не только въ парламентѣ, но и въ умѣ самаго короля графъ Кавуръ лишился бы опоры, если бы пересталъ стремиться къ войнѣ. Извѣстно, по какому обстоятельству утвердилась парламентская форма въ Сардиніи. Карлъ-Альбертъ былъ чрезвычайно нерасположенъ къ ней до войны съ Австріею; но послѣ пораженія сардинской арміи Радецкимъ свободное политическое устройство осталось единственнымъ средствомъ поддерживать въ сардинскомъ народѣ расположеніе къ правительству и бодрость для новой войны, о которой не переставали думать. Эта форма должна была также служить сильнѣйшею приманкою для другихъ итальянскихъ областей, чтобы онѣ прониклись желаніемъ присоединиться къ Сардиніи (Сѣверная Италія), или признать ея гегемонію (Средняя и Южная Италія), чтобы вся Италія ждала своей свободы отъ Сардиніи. Для этой важной цѣли Карлъ-Альбертъ переломилъ свои чувства, свой характеръ и, чтобы сдѣлаться со временемъ властителемъ могущественной, быть можетъ перво-класной державы, рѣшился быть либеральнымъ конституціоннымъ королемъ. Какъ человекъ съ твердо-опредѣленною цѣлью, онъ поддерживалъ этотъ характеръ и ту же политику завѣщагъ сыну. Врочемъ мы вовсе не отрицаемъ того, что кромѣ разсчета сильное вліяніе имѣетъ на сардинскую политику и патриотизмъ. Сардинское правительство вѣроятно въ самомъ дѣлѣ хочетъ независимости Италіи, покрайней мѣрѣ отъ австрійцевъ, если не отъ французовъ; но хочетъ ея съ тѣмъ условіемъ, чтобы очищенные отъ иностранцевъ провинціи послужили къ увеличенію Сардиніи.

Итальянскіе патриоты, кромѣ маццинистовъ, легко принимаютъ это условіе изъ усердія къ національному дѣлу. Какими соображеніями руководятся эти люди и какими заключеніями стараются они склонить въ пользу сардинскаго завоеванія и французскаго вмѣша-

тельства общественное мнѣніе другихъ странъ Западной Европы, не расположенныхъ къ нынѣшней войнѣ, читатель увидитъ изъ двухъ писемъ «Итальянца,» помѣщенныхъ въ Times'ѣ. Мы приводимъ въ концѣ этой статьи извлеченіе изъ краснорѣчивыхъ тирадъ неизвѣстнаго автора. Ненависть къ австрійскому вліянію вообще беретъ верхъ надъ всѣми другими чувствами у большинства образованныхъ итальянцевъ, такъ что они забываютъ даже разсчитывать, какія внутреннія учрежденія получила бы Италія, освобожденная отъ австрійцевъ нынѣшнею Франціею. А если имъ говорятъ, что французская помощь будетъ куплена введеніемъ нынѣшнихъ французскихъ формъ въ устройствѣ отнятыхъ у Австріи областей, они отвѣчаютъ, что все-таки французская администрація лучше австрійской, а тѣмъ болѣе папской и неаполитанской; а французскіе гражданскіе законы, независимые отъ формы правленія, превосходны. Потому, заключаютъ они, друзья свободы въ Западной Европѣ все-таки должны желать изгнанія австрійцевъ французами, и особенно должна сочувствовать этому свободная Англія. Что отвѣчаютъ англичане на такія соображенія, читатель увидитъ изъ отвѣта Times'a на второе письмо «Итальянца». Извлеченіе изъ этой статьи также переведено у насъ въ концѣ настоящаго обзора.

Намъ остается только показать основанія, которыми руководилось въ итальянскомъ вопросѣ общественное мнѣніе въ Англіи. О побужденіяхъ Австріи нечего говорить; они очевидны. Австрія играетъ въ этомъ дѣлѣ чисто страдательную роль и хочетъ только сохранить нынѣшнее свое положеніе.

Англичане не думаютъ, чтобы въ случаѣ побѣды надъ Австріею французскія границы остались безъ перемѣны. Они полагаютъ, что или Сардинія уступитъ непосредственно французамъ часть Савойи въ благодарность за пріобрѣтеніе обширныхъ областей на востокъ помощію Франціи, или, если такой обмѣнъ окажется неудобнымъ, то будетъ составлено изъ легатствъ и нѣкоторыхъ другихъ частей центральной Италіи довольно большое владѣніе для принца Наполеона, т. е. возникнетъ въ Италіи вмѣсто австрійскаго владѣнія французское. Во всякомъ случаѣ, полагаютъ они, Сардинія станетъ въ совершенную зависимость отъ Франціи. Какъ бы ни велики были пріобрѣтенія Виктора-Эммануила, хотя бы онъ кромѣ Ломбардіи и Венеціи получилъ большую половину центральной Италіи, все-таки, полагаютъ англичане, онъ обманется въ своей надеждѣ стать независимымъ государемъ могущественной державы. Напротивъ, онъ тогда будетъ едва ли не слабѣе, чѣмъ теперь. Австрія конечно не откажется отъ стремленія возвратить свои итальянскія провинціи; государство Виктора-Эммануила само по себѣ не судетъ имѣть силъ для

сопротивленія Австріи, слѣдовательно станетъ въ совершенную зависимость отъ Франціи. Теперь Сардинія ведетъ дружбу съ Франціею добровольно, тогда будетъ существовать только по милости Франціи, только ея поддержкою. Такимъ образомъ англичане находятъ, что доброжелательство къ Сардиніи вовсе не ставитъ ихъ въ надобность одобрять войну, польза отъ которой будетъ для Сардиніи обманчива. Напротивъ, они полагаютъ, что именно изъ желанія добра Сардиніи должны удержать ее отъ войны. Точно также понимаютъ они свои обязанности и относительно всѣхъ другихъ итальянцевъ, а въ особенности относительно ломбардцевъ и венеціанцевъ. Желая національной независимости Италіи, они также желаютъ ей и политической свободы, а французское вліяніе, по ихъ мнѣнію, было бы теперь для развитія внутреннихъ учреждений въ сѣверной Италіи еще неблагоприятнѣе, нежели для ея національной независимости. Этимъ однимъ не ограничивается, по мнѣнію англичанъ, для внутреннихъ учреждений Италіи невыгодность освобожденія чрезъ нынѣшнюю войну: другая опасность сѣверно-итальянскимъ областямъ и самой Сардиніи грозитъ отъ завоеванія. Теперь ломбардцы и венеціанцы могутъ желать присоединенія къ Сардиніи, потому что не видятъ другого средства избавиться отъ австрійцевъ; но Ломбардія и Венеція имѣютъ славную исторію; онѣ такъ высоко цѣнятъ себя, что для нихъ въ 1848 году была унижительною мысль слѣлаться провинціями государства, по всему бывшаго далеко ниже ихъ въ прошлыя времена. Только теперь это чувство заглушено горькою необходимостью, да и то далеко не во всѣхъ ломбардцахъ и венеціанцахъ: подчиниться Сардиніи для очень многихъ и нынѣ кажется обидно, а едва австрійцы будутъ изгнаны, старинное чувство гордости воскреснетъ съ прежней силой, вновь пріобрѣтенными провинціями овладѣетъ желаніе, или отдѣлиться отъ Сардиніи, или взять надъ нею рѣшительное первенство, стать самымъ метрополіею, а ее обратить въ свою провинцію. Последствія такого порядка вещей ясны. Сардинія, по мнѣнію англичанъ, должна будетъ удерживать въ соединеніи съ собою Ломбардію и Венецію противъ ихъ воли, т. е. насильственными средствами; а свободныя учрежденія падаютъ при такихъ средствахъ, и потому, не говоря уже о вліяніи Франціи, даже сама Сардинія не могла бы предоставить очищеннымъ отъ австрійцевъ областямъ дѣйствительной внутренней свободы. Сардинія, продолжаютъ англичане, подверглась бы такой участи и по другой причинѣ. Мы видѣли источникъ вѣрнаго сохраненія парламентскихъ формъ въ Сардиніи: онѣ кажутся нужными, чтобы служить приманкою для Ломбардіи и Венеціи; онѣ только средство для достиженія совершенно другой цѣли,

для расширенія границъ. Когда эта цѣль будетъ достигнута, когда Сардинія преобразуется въ Королевство Сѣверной Италіи, цѣль будетъ достигнута, стало бытъ средство перестанетъ быть нужнымъ. Тогда не будетъ побужденій оставлять и въ собственной Сардиніи парламентскія формы въ нынѣшней ихъ силѣ. Прежнія преданія, которымъ слѣдовалъ Карлъ-Альбертъ до 1848 года, снова возьмутъ верхъ, Кавуръ и ему подобные стѣснительные люди будутъ отброшены въ сторону, и возвратятся на сцену старинные министры Карла-Альберта и ихъ продолжатели. Есть и другая причина ожидать этой перемѣны во внутреннихъ учрежденіяхъ Сардиніи, послѣ завоеванія ломбардо-венеціанскихъ областей. Тогда Сардинія станеть въ полную зависимость отъ Франціи, и покровительствующая держава будетъ склонять ее къ принятію нынѣшнихъ французскихъ учрежденій, чтобы самою избавиться отъ непріятнаго сосѣдства съ парламентскими формами. Само собою разумѣется, что всѣ эти соображенія, справедливые или несправедливые, не представлялись бы уму англичанъ такъ сильно, еслибъ развитію подобнаго взгляда не содѣйствовало опасеніе, что война доставитъ Франціи рѣшительное господство надъ политикою всего континента Западной Европы, и что тогда, располагая силами гораздо громаднѣйшими, нежели теперь, Наполеонъ III перестанеть дорожить союзомъ съ Англіею и даже можетъ серьезнѣе прежняго думать объ отмщеніи ей за своего дядю.

Мы изложили побужденія, которыми управлялась политика трехъ западныхъ державъ, имѣвшихъ особенное участіе въ ходѣ итальянскаго вопроса. Теперь намъ надобно слѣлать перечень фактовъ, которые возникли изъ этихъ основныхъ обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что по дипломатическимъ удобствамъ въ официальныхъ переговорахъ часто выставлялись на первый планъ предлоги, служившіе только благопріятными случаями для дѣйствій, вызываемыхъ причинами болѣе глубокими.

Такъ, наприимѣръ, поводомъ къ разрыву Франціи съ Австріею съ перваго же раза былъ избранъ случай, не имѣвшій ничего общаго съ кореннымъ вопросомъ о Ломбардіи и Венеціи. Читатели знаютъ эту исторію. Сербы низвергли своего князя Александра Карагеоргіевича, пользовавшагося милостью Австріи, и призвали престолъ снова Милоша котораго и Австрія и Турція могли опасаться. Одаренный чрезвычайнымъ талантомъ возбуждать войнѣ и организовать народныя массы, Милошъ могъ казаться вреденъ австрійцамъ, потому что при первомъ удобномъ случаѣ имѣеть дѣйствовать на турецкихъ и австрійскихъ сербовъ. Будучи зная хорошенько, въ какой мѣрѣ сильна Скупштина, призвалъ Милоша, австрійцы и турки вздумали было искать предлога

разогнать ее, занять сербское княжество и помѣшать возвращенію Милоша. Австрійскій генералъ Коронини получилъ предписаніе идти въ Сербію, если Турки потребуютъ его помощи. Это было бы нарушеніемъ парижскаго трактата, по которому ни одна держава не должна вмѣшиваться въ турецкія дѣла безъ согласія всѣхъ другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ. Когда императору французовъ представилась надобность объяснить причины своего неудовольствія на Австрію, онъ указалъ этотъ фактъ. Но Австрія дала объясненіе такого рода, что ея войска должны были вступить въ Сербію только по требованію турецкаго начальства; а турецкое начальство не могло потребовать ихъ помощи, не получивъ на то разрѣшенія изъ Константинополя; а Высокая Порта, конечно, никогда не хотѣла требовать помощи австрійскихъ войскъ, не объявивъ объ этомъ предварительно европейскимъ посланникамъ въ Константинополѣ и не получивъ ихъ одобренія. Такимъ образомъ Австрія говорила, что никогда не хотѣла нарушать парижскаго трактата одностороннимъ вмѣшательствомъ въ турецкія дѣла безъ согласія другихъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Франція продолжала утверждать, что приказаніе данное Коронини все-таки не согласно съ трактатомъ; но между тѣмъ сербскія дѣла разъяснились. Австрійцы и турки увидѣли, что сербы единодушны и не дешево поддадутся чужому вмѣшательству. Недовольствіе, возбужденное избраніемъ Милоша, надобно было заглушить въ себѣ и отложить мысль о вооруженныхъ дѣйствіяхъ противъ Сербіи. Благодаря этой невозможности, Австрія отвѣчала императору французовъ, что каково бы ни было приказаніе, данное генералу Коронини, это приказаніе не имѣетъ никакихъ шансовъ быть исполненнымъ на дѣлѣ, остается безъ всякаго дѣйствія и слѣдовательно не заслуживаетъ никакого вниманія.

Первый предлогъ къ разрыву уничтожился. Тогда выставлено было на первый планъ другое дѣло. Наполеонъ III давно говорилъ, что содержаніе французскаго корпуса въ Римѣ непріятно для него и давно требовалъ у папы реформъ, которыя, примиривъ народъ съ папскимъ правительствомъ, позволили бы ему остаться безъ иноземной поддержки. Австрія укрѣпляла папу въ сопротивленіи этимъ софтамъ. Кромѣ того, австрійскія войска занимали сѣверную часть Папской Области и французскій отрядъ не могъ выйти изъ Рима до ихъ удаленія, иначе австрійцы оставались бы безграницными господами всей Италіи. Теперь Франція стала громко жаловаться на такой порядокъ вещей, и переговоры до сихъ поръ идутъ главнымъ образомъ о состояніи центральной Италіи, о необходимости, по мнѣнію Франціи, австрійцамъ вывести свои войска изъ областей не имъ принадлежа-

могла вывести свой от
 ится этотъ вопросъ, ду
 ий въ англійскомъ пар.
 ѣчь. Мы представляемъ
 и Пальмерстона, Д'Из
 ніемъ дипломатической
 итральной Италиі, т. е
 тѣ дѣла. Всѣ трое со
 ыми войсками,—фак
 ранцузовъ вывести
 одобренія ; но
 тѣ Рима, пока австр
 , которые заняли за
 стей. Есть разног
 говорить, что въ
 Области нельзя, п
 скаго правительств
 я. Но, прибавля
 сія на такіа реф
 мствомъ. Это,
 тѣ Россель, нан
 емедленно выве
 авляться съ сво
 и оно будетъ в
 ральной партіи
 являетъ при п
 ии и Австріи
 иское минист
 рійскаго мнѣ
 а бы мы не з
 о предполо
 еціи, а за
 для нынѣ
 треннихъ
 і понять, в
 ласія по

англійскихъ
 е другихъ
 должны
 зность,
 ящемъ

все-таки проглядываетъ въ ихъ рѣчахъ сущность дѣла. Всѣ они согласны, что слѣдствіемъ войны было бы отнятіе итальянскихъ владѣній у Австріи. Даже и въ мирномъ разрѣшеніи спора, которое предлагаетъ Д'Израэли, видна неизбежность коснуться ломбардо-венціанскаго дѣла. Въ предположеніяхъ Д'Израэли о конгрессѣ есть черты, показывающія, что дипломатамъ пришлось бы разсуждать на немъ и о сѣверной Италіи.

Въ 20 числахъ января (новаго стиля) разнеслись въ Парижѣ слухи, что конгрессъ, предлагаемый Англіею, имѣетъ въ самомъ дѣлѣ ближайшее отношеніе къ ломбардо-венціанскимъ землямъ. Въ маѣ 1848 года, когда потеря итальянскихъ областей казалась неизбежною для Австріи, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при лондонскомъ дворѣ, Гиммелъауэръ, предлагалъ кончить войну тѣмъ, чтобы итальянскія провинціи получили особеннаго вице-короля и совершенно независимое управленіе съ конституціонною формою и остались соединены съ Австріею только номинальнымъ единствомъ въ лицѣ императора. Говорятъ, что англійское министерство предложило составить теперь конгрессъ для устройства итальянскихъ дѣлъ на такихъ основаніяхъ, что въ Парижѣ это предложеніе было принято и что теперь остается дѣло только за согласіемъ Австріи. Не знаемъ, дѣйствительно ли подобное предложеніе было сдѣлано изъ Лондона, но должны сказать, что это кажется намъ не совсѣмъ правдоподобнымъ. Австрія навѣрное должна была отвергнуть его: можетъ ли она безъ войны сдѣлать такіа уступки, которыя почти равняются отказу отъ итальянскихъ областей, то есть самому худшему результату несчастливой войны? Лондонскій кабинетъ, желающій примиренія, поступилъ бы совершенно неосновательно, предлагая къ примиренію такіе способы, которые не могутъ не быть отвергнуты одною изъ двухъ спорящихъ сторонъ. Скорѣе можно думать, что въ Лондонѣ была мысль о конгрессѣ только относительно очищенія Папской Области отъ австрійскихъ и французскихъ войскъ (этотъ смыслъ дается словами Д'Израэли), а мысль о переговорахъ на основаніяхъ 1848 года возникла уже въ Парижѣ. Если бы удалось склонить Англію и другія державы согласиться на подобный конгрессъ, а Австрія отвергла бы его, то она выставилась бы менѣе уступчивою, нежели Франція, которая могла бы тогда говорить, что она все сдѣлала для сохраненія мира, что вся Европа признавала умѣренность ея условій, но что Австрія не хотѣла мира. Такой оборотъ былъ бы очень выгоденъ для Франціи, и потому-то, если мысль о конгрессѣ на основаніи предложеній 1848 года дѣйствительно была, то надобно полагать, что она вышла не изъ Лондона, а изъ Парижа. Но все это только слухи и догадки; оставимъ

ихъ и припомнимъ факты, которыми обозначались различными колебаніями итальянскаго вопроса.

Послѣ сильныхъ словъ, сказанныхъ императоромъ французамъ австрійскому посланнику, и еще болѣе сильнаго отвѣта на нихъ въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, первымъ военственнымъ фактомъ была рѣчь Сардинскаго короля при открытіи Туринскаго парламента (10 января). Читателямъ извѣстны рѣшительныя слова Виктора-Эммануила:

«Господа сенаторы, господа депутаты! Горизонтъ, среди котораго встанетъ новый годъ, несовершенно ясенъ; не смотря на то, вы съ обыкновенной вашей ревностью займетесь парламентскими трудами. Ободряемые опытомъ прошедшаго, мы готовы съ рѣшимостью встрѣтить шансы будущаго. Это будущее должно быть счастливымъ, потому что наша политика основана на справедливости, на любви къ свободѣ и отечеству. Наша страна, небольшая по объему, приобрѣла уже уваженіе въ совѣтахъ Европы, потому что она велика по идеѣ ея представляемой и симпатіямъ ея внушаемымъ. Это положеніе не изъято отъ опасности, потому что, уважая трактаты, мы не остаемся безчувственными къ воплю страданія, доходящему до насъ изъ столь многихъ частей Италіи. Сильные нашимъ согласіемъ, уповая на нашу справедливость, мы идемъ, разсудительно и рѣшительно, судебъ отъ Божественнаго Провидѣнія».

Тутъ ясно говорилось, что война близка, что Сардинія хочетъ стать въ ней представительницею Италіи, что Италія сочувствуетъ ей, проситъ ея помощи и будетъ имѣть ея защиту. Король прочелъ рѣчь свою твердымъ, сильнымъ голосомъ. Каждая изъ переведенныхъ нами фразъ перерывалась восторженными криками и аплодисментами сенаторовъ, депутатовъ и зрителей, толпившихся на трибунахъ.

Адресъ палаты депутатовъ въ отвѣтъ на эту рѣчь соответствовалъ восторгу, съ которымъ она была выслушана. Палата поручила составленіе адреса одному изъ ломбардскихъ эмигрантовъ, Корренти, чтобы ломбардцы и венеціанцы видѣли въ этомъ выборѣ залогъ симпатіи къ нимъ.

«Вы правы, государь, съ надеждою смотря на шансы будущаго для вашего народа (говорилъ адресъ). Вашъ голосъ, государь, вліятельный и уважаемый во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, великодушно выражающій состраданіе къ бѣдствіямъ Италіи, конечно оживитъ воспоминанія о торжественныхъ обѣщаніяхъ, доселѣ остававшихся неисполненными, и поддержитъ въ народахъ твердую вѣру въ непреодолимую силу цивилизаціи и въ могущество общественнаго мнѣнія. Если эти отрадные мысли и это воззваніе къ общественному разуму навлекли бы опасности или угрозы на вашу священную главу, нація, видящая въ

васъ могущественнаго заступника за дѣло свободы въ европейскихъ кабинетахъ, знающая, что въ васъ и чрезъ васъ найдена наконецъ, столько вѣковъ бывшая утраченной, тайна итальянскаго единодушія, — нація, говоримъ мы, вся до послѣдняго человѣка окружить васъ и покажетъ, что она вновь научилась старинному искусству соединять нововоленіе солдата съ свободою гражданина».

Этотъ совершенно воистинный адресъ былъ встрѣченъ необыкновенно громкими аплодисментами и, говорятъ, даже министерская партія дивилась единодушному энтузіазму, выказанному палатой.

Но единодушный энтузіазмъ уже не проявлялся при двухъ слѣдующихъ важныхъ событіяхъ: бракосочетаніи принцессы Клотильды и утвержденіи проекта о займѣ на войну. Принцъ Наполеонъ, пріѣхавшій въ Туринъ на другой день послѣ принятія адреса палатою депутатовъ, былъ встрѣченъ сардинцами, по рассказамъ однихъ газетъ, совершенно холодно, по рассказамъ другихъ, если не холодно, то безъ всякаго восторга. Онъ слишкомъ старъ для своей молоденькой невѣсты (принцу Наполеону 36 лѣтъ, а принцессѣ Клотильдѣ только 5 марта нынѣшняго года исполнится 16). Говорятъ, она долго не соглашалась, и какъ ребенокъ была убѣждена удивительными браслетами и тому подобными уборами, присланными ей отъ императрицы Французовъ, а еще больше настояніями отца. Сардинцы чрезвычайно гордятся древностью своей династіи, которая едва ли не старше всѣхъ другихъ въ Европѣ, и находятъ, что для внука простыхъ корсиканцевъ слишкомъ большая честь получить руку и принцессы. Притомъ носились слухи, что часть предполагаемыхъ завоеваній будетъ отдана принцу Наполеону, вмѣсто того, чтобы достаться Сардиніи. Все это слухи, но достовѣрно то, что въ высшихъ кругахъ сардинскаго общества бракъ былъ сильно осуждаемъ, а даже видѣлъ холодность.

Между тѣмъ приготовленія къ войнѣ производятся въ Сардиніи очень дѣлательно и уже понадобилось сдѣлать заемъ въ 12½ миллионъ руб. сер. на покрытіе издержекъ. Предложеніе о займѣ было конечно принято палатою, депутатовъ; но правая сторона, постоянно бывшая противъ наступательной войны, уже отважилась снова возвысить голосъ. Одни изъ ея членовъ сказали, что одобряютъ заемъ, если война будетъ чисто оборонительная, если сама Австрія начнетъ ее; но не хотятъ нападенія на Австрію со стороны самой Сардиніи. Другіе пошли еще далѣе: они совершенно отвергли надобность займа.

«Я всегда былъ противникомъ политики министерства (сказалъ графъ Ревель), той политики, которая привела насъ къ нынѣшнему положенію».

нію. Не скажу, что мы не должны опасаться нападенія со стороны Австріи. Меня нельзя назвать другомъ Австріи, потому что есть доказательства моимъ чувствамъ. Я былъ министромъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы объявили Австріи войну, столь счастливо начатую, столь несчастно конченную. Я признаю, что мѣры принимаемыя Австріею могутъ внушать опасенія, потому необходимо намъ вооружаться. Мнѣ прискорбно разойтись на этотъ разъ съ моими товарищами (другими депутатами правой стороны, рѣшившимися вотировать противъ займа); но я не могу отказать правительству въ средствахъ защиты. Если оно употребитъ ихъ во зло, не моя будетъ вина; отвѣтственность упадетъ на него.

«Преданность къ отечеству одинакова во всѣхъ насъ, (сказалъ маркизъ Коста-де-Борегаръ, одинъ изъ савойскихъ депутатов),—я говорю это особенно отъ имени моихъ товарищей, депутатовъ Савойи, бывшей колыбелью нашей монархіи; но я не вѣрю въ нападеніе на насъ. Австрія слишкомъ осторожна, слишкомъ хитра, она никогда не выставитъ себя начинательницей войны. Притомъ и положеніе Италіи не таково, чтобы война была необходимостью. Общественное мнѣніе говоритъ противъ войны. Англія употребляетъ все свое вліяніе на сохраненіе мира. А между тѣмъ Піемонтъ готовится къ войнѣ. Графъ Кавуръ хочетъ войны, и онъ не такой человѣкъ, чтобы отступить. Но наша судьба, судьба Савойской династіи, служить ставкою въ этой игрѣ. Онъ беретъ на себя тяжелую отвѣтственность. Я не хочу подвергаться ей вмѣстѣ съ нимъ. Я боролся противъ той опрометчивой политики, въ жертву которой принесли счастье нашей земли. Я не откажусь отъ своихъ убѣжденій, не сдѣлаю такой слабости (Браво! съ правой стороны). Это я говорю какъ депутатъ всего Сардинскаго королевства; какъ депутатъ Савойи, я скажу еще больше. Говорятъ, что война должна отдѣлить Савойю отъ остальной Сардиніи (Маркизъ Борегаръ намекаетъ на предположеніе, что Савойя будетъ отдана Франціи въ благодарность за пріобрѣтеніе ломбардо-венеціанскихъ областей для Сардиніи). Если это предположеніе, естественное слѣдствіе вашихъ итальянскихъ комбинацій, осуществится, то дай Богъ, господа, чтобы вы не пожалѣли о томъ, что разстались съ нами. Но мы всегда сохранимъ нашу симпатію къ Савойской династіи (Аплодисменты раздаются на многихъ скамьяхъ).

«Я всталъ съ постели, чтобы бросить черный шаръ въ урну (сказалъ де-Вири). Я присоединяюсь къ моему почтенному другу, Коста-де-Борегару. Вы налагаете на Савойю.... (Между депутатами начинается сильнѣйшее смятеніе, такъ что ораторъ не можетъ докончить своей фразы. Засѣданіе пріостановлено и де-Вири сходитъ съ каеэдры).

«Въ началѣ засѣданія, господа, президентъ убѣждалъ насъ быть единодушными (сказалъ графъ Соларо-де-ла-Маргарита, предводитель правой стороны). Мы съ восторгомъ принимаемъ такія слова всегда, когда дѣло идетъ о чести короны, о независимости страны. Никто не можетъ сомнѣваться въ нашей преданности къ нашей славной династіи. Но надобно знать, какая опасность грозитъ намъ. Положеніе Сардиніи

печально: торговля въ упадкѣ, промышленность также, земледѣіе въ дурномъ положеніи, налоги тяжелы. Намъ всѣмъ извѣстна ревность, дѣятельность военнаго министра, но можетъ ли онъ думать, что численность нашей арміи соразмѣрна съ громадностью войскъ, противъ которыхъ мы пошли бы? А мы сами можемъ ли подвергнуться нападенію? Австрія заключила заемъ, наполнила ломбардскія провинціи солдатами, придвинула войска къ нашимъ границамъ. Но думаетъ ли Австрія напасть на насъ?—вотъ вопросъ. Не нужно имѣть особенной политической проницательности, чтобы видѣть противное. Вѣнскій кабинетъ, всегда осмотрительный и осторожный, никакъ не поставитъ себя въ наступательное положеніе; онъ не хочетъ привлечь на себя французскія войска. Слова лорда Дерби, мистера Д'Израэли, подтверждаютъ мое мнѣніе. (Англійскіе министры сказали, что Австрія дала имъ обѣщаніе не начинать войны и что они увѣрены въ искренности этого обѣщанія; о подобномъ обѣщаніи Наполеона III лордъ Дерби сказалъ только, что Англія *хочетъ* вѣрить ему). Будемъ говорить, господа, откровенно. Если бы мы думали о развитіи нашихъ учреждений, объ улучшеніи нашихъ финансовыхъ дѣлъ, если бы мы не старались разжигать страстей въ другихъ итальянскихъ областяхъ, мы не были бы въ такомъ положеніи какъ теперь. Во мнѣніи цѣлаго свѣта мы будемъ зачинщиками войны. Народъ въ огромномъ своемъ большинствѣ желаетъ мира съ его благотворными слѣдствіями и особенно съ уменьшеніемъ налоговъ. Благоразуміе велитъ намъ не бросать перчатку на вызовъ тѣмъ, которые давно приготовились поднять ее. Я говорю не въ духѣ партій, я говорю въ интересахъ нашей земли — всей Италіи. Подавъ голосъ въ пользу займа, я измѣнилъ бы своей совѣсти. Я отвергаю заемъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и прошу, чтобы пощадили нашу страну отъ новыхъ бѣдствій и чтобы не подвергали опасности нашу независимость».

Графъ де-ла-Маргарита и графъ Ревель по общимъ своимъ убѣжденіямъ представляются намъ достойными гораздо меньшаго сочувствія, нежели графъ Кавуръ. Но должно признаться, что въ настоящемъ случаѣ они смотрятъ на дѣло, или по крайней мѣрѣ говорятъ о немъ гораздо прямѣе знаменитаго министра. Въ нѣкоторой части ихъ рѣчей есть даже полная справедливость. Сардинскій народъ дѣйствительно обремененъ налогами. Мы не рѣшимся сказать, что они говорятъ не правду, когда утверждаютъ, что большинство сардинскаго населенія, особенно земледѣльческій классъ не раздѣляетъ воинственнаго энтузіазма. Корреспонденты англійскихъ газетъ увѣряютъ, что даже въ Ломбардіи земледѣльцы противъ войны.

Этимъ кончаются нынѣшнія извѣстія о Сардиніи. Она уже двинула свои войска къ границамъ; австрійскія войска также подошли, и каждый день можетъ произойти схватка, послѣ которой военныя событія уже пойдутъ неудержимой чередой. Схватка можетъ произой-

ти случайно, безъ приказанія или даже противъ желанія начальниковъ армій. Но приказанія ожидать на дняхъ, по видимому, нельзя: Австрія ни какъ не захочетъ нападать первая, а сардинское правительство не отважится начинать войну прежде, нежели будетъ знать навѣрное, что по первому же выстрѣлу пойдутъ на австрійцевъ французскія арміи. Этого обѣщанія, по видимому, еще не дано формальнымъ образомъ; напротивъ, Англія получила отъ императора французовъ увѣреніе, что онъ не подастъ помощи сардинцамъ, если они первые сдѣлаютъ нападеніе, а отъ французской помощи зависятъ сардинскія рѣшенія. Посмотримъ же, что дѣлалось послѣ новаго года во Франціи.

Неблагопріятное мнѣніе Германіи и особенно Англіи остановило на нѣсколько дней новыя проявленія воинственности. Въ правительственныхъ газетахъ статьи, провозглашавшія скорое начало похода, перемѣшались съ другими, говорившими о вѣроятности мирной развязки. Мониторъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній также мирнаго характера. Слова, сказанныя на новый годъ, мало по малу были разъяснены такъ, что въ Вѣнѣ почли возможнымъ признать объясненіе удовлетворительнымъ. Австрійскій посланникъ на придворныхъ балахъ нѣсколько разъ бывалъ предметомъ особеннаго вниманія и любезности со стороны императора. Всѣ эти признаки миролюбія продолжаютъ до сихъ поръ, занимая биржу и публику три—четыре, даже пять дней въ недѣлю. Но за то постоянно растутъ и растутъ слухи о сильныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Разъ въ недѣлю, два раза въ недѣлю бываетъ какое нибудь приказаніе прекратить или отсрочить какую нибудь военную работу; но это касается только частныхъ, а вообще приготовленія къ войнѣ усиливались съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ до начала февраля, когда стали говорить объ ослабленіи прежнихъ надеждъ на союзъ съ одною изъ могущественнѣйшихъ державъ Европы, и когда пренія объ адресѣ въ англійскомъ парламентѣ показали, что всѣ партіи англійскаго народа одинаково неблагопріятствуютъ намѣренію ослабить Австрію въ вредную пользу Сардиніи, и на самомъ же дѣлѣ въ пользу Франціи. Влѣдствіе двухъ этихъ фактовъ вдругъ усилились слухи о возможности мирной развязки. До какой степени они прочны, въ настоящую минуту нельзя еще рѣшить. И такъ пока мы только перечислимъ главные факты развитія французо-сардинской воинственности, заканчивая ихъ перечень послѣдними болѣе благопріятными миру извѣстіями, за важность которыхъ нельзя ручаться.

На другой день послѣ перваго свиданія принца Наполеона съ своею невѣстою, когда бракосочетаніе было рѣшено, графъ Кавуръ и генералъ Ньэль, любимецъ Наполеона III, сопровождавшій принца

Наполеона, заключили какое-то условіе о тѣснѣйшемъ сближеніи Франціи съ Сардиніей. Разнеслись слухи, что это наступательный и оборонительный союзъ, формально подписанный. Мониторъ опровергъ это извѣстіе, но съ такою дипломатическою осторожностью, что нельзя было рѣшить, — подвергается ли отрицанію самое существованіе союза, или только подписаніе формальнаго договора извѣстной дипломатической формы, или даже только толкованіе, ставившее принятіе такого договора императоромъ французомъ за непремѣнное и формальное условіе согласія сардинскаго короля на бракосочетаніе дочери. Общее мнѣніе было то, что отрицаніе надобно относить только къ послѣднему обстоятельству; что формальный договоръ по всей вѣроятности подписанъ, а во всякомъ случаѣ условіе о неразрывномъ союзѣ заключено въ той или другой формѣ, на словахъ или на бумагѣ, но въ сущности съ одинаковымъ значеніемъ. Можно полагать даже, что въ сущности все равно, хотя бы даже и на словахъ не было выражено вступленія двухъ державъ въ неразрывный союзъ, — самый фактъ бракосочетанія, безъ всякихъ переговоровъ спеціально опредѣляющихъ значеніе брачнаго союза между двумя династіями, уже долженъ считаться для той и другой династіи достаточнымъ обезпеченіемъ неразрывнаго союза.

Почти одновременно съ днемъ бракосочетанія, *Constitutionnel*, личный органъ императора французомъ, воспользовался одною изъ безчисленныхъ статей англійской журналистики противъ войны, чтобы сдѣлать грозное исчисленіе громаднхъ армій, которыя Франція можетъ двинуть за границу. *Daily News* старалась доказать, что французская армія не такъ сильна, какъ думаютъ многіе; что во всякомъ случаѣ главная масса ея должна остаться внутри Франціи для наблюденія за Парижемъ и Ліономъ; что кромѣ того большой корпусъ необходимъ въ Алжирѣ, и за этими вычетами едва ли останется для заграничнаго похода болѣе 130,000 человекъ. *Constitutionnel* напротивъ объявилъ, что 1 апрѣля Франція имѣла бы свободныхъ войскъ для заграничнаго похода около 400,000, а къ 1 іюня, съ призывомъ новаго контингента, 497,000 человекъ. Статья, написанная сдержаннымъ офиціальнымъ языкомъ, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе, именно потому, что очевидно было ея высокое происхожденіе. Черезъ нѣсколько часовъ было всѣмъ извѣстно, что она прислана въ типографію *Constitutionnel* прямо изъ Тюльерійскаго дворца и была до такой степени личнымъ дѣйствіемъ императора, что даже не была показана министру иностранныхъ дѣлъ передъ отправленіемъ къ напечатанію.

За то одновременно съ этимъ грознымъ манифестомъ, а прежде того, одновременно съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ и съ

слухами о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, были сдѣланы двѣ демонстраціи о миролюбивомъ расположеніи императора французовъ. Первая демонстрація, одновременная съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ, состояла въ томъ, что явилась брошюра «Est-ce la paix? Est-ce la guerre?» написанная дипломатическимъ языкомъ, и приписывавшаяся графу Персиньи. Она склонялась въ пользу мирной развязки. Почти въ тотъ же день явилась брошюра «Aurons-nous la guerre?» о которой мы говорили: допущеніе этого рѣзкаго протеста противъ войны усиливало догадки, внушаемыя брошюрою, въ которой предполагали участіе Персиньи. А когда принцъ Наполеонъ съ своею супругою возвратился въ Парижъ, на всемъ пути отъ станціи желѣзной дороги до дворца не было поставлено ни одного изъ многихъ тысячъ полицейскихъ клакеровъ, которые при всѣхъ подобныхъ случаяхъ обязаны выражать народный энтузіазмъ. Народъ, столпившійся по всей длинной дорогѣ, стоялъ въ совершенномъ молчаніи и не было произнесено ни одного крика въ привѣтствіе новобрачнымъ, олицетворявшимъ союзъ Франціи и Сардиніи для войны. Холодный пріемъ со стороны французскаго народа былъ натураленъ; но удивлялись тому, что полиція не озаботилась, по обыкновенію, выставить собственныхъ своихъ энтузіастовъ. Официальнымъ объясненіемъ тому было: «правительство не хотѣло манифестаціи въ пользу войны и велѣло полиціи молчать.» Впрочемъ, есть и другое объясненіе: боялись, что на крики полицейскихъ клакеровъ «да здравствуетъ Сардинія!» народъ будетъ отвѣчать криками «да здравствуетъ миръ!»

Но вотъ приближалось и 7 февраля, день назначенный для открытія сессіи законодательныхъ властей. Съ нетерпѣніемъ ожидали рѣчи, которую долженъ сказать при этомъ случаѣ императоръ французовъ. За три дня до рѣчи явилась брошюра Napoleon III et Italie, со всѣми признаками официального происхожденія. Она была писана, или, лучше сказать, только редижирована сановитѣйшимъ изъ придворныхъ писателей, виконтомъ ла-Героньеромъ, который нѣкогда былъ легитимистомъ, потомъ республиканцемъ, а теперь служитъ въ званіи бонапартиста. Говорили, что самъ императоръ доставилъ ла-Героньеру матеріалы для этого памфлета; что потомъ составленная изъ нихъ записка была читана и сильно передѣлана императоромъ, который собственноручно вставилъ въ нее нѣсколько длинныхъ мѣстъ, особенно выражавшихъ необыкновенную любовь императора французовъ къ Англіи. Самъ Монитёръ принялъ на себя трудъ подтвердить эти рассказы. Брошюра дѣйствительно должна была явиться выраженіемъ личнаго взгляда императора французовъ, предисловіемъ и комментариемъ къ его рѣчи. Ее раскупили на расхватъ, проч-

ли съ жадностью, искали смысла въ каждомъ словѣ, — и не могли рѣшить, какой же смыслъ должна была имѣть цѣлая брошюра? Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно было понять ее. Черезъ день, черезъ два, загадка объяснилась. Еще во время допросовъ, слѣданныхъ графу Орсини, Наполеонъ III былъ изумленъ силою и ясностью политическихъ соображеній его. «Я хотѣлъ васъ убить потому, что ваше бездѣйствіе мѣшаетъ освобожденію Италіи», писалъ Орсини; «теперь прибавлю, что ваша политика противна вашимъ собственнымъ выгодамъ. Вы упускаете изъ виду вотъ такіе-то и такіе-то факты. Обратите на нихъ справедливое вниманіе и вы увидите, что личная ваша польза требуетъ освобожденія Италіи.» Въ бумагахъ Орсини нашлись подробные историческіе очерки и мемуары о нынѣшнемъ состояніи разныхъ государствъ и объ ихъ дипломатическихъ отношеніяхъ, написанные въ подтвержденіе той общей мысли, что Франція должна освободить Италію и что если бы Наполеонъ III признавалъ потребности своего положенія, онъ исполнилъ бы эту легкую обязанность. Еще тогда же, во время процесса Орсини, Наполеонъ III внимательно изучалъ эти записки. Въ концѣ прошлаго года онъ снова потребовалъ къ себѣ бумаги, оставшіяся послѣ Орсини, и когда вышла брошюра, служившая предшественницею тронной рѣчи, люди, знакомые съ содержаніемъ Орсиніевскихъ бумагъ, увидѣли, что брошюра, составлена главнымъ образомъ изъ нихъ. Но въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ концѣ, были прибавлены мысли, вынуждаемыя дипломатическими отношеніями, сильною оппозиціею французскаго общества и даже большинства государственныхъ сановниковъ противъ войны. Сверхъ того, всѣ факты и мысли, заимствованные изъ бумагъ Орсини, были обставлены фразами въ духѣ правительственной французской журналистики. Такимъ образомъ брошюра имѣла двойственный характеръ. Изъ всѣхъ фактовъ и соображеній, изложенныхъ въ ней съ замѣчательною силою мысли, слѣдовало заключеніе: «Франція обязана начать войну для освобожденія Италіи.» Но вмѣсто этого заключенія было дано совершенно другое: «императоръ французовъ не хочетъ войны и постарается избѣжать ея.» По этой двойственности ея смысла, кому что угодно, тотъ именно то и могъ видѣть въ ней, — одинъ войну, другой миръ.

Точно такая же была и рѣчь, сказанная императоромъ французовъ 7-го февраля, при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса и сената. Германія истолковала ее въ смыслѣ мира; Сардинія и вся Италія въ смыслѣ войны. Англія нашла въ ней поровну и того и другаго. Но каковъ бы ни былъ дѣйствительный смыслъ рѣчи, или хотя бы она не имѣла никакого опредѣлительнаго значенія са-

ма по себѣ, пріемъ ей сдѣланный былъ рѣшительною манифестаціею депутатовъ и публики въ пользу мира. Императоръ французовъ былъ встрѣченъ безъ того энтузіазма, съ которымъ привѣтствовали его въ прежніе годы депутаты, избираемые по назначенію правительства изъ преданнѣйшихъ ему людей. Когда Наполеонъ III вошелъ въ залу, одинъ изъ придворныхъ сановниковъ закричалъ «да здравствуетъ императоръ!» за нимъ повторили восклицаніе другіе присутствовавшіе, но далеко не всѣ; многіе депутаты не раскрывали губъ. Второй залпъ восклицаній былъ еще слабѣе; въ третій разъ послышались только немногіе голоса, оставшіеся безъ поддержки. Во время рѣчи, на лицѣ большей части депутатовъ выраженіе было холодное и принужденное. Когда въ началѣ рѣчи императоръ говорилъ, что безпокойство овладѣло Франціею безъ положительныхъ основаній для тревоги, на нѣкоторыхъ лицахъ явилась даже улыбка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для приличія, рѣчь прерывалась аплодисментами; но особенно сильны были они только при словахъ, что императоръ останется вѣренъ своимъ бордосскимъ словамъ: «имперія—это миръ», и не хочетъ возобновлять эпоху завоеваній. При предварительномъ обсужденіи рѣчи, почти всѣ министры были рѣшительно противъ войны. Даже носился слухъ, что они хотѣли подать въ отставку, когда во время церемоніи слышали изъ устъ Наполеона III рѣчь безъ тѣхъ болѣе рѣшительныхъ ручательствъ за миръ, которыя были внесены въ проектъ рѣчи по ихъ настоянію. Неудовольствіе министровъ колебаніями французской политики между миромъ и войною такъ сильно, что носятся слухи, будто большинство министровъ хочетъ подать въ отставку. Разумѣется, это вздоръ, потому что не въ духѣ нынѣшняго порядка вещей и людей служащихъ ему; но все-таки подобные толки свидѣлствуютъ о сильной оппозиціи самаго кабинета противу воинственной политики. Изъ пріема, сдѣланнаго рѣчи императора, обнаружилось, въ какомъ тонѣ президенту законодательнаго корпуса, графу Морни, надобно составить рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести на другой день 8-го февраля н. ст., при открытіи перваго засѣданія законодателей. Депутаты совершенно оправдали слухъ о томъ, что возвратились изъ провинцій рѣшительными приверженцами мира. Нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли объявить въ парижскихъ салонахъ, что «насъ въ палатѣ есть 150 или 200 человекъ такихъ, которые рѣшились ни подъ какимъ видомъ не допускать войны.» Одному изъ такихъ геройствующихъ гражданъ собесѣдникъ англичанинъ замѣтилъ: «войны вы, разумѣется, никакъ не допустите, но безпрекословно дадите всѣ суммы, какихъ потребуетъ ея веденіе.» Сконфузившійся гражданинъ пожалъ плечами и сказалъ: «вы правы.» Въ самомъ дѣлѣ, депутаты пригото-

лись сильно воспротивиться правительству въ вопросѣ о войнѣ; но вѣроятно ихъ оппозиція ограничится салонными разговорами, а въ залѣ засѣданій будутъ они послушными дѣтьми. Однако же все-таки не годится раздражать ихъ, все-таки полезно угодить на словахъ ихъ чувствамъ, выразившимся очень не двусмысленно. Рѣчь Морни вся состоитъ изъ положительныхъ увѣреній въ непоколебимости мира. Президентъ законодательнаго корпуса проситъ депутатовъ «вѣрить словамъ императора, что миръ не будетъ нарушенъ»; объясняетъ имъ, что «множество другихъ соображеній должны также вести къ разсѣянію безпокойствъ»; увѣряетъ, что «религія, философія, цивилизація, кредитъ, трудъ сдѣлали миръ первымъ благомъ новыхъ обществъ»; объясняетъ, что «нынѣ уже не тѣ времена, когда можно было легкомысленно проливать кровь народовъ», что нынѣ «большая часть затрудненій устраняется дипломатіей, или разрѣшается мирнымъ посредничествомъ.» Онъ даже указываетъ имъ на фактъ совершенно «новый», именно на то, что «быстрыя средства къ сообщенію между народами и гласность создали новую европейскую державу» (мы переводимъ безъ всякихъ измѣненій: une puissance européenne nouvelle), которой будто бы «всѣ правительства принуждены подчиняться»; и что эта «новая держава — общественное мнѣніе.» Такая миролюбивая и просвѣщенная рѣчь возбудила восторгъ гораздо болѣе сильный, нежели какого ожидалъ, и какого быть можетъ даже не желалъ краснорѣчивый авторъ ея. Между депутатами слышались толки: «Вотъ такую рѣчь намъ надобно было бы услышать отъ императора».

Брошюра *Napoleon III et Italie* была выраженіемъ личныхъ мнѣній императора французовъ,—это засвидѣтельствовалъ самъ Монитёръ; но протестація со стороны «новой державы», которую замѣтилъ Морни, не остановилась и передъ этимъ фактомъ: явилась брошюра Эмиля Жирардена, написанная въ опроверженіе брошюры ла-Героньера. Правительственная брошюра предполагаетъ достигнуть дипломатическимъ путемъ учрежденія независимой администраціи въ ломбардо-венеціанскихъ областяхъ, мечтаетъ о конфедераціи итальянскихъ государствъ подъ предсѣдательствомъ папы. Жирарденъ доказываетъ несостоятельность этой утопіи, служившей прикритіемъ для видимаго отступленія съ военнаго пути. Въ правительственной брошюрѣ говорилось, что война самое тяжелое средство для освобожденія Италіи, и потому должно идти къ этой цѣли мирными переговорами. Жирарденъ говоритъ, что война—не только тяжелое средство, а просто средство ни къ чему негодное; что войною невозможно освободить Италію, что нашествіе не можетъ дать итальянцамъ свободы, а только подчинить ихъ французскимъ учреж-

деніямъ, которыя не легче австрійскихъ. Брошюра ла-Героньера утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ Франція не хочетъ завоеваній. Жирарденъ говоритъ, что война, начинаемая не для завоеваній, есть негѣпость. Вотъ заключеніе его брошюры.

«Война бываетъ или наступательная, или оборонительная.

«Если она ни то, ни другое, она вооруженное вмѣшательство. А не бывало никогда примѣра, чтобы вооруженное вмѣшательство достигало своей цѣли и не оказывалось ошибкой.

«Если война оборонительная, она оправдывается законностью.

«Если война наступательная, она извиняется побѣдою.

«Побѣда безъ завоеваній, — бессмыслица.

«Хотятъ ли вмѣшаться въ ссору римлянъ съ ихъ правительствомъ и отдать ломбардцевъ Піэмонту? Если такъ, мы говоримъ: «не воюйте».

«Хотятъ ли отмстить за Ватерлоо, возвратитъ Франціи лѣвый берегъ Рейна? Если такъ, мы говоримъ: «воюйте».

«Или война съ ея завоеваніями, или миръ съ его прогрессомъ».

Доказывая, что война со стороны Франціи должна быть непременно завоевательною, Эмиль Жирарденъ ставитъ для войны цѣль, признаться въ которой никакъ не хотятъ, потому что сказать: «Франція хочетъ захватить часть Рейнскихъ провинцій Пруссіи и часть Баваріи», значитъ вызвать противъ Франціи общую европейскую коалицію. Эмиль Жирарденъ объясняетъ Европѣ, что она никакъ не можетъ не вооружиться вся противъ Франціи, подъ какимъ бы предлогомъ ни начала Франція войну; онъ доказываетъ, что война не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ завоеваній; онъ объясняетъ Франціи, что вся Европа будетъ противъ нея, потому что непременно предположить въ войнѣ завоевательную цѣль. Эта брошюра въ три дня имѣла три изданія, каждое въ огромномъ числѣ экземпляровъ.

Намъ остается теперь обозрѣть общее положеніе дѣлъ около 14-го февраля (нашего стиля), когда мы пишемъ эту статью.

Военныя приготовленія производятся во Франціи, Сардиніи и Австріи съ величайшею дѣятельностью. Сардинская армія готова дать битву, хоть нынѣ же. Австрія усилила свою армію въ Италіи до 150,000 человекъ, такъ что Сардинцамъ нельзя будетъ удержаться и нѣсколько дней, если они откроютъ войну до прибытія изъ Франціи очень сильныхъ подкрѣпленій. На угрозу Франціи, что къ 1 июня она можетъ имѣть подъ ружьемъ около 700,000 человекъ, изъ которыхъ около 500,000 можетъ послать за границу, Австрія отвѣчала, что сама имѣетъ почти такое же число войскъ, и въ случаѣ оборонительной войны будетъ имѣть союзницею всю Германію, которая выставитъ еще столько же войска, такъ что противъ французовъ двинется около 800,000 австрійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ.

Франція готовитъ въ Тулонѣ и Марсели огромное число судовъ для перевозки войскъ въ Италію, усилила римскій гарнизонъ и, какъ говорятъ, собрала 80-тысячную армію на сардинской границѣ, для движенія по другой стратегической линіи, сухимъ путемъ, черезъ Альпы. Всѣ французскіе арсеналы кипятъ работою. Въ Венсенѣ отливаются 650 пушекъ новой системы, такъ называемыхъ наръзныхъ орудій, столько же превосходящихъ обыкновенныя пушки, какъ штуцеръ простое ружье. Главная дѣятельность Англіи состоитъ въ дипломатическихъ переговорахъ для предотвращенія войны; но и Англія сильно вооружается. Больше всего старается она, конечно, объ усиленіи флота и укрѣпленіи своихъ береговъ. Но и для сухопутныхъ наступательныхъ дѣйствій она готовитъ средства. Довольно сказать, что, кромѣ всѣхъ другихъ, простыхъ и наръзныхъ орудій, она приготовляетъ 200 эрмстронговыхъ пушекъ, которыя изобрѣтены, можно сказать, на дняхъ и несравненно выше обыкновенныхъ наръзныхъ пушекъ, извѣстныхъ на континентѣ (*).

Приготовленія къ войнѣ уже требуютъ займовъ во всѣхъ четырехъ государствахъ, приготовляющихся къ борьбѣ. Говорятъ, что англійское правительство сдѣлаетъ заемъ въ 10 или 12 милліоновъ фунтовъ (65—80 милліоновъ рублей), если вѣроятность войны не исчезнетъ въ скоромъ времени. Но это еще только предположеніе, а французское правительство уже ведетъ переговоры о займѣ въ 750 милліоновъ франковъ (185 милліоновъ рублей). Говорятъ, что оно

(*) По опытамъ, какіе произведены были въ послѣднее время въ Англіи, эрмстронгова пушка имѣетъ изумительную вѣрность и дальность выстрѣла: она бьетъ съ такою же точностью прицѣла, какъ штуцеръ. Въ мишень 9 дюймовъ въ квадратъ, на дистанціи 450 сажень, она попадаетъ третьимъ ядромъ. Лафетъ ея устроенъ такъ, что послѣ выстрѣла она сама собою приходитъ въ прежнее положеніе, такъ что вновь наводить ее не нужно, — второй выстрѣлъ безъ прицѣливанія бьетъ въ тоже самое мѣсто, какъ первый. Вѣрный прицѣлъ простирается на разстояніе 3 версты. Полная дальность выстрѣла простирается до 8 верстъ. Эти данныя относятся къ пушкѣ 12 фунтоваго калибра. Но заряжается она не ядрами, а продолговатыми кусками желѣза, такъ что при 12-фунтовомъ калибрѣ вѣсъ ея снаряда простирается до 2 пудовъ. Очень вѣроятно, что въ описаніи достоинствъ ея есть преувеличеніе; но что дѣйствительно она даетъ результаты далеко не достижимые для обыкновенныхъ наръзныхъ орудій, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Устройство ея содержится въ тайнѣ: извѣстно только, что она построена совершенно не по той формѣ, какъ вышешія простыя или наръзные орудія, и видѣтъ своимъ походитъ не на пушку, какія мы знаемъ, а на гигантское ружье. Если справедливо, что послѣ выстрѣла и слѣдующаго за нимъ отката она приводится самымъ механизмомъ своего лафета въ прежнее положеніе, такъ что не нужно ее наводить вновь, это одно преимущество могло бы сдѣлать безсильными передъ нею не только простыя пушки, но и наръзные орудія другихъ системъ.

согласно заключить его (по 3%) по курсу 60 франковъ. Это составило бы уже около 20% потери сравнительно съ курсомъ 31 декабря. Но Англія и Франція богаты, онѣ еще только думаютъ о займѣ; и Франція, вѣроятно, а Англія, безъ всякаго сомнѣнія, не встрѣтятъ неудачи въ полученіи нужныхъ имъ денегъ. Австрія и Сардинія бѣднѣе; обѣ онѣ уже теперь заключили займы, и Австрія, нѣсколькими днями предупредившая свою итальянскую соперницу, уже потерпѣла рѣшительную неудачу, которая навѣрное ждетъ и Сардинію. Заемъ былъ заключенъ съ фирмою лондонскаго Ротшильда и долженъ былъ производиться на лондонской биржѣ. Еще 3 января австрійскіе 5-процентные фонды стояли на 93½; заемъ объявленный въ началѣ февраля былъ негоцірованъ уже только по 80, да и по этому курсу не пошелъ. Несмотря на отсрочку въ подпискѣ, она не достигла предположенной цифры 6,000,000 фунтовъ (38 милліоновъ руб. сер.), — говорятъ, будто вся подписка не простирается выше 1½ милліона фунтовъ; операція вѣроятно кончится большими убытками для Ротшильда. А если бы заемъ пошелъ, Австрія готовилась заключить еще новый заемъ на 4,000,000 фунтовъ. Сардинскій заемъ (2 милліона фунтовъ), также заключаемый въ Лондонѣ, еще не былъ объявленъ на биржѣ до того числа, за которое мы теперь имѣемъ извѣстія; но по всей вѣроятности его ждетъ участь столь же горькая. Сардинскіе фонды на лондонской биржѣ падаютъ съ новаго года еще сильнѣе австрійскихъ.

Въ этой трудности получать деньги на веденіе войны находится одно изъ ручательствъ сохраненія мира, выставленныхъ людьми не хотящими вѣрять въ войну. Къ сожалѣнію, деньги для начатія войны всегда умѣютъ находить, какъ бы трудно ни казалось это. Будутъ, пожалуй, дѣлать 5-процентные займы по курсу 50% или еще ниже, а все-таки начнутъ войну, если захотятъ. Вѣдь и по условіямъ нынѣшняго займа Австрія, записывая въ капиталъ долга 6 милліоновъ фунтовъ, должна была получить только 4 милліона, — иначе сказать, соглашалась давать 7½% — это не оставило ее, — будутъ платить и по 10%, за этимъ дѣло не станетъ.

Другою надеждою на сохраненіе мира выступаютъ переговоры, которые ведетъ Англія съ враждующими державами. Въ канонѣ положенія находитъ она теперь? Публика знаетъ далеко не все, что есть, предполагаетъ многое, чего нѣтъ, и можетъ ручаться за совершенную достовѣрность только очень немногихъ свѣдѣній изъ числа тѣхъ, которыя доходятъ до нея. Но сколько извѣстно, дипломатическое положеніе вопроса около 15 февраля новаго стиля было слѣдующее: англійское министерство говоритъ, что оно получило отъ Австріи обѣщаніе не начинать войны, отъ Франціи обѣщаніе не мо-

могать Пизмонту, если онъ начнетъ войну. Извѣстно впрочемъ, что въ политикѣ каждый день являются непредвидѣнные случаи, изъ которыхъ каждымъ можно воспользоваться, чтобы не нарушая обѣщанія сдѣлать не то, чего не хотѣлъ бы, а то, чего хочешь. Нападеніе можетъ быть сдѣлано такъ, что его легко будетъ выставить вовсе не нападеніемъ, а только обороною. Для объявленія войны всегда можетъ быть найденъ предлогъ, не входившій въ число случаевъ, относительно которыхъ было дано обѣщаніе. Кто бы напримѣръ могъ ожидать, что вмѣсто ломбардо-венеціанскихъ областей поводомъ къ разрыву будутъ выставляться сербскія дѣла или состояніе Папской Области? Сербскія дѣла теперь сошли съ дипломатической сцены; въ какомъ же положеніи находится вопросъ о занятіи иностранными войсками Папской Области? Лондонскій кабинетъ посылалъ въ Парижъ, въ Вѣну и въ Туринъ ноты, убѣждавшія къ сохраненію мира. Говорятъ, что Англія объявляла Сардиніи свое намѣреніе поддерживать Австрію въ случаѣ войны; говорятъ, что графъ Кавуръ отвѣчалъ объявленіемъ невозможности для Сардиніи измѣнить свою прежнюю политику. Говорятъ, что вѣнскій дворъ, напротивъ того, отвѣчалъ выраженіемъ готовности вывести изъ легатствъ австрійскія войска, если того хочетъ Франція. Этотъ отвѣтъ, говорятъ, былъ сообщенъ изъ Лондона въ Парижъ; но какъ приняла его Франція, еще неизвѣстно въ ту минуту, когда мы пишемъ.

И такъ, будетъ или не будетъ война? Мы уже говорили, что до сихъ поръ достовѣрно знаетъ это только императоръ французскій, да развѣ еще графъ Кавуръ. Но говорятъ многое многіе. Англичане хотятъ увѣрить себя, что войны не будетъ. Въ Сардиніи почти всѣ увѣрены, что война будетъ. Въ Германіи и Австріи половина людей, посвященныхъ въ тайны больше другихъ, полагаетъ, что Франція запугана австрійско-нѣмецкими силами; другая половина говоритъ, что Франція медлитъ начатіемъ войны только благодаря вліянію Англіи, но не долго будетъ медлить. Въ самой Франціи большинство дипломатическихъ людей утверждаетъ, что война отсрочена, — до мая мѣсяца, по словамъ однихъ, чтобы докончить вооруженія, — до конца нынѣшняго года, по словамъ другихъ, чтобы приобрѣсти болѣе союзниковъ, дожидаться измѣненія англійской политики въ пользу войны, и въ томъ же смыслѣ переработать общественное мнѣніе во Франціи. Но почти всѣ прибавляютъ, что этою отсрочкою не уменьшается неизбежность войны, вытекающая изъ необходимости отвѣтъ французскую мысль отъ внутреннихъ дѣлъ.

Эта цѣль очень удачно достигается. Напрасно стали бы мы искать во французскихъ газетахъ нынѣшняго года того живаго ви-

манія къ внутреннимъ вопросамъ, которое съ половины прошлаго года, каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю, все сильнѣе и сильнѣе выражалось журналистикою. Все вниманіе общества поглощено теперь итальянскимъ вопросомъ; внутреннія дѣла забыты.

И не только на Францію произвели такое дѣйствіе приготовленія къ войнѣ. И въ другихъ государствахъ Западной Европы этотъ вопросъ виѣшней политики сталъ на первый планъ, больше или меньше развлекъ общественное вниманіе и ослабилъ развитіе заботъ о внутреннихъ улучшеніяхъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили, какъ неспріятна старымъ аристократическимъ партіямъ Англіи парламентская реформа, которая послужитъ къ усиленію въ парламентѣ людей, желающихъ вывести правительство изъ-подъ устарѣвшей опеки нобльменовъ. Мы говорили, что особенно неспріятна реформа для тори, которыхъ ослабитъ она и скорѣе, и гораздо въ большей степени, нежели виговъ. Лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли вздумали было воспользоваться слухами о войнѣ, чтобы замать неспріятный внутренний вопросъ. Хорошимъ ли расчетомъ для нихъ самихъ было бы это, мы увидимъ ниже. Но уловка не удалась, потому что виги иначе поняли шансы, представляемые отсрочкой, и для общей пользы, и своей, и своихъ старинныхъ противниковъ тори, поддерживали требованія реформеровъ не откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Однако же лорду Дерби, — вездѣ, гдѣ мы будемъ писать по принятому правилу «лордъ Дерби», читатель долженъ понимать «мистеръ Д'Израэли», потому что Д'Израэли истинный руководитель министерства, въ которомъ номинальнымъ главою считается лордъ Дерби, — удалось сдѣлать проволочку на цѣлыя двѣ недѣли, и вмѣсто того, что пренія о реформѣ могли бы начаться около 15 февраля (новаго стиля), теперь первое чтеніе билля, составленнаго правительствомъ, будетъ происходить 28 февраля. Такимъ образомъ въ настоящую минуту на сценѣ остается еще одна партія реформеровъ; она одна дѣйствуетъ, какъ одна дѣйствовала въ три предъидущіе мѣсяца, и наши извѣстія о ходѣ реформеннаго вопроса будутъ служить только продолженіемъ извѣстій, какія мы имѣли уже въ прошломъ мѣсяцѣ. Главнымъ лицомъ остается еще Брайтъ.

Читатель знаетъ, что живое движеніе реформенному дѣлу придалъ онъ своею рѣчью на Бирмингемскомъ митингѣ, за которымъ, до конца прошлаго года, слѣдовало нѣсколько другихъ огромныхъ митинговъ въ большихъ городахъ Англіи и Шотландіи. Осенью прошлаго года старыя партіи никакъ не предполагали, чтобы вопросъ началъ принимать формы болѣе широкія, нежели какими хотѣли бы ограничить его нобльмены. Ихъ озлобленіе противъ челоѣка, котораго считали они главнымъ виновникомъ такой бѣды, было без-

мѣрно; оно выразилось свирѣпыми нападеніями на Брайта отъ большей части газетъ большаго формата т. е. главныхъ газетъ. Надобно сказать въ объясненіе дѣла нѣсколько словъ о характерѣ большихъ англійскихъ газетъ, относительно которыхъ обыкновенно говорится у насъ, какъ и на всемъ европейскомъ континентѣ, много фальшиваго.

Обыкновенно думаютъ, что англійскія газеты всѣ, за исключеніемъ развѣ не многихъ ультраторійскихъ, очень либеральны. Оно, если хотите, отчасти и такъ, если сравнивать ихъ съ баварскими, неаполитанскими и т. п. Тоже отчасти справедливо это мнѣніе и по ихъ отношенію къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ Пруссію или Францію, гдѣ рѣчь идетъ объ упроченіи или введеніи такихъ учрежденій, которыя давно уже стали въ Англіи дѣломъ столь же непоколебимымъ, какъ на примѣръ, у насъ цивилизованный обычай дѣлать визиты на новый годъ и на пасху. Какъ у насъ не найдется не только журнала или газеты, но не найдется ни одного отдѣльнаго писателя, ни даже какого бы то ни было человѣка, который бы сталъ отвергать законность и пользу нынѣшняго правила не держать женщинъ въ заперти, а допускать ихъ въ общество мужчинъ, такъ въ Англіи никто не говоритъ противъ печатнаго обсужденія всѣхъ внутреннихъ и вѣшнихъ вопросовъ, противъ представительной формы, противъ митинговъ по общественнымъ дѣламъ. Мы хотимъ сказать, что по нѣкоторымъ вопросамъ англичане на столько же ушли впередъ противъ континента Западной Европы, насколько мы ушли впередъ отъ почтенныхъ людей, спорившихъ при Петрѣ Великомъ о томъ, дозвоительно ли женщинамъ показываться на глаза имъ, добрымъ людямъ. Эти дѣла, въ которыхъ Англія опередила континентальную Европу, очень важны, въ томъ нѣтъ спора. Но допущеніе женщины въ общество также дѣло очень важное. Однако же никто не станетъ утверждать, чтобы мы уже достигли совершенства и отдѣлились отъ всѣхъ вопросовъ, замѣнивъ трепакъ, танцовавшагося мужчинами въ-одиночку, кадрилиемъ, въ которомъ участвуютъ дамы; такъ точно и англичане, при всей прочности своихъ важныхъ пріобрѣтеній, еще далеко не достигли совершенства въ общественномъ устройствѣ, и есть въ ихъ жизни много чрезвычайно важныхъ вопросовъ, еще не получившихъ удовлетворительнаго рѣшенія. Относительно этихъ вопросовъ большая часть главныхъ англійскихъ газетъ, — вовсе не либеральны. За примѣрами далеко ходить нечего, ихъ можно взять изъ дѣла о парламентской реформѣ. На континентѣ Европы каждый знаетъ, что необходимою принадлежностью выборовъ должна быть баллотировка, что безъ нея чрезвычайно многие люди станутъ подавать голосъ по уклончивымъ соображеніямъ, въ

противность собственному убѣжденію, и стало быть выборъ останется болѣе или менѣе пустою формальностью. Въ Англіи изъ десяти или двѣнадцати большихъ газетъ только—три (Morning Star, органъ Брайта, Morning Advertiser, органъ радикаловъ, и Daily News, органъ болѣе умѣреннаго отдѣла реформеровъ) соглашаются на баллотировку; а изъ трехъ главныхъ политическихъ журналовъ (Quarterly Review, органъ тори, Edinburgh Review, органъ виговъ, и Westminster Review, органъ либераловъ, склоняющихся къ радикализму), ни одинъ не принимаетъ ея. Точно также, какой бы ценсъ ни считалъ наилучшимъ кто нибудь изъ насъ, жителей континента, все-таки каждый понимаетъ, что если въ одномъ округѣ избирателей одна тысяча, а въ другомъ десять тысячъ, и населенія второй округъ имѣетъ въ десять разъ больше перваго, то второй округъ долженъ выбирать десять депутатовъ, а первый только одного. И тутъ опять изъ большихъ газетъ согласны на такую простую истину только тѣ же три, и изъ трехъ журналовъ только одинъ (Westminster Review). А на европейскомъ континентѣ ни кто не отвергаетъ ни баллотировки на выборахъ, ни пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ избирателей и жителей.

Отчего же происходитъ такая странная нелѣпица во взглядѣ большинства англійскихъ газетъ на вопросы повидимому очень простые? Тутъ двѣ главныя причины. Во-первыхъ, англійскія учрежденія сложились такъ давно, что многое въ нихъ отъ измѣненія обстоятельствъ утратило смыслъ, а между тѣмъ вошло въ рутину. Отъ рутины, какъ извѣстно, очень трудно отказаться. Напримѣръ, подача голосовъ на выборахъ, черезъ записываніе именъ въ реестръ, ведетъ свое начало изъ тѣхъ временъ, когда баллотировки не знали. За неимѣніемъ этого лучшаго средства, ничего нельзя было сказать противъ выборовъ черезъ записку именъ. Теперь лучшее отвергается потому, что привыкли къ прежнему хорошему, образовавшемуся въ дурное съ теченіемъ времени. Англичане во многихъ случаяхъ похожи на человѣка, которому трудно понять, что апрѣль и понедѣльникъ надобно писать маленькой буквой, потому что онъ учился грамматикѣ еще въ тѣ времена, когда она велѣла писать эти слова большой буквой. Попробуйте растолковать такому господину, что онъ дѣлаетъ ошибку противъ орфографіи. «Нѣтъ, говоритъ онъ, я твердо знаю грамматику». Въ томъ-то и бѣда, что грамматика съ той поры во многомъ исправилась.

Другая причина та, что почти всѣ англійскія газеты находятся въ зависимости отъ старыхъ партій, которыя въ свое время были хороши, а теперь обветшали. И газеты эти въ свое время были либеральныя, а теперь оказываются очень отсталыми, и главное,—по не-

обходимости враждебными всему, что грозитъ опасностью для старыхъ партій. Это случай совершенно въ томъ родѣ, какъ есавбы до сихъ поръ продолжалъ существовать покойный Подшиваловъ и до сихъ поръ продолжалъ издавать свой, прекрасный по тогдашнему времени, журналъ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», лучшимъ украшеніемъ котораго были стихи Хераскова.

Отчего же газеты съ отсталыми мнѣніями держатся такъ крѣпко? Причинъ на это много. Укажемъ только одну: власть до сихъ поръ была исключительно въ рукахъ старыхъ партій. Чего ищетъ читатель въ газетѣ? ищетъ извѣстій о политическихъ новостяхъ и о намѣреніяхъ правительства или сильныхъ государственныхъ людей. Само собою разумѣется, всѣ эти свѣдѣнія вѣрнѣе и полнѣе всего получаютъ тѣми газетами, которыя служатъ органами для сильныхъ парламентскихъ партій, попеременно имѣющихъ власть. При томъ до послѣдняго времени, до уничтоженія штемпеля, въ Англіи почти не было возможности являться новымъ газетамъ.

Но все это мы говоримъ въ объясненіе факта, почему большинство англійскихъ газетъ значительнаго объема держится очень отсталыхъ мнѣній; а собственно говоря, намъ нужно было только указать этотъ фактъ. Мы не думаемъ уменьшать достоинствъ англійскихъ газетъ: свѣжестью, подробностью и полнотою своихъ извѣстій, точностью и добросовѣстностью въ изложеніи фактовъ, просторомъ, какой даютъ онѣ всякому постороннему замѣчанію на свои сужденія въ своихъ же столбцахъ, а главное прямою языкомъ онѣ возвышаются надъ континентальными газетами неизмѣримо. Даже въ лучшія времена французской журналистики французскія газеты не равнялись въ этихъ качествахъ съ англійскими. Но мы теперь говоримъ только о широтѣ и свѣжести ихъ взгляда на тѣ вопросы, которые выходятъ изъ круга англійской рутины. Тутъ въ огромномъ большинствѣ ихъ не ищите ясности взгляда: обо всемъ томъ, что еще не принято въ англійскую рутину, изъ десяти газетъ восемь навѣрное держатся такихъ мнѣній, которыя даже въ Россіи каждый образованный человѣкъ называетъ отсталыми.

По этой отсталости, а главное по принадлежности большинства англійскихъ газетъ къ старымъ партіямъ, читатель можетъ предположить, съ какимъ ожесточеніемъ напали онѣ на Брайта, придавшаго сильное движеніе дѣлу, подрывающему прежнее исключительное владычество нобльменовъ надъ государственною жизнью. Люди рутины никогда не затрудняются выборомъ обвиненій противъ человѣка, кажущагося вреднымъ для рутины: эти обвиненія готовы къ употребленію для всякаго желающаго, по всевозможнымъ дѣламъ: со временъ Будды Шакьямуни всѣ люди, желавшіе улучшеній въ об-

публичной жизни, подвергались обвиненіямъ въ сумасбродныхъ замыслахъ, въ утопизмѣ, въ восстановленіи сословія противъ сословія, въ намѣреніи ниспровергнуть отечественные законы, въ недостаткѣ любви къ отечеству, въ униженіи отечества передъ чужими землями, въ желаніи уничтожить собственность, въ разрушеніи общественнаго спокойствія, въ стремленіи подвергнуть родину смутамъ, мятежамъ и такъ далѣе. Разумѣется, къ Брайту прямо были приложены всѣ эти готовые прикрасы. Мы приведемъ на выдержку нѣсколько мплыхъ выраженій изъ Times'a, сильнѣйшей англійской газеты, которая, надобно замѣтить, очень нерасположена къ тори, слѣдовательно еще не такъ горячится, какъ многія другія изъ значительныхъ газетъ. У насъ подъ руками Times съ начала нынѣшняго года. Беремъ же первый нумеръ и прямо попадаемъ на статью, выражающуюся такимъ манеромъ: «Демагогъ, (т. е. Брайтъ), стремящійся разрушить основанія конституціи»; «его лживыя и возмутительныя пасквильныя рѣчи»; «Бирмингэмскій демагогъ»; «мистеръ Брайтъ, принципами котораго мы гнушаемся»; «его легкомысленныя клеветы направлены противъ всей собственности и образованности нашего отечества» (а кстати, о собственности, надобно замѣтить, что Брайтъ очень богатый человѣкъ); «принципы, имъ высказанные—принципы человѣка, стремящагося низвергнуть все зданіе политическаго общества. Ученіе, имъ проповѣдуемое, то самое ученіе, которое по исторіи и опыту оказалось разрушительнымъ для собственности, свободы и порядка»; «онъ извращаетъ мысли своихъ слушателей ложью и разжигаетъ страсти ихъ риторикою»; «онъ лицемерно называетъ себя защитникомъ простолюдиновъ, изрыгая площадныя пошлости»; «онъ говоритъ съ чернью, на невѣжество которой рассчитываетъ»; «эти дерзкія и злонамѣренныя лжи возбуждали негодованіе и отвращеніе по всей Англіи, въ разсудительныхъ людяхъ всѣхъ сословій, отъ низшаго до высшаго»; «должно противиться дѣйствию яда столь безчестно изливаемого»; «гнусливѣе плутовство, плутовство демагога, который похищаетъ у людей смыслъ, становясь сводникомъ для страстей»; «это возмутительная ложь»; «дѣло свободы подрывается, истина грубо насилуется, справедливость постыдно оскорбляется». Эти любезные отзывы всѣ набраны нами съ одного только столбца Times'a, а столбцовъ на страницѣ этой газеты цѣлыхъ шесть, а страницъ въ каждомъ нумерѣ газетъ восемь,—сколько же пріятностей о Брайтѣ могло помѣститься въ нумерѣ этой газеты?

Какъ должны быть переносимы такіа оскорбленія, и чѣмъ должны быть опровергнуты такіа обвиненія, это скажетъ намъ И.

Т. LXXIII. Отд. III.

въ письмѣ, которымъ передъ отъѣздомъ въ Америку выражаетъ совершенное свое согласіе съ биллемъ Брайта:

«Наблюдая изъ моего уединенія за ходомъ дѣла, предпринятаго министеромъ Брайтомъ, я пораженъ сходствомъ испытанія, которому онъ подвергается, съ тѣмъ, которому подвергался я въ первые времена Лиги для отиѣненія хлѣбныхъ законовъ: тоже самое искаженіе и побужденій и словъ, тотъ же самый лицемѣрный ужасъ относительно судьбы, какую готовитъ онъ монархической власти, церкви, аристократіи и собственности. Я терпѣлъ все это, какъ терпѣть теперь онъ; и если онъ будетъ твердо идти своимъ путемъ нѣсколько лѣтъ, пока его проэктъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, станетъ закономъ,—въ чемъ нельзя сомнѣваться,—тогда онъ испытаетъ, какъ и я испыталъ, болѣе пріятную сторону своего дѣла. Когда каждый увидитъ, что вмѣсто всѣхъ предсказываемыхъ бѣдствій изъ его реформы произтекаетъ только увеличеніе безопасности, довольства и благосостоянія, тогда онъ найдетъ, что ихъ десяти человекъ, выражающихъ нынѣ величайшій ужасъ къ нему, девятеро на перерывъ побѣгутъ поздравлять его съ успѣхомъ его дѣла. Мало того, — пожимая ему руку, они станутъ утверждать, что всегда были согласны съ нимъ въ принципахъ, и жалѣть только о томъ, что съ самаго начала они и онъ не повали другъ друга. Эти двѣ полосы бьются въ судьбѣ всѣхъ труженниковъ политическаго прогресса, и нашъ другъ имѣетъ такъ много опытности подобнаго рода, что не будетъ ни удивленъ, ни огорченъ тѣмъ, что происходитъ нынѣ».

За что однако такія сильныя выраженія ужаса и ненависти? Чего требуетъ партія реформеровъ черезъ билль, предлагаемый Брайтомъ?

Послѣ нѣсколькихъ митинговъ, имѣвшихъ цѣлью поднять вопросъ, Брайтъ въ концѣ прошлаго года удалился на нѣсколько недѣль въ свой кабинетъ, чтобы въ совѣщаніяхъ съ другими главными людьми реформерской партіи приготовить билль для предложенія парламенту. Это дѣло многосложное, требующее статистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Когда билль былъ готовъ, Брайтъ объявилъ, что явится на митингъ въ Бредфордѣ 17 января, чтобы изложить главные основанія своего проекта. Въ приложеніи къ этой статьѣ мы помѣщаемъ обширное извлеченіе изъ Бредфордской рѣчи, потому что она очень важна, показывая границы желаній, кающихся для настоящаго времени практичными главнымъ людямъ той парламентской партіи, которая стремится къ реформѣ. Притомъ Бредфордская рѣчь очень полно излагаетъ смыслъ всѣхъ тѣхъ подробностей вопроса, которыя мало извѣстны намъ, жителямъ континента; она интересна и потому, что можетъ служить образцомъ краснорѣчія, которымъ прославился Брайтъ. Самые замѣтные качества этого оратора, на ряду съ которымъ въ Англіи нынѣ можно поста-

вить только Гледстона, ясность и простота. Предоставляемъ читателю познакомиться съ подробностями билля изъ рѣчи самого Брайта; здѣсь мы только укажемъ главныя черты его провѣкта.

Билль составленъ въ духѣ гораздо болѣе умѣренномъ, нежели какъ можно было ожидать. Брайтъ въ опредѣленіи ценса и въ опредѣленіи нормы, ниже которой города должны потерять право имѣть особенныхъ депутатовъ, не хотѣлъ идти далѣе тѣхъ мнѣній, которыя приняты даже многими вигами. Но гораздо важнѣе, нежели пониженіе ценса, кажется ему введеніе баллотировки вмѣсто открытой подачи голосовъ, и способъ распредѣленія между городами и графствами тѣхъ депутатовъ, которыхъ предполагаетъ онъ взять у слишкомъ маленькихъ городовъ. Въ этомъ онъ совершенно правъ: безъ баллотировки избиратели не будутъ самостоятельны; а если депутаты, взятые у маленькихъ городовъ, будутъ переданы графствамъ, то большіе города не получатъ надлежащаго участія въ составленіи Палаты Общинъ, и большинство депутатовъ по прежнему останется въ зависимости отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ. Брайтъ предлагаетъ взять депутатовъ у городовъ, имѣющихъ менѣе 8,000 населенія, и оставить только по одному депутату городамъ, имѣющимъ отъ 8,000 до 16,000 населенія. Такимъ образомъ очищается 130 депутатскихъ мѣстъ. Изъ нихъ 104 предлагаетъ Брайтъ раздать большимъ городамъ, которые до сихъ поръ имѣли слишкомъ мало представителей. Самые большіе города (Манчестеръ, Ливерпуль, Глазго и два изъ избирательныхъ округовъ Лондона, Финсбери и Мерилбонъ) имѣвшіе въ 1851 году, когда производилось послѣднее перечисленіе, каждый болѣе 316,000 населенія, а теперь имѣющіе каждый болѣе 400,000, получаютъ по 6 депутатовъ (до сихъ поръ они имѣли только по два, паравнѣ съ какимъ нибудь Гонитономъ, имѣющимъ менѣе 3,500 жителей). Другіе большіе города получаютъ также соразмѣрное своему населенію увеличеніе представителей; напримѣръ Бирмингемъ (232,000 жителей) долженъ имѣть четырехъ депутатовъ. Остальные 26 изъ освобождающихся депутатскихъ мѣстъ раздаются графствамъ, имѣющимъ наибольшее число жителей. Такимъ образомъ участіе въ составленіи парламента значительно уравнивается между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, впрочемъ такъ, что нѣкоторая выгода все-таки остается на сторонѣ сельскаго населенія, то есть, большимъ землевладѣльцамъ, подъ вліяніемъ которыхъ находятся фермеры и ихъ работники, все еще оставляется слишкомъ большое вліяніе на составъ Палаты Общинъ. Сельское населеніе будетъ имѣть по одному депутату отъ 55,000 человекъ, а 17 большихъ городовъ, взятые вмѣстѣ, будутъ имѣть по одному депутату на 62,000. Мы видимъ, что Брайтъ

не вводить въ свой билль требованія той совершенной пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ населенія, какая принята всѣми конституціонными государствами на континентѣ, принята въ Соединенныхъ Штатахъ, произошедшихъ отъ Англіи, и въ Австраліи, остающейся англійскою колоніею. Онъ довольствуется пока только тѣмъ, что отстраняетъ слишкомъ нелѣпыя крайности въ прежнемъ распредѣленіи, совершенно не соотвѣтствовавшемъ числу жителей въ избирательныхъ округахъ.

Точно также онъ не требуетъ въ настоящее время, чтобы каждому взрослому человѣку данъ былъ голосъ (manhood suffrage), какъ это принято въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи, хотя въ теоріи признать это справедливымъ. Онъ предлагаетъ только дать голосъ всѣмъ тѣмъ людямъ, которые живутъ собственнымъ хозяйствомъ и не получаютъ пособія изъ подати въ пользу бѣдныхъ (household suffrage); а всѣ такіе люди участвуютъ, соразмѣрно своему состоянію, въ платежѣ подати для бѣдныхъ; потому Брайтъ требуетъ, чтобы данъ былъ голосъ всѣмъ внесеннымъ въ списки лицъ, платящихъ эту подать (rating suffrage). То или другое основаніе будетъ принято, все равно, потому что почти нѣтъ людей, которые стояли бы не въ одинаковомъ отношеніи къ тому и другому основанію избирательнаго права. Принять второе основаніе (голосъ по подати), кажется Брайту болѣе удобнымъ на практикѣ, потому что податные списки уже готовы и провѣрять ихъ легче, нежели вновь составить и провѣрять списки по первому основанію. Но если голосъ по хозяйству покажется націи и парламенту лучшимъ основаніемъ, нежели голосъ по подати, Брайтъ не имѣетъ противъ этого никакихъ возраженій. Принимая голосъ по хозяйству или по подати вмѣсто голоса по совершеннолѣтію, Брайтъ дѣлаетъ чрезвычайную уступку вигамъ и тори. Онъ простираетъ свою уступчивость къ предрассудкамъ старыхъ партій до того, что и голосъ по хозяйству или подати требуются имъ только для городовъ. Въ деревняхъ земледѣльческіе работники развиты меньше городскихъ и менѣе настоятельны въ своихъ требованіяхъ; потому Брайтъ находитъ, что духъ селскаго населенія допускаетъ сдѣлать старымъ партіямъ еще большую уступку и предлагаетъ для деревень квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ. (До сихъ поръ въ городахъ былъ квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ, а въ деревняхъ въ 50 фунтовъ, то есть получалъ голосъ въ городахъ только тотъ, кто занималъ квартиру цѣною не менѣе 10 фунтовъ въ годъ; мы говорили въ прошлый мѣсяцъ, что такимъ ценсомъ исключались отъ выборовъ всѣ простолюдины).

Такія умѣренные основанія на первую минуту изумили людей старыхъ партій. Самъ Times, сильнѣйшій противникъ Брайта, не

знаменитый хартистский агитаторъ. Митингъ происходилъ въ знаменитой Гильдейской Залѣ Лондонской Ратуши, — въ той залѣ, гдѣ происходятъ торжественнѣйшія церемоніи административной жизни города Лондона; гдѣ дается лордомъ мэромъ годичный обѣдъ министерству при окончаніи парламентской сессіи; гдѣ лордъ-мэръ принимаетъ королеву, когда она пріѣзжаетъ засвидѣтельствовать свое уваженіе хозяину своей столицы. Самъ лордъ-мэръ, хотя разумѣется вовсе не хартистъ, почелъ обязанностью предсѣдательствовать на митингѣ. Кстати, вотъ за это нельзя не отдать чести всѣмъ англичанамъ, въ томъ числѣ и англичанамъ старыхъ партій. До сихъ поръ читатели слышали насъ говорящими только о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ англійской общественной жизни. Мы не спѣшили хвалить ее, потому что отъ похвалъ ей никакъ не уйдешь, сколько ни брани ее. Подумаемъ хоть бы объ этомъ митингѣ. Собираются люди такого сословія, что большинство ихъ, по выраженію перешеденнаго нами отчета, «очевидно не принадлежитъ къ числу избирателей,» т. е. не занимаетъ, даже въ Лондонѣ, гдѣ квартиры такъ дороги, квартиру цѣною въ 60 рублей за годъ, или въ 5 рублей за мѣсяцъ. Эти люди собираются выразить свое согласіе на такія мнѣнія, которыхъ не раздѣляетъ даже Брайтъ, — а что за человѣкъ Брайтъ, видимъ по аттестату, выписанному у насъ изъ Times'a. Но эти люди — граждане города Лондона, и потому городское управленіе предлагаетъ ихъ собранію великолѣпную залу торжественныхъ церемоній, и глава городского управленія, великій сановникъ, уступающій въ оффиціальной важности развѣ тремъ-четыремъ главнѣйшимъ министрамъ, идетъ предсѣдательствовать на этотъ митингъ, чтобы блескомъ своего сана придать ему новое значеніе. Зато по окончаніи митинга эти хартисты вотируютъ ему благодарность съ громкими аплодисментами. Такъ вообще держитъ себя власть въ Англіи; за то люди всѣхъ мнѣній и желаютъ добра этой власти, и напримѣръ Эрнестъ Джонсъ, который по своимъ убѣжденіямъ въ миллионъ разъ демократичнѣе континентальныхъ мятежниковъ, дѣйствительно не имѣетъ и на умѣ, не только не скажетъ на словахъ, ничего противъ королевы, хоть могъ бы говорить о ней какъ ему угодно; и не только не имѣетъ ничего противъ нея, напротивъ готовъ защищать ее въ случаѣ надобности, — впрочемъ мы забыли, что случая такого никогда не представится ему, потому что въ Англіи королева не имѣетъ ни одного врага; да и власть ея также.

Въ отчетѣ, который мы перевели, рѣчь Джонса изложена очень неудовлетворительно: слишкомъ коротко, безсвязно и довольно безтолково. Но лучшаго отчета мы не нашли въ газетахъ, бывшихъ у насъ подъ руками, а содержаніе рѣчи казалось намъ довольно важ-

нымъ для читателя, потому что выражаетъ отношеніе хартистовъ къ вопросу о реформѣ. Мы перевели отчетъ цѣлкомъ, чтобы познакомить читателя съ формою, въ которой происходятъ митинги.

Партія хартистовъ заключаетъ въ себѣ большинство тѣхъ англійскихъ простолюдиновъ, которые доросли до политическихъ убѣжденій. Почти не имѣя представителей въ парламентѣ, она «за дверями парламента,» какъ говорятъ англичане, считаетъ своихъ членовъ милліонами и составляетъ главную поддержку для реформеровъ, имѣющихъ болѣе умѣренный оттѣнокъ. Только сочувствіе массы выносить на плечахъ черезъ парламентъ каждый важный вопросъ, хотя люди, ведущіе дѣло въ правительственной сферѣ, то есть, если мы говоримъ объ Англіи, въ журналистикѣ и въ парламентѣ, имѣютъ образъ мыслей далеко отстающій отъ желаній массы. Тѣ милліоны, поддержкою отъ которыхъ держатся и двигаютъ впередъ свое дѣло реформеры Палаты Общинъ, требуютъ въ составѣ парламента перемѣнъ гораздо большихъ, нежели какія предлагаетъ своимъ биллемъ Брайтъ. До половины января эти люди не выступали на сцену самостоятельнымъ образомъ. Теперь, какъ видимъ, агитація проникла въ глубину народной жизни уже на столько, что обняла эти низменные слои народонаселенія, и явились ораторы, служащіе прямыми выразителями чувствъ простолюдина; они говорятъ, какъ мы видѣли, что билль Брайта грѣшитъ излишней уступчивостью. Вотъ именно это предъявленіе желаній, идущихъ гораздо дальше, служитъ для старыхъ партій сильнѣйшимъ побужденіемъ по немного претворять на милость свой гнѣвъ противъ Брайта.

Главная трудность при составленіи его билля была та, чтобы довести уступки старымъ партіямъ, именно до той границы, на которой проэктъ все еще можетъ пользоваться поддержкою самыхъ крайнихъ отдѣловъ партіи, желающей реформы; чтобы, увеличивая этою уступчивостью число защитниковъ билля въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, сохранить ему единогласную поддержку всей массы народа; сдѣлать такъ, чтобы билль пробуждалъ сочувствіе въ массахъ, не пугая самыхъ умѣренныхъ либераловъ въ парламентѣ. Брайтъ умѣлъ сдѣлать это, какъ человѣкъ, имѣющій опытность и талантъ въ политической тактикѣ. Хартисты, хотя и думаютъ, что слѣдовало бы требовать нынѣ большаго, нежели требуютъ Брайтъ, все-таки объявляютъ, что они поддерживаютъ его; а умѣренность билля приобретаетъ ему такое сочувствіе въ среднемъ и отчасти высшемъ сословіи, что старыя партіи принуждены по немного становиться къ нему свисходительными. Но само собою разумѣется, что старыя партіи все-таки отвергаютъ и отвергнуть билль Брайта. Да и какъ же

отвергать? При всей своей мягкости, онъ все-таки подрываетъ ихъ могущество.

По словамъ самого Брайта, сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобы почти всѣ депутаты, отнимаемые у маленькихъ городовъ, были переданы большимъ городамъ, потому что только чрезъ это установится въ Палатѣ Общинъ нѣкоторое равновѣсіе между числомъ представителей всей огромной массы англійскаго населенія и числомъ депутатовъ, посылаемыхъ въ парламентъ нѣсколькими сотнями лендлордовъ, которые, безусловно владычествуя въ Палатѣ Лордовъ, имѣли до сихъ поръ въ своемъ распоряженіи болѣе двухъ третей голосовъ въ Палатѣ Общинъ. Именно на эту часть Брайтова билля и возстаютъ старыя партіи самымъ сильнымъ образомъ. Противъ увеличенія числа избирателей онѣ говорятъ мало, готовы были бы простить Брайту баллотировку, но ни какъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что по его биллю число независимыхъ представителей націи въ Палатѣ Общинъ увеличится новыми 104 членами. Тутъ огорченіе старыхъ партій такъ велико, что Times могъ успокоить свое и ихъ негодование только составленіемъ своего особеннаго проекта относительно распредѣленія депутатовъ: Times предлагаетъ очищающіяся депутатскія мѣста раздѣлить между большими городами и графствами почти по ровну. Брайтъ составилъ и обнародовалъ подробныя таблицы своего распредѣленія депутатовъ; противъ этихъ таблицъ Times выставилъ свои таблицы, стольже подробныя, такъ что парламентъ можетъ выбирать тотъ или другой планъ и пользоваться готовою работою Манчестерскаго фабриканта или Лондонской газеты.

О достоинствѣ работы Times'a мы не будемъ говорить; она скопирована съ Брайтовыхъ таблицъ, которыя только передѣланы сообразно съ выгодами старыхъ партій; но любопытны два обстоятельства. При всей своей досадѣ на желаніе ослабить лендлордовъ, Times самъ беретъ изъ подъ ихъ вліянія очень большое число депутатовъ: изъ очищаемыхъ его таблицами депутатскихъ мѣстъ онъ отдаетъ 53 мѣста большимъ городамъ. Къ чему же служатъ проклятія противъ нововводителей, когда защитники старины также предлагаютъ нововведенія и въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ нововводители? Вся разница тутъ въ объемѣ нововведенія, т. е. во времени: по Times'у производится ровно половина того, что предлагаетъ Брайтъ, т. е. дѣло придетъ къ тому же, только не въ одинъ, а въ два приѣма, т. е. понадобится на достиженіе полнаго результата вдвое больше времени; въ этомъ и вся разница между выигрышемъ и проигрышемъ дѣла партіею реформы. Ея пораженіе—половинная побѣда, съ нѣкоторою отсрочкою полной побѣды; побѣда рутинистовъ — поло-

винное пораженіе съ нѣкоторою отсрочкою полнаго пораженія. Такъ идутъ дѣла на свѣтѣ вездѣ и всегда: къ чему идетъ дѣло, къ тому непременно прійдетъ; важность лишь въ томъ, на сколько удастся затянуть его.

Надолго ли можно затягивать, это мы увидимъ, когда станемъ говорить о парламентскихъ засѣданіяхъ 3 и 7 февраля.

Но вообще, —надолго ли или не на долго—можно затянуть только одну какую нибудь сторону дѣла, и именно этой затяжкой одной стороны подвигается впередъ другая сторона того же дѣла, и невдогадъ бываетъ останавливающему, что онъ самъ ускоряетъ движеніе не-пріятнаго ему дѣла. Въ чемъ состоитъ цѣль реформеровъ? — въ освобожденіи націи отъ опеки лендлордовъ. Въ чемъ состоитъ эта опека? — въ томъ, что законы даются черезъ Палату Общинъ старыми партіями. Зависимость законодательства отъ виговъ и тори была до сихъ поръ такъ велика, что ни одинъ важный законъ не составлялся иначе какъ руками предводителя одной или другой изъ старыхъ партій, именно той, которая пользовалась большинствомъ въ парламентѣ и держала своихъ предводителей министрами. Теперь Брайтъ, который ни вигъ и ни тори и которому очень далеко отъ надежды быть министромъ, составляетъ полный прое́ктъ важнѣйшаго закона. Какая дерзость! По старому обычаю, онъ долженъ былъ только предложить Палатѣ Общинъ, чтобы она выразила въ общихъ фразахъ, что по ея мнѣнію полезно было бы составить прое́ктъ закона о парламентской реформѣ. Если бы Палата приняла это предложеніе съ согласія министерства, министерство само занялось бы составленіемъ прое́кта; если бы Палата приняла предложеніе противъ согласія министровъ, прежнее министерство пало бы, министрами сдѣлались бы предводители другой изъ старыхъ партій, которая поддержала предложеніе противъ своей соперницы, и эти новые министры занялись бы составленіемъ прое́кта. Наконецъ, если бы Палата отвергла предложеніе, тѣмъ дѣло и кончилось бы, и прое́ктъ закона, мысль о которомъ отвергута, никто не сталъ бы и составлять. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ прое́кты важныхъ законовъ составлялись только министрами, т. е. предводителями двухъ старыхъ партій; изъ другихъ людей никто не принимался за это дѣло, потому что было бы напрасно приниматься. Теперь Брайтъ, ни вигъ, ни тори, берется за дѣло, составлявшее привилегію вигистскихъ и торійскихъ предводителей. Старыя партіи и ихъ газеты, и чуть ли не больше всѣхъ газетъ Times, были возмущены такою дерзостью. «Кто такой мистеръ Джонъ Брайтъ? Вѣроятно, это новая фамилія лорда Росселя или лорда Дерби; потому что если подъ именемъ мистера Джона Брайта не надобно разумѣть одного изъ этихъ лордовъ, то напрасно

этотъ джентльменъ берется не за свое дѣло.» Негодованіе прекрасное, совершенно соотвѣтствующее рутинѣ. Но что же мы видимъ? Раздраженная дерзостью этого «мистера Джона Брайта,» газета Times выставляетъ противъ его проэкта свой проэктъ,—это что значитъ? Развѣ газета Times лордъ Россель или лордъ Дерби? Развѣ она предводительница одной изъ двухъ парламентскихъ партій? — Нѣтъ, она просто газета, т. е. по рутинному этикету, нѣчто безконечно ничтожнѣйшее, нежели самый пюхенькій членъ Палаты Общинъ. Брайтъ все-таки «депутатъ замка Бермингэма», все-таки частица официальной законодательной власти, а газета Times, по старымъ понятіямъ, которыя она защищаетъ, просто нуль. Вотъ до чего дошла старая Англія! Газета,—подумайте только, газета,—вѣдь по обычаямъ старыхъ партій не принято выражаться въ парламентѣ о газетахъ иначе, какъ презрительнымъ тономъ: «газеты ничего не знаютъ; газеты только спекулируютъ на невѣжество публики; онѣ пишутся только для невѣждъ; кто же изъ distinguished лордовъ и джентльменовъ вѣритъ газетамъ»; и т. д., — такъ вотъ это ничтожное для парламента существо—газета—составило законъ и требуетъ, чтобы парламентъ принялъ его! Это ни на что не похоже! Она вырываетъ изъ рукъ министровъ дѣло, составлявшее исключительную привилегію министровъ. Какая же польза защищать рутину, если защитники нарушаютъ ее еще болѣе рѣзкимъ образомъ, нежели противники? По рутинѣ Брайтъ и Times—ничтожны. Дѣйствительное ихъ могущество огромно. Чего требуетъ Брайтъ? Того, чтобы новымъ интересамъ и силамъ было дано пропорціональное участіе въ законодательствѣ. Times говорятъ: это гнусно и нелѣпо; и самъ, тоже новая сила, хочетъ давать законы старымъ партіямъ парламента.

Важнѣйшимъ обвиненіемъ противъ Брайта послѣ Бредфордскаго митинга осталось одно: стремленіе отнять у немногочисленныхъ лендлордовъ перевѣсъ въ Палатѣ Общинъ надъ голосомъ англійской націи. Ихъ владычество надъ сельскимъ населеніемъ прикрывается тою фразою, что говорятъ не объ интересахъ лендлордовъ, а объ интересахъ земледѣлія или сельскаго населенія, какъ будто бы интересъ фермеровъ и простыхъ землепашцевъ одинаковъ съ выгодами лендлордовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ между желаніями этихъ двухъ сословій совершенная противоположность. Кромѣ того, по общему обычаю отрицать существованіе тѣхъ фактовъ, которые намъ непріятны, газеты старыхъ партій говорятъ, что въ народѣ нѣтъ стремленія къ реформѣ, что Брайтъ безсиленъ, что онъ не можетъ двинуться на Лондонъ съ толпою въ 100,000 человекъ изъ Манчестера или Бирмингэма, какъ угрожали двинуться агитаторы, требовавшіе парламентской реформы въ 1832 году. Чтобы отвѣчать

на эти и другія обвиненія, Брайтъ явился на новый большой митингъ 28 января въ своемъ родномъ городѣ Рочдель (*). Это былъ послѣдній большой митингъ, на которомъ онъ хотѣлъ говорить до открытія парламента, и естественно было ему избрать для послѣдней своей бесѣды съ англійскимъ народомъ, передъ парламентскою борьбою, свой родной городъ. Мы представляемъ здѣсь заключеніе его Рочдельской рѣчи, которая начинается обращеніемъ къ собравшимся людямъ, которые знаютъ его съ дѣтства, чтобы они сказали, какой онъ человекъ. «Меня называютъ, говорилъ онъ, врагомъ англійскихъ законовъ и свободы; вы засвидѣтельствуйте, правда ли это.» Митингъ отвѣчалъ слѣдующимъ рѣшеніемъ:

«Настоящій митингъ желаетъ выразить глубокое уваженіе, которое питають къ мистеру Джону Брайту, члену парламента, жители его родины. Рожденный и воспитанный среди насъ, членъ семейства знаменитаго своею гуманностью и заботливостью объ улучшеніи физическаго и умственнаго состоянія своихъ многочисленныхъ работниковъ, онъ рано обнаруживалъ въ защитѣ и веденіи мѣстныхъ интересовъ тѣ великіе таланты и ту высокую честность, которые потомъ, въ болѣе обширной сферѣ и по вопросамъ національной важности, доставили ему всесвѣтную и вѣчную извѣстность. Признавая эти заслуги, жители его родины собрались теперь, чтобы увѣрить его въ симпатіи, которую они чувствовали къ нему во время его скорби и временнаго изгнанія (**), увѣрить его въ радости своей о его выздоровленіи и возвращеніи въ парламентъ и выразить свою пламенную надежду, что ему дано будетъ не только привести къ счастливому окончанію великое дѣло парламентской реформы, вѣреніе его заботѣ, но и получить единственную награду, какою онъ желаетъ, — видѣть въ слѣдующіе годы, что эта реформа содѣйствовала водворенію мира, счастья и благосостоянія между его согражданами».

Начало Рочдельской рѣчи посвящено подробному техническому разбору тѣхъ спеціальныхъ возраженій, какія дѣлались газетами противъ разныхъ частей его билля, и разбору плана, предлагаемаго Times'омъ. Брайтъ перобираетъ всѣ газетныя обвиненія, особенно тѣ, которыя ввозились на него сильнѣйшею изъ англійскихъ газетъ, Times'омъ. Но, говоритъ онъ, все-таки дай Богъ, чтобы газеты болѣе занимались этимъ дѣломъ; онъ помогаетъ пробыденію общественнаго мнѣнія; и хотя онъ говоритъ теперь

(*) Рочдель, — большой вновь возникшій мануфактурный городъ подлѣ Манчестера, съ которымъ онъ такъ близокъ, что оба города вмѣстѣ составляютъ, можно сказать, одинъ городъ.

(**) То есть, когда, во время крымской войны, всѣ кричали, что онъ измѣнникъ отечеству; когда потомъ Манчестеръ отнялъ у него званіе своего депутата, и больной Брайтъ долженъ былъ на время уѣхать въ Италію.

противъ насъ, онѣ приносятъ намъ пользу, сообщая извѣстія публикѣ, и вы скоро увидите, что онѣ измѣняютъ тонъ, какъ уже начали измѣнять его, потому что общественное мнѣніе высказывается за насъ, а противъ него газеты не могутъ долго идти. За техническимъ разборомъ спеціальныхъ возраженій противъ подробностей билля, слѣдуетъ вторая половина рѣчи, относящаяся къ разъясненію существеннаго вопроса, — къ разъясненію отношеній между городскимъ и сельскимъ населеніемъ и отношеній сельского населенія къ лендлордамъ, которые называютъ себя представителями сельского населенія. Мы переводимъ эту часть рѣчи по отчету, помѣщенному въ Times'ѣ.

«Я утверждалъ, что Палата Лордовъ собственно представительница большихъ землевладѣльцевъ, а не сельского населенія, не фермеровъ, не земледѣльцевъ. Если бы это нуждалось въ подтвержденіи авторитетомъ, я сослался бы на лорда Маколея, который, будучи мистеромъ Маколеемъ, говорилъ во время преній о реформѣ 1832 года: «Наше рѣшеніе, рѣшеніе Палаты Общинъ, есть рѣшеніе націи. Рѣшеніе Лордовъ едва ли можно считать рѣшеніемъ даже сословія большихъ поземельныхъ владѣльцевъ, изъ которыхъ обыкновенно выбираются пары и представителями которыхъ они въ сущности должны считаться». Вотъ именно это я и утверждалъ; именно то, что Палата Лордовъ представительница желаній, мнѣній, — если угодно предразсудковъ, — большихъ землевладѣльцевъ (аплодисменты). Теперь, станетъ ли кто спорить со мною, что всѣ интересы въ нашей странѣ, — свободной странѣ, имѣютъ одинаковое право на справедливое представительство въ парламентѣ и на справедливое законодательство отъ парламента? И если поземельная собственность имѣетъ огромный перевѣсъ въ одной изъ двухъ палатъ парламента, чего никто не отрицаетъ, то она не имѣетъ никакого права претендовать, — и мы просимъ ее обдумать это, пока есть время (аплодисменты), не имѣетъ никакого права претендовать на то, что должна имѣть также перевѣсъ и въ другой палатѣ. Эти споры, если только народъ вслушается въ нихъ, выведутъ народъ на хорошую дорогу. Они ведутъ, по крайней мѣрѣ, къ вопросу о равныхъ избирательныхъ округахъ (*), ведутъ также къ вопросу о конституціонныхъ перемѣнахъ въ составѣ Палаты Лордовъ (**) (такъ, такъ!), — вопросъ, котораго я теперь не хочу разсматривать и который еще не предложенъ публикѣ. Въ первой своей рѣчи, которую я говорилъ въ Бирмингемѣ, я сказалъ, что вопросъ, на который слѣдуетъ вамъ обратить вниманіе при реформированіи Палаты Общинъ, вотъ въ чемъ: должны ли лорды и большіе поземельные собственники, съ которыми лорды связаны и представителями которыхъ служатъ, — должны ли они

(*) Т. е. къ составленію билля на основаніи, предлагаемомъ хартистами.

(**) Т. е. къ тому, чтобы члены Верхней Палаты избирались народомъ, какъ члены Палаты Общинъ.

управлять англійскимъ народомъ черезъ Палату Общинъ, или черезъ Палату Общинъ долженъ управлять собою *самъ* англійскій народъ? (аплодисменты). А теперь я вамъ скажу, что въ этомъ вопросѣ споръ не между нами, жителями городскими, и сельскими жителями. Сельскіе жители,—это маленькіе собственники (*freeholders*), бывшіе опорой друзей свободы до реформы 1832 года. Да и сами фермеры не огорчаются нашими намѣреніями. Большіе собственники огорчаются,—это можетъ быть, но сельскій народъ вовсе не огорчается; да и какъ ему огорчаться? Посмотрите на политическое положеніе фермеровъ; для фермера выборы время не очень сладкое (такъ, такъ). Къ сожалѣнію, мы слишкомъ хорошо знаемъ, что занимается политикой, составляя себѣ совѣстливыя убѣжденія, имѣть желаніе честно исполнять обязанность избирателя,—все это подводитъ фермера подъ такое замѣчаніе, отъ котораго недалеко до мученичества. Какъ вы думаете, доставятъ ли когда фермерамъ какую нибудь выгоду тѣ, которыхъ называютъ представителями поземельнаго интереса? Если фермеры когда нибудь приобретутъ свободу, если когда приобретутъ они что нибудь, напримѣръ, облегченіе въ налогахъ, справедливое распредѣленіе податей, отмену законовъ объ охотѣ, самостоятельность черезъ баллотировку (аплодисменты),—если они приобретутъ что нибудь такое, то ужъ навѣрное не отъ депутатовъ поземельной собственности, а развѣ благодаря силѣ и союзу городскихъ жителей, любящихъ свободу и добывающихъ ее себѣ и другимъ (аплодисменты). Въ прошлые годы, какъ вы знаете, я сильно участвовалъ въ вопросѣ относительно законовъ объ охотѣ (аплодисменты). Я былъ членомъ комитета Палаты Общинъ по этому вопросу. Мы призывали въ комитетъ многихъ почтенныхъ фермеровъ. Я получалъ сотни писемъ отъ фермеровъ изъ всѣхъ концовъ королевства. Какъ вы думаете, если бы депутаты отъ графствъ были въ самомъ дѣлѣ представителями фермеровъ, представителями землепашцевъ, продержались бы нынѣшніе законы объ охотѣ хотя одну сессію? (нѣтъ, нѣтъ). Фермеръ беретъ ферму, набитую звѣрями, которыхъ не смѣетъ онъ тронуть пальцемъ (хохотъ); это дичь для собственника фермы, и фермеръ, или его сынъ, не могутъ ходить по той самой землѣ, которую наняли, не подвергаясь подозрѣнію и шпионству сторожа, приставленнаго владѣльцемъ смотрѣть за дичью. Поговорите съ какимъ хотите фермеромъ, каждый умный человекъ изъ нихъ скажетъ вамъ, что его интересъ и вашъ интересъ совершенно одинъ и тотъ же. Прежде землевладѣльцы обольщали его, будто ему полезенъ протекціонный тарифъ; теперь онъ знаетъ, что отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ было большою пользою для всѣхъ занимающихся земледѣліемъ (аплодисменты). Фермеръ, живущій своимъ трудомъ, какъ мы живемъ своимъ, знаетъ, что у него и у насъ одни интересы, одинаковое желаніе свободы, одинаковое желаніе, чтобы облегчились подати, чтобы въ правительствѣ была экономія; повѣрьте, онъ знаетъ, что все, чего можетъ по справедливости требовать, или уже требуетъ городское населеніе, всего этого огромная масса фермеровъ

должна желать съ такую же силою и охотою, какъ и мы, горожане (аплодисменты). Но депутаты отъ графствъ, пока они остаются представителями большихъ землевладѣльцевъ, люди совершенно иные. Они правительственное сословіе. Они составляютъ правительство, они пользуются выгодами протекціи, получаютъ выгоду отъ государственныхъ издержекъ (такъ, такъ)! Какую жизнь предполагаемъ мы для нашихъ сыновей? Они будутъ работать на фабрикахъ или торговать. Но большіе землевладѣльцы смотрятъ не въ Манчестеръ, не въ Лидсъ, не въ Ливерпуль, не въ торговую и промышленную часть Лондона; ихъ младшіе сыновья ищутъ себѣ обезпеченія для жизни въ государственныхъ издержкахъ, на которыя расходуются 40 милліоновъ фунтовъ вашихъ податей, кромѣ денегъ, идущихъ на проценты долга (такъ, такъ)! Вотъ великое прокормленіе для младшихъ сыновей этого сословія (сильные аплодисменты). Я скажу фермерамъ съ этой эстрады, что изъ всѣхъ тысячъ горожанъ, съ которыми я говорилъ въ эти три мѣсяца, и изъ всѣхъ сотенъ тысячъ горожанъ, читавшихъ въ газетахъ то, что я говорилъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы не протянулъ руки каждому фермеру и не сказалъ бы ему: «вы сыны труда, подобно мнѣ; вы живете въ землѣ, которая хочетъ имѣть свободы больше прежняго; вашъ интересъ въ томъ, чтобы правительство было хорошо и экономно, чтобы былъ миръ, были справедливые законы, было счастье въ народѣ; будьте моимъ другомъ и братомъ на вѣкъ, и доставьте эти блага всѣмъ намъ» (сильные аплодисменты).

«Теперь я спрошу васъ, стоитъ ли хлопотъ великая реформа, которую мы обсуждаемъ? стоитъ ли она борьбы, которую всегда долженъ вести народъ, желающій получить или расширить свою свободу? Города Англіи должны рѣшить это, при помощи, какую можетъ дать имъ сельское населеніе. Мнѣ говорятъ, будто нынѣшній порядокъ такъ хорошъ, что народъ не думаетъ о парламентской реформѣ; но эти люди Западнаго Конца Лондона, которые прогуливаются отъ роскошныхъ домовъ Гровеноръ-Сквера до Полль-Молля, гдѣ дома еще роскошнѣй, — эти люди не знаютъ, что на сердцѣ у народа въ Йоркширѣ и Ланкаширѣ и во всѣхъ многочисленныхъ частяхъ королевства (такъ, такъ)! Въ эти три мѣсяца я видѣлъ больше людей, чѣмъ кто нибудь. Я знаю симпатію, выразившуюся къ этому вопросу. Я видѣлъ блескъ, огонь, въ тысячахъ глазъ. Я знаю, думаетъ ли народъ объ этомъ вопросѣ (аплодисменты), и знаю, понимаетъ ли онъ, что ему нельзя не думать о немъ. Развѣ мы не самый трудолюбивый народъ на лицѣ земли, развѣ у насъ паровыхъ машинъ не больше, развѣ у насъ всякія машины не лучше, развѣ пути сообщенія у насъ не удобнѣе, развѣ земледѣліе и фабрики у насъ не болѣе производительны, развѣ всего, отъ чего развивается богатство, у насъ не больше, чѣмъ у всякаго другаго народа на лицѣ земли? (аплодисменты). А все таки теперь, со всей нашей хваленной цивилизаціей и свободой, у насъ, я полагаю, теперь больше нищихъ-бѣдняковъ, нежели избирателей (такъ, такъ)! Каждые двадцать или двадцать-пять лѣтъ мы хоронимъ милліонъ та-

нихъ нищихъ (такъ, такъ)! А все-таки ихъ вырастаетъ вѣчно новый урожай. Вѣчно остается этотъ осадокъ общества, бѣдный, жалкій, въ которомъ до сихъ поръ не могли мы произвести никакого замѣтнаго улучшенія. И этотъ миллионъ бѣдняковъ еще далеко не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ существующихъ страданій. Когда человѣкъ разсѣлся совершеннымъ бѣдякомъ, когда въ немъ заглохло отвращеніе отъ зависимости, когда онъ пересталъ чувствовать унижительность этого положенія и находитъ себя обезпеченнымъ на остатокъ своей жизни, или въ уоркгаузѣ, или въ какойнибудь лачугѣ, гдѣ попечители о бѣдныхъ даютъ ему пособіе, — онъ свободенъ тогда отъ безпокойства за будущее. Но оставимъ миллионъ этихъ нищихъ и взглянемъ на другой миллионъ людей подлѣ нихъ, на людей не потерявшихъ самоуваженія, имѣющихъ семейство и ховяство, имѣющихъ у себя средства для нихъ дорогія, на этихъ людей, которые добываютъ свой насущный хлѣбъ со дня на день своими руками, которые, вотъ имѣють работу, хотя, можетъ быть, невѣрную, недостаточную и часто съ платой слишкомъ скудной, и чувствуютъ себя какъ будто немного на свободѣ, но вотъ, опять подавлены и увлекаются на самый край нищеты, — представьте страданія въ этихъ семействахъ, представьте борьбу съ жизнью у этихъ людей, эту борьбу, совершенно незнакомую намъ, людямъ другой обстановки (такъ, такъ)!—Представимъ же себѣ хоть ту неполную картину всего этого, о которой можемъ имѣть понятіе, и спросимъ себя: «какъ же все это существуетъ въ нашей землѣ, съ нашею великою силою производительности, съ нашимъ талантомъ собирать со всѣхъ поднебесныхъ климатовъ избытки всѣхъ народовъ для увеличенія роскоши и комфорта въ каждомъ англійскомъ домохозяйствѣ»? (сильные аплодисменты). Небо ли винить въ этомъ? Богъ ли забылъ быть милостивымъ? Или это человѣкъ своими преступленіями и ошибками произвелъ эти бѣдствія? Кто были ваши правители въ теченіе поколѣній? Кто расточалъ ваши деньги? Кто расточалъ вашу кровь? Для кого англійскій народъ трудился въ кровавомъ потѣ и лилъ кровь въ теченіе поколѣній? И какую получилъ награду? А вотъ какую, что теперь, въ 1859 году оскорбляютъ его и съ вельможеской надменностью говорятъ ему, что несправедливо выпускать его въ число избирателей нашей земли (такъ, такъ)! Вотъ, меня винять, что я говорю факты, несприятные для нашей аристократіи. Правила нами она долгій періодъ, и мы видимъ результатъ. А если я и сказалъ что нибудь противъ нихъ, они и ихъ защитники отистигли за себя полнымъ поруганіемъ надъ характеромъ великаго англійскаго народа, о которомъ они говорятъ, что не безомасно допускать его на выборы; и что если допустить его, то Англія будетъ страшною смуть и насиліи, а не порядка и мира, какъ теперь. (Крики: дурно, дурно)!

«Такъ будемъ же помнить, что отъ реформы должны быть результаты; и если вы хотите какой нибудь важной перемены, то каковъ путь къ ея полученію? Вообще васъ принуждаютъ вести споръ до того, что шагъ остается до междуусобной войны. Это уже обрати-

лось въ такую привычку, что управляющее сословіе не вѣритъ серьезности вашихъ желаній, пока вы не дойдете до этого предѣла. Вотъ, они теперь говорятъ вамъ, что народъ не желаетъ реформы. Говорятъ: «вы не соберете ста тысячъ человѣкъ на Ньюгольнской горѣ въ Бирмингемѣ; вы не соберете безчисленныхъ множествъ народа въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ, съ угрозою, что если билль не будетъ принятъ въ теченіи недѣли, то они пойдутъ на Лондонъ». Разумѣется, нѣтъ. И я надѣюсь, что ничего такого не случится, потому что ничего такого не будетъ надобно (такъ, такъ)! Но если они колятъ намъ глаза тѣмъ, что этого еще нѣтъ, то ихъ слова доказательство, что въ нихъ есть мысль, можетъ быть безсознательная,—нѣтъ и сознательная,—что ничего важнаго не приобрѣтала у насъ нація иначе, какъ доходя до самыхъ границъ насильственнаго дѣйствія. Мы все равно, что коренной народъ, который борется противъ завоевателей; все равно, что ирландскіе католики, которые боролись противъ пришельцевъ-поработителей, протестантовъ; все равно, что ломбардцы, которые хотѣли бороться противъ австрійцевъ. Когда вы получили реформу 1832 года, вы были на 24 часа отъ революціи. Когда вы получили отмену хлѣбныхъ законовъ въ 1846 году, вамъ помогала ужаснѣйшій голодъ, какого уже нѣсколько сотъ лѣтъ не бывало въ цивилизованныхъ странахъ. А теперь, если вамъ нужна реформа, какъ вамъ получить ея? Посмотрите на вопросы меньшей важности. Возьмите на примѣръ церковную подать (*); это больше дѣло чувства, нежели денежной важности для когонибудь. Это печать порабощенія, и потому мы не хотимъ носить ея (аплодисменты); но вотъ ужъ двадцать лѣтъ идутъ пренія о церковной подати въ Палатѣ Общинъ. Дѣло было и за 20 лѣтъ также ясно, какъ теперь; но подать не отменялась. Возьмите также вопросъ о баллотировкѣ. Тотчасъ же послѣ реформы 1832 года произносились въ пользу баллотировки рѣчи столь же неопровержимыя по доказательствамъ, какъ и слѣдующія рѣчи. А баллотировка все еще не введена въ законъ. Палата Лордовъ и три четверти Палаты Общинъ, зависящая отъ нея, каждый годъ вотируютъ, какъ имъ пріятно. Нужды нѣтъ, что огромное большинство народа хочетъ известнаго закона,—нѣтъ, чтобы провести какуюнибудь важную реформу черезъ Палату Общинъ, вамъ нужно при нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ такое большинство, которое обнимало бы весь народъ (аплодисменты). Пока сэръ Робертъ Пиль не отменилъ хлѣбныхъ законовъ, мистеръ Вильерсъ ни разу не могъ получить больше 100 голосовъ въ Палатѣ Общинъ въ пользу ихъ отмены, а каждый знаетъ, что хотя 100 депутатовъ не составляютъ и третьей части Палаты Общинъ, между тѣмъ изъ шести человѣкъ жителей королевства пятеро въ то время уже давно осуждали хлѣбные законы (такъ, такъ). Вотъ доказательство, что Палата Общинъ теперь вовсе еще не представительница народа. Намъ нужно не то, чтобы вы передали великую политическую власть отъ большихъ землевладѣльцевъ большому купцамъ или мануфакту-

(*) Которую люди всѣхъ исповѣданій платятъ англиканской церкви.

ристамъ, но чтобы равномѣрно по всему королевству, всѣ интересы, всѣ мнѣнія, всѣ желанія выражались въ законодательной власти, чтобы депутаты, заседающіе въ парламентѣ, сознавали, что они представители не какого нибудь кружка, а великой націи, и когда это будетъ, вы увидите, что какъ мнѣніе будетъ расти и укрѣпляться въ націи, оно будетъ тихо, постоянно, всесильно возрастать въ Палатѣ Общинъ (аплодисменты). Вмѣсто того, чтобы за каждую черемѣну бороться съ вашимъ парламентомъ, будто съ чужеземнымъ завоевателемъ, мы хотимъ, чтобы одна душа была у парламента и у народа, чтобы корона и правительство были сильнѣе и почтеннѣе, а народъ счастливѣе и довольнѣе (такъ, такъ). Теперь спрашиваю васъ: неужели должно считаться дурнымъ имѣть такіа мнѣнія и проповѣдывать такое ученіе? Напротивъ, не значать ли это продолжать труды отцовъ нашихъ и довершать ихъ дѣло? Виновенъ ли я въ возбужденіи сословія противъ сословія, когда я хочу уничтожить стѣну раздѣленія, производящую сословія и сдѣлать всѣхъ англичанъ братьями передъ закономъ нашей земли? (аплодисменты). Каковы были цѣли моей двадцатилѣтней политической жизни? Вы, жители моего роднаго города, знаете это (аплодисменты). Я призываю васъ свидѣтелями обо мнѣ (продолжительные аплодисменты. Публика машетъ платками). Я трудился серьезно и успѣшно въ союзѣ людей такихъ, какъ Вильирсъ, Кобденъ, Джибсонъ, Джорджъ Уильсонъ и многіе другіе, которыхъ я не могу перечислить, но которые живутъ и вѣчно будутъ жить въ моей памяти (аплодисменты). Я трудился съ ними, чтобы дать народу насущный хлѣбъ, и теперь каждый годъ привозится къ вашимъ берегамъ на 20 милліоновъ фунтовъ съѣстныхъ припасовъ; а всего только 14 лѣтъ тому назадъ, вы не могли и слова сказать объ этомъ, не подвергаясь обвиненію въ измѣнѣ сословію вашихъ господъ (такъ, такъ)! Я трудился съ серьезными людьми, чтобы снять съ газетъ штемпель и ввести свободную журналистику; и я читалъ, что по уничтоженіи штемполя появилось 300 дешевыхъ газетъ, ежедневно приносящихъ свѣдѣнія обо всемъ почти въ каждое семейство (аплодисменты). Я старался, но, грустно сказать, безъ успѣха, чтобы драгоцѣнный трудъ и еще драгоцѣннѣйшая кровь народа не расточались преступными правителями въ преступныхъ войнахъ,—и теперь сообразно, какъ мнѣ кажется, всему своему прошедшему, прошу для моихъ гражданъ того, что обѣщаетъ имъ конституція, того, чтобы Палата Общинъ была вѣрною и полною ихъ представительницею (аплодисменты). Это требованіе справедливое (аплодисменты). Прошу всѣхъ моихъ согражданъ сказать это требованіе не колеблющимся, не двусмысленнымъ голосомъ. Скажите, и васъ послушаютъ. Просите такимъ тономъ, чтобы его нельзя было не понять, и ваше желаніе навѣрно будетъ исполнено. Если вы потомки великихъ предковъ, какъ говорятъ ваши историки, не обезславьте ихъ нынѣ. И если вы, какъ вы хвалитесь, наслѣдники свободы, то встаньте, заклиная васъ, и вступите во владѣніе наслѣдствомъ вашимъ».

«(Мистеръ Брайтъ возвращается на свое мѣсто при громкихъ и продолжительныхъ аплодисментахъ)».

3-го февраля собрался парламентъ. Важнѣйшее мѣсто въ первыхъ преніяхъ его, т. е. въ преніяхъ объ адресѣ, или отвѣтѣ парламента на тронную рѣчь, долженъ былъ занять, разумѣется, итальянскій вопросъ. Министерство, которому реформа представляется очень горькою необходимостью, вздумало было избавиться отъ нея преніями о войнѣ и приготовленіяхъ къ ней. Но предводители виговъ, Пальмерстонъ и Россель, въ рѣчахъ своихъ объ адресѣ (въ засѣданіи 3-го февраля) сильно напали на тори за эту уловку. Въ газетахъ тѣже насмѣшки, тоже горькое осужденіе отразилось еще съ большею силою. Изъ переводимой нами въ приложеніи статьи Times'a читатели узнаютъ, почему виги и расчетливая часть тори требуютъ скорѣйшаго начала преній о реформѣ. Они видятъ, что агитація растетъ съ каждымъ днемъ и что если отложить реформу до слѣдующаго года, то старыя партіи должны будутъ сдѣлать реформерамъ гораздо больше уступокъ, нежели теперь. Вотъ это истинная мудрость государственныхъ людей! Дѣлю имъ очень непріятно, но оно требуется общественнымъ мнѣніемъ, стало быть надобно какъ можно скорѣе сдѣлать его, потому что какою проволочкою только усиливалась бы требовательность и неудовольствіе, и каждый день отсрочки стоилъ бы въ результатѣ очень дорого для отсрочивающихъ. Виги и часть тори, поддерживавши въ этомъ случаѣ требованія реформеровъ, поступили чрезвычайно расчетливо. Но трудно было ожидать, чтобы Дерби и Д'Израэли сдѣлали такую неловкость, какъ попытка отсрочить пренія о реформѣ до мая мѣсяца: они люди умные, и вѣроятно не сдѣлали бы такого промаха, если бы могли избѣжать его. Дѣйствительно, говорятъ, что билль о реформѣ былъ у нихъ готовъ, и они хотѣли внести его въ парламентъ въ первомъ же засѣданіи; но между ихъ товарищами есть дикобразы, которымъ Д'Израэли и Стенли не всегда успеваютъ вбить въ голову неизбѣжность уступокъ общественному мнѣнію для избѣжанія гораздо большихъ потерь. Эти дикіе господа объявили, что билль Д'Израэли слишкомъ либераленъ, что они не согласны на него. Лучшее всего было бы лорду Дерби выгнать изъ кабинета такихъ компрометирующихъ его товарищей и замѣнить ихъ людьми болѣе разсудительными, какъ уже выгнать онъ лорда Элленборо; но почему-то онъ не повторилъ своего хорошаго дѣла въ большемъ размѣрѣ, не выгнать всѣхъ министровъ несогласившихся съ Д'Израэли и лордомъ Стенли, — вѣроятно, не достаточно характера. Такимъ образомъ прежній билль не годился, пришлось составлять новый. Но когда виги и большинство газетъ рѣзко осудили лорда Дерби зато, что билль у него не готовъ, реформеры, въ засѣданіи Палаты Общинъ 7-го февраля потребовали, чтобы ми-

мистерство поторопилось. Мистеръ Донкомбъ, радикалъ очень знатной и богатой фамилиі, былъ выбранъ реформерами для исполненія роли того безжалостнаго мужа, о которомъ упоминаетъ переведенная нами статья Times'a: «когда же ты кончишь свои вздохи? ты слишкомъ долго вздыхаешь», сказалъ онъ мистеру Д'Израэли, какъ Рауль — Синяя Борода говорилъ своей женѣ, желавшей отсрочить тяжелую минуту. Депутаты старыхъ партій приняли его рѣчь съ большимъ огорченіемъ, перерывали ее криками «безпорядокъ, безпорядокъ!» и тѣмъ выразили, какъ горько имъ глотать пилюлю, принятіе которой предписано общественнымъ мнѣніемъ. Но дѣлать было нечего, и мистеръ Д'Израэли объявилъ, что представитъ свой билль о реформѣ 28-го февраля. Къ чему же привела попытка отсрочить повиновеніе голосу общества? Лордъ Дерби хотѣлъ въ угодность своимъ нелѣпымъ товарищамъ отложить представленіе билля до четвертаго или пятаго мѣсяца сессіи, когда уже не осталось бы времени рассмотреть его, чтобы такимъ образомъ оттянуть рѣшеніе дѣла до слѣдующей сессіи, т. е. до слѣдующаго года. Это не удалось. Въмѣсто годичной проволоочки успѣли сдѣлать проволочку на двѣ недѣли, а сами подверглись общему посмѣянью и выставили на показъ публикѣ свою слабую сторону: теперь всѣ увидѣли, что тори не хотятъ преній о реформѣ, а все-таки принуждены начать ихъ, стало быть дѣйствуютъ не по доброму желанію, а противъ воли, изъ-подъ палки. Выгоденъ ли былъ, спрашивается теперь, ихъ образъ дѣйствій для нихъ самихъ? не слишкомъ ли дорого заплатили они за двѣ недѣли отсрочки?

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ дѣлъ современной исторіи, — итальянскаго вопроса и англійскаго реформистскаго движенія, довольно важное мѣсто между событіями нынѣшняго года занимаютъ агитація на Ионическихъ островахъ, переворотъ въ Сербскомъ княжествѣ, выборъ господаря въ Молдавіи и Валахіи и переворотъ въ Гаити.

Со времени учрежденія греческаго королевства, жители Ионическихъ острововъ постоянно требовали, чтобы Англія избавила ихъ отъ своего протекторства и позволила имъ присоединиться къ одноплеменной державѣ. Изъ этого иногда возникали смуты, которыя подавлялись насильственными мѣрами со стороны Англіи. Но все-таки Англія оставляла Ионическимъ островамъ представительную

форму правленія и свободу слова. Правда, лорду комиссару (генераль-губернаторъ) была предоставлена очень обширная власть, такъ что онъ могъ рѣшительно не слушать іоническихъ депутатовъ, но все-таки представительная форма и свобода печатнаго слова служили къ тому, что желаніе іонійцевъ и ихъ жалобы дѣлались извѣстными цѣлой Европѣ. Сама самою разумеется, что при такихъ условіяхъ англійское правительство не было притѣснительно для іонійцевъ. По всему видно, что во внутреннихъ дѣлахъ имъ была предоставлена довольно широкая свобода; но чувство національности нельзя было заглушить ничѣмъ, и въ прошломъ году іоническая палата депутатовъ снова приняла рѣшеніе, что іоническій народъ требуетъ присоединенія своего къ Греціи. Тогдашній лордъ комиссаръ Джонъ Юнгъ, посылая по этому случаю лондонскому кабинетунѣ сколько записокъ, въ которыхъ главная мысль была та, что для Англій лучше отказаться отъ хлопотъ съ Семью Островами, протекторатъ надъ которыми ей убыточенъ, и оставить за собою только военную позицію на островѣ Корфу, предоставивъ остальнымъ островамъ соединиться съ Греціею. Случайнымъ образомъ эти депеши, которыя правительство хотѣло хранить въ тайнѣ, были переданы въ редакцію газеты «Daily News», и она напечатала нѣкоторые изъ нихъ, полагая, что онѣ присланы съ согласія министерства. Узнавъ противное, редакція остановила обнародованіе остальныхъ депешъ, но и напечатанныхъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы министерству нельзя было не позаботиться объ іоническомъ дѣлѣ. Признаніе самого генераль-губернатора, что Англій слѣдуетъ отказаться отъ своего протектората, произвело сильное впечатлѣніе на публику, и надобно было что нибудь сдѣлать. Министръ колоній Бувьеръ (извѣстный романистъ) находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ предводителемъ пилитовъ Гледстономъ, который съ прочими своими достоинствами соединяетъ славу отличнаго элениста (недавно онъ издалъ большое сочиненіе о Гомеровыхъ поэмахъ) и очень расположенъ къ греческой націи. Надобно прибавить, что Гледстонъ человѣкъ очень гуманный, очень мягкаго характера и привлекателенъ въ обращеніи. Министерство думало, что такой человѣкъ можетъ примирить іонійцевъ съ англійскимъ протекторствомъ и придумать въ ихъ политическому устройствѣ улучшенія, которыя склонили бы ихъ забыть о Греціи. Разумеется, такой важный государственный человѣкъ, какъ Гледстонъ, принималъ на себя только временное порученіе: предводители парламентскихъ партій считаютъ слишкомъ низкимъ для себя даже постъ генераль-губернатора Ост-Индіи; и если Гледстонъ согласился съѣздить на Іоническіе остро-

ва во время парламентскихъ вакацій, это надобно приписывать особенному желанію его сдѣлать что нибудь въ пользу грековъ.

Чрезвычайный верховный комиссаръ дѣйствительно велъ себя съ іонійцами такимъ способомъ, который дѣлаетъ честь его характеру и лично приобрѣлъ ему чрезвычайную популярность. Впрочемъ и прежній верховный комиссаръ, смѣняемый Гледстономъ, лично пользовался справедливою любовью іонійцевъ. При отъѣздѣ его старикъ Дандоло, предводитель самыхъ пылкихъ своихъ соотечественниковъ, съ особенною силою возстающихъ противъ англійскаго протектората, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Позвольте мнѣ, милордъ, въ минуту вашей разлуки съ нами высказать свой голосъ, голосъ свободнаго и независимаго человѣка, которому теперь уже 70 лѣтъ, который никогда, ни прямо, ни косвенно, ничего не искалъ для себя у правительства. Я хочу сказать важную правду, которая, будучи долгомъ справедливости относительно васъ, очистить насъ отъ упрека въ неблагодарности.

«Да, съ самаго пріѣзда вашего къ намъ, милордъ, я видѣлъ въ васъ любовь къ добру, желаніе и рѣшимость исполнять его. Когда я представилъ вамъ необходимость дать работу многочисленнымъ бѣднякамъ, вы, милордъ, согласились на мое желаніе и выпросили отъ вашего правительства значительныя суммы, которыя, вотъ уже два года, хранятъ и будутъ хранить бѣдныхъ людей отъ нужды. И когда я былъ членомъ мѣстной администраціи, болѣе всего былъ обязанъ я вашему содѣйствію тѣмъ, что могъ приносить пользу моей родинѣ; то, что я сдѣлалъ, должно быть обращено въ честь вамъ.

«Мое сердце трепещетъ отъ радости, когда я вспоминаю, что въ весь періодъ вашего управленія, вы, милордъ, не только не подвергли аресту ни одного человѣка, а, напротивъ, избавили многихъ изъ заключеніи и возвратили изгнанниковъ ихъ семействамъ. Да, ни одна капля слезъ не лежитъ на вашей совѣсти, и если вы успѣли сдѣлать не все, чего хотѣли, вина тому не въ вашемъ сердцѣ».

Изъ этого можно заключать, что Іоническіе острова недовольны англійскимъ правленіемъ вовсе не за его жестокость или стѣснительность, а единственно по чувству національности.

Новый лордъ комиссаръ созвалъ законодательное собраніе 25 января; въ первое же засѣданіе Дандоло предложилъ палатѣ депутатовъ выразить желаніе іоническаго народа соединиться съ Греціею. При громкихъ рукоплесканіяхъ оно было принято и назначенъ комитетъ для обсужденія дальнѣйшихъ мѣръ, нужныхъ для исполненія ихъ желанія; сначала они вздумали было сдѣлать воззваніе ко всѣмъ европейскимъ народамъ, но Гледстонъ замѣтилъ имъ, что это было бы напраснымъ нарушеніемъ законныхъ формъ, и послушавшись его доброжелательнаго совѣта, (вовсе не приказанія или

угрозъ), палата приняла составленную комитетомъ просьбу английской королевѣ. Вотъ текстъ этого документа, интереснаго по своему благородному тону:

«Ея Величеству королевѣ Викторіи, всемилостивѣйшей королевѣ Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, защитницѣ вѣры и протектрисѣ Соединенныхъ государствъ Ионическихъ острововъ и проч.

«Прошеніе Ионической Палаты Депутатовъ.

«Да выслушаетъ милостиво Ваше Величество. Народъ Семи Острововъ, всегда сохранявшій мысль о своей національности и желавшій своего соединенія съ свободою Греціею, почтительно приближается къ вашему могущественнѣйшему престолу, чтобы положить на ступени его подлинное выраженіе своего вѣчно-пламеннаго желанія. Среди испытаній постигшихъ племя эллиновъ, Ионическій народъ сохранилъ невредимо свою цивилизацію и удержалъ свою національность и независимость.

«Трактатъ, заключенный въ Парижѣ 5 Ноября 1815 года, безъ участія Ионическаго народа, и отдавшій этотъ народъ подъ британское протекторство, имѣлъ единственною своею цѣлю охраненіе маленькаго народа, который признанъ и объявленъ въ этомъ трактатѣ отдѣльнымъ, свободнымъ и независимымъ государствомъ. Къ этой цѣли направлены обязанности, принятія по трактату покровительствующею державою, и политическія отношенія, возникшія изъ нихъ между Великобританіею и покровительствуемымъ народомъ. Но по учрежденіи Греческаго королевства исчезла причина, на которой основаны были эти отношенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно возникло горячее желаніе Ионійцевъ къ политическому соединенію съ освобожденною частью націй, съ которою они неразрывно связаны происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, преданіями и безграничными пожертвованіями общему дѣлу.

«Изъ этого непреодолимаго чувства происходили подавленные манифестаціи девятаго Ионическаго парламента и единодушное желаніе выраженное одинадцатымъ парламентомъ, 20 іюня 1857 года. Его Превосходительство верховный чрезвычайный комиссаръ, котораго угодило было Вашему Величеству послать въ государство Семи Острововъ также получилъ подлинныя доказательства этого пламеннаго чувства и желанія всего Ионическаго народа.

«Исходя отъ этихъ соображеній, представители Ионическаго народа въ своемъ парламентскомъ засѣданіи 15 (27) января 1859 года единогласно объявили, что единственнымъ и единодушнымъ желаніемъ Ионическаго народа было и остается соединеніе всего государства Семи Острововъ съ Греческимъ королевствомъ.

«Ионическое собраніе, представляя это желаніе, проситъ Ваше Величество милостиво сообщить настоящее объявленіе другимъ Европейскимъ великимъ державамъ и при ихъ содѣйствіи исполнить (*) священное и справедливое желаніе Ионійцевъ.

(*) «Это содѣйствіе предполагается нужнымъ потому, что протекторатъ учрежденъ парижскимъ трактатомъ, стало быть на отмѣну его, въ случаѣ согласія Англіи, потребовалось бы согласіе и другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1815 года.

«Представители Ионического народа имѣютъ утѣшительную надежду, что божественная Милость, вооружившая нѣкогда десницу Британіи на защиту Эллинской націи, вдохновитъ и нынѣ Ваше Величество, чтобы вашею могущественною помощью эта нація могла достичь своего національнаго возстановленія и чтобы узы, возникающія изъ глубокой благодарности и непреложной симпатіи, привязывали сердца Эллинской націи къ престолу Вашего Величества.

Д. Фламбуріани, Президентъ.

Н. Луси

Г. Дусмани } Секретари.

Корфу 18/30 января
1859 года.

Гледстонъ сообщилъ эту просьбу обыкновеннымъ законнымъ путемъ въ Лондонъ.

Разумѣется, англійское правительство отвѣчало на просьбу, что къ сожалѣнію оно не можетъ исполнить желаніе іонійцевъ. Но вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ Гледстонъ сообщилъ іоническому собранію свой проэктъ о тѣхъ реформахъ, которыя могли бѣ до нѣкоторой степени вознаградить іонійцевъ за невозможность удовлетворенія чувству національности. Его длинная записка, составленная въ духѣ дѣйствительной заботливости о благѣ Ионическихъ острововъ, предлагаетъ имъ отиѣненіе всѣхъ ограниченій, какими прежде была связана парламентская форма. Британское вліяніе будетъ совершенно отстранено отъ внутреннихъ дѣлъ Семи Острововъ; лордъ комиссаръ сохранить по внутреннимъ дѣламъ только номинальную власть, потому что его распоряженія не будутъ имѣть силы безъ подписи министровъ, а министровъ онъ обязанъ будетъ смѣнять по требованію іоническаго парламента. Кромѣ того, если іоническій парламентъ недоволенъ имъ, то можетъ посылать обвиненіе противъ него къ королевѣ и отправлять депутата, который бы поддерживалъ это обвиненіе передъ королевою и англійскимъ парламентомъ. Мы видимъ, что Гледстонъ предлагаетъ іонійцамъ точно такую же свободу политическаго устройства, какую имѣетъ сама Англія, и совершенную независимость отъ Англіи во внутреннихъ дѣлахъ. Это первая половина его проэкта, говорящая о томъ, что Англія можетъ уступить іонійцамъ; вторая часть записки объясняетъ, что, по мнѣнію Гледстона, іонійцы должны сами сдѣлать для себя, и особенно эта половина проэкта показываетъ, какимъ искреннимъ доброжелательствомъ къ нимъ онъ проникнутъ. Онъ совѣтуетъ имъ измѣнить систему своихъ налоговъ и облегчить ихъ (налоги и вообще внутреннія дѣла были и прежде, какъ мы уже замѣчали, почти вполне предоставлены на волю іонійцевъ). Чобы уменьшить расходы, Гледстонъ совѣтуетъ іонійцамъ замѣнить бюрократію самоуправленіемъ;

онъ объясняетъ имъ выгоды отъ пониженія тарифа и вообще говоритъ о томъ, какими законами и стремленіями могутъ развивать они у себя духъ гражданской свободы и облегчить положеніе массы населенія въ своемъ государствѣ.

Разумѣется, іонійцы приняли отказъ королевы на ихъ просьбу съ большимъ неудовольствіемъ, хотя конечно и не ожидали ничего, кромѣ отказа. На проектъ Гледстона палата отвѣчала, что отложить совѣщаніе о немъ и повидимому хочетъ отвергнуть его весь, съ объявленіемъ, что только присоединеніе къ Греціи можетъ соотвѣтствовать желаніямъ іоническаго народа.

Мы рассказали эти происшествія довольно подробно, потому что въ нихъ выражаются обѣ стороны нынѣшней англійской иностранной политики, — и сторона ненавистная и сторона благородная. Удерживать въ своей зависимости чужое племя, которое негодуетъ на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезнымъ для военнаго могущества и политическаго вліянія на другія страны, — это гнусно; но съ тѣмъ вмѣстѣ предоставлять этому народу полный просторъ въ управленіи своими дѣлами, сохранять у него свободу печатнаго слова и парламентскія формы, стараться развивать въ немъ тѣ гражданскія качества, которыми отличается сама Англія отъ континента, это черта совершенно иного рода. Разумѣется, изъ соединенія двухъ противоположныхъ стремленій, изъ смѣси порабощенія съ свободою, эгоизма съ доброжелательствомъ выходитъ нѣчто очень странное. Порабощены или нѣтъ іонійцы? Да, потому что только иноземное войско держитъ ихъ въ покорности нынѣшнему образу правленія; нѣтъ, потому что ни въ Сардиніи, ни въ Бельгіи, ни въ самой Англіи народъ не пользуется свободою больше той, какую даютъ англичане Семи Островамъ. Народъ свободно избираетъ своихъ представителей, эти представители даютъ законы для страны, — всѣ законы, всѣ правительственныя распоряженія свободно обсуждаются въ открытыхъ парламентскихъ преніяхъ и въ печати. Народъ свободно выражаетъ даже свое желаніе отдѣлиться отъ государства, къ которому принадлежитъ по политическимъ трактатамъ, и на это требованіе отвѣчаютъ ему кроткимъ объясненіемъ невозможности такой перемѣны; не думаютъ о наказаніи, а напротивъ, стараются смягчить отказъ гуманнымъ правленіемъ и придумываютъ, нельзя ли сколько нибудь вознаградить за него расширеніемъ гражданской свободы. Такова политика англійскаго правительства, т. е. старыхъ партій. Но старыя партіи не англійскій народъ; это горсть людей, далеко отставшихъ отъ нынѣшняго развитія понятій въ англійской націи. Тѣ газеты, которыя

не принадлежать старымъ партіямъ, прямо говорятъ, что Англія не должна держать въ своей зависимости чужой народъ, желающій быть независимымъ; онѣ требуютъ, чтобы Англія отказалась отъ протекторства надъ Іоническими островами. И даже въ старыхъ партіяхъ находятся люди, какъ Джонъ Юнгъ, сочувствующіе этому взгляду, признающіе справедливость желанія освободиться отъ ихъ власти въ томъ народѣ, которымъ они посланы управлять. Вотъ какія черты Англіи обнаруживаются ходомъ вопроса объ Іоническихъ островахъ; и дѣло это, незначительное по малому объему той страны, о судьбахъ которой идетъ рѣчь, важно потому, что на немъ можно изучать духъ Англіи.

Іоническій вопросъ мало кого занималъ, кромѣ самихъ іонійцевъ и англичанъ. Но вниманіе цѣлой Европы было обращено на событія въ жизни двухъ другихъ небольшихъ племенъ, сербскаго и валахо-молдавскаго. Нашъ обзоръ уже такъ длиненъ, что сербскія событія, особенно любопытныя для насъ по нашему родству съ сербами, мы рѣшились изложить въ особенной статьѣ. Это тѣмъ удобнѣе, что съ прибытіемъ князя Милоша и распущеніемъ скупщины переворотъ происшедшій въ Сербіи повидимому завершился, и разсказъ о немъ вѣроятно останется уже законченнымъ цѣлымъ. Стало быть, намъ надобно только сказать нѣсколько словъ о валахо-молдавскихъ событіяхъ.

Россія сочувствовала желанію румынскаго племени соединиться въ одно государство. Симпатія легко переходитъ въ надежду. Во время парижскихъ конференцій въ нашей публикѣ была увѣренность, что дипломатическими переговорами осуществится стремленіе румыновъ составить одно государство. Какъ всегда, увѣренность эта оказалась самообольщеніемъ. Единство Молдавіи и Валахіи дано было только по имени; оно ограничивалось почти только одинаковостью знамени и правомъ этихъ двухъ провинцій учреждать центральную комиссію для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся обѣихъ областей. Въ каждомъ княжествѣ была оставлена особенная административная и законодательная власть, каждое должно было имѣть своего особеннаго государя и свой отдѣльный парламентъ.

Собрались эти парламенты, должны были избрать государя. Австрія и Турція употребляли всевозможныя усилія, чтобы не допустить въ парламенты людей національной партіи, желавшихъ соединенія, и насильственными средствами ввести туда своихъ кліентовъ, измѣнниковъ національному чувству. Однако же молдавскіе депутаты, собравшіеся равнѣе валахскихъ, выбрали государемъ такого человѣка, на котораго вполне могла положиться нація, желавшая соединенія, Александра Кузу. Это смутило Турцію и Австрію. Въ Кон-

стантинополѣ хотѣли отказать въ утвержденіи молдавскому выбору, основываясь на томъ, что избранное лицо не удовлетворяетъ нѣкоторымъ условіямъ, опредѣленнымъ для господаря дипломатическою конвенціею 19 августа. Но вотъ собрался валахскій парламентъ; депутаты его были выбраны подѣ вліяніемъ интригъ и насилій Турціи, поддерживаемой Австріею. Большинство ихъ состояло изъ людей, которые повидимому не сочувствовали національному желанію. Но мало по малу они прониклись его вліяніемъ, и въ рѣшительную минуту бывшіе интриганты и реакціонеры явились патріотами. Было множество разныхъ кандидатовъ на санъ господаря. У каждаго была своя партія между депутатами. Когда собрались депутаты, одинъ изъ претендентовъ, Бибеско, имѣвшій на своей сторонѣ временную администрацію (каймаканію) Валахіи, окружилъ войсками домъ засѣданій парламента, чтобы силою принудить депутатовъ избрать его, арестовавъ тѣхъ, которые стали бы говорить противъ насилія. Но населеніе Бухареста оступило войска и потребовало, чтобы они удалились. Войска и ихъ начальники не захотѣли дѣйствовать оружіемъ противъ своихъ братьевъ, которымъ сочувствовали. Переговоры тянулись нѣсколько часовъ, наконецъ каймаканія принуждена была приказать войскамъ удалиться. Депутаты прежде всего занялись очищеніемъ своего собранія отъ тѣхъ членовъ, при выборѣ которыхъ было сдѣлано особенно много противозаконныхъ обмановъ или насилій. Изъ нихъ нѣсколько человѣкъ, увлекался энтузіазмомъ окружавшаго ихъ народа, сами отказывались отъ званія депутатовъ. Вечеромъ въ тотъ день (4 февраля) происходили частныя совѣщанія между депутатами, остававшіяся тайною для публики. Всѣ предчувствовали только, что на другой день должна рѣшиться судьба и Валахіи и Молдавіи: она зависѣла отъ того, согласенъ ли будетъ валахскій выборъ съ молдавскимъ.

Едва открылось на другой день засѣданіе, депутатъ Боереско подошелъ къ президенту (митрополиту) и попросилъ его перейти съ депутатами изъ залы публичныхъ засѣданій въ сосѣднюю залу для выслушанія важныхъ вещей. Митрополитъ нѣсколько времени колебался, но долженъ былъ уступить; депутаты вышли въ особенную залу. Тутъ Боереско въ пламенной рѣчи изложилъ важность настоящей минуты, обязанность депутатовъ пожертвовать своими личными пристрастіями для того, чтобы явиться дѣйствительно представителями національной мысли. «Желаніе націи можетъ быть исполнено, сказалъ онъ, только въ такомъ случаѣ, если Валахія соединится съ Молдавіею, а для этого одно средство, — соединиться съ молдавскими братьями и провозгласить господаремъ того самого человѣка, который уже выбранъ ими.» Никто не могъ устоять противъ увлеченія.

Одинъ за другимъ претенденты на санъ господаря всходили на каедрю,—первый Голеско, за нимъ Гика, Кантакузень и другіе: каждый клалъ руку на Евангеліе и клялся подать голосъ за Александра Кузу. Восторгъ увлекъ всѣхъ депутатовъ; они закричали: «да здравствуетъ Куза!» Этотъ крикъ донесся до залы публичныхъ засѣданій и зрители, бывшіе на трибунахъ, повторяя его, побѣждали на площади сообщить патриотическое рѣшеніе депутатовъ народу, толпившемуся на площади. Всѣ кричали: «ура!» и обнимались.

Депутаты возвратились въ залу публичныхъ собраній, началась баллотировка и на всѣхъ 64 избирательныхъ билетахъ, вынутыхъ изъ урны, было написано одно и тоже имя: Александръ Куза Молдавскій.

За два дня, за день, за нѣсколько часовъ до этого рѣшенія никто въ Бухарестѣ не ожидалъ его. Неописанный восторгъ овладѣлъ всѣмъ населеніемъ при удивительномъ извѣстіи.

Въ ту же минуту электрическій телеграфъ сообщилъ въ Яссы Александру Кузѣ просьбу Валахій быть ея господаремъ. Напрасно временное правительство Валахій, проникнутое турецко-австрійскимъ духомъ, говорило, что будетъ ждать изъ Константинополя инструкцій о томъ, какъ поступить ему. На другое утро вновь избранный господарь уже назначилъ новое министерство, которому безъ сопротивленія должна была передать власть каймаканія, потому что весь валахскій народъ былъ единодушенъ.

Можно вообразить себѣ изумленіе и гнѣвъ Константинопольскаго дивана при извѣстіи о валахскомъ выборѣ. Въ первую минуту турки заговорили, что это невозможно допустить, что надобно послать войска для низложенія Кузы въ обоихъ княжествахъ. Но скоро одумались, и сама Турція стала просить державы, уполномоченными которыхъ была составлена конвенція 19-го августа, чтобы назначена была новая конференція отъ всѣхъ этихъ державъ для разрѣшенія валахо-молдавскаго вопроса. Конференція скоро соберется. Франція уже рѣшила требовать, чтобы Куза былъ признанъ господаремъ Валахій и Молдавіи и были измѣнены тѣ статьи прежней конвенціи, которыя оказались не согласны съ желаніемъ румуновъ и противорѣчатъ соединенію двухъ Дунайскихъ княжествъ подъ управленіемъ одного господаря. Большинство другихъ державъ, участвующихъ въ конференціи, будутъ требовать того же. Если не вспыхнетъ война между Франціею и Австріею до окончанія конференціи, рѣшеніе не подлежитъ сомнѣнію. Австрія и Турція должны будутъ уступить настояніямъ другихъ державъ и выборъ Александра Кузы въ обоихъ княжествахъ будетъ утвержденъ.

Страннымъ образомъ отражается общее направленіе событій даже въ такихъ отдаленныхъ краяхъ земли, о которыхъ и не думае т

Европа. Лѣтъ десять тому назадъ читатели каррикатурныхъ журналовъ хохотали надъ картинками, представлявшими Сулука въ костюмѣ Наполеона I, подражаніемъ которому онъ гордился, подобно ему превратившись изъ президента республики въ императора. Послѣ того о Сулукѣ забыли. Но его неграмъ не было отъ того легче. Сулукъ рѣшительно хотѣлъ быть гантскимъ Наполеономъ I. Онъ безпрестанно воевалъ съ сосѣднею республикою Сентъ-Доминиканскою и сильно притѣснялъ собственныхъ подданныхъ. Окружая себя блескомъ, онъ сочинялъ въ своей имперіи аристократію, жаловалъ своимъ слугъ титулами князей, герцоговъ, маркизовъ. Титулы великолѣпныхъ аристократовъ бывали иногда занимательны: былъ герцогъ Лимонадъ, былъ герцогъ Мармеладъ, и т. д. Но какъ бы ни былъ выборъ фамилій, этимъ герцогамъ и самому Сулуку для надлежащаго великолѣпія нужно было много денегъ; подданные разорялись и роптали; Сулукъ наказывалъ, какъ слѣдуетъ, недовольныхъ: изгонялъ ихъ, сажалъ ихъ въ крѣпости, казнилъ. Неудовольствіе расло и наконецъ не стало силъ переносить блестящее правленіе Фаустина I. Негритянской генераль Фабръ Жефраръ 22-го декабря (новаго стиля) прошедшаго года вышелъ изъ столицы Сулука Портъ-о-Пренса, на берегъ, сѣлъ въ лодку съ своимъ сыномъ и двумя товарищами и доѣхалъ до города Гонайва, сосѣдняго съ Портъ-о-Пренсомъ. Когда онъ вышелъ изъ лодки, къ нему подошли нѣсколько человекъ, у которыхъ было приготовлено пять лошадей, и они вѣхали въ городъ съ криками: *Viva la république, viva la liberté!* (*)

Никто ихъ не останавливалъ, они дошли такимъ образомъ до главной гауптвахты и приказали караульному барабанщику бить тревогу, потомъ поѣхали къ дому губернатора. По дорогѣ встрѣчались имъ политическіе преступники, осужденные Сулукомъ на каторгу и работавшіе въ разныхъ мѣстахъ города. Они освобождали ихъ. Къ нимъ приставали жители. Губернаторъ сначала колебался, потомъ и самъ присоединился къ Жефрару; съ нимъ перешли всѣ другіе чиновники. На слѣдующій день генераль Жефраръ былъ превозглашенъ президентомъ Гантской республики, а генераль Сулукъ (такъ называли его въ официальной прокламаціи) былъ объявленъ подлежащимъ суду за противозаконныя дѣйствія.

24-го декабря Жефраръ пошелъ къ Сентъ-Марку, укрѣпленному городу, комендантъ котораго со всѣмъ гарнизономъ принялъ его сторону. Теперь у Жефрара было цѣлыхъ два полка и крѣпость; оставаясь въ ней, онъ ожидалъ приближенія Сулука, а между тѣмъ

(*) На Ганти говорятъ ломаннымъ французскимъ языкомъ.

сосѣдніе города одинъ за другимъ присоединялись къ новому правительству. Сулукъ собралъ войско и пошелъ на Жефрара, власть котораго признавалась уже всею сѣверною половиною гантскаго государства; войско у Сулука было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у Жефрара, но солдаты не хотѣли сражаться за него, потому онъ долженъ былъ отступить въ столицу. Жефраръ пришелъ вслѣдъ за нимъ и послалъ къ нему парламентаря требовать отреченія, обѣщая пощадить его жизнь. Сулукъ сказалъ, что подумаетъ; но пока онъ думалъ, солдаты его положили оружіе. Узнавъ объ этомъ, Сулукъ немедленно занялся сочиненіемъ слѣдующей прокламаціи:

«Гантіане! призванный волею народа къ управленію судьбами Ганти, я постоянно посвящалъ всѣ мои усилія и заботы благу моихъ подданныхъ и счастью отечества. Я надѣялся, что могу рассчитывать на привязанность тѣхъ, которые облекли меня верховною властью, но послѣднія событія не позволяютъ мнѣ сомнѣваться въ чувствахъ народа.

«Я такъ люблю отечество, что не колеблясь жертвую собою общему благу.

«Я слагаю свой санъ, единственнымъ желаніемъ имѣя то, чтобы Ганти могло быть такъ счастливо, какъ всегда желало мое сердце.

«Въ портъ-о-Пренсъ. 13 января 1839 года, въ лѣто 33 независимости.

«Фаустинъ.»

Прокламація, какъ видимъ, написана такъ, что сдѣлала бы честь европейскому перу.

Переворотъ совершился мирно, не пролито было ни одной капли крови. Президентъ возстановленной республики, Жефраръ, поступилъ съ Сулукомъ, столь заботившимся о благѣ своего народа, какъ нельзя милостивѣе. Онъ позволилъ Сулуку свободно сѣсть на корабль и ѣхать куда ему угодно. До отъѣзда на корабль онъ оказывалъ ему защиту отъ ненависти народа, хотѣвшаго растерзать Сулука; и для проводовъ его до корабля по улицамъ города пришелъ самъ, потому что безъ него Сулукъ не дошелъ бы живымъ до своего убѣжища.

На старость дней Сулукъ успѣлъ приготовить собѣ хорошее пропитаніе; въ разныхъ европейскихъ банкахъ у него лежитъ болѣе 3,000,000 руб. сер.

Жефраръ освободилъ всѣхъ политическихъ преступниковъ, заключенныхъ Сулукомъ въ разныя крѣпости, и просилъ возвратиться всѣхъ изгнанниковъ. Онъ объявилъ Сенъ-Доминиканцамъ, что желаетъ хранить съ ними дружбу. До сихъ поръ дѣйствія его показываютъ человѣка благороднаго и безкорыстнаго. Онъ мулатъ, теперь ему около 50 лѣтъ. Онъ имѣетъ извѣстность хорошаго генерала, просвѣщеннаго и очень умнаго человѣка, и всегда пользовался большою любовью народа за гуманность характера и образа мыслей.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. ПИСЬМА «ИТАЛЬЯНЦА» ИЗЪ TIMES'А ОБЪ ИТАЛЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ И ОТВѢТЪ ЭТОЙ ГАЗЕТЫ.

1. ИЗЪ ПЕРВАГО ПИСЬМА «ИТАЛЬЯНЦА».

«Милостивый Государь! Господствующее между англичанами мнѣніе объ Австріи чрезвычайно различно отъ того, какое мы, итальянцы, составили о ней по тяжелому опыту и близкому наблюденію: ваше мнѣніе происходитъ скорѣе изъ старинныхъ воспоминаній, нежели изъ дѣйствительныхъ фактовъ. Прежняя Австрія, наемная союзница Англіи во французскихъ войнахъ, была существенно Германскою державою, хотя имѣла владѣнія и внѣ Германіи. Владѣя Фландріею, она была близкою сосѣдкою Англіи и единственнымъ государствомъ, черезъ которое англійская армія могла быть проведена на континентъ.

«Весь этотъ порядокъ вещей измѣнился французскими революціями и раздѣломъ Польши. Бельгія заняла мѣсто Австріи на Шельдѣ, а протестантская Пруссія въ католическихъ архіепископствахъ на Рейнѣ. Границы Австріи отдалились на 500 англійскихъ миль, отъ устьевъ Рейна до самыхъ верховьевъ его, до Швейцаріи. Раздѣлъ Польши громадно увеличилъ пропорцію славянскихъ ея подданныхъ, которыхъ теперь въ ней вдвое больше, нежели нѣмцевъ. Нѣмцы теперь составляютъ въ ней всего только пятую часть народа. Австрію теперь справедливо можно назвать славянскимъ, нежели нѣмецкимъ государствомъ; и съ каждымъ днемъ она все болѣе подчиняется нравственному вѣсу Россіи.

«Когда Австрія увидѣла фантомъ панславизма, она удвоила свои усилія германизировать славянъ и венгровъ. Тогда Меттернихъ совершилъ два послѣднія дѣла своего министерства, — присвоеніе Кракова и Галиційскую рѣзню. Нѣмецкій языкъ былъ насильственно введенъ въ краковскій университетъ. Дѣла такого рода не легко забываются, —

нѣтъ, они иногда не забываются. Такія же достохвалныя усилія хотѣли бы дѣлать для германизации Венгріи, но въ сердцѣ этой страны еще было свободное племя мадяровъ, независимое отъ прямой нѣмецкой администраціи. Какъ Австрія заботилась о германизации, такъ венгры о мадяризации. Славянскихъ и румынскихъ поселянъ насильственно принуждали говорить на этихъ двухъ языкахъ и такимъ образомъ научили ненавидѣть оба эти языка, предпочитая свой родной имъ обоимъ. Славяне начали обращать свои взоры на Россію, румыны на независимыя дунайскія княжества, имъ одноплеменные.

«Въ 1848 году всѣ націи австрійской имперіи возстали противъ двухъ націй, уступавшихъ другимъ въ числѣ, но стремившихся къ господству, противъ нѣмцевъ и мадяровъ, въ то самое время, когда эти двѣ націи переходили отъ стариннаго соперничества къ открытой враждѣ. Всѣ провинціи подверглись совершенному хаосу. Австрія искала спасенія себѣ въ утѣреніи духа тѣхъ самыхъ національностей, которыя были пробуждены ея деспотическими распоряженіями и тяжелыми налогами, и которыя она уже не могла обуздать. Когда ясно обнаружилось безсиліе Австріи привести къ повиновенію своихъ подданныхъ, явилась Россія, не какъ простая союзница, а какъ высшая покровительствующая держава.

«Австрія могла бы, уступая справедливымъ требованіямъ различныхъ провинцій, дать каждой изъ нихъ право имѣть собственную администрацію, на своемъ языкѣ, по своимъ обычаямъ. Она могла бы устроить родъ монархической Швейцаріи съ населеніемъ въ 15 разъ больше и съ колоссальною силою въ оборонѣ. Она предпочла систему, въ которой честолюбіе наступательныхъ войнъ соединяется съ слабостью въ случаѣ обороны.

Она заботилась только объ упроченіи единства, т. е. о господствѣ нѣмецкой части своего населенія. Она уничтожила прежнюю венгерскую конституцію, повергла мадяровъ въ полнѣйшее рабство, съ неблагодарнымъ презрѣніемъ поработила тѣ самыя національности, которыя наиболѣе помогли ей противъ венгровъ. Не для того проливали свою кровь храбрые славяне и румыны. Теперь нѣмецкое меньшинство сосредоточило на себѣ одною всю ту ненависть ихъ, которая прежде раздѣлялась между нѣмцами и венграми. Австрія отказалась и отъ единственнаго качества, которымъ могли искупаться ея недостатки. Прежде, хотя не было въ ней религіозной свободы, правительство строго наблюдало за католическимъ духовенствомъ.¹ Но съ 1848 года іезуиты съ своими многочисленными аффиліаціями овладѣли правленіемъ, училищами, благотворительными учрежденіями. Они мѣшаютъ даже повиновенію независимыхъ офицеровъ; они шпионствуютъ за дѣйствіями каждаго, превращаютъ каждую исповѣдальню въ полицейскую караульную, стѣсняють протестантовъ въ бракахъ, въ воспитаніи дѣтей, даже въ самыхъ похоронахъ. Архіепископъ вѣнскій сдѣланъ кардиналомъ и главою папской инквизиціи надъ всѣмъ міромъ.

«Между тѣмъ провинціи, особенно Італія и Венгрія, на много лѣтъ

безславную жизнь осуждены они этою измѣною. Негодующимъ взоромъ они измѣряли великую разницу между прямымъ, хотя и военнымъ управленіемъ Наполеона, и унижительнымъ лицемѣріемъ безотѣтственнаго деспотизма. Первоначальныя свободныя правительства, учрежденныя Бонапарте въ Миланѣ, Генуѣ, Римѣ, Неаполѣ, были также громко осуждаемы друзьями свободы, какъ и защитниками рабства и суевѣрія, — брань послѣднихъ сильно свидѣлствуетъ въ ихъ пользу. Дѣло въ томъ, что старинныя итальянскія государства, преобразованныя Бонапартомъ въ демократическія республики, имѣя представительныя парламенты, вдругъ достигли такой степени свободы управленія, слова, печати и жизни, что очень скоро при нихъ истребился бы паннизмъ, исчезли бы всѣ злоупотребленія, вся испорченность и изнѣженность. Это было возрожденіемъ итальянской жизни. Но скоро Наполеонъ, обольщенный принципами противными тѣмъ, на которыхъ основалась его власть, покинулъ путь прогресса и обратился къ одной грубой «вѣческой силѣ». Это было его первымъ, добровольнымъ отрѣченіемъ.

«Кажется страннымъ, что Наполеонъ, владѣя всею Италіею и зная, какую славою для него было возстановить полную ея независимость, вдругъ измѣнилъ свой путь и сталъ дѣйствовать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ присоединилъ къ Франціи, какъ простыя французскія префектуры, Туринъ, Геную, Парму, даже Флоренцію, святилище итальянской литературы, Римъ, святилище итальянской исторіи. Быть можетъ онъ лучше, чѣмъ кто нибудь, понималъ природу своихъ соотечественниковъ и боялся пробудить національную жизнь, чувствуя, что и на недолгое время нельзя будетъ удержать ее подъ иноземной опекою.

«Духъ Наполеона возстаетъ въ Италіи. Франціи не нужно переходить Альпы: она уже занимаетъ центръ Италіи; она чувствуетъ по видимому, что призвана исполнять первыя, благородныя и святыя, мысли ея великаго императора. Неужели Англія не соединится съ ней на это безкорыстное дѣло, не захочетъ приобрести нашего уваженія, нашей благодарности и любви помощію намъ для прекращенія страданій, производимыхъ дурнымъ австрійскимъ и папскимъ управленіемъ?»

3. отвѣтъ *Times'a* на второе письмо «итальянца».

«По правилу выслушивать всѣ стороны, мы помѣстили второе письмо «Итальянца», убѣждающаго насъ помогать Франціи въ «безкорыстномъ дѣлѣ», въ положеніи конца преступленіямъ и безумствамъ «дурнаго австрійскаго и папскаго правительства». Мы народъ методическій, мы привыкли разсудительнымъ образомъ поступать даже въ вопросахъ о симпатіяхъ и національностяхъ; потому прежде нежели мы получимъ расположеніе помогать Франціи въ ея предполагаемой итальянской политикѣ, мы не безъ основанія можемъ просить доказательствъ на то.

что французское правительство действительно одушевлено теми превосходными намерениями, которые придает ему наш пылкий корреспондентъ. Доказательства намъ кажутся едва ли не слабыми. Наполеонъ I въ 1797 году провинился, какъ оказывается, «въ одномъ изъ постыднѣйшихъ дѣлъ, о какихъ упоминаетъ исторія». Онъ предалъ Венецію Австріи и «обманулъ молодыхъ энтузіастовъ, отворившихъ ворота его арміи». Если таковы «благородныя и святыя намеренія», осуществить которыя Франція считаетъ, по мнѣнію итальянцевъ, своею обязанностью, то можетъ быть онъ не ошибается; но такія намеренія не должны ожидать себѣ никакой помощи отъ Англіи. Если же, какъ надобно скорѣ думать, «Итальянецъ» желаетъ видѣть въ насъ вѣру, что нынѣшнее намереніе Франціи состоитъ въ томъ, чтобы, по примѣру Наполеона I, покрыть Италію демократическими республиками, мы желали бы нѣкоторыхъ доказательствъ на то. Правленіе французскихъ владѣній въ Италіи всегда слѣдовало формѣ правленія, существовавшего въ самой Франціи, съ такою же точностью, какъ полиція принимаетъ цвѣтъ скалы, за которую держится. Пока во Франціи была республика, ея итальянскія завоеванія также были республиками; когда Франція сдѣлалась имперією, республики стали королевствами. Теперь Франція управляется императоромъ. Можно ли предположить, чтобы вторая имперія захотѣла, въ противность примѣру первой, потерпѣть итальянскія республики, которыя были бы живою сатирою на нее? Папское и австрійское правленіе не нравится нашему «Итальянцу»; но какія черты превосходства надъ австрійскимъ правленіемъ можетъ онъ указать въ нынѣшнемъ французскомъ правленіи? Развѣ во Франціи больше свободы перу и слову, нежели въ Австріи? Развѣ личная свобода лучше обезпечена? Ему не нравится папское правленіе. Но Франція имѣетъ лагерь въ Римѣ. Способъ, какимъ она вошла въ него, десять лѣтъ тому назадъ, не предвѣщаетъ особенно хорошихъ шансовъ для демократической республики; а опора, которую она въ теченіе десяти лѣтъ даетъ своимъ вооруженнымъ виѣшателствомъ правительству папы, единственнымъ средствомъ къ укрощенію римлянъ считающему содержаніе ихъ въ бѣдномъ и жалкомъ положеніи, — эта поддержка не ободряетъ насъ къ большимъ надеждамъ о происхожденіи хорошаго правленія изъ такого источника. Скорѣ мы думали бы, что Франція не готовить для Италіи ничего, кромѣ той правительственной системы правленія перваго Наполеона, о которой нашъ корреспондентъ говоритъ такъ прекрасно. Изъ этого мы заключаемъ, что мы не призваны помогать Франціи, т. е. императору французовъ, въ ниспроверженіи нынѣшнихъ итальянскихъ правительствъ, потому что не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы его намеренія простирались далѣе замѣны прежнихъ формъ новыми, совершенно такими же.

В. ИЗЪ ПРЕНІЙ ОБЪ АДРЕСѢ ВЪ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ (ЗАСѢДАНІЕ 3-ГО
ФЕВРАЛЯ 1859 ГОДА). ПОЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

1. ИЗЪ РѢЧИ ЛОРДА ПАЛЬМЕРСТОНА.

«Судя по слухамъ, есть вѣроятность большой европейской войны, начинающейся столкновениемъ въ Италіи между Франціею и Сардиніею съ одной стороны и Австріею съ другой; предметомъ войны будетъ, я полагаю, изгнаніе Австріи за итальянскія границы. Многие думаютъ, и я въ томъ числѣ, что надобно чрезвычайно желать, въ интересахъ не только Италіи, но и самой Австріи, чтобы она не владѣла этими провинціями на югъ отъ Альновъ. Я не думаю, чтобы эти владѣнія увеличивали ея могущество. Я увѣренъ, что они ставятъ ее въ такое положеніе, которое дѣлаетъ ее предметомъ ненависти для многихъ и внушаетъ ей такую политику, отъ которой благоразумное правительство захотѣло бы удержаться. Но мы должны помнить, что она владѣтъ этими провинціями по трактату 1815 года (послѣ этого Пальмерстонъ говоритъ, что трактаты не могутъ быть произвольно нарушаемы). Нельзя было бы сказать, къ чему привело бы правило не признавать трактатовъ. Начинать войну нельзя легкомысленно. Легко начать ее; но невозможно сказать, каковы будутъ ея размѣры. Война между двумя такими могущественными державами, какъ Франція и Австрія, можетъ начаться изъ-за вопроса только о владѣніи Ломбардіею. Но сказать, какія державы могутъ на послѣдокъ быть вовлечены въ такой споръ, это выше человѣческой проникательности. Слѣдовательно тѣ, которые хотѣли бы возбудить или начать такую войну, должны были бы хорошенъко взвѣсить отвѣтственность, лежащую на государственныхъ людяхъ. Начинать такую войну, значило бы вовлечь Европу въ бѣдствіа, которыя трудно описать,—вовлечь потакой причинѣ, которая не въ состояніи оправдать подобной войны, хотя и представляется хорошею въ абстрактной теоріи. Но я долженъ также сказать, что если Австрія опирается на прочное договорное право относительно провинцій, данныхъ ей трактатами, въ которыхъ участвовали всѣ европейскія державы, то у ней нѣтъ этого права, когда она переходитъ за границы, опредѣленныя этими трактатами; занятіе другихъ частей Италіи, не принадлежащихъ ей, не оправдывается никакимъ договорнымъ правомъ. Я надѣялся бы, что хотя не будетъ войны (я вѣрю, что не будетъ войны),—я надѣялся бы, что эти предметы будутъ приняты въ соображеніе различными европейскими правительствами и будутъ приняты мѣры для прекращенія исключительнаго положенія вещей, которое возникаетъ изъ занятія папскихъ земель австрійскими войсками съ одной стороны и французскими войсками съ другой. Это положеніе вещей продолжается уже много времени. Оно—уклоненіе отъ нормальнаго положенія вещей. Оно не нарушаетъ никакого трактата. Это правда; но оно и не узаконено никакимъ трактатомъ. Въ оправда-

не говорить, что если бы чужеземныя войска были выведены, въ римскомъ и въ неаполитанскомъ государствахъ вспыхнула бы революція. Но я предложилъ бы средство лучшее, нежели занятіе земли иностранными войсками. Я предложилъ бы исправленіе недостатковъ, которые привели къ нему; пусть только эти правительства примутъ со-вѣтъ, данный имъ еще въ 1832 году пятью великими державами; пусть они преобразуютъ свою систему, пусть они положатъ конецъ тираническимъ злоупотребленіямъ, угнетающимъ и ожесточающимъ народъ, и тогда не будетъ революціи, тогда занятіе иностранными войсками можетъ прекратиться, и внутреннее спокойствіе тѣхъ странъ перестанетъ быть въ опасности. Но если эти государства не положатъ конца нынѣшней системѣ, пусть они подвергаются ея послѣдствіямъ. Потому я присоединяюсь ко всѣмъ людямъ разсудительнаго ума, въ отвращеніи отъ этой войны, слухи о которой разнеслись повсюду, и выражаю надежду, что проникательность правителей и здравый смыслъ націй будутъ стремиться къ сохраненію европейскаго мира.»

2. изъ рѣчи д'Израэли.

«Мы откровенно сообщили Франціи и Австріи нашъ взглядъ на ихъ положеніе въ Италіи, бывшее поводомъ къ этому несчастному соперничеству и несогласію. Мытакжепризнаемъ неудовлетворительноеположеніе многихъ частей Италіи, какъ и благородный лордъ (Пальмерстонъ). Я думаю, что палата согласна съ благороднымъ лордомъ въ его порицаніи каждаго постука, которымъ нарушились бы важныя трактаты, ограждающіе спокойствіе Европы, какая бы держава ни поступила подобнымъ образомъ. Но благородный лордъ справедливо замѣчаетъ, и всѣ здравомыслящіе люди согласятся съ нимъ, что состояніе центральной Италіи чрезвычайно неудовлетворительно и что эта неудовлетворительность очень мало связана, или вовсе не связана съ важными трактатами, силу которыхъ благородный лордъ, подобно всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, желаетъ охранить. Настоящее правительство давно замѣчало, и его предшественники также замѣчали неудовлетворительность въ положеніи дѣлъ центральной Италіи. Но въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ, возбуждавшихъ между иноземными державами недовольство ихъ положеніемъ? Причина въ томъ, что центральная Италія занята арміями двухъ великихъ военныхъ державъ Европы. Эти державы — Франція и Австрія, взаимное соперничество и недо-вѣріе которыхъ поражаетъ столько опасностей. При этихъ обстоятельствахъ, мы сообщили нашимъ союзникамъ, Франціи и Австріи,—и не только этимъ двумъ державамъ, но также и дворамъ туринскому, берлинскому и санктпетербургскому, что состояніе центральной Италіи неудовлетворительно, и чрезвычайно полезно было бы принять мѣры для устраненія давнихъ причинъ общественнаго неудовольствія и безпокойствъ для всей Европы. Но мы съ такой же откровенностью и твердостью выразили наше мнѣніе, что эти великіе и благо-

дѣтельные результаты не могутъ быть достигнуты низверженіемъ существующаго порядка, основаннаго на договорахъ, а скорѣе обращеніемъ вліянія государствъ, заинтересованныхъ въ итальянскомъ вопросѣ, на улучшеніе состоянія центральной Италіи. Стараясь и во Франціи и въ Австріи отнравить недоверіе, возникшее между ними, представляя имъ всѣ соображенія для сохраненія мира, мы также говорили этимъ двумъ великимъ державамъ объ обязанности ихъ замѣнить непріязненный споръ за военное владычество въ Италіи благороднымъ соревнованіемъ о содѣйствіи интересамъ Италіи и улучшеніи ея положенія. Мы указывали Франціи и Австріи, что особенность ихъ положенія, — одна изъ нихъ владѣтъ частью Италіи, другая занимается древнюю столицу Италіи, оба онѣ старшія дочери католической церкви, — мы указывали имъ, что такая особенность положенія ставитъ первую обязанностью ихъ вступить въ совѣщаніе о томъ, не можетъ ли соединенное ихъ вліяніе склонить государей центральной Италіи къ такой политикѣ, которая устранила бы злоупотребленія и административные недостатки, признанные невыносимыми по общему мнѣнію. Мы не захотѣли присоединиться сами къ этимъ усиліямъ, не потому чтобы желали уклониться отъ отвѣтственности или отъ исполненія высокихъ обязанностей, лежащихъ въ эту критическую минуту на всѣхъ великихъ державахъ, но намъ казалось, что виѣшательство Англіи, протестантской державы, въ такіа дѣла можетъ быть фальшиво истолковано, и что лучше будетъ, если результаты, которыхъ желаетъ и Англія, осуществляются соединеннымъ вліяніемъ Франціи и Австріи. Безъ сомнѣнія таже мысль руководила Пруссіею и Россіею. Но удерживаясь отъ прямаго виѣшательства, не выступая на первый планъ, всячески убѣждая Францію и Австрію соединить свои усилія къ достиженію великаго результата, къ улучшенію итальянскихъ правительствъ, мы также сказали, что еслибы результатъ ихъ совѣщаній былъ, по ихъ мнѣнію, столь важенъ, что другія великія державы, подписавшія трактатъ 1815 года, должны были бы согласиться съ ними для достиженія дальнѣйшихъ цѣлей, если бы, напримѣръ, Франція и Австрія почли необходимымъ и полезнымъ произвести какія нибудь территоріальныя перемѣны въ центральной Италіи, то мы съ полною готовностью стали бы помогать имъ нашимъ совѣтомъ и вліяніемъ для произведенія такого результата, и стали бы склонять другія державы, участвовавшія въ договорахъ 1815 года, присоединиться къ этому дѣлу и помогать ему. Я думаю, что этотъ образъ дѣйствій будетъ одобренъ Палатою. Мы не можемъ думать, и ни одна разсудительный человекъ не можетъ думать, чтобы улучшеніе или возрожденіе Италіи могло быть достигнуто превращеніемъ ея снова въ поле битвъ. Рекомендуемая нами политика представляется столь здравой, умѣренной и согласной съ мнѣніями всѣхъ разсудительныхъ людей, что я не отчаиваюсь увидѣть ее принятою, и потому, хотя я допускаю, что дѣла находятся теперь въ критическомъ положеніи, но не соглашусь еще съ благороднымъ лордомъ (Пальмерстономъ), что война, и можетъ быть общаа европейская война, кажется теперь вѣроятною. Я

сказалъ, что мы сдѣлали туринскому двору представленія въ томъ же смыслѣ и съ тою же откровенностью и полнотою, какъ Франціи и Австріи. Устройство Сардиніи таково, что необходимо и натурально вызываетъ сочувствіе въ свободномъ парламентѣ; и нѣтъ въ Италіи государства, къ которому англійскія чувства были бы такъ расположены, какъ къ Сардиніи, особенно въ послѣдніе годы. Мы всѣ надѣялись, что Сардинія будетъ орудіемъ нравственнаго и матеріальнаго улучшенія для Италіи, по отношенію къ свободѣ и въ другихъ отношеніяхъ; и я не покину поспѣшно надеждъ, казавшихся столь основательными и бывшихъ столь ободрительными для каждой благородной души; но я хотѣлъ бы внушить этому миру для насъ государству, что на пути, по которому оно идетъ, терпѣніе должно быть добродѣтелью, стольже необходимою и драгоцѣнною, какъ энергія и предприимчивость, обнаруживаемыя Сардиніею; хотѣлъ бы внушить, что сохраненіемъ порядка, охраненіемъ своей политической свободы, приобрѣтеніемъ опытности въ пользованіи этою свободою, опытности, увеличивающейся въ ней съ каждымъ годомъ, она вѣрнѣе достигнетъ своей вѣчной цѣли, т. е. возрожденія Италіи, нежели могла бы достичь союзомъ съ какою нибудь великою державою, которая могла бы на минуту придать ей истинную силу, но вѣроятно только вовлекла бы ее въ ненатуральныя усилія,—а эти усилія могутъ кончиться ослабленіемъ маленькаго государства. Я обманулъ бы Палату, если бы сказалъ, что представленія нами сдѣланныя произвели уже дѣйствія столь полныя, какъ мы желали. Но они были сдѣланы откровенно, полно и свободно всѣмъ государствамъ Европы. (Тутъ Д'Израели утѣряетъ, что одна изъ причинъ, по которымъ онъ надѣется на сохраненіе мира, состоитъ въ его довѣрїи къ мудрости французскаго императора, искренно желающаго сохранить дружбу съ Англіею; онъ прибавляетъ, что слухи о намѣренїи Наполеона III при удобномъ случаѣ внезапно напасть на Англію, неосновательны, и что при нынѣшнемъ состоянїи англійскихъ войскъ нападеніе на Англію было бы безразсуднѣе, нежели когда нибудь; потомъ заключаетъ): Мы не вступали ни въ какіе союзы; мы не дѣлали никакихъ конвенцій по итальянскому вопросу, но дали всѣмъ замѣшаннымъ въ него державамъ одинъ и тотъ же откровенный, дружескій и искреннїй совѣтъ. Нашъ совѣтъ имѣетъ двѣ цѣли: во-первыхъ сохраненіе мира, во-вторыхъ улучшеніе состоянїя Италіи; и я не могу покинуть моего убѣжденія, что въ наше время, когда общественное мнѣніе, если не въ каждой странѣ всесильно, то въ каждой странѣ имѣетъ великую и благотѣльную власть, военная борьба не будетъ начата изъ прихоти склоняющей къ нападенію, но что всѣ великіе государи, гдѣ бы ни стоялъ ихъ престолъ, въ Англіи или въ Германіи, поймутъ что есть слава выше военной славы и есть источникъ могущества болѣе вѣрный, нежели хвастовство военною силою». (Далѣе слѣдуютъ, въ томъ же смыслѣ, философскія разсужденія, съ явнымъ отношеніемъ къ Наполеону III).

3. ИЗЪ РѢЧИ ЛОРДА РОССЕЛЯ.

«Есть въ тронной рѣчи предметъ, который долженъ служить не темой для будущихъ нашихъ разсужденій, какъ другіе предметы, которыхъ касается тронная рѣчь, но о которомъ, если надобно говорить, то надобно говорить нынѣ же; относительно этого предмета достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) желаетъ по возможности успокоить палату, но самъ чувствовалъ, что вовсе не могъ достаточно успокоить ее. Онъ сказалъ относительно возникновенія войны между двумя великими державами Европы, что усомнился бы сказать, что эта война вѣроятна, или что на миръ нѣтъ никакой надежды. Мнѣ кажется, что эти выраженія служатъ справедливою оцѣнкою нынѣшняго положенія дѣлъ, и что они вовсе не успокоительны. Я совершенно согласенъ почти съ каждымъ словомъ, сказаннымъ моимъ благороднымъ другомъ, депутатомъ Тайвертона (Пальмерстономъ) объ этомъ предметѣ. Я желалъ бы, чтобы въ 1815 году судьба сѣверныхъ провинцій Италіи была устроена какъ нибудь иначе. Я желалъ бы, чтобы, хотя въ послѣдніе годы, Австрія почла выгоднымъ отказаться отъ нѣкоторыхъ областей сѣверной Италіи. Но трактатъ, дающій ей эти области, принадлежитъ къ государственному праву Европы и не можетъ быть нарушенъ безъ прекращенія европейскаго мира. Потому я хотѣлъ бы надѣяться вмѣстѣ съ почтеннымъ джентльменомъ (Д'Израэли), что не будетъ легкомысленнаго нарушенія этого трактата. Но если бы нападеніе было сдѣлано съ цѣлью расширенія границъ, если бы Франція захотѣла присоединить къ себѣ какія нибудь области, а Сардинія увеличить свои владѣнія, отъ такихъ намѣреній нападеніе только сдѣлалось бы еще болѣе дурнымъ, нежели просто легкомысленное нарушеніе трактата. Я всегда чувствовалъ глубокую симпатію къ независимости и свободѣ Италіи; но я не могу сказать, чтобы дѣло итальянской свободы и независимости, по моему мнѣнію, получило пользу отъ такой войны, какую повидному хотятъ начать. Въ старинные дни вигистскаго клуба часто провозглашался тамъ тостъ: «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Когда мистеръ Кеннингъ сдѣлался иностраннымъ министромъ и былъ обѣдъ въ Гервичѣ, послѣ новаго выбора его въ депутаты, онъ также провозгласилъ тостъ «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Я также стою за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ; но клянуся жизнью, я не вижу, какимъ образомъ это дѣло могло бы выиграть отъ такого нападенія, о которомъ теперь говорятъ. Мы не имѣемъ права подвергать нашему разбору форму правительства, принятую у сосѣдней націи. Придавая высокую цѣну миру, проникаясь тѣмъ господствующимъ мнѣніемъ, что миръ должно сохранить, французская нація показываетъ свое сужденіе о состояніи, въ которомъ она находится, и не намъ спорить съ нею о формѣ ея правительства. Но если это правительство хочетъ вторгнуться въ другую страну съ цѣлью улучшить въ ней форму правительства, то мы имѣемъ

право спросить, выиграют ли свобода и независимость этой страны от такого нападения. По всемъ этимъ причинамъ я долженъ осудить предполагаемую войну, какъ нарушение европейскаго мира, какъ чрезвычайно дурной примѣръ, колеблющій довѣріе ко всемъ трактатамъ, на которыхъ основанъ миръ Европы. Но мы не должны пытаться,—и ни дѣло мира, ни дѣло будущаго благосостоянія Европы, не получать никакой выгоды, если мы будемъ пытаться закрывать глаза, чтобы не видѣть тѣхъ важныхъ бѣдствій и страданій, которымъ подвергнута Италія. Съ перваго же года по заключеніи Вѣнскаго трактата, Австрія стала стремиться къ тому, чтобы управлять цѣлою Италіей; она своимъ вмѣшательствомъ отклоняла неаполитанскаго короля отъ введенія въ его королевство учрежденій, основанныхъ на принципахъ не похожихъ на принципы, господствовавшіе въ Австріи; и когда, въ 1821 году, неаполитанскій народъ сдѣлалъ попытки, чтобы улучшить свои учрежденія и имѣть прадставительное собраніе, что было сдѣлано? Австрійская армія вошла въ Неаполь и 40,000 войска было поставлено въ этомъ королевствѣ, чтобы лишить неаполитанскій народъ тѣхъ учрежденій и законовъ, какіе онъ считалъ лучшими. Лордъ Кестельри при этомъ случаѣ отъ имени британскаго правительства объявилъ, — это можно назвать протестомъ,—что британское правительство не можетъ одобрить принципа, по которому было сдѣлано это вторженіе. Потомъ, когда пармскій народъ, страдавшій тогда подъ самымъ дурнымъ правительствомъ, подъ властью самой дурной аристократіи и самаго дурнаго духовенства въ цѣлой Европѣ, хотѣлъ улучшить свое положеніе, 12,000 австрійскаго войска вошли въ эту страну, чтобы не допустить народъ къ улучшенію своихъ учрежденій. Въ 1831 году опять было такое же вмѣшательство; правда, былъ данъ совѣтъ напѣ, но въ тоже время были употреблены насильственные средства. Въ 1848 году тосканскій народъ, среди общаго хаоса и смятенія, господствовавшаго на континентѣ, сталъ недоволенъ своимъ кроткимъ правительствомъ и учредилъ республику; но скоро онъ раскаялся въ своей опрометчивой революціи, уничтожилъ республиканское правленіе и возстановилъ власть великаго герцога. Тутъ мы увидѣли примѣръ того, что народъ по собственному согласію желалъ возвратиться къ той кроткой формѣ правленія, которую находилъ сообразнѣншею съ своимъ довольствомъ и благосостояніемъ; но этимъ не удовольствовались. Большой австрійскій отрядъ вошелъ въ Тоскану и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ, безъ всякой надобности и цѣли, кромѣ того, чтобы оскорблять этотъ кроткій и покорный народъ зрѣлищемъ чужеземнаго военнаго господства. И относительно центральной Италіи, о которой говорилъ достопочтенный джентльменъ (Д Израэли), надобно замѣтить, что соперничество Франціи было возбуждено именно этими австрійскими вмѣшательствами. Они были причиною того, что въ началѣ царствованія Луи-Филиппа было послано въ Анкону французское войско для противодѣйствія австрійскому вмѣшательству въ другихъ частяхъ Италіи. Въ 1848 году австрійскія войска также вмѣшались въ управленіе легатствами, и французскій отрядъ былъ немедленно посланъ

въ Римъ и овладѣлъ Римомъ; и по словамъ почти всѣхъ тогдашнихъ официальныхъ представителей Франціи, это было сдѣлано единственно потому, что Франція не могла допустить Австрію имѣть полную власть надъ Италіей. Но соперничество этихъ двухъ великихъ державъ имѣло результатомъ бѣдствія несчастнаго народа, надъ которымъ военной силой было поставлено правительство самое ненавистнѣйшее ему. Надобно замѣтить, что императоръ французовъ самъ написалъ письмо, въ которомъ указывалъ, какими средствами можно улучшить положеніе римскаго народа, — онъ совѣтовалъ ввести наполеоновскій кодексъ, свѣтскую администрацію и т. п. Но этотъ совѣтъ не былъ принятъ. Австрійское правительство во многихъ отношеніяхъ можно назвать просвѣщеннымъ. Но въ Болоннѣ и Анконѣ не австрійское правительство, тамъ только австрійское войско, а въ Римѣ французское войско; и этими войсками поддерживается въ Папской Области самое худшее правленіе, какое только существовало въ ней. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть прочтетъ сочиненія о Папской Области. Я самъ слышалъ, какъ были разрушены всѣ попытки къ улучшенію. Народъ говорилъ: «дайте намъ свѣтскую администрацію и замѣните чиновниковъ-монаховъ свѣтскими чиновниками.» Посланы были свѣтскіе чиновники, но люди такого рода, что бѣдный народъ сказалъ: «дайте намъ опять монаховъ, дайте намъ кардинала или кого угодно, лишь смѣните ихъ». Изъ этого выводять доказательство, что народъ не хочетъ свѣтскаго правительства. Такимъ же образомъ выводять, что народъ не желаетъ муниципальных учреждений. До французской революціи были муниципальные учрежденія и народъ управлялъ многими изъ своихъ дѣлъ. Французы разрушили всѣ эти муниципальные учрежденія, но замѣнили ихъ хорошою администраціею, или что называется просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Съ 1852 года они не имѣютъ ни муниципальных учреждений, ни просвѣщеннаго деспотизма; они имѣютъ всевозможное взяточничество и притѣсненіе. Два года тому назадъ я читалъ Палатѣ достоверное свидѣтельство о томъ, что въ Папской Области сознаніе у преступниковъ вынуждается пыткой. Удивительно-ли, что народъ, управляемый такимъ образомъ, при помощи иностранныхъ войскъ, недоволенъ правительствомъ и готовъ на все, лишь бы прекратилось нынѣшнее состояніе! Какъ же помочь этому? Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) говоритъ, что былъ поданъ совѣтъ, чтобы Австрія и Франція придумали иѣры, указали средства къ улучшенію судоустройства и администраціи. Совѣтъ очень хорошъ, но есть планъ, который лучше всякаго другаго: онъ состоитъ въ томъ, чтобы народу дали самому устроить свои законы. Я недавно читалъ брошюру Фарини. Синьоръ Фарини говоритъ: «По парижскому трактату жителямъ Молдавіи и Валахіи дозволяется собраться для соображенія, какъ устроить свое правленіе. Почему бы намъ не позволить того же? Почему бы жителямъ Романьи не позволить собраться и объявить, подъ какими законами они хотѣли бы жить? Мнѣ кажется, что синьоръ Фарини совершенно правъ; и въ рѣчи королевы вы слышали объявленіе, что пред-

ставители Дунайскихъ Княжествъ собрались и установили себѣ законы. Я убѣжденъ, что народъ центральной Итали, — народъ, 500 лѣтъ славившійся въ литературѣ, 500 лѣтъ бывшій просвѣщеннымъ народомъ и потому далеко превосходящій жителей Дунайскихъ Княжествъ, — что этотъ народъ, если иностранныя войска будутъ выведены, — я убѣжденъ, что если это сдѣлается, то народъ Напской Области скоро установитъ такіе законы для своего правленія, результатомъ которыхъ будетъ общее довольство и благосостояніе. Позвольте жителямъ Болоньи, позвольте жителямъ Романьи составить для себя законы, и я увѣренъ, что затруднительность итальянскаго вопроса почти исчезнетъ. Я думаю, что въ такомъ случаѣ не было бы надобности въ кровавой войнѣ, отъ которой не выиграетъ ни свобода и отъ которой, опасаясь я, едва ли пріобрѣтутъ они независимость. Я согласенъ съ достопочтеннымъ джентльменомъ (Д'Израэли), съ моимъ благороднымъ другомъ (Пальмерстономъ) и со всею Палатою въ надеждѣ, что такое страшное бѣдствіе, какъ война, не посѣтитъ Европу. Я не могу вѣрить, чтобы была достаточная причина для нея. Вы сказали въ парижскомъ трактатѣ, и сказали очень благоразумно, что не должно быть никакого внимательства иноземной вооруженной силы въ дѣла Дунайскихъ Княжествъ, въ дѣла Сербіи, иначе, какъ по согласію на такое внимательство всѣхъ державъ, бывшихъ участниками договора. Почему не сказать того же самаго о всѣхъ итальянскихъ государствахъ? Почему не сказать, что ни въ Церковную Область, ни въ Тоскану, ни въ Неаполь не должны вступать иноземныя войска иначе, какъ по согласію европейскихъ державъ? Я не думаю, чтобы какой бы то ни было планъ, составленный австрійскимъ правительствомъ, или французскимъ правительствомъ, для управленія Напскою Областью, могъ имѣть успѣхъ, потому что напское правительство имѣетъ довольно таланта и хитрости, чтобы разстроивать всякія новыя распоряженія и уклоняться отъ нихъ».

С. БИЛЛЬ БРАЙТА, ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЕГО РѢЧИ НА БРЕДФОРДСКОМЪ МИТИНГѢ (ПО ОТЧЕТУ TIMES'А).

«Я предполагаю, что мы всѣ реформеры; нѣтъ человѣка, который не былъ бы за парламентскую реформу. А если каждый за реформу, то зачѣмъ же мы предостерегаемъ народъ противъ обмана? Замѣчали ли вы разсужденія газетъ о реформѣ и образѣ нашихъ дѣйствій въ послѣдніе три мѣсяца? Я готовъ допустить, что выражался не всегда хорошо (нѣтъ, нѣтъ), но все-таки объясненія многихъ газетъ были внушены не честнымъ желаніемъ дружески указать ошибки, въ которыя могъ я впасть, а глубокимъ чувствомъ вражды. Замѣчали ли вы также паническій страхъ, овладѣвшій нѣкоторыми членами Палаты Лордовъ? Эти нобльмены воображаютъ, что нашъ народъ можно удержать отъ стремленія къ великой цѣли, приписывая мнѣ выраженія, которыхъ цѣль я ни мало не одобряю.

«Великій вопросъ, разсуждать о которомъ мы собрались, можетъ быть раздѣленъ на три части:

«Во-первыхъ, какъ поступить относительно расширенія границъ избирательнаго права?

«Во-вторыхъ, надобно ли произвести какую нибудь перепись по способу подачи голосовъ?

«Въ-третьихъ, какія мѣры надобно принять, чтобы взять депутатовъ отъ мѣстъ и населеній, совершенно неспособныхъ хорошо пользоваться правомъ выбора, и какими новыми или старыми большими городами, или промышленностями и населеніями должны быть потоки переданы эти депутаты?

«Послѣдній вопросъ будетъ главнымъ предметомъ моей нынѣшней рѣчи; но прежде я долженъ также сказать по нѣсколькимъ словъ о первомъ и второмъ.

«Главное мое возраженіе противъ нынѣшняго ценза въ томъ, что онъ исключаетъ отъ выборовъ многочислѣннѣйшій классъ. Жильцы квартиръ въ 10 фунтовъ вообще не принадлежатъ къ сословію, получающему заработную плату. Предметомъ реформы 1832 года было — не дать голоса классу работниковъ. Я не осуждаю этотъ билль или его составителей; я не спору, что онъ былъ великою мѣрою, какъ первый шагъ нашъ къ распространенію политическихъ правъ въ народъ; но дѣло въ томъ, что онъ исключаетъ обширный классъ работниковъ, и я утверждаю, что такое исключеніе обидно для всѣхъ другихъ честныхъ классовъ и громадная несправедливость къ тому классу, до котораго непосредственно относится. Нѣтъ необходимости, чтобы каждый имѣлъ голосъ; но необходимо, для удовлетворенія здраваго смысла и справедливости, чтобы избирательное право было распределено безобидно и съ возможной соразмѣрностью между всѣми классами націй. Какъ достигъ этой цѣли? Я думаю, что мы должны принять какой нибудь широкій и общій, всеобъемлющій принципъ. Я рекомендовалъ, чтобы участіе въ парламентскихъ выборахъ было дано всѣмъ, трудъ которыхъ облагается податью на пособіе бѣднѣйшимъ и безнадежно больнымъ людямъ. Я знаю, что въ Бредфордѣ многіе джентльмены расположены въ пользу того, чтобы голосъ былъ данъ каждому, имѣющему свое домашнее хозяйство. Я не вижу существенной разницы между этими двумя предложеніями, и если я не требую отъ каждаго, расположеннаго въ пользу голоса по хозяйству, идти со мною за голосъ по подати, то самъ я съ величайшимъ удовольствіемъ пойду съ ними за голосъ по хозяйству, который онъ предпочитаетъ. Единственная разница между этими двумя основаніями, сколько я могу видѣть, клонится въ пользу принимаемаго мною. Голосъ по хозяйству исключалъ бы каждаго, кто не имѣетъ особенной своей квартиры. Я предполагаю, что приверженцы голоса по хозяйству не желаютъ исключить отъ выборовъ людей, живущихъ на квартирахъ у своихъ друзей. Я принимаю, какъ я говорилъ прежде, тотъ цензъ, который Фоксъ и покойный лордъ Грей предлагали въ 1797 году, лордъ Дер-

гемъ предлагалъ во время билля о реформѣ въ 1832 году и защищалъ почти всѣ важнѣйшіе реформеры послѣднихъ 60 лѣтъ. Я думаю, что если будетъ установленъ такой ценсъ, то во всемъ королевствѣ будетъ чувствоваться невозмутимая увѣренность, что по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ парламентъ оказалъ полную справедливость всѣмъ классамъ народа. Я совершенно готовъ принять къ этому общему правилу всякія дополненія, для доставленія участія въ выборахъ лицамъ, желающимъ того, и я увѣренъ, что значительная часть лицъ, пользующихся теперь правомъ выбора, не будутъ вполне довольны никакою мѣрою, которая была бы скупа на отличіе, драгоцѣнное для гражданъ свободной страны. Сильный авторитетъ (газета *Times*) говоритъ мнѣ, что отъ столь обширнаго распространенія ценса возникнетъ опасность. Я кратко опредѣляю дѣйствительную границу предлагаемаго расширенія. Я полагаю, что въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ рабочій классъ составляетъ особенно большую пропорцію населенія, число избирателей увеличится втрое. Но въ очень многихъ другихъ городахъ, — я полагаю во всѣхъ тѣхъ, которые не чисто мануфактурные города, число избирателей увеличится не больше, какъ вдвое; а взявъ вмѣстѣ всѣ города королевства, я думаю, что расширение будетъ почти въ два съ половиною раза сравнительно съ нынѣшнимъ числомъ избирателей. Могутъ сказать, что и это очень большое расширение, могутъ говорить: «кто знаетъ, что сдѣлаютъ новые избиратели». Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ? (хохотъ). Я совершенно увѣренъ, что изъ членовъ парламента нѣкоторымъ придется измѣнить тарифъ своихъ мнѣній, или они не попадутъ въ новый парламентъ (хохотъ и аплодисменты). Есть другіе члены, которыхъ полезно будетъ сохранить въ парламентѣ, но которые найдутъ свое положеніе въ немъ измѣнившимся. Но я полагаю, что вообще новыя избирательныя корпораціи будутъ дѣйствовать по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, которыми руководятся нынѣшніе избиратели. Или вы боитесь, что на улицахъ у васъ будутъ безпорядки? Вы слышали, что когда было предложено (въ 1832 году) дать двухъ депутатовъ городу Лидсу и установить десяти-фунтовый ценсъ, былъ банкиръ, который объявилъ, что будетъ не безопасно имѣть банкъ въ этомъ городѣ и что, если это предложеніе будетъ принято, онъ долженъ будетъ перенести свой банкъ, — вѣроятно, въ какую нибудь деревушку. Всѣ толки о безпокойствахъ отъ людей, имѣющихъ голосъ на выборахъ, — возникаютъ изъ незнанія, рѣшительно непонятнаго. Я всегда полагаю, что голосъ на выборахъ — символъ нравственной силы, въ противоположность физическому насилию. Я всегда полагалъ, что когда человѣкъ имѣетъ право подать свой голосъ, то мысль о насиліи исчезаетъ изъ его ума и дубина выпадаетъ изъ его рукъ (аплодисменты). Но мнѣ говорятъ, что новые избиратели поглотятъ нынѣшнихъ избирателей. Одинъ изъ моихъ лондонскихъ друзей писалъ мнѣ: «возбуждаютъ мнѣніе или опасеніе, что вашъ ценсъ поглотитъ лавочниковъ, и лавочники поднимаются противъ васъ». Но что говорили въ 1832 году? Говорили: не должно вводить въ ценсъ лавочниковъ, потому что лавоч-

ники поглотят кого-то выше них (хохотъ и аплодисменты). Я не думаю, чтобы булочники, бакалейщики и другіе лавочники въ Бредфордѣ или какомъ нибудь другомъ городѣ, составляли заговоръ для поглощенія людей съ большими капиталами, какъ на примѣръ оптовыхъ торговцевъ, мануфактуристовъ и т. д.; а если вы спуститесь по лѣстницѣ богатства, вы сойдете къ людямъ той же самой плоти, тѣхъ же семействъ, съ тѣми же интересами, тѣми же надеждами и опасеніями, къ людямъ читающимъ тѣ же газеты, узнающимъ изъ нихъ тѣ же факты. Вы можете быть не знаете, что при нынѣшнемъ ценѣ люди, занимающіе квартиры отъ 10 до 25 фунтовъ, составляютъ гораздо болѣе половины всѣхъ избирателей; но эти люди, съ ценсомъ менѣе 25 фунтовъ, не дѣлали ничего такого, чтобы поглотить людей съ ценсомъ выше 25 фунтовъ. И когда ценсъ спустится до 3 фунтовъ, или до голоса по хозяйству, или по подати, я думаю, что подобное опасеніе окажется такою же совершенною нелѣпостью, какъ оказалось опасеніе отъ ценса, установленнаго реформою 1832 года.

«Есть еще вопросъ о ценѣ для графствъ. До сихъ поръ онъ былъ, какъ говорится, болѣе консервативнаго характера, чѣмъ ценсъ въ городахъ. До реформы 1832 года онъ былъ основанъ на поземельной собственности; теперь онъ установленъ въ 50 фунтовъ наемной платы. Уже много лѣтъ предлагалось понизить его до той нормы, какъ въ городахъ. Я полагаю, что таково мнѣніе большинства настоящей Палаты Общинъ. Я думаю, что такой ценсъ найдетъ много сочувствія и въ городахъ, и въ графствахъ. Я вовсе не намѣренъ защищать или предлагать такихъ мѣръ, которыя были бы далеко впередъ общественнаго мнѣнія; напротивъ, я хочу идти наравнѣ съ нимъ и дѣйствовать согласно съ нимъ; потому буду совершенно доволенъ учрежденіемъ во всѣхъ графствахъ 10-ти фунтоваго ценса.

«Когда всѣ эти люди, не бывшіе избирателями, получаютъ голосъ, важнымъ становится вопросъ, какъ они будутъ подавать голосъ: такъ ли, какъ подавался голосъ до сихъ поръ, или могутъ получить обезпеченіе и защиту отъ посторонняго вліянія и угрозы черезъ введеніе баллотировки. Почти во всѣхъ странахъ, гдѣ есть представительная система, выборы производятся посредствомъ баллотировки. Помнится, я читалъ у какого-то историка Соединенныхъ Штатовъ, — надѣюсь, что никто не испугается ссылки на Соединенные Штаты (хохотъ), что свобода представительныхъ учрежденій зависитъ отъ баллотировки (аплодисменты). Люди богатые, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень храбры (хохотъ), — не нуждаются въ баллотировкѣ и не требуютъ ея; но почти всѣ тѣ, которые не богаты, считаютъ ее совершенной необходимостью, чтобы можно было имъ честно исполнять свою общественную обязанность на выборахъ (аплодисменты). Я думалъ бы, что скорѣе надобно принять во вниманіе мнѣніе тѣхъ, которые чувствуютъ необходимость баллотировки, нежели мнѣніе тѣхъ, для кого она всегда не будетъ важна. Опыты послѣднихъ 20 лѣтъ въ парламентскихъ выборахъ убѣдили меня, что не доставлю никакой пользы моимъ согражданамъ, которые много

получать право голоса, если право голоса будет имъ дано безъ защиты баллотировкою. Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что баллотировка будетъ принята въ скоромъ времени (аплодисменты). Теперь въ Палатѣ Общинъ болѣе 230 членовъ, подававшихъ голосъ за баллотировку; и каждые выборы до новой парламентской реформы будутъ увеличивать это число; а выборы послѣ реформы, если бѣ даже было возможно парламенту принять реформу безъ баллотировки, очень сильно увеличили бы число такихъ членовъ; и я совершенно увѣренъ, и полагаю, что точно также увѣренъ каждый разумный человѣкъ въ Палатѣ Общинъ, что теперь баллотировка почти въ рукахъ избирателей (аплодисменты).

«Перейдемъ теперь къ вопросу о распредѣленіи депутатовъ. Въ прежнихъ моихъ рѣчахъ я говорилъ объ этомъ только въ общихъ выраженіяхъ, потому что, вы сами увидите, никакихъ подробностей нельзя было сказать объ этомъ предметѣ, иначе какъ внимательно разсмотрѣвъ списокъ городовъ съ ихъ населеніемъ. Чтобы видѣть, у какихъ городовъ надобно взять депутатовъ, надобно было прежде сдѣлать внимательныя и подробныя изслѣдованія. Когда я ѣхалъ сюда, меня спросили, могу ли я сказать, каковъ будетъ билль правительства? Спрашивавшій меня объ этомъ былъ молодъ въ политикѣ. Я не посвященъ въ тайны министерства, но воспользуюсь случаемъ сказать, что ни одно изъ моихъ рѣшеній не было принято по чувству какой нибудь враждебности къ министерству лорда Дерби. Я знаю, что одна партія старается нанести уронъ другимъ и что почти каждое слово, сказанное человекомъ въ моемъ положеніи, можетъ быть перетолковано въ разныхъ смыслахъ; но опыту учить меня, что когда идетъ вопросъ о правительственныхъ формахъ, когда надобно осуществить въ законѣ великій принципъ, то, если вы желаете имѣть на вашей сторонѣ правительство, сердце и совѣсть народа, необходимо вамъ идти дорогою независимую отъ обѣихъ партій, идти прямымъ путемъ не къ цѣлямъ партій, а къ великой цѣли, къ которой стремится ваша мысль и мысль націи (аплодисменты).

Такъ вотъ есть разные способы произвести распредѣленіе депутатовъ, если будетъ новое распредѣленіе. Во-первыхъ, правительство или кто нибудь другой можетъ предложить, чтобы всѣ маленькіе города, которымъ никто не хочетъ оставлять особенныхъ депутатовъ, все таки удержали право выбирать депутатовъ въ соединеніи съ двумя или тремя деревенскими приходами, населеніе которыхъ вмѣстѣ съ населеніемъ такого маленькаго города составило бы цифру довольно значительную. Въ такомъ случаѣ и не было бы перемѣщенія депутатовъ. Мы имѣемъ такіе опыты въ нѣсколькихъ городахъ. Есть маленькій городъ, въ которомъ по улицамъ растетъ трава; по сосѣдству на 5 или на 6 миль во всѣ стороны двѣ три деревушки, нѣсколько фермъ, на каждой по нѣсколько жителей, гдѣ нибудь лавочка мастера, дѣлающаго колеса и т. д., — все это, сложенное вмѣстѣ, составляетъ парламентскій городъ и милордъ N или мистеръ N., который тутъ случится землевладѣльцемъ всего округа, одинъ составляетъ собою въ сущности всю избирательную кор-

порацію (хохоть). Намъ не стоитъ и безноточиться хлопотами о реформѣ, если мы желаемъ удовлетвориться биллемъ такого рода. Лучше ужъ намъ оставаться при нынѣшнемъ (*).

«Можно поступить съ маленькими городами другимъ образомъ. Можно соединить два или три вмѣстѣ, если они довольно близко, и тогда составитсѣ избирательная корпорація, болѣе многочисленная чѣмъ нынѣ; а въ тоже время опростаются нѣсколько депутатскихъ мѣстъ для раздачи по большимъ городамъ. Но такое группированіе имѣетъ большія неудобства. Каждый, кто былъ депутатомъ отъ корпораціи, состоящей изъ нѣсколькихъ городовъ, знаетъ эти неудобства. Въ каждомъ городѣ нужно имѣть особый комитетъ, и если несчастная система, имѣть повѣренныхъ адвокатовъ для управленія выборами, останется, то надобно имѣть въ каждомъ городѣ особеннаго повѣреннаго; а при всѣхъ этихъ хлопотахъ и издержкахъ окажется только, что вы связали вмѣстѣ три мертвыя тѣла въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ одно живое тѣло (хохотъ и аплодисменты).

«Есть еще другой способъ. Можно принять извѣстную норму и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой нормы; число такихъ маленькихъ городовъ будетъ велико, и депутатовъ, которыхъ вы возьмете у нихъ, вы раздѣлите между большими избирательными корпораціями: половину или три четверти изъ этого числа, или все это число депутатовъ вы можете отдать графствамъ; я долженъ полагать, что такой способъ парламентской реформы не будетъ удовлетворителенъ для массы людей желающихъ реформы (аплодисменты). Мы очень хорошо знаемъ, что значить давать депутатовъ графствамъ. Мы знаемъ, что черезъ это уничтожилась бы возможность дать депутатовъ тѣмъ большимъ городамъ, участіе которыхъ въ составѣ парламента слишкомъ мало по ихъ населенію, ихъ богатству, ихъ положенію и общей важности ихъ въ государствѣ. Реформа 1832 года дала 63 новыхъ депутата городамъ и, если не ошибаюсь, 65 графствамъ; и я полагаю, что съ той поры до нынѣшняго времени было между людьми, расположенными въ пользу реформы, всеобщее мнѣніе, что реформа 1832 года дала слишкомъ большое вліяніе графствамъ и землевладѣтельской партіи при распредѣленіи депутатовъ. Я прошу васъ и вашихъ согражданъ во всемъ королевствѣ наблюдать за этимъ пунктомъ самыми недремлющими глазами, немилосердно отвергать какой угодно билль, какого угодно правительства, какъ бы ни увеличивалось имъ число избирателей, какъ бы велики въ немъ ни были кажущіяся уступки, если онъ не распредѣлитъ депутатовъ, взятыхъ у маленькихъ городовъ, главнымъ образомъ между большими городами (аплодисменты). Въ этомъ вопросѣ о распредѣленіи депутатовъ именно и есть душа вопроса о реформѣ (новые аплодисменты). Если вы не станете смотрѣть за этимъ, вы будете обмануты, и когда билль пройдетъ, вы можете быть обернетесь назадъ

(*) Этотъ способъ и слѣдующіе способы, опровергаемые Брайтомъ, нравятся старымъ партіямъ.

и станете горевать, что вы не въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь (вниманіе). Я теперь думаю объяснить, и какъ можно короче, какъ бы я предложилъ поступить относительно ценса, границъ его разширенія, и какъ бы я рекомендовалъ сдѣлать съ распредѣленіемъ депутатовъ (аплодисменты).

•Билль 1832 года наложилъ руку на 56 городковъ и совсѣмъ отнялъ у нихъ депутатовъ; а прежде они выбирали 111 или 112 депутатовъ. Онъ наложилъ руку еще на 30 городковъ, изъ которыхъ иныхъ вы бы не нашли, если бы поѣхали въ тѣ мѣста взглянуть на нихъ (хохотъ). Такъ онъ наложилъ руку еще на 30 другихъ городковъ и взялъ у каждаго изъ нихъ одного изъ двухъ членовъ, и опросталъ еще два мѣста соединеніемъ трехъ или четырехъ городковъ. Всего опросталъ онъ 143 депутатскихъ мѣста. Вотъ, я предлагаю поступить по тому же правилу, какъ билль 1832 года, но ступить немножко дальше, впрочемъ, надѣюсь, ступить не дальше того, какъ требуется нуждами и желаніями нашей земли. По реформѣ 1832 года были взяты всѣ депутаты у городковъ съ населеніемъ меньше 2,000 человекъ; а изъ городковъ съ населеніемъ меньше 4,000 человекъ, избравшихъ по два депутата, былъ взятъ одинъ депутатъ. Въ биллѣ, который былъ предложенъ лордомъ Джономъ Росселемъ, и который, какъ вы знаете, не прошолъ, предлагалось отнять всѣхъ депутатовъ у городковъ съ населеніемъ меньше 5,000 и взять по одному изъ двухъ депутатовъ отъ городковъ съ населеніемъ меньше 10,000. Мы всѣ недавно читали въ газетѣ, чрезвычайно хорошей и пользующейся великимъ вліяніемъ, статью, въ которой давался совѣтъ, какъ поступить теперь. Эта газета была въ послѣднее время не очень ласкова ко мнѣ, да и не очень справедлива, — я не прошу ничего кромѣ справедливости (аплодисменты). Газета *Times* совѣтовала намъ подняться до 10,000 и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой линіи; этимъ получалось большое число депутатскихъ мѣстъ для дѣлежа между большими корпораціями. Хорошо Мнѣ казалось, что мѣра лорда Росселя недостаточна; а поднимать линію такъ высоко, какъ совѣтуетъ *Times*, я не считалъ нужнымъ; и пересматривая таблицу числа избирателей, я нашелъ, что если вы дойдете до 8,000, то всего будетъ ниже этой линіи 56 городковъ, изъ которыхъ 25 посылаютъ по одному депутату, а 31 по два депутата; а всѣ 56 городковъ посылаютъ 87 депутатовъ. Таже статья *Times*'а совѣтовала не давать больше одного депутата городамъ до 25,000 жителей. Я сдѣлалъ свои предположенія не по этимъ совѣтамъ, потому что мнѣ не случилось видѣть статью, когда она была напечатана. Я предполагаю взять депутатовъ у всѣхъ городовъ до 8,000 жителей, потомъ идти до 16,000 и оставить только по одному депутату всѣмъ городамъ до этого числа. Это дастъ вамъ еще 34 депутатскихъ мѣста къ прежнимъ 87, и если вы прибавите еще 4 депутатовъ, потерянныхъ по парламентскому рѣшенію двумя подкупными городами Сентъ-Альбансомъ и Садбери, то вы получите отъ городковъ Англіи и Уэльса 125 опроставшихся мѣстъ. Я хочу

объяснить вамъ, какъ надобно бы раздать эти мѣста, въ чемъ и состоитъ сущность дѣла.

(Брайтъ предлагаетъ распределить депутатовъ такъ, чтобы города отъ 16 до 25,000 жителей, имѣющіе теперь по одному или по два депутата, сохранили нынѣшнее число; города отъ 25 до 54,000 жителей должны имѣть по два депутата; изъ нихъ многіе имѣютъ только по одному. Города отъ 54 до 135,000 должны имѣть по три депутата; отъ 135 до 270,000—по четыре депутата. Наконецъ пять самыхъ большихъ городовъ: Манчестеръ, Финсбери, Мерильбонъ, Ливерпуль и Глазго, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ 1851 году болѣе 316,000 жителей, должны имѣть по шести депутатовъ. Читатель знаетъ, что Лондонъ, по отношенію къ парламентскимъ выборамъ, раздѣленъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая въ этомъ случаѣ называется особеннымъ городомъ. Финсбери и Мерильбонъ — именно такіа части Лондона. Третью часть Лондона, самую многочисленную, Тауэръ-Гемлестъ (болѣе 500,000 жителей), Брайтъ предлагаетъ раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ у каждой будетъ по четыре депутата. По отношенію къ парламентскимъ выборамъ, Лондономъ называется только одна часть этого города, именно Сити. Слишкомъ маленькіе города съ правомъ имѣть осбенныхъ депутатовъ находятся почти только въ собственной Англіи съ Уэльсомъ и почти однимъ этимъ изъ трехъ королевствъ доставляются Брайту всѣ упраздняемыя мѣста. Эти упраздненныя мѣста онъ раздаетъ шотландскимъ большимъ городамъ точно также, какъ англійскимъ. Прибавляя число депутатовъ тѣмъ собственно англійскимъ графствамъ, въ которыхъ населеніе особенно велико, онъ по такой же пропорціи увеличиваетъ число депутатовъ и отъ ирландскихъ графствъ. Мы опускаемъ много другихъ подробностей, относящихся въ частности къ тому или другому городу, къ тому или другому графству. Довольно сказать, что вообще Брайтъ предлагаетъ поставить равномерныя правила для Англіи, Шотландіи и Ирландіи, чтобы всѣ три королевства пользовались, по участию въ составѣ Палаты Общинъ, одинаковыми правами, съ уничтоженіемъ прежней несправедливой неодинаковости. Во многихъ случаяхъ онъ не предлагаетъ окончательнаго рѣшенія, говоря, что мѣстнымъ жителямъ надобно предоставить выбрать изъ нѣсколькихъ способовъ распредѣленія тотъ, который найдутъ они удобнымъ).

«Я боюсь, что рассказъ о содержаніи этихъ списковъ былъ, по необходимости, утомителенъ. («Нѣтъ» и аплодисменты), но этого перечня нельзя было избѣжать по той методѣ, которую поставилъ я себѣ для нынѣшнихъ объясненій съ вами. Можетъ быть иныя скажутъ, что я предполагаю дать слишкомъ много депутатовъ тѣмъ городамъ, для которыхъ полагаю четырехъ или шестерыхъ депутатовъ. Но я принималъ въ соображеніе не только населеніе, но и цѣнность ихъ имущества и количество налоговъ. Приведу вамъ два или три факта. Я предлагаю дать Манчестеру и Ливерпулю по шести депутатовъ, всего обоимъ городамъ двѣнадцать депутатовъ. Въ 1857 году эти два города платили прямыхъ налоговъ 897,000 фунтовъ, а всѣ тѣ города съ насе-

леніемъ меньше 8,000, у которыхъ я беру депутатовъ,—всѣ эти города, имѣвшіе 87 депутатовъ, сколько налоговъ платили они въ томъ же году? Всего только 221,000 фунтовъ (хохоть и аплодисменты). Стало быть четверо меньше Манчестера и Ливерпуля. Возьмемъ всѣ города до 25,000 жителей. Всѣ они вмѣстѣ платили 857,000 фунтовъ, т. е. меньше Манчестера и Ливерпуля. Потому я не боюсь, чтобы тотъ, кто просмотритъ мои таблицы, упрекнулъ меня, что я даю слишкомъ большое вліяніе населенію или богатству вашихъ большихъ городовъ. Если кто нибудь скажетъ вамъ, что это будетъ вредно, или что это само по себѣ дурно и несправедливо, тотъ или вовсе не хочетъ представительной системы, или вовсе не понимаетъ ея (Такъ, такъ!) Когда я предположилъ, или лучше, когда мнѣ предложили и я взялся, быть можетъ опрометчиво (нѣтъ!.. и громкіе аплодисменты), составить билль о реформѣ, я зналъ, какія тутъ представляются затрудненія. Я зналъ тогда, какъ знаю теперь, что при составленіи подобнаго плана нельзя найти неоспоримой нормы, точной нормы, на которой можно было бы остановиться и сказать: «вотъ это именно такъ слѣдуетъ, иначе быть не можетъ». Въ билль 1832 года не было ни одного пункта, не представлявшаго повода къ спору, и каждый пунктъ дѣйствительно оспаривался; и въ билль реформы 1859 года, — будетъ ли это мой планъ или планъ правительства, — каждый пунктъ точно также будетъ подлежать спору. Но я предлагаю своей родинѣ вопросъ не о томъ, слѣдуетъ ли вы какія нибудь маленькія перемѣны въ ту или другую сторону въ моемъ планѣ, — я предлагаю вопросъ только о томъ, считаете ли вы въ общихъ чертахъ этотъ планъ, который я составилъ, надъ которымъ я много думалъ, о которомъ я совѣтовался съ нѣкоторыми изъ разсудительнѣйшихъ друзей реформы въ нашей землѣ, — считаете ли вы годнымъ для нашей родины, въ общихъ его чертахъ, въ его цѣлости,—годится ли то, что онъ беретъ большія и свободныя избирательныя корпораціи и даетъ имъ приблизительно справедливую долю вліянія, такую долю вліянія въ великомъ національномъ совѣтѣ, на какую имѣютъ они право (сильныя аплодисменты). Нѣкоторые скажутъ вамъ, и на дняхъ же вы прочтете во многихъ газетахъ (хохоть), что я поступаю съ графствами не оправедливо, не пропорціонально ихъ населенію и богатству. Вотъ я вамъ скажу въ немногихъ словахъ свое мнѣніе объ этомъ. За исключеніемъ трехъ или четырехъ графствъ, гдѣ другіе интересы разрослись такъ широко, что переросли землевладѣльческую власть, депутаты отъ всѣхъ другихъ графствъ, какъ вы знаете, просто депутаты землевладѣльцевъ. Это говорить о нихъ и лордъ Дерби. Когда-то онъ сказалъ вамъ, что если кто скажетъ ему, каковы политическія мнѣнія трехъ или четырехъ большихъ землевладѣльцевъ какого нибудь графства, онъ беретъ сказать вамъ, каковы политическія мнѣнія депутатовъ этого графства (хохоть). Что тутъ спорить, — только спросите какого хотите фермера, они ли выбираютъ депутатовъ въ своемъ графствѣ? Фермеры знаютъ это лучше всѣхъ. И есть одна вещь, которой желаю я чуть ли не больше, чѣмъ всякой другой по этому дѣлу, — именно то,

чтобы пришло время, когда честные, умные, постоянно улучшающіе наше земледѣліе англійскіе землепашцы стали бы также независимы въ подачѣ голосовъ на выборахъ, какъ соотвѣтствующій имъ классъ городского населенія (аплдисменты). Вы читали газеты, вы видѣли холъ парламентскихъ преній, стало быть, вы не могли не замѣтить, что землевладѣльцы Палаты Общинъ по мнѣніямъ, образу дѣйствій, симпатіямъ и предразсудкамъ находятся въ очень близкомъ союзѣ съ землевладѣльцами Палаты Лордовъ. Вы знаете, что почти всѣ они — люди одного сословія, имѣютъ одинъ интересъ и служатъ представителями одного и того же рода собственности. Пары — представители землевладѣльцевъ. Сколько паровъ являются изъ Йоркшира представителями йоркширскихъ землевладѣльцевъ? Не умѣю вамъ сказать, но полагаю, что десяти пальцевъ у меня на рукахъ едва ли бы достало, чтобы сосчитать ихъ (хохотъ). Не скажетъ ли кто, что они не представители землевладѣльцевъ? Я уже предлагалъ этотъ вопросъ и жду отвѣта. Отъ кого же они представители, если не отъ землевладѣльцевъ? Или они представители торговцевъ? Скажите, есть ли въ Палатѣ Лордовъ торговцы? Они представляютъ землевладѣльцевъ. Я читалъ въ какой то газетѣ — не помню теперь, въ какой, — что они не представляютъ ни землевладѣльцевъ ни кого другого въ особенности, а всѣ интересы страны и что они сидятъ въ Палатѣ по древнему праву, котораго никто не можетъ отрицать. Я вовсе не отрицаю его, вовсе и не предполагаю тревожить ихъ. Есть у меня здѣсь выписка изъ замѣчательнаго парламентскаго акта, которая покажетъ намъ, чѣмъ представители служатъ пары. Это актъ присоединенія Ирландіи къ Великобританіи. Онъ говоритъ: «Двадцать восемь свѣтскихъ лордовъ Ирландіи, избираемые пожизненно парами Ирландіи, въ Палату Лордовъ.» Шотландскіе пары также избираютъ 16 паровъ въ парламентъ. Кого же они представляютъ, какъ не землевладѣльцевъ? (аплдисменты). Они имѣютъ въ своемъ представительствѣ ту огромную выгоду, что не сидятъ съ нами въ Палатѣ Общинъ, — я чуть было не сказалъ, жаль, что они не сидятъ съ нами (хохотъ), — тогда по крайней мѣрѣ не возвращались бы они изъ засѣданій въ 7 часовъ и пренія шли бы для нихъ не всегда такъ плавно, какъ въ ихъ ясной атмосферѣ. Они составляютъ особенную Палату однихъ, и что изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что представляя одинъ интересъ — только одинъ, — они имѣютъ безграничную силу въ защитѣ правъ и привилегій этого интереса; они имѣютъ въ десять разъ больше силы, нежели имѣли бы сидя съ нами въ Палатѣ Общинъ: вы не можете предложить никакого, даже самаго маленькаго, закона, безъ того, чтобы онъ не пошелъ черезъ нихъ, и по конституціи они имѣютъ такое же безусловное право отвергать всякій билль, какъ и сама Палата Общинъ. Вы недавно видѣли на яркомъ примѣрѣ, какъ они поступаютъ; онъ показываетъ, какая у нихъ власть. Я не поручусь, что онъ показываетъ также и ихъ разсудительность. Корона предположила сдѣлать знаменитаго юриста пожизненнымъ паромъ. Когда онъ пришелъ занять свое мѣсто въ Палатѣ, они его не допустили. Они начали составлять рѣшенія, назначать ко-

митеты, просто возмущились противъ короны, и корона по совѣту министровъ, которые, кажется мнѣ, обнаружили тутъ малодушіе, уступила имъ и сдѣлала лорда Уэнслидела не пожизненнымъ, а наследственнымъ пэромъ, и черезъ это повредила своему праву назначать пожизненныхъ пэровъ. Но лорды не удовольствовались тѣмъ, что сказали коронѣ: «ты не можешь ввести въ нашу палату никого, иначе какъ съ принципомъ наследственности». Они также обратились къ Палатѣ Общинъ и сказали: «хотя огромное большинство публики и огромное большинство васъ самихъ, джентльмены, давно желаетъ допустить въ вашу Палату барона Ротшильда, какъ доказываютъ ваши рѣшенія въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ, но, джентльмены, мы запрещаемъ вамъ это» (аплодисменты). Теперь, если графства требуютъ, — впрочемъ они еще не требовали, потому что я еще не видѣлъ большого митинга фермеровъ или земледѣльцевъ, и я не полагаю, чтобы при нынѣшнемъ положеніи вещей фермеры считали особенной выгодой для себя имѣть частые выборы или выбирать побольше представителей отъ своего графства,—но если бы графства потребовали бы и получили бы въ Палатѣ Общинъ пропорцію депутатовъ согласную съ ихъ населеніемъ, то придетъ время, и неизбежно придетъ, что города спросятъ: почему же одни только графства, одни большіе землевладѣльцы имѣютъ представителей въ Палатѣ Лордовъ? (сильные аплодисменты). Я не хочу поднимать этого вопроса, я на столько консерваторъ, что желаю сохранить существующія въ мое время учрежденія, пока они могутъ дѣйствовать безъ очевиднаго и серьезнаго вреда для государственныхъ интересовъ. Будемъ всячески стараться пожить еще съ Палатою Лордовъ; но дадимъ же себѣ дѣйствительныхъ представителей въ Палатѣ Общинъ (аплодисменты). А когда Палата Общинъ дѣйствительно будетъ вашею представительницею, то повѣрьте, лорды проснутъ, протрутъ себѣ глаза и замѣтятъ, что во многихъ важныхъ случаяхъ они ошибались. Они не то что откажутся сами отъ себя, но будутъ смотрѣть на народные интересы и народныя симпатіи не тѣми глазами, какъ теперь; да и чувствовать эти интересы поживѣе, нежели теперь, и у васъ надолго будетъ согласія съ Палатою Лордовъ въ законодательствѣ не меньше, нежели прежде (аплодисменты).

«Разсматривая предложеніе мое, надобно намъ спросить у самихъ себя: правда ли, что нынѣшнее представительство очень неудовлетворительно? А если оно не удовлетворительно. то пришло ли время принять мѣры, чтобы сдѣлать его удовлетворительнымъ? Я думаю, вся нація согласна, что нынѣшнее представительство неудовлетворительно. Это говоритъ лордъ Эбердинъ. Это говоритъ лордъ Джомъ Россель. Это говоритъ лордъ Пальмерстонъ, о которомъ впрочемъ его друзья утверждаютъ, что онъ не считаетъ этого дѣла столь важнымъ, какъ другіе государственные люди. Это говоритъ даже лордъ Дерби. Вспомните же, что никогда не бывало у насъ въ Англіи болѣе четырехъ членовъ, которые считались годными кандидатами въ первые министры (хохотъ). Всѣ эти высокіе авторитеты сходятся въ мнѣніи, что представительство у насъ неудовлетворительно и что очень пришла пора сдѣ-

дать въ немъ великое улучшеніе. А если пришла пора, такъ должны ли мы приниматься за дѣло, или только ворчать на принимающихся за него? Если мы не сдѣлаемъ его удовлетворительно, такъ лучше намъ и вовсе не приниматься за него. Постоянно тревожить эти вопросы вредно: прочность правительства имѣетъ большія выгоды, хотя бы форма его далеко не имѣла теоретическаго совершенства. Но каждое правительство можетъ быть низвергнуто, каждое государственное устройство можетъ быть разрушено, если постоянно потрясать его. Такъ; однако же намъ нужно такое правительство, которое народъ уважалъ бы, которому онъ довѣрялъ бы. Если вы не хотите получить хорошаго билля, то не нужно намъ вовсе никакого (аплодисменты). Дурной билль — я только повторяю слова, которыя сказалъ три мѣсяца назадъ, когда въ первый разъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ, — дурной билль становится революціоннымъ биллемъ; пустой билль можетъ и не быть революціоннымъ, но толку отъ него нѣтъ, а опасность бываетъ большая. Если будетъ принятъ дурной или пустой билль, вамъ опять придется начинать требованія въ парламентъ и пренія во всѣхъ концахъ страны, пока, наконецъ, всѣмъ опротивитъ возрастающій недостатокъ симпатій между управляющимъ классомъ и ими. И тогда можетъ встрѣтиться случай, какой нибудь періодъ раздраженія, когда пары и управляющій классъ могутъ подвергнуться обращенію гораздо менѣе мягкому, гораздо болѣе суровому, нежели то, что я предлагаю теперь (аплодисменты). Теперь, стоитъ ли мой билль того, чтобы хлопотать о немъ? Стоитъ ли онъ того, чтобы нація сдѣлала усиліе для его полученія? Когда я бралъ составлять билль, я говорилъ, что буду стараться не объ его теоретическомъ совершенствѣ, а о томъ, чтобы онъ былъ осуществимъ, чтобы онъ удовлетворялъ надобностямъ нынѣшняго случая, чтобы самые утѣренныя могли склониться къ поддержкѣ его и самые серьезныя, самые горячіе могли удовлетвориться имъ. Я представляю вамъ теперь этотъ билль, потому что считаю такую мѣру необходимой, думаю, что ей слѣдуетъ пройти черезъ парламентъ, и думаю, что англійскій народъ такъ поддержитъ его, что парламентъ не откажетъ въ своемъ утвержденіи. Это дѣло въ рукахъ у городовъ Англіи: будутъ ли они составлять рѣшенія, подавать просьбы, будутъ ли они представлять своимъ депутатамъ, каковы ихъ желанія по этому великому вопросу? Разные журналисты рѣшили, что я не государственный человѣкъ. Я никогда не претендовалъ быть государственнымъ человѣкомъ. Я гражданинъ, одинъ изъ васъ (аплодисменты). Я бессиленъ въ этомъ дѣлѣ, если я одинъ. Лордъ Грей, при своемъ высокомъ санѣ, своихъ великихъ талантахъ, своей великой репутаціи, своемъ вліяніи на страну не могъ бы провести билль 1832 года, если бы народъ не потребовалъ въ одинъ голосъ, чтобы этотъ билль сдѣлался англійскимъ закономъ. Не предполагайте, что я останусь одинъ. Если народъ скажетъ свою волю, есть важные люди, симпатія которыхъ съ нами—они наблюдаютъ признаки времени, ждутъ извѣстій о такихъ митингахъ, какъ вотъ этотъ, который будетъ имѣть большое вліяніе на ихъ рѣшеніе. Если есть большая армія, найдутся генералы и полководцы. Не сомнѣвайтесь, между аристократическими фамиліями

найдется не одна такая, которая не измѣнитъ своей исторической репутаціи (аплодисменты). Пусть нація скажетъ свою волю, и слово ея вѣрное будетъ исполнено. Лично про себя я скажу, что три послѣдніе мѣсяца я былъ предметомъ многихъ порицаній и большой клеветы; но я перетерпѣлъ все это и прежде по другому дѣлу (аплодисменты). Въ послѣдній разъ передъ этимъ я говорилъ съ Бредфорлскими людьми, когда былъ сотрудникомъ человѣка въ глубокой проникательности, свѣтлымъ сужденіемъ, съ обширнымъ знаніемъ, съ убѣдительною рѣчью. Развѣ мы не подвергались тѣмъ же порицаніямъ, тѣмъ же клеветамъ? А все таки, развѣ мы не получили успѣха и развѣ теперь въ вознагражденіе за все, что перетерпѣли, не имѣемъ мы той дорогой мысли, что нѣтъ на нашей родинѣ руки, отирающей трудовой потъ съ лица, работа которой не была бы облегчена и вознагражденіе которой не было увеличено черезъ тѣ непріятности, которыя мы съ радостью терпѣли? (аплодисменты). Въ своихъ рѣчахъ по этому дѣлу я не нападалъ ни на кого лично. Нашелся шотландскій лордъ, сказавшій большому обществу, что я подвергся наказанію Божию и страдаю разстройствомъ ума. Его друзья пусть скажутъ, можетъ ли онъ когда нибудь подвергнуться такому несчастію (хохотъ). Другой нобльменъ говорить, что я разрушитель собственности и измѣнникъ своему сословію. На подобныя слова я не отвѣчаю (аплодисменты). Есть нѣсколько великихъ людей и есть много хорошихъ людей въ рядахъ англійской аристократіи. Есть въ ней такіе люди, которые были бы знатны, хотя бы не было ни отличій, ни привилегій дворянству; но даже и ихъ добродѣтели не могутъ долго поддержать ихъ сословіе противъ опасной защиты, которой оно теперь подвергается (аплодисменты). Потому совѣтую имъ отозвать назадъ вонтелей, которые каждымъ своимъ подвигомъ обнаруживаютъ соединеніе наслѣдственной знатности съ умственной нищетой и недостатокъ джентльменскихъ привычекъ и правилъ между членами аристократіи (аплодисменты и хохотъ). Я не хочу задерживать хода этихъ великихъ преній личными спорами. Я отряхну съ себя жалкихъ ругателей, которыхъ натура въ томъ, чтобы лаять и рычать на защитниковъ каждаго великаго и добраго дѣла (аплодисменты.) Я обращаюсь къ великой націи въ великомъ дѣлѣ. Это не шутки, — я говорю, потому что убѣжденъ. Все мое краснорѣчіе только въ сердечной любви къ правдѣ, а факты и доказательства мои доступны уму, говорятъ сердцу моихъ согражданъ (аплодисменты). Я безсиленъ, какъ отдѣльный человѣкъ; мои сограждане — нація, и всесильны; имъ и вамъ я вручаю исходъ и судьбу этого великаго вопроса.

(«Мистеръ Брайтъ возвращается на свое мѣсто при сильныхъ и продолжительныхъ аплодисментахъ»).

Д. СТАТЬЯ TIMES'А О НАМѢРЕНІИ МИНИСТЕРСТВА ОТЛОЖИТЬ БИЛЛЬ О РЕФОРМѢ.

«Министерство намѣрено произвести любопытный опытъ надъ тем-ераментомъ публики; этотъ опытъ звучитъ въ англійскихъ ушахъ

скорѣе литературнымъ, нежели политическимъ удовольствіемъ. Мы съ сочувствуемъ остроумной дамѣ, которая въ продолженіе тысячи ночей съ опасностью жизни развлекала своего владыку; намъ помнится, что еще живѣе сочувствовали мы положенію другой дамы, безпрестанно кричавшей: «сестра Анна, сестра Анна, не видишь ли ты чего нибудь! между тѣмъ какъ синебородый мужъ ея стоялъ надъ ней съ занесеннымъ кинжаломъ. Мы можемъ обѣщать себѣ много удовольствія отъ богатой изобрѣтательности мистера Д'Израэли и вѣрнаго такта главы министерства. Сколько разъ прійдется публикѣ услаждаться новыми разсказами путешествій Синдабада, о приключеніяхъ новыхъ кривыхъ Календеровъ, или какого нибудь Бармекида, для отвлеченія насъ отъ мыслей, что насъ морятъ политическою діатетой! Какъ часто будетъ являться на горизонтѣ облако пыли, за которымъ окажется стадо барановъ, или невинный караванъ! Если есть на свѣтѣ два человѣка, которые могли бы пріятно и не совсѣмъ бесполезно оттянуть у націи три или шесть мѣсяцевъ своею болтовнею, мы знаемъ, кто эти люди. Но мы сомнѣваемся въ возможности подобнаго подвига для кого бы то ни было изъ смертныхъ артистовъ. Тяжба языка съ потребностью времени всегда проигранная тяжба. Старый парламентъ вашей молодости имѣлъ очень долгую отсрочку, цѣлыхъ 40 лѣтъ, и великіе авторитеты провозглашали, что скорбь смертная прошла и не будетъ реформы. Но это было только сороколѣтнее странствованіе въ пустынѣ, и на сорокъ первый годъ пришла реформа и корнямъ и вѣтвямъ. Какъ она оборвала съ парламентскаго дерева гнилые города и искоренила гнилые принципы! Если бы нынѣшнее министерство могло оттянуть это печальное дѣло до послѣдняго года нынѣшняго столѣтія, оно почло бы это немалой пользой. Но ни метафоры, ни прежніе примѣры не даютъ успѣха. Если предъидущій подсудимый получилъ сорокъ лѣтъ отсрочки, изъ этого не слѣдуетъ, что нынѣшній подсудимый получить ее. Но правы ли мы, подозрѣвая министерство, что оно бѣдетъ на проволочку? Навѣрное правы. Оно говоритъ, что билль у него готовъ, и мы вѣримъ тому, вѣримъ также, что билль этотъ не понравился никому въ самомъ кабинетѣ, не говоря уже о людяхъ внѣ кабинета. И не удивительно. Дѣйствительная реформа, по всей вѣроятности, скорбная мѣра, которую только жестокая необходимость можетъ вынудить отъ страдалцевъ, которыхъ произведетъ она непременно легіонъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ выборы въ гнилыхъ городахъ покупались и продавались. Ихъ можно было цѣнить подобно жалованью. И когда заговорили о реформѣ, поднялись громкія требованія о денежномъ вознагражденіи. Въ оправданіе себѣ такое требованіе могло ссылаться на присоединеніе Ирландіи, когда каждый продавецъ выборовъ въ ирландскихъ городахъ получалъ за согласіе плату деньгами, или чѣмъ нибудь стоящимъ денегъ. Теперь выборы въ маленькихъ городахъ тоже имѣютъ свою цѣну: они и теперь даютъ деньги, мѣста, власть, почетное положеніе въ обществѣ, связи, какъ давали прежде. И несчастные хозяева, наследники и жители этихъ городковъ, занимавшіеся своимъ промысломъ, подвергаются такому же убытку, какъ въ прежнюю реформу подвергались владѣльцы Гер-

тоша и Ольд-Саруша. Ихъ много въ парламентѣ и они готовы защипать свою собственность отъ власти высшей и, по выраженію лорда Пальмерстона, отъ власти низшей. Стало быть прежде всего — счетъ голосамъ. Безъ сомнѣнія такъ и сдѣлано, и вѣроятно этотъ счетъ внушилъ лорду Дерби разныя тяжелыя мысли.

«Но согласится ли этотъ упрямый Рауль-Синяя Борода, англійскій народъ, пойти на трехмѣсячную проволочку пустыми сказками о волшебныхъ лампахъ и крылатыхъ коняхъ? Это очень сомнительно. Рауль скоро скажетъ: «ты слишкомъ долго молишься, когда же ты кончишь?» Или, какъ мореходцы говорили Аріону: «когда же ты кончишь это слишкомъ длинное соло?» Если даже положить, что лордъ Пальмерстонъ или лордъ Джонъ Россель были бы довольны, что реформа откладывается до послѣдняго параграфа рѣчи, или до послѣдняго мѣсяца сессіи, есть къ несчастію другіе партнеры, у которыхъ ставка въ игрѣ больше. Если бы эти лорды перестали быть реформерами, или были бы оставлены безъ игры, они все-таки остались бы лордомъ Джономъ Росселемъ и лордомъ Пальмерстономъ, остались бы тѣмъ самымъ, чѣмъ были прежде. Но Джонъ Брайтъ—или реформеръ или ничто. Пока есть вода для его суровыхъ членовъ и дышитъ онъ волнами—онъ силенъ; отнимите у него воду и онъ умираетъ. У него нѣтъ прочнаго пьедестала, какой дается высокимъ аристократическимъ положеніемъ для потерпѣвшихъ неудачу политическихъ честолюбцевъ. Будьте увѣрены, что онъ не позволитъ легкѣю отдѣлаться отъ себя. Да и зачѣмъ ему позволять? Пока министры откладываютъ въ долгій ящикъ свои предложенія, берегутъ ихъ будто кипу скандальныхъ жемуровъ запечатанными до третьяго поколѣнія, они оставляютъ мистеру Брайту и его друзьямъ поле битвы и нѣчто похожее на побѣду. Говорятъ, пары еще не разведены. Членъ министерской партіи, поддерживавшій адресъ, говорилъ своимъ избирателямъ, что никто не требуетъ реформы. «Такъ разводите же пары!» Вотъ пароль дня. И если въ слѣдующіе три мѣсяца не будетъ подброшено довольно дровъ подъ машину, то эти три мѣсяца будутъ непохожи ни на одинъ трехмѣсячный періодъ отъ сотворенія міра. Что тутъ говорить? агитація уже не за дверями парламента. Мистеру Брайту полная возможность предложить, не давая и одного дня отсрочки, что «такъ какъ парламентская реформа много разъ уже откладывалась и такъ какъ нѣтъ достаточнаго основанія для дальнѣйшей отсрочки, то палата объявляетъ, что она не довольна отлагательнымъ методомъ правительства и жаждетъ немедленно заняться важнѣйшимъ дѣломъ нынѣшней сессіи». Такое предложеніе будетъ благоразумно или неблагоразумно, это дѣло расчета; но министры, прежде чѣмъ спокойно объявили Палатѣ, что у нихъ есть хорошій проектъ, но что они отлагаютъ его на три мѣсяца или больше, должны были бы удостовѣриться, что подобное предложеніе не имѣетъ шансовъ быть принятымъ Палатою. Путь, избранный министерствомъ, не тотъ, который обыкновенно ведетъ къ успѣху въ нашемъ хлопотливомъ мірѣ. Есть на свѣтѣ люди, которыхъ подвиги вѣчно находятся въ обществѣ; которыхъ ровы вѣчно остаются бутонами; которыхъ лошади всегда все еще въ стойлѣ; которыхъ капиталъ не выходитъ изъ подъ

замка; которые вѣчно занимаютъ у будущаго и вѣчно въ долгу. Испанія можетъ быть заплатить нѣкогда своимъ кредиторамъ и Мичиганскій штатъ выйдетъ изъ банкротства, но пока, годъ за годъ, они все остаются какими были, и отъ каждаго вѣрнѣе всего ожидать того, что онъ останется какимъ былъ. Люди, хвастающіеся своими будущими сочиненіями, *promissores librorum*, составляютъ цѣлое племя, не занимающее виднаго мѣста въ литературѣ; но люди, хвастающіеся будущими великими законами, не менѣе многочисленны и смѣшны.

«Въ парламентѣ и вѣ парламента, мы теперь среди агитаціи. Напрасно говорить, что народу не слишкомъ нужна реформа. На десять миль отъ насъ кругомъ едва ли найдется человѣкъ, которому билетъ въ театръ не былъ бы пріятнѣе билета на участіе въ Лондонскихъ выборахъ. Билетомъ на выборы онъ пожалуй не воспользуется, а билетъ въ театрѣ онъ можетъ передать своему другу или первому встрѣчному трубочисту. Но если каждому лично для себя не дорого участіе въ выборахъ, если тутъ нѣтъ эгоистичныхъ побужденій, то остается общественный вопросъ, остаются всѣ побужденія, которыми движутся общественные вопросы. И развѣ нѣтъ на то причинъ? Во-первыхъ, вопросъ долго отсрочивался и предводители всѣхъ партій замѣшаны въ проволочки. Далѣе, есть очень маленькій параграфъ въ рѣчи королевы, обещающій только, что вниманіе парламента будетъ обращено на законы о парламентскихъ выборахъ. Потомъ есть еще ничтожнѣйшее упоминаніе объ этой прискорбной темѣ въ министерскихъ рѣчахъ; потомъ осторожное объявленіе, что ничего не будетъ сдѣлано до пасхи, или до той поры, пока страна будетъ приведена въ состояніе удовлетворительное, по мнѣнію правительства. Что это значитъ? Людей сажаютъ на дыку передъ опасной операціей. Что же, парламенту будетъ отрѣзана нога или вырванъ дурной зубъ? Подумаешь, что для лорда Дерби мысль о парламентской реформѣ была также страшна, какъ страшны были бы эти тяжелыя конституціонныя операціи. Но когда нервы будутъ болѣе спокойны, кровь менѣе взволнована и все тѣло въ лучшемъ положеніи, нежели теперь?

«Люди, которые безъ надобности откладываютъ мѣру, которую сами признаютъ необходимою, подвергаютъ ответственности за то, какъ разрастется она въ это время. Проектъ, изложенный публичѣ (Брайтомъ), не можетъ быть названъ слабымъ; самъ авторъ называетъ его сильною мѣрою. Но развѣ совершенно невозможно пройти въ дѣйствительности еще болѣе сильной мѣры? Напротивъ, это возможно, потому что самые горячіе защитники каждаго изъ проектовъ, предложенныхъ публичѣ, соглашались, что ихъ планъ пронзодитъ реформу еще не совершенно полную. Напримѣръ, планъ мистера Брайта не даетъ голоса земледѣльческимъ работникамъ. Посмотрите на массу строящихся аданій, — мы увидите сотню рабочихъ, трудящихся съ большою искусствомъ и прилежаніемъ, сильныхъ своею организаціею. Вѣроятно ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы голоса, даже по прозвиту мистера Брайта. Баллотировка также не составила бы части закона, если законъ будетъ принятъ скоро. Но айте нѣсколько лѣтъ отсрочки; оставьте вопросъ въ рукахъ нашихъ

рофермеровъ, дайте имъ распространить убѣжденіе, что безъ нихъ ничего не сдѣлается, и они станутъ безусловными господами положенія. Мы вовсе не увѣрены въ томъ, что не увидимъ реформъ болѣе сильныхъ, нежели всѣ нынѣшнія проекты, и что дѣло не побѣдитъ насъ всѣхъ. Важнѣйшія вещи дѣлаются въ одинъ день. Учрежденія старой Франціи, подобно Бастиліи, были низвергнуты въ одинъ день. Немного времени было нужно для возвышенія вознагражденія за вѣсть-индскихъ невольниковъ до 20,000.000 фунтовъ. Если Палата Общинъ разъ приметъ сторону реформы подъ давленіемъ популярности и необходимости, она не будетъ тогда останавливаться на пустякахъ. Палата Лордовъ можетъ тогда не имѣть даже удовольствія слушать длинные рѣчи; уступать краснорѣчію или доводамъ: ей придется, можетъ быть, принимать билль въ молчаніи и даже въ отсутствіи; тогда будутъ знать, кого винить за это,—не насъ и даже не мистера Брайта. Мы требуемъ такой поспѣшности, которая бы дала обѣимъ Палатамъ время составить удовлетворительный законъ».

Е. МИТИНГЪ ВЪ ЛОНДОНСКОЙ СИТИ.

(По отчету газеты *Manchester Guardian*).

«Публичный митингъ избирателей лондонской Сити, созванный лордомъ меромъ по просьбѣ нѣвшей множество подписей, происходилъ въ субботу 5 февраля въ Гильдейской Залѣ лондонской Ратуши (*Guildhall*). Митингъ былъ многочисленъ; большая часть присутствующихъ очевидно принадлежала къ сословію не участвующему нынѣ въ выборахъ. Президентствовалъ на митингѣ лордъ мэръ, открывшій засѣданіе ровно въ 2 часа.

«Лордъ мэръ началъ занятія митинга объявленіемъ, что согласно требованію, присланному къ нему, какъ главѣ избирательной корпораціи города Лондона, онъ нашелъ полезнымъ созвать митингъ избирателей для обсужденія вопроса о парламентской реформѣ. Милордъ мэръ заключилъ объявленіемъ, что первое рѣшеніе будетъ мотивировать мистеръ Эрнестъ Джонсъ.

«Мистеръ Эрнестъ Джонсъ, котораго приняли съ громкими аплодисментами, выступилъ на переднюю часть эстрады и сказалъ, что хотя лондонская Сити принимается за дѣло позднее другихъ городовъ, но зато многочисленный митингъ, собравшійся теперь, придастъ сильное движеніе дѣлу истинной реформы, и онъ увѣренъ, что примиреніе сословій, къ достиженію котораго онъ ревностно стремился, получить болѣе успѣха и въ будущемъ сдѣлается чѣмъ-то похожимъ на дѣйствительность. Рѣшеніе, которое онъ намѣренъ предложить, таково:

«По мнѣнію настоящаго митинга не будетъ удовлетворительно никакое разширеніе избирательнаго права, которое не дастъ надлежащаго участія въ политической власти всѣмъ сословіямъ общества». Онъ ска-

занка; которые вѣчно занимають у будущаго и вѣчно въ долгу. Испанія можетъ быть заплатить нѣкогда своимъ кредиторамъ и Мичиганскій штатъ выйдетъ изъ банкротства, но пока, годъ за годъ, они все остаются какими были, и отъ каждаго вѣрнѣе всего ожидать того, что они останутся какими были. Люди, хвастающіеся своими будущими сочиненіями, *promissores librorum*, составляютъ цѣлое племя, не зачисляющее виднаго мѣста въ литературѣ; но люди, хвастающіеся будущими великими законами, не менѣе многочисленны и смѣшны.

«Въ парламентѣ и внѣ парламента, мы теперь среди агитаціи. Напрасно говорить, что народу не слишкомъ нужна реформа. На десять миль отъ насъ кругомъ едва ли найдется человекъ, которому билетъ въ театръ не былъ бы пріятнѣе билета на участіе въ Лондонскихъ выборахъ. Билетомъ на выборы онъ пожалуй не воспользуется, а билетъ въ театръ онъ можетъ передать своему другу или первому встрѣчному трубочисту. Но если каждому лично для себя не дорого участіе въ выборахъ, если тутъ нѣтъ эгоистичныхъ побужденій, то остается общественный вопросъ, остаются всѣ побужденія, которыми движутся общественные вопросы. И развѣ нѣтъ на то причинъ? Во-первыхъ, вопросъ долго отсрочивался и предводители всѣхъ партій замѣшаны въ проволочки. Далѣе, есть очень маленькій параграфъ въ рѣши королевы, обращенный только, что вниманіе парламента будетъ обращено на законы о парламентскихъ выборахъ. Потомъ есть еще ничтожнѣйшее упоминаніе о этой прискорбной темѣ въ министерскихъ рѣчахъ; потомъ осторожное объявленіе, что ничего не будетъ сдѣлано до пасхи, или до той поры, пока страна будетъ приведена въ состояніе удовлетворительное, по мнѣнію правительства. Что это значить? Людей сажаютъ на дыку передъ опасной операцией. Что же, парламенту будетъ отрѣзана нога или вырванъ дурной зубъ? Подумаешь, что для лорда Дерби мысль о парламентской реформѣ была также страшна, какъ страшны были бы эти тяжелыя конституціонныя операции. Но когда нервы будутъ болѣе спокойны, кровь менѣе взволнована и все тѣло въ лучшемъ положеніи, нежели теперь?»

«Люди, которые безъ надобности откладываютъ мѣру, которую сами признають необходимою, подвергаются отвѣтственности за то, какъ разрастется она въ это время. Проектъ, изложенный публикѣ (Брайтомъ), не можетъ быть названъ слабымъ; самъ авторъ называетъ его сильною мѣрою. Но развѣ совершенно невозможно пройти въ дѣйствительности еще болѣе сильной мѣры? Напротивъ, это возможно, потому что самые горячіе защитники каждаго изъ проектовъ, предложенныхъ публикѣ, соглашаются, что ихъ планъ производить реформу еще не совершенно полную. Напримѣръ, планъ мистера Брайта не даетъ голосъ большому числу рабочихъ, трудящихся съ большими силами своею организаціею. Въ числѣ бы голоса, даже по не составила бы части айте нѣсколько дѣлъ»

реформеровъ, дайте имъ распространить убѣжденіе, что бѣда не въ томъ, чего не сдѣлается, и они станутъ безусловными гегельскими философами. Мы вовсе не увѣрены въ томъ, что не увидимъ реформы даже изъ этихъ, нежели всѣ нынѣшніе проекты, и что дѣло не кончится всѣмъ. Важнѣйшія вещи дѣлаются въ одинъ день. Ученые во Франціи, подобно Бастиліи, были инверсированы въ естественныя науки. Въ то время было нужно для возвышенія вознагражденія ученыхъ невольниковъ до 20,000.000 фунтовъ. Если Парламентъ захочетъ иметь сторону реформы подъ давлениемъ общественнаго мнѣнія, она не будетъ тогда останавливаться на полпути. Дѣло можетъ тогда не имѣть даже удовольствія слѣдовать за кривой пать краснорѣчію или доводами: ей придется идти по прямой билль въ молчаніи и даже въ отсутствіи: такъ часто бываетъ за это,—не насъ и даже не исторіа Британіи въ виду успѣшности, которая бы дала обществу законъ, который влетворительный законъ».

Е. МИТИНГЪ ВЪ АНКАРАСКОЕ МЪ.

· 176

«Публичный митингъ избирателей...
домъ меромъ по просьбѣ...
субботу 5 февраля въ Гильд-холъ...
Митингъ былъ многочисленъ;...
видно принадлежала къ сословию...
Президентствовалъ на митингъ...
въ 2 часа.
«Лордъ мэръ началъ занятія митинга...
бованію, присланному къ нему...
города Лондона, онъ нашелъ...
для обсужденія вопроса о парламентской реформе, пред-
ложилъ объявленіемъ, что парламентъ не долженъ принимать, потому что
членовъ (парламентскихъ агентовъ). Дать
Эрнестъ Джонсъ...
«Мистеръ Эрнестъ Джонсъ...
менталь, выступилъ...
лондонская Сити...
многочисленныя...
дѣла...
—такъ мы не побоясь...
манчестерскіе люди, вашъ...
были бы лучше. (Такъ,
посмотримъ же, сколько

важныхъ фабрикъ — выраженіе

зая, что желаетъ явиться адвокатомъ полного и надлежащаго допущенія рабочихъ классовъ къ участию въ выборахъ, при обсужденіи въ парламентъ какого бы то ни было билля о реформѣ. Онъ сказалъ: «Я не желаю сказать ничего враждебнаго мистеру Брайту, но хочу предупредить его впередъ, чтобы онъ ввелъ въ свой билль право голоса для каждаго взрослого человѣка; вмѣсто предлагаемаго имъ права голоса для каждаго платящаго подати. Мистеръ Брайтъ сказалъ, что по его биллю число настоящихъ избирателей увеличится въ два съ половиною раза, такъ что избирателей будетъ около двухъ съ половиною милліоновъ; но четыре милліона останутся еще безъ права голоса. На какомъ основаніи, спрошу я, эти четыре милліона должны остаться внѣ конституціоннаго права? Мистеръ Брайтъ сказалъ, что нѣкоторые члены англійскаго населенія ведутъ беспорядочную жизнь, находятся въ зависимости и не трудятся. Я согласенъ съ этимъ и не предполагаю, чтобы когда нибудь рѣшительно каждому человѣку было дано право голоса. Есть разряды людей, которые всегда должны остаться исключенными отъ выборовъ, такъ напримѣръ бродячее населеніе, а иначе организуются толпы, которыя станутъ участвовать въ нѣсколькихъ выборахъ въ одинъ день. Но четыре милліона, исключаемые биллемъ мистера Брайта, навѣрное не всѣ принадлежатъ къ разряду бродячаго населенія, описаннаго мистеромъ Брайтомъ. Скажутъ, что все это люди, находящіеся въ зависимости (*). Нѣтъ, эти милліоны состоятъ главнѣйшимъ образомъ изъ работниковъ, а мистеръ Брайтъ самъ говорилъ, что работники не находятся въ положеніи людей зависимыхъ. Если же они и зависятъ, то отъ кого зависятъ кромѣ хозяина, у котораго работаютъ? Дайте сословію работниковъ голосъ и дайте ему баллотировку, и тогда вы сдѣлаете ихъ независимыми людьми (аплдисменты). Мистеръ Брайтъ находитъ въ биллѣ реформы 1832 года тотъ недостатокъ, что этотъ законъ перенесъ власть отъ одного класса къ другому и билль нарочно составленъ такъ, чтобы исключить отъ выбора рабочіе классы. Не упадите же сами теперь въ подобную ошибку (аплдисменты). По предлагаемому мистеромъ Брайтомъ правилу, отъ участія въ выборахъ будетъ исключенъ каждый работникъ, за котораго платить подать въ пользу бѣдныхъ хозяинъ, если этотъ работникъ нанимаетъ квартиру дешевле 5 фунтовъ въ годъ. Это, по моему мнѣнію, дурная черта въ биллѣ мистера Брайта и результатомъ ея былъ бы мнѣніи нервеніе большихъ городовъ надъ малыми, а городовъ вообще надъ деревнями (аплдисменты). Пока я живъ, я буду противиться такому несправедливому отнятію правъ у работниковъ, какъ у вольныхъ людей. (аплдисменты).

«Во всѣхъ большихъ мануфактурныхъ городахъ фабриканты строятъ для работниковъ домики, и если кто изъ такихъ работниковъ потребуетъ, чтобы его внесли въ списокъ платящихъ подать на бѣдныхъ, чтобы черезъ это получить ему голосъ, такой работникъ не найдетъ

(*) То есть, содержащіеся пособіи изъ подати, взимаемой въ пользу бѣдныхъ.

себѣ мѣста ни на какой фабрикѣ. Стоитъ ли такое расширеніе избирательнаго права того, чтобы хлопотать о немъ? Можно ли возбудить сочувствіе и поддержку отъ среднихъ классовъ въ пользу такого предложенія (нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!). Чѣмъ скорѣе мистеръ Брайтъ узнаетъ, что такое основаніе избирательнаго права отвергается лондонскою Сити и англійскою землею, тѣмъ больше будетъ пользы для мистера Брайта и для всѣхъ, и тѣмъ больше будетъ вѣроятія, что мистеръ Брайтъ предложитъ нацимъ какую нибудь хорошую и соотвѣтственную мѣру реформы (аплодисменты). Я знаю, мистеръ Брайтъ сказалъ, что у него нѣтъ силы дать голосъ этимъ четыремъ милліонамъ. Если у него нѣтъ силы сдѣлать это, почему онъ не обратился къ этимъ четыремъ милліонамъ? Призовите ихъ на помощь. Они такая сила, которой не могутъ воспротивиться никакіе нобльмены. Пусть мистеръ Брайтъ вызоветъ ихъ къ содѣйствію, и посмотримъ, могутъ ли какіе нибудь нобльмены устоять противъ такого могущества (аплодисменты). Если мистеръ Брайтъ не вызоветъ къ содѣйствію эти четыре милліона, стану вызывать ихъ я, и слабость органа, требующаго справедливости, не помѣшаетъ приобрѣтенію права голоса этимъ милліонамъ, исключаемымъ изъ участія въ выборахъ (аплодисменты). Я говорю, что прозвѣтъ мистера Брайта въ нынѣшнемъ своемъ видѣ поведетъ только къ тому, что отъ аристократіи власть перейдетъ къ коттонократамъ (*). Я хочу такого билля, по которому голосъ человѣку давался бы на самомъ дѣлѣ, а не въ насмѣшку. Голосъ долженъ быть свободенъ, а онъ не будетъ свободенъ, если станетъ зависѣть отъ собственности другого человѣка. Теперь, когда голосъ зависѣлъ отъ занятія извѣстной квартиры, онъ не былъ свободенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ снималъ квартиру на наемной фермѣ, или въ домикѣ, принадлежащемъ хозяину фабрики, гдѣ онъ работаетъ. Только при одномъ правилѣ будетъ дана справедливая свобода голоса отдѣльному лицу и справедливое участіе во власти тому собранію отдѣльныхъ лицъ, которое называется націею, — это въ томъ случаѣ, когда голосъ будетъ данъ каждому взрослому человѣку (сильные аплодисменты). Нѣкоторые скажутъ, что реформу, предлагаемую мистеромъ Брайтомъ, реформеры должны принять, потому что она поведетъ къ новой реформѣ. Но я скажу: нѣтъ (аплодисменты). Дать голосъ одному сословію съ исключеніемъ другого, значитъ только крѣпче запереть дверь доступа рабочему классу къ полученію голоса. Еслибы правило мистера Брайта шло изъ хорошаго основанія, я принялъ бы его; но правило, выходящее изъ ошибочнаго основанія, все равно что слишкомъ короткая веревка, брошенная утопающему человѣку, который не можетъ достать до нея руками. Партія мистера Брайта думаетъ, что она сильна, а мы слабы, — такъ мы не побоямся же сказать ей: господина Брайта и господа манчестерскіе люди, вашъ билль негодится, дайте намъ билль, который былъ бы лучше. (Такъ, такъ! — аплодисменты). Нашъ митингъ огроменъ, посмотримъ же, сколько

(*) Коттонократы, или лорды хлопчатобумажныхъ фабрикъ — выраженіе уже вошедшее въ англійскій языкъ.

здѣсь изъ насъ хотѣтъ, чтобы голосъ былъ данъ каждому взрослому человѣку. (Всѣ присутствующіе, за исключеніемъ одного или двухъ человѣкъ, поднимаютъ руки) (*). Говорятъ, что Англіи угрожаетъ нашествіе. Не давайте обмануть себя крикомъ объ этой опасности. Дѣлаютъ такое умозаключеніе: «континентъ въ опасности, континентъ взволнованъ, потому необходимо намъ обсудить наши оборонительныя средства, прежде чѣмъ станемъ разсуждать о реформѣ; реформа должна подождать, пока мы распорядимся улучшеніемъ нашихъ оборонительныхъ средствъ.» Нація много разъ уже попадала въ эту ловушку министерской хитрости; а я на такія отговорки отвѣчаю: «дайте голосъ народу нашей земли; дайте ему политическія права, чтобы ему было что защищать, и тогда никакой иностранецъ не отважится думать о нашествіи на наши берега». Если я успѣлъ склонить митингъ къ принятію моего предложенія, это будетъ важное дѣло; это будетъ плотиной отъ прилива шарлатанскихъ обмановъ, почти уже затопляющаго рабочіе классы Англіи (аплодисменты).

«Мистеръ Петеръ-Альфредъ Телоръ началъ говорить въ поддержку предложенія. Онъ сказалъ: «Я радъ, что имѣю случай возвысить голосъ на такомъ громадномъ митингѣ въ поддержку предоставленія голоса каждому взрослому человѣку. Я выбранъ кандидатомъ въ депутаты Ньюкастля отъ людей, желающихъ тамъ, чтобы данъ былъ голосъ каждому взрослому человѣку.» Мистеръ Телоръ продолжалъ говорить въ защиту такого пенса. «Но, прибавилъ онъ, выражая наши сильныя мнѣнія, намъ должно позаботиться о томъ, чтобы не вносить раздора въ станъ реформы (такъ, такъ!). Я не въ пользу билля мистера Брайта, но все, что мы нынѣ дѣлаемъ, послужитъ въ пользу намѣреній мистера Брайта. Этотъ почтенный джентльменъ всегда подробно объясняетъ, что лично онъ желаетъ дать голосъ каждому взрослому человѣку, но онъ прибавляетъ, что по правилу благоразумной политики онъ считаетъ нужнымъ, представляя билль Палатѣ Общинъ, представить такой билль, который могъ бы пройти черезъ нее (такъ, такъ!). Потому нынѣшній митингъ поможетъ мистеру Брайту, хотя почтенный депутатъ сдѣлалъ ту ошибку, что почелъ хорошою политикою требовать меньше, нежели ему нужно (такъ, такъ!).»

«Лордъ мэръ предложилъ рѣшеніе митингу и объявилъ, что оно принято единогласно, по удостовѣреніи во мнѣніи митинга черезъ поднятіе рукъ за и противъ.»

«Выраженіе благодарности лорду мэру за председательствованіе на митингѣ было принято съ громкими аплодисментами.»

«Послѣ того митингъ разошелся.»

(*) По англійскому обычаю выражать свое согласіе на предложеніе поднятіемъ руки.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

СВѢТСКІЙ ЛИБЕРАЛЬ И ЛІТЕРАТУРНЫЙ ДИЛЕТАНТЪ. (Отрывокъ изъ моихъ петербургскихъ замѣтокъ и наблюденій). — Театры: *Мартыновъ* въ комедіи «Не въ деньгахъ счастье». — *Le Luxe, le Roman d'un jeune homme pauvre* и проч. — Г. Милославскій. — Карлики. — Г-жа Феррарисъ. — Бенефисъ Возио. — Гибель Театра-Цирка. — Спектакли въ домѣ князя Бѣлосельскаго — Г. Фредро и Грибоѣдовъ. — Концарты. — Объявленіе концертнаго общества. — Балы. — Публичныя кареты въ Петербургѣ. — Публичныя лекціи. — Рысистые бѣги на Невѣ. — Самоѣды. — Антъ въ университетѣ 8-го февраля. — Копія съ древнихъ образовъ и выставка ихъ. — Орелъ, Ласточка и Сѣверный Цвѣтокъ. — Литературныя новости.... Замѣчательные автографы. — Нѣсколько промаховъ въ статьѣ «Воейкова и его сумасшедшій домъ», помѣщенной въ 4-мъ № «Современника».

I.

Въ одно прескверное безразсвѣтное зимнее петербургское утро, (это было года два тому назадъ), часу во второмъ, когда я только что принялся за дѣло, человѣкъ подалъ мнѣ карточку. На карточкѣ былъ выгравированъ гербъ, а подъ гербомъ изображено тончайшими буквами: Валерьянъ Николаевичъ Городницкій.

— Они желаютъ васъ видѣть, — сказалъ человѣкъ.

— Проси, отвѣчалъ я.

Съ г. Городницкимъ я не былъ знакомъ, хотя встрѣчалъ его часто на Невскомъ проспектѣ подъ руку съ разными моими знакомыми, а въ оперѣ и во французскомъ театрѣ въ первыхъ рядахъ

креселъ. На вопросъ мой объ этомъ господинъ пріятель мой обыкновенно отвѣчалъ:

— Онъ славный малый, чрезвычайно образованный, начитанный и либераль.

Г. Городницкому лѣтъ 35, онъ средняго роста; имѣетъ на головѣ жидкіе волосы, тщательно расчесанные съ пробормомъ на серединѣ и довольно большіе неопредѣленнаго цвѣта глаза; онъ долженъ бытъ близорукъ, потому что безпрестанно вооружаетъ носъ двойнымъ лорнетомъ; г. Городницкій одѣвается съ изысканностію и носитъ безукоризненныя свѣтлыя перчатки, плотно охватывающія его маленькія и толстыя руки. Онъ имѣетъ манеры немного изнѣженныя, видъ разсѣянный и безпечный; онъ числится въ какомъ-то министерствѣ, кажется, по особымъ порученіямъ.

Какую надобность онъ имѣетъ во мнѣ? подумалъ я въ ту минуту, когда г. Городницкій любезно, но нѣсколько обязательно протягивалъ мнѣ руку и говорилъ, какъ-то кокетливо подергивая головою:

— Pardon.... извините, что я васъ беспокою.... Мы, кажется, имѣемъ много общихъ знакомыхъ и я всегда желалъ съ вами сблизиться.

Затѣмъ онъ живописно и небрежно расположился въ креслѣ противъ меня, и не снпмая перчатокъ, закурилъ пахитоску.

— Какая отвратительная погода!... сказалъ онъ, поднимая голову и выпуская тонкій дымъ къ потолку. — Петербургъ этотъ ужасенъ! — Въ немъ жить невозможно! Съѣзди за границу, подышать чистымъ воздухомъ, запасти здоровье и потомъ возвратиться для того, чтобы снова разстроить здоровье!... Ну, что, скажите новенькаго?... Что ваша литература?

Я еще отвѣчалъ на этотъ вопросъ и посмотрѣлъ на г. Городницкаго вопросительно, потому что не совѣмъ понималъ, какого рода свѣдѣнія онъ желаетъ имѣть объ литературѣ.

Но онъ не заботился объ отвѣтѣ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на выраженіе моего лица, потому что смотрѣлъ болѣе на стѣны моего кабинета (хотя они не представляли ничего особеннаго), чѣмъ на меня.

Онъ продолжалъ:

— Теперь всѣ журналы ваши читаются съ большимъ удовольствіемъ.... много дѣльныхъ, прекрасныхъ статей о современныхъ вопросахъ. Слава Богу, теперь все оживилось. Ну да и пора же намъ наконецъ выдвинуться немножко впередъ. Мы объ этомъ толковали третьяго дня съ княземъ Павломъ Григорьевичемъ, у котораго я обѣдалъ.... У него, вѣдь вы можете слышали? — прекрасный, гуманный взглядъ на вещи.... Это человѣкъ замѣча-

тельный, европейскій. «Я ему говорю, пора же говорю, князь, намъ освободиться отъ китайщины».... Онъ ужасно смѣлся.... Я съ нимъ очень близокъ и высказываю ему все откровенно.... Старое поколѣніе, — его конечно не разувѣришь, эти *старомыслы*, какъ называетъ ихъ князь Поль, не могутъ существовать безъ десяти тысячъ церемоній, — ну и Богъ съ ними! Но пріятно, знаете, видѣть молодое поколѣніе.... Я разумѣю молодежь высшаго круга, — я вѣдь ихъ почти всѣхъ знаю, — у большей части изъ нихъ совсѣмъ ужъ взглядъ другой, эдакой современной, особенно, я вамъ скажу, между военной молодежью есть люди чрезвычайно замѣчательные.... У нихъ образовался взглядъ.... убѣжденіе. Ну а старомыслы эти знаете презабавны. Недавно, въ одномъ домѣ — это было при мнѣ.... сынъ — un jeune homme tout-à-fait distingué началъ говорить при своемъ отцѣ объ освобожденіи крестьянъ, о гласности, о публичномъ судопроизводствѣ, о свободѣ торговли.... ну обо всѣхъ этихъ насущныхъ вопросахъ, — а у отца знаете и здѣсь и тутъ — (г. Городницкій указалъ на грудь и потомъ махнулъ черезъ плечо) все какъ слѣдуетъ.... онъ человекъ значительный и при этомъ закоснѣлый въ своихъ понятіяхъ.... Онъ ужасно какъ разгорячился.... «Откуда, говоритъ, вы берете эти ужасныя понятія? Замолчи, говоритъ, я не могу этого слышать. Этого только недоставало, чтобъ у меня сынъ былъ либералъ!... И куда, говоритъ, приведутъ васъ всѣ эти идеи? Образумься, братецъ, ты стоишь на краю гибели». Сынъ тоже разгорячился: «мы, говоритъ, батюшка, другъ друга понимать не можемъ, насъ раздѣляетъ бездна»... Онъ говорилъ отлично, съ жаромъ, съ каеэды лучше нельзя бы говорить, но изъ этого могла бы выйти непріятная сцена, я остановилъ его, шепнулъ ему на ухо: «calmez vous, mon chér, вѣдь старика не переувѣришь; ты самъ говоришь, что васъ раздѣляетъ бездна....» Теперь вездѣ эта борьба стараго поколѣнія съ новымъ такъ рѣзко бросается въ глаза!... Правда вѣдь?

Г. Городницкій прищурился, сжалъ носъ двойнымъ лорнетомъ и началъ разсѣянно перелистывать книжку, которая попала въ его руку.

— Aa! произнесъ онъ протяжно, — Les oiseaux?.. Онъ улыбнулся. — Въ этой книжкѣ бездна поэзіи.... mais le ton générale du livre manque d'unité. Я прочелъ ее съ удовольствіемъ, но я неохотникъ, я вамъ скажу, до Мишлэ, особенно до его «Исторіи революціи». Онъ, знаете, впадаетъ въ утопіи, въ социализмъ, и заносится слишкомъ далеко.... Я признаюсь вамъ, люблю Ламартина больше; ну если хотите, онъ не историкъ въ строгомъ смыслѣ и тоже немного увлекается, поэтизируетъ, но у него стиль прелестный,

креселъ. На вопросъ мой объ этомъ господинъ пріятель мой обыкновенно отвѣчалъ :

— Онъ славный малый, чрезвычайно образованный, начитанный и либераль.

Г. Городницкому лѣтъ 35, онъ средняго роста; имѣеть на головѣ жидкіе волосы, тщательно расчесанные съ проборомъ на серединѣ и довольно большіе неопредѣленнаго цвѣта глаза; онъ долженъ бытъ близорукъ, потому что безпрестанно вооружаетъ носъ двойнымъ лорнетомъ; г. Городницкій одѣвается съ изысканностію и носитъ безукоризненныя свѣтлыя перчатки, плотно охватывающія его маленькія и толстыя руки. Онъ имѣеть манеры немного извѣженныя, видъ разсѣянный и безпечный; онъ числится въ какомъ-то министерствѣ, кажется, по особымъ порученіямъ.

Какую надобность онъ имѣеть во мнѣ? подумалъ я въ ту минуту, когда г. Городницкій любезно, но явсколько обязательно пригивалъ мнѣ руку и говорилъ, какъ-то кокетливо подергивая голосъ.

— Pardon.... извините, что я васъ беспокою.... Мы, въ имѣемъ много общихъ знакомыхъ и я всегда желалъ съ вами познакомиться.

Затѣмъ онъ живописно и небрежно расположился противъ меня, и не снимая перчатокъ, закурилъ пахитоску.

— Какая отвратительная погода!... сказалъ онъ, выпуская и выпуская тонкій дымъ къ потолку. — Петербургъ совѣтъ!—Въ немъ жить невозможно! Съѣздить за границу чистымъ воздухомъ, запасть здоровьемъ и потомъ для того, чтобы снова разстроить здоровье!... Ну, вѣдькаго?... Что ваша литература?

Я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ и посмотрѣлъ на него вопросительно, потому что не совѣмѣлъ имѣть свѣдѣнія онъ желаетъ имѣть объ литературѣ.

Но онъ не заботился объ отвѣтѣ и не обращалъ вниманія на выраженіе моего лица, потому что въ стѣны моего кабинета (хотя они не представляли собою ничего), чѣмъ на меня.

Онъ продолжалъ:

— Теперь всѣ журналы наши перестали появляться.... много дѣльных вопросовъ. Слава Богу, же намъ наконецъ было дано толковать третьяго дня, которого я объясню краснѣйшимъ

...ны, но какое же мнѣ
 много свободного вре-
 мя... мою мысль.
 ...я болтаю вамъ о разныхъ
 ...которое меня привело къ вамъ.
 ...я, — я очень радъ....
 ...Городницкій старался придать себѣ
 ...жнѣй.
 ...дѣлать.... видите ли, я не могу
 ...свободное время отъ моихъ служеб-
 ...обязанностей.... такъ иногда когда
 ...я ихъ вмѣстѣ съ моими свѣт-
 ...ю на бумагу. Изъ этого кое-что
 ...ольшую.... какъ бы вамъ это сказать?
 ...жизни высшаго свѣта.... У меня,
 ...жко наблюдательности; притомъ боль-
 ...Но Бога ради вы только не принимайте
 ...я не будьте ко мнѣ строги. Я не хочу за-
 ...аторовъ, Dieu me preserve! Какъ мнѣ это
 ...для меня это слишкомъ,—trop d'honneur....
 ...ть, и я обращаюсь къ вамъ, какъ къ чело-
 ...ратурныхъ дѣлахъ....
 ...нулъ изъ задняго кармана своего удивительно
 ...но, съ небольшою рукописью.
 ...у меня выступилъ холодный потъ на спинѣ
 ...подъ ложечкой, которой я подверженъ въ кри-
 ...ему литературному вкусу, вашей опытности, и по-
 ...бы вамъ прочесть это... это не много... это не
 ...pardon, что я васъ на полчаса отвлеку отъ ва-
 ...еделилось у меня на языкѣ, но я не успѣлъ произ-
 ...потому что г. Городницкій приступилъ уже къ чте-
 ...лорнетомъ, съ полною беззащитчивостію свѣт-
 ...Чтение продолжалось ровно въ трое противъ объ-
 ...тъ полтора часа, и прерывалось собственными замѣча-
 ...формѣ вопросовъ: «Не правда ли это съ натуры?...
 ...то довольно тонко подмѣчено? Это для многихъ усколь-
 ...то эти мысли ne sont pas à la portée de tout le monde...

Возьмите его исторію Жирондистовъ. Жаль.... что онъ разстроилъ свои дѣла и послѣднее время пипеть для денегъ, на скорую руку. Но какъ человѣкъ политическій онъ все-таки замѣчательнъ, что ни говорите, — онъ сдѣлалъ много, очень много.... по моему, его промахъ заключался въ томъ, что онъ провозгласилъ республику; вступилъ онъ за герцогиню Орлеанскую, было бы совсѣмъ другое, но какъ поэтъ онъ увлекся.... Это естественно, хоть и грустно.... Не будь этой нелѣпой республики, Франція подъ регентствомъ герцогини Орлеанской могла бы спокойно развивать свои парламентскія формы и избѣгла бы этого страшнаго военнаго деспотизма, этихъ Эспинасовъ.... Да, эта республика большой промахъ со стороны Ламартина, очень большой! какъ вы полагаете?...

— Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ я, восхищенный не столько умомъ, образованіемъ и политическими взглядами г. Городницкаго, сколько тою изящною формою, въ которой онъ передавалъ все это, и граціозными движеніями, которыми сопровождались его рѣчи.

— Кабы побольше такихъ господъ, подумалъ я. У! съ такими можно бы уйти далеко!

— Ну-съ, а какъ вы думаете, продолжалъ г. Городницкій послѣ минуты молчанія, — если мы будемъ такъ идти, не возвращаясь вспять, безъ реакцій, послѣдовательно, не торопясь разумѣется, мы можемъ скоро догнать Европу?... Европа впрочемъ представляетъ въ сію минуту, надо сказать, странное зрѣлище.... правда?... Всѣ мы люди образованные, съ настоящимъ взглядомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ смотрѣли на Францію, какъ на передовую націю въ человѣчествѣ... Отличилась же эта передовая нація, нечего сказать! Я ужъ, признаюсь вамъ, ничего не жду отъ нея... Я вотъ недавно спорилъ объ этомъ съ графомъ Александромъ Славинскимъ.. Я съ нимъ очень близокъ и наши убѣжденія почти во всемъ сходятся, кромѣ Франціи. Онъ еще отъ нея надѣется чего-то!... Для меня, я вамъ скажу, Англія—вотъ это высшій политическій идеалъ.... не правда ли?... Лучшихъ учрежденій вообразить нельзя.... Чего же еще больше хотѣть? Журналы, митинги, парламенты и аристократическій элементъ, который не только не мѣшаетъ свободному развитію, напротивъ способствуетъ ему. Если бъ я не былъ русскій, и еслибъ я не былъ увѣренъ въ томъ, что намъ предстоитъ великая будущность, я, признаюсь вамъ откровенно, ничѣмъ не желалъ бы быть, какъ англичаниномъ....

«Странно», подумалъ я, «смотря на моего нечаяннаго гостя, любяся имъ и наслаждаясь его рѣчами; — «неужели онъ удостоилъ меня посѣщеніемъ только для того, чтобы высказать свои поли-

тическія воззрѣнія? Они конечно прекрасны, но какое же мнѣ до нихъ дѣло? Если бы еще у меня было много свободного времени, но....»

Но г. Городницкій какъ будто бы угадалъ мою мысль.

— Какой же я чудакъ! сказалъ онъ, — я болтаю вамъ о разныхъ вещахъ, а еще ничего не сказалъ о дѣлѣ, которое меня привело къ вамъ.

— Чѣмъ я могу служить вамъ? сказалъ я, — я очень радъ....

— Вотъ въ чемъ дѣло....

И при этихъ словахъ г. Городницкій старался придать себѣ видъ еще болѣе беззаботный и небрежный.

— Я, знаете, иногда отъ нечего дѣлать.... видите ли, я не могу быть совсѣмъ празднымъ.... въ свободное время отъ моихъ служебныхъ занятій и отъ свѣтскихъ обязанностей.... такъ иногда когда мнѣ приходятъ мысли въ голову.... я ихъ вмѣстѣ съ моими свѣтскими наблюденіями набрасываю на бумагу. Изъ этого кое-что вышло. Я написалъ эдакую небольшую.... какъ бы вамъ это сказать? — драматическую *proverbe* изъ жизни высшаго свѣта.... У меня, какъ вы увидите, есть немножко наблюдательности; притомъ большой свѣтъ я хорошо знаю. Но Бога ради вы только не принимайте этого слишкомъ серьезно и не будьте ко мнѣ строги. Я не хочу записываться въ цѣхъ литераторовъ, *Dieu me preserve!* Какъ мнѣ это нелестно, я понимаю, что для меня это слишкомъ, — *trop d'honneur*.... это просто такъ, шалость, и я обращаюсь къ вамъ, какъ къ человѣку опытному въ литературныхъ дѣлахъ....

Г. Городницкій вынулъ изъ задняго кармана своего удивительно скроеннаго пиджака небольшую рукопись.

При этомъ движеніи у меня выступилъ холодный потъ на спинѣ и обнаружилась боль подъ ложечкой, которой я подверженъ въ критическія минуты.

— Я вѣрю вашему литературному вкусу, вашей опытности, и потому мнѣ хотѣлось бы вамъ прочесть это... это не много... это не больше получаса... *pardon*, что я васъ на полчаса отвлеку отъ вашихъ занятій.

— Но... пошевелилось у меня на языкѣ, но я не успѣлъ произнести этого *но*, потому что г. Городницкій приступилъ уже къ чтенію, вооружившись лорнетомъ, съ полною беззастѣнчивостію свѣтскаго человѣка. Чтеніе продолжалось ровно въ трое противъ обѣщаннаго, то есть полтора часа, и прерывалось собственными замѣчаніями автора въ формѣ вопросовъ: «Не правда ли это съ натуры?... На правда ли это довольно тонко подмѣчено? Это для многихъ ускользнетъ, потому что эти мысли *ne sont pas à la portée de tout le monde*... *n'est-ce pas?*...»

Г. Городницкій былъ правъ. Его драматическая поговорка была прелестна, но состоитъ вся изъ такихъ великосвѣтскихъ тонкостей, которыя для непосвященныхъ были рѣшительно непоматны. Я по крайней мѣрѣ не понялъ, въ чемъ дѣло и что хотѣлъ сказать авторъ. Когда онъ кончилъ, онъ поднялъ голову и, поправивъ свой лорнетъ, пристально посмотрѣлъ на меня.

— Ну что?... ну какъ? сказалъ онъ, — какъ вы находите эту бездѣлушку?... Пожалуйста откровенно, прямо скажите... Я вѣдь авторскаго самолюбія не имѣю. Я предпочитаю правду всѣмъ этимъ complimentамъ, *les gracieuses flatteries*...

— Очень тонко, — отвѣчалъ я, — но я впрочемъ не могу быть судьею, потому что мало знакомъ съ великосвѣтскою жизнію...

— Отчего же? возразилъ г. Городницкій, улыбувшись и подернувъ головою, — вы знакомы со всѣми, вы знаете всѣхъ мамизъ.... Такъ въ самомъ дѣлѣ вы находите, что это не глупо? ну а какъ на счетъ языка, *il y a du style*? Мнѣ русскій языкъ еще не совсѣмъ дается, я могу легче писать по-французски; это, если хотите, глупо, — потому что я русскій, но вѣдь знаете, намъ всѣмъ даютъ такое воспитаніе...

— Нѣтъ, вы владѣете русскимъ языкомъ, сказалъ я...

— Въ самомъ дѣлѣ? прибавилъ онъ... ну-съ такъ вотъ у меня до васъ просьба... Я желалъ бы напечатать эту вещь именно въ журналѣ, въ которомъ вы участвуете, потому что я вполне симпатизирую съ его направленіемъ... *je ne connais pas ces messieurs*—этихъ господъ редакторовъ и журналистовъ, хотя я ихъ очень уважаю, и обращаюсь къ вамъ, чтобъ вы оказали мнѣ протекцію... Будьте такъ добры.

Я обѣщалъ исполнить его желаніе, то есть передать рукопись редакторамъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ г. Городницкій, — но вотъ еще одно.... *je n'ai plus qu'un mot à dire*.... говорятъ, вѣдь за статьи въ журналахъ платятъ деньги?... Я этого ни чего не знаю, я такъ слышалъ... мнѣ собственно деньги, вы понимаете, не нужны; это какая нибудь бездѣлица... но видите ли, если эта вещь будетъ помѣщена, мнѣ хотѣлось бы получить за нее что нибудь. Я пожертвовалъ бы эти деньги на бѣдныхъ. Меня бы, знаете, утѣшила мысль, что трудъ мой не совсѣмъ бесполезенъ, что я имъ доставилъ хоть что нибудь нуждающимся.... Я совершенно впрочемъ полагаюсь на васъ въ этомъ.

— Хорошо-съ, отвѣчалъ я, — я передамъ все это редакторамъ и потомъ уведомлю васъ...

— Будьте такъ добры...

Г. Городницкій потолковалъ еще нѣсколько о современныхъ вопросахъ, о необходимости различныхъ преобразованій и очень дружески простился со мною, замѣтивъ, что намъ людямъ просвѣщеннымъ, съ европейскимъ образомъ мыслей, надо сближаться; извинялся, что онъ воспользовался моею добротою *outré mesure*, слишкомъ засидѣлся у меня и просилъ меня о продолженіи знакомства.

Когда онъ ушелъ, я подумалъ:

Боже! сколько утонченности и прелести въ свѣтскихъ людяхъ! Но какъ этотъ господинъ при самой изящной вѣжливости и любезности умѣлъ мнѣ въ тоже время дать тонко почувствовать, какая неизмѣримая разница между имъ — литературнымъ делитантомъ, существомъ высшимъ, принятымъ въ большомъ свѣтѣ, вертящимся въ блестящихъ сферахъ, такъ ловко соединяющимъ величайшую *compte-il-faut*-ность съ удивительнымъ либерализмомъ и нами — записными литераторами, берущими деньги за свои труды... не для вспомошествованія бѣднымъ, а для собственнаго пропитанія!..

Петербургъ идетъ исполинскими шагами по пути прогресса, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Доказательствомъ этого можетъ служить между прочимъ г. Городницкій. Такихъ свѣтскихъ либераловъ у насъ развелось очень много въ послѣднее время...

II.

Черезъ три дня послѣ посѣщенія г. Городницкаго я отправился къ нему съ визитомъ, около трехъ часовъ, въ надеждѣ не застать его дома, потому что въ это время онъ обыкновенно гуляетъ по Невскому проспекту. Надежда моя не осуществилась: онъ былъ дома, потому что страдалъ маленькой простудою и гастритомъ, какъ онъ мнѣ объявилъ потомъ, потирая рукой по своей батистовой рубашкѣ у желудка.

Кабинетъ г. Городницкаго представлялъ изысканный безпорядокъ: столы были завалены англійскими кнпсеками, французскими журналами и различными иллюстрированными изданіями. На полу, обтянутомъ сукномъ, около того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, — лежали послѣднія сочиненія Монталамбера и Токвиля. Кабинетъ этотъ не отличался свѣжестью, потому что мебель, драпир. занавѣски, сукно на полу — все это было уже значительно потерто, имѣлъ однако что-то особенное. Въ немъ все было разсчитано на эффектъ.... Одна стѣна была завѣшана литографированными и фотографическими портретами разныхъ великосвѣтскихъ людей, съ наиболѣе блестящими фамиліями; на другой — висѣли портреты извѣстныхъ дипломатовъ и публицистовъ: Гизо, Тьера, Вильмена, Сэра Роберта Пила, гуляющаго съ Вашингтономъ, лорда Пальмерстона и другихъ. Въ мрамор-

ной вазѣ была навалена груда визитныхъ билетовъ и записочекъ съ красивыми бордюрами. Свѣтскость и либерализмъ бросались въ глаза въ этой комнатѣ съ перваго раза.

Хозяинъ въ пестренькомъ галстучкѣ и въ какой-то кофтѣ со шнурками произнесъ длинное «А-а-а!» при моемъ появленіи и любезно вскочилъ съ низенькаго дивана, на которомъ онъ лежалъ съ листомъ Journal des Débats, бросивъ этотъ листъ и протягивая мнѣ руку.

— Очень, очень радъ васъ видѣть. Пожалуйста садитесь. Я немножко простуженъ и ктому же я подверженъ гастриту... Вчера мы ужинали... вотъ у него....

Г. Городницкій указалъ пальцемъ на портретъ одного изъ самыхъ великосвѣтскихъ петербургскихъ господъ и прибавилъ:

— Я немного разстроилъ желудокъ и воротился домой очень поздно.... Эта проклятая петербургская жизнь! Я ужъ хочу переменить образъ жизни—это несносно!... А мы вчера выдумали очень забавную штуку... Я предложилъ, чтобы каждый изъ насъ произнесъ бы.... такъ.... маленькую рѣчь по-русски, развилъ бы въ ней какую нибудь современную тему... Сначала это напугало многихъ, но однако это было принято большинствомъ голосовъ и удалось такъ, какъ я не ожидалъ.... право... Мы ужасно какъ не привыкли говорить публично, особенно на своемъ родномъ языкѣ, — *un bon parler*—вѣдь это рѣдкость между нами; чтобы логически, послѣдовательно развить мысль на это какъ-то насъ не стаетъ. Я выбралъ ужъ самую адакую современную тему: «О томъ, что такое гласность и на сколько у насъ она можетъ быть допущена».... и самъ удивился своей смѣлости; оно вышло у меня довольно кругло и не дурно; меня осыпали рукоплесканіями; но всѣхъ лучше говорилъ Serge Наклашевскій: у него положительный даръ слова. По поводу Юма, вертящихся столовъ и другихъ чудесъ онъ ввелъ насъ въ мистическій міръ и доказывалъ, что въ природѣ есть какія-то таинственныя силы. Это были конечно парадоксы, но парадоксы блестящіе, выраженные съ жаромъ, съ увлеченіемъ.... Очень было мило!... Согласитесь, что все это лучше по крайней мѣрѣ, чѣмъ играть въ карты, или болтать о какихъ нибудь пустыхъ, свѣтскихъ, всеневняныхъ происшествіяхъ?... Нѣтъ-съ, что ни говорите, а мы идемъ впередъ и очень.

— О! да кто же въ этомъ сомнѣвается? произнесъ я.

— Ахъ, вы знаете эту книжку?

Онъ взялъ со столика какой-то романъ Октава Фельета и подалъ мнѣ.

— Нѣтъ, я не читалъ, сказалъ я, посмотрѣвъ на книжку.

— Вы прочтите, это стоитъ.... Онъ поэтъ, или по крайней мѣрѣ въ немъ много поэзіи.... Онъ имѣетъ что-то общее съ нашимъ Тургеневымъ.... *N'est ce pas?... Il est abondant en riches images, en couleurs éclatantes, il a beaucoup de sentimens....* Ну-съ, а что моя бѣдная піеска—еще не удостоилась принятія?...

Я отвѣчалъ, что отдалъ ее редакторамъ журнала, въ который онъ желаетъ ее помѣстить, но что послѣ того еще не видѣлъ ихъ и не имѣю отъ нихъ отвѣта, и что тотчасъ по полученіи отвѣта я его увѣдомлю...

— Не безпокойтесь, возразилъ г. Городницкій:—это я такъ сказалъ... когда нибудь послѣ... мнѣ все равно... этой піеской очень интересно почему-то книжница Красносельская; разумѣется ее въ сущности печатать не стоитъ, это пустяки, но если гг. редакторы напечатаютъ ее у себя, — она можетъ имъ доставить много подписчиковъ въ высшемъ кругу, очень много!... А это недурно, знаете, сближать нашъ высшій кругъ съ русской литературой, приучать ихъ читать по-русски. Я увѣренъ, что со временемъ наша литература сдѣлается потребностью и этого кружка, что всѣ мы будемъ со временемъ и говорить и мыслить по-русски... Тогда въ свою очередь избранное общество будетъ дѣйствовать на литературу и придастъ ей этотъ внѣшній блескъ, эту утонченность, которой, *il faut dire franchement*, не множко недостаетъ ей теперь. Правда вѣдь?

— Совершенно, отвѣчалъ я, прощаясь съ моимъ новымъ другомъ.

— Такъ вы меня потомъ объ моей піескѣ увѣдомите? произнесъ онъ сладко улыбаясь и крѣпко пожимая мнѣ руку.—*Au plaisir de vous revoir....* Я очень, очень радъ, что мы съ вами сошлись....

Съ этого дня г. Городницкій черезъ день заѣзжалъ ко мнѣ справляться объ участи своей піески и писалъ кромѣ того записочки на французскомъ языкѣ.

До какой степени ни лестно было мнѣ знакомство съ нимъ; но его нетерпѣніе и докучливость стали надоедать мнѣ. Онъ съ своей піеской не давалъ мнѣ покоя.... даже на улицѣ. «Ну что?... когда? принята ли моя піеска? неужели вы еще не получили отвѣта?»

Онъ засыпалъ меня такими вопросами... и уже начиналъ обнаруживать нѣкоторое неудовольствіе.

— Если піеска моя негодится, сказалъ онъ однажды, останавливая меня на улицѣ,—вы мнѣ скажите откровенно и попросите, чтобы мнѣ возвратили ее... Я отдамъ въ другой журналъ. Меня даже просили объ этомъ. Еслибъ не мои пріятеля и нѣкоторыя свѣтскія дамы, которыя рѣшительно требуютъ, чтобы я напечаталъ ее, — я бы и не безпокоилъ васъ, потому что я знаю, что это вздоръ.... я ужъ вамъ говорилъ, что это я такъ набросалъ.

— Мнѣ очень совѣстно, но я еще не получилъ отвѣта отъ редакторовъ. Впрочемъ будьте покойны, я на дняхъ вамъ непременно дамъ отвѣтъ рѣшительный.

«О несчастная слабость характера, — думалъ я, «о ты — причина всѣхъ непріятностей моей жизни! Ну кто меня просилъ выѣшивать-ся въ это дѣло? Отчего я прямо не отказалъ этому господину?.. Къ тому же я увѣренъ, что гг. редакторы (я вѣдь коротко знаю ихъ) продержатъ рукопись нѣсколько мѣсяцевъ, не принимая въ соображеніе нетерпѣніе свѣтскихъ литературныхъ дилетантовъ. Они — народъ грубый и не отдають первенства дворянскимъ и свѣтскимъ сочиненіямъ передъ сочиненіями какихъ нибудь семинаристовъ.... Я почти не сомнѣваюсь, что они не напечатаютъ прелестной драматической поговорки этого милаго свѣтскаго либерала, потому что не съумѣютъ оцѣнить того благоуханія, того тончайшаго букета свѣтскости, который и я, къ сожалѣнію, не умѣю вполне цѣнить..... О, для чего же я взялся быть посредникомъ?»...

Я былъ взбѣшенъ на самого себя, отправился тотчасъ же къ редакторамъ и потребовалъ отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта. Они возвратили мнѣ рукопись и на отрѣзъ объявили, что это *чепуха!*

— Чепуха?! возразилъ я съ досадою, — но позвольте, господа, можно ли такъ варварски и грубо отзываться о сочиненіи господина, который принадлежитъ къ избранному, къ высшему обществу, который признанъ этимъ обществомъ за человѣка замѣчательнаго ума и образованія; въ которомъ признають талантъ всѣ великосвѣтскіе господа и даже сама княгиня Красносельская; который, наконецъ, извѣстенъ своимъ смѣлымъ образомъ мыслей, который считаетъ себя другомъ прогресса; котораго всѣ старовѣры считаютъ опаснѣйшимъ человѣкомъ; у котораго, по сознанию всѣхъ великосвѣтскихъ господъ, языкъ какъ бритва.... Вамъ, господа, — продолжалъ я, все болѣе и болѣе одушевляясь, — слѣдовало бы непременно напечатать эту поговорку, если бы она и была въ самомъ дѣлѣ слаба, — потому что это хорошо зарекомендовало-бы ваше изданіе въ высшемъ обществѣ, доставило бы вамъ въ этомъ обществѣ множество подписчиковъ.... и прочее и прочее.

Я говорилъ горячо и энергически. но варвары — журналисты не хотѣли ничего слышать и еще въ добавокъ начали подсмѣиваться надъ моею слабостью къ свѣтскимъ людямъ.

Дѣлать было нечего. Я возвратился домой съ рукописью г. Городницкаго и въ тотъ же день отослалъ ее къ нему при самой вѣжливой запискѣ, въ которой я старался какъ можно болѣе смягчить отказъ.

«Редація С.....а», писалъ я, «ваша ваша пьеса прекрасною

(я не хотѣлъ обнаружить грубый вкусъ редакторовъ и компрометировать ихъ передъ высшимъ свѣтомъ, и потому позволилъ себѣ прибѣгнуть ко лжи) но, къ сожалѣнію, пьеса ваша не можетъ быть напечатана въ журналѣ прежде восьми мѣсяцевъ, по множеству матеріаловъ, которыхъ редакція отлагать не можетъ.... Полагая, что вы не согласитесь на такой отдаленный срокъ,—я долгомъ счелъ возвратить вамъ ее».

III.

Послѣ этого нѣсколько времени я не встрѣчалъ г. Городническаго и не видалъ никого изъ нашихъ общихъ знакомыхъ.

Первая моя встрѣча съ нимъ была въ Петергофѣ на дебаркадерѣ желѣзной дороги. Онъ вертѣлся около какихъ-то весьма пышныхъ и важныхъ дамъ съ лорнетомъ на носу и наткнулся прямо на меня.

Я съ пріятнѣйшею улыбкою поклонился ему и хотѣлъ было даже простодушно протянуть ему руку, но онъ измѣрилъ меня съ ногъ до головы, какъ бы припоминая: что это за человѣкъ, который беспокоитъ меня своимъ поклономъ? потомъ язвительно пошевелилъ губами, холодно кивнулъ мнѣ головою и обратившись къ одной изъ дамъ, закричалъ: «*Princesse, par ici!*»

Къ подъѣзду дебаркадера подкатилась линейка, красный придворный лакей произнесъ, обращаясь къ пышнымъ дамамъ и г. Городническому: «линейка подана»; пышныя дамы съ помощію г. Городническаго сѣли въ линейку и онъ самъ помѣстился возлѣ одной изъ нихъ, бросивъ на меня взглядъ, который говорилъ чрезвычайно много:

«Видишь ли ты, говорилъ этотъ взглядъ, къ какому обществу принадлежу я?... Видишь ли ты, въ какихъ линейкахъ я разъѣзжаю и какіе лакеи стоятъ за мною? Убѣдился ли ты теперь своими глазами, какая бездна между мною—и вами несчастными литераторами, не умѣвшими оцѣнить моего превосходнаго произведенія? Я удостоивалъ снисходить до васъ, а вы вмѣсто того, чтобы принять меня и мое произведеніе съ распростертыми объятіями и восторгомъ, вы.... и прочее.

Этотъ нѣмой языкъ былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Я печально повѣсилъ голову и побрелъ вслѣдъ за линейкой, поднявшей облако пыли, зашѣпавшей мнѣ глаза и бросившейся въ ность.

Я остановился, чихая и протирая глаза. Каждая пылинка, поднятая аристократическою линейкою и упавшая на меня, говорила мнѣ, казалось, устами г. Городническаго о моемъ ничтожествѣ....

Въ другой разъ я встрѣтилъ г. Городническаго, у одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Онъ обошелся со мною холодно-вѣжливо

и въ разговорѣ почти не относился ко мнѣ.... Онъ говорилъ — объ европейской политикѣ и въ особенности о взглядахъ Англіи на континентъ и о ея планахъ. Онъ развивалъ эти планы въ такихъ мелочныхъ подробностяхъ, какъ будто былъ другомъ перваго министра Англіи, который по дружбѣ передалъ ему всѣ тайны своего кабинета. Я слушалъ его съ восторгомъ и не зналъ, чему болѣе удивляться—его либеральнымъ убѣжденіемъ, или его неслышанной памяти, потому что онъ цѣлыя страницы наизусть и почти слово въ слово передавалъ изъ сочиненій Токвиля и брошюркъ Монталамбера, самъ не замѣчая, что это не его мысли и слова. Потомъ онъ перешолъ къ отечеству и съ ядовитѣйшей пропойей отзывался объ разныхъ извѣстныхъ лицахъ; рассказывалъ, какъ онъ отдалъ одного значительнаго ретрограда за обѣдомъ у другаго значительнаго лица, намекалъ о томъ, какъ вообще всѣ боются его въ свѣтѣ, какъ онъ умѣлъ поставить себя относительно такого-то и такого-то лица и проч. И въ заключеніе обвелъ торжественно комнату и бросилъ на меня едва замѣтный косвенный взглядъ, но столь же многозначительный, какъ и тотъ, который былъ имъ брошенъ на меня съ придворной линейки.

Когда онъ уѣхалъ, пріятель мой, также человѣкъ свѣтскій, воскликнулъ, обратившись ко мнѣ:

— Какой чудный человѣкъ!... Не правда ли?... Отчего это вы не напечатали его пословицы? Конечно, она не Богъ знаетъ какое произведеніе.... но все-таки эта вещь очень остроумная и милая и гораздо лучше этихъ всѣхъ грубыхъ и грязныхъ обличительныхъ разсказовъ, которые печатаются въ вашихъ журналахъ. Къ тому же Городницкій съ просвѣщеннымъ образомъ мыслей, а такихъ людей вамъ, господа, не слѣдовало бы отталкивать отъ себя.... Такіе люди, какъ онъ, именно созданы для того, чтобы сближать высшее общество съ литературою.

— Боже мой! Да я-то чѣмъ виноватъ? вскрикнувъ я, — развѣ помѣщеніе его статьи зависѣло отъ меня?... Я только взялся по безконечной и непростительной слабости моего характера быть посредникомъ между нимъ и редакторами журнала. Развѣ я долженъ отвѣчать за то, что они по безвкусію своему не умѣли оцѣнить его поговорокѣ и не поняли той выгоды, которую бы доставило имъ напечатаніе ея и сближеніе съ такимъ человѣкомъ, какъ ея авторъ?

— Мнѣ, признаюсь, это очень досадно, перебилъ меня мой пріятель: — досадно въ особенности за тебя.... Воля ваша, это промахъ....

— Что жъ дѣлать? Теперь ужъ не поправишь его, произнесъ я со вздохомъ.

— Онъ тебя именно обвиняетъ въ этомъ, продолжалъ мой пріятель,—онъ говорить, что ты принималъ его піесу холодно, что ты могъ бы, если бы захотѣлъ, способствовать къ напечатанію ея, потому что имѣешь вліяніе на редакцію.

«Губительная слабость характера! простоналъ я внутренно,—до чего ты доводишь?.. Я желаю пріобрѣсти расположеніе и дружбу всѣхъ и потому не могу ни въ чемъ отказать никому и берусь даже за то, чего не могу исполнить.... и вотъ вмѣсто друзей я пріобрѣтаю враговъ, да еще какихъ враговъ! Впрочемъ г. Городницкому я ничего не общалъ, кромѣ передачи его рукописи, но какъ бы то ни было, теперь онъ врагъ мой, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и врагъ опасный, и непримиримый, потому что самое раздражительное самолюбіе изъ всѣхъ самолюбій въ мірѣ — это самолюбіе свѣтскаго литературнаго дилетанта....»

Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ всей этой исторіи, какъ въ городѣ начали носиться странные слухи обо мнѣ и объ редакторахъ журнала, въ которомъ я имѣю честь участвовать. Слухи эти все дѣлались громче; увеличиваясь и усиливаясь, они наконецъ дошли и до меня.... Мнѣ передавали съ разныхъ сторонъ, что въ свѣтѣ называютъ насъ ужаснѣйшими людьми, не имѣющими ни foi, ни loi, проникнутыми самыми вреднѣйшими для общества идеями, распространеніе которыхъ надобно мгновенно остановить, потому что они угрожаютъ общественной нравственности и порядку; что въ моихъ скромныхъ замѣткахъ скрываются какія-то заднія мысли; что въ нихъ будто бы надо читать что-то между строкъ.... и проч. и проч.

Если бы четверть этихъ милыхъ слуховъ имѣла какое нибудь правдоподобіе, то насъ справедливо слѣдовало бы изгнать изъ общества и отправить въ какіе нибудь безлюдныя степи.

«Но все это вздоръ», подумалъ я:—неужели-жъ найдется какой нибудь человѣкъ съ здравымъ смысломъ, который повѣритъ такимъ нелѣпымъ слухамъ?»

Однако я сталъ замѣчать, что тѣ, которые прежде очень благосклонно обращались со мною, начали посматривать на меня какъ-то подозрительно и холодно, а нѣкоторые изъ являвшіе мнѣ болѣе, нежели милостивое и лестное расположеніе, даже пожимавшіе мнѣ дружески руки съ самыми наипріятнѣйшими улыбками, при встрѣчѣ со мною произносили уже съ многозначительной ироніей и затаенной злобой: «здравствуйте-съ», какъ будто этимъ привѣтствіемъ хотѣли сказать мнѣ: «ву погоди-же, голубчикъ, мы съ тобой справимся!»

Что же это такое? и откуда все это?—Я не понималъ ничего.

— Послушай, любезный другъ, сказалъ мнѣ однажды одинъ изъ редакторовъ журнала, въ которомъ я участвую: — знаешь ли какіе слухи ходятъ объ насъ, да и объ тебѣ тоже? Ты вредишь и себѣ и намъ!

— Я? Какимъ это образомъ? Что это значить? Чась отъ часу не легче!

— Да, это все по твоей милости, продолжалъ редакторъ:—потому что ты Богъ знаетъ зачѣмъ связываешься съ свѣтскими литературными дилетантами! Кто тебя просилъ напримѣръ брать у г. Городницкаго его сочиненіе?

— Но какая связь, возразилъ я съ горячностью,—между этими слухами и драматическою поговоркой г. Городницкаго?

— Очень близкая: г. Городницкій оскорбился тѣмъ, что его сочиненія мы не напечатали, — и теперь мститъ намъ, распространяя эти слухи.

— Какой вздоръ! перебилъ я: — этого быть не можетъ. Городницкій человѣкъ порядочный и притомъ имѣющій такіа убѣжденія....

— И ты вѣришь, что эти господа могутъ имѣть какія нибудь убѣжденія,—это забавно!... Но какъ бы то ни было, а слухи эти пустилъ въ ходъ Городницкій, я это знаю изъ вѣрныхъ источниковъ. Вотъ тебѣ и урокъ, любезный: не связывайся впередъ съ свѣтскими либералами и литературными дилетантами!...

«Неужели»? подумалъ я,—но нѣтъ, этого быть не можетъ.... это ужъ слишкомъ! Никто въ свѣтѣ не увѣритъ меня, чтобы человѣкъ съ такимъ образованіемъ, съ такими взглядами съ такимъ возвышеннымъ образомъ мыслей, могъ бы такъ нелѣпо и низко мстить!... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, я этому не повѣрю!

«Откуда же однако эти слухи»?

Я до сихъ поръ ломаю себѣ голову и не могу ничего придумать.... Откуда же они?...

Но пора перейти къ петербургскимъ новостямъ, болѣе интереснымъ.

Начнемъ съ театровъ и прежде всего съ новой комедіи: «Не въ деньгахъ счастье», сочиненіе г. Чернышева, автора комедій: «Женыхъ изъ долговаго отдѣленія» и «Не въ деньгахъ счастье». Новая комедія г. Чернышева дана была въ первый разъ въ бенефисъ г. Мартынова.

Вотъ ея содержаніе:

Купецъ Боярышниковъ (35 лѣтъ) женился на купчихѣ, за которой взялъ въ приданое 50,000 р., а передъ женитьбой занялъ у простака пріятеля своего Щукина деньги безъ росписки и на эти деньги завелъ лавку. Боярышниковъ малой продумной и мѣтитъ прямо въ миллионеры. Тестъ передъ свадьбой имѣлъ было поползновеніе надуть зятя, но не на такого ваналя. Боярышниковъ отпирается отъ своего долга и повергаетъ своего пріятеля въ нищету. Онъ имѣлъ связь съ какой-то Анхень, которая умерла и отъ которой ему осталась 4-хъ лѣтняя дочь Маша; дочь эту призрѣваетъ добрая подруга Анхень, Королина Ивановна, почти насильно вытягивающая у Боярышникова 100 р. на прокормленіе и воспитаніе сироты.—Это прологъ пьесы.

Проходитъ 15 лѣтъ.... Боярышниковъ, овдовѣвшій и постарѣвшій, сдѣлался миллионеромъ. Совѣсть, не совѣсть еще убитая, начинаетъ безпокойно пробуждаться въ немъ. Ни о своей дочери, ни о своемъ довѣрчивомъ пріятелѣ онъ не имѣетъ никакихъ слуховъ и потому полагаетъ, что и дочь и пріятель умерли. Кому же достанутся его миллионы? Для чего же и для кого онъ скопилъ ихъ различными неправдами? Страшно подумать о смертномъ часѣ, а смертный часъ не за горами. Боярышниковъ взялъ къ себѣ пріемыша, онъ держитъ его строго, заставляетъ его читать ему благочестивыя книги, требуетъ, чтобы онъ ходилъ къ заутрени и къ обѣдни и носилъ не иначе, какъ русское платье; но совѣсть, не смотря на благодѣяніе, дѣлаемое имъ пріемышу, не даетъ ему покою ни днемъ, ни ночью: онъ томится среди своихъ миллионовъ въ безвыходной тоскѣ и со стономъ повторяетъ: «Господи! многогрѣшенъ, — Господи! Господи!» Ни постъ, ни молитва не помогаютъ ему.... тяжело старику съ нечистой совѣстью. И если бы онъ зналъ еще, что его пріемышъ и наслѣдникъ его миллионовъ только и думаетъ о томъ, какъ бы поскорѣй старикъ очутился, чтобы миллиончики-то пустить въ ходъ, чтобы показать себя и что называется размахнуться, т. е. гуляй душа!... Онъ и начинаетъ по немногу размахиваться, тайкомъ по ночамъ: надѣваетъ что ни-на-есть модное платье, задаетъ выпивку, на лихачахъ прокатывается съ дѣвками и проч.

А между тѣмъ Маша, дочь Боярышникова, вскормленная доброй Каролиной Ивановной, жива. Она, разумѣется, превратилась въ красавицу, поумнѣла и отличается не только физическими, но и нравственными совершенствами.... Она невѣста, ей 17 лѣтъ.... Среди нищеты, петербургскихъ соблазновъ, въ самомъ центрѣ разврата,—въ модномъ магазинѣ, гдѣ она училась шить, она сохранила свою невинность и чистоту.... Милая, рѣдкая дѣвушка!... Она свискиваетъ себѣ пропитаніе однимъ честнымъ трудомъ, на который и обу-

ся-то порядочно нельзя, а уж о кринолинѣ и думать нечего! Но Мама знать не хочетъ кринолиновъ; Мама героиня... хотя олицетворяющая Машу актриса явилась кажется въ кринолинѣ.... Нельзя же безъ этого!... Мама впрочемъ влюблена, но она таитъ въ себѣ эту любовь, она самой себѣ боится сознаться въ ней.... и она взаимно любитъ.... И какое счастье бѣдной сироткѣ!... Каролина Ивановна любить ее, какъ самая нѣжная мать, а конторщикъ безъ мѣста, Петръ Сергѣевъ, какъ самый пламенный, но въ тоже время скромный любовникъ, ибо

«.....Любовь сердецъ невинныхъ
Молчалива и робка....
Та украдкой страсть питала,
Тотъ вздыхалъ изъ-подъ тишка....»

Этотъ конторщикъ безъ мѣста — настоящій *Коридонъ* или *Титиръ* изъ самой чувствительной идилліи, по мягкости, тонкости, нѣжности чувствъ и по скромности и трезвости поведенія.

Этотъ новый Коридонъ безъ мѣста получаетъ какую-то должность, въ задатокъ ея 50 р. и конечно немедленно предлагаетъ свою руку и сердце Марѣ Васильевнѣ.... Вообразите себѣ восторгъ добрейшей Каролины Ивановны!... Къ тому же Каролина Ивановна случайно узнаетъ, что Боярышниковъ, отецъ Маши, живъ.... и вотъ какимъ образомъ: пьяный питомецъ Боярышникова, одѣтый въ наимоднѣйшее платье, встрѣтилъ Машу рано утромъ на улицѣ и не только преслѣдовалъ ее до дому, но ворвался къ ней въ квартиру.... Мама чуть не падаетъ въ обморокъ. Каролина Ивановна прячетъ ее отъ неистоваго купчика, а купчикъ кричитъ: «Ну, старушенція, обработай ты мнѣ эту статейку и я, то есть ничего не пожалѣю. Я, говорить, приемышъ Боярышникова»!

Каролина Ивановна въ восторгѣ, она узнаетъ адресъ старика и бѣжитъ къ нему объявить о томъ, что его дочь жива и что она помолвлена. При этой вѣсти у старика пошевельнулось что-то въ родѣ отцовскаго чувства, но онъ тотчасъ заглушаетъ его мыслію: вздоръ, это надувательство, она хочетъ только содрать съ меня деньги.... моя дочь давно умерла, не можетъ быть, чтобы она была жива... «Ну а если?» говоритъ онъ самому себѣ, по уходѣ Каролины Ивановны. Это если не даетъ ему покоя. Онъ рѣшается ѣхать къ Каролинѣ Ивановнѣ. — Каролины Ивановны нѣтъ дома, она вмѣстѣ съ своимъ жильцомъ Шукинымъ, тѣмъ самымъ, котораго Боярышниковъ обманулъ, отправилась дѣлать какія-то закупки для Маши. И Шукинъ (нѣчто въ родѣ смягченнаго Любима Торцова) также любитъ Машу... да и какъ не любить эту умную и скромную дѣвушку, неимѣющую впрочемъ никакого цвѣта, кромѣ прелестнѣйшаго цвѣта

лица?... Дома никого не осталось кромѣ ея, — и отецъ сходится съ дочерью лицомъ къ лицу... Сцена свиданія Боярышниковъ съ Машей очень удачна. Милліонеръ смягчается, обнимаетъ ее, но вдругъ выбѣгаетъ добрая Каролина Ивановна. При такомъ зрѣлищѣ она приходитъ въ восторгъ и начинаетъ болтать: «Ну, слава Богу, давно бы такъ. Вотъ теперь мы и порастрясемъ папенькины-то карманы!» Но эти добродушныя слова страшно дѣйствуютъ на милліонера, который вездѣ и во всемъ видитъ обманъ, надувательство и посягательство на его карманы. Онъ отталкиваетъ отъ себя дочь... «Нѣтъ это не моя дочь!.. Они хотятъ отъ меня только денегъ, я не позволю надуть себя... Ну, чортъ съ вами! вотъ вамъ деньги, это я даю вамъ добровольно, — онъ бросаетъ на полъ 300 руб. и выбѣгаетъ изъ комнаты.

Но ни Маша, ни женихъ ея, какъ люди честные не хотятъ брать этихъ денегъ, они хотятъ возвратить ихъ.... Шукинъ, узнавшій обо всемъ, берется за это. Онъ идетъ къ своему бывшему пріятелю, обокравшему его.

Передъ этимъ Боярышниковъ узнаетъ, что питомецъ его — негодяй и притомъ воръ: онъ вытащилъ у него изъ сундука два мѣшечка съ лобанчиками. Боярышниковъ выгоняетъ его изъ дому и отдаетъ ему эти мѣшки...

Когда передъ нимъ является Шукинъ, старикъ милліонеръ не вѣритъ глазамъ своимъ. Сначала онъ приходитъ въ ужасъ, думая, что Шукинъ явился къ нему съ того свѣта, чтобы требовать отъ него отчета въ своихъ деньгахъ; но потомъ, приходитъ въ себя, и радуется, что можетъ снять грѣхъ съ своей совѣсти.... «Возьми свои деньги, говоритъ онъ ему, возьми ихъ скорѣй!» на что Шукинъ отвѣчаетъ ему: «Не нужно мнѣ теперь этихъ денегъ, да возьми вотъ ужъ въ прибавку и тѣ, которыя бросилъ ты своей дочери. Ни она, ни женихъ ея не хотятъ этихъ денегъ, они меня просили возвратить тебѣ ихъ». Старикъ милліонеръ пораженъ этимъ... Какъ! бѣдныя, почти нищія отказываются отъ денегъ! Стало быть не въ деньгахъ счастье? Да! Развѣ счастливъ онъ съ своими милліонами?... Онъ признаетъ свою дочь, беретъ ее къ себѣ съ зятемъ и на этихъ условіяхъ примиряется съ Шукинымъ.

Піеса г. Чернышева, какъ видно изъ этого изложенія, не безъ мысли. Правда, эта мысль развита не совсѣмъ ловко, не совсѣмъ правдоподобно, мѣстами даже неудачна; языкъ дѣйствующихъ ея лицъ не имѣетъ характерности, но несмотря на все это, мы должны быть очень благодарны за нее автору... Во-первыхъ — комедія г. Чернышева со всѣми ея недостатками все-таки несравненно предпочтительнѣе всѣхъ комедій и водевилей, переводимыхъ съ французскаго и со-

вершенно чуждыхъ нашимъ нравамъ; а во-вторыхъ—комедія эта дала возможность нашему великому драматическому артисту — Мартынову создать типъ изъ роли купца Боярышниковъ...

Пусть же г. Чернышевъ не останавливается въ своихъ драматическихъ попыткахъ. Мы увѣрены, что при болѣе серьезномъ проникновеніи въ жизнь, при трудѣ и чтеніи, которыя будутъ способствовать къ развитію его дарованія, онъ можетъ современемъ написать очень хорошее драматическое произведеніе.—Будемъ надѣяться. Во всякомъ случаѣ, при бѣдности нашего репертуара, критика не должна слишкомъ строго судить молодого автора....

Но обратимся къ Мартынову.

Мы не одинъ разъ имѣли случай говорить о гениальности его таланта. Два года тому назадъ отдавая отчетъ о представленіи драмы г. Потѣхина: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», мы уже показали, что въ талантѣ Мартынова не одинъ комическій элементъ, а драматизмъ въ широкомъ значеніи этихъ словъ; что онъ не только превосходный комикъ, но и глубокий трагикъ, — и теперь послѣ представленія комедіи г. Чернышева, послѣ роли созданной имъ въ этой комедіи, намъ остается только повторить еще утвердительно то, что было сказано нами нѣкогда...

Мартыновъ безспорно принадлежитъ къ числу гениальныхъ драматическихъ артистовъ. Какъ многіе изъ парижскихъ знаменитостей послѣдняго времени, которыхъ намъ удалось видѣть и имена которыхъ знаетъ наизусть вся Европа — односторонни и блѣдны сравнительно съ Мартыновымъ, о которомъ понятія не имѣетъ Европа и котораго даже въ отечествѣ многіе считаютъ не болѣе, какъ очень хорошимъ комическимъ актеромъ, — только!

Изъ всѣхъ парижскихъ театральныхъ знаменитостей послѣдняго времени развѣ одинъ только Фредерикъ Леметръ могъ быть поставленъ по таланту рядомъ съ Мартыновымъ. У насъ онъ имѣетъ въ сію минуту только одного соперника — Садовскаго.

Критики наши при разборѣ пьесъ безпрестанно ставятъ на одну доску Мартынова съ другими тоже конечно даровитыми нашими актерами... и никому не кажется это сближеніе странно, никто не протестуетъ противъ этого, хотя между Мартыновымъ и тѣми, съ которыми ставятъ его наряду—неизмѣримая разница; хотя одинъ творецъ, художникъ, великій талантъ, а другіе не болѣе, какъ умные, ловкіе и довольно тонкіе актеры, схватывающіе вѣрно вышнія черты различныхъ лицъ, встрѣчаемыхъ имъ въ жизни и переносящіе ихъ на сцену. Для большинства публики — и особенно публики Александринскаго театра такіа различія конечно слишкомъ тонки. Это большинство заботится только о собственномъ развлеченіи и рукопле-

щегъ тому, кто болѣе забавляетъ его, кто смѣшнѣе передразниваетъ дѣйствительность... Театръ для большинства—средство какъ нибудь поразвлѣчься и убить время; многіе ли изъ зрителей ищутъ художественнаго наслажденія и понимаютъ что такое художественное наслажденіе? Этого отъ нихъ и требовать невозможно... Ужъ если критики смѣшиваютъ Мартынова съ другими даровитыми актерами, то о большинствѣ публики и говорить нечего.

Передать игру Мартынова въ роли Боярышника во всѣхъ ея отгѣнкахъ и подробностяхъ невозможно. Никакой искусный рассказъ не въ силахъ этого сдѣлать,—довольно сказать, что въ этой роли онъ создалъ удивительный типъ и возвелъ ее до высокаго драматизма, до ужасающей правды, которая впрочемъ во многихъ зрителяхъ возбуждала только добродушный смѣхъ.

Въ прологѣ мы его видѣли еще молодымъ, бойкимъ, неумолимъ, безжалостнымъ, безчувственнымъ, мелкимъ торгашомъ, который съ молокомъ всосалъ въ себя плутовство и обманъ, который съ дѣтства — еще мальчишкой въ лавкѣ у своего хозяина обучился обчитывать, обмѣривать, красть и лгать; который не понимаетъ и не видитъ другой цѣли въ жизни, кромѣ наживанья денегъ какимъ бы то ни было образомъ. «Кто нажилъ тотъ и правъ» — всѣ нравственныя правила его заключаются въ этомъ. Всѣ человѣческія ощущенія и чувства окаменѣли въ этомъ существѣ, вышедшемъ изъ такой школы. Глядя на этого, покуда еще мѣлкаго, торгаша, наблюдая за его ужимками, за выраженіемъ лица его, слушая его, вы предугадываете, что онъ будетъ современнѣею челоуѣкъ сильный, почетный, миллионеръ. Это—характеръ и еще какой... способный для достиженія своей цѣли возвыситься до злодѣйства. Онъ страшенъ этотъ мѣлкій торгашъ, а простодушная публика надъ нимъ подсмѣивается, не подозрѣвая, что заключается подъ его внѣшнимъ комизмомъ! Добрая Каролина Ивановна насилу вытягиваетъ у него сто рублей на воспитаніе его дочери и, отдавая ей эти деньги, съ внутреннимъ скрежетомъ, онъ кажется нарочно обчитаетъ и родную дочь, для которой вырываютъ у него милостыню... Съ какимъ безстыдствомъ и злодѣйствомъ отказывается онъ отъ занятыхъ имъ у пріятеля денегъ въ присутствіи своего тестя! И когда тесть, тронутый положеніемъ челоуѣка, котораго зять его пускаетъ по міру, говоритъ ему: «Не хорошо, братецъ; если ты занялъ, такъ отдай.»—«Охота же вамъ, тятенька, возражаетъ онъ хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало, — «слушать его... Развѣ не видите что онъ пьянъ?»—Морозъ подираетъ отъ этихъ словъ, произносимыхъ Мартыновымъ, а зрители—все смѣются... Неужели это смѣшно? Во 2 актѣ Мартыновъ является уже согбеннымъ старикомъ, трепещущимъ передъ мыслію о смертномъ часѣ и только по-

мыслящимъ о томъ, чтобы замолилъ свои тяжкіе грѣхи строгими постами, хожденіями въ церковь и тщательнымъ исполненіемъ всѣхъ внѣшнихъ церковныхъ обрядовъ, въ которыхъ для него заключается вся сущность религіи. Не легко, видно, достаются миллионы! Онъ еще пожалуй не прочь при случаѣ надуть, но ужъ обманъ не легокъ ему; онъ тревожитъ его, и обманувъ онъ тотчасъ наложитъ на себя тотчасъ эпитемью для успокоенія совѣсти. Онъ моритъ себя голодомъ, молится, читаетъ благочестивыя книги; но ни что не заглушаетъ въ немъ внутреннихъ упрековъ... Взгляните на лицо старика Мартынова въ ту минуту, когда Каролина Ивановна прибѣгаетъ къ нему съ извѣстіемъ, что дочь его жива, что она невѣста... Какая страшная борьба совершается въ немъ.... И чувство отцовской нѣжности и боязнь обмана.... Онъ не знаетъ благословлять или проклинать эту вѣстницу; онъ то рѣшается ѣхать къ дочери убѣдиться, что она жива, что она дѣйствительно его дочь, и прижать ее къ изнывшей отъ мученій совѣсти груди своей,—то говоритъ: «вздоръ, вздоръ, не поѣду; это обманъ, они хотятъ моихъ денегъ».

И надобно видѣть, какъ выражаетъ борьбу эту великій артистъ!

Въ этой сценѣ и въ послѣдующихъ затѣмъ при свиданіи съ дочерью и своимъ бывшимъ пріелемъ, у котораго онъ укралъ деньги—Мартыновъ удивителенъ. Искусство далѣе идти не можетъ. Переходы отъ нѣжности, отъ пробудившагося въ немъ человѣческаго и отцовскаго чувства къ торгашевской недовѣрчивости и къ озлобленію, возбуждаемому въ немъ подозрѣніемъ, что его обманываютъ, передаются имъ съ высокою художественною правдою.... Его ужась при видѣ Щукина; потомъ его радость, что онъ можетъ снять съ себя тяжкій грѣхъ, отдавъ ему деньги; его изумленіе, когда тотъ отказывается отъ нихъ,—все это такъ глубоко и истинно, такъ выше всѣхъ похвалъ!... Такія минуты наслажденія, какія доставляетъ Мартыновъ зрителю, сколько нибудь понимающему истинное значеніе драматическаго искусства, не часто удается испытывать и такія минуты даются только великими артистами.

Русская сцена должна гордиться Мартыновымъ. Мартыновъ, повторяемъ мы, столько же великій комикъ, сколько великій трагикъ и въ современномъ смыслѣ этихъ словъ, а не въ томъ, какъ понимали ихъ поклонники старой драматической школы, сценическія рутинѣры и риторы...

Къ сожалѣнію, онъ еще неполнилъ оцѣненъ ни публикою, ни критикою...

Переходить отъ Мартынова къ другимъ актерамъ. какъ-то нелюбо, мы чувствуемъ это, но обязаны передавать различныя новости и потому должны упомянуть и о г. Милославскомъ, провинціальномъ трагикѣ, дебютировавшемъ въ роли Гамлета. Г. Милославскій—по-

драмателъ покойнаго Каратыгина... Онъ, какъ кажется, придерживается всѣхъ старинныхъ ухватокъ, жестовъ, криковъ, вскрикиваній и другихъ сценическихъ эффектовъ, которые у него при этомъ еще всѣ подернуты легкимъ оттѣнкомъ провинціализма... И что за мысль пришла г. Милославскому дебютировать въ роли Гамлета?... Надобно имѣть большую довѣренность къ своимъ силамъ и смѣлость, чтобы выступить въ первый разъ въ этой роли; но одной смѣлости для выполненія ея недостаточно. Лучше бы начать съ чегонибудь полегче, а Гамлетовъ бы ужъ оставить въ покоѣ. — Эта роль очень трудна и глубока. Для удовлетворительнаго исполненія ея, кромѣ таланта, требуется еще значительное развитіе и много другихъ условій, о которыхъ здѣсь говорить бесполезно.

Французскій петербургскій театръ обнаруживаетъ большую дѣятельность и очень скоро передаетъ намъ парижскія новости. Всѣ пьесы, имѣвшія болѣе или менѣе значительный успѣхъ въ Парижѣ, какъ то: *Le Luxe*, *Le Roman d'un jeune homme pauvre*, *Cendrillon*, *Le ramflet* и другія были разыграны въ послѣднее время на Михайловскомъ театрѣ. Смотря на эти пьесы, исполненныя болѣе или менѣе удачно, мы пришли къ тому убѣжденію, что сценическій успѣхъ въ Парижѣ въ настоящую минуту не такъ труденъ; что соотечественники Мольера очень снисходительны къ своимъ современнымъ авторамъ, а современные ихъ авторы очень смѣлы. Мы одного только не совсѣмъ понимаемъ, почему нѣкоторые изъ поименованныхъ пьесъ называются комедіями?.. Неужели мелодрама не совсѣмъ удачно выкроенная изъ повѣсти (я говорю о пьесѣ г. Октава Фельета) похожа на комедію?.. Впрочемъ все это до насъ не касается; нельзя только здѣсь не замѣтить кстаті, что современная французская драматическая и не драматическая литература представляютъ весьма печальное зрѣлище... Между петербургской французской труппой первое мѣсто занимаютъ — г. *Лемениль* и г-жи *Майеръ* и *Вольнисъ*... Въ длинной и довольно скучной пьесѣ *Cendrillon* г-жа Майеръ въ роли избалованной дочки прелестна, а г-жа Вольнисъ — очень хороша въ роли бѣдующей мамежки... Что же касается до Сандрильоны... то признаемся вообще игра г-жи Напталъ-Арну не производитъ на насъ большаго впечатлѣнія, особенно послѣ такихъ артистокъ, какъ г-жи Аллацъ, Маделенъ Броганъ, и даже Плесси, которыхъ ампуа занимаетъ она. —

На нѣмецкой сценѣ съ успѣхомъ играютъ пріѣзжіе карлики: — Жанъ-Пикколо, Жанъ-Пети и Киссъ-Юши. Первый изъ нихъ (по мѣркѣ одной изъ нашихъ газетъ) ростомъ въ 34 дюйма, второй въ 29, а третій въ 25. — Мы не считаемъ нужнымъ представлять біографіи этихъ маленькихъ господъ и скажемъ только, что они смѣшаты и забавляютъ публику... Чего-же больше и требовать отъ

нихъ?... Они бѣгаютъ по сценѣ довольно ловко, пищаютъ и даже хорошо поютъ куплеты...

Г-жа Феррарисъ продолжаетъ нравиться публикѣ и произвела большой эффектъ въ балетѣ Фаустъ.

Въ бенефисъ г-жи Бозио даны были «Шотландскіе Пуритане». Бенефициантка пропѣла свою роль удивительно и была засыпана букетами и подарками....

Что еще сказать о театрахъ?... Ахъ, да! — вотъ два печальныхъ извѣстія:

Прекрасный Театръ-Циркъ сгорѣлъ и новая комедія знаменитаго драматическаго обличителя, автора «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» и «Предубѣжденія» и редактора павшей остроумной газеты «Весельчакъ», непонятой публикою—г. Львова, подъ заглавіемъ: «Компанія на акціяхъ»—также пала. Она дана была одинъ разъ и болѣе увы!—не повторится. О редакторѣ непонятаго «Весельчака» и объ авторѣ непонятной комедіи даже и прежніе хвалители его отзываются нынѣ насмѣшливо. Намъ не мудрено было не понять новой комедіи г. Львова, потому что мы не понимали и прежнихъ его произведеній, которыя производили такой фуроръ и даже печатались въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ....

«Слава, — насъ учили, — дымъ»!

Да!—какъ дымъ разлетѣлась въ минуту громадная слава г. Львова.... Надежды, возлагавшіяся на него публикою Александринскаго театра обмануты... и мы вѣроятно не скоро будемъ имѣть удовольствіе видѣть остроумнаго и разстроганнаго автора, ловко раскланивающагося передъ рукоплещущею ему публикою.... Литературное поприще очень скользко: надо чрезвычайно ловко держаться на немъ, чтобы поддерживать эквилибръ и не упасть, а послѣ паденія, да еще двойнаго, какъ драматурга и редактора, приподниматься уже не такъ легко. Иногда такъ больно ушибешься, что и совсѣмъ не встанешь!

Литературная слава—самая ненадежная изъ всѣхъ славъ! Въ обществѣ легко пріобрѣтается, напримѣръ, слава благонамѣреннаго человека: для этого стоитъ только имѣть, хоть-положимъ, пріятнѣйшую наружность и ловкія манеры Павла Ивановича Чичикова; но въ литературѣ дажеи Павелъ Ивановичъ Чичиковъ (еслибы былъ возможенъ литературный Чичиковъ) съ его пріятнѣйшею наружностію и ловкостію, не могъ бы долго пользоваться славой благонамѣреннаго писателя... Можно пожалуй легко пріобрѣсти славу въ родѣ г. Мерикюра, но кто же захочетъ пользоваться такою постыдною славой? Но «о падшихъ или хорошо или ничего» говоритъ латинская пословица. Вслѣдствіе этого мы не продолжаемъ... и переходимъ къ спектаклямъ любителей.

Мы уже извѣщали о томъ, что въ великолѣпномъ домѣ князя Бѣлосельскаго, въ пользу патріотическихъ школъ, дана была любителями — въ первый разъ пьеса графа Фредро, подъ названіемъ «На балѣ». Во второй разъ въ пользу тѣхъ же школъ разыграна была, не теряющая до сихъ поръ значенія, комедія Грибоѣдова «Горе отъ Ума»... Мы предпочитаемъ произведеніе Грибоѣдова произведенію графа Фредро, какъ послѣднее ни остроумно... О комедіи Грибоѣдова говорить кажется нечего, она извѣстна всей Россіи; но Россія еще не знаетъ свѣтской комедіи графа Фредро и потому мы стараемся, по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей, передать ея содержаніе.

Дѣйствіе пьесы графа Фредро въ Римѣ, на балѣ у Торлонія (извѣстный банкиръ, князь и жидъ). Русская дама (безъ фамиліи) красивая, молодая... и вдова, выбѣгаетъ на сцену изъ танцевальной залы, усталая, запыхавшаяся отъ танцевъ. Она говоритъ, что ей нѣтъ мочи, что ее затанцовали, а что впрочемъ все это невыносимо скучно и что всѣ мужчины ей надоѣли. На эти слова входитъ курляндскій баронъ (тоже безъ фамиліи) человѣкъ лѣтъ 50, свѣтско-ученый господинъ, путешественникъ, побывавшій на Чимборазо и чуть ли не въ Австраліи. — «Неужели всѣ? спрашиваетъ онъ даму.» — «Всѣ и даже.... нѣтъ, для васъ я дѣлаю исключеніе, отвѣчаетъ она». — «А для кого?» — «Не говорите мнѣ о немъ!» Изъ разговора оказывается, что какой-то молодой человѣкъ пламенно влюбленъ въ даму, но что она съ крайнею жестокостью отказывается ему во взаимности. Баронъ увѣряетъ, что отъ того-то именно ей все и надоѣло, что у нея нѣтъ цѣли въ жизни и что Богъ знаетъ, куда она запрятала свое сердце, а оно есть у нея, и онъ недаромъ повторялъ ей это и въ Парижѣ и въ Лондонѣ и въ Баденѣ.. вездѣ, гдѣ они не встрѣчались. Милая дама сердится, говоритъ, что *сердца-то именно у нея нѣтъ, что оно было у нея, да сплыло въ Петербургѣ*—въ этомъ тщеславномъ городѣ, гдѣ каждая женщина не то, чѣмъ ее Богъ создалъ, а то, чѣмъ хочется, чтобы была она большому свѣту (фраза графа *Соллогуба* — знатока великосвѣтскости). За симъ слѣдуетъ печальная повѣсть ея прошедшаго: она вышла рано замужъ, безъ любви, за человѣка не богатаго, штабсъ-капитана, *да еще и армейскаго (оп!) въ отставку, жила въ Петербургѣ, въ Коломнѣ, въ 3 этажѣ, ѣздилъ въ Оперу во 2 ярусъ—это ужасно!* — Но въ то время она знавала молодого человѣка, о которомъ говоритъ баронъ, она ему даже очень нравилась, но онъ принадлежалъ къ свѣту—и *скорѣе бы умеръ, чѣмъ рѣшился прійти къ ней въ ложу во 2 ярусъ!* (милый молодой человѣкъ!) «А этого она ему никогда не проститъ!» (еще бы!) Затѣмъ мужъ ея умеръ. Она уѣхала за границу. Тамъ она слѣдалась снова — *она, чѣмъ Богъ ее создалъ, а Богъ создалъ ее свѣтскою дамой....* Она нашла себѣ мѣсто,

Положеніе ея перемѣнилось; перемѣнились и отношенія къ ней молодого человѣка. Онъ льно, торжественно сталъ ея поклонникомъ. Она, затаивъ свою злобу, отъявленно стала съ нимъ кокетничать, свела его совершенно съ ума и когда онъ наконецъ предложилъ ей руку, съ благороднымъ негодованіемъ отвергла его. Баронъ находитъ поступокъ ея непохвальнымъ и все-таки стоитъ на своемъ: «повѣрьте, говоритъ онъ, — *женщина безъ любви все равно, что муж-чина безъ отечества!* (прекрасная и новая мысль!); васъ ждутъ разныя невзгоды, пока вы не выберете себѣ спутника и цѣли въ жизни.» На мудрыя наставленія стараго фразѣра она отвѣчаетъ вопросомъ: «кого же мнѣ выбрать, кого полюбить? не васъ ли?» — «Боже меня сохрани! восклицаетъ баронъ; — нѣтъ, я слишкомъ опытенъ, слишкомъ хорошо знаю жизнь вообще и женщинъ въ особенности, чтобы поддаваться этому милому соблазну....» или что-то въ этомъ родѣ. Барыня перемѣняетъ тонъ и начинаетъ тонкимъ образомъ заигрывать съ знаменитымъ путешественникомъ. Дѣло доводитъ она до того, что старикъ таетъ и дѣлаетъ ей объясненіе на старыи ладъ. Онъ склоняетъ уже колѣни, но она раздражается громкимъ хохотомъ и говоритъ ему, что наставленія давать легко, но съ женщинами мудрымъ быть трудно—даже тому, кто побывалъ и на Чимбѣразо! Затѣмъ объявляетъ ему, что она гораздо вѣрнѣе самой себѣ, чѣмъ онъ своему опыту и нравственнымъ теоріямъ, и что она по прежнему *безъ всякаго сердца* отправляется тавдовать. Баронъ остается одинъ, нѣсколько сконфуженный, и рѣшается ей отомстить. Онъ слышитъ ея шаги, вынимаетъ какое-то письмо изъ кармана и погружается въ глубокое размышленіе. Дама возвращается и проситъ его простить ей ея шалость. Онъ будто не слышитъ. Она начинаетъ допрашивать его о причинѣ его разсѣянности. Онъ отвѣчаетъ несвязно, полу-словами, какими-то намеками на письмо, которое держитъ въ рукахъ. Любопытство ея задѣто. — «Баронъ, говоритъ она, — у васъ есть какал-го тайна, которую вамъ смерть хочется повѣрить мнѣ, но вамъ хочется, чтобы я васъ спросила объ этомъ, насильно вырвала у васъ эту тайну. Извольте! Миленькій, добренькій баронъ, сдѣлайте мнѣ милость, скажите мнѣ секретъ, который вамъ такъ хочется сказать мнѣ». Баронъ словно нехотя говоритъ, что у него никакого секрета нѣтъ, но что онъ цѣлый уже день не можетъ освободиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него посѣщеніемъ утромъ одного дома, въ которомъ ему живо и горестно вспомнилось одно плачевное обстоятельство, послѣдствіи одной несчастной любви.... «Эготъ домъ хорошо извѣстенъ русскимъ» прибавляетъ онъ. — «Опять любви!» восклицаетъ дама насмѣшливо, «и любимая женщина стоила этой любви?» — «О! да!» отвѣчаетъ баронъ, пристально глядя на нее. — «Хотите, го-

ворить дама, я опишу вамъ ее въ нѣсколькихъ словахъ?» — «Сдѣлайте милость....» — «Она была.... недурна.... не безъ ума.... честолюбива.... горда.... и наконецъ провинціалка....» На все это баронъ отвѣчаетъ утвердительно. Дама вполне убѣждена, что она отгадала Тайну, что рѣчь идетъ о ней и что баронъ ведетъ все это къ тому, чтобы снова заговорить о своемъ grотéé. — «Въ чемъ же состоятъ несчастныя послѣдствія этой любви?» спрашиваетъ она также насмѣшливо. — «Будто вы не знаете? помыслите, это тысячу лѣтъ извѣстно всему міру.» — «Однако все-таки скажите!» — «Извольте. Видя, что дѣлать нечего, что все пропало для него, и будущее, и счастье и любовь, онъ заперся съ своимъ рабомъ, и....» — «И?» спрашиваетъ дама, начиная волноваться.... «И.... зарѣзался....» — «Зарѣзался?... О Боже! зачѣмъ не подождать онъ?...» И бѣдная львица, блѣднѣя, падаетъ въ кресло. — «Когда же это случилось? говорите, ради Бога», вопрошаетъ она, простирая къ нему руки. — «Да.... «позвольте.... 1888 лѣтъ тому назадъ!» отвѣчаетъ онъ съ разстановкой. — «Баронъ, вы съ ума сходите или рѣшились меня уморить! Что это вы говорите, о комъ?» — «Я говорю о Маркѣ-Антоніи, любовникѣ Клеопатры; я сегодня посѣщалъ за Монте-Пинчіо домъ, ему принадлежавшій, по преданію. Тамъ у меня такъ живо воскресла въ памяти судьба этого историческаго любовника, тѣмъ болѣе, что между Клеопатрой и вами я нашелъ большое сходство: она была умна и прекрасна, какъ вы; какъ вы—честолюбива и горда, и наконецъ провинціалка, какъ вы; извѣстно, что Египетъ былъ римская провинція!» — Баронъ отмытилъ; дама не находитъ отвѣта на эту выходку; она ее не на шутку напугала. — «Вотъ видите, что у васъ есть сердце! говоритъ онъ,—и это доказательство извиняетъ мою неумѣстную шутку. Простите меня, забудьте ваши мстительные замислы, отдайтесь влеченію души и будьте счастливы единственнымъ счастіемъ возможнымъ для женщины—любовью». — «Баронъ! вы вѣчно хотите быть наставникомъ всѣхъ и cadaго, даже тогда, когда васъ объ этомъ не просятъ. Кто вамъ сказалъ, что я сама давно не придумала всего этого?» — «А я вамъ помогу исполнить придуманное тотчасъ же. Онъ здѣсь, въ Римѣ, на балѣ; вы его увидите сейчасъ. Это письмо, которое у меня въ рукѣ, отъ него. Пожалуйста!» говоритъ баронъ, поднимая портьеру двери, ведущей въ танцевальную залу. Занавѣсъ опускается.

Эта свѣтская шутка, которую можетъ быть авторъ и не считаетъ шуткою (мы просимъ у него извиненія за такое названіе) была очень мило разыграна. Роль барона игралъ самъ авторъ...

Но обратимся къ серьезному... т. е. къ «Горю отъ Ума».

«Горе отъ Ума» было разыграно и обставлено не только серьезно, но превосходно. Подобной обстановки, такого ensemble, мы ни-

когда не видали ни на московской, ни на петербургской сценах... Наши записные актеры, какъ люди малознакомые съ свѣтомъ, не смотря на таланты нѣкоторыхъ изъ нихъ, никогда не умѣли придать своей игрою комедии той свѣтской тонкости и ѣдкости, которою она вся пропитана. Чацкій являлся съ манерами, криками и величественностію Агамемнона, или Ляпунова; Фамусовъ не совсѣмъ походилъ на московскаго барина; я не говорю уже объ остальныхъ лицахъ, только одинъ Репетиловъ (Сосницкій) былъ безукоризненно-хорошъ...

Повторяемъ, мы увидѣли, къ изумленію нашему, въ залѣ князя Бѣлосельскаго, въ первый разъ въ жизни, остроумное и ядовитое произведеніе Грибоѣдова, разыгранное свѣтскими любителями, такъ, какъ слѣдуетъ....

Г. Ушаковъ, въ роли Фамусова, — г. Маркевичъ, въ роли Чацкаго, г-жа Мичурина въ роли Софьи, — были превосходны, гг. Ушаковъ и Маркевичъ явились настоящими артистами. Оба они поняли чрезвычайно вѣрно свои роли и съ замѣчательнымъ мастерствомъ и тонкостію олицетворили ихъ... Остальные лица: Загорѣцкій, Репетиловъ, Лиза, Молчалинъ, — словомъ всѣ были почти безукоризненно хороши.

Зрители были въ восторгѣ.

Такого пріятнаго и полнаго сценическаго впечатлѣнія мы давно не испытывали.

Мы совѣтовали бы посмотрѣть на этихъ свѣтскихъ любителей настоящимъ артистамъ, особенно участвующимъ въ «Горе отъ Ума». Это было бы для нихъ весьма полезно...

Предвѣстіе великаго поста — начинались концерты.

Однимъ изъ замѣчательныхъ былъ утренній концертъ въ залѣ Дворянскаго Собранія г. *Мортъ-де-Фоктена*. Зала была полна, не смотря на то, что въ это утро была репетиція «Горе отъ Ума» въ домѣ князя Бѣлосельскаго, гдѣ было также многочисленное стеченіе публики.

Въ университетской залѣ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ, былъ также прекрасный концертъ, въ которомъ участвовали всѣ итальянскіе пѣвцы и пѣвицы.

Концерты концертнаго общества посѣщаются знатоками и любителями. Концертное общество разослало при афишахъ объявленіе о томъ, что на второй, четвертой и шестой недѣляхъ предстоящаго поста по пятницамъ отъ 8½ до 10 ч. вечера возобновятся, по примѣру минувшихъ годовъ, въ залѣ Придворной пѣвческой Капеллы музыкальные вечера...

Вотъ еще новость: въ Петербургъ пріѣхали Самоѣды изъ Архангельска съ оленями показывать себя и прокатывать на оленяхъ петербургскихъ жителей. Они устроили на Невѣ юрту и покрыли ее

оленьими шкурами. Олени запряжены по четверкѣ въ маленькіе санки. Охотниковъ кататься множество. Катанье это стоитъ 20 к. Самоѣдъ, правящій оленьими, въ балахонѣ до колѣнъ изъ какой-то шерстяной, пестрой матеріи... На Невѣ въ первый дебютъ самоѣдовъ были тучи народа, потому что въ это время происходилъ неподалеку на Невѣ рысистый и трюичный бѣгъ. Одинъ изъ призовъ, говорятъ, получила вятская крестьянская тройка. Бѣги эти привлекаютъ на Неву каждое воскресенье несмѣтное число зрителей.

Между очень пріятными новостями для Петербурга, безъ сомнѣнія, новость—объ учреждающейся компаніи публичныхъ каретъ. Петербургъ сильно нуждается въ приличныхъ наемныхъ экипажахъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ, касающихся удобства, онъ очень отсталъ отъ европейскихъ городовъ. Статутъ новой компаніи утвержденъ 2 января. Компанія учреждена графомъ Шуваловымъ гг. Феллейзеннымъ и Преномъ. Капиталъ компаніи въ 400,000 р., раздѣленныхъ на акціи въ 100 р.—Число акцій неограничено. Дирекція компаніи будетъ состоять изъ пяти директоровъ, избранныхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ; 10 акцій даютъ право голоса; 50 акцій право на два голоса, 100 на три.

Публичныя кареты компаніи назначаются преимущественно для того, чтобъ развозить прѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ... Цѣны опредѣляются таксою. Компанія должна первоначально учредить 150 четверомѣстныхъ каретъ. Впослѣдствіи введены будутъ компаніею экипажи всѣхъ родовъ — закрытые, двухколесные и четверо-колесные...

На послѣднемъ изъ баловъ, по подпискѣ, Дворянскаго Собранія находился между прочимъ Эмиръ Бухары, находящійся теперь въ Петербургѣ... Множество блестящихъ баловъ дано было въ Петербургѣ въ теченіи прошедшаго и начала этого мѣсяца, изъ которыхъ, говорятъ, отличался великолѣпіемъ и изящнымъ устройствомъ балъ Э. Д. Н.*

Маскерады продолжаются въ Дворянскомъ Собраніи и въ разныхъ клубахъ. Маскерады Благороднаго Танцевальнаго Собранія неуступаютъ маскерадамъ Дворянскаго Собранія. Помѣщеніе танцевальнаго собранія у Полицейскаго моста въ домѣ Елисеева — прекрасно: превосходный входъ, большая зала и множество комнатъ, отдѣланныхъ со вкусомъ... По пятницамъ здѣсь веселится и танцуетъ среднее петербургское общество.

Публичныя лекціи въ Пассажѣ, имѣющія, какъ мы уже говорили, большой успѣхъ, — возбудили недавно журнальную полемику. Г. Ходневъ, читающій химію, на одной изъ своихъ лекцій упомянулъ между прочимъ объ результатахъ нѣкоторыхъ химическихъ опытовъ гг. Бунзена и Шинкова, и замѣтилъ, что эти результаты не по-

вы... Г. Шишковъ напечаталъ очень горячую статейку противъ г. Ходнева; г. Ходневъ отвѣчалъ ему; за г. Шишкова противъ г. Ходнева вступился г. Ф. П. — и ученая полемика вдругъ вспыхнула въ газетахъ съ громкими взрывами, какъ порохъ, изъ за котораго началась она... Кто правъ? Кто виноватъ? это должны рѣшить спеціалисты; но намъ невѣждамъ въ этомъ дѣлѣ, кажется со стороны, что г. Шишковъ могъ бы принять замѣчаніе г. Ходнева пѣсколько по хладнокровію.

Гг. Стасюлевичъ и Никитенко окончили свои публичные лекціи... Теперь очередь за г. Благовѣщенскимъ...

Въ одной изъ газетъ мы прочли довольно оригинальную характеристику этихъ лекцій, отрывокъ изъ которой сообщаемъ здѣсь:

«Лекція г. Стасюлевича (читанная 19-го января) «О провинціальномъ бытѣ временъ Людовика XIV», съ лекціею профессора Никитенко представляетъ совершенный контрастъ, рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ внѣшней обстановки до самаго содержанія лекціи.

«На лекціи у Никитенко, какъ мы уже замѣтили, публики было довольно много, но у Стасюлевича несравненно болѣе; Никитенко читалъ лекцію на подмосткахъ, на которыхъ прежде помѣщался оркестръ Шуберта, и довольствовался свѣтомъ лампы, надъ нимъ висѣвшей; къ лекціи Стасюлевича подмостки были сняты, кафедра стояла уже на полу и на кафедрѣ два подсвѣчника — по три свѣчи въ каждомъ; Никитенко читалъ тихо, не давая каждому слову смыслъ, съ прекрасною интонаціею, Стасюлевичъ читалъ громко, но монотонно; Никитенко о себѣ и своей лекціи ничего не говорилъ, но тонъ и способъ изложенія дѣлали ее болѣе похожею на разсужденіе человѣка, излагающаго свои мысли ex-prompto, въ какойнибудь частной залѣ, гдѣ каждый изъ слушателей будетъ говорить въ свою очередь; Стасюлевичъ говорилъ, что онъ недостойнъ той чести, которую сдѣлалъ ему Университетъ, избравъ его для чтенія лекцій, и называлъ свою лекцію бесѣдою; но она все-таки была лекціею и тонъ его тономъ профессора. Никитенко многіе не слышали, но всѣ слышавшіе понимали; — Стасюлевича всѣ слышали, но многіе не понимали; лекція Никитенко продолжалась часть, и съ самаго начала до конца ея большая часть публики разговаривала; лекція Стасюлевича продолжалась 1 ч. и 29 минутъ, и въ продолженіе всего этого времени тишина не была нарушена ничейшимъ шорохомъ; но когда профессоръ прекращалъ чтеніе, для того чтобы развести въ водѣ сахаръ и выпить, публика начинала откашливаться, оправляться, смѣяться, разговаривать — поднимался страшный шумъ. Но при первомъ словѣ его опять все умолкло. Никитенко читалъ первый, но безъ

всякаго вступленія; Сталюкевичъ читалъ вторымъ, но сдѣлалъ обшее предисловіе ко всѣмъ лекціямъ и т. д.»

8 февраля въ часть пополудни происходилъ годичный актъ С. П.-б. Университета въ большой университетской залѣ, въ присутствіи гг. министра народнаго просвѣщенія, попечителя С.-Петербургскаго округа и другихъ значительныхъ лицъ. Объ отчетѣ, прочитанномъ г. ректоромъ Университета, и о другихъ подробностяхъ акта мы общимъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ...

Въ залѣ Святѣйшаго Синода устроена выставка для публики копій и фотографій съ древнихъ образовъ, вазъ и факсимиле съ греческихъ рукописей, снятые г. Севастьяновымъ въ монастырѣ на Аѳонской горѣ. Объ этихъ замѣчательныхъ фотографіяхъ и снимкахъ мы подробнѣе будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ литературныхъ новостяхъ.

Самою замѣчательнѣйшею и пріятнѣйшею изъ нихъ это выходитъ I тома *Сочиненій г. Островскаго*. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ пять піесъ: *Семейная картина*, *Свои люди—сочтемся*, *Утро молодого человека*, *Блудная Невѣста* и *Не въ свои сани не садись*. Изданіе г. Островскаго принадлежитъ графу Куселеву Безбородко — и отличается не только изяществомъ, но и роскошью.

Мы убѣждены, что оно разойдется быстро. Публика давно нуждалась въ собраніи сочиненій одного изъ первыхъ представителей современной русской литературы — автора «Свои люди—сочтемся».

Мы должны быть чрезвычайно благодарны графу Куселеву за удовлетвореніе этой потребности публики.

Въ непродолжительномъ времени отпечатаются и выйдутъ въ свѣтъ *пятая, шестая и седьмая части «Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей»*, издаваемыхъ подъ редакцію г. Гербеля. Вотъ содержаніе этихъ трехъ книжекъ: *Часть пятая*: «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ, въ новомъ переводѣ Н. В. Гербеля, и «Марія Стюартъ», въ старомъ переводѣ покойнаго Шишкова 2-го. *Часть шестая*: весь «Валленштейнъ», именно: «Прологъ», въ новомъ переводѣ Л. А. Мей, «Лагерь Валленштейна», въ новомъ же переводѣ Л. А. Мей, «Пикколомини», драматическая поэма, также въ новомъ переводѣ В. А. Лялина, и «Смерть Валленштейна», въ старомъ переводѣ покойнаго Шишкова 2-го. *Часть седьмая*: «Коварство и Любовь», въ новомъ переводѣ М. М. Достоевскаго, и «Орлеанская Дѣва», драматическая поэма въ старомъ переводѣ В. А. Жуковскаго. *Часть осьмая* также готовится къ печати. Въ составъ ея войдутъ: «Димитрій Самозванецъ», не оконченная трагедія, въ новомъ переводѣ Л. А. Мей, «Духовидецъ», романъ, также въ новомъ переводѣ А. А. Григорьева, «Мизантропъ», драматическій отрывокъ, въ новомъ же переводѣ Н.

В. Гербея, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, не вошедшія въ первыя двѣ части «Шиллера», въ переводахъ: В. Г. Бенедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербея, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, О. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ. *Части девятая и десятая*, куда войдутъ два большихъ историческихъ сочиненія Шиллера: «Исторія тридцатилѣтней войны» и «Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ-подъ испанскаго владычества», оба въ *новыхъ* переводахъ, первое — М. Л. Михайлова, а второе — Л. А. Мея, также начаты. Остальныя *десятая и одиннадцатая части* будутъ заключать въ себѣ историческія, философическія и критическія статьи Шиллера. Многія изъ нихъ ужъ переведены; остальные — переводятся.

Съ іюля настоящаго года будетъ издаваться журналъ при министерствѣ юстиціи.

Мы получили слѣдующее извѣщеніе объ немъ:

«Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, при министерствѣ юстиціи, въ наступившемъ 1859 году, будетъ издаваться Журналъ Юридическій.

«Вотъ программа его:

«Въ составъ Журнала Министерства Юстиціи войдутъ свѣдѣнія служебныя и ученныя по теоріи и исторіи законовѣдѣнія; а потому онъ раздѣлится на двѣ части: *официальную* и *неофициальную*, служащія взаимнымъ одна другой дополненіемъ.

«*Часть первую, официальную*, составятъ слѣдующіе отдѣлы: *Отдѣлъ 1-й Высочайшія повелѣнія*. 1) Высочайшіе именныя указы и Высочайшія повелѣнія, объявленныя министерствомъ юстиціи по предметамъ, относящимся собственно къ судебному вѣдомству и управленію. 2) Высочайшее утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта и положенія комитетовъ гг. министровъ, кавказскаго и сибирскаго, по дѣламъ судебнымъ. — *Отдѣлъ II. Правительственныя распоряженія*: А) По сенату. 1) Указы сената, коими дѣлается какое-либо разъясненіе встрѣчающихся на практикѣ недоумѣній въ примѣненіи законовъ, манифестовъ и проч. 2) Указы сената, содержащіе въ себѣ предписанія о соблюденіи какихъ либо правилъ по дѣламъ судебнымъ и административнымъ. Б) По министерству юстиціи. 1) распоряженія министерства юстиціи по части правительственной. 2) извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ. 3) Статистическія свѣдѣнія о дѣлахъ въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ. 4) Замячанія по отчетности подвѣдомственныхъ мѣстъ и лицъ и по ревизіямъ. — *Отдѣлъ III. Личный составъ по министерству юстиціи*: 1) Перемѣны, послѣдовавшія въ личномъ составѣ должностныхъ лицъ по правительствующему сенату, департаменту министерства юстиціи и губернскимъ судебнымъ мѣстамъ. 2) Награды и възысканія, отпуски и исключенія изъ списковъ послучаю смерти.

«*Часть вторая, неофициальная, будетъ заключать въ себѣ также три отдѣла. Отдѣлъ I.* 1) Обзорѣніе отечественнаго законодательства по разнымъ частямъ нашихъ уставовъ. 2) Изложеніе рѣшеній, которыми поясняется примѣненіе какихъ либо законовъ или объясняется самый законъ. 3) Обзорѣніе современнаго развитія иностранныхъ законодательствъ.—*Отдѣлъ II. Судебная практика.* 1) изложеніе рѣшеній, вошедшихъ въ окончательную законную силу по дѣламъ гражданскимъ лицъ, къ которымъ они относятся. 2) Изложеніе замѣчательныхъ рѣшеній по дѣламъ тяжбынымъ и уголовнымъ въ иностранныхъ государствахъ. *Отдѣлъ III.* 1) Разсужденія по разнымъ частямъ законодательства. 2) Библіографія. Обзорѣнія книгъ и журналовъ, выходящихъ какъ въ Россіи, такъ и за границую, по юриспруденціи.

«Журналъ Министерства Юстиціи» будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ. Подписка принимается въ Санктпетербургѣ, у комиссіонера Министерства Юстиціи, А. И. Давыдова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава. Къ тому же комиссіонеру министерства благоволятъ относиться и иногородные подписчики. Имена подписчиковъ будутъ припечатаны при нумерахъ журнала. Цѣна за годовое изданіе съ 1 іюля 1859 по іюль 1860 года 6 руб. сер.; съ пересылкою же или доставкою 7 р. 50 коп. сер.»

Будетъ издаваться съ апрѣля этого года еще новыи журналъ, подъ громкимъ названіемъ: *Орелъ*. Журналъ этотъ будетъ ученый, литературный... и какъ бы вы думали еще что?... *иллюстрированный*... Не дурно бы уже прибавить черно книжный и кабалистическій, ибо намъ подписчикамъ (я буду непременно въ числѣ подписчиковъ этого журнала, какъ охотникъ до всякаго черно книжія) редакция «Орла» обѣщаетъ между прочимъ очерки астрологій, кабалистики, магіи и алхиміи, тайны ордена іезуитскаго и масонскія тайны. Какъ не подписаться на такой журналъ? Все таинственное и сверхестественное такъ намъ нравится... и притомъ еще картинки!.. Редакция «Орла» говоритъ, что она *сознаетъ обширность своего труда и пользу предпринимаго ею изданія*.... Прекрасно!.. но изъ кого же состоитъ редакция?.. Это также тайна... подъ объявленіемъ новаго журнала одно только имя *Александра Федоровича Балашевича*... Онъ редакторъ и издатель... Имя это, вѣроятно, оставалось до сихъ поръ тайною въ литературѣ, по крайней мѣрѣ мы имѣемъ честь первый разъ встрѣтить его... Желаемъ успѣха таинственному журналу!..

Великія борьбы, о которыхъ нельзя умолчать происходили въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ литературѣ. Всѣмъ, я полагаю, извѣстно что издается прекрасный модный журналъ—«Сѣверный Цвѣтокъ» (намъ по крайней мѣрѣ онъ очень нравится, мы всегда были на сторонѣ «Сѣ-

вернаго Цвѣтка»; съ его взглядами на моды, на кулинарное искусство и литературу... (онъ занимается также и литературой) нельзя не симпатизировать.... «Сѣверный цвѣтокъ» совершенствовался съ каждым номеромъ, являясь съ горами приложений и угрожалъ своимъ соперникамъ. Вдругъ (въ концѣ прошлаго года) является объявленіе о новомъ модномъ журналѣ, подъ названіемъ «Ласточка». Въ то же время неблагонамѣренные слухи распускаются въ городѣ, что «Сѣверный Цвѣтокъ» прекращается (замѣьте въ то время, какъ онъ усиливаетъ свою модную, кулинарную и литературную дѣятельность, и вмѣсто одного раза въ мѣсяцъ начинаетъ выходить еженедѣльно)... слухи эти разноситъ Ласточка, по увѣренію «Цвѣтка», «Цвѣтокъ», *проникнутый справедливымъ недовѣріемъ*, протестуетъ противъ этихъ злонамѣренныхъ слуховъ въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и даже въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «Ласточка» въ свою очередь протестуетъ противъ «Цвѣтка» и уличаетъ «Цвѣтокъ» въ томъ, что онъ передѣлываетъ повѣсть князя Одоевскаго и печатаетъ ее подъ именемъ г. Григорьева. «Иллюстрація» принимаетъ сторону «Ласточки» и говоритъ, что «Цвѣтокъ» поставилъ себя въ смѣшное положеніе, увѣряетъ, что «Цвѣтокъ» поступилъ неблагонамѣренно и что «Ласточка» съ перваго кумера засвидѣтельствовала предъ публикою, что она совершенно *самостоятельный и притомъ дѣльный журналъ*.... «Сѣверный Цвѣтокъ» снова приходитъ въ совершенно справедливое недовѣріе и пускаетъ при афишахъ необходимое объясненіе такого содержанія:

«Просьа напечатать *«Изъясненіе»* помѣщенное въ 281 № С. Петербургскихъ Вѣдомостей и другихъ газетахъ и журналахъ, я (Цвѣтокъ) имѣлъ и имѣю доказательства, что неблагонамѣренные слухи были распускаемы въ городѣ, но я не упомянулъ ни о комъ, вѣроятно, — по пословицѣ *«на воръ и шапка горитъ»* — отозвались и жалуются тѣ — кто виноватъ.

«Статья *«Литературное объясненіе по не литературному дѣлу»*, помѣщенная въ 6-мъ № С. Петербургскихъ Вѣдомостей, и подписанная *Ласточкою* (люди съ спокойною и чистою совѣстью не прячутся ни подъ какими названіями животныхъ) слишкомъ напоминаетъ банкрота *«Пантеонъ»* и его продѣлки (Вотъ оно что!) хорошо извѣстныя читающей публикѣ.

«Нѣкто (нынѣ одинъ изъ главныхъ распорядителей Ласточки по рекомендаціи *Пантеона* былъ сотрудникомъ по редакціи «Сѣвернаго Цвѣтка», и такъ какъ на его обязанности было просматриваніе исправленіе и одобреніе литературныхъ статей къ печати, то возводимое обвиненіе по поводу статьи г-на Григорьева *«Участь Рыбака»* падаетъ прямо на обвинителей. Какъ редакторъ, я сознаю свою

ошибку въ томъ, какъ могъ я довериться рекомендаціи Пантеона?!

«Затѣмъ печатно объявляю, что ни въ своемъ, ни въ другихъ изданіяхъ, ни на какія выходки Ласточки и ея клеветовъ,—я отвѣчать не буду; проникнутый сознаніемъ, что общественное мнѣніе будетъ на сторонѣ правды и открытаго имени — а не на сторонѣ безымянныхъ литературныхъ объяснителей не по литературному дѣлу, напоминающихъ Пантеонъ и его достойныхъ сподвижниковъ.»

Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.... Всѣ просвѣщенные люди должны вступить за «Цвѣтокъ». Я предлагаю имъ протестовать противъ «Иллюстраціи» и «Ласточки», такъ какъ нынѣ протесты въ такомъ ходу....

Изъ всего этого любопытнѣе всего то, что вдругъ исчезнувшій изъ литературы тяжелый *Пантеонъ*, судя по этимъ намекамъ, превратился въ легкую «Ласточку....» Такое неожиданное и милое превращеніе, извѣстію о которомъ мы обязаны возникшей гласности, замѣчательнѣе превращеній, дѣлаемыхъ Боско и другими извѣстными фокусниками. Въ качествѣ чародѣя, «Пантеонъ», нынѣ превратившійся въ «Ласточку», долженъ бы былъ принять участіе и въ новомъ чернокнижномъ журналѣ «Орелъ»....

Въ сію минуту находится въ Петербургѣ владѣтель замѣчательнѣйшаго собранія автографовъ, которые были собраны съ величайшимъ трудомъ и за которыя плачены были очень большія деньги. Рѣдкость этихъ автографовъ, изъ которыхъ многихъ нѣтъ и въ Императорской публичной библіотекѣ, засвидѣтельствовало начальство библіотеки.... Въ этомъ собраніи есть между прочими автографы слѣдующихъ лицъ: Боссюэта, Мартина Лютера, Макиавеля, герцога Альбы, Бенвенуто-Челлини, Станислава-Августа короля польскаго, Руссо, Вольтера, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Фенимора Купера, Панини, Гердера, Лафатера, Фихте, Кановы, Мирабо, Вазари, Мазепы, Маркизы де-Креки, Императрицы Екатерины II, Бернардена де С. Пьера, Маріи Медичи и такъ далѣе.

Владѣтель этихъ автографовъ желаетъ продать это любопытное собраніе.

Вышелъ второй выпускъ «Портретной галлерей» г. Мюнстера. Въ немъ заключаются четыре портрета: графа Амурскаго и Бенедиктова, и графа О. П. Толстова и Бѣлинскаго. Первые три очень хороши, послѣдній не совсѣмъ удаченъ. Онъ, правда, снятъ съ очень схожаго портрета Бѣлинскаго, сдѣланнаго г. Горбуновымъ, но неизвѣстно для чего къ нему прибавлены усы и придана какая-то щеголеватость, которой Бѣлинскій не имѣлъ.

Въ заключеніе мы должны указать на нѣкоторые промахи, вкрав-

шіеся въ статью г. Колбасина: «Воейковъ и его сумасшедшій домъ»,
напечатанную въ 1 № нашего журнала:

На стр. 285.

Вотъ въ передней разъ писатель
Карамзинъ (?) хамелеонъ.... и т. д.

У Воейкова не Карамзинъ, а Каразинъ Николай Назарьевичъ,
бывшій вице-президентъ общества соревнователей, способствовавшій
къ открытію харьковскаго университета и извѣстный различными
проектами, особенно по части земледѣлія. Воейковъ глубоко ува-
жалъ Карамзина и въ своей сатирѣ представляя Кутузова, грызу-
щаго бюстъ Карамзина, восклицаетъ, но....

Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ!...

На стр. 284 напечатано:

Вотъ онъ съ харей «арисейской
Петръ Ивановичъ Осударь
Академіи *Россійской*

вмѣсто Академіи *Рассейской*.

Г. Руничъ въ одномъ мѣстѣ статьи названъ ректоромъ петер-
бургскаго университета. Онъ ректоромъ никогда не былъ, а былъ
попечителемъ округа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Дворянское гнѣздо. <i>И. С. Тургенева</i>	5
Взглядъ на Русское судоустройство и судопроизводство. <i>М. Филиппова</i>	161
Робертъ Оуэнъ и его попытки общественныхъ реформъ. <i>Н. Т—нова</i>	230
Воейковъ, съ его сатирою «Домъ сумасшедшихъ». <i>Е. Я. Колбасина</i>	275
О погодѣ. (Вступленіе къ сатирамъ). I. Утренняя прогулка. <i>Н. А. Некрасова</i>	307
Нимфа и молодой сатиръ. Стихотв. <i>А. А. Фета</i>	312
Экономическая дѣятельность и законодательство. <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	313
Очерки народнаго быта. VI. Ночь подъ свѣтлый день. Разсказъ <i>Н. В. Успенскаго</i>	369
Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ. Статья первая. <i>В. П. Безобразова</i>	377
Грезы. Стихотв. <i>А. А. Фета</i>	440
Развеселое житье. Разсказъ <i>Н. Щедрина</i>	441
Еврейскія мелодіи. (Изъ Байрона). <i>Д. М-Х-Л</i>	470
Рѣка Керженецъ. <i>Алексѣя Потѣхина</i>	473
Стихотвореніе <i>А. С. Пушкина</i> , въ первый разъ являющееся въ печати.	508
О погодѣ. (Вступленіе къ сатирамъ). II. До сумерекъ. <i>Н. А. Некрасова</i>	511
Сѣверъ Скандинавіи въ картинахъ природы и народнаго быта. Дилландія (въ приложеніи).	
Элиза Мери. Письма трехъ дѣвушекъ. Повѣсть <i>Эрнеста Серре</i> (въ приложеніи).	

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМОЩНИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

	Стр.
№ VI. Труденъ ли выкупъ земли? <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	1
№ VII. Библиографія журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу	75

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЯНУАРИЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: Литературныя мелочи прошлаго года.	
— — <i>бова</i>	1
Новыя книги: Утро, литературный сборникъ	31
Надежда на будущее, комедія А. Пивоварова	58
Соч. А. Бѣшенцова въ прозѣ и стихахъ	62
Казачьи досуги, стихотв. А. Туровѣрова	69
Олегъ подъ Константинополемъ, драматическая народія въ стихахъ.	
Соч. К. С. Аксакова	72
О русскомъ государственномъ цвѣтѣ, А. Языкова	77
ПОЛИТИКА. (Характеръ историческаго прогресса. — Обзоръ состоянія Западной Европы. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Парламентская реформа въ Англіи).	83
На яву и во снѣ. Святочный полу-фантастическій рассказъ и разныя петербургскія новости. <i>Новая поэма</i>	131
Парижскія письма. Письмо V. (Женскій вопросъ. — Прудонъ о женщинахъ. — Мысли о любви. — Женщина во Франціи. — Миссъ Елисавета Блэквелъ и г-жа Женни д'Эрикуръ. — Комедія съ Монталамберомъ). <i>М. Л. Михайлова</i>	163

ФЕВРАЛЬ

Парижскія письма. Письмо VI. (Новый годъ. — Бульвары. — Маскарады въ оперѣ. — Бульварные театры. — <i>Etranges</i> . — Театральныя обозрѣнія прошлаго года). <i>М. Л. Михайлова</i>	213
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Новыя книги: Разныя сочиненія. С. Аксакова.	237
Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырева.	249
Курсъ всеобщей исторіи для воспитанницъ благородныхъ институтъ и воспитанниковъ гимназій, составл. В. Шульгинимъ. — Руководство всеобщей исторіи, составл. И. Шульгинимъ и В. Макинимъ	259
Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту. Соч. Ив. Понка. — Уральцы. Соч. Іоасафа Желѣзнова	266
Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. — Рѣчи и отчетъ, чит. въ Московской Практической Академіи	272
Воспитанница, комедія А. Н. Островскаго. (Библи. для Чт. 1859 г., № 1).	284

Политика. (Итальянскій вопросъ.—Чувство, съ которымъ встрѣчены во Франціи слухи о войнѣ.—Брошюра «*Aurons nous la guerre?*».—Колебанія, оставляющія всѣхъ въ недоумѣніи.—Побужденія къ войнѣ у Наполеона III и у Сардиніи.—Соображенія, заставляющія англичанъ идти противъ желаній Сардиніи.—Рѣчь сардинскаго короля.—Пренія о займѣ въ сардинской палатѣ депутатовъ.—Бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды.—Сардинскій заемъ.—Параллельность миролюбивыхъ и воинственныхъ манифестацій во Франціи.—Рѣчи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля.—Нынѣшнее положеніе итальянскаго вопроса.—Парламентская реформа въ Англіи.—Отношенія англійской журналистики къ Брайту.—Бредфордскій митингъ и билль Брайта.—Митингъ лондонскихъ хартистовъ.—Проекъ *Times'a*.—Рочдельская рѣчь.—Билль министерства.—Событія на Ионическихъ островахъ.—Выборъ Александра Кузы въ Валахіи.—Изгнаніе Сулука). . 290

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. Свѣтскій либералъ и литературный дилетантъ. (Отрывокъ изъ моихъ петербургскихъ замѣтокъ и наблюденій).—Театры: *Мартыновъ* въ комедіи «Не въ деньгахъ счастье». — *Le Luxe, Le Roman d'un jeune homme pauvre* и прочее.—г. Милославскій.—Каранки.—г-жа Феррарисъ.—Бенефисъ Бозіо.—Гибель Театра Цирка.—Спектакли въ домѣ князя Бѣлосельскаго.—Г. Фредро и Грибоѣдовъ.—Концерты.—Объявленіе концертнаго общества.—Балы.—Публичныя кареты въ Петербургѣ.—Публичныя лекціи.—Рысистые бѣги на Невѣ.—Самоѣды.—Актъ въ университетѣ 8-го февраля.—Копія съ древнихъ образовъ и выставки ихъ.—Орелъ, Ласточка и Сѣверный Цвѣтокъ. Литературныя новости.... Замѣчательные автографы.—Нѣсколько промаховъ въ статьѣ «Воейковъ и сумасшедшій домъ», помѣщенной въ 1-мъ № «Современника». 389

СВИСТОКЪ.

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Вступленіе :

Вредная добродѣтель.	184
Русскіе въ доблестяхъ своихъ.	189
Почитатель дворянокъ.	193
Письмо изъ провинціи. <i>Н. Свиристилева</i>	198
Проекъ протеста противъ «Московскихъ Вѣдомостей».	211
Мотивы современной русской поэзіи. Стихотв. <i>Конрада Лиліенталера</i> : 1) Современный хоръ, 2) Всегда и вездѣ, 3) Мысли помощника виннаго пристава.	212

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. Января 13 дня 1859 года.**

Ценсоръ Д. Магдальничъ.

466

Widener Library

3 2044 098 453 889